

ISSN 2949-2750

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
(ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Х Всероссийская научно-практическая
конференция с международным участием

Волженкинские чтения

Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург, 2025

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО РОССИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

X Всероссийская научно-практическая конференция
с международным участием

*Волженкинские чтения
Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года*

МАТЕРИАЛЫ

Санкт-Петербург
2025

УДК 34(08)
ББК 67я43
У26

Под общей редакцией А. А. САПОЖКОВА, заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидата юридических наук, доцента.

Ответственный за выпуск А. В. ЗАРУБИН, кандидат юридических наук, доцент.

У26 **Уголовное право России: состояние и перспективы** : материалы X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова. — Санкт-Петербург : СПбИ (ф) УП РФ, 2025. — 1 CD-R (8,14 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — Текст : электронный.

УДК 34(08)
ББК 67я43

**Сборник издается в соответствии с оригиналом,
подготовленным оргкомитетом конференции**

Электронное научное издание

Уголовное право России: состояние и перспективы

X Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием

Волженкинские чтения

Санкт-Петербург, 29 ноября 2024 года

М а т е р и а л ы

Подписано к использованию 24.03.2025. Уч.-изд. л. 58,9.

Тираж 15 экз. Заказ 1/25.

1 электрон. опт. диск (CD-R). 8,14 Мб

Отдел научной информации и издательской деятельности
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44

© Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>СПИРИДОНОВ А. П.</i> Предисловие	12
І. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ.....	14
<i>АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА Е. Н.</i> Уголовно-правовое значение заведомо ложных сведений при незаконном получении кредита.....	—
<i>АНОЩЕНКОВА С. В.</i> Способствование или содействие совершению преступления как самостоятельные формы исполнительской деятельности.....	17
<i>БАРАНЧИКОВА М. В.</i> Особенности определения субъекта преступления при нарушении правил оказания услуг по перевозке пассажиров автобусами	22
<i>БАРСЕГЯН С. В.</i> Современные аспекты предупреждения повторных преступлений, совершаемых лицами после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества.....	29
<i>БЕЗБОРОДОВ Д. А.</i> Проблемы ответственности за соисполнение в преступлениях, совершаемых путем бездействия.....	36
<i>БИСУЛТАНОВА Ф. Ш.</i> Понятие преступлений коррупционной направленности.....	46
<i>БОГОВАЯ О. Ф., КОСЯК Е. Л.</i> Лингвистические средства, используемые в призывах к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации.....	52
<i>ВАСИЛЬЕВА Е. С.</i> Проблемы уголовной ответственности за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами.....	58
<i>ВЕТРОВ Е. В.</i> О некоторых детерминантах нарушения правил обращения с экологически опасными веществами и отходами.....	63
<i>ГОРБАТОВА М. А., НИКУЛИНА В. А.</i> Предмет преступления в свете развития современных технологий.....	68
<i>ДЗЬОНИК Е. В.</i> Контрафактные лекарственные средства и медицинские изделия как возможный предмет преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ.....	74
<i>ЖЕЛТОВА Е. Н.</i> Об общественной опасности незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).....	78
<i>ЖЕРЕБЧЕНКО А. В., ЛАТЫПОВ Р. М.</i> Уголовная ответственность за незаконный оборот контрафактной продукции.....	85
<i>ЗАБАВКО Р. А.</i> Основные тенденции развития уголовно-экологического законодательства.....	89
<i>ЗАРУБИН А. В.</i> Некоторые проблемы уголовной ответственности за манипулирование рынком.....	94

<i>ЗУЕВА Е. А.</i> Общественная опасность нарушения неприкосновенности частной жизни.....	98
<i>ИВАНОВА Е. В.</i> Проблема установления причинной связи в преступлениях, предусмотренных ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенных в семейно-бытовой сфере.....	105
<i>КАДЫРОВА Н. Н.</i> К вопросу об уголовно-правовом значении аморального поведения потерпевшего.....	112
<i>КАФИАТУЛИНА А. В.</i> Конфискация имущества в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации.....	119
<i>КНЯЗЬКОВ А. А.</i> Освобождение от уголовной ответственности и наказания по статьям 78.1 и 80.2 УК РФ: проблемы криминологической обусловленности и законодательной регламентации.....	126
<i>КОЗЛОВСКИЙ А. Д.</i> Направления совершенствования законодательного регулирования необходимой обороны при защите жилища.....	134
<i>КОСТРОВА М. Б.</i> Модельный уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств как ориентир для совершенствования норм Общей части российского УК.....	138
<i>КОШКИНА Н. С.</i> Анализ становления уголовной ответственности за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.....	144
<i>КРАВЧЕНКО Р. М.</i> Деяние должностного лица как условие наступления общественно опасных последствий.....	151
<i>КРАЕВ Д. Ю.</i> Сложные вопросы квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями.....	157
<i>КУРСАЕВ А. В.</i> Отграничение «транспортного» хулиганства от совершенных из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств.....	168
<i>ЛАЛАЕВ Д. С.</i> Принудительные работы как способ совершенствования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.....	175
<i>ЛАПКО Г. К.</i> О систематизации норм УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья личности.....	181
<i>ЛАТЫШЕВА Е. В.</i> Особенности криминологического прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере.....	187
<i>ЛОБАЧ Д. В.</i> Система преступлений против мира и безопасности человечества в российском законодательстве: к вопросу о необходимости модернизации.....	197
<i>МИНГАЛИМОВА М. Ф.</i> Конфискация транспортных средств в случае совершения преступления в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения: взгляд через призму правовых позиций Верховного Суда Российской Федерации.....	205
<i>МУКАШЕВ Б. Г.</i> Насилие порождает насилие.....	213

<i>МУХАМЕДЖАНОВА А. Д.</i> Суицидальная направленность среди несовершеннолетних — глобальная проблема подрастающего поколения.....	218
<i>ПЕРЕВОЗЧИКОВА Д. П.</i> Криминализация торговли органами и тканями человека: сравнительно-правовой анализ законодательства России и зарубежных стран.....	222
<i>ПЕТРОВА Д. С.</i> Противодействие домашнему насилию посредством ограничения и лишения родительских прав.....	228
<i>ПЕТРОВА Т. М.</i> Криминологическая характеристика преступлений, посягающих на особо охраняемых диких животных и растения.....	231
<i>ПОДТЫННИКОВ И. А.</i> Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности.....	237
<i>ПОНОМАРЕНКО Е. В.</i> Признаки преступлений против порядка управления, предусмотренные статьями 317, 318, 319 УК РФ, в разъяснениях Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 14.....	244
<i>ПРЯХИНА Н. И., СУСЛИНА Е. В.</i> Проблемы правоприменения при назначении судами уголовного наказания.....	250
<i>РАВИНСКАЯ А. В.</i> К вопросу о целесообразности применения статьи 240.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	259
<i>РАДЧЕНКО А. А.</i> Провокация и фальсификация как должностные преступления в правоохранительной сфере.....	264
<i>РАХМЕТОЛЛОВ А. К.</i> К вопросу защиты прав предпринимателей в рамках международного сотрудничества по запросам об оказании правовой помощи.....	271
<i>РАХМЕТЧАНОВ Р. Ч.</i> Запрет пыток в современном конституционном праве.....	278
<i>РАЧКОВСКАЯ Т. С.</i> Теоретические аспекты проявления гуманизма в российском уголовном праве.....	282
<i>РУСИНОВА К. О.</i> Административная преюдиция, как условие криминализации пропаганды и демонстрации запрещенной символики и атрибутики.....	286
<i>СЕМЕНОВА В. В.</i> К вопросу о возможности соучастия в преступлении с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.....	290
<i>СЕРДЮК А. Ю.</i> Отдельные аспекты виктимологической характеристики участников финансовых пирамид.....	294
<i>СЛАВЯНКОВА А. А.</i> Социальная обусловленность института отсрочки отбывания наказания.....	300
<i>СТАРОДУБЦЕВА О. Н.</i> Общественная опасность как субъективный признак лица, совершившего преступление.....	308
<i>СУМАЧЕВ А. В.</i> Социально опасные национальные обычаи и особенности их профилактики.....	314

<i>ТИМОЩУК К. И.</i> Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан: к вопросу о моменте окончания преступления.....	322
<i>УТЕПОВ Д. П., САПАРОВА А. С.</i> «Умные камеры» в борьбе с преступлениями против собственности.....	327
<i>ЧЕХОНИНА А. А.</i> Проблемы квалификации незаконного предпринимательства без регистрации.....	332
<i>ЧИХРАДЗЕ А. М.</i> Уголовно-правовая ментальность как фактор формирования современной уголовной политики в контексте института привилегированных убийств (статьи 106-108 УК РФ).....	339
<i>ШАБАЛИНА М. А.</i> Ретроспективный анализ уголовной ответственности за самовольное оставление части или места службы.....	347
<i>ШУРПАЕВ Ш. М.</i> Методические основы криминологического прогнозирования состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок.....	354
<i>ШУТОВА Ю. А.</i> О непосредственном объекте угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ).....	362
II. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ.....	366
<i>ГОЛОВКО И. И.</i> Междисциплинарные связи деятельности прокурора в гражданском процессе в аспекте обеспечения правопорядка... —	
<i>ДЁМИНА Е. П.</i> Содержание и цели природоохранной деятельности прокуратуры.....	374
<i>КОРНЕВА Т. С.</i> Роль принципа гласности организации и деятельности прокуратуры в сфере борьбы с преступностью.....	381
<i>РАШИДОВ И. Г. О.</i> Международное сотрудничество органов прокуратуры в сфере борьбы с преступностью на платформе БРИКС....	391
<i>СИНЯВСКАЯ С. П.</i> Особенности медийного дискурса прокурорского работника.....	399
<i>ФЕДОРОВА А. С.</i> Деятельность прокурора по защите несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.....	404
<i>ФИРСОВ В. В.</i> Международное сотрудничество в области противодействия терроризму.....	411
<i>ХОЛОПОВ А. В.</i> Значение криминалистического обеспечения в познании преступления в уголовном судопроизводстве.....	420
<i>ШИРОКОВА П. В.</i> К вопросу о профилактической роли достоверных статистических показателей в деятельности прокуратуры.....	426
<i>ШУЛЬЦ В. Л.</i> О некоторых проблемах подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству.....	431

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «Трибуна молодого ученого»... 438

<i>АВЕРЬЯНОВА В. Е., ГУРЕВИЧ Д. А.</i> Криминологические факторы и характеристика домашнего насилия.....	---
<i>АЛЕКСЕЕВ И. А.</i> Классификация цифровых доказательств в уголовном судопроизводстве.....	448
<i>АНДРЕЕВ Д. В.</i> Проблемы определения момента окончания преступления при даче взятки.....	454
<i>АНДРИЕНКО Л. В.</i> Мошенничество в сфере кредитования: уголовно-правовые аспекты.....	464
<i>АННЕНКОВ И. Д., ПОПЕЛЬ М. С.</i> Оценочные понятия в уголовном законе России: проблемы правоприменения.....	468
<i>АНТИПОВА Ю. А., МАСТИНА А. В.</i> К вопросу о правилах применения ч. 2 ст. 28 УК РФ.....	474
<i>АНТОНЮК О. С.</i> Признаки потерпевшего в преступлении, предусмотренном статьей 125 УК РФ.....	479
<i>БАРЫШНИКОВА Т. А.</i> Проблемные аспекты категории «добровольности» как ключевого признака состава ст. 352.1 УК РФ.....	484
<i>БИГДАН В. С.</i> Особенности квалификации посягательств на объекты транспортной инфраструктуры.....	489
<i>БИСУЛТАНОВ Д. Ш., КОСЕНКОВА А. А.</i> Криминологический портрет личности террориста.....	496
<i>БИСУЛТАНОВА М.Ш., ТЕРЕХОВА Н. В.</i> Квадроберы как новая криминальная субкультура.....	501
<i>БОНДАРЕНКО С. В.</i> Установление уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием дипфейков.....	508
<i>БОРОЗДИНА М. О.</i> Имплантаты как предмет уголовно-правовой охраны	514
<i>ВАЖЕНИНА М. В.</i> Кибертерроризм как разновидность терроризма.....	520
<i>ВАХОВСКИЙ Д. В.</i> Современные вызовы безопасности: кадровое обеспечение ОВД в борьбе с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом.....	524
<i>ВДОВИЧЕНКО И. А., КУЗНЕЦОВА Е. М.</i> Согласие потерпевшего как обстоятельство, влияющее на уголовную ответственность.....	529
<i>ВЕСЕЛОВА Д. Д.</i> Некоторые проблемы определения объекта и предмета преступления при хищении предметов, имеющих особую ценность.....	537
<i>ВОЛКОВА А. В.</i> Некоторые проблемы, возникающие вследствие отсутствия законодательно установленного срока ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.....	545
<i>ВОРОНИНА Е.А.</i> Тактика производства обыска при расследовании налоговых преступлений.....	548

<i>ГАБИБОВА Э. Г.</i> Некоторые проблемы квалификации ненасильственных посягательств на половую неприкосновенность.....	557
<i>ГЛАДКОВСКАЯ А. О.</i> Иные меры уголовно-правового характера, применяемые в отношении несовершеннолетних.....	562
<i>ДИДЫК Д. В., МАЯНЦЕВА К. Г.</i> Правовые аспекты международного сотрудничества органов прокуратуры российской федерации по борьбе с преступностью.....	567
<i>ДОНДЭ С. М.</i> Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера.....	571
<i>ЗАЙЧИКОВА А. А., ПЕРЕПЕЧИНА В. А.</i> Административная преюдиция, как критерий криминализации или декриминализации деяний в уголовном праве России.....	576
<i>ЗАЯЦ С. Ю.</i> Неоднократность преступлений: прошлое и настоящее.....	582
<i>ЗЕЛЕНКОВ Н. А.</i> Некоторые проблемы квалификации пропаганды и публичного демонстрирования запрещенной символики (атрибутики).....	587
<i>ЗОЛОТАРЕВА Е. В.</i> Законодательная конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ.....	593
<i>ЗУЕВА А. В.</i> К вопросу об объективной стороне вымогательства с использованием информационных технологий.....	599
<i>ИДРИЧАН Д. С.</i> Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации...	604
<i>КАРАБИН И. Д.</i> Правовые инструменты конфискации имущества, приобретенного при совершении преступлений коррупционной направленности.....	608
<i>КИРШИНА Э. А.</i> Характеристика личности преступника, совершающего изготовление и оборот порнографической продукции с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».....	614
<i>КОЛОШИНА Е. В.</i> Роль прокурора в процедуре прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.....	620
<i>КОЛЬЦОВА Е. В.</i> Влияния наказания на предупреждение рецидивной преступности.....	627
<i>КОНДРАТЬЕВ О. И.</i> Актуальные проблемы уголовной ответственности за мелкое хищение лицом, подвергнутым административному наказанию.....	634
<i>КОНДРАТЬЕВА Л. А.</i> К вопросу публичной демонстрации жестокого обращения с животными в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).....	642
<i>КОРНИЛОВА Д. В.</i> Реализация принципа справедливости при выборе меры уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших присвоение и растрату.....	649

<i>КОРОВАШКИНА Е. М.</i> Особенности вандализма совершенного несовершеннолетними.....	654
<i>КОСЦОВ М. Т.</i> Проблемы разграничения кражи и незаконного предпринимательства в сфере незаконной добычи общераспространенных полезных ископаемых.....	658
<i>КРАСОВСКАЯ Е. Н.</i> К вопросу о соотношении террористического акта и диверсии.....	664
<i>КУХАРЕНКО А. Д.</i> Некоторые проблемы криминологической обоснованности уголовного законодательства.....	670
<i>ЛАГИРЕВА К. Н., ТЮТЮНОВ Д. А.</i> Уголовная ответственность за совершение преступлений, предусматривающих публичную демонстрацию, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).....	678
<i>ЛИХОМАНОВА Я. Ю.</i> Некоторые вопросы квалификации фальшивомонетничества.....	687
<i>МАКАЕВА В. В.</i> Некоторые проблемы назначения наказания при наличии отягчающего обстоятельства, предусмотренного пунктом «к» части 1 статьи 63 УК РФ.....	693
<i>МАЛАНЬИН А. А.</i> Обоснование включения в УК РФ обстоятельства, отягчающего наказание «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)».....	698
<i>МАРТЫНЕНКО П. Д.</i> Активное содействие раскрытию и расследованию преступления, как обстоятельство смягчающее наказание.....	705
<i>МАРТЫНОВ И. А.</i> Преступления в сфере спортивных правоотношений: виды и характеристика.....	711
<i>МЕЛЬНИКОВА П. О.</i> Проблемы квалификации мошенничества на примерах судебной практики.....	716
<i>МИХАЙЛОВА А. Г.</i> Вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление и превышение должностными полномочиями.....	723
<i>МНОЕВ В. В.</i> Искусственный интеллект как инструмент противодействия терроризму в XXI веке.....	729
<i>МОИСЕЕВА П. К.</i> Вопросы квалификации хулиганства, совершенного в соучастии.....	736
<i>МЫЛОВА П. Е.</i> Особенности субъекта в ятрогенных преступлениях.....	745
<i>НАЗАРЕНКО И. С.</i> Некоторые вопросы уголовно-правовой характеристики преступления, предусмотренного ст. 280.3 УК РФ.....	752
<i>НЕКРАСОВ Д. А.</i> Актуальные проблемы соотношения понятий «терроризм» и «экстремизм» в современном уголовном законодательстве России.....	756

<i>НЕСТЕРЕНКО С. Е.</i> Роль военно-следственных органов Следственного комитета и военной прокуратуры Российской Федерации в расследовании преступлений против военной службы.....	763
<i>НИКОЛЕНКО К. К.</i> К вопросу криминологической обоснованности преступности несовершеннолетних в интернет-пространстве.....	768
<i>ПАПИНА Ю. А.</i> Квалификация насильственных хищений денежных средств, находящихся на банковских счетах, а также в отношении электронных денежных средств.....	773
<i>ПЕТРУШКО С. Ю.</i> К вопросу о значении фактической ошибки для квалификации преступлений.....	778
<i>ПОТАПОВ И. М.</i> Некоторые проблемы квалификации доведения до самоубийства.....	782
<i>ПРИЙМАЧУК Д. Б., ОСОКИНА А. А.</i> Трансформация преступности в условиях глобализации и цифровизации: киберпреступления, мошенничество в онлайн-пространстве, торговля людьми.....	789
<i>ПШЕВАРА А. И.</i> Личность преступника-экстремиста: социально-демографические и психологические аспекты.....	794
<i>САРАПКИН В. А.</i> О некоторых вопросах квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем с использованием сети «Интернет».....	799
<i>СЕЛИХОВ Д. А.</i> Особенности прекращения уголовного дела органами уголовного преследования и судом.....	805
<i>СИЛИЧ Р. В.</i> Проблемы выявления международных преступлений в современных геополитических условиях.....	810
<i>СОЛОВЬЕВА М. К.</i> Разграничение хищений, совершаемых с использованием информационных технологий.....	814
<i>СОМКО В. В.</i> Некоторые вопросы квалификации хищений, совершаемых в условиях чрезвычайных ситуаций.....	822
<i>СТЕПИНА М. А.</i> Детерминанты насильственной преступности.....	826
<i>СУСЛОВ В. Р.</i> О необходимости исследования виджизлантизма, как криминологического явления.....	833
<i>СУХОРОСЛОВА Е. Д.</i> Разграничение видов умысла по волевому аспекту.....	838
<i>ТУРУШЕВА А. Н.</i> Уголовно-правовая характеристика угрозы убийством: теоретический и практический аспекты.....	843
<i>ФАЙЗУЛЛИН А. И.</i> Публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), как конструктивный признак состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ.....	847
<i>ФЕДОТОВА А. С.</i> Вопросы соотношения ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ.....	854
<i>ФИРСОВА А. П.</i> Использование сети «Интернет» при пропаганде жестокого обращения с животными.....	860
<i>ЦАПЕНКО В. И.</i> Проблемы квалификации контрабанды культурных ценностей.....	864

<i>ЧЕРЕПАНОВ К. Л.</i> Предупреждение коррупционной преступности посредством внедрения цифрового рубля.....	872
<i>ЧЕРНОВА М. И.</i> Причины и профилактика развития расстройств сексуального поведения (парафилий).....	876
<i>ШЕМЯКИН Б. В.</i> К вопросу об установлении момента возникнове- ния уголовной ответственности.....	881
<i>ЩЕГЛОВА А. А.</i> Незаконное вмешательство в частную жизнь лица — перспективы криминализации.....	885

**ПРЕДИСЛОВИЕ
К МАТЕРИАЛАМ X ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
«ВОЛЖЕНКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ»**

УДК 343.34

А. П. СПИРИДОНОВ

директор Санкт-Петербургского юридического
института (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

Уголовное право, являясь мощным регулятором общественных отношений, должно максимально последовательно и легитимно регламентировать деятельность, связанную с привлечением виновных к уголовной ответственности, обеспечивать правоприменителя качественным законодательным инструментом, позволяющим эффективно выполнять задачи в сфере реализации уголовной политики.

Несмотря на то что, по данным статистики, в 2024 году в России наблюдается постепенное снижение уровня преступности по сравнению с предыдущими годами, это снижение касается не всех видов преступлений.

В обстановке активно развивающегося общества перед уголовным правом возникают новые вызовы. В частности, киберпреступления, преступления экономической направленности, распространение экстремистской и террористической идеологии имеют тенденции к росту.

Увеличивается незаконный оборот оружия. Растет количество преступлений коррупционной направленности, различных видов мошенничества, вымогательства.

Большую озабоченность государства в настоящее время вызывают процессы незаконной миграции и связанные с ними проблемы, в том числе и криминогенного характера. По данным правоохранительных органов, в настоящее время примерно каждый десятый мигрант находится на территории России незаконно. Такие люди чаще всего вовлекаются в криминальный или полукриминальный бизнес, становятся террористами и распространяют экстремистские идеи. В сложившихся условиях необходимость надлежащей уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере миграции становится очевидной.

По-прежнему напряженной в стране остается наркоситуация. Меры уголовно-правового воздействия, относящиеся к числу наиболее действенных средств, применяемых в борьбе с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, направлены на противодействие организованным формам наркопреступности, перекрытие источников ее финансирования, пресечение как производства наркотиков внутри страны, так и контрабанды наркотиков в Россию, а также ликвидацию каналов их сбыта.

В последнее время также наблюдается негативная тенденция роста преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Использование сети «Интернет» при совершении преступления, как правило, повышает общественную опасность этого деяния. Об этом свидетельствует указание совершения преступления с использованием сети «Интернет» в качестве квалифицирующего признака.

Необходимо отметить, что за последние восемь лет число преступлений, совершаемых с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», в стране выросло более чем в 25 раз.

В 2024 году 40% всех зарегистрированных преступлений в России были совершены с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Таких деяний зарегистрировано на 13,1 % больше, чем в 2023 году, в том числе тяжких и особо тяжких преступлений – на 7,8 %. В значительной степени этот фактор повлиял на рост в 2024 году числа тяжких и особо тяжких преступлений на 4,8 %.

Немаловажное значение в противодействии киберпреступлениям имеет уголовно-правовая политика, которая призвана обеспечить правовую основу для адекватного противодействия угрозам в сфере информационной безопасности, исходящим от противоправного поведения человека. По нашему мнению, усиление роли правоохранительных органов в обеспечении кибербезопасности и в цифровых расследованиях станет ключевым в борьбе с данными угрозами.

Залогом эффективной правоприменительной деятельности является правильное уяснение содержания уголовно-правовых запретов с учетом правовых позиций судебной практики, видение определенности границ оснований уголовной ответственности за совершаемые преступления, знание и использование возможностей уголовно-правового реагирования на новые криминальные угрозы.

В связи с изложенным издание сборника материалов по результатам проведения X Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Волженкинские чтения» имеет важное значение для эффективного взаимодействия практических работников с научным юридическим сообществом в целях успешной реализации функций, возложенных на органы прокуратуры Российской Федерации.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

I. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Научная статья

УДК 343.37

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ СВЕДЕНИЙ ПРИ НЕЗАКОННОМ ПОЛУЧЕНИИ КРЕДИТА

Екатерина Николаевна АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
katyal07@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие при квалификации незаконного получения кредита.

Автор исследует судебную практику и указывает, что эти трудности обусловлены отсутствием в действующем уголовном законодательстве четких разъяснений оценочных категорий, которые являются ключевыми в подобных преступлениях.

Отдельное внимание автор уделяет проблеме неоднозначности при оценке заведомо ложной информации, предоставленной для незаконного получения кредита.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, незаконное получение кредита

Original article

CRIMINAL AND LEGAL SIGNIFICANCE OF KNOWINGLY FALSE INFORMATION WHEN ILLEGALLY OBTAINING A LOAN

Ekaterina N. ALYOSHINA-ALEKSEEVA

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, katyal07@inbox.ru

Abstract. The article discusses the problems that arise when qualifying for an illegal loan. The author examines judicial practice and points out that these difficulties are due to the lack of clear explanations in the current criminal legislation of the evaluation categories that are key in such crimes. The author pays

special attention to the problem of ambiguity in the assessment of deliberately false information provided to illegally obtain a loan.

Keywords: crimes in the field of economic activity, illegal obtaining of a loan

Глава 22 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное получение кредита (ст. 176 УК РФ). В рамках данного общественно опасного деяния уголовной ответственности подлежит индивидуальный предприниматель или руководитель организации незаконно получивший кредит либо льготные условия кредитования путем представления банку или иному кредитору заведомо ложных сведений о хозяйственном положении либо финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, если это деяние причинило крупный ущерб.

Следовательно, обязательным для квалификации является установление заведомой ложности сведений: а) о хозяйственном положении индивидуального предпринимателя или организации; б) о финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации.

Действующее уголовное законодательство не содержит разъяснение оценочных понятий, являющихся основополагающими в преступлениях, предусмотренных ст. 176 УК РФ. Так, предоставление неполной или ложной информации в незаконном получении кредита не указано, и установить ее крайне затруднительно в правоприменительной практике ввиду его оценочного характера. Впоследствии это выявляется в обвинительных приговорах, в которых судьями по-своему оцениваются и указываются данные признаки.

В дополнение к этому, отсутствует согласованное понимание альтернативных действий, указанных законодателем (например, предоставление заведомо ложной информации о финансовом состоянии либо хозяйственном положении). В судебных актах и их интерпретации заметно, что эти признаки объединяются в одно целое – «предоставление заведомо ложных сведений о финансовом состоянии и хозяйственном положении». Указывая на неоднозначную правоприменителями оценку, которую впоследствии судами необходимо учитывать для квалификации рассмотрения хозяйственного положения и финансового состояния обвиняемого.

Для определенного понимания данных понятий, обратимся к мнению А. Н. Ляскало, который указывает, что под хозяйственным положением понимается «совокупность сложившихся внутренних и внешних обстоятельств, относящихся к производственной стороне дела и ведению хозяйства, в том числе данные о правовом статусе организации, ее точном названии, ее адресе и т. п., в том числе другие существенные сведения и документальные

источники, характеризующие операционную деятельность заемщика (кроме характеризующих его финансовое состояние)»¹.

В свою очередь под финансовым состоянием понимается положение, позволяющее определить систему и совокупность денежных средств, их формирование и распределение. Помимо этого, «оно определяется как сведения об имуществе, обязательствах и финансовых результатах заемщика, необходимые для оценки его платежеспособности»².

Стоит отметить, что лица, оформляющие поддельные официальные документы или иные записи, содержащие информацию о финансовом положении или хозяйственном состоянии индивидуального предпринимателя или организации, подтверждающие юридически значимые обстоятельства, не подлежат дополнительной квалификации по ст. 327 УК РФ, так как это охватывается ст. 176 УК РФ³.

Данное утверждение основывается на том, что в рамках анализа судебной практики не было выявлено ни одного решения по одновременно рассматриваемым преступлениям, квалифицируемым по ст. 176 и ст. 327 УК РФ.

Ситуация с финансовым состоянием индивидуального предпринимателя или руководителя компании не получила своего закрепления в законодательстве, однако на основании анализа судебной практики по ч. 1 ст. 176 УК РФ можно сделать вывод о том, что она отражает статус имущественных активов заемщика.

Согласно «Методическим рекомендациям «Оценка имущественных активов для целей залога», имущественные активы включают в себя «материальные объекты, такие как недвижимое и движимое имущество (машины, оборудование, транспортные средства), а также бизнес (акции, доли)». Это указывает на то, что организация активно осуществляет производственную деятельность.

Наличие таких активов подтверждает финансовую устойчивость компании, обеспечивая возможность погашения кредита через продажу своих активов и, таким образом, избавление от долговых обязательств. Для более глубокого понимания финансового положения индивидуального предпринимателя или руководителя организации можно обратиться к ч. 2 ст. 70 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ в ред. от 26.12.2024 г., где отмечается, что «анализ

¹ Ляскало А. Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 306.

² Ляскало А. Н. Финансовые преступления в российском уголовном праве: современная концепция и проблемы квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 305.

³ Ляскало А. Н. Толкование бланкетных признаков статьи 176 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 6. С. 61.

финансового состояния осуществляется на основе бухгалтерских документов и финансовой отчетности».

В исследованной судебной практике по ч. 1 ст. 176 УК РФ финансовое положение должника определено как оборотные средства организации. Считаем, что для установления противоправных действий важно обеспечить единообразное представление информации от заемщика в судебных актах.

Преступление, предусмотренное ст. 176 УК РФ наносит ущерб кредиторам, которые не получают свои денежные средств. Заведомо ложные сведения в ст. 176 УК РФ нарушают условия кредитного договора как обязательного условия для сторон его заключивших. При нарушении обязательств должник может быть подвергнут разным видам юридической ответственности. Самой строгой является уголовная, предусматривающая ответственность за незаконное получение кредита в крупном размере (сумме свыше 3.500.000 рублей).

В заключение, можно отметить, что существует несоответствие между юридической практикой в отношении уточнения способа совершения противоправного деяния, совершенного индивидуальным предпринимателем или руководителем организации – заведомо ложных сведений о финансовом состоянии либо хозяйственном положении. Судам необходимо учитывать хозяйственное положение и финансовое состояние обвиняемого, а также формулировать обвинение с ясностью.

Научная статья
УДК 343.22

СПОСОБСТВОВАНИЕ ИЛИ СОДЕЙСТВИЕ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Светлана Владиславовна АНОЩЕНКОВА

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
anoshenkovas@list.ru

Аннотация. В статье представлены результаты наблюдения за трансформацией норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации в части криминализации таких форм преступных деяний как способствование совершению преступления и содействие совершению преступления.

Анализ действующего законодательства свидетельствует о расширении норм, устанавливающих уголовную ответственность за пособническую деятельность в совершении какого-либо конкретного преступления или группы преступлений (преступной деятельности), как за деятельность исполнителя и формирует основание автономной уголовной ответственности.

Ключевые слова: соучастие, способствование, содействие, пособник, исполнитель, уголовная ответственность, квалификация преступления.

Original article

PROMOTING OR FACILITATING THE COMMISSION OF A CRIME AS AN INDEPENDENT FORM OF PERFORMING ACTIVITY

Svetlana V. ANOSHCHENKOVA

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, anoshenkovas@list.ru

Abstract. The publication presents the results of monitoring the transformation of the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation in terms of criminalization of such forms of criminal acts as facilitating the commission of a crime and facilitating the commission of a crime. The analysis of the current legislation indicates the expansion of the norms establishing criminal liability for fraudulent activity in the commission of any particular crime or group of crimes (criminal activity), as for the activity of the perpetrator and forms the basis of autonomous criminal liability.

Keywords: complicity, facilitation, assistance, accomplice, perpetrator, criminal liability, qualification of crime.

Кроме определенных в Общей части УК РФ (ч. 5 ст. 33 УК РФ) форм пособничества совершению преступления, уголовный закон и в нормах Особенной части устанавливает самостоятельную уголовную ответственность за такую деятельность.

Принципиальным различием является основание уголовной ответственности: пособничество в собственном смысле представляет собой вид соучастия в совершении преступления, соответственно, основанием уголовной ответственности в данном случае будет являться наличие в действиях виновного лица признаков состава преступления пособничества к какому-либо конкретному преступлению (преступлениям). Что же касается норм Особенной части УК РФ, то речь идет о такой деятельности, которая, фак-

тически являясь пособнической, выступает как самостоятельная деятельность виновного лица, привлекаемого к уголовной ответственности в качестве исполнителя за содействие совершению какого-либо преступления.

Криминализированное в 2011 г. посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), в сущности, является пособнической деятельностью. Так во всяком случае до этого момента можно было оценивать деятельность виновного лица, выступавшего в качестве посредника между взяткодателем и взяткополучателем. В настоящее время действия такого посредника квалифицируются как самостоятельное преступление, а лицо, его совершившее признается исполнителем данного преступления.

Толкование действий, которые законодатель в ч. 2 ст. 209 УК РФ описывает как участие в банде, говорит о том, что и здесь посредничество рассматривается как самостоятельная деятельность исполнителя и квалифицируется без ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

В частности, в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» от 17.01.1997 № 1 разъясняется: «Участие в банде представляет собой не только непосредственное участие в совершаемых ею нападениях, но и выполнение членами банды иных активных действий, направленных на ее финансирование, обеспечение оружием, транспортом, подыскание объектов для нападения и т.п.». Такое лицо не признается пособником на том основании, что оно является членом банды. Аналогичное разъяснение высшая судебная инстанция страны дает в части юридической оценки деяний участника преступного сообщества (абз. 1 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в ней (нем)» от 10 июня 2010 г. № 12¹).

Можно наблюдать тенденцию последних лет, состоящую в расширении автономизации деятельности пособнических действий. Такая деятельность закрепляется под терминами «содействие совершению преступления» и «содействие совершению преступления». Примечание 1.1 к ст. 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» дает определение пособнической деятельности терроризму применительно к данной статье, но в целом его можно воспринимать как универсальное, поскольку здесь законодатель перечисляет все типичные для физического и интеллектуального пособника действия (за исключением обещания скрыть следы или

¹ «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в ней (нем): Постановление Пленума Верховного Суда РФ» от 10 июня 2010 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

самого виновного, которое в данном примечании не сопровождается признаком «заранее обещанное»). Сказанное подтверждает и дальнейший анализ:

- ч. 5 ст. 184 УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за посредничество в оказании влияния на результат соревнования или коммерческого конкурса;

- посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ);

- примечания 2 к ст. 205.4 УК РФ «Организация террористического сообщества и участие в нем»;

- ч. 1 ст. 208 УК РФ, где финансирование рассматривается как альтернативное действие созданию и организации незаконного вооруженного формирования;

- альтернативные действия, состоящие в оказании помощи иностранному государству, международной организации или их представителям в деятельности, направленной против интересов РФ (ст. 275 УК РФ), а также установление и поддержание сотрудничества на конфиденциальной основе с указанными субъектами в целях оказания содействия деятельности, заведомо направленной против интересов РФ (ст. 275.1 УК РФ);

- ч. 3 ст. 281.1 УК РФ, которая устанавливает ответственность за пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 281 УК РФ (понятие такого пособничества раскрывается в примечании 2 к данной статье);

- ч. 1 ст. 281.3 УК РФ, примечание 2 к ст. 281.3 УК РФ, где устанавливается уголовно-правовой запрет и раскрывается понятие поддержки диверсионной деятельности;

- ст. 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности»;

- предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, заведомо предназначенных для обеспечения нежелательной на территории РФ организации (ч. 2 ст. 284.1 УК РФ);

- оказание содействия в исполнении решений международных организаций, в которых Россией не участвует, или иных госорганов (284.3 УК РФ)

- ч. 2 ст. 361 УК РФ также предусматривает уголовную ответственность за финансирование акта международного терроризма.

Примечательно, что в статьях 200.5 и 200.7 УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за дачу-получение незаконного вознаграждения, в отличие, например, от коммерческого подкупа, законодатель обошелся без фигуры посредника.

Таким образом, с очевидностью можно выявить расширяющуюся тенденцию законодательства по приданию самостоятельного значения пособничества деятельности, которую можно в общем именовать как содействие

или способствование преступной либо деятельности, направленной против интересов Российской Федерации¹.

Впрочем, если говорить о терминологии, то, несмотря на то, что «содействие» и «способствование» синонимичны², более точным здесь будет использование слова «способствование», а не «содействие», поскольку последнее буквально означает содействие, то есть совместное действие двух или более лиц, совместный процесс участия в каком-либо действии и более характеризует функции исполнителя, нежели пособника. Способствовать означает «оказывать помощь», «пособлять, подсоблять», что более четко отражает функцию пособника.

Такое специально запрещаемое и автономно наказуемое пособничество имеет некоторые общие черты.

Пособническая деятельность в форме содействия или способствования преступной деятельности других лиц предусмотрена: а) в качестве самостоятельных преступлений, которым посвящена либо отдельная статья Особенной части УК РФ (ч. 3 ст. 281.1 УК РФ) либо ее часть (ч. 2 ст. 361 УК РФ), а также в качестве альтернативных действий, составляющих объективную сторону преступления (например, в ст. 275 УК РФ).

Содействие как одна из форм пособничества, органически связано с иным преступлением или группой преступлений либо деструктивной деятельностью направленной против интересов Российской Федерации, определенных законодателем либо устанавливаемых путем толкования уголовного закона.

Содействующая или способствующая деятельность всегда умышленна. Виновный должен осознавать, что содействует преступной деятельности другого лица и желает осуществлять такое содействие. При этом вовсе не обязательно, что виновный каким-либо образом оказывает помощь именно в совершении деяния; любая его помощь лицу, совершающему, например, террористические преступления (предоставление жилища, денег, продуктов), будет рассматриваться как содействие террористической деятельности.

Поэтому в основание уголовной ответственности содействующего лица не обязательно должно входить осознание совершению какому именно преступлению лицо содействует, что оживляет дискуссию об объективном вменении. Свидетельство тому – обвинительный приговор с назначением

¹ Дальнейшее исследование по данной проблемой, скорее всего, выявит те же процессы относительно подстрекательской и организаторской деятельности.

² Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля: Второе издание, исправленное и значительно преумноженное по рукописи автора. Т. 4. СПб.: Издание М.О Вольфа, 1882. С. 297.

наказания в виде 8 лет лишения свободы Комар, постановленного судом г. Санкт-Петербурга¹.

В силу законодательно установленного запрета, лицо, содействующее преступной деятельности, либо способствующее совершению преступления, несет самостоятельную уголовную ответственность по соответствующей норме Особенной части УК РФ, без ссылки на ч. 5 ст. 33 УК РФ, что, впрочем, не исключает ситуации, что у таких лиц также могут быть пособники.

Законодательное установление самостоятельной ответственности за содействие (способствование) преступной или враждебной деятельности свидетельствует о том, что законодатель такую деятельность рассматривает как более общественной опасную, где степень общественной опасности выше, чем если бы деяния таких лиц в отсутствие специальных норм, квалифицировалось бы как обычное физическое или интеллектуальное пособничество.

Научная статья
УДК 343.346

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ПО ПЕРЕВОЗКЕ ПАССАЖИРОВ АВТОБУСАМИ

Марина Вячеславовна БАРАНЧИКОВА

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
marinabaranchikova@yandex.ru

Аннотация: в статье показана опасность дорожно-транспортных происшествий с участием автобусов, специфика ответственности за оказание услуг по перевозке пассажиров, раскрываются складывающаяся практика и возможности квалификации действий лиц, вовлеченных в данную сферу по ст. 238 УК РФ и ст. 264 УК РФ, их отграничение от смежных составов административных правонарушений.

Ключевые слова: транспортные средства, оказание услуг, перевозка пассажиров, эксплуатация транспорта, субъект преступления, использование транспортных средств, водитель автобуса.

¹https://www.rbc.ru/spb_sz/21/07/2022/62d91a579a7947ca91a628c9 (дата обращения: 13.11.2024).

PECULIARITIES OF DETERMINING THE SUBJECT OF A CRIME IN CASE OF VIOLATIONS OF THE RULES FOR THE PROVISION OF PASSENGER TRANSPORTATION SERVICES BY BUSES

Marina V. BARANCHIKOVA

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, marinabaranchikova@yandex.ru

Abstract. the article shows the danger of road accidents involving buses, the specifics of responsibility for the provision of passenger transportation services, reveals the emerging practice and the possibilities of qualifying the actions of persons involved in this area under Article 238 of the Criminal Code and Article 264 of the Criminal Code, their separation from related administrative offenses.

Keywords: vehicles, provision of services, transportation of passengers, operation of transport, subject of crime, use of vehicles, bus driver

В современной сфере оказания услуг по перевозке пассажиров важное место при обеспечении их безопасности занимает уголовно-правовая охрана. Ее важнейшим объектом являются отношения, складывающиеся при выполнении требований, установленных для данного вида услуг в Законе РФ «О защите прав потребителей» № 2300-1 от 7.02.1992 в ред. от 08.08.2024 г., Постановлении Правительства РФ «Об утверждении Правил перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом» от 1.10.2020 № 1586 в ред. от 23.03.2024 г., и других конкретизирующих их актах.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции» от 26.06.2018 № 26 сказано, что «перевозчик отвечает за вред, причиненный жизни, здоровью и имуществу пассажира¹.

Однако часто он признается не единственным виновником наступившего вреда. Ответственность за нарушение действующих в данной области правил может быть возложена на ряд субъектов, она зависит от принадлежности транспорта конкретному собственнику, его характеристик, технического состояния, функционального назначения и порядка использования.

¹ О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции : Постановление Пленума Верховного суда РФ от 26 июня 2018 г. № 26. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В последние годы дорожно-транспортные происшествия с пассажирским транспортом приобретают повышенный резонанс, часто влекут многочисленные жертвы и тяжкие последствия. Их причины многообразны и зависят как от тактически неверных или неправомерных действий виновных в сфере оказания услуг, так и субъективных факторов, связанных с особым физиологическим состоянием водителей.

Согласно данным официальной статистики 60 % из всех дорожно-транспортных происшествий (Далее ДТП) с тяжкими последствиями происходит с участием автобусов. Здесь отмечается наибольшее значение транспортного риска, составляющим 7 погибших в ДТП на 10 тысяч транспортных средств. Риск превышает аналогичный показатель для легковых транспортных средств почти в три раза¹. Негативная тенденция наметилась и по итогам 9 месяцев 2024 года, когда число погибших в авариях по вине водителей автобусов, увеличивается второй год подряд, составив рост по сравнению с аналогичным периодом 2023 года 34,8 %².

Исследования показывают, что такого рода ДТП обычно возникают из-за нарушений водителями правил дорожного движения, как правило превышения скорости и неправильного выбора дистанции³. Если в результате происшествий по вине водителей автобусов происходит наступление криминальных последствий, то это влечет квалификацию их действий преимущественно по ст. 264 УК РФ. Однако альтернативной или сопутствующей статьей в правовой оценке таких ситуаций на протяжении долгого времени оказывалась ст. 238 УК РФ.

Ее выбор объяснялся приоритетом ответственности за нарушения правил оказания небезопасных услуг по пассажирским перевозкам над фактами нарушений правил дорожного движения и эксплуатации. Особенно наглядно это проявлялось при квалификации по ч. 1 ст. 238 УК РФ, где сам факт создания угрозы жизни пассажиров при их небезопасной перевозке признавался криминальным.

Между тем факт оказания некачественных услуг не всегда содержит состав преступления. Ответственность за нарушения многих нормативных требований водителями автобусов может наступать в соответствии с нормами административного законодательства. Например, за управление

¹ Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации в 2023 году: Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России. 2024. С. 61.

² Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 9 месяцев 2024 г.: Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России. 2024. С. 16.

³ Литвинов А. В., Андреев П. Г. К вопросу безопасности перевозки пассажиров общественным транспортом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2024. № 3 (100). С. 86.

транспортным средством при наличии неисправностей или условий, при которых эксплуатация транспортных средств запрещена, предусмотрена административная ответственность по ст. 12.5 КоАП РФ, а за нарушения правил перевозки детей — по ст. 12.23 КоАП РФ и т.д.

В п. 2.7 Правил дорожного движения Российской Федерации установлены запреты управлять транспортным средством в состоянии опьянения, с нарушением режима труда и отдыха, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения. За их нарушения также установлена административная ответственность.

Однако в ряде случаев оценка действий лиц, ответственных за безопасность перевозки пассажиров и эксплуатацию общественного транспорта, содержащих состав административного правонарушения, происходит по ч. 1 ст. 238 УК РФ. Привлечение к ответственности обосновывается выявленными неисправностями рулевого управления, тормозной системы, перемещением деталей и узлов, не предусмотренных конструкцией транспортного средства, с установлением шин с разным рисунком протектора. Субъектами преступления становятся водители автобусов общего пользования, оказывающие услуги по перевозке пассажиров, как правило те, кто ранее привлекался к административной ответственности, но продолжил оказание услуг по перевозке, не отвечающих требованиям безопасности.

То, что виновное лицо было уведомлено ранее актом органа государственной власти о небезопасности для жизни и здоровья потребителя, но, несмотря на это, осознанно продолжило идти на риск (например, о наличии неисправностей, исключающих дальнейшую эксплуатацию, водитель уведомлен путем привлечения к ответственности по ст. 12.5 КоАП РФ, однако, осознавая небезопасность оказания услуг, продолжил перевозку пассажиров, рискуя их жизнью и здоровьем) являлось доказательством умысла на совершение данного преступления¹.

Справедливо мнение о недостаточности оснований «для привлечения к уголовной ответственности после повторного задержания автомобиля и фиксации тех же самых неисправностей, при наличии которых ранее осуществлялось управление им. Вывод о том, что оказание услуг транспортной перевозки не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья, не вытекает из характера неисправностей и является предположением². Само по себе несоответствие услуги требованиям безопасности, установленным в нормативных актах, свидетельствует об их опасности для жизни и здоровья

¹ Хромов Е. В. Проблемы квалификации по ст. 238 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 11 (72). С. 135.

² Тюнин В. И. Некоторые проблемы уголовной ответственности за преступление, предусмотренное частью 1 статьи 238 Уголовного кодекса Российской Федерации // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 24-30.

человека. Такая опасность должна быть реальной, а не потенциальной. О реальности говорит такое качество, при котором их оказание в обычных условиях могло привести к тяжким последствиям.

При этом «необходимо исходить не из того, разово или систематически оказывались им услуги потребителям, а из того, что они не должны отвечать требованиям безопасности, а также должны являться опасными для жизни и здоровья человека»¹.

Многие правонарушения в сфере дорожного движения практически однотипны и малоразличимы. Это позволяет привлекать к уголовной ответственности за административные (по своей сути и характеру опасности) правонарушения. Справедливо мнение, что, «если законодатель принял решение установить уголовную ответственность (без административной преюдиции) за перевозку пассажиров на автомобиле с ненормативным протектором шин, то нужно исключить за это административную ответственность, и наоборот. В противном случае нормотворец создает предпосылки для злоупотребления правом (при возможности выбора двух видов публично-правовой ответственности правоприменитель выбирает более репрессивную – уголовную)»².

До 2020 года субъектами уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ в 75 % случаев являлись исполнители, предоставляющие услуги по перевозке пассажиров, в 25 % – лица, ответственные за безопасность³.

Ключевым моментом стало принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 25.05.2019 г. № 18. В нем было указано, что «субъектом... оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, может являться как руководитель организации, осуществляющей такую деятельность, независимо от ее организационно-правовой формы, или индивидуальный предприниматель, или их работник, так и лицо, фактически осуществляющее оказание услуг без соответствующей государственной регистрации». При этом акцентировано, что «если ответственность за нарушение специальных требований или правил установлена в других статьях Особенной части УК РФ, то содеянное не должно ква-

¹ Яшков С. А. Систематичность как признак состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ // Вестник Московской академии Следственного комитета РФ. 2020. № 2. С. 110.

² Бавсун М. В., Белецкий И. А. Злоупотребление уголовно-правовыми нормами в ходе реализации ответственности за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 2. С. 44—45.

³ Щепельков В. Ф., Оленников С. М., Скоробогатько Я. П. Анализ судебной практики применения статьи 238 УК РФ (Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности // pravoprim.spbu.ru/yurisprudentsiya/zashchita-prav

лифицироваться по ст. 238 УК РФ независимо от того, совершены эти деяния при оказании услуг. Например, нарушение лицом, управляющим автомобилем правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств при оказании услуги по перевозке пассажиров, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, следует квалифицировать по ч. 5 ст. 264 УК РФ, а не по ч. 3 ст. 238 УК РФ»¹. Данное положение значительно изменило, фактически сузило сферу применения ст. 238 УК РФ в отношении водителей общественного транспорта.

Однако в квалификационной практике до сих пор встречаются ситуации, когда уголовная ответственность за нарушение различного рода требований, норм безопасности, повлекших тяжкие последствия, наступает по ней. Правда виновниками аварий признаются не рядовые водители, а их руководители, которых назначают ответственными за небезопасные пассажироперевозки. Например, по делу о падении автобуса в реку Мойку в Санкт-Петербурге по ст. 238 УК РФ привлекался начальник автоколонны, который отвечал за график работы и отдыха подчиненных водителей. Его обвинили в оказании небезопасных услуг. В то же время действия самого водителя были квалифицированы по ст. 264 УК РФ.

Другое направление в применении ст. 238 УК РФ связано с наказанием по ней индивидуальных предпринимателей, собственников автобусов. Их признают лицами, не обеспечивающих оказание услуг, отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Вменяются нарушения в виде непроведения предрейсовых инструктажей с водителями и их медицинского освидетельствования, неорганизации предрейсового технического осмотра транспорта. Это происходит из-за того, что большинство автобусов обслуживается юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями, и на них возлагается организация специальных механизмов допуска, минимизирующих участие в дорожном движении транспорта с неисправностями, а также водителей в несоответствующем физиологическом состоянии. В рамках оказания услуг, охватывающих целый круг участников, вид и доля ответственности разных субъектов зависит от вклада в механизм обеспечения безопасных перевозок общественным транспортом.

Например, если водитель самостоятельно вносит изменения в конструкцию элементов пассажирского автобуса, например, устанавливает колесо, не соответствующее его характеристикам, и это не приводит к аварии, то это образует состав административного правонарушения.

Только лишь, если такие действия повлекли последствия, указанные

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного суда РФ от 25.05.2019 г. № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в ст. 264 УК РФ, они признаются преступными нарушениями правил эксплуатации.

Однако квалификация будет иной, если действия в виде недоброкачественного ремонта, повлекшего по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека или его смерть, совершили субъекты преступления, предусмотренного ст. 266 УК РФ. К ним относятся работники автотранспортных организаций, осуществляющих перевозки пассажиров, работники организаций, на которых возложена ответственность за техническое состояние и эксплуатацию транспортных средств, а также владельцы-предприниматели¹. Выбор субъекта зависит от социальной роли лица, ответственного за техническое состояние или эксплуатацию транспорта, на которого это возлагается действующими инструкциями или правилами, соответствующим распоряжением либо в силу занимаемого ими служебного положения.

Несмотря на существование нескольких пленумов ситуация с квалификацией по статье 238 УК РФ кардинально не изменилась. Во многих регионах первоначальную квалификацию дорожно-транспортных происшествий с автобусами продолжают осуществлять по ст. 238 УК РФ, а в некоторых случаях — по совокупности ст. 238 УК РФ и ст. 264 УК РФ.

Так, например 27 октября 2024 года из-за аварии с участием двух автобусов и двух автомобилей на площади Восстания в Санкт-Петербурге уголовное дело возбудили по ч. 1 ст. 238 УК РФ.

Аналогичная квалификация наблюдалась 7 ноября 2024 года в Красноярском крае, где в результате аварии с автобусом, перевозившим рабочих, пострадали 18 человек, а также 8 ноября в Тюмени, где водитель автобуса выехал на желтый сигнал светофора, наехал на опору камеры фотофиксации, пострадали 10 человек. Представляется, что даже если данные примеры квалификации изменяться на ст. 264 УК РФ для водителей, их оценка по ст. 238 УК РФ остается первостепенной.

Сегодня приходится констатировать, что за пять лет действия постановления об оказании услуг, не соответствующих требованиям безопасности, квалификация связанных с ними перевозок автобусами, претерпела коррективы лишь отчасти. Акценты в применении ст. 238 УК РФ сместились с исполнителей оказания услуг на руководителей организаций.

Несогласованность разноотраслевых норм, при которой аналогичные деяния запрещены как в уголовном, так и административном законодательстве, все еще не устранена. И хотя оценка повторных правонарушений в сфере дорожного движения начала меняться в сторону административных мер, безальтернативной она пока не стала.

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 9.12.2016 № 25 в ред. от 25.06.2024 г.. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Между тем повышение безопасности связано с законной, единообразной квалификацией, пониманием, что «на водителей пассажирского транспорта в городах возлагается особая ответственность, связанная с качественной ежедневной перевозкой большого числа людей, обеспечением безопасного передвижения, исключающего угрозу их жизни и здоровью»¹.

Сегодня принципиально важно уметь отграничивать субъектов преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ, от виновников смежных административных правонарушений, а также преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 264 УК РФ и 266 УК РФ.

Необходимо формирование единообразной квалификационной практики, ориентированной не только на защиту сферы оказания услуг населению, но и приоритет безопасности эксплуатации общественного транспорта для сохранения жизни и здоровья участников дорожного движения.

Научная статья
УДК 343.851

**СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
ПОВТОРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ
ПОСЛЕ ОТБЫТИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ,
НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОСУЖДЕННОГО ОТ ОБЩЕСТВА**

Сурен Вазгенович БАРСЕГЯН

Межмуниципальное управление МВД России «Иркутское»,
Иркутск, Россия, barsegyan.suren1986@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются состояние и особенности повторных преступлений, совершаемых лицами после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Рассматриваются варианты предупреждения повторных преступлений, совершаемых этими лицами после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с изоляцией от общества, до погашения или снятия судимости (в течение одного года после отбытия или исполнения наказаний).

Ключевые слова: повторная преступность, пробация, официальное предостережение, прокурор, конвенция

¹ Баранчикова М. В. Квалификация преступных нарушений требований безопасности на городском пассажирском транспорте // Нарушение требований безопасности в ходе эксплуатации промышленных объектов и объектов социальной инфраструктуры: квалификация и расследование. М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации. 2008. С. 13.

MODERN ASPECTS OF PREVENTING REPEATED CRIMES COMMITTED BY PERSONS AFTER SERVING OR EXECUTING A SENTENCE THAT ARE NOT RELATED TO THE ISOLATION OF THE CONVICTED PERSON FROM SOCIETY

Suren V. BARSEGHYAN

Inter-municipal Department of the Ministry of Internal Affairs
of Russia «Irkutsk», Irkutsk, Russia, barseghyan.suren1986@mail.ru

Abstract. The article analyzes the state of repeated crimes committed by persons after serving or executing a sentence that is not related to the isolation of the convicted person from society. Ways are proposed to prevent repeated crimes committed by these persons after serving or executing a sentence that does not involve isolation from society, until the expungement or expungement of a criminal record (within one year after serving or executing a sentence).

Keyword: repeat crime, probation, official warning, prosecutor, convention

В настоящее время уголовная политика Российской Федерации продолжает развиваться по курсу гуманизации, что наиболее заметно широким применением наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Следуя замыслу выбранной политики, российское правительство в 2021 году утвердило Концепцию развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года¹. Сегодня перед государством стоит задача по снижению количества осужденных, находящихся в уголовно-исполнительных учреждениях (к 2024 году — до 400 тыс. человек, к 2030 году — от 250 тыс. до 300 тыс.).

Так, за 2023 год удельный вес осужденных к реальному лишению свободы на определенный срок снизился на 20,8 %². Такие перемены отразились на количественных и качественных показателях повторных преступлений, совершаемых лицами после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Очевидно, что такие обстоятельства

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 апреля 2021 г. № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2023г: Сводная форма №1 (областные + районные + мировые) –угол. Пр-во по 1 инст. –2023. Раздел №11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»). Дата расчета: 11.01.2024 (доступ к расширенной базе данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации предоставлен индивидуально).

придают проблеме предупреждения повторных преступлений, совершаемых лицами после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, стратегическую значимость.

Давно известно, что само по себе лишение свободы, как бы совершенно ни было его исполнение, не может предупредить рецидива преступлений¹.

К сожалению, данная аксиома характерна и для лиц, отбывших наказания, не связанные с лишением свободы. Так, по результатам проведенного автором настоящей статьи исследования, основываясь на статистических данных², а также на сведениях, отраженных в научной литературе последних лет, следует, что повторные преступления, совершаемые лицами в течение года, после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества за 2019-2023 гг., выделяются следующими количественными и качественными особенностями:

1. Наблюдается рост количественных показателей повторных преступлений (принудительные работы — 54,3 %; исправительные работы — 50 %; ограничение свободы как основное наказание — 46,1 %; штраф как основное наказание — 44,1 %).

2. Наблюдается рост совершенных повторных преступлений лицами, имеющими на момент совершения повторного преступления непогашенную или неснятую судимость (76,1 % осужденных к принудительным работам на момент судебного рассмотрения имели неснятую или непогашенную судимость).

3. Участились случаи совершения тяжких (за последние пять лет рост составил: принудительные работы — 14,7 %; исправительные работы — 12,9 %; обязательные работы — 4,6 %; штраф как основное наказание — 4,2 %; ограничение свободы — 2,5 %) и особо тяжких преступлений в течение одного года после отбытия лицами наказаний, не связанных с лишением свободы.

Ввиду этого, автор данной статьи солидарен с мнением А. В. Армашовой о том, что совершение повторных преступлений в пределах сроков сохранения судимости свидетельствует о стремлении рецидивистов продолжать преступную деятельность, о криминализации их личности³.

¹ Беляева Л.И. Патронат в России (XIX-XX вв.): учебное пособие Москва : Акад. МВД РФ, 1996. С. 9.

² Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2023г: Сводная форма №1 (областные + районные + мировые) –угол. Пр-во по 1 инст. 2023. Раздел №11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»). Дата расчета: 11.01.2024 (доступ к расширенной базе данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации предоставлен индивидуально).

³ Армашова А. В. Проблемы рецидива преступлений и ответственности за него по уголовному праву России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 7.

В сложившихся условиях необходимо усилить работу по предупреждению повторных преступлений, совершаемых лицами после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества. Весьма перспективным, по нашему мнению, является Федеральный закон «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025)¹.

Однако в действующей редакции постпенитенциарная пробация применяется исключительно в отношении лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы (ч. 1 ст. 19 Федерального закона «О пробации в Российской Федерации» от 06.02.2023 № 10-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025), что дает автору статьи отнестись к некоторым положениям Федерального закона «О пробации» с серьезным скепсисом. Исходя из положительного опыта зарубежных стран², целесообразно рассмотреть вопрос о применении постпенитенциарной пробации и в отношении лиц, отбывших наказания, не связанные с лишением свободы, до погашения или снятия судимости.

Общеизвестно, что основным субъектом предупреждения преступности являются органы внутренних дел. В этой связи разделяем мнение профессора Л.И. Беляевой, которая ведущую роль ОВД обуславливает масштабом и объемом получаемой информации о криминальной среде, характером и содержанием полномочий информации о криминальной среде, характером и содержанием полномочий, объемом и содержанием функций³.

В структуре ОВД служба участковых уполномоченных полиции занимает ключевое место по предупреждению и пресечению преступности (п. 9.1)⁴. Для достижения этих задач участковый уполномоченный полиции проводит индивидуальную профилактическую работу с лицами, состоящими на профилактическом учете (п. 9.3).

Согласно п. 4 ч. 1 ст. 17 Федерального закона «Об основах систем профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июля 2016 г.

¹ О пробации в Российской Федерации: федеральный закон от 6 февр. 2023 г. № 10-ФЗ с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Кожанова Д. А., Стрельникова А. Г. Деятельность службы пробации в Нидерландах по предупреждению рецидивной преступности // Евразийский юридический журнал. – 2020. – №12 (151). С. 351—352; Кушнир С. И., Золотухин Е. С. Зарубежный опыт пробации // В сборнике: Актуальные проблемы деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы (Воронеж, 19 окт. 2023г.). Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2023. С. 256—259; Филоненко Т.В. Пробация в Европе: История развитие и правовое регулирование // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 1. С. 181—191.

³ Беляева Л. И. Роль федерального закона РФ «О полиции» в реализации уголовной политики // В сборнике: Проблемы современной уголовной политики: материалы международной науч.-практ. конф. (посв. 305-летию российской полиции). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2023. С. 19.

⁴ О несении службы участковыми уполномоченными полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

№ 182-ФЗ в ред. 08.08.2024 г.¹, профилактическое воздействие может осуществляться в форме профилактического учета, профилактической беседы, объявления официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения (далее—официальное предостережение). Ведя разговор об официальном предостережении, стоит отметить, что эффективность его применения уже была доказана в советский период².

Автор рассматривает официальное предостережение в ракурсе актуальности по предупреждению повторных преступлений, совершаемых осужденными после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы.

На сегодняшний день в нормативных правовых актах не определены последствия за невыполнение требований, указанных в официальном предостережении, а также критерии требований, которые может установить должностное лицо³.

В ходе проведенного автором статьи социального опроса родственников (членов семьи), осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного от общества, установлено, что большая доля респондентов (89%) поддерживает инициативу применения в отношении своих родственников (правонарушителей) официальное предостережение с последующим наказанием в случае нарушения ими запрета (требования). Считаем, что целесообразно дополнить главу 19 КоАП РФ статьей, предусматривающей административную ответственность в виде административного ареста за невыполнение требований официального предостережения.

Такая мера, думается, будет направлена на предупреждение совершения новых преступлений. Например, официальным предостережением лицу будет запрещается распитие алкогольных напитков, посещение определенных мест и т.п. Естественно, само распитие алкогольных напитков не всегда является правонарушением, однако широко известно, что именно состояние алкогольного опьянения может провоцировать противоправное поведение лица, и во время семейно-бытовых конфликтов целесообразно изолировать (административный арест) пьяного дебошира на законных основаниях, тем самым предупреждая последствия.

¹ Об основах систем профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный закон от 23 июля 2016 г. № 182-ФЗ в ред. 08.08.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

² Шляхтин Е. П., Степаненко Р. Ф. Официальное предостережение как эффективная форма превенции правонарушений органами внутренних дел // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 66.

³ ч. 3 ст. 20 Федерального закона «Об основах систем профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июля 2016 г. № 182-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Автор статьи предлагает: во-первых, при вынесении официального предостережения необходимо исходить из каждой конкретной ситуации, а также из личностных качеств осужденного и детерминантов преступлений; во-вторых, устанавливать административную ответственность в виде административного ареста за невыполнение требований официального предостережения; в-третьих, оценка законности избранных запретов должна быть на контроле у прокурора; в-четвертых, официальное предостережение должно устанавливается сроком, не превышающим срок погашения или снятия судимости.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹, в 2023 году к уголовной ответственности были привлечены 22 тыс. 932 гражданина иностранных государств и лиц без гражданства, из них 91,6% — это граждане государств-участников Содружества Независимых Государств, и только в отношении 37,2% граждан СНГ было избрано наказание в виде лишения свободы, 55,3% — избраны наказания, не связанные с лишением свободы.

В предупреждении повторных преступлений гражданами СНГ, совершаемых после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, автор данной статьи рассматривает роль Конвенции государств-участников СНГ «О передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы» 11 октября 2019 г. (далее — Конвенция). В Российской Федерации Конвенция вступила в законную силу относительно недавно — 10 апреля 2024 года (ратифицирована Федеральным законом от 12 декабря 2023г. № 570-ФЗ)².

Из результатов проведенного анализа уголовных законодательств государств-участников СНГ следует, что Российская Федерация в рамках Конвенции может передать Кыргызской Республике, Республике Беларусь, Республике Казахстан и Республике Узбекистан (и наоборот) осужденных, приговоренных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, для дальнейшего отбывания таких наказаний, как: обязательные работы (общественные работы), лишение права занимать определенные должности или заниматься

¹Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2023г: Сводная форма №1 (областные + районные + мировые)– угол. Пр-во по 1 инст.– 2023. Раздел №11.2 «Отчет о характеристике преступления, его рецидива и повторности по числу осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации»). Дата расчета: 11.01.2024 (доступ к расширенной базе данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации предоставлен индивидуально).

²О ратификации Конвенции государств — участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы: федеральный закон от 12 декабря 2023 г. № 570-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

определенной деятельностью (лишение определенного права—по Уголовному кодексу Республики Узбекистан), исправительные работы, ограничение свободы. Уголовные законодательства Российской Федерации и Республики Армения¹ также имеют похожие наказания, не связанные с лишением свободы, по которым в рамках Конвенции имеется возможность передать исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, куда входят все вышеперечисленные наказания, за исключением исправительных работ.

В рамках проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что необходимо активно использовать возможности в части, касающейся передачи исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, в компетентные органы государств—участников СНГ с целью развития уголовной политики Российской Федерации в аспекте предупреждения совершения повторных преступлений гражданами государств—участников СНГ на территории Российской Федерации. Между тем, более широкое применение института наказаний, не связанных с лишением свободы, требует проведения дальнейших научных исследований с учетом преступности иностранных мигрантов.

Таким образом, подводя итог, отметим, что решение проблем предупреждения повторных преступлений, совершаемых лицами после отбытия или исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного от общества, должно быть приоритетным направлением. Между тем, предлагаемые нами меры предупреждения повторных преступлений не носят исчерпывающий характер.

¹ В соответствии ч. 1 ст. 13 УИК Республики Армения от 28 июня 2022 г. ՀՕ-246-Ն, исполнение наказания, не связанные с лишением свободы (включая штраф) обеспечивается Службой пробации Министерства юстиции Республики Армения.

ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОИСПОЛНЕНИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ БЕЗДЕЙСТВИЯ

Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Северо-Западный филиал Россий-
ского государственного университета правосудия (г. Санкт-Петербург),
Санкт-Петербург, Россия, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой оценки совпадения нескольких лиц в преступлении без признаков совместной преступной деятельности.

Автор обращает внимание на состояние исследования проблемы совпадения нескольких лиц в преступлении без признаков совместной преступной деятельности в науке уголовного права России.

В статье обращается внимание на необходимость законодательного закрепления понятия «Совпадение нескольких лиц в преступлении» в уголовном законодательстве России.

Ключевые слова: Соучастие в преступлении, совместная преступная деятельность, совпадение нескольких лиц в преступлении, стечение нескольких лиц в преступлении

Original article

THE COINCIDENCE OF SEVERAL PERSONS IN A CRIME AND ITS CRIMINAL LEGAL SIGNIFICANCE

Dmitry A. BEZBORODOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office
of the Russian Federation, North-West Branch of the Russian State University
of Justice (St. Petersburg), St. Petersburg, Russia, sansbarbe@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of criminal law assessment of the coincidence of several persons in a crime without signs of joint criminal activity.

The author draws attention to the state of research on the problem of several persons participating in a crime without signs of joint criminal activity in the science of Russian criminal law.

The article draws attention to the need for legislative consolidation of the concept of «Coincidence of several persons in a crime» in the criminal legislation of Russia.

Keywords: Complicity in a crime, joint criminal activity, the coincidence of several persons in a crime, the confluence of several persons in a crime

Правоприменительной практике известны случаи, когда двое или более лиц одновременно выполняли объективную сторону преступления, однако их действия все же не оценивались как его совместное совершение.

Специалисты в области психологии отмечают, что «взаимодействие между людьми или общение как одна из конкретных форм могут иметь место и при выполнении относительно независимых индивидуальных деятельностей, однако при этом оно не включается в структуру этой деятельности и не вносит в нее принципиальных изменений.

В данном случае взаимодействие, образно говоря, присутствует рядом с индивидуальной деятельностью, сопутствуя ей в форме общения. Такое взаимодействие является предметно направленным и не изменяет структуру деятельности»¹.

О такого рода деятельности применительно к общественно опасным посягательствам писал еще Н.С. Таганцев, указывая на то, что она «сопредельна, но не совместна»². Из числа указанных случаев, прежде всего, могут быть выделены такие, для которых характерно совпадение именно преступных действий (бездействия) двух или более лиц и наступление общих для них последствий³.

Причем характерно совпадение в преступлении характерно как для умышленных преступлений, так и для преступлений, совершаемых с неосторожной формой вины. Таким образом, очевидно, что уголовно-правовая теория на сегодняшний момент еще находится в долгу перед правоприменением, потому что довольно обширный круг вопросов опасного поведения людей пока остается вне границ ее анализа.

Подобные конкретные формы совпадения деяний нескольких лиц могут быть:

а) выделены из числа других внешне сходных с ними форм по тому основанию, что на стороне обоих или более лиц есть конкретное преступное деяние и (или) наступившие общественно опасные последствия.

¹ Совместная деятельность. Методология, теория, практика / К. А. Абульханова-Славская, О. В. Аллахвердова, М. И. Бобнев [и др.] : отв. ред. А.Л. Журавлев [и др.]. Москва : Наука, 1988. С. 27.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. В 2 т. Т. 1. Москва : Наука, 1994. С. 329.

³ Пудовочкин Ю.Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика : науч.-практ. пособие. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2017. С. 102—112.

Так, Ю. Е. Пудовочкин справедливо отметил, что «соучастие следует четко отграничивать от элементарного совпадения во времени и пространстве фактов совершения несколькими лицами одного и того же по своим социальным и юридическим признакам преступления. Классической иллюстрацией здесь является ситуация хищения предметов из одного источника несколькими лицами, которые действуют самостоятельно и независимо друг от друга»¹;

б) отграничены от совместного многосубъектного преступления по признаку отсутствия совместности поведения таких лиц.

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что подобного рода совпадение нескольких лиц в совершении преступления может быть реализовано по нескольким направлениям:

а) совпадение действия (бездействия) нескольких лиц в общественно опасном деянии;

б) совпадение действия (бездействия) нескольких лиц в общественно опасном деянии и последствий их деяний;

в) совпадение последствий преступной деятельности нескольких лиц².

В теории уголовного права, как вид совпадения, выделяется также «стечение причинных связей в неосторожном преступлении»³. Возможно, что в качестве самостоятельного вида совпадения нескольких лиц в преступлении такой подход перспективен. Однако, как представляется, использование его, как родового понятия для оценки фактов совпадения в преступлении не вполне оправдано, поскольку:

во-первых, такие совпадения могут быть как в материальных, так и в формальных и усеченных составах (а там причинная связь уже носит факultatивный характер);

во-вторых, совпадение нескольких лиц в преступлении с точки зрения их субъективной стороны не обязательно должно сопровождаться неосторожной формой вины.

Юридическая оценка такого рода общественно опасных деяний в большей степени обусловлена необходимостью решения квалификационных вопросов, связанных с реализацией принципа неотвратимости мер уголовно-правового воздействия.

¹ Пудовочкин Ю. Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика : науч.-практ. пособие. Москва : Российский государственный университет правосудия, 2017. С. 104.

² Безбородов Д. А. Совпадение действия (бездействия) в неосторожном преступлении и его уголовно-правовое значение // Общество и право. 2016. № 3(57). С. 76—79.

³ Мелешко Д. А. Сопричинение вреда без признаков соучастия в доктрине уголовного права : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 97.

В целом использование такого подхода к решению данного вопроса представляется перспективным, поскольку именно он позволяет уяснить, что не всякое умышленное или неосторожное стечение нескольких лиц в одном преступлении представляет совместное преступное деяние, требующее специальной уголовно-правовой оценки.

Стоит отметить, что примеры судебной-следственной практики разных временных периодов наглядно свидетельствуют о случаях, когда двое или более лиц одновременно действовали (бездействовали) в совершении преступления, однако их деяния все же оценить как соучастие, соисполнение или же сопричинение не представляется возможным. И, действительно, даже область сопричинения, о чем уже говорилось ранее, имеет вполне определенные, четкие границы, определяемые именно совместностью поведения участников деяния.

Многочисленные же формы совпадения нескольких лиц в одном преступлении никакого отношения к нему не имеют. Причем характерно это и для умышленных, и для неосторожных преступлений. Кроме того, специальную оценку, как представляется, должен получить факт, когда одно из лиц, объединенных единством места и времени преступления, выполняет состав неосторожного преступления, а другое — состав умышленного.

Следовательно, с совместным многосубъектным преступлением в виде соучастия, соисполнения или же сопричинения преступного результата такие деяния как раз позволяет разграничить именно совместность, которой в данном случае нет. Только совместность позволяет провести довольно четкую границу между фактами стечения нескольких не связанных между собой деяний, каждое из которых выполнено отдельными лицами самостоятельно, однако все эти деяния в силу сложившихся конкретных обстоятельств вызвали одно последствие.

К ней можно отнести случаи, когда преступление совершается несколькими субъектами в одно время и в одном и том же месте, что дает некоторым ученым основания относить такого рода деяния к сопричинению. Можно согласиться с мнением О. Д. Ситковской о том, что «в отдельных случаях, вопреки сложившейся практике, речь идет не о совместном совершении неосторожного преступления, а об исключительной вине нарушителя. То обстоятельство, что, попав, например, в созданную не им аварийную обстановку, водитель не сумел предотвратить тяжкие последствия, не может быть поставлено ему в вину, так как степень предусмотрительности оператора всегда базируется на предположении о соблюдении всеми участниками экс-

плуатации источника повышенной опасности предписанных правил безопасности»¹. Хотя следует отметить, что в правоприменении такие ситуации оцениваются иначе².

Нужно представлять, что границы участия в неосторожном преступлении должны определяться индивидуальным и виновным деянием каждого из участников, находящимся в причинной связи с преступным результатом. Поэтому, четкая фиксация круга уголовно наказуемых действий (бездействия) каждого из субъектов совпадения в преступлении поможет снять проблему оценки роли потерпевшего в создании преступного последствия.

Не учитывая в полной мере отмеченных выше обстоятельств, и не совсем, как представляется, оправданно придавая неосторожному сопричинению не свойственные ему признаки, В. А. Нерсисян утверждает, что неосторожное сопричинение — это неосторожное поведение нескольких лиц, действия которых в результате совпадения времени и места приводят к наступлению преступного последствия³. Таким образом, В.А. Нерсисян практически отождествляет неосторожное сопричинение и совпадение нескольких лиц в преступлении.

Поэтому правильная квалификация совпадения нескольких лиц в одном преступлении: во-первых, является гарантией установления причинно-следственной связи (со всеми ее компонентами: причина, условие, следствие) и, соответственно, круг всех участников преступления в его социально-правовом понимании; во-вторых, способствует сравнительной оценке роли отдельных субъектов в причинении результата и четкому определению объема противоправных действий каждого из них.

В целом, основными вопросами, нуждающимися в разрешении при уголовно-правовой оценке совпадения действий (бездействия) двух или более лиц в многосубъектном преступлении являются: а) определение оснований уголовной ответственности; б) пределов уголовной ответственности.

Трудности в разрешении этих вопросов обусловлены тем, что с одной стороны совпадение в преступлении практически не изменяет показатели общественной опасности совершенного многосубъектного преступления в рамках прецедентности, а с другой стороны различные виды и объем участия субъектов в совершении многосубъектного преступления порождают опасность объективного вменения. Основанием уголовной ответственности для лиц-участников совпадения в преступлении является совершение ими

¹ Ситковская О. Д. Психологический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Москва : Зерцало, 1999. С. 46.

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.10.1997. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Нерсисян В. А. Ответственность за неосторожные преступления. Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2002. С. 19.

деяния, содержащего все признаки состава, выполненного каждым из них преступления¹.

Представляется, что при определении пределов уголовной ответственности нужно учитывать, что каждый из виновных должен нести ответственность за свои действия (бездействие), определяющие его собственный вклад в преступление, а не за причинение преступного последствия в целом (как, например, в преступлении, совершенном в соучастии, соисполнении или сопричинении). В связи с этим небезынтересным будет разъяснение, данное Верховным Судом Российской Федерации применительно к иной группе правоотношений, а именно к гражданско-правовым. Так, в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» от 30 ноября 2017 г. № 49 отмечается, что «если несколько лиц действовали независимо друг от друга и действия каждого из них привели к причинению вреда окружающей среде, по общему правилу такие лица несут долевую ответственность».

На размер доли каждого из причинителей вреда может влиять, в частности, опасность деятельности каждого из них, ее интенсивность и др. Так, на двух лиц, осуществляющих независимо друг от друга складирование твердых бытовых отходов на не предназначенном для этих целей земельном участке, может быть возложена ответственность в долях пропорционально объему отходов, определяемому, например, по количеству используемых транспортных средств для вывоза отходов, их вместительности, классу опасности отходов, образующихся от деятельности указанных лиц, и иных факторов. Когда долю в причинении вреда каждого из названных лиц установить невозможно, они отвечают в равных долях (ст. 321 ГК РФ).» В отмеченном выше разъяснении, по сути, предложена схема определения ответственности за причиненный при совпадении в деликте нескольких лиц вред. Думается, что такого рода разъяснения с учетом специфики предмета уголовно-правового регулирования могут быть реализованы и по отношению к определению вредоносности общественной опасности (а именно особенностям учета причиненного вреда каждым из виновных) в некоторых видах совпадения нескольких лиц в преступлении.

Совпадение в преступлении нескольких лиц может находить отражение в следующем.

¹ При этом вполне вероятна и различная юридическая оценка деяния каждого из виновных, например, лицо, у которого имущество находилось в правомерном владении либо ведении при совершении хищения, при прочих равных условиях будет подлежать ответственности по ст. 160 УК РФ, а иное лицо, одновременно с ним совершившее изъятие имущества, — по ст. 158 УК РФ.

Во-первых, в конечном результате деяния нескольких лиц — общественно опасных последствиях (в преступлениях, имеющих материальный состав). В этом случае индивидуальные действия (бездействие) осуществляются либо: а) последовательно, и не зависят, как правило, от последовательности деяний других виновных, однако приводят к единому преступному результату. Такая взаимообусловленность деяний выражается в их специализации и иерархизации, поскольку они должны выполняться как функционально различные темпорально компоненты единого общего преступления, реализуемые в строгой последовательности, когда следствие одного деяния служит условием начала реализации другого; б) параллельно, и предопределяют наступление преступного результата за счет самостоятельно реализованных причин или же условий, способствующих наступлению преступного последствия, и, следовательно, имеющих самостоятельное уголовно-правовое значение. Стоит отметить, что в таких случаях совпадения нескольких лиц их деяния могут образовывать как признаки общественно опасного деяния, так и признаки гражданско-правового деликта или же административного правонарушения только в совокупных последствиях, образующие признаки состава преступления.

Например, повреждение каждым из участников деяния чужого имущества, когда последствий деяния каждого из них в отдельности недостаточно для квалификации по ст. 167 УК РФ и лишь совокупный вред является уголовно-значимым.

Кроме того, вполне вероятны ситуации, когда совпадение в преступлении реализовано действиями (бездействием) лица, подлежащего уголовной ответственности и лица, в силу различных обстоятельств не подлежащего ей, но при этом причиненный деянием вред имеет уголовно-правовое значение только с учетом их совокупного общественно опасного поведения.

Во-вторых, в самом процессе совершения деяния (в преступлениях, имеющих формальный состав) — выполнении объективной стороны конкретного состава преступления каждым из виновных одновременно с другими лицами. В этом случае индивидуальные действия (бездействие) каждого из участников не взаимообусловлены, но реализованы темпорально параллельно или последовательно (на стадии юридически оконченого, но фактически незавершенного преступления).

Совпадение общественно опасного деяния (действия или бездействия) в многосубъектном преступлении имеет много сходных с сопричинением (как умышленным, так и неосторожным) признаков. При совпадении деяний (действий или бездействия) нескольких лиц в преступлении, как правило, имеет место единство времени и места совершения преступления.

Что же касается последствий, то они могут быть различными, как по характеру, так и по объему причиненного вреда.

Однако, при совпадении деяния совместного совершения преступления нет, поскольку каждый причиняет вред своими действиями без взаимодействия с другими лицами, у каждого из виновных в такой ситуации свое преступление. Поэтому при совпадении действия, даже в сравнении с неосторожным сопричинением, общественная опасность практически не повышается, поскольку ее показатели не претерпевают никаких изменений в сравнении с преступлением, совершенным одним лицом.

Среди объективных признаков необходимо, прежде всего, выделить следующие:

- а) множественность субъектов (два или более лица, подлежащих уголовной ответственности);
- б) единство места и времени совершения общественно опасного деяния (действия или бездействия);
- в) отсутствие взаимодействия при выполнении деяния в рамках объективной стороны состава конкретного преступления;
- г) результат, явившийся объективным следствием совпадения деяния (в случаях совершения преступлений, имеющих материальный состав);
- д) причинно-следственная связь между деянием каждого из субъектов и наступившим последствием (в случаях совершения преступлений, имеющих материальный состав).

К субъективным признакам совпадения деяния можно отнести:

- а) как умышленный, так и неосторожный характер совершаемого деяния (более того, представляется, что при совпадении в преступлении у разных лиц вполне вероятны и разные формы вины);
- б) отсутствие осознания каждым из виновных факта взаимодействия¹, приведшего в итоге к наступлению преступного последствия. При этом вполне допустимо как осознание того, что преступный результат причиняется несколькими лицами, так и отсутствие такого осознания.

Оказание влияния на формирование преступных последствий в совпадении действия, так же, как и при совместном совершении преступления возможно в следующих вариантах:

- а) каждый из участников совпадения деяния совершает активные действия, влекущие наступление преступного результата;
- б) все участники бездействуют при наличии обусловленной различными обстоятельствами обязанности действовать;

¹ Ушаков А. В. Групповое преступление и смежные с ним формы преступной деятельности : учеб. пособие. Калинин : Калинин. ун-т, 1978. С. 51.

в) один (несколько) из участников действует, другой (другие) бездействуют.

Случаи совпадения деяния (действия или бездействия) в преступлении предполагает совпадение во времени нескольких разобщенных и единолично выполненных преступлений, в силу ситуации повлекших один результат. Типичным примером такого рода поведения может служить, например, обоюдное нарушение правил дорожного движения водителями, повлекшее причинение вреда здоровью: один нарушил скоростной режим, а другой выехал на полосу встречного движения.

Поэтому спорным представляется предложение Н. Ф. Кузнецовой и В. Н. Кудрявцева об уголовно-правовой оценке подобного рода действий как неосторожного сопричинения¹.

В этом случае в полном объеме несет ответственность каждый из виновных. В соответствии с абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» от 09.12.2008 № 25 в ред. от 25.06.2024 г. содержит указание на то, что случаях, когда нарушения правил дорожного движения были допущены двумя или более участниками дорожного движения, содеянное ими влечет уголовную ответственность по статье 264 УК РФ, если их действия по управлению транспортным средством находились в причинной связи с наступившими последствиями, указанными в названной статье УК РФ.

Некоторый интерес для исследования в рамках этого вида совпадения в преступлении представляет собой, к примеру, состав преступления, предусмотренный ст. 224 УК РФ и устанавливающий ответственность за небрежное хранение огнестрельного оружия. Следует задаться вопросом: небрежное хранение огнестрельного оружия одним лицом, создавшее условия для его использования другим лицом и вызвавшее последствия в виде смерти человека или иные тяжкие последствия — это учтенное уголовным законом совпадение деяния или иное, требующее самостоятельной оценки, уголовно-правовое явление (не представляет ли оно собой ответственность «за чужую вину», т.е. объективное вменение, и таким образом грубо нарушает ч. 2 ст. 5 УК РФ?).

Совпадение последствия предполагает такие случаи, когда разновременное совершение каждым из субъектов совпадения в преступлении самостоятельного общественно опасного деяния, приводящего к наступлению объективно общего преступного результата.

¹ Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. В. Н. Кудрявцева. Москва : Городец, 2007. С. 15.

Среди объективных признаков необходимо, прежде всего, выделить следующие:

- а) множественность субъектов (два или более лица, подлежащих уголовной ответственности);
- б) совершения каждым из виновных деяния (действия или бездействия), не совпадающего темпорально друг с другом;
- в) отсутствие взаимодействия в преступлении;
- г) наступление объективно общего результата, ставшего следствием совокупной деятельности виновных.

К субъективным признакам совпадения деяния можно отнести:

- а) как умышленный, так и неосторожный характер совершаемого деяния (более того, представляется, что при совпадении последствий у разных лиц вполне вероятны и разные формы вины);
- б) осознание каждым из виновных связи сосуществования в преступлении нескольких лиц;
- в) отсутствие осознания каждым из виновных в преступлении факта взаимодействия, приведшего в итоге к наступлению преступного последствия.

В целом, при совпадении в преступлении трудности, которые могут возникнуть при оценке совпадения в преступлении нескольких лиц связаны и с реализацией принципа справедливости, и с квалификацией преступления. Они обусловлены сложностью определения последствий, подлежащих вменению каждому из субъектов совпадения в преступлении.

Вообще вопросов, возникающих при определении совпадения деяния, выделении его основных признаков, разграничении с неосторожным сопричинением и определении его юридических границ, на сегодняшний момент остается достаточно большое количество. Поэтому данное уголовно-правовое явление нуждается в дальнейшей и тщательной разработке.

Представляется, что учет совпадения в преступлении со стороны законодателя мог бы снять некоторые вопросы правоприменения и создать необходимые правовые основания для противодействия такого рода деликтам. В принципе, норма о совпадении нескольких лиц в преступлении могла бы выглядеть следующим образом:

«Статья 36.3 Совпадение нескольких лиц в преступлении

1. Совпадением нескольких лиц в преступлении признается виновное (умышленное или неосторожное) совершение двумя или более лицами, подлежащими уголовной ответственности преступления при отсутствии совместности их действий (бездействия).

2. Уголовная ответственность за совпадение в преступлении наступает на тех же основаниях, что и при совершении преступления одним лицом.»

ПОНЯТИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Фатима Ширваниевна БИСУЛТАНОВА

прокуратура Приморского района г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург,
Россия, angel.ray_nebo@mail.ru

Аннотация. В данной статье анализируются нормы действующего антикоррупционного законодательства. На основе данного анализа формулируется понятие преступлений коррупционной направленности.

Автором выделяются характерные черты данной категории преступлений, что позволяет отделить их от действий, связанных с коррупцией, или коррупционным поведением, т.е. не являющихся преступлениями.

Кроме того, автором представлена оценка уголовно-правового запрета коррупционных преступлений в контексте современного российского уголовного законодательства.

Ключевые слова: государственная служба, должностное лицо, коррупция, преступления коррупционной направленности

Original article

THE CONCEPT OF CORRUPTION CRIMES DIRECTIONS

Fatima S. BISULTANOVA

Prosecutor's Office of the Primorsky district of St. Petersburg, St. Petersburg,
Russia, angel.ray_nebo@mail.ru

Abstract. This article analyzes the norms of the current anti-corruption legislation. Based on this analysis, the concept of corruption-related crimes is formulated.

The author highlights the characteristic features of this category of crimes, which makes it possible to separate them from actions related to corruption or corrupt behavior, i.e., they are not crimes.

In addition, the author presents an assessment of the criminal law prohibition of corruption crimes in the context of modern Russian criminal legislation.

Keywords: public service, official, corruption, corruption-related crimes

В ч. 1 ст. 7 Конституции РФ подчеркивается, что Российская Федерация социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Одним из наиболее серьезных препятствий на пути реализации данного конституционного положения является коррупция в сфере публичного управления.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 указано, что взяточничество «как наиболее распространенное и опасное коррупционное преступление» посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие.

Отметим, что на сегодняшний день, в условиях нестабильной внешне-политической обстановки, крайне негативно со стороны общества воспринимаются факты вскрытия преступлений коррупционной направленности, понятие которых, отметим сразу, до сих пор не раскрыто в современном российском законодательстве.

Так, социологические опросы, проведенные различными исследовательскими центрами, свидетельствуют о низкой удовлетворенности общества результатами борьбы с коррупцией.

Например, согласно данным ВЦИОМ, почти половина респондентов не видят реальных результатов противодействия коррупции, а менее значительная часть считает, что ситуация только ухудшается¹.

Другие исследования указывают на высокое восприятие уровня коррупции в стране, что подрывает доверие к публично-правовым институтам. Среди причин такого мнения участники опросов называют слабый государственный контроль, безнаказанность и коррумпированность самих властей и т.д.²

В таком контексте законодательное регулирование основ государственной политики в вопросе противодействия коррупции (в частности, борьбы с коррупцией) требует, на наш взгляд, принятия дополнительных

¹ Коррупция в России: мониторинг. ВЦИОМ [Электронный ресурс] // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/korruptsiya-v-rossii-monitoring> (дата обращения: 20.11.2024).

² Уровень коррупции в России: мониторинг (оценки уровня коррупции с 2009 г. и их динамика) [Электронный ресурс] // URL: <https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14185> (дата обращения: 22.11.2024).

мер в виде закрепления и определения термина «преступления коррупционной направленности» посредством, как минимум, перечисления составов преступлений, относящихся к их числу.

Практическое значение данный шаг приобретает в том, что введение четкого законодательного определения «преступлений коррупционной направленности» позволит устранить правовую неопределенность, улучшить систематизацию уголовного законодательства, повысить прозрачность и эффективность правоприменения. Это, в свою очередь, создаст основу для более целенаправленной профилактики коррупции, усиления ответственности виновных лиц и укрепления доверия общества к государственным институтам, демонстрируя их приверженность борьбе с коррупцией.

Руководствуясь такой логикой, «законодатель», к примеру, определил перечень преступлений террористической (ч. 5 ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.)¹ и экстремистской (прим. 2 к ст. 282.1 УК РФ) направленности. Аналогичный подход в отношении преступлений коррупционной направленности может способствовать более продуктивной реализации государственной антикоррупционной политики.

Так, п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.)² определяет коррупцию как злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение данных деяний от имени или в интересах юридического лица.

Борьбу с коррупцией Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.)³ определяет как выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (подп. «б» п. 2 ст. 1).

¹ О противодействии терроризму Федеральный закон : от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Только единожды Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.) упоминает термин «коррупционное преступление» (п. 1 ст. 4), содержательно его не раскрывая. Таким образом, нормами федерального законодательства раскрывается значение смежных по отношению к «преступлениям коррупционной направленности» терминов, но не его самого.

К слову, на уровне федерального межведомственного регулирования вопрос об определении перечня преступлений коррупционной направленности является решенным. Так, согласно указанию Генеральной прокуратуры Российской Федерации и Министерства внутренних дел РФ от 25 июня 2024 г. № 462/11/2 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», к числу данной категории преступлений относятся противоправные деяния, обладающие следующими признаками:

1. Наличие надлежащих субъектов преступления, к которым относятся лица, указанные в примечаниях к статьям 201 и 285 УК РФ.

2. Связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей.

3. Обязательное наличие у субъекта корыстного мотива (деяние связано с получением им имущественных прав и выгод для себя или для третьих лиц).

4. Совершение преступления только с прямым умыслом.

Исключением, согласно межведомственному акту, являются деяния, не соответствующие перечисленным требованиям, но относящиеся к таковым в соответствии с международно-правовыми актами, ратифицированным Российской Федерации (к ним относятся преступления, связанные с подготовкой получения выгоды должностными лицами и т.д.). Кроме того, Генеральная прокуратура РФ и Министерство внутренних дел РФ определили конкретный перечень преступлений коррупционной направленности, к числу которых относятся деяния, предусмотренные:

— статьи 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 204, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, статьи 289, 290, 291, 291.1 УК РФ (без дополнительных условий);

— ч.ч. 3 и 4 ст. 159, ч.ч. 3 и 4 ст. 160, ст.ст. 201, 202, 285, чч. 1, 2 и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ и др. (при наличии дополнительных условий)

В юридической же доктрине сформировалось множество мнений относительно формулирования понятия «преступлений коррупционной направленности». Некоторыми учеными используются синонимичные термины «коррупционные преступления», «преступления, связанные с коррупцией»,

«коррупционное поведение» и т. д. Данные точки зрения относительно подходов к пониманию объема понятия преступления коррупционной направленности вполне обоснованы, однако в части их размежевания друг от друга (например, коррупционного преступления от коррупционного поведения) согласимся с Е. В. Марьиной, по мнению которой «широкое понимание термина «коррупция» размывает границы между коррупционным правонарушением и поведением, сопряженным с коррупцией»¹.

Другими словами, именно данное разграничение наиболее важно, так как отделяет те деяния, именуемые преступлениями, т.е. деяния, запрещенные уголовным законом, от других, которые запрещены иными нормами антикоррупционного законодательства (например, непринятие мер связи с конфликтом интересов, за что следует увольнение связи с потерей доверия, предусмотренное ст. 59² Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

Преступления коррупционной направленности обладают отличительными уголовно-правовыми характеристиками, которые выражаются в природе общественных отношений, на которые они посягают. Эти отношения связаны с интересами государственной службы, которым наносится «урон» через получение должностным лицом вознаграждение иным, чем предусмотрено в законе, способом.

Как отмечает И. А. Долгова, «коррупционным преступлением» является подкуп должностного лица, а именно корыстное использование в своих интересах полномочий, наделенных в соответствии с той или иной должностью². Исходя из этого можно сделать вывод, что преступления коррупционной направленности, исходя из нанесения вреда интересам государственной службе через получение должностным лицом какого-либо вознаграждения за исполнение своих должностных полномочий вопреки интересам государственной службы, требуют законодательного расширения круга общественных отношений, подпадающий под уголовно-правовой запрет.

Формы коррупционных преступлений разнообразны, в силу чего российским уголовным законом предусмотрены наказания за злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285), превышение должностных полномочий (ст. 286), получение (ст. 290) и дачу (ст. 291) взятки и др.

При анализе составов таких преступлений, с учетом требований, установленных ст. 14 УК РФ, ключевым шагом в определении признаков и понятия преступлений коррупционной направленности является выявление их

¹ Марьина Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм : автореф. дис. канд. юр. наук : 12.00.08. Самара, 2010. С. 29—30.

² Долгова А. И. Коррупционная преступность // Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. Москва : Норма, 2010. С. 573.

общественной опасности. Так, ущерб, причиняемый данной категорией преступлений, наносится непосредственно институтам публичной власти или коммерческим организациям.

Такой ущерб представляет особую угрозу для общества, поскольку приводит к тому, что государственные и негосударственные структуры и их должностные лица либо в целом не выполняют свои служебные обязанности, либо выполняют их с существенными нарушениями, что ставит под угрозу стабильность и целостность нормального течения общественных отношений.

Помимо прочего, к ключевым признакам коррупционных преступлений ученые-правоведы относят ряд важных характеристик. Во-первых, субъектный состав включает заинтересованное в выгоде лицо и должностное лицо. Во-вторых, взаимовыгодная направленность действий данных лиц, незаконность получения выгоды должностным лицом и исполнения им действий в пользу взяткодателя вопреки своим полномочиям¹.

Как можно заметить, основным признаком коррупционных преступлений является использование должностным лицом своего положения в структуре государственной власти в своих целях, которые не связаны с интересами государственной службы.

Взяткодатель же также наносит ущерб государственной службе путем удовлетворения своих потребностей незаконным способом. Этот аспект, как отмечает Г. Н. Горшенков, формирует основу коррупционной сделки, где обе стороны способствуют нарушению законных интересов государственной власти².

На основании изложенного можем прийти к выводу, что под преступлениями коррупционной направленности следует понимать уголовно наказуемые общественно опасные деяния, имеющие свойства коррупции и сопряженные с противозаконным применением должностным лицом своих полномочий. Кроме того, такие преступления следует отделять от деяний коррупционной направленности, коррупционного поведения и иных явлений (например, конфликт интересов), которые не являются преступлениями в силу того, что не посягают на интересы государства в уголовно-правовом поле. Между тем, коррупционное поведение также должно находить свое отражение в уголовном законе, с целью подчеркнуть его общественную

¹ Букалерева Л. А., Копылов М. Н. К вопросу о понятии «Коррупционные преступления» / Л. А. Букалерева, М. Н. Копылов // Общество и право. 2012. № 1 (38). С. 106-108.

² Горшенков Г. Н. «Противодействие» и «коррупция» как научно не проработанные понятия // Противодействие коррупции на федеральном, региональном и муниципальном уровнях: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 112-летию Юридического института Томского государственного университета и необходимости разработки программы противодействия коррупции на муниципальном уровне. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. С. 13.

опасность. Преступления коррупционной направленности следует определять на основании коррупционной сделки между заинтересованным и должностным лицом, отношения которых наносят непосредственный вред интересам государственной службы.

Научная статья

УДК 343.325

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПРИЗЫВАХ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ДЕЙСТВИЙ, НАПРАВЛЕННЫХ НА НАРУШЕНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ольга Фёдоровна БОГОВАЯ¹, Евгений Леонидович КОСЯК²

^{1,2} Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия,

¹ o.bogovaya@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы определения текстов и высказываний как содержащих призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации. Авторы на примерах показывают основные лингвистические средства, используемые в призывах к нарушению территориальной целостности Российской Федерации. В статье даются рекомендации по усовершенствованию механизма применения законодательства, направленного на противодействие таким призывам.

Ключевые слова: территориальная целостность, призывы, лингвистические средства

Original article

LINGUISTIC TOOLS USED IN CALLS FOR ACTION AIMED AT VIOLATION OF THE TERRITORIAL INTEGRITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Olga F. BOGOVAYA¹, Evgeny L. KOSYAK²

^{1,2} Donetsk State University, Donetsk, Russia,

¹ o.bogovaya@mail.ru

Abstract. The article discusses the problems of defining texts and statements as containing calls for violation of the territorial integrity of the Russian Federation.

The authors use examples to show the main linguistic means used in calls for violation of the territorial integrity of the Russian Federation.

The article provides recommendations on improving the mechanism of application of legislation aimed at countering such appeals.

Keywords: territorial integrity, appeals, linguistic means

Современная внешнеполитическая обстановка, складывающаяся вокруг Российской Федерации с 2014 года по настоящее время, характеризуется постепенно нарастающим уровнем напряженности, что обусловлено откровенно агрессивной позицией, занимаемой в отношении Российской Федерации странами-членами блока НАТО.

Искусственная изоляция России на внешнеполитической арене, обусловленная проведением Специальной военной операции, сопровождается непрекращающимися попытками дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Российской Федерации извне. Такие действия направлены, в первую очередь, на отвлечение внимания руководства Российской Федерации от реализации независимой внешней политики, укрепления государственного суверенитета, обеспечения эффективного противостояния расширению НАТО на восток.

Проводимые странами-членами блока НАТО мероприятия по дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в Российской Федерации в качестве одной из целей преследуют активизацию сепаратистских проявлений как одной из форм политического экстремизма.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г.¹, среди форм осуществления такой деятельности в первую очередь указана деятельность, направленная на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами. Данная форма политического экстремизма представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку она посягает на территориальную целостность Российской Федерации как на одну из основ ее государственного суверенитета.

В этих целях, иностранными спецслужбами во взаимодействии со специально созданными при их непосредственном участии международными неправительственными организациями, на постоянной основе материально

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и идеологически поддерживаются местные националистические общественные движения и выражающие их волю политические партии, деятельность которых на территории Российской Федерации зачастую запрещена судом («Антироссийское сепаратистское движение», «Форум свободных государств постРоссии», общественная организация «Черкесский комитет», Карельское национальное движение, Комитет бурятской независимости и пр.).

С началом проведения в феврале 2022 года Специальной военной операции, направленной на обеспечение демилитаризации и денацификации государства Украина, превращенной странами-участниками блока НАТО в плацдарм для осуществления антироссийской подрывной деятельности, российский политический экстремизм, финансируемый иностранными спецслужбами и аффилированными с ними неправительственными организациями, получил свое дальнейшее развитие. Ряды «традиционных» сепаратистских общественных движений пополнились признанным террористической организацией Русским добровольческим корпусом, одним из целей которого является вооруженное противостояние с органами власти и вооруженными формированиями Российской Федерации, направленное на насильственное отторжение от Российской Федерации ее новых регионов Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Херсонской области, Запорожской области.

Идеологическую базу для создания и функционирования российских экстремистских организаций, программой деятельности которых является политический экстремизм и сепаратизм как одно из его главных проявлений, составляют публичные высказывания западных военных и политических деятелей, содержащие тезисы о необходимости расчленения Российской Федерации на отдельные квазигосударственные образования, а также призывы к активизации сепаратизма.

Как правильно отмечает И. Е. Колесникова, «лингвистическая диагностика призыва включает в себя принятие во внимание комплекса лингвистических и экстралингвистических факторов, что является необходимым условием для установления факта речевого действия и определения его прагматического содержания»¹.

В качестве одного из наиболее иллюстративных, так называемых «программных» высказываний, призывающих к посягательству на территориальную целостность Российской Федерации, можно привести высказывание бывшего командующего сухопутными силами США в Европе генерала

¹ Колесникова И. Е. Дискурс вражды: лингвистические критерии выявления призывов экстремистской направленности: Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2024. Том 10 (76). № 1. С. 95—102.

Б. Ходжеса: «Давно надо было стратегически задуматься над тем, как провести деколонизацию России. Никогда у нас еще не было более подходящей возможности поддержать устремления тех народов Поволжья, что хотят разорвать связи с Кремлем»¹.

Содержание данного высказывания не несет в себе прямых призывов к посягательству на территориальную целостность России с использованием открытого и конкретного побуждения к активным действиям, направленным на территориальное расчленение Российской Федерации как суверенного государства. Тем не менее, в нем присутствуют элементы скрытых или имплицитных призывов к посягательству на территориальную целостность Российской Федерации.

Так, автор высказывания признает желательным «проведение деколонизации России». Сам термин «деколонизация» означает процесс предоставления независимости и полного суверенитета доминионам, подмандатным территориям, колониям, протекторатам.

То есть, используя термин-профессионализм «деколонизация», означающий искусственное отделение от государства (метрополии) его составных частей (колоний, доминионов) в сочетании с глаголом-действием «провести», имеющим значение «заставить пройти» (то есть, подразумевающим стороннее воздействие) и с фразеологизмом-средством выразительности «давно надо было», автор высказывания фактически склоняет аудиторию слушателей к необходимости и желательности осуществления действий, направленных на отделение от Российской Федерации части ее территорий (в контексте высказывания — территорий, населенных народами Поволжья).

Таким образом, в приведенном высказывании присутствует завуалированный призыв к тому, чтобы современные поволжские республики-субъекты Российской Федерации (Башкортостан, Мордовия, Марий Эл, Татарстан) приобрели статус отдельных государств вопреки Конституции Российской Федерации, так как они якобы «колонизированы». При этом, данному действию, направленному на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, придаются значение желательности и видимая правомерность, поскольку понятие «деколонизация» в международном праве означает реализацию права нации или народа на самоопределение путем образования суверенного государства из зависимой от метрополии территории (колонии, доминиона, протектората).

¹ Примеры использования антироссийской и русофобской риторики представителями западного политистеблишмента и международных организаций (за 2022—2023 гг.) // <https://telegra.ph/Primery-ispolzovaniya-antirossijskoj-i-rusofobskoj-ritoriki-predstaviteliyami-zapadnogo-politisteblishmenta-i-mezhdunarodnyh-orga-02-22/>.

Не будет излишним также отметить, что подобными высказываниями военного чиновника США, обращенными к широкому кругу лиц из числа проживающих на территории Российской Федерации, фактически выражается одобрение деструктивной деятельности запрещенных на территории Российской Федерации общественных движений, позиционирующих себя как представляющие интересы народов Поволжья — Башкирского национального политического центра, Всемирного конгресса финно-угорских народов, Эрзянского национального конгресса, правительства Татарстана в изгнании, Милли Меджлиса татарского народа и пр.

Высказывания, аналогичные по своему содержанию приведенному выше, имеют место и со стороны российских общественных деятелей, признанных иностранными агентами.

Так, активист движения «Свободная Ингрия»¹ иностранный агент Кузахметов, проживающий в настоящее время в Эстонии, 30 августа 2024 года в одном из своих публичных интервью заявил: «Будет счастливый и прекрасный вариант, когда хватит разума и при поддержке Запада все это [Россия] распадется по существующим границам субъектов Российской Федерации, их больше восьмидесяти. Якутия — это три миллиона квадратных километров. Это огромное государство, вполне себе самостоятельное, которое тоже к этому [отделению от России] готово. Калининградская область. Это еще одна готовая страна...»².

Анализируя данное высказывание, нельзя не обратить внимание на наличие в нем скрытого (имплицитного) призыва к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

Не призывая открыто к нарушению территориальной целостности России, автор высказывания тем не менее считает территориальный распад России и отделение ее отдельных регионов «счастливым и прекрасным вариантом», то есть признает его действием желательным и заслуживающим одобрения.

Убеждая аудиторию слушателей в желательности и необходимости скорейшего распада Российской Федерации на отдельные государства, автор высказывания для характеристики грядущего, по его мнению, территориального распада России, использует прилагательные-характеристики

¹ Социально-политическое движение «Свободная Ингрия» включено в перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Министерство юстиции Российской Федерации. <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7822>. (дата обращения 28.12.2024).

² Диагноз «деколонизатор». Самозванный историк Кузахметов ждет независимости Якутии и оккупации Калининграда. <https://block-ru.com/news/diagnoz-dekolonizator-samozvannyi-istorik-kuzahmetov-zhdet-nezavisimosti-yakutii-i-okkupacii>. (дата обращения 18.11.2024).

«счастливый» (то есть, удачный, благополучный для окружающих) и «прекрасный» (то есть, отличающийся привлекательностью для лиц, чьи интересы он [распад России] затрагивает).

В данном высказывании также присутствует такой лингвистический прием, как апелляция к разуму («хватит разума»), с использованием которого автор высказывания характеризует территориальный распад России как соответствующий, по его мнению, здравому смыслу.

В завершение данного высказывания автор применительно к отдельным субъектам Российской Федерации, к выходу которых из состава федеративного государства он призывает, употребляет прилагательное «готовый», семантическим значением которого является: «содержащий все необходимое для достижения определенной цели».

Совокупность указанных выше лингвистических средств позволяет оценить приведенное высказывание именно как косвенный (имплицитный) призыв к нарушению территориальной целостности Российской Федерации.

Примеры подобных высказываний российских «деятелей», признанных на государственном уровне иностранными агентами, не единичны и в настоящее время имеют тенденцию к росту. Поэтому актуальным вопросом является активизация противодействия таким проявлениям со стороны правоохранительных органов.

В то же время, в действующем Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 года № 1 (в ред. от 03 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹, по мнению авторов, не уделено достаточного внимания вопросам именно юридической квалификации публичных высказываний как таких, которые содержат призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, что делает проблематичным применение ст. 280.1 УК РФ к косвенным (имплицитным) призывам.

В связи с изложенным, авторами предлагается дополнить и конкретизировать п. 6.2 указанного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложив его в следующей редакции: «Ответственность по статье 280.1 УК РФ наступает при условии, если публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершены лицом в течение одного года после привлечения его к административной ответственности за аналогичное деяние по ч. 1 или 2 ст. 20.3.2 КоАП РФ».

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

О наличии в конкретном высказывании публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации может свидетельствовать использование автором высказывания применительно к территории субъектов Российской Федерации суждений о том, что такие территории не могут и не должны находиться в составе Российской Федерации и что их отделение от Российской Федерации вопреки Конституции Российской Федерации является желательным и заслуживающим одобрения.

О наличии у лица, распространяющего такие высказывания, умысла на совершение преступления, предусмотренного ст. 280.1 УК РФ, может свидетельствовать цитирование последним соответствующих публичных высказываний лиц, признанных иностранными агентами в порядке, установленном законодательством Российской Федерации».

Предлагаемые изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 года № 1 (в ред. от 03 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹ позволяют активизировать борьбу с сепаратистскими проявлениями.

Научная статья
УДК 343.346

**ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ЛИЦОМ,
ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ
И ЛИШЕННЫМ ПРАВА УПРАВЛЕНИЯ
ТРАНСПОРТНЫМИ СРЕДСТВАМИ**

Елена Сергеевна ВАСИЛЬЕВА

Управление по вопросам миграции ГУ МВД России
по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург,
Россия, vas.e13n4@yandex.ru

Аннотация. В статье освещаются актуальные направления федеральной стратегии России в сфере обеспечения дорожно-транспортной безопасности и минимизации количества происшествий на автомагистралях.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Особое внимание уделяется исследованию правоприменительной практики и количественных показателей, нарушения правил дорожного движения водителями, лишенными права управления транспортным средством.

Проводится комплексный анализ общественной значимости и социальных последствий повторного управления транспортным средством лицом, лишенным такого права.

Ключевые слова: безопасность дорожного движения, лишение водительских прав, уголовная ответственность, транспортные преступления

Original article

PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF TRAFFIC RULES BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PUNISHMENT AND DEPRIVED OF THE RIGHT TO DRIVE VEHICLES

Elena S. VASILYEVA

Migration Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for
St. Petersburg and the Leningrad Region, St. Petersburg, Russia,
vas.e13n4@yandex.ru

Abstract. The article highlights the current directions of the Russian federal strategy in the field of road safety and minimizing the number of accidents on motorways.

Special attention is paid to the study of law enforcement practices and quantitative indicators of violations of traffic rules by drivers deprived of the right to drive a vehicle.

A comprehensive analysis of the social significance and social consequences of repeated driving by a person deprived of such a right is carried out.

Keywords: road safety, driver's license revocation, criminal liability, transport crimes

В российском уголовном законодательстве присутствуют составы преступлений, при которых административное правонарушение преобразуется в деяние, подлежащее уголовному преследованию. Эксперты в области права отмечают, что модификации УК РФ зачастую страдают от недостаточной аргументации, что негативно сказывается на эффективности применения уголовно-правовых норм.

Эти недочеты проявляются в ряде аспектов: отсутствие надлежащего обоснования при введении уголовной ответственности за определенные

действия, несоответствие с нормами других отраслей права, а также технико-юридические сложности при формулировке правовых положений¹. После введения уголовного наказания за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения после административного взыскания, законодательный орган продолжил расширять область применения уголовного права в отношении повторных административных нарушений в сфере дорожного движения.

Федеральный закон № 458-ФЗ от 30.12.2021 внес изменения в УК РФ, дополнив его ст. 264.2². Эта новая норма устанавливает уголовную ответственность за нарушение ПДД лицами, ранее подвергнутыми административному взысканию в виде лишения водительских прав. Обоснованность введения данного положения подкрепляется статистическими данными ГИБДД МВД России. За десятилетний период зафиксировано свыше 2,18 млн. дорожно-транспортных происшествий, в результате которых около 3,05 млн. человек получили травмы, а почти 290 тыс. граждан погибли³.

Вследствие недавних поправок в законодательстве некоторые деяния, прежде квалифицируемые как административные проступки согласно КоАП РФ, теперь подлежат уголовному преследованию. В частности, криминализации подверглись следующие нарушения:

1. Существенное превышение допустимой скорости движения, регламентированное Кодексом об административных правонарушениях. Речь идет о превышении на 60-80 км/ч и свыше 80 км/ч. Уголовное наказание грозит в случае повторного совершения подобного нарушения лицом, ранее лишенным водительских прав за аналогичный проступок.

2. Пересечение сплошной линии разметки с выездом на полосу встречного движения или пути трамвая противоположного направления, что противоречит Правилам дорожного движения. Уголовная ответственность наступает при повторном совершении данного деяния водителем, ранее подвергнутым административному взысканию в виде лишения права управления транспортным средством за схожее нарушение.

Эти изменения отражают тенденцию к ужесточению ответственности за повторные серьезные нарушения правил дорожного движения. Законодатель стремится повысить эффективность превентивных мер, переводя

¹ Корецкий Д. А., Шимбарева Н. Г. Современная уголовная политика РФ: слова и дела // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики: сборник тезисов по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня основания Южного федерального университета. Ростов н/Д: Изд-во Южного Федерального университета, 2015. Т. 2. С. 223—226.

² Федеральный закон от 30.12.2021 № 458-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Официальный сайт МВД России // URL: <https://мвд.рф> (дата обращения 18.11.2024).

наиболее опасные повторные правонарушения в сферу уголовного права. Однако такой подход вызывает дискуссии среди правоведов о соразмерности наказания и потенциальных последствиях криминализации административных проступков.

Анализ введенной законодательной нормы демонстрирует, что наступление уголовной ответственности происходит при третьем совершении административного проступка после применения соответствующих мер административного воздействия. Ключевым условием является факт отсутствия у правонарушителя права на управление транспортным средством в результате его лишения.

В процессе применения уголовного законодательства выявляется определенное противоречие. Ст. 20 УК РФ устанавливает возраст уголовной ответственности с 16 лет, однако действующие нормы позволяют в этом возрасте получить водительское удостоверение только категории М и подкатегории А1. Управление транспортными средствами наиболее распространенных категорий «А», «В», «С» и подкатегорий «В1», «С1» разрешено лишь с 18 лет, либо лицо может вообще не иметь водительских прав¹.

Вместе с тем, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» разъясняет, что субъектом преступлений, предусмотренных ст.ст. 264 и 264.1 УК РФ, признается лицо, достигшее 16 лет, управляющее автомобилем, трамваем или иным механическим транспортным средством для перевозки людей, грузов или оборудования. К этой категории относятся не только водители с действующими правами, но и лица, у которых документы были изъяты за нарушение ПДД, лица без прав или лишенные их, а также инструкторы-водители учебных транспортных средств с двойным управлением².

Данное несоответствие между возрастом уголовной ответственности и возрастом получения прав на управление большинством транспортных средств создает правовую коллизию. Это может привести к ситуациям, когда лицо в возрасте 16—17 лет может быть привлечено к уголовной ответственности за управление транспортным средством, которым оно по закону

¹ О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ (в ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 № 25 (ред. от 25.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не имеет права управлять. Такое положение требует дополнительного рассмотрения и, возможно, законодательного урегулирования для обеспечения согласованности правовых норм.

Следовательно, схожие составы преступных деяний в сфере безопасности дорожного движения и эксплуатации транспортных средств имеют существенное различие от нормы, рассматриваемой в данном исследовании. Данный законодательный пробел требует устранения на основе разъяснений, содержащихся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 декабря 2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»¹.

Подобное законодательное решение представляется обоснованным и может служить дополнительным сдерживающим фактором для лиц, намеревающихся управлять транспортным средством без соответствующего удостоверения. Актуальность данной проблемы подтверждается статистическими данными ГИБДД МВД России: за 2023 год зафиксировано 9701 дорожно-транспортное происшествие с участием водителей, не имеющих права управления транспортными средствами².

Особого внимания заслуживает проблематика примечания к рассматриваемой статье, исключаящего из сферы ее действия случаи фиксации административных правонарушений автоматическими техническими средствами фото- и видеофиксации. Анализ практической деятельности сотрудников Дорожно-патрульной службы демонстрирует различия в методах выявления правонарушений: если факты выезда на полосу встречного движения могут быть зафиксированы визуально или путем непосредственной фото-видеофиксации инспекторами, то определение превышения скоростного режима требует обязательного применения специальных технических средств измерения. Ситуация действительно осложняется действующим указанием Министра внутренних дел от 01.07.2022 № 1/7301[6], которое запрещает сотрудникам органов внутренних дел использовать мобильные комплексы фотовидеофиксации нарушений ПДД в ручном режиме.

Подводя итог, следует отметить, что рост автомобильного парка и развитие дорожной инфраструктуры стимулируют законодателя к принятию

¹ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 № 25 (ред. от 25.06.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Официальный сайт Госавтоинспекции МВД России. <https://gosавтоинспекция.рф>. (дата обращения 18.11.2024). ния: 18.11.2024).

мер, направленных на обеспечение безопасности жизни граждан и повышение дисциплины водителей. Представляется, что дальнейшее совершенствование новых положений УК РФ будет способствовать их эффективной реализации в правоприменительной практике.

Научная статья

УДК 343.9.01

О НЕКОТОРЫХ ДЕТЕРМИНАНТАХ НАРУШЕНИЯ ПРАВИЛ ОБРАЩЕНИЯ С ЭКОЛОГИЧЕСКИ ОПАСНЫМИ ВЕЩЕСТВАМИ И ОТХОДАМИ

Евгений Валентинович ВЕТРОВ

Отдел криминалистики Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Иркутской области, Иркутск, Россия,
vetrovevg@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые детерминанты, способствующие нарушениям при обращении с экологически опасными веществами и отходами. Автором проанализированы законодательные и иные нормативные акты, регулирующие данную сферу, а также выявлены основные пробелы и недостатки в криминологической практике. В результате исследования предложены меры по улучшению правового регулирования и повышению эффективности предупреждения экологически опасных преступлений.

Ключевые слова: опасные отходы, экологические преступления, детерминанты, противодействие преступлениям, уголовное законодательство, пробелы в законодательстве, экосистема

Original article

ABOUT SOME DETERMINANTS OF VIOLATION OF THE RULES OF HANDLING ENVIRONMENTALLY HAZARDOUS SUBSTANCES AND WASTE

Evgeny V. VETROV

Criminalistics Department of the Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Irkutsk Region, Irkutsk, Russia,
vetrovevg@mail.ru

Abstract. The article examines the key determinants contributing to violations in the field of handling environmentally hazardous substances and waste, and their impact on the field of criminal law. The author analyzed legislative and other regulations governing this area, and also identified the main gaps and shortcomings in criminological practice. As a result of the study, measures were proposed to improve legal regulation and increase the efficiency of criminal prosecution in order to prevent environmentally hazardous crimes.

Keywords: hazardous waste, environmental crimes, factors, combating crimes, criminal legislation, gaps in legislation, ecosystem

В последнее время экологическая безопасность приобрела особую значимость. Уголовное право, как важный механизм правовой защиты окружающей среды, играет ключевую роль в предупреждении и пресечении преступлений, которые могут нанести вред как экосистемам, так и здоровью человека. В этом контексте исследование детерминант, способствующих нарушению правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, приобретает большую актуальность.

Наблюдается рост промышленного производства и использование новых технологий, которые сопровождаются увеличением объемов токсичных отходов. При этом далеко не всегда соблюдаются существующие стандарты и нормативные акты, регулирующие обращение с такими веществами. Таким образом, можно говорить о том, что увеличение объемов добычи ископаемых, увеличение объема производства неизбежно требуют внимания и коррекции для предотвращения экологических катастроф.

Одной из особенностей рассматриваемой категории преступлений является их трансграничная природа. Угроза, связанная с обращением опасных отходов, часто носит не локальный, а глобальный характер. Страны, обладающие менее строгими экологическими стандартами, либо пренебрежительно относящиеся к их соблюдению, создают чрезвычайно опасные риски. Это оказывает негативное воздействие на международные экологические взаимоотношения и вызывает напряжение между государствами.

Следует также обратить внимание на человеческий фактор — недостаток образования, халатность и коррупцию. Часто именно эти социальные аспекты становятся фоном для преступлений рассматриваемой категории, а понимание этих механизмов позволяет разработать эффективные меры профилактики.

Современные вызовы экологической безопасности требуют усиленного внимания к проблемам нарушения правил обращения с экологически опасными веществами и отходами. Уголовно-правовое регулирование в

этой сфере является необходимым элементом предупреждения и пресечения экологических правонарушений. Рассмотрим ключевые уголовно-правовые нормы, направленные на регулирование и предотвращение этих нарушений, а также анализируются причины и детерминанты, способствующие их совершению¹.

Экологическая безопасность представляет собой одну из важнейших составляющих общей безопасности государства. Обращение с экологически опасными веществами и отходами требует строгого соблюдения установленных правил, нарушение которых может привести к катастрофическим последствиям. Однако, на практике соблюдение данных норм не всегда реализуется должным образом, что обусловлено рядом детерминант. Важную роль в предотвращении и пресечении таких нарушений играют уголовно-правовые нормы, регулирующие данную сферу.

Уголовный кодекс Российской Федерации включает в себя нормы, направленные на защиту окружающей среды от правонарушений, связанных с обращением экологически опасных веществ и отходов. Среди них можно выделить норму, предусмотренную ст. 247 УК РФ, регламентирующую ответственность за нарушение правил обращения с экологически опасными веществами и отходами². Существуют смежные составы правонарушений, однако они регламентируются нормами административного законодательства.

Среди основных детерминант, способствующих нарушению правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, можно выделить следующие:

1. Недостаточный контроль за исполнением законодательства. Нередко отсутствует эффективный механизм мониторинга и пресечения рассматриваемой категории нарушений, что зачастую позволяет преступникам оставаться безнаказанными.

2. Экономическая мотивация. Организации и отдельные лица могут сознательно нарушать правила ради экономической выгоды, учитывая высокую стоимость утилизации отходов по установленным стандартам.

3. Низкая экологическая культура. Недостаток осведомленности о важности экологической безопасности и последствиях экологических правонарушений среди граждан и организаций часто приводит к пренебрежению

¹ Дикаев С. У., Дикаева М. С. О предмете экологического преступления, предусмотренного статьей 247 УК РФ // КриминалистЪ. 2022. №2 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-predmete-ekologicheskogo-prestupleniya-predusmotrennogo-statiei-247-uk-rf> (дата обращения: 25.11.2024).

² Колб А. А. Отходы производства и потребления как предмет преступления, предусмотренного ст. 247 УК РФ // Аграрное и земельное право. 2022. №4 (208). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/othody-proizvodstva-i-potrebleniya-kak-predmet-prestupleniya-predusmotrennogo-st-247-uk-rf> (дата обращения: 25.11.2024).

установленными нормами как на уровне отдельных граждан, так и на уровне руководства организаций, рабочих коллективов.

Анализ детерминант нарушения правил обращения с экологически опасными веществами и отходами позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к решению проблемы. Ужесточение контроля, усиление ответственности и повышение экологической культуры населения могут стать ключевыми шагами в формировании эффективной системы регулирования в данной сфере. Успешная защита окружающей среды во многом будет зависеть от того, насколько эффективно государство сможет интегрировать данные меры в свою правоприменительную практику.

Для эффективного решения проблем, связанных с нарушением правил обращения с экологически опасными веществами и отходами, необходимо предпринять комплексные меры, учитывающие выявленные детерминанты. Нами предлагаются следующие рекомендации по оптимизации:

1. Усиление контроля за исполнением законодательства. Существующие правила обращения с опасными отходами обеспечивают достаточный уровень экологической безопасности, однако требуют систематического контроля, осуществляемого на постоянной основе. Вместе с тем, субъекты хозяйствующей деятельности зачастую работают достаточно обособленно и выпадают из процесса постоянного контроля.

2. Создание эффективной системы мониторинга. Думается целесообразным разработать и внедрить цифровые системы отслеживания перемещения и утилизации опасных веществ. Фактически, современный уровень развития технологий позволяет применить так называемую блокчейн-технологии, которая даст возможность контролировать опасные отходы на каждом этапе их существования.

3. Усиление уголовной ответственности. Несмотря на общий тренд российского уголовного законодательства на гуманизацию уголовной ответственности, применительно к данным составам преступлений возможно усиление уголовной ответственности даст положительный эффект.

4. Оптимизация взаимодействия между государственными органами. Слаженная работа различных органов позволит в конечном итоге добиться синергетического эффекта. Это, в свою очередь, позволит частично высвободить трудовые ресурсы органов, занимающихся прямо или косвенно контролем за опасными отходами.

5. Построение гибкой финансовой политики. Думается, что наиболее оптимальным вариантом стимулирования для субъектов переработки и утилизации опасных отходов является материальное стимулирование. При

этом возможно введение дифференцированной налоговой ставки в зависимости от добросовестности соответствующей организации. Это создает предпосылки для заинтересования субъектов хозяйствующей деятельности.

6. Внедрение инновационных технологий. Сугубо технологическое решение вопроса также может иметь место. Развитие технологий, которые обусловят меньшую вредность опасных отходов является одним из наиболее приоритетных методов.

7. Информационные кампании. Формирование нетерпимости к фактам нарушения правил обращения с опасными отходами должно проводиться с привлечением средств массовой информации. Это с одной стороны поддержит лояльность граждан к введенному ст. 247 УК РФ уголовно-правовому запрету, с другой стороны будет служить гарантом большого общественного резонанса в случае, если указанное преступление будет совершено.

8. Создать в России Межведомственный центр по охране окружающей среды. К его функциям отнести:

- международное сотрудничество по уголовному преследованию юридических лиц, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации и в межгосударственном пространстве;
- мониторинг с целью выявления экологических правонарушений;
- учет лиц, находящихся в группе риска (ранее совершившие экологические преступления или административные правонарушения);
- проведение совместно с органами исполнительной власти Российской Федерации рабочих совещаний по реализации противодействия экологической преступности.

Таким образом, несмотря на тот факт, что приведенные решения зачастую выходят за рамки уголовно-правового регулирования, однако только их комплексное применение может в достаточной степени позволить выполнить задачу по предупреждению новых преступлений, предусмотренных данной статьей¹.

Предложенные нами меры не претендуют на абсолютную эффективность, они могут быть пересмотрены или адаптированы под конкретные условия с учетом их целесообразности. Вместе с тем, думается, что даже частичное применение указанных мер позволит существенно улучшить состояние рассматриваемой преступности.

¹ Готчина Л. В., Ветров Е. В. О некоторых проблемах квалификации преступлений, предусмотренных статьями 247 и 250 УК РФ // КриминалистЪ. 2022. №2 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-problemah-kvalifikatsii-prestupleniy-predusmotrennyh-statyami-247-i-250-uk-rf> (дата обращения: 25.11.2024).

ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СВЕТЕ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Марина Анатольевна ГОРБАТОВА¹, Виктория Александровна НИКУЛИНА²

¹ Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербург, Россия

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

¹ gorbatovam@mail.ru

² nicoulina@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке влияния современных достижений науки и техники на определение круга предметов преступления.

Обращается внимание, что технологический прогресс расширяет способы использования для совершения преступлений уже существующих предметов и явлений (например, big data).

В данной ситуации возникает потребность в адекватном реагировании уголовного законодательства на новые проявления общественно опасных деяний.

Ключевые слова: уголовно-правовое регулирование, предмет преступления, использование больших данных

Original article

THE OBJECTS OF THE CRIME IN THE LIGHT OF DEVELOPMENT MODERN TECHNOLOGIES

Marina A. GORBATOVA¹, Victoria A. NIKULINA²

¹ St. Petersburg Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg, Russia,

² National Research University «Higher School of Economics», St. Petersburg, Russia,

¹ gorbatovam@mail.ru

² nicoulina@rambler.ru

Abstract. The article is devoted to the assessment of the impact of modern achievements of science and technology on the determination of the range of objects of crime. Attention is drawn to the fact that technological progress expands

the ways of using existing objects and phenomena (for example, big data) to commit crimes. In this situation, there is a need for an adequate response of criminal legislation to new manifestations of socially dangerous acts.

Keywords: criminal law regulation, subject of crime, use of big data

«В то самое время, когда англичане перестали сжигать на кострах ведьм, они начали вешать подделывателей банкнот»¹, — слова К. Маркса, сказанные им в XIX веке по поводу формирования финансовой системы, сейчас в свете эволюции и активной трансформации правоотношений приобретают новый смысл, отражающий изменение предметов преступлений и их уголовно-правовой оценки. И действительно, до появления бумажных денег подделывались монеты, ценность которых определялась весом драгоценного металла. С введением банкнот возник и новый объект — порядок выпуска денег в обращение или, проще говоря, эмиссия. Наряду со сравнительно недавно, в 2018 г., появившимся составом кражи с банковского счета (а равно в отношении электронных денежных средств), в преступный оборот активно стал вовлекаться другой вид финансового актива — криптовалюта. И вот уже с осени 2024 года создан легитимный режим майнинга криптовалюты, а также появилась возможность ее использования во внешнеторговых сделках. Однако и до этого официального признания, несмотря на неопределенность и ограниченность своего гражданско-правового режима, криптовалюта уже полностью признавалась предметом экономических преступлений: суды учитывали ее и в хищениях в рамках преступлений против собственности, и в легализации имущества, полученного преступным путем.

Все это лишний раз подтверждает, что скорость развития общественных отношений, достигая высоких темпов, опережает правовое регулирование, и что право в целом, а уголовное право в особенности, не всегда успевают дать надлежащую оценку новым явлениям.

Особенно это заметно в связи с развитием новых технологий, результатом которых становятся либо новые предметы (например, биопринтные органы, бионические протезы), либо новые возможности обращения с уже известными предметами (например, стволовые клетки, эмбрионы были всегда, однако человечество лишь недавно научилось их хранить, изменять и т. д.).

Систематизация таких процессов позволяет говорить о двух перспективах в сфере уголовного законодательства. Во-первых, появление принципиально новых предметов потребует введения соответствующих уголовно-

¹ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В 3 т. / пер. И. И. Степанова-Скворцова. Т. 1. М.: Политиздат, 1952. С. 758—759.

правовых запретов при условии, что такие предметы не могут быть отнесены ни к одному из известных объектов преступлений. Во-вторых, может происходить наполнение уже существующих объектов преступлений новым предметным содержанием при сохранении неизменности текста уголовно-правовой нормы. В этом случае стоит задача — сориентировать правоприменителя по реализации действующих положений уголовного закона с учетом их эволютивного толкования.

Кратко остановимся на некоторых предметах и попробуем определить, являются ли они частью новых отношений или включены в те, которые уже охраняются уголовным законом.

Большие данные, играя огромную роль в деятельности различных организаций и учреждений, безусловно, выступают таким нематериальным активом, который обладает экономической ценностью, хотя и существует только в цифровой форме¹. В связи с этим, могут ли они выступать предметом, например, компьютерного преступления? Внесение сведений о человеке в информационные банки, а также возможности технологической обработки больших массивов персональных данных поставили под угрозу приватность человека². Например, сбор сведений о заказываемых продуктах позволяет узнать пищевые привычки человека, а это традиционно относилось к сфере его частной жизни, охраняемой как тайна. При этом сами массивы данных требуют своей охраны в рамках информационной безопасности. Поскольку данные собираются из открытых источников, то речь не идет об информационных преступлениях, но сохраняется возможность для квалификации деяния по ст. 137 УК РФ. Даже принятие Федерального закона от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» в части установления ответственности за незаконные использование и передачу, сбор и хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, не меняет ситуации, поскольку предусматривает как способ неправомерный доступ или иной незаконный путь, а формально сведения могут собираться и без такого способа, но против воли человека.

Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» от 22 декабря 1992 № 4180-1 (в ред. от 01.05.2022 г.) запрещает осуществлять продажу органов и (или) тканей³. Составы убийства, умышленного причи-

¹ Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4 (362). С. 27—34.

² Талапина Э. В. Большие данные и права человека: на пути к правовому регулированию // Государство и право. 2023. № 7. С. 129—138.

³ О трансплантации органов и (или) тканей человека : Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 № 4180-1 (в ред. от 01.05.2022 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

нения тяжкого вреда здоровью, торговли людьми содержат такой квалифицирующий признак как «в целях использования органов или тканей потерпевшего», а ст. 120 УК РФ устанавливает запрет на принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. Однако ни сами органы, ни ткани не выступают предметом этих преступлений, поскольку манипуляции с ними выходят за рамки указанных составов¹. Так, следуя буквальному толкованию диспозиций ст. 120 УК РФ непосредственным объектом данного состава преступления выступает «свобода волеизъявления человека по распоряжению своим телом и его частями»², а момент окончания преступного деяния связан не с фактом неправомерного изъятия органов или тканей, а с фактом принуждения — воздействия на психику потерпевшего. Аналогичный вывод можно сделать и по другим обозначенным преступлениям. Следовательно, действия с органами и тканями человека осуществляются, но их уголовно-правовой статус не определен, не говоря про статус биоматериала, который с развитием биотехнологий, скорее всего, также потребует своей уголовно-правовой оценки. Здесь стоит упомянуть, что еще в 2020 году в перечень объектов трансплантации были включены «клетки, предназначенные для замещения (выполнения) присущих им функций в организме, которые получены (заготовлены) из биологического материала»³, однако этот факт пока не нашел своего отражения в тексте уголовного закона.

Таким образом, если тело человека охраняется и при жизни (как часть здоровья), и после смерти (как часть общественной нравственности), то отделенные органы, ткани и даже отдельные клетки не имеют надлежащего уголовно-правового статуса. С одной стороны, противоправные действия с ними можно считать продолжением действий с телом умершего (если они изъяты из такого тела). Тогда страдает общественная нравственность. С другой стороны, если они предназначены для пересадки, то, по нашему мнению, их нельзя считать имуществом, а их пересадка угрожает здоровью реципиента. И в этом случае необходимо внесение отдельной статьи о неправомерных действиях с органами, тканями (и возможно даже клетками) человека.

Отдельно стоит упомянуть стволовые клетки пуповинной крови. Какой

¹ В научной литературе высказана и иная точка зрения на предмет преступления, предусмотренного ст. 120 УК РФ. См.: Кочои С. М., Гребенкина И. А. Биоматериалы, органы и ткани человека как предмет преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 1. С. 86.

² Фабрика Т. А. Проблемы уголовной ответственности за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Челябинск, 2007. С. 12.

³ О внесении изменения в перечень объектов трансплантации, утвержденный приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации и Российской академии наук от 4 июня 2015 г. № 306н/3 : Приказ Минздрава России № 1158н, РАН № 2 от 27 октября 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

у них правовой режим, могут ли они быть предметом преступления? Как показывают медицинские исследования, их использование как донорских вызывает значительно меньше осложнений и отторжений, чем от клеток костного мозга и периферической крови. Современная медицина в настоящее время широко использует стволовые клетки пуповинной крови для трансплантации в онкологии и гематологии. Очевидно, что негативные последствия, например, от умышленного уничтожения стволовых клеток не могут исчерпываться только имущественной оценкой, связанной с затратами на заморозку и последующее криохранение таких клеток. Помимо этого, остается без внимания вопрос об уголовно-правовой охране эмбриональных стволовых клеток.

Достижения биомедицины поставили под угрозу биоидентичность человека, когда стало возможным клонирование человека, редактирование генома (с непредсказуемыми отдаленными последствиями). В октябре 2024 года Конституционный Суд Российской Федерации провел слушания по делу о праве на пенсию по потере кормильца ребенка, родившегося от оплодотворения замороженным биоматериалом отца¹. В нашей стране было несколько уголовных дел, имевших высокий общественный резонанс, где разграничивались суррогатное материнство и торговля людьми. Сейчас с очевидностью возникла необходимость выделения отдельных составов преступлений, где объектом будут репродуктивные (например, обманное отцовство – против воли человека с использованием ранее замороженного биоматериала), генетические права (например, при воздействии на геном), иные соматические права (например, установка импланта с подменой дорогой модели на дешевую). В целом необходимо уточнение уголовно-правового статуса эмбриона и плода, которые, пока что, не наделены правосубъектностью в уголовном праве. Причем необходимость уголовно-правовой охраны эмбриона — это не столько вопрос о криминализации аборт (поскольку объектом преступления, предусмотренного ст. 123 УК РФ, выступают только жизнь и здоровье матери, но не внутриутробная жизнь), сколько потребность пресечения возможных неправомерных действий с эмбрионом².

Развитие биотехнологий позволяет создавать бионические протезы и биопринтные органы. В отличие от обычных органов такие предметы до пересадки человеку с очевидностью должны считаться имуществом медицинской организации (или пациента, если он их приобрел или заказал). После

¹ <https://www.kommersant.ru/doc/7248968?ysclid=m2zwvw6qhu33179841>. (дата обращения 18.11.2024).

² Галюкова М. И. Предпосылки уголовной ответственности за биопринтинг // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76. № 1 (194). С. 85—97.

же пересадки (как это сегодня имеет место с зубными протезами, искусственными хрусталиками) они могут становиться неразрывной частью тела (организма) человека. А потому воздействие на них причиняет вред здоровью. Соответственно, по нашему мнению, от факта пересадки зависит их отнесение к собственности или к здоровью человека.

Еще одна сфера, где технологии качественно изменили жизнь, затрагивает изображения интимного характера, которые могут быть как действительными, так и созданными с помощью технологии дипфейков. Если сбор или распространение таких изображений можно рассматривать как посягательство на тайну частной жизни, то смоделированные фото- и видео-материалы очевидно ничего не раскрывают, поскольку носят неправдивый характер. Единственный вариант уголовно-правовой охраны от таких деяний (если не вводить новый объект преступления) — признавать их клеветой невербальным способом, то есть считать в качестве объекта деяния по их созданию честь и достоинство личности. Однако можно посмотреть на зарубежный опыт. Например, Уголовное уложение ФРГ предусматривает до двух лет лишения свободы в § 184k за нарушение неприкосновенности интимной сферы посредством снимков с изображением другого лица¹. То есть объектом выступает не частная жизнь, не честь и достоинство, а неприкосновенность интимной сферы.

Требуется уточнения уголовно-правовой статус геномной информации. Хотя ресурсы уголовного права позволяют, при наличии к тому оснований, оценивать недобросовестные действия с информацией такого рода как посягательство на неприкосновенность частной жизни (ст. 137 УК РФ)², либо как преступления в сфере компьютерной информации, это, однако, не исключает необходимости дальнейшей проработки соответствующего правового регулирования, в том числе и путем введения новых уголовно-правовых запретов. Здесь, в том числе, интересен вопрос о правомерности-противоправности (вплоть до уголовной) разглашения геномной информации о генетически врожденном заболевании близким родственникам, когда носитель не дает такого согласия.

Вместе с тем появление ряда информационных прав также пока не привело к расширению сферы уголовно-правовой охраны. Очевидно, что уголовное право будет двигаться в этом направлении, в том числе по мере накопления опыта в разных странах.

Таким образом, наука уголовного права, сталкиваясь с появлением новых материальных и информационных сущностей, должна решать три вопроса: первый — является ли новый феномен частью уже существующего

¹ Головиненков П. В. Уголовное уложение Федеративной республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона. — Потсдам, 2021. — С. 304.

² Филатова М. А. Персональные данные как предмет преступного посягательства // Уголовное право. 2021. № 11. С. 35—43.

объекта, второй — если это новое отношение, то нуждается ли оно в уголовно-правовой охране, третий — если является абсолютно новым отношением и нуждается в уголовно-правовой охране, то как его описать. От правильного и оперативного разрешения этих вопросов зависит как адекватность уголовно-правового регулирования, так и его способность обеспечить охрану наиболее важных общественных отношений.

Научная статья

УДК 343.347.4

**КОНТРАФАКТНЫЕ ЛЕКАРСТВЕННЫЕ СРЕДСТВА
И МЕДИЦИНСКИЕ ИЗДЕЛИЯ КАК ВОЗМОЖНЫЙ ПРЕДМЕТ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 238.1 УК РФ**

Елена Витальевна ДЗЬОНИК

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
elleno4ka@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется предмет преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ.

Автор отмечает, что законодателем необоснованно в предмет данного деяния не были включены такие правовые категории как «контрафактные лекарственные средства» и «контрафактные медицинские изделия».

Предлагаются меры противодействия распространению контрафактных лекарственных средств и контрафактных медицинских изделий.

Ключевые слова: предмет преступления контрафактная продукция, лекарственные средства, медицинские изделия

Original article

**COUNTERFEIT MEDICINES AND MEDICAL DEVICES
AS A POSSIBLE ITEM CRIMES PROVIDED FOR IN ARTICLE 238.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Elena V. DZIONIK

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, elleno4ka@mail.ru

Abstract. The article analyzes the subject of the crime under Article 238.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The author notes that the legislator unreasonably did not include such legal categories as «counterfeit medicines» and «counterfeit medical products» in the subject of this act.

Measures are proposed to counter the spread of counterfeit medicines and counterfeit medical products.

Keywords: the subject of the crime is counterfeit products, medicines, medical devices

Федеральным законом от 31 декабря 2014 года № 532-ФЗ УК РФ был дополнен ст. ст. 235.1, 238.1 и 327.2, введение которых направлено на противодействие незаконному обращению лекарственных средств, медицинских изделий и биологически активных добавок¹.

Соответствующие законодательные изменения, помимо формирования новой правоприменительной практики, привели к дополнительным научным дискуссиям на предмет целесообразности и обоснованности введенных законодательных новшеств, которые продолжаются и в настоящее время.

Наибольший научный интерес вызывает анализ деяния, описанного законодателем в ст. 238.1 УК РФ, так как его предмет образуют не один элемент материального мира.

Так, анализ данного состава, позволяет сделать вывод, что предметом преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ являются:

- 1) фальсифицированные, недоброкачественные или незарегистрированные лекарственные средства;
- 2) фальсифицированные, недоброкачественные или незарегистрированные медицинские изделия;
- 3) фальсифицированные биологически активные добавки, содержащие не заявленные при государственной регистрации фармацевтические субстанции.

Не вдаваясь в подробно исследование каждого из перечисленных предметов, хотелось бы обратить внимание на некоторую рассогласованность законодательства в контексте рассматриваемой проблематики. Прежде всего, в наименовании Федерального закона, о котором мы упоминали ранее и которым УК РФ был дополнен тремя новыми составами, содержится упоминание о таких категориях как «контрафактное лекарственное средство» и «контрафактное медицинское изделие». Вместе с тем, в предмет ни одного

¹ Дворянкин О. А. Контрафакт — зло или благо? / науч.-попул. изд. ; Рос. союз юристов, Рос. акад. юрид. наук. Москва : Юрист, 2004. 331 с.

из трех составов преступлений данные категории не включены.

Так, в ч. 39 ст. 4 Федерального закона 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (Далее – Закон об обращении лекарственных средств) и в п. 14 ст. 38 Федерального закона 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (Закон об основах охраны здоровья граждан) даны понятия контрафактного лекарственного средства, которое представляет собой «лекарственное средство, находящееся в обороте с нарушением гражданского законодательства»¹, и контрафактного медицинского изделия, под которым понимается «медицинское изделие, находящееся в обороте с нарушением гражданского законодательства»².

Повторно обращаясь к предмету преступления, предусмотренного ст. 238¹ УК РФ, анализируя диспозицию данной нормы, целесообразно констатировать необоснованное отсутствие указанных правовых категорий в тексте рассматриваемой статьи.

В уголовно-правовой доктрине понятия «фальсифицированный» и «контрафактный» применительно к медицинской продукции нередко рассматриваются в качестве синонимов. В действительности их содержание несколько различается. К примеру, А.Л. Загорский указывает на то, что «контрафактная продукция» шире понятия «фальсифицированная продукция»³. По результатам сравнительного анализа данных понятий О. А. Дворянкин приходит к выводу, что контрафакт связан с нарушением прав, фальсификат — с нарушением производственных технологий⁴.

На наш взгляд, углубляясь в исследование данного вопроса, тот факт, что в специализированном законодательстве контрафактные лекарственные средства и медицинские изделия выделены в самостоятельную правовую категорию уже не позволяет рассматривать их как разновидность фальсифицированной, недоброкачественной или незарегистрированной медицинской продукции.

Аналогичного мнения придерживаются и опрошенные нами сотруд-

¹ Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об обращении лекарственных средств». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Загорский А. Л. Контрафакт и фальсификация. Защитные решения // Партнеры и конкуренты. 2005. № 5. С. 4—5.

⁴ Дворянкин О. А. Контрафакт — зло или благо?: науч.-попул. изд. / Дворянкин О. А.; Рос. союз юристов, Рос. акад. юрид. наук. Москва : Юрист, 2004. С. 46.

ники правоохранительных органов и медицинские работники (всего в проведенном нами анкетировании принимало участие 211 специалистов из правоохранительных органов и 104 работника медицинской сферы), перед которыми был поставлен вопрос: «Как Вы считаете, отличаются ли фальсифицированные лекарственные средства и медицинские изделия от контрафактных лекарственных средств и медицинских изделий?». 74 % респондентов из числа сотрудников правоохранительных органов и 68 % респондентов из числа медицинских работников, ответили на данный вопрос: «Да, отличаются, т.к. это различные виды незаконной медицинской продукции».

В обоснование нашей позиции также можно обратиться к позиции Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения (Росздравнадзор). Так, в своих отчетных письмах данный государственный орган по результатам реализации контрольно-надзорных мероприятий, рассматривает недоброкачественные, фальсифицированные, незарегистрированные и контрафактные лекарственные средства в качестве самостоятельных категорий, приводя по каждой из них отдельные отчетные и статистические данные¹.

В силу того, что диспозиция ст. 238.1 УК РФ, является бланкетной, логично утверждать, она должна в полной мере соответствовать положениям тех нормативно-правовых актов, к которым отсылает для уяснения содержания состава преступления. В данном случае мы не наблюдаем полноценной юридической корреляции между положениями уголовного закона (и в частности тем законодательным актом, которым были внесены рассматриваемые изменения), Законом об обращении лекарственных средств» и Законом об основах охраны здоровья граждан.

Придерживаемся позиции, что контрафактные лекарственные средства и медицинские изделия также представляют потенциальную опасность для пациентов наряду с фальсифицированной, недоброкачественной и незарегистрированной медицинской продукцией. К примеру, для контрафактных лекарственных препаратов невозможно подтвердить легальность цепи поставки, а значит и соблюдение необходимых условий хранения или транспортировки, что является обязательным условием для поддержания надлежащего качества лекарственных препаратов. Соответственно, при значительных масштабах незаконного обращения контрафактных лекарственных средств и медицинских изделий под угрозу ставится здоровье населения, так как существенно повышается степень общественной опасности такой незаконной деятельности. Однако в настоящее время за незаконное обращение

¹ Контроль качества лекарственных средств // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения. URL: <https://roszdravnadzor.gov.ru/drugs/qualitycontrol> (дата обращения: 14.10.2024).

контрафактных лекарственных средств или медицинских изделий возможно привлечь виновное лицо только к административной ответственности по ст. 6.33 КоАП РФ, вне зависимости от общей стоимости медицинской продукции, находящейся в таком незаконном обращении.

С учетом вышеизложенного считаем целесообразным включить в предмет преступления, предусмотренного ст. 238.1 УК РФ, контрафактные лекарственные средства и контрафактные медицинские изделия, что позволит устранить имеющийся на сегодняшний день пробел в области уголовно-правового регулирования, а также привести законодательную конструкцию рассматриваемой нормы с бланкетной диспозицией в полное соответствие с отраслевым законодательством в сфере фармацевтической и медицинской деятельности.

Научная статья

УДК 343.37

ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ НЕЗАКОННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ)

Екатерина Николаевна ЖЕЛТОВА

прокуратура Калининского района г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург,
Россия, strukova9852@gmail.com

Аннотация. В статье исследуются факторы, свидетельствующие об общественной опасности незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Анализируются признаки неоднократности и крупного ущерба при совершении деяния в виде незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

В статье также отражены обстоятельства, способствующие высокому уровню латентности незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг).

Ключевые слова: интеллектуальное право, средства индивидуализации, предупредительная маркировка, контрафакт, крупный ущерб, неоднократность

ABOUT THE PUBLIC DANGER OF ILLEGAL THE USE OF MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF GOODS (WORKS, SERVICES)

Ekaterina N. ZHELTOVA

Prosecutor's Office of the Kalininsky district of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, strukova9852@gmail.com

Abstract. The article examines the factors indicating the public danger of the illegal use of means of individualization of goods (works, services).

The article analyzes the signs of repetition and major damage when committing an act in the form of illegal use of means of individualization of goods (works, services).

The article also reflects the circumstances contributing to the high level of latency of the illegal use of means of individualization of goods (works, services).

Keywords: intellectual property law, means of individualization, preventive labeling, counterfeit, major damage, repetition

В соответствии со ст. 34 Конституции Российской Федерации, каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию.

Важнейшей составляющей предпринимательства является продвижение собственного продукта (товара, работы либо услуг). Оно невозможно без разработки средств индивидуализации: товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений. На основании них потребитель запоминает конкретного производителя.

Президент Российской Федерации в выступлении на XXVII Петербургском международном экономическом форуме отметил: «Российский бизнес понимает, что свидетельством качества, солидным экономическим активом становится собственный товарный знак. Растет количество таких заявок на одежду и обувь, программное обеспечение, в области фармацевтики, бытовой химии, парфюмерии и косметики, кондитерских изделий и так далее. В прошлом году подано более 143 тысяч заявок на товарные знаки — в два раза больше, чем в доковидном 2019 году»¹.

¹ Стенограмма выступления Владимира Путина на ПМЭФ-2024 / Сайт WWW.KP.RU // URL: <https://www.kp.ru/daily/27592.5/4943048/> (дата обращения: 26.11.2024)

Также в 2023 году в России подано 42 заявки на регистрацию наименования места происхождения товара и на предоставление исключительного права на наименование места происхождения товара, на предоставление исключительного права на ранее зарегистрированное наименование места происхождения товара; 73 на регистрацию географических указаний и на предоставление исключительного права на географические указания, на предоставление исключительного права на ранее зарегистрированное географическое указание¹.

Следует отметить, что незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) не только причиняет материальный ущерб законному правообладателю, но и способствует разрушению комфортной конкурентной среды, зачастую подрывает деловую репутацию добросовестных участников экономической деятельности. Особенную значим этот вопрос в контексте современных вызовов, а именно в связи с санкционным давлением, уходом с российского рынка ряда зарубежных партнеров, введением системы параллельного импорта².

Согласно статистике Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2023 год, количество зарегистрированных товарных знаков выросло на 37 % по сравнению с прошлым годом, присоединение Российской Федерации к Лиссабонской системе международной регистрации региональных брендов вывело охрану интеллектуальной собственности на средства индивидуализации на международный уровень³.

Согласно данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), Российская Федерация занимает 3 место в мире по количеству поданных заявок на регистрацию товарных знаков. Ее основными сферами являются: реклама и менеджмент в сфере бизнеса, одежда, обувь, головные уборы, образование, немедицинские косметические средства, научно-исследовательские инструменты.

Лидером по количеству поданных на регистрацию заявок на регистрацию права на товарные знаки, знаки обслуживания, наименования места происхождения товара является г. Москва; на 2 месте Московская область,

¹ Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2023 год / Под редакцией Ю. С. Зубова, О. П. Неретина, Москва: ФИПС, 2023. С. 137—138.

² О внесении изменения в статью 18 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 28.06.2022 № 213-ФЗ; «О товарах (группах товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения Гражданского кодекса Российской Федерации о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы»: Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 506. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Годовой отчет Федеральной службы по интеллектуальной собственности за 2023 год / Под редакцией Ю. С. Зубова, О. П. Неретина, Москва: ФИПС, 2023. С. 4.

на 3 месте г. Санкт-Петербург. В указанных регионах зарегистрированы тысячи средств индивидуализации¹.

Активное использование предпринимателями института регистрации прав на средства индивидуализации порождает риск совершения преступных посягательств на такие общественные отношения, предусмотренных ст. 180 УК РФ.

Так, в 2023 году по ч. 1 ст. 180 УК РФ осуждено 98 лиц, по ч. 2 ст. 180 УК РФ — 1 лицо, по ч. 3 ст. 180 УК РФ — 143, по ч. 4 ст. 180 УК РФ — 211. Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) является наиболее совершаемым в Российской Федерации преступлением в сфере интеллектуально-правовых отношений.

Федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ анализируемая уголовно-правовая норма существенно реформирована в части декриминализации незаконного использования предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара; повышения порога, с которого причиненный ущерб следует рассматривать как крупный².

Следует отметить, что повышение размера крупного ущерба не следует рассматривать как меру, свидетельствующую о понижении общественно опасной значимости незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг). Такие изменения произведены в ряде статей экономической направленности, согласно пояснительной записке к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», вызваны они общим уровнем инфляции в стране³.

Ввиду отсутствия официального толкования законодателем причин декриминализации незаконного использования предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб, обратимся к доктринальным положениям по указанному вопросу.

Следует отметить, что вопрос декриминализации незаконного использования предупредительной маркировки в отношении не зарегистрированного в Российской Федерации товарного знака или наименования места происхождения товара поднимался учеными в течении длительного времени.

¹ Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС): официальный сайт. URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 22.11.2024).

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 06.04.2024 № 79 – ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Законопроект № 327269-8 / Система обеспечения законодательной деятельности: официальный сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/327269-8> (дата обращения: 26.11.2024).

Следует отметить работы Клепицкого И. А., Кондрашиной В. А. Никитиной Л. К., Прокш М. Ю., Пучкова Д. В., Трейгер С. М., Филиппова П. А., которые отмечали следующие факторы, требующие декриминализации указанного деяния: указанное деяние не несет в себе общественную опасность, поскольку отсутствует нарушение чьих-либо прав, предупредительная маркировка не является объектом интеллектуальной собственности, кроме того, указанный запрет отсутствовал как в гражданско-правовых нормах, так и в законодательстве об административной ответственности, не содержится аналогичного состава преступления и в законодательстве стран СНГ, имеющих сходную с Российской Федерацией правовую систему¹. Таким образом, проведенная законодателем реформа уголовной ответственности, предусмотренной ст. 180 УК РФ видится в полной мере обоснованной.

В настоящее время уголовно наказуемыми являются: незаконное использование чужого товарного знака, знака обслуживания, наименования места происхождения товара или сходных с ними обозначений для однородных товаров, если это деяние совершено неоднократно или причинило крупный ущерб; то же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору; то же деяние, совершенное организованной группой.

Активно обсуждаемыми в науке являются вопросы установления признаков неоднократности использования товарного знака и правил определения размера причиненного ущерба.

В соответствии с п. 15 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака», неоднократность предполагает под собой как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации, так и одновременное использование двух или более средств индивидуализации на одной единице товара².

¹ Кондрашина В. А. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака по законодательству России и зарубежных стран: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.08 / В. А. Кондрашина. Самара, 2004. 21 с.; Никитина Л. К. Основные направления оптимизации уголовного законодательства об ответственности за незаконное использование товарного знака // Общество и право. 2010. № 1 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-optimizatsii-ugolovnogo-zakonodatelstva-ob-otvetstvennosti-za-nezakonnoe-ispolzovanie-tovarnogo-znaka> (дата обращения: 08.12.2024); Пучков Д. В. Уголовно-правовая защита интеллектуальной собственности в России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. Екатеринбург, 2013. 26 с.; Трейгер С. М. Уголовная ответственность за незаконное использование товарного знака : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. Москва, 2011. 27 с.; Филиппов П. А. Уголовно-правовая защита права интеллектуальной собственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / П. А. Филиппов // Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2003. 31 с.

² «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака»: Постановление Пленума

Возникает вопрос «Следует ли признавать неоднократным использование одного средства индивидуализации на одном товаре с одновременным использованием другого средства индивидуализации на ином товаре?». Очевиден утвердительный ответ. В таком случае, формулировка, использованная в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, является юридически неточной. Предлагаем изложить абз. п. 15 в следующей редакции: «Неоднократность ... товаров». При этом может иметь место как неоднократное использование одного и того же средства индивидуализации товара (услуги), так и одновременное использование двух или более чужих товарных знаков или других средств индивидуализации, в том числе на одной единице товара). Кроме того, ввиду внесенных в ст. 180 УК РФ изменений, надлежит исключить абз. 3. п. 15, п. 23 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14.

Отметим, что в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14 методика определения крупного ущерба не приводится. Имеется только указание на то, что применительно к ч. 1 ст. 146 и ст. 147 УК РФ ущерб, который может быть признан судом крупным, в законе не указан, суды при его установлении должны исходить из обстоятельств каждого конкретного дела (например, из наличия и размера реального ущерба, размера упущенной выгоды, размера доходов, полученных лицом в результате нарушения им прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации). В научной литературе излагаются самые разнообразные рекомендации по указанному вопросу: от необходимости изменения криминообразующего признака с крупного ущерба на крупный размер до включения в расчет морального вреда.

В правоприменительной практике встречаются случаи подмены понятия «крупный ущерб» «крупным размером», включения криминообразующего признака введения товаров со средствами индивидуализации в гражданский оборот, использования при расчете отпускной цены на оригинальную продукцию, усредненной цены на оригинальную продукцию¹. Однако отвечает ли принципу справедливости применение такого метода исчисления крупного ущерба в случае, когда у обладателя прав на средства индивидуализации отсутствует собственное производство, и правообладатель извлекает прибыли исключительно путем получения роялти? На основании

Верховного Суда Российской Федерации от 26.04.2007 № 14. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹ Петропавловск-Камчатский горгородской суд Камчатского края: приговор № 1-285/2023 1-8/2024 от 26.01.2024 г. по делу № 1-285/2023; Курганский городской суд: приговор № 1-1287/2023 1-66/2024 от 15.01.2024 г. по делу № 1-1287/2023; Центральный районный суд г. Новосибирска: приговор № 1-117/2022 1-35/2023 1-393/2021 от 11.10.2023 по делу № 1-117/2022

изложенного, видится необходимой разработка универсальных рекомендаций по расчету размера ущерба применительно к ст. 180 УК РФ.

Видится необходимым отметить, что преступность в виде незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) характеризуется высоким уровнем латентности.

Так, согласно проведенному НИУ ВШЭ исследованию, доля россиян, которые в течении последних 12 месяцев покупали «подделку», непрерывно растет, кроме того увеличивается количество потребителей, приобретающих контрафактную продукцию осознанно, около половины опрошенных респондентов (4978 человек в 2021 г., 6000 — в 2022 г., 6000 — в 2023 г.) отметили, что приобретали поддельные товары¹.

Таким образом, рынок оборота контрафактной продукции, производимой с незаконным использованием средств индивидуализации товаров (работ, услуг), значительно превышает объем указанных операций, попавший в поле зрения правоохранительных органов. Латентность незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг) связана с рядом причин, таких как: лояльное отношение потребителя к контрафактной продукции, рост цен на оригинальные «брендовые» товары, снижение уровня покупательной способности населения, повышение качества поддельных товаров и другие. Сложившиеся тенденции приводят к безнаказанности в анализируемой сфере деятельности, затрудняют оценку реального объема незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг), препятствуют предупреждению преступных проявлений.

В заключении хочется отметить, что отсутствие спорных моментов в правоприменительной практике привлечения к ответственности за незаконное использование средств индивидуализации — залог эффективного противодействия указанным преступлениям.

¹ Котельникова З. В. Кто и почему покупает поддельные товары в России / З. В. Котельникова // Вопросы экономики. 2024. № 11. С. 18—34. DOI 10.32609/0042-8736-2024-11-18-34.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ КОНТРАФАКТНОЙ ПРОДУКЦИИ

Аркадий Викторович ЖЕРЕБЧЕНКО¹, Рустам Миннесагитович ЛАТЫПОВ²

¹ Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия,

² Академия управления МВД России, Москва, Россия,

¹ avzh1983@mail.ru

² lr.ubp.mvd@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются нормы УК РФ, предусматривающие ответственность за незаконный оборот контрафактной продукции.

Автор придерживается позиции, что при схожести деяний, предусмотренных в ст. 171.1 УК РФ и в ст. 171.3 УК РФ, различие состоит в предмете и цели совершения преступления. Это и позволяет квалифицировать деяние по совокупности указанных составов преступлений.

Ключевые слова: контрафакт, подделка, товарный знак, акцизные марки

Original article

CRIMINAL LIABILITY FOR ILLEGAL TRAFFICKING OF COUNTERFEIT PRODUCTS

Arkady V. ZHEREBCHENKO¹, Rustam M. LATYPOV²

¹Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia

²Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

¹ avzh1983@mail.ru

² lr.ubp.mvd@yandex.ru

Abstract. The article discusses the norms of the Criminal Code of the Russian Federation providing for liability for the illegal trafficking of counterfeit products. The author adheres to the position that despite the similarity of the acts

provided for in art. 171.1 of the Criminal Code and in art. 171.3 of the Criminal Code, the difference is in the subject and purpose of the crime. This makes it possible to classify the act according to the totality of these crimes.

Keywords: counterfeit, forgery, trademark, excise stamps

В настоящее время, в условиях ухода с рынка иностранных компаний, введенных санкций в отношении Российской Федерации на ввоз импортных товаров, проблема незаконного оборота контрафактной продукции не просто остается актуальной, но даже усиливается.

Так, с июля 2022 года по июль 2023 года на российских маркетплейсах почти вдвое увеличилось количество подделок техники иностранных брендов. В 2023 году лидирующие позиции среди подделок занимают одежда и обувь, игры и игрушки, запчасти для автомобилей, продукты питания, алкогольная продукция, бытовая техника и электроника, а также аксессуары¹.

Действительно, ввоз на территорию Российской Федерации, производство и сбыт такой продукции не только причиняет ущерб правообладателю оригинального товарного знака, экономике Российской Федерации, но и может угрожать жизни, здоровью или имуществу потребителей этого товара. Более того, если до 2022 года иностранные производители активно мониторили рынки сбыта такой продукции, обращались с претензиями в рамках обеспечительного законодательства, реализовывали свои права по защите брендов от подделок, то сейчас такая деятельность сведена к минимуму.

Рассмотрим ситуации, когда лицо привлекается к уголовной ответственности за незаконный оборот контрафактной продукции в Российской Федерации.

Так, в 2023 году было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 146 УК РФ за нарушение авторских прав. Было установлено, что из Москвы в Пятигорск перевозились мягкие игрушки «Чебурашки» для их последующей реализации на рынке «Ли́ра». Известно, что единственным правообладателем анимационного образа мягкой игрушки «Чебурашка» в Российской Федерации является ООО «Союзмультфильм», поэтому любое использование указанного персонажа должно согласовываться с Союзмультфильмом. Конечно же, при перевозе «Чебурашек» никакой документации на это не было, задачей водителя являлась перевозка товара из одного места в другое².

Помимо ст. 146 УК РФ при незаконном обороте контрафакта деяния недобросовестных изготовителей могут квалифицироваться по ст. 171.1

¹ Легко подделались // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/-6109582?ysclid=m27eloaqfu648579772> (дата обращения: 15.09.2024).

² Как Чебурашка стал героем криминальной хроники URL: <https://amp.vesti.ru/article/3389741> (дата обращения: 15.09.2024).

УК РФ, ст. 171.3 УК РФ, ст. 180 УК РФ и ст. 238 УК РФ.

Отметим, что существуют ошибки при квалификации содеянного, когда речь идет о продаже товаров, подлежащих обязательной маркировке, в частности, когда осуществляется продажа немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками.

Так, Х. и Х. были осуждены по п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ за хранение в целях сбыта и продажу немаркированных табачных изделий, подлежащих маркировке акцизными марками¹.

В п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» от 18 ноября 2004 г. № 23 (в ред. от 07.07.2015) рекомендовано квалифицировать по совокупности преступления, предусмотренные ст. 171 УК РФ и ст. 171.3 УК РФ в случае незаконной предпринимательской деятельности при обороте немаркированных товаров, если деяние совершено в крупном размере.

Так, в своем определении суд акцентировал внимание, что предметом преступления, предусмотренного ст. 171.1 УК РФ, является в первую очередь алкогольная продукция, произведенная нелегально, независимо от того, кем она произведена и соответствует ли она требованиям государственных стандартов для определенной марки данной продукции².

Учитывая имеющуюся схожесть ст. 171.1 УК РФ и ст. 171.3 УК РФ по признакам объективной стороны, отметим, что различаются они по предмету и цели совершения преступления. Таким образом, эти два состава можно вменять в совокупности. Один из указанных составов необходимо вменять, если «легальный» предприниматель осуществляет оборот немаркированной алкогольной продукции либо, наоборот, «нелегальный» предприниматель осуществляет оборот маркированной алкогольной продукции³.

Приведем пример, когда суд верно квалифицировал содеянное по совокупности: как преступление в сфере незаконного оборота спиртосодержащей продукции, исключительных прав на товарные знаки, а также оборота поддельных акцизных и специальных марок по ч. 5 ст. 171.1, ч. 4 ст. 327.1, ч. 1 ст. 180 УК РФ.

Х. хранил в целях сбыта и продавал немаркированную алкогольную

¹ Приговор № 1-15/2023 от 06.03.2023 г. / Преображенский районный суд (г. Москва) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

² Кассационное определение Президиума Белгородского областного суда от 03.04.2014. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Жилкин М. Вопросы квалификации преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Уголовное право. 2019. № 1. С. 29—37.

продукцию. При этом, такая продукция подлежит обязательной маркировке акцизными марками (федеральными специальными марками). Помимо этого, Х. вменили использование для маркировки алкогольной продукции заведомо поддельных федеральных специальных марок. Также Х. незаконно использовал чужой товарный знак, а именно, в бутылки с этикетками известного иностранного коньяка он наливал контрафакт¹.

Если говорить об уголовной ответственности за суррогатный алкоголь, то нельзя не отметить еще одно, полагаем, наиболее общественно опасное преступление, регламентированное ст. 238 УК РФ, предусматривающее уголовную ответственность за производство, хранение, перевозку либо сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности. Так, в Иркутске сибиряки отравились «Боярышником», содержащим технический спирт — метанол.

Так, если осуществлялся незаконный оборот этилового спирта, опасного для человека, то необходимо вменять совокупность ст. 171.3 УК РФ и ст. 238 УК РФ.

При этом, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 25.05.2019 г. № 18 нет разъяснений относительно того, что необходимо понимать под «производством». Можно ли к нему отнести единичное изготовление в домашних условиях продукции (товаров), не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья? Поскольку общественная опасность таких действий очень высока и необходимость разъяснения термина «производство» в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» от 25.05.2019 года № 18. очевидна.

Так, считаем целесообразно по аналогии с термином «производство» наркотиков, которое дано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами», предусмотреть также разъяснение указанного термина и в анализируемом постановлении. В частности, полагаем, возможно разъяснение о том, что под производством необходимо понимать изготовление товаров и услуг в большом количестве, когда умысел направлен на сбыт таких предметов.

Подводя итог, отметим, что уголовное законодательство Российской

¹ Приговор № 1-298/2020 от 22.05.2020 г. / Орджоникидзевский районный суд г. Магнитогорска (Челябинская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.09.2024).

Федерации содержит несколько норм, устанавливающих уголовную ответственность за незаконный оборот контрафактной продукции. Четкое соблюдение правового регулирования в этой сфере, рекомендаций Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет обеспечить привлечение к уголовной ответственности виновных лиц за незаконный оборот контрафактной продукции.

Научная статья

УДК 343.77

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Роман Алексеевич ЗАБАВКО

Юридический институт Иркутского государственного университета,
Иркутск, Россия, zrairk@gmail.com

Аннотация. Проанализированы основные тенденции развития норм главы 26, а также смежных норм УКФ, регулирующих ответственность за деяния, связанные с причинением вреда окружающей среде.

Указано, что охрана природы по большей степени носит декларативный характер, а содержание большинства норм связана с экономическими интересами, обусловленными важностью природных ресурсов для промышленности.

Отмечается, что именно экономика обусловила выбор конструкций для большинства составов экологических преступлений, подход к формированию санкций, практику применения указанных норм.

Ключевые слова: окружающая среда, экологические преступления, санкции, экономические преступления, административная преюдиция

Original article

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL ENVIRONMENTAL LEGISLATION

Roman A. ZABAVKO

Irkutsk State University Law Institute, Irkutsk, Russia, zrairk@gmail.com

Abstract. The main trends in the development of the norms of Chapter 26, as well as related UKF norms governing liability for acts related to environmental damage, are analyzed.

It is indicated that nature protection is mostly declarative in nature, and the content of most norms is related to economic interests due to the importance of natural resources for industry.

It is noted that it was the economy that determined the choice of structures for most economic crimes, the approach to the formation of sanctions, and the practice of applying these norms.

Keywords: environment, environmental crimes, sanctions, economic crimes, administrative prejudice

Одна из наиболее важных проблем современности — борьба с экологическими правонарушениями, в особенности, с экологическими преступлениями, количество, латентность, размеры вредоносность и иные характеристики которых остаются на таком уровне, что создают угрозы экологического кризиса и грозят множественными проблемами гражданам, обществу и государству.

Так, в 2023 году на территории РФ было зарегистрировано 16 212 преступлений, предусмотренных статьями главы 26 УК РФ, что на 15,0 % ниже, чем в 2022 году, однако ущерб от окружающей среде от противоправной деятельности увеличивается. Так, в 2023 году он составил более чем 226 млрд рублей (рост составил примерно на 200 %), при этом взыскано на начало 2024 года было только 3,6 млрд рублей¹.

Перед государством стоят задачи сохранения окружающей среды и природных ресурсов, а также обеспечения рационального и эффективного природопользования, которые, на первый взгляд, несовместимы. Вместе с тем, необходимость роста производства, обеспечение экономики страны доступным топливом и другими ресурсами, требует от государства принятия взвешенных решений в рассматриваемой области и сохранения баланса экологических и экономических интересов.

Все это в полной мере проявляется в уголовно-экологическом законодательстве, которое достаточно динамично развивалось в последние годы.

Во-первых, составы преступлений, связанных с обращением некоторых видов незаконно добытых ресурсов, вынесены за пределы главы 26 УК РФ.

Так, ответственность за незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней

¹ Доклад о деятельности Росприроднадзора в 2023 году [Электронный ресурс] // Росприроднадзор: официальный сайт URL : https://rpn.gov.ru/upload/iblock/da8/x8cgrbq0y6fk8ziy6cdmf51s9e09nk9q/Doklad-2023-_1_.pdf

либо жемчуга предусмотрена в ст. 191 УК РФ, а за приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины — в ст. 191.1 УК РФ (глава 22 УК РФ). Это связано с тем, что указанные предметы имеют значительную ценность именно для экономических отношений, и, несмотря на то что они выступают средством профилактики преступлений, предусмотренных ст. 255 и 266 УК РФ, государство стремится взять под контроль их как ресурс для промышленности.

Отнесение данных деяний к числу преступлений в сфере экономической деятельности определяет, в частности, особенности их учета и расследования, взыскания ущерба и т.д. Некоторые авторы с таким подходом согласны¹, другие же предлагают все уголовно-экологические нормы сосредоточить в главе 26 УК РФ².

На первый взгляд, выбранная законодателем позиция не соотносится с тем подходом, который выбран для уголовно-правовой охраны незаконной добычи и оборота особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 258.1 УК РФ), а также особо ценных растений и грибов (ст. 260.1 УК РФ) — и добыча, и оборот указанных предметов, а также их частей и дериватов сосредоточена в указанных статьях, расположенных в главе 26 УК РФ. Выносить в отдельные статьи ответственность за оборот указанных предметов не требуется — их экономическое значение невысоко, и государство не относится к ним как к ценностям, имеющим значение для промышленности.

Во-вторых, составы экологических преступлений, непосредственно связанных с экономикой, сконструированы настолько сложно, что их практическое применение в значительной степени затруднено.

Так, практически все виды загрязнения объектов окружающей среды (вод, атмосферного воздуха, морской среды и почв) имеют не просто материальные составы, а включают две группы последствий (кроме ч. 1 ст. 251 УК РФ): первого уровня — загрязнение одного из указанных объектов окружающей среды; и второго — вред здоровью и жизни человека, эпидемии, эпизоотии и т.д. При этом между деянием и обоими уровнями последствий необходимо установление причинно-следственных связей, что порой невозможно с научно-технической точки зрения, так как не существует таких экспертных методик или хотя бы специальных знаний, которые могли бы их достоверно связать. Как показывает практика, основной вред от загрязнения

¹ Котова А. А. К вопросу об объекте самовольной добычи янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней // Современные проблемы квалификации и расследования экологических преступлений : Международная научно-практическая конференция, Москва, 09 июня 2023 г. Москва: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2023. С. 264—265.

² Фиськов И. А. Уголовная ответственность за незаконное использование лесов. Автореф. дисс... канд. юрид. наук. Владивосток. 2019, 26 с.

объектов окружающей среды является накопительным, проявляется у большого количества населения через годы воздействия, что также не способствует установлению причинно-следственных связей. Но и залповые выбросы также не всегда вызывает немедленную реакция живых организмов и могут проявиться через длительное время. Как верно отмечают С. Ф. Милюков и Н. И. Кузнецова, такие составы можно отнести к числу «мертво-рожденных»¹, изначально не нацеленных на применение. Думается, и такой подход можно объяснить экономическими интересами — выбросы в атмосферу производят, как правило, крупные участники экономических отношений — заводы, теплоэлектростанции и т.д., от успешности работы которых во многом зависит промышленный рост.

В-третьих, вопросы вызывают санкции экологических преступлений, которые, хотя и были увеличены в последние несколько лет, рассматриваемые составы следует относить к категории менее тяжких, по сравнению с иными главами УК РФ².

Это свойство составов экологических преступлений еще более усугубляется в правоприменительной практике — чаще всего наказание за указанные преступления назначается условно, часто — ниже нижнего предела, установленного в санкции. С учетом того, что виновный, как правило, действует с корыстной мотивацией, назначаемые наказания в несколько раз менее строгие чем, например, за преступления в сфере экономики, вряд ли можно признать удовлетворяющие принципу справедливости.

Это вновь объясняется экономическими интересами законодателя — несмотря на «экологическую» вредоносность рассматриваемых преступлений, с точки зрения экономики они чаще всего выступают полезными действиями, по крайней мере, в краткосрочной перспективе, так как в ходе их совершения производится продукция, например, алюминий, в ходе производства которого завод мог выбросить в атмосферу большое количество вредных веществ.

В поддержку своего предположения приведем еще один аргумент — для составов преступлений, которые не производят для экономики ценных ресурсов, законодатель предусмотрел наиболее строгие наказания (добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов (ст. 258.1 УК РФ), а также особо ценных растений и грибов (ст. 260.1 УК РФ)). Своеобразным исключением является незаконная рубка лесных

¹ Милюков С. Ф., Кузнецова Н. И. Современные тенденции развития уголовно-экологической политики // Наука. Общество. Государство. 2022. Т. 10, № 2(38). С. 45.

² Дворецкий М. Ю. Оптимальная систематизация экологических преступлений в контексте эффективной реализации уголовной ответственности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 9(149). С. 193.

насаждений (ст. 260 УК РФ) — государство стремится контролировать заготовку древесины и устанавливает за данное преступление достаточно строгое название.

В-четвертых, несмотря на широкое применение механизмов административной преюдиции и учета повторности совершения преступлений, законодатель не спешит применять ее в составах экологических преступлений — в настоящий момент они предусмотрены только в ст. 255 УК РФ.

Это опять же можно объяснить экономическими причинами — лица, совершающие преступления, предусмотренные главой 26 УК РФ, часто являются важными участниками производственных отношений с редкими высоко квалифицированными профессиями (инженеры, экологические специалисты на крупных производствах) и исключение их из экономики повлечет за собой проблемы, а подготовка новых специалистов занимает много времени. Другая часть лиц, совершающих экологические преступления, фактически вынуждена это делать из-за тяжелого материального положения и отсутствием возможности заниматься иной деятельностью. Так, указанные подходы позволили бы более эффективно исключать из механизмов совершения, например, незаконную рубку лесных насаждений лиц, которые ранее уже совершали подобные деяния (чаще всего, они участвуют в легальной деятельности по заготовке древесины, время от времени нарушая ее условия), но другие виды деятельности для них часто не доступны.

Все вышесказанное позволяет сделать неутешительные выводы о том, что впервые появившаяся и положительно принятая специалистами глава 26 УК РФ, выделившая составы экологических преступлений, носит по большей части декларативный характер, при чем по содержанию и смыслу даже не соответствует громким декларациям об охране окружающей среды. Истинные интересы правового регулирования порядка экологически значимой деятельности связаны с экономикой. Решение этой проблемы связано с повышением значимости объектов природы, что возможно с развитием экономики, переходом к высокоэффективным технологиям, формированием экологической культуры граждан.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МАНИПУЛИРОВАНИЕ РЫНКОМ

Андрей Викторович ЗАРУБИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы уголовной ответственности за манипулирование рынком.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за манипулирование рынком.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за манипулирование рынком.

Ключевые слова: преступления в сфере экономической деятельности, манипулирование рынком

Original article

SOME PROBLEMS OF CRIMINAL LIABILITY FOR MARKET MANIPULATION

Andrey V. ZARUBIN

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article discusses some of the problems of criminal liability for market manipulation.

Attention is drawn to the imperfection of criminal legislation providing for liability for market manipulation.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for market manipulation.

Keywords: crimes in the sphere of economic activity, market manipulation

Развитие экономики России в современных условиях приобрело для

государства важнейшее значение. В подп. «д» п. 1 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в качестве одной из приоритетных целей национального развития Российской Федерации определена устойчивая и динамическая экономика.

Верным представляется мнение Н. А. Подольного о том, что введение нормы ст. 185.3 в Уголовный кодекс РФ — это не только признание наличия опасного для общества явления, но и того, что общество и государство достигло определенного, достаточно высокого уровня своего экономического развития. Необходимость ее введения продиктована особенностью экономической ситуации, в которой находится Россия¹.

Непосредственным объектом преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие предусмотренные законодательством интересы инвесторов, а также установленный порядок формирования цен на финансовые инструменты, иностранную валюту, товары.

Ч. 1 ст. 1 Закон о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком в качестве цели применения данного закона определяет обеспечение справедливого ценообразования на финансовые инструменты, иностранную валюту и (или) товары, равенства инвесторов и укрепление доверия инвесторов путем создания правового механизма предотвращения, выявления и пресечения злоупотреблений на организованных торгах в форме неправомерного использования инсайдерской информации и (или) манипулирования рынком.

Согласно ч. 28 ст. 2 Закона о рынке ценных бумаг финансовый инструмент — ценная бумага или производный финансовый инструмент. Производный финансовый инструмент — договор, за исключением договора репо.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 24.02.2021) «О валютном регулировании и валютном контроле» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.02.2021) иностранная валюта — это:

а) денежные знаки в виде банкнот, казначейских билетов, монеты, находящиеся в обращении и являющиеся законным средством наличного платежа на территории соответствующего иностранного государства (группы иностранных государств), а также изымаемые либо изъятые из обращения, но подлежащие обмену указанные денежные знаки;

б) средства на банковских счетах и в банковских вкладах в денежных единицах иностранных государств и международных денежных или расчетных единицах.

¹ Подольный Н. А. Манипуляции на рынке ценных бумаг: особенности состава преступления // Российская юстиция. 2013. № 3. С. 28—30.

В соответствии с ч. 1 ст. 455 ГК РФ товаром по договору купли-продажи могут быть любые вещи с соблюдением правил, предусмотренных ст. 129 ГК РФ.

Объективная сторона преступления выражается деянии в форме в действий — манипулировании рынком:

а) распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть «Интернет»), заведомо ложных сведений;

б) совершение операций с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами;

в) иные действия, запрещенные законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком.

Под средством массовой информации в соответствии со ст. 2 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 30.12.2020) «О средствах массовой информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) понимается периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием).

Информационно-телекоммуникационная сеть согласно п. 4 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 09.03.2021) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.03.2021) — это технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Распространение через средства массовой информации, в том числе электронные, информационно-телекоммуникационные сети, заведомо ложных сведений предполагает размещение в данных источниках сведений, не соответствующих действительности.

Операциями с финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами, как указывается в п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2010 № 224-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», является совершение сделок и иные действия, направленные на приобретение, отчуждение, иное изменение прав на финансовые инструменты, иностранную валюту и (или) товары, а также действия, связанные с принятием обязательств совершить указанные действия, в том числе выставление заявок (дача поручений).

Иными действиями, запрещенными законодательством Российской Федерации о противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком, являются действия, перечисленные в ч. 1 ст. 5 Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Указанные действия должны повлечь два обязательных последствия:

а) цена, спрос, предложение или объем торгов финансовыми инструментами, иностранной валютой и (или) товарами отклонились от уровня или поддерживались на уровне, существенно отличающемся от того уровня, который сформировался бы без учета незаконных действий;

б) крупный ущерб гражданам, организациям или государству.

Либо указанные действия должны быть сопряжены с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в крупном размере.

Критерии существенного отклонения цены, спроса, предложения или объема торгов финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром по сравнению с уровнем цены, спроса, предложения или объема торгов такими финансовым инструментом, иностранной валютой и (или) товаром, который сформировался бы без учета действий, предусмотренных данной статьей, устанавливаются в соответствии с ч. 2 ст. 5 Федерального закона «О противодействии неправомерному использованию инсайдерской информации и манипулированию рынком и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в зависимости от вида, ликвидности и (или) рыночной стоимости финансового инструмента, иностранной валюты и (или) товара организатором торговли на основании методических рекомендаций Банка России¹.

В соответствии с примечанием 1 к ст. 185.3 УК РФ крупным ущербом гражданам, организациям или государству, излишним доходом, убытками в крупном размере признаются ущерб, излишний доход, убытки в сумме, превышающей три миллиона семьсот пятьдесят тысяч рублей, а в особо крупном размере — пятнадцать миллионов рублей.

Излишний доход — это доход, определяемый как разница между доходом, который был получен в результате незаконных действий, и доходом, который сформировался бы без учета незаконных действий, предусмотренных ст. 185.3 УК РФ.

¹ Об утверждении Методических рекомендаций по установлению критериев существенного отклонения цены биржевых товаров: Приказ ФСФР РФ от 08.11.2011 № 11-59/пз-н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Избежание убытков — это материальные потери, которых лицо избежало в результате неправомерного использования инсайдерской информации и (или) манипулирования рынком.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины в виде прямого или косвенного умысла.

Субъект преступления специальный — участники рынка ценных бумаг, в том числе уполномоченные лица профессиональных участников (юридических лиц, осуществляющих профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, например, брокер, дилер и др.).

В качестве квалифицирующих признаков в ч. 2 ст. 185.3 УК РФ предусмотрена ответственность за деяния, совершенные организованной группой, а также за деяния, причинившие ущерб в особо крупном размере гражданам, организациям или государству либо сопряженные с извлечением излишнего дохода или избежанием убытков в особо крупном размере, под которым понимается в соответствии с примечанием к данной статье признаются ущерб, излишний доход, убытки в сумме, превышающей пятнадцать миллионов рублей.

Научная статья

УДК 343.4

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НАРУШЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Елизавета Андреевна ЗУЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
lizueva113@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются вопросы общественной опасности преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ. Рассматриваются объект преступного посягательства, общественно опасные последствия, способ, признаки специального субъекта преступления, закрепленный в ч. 2 ст. 137 УК РФ.

Сформулировано предложение о выделении распространения сведений по признаку «публичности» в качестве квалифицированного состава преступления.

Ключевые слова: общественная опасность, неприкосновенность, частная жизнь, характер, степень.

PUBLIC DANGER OF VIOLATION PRIVACY POLICY

Elizaveta A. ZUEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, lizueva113@gmail.com

Abstract: The article examines the issues of public danger of a crime under Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation. Public danger is revealed through the nature and degree, expressed in qualitative and quantitative indicators, respectively. The article considers the object of criminal encroachment, socially dangerous consequences, method, special subject of crime, fixed in part 2 of Article 137 of the Criminal Code of the Russian Federation. A proposal is put forward to single out the dissemination of information on the basis of «publicity» as a qualified corpus delicti.

Key words: public danger, inviolability, private life, character, degree

В условиях глобализации и стремительного развития компьютерных технологий информация о частной жизни лиц приобрела особую значимость и уязвимость. В современном обществе скорость, с которой данные распространяются и циркулируют, значительно возросла, что создает множество возможностей для манипуляций с информацией, это, в свою очередь, приводит к угрожающим последствиям для частной жизни граждан.

Институт неприкосновенности частной жизни охраняется Конституцией Российской Федерации и других стран, нормами международного права.

Так, Конституция Российской Федерации гарантирует право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1 ст. 23), а также устанавливает запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 УК РФ).

Одной из важнейших уголовно-правовых гарантий, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни, является ст. 137 УК РФ — «Нарушение неприкосновенности частной жизни».

Анализ современного уголовного законодательства и материалов судебной практики показывает, что в настоящее время в России пока не создан эффективный механизм, обеспечивающий уголовно-правовую охрану неприкосновенности частной жизни.

В соответствии с данными судебной статистики по ч. 1 ст. 137 УК РФ

за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица было осуждено в 2020 году 163 человека, в 2021 — 218 человек (+ 33,74 % к аналогичному периоду прошлого года), в 2022 — 252 (+ 15,59%), в 2023 — 224 (– 11,12 %)¹. Сокращение числа осужденных в 2023 году требует дополнительного анализа, чтобы выявить причины такого снижения и оценить, насколько устойчивыми являются выявленные тенденции в области правоприменения ст. 137 УК РФ.

Важным признаком любого преступления является общественная опасность, выражающая способность деяния причинять существенный вред общественным отношениям, поставленным под охрану уголовным законом. Общественная опасность сочетает в себе характер и степень, выраженные в качественных и количественных показателях соответственно.

Характер общественной опасности преступления определяется посредством анализа двух аспектов: во-первых, направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности; во-вторых, причиненного деянием вреда².

Первый аспект выражается в объекте преступления, под которым в доктрине уголовного права понимаются общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые посягает виновное лицо с целью причинения им вреда³. Учитывая тот факт, что ст. 137 УК РФ расположена в разделе 7 «Преступления против личности» главы 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» уголовного закона, можно утверждать, что родовым объектом нарушения неприкосновенности частной жизни выступают общественные отношения, охраняющие личность, видовым — конституционные права и свободы человека и гражданина, непосредственным — неприкосновенность частной жизни лица.

Помимо основного состава преступления, содержащегося в ч. 1 ст. 137 УК РФ, законодатель выделяет квалифицированный (ч. 2 — «Те же деяния, совершенные лицом с использованием своего служебного положения»). Он является более общественно опасным, ввиду дополнительного объекта уголовно-правовой охраны, в качестве которого выступают общественные отношения, связанные с нормальной деятельностью конкретного звена публичного аппарата управления в лице государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений,

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] : [офиц. сайт]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 19.09.2024).

² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (с изм. и доп. на 18 декабря 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Попов А. Н., Аистова Л. С. Объект преступления: учебное пособие. СПб. : СПбЮИ (ф) АГП РФ, 2014. С. 9.

а также коммерческих и иных организаций.

Часть 3 ст. 137 УК РФ закрепляет особо квалифицированный состав преступления («Незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия»). В приведенной норме в качестве дополнительного объекта преступления выступают общественные отношения, охраняющие нормальное морально-нравственное, психическое, физическое развитие несовершеннолетнего потерпевшего. Совершение подобного преступления может приводить к социальной изоляции несовершеннолетнего потерпевшего, издевательствам со стороны сверстников и даже учителей, вызывая значительные страдания и негативные последствия.

Некоторые ученые говорят о первостепенности дополнительного объекта в данном составе преступления. Так, например, С. А. Стяжина¹, даже предлагает вынести ответственность за деяние, предусмотренное в ч. 3 ст. 137 УК РФ, в главу 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Вторым аспектом, отражающим характер общественной опасности преступления, является причиненный деянием вред, который выражается в общественно опасных последствиях. По конструкции объективной стороны составы преступлений, закрепленные в ч. 1 и ч. 2 ст. 137 УК РФ, являются формальными. Преступление считается оконченным с момента выполнения противоправных действий по собиранию или распространению информации о частной жизни человека, т. е. наступление общественно опасных последствий необязательно. В свою очередь в диспозиции ч. 3 ст. 137 УК РФ прописаны общественно опасные последствия в виде причинения вреда здоровью или психического расстройства несовершеннолетнего, или иных тяжких последствий. Следовательно, состав преступления является материальным и считается оконченным с момента наступления любого из последствий.

Рассмотрев характер общественной опасности нарушения неприкосновенности частной жизни, перейдем к степени. Составляющими ее характеристиками являются: характер и размер наступивших последствий; способ

¹ Стяжина С. А. Уголовно-правовая охрана частной жизни лица // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. № 4. С. 542.

совершения преступления; роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии; вид умысла (прямой – применительно к ст. 137 УК РФ); обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание¹.

Остановимся на способе совершения преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 137 УК РФ, так как иные показатели степени общественной опасности определяются в каждом конкретном случае совершения преступления.

Отметим, что объективная сторона нарушения неприкосновенности частной жизни состоит из трех независимых друг от друга альтернативных действий, предметом которых являются сведения о частной жизни лица, составляющие личную или семейную тайну:

- 1) незаконное собирание таких сведений, без согласия лица;
- 2) незаконное распространение таких сведений, без согласия лица;
- 3) распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, что составляет не только само деяние, но и способ его совершения.

Обозначенный в третьей строке способ совершения преступления предусматривает один и тот же признак – публичность. Законодательное определение данного термина не установлено. В соответствии со словарем С. И. Ожегова термин «публичный» имеет значение «осуществляемый в присутствии публики, открытый»².

Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021 г.)³ раскрывает понятие публичные призывы. Исследование указанных разъяснений дало возможность определить несколько признаков, относящихся к понятию публичности.

Прежде всего, «публичность» определяется наличием коллективного адресата обращения. Исследователи обсуждают, сколько лиц необходимо для того, чтобы считать обращение публичным. Мнения на этот счет варьируются от одного человека до неопределенно большого круга лиц. Однако, учитывая, что нарушение неприкосновенности частной жизни происходит в отношении конкретного (частного) лица, такие характеристики публичности, как «значительное количество людей» или «неопределенно широкая

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 (с изм. и доп. на 18 декабря 2018 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 24.10.2024).

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (в ред. от 28.10.2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

аудитория», будут неуместны. Вряд ли значительное число людей заинтересуется публичным выступлением, направленным против обычного человека, за исключением случаев, связанных со знаменитостями. В связи с этим, мы полагаем, что признаком публичности будет наделено выступление, состоявшееся в присутствии хотя бы одного третьего лица. Такие выступления, например, могут быть проведены на собрание в трудовом коллективе, лекции у студентов, классном часу у школьников, конференции, интервью, митинге и других формах публичных мероприятий. К тому же, «публичность» распространения сведений должна охватываться умыслом виновного лица, о чем будут свидетельствовать: место, способ, обстановка и другие характеристики.

Помимо публичного выступления, законодатель предусмотрел нарушение неприкосновенности частной жизни, совершенное в публично демонстрирующемся произведении.

Согласно пп. 1 п. 1 ст. 1225 ГК РФ к результатам интеллектуальной деятельности относятся произведения науки, литературы и искусства. На этом нельзя ставить точку, к произведениям следует также отнести различные аудио-, кино-, теле-, видеоматериалы, коллажи, презентации и т. д.

Способ совершения преступления, определенный в ч. 1 ст. 137 УК РФ, обладает повышенной общественной опасностью, поскольку личная или семейная тайна лица может стать доступной для широкого круга лиц. В связи с этим представляется целесообразным выделить распространение сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации в качестве квалифицирующего признака состава преступления. Это позволит учесть степень общественной опасности деяния и обеспечить соответствующую правовую реакцию на подобные нарушения. К тому же данный способ определен п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание и во многих статьях уголовного закона выделяется в качестве квалифицированного состава преступления, например, п. «д» ч. 2 ст. 110, ч. 2 ст. 128.1 УК РФ и многие другие.

Хотелось бы акцентировать внимание на квалифицирующем признаке рассматриваемого состава преступления – ч. 2 ст. 137 УК РФ. Исходя из анализа положений постановлений Пленумов Верховного Суда РФ в качестве специального субъекта могут выступать должностные лица, государственные и муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами и лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации¹.

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 (в ред. от 15 декабря 2022 г.); О практике рассмотрения

Однако, в судебной практике по статье 137 УК РФ служебное положение интерпретируется более широко.

Так, находясь на дежурстве медицинский брат Ш. В. А. получил вызов от диспетчера и направился на адрес для оказания скорой медицинской помощи пациенту. По прибытии он констатировал смерть. Выйдя из квартиры, умышленно из корыстной заинтересованности сообщил сотруднику центра ритуальных услуг по мобильной связи сведения о смерти лица, его фамилию, имя, отчество, возраст и адрес проживания, составляющие врачебную тайну, а также личную и семейную тайну. По приговору суда медицинский брат Ш. В. А. был привлечен к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 137 УК РФ за незаконное распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную и семейную тайну, без его согласия, совершенное лицом с использованием своего служебного положения¹.

Также, Б.М.В., являясь управляющей салона сотовой связи, совершила преступление, находясь на рабочем месте. Используя свои полномочия и доступ к базе данных оператора сотовой связи, она запросила информацию о телефонных переговорах, соединениях и сообщениях 7 человек. Б.М.В. узнала номера абонентов, даты, время и продолжительность звонков. После этого она передала полученные данные по мобильному устройству неустановленному лицу. Деяние управляющей салона сотовой связи было квалифицировано по ч. 2 ст. 137 УК РФ, как незаконное собирание и распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную тайну, без его согласия, совершенное с использованием своего служебного положения, и по ч. 2 ст. 138 УК РФ, как нарушение тайны переписки, телефонных переговоров или иных сообщений граждан, совершенное с использованием своего служебного положения².

На основании приведенных примеров судебной практики считаем обоснованным мнение ученых, которые под служебным положением применительно к ч. 2 ст. 137 УК РФ понимают, помимо позиции раскрытой в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации, еще и выполнение лицом должностных управленческих или производственно-профессиональных функций (врач, уборщик, сторож и другие)³. В целях формирования единого подхода в правоприменительной практике считаем целесообразным закрепить понятие в руководящих разъяснениях Пленума

судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2007 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Приговор Ленинского районного суда г. Пензы от 15 февраля 2023 г. № 1-69/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3F5Hrz> (дата обращения: 22.11.2024).

² Приговор Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга от 12 марта 2021 г. № 1-154/2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3F5DkQ> (дата обращения: 22.11.2024).

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации с постановками материалами и судебной практикой / Под ред. Улесько С. И. Ростов н/Д.: МарТ, 2002. С. 498.

Верховного Суда Российской Федерации. Следовательно, использование служебного положения для собирания или распространения сведений о частной жизни лица повышает уровень общественной опасности противоправных действий.

Таким образом, анализ общественной опасности нарушения неприкосновенности частной жизни позволил сделать ряд выводов. Во-первых, нарушение конституционного права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну не только затрагивает индивидуальные интересы граждан, но и создает угрозу для социального порядка и стабильности общества в целом. Во-вторых, в условиях современного информационного общества, где данные легко доступны и могут быть использованы в корыстных целях, необходимость совершенствования законодательства в этой области становится очевидной.

Научная статья
УДК 343.61

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ В ПРЕСТУПЛЕНИЯХ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ч. 4 ст. 111 УК РФ, СОВЕРШЕННЫХ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Евгения Владимировна ИВАНОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, Evgeniya.ivanova@spbu.ru

Аннотация. При поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации» коллективом ученых Санкт-Петербургского государственного университета осуществляется комплекс исследований проблем семейно-бытового насилия.

В рамках исследования был проведен мониторинг правоприменения уголовного законодательства, а именно – ч. 4 ст. 111 УК РФ — применительно к делам о домашнем насилии.

В ходе исследования было установлено, что правоприменительные органы часто сталкиваются с проблемой установления причинной связи между совершенным лицом деянием и двумя последствиями: причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего и смертью потерпевшего.

Ключевые слова: преступления в семейно-бытовой сфере, причинение смерти в семейно-бытовой сфере, причинная связь, проблемы правоприменения, мониторинг практики применения уголовного закона

**THE PROBLEM OF ESTABLISHING A CAUSAL RELATIONSHIP
IN CRIMES PROVIDED FOR IN PART 4 OF ARTICLE 111
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION,
COMMITTED IN THE FAMILY AND HOUSEHOLD SPHERE**

Evgeniya V. IVANOVA

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,

Evgeniya.ivanova@spbu.ru

Abstract. With the support of the Russian Science Foundation, within the framework of the project «Legal regulation of countering domestic violence in the Russian Federation», a team of scientists from St. Petersburg State University is carrying out a complex of studies on the problems of domestic violence.

As part of the study, the law enforcement of criminal legislation was monitored, namely, Part 4 of Article 111 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to cases of domestic violence.

During the study, it was found that law enforcement agencies often face the problem of establishing a causal relationship between the act committed by a person and two consequences: causing serious harm to the victim's health and the death of the victim.

Keywords: crimes in the family and household sphere, causing death in the family and household sphere, causation, problems of law enforcement, monitoring of the practice of applying Criminal Law

При поддержке Российского научного фонда в рамках реализации проекта «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации» коллективом ученых Санкт-Петербургского государственного университета осуществляется комплекс исследований проблем семейно-бытового насилия.

В рамках исследования проводятся мониторинги правоприменения уголовного законодательства применительно к делам о домашнем насилии. Для исследования методом случайной выборки было подобрано и изучено 452 правоприменительных актов (приговоров и постановлений), вынесенных за период 2020—2023 г. судами Российской Федерации по 1 инстанции по факту рассмотрения уголовных дел по обвинению лиц в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, размещенных в открытом доступе на сайтах судов Российской Федерации.

В результате проведенного исследования выявлено 67 правоприменительных актов (64 приговора и 3 постановления), вынесенных по результатам рассмотрения уголовных дел об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, в семейно-бытовой сфере.

Одной из основных проблем применения состава ч. 4 ст. 111 УК РФ является отнесения преступления к преступлениям с двумя формами вины и, кроме того, с двумя последствиями. По отношению к наступившему последствию в виде тяжкого вреда здоровью потерпевшего вина лица умышленная, по отношению к смерти потерпевшего — неосторожная. Данное обстоятельство предполагает двойное установление причинной связи: между деянием и последствием в виде тяжкого вреда здоровью и между деянием и последствием в виде смерти потерпевшего.

Причинная связь в научной литературе рассматривается как закономерная связь явлений, предполагающая, что при наличии определенных условий и действия определенной причины с необходимостью наступает определенный результат¹.

В настоящее время в доктрине активно отстаивается теория причинной связи, которая получила название «теория реальной возможности», исходящая из трех основных постулатов. Во-первых, требуется наличие временного критерия: последствие должно иметь место после деяния.

Во-вторых, деяние можно признать причиной лишь тогда, когда оно содержало в себе реальную возможность наступления последствия.

В-третьих, именно деяние должно быть главной причиной последствия, а не иные привходящие обстоятельства.

Установление причинной связи имеет принципиальное значение для разграничения смежных составов преступлений. Например, при разграничении ч. 4 ст. 111 УК РФ и убийства исследователи указывают, что лицо при совершении убийства не только должно желать наступления последствия в виде смерти потерпевшего, но оно должно также и представлять общий характер причинной связи между совершенным деянием и последствиями².

Г. Н. Борзенков обоснованно указывает, что применительно к составу убийства смертельный результат должен быть необходимым последствием деяния лица в конкретных условиях места и времени³.

Аналогично, при причинении потерпевшему тяжкого вреда здоровью,

¹ Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. В. В. Лукьянова, В. С. Прохорова, В. Ф. Щепелькова, перераб. и доп. СПб.: Издательство СПбГУ. 2013. С. 163.

² Бородин С. В., Малинин В. Б. Убийство — общая характеристика: монография. СПб., 2013. С. 42.

³ Борзенков Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья: Учебно-практическое пособие. М., 2006. С. 27.

либо также должно представлять себе причинную связь между деянием и последствиями. Можно в данном случае согласиться с В. В. Хилютотой, писавшем при рассмотрении проблемного случая квалификации, что имеет значение осознание причинителем вреда степени типичности наступления опасного результата¹.

Применительно к составу ч. 4 ст. 111 УК РФ смерть потерпевшего наступает в результате причиненного потерпевшему тяжкого вреда здоровью. При этом указание законодателя на умысел применительно к причинению тяжкого вреда здоровью потерпевшего предполагает, что лицо либо предвидит следствие как неизбежное, либо как реальное. В то же время неосторожное отношение к смерти предполагает либо непредвидение данного последствия, либо предвидение как абстрактно возможного.

Есть исследователи, например, С.В. Скляр, которые предполагают, что при совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, лицо сознает и наличие опасности для жизни потерпевшего².

Проведенное исследование показало, что проблема установления причинной связи применительно к преступлению, предусмотренному ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершенному в семейно-бытовой сфере, наиболее остро стоит в случаях, когда виновный умышленно наносит потерпевшему удар, тот теряет равновесие, падает, ударяясь при падении о какой-либо предмет, и погибает.

В. Д. Филимонов указывает, что причинная связь при материальном взаимодействии деяния и обстоятельств внешней среды (как это бывает в преступлениях, связанных с лишением человека жизни и причинением вреда его здоровью) характеризуется тем, что «свойственный им процесс причинения вреда не выходит за пределы взаимосвязи материальных явлений»³.

Исходя из учета причинной связи между деянием и последствиями следует сделать вывод, что различным образом должны быть квалифицированы деяния в зависимости от того, вследствие чего наступила смерть потерпевшего. Так, если тяжкий вред причиняется непосредственно ударом виновного по потерпевшему, смерть наступает в результате развития причинной связи от тяжкого вреда здоровью, удар от падения на наступление смерти не повлиял, при учете иных обстоятельств могут иметься основания

¹ Хилюта В. В. Неоконченное преступление и сложная вина // Юрист-Правовед. 2022. № 3(102). С. 11.

² Скляр С. В. Разграничение убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего // Уголовное право. 2022. № 9 (145). С. 35.

³ Филимонов В. Д. Проблема причинной связи в уголовном праве // Уголовное право. 2020. № 4. С. 86—87.

для квалификации содеянного по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Если тяжкий вред причиняется непосредственно ударом виновного по потерпевшему, смерть наступает в результате падения, при учете иных обстоятельств также могут иметься основания для квалификации содеянного по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Однако если тяжкий вред причиняется в результате падения, смерть наступает в результате развития причинной связи от тяжкого вреда здоровью, квалификация по ч. 4 ст. 111 УК РФ выглядит спорной, содеянное скорее всего (при учете иных обстоятельств) должно быть квалифицировано по ст. 109 УК РФ как причинение смерти по неосторожности.

Таким образом, специфика причинной связи – то обстоятельство, которое должно быть детально установлено судами для надлежащей квалификации содеянного.

Мониторинг показал, что иногда правоприменитель, квалифицируя содеянное по ч. 4 ст. 111 УК РФ, не устанавливает в полной мере особенности причинной связи.

Так, органами предварительного расследования содеянное Д. было квалифицировано по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Д. нанес потерпевшей удар костылем по голове, вследствие которого она упала и ударилась головой о металлические предметы, расположенные на полу. В ходе судебного разбирательства не было установлено, какой конкретно вред здоровью был причинен потерпевшей в результате удара по голове костылем, а какой – в результате падения. Эксперт в судебном заседании пояснила, что имевшиеся у потерпевшей телесные повреждения могли образоваться от однократного ударного воздействия в левую лобно-теменную область тупым твердым предметом или соударении с таковым, в том числе при падении потерпевшей. Для получения данного повреждения достаточно одного воздействия, это может быть как нанесение удара в лобно-теменную область головы, так и соударение. Данная травма квалифицируется как причинившая тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни и состоит в прямой причинно-следственной связи со смертью¹.

При описанных обстоятельствах суд переквалифицировал содеянное с ч. 4 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 109 УК РФ. Между тем, судом не было в точности установлено, отчего наступил тяжкий вред здоровью потерпевшей, падение потерпевшей наступило — с высокой долей вероятности — по неосторожности для виновного. Представляется, что при неустранимых сомнениях в развитии причинной связи суд обоснованно истолковал их

¹ Приговор Ленинского районного суда гор. Омска Омской области от 07 июня 2023 г. по делу № 1-298/2023. Дата обращения: 22 июля 2024 г. https://lenincourt--oms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=241728322&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

в пользу виновного, квалифицировав содеянное как неосторожное причинение смерти. Суд посчитал, что тяжкий вред здоровью и смерть потерпевшего наступили в результате падения, которое можно отчасти рассматривать как обстоятельство случайное. В то же время в приговоре не установлено, от чего именно наступил тяжкий вред здоровью потерпевшей, не установлено, был ли удар о стену случайным или типичным последствием действий виновного.

Также не была установлена специфика развития причинной связи по делу Х., который в ходе распития алкогольных напитков со своей сожительницей вступил с ней в конфликт, сильно ударил ее кулаком в голову с правой стороны, отчего сожительница ударилась левым виском о стенку. От полученной черепно-мозговой травмы потерпевшая скончалась в больнице¹. Судом содеянное квалифицировано по ч. 4 ст. 111 УК РФ, однако фактически не было установлено, отчего наступил тяжкий вред здоровью потерпевшей, также неясно, являлось ли ударение о стену в данном случае последствием случайным или типичным. Эти обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что особенности развития причинной связи в полном объеме не установлены. Между тем, если тяжкий вред был причинен в результате удара потерпевшей о стену, нельзя исключать варианта квалификации содеянного по ст. 109 УК РФ.

По ч. 4 ст. 111 УК РФ квалифицировано содеянное подсудимым Б, который в ходе ссоры нанес потерпевшей ряд ударов, от которых потерпевшая упала на пол, при падении ударившись левой частью головы об стол. При проведении судебно-медицинской экспертизы трупа было указано, что повреждения, повлекшие смерть, у потерпевшей образовались в результате не менее 7 травматических воздействий твердого тупого предмета².

Из приговора суда не следует, какой вред здоровью был причинен в результате нанесенных подсудимым ударов, а какой последовал в результате падения. Таким образом, причинная связь в данном случае также не является установленной дифференцированно.

Исходя из квалификации содеянного по ч. 4 ст. 111 УК РФ, следует предположить, что суд исходил из предвидения виновным причинение тяж-

¹ Приговор Ярославского районного суда Ярославской области от 26 июля 2023 г. по делу № 1-153/2023. Дата обращения: 21 июля 2024. https://yaroslavsky-jrs.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=112694409&delo_id=1540006&new=0&text_number=1.

² Приговор Еравинского районного суда Республики Бурятия от 28 июля 2022 г. по делу № 1-93/2022. Дата обращения: 24 июля 2024 г. https://eravninsky-bur.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=165353750&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

кого вреда здоровью потерпевшей вследствие его действий, что предполагает наличие типичной причинной связи, при этом суд пришел к выводу, что гибели потерпевшей виновный не предвидел, следовательно, связь между деянием и последствием в виде смерти носит нетипичный характер. Между тем, с учетом удара при падении, спорно утверждать, что виновный предвидел это соударение и наступившие вследствие него последствия.

Также выявлен ряд сходных приговоров, при которых не ясно, причинены телесные повреждения, повлекшие тяжкий вред здоровью, вследствие ударов виновного или вследствие паления потерпевшего¹.

Проведенное исследование показало, что проблемы учета причинной связи и ее установления влекут различную правовую оценку сходных ситуаций. В то же время, следует отметить, что для надлежащей квалификации содеянного виновным следует устанавливать от чего именно наступил тяжкий вред здоровью потерпевшего, а отчего последовала смерть потерпевшего.

Еще Н. С. Таганцев писал: «Если привходящие обстоятельства существенно меняют ход событий, причинная связь между деянием и окончательными последствиями отсутствует»².

Таким образом, для единообразия судебной практики следовало бы получить разъяснения Пленума ВС РФ по вопросу необходимости исследования причинной связи для надлежащей квалификации содеянного. Предлагается дать судам рекомендации по установлению дифференцированно причинной связи между деянием лица и последствиями в виде тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а также последствием в виде смерти потерпевшего. В случаях, когда тяжкий вред здоровью наступил не вследствие деяния лица, а вследствие привходящих обстоятельств, не охватывавшихся умыслом лица, следует рекомендовать судам квалифицировать содеянное по ст. 109 УК РФ.

¹ Приговор Брянского районного суда Брянской области от 28 августа 2023 г. по делу № 1-140/2023. Дата обращения: 21 июля 2024 г. https://briansky-brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=188738134&delo_id=1540006&new=0&text_number=1; Приговор Уссурийского районного суда Приморского края от 23 июня 2022 г. по делу № 1-106/2022. https://ussuriysky-prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42079180&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (Дата обращения 22 июля 2024 г.).

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. М., 1994. С. 283.

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ ЗНАЧЕНИИ АМОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО

Надежда Николаевна КАДЫРОВА

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия,
kadnn3@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема оценки аморального поведения потерпевшего, явившегося поводом для совершения преступления, в качестве обстоятельства, смягчающего уголовное наказание.

Вопрос раскрывается с учетом научного подхода и правоприменительной практики. Обращается внимание на неоднозначность оценки аморального поведения в судах общей юрисдикции с учетом формулировки п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, предлагаются пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: аморальное поведение потерпевшего, обстоятельство смягчающее уголовное наказание

Original article

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW SIGNIFICANCE IMMORAL BEHAVIOR OF THE VICTIM

Nadezhda N. KADYROVA

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, kadnn3@mail.ru

Abstract. This article considers the problem of assessment of amoral behavior of the victim, which was the occasion for committing a crime, as a circumstance mitigating criminal punishment. The issue is disclosed taking into account the scientific approach and law enforcement practice.

Attention is drawn to the ambiguity of assessment of amoral behavior in courts of general jurisdiction taking into account the wording of par. «z» part 1, article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation, the ways of solving this problem are proposed.

Keywords: amoral behavior of the victim, circumstance mitigating criminal punishment

Учеными справедливо указывается на то, что непонимание закона влечет его неправильное применение, то же замечание относится и к произвольной оценке отдельных законодательных формулировок. На сегодняшний день сформировалось правило для правоприменительной практики, согласно которому выраженная судом в решении позиция является единственно верной. Остается нерешенным вопрос: как быть, если суды формулируют неоднозначную позицию. Изложенное выше, несомненно, имеет значение и для уголовного права.

Новеллой отечественного уголовного права по сравнению с Уголовным кодексом РСФСР 1960 года является придание различного уголовно-правового значения категории «аморальное поведение потерпевшего». Данная формулировка используется законодателем как для определения признаков преступного деяния, так и для правовой регламентации назначения справедливого уголовного наказания.

Сам термин аморальность, скорее, следует относить к числу оценочных понятий уголовного права, под которыми, в общем, следует понимать понятия, содержание которых непосредственно определяется правоприменителем с учетом его правосознания, представлений о морали и нравственности, уровня профессиональной подготовки.

Прежде всего нужно определить содержание категории «аморальное поведение» и рассмотреть ее связь с формулировкой «антиобщественное поведение». Сам термин аморальный имеет иностранное происхождение и означает «лишенный морали, безнравственный»¹.

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет мораль как «нравственные нормы поведения, отношения с людьми, а также сама нравственность»². Можно ли аморальное поведение и антиобщественное поведение считать синонимами? Исходя из ниже изложенного определения — нет, аморальное поведение входит в содержание второго термина. Так, в источниках права указано, что «антиобщественное поведение — это поведение, не влекущие за собой административную или уголовную ответственность, действия физического лица, нарушающие общепринятые нормы поведения и морали, права и законные интересы других лиц»³.

Действующий УК РФ определяет аморальное поведение, в том числе, в качестве обстоятельства с учетом п. «З» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

¹ Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М., 2002. С. 48.

² Толковый словарь Ожегова онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=14839> (дата обращения: 07.11.2024).

³ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 08.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.08.2024). URL: <https://base.garant.ru/71428030/> <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21345> (дата обращения: 09.11.2024).

Значение термина «повод» может быть различным. В толковом словаре указано, что «повод» — «это обстоятельство, способное быть основанием для чего-либо (повод для ссоры, повод для беспокойства)»¹. В криминологической литературе повод оценивается применительно к совершению преступления, но по-разному. Так, по мнению Н. Ф. Кузнецовой повод к совершению преступления можно оценивать как толчок к его совершению². В одном из исследований данного вопроса, проведенного Г.Ш. Глonti³, указывается, что повод «в одних случаях характеризуют его как связующее звено между ситуацией и преступлением (С. Б. Алимов, Б. С. Волков), в других — как элемент конкретной жизненной ситуации (Ю. М. Антонян), в третьих — как всю жизненную ситуацию (В. Н. Кудрявцев, В. И. Петров)». При этом оценка качества поведения потерпевшего в таких случаях проводится и лицом, совершающим преступление, и, в конечном счете, судом при назначении справедливого уголовного наказания.

В решениях судов высших судебных инстанций указано в частности: «Установление обстоятельств, смягчающих и отягчающих наказание, имеет важное значение при назначении лицу, совершившему преступление, как основного, так и дополнительного наказания»⁴, судам нужно исключать произвольную оценку и «мотивировать решение о признании или непризнании того или иного обстоятельства в качестве смягчающего наказание»⁵.

Проведенный анализ судебной практики не позволяет сделать однозначный вывод относительно критериев оценки поведения потерпевшего с точки зрения его аморальности, о чем свидетельствуют многочисленные решения судов апелляционной инстанции. При этом само поведение потерпевших может быть выражено как в бездействии, так и в действии, а последнее может быть вербальным и невербальным.

Так, в 2019 году по решению суда был изменен приговор лицу, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренном ч. 1 ст. 112 УК РФ в связи со следующими обстоятельствами: «Как следует из

¹ Толковый словарь Ожегова онлайн // URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=21345> (дата обращения: 09.11.2024).

² Сидоренко Э. Л. Отрицательное поведение потерпевшего и уголовный закон. СПб: Издательство «Юридический центр Пресс». 2003. С. 38.

³ Глonti Г. Ш. Криминологическая характеристика поводов к совершению преступлений // URL: https://studopedia.ru/10_284224_kriminologicheskaya-harakteristika-povodov-k-soversheniyu-prestupleniy.html?ysclid=m3ahnigccb96852208 (дата обращения: 09.11.2024).

⁴ О практике назначения судами РФ уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 № 941-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сидорова Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 61 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьей 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

показаний потерпевшей Ковалевой С. А., между ней и осужденным Штырцем А. А., каждый из которых управлял транспортным средством, возник конфликт на дороге, переросший в словесную перепалку. После того, как конфликт был исчерпан, Ковалева С. А., проезжая мимо транспортного средства под управлением Штырца А. А., показала ему жест, воспринятый осужденным как неприличный...По смыслу п. «з» ч.1 ст. 61 УК РФ, аморальность поведения потерпевшего, явившегося поводом для преступления, характеризуется, в том числе его провоцирующим влиянием на преступное поведение самого виновного»¹.

При этом суды не признают в качестве п. «З» ч. 1 ст. 61 УК РФ действия потерпевшего, выразившиеся во взаимных оскорблениях, отмечая, что «по смыслу закона аморальность поведения означает несоответствие поведения потерпевшего нормам морали, правилам поведения в обществе. Поводом для совершения преступления явилась субъективная реакция на поведение потерпевшей и сложившиеся в связи с этим неприязненные отношения»², «степень выраженности такого аморального поведения должна обладать достаточным цинизмом и дерзостью, чтобы спровоцировать сильное душевное волнение виновного и вызвать у него решимость совершить преступление»³.

Достаточно интересным является пример следующей судебной позиции по оценке аморального поведения лица, явившегося поводом к совершению преступления, признанного в качестве смягчающего обстоятельства, судом Ханты-Мансийского автономного округа при совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п.п. «а, б, к» ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 139 УК РФ: «Аморальность поведения потерпевшей, явившаяся поводом для преступления, выражается в оставлении малолетних детей без присмотра в ночное время, употреблении спиртных напитков и нахождении в состоянии алкогольного опьянения в момент совершения преступления, а также в злоупотреблении спиртными напитками»⁴.

Представляется, что в этом случае аморальное поведение имело длящийся характер, толчком к совершению преступления может быть признано весьма условно.

¹ Апелляционное постановление № 10-37/2019 от 11 декабря 2019 г. / Центральный районный суд г. Новосибирска (Новосибирская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.11.2024).

² Приговор № 22-147/2024 от 22 февраля 2024 г. / Орловский областной суд (Орловская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.11.2024).

³ Приговор № 1-318/2024 от 16 февраля 2024 г. / Якутский городской суд (Республика Саха (Якутия)) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.11.2024).

⁴ Приговор № 2-11/2023 2-3/2024 от 15 февраля 2024 г. / Суд Ханты-Мансийского автономного округа (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 11.11.2024).

Представленные выше примеры иллюстрируют нам достаточно распространенные подходы к оценке характера поведения потерпевшего с признанием его аморальности, за исключением ситуации с неисполнением родительских обязанностей, но возможны и иные неоднозначные ситуации. Так, вызывают проблемы оценки ситуации конфликта, сопряженные с обстоятельствами длительного злоупотребления потерпевшим спиртными напитками и провоцирующему в таком состоянии драку. Так, по итогам проведенного Федеральной палатой адвокатов РФ обзора судебной практики кассационных судов, в 2023 году был опубликован пример, иллюстрирующий признание основания для применения пункта «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ¹.

Представленный выше анализ судебной практики не дает нам однозначного ответа на то, что же все-таки следует оценивать как аморальное поведение в качестве повода совершения преступления. Также она не отражает некоторые формы поведения людей, которые, с точки зрения морали, заслуживают такой негативной оценки. В частности, обратим свое внимание на буллинг.

В 2002 году были определены правовые основы по профилактике буллинга в высших учебных заведениях. При этом сам термин в официальных документах выступает синонимом травли. Отмечается, что «понятие буллинг (травля) не определено в законодательстве Российской Федерации. Травля может принимать разные формы, но все они причиняют вред. Вместе с тем зачинщиков травли можно привлечь к ответственности за действия, входящие в буллинг: оскорбление, нанесение побоев, угрозы и т.д.»². При этом буллинг может выражаться в насмешках, обзываниях, сплетнях, клевет, порче личных вещей, вымогательстве и т.д.

Представляется, что распространенность и потенциальная опасность буллинга как для самой жертвы, так и для ее преследователей, и даже для лиц, не участвующих в буллинге (например, при скулшутинге), обуславливают необходимость данному термину дать уголовно-правовую оценку, в том числе в качестве конкретного указания на него в п. «з» ч. 1 ст. 61 УК РФ, как разновидности аморального поведения. В этом случае аморальное поведение потерпевшего имеет длящийся характер и, несомненно, выступает поводом для совершения преступления.

К аморальному поведению потерпевшего как повода совершения преступления может быть отнесено инициирование им прерывания беременно-

¹ Кассационный суд объяснил, как наказывать за драку, спровоцированную потерпевшим // URL: <https://rg.ru/2023/09/04/reshili-po-plohomu.html> (дата обращения: 11.11.2024).

² Письмо Минобрнауки России от 13.12.2022 № МН-6/1873 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями для сотрудников образовательных организаций высшего образования, курирующих воспитательную работу с молодежью, по профилактике буллинга (травли) среди обучающихся. Методическое пособие»). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

сти путем обращения к третьим лицам. При этом сложно не признать желание избавиться от ребенка и предпринятые для этого действия как аморальные. Суды, однако, данное обстоятельство не признают в качестве такового и не учитывают при назначении наказания при оценке такого рода фактов.

Так, суд Михайловский районный суд Приморского края признал главного врача виновной в совершении преступлений, в том числе преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 118 УК РФ. Из обстоятельств дела следует, что потерпевшая сама пришла к ней на первичный прием, пояснив, что она беременна и данная беременность для нее нежеланна. Потерпевшая сообщила, что уже приобрела препараты «Миропристон» и «Миролют» и попросила осмотреть ее и проконсультировать. В дальнейшем консультации по инициативе потерпевшей проводились неоднократно, как и оказание медицинских услуг со стороны главного врача, приведшие к последствиям в виде тяжкого вреда здоровью потерпевшей. При этом акушерско-гинекологический анамнез у потерпевшей отягощен четырьмя абортами¹.

Наконец, нужно обратить внимание на преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и общественной нравственности, при совершении которых сами потерпевшие нередко «играют ведущую роль».

Действительно, несовершеннолетние стали очень открыты для общения и без особых опасений размещают свои интимные фото в сети «Интернет», увлекаясь этим и даже соревнуясь между собой. Правоохранители озабочены этой проблемой. Так, сотрудники подразделений МВД Свердловской области обнаружили в сети Интернет несколько страниц, на которых были размещены фотографии детей 12—17 лет во «взрослых» позах с демонстрацией нижнего белья и интимных частей тела².

Подняв этот вопрос в 2022 году Следственный комитет РФ обратил внимание на необходимость защиты детей от «интернет-извращенцев». По его оценке «несовершеннолетние потерпевшие сами иницируют или провоцируют на преступление. Однако таких случаев составляет около 5 %.

В 2021 году по уголовным делам, по которым следователи СК России уже завершили расследование, потерпевшими от преступлений с IT-технологиями признаны около 1,7 тысячи несовершеннолетних, из них практически 1,5 тысячи детей подверглись преступлениям в соцсетях и мессенджерах. Это и развращающее общение, и показ различных порнографических

¹ Приговор № 1-196/2023 от 19 октября 2023 г. / Михайловский районный суд (Приморский край) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.11.2024).

² На Урале полиция проверяет паблики, в которых дети делились интимными фотографиями // URL: <https://web.archive.org/web/20161027144645/http://www.ural.kp.ru/daily/26600.4/3615157/> (дата обращения: 12.11.2024).

материалов, и предложения продемонстрировать обнаженные интимные части тела ребенка¹.

Иллюстрацией является пример, приведенный представителем Следственного комитета РФ: «Так, один житель города Пласта в Челябинской области со своей личной страницы в соцсети общался с детьми, предлагая им за вознаграждение показывать свои интимные части тела и отправлять ему фото соответствующего содержания. По данному уголовному делу потерпевшими признаны 33 несовершеннолетних, которые проживали в разных городах. Фигуранту же вменяют п. «б» ч. 4 ст. 132 (65 эпизодов), п. «а» ч. 3 ст. 132 (семь эпизодов), ч. 3 ст. 135, ч. 2 ст. 133, пункты «а», «в», «г» ч. 2 ст. 242.2 (81 эпизод) УК РФ»². Возникает вопрос: необходимо ли в таких случаях учитывать п. 3» ч. 1 ст. 61 УК РФ при решении вопроса о наказании лица, в частности, по ст. 242.2 УК РФ. Представляется, что нет.

В заключение отметим, что аморальное поведение потерпевшего с учетом характера обстоятельств, смягчающих наказание, исключает признание его в таком качестве в ситуациях, когда сам виновный провоцирует потерпевшего, например, на конфликт, в дальнейшем использует сложившуюся ситуацию для совершения преступления. Именно в этой связи отмечается, что применения данного смягчающего обстоятельства возможно только в случаях совершения преступления лицом, не имеющим заранее сформированный умысел на совершение деяния, когда общественно опасное поведение лица является реакцией на аморальное поведение потерпевшего, имеющее провокационный характер. Такой подход с учетом вышеизложенного представляется ограниченным. Следует учитывать, что само аморальное поведение потерпевшего может быть выражено в активной и пассивной формах, направлено на личность виновного, его близких или иных лиц (нецензурная брань, циничное действие и т. д.), иметь длящийся характер (например, буллинг).

Представляется, что формирование единообразной практики по применению рассматриваемого обстоятельства оперативно возможно обеспечить путем внесения соответствующих дополнений в уже действующее Постановление Пленума Верховного суда РФ по вопросам назначения уголовного наказания, определив аморальное поведение потерпевшего с учетом, например, документа стратегического планирования, выступающего основой государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей³ в части демонстрации поведения, противоречащего указанным в нем ценностям.

¹ Замглавы СК РФ Елена Леоненко: цифровую гигиену нужно прививать с детства // URL: <https://sledcom.ru/press/interview/item/1693826/> (дата обращения: 17.11.2024).

² Там же.

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Доступ из

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Алла Владимировна КАФИАТУЛИНА

Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Иваново, Россия, Kafiatulina.alla@yandex.ru

Аннотация. В силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению.

Автором проведен выборочный анализ правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации относительно конфискации имущества.

Ключевые слова: конфискация, иная мера уголовно-правового характера, конфискация предмета административного правонарушения

Original article

CONFISCATION OF PROPERTY IN LEGAL POSITIONS THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Alla V. KAFIATULINA

Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Ivanovo, Russia, Kafiatulina.alla@yandex.ru

Abstract. Due to such fundamental principles as the rule of law and legal equality, State interference in property relations should not be arbitrary and upset the balance between the requirements of the interests of society and the necessary conditions for the protection of fundamental human rights, which implies reason-

able proportionality between the means used and the goal pursued, so that a balance of constitutionally protected values is ensured and the person is not excessive encumbrance.

The author conducted a selective analysis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation regarding the confiscation of property.

Keywords: confiscation, another measure of a criminal law nature, confiscation of the subject of an administrative offense

Конфискация (лат. *Confiscatio*) — это принудительное безвозмездное изъятие имущества в государственную казну. Конфискация имущества имеет место во многих отраслях права — гражданском, административном, уголовном.

Так, исчерпывающий перечень оснований прекращения права собственности приведен в статье 235 ГК РФ, среди этих оснований указана и конфискация, регламентированная ст. 243 ГК РФ. Однако, как следует из указанной нормы, законодатель закрепляет лишь материальные основания для такого изъятия, процессуальные же основания регламентированы нормами гражданско-процессуального, уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также нормами административного права.

Как конфискацию имущества в гражданском праве, на наш взгляд, следует рассматривать и положения пп. 8, 9 п. 2 ст. 235 ГК РФ — обращение по решению суда в доход государства имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы; обращение по решению суда в доход государства денег, ценностей, иного имущества и доходов от них, в отношении которых в соответствии с законодательством РФ о противодействии терроризму лицом не представлены сведения, подтверждающие законность их приобретения.

Изначально конфискация имущества входила в линейку уголовных наказаний, сейчас — это иная мера уголовно-правового характера¹. Согласно ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного обвинительного приговора².

В соответствии с ч. 1 ст. 3.7 КоАП РФ конфискацией орудия соверше-

¹ Зарубин А. В. Некоторые проблемы совершенствования и применения конфискации имущества // Сборник научных статей «От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве» / Под общ. ред. О. В. Лазарева, Я. Б. Жолобова. СПб.: Астерион, 2024. С. 278—279.

² Меры уголовно-правового характера: монография / В. К. Андрианов, В. Ф. Лапшин, Ю. Е. Пудовочкин, А. А. Толкаченко; под ред. Ю. Е. Пудовочкина. М.: РГУП, 2022. С. 464.

ния или предмета административного правонарушения является принудительное безвозмездное обращение в федеральную собственность или в собственность субъекта Российской Федерации не изъятых из оборота вещей; конфискация назначается судьей.

Так как во всех приведенных нормах принудительное изъятие имущества — это ограничение гарантии права собственности, свою позицию по этому вопросу неоднократно высказывал Конституционный Суд РФ.

Рассмотрим правовые позиции, высказанные в своих решениях Конституционным Судом РФ.

1. Относительно прекращения права собственности на имущество, в отношении которого не представлено сведений о законности его приобретения.

Решением Каневского районного суда Краснодарского края от 9 февраля 2024 года установлено, что К. с 2001 года по 2002 год являлся федеральным инспектором аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, а с 2002 года по 2004 год занимал в этом же аппарате должность главного советника управления по работе с органами власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Вопреки запретам и ограничениям, установленным законодательством, он занимался предпринимательской деятельностью, с использованием своего должностного положения получал информацию о предприятиях, их дорогостоящих имущественных комплексах и занятом ими земельном фонде, вмешивался в их деятельность, в том числе завладевал долями в уставных капиталах хозяйственных обществ и акциями таковых (нередко в размере 100 процентов), и, действуя через доверенных и подставных лиц (номинальных владельцев имущества), скрытно владел и осуществлял управление ими. К. использовал свое должностное положение в пользу соответствующих хозяйственных обществ, вкладывал, в том числе после ухода с государственной службы, доходы от полученных коррупционным способом активов в приобретение новых активов на территории ряда субъектов Российской Федерации. Впоследствии из этих обществ была сформирована группа компаний, участие в которой он после оставления службы легализовал. Также установлено участие К. в период пребывания его в должности государственной службы в реализации с помощью доверенных лиц активов федерального государственного унитарного предприятия (оборонного предприятия), находившегося в процедуре банкротства, и последующее направление полученной прибыли для нужд собственной предпринимательской деятельности

В результате рассмотрения дела исковые требования заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, в доход государства обращены

акции и доли в уставных капиталах 22 хозяйственных обществ общей стоимостью свыше 9 млрд руб.

Краснодарский краевой суд просил проверить статьи 195 и 196, п. 1 ст. 197, п. 1 и абз. 2 ст. 200, абз. 2 ст. 208 ГК РФ на соответствие ст.ст. 1 (ч. 1), 6 (ч. 2), 15 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1 и 2), 35 (ч. 1 и 3), 45 (ч. 1), 46 (ч. 1) и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они с учетом принципов противодействия коррупции, установленных ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции».

Конституционный Суд РФ еще раз напомнил об обязательности судебной процедуры принятия решения о принудительном изъятии у частного лица имущества в публичную собственность. Именно в судебной процедуре может быть окончательно решен вопрос о наличии или отсутствии законных оснований возникновения соответствующих прав, а следовательно, и о юридической судьбе имущества¹.

В другом случае прокурор Кировского района Приморского края направил в суд иск, требуя обратить в доход государства имущество Е. И. Коровицкой и А. В. Коровицкого в виде принадлежащей им квартиры и денежных средств. Решением от 11 ноября 2019 года (с дополнительным решением от 18 ноября 2019 года) Кировский районный суд Приморского края частично удовлетворил требования прокурора и взыскал в солидарном порядке с супругов Коровицких в доход государства денежную сумму, эквивалентную стоимости имущества, в отношении которого ими не представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, в размере 3 386 488 руб. 9 коп.

Применительно к законодательству о противодействии коррупции законные доходы — это те, чье происхождение документально подтверждено обязанным лицом. Между тем ответчики не подавали в налоговый орган сведений о дополнительно получаемом ими доходе от личного подсобного хозяйства, а представленные доказательства, не отрицая наличия у них такого хозяйства, не подтверждают размер доходов от него.

Подпункт 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ предусматривает в качестве одного из оснований принудительного прекращения права собственности (изъятия у собственника его имущества) обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы. Эта мера

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

имеет специальной целью противодействие коррупционным деяниям, совершаемым лицами, подлежащими контролю согласно Федеральному закону «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», что определяет ее назначение и вместе с тем пределы применения. Из Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 9 января 2019 года № 1-П следует, что означенная цель определяет допустимость такого рода формы реагирования на факты коррупционных проявлений исходя из той презумпции, что несоответствие расходов законным доходам подразумевает совершение деяний именно коррупционной направленности.

Указанное особое имущественное изъятие осуществляется не только по правилам гражданского судопроизводства, но и по особым правилам противодействия коррупции, как это следует из положения ст. 1 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» о том, что именно он определяет порядок обращения в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого лицами названных в нем категорий не представлено сведений, подтверждающих приобретение на законные доходы. Установленные им процедуры имеют собственное назначение и не предполагают применения тех юрисдикционных правил, которые позволяли бы суду квалифицировать деяния в качестве налоговых правонарушений или же административно наказуемых либо преступных посягательств на правопорядок в области налогообложения¹.

2. Относительно правовой природы конфискации как меры уголовно-правового характера.

Приговором суда (с учетом изменений, внесенных апелляционным постановлением) за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264.1 УК РФ, осужден В., а также постановлено конфисковать автомобиль, которым он управлял при совершении преступления. Как апелляционный суд, так и вышестоящие суды отклонили доводы супруги осужденного В. — Н. В. Валетовой о незаконности конфискации автомобиля, который находится в их общей совместной собственности.

Валетова Н. С. обратилась в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение ее конституционных прав пунктом «д» части первой ст. 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 № 27-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», пункта 5 статьи 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коровицкой». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и ст. 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобу Валетовой Н. В., в Определении от 25.06.2024 № 1498-О¹ сформулировал следующие выводы:

— конфискация орудий и иных средств совершения преступления представляет собой — в контексте действующего уголовного законодательства — публично-правовую санкцию, структурно обособленную (и, как следствие, автономную) от наказания; как мера уголовно-правового характера, выражающаяся в возложении на обвиняемого (осужденного) обязанности претерпеть дополнительные (по отношению к наказанию) правоограничения уголовно-превентивного свойства, она по своей конституционно-правовой природе соотносима по некоторым признакам с наказанием, но не тождественна ему.

В другом случае Определением Конституционного Суда РФ от 29 октября 2024 г. отказано в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мироненко Н.О. на нарушение ее конституционных прав пунктом «д» части 1 ст. 104.1 УК РФ.

В жалобе, поданной в Конституционный Суд РФ, заявительница не согласна с решением о конфискации транспортного средства ее бывшего супруга.

Отказывая в принятии жалобы Мироненко Н.О., Конституционный Суд РФ указал, что как следует из правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июля 2021 года № 35-П, бывший супруг, будучи заинтересованным в сохранении за собой права на общее имущество супругов, должен сам предпринимать меры – в соответствии с требованиями разумности и осмотрительности — по контролю за ним и в том числе, когда это отвечает его интересам, совершать действия, направленные на своевременный раздел данного имущества².

3. Относительно конфискации орудия совершения административного правонарушения.

Постановлениями мирового судьи судебного участка № 2 города Котласа Архангельской области от 14 сентября 2009 года и от 15 сентября

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.06.2024 № 1498-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Валетовой Натальи Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктом «д» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 150 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 29.10.2024 № 2958-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мироненко Натальи Олеговны на нарушение ее конституционных прав пунктом «д» части первой статьи 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2009 года были признаны виновными граждане Г. А. Дворяшин и Д. В. Строгонов, и каждый подвергся административному наказанию в виде административного штрафа в размере 3 500 рублей с конфискацией орудия совершения данного административного правонарушения — многофункциональной лесозаготовительной машины (харвестера «John Deere 1270D»), собственником которой является ООО «СтройКомплект».

ООО «СтройКомплект» обратилось в Конституционный Суд РФ с жалобой на нарушение ч. 1 ст. 3.7 и ч. 2 ст. 8.28 КоАП РФ своих прав, гарантированных ст.ст. 15 (ч. 4), 17 (ч. 1), 35 (части 1 и 3) и 55 (ч. 3) Конституции РФ и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод (п. 1 ст. 6, ст. 13 и ст. 1 Протокола № 1), которыми допускается конфискация орудия совершения административного правонарушения, принадлежащего на праве собственности ООО «СтройКомплект» без привлечения собственника данного имущества к административной ответственности и исключается возможность назначения соразмерного наказания.

По итогам рассмотрения жалобы Конституционный Суд Российской Федерации признал положения ч. 2 ст. 8.28 КоАП РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. 35 (части 1 и 3), 46 (ч. 1), 54 (ч. 2) и 55 (ч. 3), в той мере, в какой эти положения во взаимосвязи с ч. 1 ст. 3.7 КоАП РФ допускают в качестве административного наказания конфискацию орудия совершения административного правонарушения, принадлежащего на праве собственности лицу, не привлеченному к административной ответственности за данное административное правонарушение и не признанному в законной процедуре виновным в его совершении.

Конституционный Суд Российской Федерации, рассмотрев жалобу собственника конфискованного имущества, который не являлся лицом, привлеченным к административной ответственности и не признан судом виновным в совершении административного правонарушения, в Постановлении от 25.04.2011 № 6-П¹ сформулировал очень важные, на наш взгляд, выводы:

— необходимость закрепления законодателем гарантии участия собственника имущества (лесозаготовительной техники) в административном процессе;

— в случаях изъятия имущества у собственника, независимо от оснований такого изъятия, в обязательном порядке должен осуществляться эффективный судебный контроль,

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2011 № 6-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 3.7 и части 2 статьи 8.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «СтройКомплект». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда;

— принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения.

Похожее постановление принято Конституционным Судом РФ 15 октября 2020 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности части 4 ст. 3.7, ст. 25.1-25.5.1 и части 1 ст. 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой иностранной компании «Majena Shipping Company Limited»¹.

Каждый раз Конституционный Суд РФ указывает, что в силу таких фундаментальных принципов, как верховенство права и юридическое равенство, вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав личности, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению.

Как мы видим из приведенных примеров, наиболее категоричные позиции относительно конфискации имущества высказаны Конституционным Судом Российской Федерации в рамках нарушения законодательства о противодействии коррупции и уголовного законодательства.

Научная статья

УДК 343.2

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И НАКАЗАНИЯ ПО СТАТЬЯМ 78.1 И 80.2 УК РФ: ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Александр Александрович КНЯЗЬКОВ

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, alknyazkov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются виды освобождения от уголовной ответственности и наказания, в связи с призывом на военную службу

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 15 октября 2020 г. № 41-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 3.7, статьей 25.1-25.5.1 и части 1 статьи 30.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой иностранной компании «Majena Shipping Company Limited». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в период мобилизации или в военное время либо заключением контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время.

Автор анализирует технико-юридическое совершенство данных статей, включая их криминологическую обоснованность, исследует потребности правоприменительной практики и возникающие проблемы при освобождении от уголовной ответственности и наказания по ст. 78.1, 80.2 УК.

Делается вывод, что отказ законодателя от установления факта утраты общественной опасности деяния и личности обвиняемого (осужденного) как необходимого условия освобождения от уголовной ответственности и наказания является криминологическим неоправданным решением законодателя, нуждающимся в нормативной корректировке.

Ключевые слова: специальная военная операция, освобождение от уголовной ответственности и наказания, посткриминальное поведение, права потерпевших, подвиг, государственная награда

Original article

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY AND PUNISHMENT UNDER ARTICLES 78.1 AND 80.2 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF CRIMINOLOGICAL CONDITIONALITY AND LEGISLATIVE REGULATION

Alexander A. KNYAZKOV

Kutafin Moscow State Law University (MGUA), Moscow, Russia,
alknyazkov@mail.ru

Abstract. The article discusses the types of exemption from criminal liability and punishment in connection with conscription during mobilization or during wartime, or the conclusion of a contract for military service, as well as in connection with military service during the specified periods or times.

The author analyzes the technical and legal perfection of these articles, including their criminological validity, examines the needs of law enforcement practice and the problems that arise when exonerating from criminal liability and punishment under Articles 78.1, 80.2 of the Criminal Code.

It is concluded that the legislator's refusal to establish the fact of the loss of public danger of the act and the identity of the accused (convicted) As a necessary condition for exemption from criminal liability and punishment, it is a criminologically unjustified decision of the legislator in need of regulatory adjustment.

Keywords: special military operation, exemption from criminal liability and

punishment, post-criminal behavior, victims' rights, heroic deed, state award

Одной из значимых законодательных новелл в УК РФ являются поправки, внесенные 23.03.2024 в нормы об освобождении от уголовной ответственности и уголовного наказания (ст. 78.1, 80.2 УК) в связи с призывом на военную службу либо заключением контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы.

Указанными поправками законодатель устранил порожденную им ранее аномалию нескольких уголовных норм об освобождении от ответственности и наказания, существовавших вне уголовного закона, восстановив его единство как единственного формально-юридического источника (ч. 1 ст. 1 УК РФ)¹.

Проанализируем указанные поправки, которые, как вполне ожидаемо, уже сейчас постепенно начинают получать преимущественно негативную оценку в науке уголовного права².

Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 78.1 УК РФ).

Изначально законодатель установил правило, согласно которому сфера применения освобождения от уголовной ответственности по новой ст. 78.1 УК РФ ограничена лишь досудебной стадией уголовного судопроизводства. Поспешность установления ограничения (запрета) на возможность освобождения от уголовной ответственности на стадии судебного разбирательства быстро обнаружила себя, в связи с чем благодаря поддержке высшей судебной инстанции законодатель оперативно внес изменения в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ, устранив сложившийся пробел³ и распространил сферу ее применения на стадию судебного разбирательства.

¹ Речь идет о действии Федерального закона от 24.06.2023 № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который утратил силу в связи с изданием Федерального закона от 23.03.2024 № 61-ФЗ, вступившего в силу со дня официального опубликования (опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> 23.03.2024).

² Гордейчик С. А., Егорова Н. А. Освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК: спорные вопросы // Законность. 2024. № 7. С. 39—42; Лопатина Т.М. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 27—30. Встречаются, правда, и более оптимистичные оценки новых положений уголовного закона (см.: Звечаровский И.Э. Новый вид освобождения от уголовной ответственности: минусы и плюсы законодательной регламентации // Законность. 2024. № 10. С. 48—49; Звечаровский И. Э., Яралиев Н. Т. Новый вид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 11. С. 42—43), с которыми мы не можем согласиться как преждевременными.

³ На практике нередко происходила ситуация, когда в период судебного разбирательства подсуди-

Понятно, что в сложившихся социально-политических условиях, внесенные поправки были ожидаемы, что демонстрирует готовность законодателя к улучшению качества юридической техники при конструировании новых «военно-уголовных» норм, аналогов которых не имеется в современном уголовном законодательстве России.

Вместе с тем, безусловно критического отношения заслуживает решение законодателя применять новый вид освобождения к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления (кроме исключений, предусмотренных в ч. 1 ст. 78.1 УК РФ). Сама по себе конструкция освобождения от ответственности за совершение преступлений, обладающих повышенной степенью общественной опасности, для уголовного законодательства нехарактерна, и применяется, как правило, в исключительных случаях, обусловленных спецификой и важностью объекта уголовно-правовой охраны (например, примечания к статьям 126, 205, 206 и др.), выступая в качестве норм-компромиссов¹.

В действующей же редакции ст. 78.1 УК РФ законодатель не только отказался от предъявления каких-либо условий к позитивному посткриминальному поведению субъектов (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, заглаживание вреда, возмещение ущерба, явка с повинной, способствование раскрытию или расследованию преступления и др.), но и допустил возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших наиболее опасные преступления, предусмотренные УК (прежде всего, насильственные особо тяжкие преступления — ст. 105, 111, 126, 131, 132 (в отношении потерпевших, достигших 18-летнего возраста), 162, 163, 222, 228.1 и др.). При изложенных обстоятельствах мы не можем поддержать позицию законодателя, который допускает возможность императивного освобождения по таким составам преступлений².

Складывается ощущение, что законодатель в своих поспешных решениях по расширению общих оснований освобождения от уголовной ответ-

мые самостоятельно оказывались на СВО, в связи с чем суды, как правило, были вынуждены приостанавливать производство по уголовным делам на основании п. 4 ч. 1 ст. 238 УПК без изменения (ужесточения) меры пресечения.

¹ См. об этом подробнее: Князьков А. А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ) вопросы дифференциации и законодательной техники: автореф. дис. канд. юрид. наук. Саратов, 2014. С. 7.

² Я. Н. Ермолович приводит и другие недостатки в конструировании перечня исключений в ст. 78.1 УК, отмечая, например, что законодателю следовало бы указать, что данная норма не должна распространяться на лиц, совершивших «особо тяжкое преступление либо имеющих неснятую или непогашенную судимость» (Ермолович Я. Н. Совершенствование уголовно-правовых средств реализации уголовной ответственности военнослужащих (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах. 2024. № 6. С. 53).

ственности лишь подтверждает вектор уголовной политики по пути «точечной реакции на субъективно-временные обстоятельства»¹, игнорируя неизбежные сопутствующие неблагоприятные последствия нормативной реконструкции гл. 11 УК. Как следствие, негативные последствия подобных необдуманных нормотворческих решений уже проявились в виде роста насильственной и рецидивной преступности в стране со стороны бывших участников СВО, о чем свидетельствуют многочисленные материалы в СМИ и данные из опубликованной судебной практики².

С другой стороны, сторонники введения в закон анализируемого вида освобождения ссылаются на то, что в данной статье речь не идет о «полном» освобождении от ответственности, которое наступает лишь при наступлении обстоятельств, указанных в п. «а» и «б» ч. 1 ст. 78.1 УК РФ. Однако, данный аргумент вряд ли заслуживает внимания, т.к. участие обвиняемого в СВО уже учитывается судами в качестве «весомого» смягчающего обстоятельства, существенно влияющего на статус обвиняемого в сторону его улучшения³, либо в дальнейшем, после вынесения приговора, этот факт послужит достаточным основанием для помилования такого лица.

Законодатель, сконструировав ст. 78.1 УК РФ, раскрыл ее посредством ссылки на положения не уголовного, а уголовно-процессуального законодательства. Это означает, что освобождение от уголовной ответственности на основании ст. 78.1 УК РФ согласно ст. 28.2 УПК РФ происходит лишь после того, как в отношении лица по ходатайству командования воинской части (учреждения) предварительное расследование было приостановлено (п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ), но сам факт освобождения от уголовной ответственности связывается с дополнительным условием — награждения его государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, либо в связи с увольнением с военной службы по основанию, предусмотренному подп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

¹ Лопатина Т. М. Проблемы правоприменения нового основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 78.1 УК РФ) // Адвокатская практика. 2024. № 3. С. 30.

² Именно поэтому мы не склонны разделять позицию Антонова А.Г., который указывает, что новая норма «основана на утрате общественной опасности осужденного, защищающего надлежащим образом свое Отечество в трудное время» (Антонов А.Г. Освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время как разновидность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 10. С. 27). Если бы ситуация действительно обстояла таким образом, показатели преступности со стороны бывших обвиняемых не были бы такими значительными.

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.06.2022 № 18-УД22-11-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Кроме того, факт участия обвиняемого в боевых действиях в ходе СВО влечет на практике иные благоприятные последствия (возможность условного освобождения, отмены дополнительного наказания, прекращения уголовного дела по обвинению в преступлении со смертельным исходом и др.).

Действительно, нельзя исключать ситуации, когда совершение героического подвига, за которое лицо получает государственную награду, является свидетельством существенного уменьшения степени общественной опасности либо самого деяния, либо личности лица, его совершившего. Однако это норма не должна становиться общим правилом и легальной возможностью избегать неотвратимости уголовной ответственности за совершенные тяжкие и особо тяжкие преступления, особенно, если они сопряжены с насилием в отношении потерпевших, причинением им вреда здоровью и лишением жизни.

Именно поэтому мы критически относимся к решению законодателя, поскольку новелла, сконструированная в ст. 78.1 УК РФ, нарушает права потерпевших от преступления, поскольку не позволяет ни восстановить в должной мере социальную справедливость, ни защитить потерпевших вследствие освобождения виновных от ответственности за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, включая невозможность возмещения вреда, причиненного преступлением.

Так, если с осужденных взысканы денежные средства в счет возмещения причиненного преступлением ущерба или компенсации за причиненный моральный вред, осужденные должны возместить ущерб, при этом данная обязанность не отменяется фактом участия обвиняемого в СВО.

Тем не менее, в настоящее время имеются трудности во взыскании ущерба в отношении участников СВО с учетом дополнительных гарантий для мобилизованных и иных лиц, внесенных Федеральным законом от 29.12.2022 № 603-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Согласно данным изменениям, суд обязан приостановить производство по делу в случае участия гражданина, являющегося стороной в деле, в боевых действиях в составе Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, созданных в соответствии с законодательством Российской Федерации, в проведении контртеррористической операции, призыва его на военную службу по мобилизации, заключения им контракта о добровольном содействии в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, выполнения им задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженного конфликта, если такой гражданин не заявил ходатайство о рассмотрении дела в его отсутствие.

Исходя из вышеизложенного следует, что самыми незащищенными остаются именно потерпевшие от преступления, так как их согласие на освобождение от уголовной ответственности лиц совершивших в отношении них преступные действия, законодатель не предусматривает и более

того, даже при наличии вступившего в законную силу приговора или решения суда и возбуждения исполнительного производства, исполнительное производство подлежит приостановлению.

Как известно, проблема преодоления возражения потерпевших против освобождения от уголовной ответственности применительно к другой норме ст. 76 УК была отчасти решена законодателем путем введения ст. 76.2 УК РФ, позволяющей не учитывать мнение потерпевшего при решении вопроса об освобождении от ответственности с назначением судебного штрафа¹.

Думается, что такое решение судебной практики, допустимое в отношении преступлений небольшой и средней тяжести для судебного штрафа как диспозитивного вида освобождения, недопустимо при применении императивного освобождения за тяжкие и особо тяжкие преступления, что выхолащивает права потерпевших от преступлений, лишая их возможности защитить права в уголовном судопроизводстве.

Особенно странным и непоследовательным это решение видится при сопоставлении соответствующих изменений норм отраслей законодательства криминального цикла. Так, законодатель, реализуя предписание ст. 52 Конституции России, обязывающей государство обеспечивать потерпевшим от преступлений доступ к правосудию, последовательно принимал ряд законов, расширяющих потерпевшим возможность отстаивать свои имущественные и неимущественные интересы в уголовном судопроизводстве².

Однако когда речь идет о более радикальном способе прекращения уголовно-правовых отношений посредством полного отказа государства от уголовного преследования лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления, права потерпевших от преступлений фактически нуллифицируются, что недопустимо и противоречит положениям ст. 6 УК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ о назначении уголовного судопроизводства.

В настоящее время в условиях действия нового «военного» (после 24.02.2022) уголовного и уголовно-процессуального законодательства, а также практики его применения, потерпевшие, зачастую, даже не осведомлены о процедуре освобождения лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности или уже осужденного, от ответственности или наказания.

В условиях, когда не приходится говорить об исключении из уголовного закона ст. 78.1 УК РФ, представляется, что необоснованное игнорирование прав потерпевших и иные технико-юридические недостатки ст. 78.1

¹ Пункт 7 Обзора судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.07.2019. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Речь идет о требованиях закона о возмещении вреда, причиненного преступлением, как условия освобождения от наказания, а также расширения в законе прав потерпевшего за счет участия в судебном заседании при рассмотрении вопросов об освобождении от наказания в соответствии со ст. 79, 80 УК РФ.

УК РФ нарушают конституционно-значимые ценности в правовом государстве, нуждаясь в нормативной корректировке по пути ограничения возможности произвольного и повсеместного применения новеллы об освобождении от уголовной ответственности.

Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ Уголовный кодекс РФ дополнен новым видом освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 80.2 УК РФ).

По своему текстуальному оформлению эта мера, по сути, воспроизводит ту, которая была предусмотрена в ст. 5 Федерального закона от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ (ныне утратил силу). К сожалению, как обоснованно отмечают Звечаровский И. Э. и Яралиев Н. Т., новое законодательное решение сохранило те недостатки в регламентации рассматриваемой меры, которые присутствовали в указанном Федеральном законе¹.

Комментируемый вид освобождения от уголовного наказания по ст. 80.2 УК РФ представляет частный случай условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Спецификой же данной нормы является предъявление дополнительных условий к досрочно освобожденному лицу в условный период: это награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы либо увольнение с военной службы по основанию, предусмотренному пп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». При выполнении названных требований должны наступать последствия, предусмотренные ч. 4 ст. 86 УК о сроке погашения судимости, в противном случае освобождение подлежит отмене, а оставшаяся не отбытая часть наказания подлежит исполнению (ч. 3 ст. 80.2 УК РФ).

В работе Звечаровского И. Э. и Яралиева Н. Т. достаточно подробно раскрыта юридическая природа данной меры, отмечены технико-юридические сбои в законодательной технике при конструировании данной статьи уголовного закона. При всех недостатках в новой норме об освобождении от наказания по ст. 80.2 УК РФ, речь идет об освобождении от наказания лиц, уже его отбывающих, т.е. об освобождении от отбывания наказания².

При этом мы не разделяем итоговую позицию указанных авторов, которые при всех отмеченных недостатках «авансом» указывают на целесообразность существования данной условной меры уголовно-правового характера в свете решаемых страной задач³. Характеризуя данный вид освобождения, правоприменитель неизбежно толкнется с ситуацией, аналогичной

¹ Звечаровский И. Э., Яралиев Н. Т. Новый вид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 11. С. 42—43.

² Звечаровский И. Э., Яралиев Н. Т. Новый вид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 11. С. 42.

³ Звечаровский И. Э., Яралиев Н. Т. Новый вид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 11. С. 43.

освобождению от ответственности по ст. 80.2 УК РФ. Отмеченные ранее недостатки в конструкции освобождения от ответственности в равной степени распространяются и на новую норму ст. 80.2 УК РФ.

Вместе с тем, заслуживает поддержки научное предложение И. Э. Звечаровского по законодательному изменению условных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

De lege lata законодатель презюмирует исправление осужденного при освобождении его от уголовного наказания в случае награждения его государственной наградой¹. Именно поэтому основанием освобождения от уголовной ответственности должна выступать не презумпция исправления как основания освобождения, а именно оценка судом, состоялось ли или нет исправление осужденного в результате применения к нему мер не уголовно-правового характера.

И лишь положительный вывод суда, основанный на полном и всестороннем рассмотрении судом материала (дела) в порядке исполнения приговора, могло бы допустить такое освобождение от наказания. В любом случае, императивный характер действия ст. 80.2 УК РФ, не допускающей какого-либо усмотрения правоприменителя при решении вопроса об освобождении лица от уголовного наказания, является явной ошибкой законодателя.

Научная статья
УДК 343.228

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ ПРИ ЗАЩИТЕ ЖИЛИЩА

Андрей Дмитриевич КОЗЛОВСКИЙ

Управление МВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, Россия, adkozlovskii@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы совершенствования законодательного регулирования необходимой обороны при защите жилища.

Исследованы вопросы содержания и особенностей реализации права на необходимую оборону при защите жилища.

Разработаны предложения по совершенствованию законодательного регулирования необходимой обороны при защите жилища.

¹ Звечаровский И. Э., Яралиев Н. Т. Новый вид условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Законность. 2024. № 11. С. 49.

Ключевые слова: обстоятельства, исключающие преступность деяния, необходимая оборона, жилище

Original article

DIRECTIONS FOR IMPROVING THE LEGISLATIVE REGULATION OF NECESSARY DEFENSE WHEN PROTECTING A HOME

Andrey D. KOZLOVSKY

Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnoselsky district of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, adkozlovskii@mail.ru

Abstract. The article discusses some of the problems of improving the legislative regulation of necessary defense in the protection of the home.

The issues of the content and specifics of the implementation of the right to necessary defense in the protection of the home are investigated.

Proposals have been developed to improve the legislative regulation of necessary defense in the protection of the home.

Keywords: circumstances excluding criminality of the act, necessary defense, housing

Специфика норм УК РФ является актуальной, особенно в отношении освобождения от уголовной ответственности лиц, действующих законопослушно и пребывающих в своем жилом помещении, в случаях противоправного проникновения.

Следует детально разработать критерии, при которых такие лица будут освобождены от уголовной ответственности, включая:

- угрозу жизни и здоровью лиц, находящихся в жилище;
 - вымогательство, например, через захват заложников, и предъявление требований к жильцам;
 - отказ в покидании помещения по требованию его обитателей;
 - вооруженное вторжение, включая использование предметов, угрожающих жизни и здоровью жильцов;
 - физическое или психологическое принуждение в отношении проживающих;
 - создание обстановки, угрожающей жизни и здоровью обитателей помещения, такой как возгорание или распространение токсичных веществ.
- Представленный перечень оснований для освобождения от уголовного

преследования не является окончательным и предполагает свою последующую корректировку в доктрине уголовного права в соответствии с изменяющимися общественными условиями и обстоятельствами¹.

Несмотря на то, что в общем объеме уголовных дел преступления против неприкосновенности жилища, связанные с необходимой обороной, занимают незначительную долю, количество оправдательных приговоров по этим категориям преступлений остается незначительным. В большинстве случаев действия, квалифицируемые как необходимая оборона, в судебной практике оцениваются как превышение установленных пределов, что приводит к назначению реальных сроков лишения свободы.

Внесение необходимых усовершенствований в нормативное регламентирование обеспечит возможность лицам, находящимся в своем жилище, использовать все разрешенные способы защиты своего неприкосновенного пространства без боязни — столкнуться с осуждением за свои, по сути, правомерные действия.

В контексте осуществления права на необходимую оборону следует принимать во внимание нижеследующие факторы:

- степень знакомства нарушителя с обитателями жилища;
- характер отношений между нарушителем и обитателями;
- уровень физической подготовленности нарушителя;
- наличие очевидных психических отклонений, в результате которых нарушитель может не понимать последствий своих поступков;
- наличие у нарушителя прямого или косвенного намерения².

Следовательно, для обеспечения прав граждан на необходимую оборону при неправомерном вторжении в жилище требуется законодательная корректировка и внесение соответствующих поправок в уголовное законодательство РФ. Для избежания значительных изменений в упомянутых нормах достаточно включить детализированные пояснения в примечание к соответствующей статье УК РФ.

В свете предложений по усовершенствованию нормативной базы в области уголовного права считаем необходимым рекомендовать нормативную модернизацию текста УК РФ и соответствующих пунктов Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022).

¹ О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 31.05.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Капинус О. С. Уголовное право России. Особенная часть : в 2 т. Т. 2 : учебник для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2017. С. 8.

Одно из таких предложений касается дополнения абзаца в пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022), суть которого заключается в следующем: действия, направленные на причинение вреда посягателю в ходе защиты от неправомерного вторжения в жилище законно используемое лицом, осуществляющим защиту, не повлекут за собой уголовную ответственность, ввиду — несоответствия избранных мер защиты опасности действиям посягателя между мерами защиты и степенью опасности агрессивных действий.

Альтернативный вариант предполагает внесение изменений в ч. 1 ст. 37 УК РФ, путем включения формулировки, относящейся к неправомерному проникновению в жилище, а также совершенствование пункта 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» от 27 сентября 2012 г. № 19 (ред. от 31.05.2022).

Предлагаемая редакция этого пункта устанавливает, что в случаях защиты от опасных для жизни нападений или при непосредственной угрозе таких нападений, а также при незаконном вторжении в жилище, лицо, осуществляющее защиту, имеет право причинить посягателю вред любой степени тяжести.

В дополнение к вышеуказанным пунктам подчеркивается допустимость причинения смерти нападающему в ситуациях, когда посягательство представляет собой непосредственную угрозу жизни и сопровождается незаконным проникновением в жилище или иное помещение, в котором проживают граждане¹.

Следует подчеркнуть, что в Российской Федерации закон является основой любого юридического акта, а не судебный прецедент. Позиции Верховного суда РФ предоставляют ориентиры для интерпретации закона в различных кейсах, тем не менее, уникальность каждого дела, рассматриваемого судами, осложняет использование унифицированного подхода при рассмотрении дел схожих категорий.

Необходимо также обратить внимание на перегруженность судебной системы РФ, когда на одного судью может приходиться до тридцати дел в день. При такой нагрузке суд не в состоянии тщательно разбираться в деталях каждого случая, опираясь на материалы, представленные сторонами

¹ Косолапова, Е. Н. Проблемы правового регулирования правомерности действий при реализации права на необходимую оборону и крайнюю необходимость при защите жилища от незаконного проникновения (ст. 139 УК РФ) // Уголовная юстиция. 2023. № 22. С. 5—9.

защиты и обвинения. Поэтому сторонам необходимо проводить глубокий анализ обстоятельств применения средств необходимой обороны со стороны обитателей жилища. На этапе досудебного расследования следователю необходимо учитывать не только обвинительные факторы в отношении подозреваемого но и смягчающие обстоятельства, такие как место совершения преступления, мотивы и предпосылки к необходимой обороне.

Таким образом, модернизация норм необходимой обороны при проникновении в жилище противоправных лиц помогут увеличить количество оправдательных приговоров в отношении обороняющихся лиц и снизить количество преступлений в отношении владельцев имущества.

Научная статья

УДК 343.21

**МОДЕЛЬНЫЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС ДЛЯ ГОСУДАРСТВ —
УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ
КАК ОРИЕНТИР ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ
ОБЩЕЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОГО УК**

Марина Борисовна КОСТРОВА

Институт права Уфимского университета науки и технологий,
г. Уфа, Россия, kostrovam@mail.ru

Аннотация. В статье на основе сопоставительного анализа Модельного уголовного кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств и Уголовного кодекса РФ выделены перспективные направления совершенствования нормативных предписаний российского УК о его принципах с использованием модельных норм.

Выводы о целесообразности учета потенциала модельных норм как ориентира для национального законодателя автор подкрепляет обращением к судебной практике и к опыту уголовного законодательства других государств — участников Содружества Независимых Государств.

Ключевые слова: национальный уголовный закон, модельный законодательный акт, язык уголовного закона, принципы уголовного права

**THE MODEL CRIMINAL CODE FOR STATES – MEMBERS
OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES
AS A BENCHMARK FOR THE IMPROVEMENT OF PRINCIPLES
OF THE RUSSIAN CRIMINAL CODE**

Marina B. KOSTROVA

Institute of Law of Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
kostrovam@mail.ru

Abstract. The article is based on a comparative analysis of the Model Criminal Code for States — of the participants of the Commonwealth of Independent States and the Criminal Code of the Russian Federation promising areas of improvement are highlighted of the normative provisions of the Russian Criminal Code about its principles using model norms. Conclusions on the expediency of taking into account the potential of model norms as a reference point for the national legislator the author supports it by referring to judicial practice and to the experience of the criminal legislation of other States — of the participants of the Commonwealth of Independent States.

Keywords: national criminal law, model legislative act, the language of the criminal law, principles of criminal law

Борис Владимирович Волженкин, памяти которого посвящена конференция, был не только выдающимся ученым в области уголовного права, он внес значительный вклад и в практику уголовного законодательства. Одним из его «детищ» на этом поприще стал Модельный уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств¹ (далее — Модельный УК, СНГ), подготовкой которого он занимался в качестве руководителя рабочей группы Межпарламентской Ассамблеи СНГ.

Модельный УК, как законодательный акт рекомендательного характера, направлен на сближение уголовно-правового регулирования и предназначен парламентам государств — участников СНГ для использования при разработке национального уголовного законодательства.

Вместе с тем понятно, что каждое государство как суверенный субъект

¹ Модельный уголовный кодекс для государств — участников Содружества Независимых Государств. Принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. № 7-5 (с посл. изм. и доп. от 17 ноября 2023 г. № 56-10) // Сайт Исполкома СНГ. Единый реестр правовых актов и других документов Содружества Независимых Государств [Электронный ресурс]. URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/563#text> (дата обращения: 22.11.2024).

международного права свободно в выборе уголовно-правовых средств реагирования на преступность и их установлении в национальных уголовных законах. Это наглядно иллюстрируют и имевшиеся изначально различия в УК государств — участников СНГ, принятых в 90-х — начале 2000-х годов (в особенности они присущи УК республик Беларусь и Молдова¹), и специфика «новейших»² уголовных кодексов Республики Казахстан³, Кыргызской Республики⁴, Республики Армения⁵, существенно отличающихся и от Модельного УК, и от других национальных УК по структуре и содержанию. Тем не менее, полагаю, что Модельный УК и в настоящее время может служить ориентиром для национальных законодателей, в частности, ряд его модельных норм представляется пригодным для совершенствования нормативных предписаний УК РФ о его принципах. Перспективными видятся следующие направления.

По буквальному тексту закрепленные в ст. 3-7 УК РФ принципы законности, равенства граждан перед законом, вины, справедливости и гуманизма являются принципами самого кодекса (что отражено в заголовке главы 1). На основании этого можно посчитать, что данные принципы — основополагающие руководящие идеи, определяющие содержание уголовного закона и направленные на решение его задач, — адресованы, прежде всего, самому законодателю (хотя в действительности это не так).

В Модельном же УК ст. 4 имеет заголовок «Принципы Уголовного кодекса и уголовной ответственности», что, как думается, более четко высвечивает второго их адресата — правоприменителя, а также более точно выражает кумулятивное содержание всех принципов с учетом включения в их число принципа неотвратимости ответственности и терминологического уточнения принципа вины как принципа личной виновной ответственности (см. об этом ниже).

¹ Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (с посл. изм. и доп. от 8 июля 2024 г. № 22-З) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30414984; Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. № 985-XV (с посл. изм. и доп. от 6 июня 2024 г. № 136) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 22.11.2024).

² «Новейшими» они названы потому, что являются вторым, а в Кыргызской Республике уже третьим национальным УК, принятым после распада СССР.

³ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V (с посл. изм. и доп. от 8 июля 2024 г. № 116-VIII) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 22.11.2024).

⁴ Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 (с посл. изм. и доп. от 7 августа 2024 г. № 161) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 22.11.2024).

⁵ Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 г. № ЗР-199-Ն (с посл. изм. и доп. от 3 мая 2024 г. № ЗР-170) // Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: http://www.parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (дата обращения: 22.11.2024).

Более удачным в Модельном УК представляется заголовок ст. 6 «Равенство перед законом», поскольку закрепленный в нашей ст. 4 принцип равенства, как буквально следует из ее заголовка, рассчитан только на граждан России, а на совершивших преступления и подлежащих уголовной ответственности по УК РФ иностранных граждан, лиц без гражданства и лиц с двойным гражданством этот принцип не распространяется (хотя в действительности это не так).

Не имеющим аналога в УК РФ в Модельном УК является принцип неотвратимости ответственности, предусмотренный ст. 7, который сформулирован так: «(1) Лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным Уголовным кодексом. (2) Освобождение от уголовной ответственности и наказания возможно только при наличии оснований и условий, предусмотренных законом». Данный принцип в разных языковых формах полностью, частично либо с дополнениями воспроизведен в ч. 4 ст. 3 УК Республики Беларусь, в ст. 10 УК Кыргызской Республики, в ст. 6 УК Республики Таджикистан¹, в ст. 10 УК Республики Узбекистан².

Наличие принципа неотвратимости ответственности желательно и в российском УК по следующим причинам. Во-первых, имея и предупредительное, и правоприменительное значение, этот принцип в первой его части, на мой взгляд, «латентно» присутствует в отраслевом поле в силу функционального предназначения уголовного права, нужна лишь его предметная визуализация. Во-вторых, заложенная в нем двуединая идея, сочетающая долженствование и неизбежность наказания или иных мер уголовно-правового характера за совершенное преступление с возможностью освобождения от уголовной ответственности и от наказания, обосновывает включение в УК РФ институтов освобождения от уголовной ответственности и от наказания как второго варианта разрешения уголовно-правового конфликта.

В-третьих, нормативное закрепление данного принципа потенциально могло бы стать сдерживающим фактором для российского законодателя, перманентно насыщающего УК все новыми и новыми нормами об освобождения от уголовной ответственности, причем нередко отражающими экономические интересы государства.

В-четвертых, вторая составляющая часть принципа — «освобождение

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574 (с посл. изм. и доп. от 20 июня 2024 г. № 2050) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 23.11.2024).

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-ХП (с посл. изм. и доп. от 15 ноября 2024 г. № ЗРУ-997) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 23.11.2024).

от уголовной ответственности и наказания возможно только при наличии оснований и условий, предусмотренных законом», — при его соблюдении способна блокировать «латентное нормотворчество» Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которым он увлекся в постановлении от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». В нем обнаруживается целый ряд разъяснений, которые нельзя признать простым толкованием уголовного закона, они, по сути, являются нормативными уголовно-правовыми предписаниями, причем некоторые из них явно противоречат УК. Не имея возможности перечислить все, приведу только два из них:

1) при том, что в качестве субъекта возмещения ущерба и (или) заглаживания причиненного вреда как одного из условий для освобождения от уголовной ответственности по статьям 75—76.2 УК РФ в них четко обозначено лицо, совершившее преступление, в абз. 1 п. 3 Постановления Пленума указано: «Возмещение ущерба и (или) заглаживание вреда (статьи 75—76.2 УК РФ) могут быть произведены не только лицом, совершившим преступление, но и по его просьбе (с его согласия) другими лицами»;

2) несмотря на то, что в 76.2 УК РФ термин «преступление» используется в единственном числе, то есть освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа закон допускает в случае совершения лицом впервые одного преступления, Пленум в п.16.1 разъяснил: «Совершение... лицом впервые нескольких преступлений... не препятствует освобождению его от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ», тем самым создав новую конструкцию «лицо, впервые совершившее совокупность преступлений».

Принцип личной виновной ответственности, установленный ст. 8 Модельного УК, по содержанию не отличается от принципа вины, предусмотренного ст. 5 УК РФ. Вместе с тем, указание в заголовке ст. 5 УК РФ на ответственность именно личную, как хочется надеяться, могло бы стать сдерживающим фактором, не позволяющим законодателю и правоприменителю отступать от принципа именно личной ответственности. Но как минимум одно¹ такое явное отступление в российском УК имеется: ч. 2 ст. 88 УК РФ установлено, что наказание в виде штрафа несовершеннолетнему назначается и при отсутствии у него самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание, в таком случае штраф

¹ Не берем в расчет личную «безответственность» как допускаемую российским законодателем возможность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное ст. 199, 199.1, 199.4, при условии, что причиненный ущерб (суммы недоимки, пеней и штрафа) возмещен не самими субъектом преступления, а организацией (уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов которой вменяется этому лицу, либо не исполнившей обязанности налогового агента).

по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия.

Поэтому ничто не мешает суду со ссылкой на предписания ч. 2 ст. 88 УК РФ назначить заведомо неплатежеспособному несовершеннолетнему (школьник, учащаяся колледжа, учащаяся ГБПОУ) наказание в виде штрафа и указать в резолютивной части приговора о взыскании штрафа с его родителей либо одного родителя¹. Негативные последствия подобной фактической безнаказанности несовершеннолетнего можно проиллюстрировать на следующем примере: приговором районного суда от 9 августа 2024 г. несовершеннолетнему С.М.Ж. (в первом приговоре указан его возраст — 15 лет) назначено наказание в виде штрафа в размере 20 тыс. рублей при том, что в этом же году он был трижды осужден: 5 июля к наказанию в виде лишения свободы сроком на 1 год условно; дважды (18 января и 9 августа) с назначением штрафа в размере 5 и 12 тыс. рублей соответственно и оба эти наказания не исполнены².

В связи с этим хочется обратить внимание российского законодателя не только на ст. 8 Модельного УК, заголовок которой включает указание на «личную» ответственность, но также и на принцип неотвратимости ответственности (ст. 7), и на ст. 91, согласно которой: «Штраф «применяется только при наличии у несовершеннолетнего самостоятельного заработка или имущества, на которое может быть обращено взыскание». И именно это правило Модельного УК воспринято большинством УК государств — участников СНГ, в частности, республик Казахстан (ч. 3 ст. 81) и Таджикистан (ч. 2 ст. 87), Азербайджанской Республики³ (ч. 2 ст. 85), Кыргызской Республики (ч. 1 ст. 105 помимо этого установлена допустимость назначения штрафа только лицам, достигшим 16 лет), Республики Армения (в ст. 96 используется термин с более широким содержанием — не «заработка», а «дохода»), Республики Беларусь (в ч. 1 ст. 111 дано скобочное уточнение «заработок (доход)»).

Возвращаясь к собственно к принципу личной ответственности, можно отметить сходные (ст. 6 УК Республики Молдова) и даже более удачные, чем в Модельном УК, формы его закрепления в УК республик Таджикистан и Армения. Так, ст. 7 УК Республики Таджикистан, имеющая заголовок

¹ См., например: приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан от 10 июля 2024 г. по делу № 1-390/2024; приговор Кизлярского городского суда Республики Дагестан от 14 октября 2024 г. по делу № 1-142/2024; приговор Усольского городского суда Иркутской области от 16 мая 2022 г. по делу № 1-291/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор Ленинского районного суда г. Махачкалы от 9 августа 2024 г. по делу № 1-674/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 г. № 787-IQ (с посл. изм. и доп. от 23 февраля 2024 г. № 1103-VIQD) // Информационная система «КОНТИНЕНТ» [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 23.11.2024).

«Принцип личной ответственности и виновности», включает уникальное предписание: «Никто не может нести уголовную ответственность иначе как за свои собственные деяния (действия или бездействие)» (ч. 1). А в УК Республики Армения принципы личной ответственности и принцип ответственности за вину «разведены» по разным статьям, при этом первый установлен ст. 5 и сформулирован так: «Каждое физическое лицо подлежит уголовной ответственности только за совершенное им преступление».

Научная статья
УДК 343.36

АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБЕГИ ИЗ МЕСТА ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ, ИЗ-ПОД АРЕСТА ИЛИ ИЗ-ПОД СТРАЖИ

Наталья Сергеевна КОШКИНА

Управление МВД Российской Федерации по Мурманской области,
г. Мурманск, Россия, nk0shk1na@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются составы преступлений, связанных с побегом из места лишения свободы или побегом из места содержания под стражей, рассматриваются субъекты, ответственные за это деяние.

Также проводится сравнение квалифицирующих признаков за совершение данного преступления, предусмотренных Уголовным Кодексом Российской Федерации.

Разработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства и внесению нового квалифицирующего признака побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи лицом, ранее совершавшим побег, в виде «вторичность побега».

Ключевые слова: побег, разграничения правонарушений, дисциплинарные проступки осужденных, соучастие, субъект и объект преступления

Original article

ANALYSIS OF THE FORMATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ESCAPES FROM PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY, FROM ARREST OR FROM CUSTODY

Natalia S. KOSHKINA

Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
for the Murmansk region, Murmansk, Russia, nk0shk1na@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the elements of crimes related to escape from a place of deprivation of liberty or escape from a place of detention, examines the subjects responsible for this act.

The comparison of qualifying signs for the commission of this crime, provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, is also carried out.

Proposals have been developed to improve criminal legislation and introduce a new qualifying feature of escape from places of deprivation of liberty, from arrest or from custody by a person who previously escaped, in the form of «secondary escape».

Keywords: escape, delineation of offenses, disciplinary offenses of convicts, complicity, subject and object of the crime

В современной России обеспечение правосудия и должного функционирования уголовно-исполнительной системы и организаций, которые исполняют меры уголовно-процессуального воздействия являются одной из задач государства. Поэтому выделяют несколько вариаций преступлений, которые совершаются в этой сфере. Такими преступлениями являются побег из под ареста, из под мест лишения свободы или из-под стражи. Процесс по выявлению, противодействию, квалификации, учету и расследованию побегов имеет недостатки и сложности, они нуждаются в анализе и совершенствовании.

Государство ставит задачу по обеспечению должного функционирования этой сферы и деятельность ее органов и учреждений. Это касается и их охраны, в том числе с помощью средств, мер и инструментов уголовно-правового характера¹.

Анализ следственной и судебной практики показывает, что при квалификации преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 313 УК РФ, установлено следующее: квалификация преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 313 УК РФ, вызывает ряд вопросов — это вопросы, связанные с объектом преступления. На практике это связано с разграничением правонарушений и дисциплинарных проступков осужденных².

Как правило, право передвигаться без сопровождения предоставляется осужденным, отбывающим наказание в колонии-поселении, либо осужденным, содержащимся в исправительной колонии. Признаки общественной опасности, отличающие преступления от нарушений дисциплины, отно-

¹ Перевозчиков А. К. Актуальные проблемы уголовно-правового обеспечения деятельности пенитенциарных учреждений // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 43—48.

² Антонов Т. Г. Объективная сторона преступлений, предусмотренных ст. 313 и ст. 314 УК РФ // Вестник Кузбасского института. 2011. № 1. С. 27—29.

сятся как к определению побега, так и к учету признаков объективных сторон, таких как место, время и способ совершения преступления¹.

Требуется учитывать не только все обстоятельства происшествия, но и место, время и способ совершения правонарушения.

Многие вопросы, связанные с квалификацией этих преступлений, касаются стадии совершения преступления. Применительно к побегу из-под стражи завершением преступления следует считать пересечение осужденным или лицом, содержащимся под стражей, линии охраны объекта любым способом².

Любое действие, направленное на преодоление линии безопасности, должно рассматриваться как попытка побега.

Вопрос о квалификации таких преступлений связан с определением типа соучастника. Лица, совершающие эти преступления должны быть ограничены теми, кто отвечает всем признакам специальных субъектов. А именно лица, осужденные к лишению свободы, поступившему в законную силу обвинительному приговору, либо лица, находящиеся в местах лишения свободы.

Лица, участвовавшие в совершении такого преступления и не обладающие признаками специального субъекта, признаются соучастниками, подстрекателями или организаторами данного преступления. Их действия должны быть ограничены³.

Одним из примеров таких преступлений можно отнести побег в исправительной колонии общего режима № 2, в котором при проведении обхода территории был обнаружен подкоп. Незамедлительно проведен подсчет осужденных, в ходе которого выявлен факт отсутствия 6 осужденных. Все выходцы из Средней Азии. По тревоге поднят личный состав сводного отряда УФСИН России по Липецкой области. Выставлены временные розыскные посты. Оповещены взаимодействующие органы, разосланы ориентировочные данные на осужденных. По горячим следам направлены резервные группы и группы преследования. Проводились мероприятия по розыску лиц, совершивших побег⁴.

¹ Прокурор разъясняет от 09.04.2019. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_24/activity/legal-education/explain?item=3370168 (дата обращения: 04.11.2024).

² Жуйков А. Л. Уголовная ответственность за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи: дис. ... канд. юрид. наук Н. Новгород, 2008. С. 9.

³ Пудовочкин Ю. Е. Квалификация соучастия в преступлении. Судебная практика: научно-практическое пособие. Москва : Российский государственный университет правосудия Российский гос. ун-т правосудия. С. 21.

⁴ УФСИН России по Липецкой области сообщает: URL: https://48.fsin.gov.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=771309 (дата обращения: 04.11.2024).

Существует также ряд проблем с признанием побега в отношении нескольких преступлений. Побег с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, определен законодателем как преступление с формальным составом¹.

По данным судебного департамента при Верховном Суде России на 2024 год, за последние пять лет (2018–2023) количество осужденных по статье 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи» выросло со 104 до 132 человек².

При этом в 2022 году впервые в современной истории из исправительных колоний и СИЗО в России не сбежал ни один человек³.

По итогам пяти месяцев 2024 года число побегов из колоний-поселений сократилось более чем в три раза. Это произошло после устранения нарушений в системе ФСИН, которые выявила Генпрокуратура⁴.

По итогам первого квартала 2024 года число побегов из-под надзора в сравнении с аналогичным периодом прошлого года снизилось на 65% (с 20 до 7). По итогам первого полугодия 2024 года по сравнению с первым полугодием 2023 года число таких происшествий в колониях-поселениях сократилось на 68,3% или более чем втрое — с 60 до 19⁵.

Для розыска сбежавшего заключенного мобилизуется большинство персонала службы исполнения наказаний и органов МВД, используются большие бюджетные средства, а также наносит сильный удар по репутации ФСИН России.

При уменьшении по статистическим данным количества побегов, они становятся более ухищренные. Стоит отметить, что высок уровень организованных и групповых побегов. При анализе лиц, совершивших побег, преобладают осужденные к длительным срокам лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений. Все эти факторы говорят о необходимости внесения изменений в уголовно-правовое законодательство.

¹ Буркина О.А. Проблемы квалификации насильственного побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи // Пробелы в российском законодательстве. 2012. №5. С. 112-115. URL: <https://lib.rucont.ru/efd/580593> (дата обращения: 04.11.2024).

² Инстинкт свободы: кто и как бежит из российских тюрем. URL: <https://www.mk.ru/social/2024/07/28/instinkt-svobody-kto-i-kak-bezhit-iz-rossiyskikh-tyurem.html> (дата обращения: 04.11.2024).

³ В 2022 году из колоний и СИЗО в России впервые никто не убежал. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/640f23d09a79471e23613c36> (дата обращения: 04.11.2024).

⁴ Ведомости. Все в одной подписке. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/07/04/1047913-genprokuratura-soobschila-snizhenii-chisla-pobegov> (дата обращения: 04.11.2024).

⁵ ФСИН сообщила о трехкратном снижении числа побегов из колоний-поселений. URL: https://vk.com/wall-209468001_19781 (дата обращения: 04.11.2024).

С объективной стороны, побег заключается в противоправном самостоятельном оставлении лицом, отбывающим наказание, места лишения свободы и места содержания¹.

При анализе, в данной статье рассматриваются три вида побега: 1) побег из-под ареста; 2) побег из-под стражи; 3) побег из мест лишения свободы

В настоящий момент можно говорить только о двух видах побега: арест как вид наказания в полной мере не исполняется, так как механизм работы не налажен и сама база арестных домов в России. В связи с этим следует рассмотреть исключительно побеги из-под стражи и из мест лишения свободы.

Побеги из-под охраны являются наибольшей общественной опасностью. Лица, совершившие побег из-под охраны, не способны обеспечить себя средствами существования для нормальной жизни, поэтому снова совершают новые преступления и ведут безнравственный образ жизни.

Прежде всего, это лица, отбывающие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления, рецидивисты, с глубокой девиантной направленностью, отрицательно характеризующиеся в исправительных учреждениях в период отбывания наказания. Моментом окончания преступления будет являться преодоление линии охраны объекта любым способом. К примеру такого побега можно отнести побег из-под стражи мексиканского наркобарона Хоакина Гузмана Лоэра по кличке Эль Чапо (Коротышка), которому несколько раз удавалось бежать из-под стражи. В феврале 2014 года Эль Чапо был задержан и доставлен в тюрьму особо строго режима Альтипано. Однако просидел он там недолго – менее чем через полгода наркобарон исчез из своей одиночной камеры.

Как оказалось, для побега на глубине 20 метров был прорыт тоннель длиной полтора километра. Он был оборудован освещением, системой вентиляции и рельсами, через которые сообщники Эль Чапо вывозили грунт. Сам беглец выбрался за пределы охраняемой территории благодаря переделанному мотоциклу с вагонеткой, который привез его к недостроенному амбару.

По словам министра внутренних дел Мексики, побег бы не удался, если бы преступнику не помогал кто-то из персонала тюрьмы. Было уволено несколько сотрудников, допрошены адвокаты и владелец амбара².

¹ Зелик В. А., Дзиконская С. Г., Объект и объективная сторона побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи. URL: <https://education.law-books.ru/зелик-в-а-дзиконская-с-г-объект-и-объект/> (дата обращения: 04.11.2024).

² Тяга к свободе: семь самых удивительных побегов из тюрем. URL: <https://mir24.tv/articles/16415828/tyaga-k-svobode-7-samyh-udivitelnyh-pobegov-iz-tyurem> (дата обращения: 04.11.2024).

Лица, совершившие побег из-под надзора, представляют собой небольшую общественную опасность, потому что встали на путь исправления и не имеют цели совершения новых преступлений. Для осужденных, пользующихся правом передвижения без конвоя, побегом является самовольное незаконное оставление объекта работы или отклонение от маршрута передвижения.

Для осужденных, содержащихся в колониях-поселениях, побегом является самовольное незаконное оставление административной территории учреждения.

Проблематикой действующего законодательства является разграничение уклонения от отбывания наказания и побега из мест лишения свободы лиц, отбывающих наказание в колониях-поселениях и осужденных пользующихся правом бесконвойного передвижения. Из этого следует, что для разграничения побегов нужно определить промежуток времени, в течении которого осужденный считается уклонившимся, либо совершившим побег. Необходимо учитывать, что в вопросе разграничения этих преступлений необходимо определить ту цель, которую преследует осужденный, для квалификации его действий как уклонение от отбывания наказания либо побег. В настоящее время после задержания бесконвойного осужденного или осужденного из колонии-поселения, при осуществлении ими побега назначение наказания происходит от цели осужденного. Это обозначает то, что если умысел осужденного был направлен на последующее возвращение к месту лишения свободы, то обычно суды квалифицируют преступление как уклонение от отбывания наказания, если без возвращения, то как побег. Когда от момента отсутствия осужденного до задержания или добровольной сдачи органам исполнительной власти, проходит большой промежуток времени например, неделя, и у осужденного имеется умысел на возвращение в исправительное учреждение, то в большей массе рассмотрения дел суды назначают наказание по ст. 313 УК РФ. Именно для этого, чтобы судья не имел сомнений в решении о принятии по приговору, следует закрепить в нормативно-правовых актах сроки возможного отсутствия от отбывания наказания в исправительном учреждении и внести понятия побега из-под стражи и из-под надзора, сформулировав квалифицирующие признаки, относящиеся к этим видам, потому что общественная опасность таких составов преступлений различна.

Также с этим связана проблема, когда подозреваемый, обвиняемый или осужденный, в связи с неосторожностью или халатностью сотрудников мест содержания под стражей, либо в процессе группового побега, спонтанно преодолевает линию охраны, то есть совершает побег и через неболь-

шое количество времени к нему приходит понимание содеянного. По российскому законодательству это преступление считается оконченным в момент преодоления линии охраны. Из этого факта можно сделать вывод о том, что заключенному нет смысла возвращаться обратно, а между тем значительные силы органов правопорядка несут службу, занимаясь его поиском. Обычно осознание совершенного преступления происходит в кратчайшее время. Предполагается, что лицо, добровольно возвратившееся в течение двадцати четырех часов с момента совершения побега впервые, в места лишения свободы, освобождается от уголовной ответственности, если оно не совершило нового преступления или если побег не был соединен с деяниями, предусмотренными ч. 3 ст. 313 УК РФ, а также по ч. 2 ст. 313 УК РФ, если лицо докажет, что оно совершило побег «спонтанно», а не группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Ключевым в трактовке будет слово «лицо впервые совершившее побег». Предполагается, что поощрительная норма в сфере побега может найти свое место¹.

Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи лица, ранее отбывавшего наказание в виде лишения свободы либо в отношении которого уже избиралась мера пресечения в виде заключения под стражу, говорит о повышенной общественной опасности данного субъекта, его поведения. Более того, если с каждым новым разом не ужесточать санкции в отношении этого лица, то нарушаются цели и задачи уголовно-исполнительного законодательства РФ, а именно — предупреждение совершения новых преступлений. При повторном побеге ранее примененное наказание в виде лишения свободы не оказала должного воздействия и не достигла целей. Это не только карательные меры, применяемые по решению суда, когда применение более мягкой меры наказания невозможно, но и исправление противоправного поведения лица.

К таким решениям стремится не только государство в лице сотрудников мест лишения свободы, но и сам осужденный в период отбывания наказания.

Таким образом, предполагается внести новый квалифицирующий признак побега из мест лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи лицом, ранее совершавшим побег в виде «вторичность побега».

¹ Антонов А. Г. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ: монография. Новокузнецк: Кузбасский ин-т ФСИН России, 2007. С. 21.

Научная статья
УДК 343.35

ДЕЯНИЕ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА КАК УСЛОВИЕ НАСТУПЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

Роман Михайлович КРАВЧЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы установления причинной связи в составе преступления, предусмотренного ст. 293 УК РФ.

Дается оценка деяния должностного лица в механизме причинения вреда и установления уголовной ответственности за бездействие.

Анализируются примеры судебно-следственной практики и формулируются предложения для совершенствования правоприменения.

Ключевые слова: Уголовное право, причинная связь, бездействие, халатность

Original article

THE ACT OF AN OFFICIAL AS A CONDITION FOR THE ONSET OF SOCIALLY DANGEROUS CONSEQUENCES

Roman M. KRAVCHENKO

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The article discusses the issues of establishing a causal relationship as part of a crime under Article 293 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The assessment of the official's act in the mechanism of causing harm and establishing criminal liability for inaction is given.

Examples of judicial and investigative practice are analyzed and proposals for improving law enforcement are formulated.

Keywords: Criminal law, causation, inaction, negligence

Проблемы оценки причинной связи между деянием и наступившими общественно опасными последствиями с давних пор являются предметом споров в отечественной уголовно-правовой доктрине.

Особенно бурно обсуждается уголовно-правовое значение условий в механизме преступного причинения вреда. Данный факт вызван тем, что появление условий в цепи развития причинно-следственной связи осложняет механизм ее развития и, как следствие, квалификацию общественно опасного деяния. Сложности эти обусловлены тем, что между первоначальным деянием и общественно опасными последствиями присутствуют различные условия, которые могут выражаться как в поведении виновного и потерпевшего, так и третьих лиц.

Опосредованный характер связи между допущенными нарушениями и наступившими последствиями, неоднозначность связей между действиями и наступившим результатом, когда конкретное последствие может быть следствием различных нарушений, нормативный характер причины и ограниченность деяний, способных выступать в качестве причины наступления последствий, предусмотренных уголовным законом, приводят к серьезным сложностям на практике, проявляющимся чаще всего в том, что к ответственности привлекаются не основные, а второстепенные участники¹.

Основываясь на положениях материалистической диалектики, В. Н. Кудрявцев понимал под условиями комплекс явлений, которые сами по себе не могут породить непосредственно данное явление — следствие, но, сопутствуя причинам в пространстве и времени и влияя на них, обеспечивают определенное их развитие, необходимое для возникновения для возникновения следствия².

Весьма наглядным примером сложного механизма причинения вреда является состав преступления, предусмотренный ст. 293 УК РФ. Ввиду того, что общественно опасное деяние в составе халатности определено в качестве бездействия или ненадлежащего действия, эта уголовно-правовая норма зачастую подлежит применению в ситуациях наступления негативных последствий в зависимости от степени и качества влияния различных факторов и актов поведения разных лиц, природных сил и пр.

Так, П. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, при следующих обстоятельствах. П. являясь старшим участковым уполномоченным полиции, находясь при исполнении своих должностных обязанностей, получив по телефону от несовершеннолетней Л. сообщение о преступлении, что по месту жительства ее отец К. избивает ее

¹ Тер-Акопов А. Причинная связь в преступлениях, связанных с нарушением должностных функций // Советская юстиция. 1984. № 22. С. 3.

² Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. Москва, 1960. С. 189.

мать Л. и в руках у него нож, имея реальную возможность исполнить свои должностные обязанности, информацию, принятую от Л. не передал незамедлительно в дежурную часть отдела, на место совершения преступления не выехал, мер к пресечению противоправного деяния К. не принял; на место преступления прибыл спустя полтора часа после получения информации о преступлении, где также не предпринял мер по проникновению в жилое помещение, что привело к тому, что К. совершил убийство Л., то есть наступили необратимые последствия в виде смерти человека, при этом преступные действия П. привели к возможности сокрытия К. следов преступления и безвозмездной их утрате¹.

Зачастую полномочия должностных лиц (особенно представителей власти) заключаются в обязанности восстановить нарушенные права либо своим своевременным вмешательством не допустить посягательства на охраняемые законом свободы и законные интересы. Следовательно, невмешательство в запущенный другим обстоятельством механизм причинения вреда позволяет наступить негативным последствиям в той же мере, как если бы другое деяние обеспечивало или способствовало реализации причины.

В приведенном примере ярко продемонстрирована зависимость наступления негативных последствий от бездействия должностного лица, которое, безусловно, не является причиной наступления смерти потерпевшего, но является условием, которое способствовало реализации причины, а именно деянию К.

У должностного лица была реальная возможность повлиять на деяние К. и не допустить причинение смерти потерпевшей, однако, уклонившись от исполнения своих должностных обязанностей, он не прервал развитие причинной связи, чем способствовал совершению преступления.

Несмотря на различную причиняющую роль К. и участкового уполномоченного, нельзя заключить, что деяние последнего не находится в причинной связи со смертью Л. Акты их поведения являются рядом внутренне обусловленных и взаимосвязанных звеньев, каждое из которых одинаково необходимо в причинно-следственной цепи явлений².

Способствующие условия могут возникать значительно раньше причины наступления общественно опасных последствий и играть более значимую роль в развитии причинно-следственной связи³.

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 сентября 2024 г. № 41-УДП24-27-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Дагель П. С. Причинная связь в преступлениях, совершенных по неосторожности // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981. Вып. 34. С. 31-35.

³ Гонтарь И. Я., Коваленко Т. С. Содержание преступлений с двумя формами вины // Адвокат. 2012. № 10. С. 9-25.

Так, Ф., являясь исполняющим обязанности директора Учреждения по эксплуатации и обслуживанию административных зданий и помещений, зная об обильных снегопадах, систематически не контролировал выполнение работ по уборке снега подрядной организации, допустил неоднократные факты ненадлежащего осуществления очистки кровли крыши дома, последствием чего стало образование на крыше здания значительного наноса снега свыше 10 см и наледи.

В связи с этим, образовавшиеся значительные скопления снега и наледи упали с крыши дома на деревянный защитный навес, примыкающий к зданию, в результате чего произошло разрушение указанного навеса. Фрагментами данного деревянного навеса, а также упавшими с крыши скоплениями снега и наледи причинены телесные повреждения различной степени тяжести находившимся рядом с указанным зданием лицам¹.

На обусловленность наступления общественно опасных последствий различными факторами справедливо указывает А.Ю. Кошелева: «бездействие наряду с прочими причинами входит в причинный комплекс и является одним из необходимых предшествующих событий, сумма которых в совокупности своей и повлекла наступление преступного результата. Бездействие и соответствующие прочие причины и условия составляют причинный комплекс, повлекший наступление общественно опасного последствия»².

Таким образом, должностные лица, чьи деяния хоть и не являлись причинами наступления общественно опасных последствий, но выступили в качестве способствующих условий, также должны подлежать уголовной ответственности, ввиду того, что их поведение является таким же, а может, и более существенным элементом механизма причинения вреда, как и деяние непосредственного причинителя.

Причина результативно влияет на другие объекты и порождает следствия с необходимостью (постоянством) лишь в определенных условиях. Условия превращают заключенную в причине интенцию (возможность влиять на следствие) в действительность. Игнорировать влияние условий нельзя. Изменившиеся условия могут корректировать действие причины. При отсутствии должных условий причина не работает либо действует по случайному варианту. Условия сопровождают причинный процесс в обязательном порядке и косвенно детерминируют результат³.

¹ Приговор № 1-11/2020 1-199/2019 от 20 октября 2020 г. / Центральный районный суд г. Твери (Тверская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

² Кошелева А. Ю. Особенности причинной связи в составах преступлений, совершаемых путем бездействия. Москва, 2009. С. 182.

³ Бойко А. И. Преступное бездействие. Санкт-Петербург, 2003. С. 150—151.

Вместе с тем, нельзя априори утверждать, что наличие самого факта нарушения порядка исполнения полномочий должностного лица является достаточным основанием для признания его поведения способствующим условием.

Действительно, регламентация процесса исполнения властных полномочий предполагает, что положения законов, подзаконных актов, ведомственных приказов и инструкций нормативно устанавливаются в связи с тем, что игнорирование данного порядка влечет снижение эффективности работы органа, организации или учреждения, ограничение возможности граждан реализовывать свои права и законные интересы, а также может повлечь наступление общественно опасных последствий.

Однако императивное утверждение о том, что наступление любых, даже случайных, общественно опасных последствий подлежит вменению лицу, не исполнившему или ненадлежащим образом исполнившему свои должностные обязанности, является неверным.

Наличие причинной связи между неисполнением или ненадлежащим исполнением должностным лицом служебных обязанностей и наступившими последствия признается лишь в том случае, если установлено, что добросовестное и в полном объеме исполнение обязанностей исключило бы наступление таких последствий¹.

Так, Л. был осужден за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, при следующих обстоятельствах.

Л., назначенный приказом на должность оперативного дежурного дежурной части, принял телефонное сообщение от С., в котором последняя сообщила ему о том, что у Ф. психическое расстройство, она колотит ребенка, от чего все соседи в шоке, выгнала из дома свою мать, бегают, кричат: «Дьявол, дьявол», побила в доме все зеркала, в ответ на что, Л. не зарегистрировал полученное сообщение, поручив его прием и регистрацию помощнику оперативного дежурного дежурной части, после чего, получив от последнего информацию о том, что в отношении несовершеннолетнего лица совершаются противоправные действия, сотрудников полиции на место происшествия не направил, меры для защиты граждан от преступных посягательств не принял, непосредственному руководителю о поступившем сообщении не доложил.

В ходе рассмотрения апелляционной жалобы осужденного установлено, что согласно Наставлению и Регламенту, исследованным в ходе судебного разбирательства, Л., как старший дежурной смены имел право, как

¹ Любавина М. А. Квалификация преступлений, предусмотренных статьями 285, 286, 292 и 293 УК РФ. Санкт-Петербург, 2014. С. 174—175.

самостоятельно принять и зарегистрировать заявление, так и отдать обязательное распоряжение своему помощнику о принятии заявления и регистрации его в КУСП.

Также, в рамках своих полномочий Л. имеет право отдавать обязательные к исполнению распоряжения только сотрудникам дежурных нарядов своей дежурной смены, то есть только тем нарядам, которые заступили с ним на дежурные сутки, в связи с чем, не имел возможности направить туда участкового уполномоченного, так как в тот день участковые уполномоченные работали только во вторую смену с 13 часов дня, до этого времени в первую смену никто из участковых не работал.

Отменяя приговор, суд апелляционной инстанции указал, что судом первой инстанции установлены не все обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения уголовного дела, что могло повлиять на правильность выводов суда о доказанности вины осужденного и юридической квалификации содеянного им.

Суд апелляционной инстанции посчитал, что при рассмотрении дела по существу было оставлено без должного внимания обстоятельство, связанное с установлением причинной связи между инкриминируемым Л. общественно опасным бездействием и наступившими последствиями (смертью человека)¹.

В случае признания бездействия должностного лица условием, которое способствовало реализации причины наступления общественно опасных последствий, необходимо выяснять, какую роль сыграло неисполнение обязанности в цепи развития причинной связи, способно ли оно было в действительности помешать наступить негативному последствию либо минимизировать причиненный вред. Данное правило следует из оснований уголовной ответственности за бездействия, а именно, лицо не только обязано, но и имело реальную возможность действовать, а в тех случаях, когда закон предусматривает последствия в качестве обязательного признака состава преступления, уголовно наказуемым бездействием может быть признано лишь такое бездействие, которое имело возможность предотвратить причинение вреда.

При установлении причинной связи по делам, когда между противоправным поведением должностного лица и наступившими общественно опасными последствиями «вклинивается» противоправное поведение иных

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 27 февраля 2024 г. № 22-149/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лиц, которое является непосредственной причиной этих последствий, требуется оценить, какие риски возникают от нарушений, допущенных должностным лицом, как эти риски сказались на наступлении последствий¹.

Если деяние должностного лица, хоть и заключалось в нарушении порядка исполнения своих полномочий, но не оказало ни способствующего, ни противодействующего влияния на реализацию причины, то в механизме совершения преступления оно не играло никакой роли, и его отсутствие не повлияло бы на общественно опасный результат. В подобных случаях нет связи между деянием должностного лица и следствием, а значит, такое деяние не является элементом причинного комплекса и никак не влияет на наступление общественно опасных последствий, что при отсутствии других существенных нарушений прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства исключает уголовную ответственность за халатность.

Научная статья
УДК 343.37

СЛОЖНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ, СОПРЯЖЕННЫХ С ИНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Денис Юрьевич КРАЕВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
k.d1979@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы уголовно-правовой оценки убийств, сопряженных с похищением человека, с разбоем, вымогательством или бандитизмом, с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера, совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за совершение убийств.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за совершение убийств.

¹ Щепельков В. Ф. Риск-ориентированный подход при установлении причинной связи по делам о халатности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 4(44). С. 352.

Ключевые слова: убийство, сопряженность преступлений, похищение человека, разбой, вымогательство, бандитизм, изнасилование, насильственные действия сексуального характера, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, часть 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации

Original article

COMPLEX ISSUES OF QUALIFICATION OF MURDERS ASSOCIATED WITH OTHER CRIMES

Denis Ju. KRAYEV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, k.d1979@yandex.ru

Abstract. The article addresses some issues of criminal law assessment of murders involving kidnapping, robbery, extortion or banditry, rape or sexual violence committed by a group of persons, a group of persons by prior conspiracy or an organized group.

Attention is drawn to the imperfection of the criminal legislation providing for responsibility for the commission of murders.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal law on liability for murder.

Keywords: murder, conjugacy of crimes, kidnapping, robbery, extortion, banditry, rape, violent acts of a sexual nature, a group of persons, a group of persons by prior conspiracy, an organized group, part 2 of article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation

В пунктах «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за убийство, сопряженное с похищением человека, с разбоем, вымогательством или бандитизмом, с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера.

Порой такие убийства характеризуются групповым способом совершения, и их квалификация вызывает сложности у правоприменителя.

Убийство, сопряженное с другими преступлениями, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, следует дополнительно квалифицировать по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Убийство, сопряженное с иным преступлением (пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), совершенное группой лиц или группой лиц по предвари-

тельному сговору, подразумевает соисполнительство — полное или частичное выполнение виновными объективной стороны такого убийства, т. е. совершение совместных умышленных действий, направленных на причинение смерти потерпевшему, в связи с совершением другого преступления. Лицо, непосредственно не участвовавшее в лишении жизни потерпевшего, не может быть признано исполнителем такого убийства.

Организаторы, подстрекатели, пособники преступлений, предусмотренных пунктами «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, чтобы нести ответственность по рассматриваемым нормам, должны осознавать, что исполнитель умышленно лишает жизни другого человека в связи с совершением сопряженных с убийством преступлений (похищением человека, разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилование, насильственными действиями сексуального характера). В противном случае данные квалифицирующие признаки им инкриминировать нельзя.

Как разъясняется в п. 20 Постановлении Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24.12.2019) «квалифицирующие признаки, характеризующие повышенную общественную опасность взяточничества или коммерческого подкупа (вымогательство, совершение преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, получение взятки в значительном, крупном или особо крупном размере и др.), следует учитывать при юридической оценке действий соучастников соответствующих преступлений, если эти обстоятельства охватывались их умыслом».

Таким образом, предусмотренные пунктами «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ признаки сопряженности с убийства иными преступлениями, следует учитывать при уголовно-правовой оценке действий соучастников такого убийства, если эти признаки охватывались их умыслом.

Анализ судебной практики показал, что правоприменителю порой не просто различить между собой действия исполнителя, пособника и подстрекателя в убийстве, сопряженном с иными преступлениями (пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Так, в соответствии с частями 2, 4, 5 ст. 33 УК РФ исполнителем в убийстве, сопряженном с иными преступлениями (пункты «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), признается лицо, непосредственно совершившее такое убийство либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее убийство, сопряженное с иными преступлениями, посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста,

невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ. Подстрекателем к убийству, сопряженному с другими преступлениями (пункты «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ) является лицо, склонившее другое лицо к его совершению путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом.

Пособником в убийстве, сопряженном с иными преступлениями (пункты «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), признается лицо, содействовавшее советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения «сопряженного» убийства, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Так, осужденная Д. предложила В. совершить нападение на потерпевшего с целью завладения его имуществом. Согласно разработанному плану, она приехала вместе с потерпевшим в обусловленное место, где ожидавший их осужденный В. потребовал от потерпевшего передать ему денежные средства. Между потерпевшим и осужденным В. завязалась борьба, в ходе которой Д. с целью подавления сопротивления нанесла потерпевшему удар бутылкой по голове, от чего образовались кровоподтек и ссадина в затылочной области. Понимая, что потерпевший может помешать завладеть имуществом, В. решил убить его и приказал Д. сделать из полотенца веревку. Затем В. изготовленной Д. веревкой связал ноги и руки потерпевшего и, сделав петлю, задушил последнего.

После этого нападавшие похитили деньги и различное имущество потерпевшего. Указанные действия осужденных квалифицированы судом по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ и пунктам «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

В апелляционной жалобе осужденная Д. просила приговор в части осуждения по ст. 105 УК РФ отменить, утверждая, что она не может нести ответственность как исполнитель и организатор убийства, поскольку в действиях В. имеет место эксцесс исполнителя.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала действия осужденной Д. с пп. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как пособничество в убийстве, сопряженном с разбоем, а из осуждения В. по ч. 2 ст. 105 УК РФ также исключила п. «ж» совершение убийства группой лиц.

Судебная коллегия указала, что убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица непосредственно участвовали в лишении жизни потерпевшего, применяя к нему насилие.

Такие обстоятельства по настоящему делу не установлены. Факт применения насилия осужденной Д. (удар бутылкой по голове) имел место, как

установил суд, в процессе разбойного нападения, с целью подавления сопротивления потерпевшего и лишь в дальнейшем у осужденного В. возник умысел на его убийство.

Изготовление осужденной Д. веревки, с помощью которой В. связал потерпевшего и задушил, с учетом характера нападения, а также присутствия осужденной Д. в момент применения В. насилия, опасного для жизни потерпевшего (сдавление шеи локтевым суставом руки), свидетельствует о наличии в действиях Д. пособничества в убийстве потерпевшего. В связи с этим в действиях осужденных отсутствует квалифицирующий признак — совершение убийства группой лиц.

Если Д. не выполняла объективной стороны убийства, сопряженного с разбоем (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ), она не могла быть признана соисполнителем такого убийства.

Пособничество «сопряженному» убийству следует отграничивать от подстрекательства к нему. Как отмечалось, в перечне пособнических действий, предусмотренных ч. 5 ст. 33 УК РФ, указано содействие совершению преступления путем советов и указаний, что порождает определенное сходство с подстрекательством. Отграничивая пособничество от подстрекательства, необходимо иметь в виду, что подстрекатель нацелен на формирование умысла совершить «сопряженное» убийство (пп. «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), тогда как пособник путем советов и указаний лишь способствует реализации уже имеющегося умысла на его совершение.

Так, приговором Забайкальского краевого суда от 28.10.2013 г. М-гин был осужден по ч. 4, 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ за подстрекательство и пособничество убийству, сопряженному с разбоем, а также по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ за разбой, совершенный с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, группой лиц по предварительному сговору, с применением предметов, используемых в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Как установил суд, реализуя совместный преступный умысел на разбойное нападение, виновный действуя в составе группы лиц по предварительному сговору, схватил потерпевшего за шею и правую руку, повалил его на пол, где, сдавливая лицо и шею ногами и руками, насильно удерживал его в таком положении, преодолевая тем самым активное сопротивление потерпевшего и причиняя ему телесные повреждения и физическую боль. После чего, с целью причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшего, М-пов сжал шею потерпевшего руками и стал его душить, прекратив доступ воздуха к органам дыхания.

В это время у М-гина, действовавшего совместно и согласованно с М-

повым, в ходе разбойного нападения возник умысел на убийство потерпевшего. С целью убийства Н. и беспрепятственного хищения его имущества, он отыскал в вагончике нож и передал его М-пову со словами: «Перережь ему горло», что последний и сделал, причинив смерть потерпевшему.

Указанные слова М-гина суд квалифицировал как подстрекательство к убийству потерпевшего Н. путем уговора, а передачу М-пову ножа — как пособничество убийству путем предоставления орудия преступления.

С данной квалификацией действий М-гина Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не согласилась по следующим основаниям.

Из установленных судом фактических обстоятельств дела следует, что М-гин произнес слова «Перережь ему горло» и передал второму соучастнику нож уже после того, как М-пов начал применять к потерпевшему насилие, опасное для жизни, - повалил его на пол и начал душить, прекратив доступ воздуха к органам дыхания.

При таких обстоятельствах, в действиях М-гина не усматривается уговора, подкупа или угрозы, а также иных действий, направленных на склонение М-пова к совершению преступления, и вывод суда о том, что умысел на убийство потерпевшего возник у М-пова под воздействием М-гина, вызывает сомнения.

Судебная коллегия Верховного Суда РФ посчитала, что сказанные в момент посягательства на потерпевшего слова М-гина следует рассматривать как указание иного способа убийства, нежели удушение, которое осуществлял в тот момент М-пов и пришла к выводу о том, что причастность М-гина к убийству выразилась в содействии совершению преступления указанием способа убийства, а также предоставлением орудия совершения преступления, что полностью охватывается ч. 5 ст. 33, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Сходные решения суды принимали и по другим делам .

В пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» разъясняется, что «убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них (например, один подавлял сопротивление потерпевшего, лишал его возможности защищаться, а другой причинил ему смертельные повреждения)».

Поскольку убийство, сопряженное с другими преступлениями, является видом убийства, данное разъяснение в полной мере применимо и к случаям совершения убийств, сопряженных с иными преступлениями

(пункты «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ), т.е. для признания убийства, сопряженного с иным преступлением, совершенным группой лиц, не обязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из указанных лиц, необходимо установить, что они действовали совместно с умыслом, направленным на совершение убийства в связи с иным преступлением, и непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие (например, один держал потерпевшего, другой наносил ему смертельные ранения).

По одному из дел суд признал М. виновным в совместном с П. убийстве группой лиц (п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ), но исключил из предъявленного ему обвинения квалифицирующий признак, предусмотренный п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство, сопряженное с разбоем), поскольку было установлено, что М. действия П. по изъятию имущества не поддерживал, непосредственного участия в изъятии имущества не принимал и его действия, направленные на причинение смерти потерпевшему, были совершены им по мотиву личной неприязни, а не в связи с совершением разбоя (последнее, напомним, является обязательным условием для признания убийства, сопряженным с разбоем).

Так, приговором Мурманского областного суда в отношении М. и П., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных пунктами «в», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, было установлено, что М. совершил убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку, группой лиц, а П. совершил убийство, т.е. умышленное причинение смерти другому человеку, группой лиц, сопряженное с разбоем, а также разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. М., находясь у бара, на почве личной неприязни, нанес С. один удар кулаком в область лица, от чего тот упал на землю.

П., являясь очевидцем конфликта, выяснил у М. причины его неприязни к потерпевшему, и решил использовать сложившиеся обстоятельства в качестве предлога для нападения на С. и хищения его имущества.

Реализуя свой преступный умысел, опасаясь появления посторонних лиц, П. предложил М. и С. проехать в безлюдное место на автомобиле, якобы для того, чтобы там урегулировать конфликтную ситуацию, на что те согласились и сели в машину.

П. повез их в сторону гаражного массива, и, реализуя свой преступный умысел, направленный на хищение имущества С., стал задавать ему вопросы, во сколько тот оценивает свою жизнь, и высказал требование о передаче ему.

По прибытии в указанный гаражный массив, П. остановил автомобиль, потребовал от С. выйти из машины, после чего предложил М. продолжить конфликт с потерпевшим. М., испытывая личную неприязнь к потерпевшему, кулаками обеих рук умышленно нанес не менее трех ударов в область головы С., от чего тот упал на землю.

После этого П., воспользовавшись сложившейся ситуацией, напал на С., и, с целью подавления воли потерпевшего к сопротивлению, нанес ему не менее 3 ударов кулаками обеих рук в область головы, и не менее 5 ударов обутыми ногами по туловищу.

Понимая, что воля потерпевшего к сопротивлению подавлена, П. из корыстных побуждений открыто похитил из кармана куртки потерпевшего деньги, а также банковскую карту и карту скидок материальной ценности не представляющие, после чего стал требовать от С. сообщить ему пин-код похищенной банковской карты, но тот назвать пин-код отказался.

После этого П., желая получить денежные средства с банковской карты потерпевшего, а также понимая, что потерпевший, оставаясь в живых, может обратиться с заявлением в правоохранительные органы, чем помешает ему похитить деньги, решил узнать у С. путем причинения последнему физической боли пин-код похищенной им ранее банковской карты, и убить потерпевшего.

В свою очередь М., наблюдая за происходящим, осознавая, что преступные действия П. направлены на убийство С., решил присоединиться к преступным действиям П., испытывая к потерпевшему личную неприязнь, возникшую в связи с чувством ревности.

С целью беспрепятственного доведения общего преступного умысла, направленного на убийство С., а П. - также рассчитывая завладеть денежными средствами потерпевшего, находящимися на счете банковской карты, понимая, что воля потерпевшего к сопротивлению сломлена, поместили С. против его воли на заднее сидение автомобиля, и перевезли к пешеходному мосту через канал, где вытащили из машины.

Опасаясь за свою жизнь и здоровье, С. попытался скрыться от М. и П. в лесном массиве, расположенном за каналом. Однако П. обнаружил и догнал С. за каналом, после чего нанес потерпевшему не менее четырех ударов битой по ногам, продолжая требовать назвать ему пин-код похищенной банковской карты. После этого, П. и М., с целью причинения смерти потерпевшему, умышленно осуществили следующие действия: П. нанес потерпевшему бейсбольной битой не менее десяти ударов в область головы, не менее 20 ударов по туловищу и не менее 4 ударов по ногам. М., в свою очередь, путем сдавливания шеи потерпевшего руками, попытался его задушить,

а также нанес ему не менее двух ударов в область головы бейсбольной битой, которую взял у П.

От причиненной М. и П. открытой черепно-мозговой травмы на месте происшествия наступила смерть С. Похищенным имуществом П. распорядился по своему усмотрению, причинив потерпевшему С. имущественный вред.

М. предъявлено обвинение в разбое, т.е. нападении в целях хищения чужого имущества, совершенном с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, с применением предмета, используемого в качестве оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Как следует из содержания обвинения, как разбой квалифицированы действия М., выразившиеся в том, что он в гаражах присоединился к действиям П., осуществлявшего изъятие имущества потерпевшего, и нанес С. не менее 3 ударов кулаком по лицу, а свои дальнейшие действия, направленные на лишение жизни потерпевшего, осуществлял, в том числе, из корыстных побуждений.

Вместе с тем, в судебном заседании достоверно установлено, что три удара в лицо потерпевшему М. нанес на почве личной неприязни, в продолжение конфликта, начавшегося у бара. Эти действия совершены М. до того, как П. напал на С. Достоверно установлено, что действий П. по изъятию имущества у потерпевшего М. применением насилия не поддерживал, и непосредственного участия в изъятии имущества не принимал.

Остальные действия М., направленные на причинение смерти потерпевшему, также совершены им по мотиву личной неприязни. Об отсутствии в действиях М. корыстного мотива убедительно свидетельствуют показания обоих подсудимых, признанные судом достоверными, согласно которым П. предлагал М. поделить похищенное, от чего тот отказался, в результате чего все материальные ценности забрал П. Каких-либо бесспорных доказательств, свидетельствующих о том, что М. выполнял совместно с П. умышленные действия, составляющие объективную сторону разбоя, из корыстных побуждений, суду не представлено.

Учитывая изложенное, М. по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ следует оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления, а также исключить из его обвинения квалифицирующий признак убийства, предусмотренный п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, - из корыстных побуждений, сопряженное с разбоем.

Кроме того, поскольку действия П. по убийству потерпевшего были сопряжены с разбоем, из его обвинения по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ подлежит исключению квалифицирующий признак «из корыстных побуждений», как излишне вмененный.

В случае умышленного причинения смерти другому человеку группой лиц, когда один из соисполнителей совершает в отношении жертвы, например, изнасилование, а второй одновременно совместно с первым выполняет объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, действия виновных, помимо ст.ст. 131, 132 УК РФ необходимо дополнительно квалифицировать по пунктам «ж», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное группой лиц, сопряженное с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера, если их действия по умышленному лишению жизни потерпевшего (-шей) были обусловлены и изнасилованием, и насильственными действиями сексуального характера (например, совершены с целью облегчить одновременно и изнасилование, и насильственные действия сексуального характера). При этом умыслом соисполнителей должны охватываться все совершаемые преступления, т.е. и убийство, и преступление, с которым оно сопряжено.

Если совершение исполнителем «сопряженного» убийства не охватывалось умыслом других соучастников, то это следует считать эксцессом исполнителя, и другие соучастники сопряженного с убийством преступления (допустим, разбоя) уголовной ответственности за такое убийство не несут (ст. 36 УК РФ).

По приговору Верховного суда Республики Башкортостан А. был осужден по п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ, а К. - по п. «в» ч. 3 ст. 162, п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Так, А. и К. по предварительному сговору между собой с целью совершения разбойного нападения путем обмана проникли в квартиру Г. К., достав нож, приставил его к шее Г. и потребовал деньги. А., выполняя указание К. и действуя с ним согласованно, с целью подавления сопротивления потерпевшего связал полотенцем его руки и ноги. После этого К., передав нож А., пошел в спальню искать деньги, не найдя, послал А. Сам же он, обнаружив деньги на столе и взяв их, задушил Г. По заключению судебно-медицинского эксперта смерть Г. наступила от механической асфиксии в результате сдавления шеи. В ходе разбойного нападения А. и К. завладели имуществом потерпевшего.

Заместитель Генерального прокурора РФ в протесте поставил вопрос о переквалификации действий А. с п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ на п. п. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ 19 декабря 2001 г. удовлетворил протест, указав следующее. По эпизоду разбойного нападения на Г. суд правильно установил фактические обстоятельства дела, но действия А. по п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ квалифицировал ошибочно.

Как следует из приговора, А. и К. совершили разбой по предварительному сговору, которым охватывалась лишь угроза применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего.

Из показаний А. на предварительном следствии усматривается, что К. предложил ему завладеть имуществом Г. и для этого помочь связать потерпевшего. В ходе нападения участники преступления угрожали применением ножа.

Согласно материалам дела совместные и согласованные действия виновных выразились в завладении имуществом с использованием ножа для осуществления психического воздействия. Действия, направленные на лишение потерпевшего жизни, К. совершил вне сговора, в отсутствие А., занимавшегося поиском денег в другой комнате и не причинившего какого-либо вреда здоровью Г.

Данных о том, что между К. и А. была договоренность о нанесении потерпевшему телесных повреждений, в деле не имеется.

При таких обстоятельствах следует признать, что убийство Г. умыслом А. не охватывалось, в данном случае действия К. являются эксцессом исполнителя, за который согласно ст. 36 УК РФ другие соучастники преступления ответственности не подлежат.

Сходное решение Верховный Суд РФ принял и по другому делу. Так, приговор суда по п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ был отменен и осуждение по п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ исключено по основаниям, предусмотренным п. 1 ч. 1 ст. 379 и п. 1 ст. 380 УПК РФ.

З. был осужден за то, что в составе организованной группы совместно с Т., К., З-ным, М. и Е. с целью завладения имуществом в крупном размере в соответствии с разработанным Т. планом обманным путем проникли в помещение фирмы. Е., пройдя в помещение и убедившись, что там, кроме охранника, никого нет, дал знать об этом К., который напал на охранника, повалил на пол и нанес ему удары ногами по телу и голове. Е. связал потерпевшего и впустил в помещение остальных членов организованной группы, в том числе З. Затем они вынесли из помещения и загрузили в машины компьютеры, принтеры и радиотелефонный аппарат.

Выполняя указания Т., К. металлической стойкой от перил несколько раз ударил лежавшего охранника по голове, а М. динамометрическим ключом также нанес потерпевшему несколько ударов по голове. Затем М. и З-ин, обмотав шею потерпевшего электропроводом, задушили его.

Данные действия З. квалифицированы судом по п. п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ (разбой, совершенный организованной группой, в целях завладения имуществом в крупном размере, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего) и п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного З., изменил состоявшиеся в отношении его судебные решения по следующим основаниям.

Приговором суда установлено, что З. только выносил из офиса похищенное имущество. Никаких действий, направленных на лишение жизни потерпевшего либо на оказание в этом в какой-либо форме содействия другим осужденным, З. не совершал.

В приговоре не приведено доказательств, подтверждающих вывод суда о том, что З. заранее был осведомлен о плане Т. совершить убийство охранника, равно как и о том, что З. была отведена какая-то роль в совершении этого преступления.

Из показаний З. на предварительном следствии и в судебном заседании видно, что в сговоре на совершение убийства он участия не принимал, ничего не знал о намерениях других членов группы и никакой роли в лишении жизни охранника не исполнял.

Таким образом, выводы суда, изложенные в приговоре, не подтверждены доказательствами, рассмотренными в судебном заседании, что в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 379, п. 1 ст. 380 УПК РФ являлось основанием к исключению из приговора осуждения по п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ и отмене приговора по п. п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ с прекращением производства по делу на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ - за отсутствием в деянии состава преступления.

Научная статья
УДК 343.343.23

ОТГРАНИЧЕНИЕ «ТРАНСПОРТНОГО» ХУЛИГАНСТВА ОТ СОВЕРШЕННЫХ ИЗ ХУЛИГАНСКИХ ПОБУЖДЕНИЙ ДЕЙСТВИЙ, УГРОЖАЮЩИХ БЕЗОПАСНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Александр Викторович КУРСАЕВ

Договорно-правовой департамент МВД Российской Федерации, Москва,
Россия, kursaev@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам разграничения «транспортного» хулиганства (п. «в» части 1 ст. 213 УК РФ) и совершенных из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (статья 267.1 УК РФ).

Анализируются различные точки зрения в науке уголовного права об отграничении данных преступлений друг от друга и судебная практика.

Автор исходит из того, что по статье 267.1 УК РФ квалифицируются те действия в отношении транспортных средств, которые совершаются по хулиганским мотивам, но не связаны с противопоставлением себя обществу, т.е. не являются хулиганскими действиями.

Ключевые слова: хулиганство, хулиганский мотив, транспортное средство, транспортные преступления, квалификация преступлений

Original article

DISTINGUISHING «TRANSPORT» HOOLIGANISM FROM ACTS COMMITTED OUT OF HOOLIGAN MOTIVES THAT THREATEN SAFE OPERATION VEHICLES

Alexander V. KURSAEV

Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia, kursaev@list.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of distinguishing between «transport» hooliganism (paragraph «b» of part 1 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation) and actions committed from hooligan motives that threaten the safe operation of vehicles (Article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Various points of view in the science of criminal law on the differentiation of these crimes from each other and judicial practice are analyzed. The author proceeds from the fact that according to Article 267.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, those actions in relation to vehicles that are committed for hooligan motives, but are not related to opposing themselves to society, i.e. are not hooligan actions.

Keywords: hooliganism, hooligan motive, vehicle, transport crimes, qualification of crimes

В теории уголовного права имеются многочисленные споры о разграничении хулиганства на железнодорожном, морском, внутреннем водном или воздушном транспорте, а также на любом ином транспорте общего пользования (п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и совершенных из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ).

Оба указанных преступления совершаются по хулиганским мотивам, имеют общий родовой объект – общественный порядок и общественную

безопасность, и касаются транспорта.

В связи с этим А. И. Чучаевым и А. Ю. Пожарским высказана точка зрения о том, что проблема разграничения рассматриваемых деяний является крайне сложной, и в качестве отграничивающего признака должна выступать связь совершаемых действий с угрозой безопасности работы транспортного средства. Однако ими же отмечается, что наличие такой угрозы констатировать достаточно непросто, и в большинстве случаев она будет или презюмироваться, или наоборот, игнорироваться¹.

Между тем вопросы привлечения к уголовной ответственности и квалификации преступлений как связанные с наибольшим ограничением прав и свобод граждан должны основываться не на предположениях и субъективных факторах, а на объективных обстоятельствах.

Кроме того, УК РФ анализируемыми п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 был дополнен одним Федеральным законом², что указывает на то, что законодатель изначально представлял, в том числе и для себя, что каждый из этих составов преступлений будет иметь свой собственный объект уголовно-правовой охраны и не одна из этих правовых норм не будет «мертвой», а также наличие определенных критериев, которые позволяют разграничить между собой данные деяния.

В п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»³ сформулировано общее правило, согласно которому отграничение хулиганства от других преступлений, в том числе совершенных лицом из хулиганских побуждений, производится в зависимости от содержания и направленности его умысла, мотива, цели и обстоятельств совершенных им действий.

Однако предлагаемые подходы относительно того, как это должно реализовываться при разграничении п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ, разнятся.

Так, А. А. Сидакова полагает, что различие между указанными деяниями заключается прежде всего в направленности действия и умысла виновного. В первом случае явное неуважение к обществу и противопоставление себя его нравственным устоям не обращено непосредственно на правила

¹ Чучаев А. И., Пожарский А. Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика. М. 2018. С. 220.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 3 апреля 2017 г. № 60-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

транспортной безопасности и на деятельность транспорта в целом. Хотя при этом попутно такие действия могут нарушать отдельные требования безопасности функционирования транспорта. Во втором случае хулиганские действия как раз, наоборот, направлены именно на деятельность транспорта. Они выражают собой целенаправленное грубое пренебрежительное отношение к требованиям, установленным к поведению на транспорте¹.

Схожей точки зрения придерживается и Е. В. Медведев исходя из того, что хулиганство, совершенное на транспорте, характеризуется явным неуважением к обществу и противопоставлением виновным себя его нравственным устоям. Действия хулигана не обращены непосредственно на правила транспортной безопасности и деятельность транспорта в целом. По ст. 267.1 УК РФ должны квалифицироваться такие хулиганские действия, которые направлены на обеспечение безопасности нормальной деятельности транспорта².

Иную позицию занимает Д. Д. Харламов, который полагает, что любое грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, если оно совершено на транспорте общего пользования, всегда создает угрозу безопасной эксплуатации соответствующего транспортного средства.

Пункт «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ является специальной нормой по отношению к статье 267.1 УК РФ и по правилам конкуренции применяться должен именно он. По его мнению, по ст. 267.1 УК РФ должны квалифицироваться только такие действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортного средства, которые характеризуются отсутствием собственно хулиганских действий, а именно совершаемые незаметно для окружающих, в отсутствие других лиц, помимо виновного, или не обладают той степенью интенсивности, которая необходима для признания их грубым нарушением общественного порядка³.

Аналогичного с Д. Д. Харламовым мнения придерживается и Р. Д. Шарапов⁴. В настоящее время судебная практика идет по пути, обозначенному Д. Д. Харламовым и Р. Д. Шараповым.

Все хулиганские действия на транспорте общего пользования, перевозящем пассажиров, квалифицируются по п. «в» части 1 ст. 213 УК РФ. Этим правоприменительная практика фактически вообще сняла трудности, связанные с разрешением вопроса о конкуренции деяний, предусмотренных

¹ Сидакова А. А. Дорожно-транспортные преступления. Ульяновск. 2022. С. 149—150.

² Медведев Е. В. Хулиганские действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств (ст. 267.1 УК РФ) // Транспортное право. 2023. № 4. С. 16—17.

³ Харламов Д. Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 92—93.

⁴ Шарапов Р. Д. Транспортное хулиганство // КриминалистЪ. 2023. № 2. С. 133.

п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ.

Ни одного приговора, где бы в результате хулиганских действий на транспортном средстве общего пользования, перевозящем пассажиров, вменялась бы именно ст. 267.1 УК РФ, нами не выявлено.

Существенную роль в этом имеет размер санкций. Деяние, предусмотренное ст. 267.1 УК РФ, является преступлением небольшой тяжести, а преступление, указанное в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ — средней тяжести.

Правоприменителю с учетом размера санкций представляется более логичным и справедливым вменять п. «в» ч. 1 ст. 213 (максимальное наказание — лишение свободы на срок до пяти лет), чем ст. 267.1 УК РФ (максимальное наказание — лишение свободы на срок до двух лет).

И действительно, было бы странным, если бы хулиганские действия, не создавшие угрозу безопасной эксплуатации транспортных средств, наказывались бы жестче, чем совершенные из хулиганских мотивов действия, создавшие такую угрозу (т.е. квалифицировались бы по ст. 267.1 УК РФ, а не по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ).

В связи с этим в судебной практике последствие как создание угрозы безопасности транспортного средства полностью охватывается п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ без необходимости какой-либо дополнительной квалификации.

Это подтверждается тем, что в обвинительных приговорах по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ суды при описании события преступления и при выборе меры наказания и его индивидуализации прямо указывают, что хулиганские действия на транспорте общего пользования могли повлиять на безопасность транспортного средства, хотя создание угрозы безопасной эксплуатации транспортных средств является признаком ст. 267.1 УК РФ.

Так, суды отмечают, что хулиганские действия Б., совершенные во время движения поезда в тамбуре и в коридоре, где располагалось оборудование, влияющее на безопасность движения поезда (стоп-кран, шкаф с электрооборудованием), могли создать реальную угрозу безопасности движения поезда, нормальному функционированию оборудования, обеспечивающему движение поезда, в котором следовали пассажиры¹; попытки ногой выбить дверь в туалете и открыть люк воздушного судна, находящегося в воздушном пространстве, создали угрозу безопасности полета²; своими действиями на борту воздушного судна К.Ф. создавал реальную угрозу безопасности полета авиарейса и безопасности пассажиров³.

¹ Приговор Арзамасского городского суда Нижегородской области от 8 февраля 2022 г. № 1-101/2022.

² Приговор Магаданского городского суда Магаданской области от 21 декабря 2023 г. № 1-321/2023.

³ Приговор Уфимского районного суда Республики Башкортостан от 3 мая 2023 г. № 1-82/2023.

Кроме того, и это не учитывают исследователи, предлагающие осуществлять разграничение п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ по направленности умысла, т.е. только по субъективной стороне, указанные составы существенно различаются в первую очередь по содержанию объективной стороны. Первое из данных деяний характеризуется наличием именно хулиганских действий. Во втором же составе указывается на действия, совершенные из хулиганских побуждений (мотивов).

Поэтому судебная практика по статье 267.1 УК РФ квалифицирует те действия на объектах транспорта общего пользования, которые совершаются по хулиганским мотивам, но не связаны с противопоставлением себя обществу, т. е. не являются хулиганскими действиями.

Это выражается в том, что данные действия могут совершаться в отсутствие посторонних. В отличие от хулиганства, которое состоит в нарушении общественного порядка, деяние, предусмотренное ст. 267.1 УК РФ, посягает на безопасность движения и эксплуатации транспорта, при этом оно совершается на различных транспортных средствах, а равно на путях их следования, и состоит в создании угроз для безопасного использования транспортных средств (например, размещение на транспортных путях посторонних предметов).

Например, по ст. 267.1 УК РФ квалифицируются действия, связанные с монтажом на устройстве контроля схода подвижного состава самодельного воспламеняющегося устройства из подручных средств (газового баллона в металлическом корпусе, двух пластиковых бутылок объемом 0,5 л., начиненных бензином) и его последующего поджога¹; размещение у подошвы рельса на пути железной дороги взрывчатого устройства промышленного изготовления, содержащее 621 г тротила, пригодного для производства взрыва, и двух бронебойно-трассирующих снарядов, непригодных для стрельбы и не содержащих взрывчатого вещества, что создало прямую опасность схода подвижного состава и железнодорожного крушения².

Верным является утверждение Ю.В. Грачевой о том, что создание угрозы безопасного функционирования транспортного средства может состоять не только в воздействии на само транспортное средство, но может заключаться и в воздействиях на другие элементы транспортной системы³.

Такое толкование уголовного закона согласуется с судебной практикой, которая блокировку транспортных коммуникаций квалифицирует по

¹ Постановление Староминского районного суда Краснодарского края от 3 июня 2021 г. № 1-53/2021.

² Приговор Черняховского городского суда Калининградской области от 12 декабря 2019 г. № 1-200/2019.

³ Грачева Ю. В. Хулиганство: изменение закона не исключило проблемы правоприменения // Уголовное право. 2021. № 8. С. 10.

статье 267.1 УК РФ. В частности, по этой норме были квалифицированы действия по установке каркаса холодильника, с находящимися внутри кирпичами, внутрь железнодорожной колеи железнодорожного пути, что создало угрозу безопасности эксплуатации маневрового поезда, машинист которого был вынужден для предотвращения наезда применить экстренное торможение¹.

По статье 267.1 УК РФ квалифицируются также действия, которые могут совершаться и публично, но не являются хулиганскими, т.е. не направлены против личности и достоинства конкретного человека или его имущества, не связаны с попыткой повысить свой статус за счет умаления статуса окружающих. Так, в г. Санкт-Петербурге к ответственности по статье 267.1 УК РФ было привлечено лицо, осуществившее пролет на легком вертолете под автомобильным путепроводом и между пилонами вантового моста, и создавшее этими своими действиями угрозу безопасности водителей и пассажиров автомобилей, а также экскурсионных судов².

Разграничение п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ заключается также в том, что в составе хулиганства транспортное средство является местом совершения преступления, а в ст. 267.1 УК РФ — предметом совершения преступления.

Кроме того, в п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ законодатель указывает на транспорт как на место совершения преступления, а к нему могут относиться и объекты транспортной инфраструктуры. В ст. 267.1 УК РФ говорится только о транспортном средстве, причем о любом, а не только об относящемся к транспортному средству общего пользования, как в «транспортном» хулиганстве.

В связи с этим мы полагаем, в отличие от точки зрения Д. Д. Харламова³, преступления, предусмотренные п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ, не являются конкурирующими, так как не соотносятся между собой как общая и специальная норма. Эти деяния являются смежными и различаются по нескольким признакам, которые являются разграничительными.

Поэтому указанная правовая норма имеет собственный, отличный от «транспортного» хулиганства объект уголовно-правовой охраны, что подтверждается и данными статистики⁴, согласно которым с момента введения ст. 267.1 в УК РФ ежегодно стабильно регистрируется определенное, пусть

¹ Постановление Нелидовского городского суда Тверской области от 7 декабря 2018 г. № 1-145/2018.

² Постановление Петроградского районного суда г. Санкт-Петербурга от 9 октября 2018 г. № 1-425/2018.

³ Харламов Д. Д. Дискуссионные вопросы квалификации хулиганства // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 6. С. 92-93.

⁴ Данные ГИАЦ МВД России; Форма 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты о уголовных делах» // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, <http://www.cdep.ru/>

и относительно небольшое, количество преступлений по этому составу.

Поскольку рассматриваемые деяния (п. «в» ч. 1 ст. 213 и ст. 267.1 УК РФ) не выступают между собой как общая и специальная норма, суды допускают возможность наличия совокупности данных преступлений.

Так, З., являющийся механиком морского буксира, следующего из одного порта в другой, был осужден по статье 267.1 УК РФ за то, что он в целях беспричинной принудительной остановки судна, действуя из хулиганских мотивов, осознавая, что никто кроме него не сможет восстановить работоспособность систем корабля, прошел в главное помещение машинного отделения и убедившись, что за ним никто не наблюдает, беспричинно остановил главные двигатели и прекратил подачу электроэнергии. В результате этих его действий дальнейшая эксплуатация буксира стала невозможной, судно стало неуправляемым и возникла ситуация корабельного крушения. Также З., находясь после этого в помещении рулевой рубки морского буксира, противопоставляя себя окружающим, демонстрируя пренебрежительное отношение к капитану и членам команды, оскорбляя их, хватал за одежду, применял к ним физическую силу, препятствовал несению службы вахтенной командой и пытался привести в действие систему охранного оповещения. Эти его действия были квалифицированы уже по п. «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ¹. При этом описывая в приговоре указанный состав хулиганства, суд отметил, что этими своими действиями З. поставил под угрозу безопасность морского судна.

Научная статья

УДК 343.241.2

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дени Сапарбекович ЛАЛАЕВ

Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации
по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Санкт-Петербург, Россия,
lalaev.dddeni@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается сущность уголовного наказания в виде принудительных работ в разрезе совершенствования действующей уголовно-исполнительной системы Российской Федерации.

¹ Приговор Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края от 9 июня 2018 г. № 1-99/2018.

Автором подчеркивается необходимость и польза трудовой вовлеченности осужденного в рамках исполнения наказания, определяется проблема осуществления надзора за деятельностью осужденных вне исправительных центров и проблема недостаточной самостоятельности принудительных работ как вида уголовного наказания, применяемого к преступнику. В работе определяется роль Минюста России в совершенствовании уголовно-исполнительной системы через развитие института принудительных работ.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, принудительные работы, ресоциализация, трудоустройство осужденных, воспитательные работы, исправительные центры.

Original article

FORCED LABOR AS A WAY TO IMPROVING THE PENAL SYSTEM SYSTEMS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Deni S. LALAEV

The Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for St. Petersburg and the Leningrad Region, St. Petersburg, Russia, lalaev.dddeni@mail.ru

Abstract. The article examines the essence of criminal punishment in the form of forced labor in the context of improving the current penal system of the Russian Federation.

The author emphasizes the necessity and benefits of the convict's labor involvement in the framework of the execution of punishment, defines the problem of supervision over the activities of convicts outside correctional centers and the problem of insufficient independence of forced labor as a type of criminal punishment applied to the offender.

The paper defines the role of the Ministry of Justice of Russia in improving the penal system through the development of the institution of forced labor.

Keywords: penal enforcement system, forced labor, re-socialization, employment of convicts, educational work, correctional centers.

Уголовное наказание в виде принудительных работ играет важную роль в совершенствовании уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Этот вид наказания предусмотрен для случаев, когда общественная опасность преступления не требует изоляции осужденного от общества, а сама суть наказания направлена на его исправление и реинтеграцию в социум, а также на предотвращение повторных преступлений, в том

числе посредством привлечения лица к трудовой деятельности и проведения комплекса мероприятий в рамках воспитательных работ.

Сущность данного вида наказания определяет значимость и актуальность совершенствования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации в разрезе развития института принудительных работ, в том числе с точки зрения гуманизации исполнения наказаний.

Согласно статье 53.1 УК РФ данный вид наказания выступает альтернативой лишению свободы и в случаях совершения преступлений небольшой или средней тяжести, а также впервые совершенных тяжких преступлений.

Ввиду альтернативного характера принудительных работ следует пойти «от противного» и отметить, что нахождение осужденного в криминальной субкультуре в связи с лишением свободы является причиной приобретения преступных навыков, ухудшения коммуникативных способностей, возникновения трудностей в дальнейшей ресоциализации.

Психологическое, нравственное и правовое отчуждение от социально полезных связей осужденного приводят к тому, что лицо не проходит процедуру «оздоровления» и лишается возможности к возвращению в социум. Результатом становится повышенный риск совершения осужденным новых противоправных деяний.

Вместе с тем принудительные работы компенсируют карательный характер лишения свободы посредством его замены на иные ограничения, достаточные для достижения задач и целей уголовного закона без помещения преступника в криминальную среду¹.

Так, демократичность принудительных работ подтверждается законодательно определенной возможностью проживать осужденному со своей семьей за пределами исправительного центра (далее Ч ИЦ), но в пределах муниципального образования, в котором он расположен. Вместе с тем законом предусмотрены и другие возможности пребывания осужденного за пределами ИЦ. Нельзя не подчеркнуть преимущество исследуемой санкции, так как приведенный пример возможностей, предоставляемых осужденному, препятствует потере социально полезных связей².

Комплекс гарантий, предусмотренных при исполнении наказания в виде принудительных работ, способствует исправлению осужденных.

¹ Химеденова, Д. Н. Принудительные работы в современной российской системе наказаний: за и против. Текст : электронный // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-v-sovremennoy-rossiyskoy-sisteme-nakazaniy-za-i-protiv> (дата обращения: 18.11.2024).

² Садчикова, Д. Н. Принудительные работы как «трудовое» наказание в Российской Федерации: преимущества и риски. Текст : электронный // Вестник БелЮИ МВД России. 2022. № 3. С. 49-50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-kak-trudovoe-nakazanie-v-rossiyskoy-federatsii-preimushchestva-i-riski> (дата обращения: 19.11.2024).

По данным Минюста России, в 2022 году из почти 7,5 тысяч человек, освободившихся после отбывания этого наказания, лишь 194 совершили повторное преступление и были заключены под стражу. В 2023 году показатель составил 169 из 9,5 тысяч (менее 2 %). Можно сделать вывод: уровень рецидива после принудительных работ значительно ниже, чем после отбывания наказания в местах лишения свободы¹.

Кроме того, трудоустройство осужденных на гражданских предприятиях также является важным аспектом, требующим внимания.

Несомненно, создание благоприятных условий для коммерческого сектора по привлечению осужденных к труду на гражданских предприятиях экономически обосновано. Экономия федерального бюджета, уменьшение затрат на содержание осужденных и решение проблемы их трудоустройства – эти и другие мероприятия положительно влияют на экономический рост государства. Следует подчеркнуть, что работа осужденных в подобном полусвободном режиме позволяет, как и вышеназванная возможность жить за пределами ИЦ, сохранять и приобретать новые социальные связи, мотивирует улучшать личное материальное состояние².

Вместе с тем, хотя в рамках исполнения наказания осужденный не изолирован от общества и проводит за пределами ИЦ большую часть времени, данный факт создает некоторые противоречия в правоприменительной практике.

С одной стороны, длительное отсутствие осужденного за пределами ИЦ или УФИЦ не позволяет компетентным органам в полной мере осуществлять контроль за лицом, что создает риски повторного совершения противоправных деяний. С другой стороны, предоставление подобных возможностей позволяет выявить готовность к исправлению и ресоциализации в процессе исполнения осужденным своего наказания³.

Совершенствование действующей уголовно-исполнительной системы через призму развития института принудительных работ, создавая условия для того, чтобы осужденный отбывал наказание достойно и ресоциализировался, невозможно без осуществления комплекса воспитательных работ с осужденными.

¹ Минюст сообщил о росте числа мест для отбывания принудительных работ за три г. / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49887/> (дата обращения: 19.11.2024).

² Химеденова Д. Н. Принудительные работы в современной российской системе наказаний: за и против. Текст : электронный // Научный вестник ОпЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 131. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-v-sovremennoy-rossiyskoy-sisteme-nakazaniy-za-i-protiv> (дата обращения: 19.11.2024).

³ Комбаров Р. В., Альбеева А. Ю. К вопросу о реализации воспитательной работы с осужденными к принудительным работам // Закон и право. 2024. № 10. С. 211. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizatsii-vospitatelnoy-raboty-s-osuzhdennymi-k-prinuditelnym-rabotam> (дата обращения: 20.11.2024).

Для достижения этих целей Минюст России разработал порядок проведения воспитательной работы с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ. Итогом данной работы стал Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», регламентирующий порядок действий сотрудников ИЦ в рамках воспитательной работы и включает полный перечень мер, направленных на адаптацию осужденного в ИЦ, исполнение наказания, восстановление социальных связей, исправление и ресоциализацию¹.

Нельзя не согласиться со мнением авторов, что постепенный переход от лишения свободы к альтернативным наказаниям, а также совершенствование уголовно-исполнительной системы во многом связаны с развитием сети ИЦ, где исполняются наказания в виде принудительных работ².

Развитие сети ИЦ сегодня является одним из вызовов, стоящих перед уголовно-исполнительной системой в современных условиях социально-экономического развития Российской Федерации, о чем гласит Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Распоряжением Правительства от 29.04.2021 № 1138-р³.

Положительная тенденция расширения практики применения принудительных работ подтверждается ростом ИЦ в стране: в 2017 г. создано 4 ИЦ и 7 участков, функционирующих как ИЦ⁴, в то время как в 2024 г. действует 51 ИЦ и 363 участка ИЦ, изолированных участков, функционирующих как ИЦ, при исправительных учреждениях.

С учетом ряда скоординированных мероприятий, осуществляемых Минюстом России совместно с ФСИН России, действующая сеть ИЦ включает в себя более 50 тыс. мест с наполняемостью около 35 тыс., при этом более 50% рабочих мест для осужденных предоставлены работодателями, что

¹ О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»: Приказ Минюста России от 29.11.2023 № 350. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Садчикова Д. Н. Принудительные работы как «трудовое» наказание в Российской Федерации: преимущества и риски. Текст : электронный // Вестник БелЮИ МВД России. — 2022. № 3. С. 50. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-kak-trudovoe-nakazanie-v-rossiyskoy-federatsii-preimuschestva-i-riski> (дата обращения: 25.11.2024).

³ О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Химеденова Д. Н. Принудительные работы в современной российской системе наказаний: за и против. Текст : электронный // Научный вестник ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 130. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-v-sovremennoy-rossiyskoy-sisteme-nakazaniy-za-i-protiv> (дата обращения: 25.11.2024).

также подтверждает и экономическую эффективность данной модели¹.

Следствием расширения сети ИЦ является факт назначения наказания в виде принудительных работ все большему количеству лиц: в 2023 г. данный вид наказания был применен в 17,3 тыс. случаях, что явно выше аналогичного показателя 2022 г. (3,5 тыс. случаев)².

Вместе с тем, несмотря на рост избрания в отношении преступников наказания в виде принудительных работ, чему способствовало развитие сети ИЦ и осуществление иных мероприятий по развитию уголовно-исполнительной системы, с учетом того, что данная мера предусмотрена в большом количестве составов Особенной части УК РФ, сегодня принудительные работы все еще не пользуются большой практической популярностью³. Так, статистика сохраняет основные тенденции: в отличие от показателя назначения судом принудительных работ, стабильно высок показатель лиц, к которым применено наказание в виде лишения свободы (в 2024 г. в местах лишения свободы содержатся около 430 тысяч человек)⁴.

Ввиду того, что принудительные работы назначаются только после назначения наказания в виде лишения свободы, как справедливо отмечается, они должны служить равнозначной заменой, а не альтернативой лишения свободы и, соответственно, иметь гораздо большее самостоятельное применение в целях гуманизации уголовно-исполнительной системы. Таким образом, численность осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, должна приближаться к числу лиц, приговоренных к реальным срокам лишения свободы⁵.

В связи с этим Минюст России предложил поправки в УК РФ, включающие более 65 составов преступлений, для которых принудительные работы могут назначаться в качестве основного вида наказания. Расширение применения принудительных работ как самостоятельного наказания, не предусматривающего лишения свободы, напрямую связано с дальнейшим

¹ В РФ число осужденных в исправительных центрах сократилось более чем вдвое / Министерство юстиции Российской Федерации. — URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50326/> (дата обращения: 25.11.2024).

² Суды в пять раз чаще стали применять принудительные работы в качестве вида наказания / Адвокатская газета. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudy-v-pyat-raz-chashche-stali-primenyat-prinuditelnye-raboty-v-kachestve-vida-nakazaniya/> (дата обращения: 26.11.2024).

³ Химеденова, Д. Н. Принудительные работы в современной российской системе наказаний: за и против. Текст : электронный // Научный вестник ОпЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-v-sovremennoy-rossiyskoy-sisteme-nakazaniy-za-i-protiv> (дата обращения: 26.11.2024).

⁴ ФСИН России / Версия. URL: <https://versia.ru/fsin-rossii> (дата обращения: 26.11.2024).

⁵ Химеденова, Д. Н. Принудительные работы в современной российской системе наказаний: за и против. Текст : электронный // Научный вестник ОпЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова. 2023. № 1 (94). С. 132. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinuditelnye-raboty-v-sovremennoy-rossiyskoy-sisteme-nakazaniy-za-i-protiv> (дата обращения: 26.11.2024).

развитием и гуманизацией уголовно-исполнительной системы¹.

Таким образом, на основе деятельности Минюста России, ФСИН России и их территориальных органов, субъектов Российской Федерации и бизнес-сообществ, на основе результатов их совместной работы по организации функционирования института принудительных работ, можно сделать вывод о том, что дальнейшее совершенствование уголовно-исполнительной системы имеет положительные перспективы.

Научная статья

УДК 343.6

О СИСТЕМАТИЗАЦИИ НОРМ УК РФ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ ЛИЧНОСТИ

Георгий Константинович ЛАПКО

Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Симферополь, Россия, detall2010@yandex.ru

Аннотация. в статье рассматриваются особенности систематизации норм Уголовного кодекса, предусматривающих ответственность за причинение смерти.

В Уголовном кодексе Российской Федерации отсутствует самостоятельный раздел, содержащий все статьи, предусматривающие ответственность за причинение смерти.

Для устранения сложившихся противоречий автор считает необходимым продолжить всестороннее исследование целесообразности и возможности объединения всех преступлений против жизни личности в одном разделе Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: объект преступления, уголовно-правовая охрана жизни, ответственность за причинение смерти, структура Особенной части Уголовного кодекса.

¹ Минюст инициирует поправки о принудительных работах для 65 составов преступлений / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50189/> (дата обращения: 26.11.2024).

ON THE SYSTEMATIZATION OF THE NORMS OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, PROVIDING RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST PERSONAL LIFE AND HEALTH

Abstract. The article examines the features of the systematization of the norms of the Criminal Code providing for liability for causing death. The Criminal Code of the Russian Federation does not have an independent section containing all articles providing for liability for causing death. In order to eliminate the existing contradictions, the author considers it necessary to continue a comprehensive study of the expediency and possibility of combining all crimes against personal life in one section of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: object of crime, criminal law protection of life, responsibility for causing death, structure of the Special Part of the Criminal Code.

Правильная квалификация деяния и его отграничение от смежных составов затруднительны без правильного определения объекта преступления и его места в системе норм Уголовного кодекса. Вместе с тем, до настоящего времени в теории уголовного права отсутствует единая позиция относительно понимания как объекта преступлений, так и относительно правильности систематизации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за преступления против жизни и здоровья личности¹.

Прежде всего, необходимо кратко рассмотреть современное понимание объекта преступления. Многие специалисты остаются на позиции, что объект преступления – общественные отношения, охраняемые уголовным законом, «которым причиняется существенный вред или создается угроза причинения такового как результат совершения преступления»².

По нашему мнению, следует согласиться с позицией А. В. Наумова, считающего, что теория объект преступления — общественные отношения не всегда срабатывает, поэтому не является универсальной»³.

Кроме общественных отношений объектом преступления считали

¹ Абдурагимов, З. Г. Понятие и признаки объекта преступления. Классификация объектов преступления. Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 8 (403). С. 65-67. URL: <https://moluch.ru/archive/403/89128/> (дата обращения 18.11.2024).

² Уголовное право. Общая часть: учебник / под общ. ред. С. А. Денисова; Л. В. Готчиной; А. В. Никуленко; изд-во СПб ун-та МВД России. СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2017. С. 80-81.

³ Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций: В 3 т. Т.1: Общая часть. М., 2010. С. 51.

и считают: правовые блага и жизненные интересы;¹ предмет, на который направлено или над которым совершено преступление;² охраняемые законом возможности³ и др.

С учетом понимания общего объекта преступления строится и определения видового объекта в преступлениях, предусмотренных главой 16 УК РФ.

На позиции — объект преступления против жизни — общественные отношения продолжают стоять многие специалисты и научные школы, в частности московская школа криминалистов и криминологов,⁴ В. А. Унтеров,⁵ И. А. Тараканов⁶ и другие.

Вместе с тем, с объектом преступления против жизни как общественными отношениями, не согласны отдельные авторы. Так, например, А. В. Пашковская пишет: «...как можно в данном случае вести речь именно об общественных отношениях, когда преступное посягательство оказывается направленным против здоровья или жизни человека? Речь в данном случае не о здоровье членов общества в целом или их жизни, а о жизни и здоровье того или иного конкретного человека»⁷.

С. В. Векленко с соавторами вполне резонно отмечает: «С учетом того, что с точки зрения теории объекта преступления как общественных отношений объектами таких преступлений, как, в частности, убийство, причинение вреда здоровью ...должны признаваться социальные контакты, в которые вступают люди в процессе деятельности, обеспечивающей жизнь, здоровье и общественную безопасность... Совершенно очевидно, что сущность рассматриваемых преступлений состоит в причинении вреда не этим социальным контактам, а в посягательстве на такие блага, как жизнь, здоровье...»⁸.

¹ Колер И. Введение в науку права. СПб: Сенатская типография, 1903. С. 176.

² Кистяковский А. Элементарный учебник общего уголовного права. Часть Общая. К.: Издание книгопродавца-издателя Ф. А. Иогансона, 1891. С. 280.

³ Векленко С. В., Семченков И. П., Сорокин И. С., Бурдейный В. В. Учение об объекте преступления: кризис переходного периода и возможность как объект любого преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (70). С. 10.

⁴ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / под ред. И. М. Мацкевича, Н. Г. Кадникова. М.: Союз криминалистов и криминологов, Криминологическая библиотека, Российский криминологический взгляд, 2015. С. 339.

⁵ Унтеров В. А. Уголовно-правовой анализ объекта преступлений против жизни, совершаемых в пенитенциарных учреждениях // В сб.: Пенитенциарное право и пенитенциарная безопасность: теория и практика. материалы III Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Р. А. Ромашова. 2013. С. 333.

⁶ Тараканов И. А., Пичугин С. А. Особенности теоретической классификации преступлений, предусмотренных Главой 16 УК РФ // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2020. № 2 (24). С. 93—97.

⁷ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / Под ред. В. С. Комиссарова, Н. Е. Крыловой, И. М. Тяжковой. М., 2012. С. 225

⁸ Векленко С. В., Семченков И. П., Сорокин И. С., Бурдейный В. В. Учение об объекте преступле-

Объектом преступлений против жизни и здоровья по мнению Ю. А. Демидова является личность, независимо от тех отношений, носителем или субъектом которых она является¹.

И. П. Семченков объектом преступлений против жизни и здоровья считает «возможность жить и иметь здоровье»².

Позиции объект преступления против жизни — соответствующие права личности, в том числе право на жизнь придерживаются специалисты Санкт-Петербургского университета МВД России³.

Интересной представляется позиция К.П. Семенова, который проведя этимолого-доктринальный анализ дефиниции «жизнь личности», вообще приходит к выводу о необходимости замены данной дефиниции на «жизнь человека», поскольку «жизнь личности» с позиций русского языка является тавтологией⁴.

Учитывая вышеизложенное важным представляется снова обратить внимание на нерешенный до настоящего времени доктриной вопрос: а, собственно, с какого момента закон ставит под охрану жизнь человека и жизнь личности становится объектом преступления? В отечественной литературе ответ на этот вопрос искали многие специалисты и авторские коллективы, однако, по нашему мнению, единой и общепринятой позиции до настоящего времени не существует. Представляется, что разница в суждениях возникает из-за разного понимания сущности жизни и использования различных критериев и подходов к решению проблемы. Следует отметить, что многочисленные авторы отождествляют жизнь как биологический процесс и жизнь как объект уголовно-правовой охраны. При этом ни в том, ни в другом случае единое понимание начала жизни отсутствует. Сложности добавляет и то, что в естественных науках принято рассматривать процессы (процесс зачатия, процесс развития, процесс рождения), а в юридических — моменты (момент начала жизни, момент начала уголовно-правовой охраны и т. п.).

Вместе с тем в законодательстве содержится четкий критерий момента начала жизни. Так, ч. 1 ст. 35 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 25 ноября 2011 г. устанавливает, что моментом

ния: кризис переходного периода и возможность как объект любого преступления // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 4 (70). С. 10.

¹ Демидов Ю. А. Социальная ценность личности и ее оценка в уголовном праве. М. Юридическая литература, 1975. С. 108.

² Семченков И. П. Объект преступлений, совершаемых в сфере соблюдения субъективных прав и прав человека // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1 (164). С. 281—282.

³ Уголовное право. Особенная часть: учебник / под общ. ред. С. А. Денисова, Л. В. Готчиной, А. Г. Хлебушкина, Санкт-Петербургский университет МВД России. СПб.: ООО «Р-КОПИ», 2020. С. 19.

⁴ Семенов К. П. Жизнь личности как объект преступлений против жизни: этимолого-доктринальный взгляд // В сборнике: Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербургский университет МВД России. 2021. С. 208.

рождения ребенка является момент отделения плода от организма матери посредством родов. В «Медицинских критериях рождения» утвержденных приказом Минздравсоцразвития РФ «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» от 27 декабря 2011г. № 1687н, предусмотрено, что «живорождением является момент отделения плода от организма матери посредством родов при сроке беременности 22 недели и более при массе тела новорожденного 500 грамм и более (или менее 500 грамм при многоплодных родах) или в случае, если масса тела ребенка при рождении неизвестна, при длине тела новорожденного 25 см и более при наличии у новорожденного признаков живорождения (дыхание, сердцебиение, пульсация пуповины или произвольные движения мускулатуры независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента)».

В доктрине этот момент трактуется несколько шире. Классической считается позиция, согласно которой жизнь плода начинается с момента начала регулярной родовой деятельности. О. В. Лукичев связывает его с появлением из тела женщины любой части тела новорожденного¹. Л. И. Мурзина считает необходимым наличие любого из признаков жизни — движения, дыхания или сердцебиения².

Определение момента начала жизни позволяет вернуться к вопросу о начале уголовно-правовой охраны жизни и, соответственно, установлению объекта преступления против жизни и здоровья личности. Казалось бы, и здесь можно опираться на законодательство. Так, в ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации закреплено положение о том, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения».

Однако здесь нормы УК РФ входят в противоречие с положениями Конституции. Во-первых, если следовать нормам Конституции, жизнь человека в процессе родов полностью лишается уголовно-правовой охраны; во-вторых, ст. 106 УК РФ предусматривает ответственность за убийство матерью ребенка во время родов.

По нашему мнению, решение проблемы станет возможно только после получения данных медико-биологических наук о состоянии плода в материнском организме и во время родов, возможности его признания личностью, требующей уголовно-правовой защиты.

Существует множество подходов к систематизации преступлений против жизни (в основу которых положена уголовно-правовая классификация объекта посягательства), следствием которых является наступление смерти человека.

¹ Лукичев, О. В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика детоубийства: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / О. В. Лукичев; Санкт-Петерб. Акад. МВД России. СПб., 1997. С. 11.

² Мурзина, Л. И. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовые и криминологические проблемы: автореф. ... дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 / Л. И. Мурзина; Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2009. С. 16.

Наиболее правильной нам представляется мнение Е. С. Стешич, которая выделяет четыре группы — одну основную и три дополнительные. В основную автор включает преступления, объединенные в главе 16 УК РФ; в первую дополнительную — преступления, в которых умышленное лишение жизни является дополнительным или факультативным непосредственным объектом; во вторую дополнительную — преступления, в которых жизнь является дополнительным или факультативным непосредственным объектом, а смерть наступает от действий, нарушающих правила, установленные законом, а так же по неосторожности от умышленных или неосторожных действий; в третью дополнительную группу — деяния в которых последствия носят абстрактно-оценочный характер («наступление иных тяжких последствий»), но причинение смерти по неосторожности является возможным.

Отметим, что с учетом значимости и ценности человеческой жизни, являющейся основным объектом уголовно-правовой охраны, в доктрине отечественного уголовного права неоднократно выдвигались предложения об изменениях в систематизации норм, содержащих преступления, следствием которых явилась смерть человека. Так, например М. Д. Шаргородский предлагал включить все преступления, связанные с неосторожным причинением смерти личности, в одну статью, а квалифицирующим признаком считать различные нарушения установленных норм и правил, приведшее к смерти.

По мнению Е. С. Стешич в одной главе Уголовного кодекса необходимо объединить все преступления, связанные с умышленным и неосторожным причинением смерти человеку. При этом в нормах, предусматривающих ответственность за причинение смерти по неосторожности, необходимо предусмотреть такие квалифицирующие признаки как нарушение специальных и профессиональных правил предосторожности, а также особенности объективной стороны, влияющие на общественную опасность совершенного преступления¹.

На основании проведенного исследования можно прийти к выводу о том, что существующее понимание объектов преступления, как общественных отношений не позволяет правильно квалифицировать отдельные преступления и отграничивать их от смежных деяний; а существующая структура Особенной части УК РФ входит в определенное противоречие с положениями ст. 2 Конституции и ст. 3 УК РФ. Представляется, что для устранения сложившихся противоречий следует продолжить исследования целесообразности и возможности объединения всех преступлений, причинивших смерть личности, в одном разделе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации.

¹ Стешич Ю. С. Абсолютная ценность жизни как основа систематизации преступлений против нее. Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 3 (41) 2014. С. 101

Научная статья
УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕМЕЙНО-БЫТОВОЙ СФЕРЕ

Елена Вячеславовна ЛАТЫШЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
egjohns@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности криминологического прогнозирования в семейно-бытовой сфере. Выделены факторы, оказывающие влияние на прогнозирование преступности в рассматриваемой сфере.

Приведены источники информации, необходимые для построения прогноза преступности в семейно-бытовой сфере, отмечены существующие трудности при получении объективной информации о состоянии преступности в данной сфере.

Отмечены важные детерминанты, влияющие на выбор методов и методик прогнозирования. Обозначены особенности методического обеспечения прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере.

Ключевые слова: криминологический прогноз, семейно-бытовое насилие, особенности прогнозирования

Original article

FEATURES OF CRIMINOLOGICAL FORECASTING OF VIOLENT CRIME IN THE FAMILY AND DOMESTIC SPHERE

Elena V. LATYSHEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, egjohns@mail.ru

Abstract. The article examines the features of criminological forecasting in the family and household sphere. The factors influencing the forecasting of crime in the area under consideration are highlighted. The sources of information necessary for forecasting crime in the family and household sphere are given, and the

existing difficulties in obtaining objective information about the state of crime in this area are noted. Important determinants influencing the choice of forecasting methods and techniques are noted. The features of methodological support for forecasting violent crime in the family and household sphere are outlined.

Keywords: criminological forecast, domestic violence, features of forecasting

Криминологическое прогнозирование является важной составляющей системы мер противодействия преступности. С точки зрения криминологической науки борьба с преступностью должна иметь научное и методологическое обоснование, фундаментом чего выступает мониторинг и прогнозирование состояния преступности. Посредством данных инструментов должна реализовываться государственная политика, направленная на минимизацию преступных проявлений в обществе.

Криминологическое прогнозирование — это научная оценка будущего состояния преступности, обуславливающих ее факторов, эффективности принимаемых на государственном уровне управленческих решений, а также определения необходимых мер, направленных на борьбу с ней.

Конечно, криминологический прогноз не является абсолютной истиной, позволяющей дать точную оценку будущего состояния преступности, но он позволяет определить наиболее вероятные тенденции и векторы развития криминальных явлений, наметить основные направления борьбы с преступностью, спланировать государственную политику в зависимости от наиболее вероятного прогноза. В этом заключается и практическая значимость криминологического прогнозирования.

Криминологическое прогнозирование включает в себя количественные и качественные характеристики предполагаемых изменений преступности, ее отдельных элементов, детерминант и оценку возможностей оказания на нее управляющего воздействия в прогнозируемый период времени. Оно имеет свой объект, цели и задачи, а также фазы (этапы) и опирается на учет общего детерминационного комплекса преступности в его территориальной конкретизации, проявлениях по видам преступности¹.

Анализируя состояние законности в семейно-бытовых отношениях, стоит сказать, что проблема насильственной преступности в данной сфере в России стоит достаточно остро. Несмотря на отсутствие отдельного государственного учета семейно-бытовой преступности, выводы о распространенности данной проблемы можно сделать из данных официальной статистики, сведений Росстата и общественных организаций.

¹ Котельникова О. А. Криминологическое прогнозирование и программирование борьбы с преступностью : учебное пособие. Хабаровск : ДВЮИ МВД России, 2018. С. 7.

Так, согласно статистическим данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2023 году членом семьи, супругом, сожителем, сексуальным партнером (в том числе бывшими) совершено 112 692 преступления (11,3 % от общего числа предварительно расследованных преступлений в отчетный период), в том числе в отношении женщин — 77 465, несовершеннолетних — 57 374 (7,8 % и 5,8 % соответственно от общего числа предварительно расследованных преступлений в отчетный период)¹.

О распространенности проблемы также свидетельствуют данные некоммерческих общественных организаций. Так, согласно отчетам Общероссийской Ассоциации женских общественных организаций, «Консорциум женских неправительственных объединений» с 2019 по 2023 годы к ним обратилось 7184 женщин².

Вместе с тем до настоящего времени проблема семейно-бытового насилия не признана на государственном уровне, не выработана комплексная государственная политика, направленная на его предупреждение. Высокий уровень насильственной преступности в семейно-бытовой сфере показывает недостаточную эффективность научно-криминологического обеспечения предупреждения преступных проявлений в рассматриваемой сфере.

Наличие широкой латентной преступности и отсутствие полноценного учета насильственных преступлений в семейно-бытовой сфере позволяют говорить о том, что государство не обладает полной информацией о действительной криминологической обстановке в стране, что затрудняет принятие адекватных мер профилактики и борьбы с преступностью в рассматриваемой сфере.

В этой связи особое значение приобретает мониторинг и прогнозирование состояния преступности, а также планирование мероприятий по его совершенствованию. Принятие государством решений при разработке уголовной политики требует, помимо прочего, прогностического обоснования, учитывающего особенности рассматриваемого вида преступности.

Как представляется особенности криминологического прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере проявляются на нескольких уровнях:

1. На уровне особенностей информационного обеспечения прогнозирования.

¹ Отчет за 2023 год по данным формы наблюдения 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений». Главное управление правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <http://crimestat.ru/> (дата обращения: 25.11.2024).

² Содержательные отчеты Консорциума женских неправительственных объединений. URL: <https://wcons.net/o-konsorciume/reports-and-documents/meaningful-reports/> (дата обращения: 25.11.2024).

2. На уровне влияния детерминационного комплекса на выбор методов и методик прогнозирования, учете влияния причин, условий, факторов на состояние будущего преступности в семейно-бытовой сфере.

3. На уровне определения методического обеспечения прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере: методов, методик, технологий, приемов.

Далее охарактеризуем содержание приведенных факторов.

1. Влияние особенностей информационного обеспечения на осуществление криминологического прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере

В данной части можно выделить следующие факторы, оказывающие влияние на прогнозирование преступности в семейно-бытовой сфере:

- текущее состояние системы официального статистического учета рассматриваемого вида преступности и возможности использования данных системы для построения прогнозов;
- текущее состояние и возможности учета иных статистических данных, формируемых государственными органами;
- наличие иных источников информации и возможностей их использования для построения прогнозов.

Говоря об источниках информации, необходимых для построения прогноза преступности в семейно-бытовой сфере, следует отметить, что официально данный вид преступности отдельно не учитывается, законодателем не определен круг преступлений, которые она охватывает. Фрагментарный учет отдельных сегментов данного вида преступности не позволяет построить всей его картины. С этим связаны трудности при использовании государственной статистики при осуществлении прогнозирования преступности в рассматриваемой сфере.

Как уже было выявлено в ранее проведенных нами исследованиях, широкое распространение и социальная значимость для российского общества проблемы семейного насилия требуют выделения преступности в семейно-бытовой сфере в отдельный вид статистического учета¹.

Вместе с тем, для построения прогноза о будущем состоянии преступности в семейно-бытовой сфере можно использовать некоторые данные официальной криминальной статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, судебной статистики.

Так, МВД России на своем официальном сайте ежемесячно публикует данные о состоянии преступности в России. Общедоступной является ста-

¹ Латышева Е. В. Особенности и проблемы статистического учета преступности в семейно-бытовой сфере // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17, № 1. С. 42.

тистическая отчетность о деятельности федеральных судов общей юрисдикции, мировых судей и судимости, размещаемая в сети «Интернет» Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. Особенно информативны отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции (форма 1), по рассмотрению дел об административных правонарушениях (форма 1-АП), отчеты о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания (форма 10.1), отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по отдельным статьям УК РФ по первой инстанции (приложение к оперативному отчету формы № 01, форма 01.1) и другие.

Форма 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений», утвержденная приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 17.01.2020 № 30 (с последующими изменениями), содержит сведения о количестве предварительно расследованных преступлений (из числа находившихся в производстве или зарегистрированных в отчетный период), в том числе совершенных членом семьи, супругом, сожителем или сексуальным партнером (в том числе бывшими). Данная информация наиболее полно дает представление о совершаемом в семье насилии. Однако эти сведения в официальных формах статистики учитываются только с 2021 года, отдельно по каждому виду преступлений — с 2022 года, поэтому при прогнозировании будущего состояния преступности следует учитывать ограниченность временных рядов.

Помимо криминальной статистики при построении прогноза будущего состояния преступности в семейно-бытовой сфере может использоваться официальная социально-экономическая отчетность, в том числе об уровне безработицы и занятости населения, о заболеваемости, в том числе алкоголизмом и наркоманией, доходах и жилищных условиях населения, индексы цен на рынке жилья, в том числе стоимость аренды жилых помещений, и другие сведения государственной статистики, которые обуславливают состояние законности в рассматриваемой сфере.

Также при прогнозировании преступности в семейно-бытовой сфере являются ценными данные качественных исследований, таких как отчеты некоммерческих общественных организаций, результаты социологических опросов (например, ВЦИОМ). Кроме того, практической ценностью обладают исследования, проведенные Консорциумом женских неправительственных объединений с помощью специальной компьютерной программы «Алгоритм Света», которыми охвачен значительный массив судебных решений, вынесенных по результатам рассмотрения уголовных дел о насиль-

ственных преступлениях¹. Автоматизация изучения судебной практики позволяет увеличить объем исследуемой информации, более качественно подойти к выявлению закономерностей преступности в рассматриваемой сфере.

Помимо указанного источниками информации для построения криминологического прогноза в семейно-бытовой сфере могут служить ранее проведенные криминологические исследования данного вида преступности (диссертационные исследования, монографии, научные статьи).

2. Влияние детерминационного комплекса на реализацию прогностической функции.

Говоря о состоянии преступности в семейно-бытовой сфере, среди наиболее важных факторов, формирующих базу для построения криминологического прогноза, следует рассматривать правовые, политические, социальные, демографические, экономические и культурные детерминанты.

Каждая из детерминант будет вносить определенный вклад в состояние насильственной преступности в будущем, что определяет другую группу особенностей криминологического прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере.

Выявление и анализ факторов (как криминогенных, так и антикриминогенных), наиболее интенсивно влияющих на состояние и уровень преступности, являются одним из аспектов криминологического прогнозирования. Эти факторы действуют одновременно и находятся в состоянии постоянного взаимодействия, что позволяет в ходе прогнозирования выделить из них отдельные, особо значимые и определить меры реагирования государства на негативные социальные явления².

В связи с ограниченным объемом настоящего исследования, коротко охарактеризуем возможное влияние отдельных детерминант и особенности их учета при построении прогноза насильственной преступности в семейно-бытовой сфере.

Так, среди основных правовых факторов, обуславливающих преступность в рассматриваемой сфере, следует назвать отсутствие профильного закона, направленного на профилактику семейно-бытового насилия, несмотря на многократное внесение законопроектов в Государственную Думу Российской Федерации. Нестабильность уголовного законодательства и непоследовательность законодателя при реализации уголовно-правовой политики оказывают негативное влияние на возможности прогнозирования

¹Алгоритм Света : сайт. URL: <https://readymag.website/algorithmsveta/algorithmsveta/> (дата обращения: 25.11.2024).

²Новичков В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 27.

в данной сфере, что является одной из особенностей реализации прогностической функции применительно к семейно-бытовой преступности.

Высокая латентность правонарушений в семейно-бытовой сфере, социальные стереотипы, нежелание правоохранительных органов вмешиваться в частную жизнь семьи также негативно сказываются на объективности имеющихся сведений.

Говоря о политических детерминантах преступности в семейно-бытовой сфере, следует отметить отсутствие целенаправленной государственной политики в данном направлении.

В условиях военных конфликтов и социальных потрясений проблема семейно-бытового насилия имеет тенденцию к дальнейшему обострению¹. Проведенные криминологические исследования показали, что повреждение социальных, политических и экономических институтов, общее снижение порога перед применением насилия в обществе, а также наличие боевой травмы и посттравматическое стрессовое расстройство участников боевых действий способствуют росту насильственной преступности в обществе². Данный фактор может оказать как ближне-, так и средне- и долгосрочное влияние на уровень насильственной преступности в рассматриваемой сфере в зависимости от глубины деформации институтов.

В этой связи в методике прогнозирования преступности в семейно-бытовой сфере следует учитывать такие факторы, как количество участников боевых действий, их семейное положение, уровень заболеваемости населения психическими заболеваниями, в том числе впервые выявленными, и др. Вклад данного фактора значителен, требует отдельного научного осмысления с точки зрения его влияния на уровень насильственной преступности в рассматриваемой сфере.

На параметры будущего насильственной преступности в семейно-бытовой сфере оказывают влияние социально-экономические факторы, которые требуется учитывать при построении прогноза и оценки вклада каждого из них:

— уровень жизни населения, в том числе: динамика доходов населения, уровень бедности, распределение малоимущего населения по основным группам, обеспеченность населения жилыми помещениями, условия проживания домашних хозяйств, расходы на оплату жилья и коммунальных услуг и др.;

¹ Archer D., Gartner R. Violent acts and violent times: a comparative approach to postwar homicide rates. *Am Sociol Rev.* 1976 Dec. 41(6). С. 960; Stamatel J. P., Romans S.H. The effects of wars on postwar homicide rates: a replication and extension of Archer and Gartner's classic study // *Journal of Contemporary Criminal Justice.* 2018. 34(3). С.287—311.

² Gartner R., Kennedy L. War and Postwar Violence // *Crime and Justice.* 2018. 47. С. 20, 23; Cesur R., Sabia J. J. When war comes home: the effect of combat service on domestic violence // *The Review of Economics and Statistics.* 2016. 98(2). С. 209—225.

- наличие социальных центров для лиц, оказавшихся в трудной жизненной ситуации;
- показатели занятости и безработицы;
- уровень потребления алкоголя и наркотических веществ;
- уровень заболеваемости населения алкоголизмом и наркоманией и др.

3. Особенности методического обеспечения прогнозирования насильственной преступности в семейно-бытовой сфере.

Переходя к вопросу о методах криминологического прогнозирования в рассматриваемой сфере, следует сказать, что оно базируется на принципах и системе методов социальной прогностики и использует во многом те же методы, которые являются наиболее эффективными для прогнозирования других явлений социального характера. Комплексное использование известных методов научного анализа является гарантией качества, состоятельности и надежности любых видов криминологических прогнозов¹.

Теоретическую основу прогнозирования преступности как социального явления составляют сформулированный Адольфом Кетле закон относительного постоянства величины преступности (модифицированный оценкой влияния определенных социальных факторов), а также сформулированный Энрико Ферри закон насыщения общества преступностью, согласно которому уровень преступности является следствием социальной организации данной общности².

К основным методам криминологического прогнозирования теория криминологии относит методы экстраполяции, экспертных оценок и моделирования. Вместе с тем, все более актуальными становится использование статистико-математических, автоматизированных и программных методов, обработка больших данных («Big Data»).

Одним из универсальных методов криминологического прогнозирования является метод временных рядов (экстраполяции), использование которого относительно семейно-бытовой преступности может быть затруднительно в связи с ограниченностью временных рядов и отсутствием данных официальной статистики. Кроме того, наиболее точен данный метод в отношении ближайшей перспективы (1—3 года).

В этих условиях использование метода экспертных оценок может восполнить недостаток официальной информации путем проведения

¹ Моськин А. М Методы криминологического прогнозирования преступности // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2009. № 3. С. 109—110.

² Молчанова Т. В. Современные методы прогнозирования преступности: от статистического анализа до машинного обучения // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 104.

анкетирования, интервьюирования экспертов в рассматриваемой сфере, а именно сотрудников правоохранительных органов, прежде всего органов внутренних дел, членов некоммерческих организаций, деятельность которых связана с противодействием семейно-бытовому насилию.

Одним из недостатков данного метода является субъективность и неформализованный характер прогностических оценок. Повысить их надежность и перевести субъективные оценки в количественные показатели помогает ряд способов: правильный подбор экспертов; всесторонняя оценка их компетентности; продуманная и обоснованная методика опроса; применение статистико-математических приемов обобщения экспертных оценок; расчет степени согласованности (конкордация) мнений экспертов; сопоставление экспертных оценок с результатами объективных методов прогнозирования преступности¹.

Результатом использования метода моделирования преступности является построение компьютерных, статистико-математических моделей в целях описания, объяснения и прогнозирования будущего состояния преступности. Моделирование относится к числу методов аналитической деятельности и основано на проникновении в сущность объектов путем создания моделей, отражающих свойства изучаемых систем, необходимых для получения знаний об оригиналах и решения поставленных задач².

Достоинством этого метода является его всеобщность, поскольку моделировать можно любые объекты, а также абстрагирование от несущественных факторов, влияющих на преступность, и сосредоточение на самых важных аспектах изучаемого явления.

Статистико-математические методы прогнозирования преступности включают в себя исключительно использование различных статистических и математических моделей для анализа данных о преступности и прогнозирования будущих тенденций. Эти методы могут варьироваться от применения временных рядов и анализа корреляции до использования регрессионного анализа.

При выборе автоматизированных систем предназначенных для прогнозирования явлений стало возможным решение многих сложных задач без непосредственного вмешательства человека. Особую актуальность обретает использование искусственного интеллекта, работа которого может основываться на технологиях машинного обучения (на основе нейронных сетей), обработки естественного языка (Natural Language Processing – NLP), «компьютерного зрения» (распознавания видео, аудио).

¹ Лунеев В. В. Криминология : учебник для вузов. Москва : Издательство Юрайт, 2024. С. 247.

² Леванский В. А. Моделирование в социально-правовых исследованиях. М., 1983. С. 21.

В современном мире традиционные приемы, способы и методы обработки данных о преступности делают их узко направленными, ограниченными в своем восприятии, в этой связи метод больших данных («Big Data») мог бы увеличить критерии оценки данных о преступности. Информацию большого объема с помощью обычных инструментов обработать будет сложно: на это уйдет слишком много времени. Сначала компьютерный алгоритм отбирает данные по заданным параметрам, затем распределяет между отдельными узлами, серверами или компьютерами, а потом они одновременно обрабатывают эти сегменты данных, параллельно друг с другом.

Для автоматизированной обработки данных о преступности используют, в том числе и готовые программные (пакетные) решения. Так, например, пакет прикладных программ Statistica – набор модулей, каждый из которых содержит определенную группу инструментов для статистического анализа. Программное решение работает с текстовой и численной информацией. Все данные, которые фиксируются в продукте, преобразованы в виде переменных и наблюдений. Существуют и другие широко используемые программы для анализа данных: SPSS Statistics, RapidMiner, Maple¹.

Таким образом, имеющиеся криминологические исследования указывают на необходимость принятия действенных мер, направленных на профилактику и противодействие криминальному насилию, в том числе в семейно-бытовой сфере. Разработка концепции противодействия преступности невозможна без осуществления научно обоснованного прогнозирования возможных сценариев ее развития, которое позволит своевременно принять необходимые меры, направленные на профилактику преступности и минимизацию ее вредных последствий. В этой связи особое значение приобретает мониторинг и прогнозирование состояния преступности, а также планирования мероприятий по его улучшению. Планирование и принятие управленческих решений должно быть прогностически обоснованным, взвешенным, необходимым и юридически точным.

¹ Молчанова Т. В. Современные методы прогнозирования преступности: от статистического анализа до машинного обучения // Вестник экономической безопасности. 2024. № 2. С. 105-107.

Научная статья
УДК 343.33

СИСТЕМА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Дмитрий Владимирович ЛОБАЧ

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, г. Владивосток, Россия,
dimaved85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние российского уголовного законодательства в сфере обеспечения международного мира и безопасности человечества.

Анализируются дефекты правовых норм, предусматривающих ответственность за агрессию, применение запрещенных средств и методов ведения войны, мародерство и геноцид.

В целях повышения уголовно-правового регулирования отношений, составляющих мир и безопасность человечества, выступающих фундаментальными основами международного правового порядка, обосновываются предложения по совершенствованию этих норм.

Ключевые слова: преступления против мира и безопасности человечества, геноцид, военные преступления, мародерство

Original article

THE SYSTEM OF CRIMES AGAINST PEACE AND SECURITY OF MANKIND IN RUSSIAN LEGISLATION: ON THE ISSUE OF THE NEED FOR MODERNIZATION

Dmitry V. LOBACH

Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Vladivostok, Russia, dimaved85@mail.ru

Abstract. The article examines the current state of Russian criminal legislation in the sphere of ensuring international peace and human security. It analyzes the defects of legal norms providing for liability for aggression, the use of prohibited means and methods of warfare, looting and genocide. In order to improve the

criminal-legal regulation of relations that constitute the peace and security of mankind, which are the fundamental foundations of the international legal order, proposals for improving these norms.

Key words: crimes against the peace and security of mankind, genocide, war crimes, marauding

В соответствии с действующим уголовным законодательством отношения, составляющие международный мир и безопасность человечества, являются самостоятельными объектами уголовно-правовой охраны. В связи с этим в Особенной части УК РФ имеется раздел XII, включающий одноименную главу, в которой содержатся нормы, устанавливающие ответственность за деяния, посягающие на международный мир и безопасность человечества.

Несмотря на то, что нормы о преступлениях против мира и безопасности человечества содержатся в заключительной части Особенной части УК РФ, не следует недооценивать первостепенную значимость указанных объектов, выступающих экзистенциальными основами международного правопорядка и составляющих так называемые права третьего поколения — коллективные права, связанные с благами, которые имеют значение для всего человечества (например, право мира, право на благоприятную окружающую среду, право на продолжение рода).

Об особом политико-правовом значении мира и безопасности человечества также указывают нормы, предусматривающие правила подсчета окончательного наказания в виде лишения свободы на определенный срок при совокупности преступлений или приговоров (ч. 5 ст. 56 УК РФ), а также нормы, предусматривающие невозможность освобождения от уголовной ответственности или наказания в связи с истечением сроков давности совершения преступлений или сроков давности обвинительного приговора суда (ч. 5 ст. 78 и ч. 4 ст. 83 УК РФ).

По сравнению с нормами других разделов Особенной части УК РФ, нормы о преступлениях против мира и безопасности человечества за все время действия уголовного закона претерпели изменения в общей сложности только 22 раза.

Динамика изменений уголовно-правовых норм XII раздела выглядит следующим образом: в 2001 г. — ст. 355 УК РФ; 2003 г. — ч.ч. 1 и 2 ст. 354, ст. 357 и 360 УК РФ (дополнена квалифицирующим признаком); 2004 г. — ст. 357 УК РФ; 2009 г. — ст. 357 УК РФ; 2014 г. — ч.ч. 1 и 2 ст. 360 УК РФ; 2017 г. — ч. 2 ст. 361 УК РФ; 2021 г. — ч.ч. 1, 2, 3 и 4 ст. 354¹ УК РФ; 2022 г. — ч.ч. 1, 2 и 3 ст. 359 УК РФ; 2023 г. — ч.ч. 1 и 2 ст. 360 (изменено название статьи), ч.ч. 1 и 2 ст. 361 УК РФ. Изменения затронули главным образом

санкции уголовно-правовых норм и в меньшей степени объективную сторону преступлений. Например, законодатель в 2001 г. расширил объективную сторону незаконного оборота оружия массового поражения. Ранее в первоначальной редакции ст. 355 УК РФ предусматривалась ответственность только за производство, приобретение и сбыт оружия массового поражения.

В результате внесенного изменения уголовно-правовой запрет был установлен и в отношении разработки, производства и накопления оружия массового поражения, а также был расширен предмет преступления за счет включения в диспозицию правовой нормы токсинного оружия. Объективная сторона геноцида была уточнена за счет указания на уничтожение группы как таковой.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 360 УК РФ, была дополнена угрозой совершения нападения на лиц и объекты, находящиеся под международной защитой. Объективная сторона наемничества (ч. 3 ст. 359 УК РФ) была уточнена через разрешение возможной конкуренции с нормой ч. 3 ст. 208 УК РФ. Из 16 норм о преступлениях против мира и безопасности человечества только нормы о военных преступлениях (ст. 356 УК РФ) и преступлениях, совершаемых в форме агрессии (ст. 353 УК РФ), остались без изменений.

Кроме внесенных в указанные нормы изменений также наблюдается расширение самой системы преступлений против мира и безопасности человечества за счет появления новых норм, устанавливающих ответственность за общественно опасные деяния, посягающие на охраняемые объекты.

Так, в 2014 г. появилась норма ст. 354.1 УК РФ, устанавливающая ответственность за реабилитацию нацизма (ч. 1 ст. 354.1 УК РФ), и совершенные публично действия, связанные с распространением выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно с осквернением символов воинской славы России, оскорблением памяти защитников Отечества либо унижением чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ). В 2016 г. были криминализированы акт международного терроризма (ч. 1 ст. 361 УК РФ), а также финансирование и иное содействие террористической деятельности (ч. 2 ст. 361 УК РФ). В 2022 г. в качестве военного преступления было криминализировано мародерство (ст. 356.1 УК РФ).

Вместе с тем нормы об этих преступлениях не лишены недостатков, что свидетельствует о снижении уголовно-правового регулирования отношений, составляющих мир и безопасность.

Продemonстрируем сказанное на примере дефектов некоторых правовых норм данного раздела.

Нормы, устанавливающие ответственность за общественно опасные деяния, совершаемые в форме агрессии (ст. 353 УК РФ), не содержат самого понятия «агрессивная война». Диспозиция этой нормы текстуально в усеченном варианте повторяет нюрнбергскую модель преступлений против мира, которая была актуальной для своего времени. В современных условиях развития международного права агрессия, в отличие от геноцида и военных преступлений, во-первых, не закреплена в конвенционном режиме и, во-вторых, в практике международных отношений возникают сложности отграничения агрессии от правомерного (условно допустимого) применения одним государством своих вооруженных сил против другого государства. В этой связи в академической среде и политических дискуссиях не утрачивают своей актуальности вопросы о параметрах допустимого применения государственных вооруженных сил против террористических организаций, находящихся на территории зарубежных стран и представляющих угрозу для национальных интересов других государств, а равно использования ограниченного контингента национальных вооруженных сил для обеспечения безопасности своих граждан, оказавшихся в условиях гуманитарной интервенции или дискриминационных политических режимов.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие легального конвенционного определения агрессии (агрессивной войны), такое понятие раскрывается в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 года №3314 (XXIX) «Определение агрессии»¹.

В дальнейшем юридическое содержание агрессии было отражено в Римском статуте Международного уголовного суда (далее — МУС). Несмотря на то, что резолюция Генеральной Ассамблеи, будучи актом «мягкого права», является информационно-разъяснительным документом, не порождающим международных обязательств в борьбе с таким явлением, в том числе уголовно-правовыми средствами, а Римский статут МУС не распространяет юрисдикцию этого органа в отношении Российской Федерации, в то же время, учитывая политический курс России по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов (ст. 79.1 Конституции РФ) и практическое стремление к обеспечению международной стабильности и устойчивого развития, следует конкретизировать норму ст. 353 УК РФ через закрепление в качестве примечания к статье легального определения агрессии,

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. №3314 (XXIX) «Определение агрессии». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

как оно изложено в вышеупомянутой резолюции, а также перечисление тех ситуаций, когда применение вооруженных сил Российской Федерации за рубежом является правомерным.

Учитывая современное развитие международного права, практику международных отношений и международные обязательства, реализуемые Россией в сфере обеспечения мира, представляется возможным предложить четыре ситуации правомерного применения вооруженных сил: 1) применение Россией своих вооруженных сил на территории другого государства при реализации права на индивидуальную или коллективную самооборону; 2) применение Россией своих вооруженных сил при исполнении резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций по поддержанию мира; 3) применение Россией своих вооруженных сил при официальном приглашении одним государством российских вооруженных сил в целях подавления инфраструктуры международного терроризма, угрожающего национальным интересам Российской Федерации; 4) в целях защиты граждан Российской Федерации и соотечественников, проживающих за рубежом, в ситуации проведения политики геноцида и массового нарушения прав и свобод.

С позиции полноты имплементации договорных обязательств в сфере международного гуманитарного права вызывает нарекание норма ст. 356 УК РФ, устанавливающая ответственность за применение запрещенных средств и методов ведения войны. Указанная норма является уникальной в том смысле, что ее бланкетный характер аккумулирует в себе положения различных конвенций, составляющих систему международного гуманитарного права. Однако отсылка к положениям международных договоров в сфере международного гуманитарного права не может осуществляться без учета, сложившегося в национальном законодательстве понятийного аппарата, юридической техники и правовой культуры.

По этой причине толкование норм международного права, которые нашли свое прямое или опосредованное закрепление в национальном позитивном праве, должно осуществляться с учетом особенностей юридической техники, правовой культуры, принципов и доминант правовой политики конкретного государства.

В связи с этим при раскрытии правового смысла нормы ст. 356 УК РФ возникает проблема понимания того, что такое жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением. Нормы международного гуманитарного права (ст. 130 Женевской конвенции № 3 и ст. 147 Женевской конвенции № 4) в качестве серьезных нарушений положений этих документов закрепляют преднамеренное убийство, пытки и бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты, преднамеренное причинение

тяжелых страданий или серьезного увечья, нанесение ущерба здоровью, незаконное депортирование, перемещение и арест, принуждение служить в вооруженных силах неприятельской державы или лишение его права на беспристрастное и нормальное судопроизводство, взятие заложников.

Таким образом, закрепленное в диспозиции правовой нормы ст. 356 УК РФ понятие «жестокое обращение» в контекстной взаимосвязи с соответствующими положениями Женевских конвенций охватывает большой объем бесчеловечных деяний, некоторые из которых неизвестны российскому законодательству (например, бесчеловечное обращение, тяжелые страдания, серьезные увечья, ущерб здоровью).

На основании сказанного представляется целесообразным поддержать научные предложения о необходимости конкретизации с учетом национального понятийного аппарата и юридической техники норм о военных преступлениях посредством подробного закрепления всех бесчеловечных деяний, составляющих объективную сторону этого международного преступления¹.

Норма о геноциде (ст. 357 УК РФ) при закреплении криминообразующих признаков максимально соответствует легальному определению этого преступления, закрепленного в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г. (далее – Конвенция о геноциде).

Так же как и в конвенционном определении геноцида, объективная сторона данного преступления охватывает пять общественно опасных действий, посягающих на жизнь, здоровье, свободу и неприкосновенность личности. Кроме этого, российский законодатель конкретизировал объективную сторону преступления, закрепив в качестве акта геноцида насильственное переселение.

Вместе с тем деяния, составляющие объективную сторону геноцида, имеют свои особенности, которые демонстрируют ограниченный характер имплементации конвенционных положений в российское уголовное законодательство, сложности толкования некоторых признаков объективной стороны геноцида, специфику юридической техники.

Например, сравнение российской нормы о геноциде (ст. 357 УК РФ) с нормативным положением ст. 2 Конвенции о геноциде позволяет увидеть, что в российской норме о геноциде закреплён насильственный характер воспрепятствования деторождению, в то время как в конвенционной норме речь идет вообще о мерах, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы. Указание на насильственный характер существенно

¹ Богуш Г. И., Есаков Г. А., Русинова В. Н. Международные преступления: модель имплементации в российское уголовное законодательство : монография. М., 2018. С. 96—136.

ограничивает регулятивное действие рассматриваемой нормы, так как исключает квалификацию в качестве геноцида совершение всех остальных действий, направленных на достижение геноцидальной цели, без непосредственного применения насилия.

Неоднозначной представляется российская формулировка признака объективной стороны геноцида, выраженного в принудительной передаче детей. В отличие от конвенционного определения геноцида (п. «е» ст. 2 Конвенции о геноциде) в российской дефиниции отсутствует указание на конечного адресата такой передачи, то есть другие человеческие группы, в социокультурной среде которых ребенок должен со временем утратить свою национальную идентичность и (или) изменить религиозное сознание.

Одним из военных преступлений, в отношении которого не так давно законодатель установил уголовную ответственность, является мародерство (ст. 356.1 УК РФ). Состав этого преступления вызывает вопросы при квалификации. Прежде всего обращает на себя внимание период или условия совершения этого преступления – военное положение, военное время, вооруженный конфликт или ведение боевых действий.

Военное время, вооруженный конфликт и ведение боевых действий раскрываются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы»¹.

Изучение этих понятий позволяет заключить, что военное время связано с состоянием войны, в то время как вооруженный конфликт представляет собой вооруженное столкновение ограниченного масштаба без перехода государства в состояние войны. При этом ведение боевых действий является видовым понятием, которое охватывается всеми видами вооруженного противостояния, включая войны и вооруженные конфликты. Повышенная ответственность за посягательства на отношения собственности в условиях военного времени (когда объявлено состояние войны), вооруженного конфликта (когда отсутствует состояние войны) или при ведении боевых действий не вызывает сомнения, так как в наибольшей степени характеризует природу военных преступлений как бесчеловечных деяний, нарушающих нормы и принципы международного гуманитарного права.

Однако сомнительным представляется квалификация в качестве мародерства хищений, совершаемых в период военного положения. Дело в том, что в соответствии с ч. 1 ст. 1 Федерального Конституционного закона

¹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении»¹ под военным положением понимается особый правовой режим, вводимый на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии.

Таким образом, военное положение может быть введено не только в результате состоявшейся агрессии, что закономерным образом предполагает возникновение вооруженного конфликта или состояния войны, но и в ситуации непосредственной угрозы агрессии против России, когда до критического предела повышается вероятность вооруженного нападения. В последнем случае очевидна необычная ситуация, когда мародерством, то есть военным преступлением, будет признаваться хищение чужого имущества в условиях отсутствия вооруженного конфликта или состояния войны.

Исходя из размещения нормы о мародерстве в разделе XII УК РФ логичным будет признать такое деяние именно как военное преступление. В этой связи совершенно справедливой представляется позиция, высказанная профессором А. Г. Кибальником, о необходимости установления связи такого хищения с идущим вооруженным конфликтом². Напротив, хищение чужого имущества вне вооруженного конфликта, ведения боевых действий или состояния войны не может быть квалифицировано как военное преступление.

Дефект конструирования уголовно-правовой нормы о мародерстве также выражается в установлении в качестве квалифицирующих признаков преступления угрозы причинения тяжкого вреда здоровью.

Дело в том, что норма ст. 356.1 УК РФ содержит два практически идентичных квалифицированных состава мародерства – п. «в» ч. 3 и п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ. Пункт «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 3 до 12 лет за совершение мародерства, содеянного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а санкция нормы п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ уже предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет за мародерство, соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Насилие, опасное для жизни или здоровья, было определено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 № 29 (в ред. от 15.12.2022)³.

¹ О военном положении : Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Кибальник А. Г. «Реанимация» мародерства в уголовном праве // Российский следователь. 2024. № 1. С. 64-68.

³ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного

Таким образом, налицо необоснованное законодательное повторение угрозы тяжкого вреда здоровью как квалифицирующего признака мародерства, закрепленного непосредственно в п. «в» ч. 4 ст. 356.1 УК РФ, и как части более общего понятия — насилия, опасного для жизни или здоровья (п. «в» ч. 3 ст. 356.1 УК РФ). В связи со сказанным необходимо исключить повторяющийся квалифицированный состав в части сопряженности мародерства с угрозой причинения тяжкого вреда здоровью.

В заключение важно отметить, что уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за общественно опасные деяния, посягающие на международный мир и безопасность человечества, являются нормативным выражением реализуемых Российской Федерацией международных обязательств по обеспечению фундаментальных основ международного правопорядка. Эффективность правового регулирования отношений в данной сфере зависит от определенности юридического содержания правовых норм, их внутренней согласованности, непротиворечивости, теоретической безупречности и адаптивности к положениям международного гуманитарного права.

Научная статья
УДК 343.37

**КОНФИСКАЦИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ В СЛУЧАЕ
СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ВЕРХОВНОГО
СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Марьям Фердинандовна МИНГАЛИМОВА

Казанский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Казань, Россия, maryam_m@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по ключевым вопросам, возникающим в правоприменительной практике при применении положений, предусмотренных п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ, о конфискации транспортных средств при совершении преступлений в сфере безопасности дорожного движения.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства, о конфискации транспортных средств при совершении преступлений в сфере безопасности дорожного движения.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства о конфискации транспортных средств при совершении преступлений в сфере безопасности дорожного движения

Ключевые слова: конфискация, транспортное средство, состояние опьянения, преступления в сфере безопасности дорожного движения

Original article

CONFISCATION OF VEHICLES IN CASE OF COMMITTING A SECURITY CRIME DRUNK DRIVING: A VIEW THROUGH THE PRISM OF THE LEGAL POSITIONS OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Maryam F. MINGALIMOVA

Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, Kazan, Russia, maryam_m@mail.ru

Abstract: The article examines the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation on key issues arising in law enforcement practice when applying the provisions provided for in paragraph «d» of Part 1 of Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation on the confiscation of vehicles in the commission of crimes in the field of road safety.

Attention is drawn to the imperfection of criminal legislation on the confiscation of vehicles when committing crimes in the field of road safety.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on the confiscation of vehicles when committing crimes in the field of road safety.

Keywords: confiscation, vehicle, intoxication, crimes in the field of road safety

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации играют ключевую роль в обеспечении единообразного применения законодательства на территории всей нашей страны. Это достигается через реализацию следующих механизмов: 1) обзоры судебной практики по различным категориям дел; 2) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации; 3) решения Президиума Верховного Суда Российской Федерации;

4) результаты пересмотра Верховным Судом Российской Федерации решений судов нижестоящих инстанций в кассационном и надзорном порядке. Несмотря на то, что решения принимаются по конкретным уголовным делам, логика и правовая позиция высшего судебного органа, изложенная в них, служат ориентиром для нижестоящих судов и позволяют унифицировать правоприменительную практику, исключив вынесение противоречивых решений.

Правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросам конфискации транспортных средств у нетрезвых водителей формировались постепенно. Первые решения были вынесены спустя больше года с момента появления в уголовном законе новой нормы.

Напомним, что в соответствии с п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ транспортное средство, принадлежащее обвиняемому и используемое им при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264.1, 264.2 или 264.3 УК РФ, подлежит конфискации. Новая норма уголовного закона действует с июля 2022 г. и за этот небольшой промежуток времени судебная практика приобрела в целом единообразный характер.

Остановимся на ключевых аспектах, на которые обращает внимание Верховный Суд Российской Федерации при применении анализируемой нормы уголовного закона в случае совершения преступлений в сфере безопасности дорожного движения:

1. Отсутствие альтернативной возможности при принятии решения о конфискации транспортного средства.

Верховный Суд Российской Федерации неоднократно обращал внимание на то, что применение положений, предусмотренных п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ, носит императивный характер. Имущественное положение, наличие заболеваний у подсудимого и его близких родственников, бытовая потребность в автомобиле не препятствуют принятию решения о конфискации автомобиля.

2. Принятие решения о конфискации транспортного средства в порядке исполнения приговора в силу ст. 397 УПК РФ ухудшает положение осужденного.

Верховный Суд Российской Федерации отмечает, что разрешение вопроса о применении положений, предусмотренных п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ должно состояться в рамках рассмотрения уголовного дела по существу. Подобный подход при применении конфискации транспортного средства реализован по уголовному делу в отношении Ш.¹

Так, приговором Арсеньевского городского Приморского края

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 11 сентября 2024 г. по уголовному делу № 56-УДП24-7-К9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от 27 июня 2023 г. Ш. осужден по ч.2 ст. 264.1, ч.2 ст. 264.1 УК РФ и ему назначено наказание с применением ч.2 ст. 69, 70, 73 УК РФ в виде лишения свободы на срок 1 год 6 месяцев условно с испытательным сроком на 2 года 6 месяцев с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами на срок 3 года 6 месяцев 2 дня. Установлено, что 3 февраля 2023 г. и 12 февраля 2023 г. Ш., употребив спиртные напитки, управлял принадлежавшим ему автомобилем марки «MITSUBISHI MIRAGE». Несмотря на соблюдение условий для применения п. «д» ч. 1 ст.104.1 УК РФ, транспортное средство в доход государства конфисковано не было¹.

Апелляционным постановлением Приморского краевого суда от 12 сентября 2023 г. приговор оставлен без изменения². Кассационным постановлением Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 25 марта 2024 г. приговор и апелляционное постановление оставлены без изменения.

Не согласившись с принятыми решениями, заместителем Генерального прокурора Российской Федерации внесено кассационное представление. В качестве главного аргумента в представлении было указано, что вопрос о применении меры уголовно-правового характера в виде конфискации транспортного средства, которая связана с принудительным и безвозмездным изъятием автомобиля в собственность государства, не может быть разрешен в порядке исполнения приговора, поскольку принятие данного решения при соблюдении условий применения п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ повлечет ухудшение положения осужденного. По результатам пересмотра принятых решений, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила состоявшиеся судебные решения и направила уголовное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе суда.

3. Соблюдение условий применения положений «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ, предусматривающих конфискацию транспортных средств.

При принятии решения об изъятии транспортного средства в доход государства важно установить одновременное наличие двух обстоятельств — принадлежность транспортного средства подсудимому и его использование при совершении преступления, предусмотренного ст.ст. 264.1, 264.2

¹ Архив Арсеньевского городского Приморского края за 2023 год: уголовное дело № 1-210/2023 // URL: https://arsenievsky--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=113736868&case_uid=b1967a11-d7cb-4740-a1fc-fc8c6ff2bc50&delo_id=1540006 (дата обращения: 27.11.2024).

² Апелляционное постановление Приморского краевого суда от 12 сентября 2023 г. по уголовному делу № 22-4344/2023 // URL: https://kraevoy--prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=23160518&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 27.11.2024).

или 264.3 УК РФ. Простое наличие одного из перечисленных условий недостаточно для конфискации. Верховный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал необходимость выяснения вопросов, связанных с правом собственности на транспортное средство, на момент совершения преступления. Если нетрезвый водитель не является собственником автомобиля, то решение о конфискации принято быть не может.

Ярким примером данной правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации является уголовное дело в отношении Р., осужденного Южно-Сахалинским городским судом Сахалинской области¹, а также уголовное дело в отношении Г., осужденного Буйнакским районным судом Республики Дагестан².

Благодаря декабрьским разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, для целей главы 15.1 УПК РФ, принадлежащим обвиняемому следует считать имущество, находящееся в его собственности, а также в общей собственности и других лиц, в том числе в совместной собственности супругов.

4. Режим совместной собственности на автомобиль, возникший как в период официального брака, так в период незарегистрированных отношений (сожительство) не препятствует его конфискации по приговору.

Конфискация допустима не только у лиц, которые приобрели автомобиль в законном браке³, но и у тех, кто официально брачные отношения не регистрировал, но ведет общее совместное хозяйство.

Приговором Ленинского районного суда г. Кирова от 24 июля 2023 г. Ш. осужден по ч.1 ст. 264.1 УК РФ и ему назначено наказание в виде лишения свободы на срок 6 месяцев с лишением права заниматься деятельностью, связанную с управлением транспортными средствами на срок 3 года. В соответствии с ч.2 ст. 53.1 УК РФ назначенное наказание в виде лишения свободы заменено на 6 месяцев принудительных работ с удержанием в доход государства 5% из заработка. Кроме этого, в доход государства конфискован автомобиль подсудимого⁴. Апелляционным постановлением Кировского областного суда от 14 сентября 2023 г. приговор оставлен без изменения⁵.

¹ Определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 апреля 2024 г. по уголовному делу № 64-УДП24-2-К9. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 30 июля 2024 г. по уголовному делу № 20-УДП24-8-К5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 9 ноября 2023 г. по уголовному делу № 12-УДП23-8-К6; Определение судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2023 г. по уголовному делу № 3-УДП23-16-К3. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Архив Ленинского районного суда г. Кирова Кировской области за 2023 год: уголовное дело № 1-476/2023.

⁵ Апелляционное постановление Кировского областного суда от 14 сентября 2023 г. по уголовному

Постановлением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25 января 2024 г. приговор и апелляционное определение изменены, исключено указание о конфискации принадлежащего осужденному автомобиля. Свою позицию суд кассационной инстанции мотивировал следующим. Конфискованный автомобиль 2 июля 2022 г. был зарегистрирован на сожительницу осужденного на основании договора купли-продажи от 28 июня 2022 г., то есть более, чем за 2 месяца до совершения Ш. преступления. Договор был оформлен в простой письменной форме между У. и подсудимым Ш. Факт совершения сделки был подтвержден тем, что сожительница У. осуществляла ремонт и обслуживание автомобиля, сведений о допуске Ш. к управлению в полисе ОСАГО не имелось. С учетом изложенного, судом установлена принадлежность автомобиля не подсудимому, а его сожительнице, не являющейся его супругой, в связи с чем оснований для применения положений, предусмотренных п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ, не имелось.

Данное решение суда кассационной инстанции было обжаловано заместителем Генерального прокурора Российской Федерации в судебную коллегию по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в связи с несоответствием выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Как обоснованно указано в представлении, после заключения договора купли-продажи автомобиля сожительница не передавала подсудимому денежные средства за транспортное средство, фактически ей автомобиль не был передан, а продолжал оставаться в пользовании подсудимого.

Кроме этого, подсудимый в ходе процесса также пояснил, что приобрел автомобиль в 2020 г. на свои личные денежные средства, а через два года заключил с гражданской женой договор купли-продажи, но фактически машину ей не отдал. Высшая судебная инстанция отметила, что из показаний подсудимого также следовало, что договор был заключен с целью скрыть имущество от возможного ареста судебными приставами-исполнителями. По результатам рассмотрения представления прокурора, Верховный Суд Российской Федерации поддержал позицию Генеральной прокуратуры Российской Федерации, указав, что установление факта нахождения имущества в общей собственности нескольких лиц, в том числе, состоящих в фактических брачных отношениях, не исключает возможность конфискации этого имущества¹.

5. Отправной точкой для применения положений, предусмотренных

делу № 22-1796/2023 // URL: https://oblsud--kir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=6512475&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 27.11.2024).

¹ Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июля 2024 г. по уголовному делу № 10-УДП24-7-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ является дата — 25 июля 2022 г. Подмена конфискации как меры уголовно-правового характера по п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ на п. «г» ч.1 ст. 104.1 УК РФ, предусматривающий конфискацию транспортного средства как орудия и средства совершения преступления, принадлежащего обвиняемому, но не признанного в соответствии с требованиями ст. 81 УПК РФ вещественным доказательством по уголовному делу, недопустима.

Так, Приговором Подольского городского суда Московской области от 25 июля 2023 г. П. осужден по ч.1 ст. 264.1 УК РФ к штрафу в размере 200 тыс. руб. с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами, на срок 2 года. Кроме этого, судом на основании п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ конфискован автомобиль в пользу Российской Федерации. В соответствии с ч.3 ст. 46 УК РФ исполнение наказания в виде штрафа рассрочено на 10 месяцев с установлением ежемесячной выплаты в размере 20 тыс. руб.

Судом установлено, что П. признан виновным в том, что он, будучи подвергнутым по постановлению мирового судьи от 28 января 2021 г., вступившего в законную силу 21 апреля 2021 г., административному наказанию по ч.1 ст. 12.8 КоАП РФ, в виде административного штрафа с лишением права управления транспортными средствами на срок 1 год 7 месяцев, срок которого не истек, 14 июля 2022 г., находясь в состоянии опьянения, управлял автомобилем, осуществляя движение по автомобильной дороге, где был остановлен сотрудниками ДПС УМВД России, которые обнаружили у него явные признаки опьянения и предложили пройти освидетельствование на состояние алкогольного опьянения на месте, от которого он отказался, как и от прохождения медицинского освидетельствования. Установив, что П. совершил инкриминируемое преступление, управляя принадлежащим ему на праве личной собственности автомобилем марки «Форд Фокус», суд первой инстанции принял решение о конфискации транспортного средства на основании п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ указанного транспортного средства, использованного осужденным при совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, в пользу Российской Федерации, с правильностью чего согласилась апелляционная инстанция, которая оставила приговор без изменения.

Апелляционным постановлением Московского областного суда от 26 сентября 2023 г. приговор в отношении П. оставлен без изменения. 16 января 2024 г. Первый кассационный суд общей юрисдикции изменил состоявшиеся решения в отношении осужденного и постановил считать конфискацию принадлежащего ему автомобиля в пользу Российской Федерации, произведенной на основании п. «г» ч.1 ст. 104.1 УК РФ, то есть как орудия,

оборудования или иного средства совершения преступления, принадлежащего осужденному.

В обоснование такого решения кассационный суд сослался на разъяснения, содержащиеся в п. 3.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 г. № 17 (ред. от 12.12.2023) «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве», по смыслу которого необходимо устанавливать принадлежность имущества обвиняемому при принятии решения о конфискации его на основании п.п. «г» и «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ, а также на положения п.1 ч.3 ст. 81 УПК РФ, устанавливающие, что конфискации подлежат орудия, оборудования или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому.

В кассационных жалобах адвокат, действующий в интересах осужденного, настаивал, в том числе на отмене судебных решений в части конфискации транспортного средства.

Как следует из кассационного определения Верховного Суда Российской Федерации, П. совершил инкриминируемое преступление 14 июля 2022 г., тогда как п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ введен Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 258-ФЗ и вступил в законную силу 25 июля 2022 г.¹ Кроме этого, Верховный Суд Российской Федерации указал, что при принятии решения о замене положений п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ на п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ Первый кассационный суд не учел отсутствие в материалах уголовного дела сведений об изъятии, осмотре и признании данного автомобиля в соответствии с требованиями ст. 81 УПК РФ вещественным доказательством. С учетом изложенного, 5 ноября 2024 г. судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отменила принятое решения в части конфискации транспортного средства.

В заключение отметим, что правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации являются основой для формирования единой судебной практики в России, обеспечивая более предсказуемое и справедливое правосудие. Однако, этот процесс требует постоянного совершенствования. Унификация правоприменительной практики – это сложный и многоступенчатый процесс. Верховный Суд Российской Федерации стремится к тому, чтобы применение конфискации транспортных средств было обоснованным, справедливым и соответствовало требованиям закона. Он регулярно пересматривает судебную практику и вносит пояснения по спорным вопросам, стремясь обеспечить единство применения законодательства по всей

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 2024 г. по уголовному делу № 4-УД24-39-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стране. Но даже при наличии подобных разъяснений высшего судебного органа, в настоящее время все еще сохраняются неопределенности в применении положений, предусмотренных п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ. Речь идет о допустимости «посмертной» конфискации транспортных средств, цель применения которой становится неясной.

С одной стороны, вести речь о профилактике совершения подсудимым новых преступлений нецелесообразно ввиду объективной причины — наступления его смерти, но и условия применения п. «д» ч.1 ст. 104.1 УК РФ на момент совершения как будто выполнены¹. Дискуссионным представляется вопрос и о возможности конфискации транспортного средства у лица, признанного несостоятельным (банкротом) и в отношении него введена процедура реализации имущества.

Речь идет о возникающей коллизии уголовного, уголовно-процессуального законодательства и законодательства о банкротстве при принятии решения о применении конфискации транспортного средства и сохранении ареста, наложенного на автомобиль, после признания его владельца банкротом. Данную межотраслевую коллизию обостряет то обстоятельство, что в каждой из перечисленных отраслей отечественного законодательства устанавливаются свои собственные приоритеты в регулировании правоотношений между собственником транспортного средства, кредиторами и государством².

Научная статья **УДК 343.9**

НАСИЛИЕ ПОРОЖДАЕТ НАСИЛИЕ

Бауыржан Галымович МУКАШЕВ

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, город Косшы, Казахстан,
Bakemukashev1989@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы предупреждения насильственной преступности в Республике Казахстан.

Обращается внимание на несовершенство системы профилактики насильственной преступности в Республике Казахстан.

¹ Мингалимова М. Ф. Возможность посмертной конфискации транспортных средств при совершении преступлений в сфере безопасности дорожного движения // Российский судья. 2024. № 7. С. 27—31.

² Мингалимова М. Ф. Конфискация автомобиля у физического лица, признанного банкротом, при совершении преступления в сфере безопасности дорожного движения в состоянии опьянения // Законность. 2024. № 8 (1078). С. 39—46.

На основе проведенного коллективом авторов исследования предлагаются меры по совершенствованию системы профилактики насильственной преступности в Республике Казахстан.

Ключевые слова: насильственная преступность, показатели насильственной преступности, меры предупреждения насильственной преступности

Original article

VIOLENCE BEGETS VIOLENCE

Bauyrzhan G. MUKASHEV

Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office
of the Republic of Kazakhstan, Kossy, Kazakhstan,
Bakemukashev1989@mail.ru

Abstract. The article discusses some of the problems of preventing violent crime in the Republic of Kazakhstan.

Attention is drawn to the imperfection of the violent crime prevention system in the Republic of Kazakhstan.

Based on the research conducted by the team of authors, measures are proposed to improve the violent crime prevention system in the Republic of Kazakhstan.

Keywords: violent crime, indicators of violent crime, measures to prevent violent crime

В Послании Главы государства от 2022 года глава Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев отметил факты применения сотрудниками правоохранительных органов запрещенных методов дознания и даже пыток. Президент Республики Казахстан назвал их варварскими проявлениями средневековья, противоречащими принципам любого прогрессивного государства. Почему же регистрация досудебных расследований по делам о пытках не снижается?

Наука находит причины рецидивов мрачного средневековья в не менее древней человеческой природе. Проблема применения пыток касается не только имиджа страны в мировом сообществе. И она затрагивает не только тех, кто преступил закон, что нам показали события «печального января». С законов и начнем. Ст. 17 Конституции Республики Казахстан гласит, что достоинство человека неприкосновенно. Никто не должен подвергаться

пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

С момента обретения независимости Казахстан ратифицировал ряд универсальных международных договоров в сфере соблюдения прав человека: присоединился к Венской конвенции 1969 года, признал компетенцию комитетов ООН по правам человека, против пыток, по ликвидации расовой дискриминации. Создано и укрепляется национальное уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство, соответствующее мировым стандартам.

В 2002 году состав преступления за пытки выделен в отдельную статью Уголовного кодекса. В 2023 году в статье 146 УК РК изменена диспозиция и ужесточена ответственность — с 7 до 12 лет лишения свободы (в случае смерти жертвы). Отменена амнистия и сроки давности (ст.ст. 71,78). Не смягчит наказание ни деятельное раскаяние (ч. 2 ст.65), ни примирение сторон (ч. 4 ст. 68 УК РК).

Анализ правоприменения показывает, что меры противодействия пыткам в основном принимаются через призму совершенствования уголовного законодательства.

Указом Президента Республики Казахстан от 9 июня 2021 года № 597 Правительству Республики Казахстан поручено утвердить План первоочередных мер в области прав человека, предусматривающий в том числе ряд значимых направлений в области уголовного правосудия, исполнения наказания и предупреждения пыток и жестокого обращения.

С начала 2023 года дела о пытках полностью перешли в подследственность прокуроров. Руководствуясь Стамбульским протоколом, Генеральный прокурор утвердил Инструкцию и Методику по расследованию дел о пытках, Алгоритм действий при регистрации заявлений и проведении неотложных следственных действий, План первоочередных мер по противодействию пыткам. Применены и технические инструменты.

В целях профилактики пыток в 54 исправительных учреждениях установлено 29 тысяч видеокамер. Всевидящее око позволило снизить жалобы осужденных на пытки. По словам Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан Артура Ластаева, в текущем году поступило 75 жалоб на пытки, были осуждены 24 человека, 12 ожидают приговора суда. Налицо резкое снижение числа жалоб — с 450 до 75. Шаги в данном направлении были положительно оценены Комитетом ООН против пыток.

При этом полагаем, что без анализа причин и условий совершения преступлений данной категории корень зла не искоренить.

По поручению Генеральной прокуратуры Республики Казахстан Академией правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан проведено научное исследование, составлена методическая рекомендация «Организационные и кадровые меры предупреждения пыток».

Исследователи пришли к выводу, что имеют место существенные проблемы в системе отбора кадров и психологического сопровождения сотрудников в ходе служебной деятельности, порядке проведения служебных расследований. В результате снижается эффективность предупреждения негативных проявлений со стороны личного состава.

Авторский коллектив отмечает, что огромное влияние на негативную деформацию личности сотрудника ОВД оказывают сами условия прохождения службы: ненормированный рабочий день, высокая нагрузка, стресс, недостаточные социальные гарантии, неудовлетворительный морально-психологический климат, ложная корпоративная культура, недостаточное материально-техническое обеспечение, и др.

Профессиональному выгоранию сотрудника правоохранительных органов способствуют неизбежные сопутствующие службы: сложность задач, частые внештатные ситуации вплоть до угрозы для жизни, повышенная психоэмоциональная нагрузка в целом. Все эти экстремальные факторы могут провоцировать приступы гнева и агрессию, которым требуется выход. Такая «разрядка» буквально под рукой: подозреваемые, осужденные, коллеги, наконец.

Коллектив исследователей выдвинул гипотезу о влиянии управленческого фактора на психологическое состояние сотрудников. Гипотеза нашла подтверждение в ходе социологического исследования, проведенного МВД.

Так, 38 % сотрудников территориальных подразделений Департаментов полиции отметили незаслуженно плохое отношение к себе со стороны коллег, руководства, в связи с чем признали снижение мотивации к качественному выполнению служебных обязанностей. Результаты исследования морально-психологического климата среди сотрудников полиции и УИС (более 5 тыс. респондентов), свидетельствуют: на психологическое состояние и профессиональную мотивацию большое влияние оказывает личность и управленческий потенциал руководителя. Такой ответ дали 60,6% опрошенных. Получается, вектор насилия задает руководитель. Он оказывает психологическое давление на подчиненных: завышенные требования, тотальный контроль, бесконечные отчеты, оскорбления... А попавшие под такой «обстрел» сотрудники находят выход в насильственных действиях по отношению к тем, кто, свою очередь, находится в их власти – подозреваемым и осужденным.

Авторы разделяют мнение коллег по науке: эмоциональному выгоранию присущи хроническая усталость и ухудшение отношений с окружающими в виде всплесков агрессии, раздражения. Рецепт один: немедленно отдыхать, а лучше – в отпуск. Еще лучше, когда отпуск предоставляется до проявления хронической усталости с ее проявлениями: нарушение сна, забывчивость, рассеянность, усталость, снижение работоспособности, наконец, депрессия. Диагноз – физическое и психическое истощение организма. Вот тут и повышается риск непреднамеренной агрессии.

Объектом проведенного исследования стали материалы уголовных дел о пытках и личные дела сотрудников, подпавших под наказание за данный вид преступления. На его основе сформирован криминологический портрет сотрудника правоохранительного органа, осужденного за пытки. Таким лицом является мужчина в возрасте 30 лет, состоящий в браке. Образование средне-специальное, высшее заочно. Эти лица проходят первоначальную профессиональную подготовку. Стаж работы – около 10 лет. Служит в оперативных подразделениях на руководящих либо рядовых должностях, в звании младшего начальствующего состава.

Исследованием установлено, что на сегодня психологическая служба правоохранительных органов зачастую испытывает кадровые и материально-технические проблемы. К примеру, в ОВД нагрузка на психологов при нормативе в 200 сотрудников фактически составляет от 500 и выше. В отдельных подразделениях длительное время не укомплектовываются должности психологов по причине низкого уровня оплаты труда.

По итогам изучения личных дел сотрудников, осужденных за пытки, выявлен ряд проблемных вопросов их стажировки и профессиональной подготовки. А ведь эта могла быть хорошая прививка, профилактика пыток и жестокого обращения, стремление противодействовать им.

При составлении планов стажировки и подготовки наблюдается явный формализм и отсутствие эффективного контроля. Кадровые службы зачастую самоустранились от координирующей роли в организации психологической работы, в том числе по определению уровня агрессии у сотрудника и отслеживанию его динамики.

Сегодня кадровые подразделения в большинстве направили основные усилия на процедуру поступления на службу. Сосредоточились на предварительном изучении и отборе кандидатов, оформлении документов, обеспечении соблюдения положенных ограничений.

Полагаем, что психологическая работа должна быть неотъемлемым направлением кадровой политики правоохранительных органов: развитие

кадрового потенциала, повышение профессиональной компетентности каждого сотрудника и улучшение морально-психологического состояния всего личного состава.

Честь мундира невозможно выработать без коренного улучшения идеологического фронта работ. Имеется ввиду формирование духовно-нравственных ценностей. Не исключено создание специальной структуры идеологической и воспитательной работы.

Человеческую естественную природу, дикие инстинкты способно заглушить и совсем искоренить только воспитание.

Думается, что только постоянным, глубоким воспитанием в целом и в каждой мелочи мы добьемся положительных результатов в области исполнения наказания и предупреждения пыток.

Научная статья

УДК 343.9

СУИЦИДАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ — ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Айнур Дулатовна МУХАМЕДЖАНОВА

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, город Косшы, Казахстан, ainur.m16.07@gmail.com

Аннотация. Статья освещает основные социальные особенности и факторы, влияющие на возникновение суицидального поведения среди несовершеннолетних.

Рассматриваются профилактические мероприятия, направленные на борьбу с суицидальным поведением несовершеннолетних.

Аналогичные исследования, в дальнейшем помогут в разработке методик, эффективных профилактических работ, направленных на предупреждение и ликвидацию суицидальной направленности среди несовершеннолетних.

Ключевые слова: индивид, подросток, социализация, суицид, самоповреждение, киберсуицид, социальные сети, профилактика, коррекция

SUICIDAL FOCUS AMONG MINORS — GLOBAL PROBLEM OF THE YOUNGER GENERATION

Ainur D. MUKHAMEDZHANOVA

Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office
of the Republic of Kazakhstan, Kossy, Kazakhstan, ainur.m16.07@gmail.com

Abstract: The article highlights the main social features and factors influencing the occurrence of suicidal behavior among minors.

Preventive measures aimed at combating suicidal behavior of minors are being considered.

Similar studies will further help in the development of methods and effective preventive work aimed at preventing and eliminating suicidal tendencies among minors.

Keywords: individual, teenager, socialization, suicide, self-harm, cyber suicide, social networks, prevention, correction

Период формирования личности, ее ценностей и приоритетов, половое созревание, связанное с изменениями гормонального баланса, относится к подростковому возрасту и является самым сложным в жизни человека. В это время человек поддается своим эмоциям, у него беспричинно меняется настроение, он становится более раздражительным и агрессивным, остро реагирует на банальные вещи. Подростки сталкиваются с жизненными проблемами, но зачастую в силу своей неопытности в разрешении сложных ситуаций, переживают и теряются. У ранимых и лабильных детей в таких случаях могут возникнуть мысли о суициде.

Суицидальная направленность среди несовершеннолетних становится все более актуальной и глобальной проблемой. В последние годы отмечается тревожный рост количества подростков, склонных к суицидальным мыслям, депрессии и саморазрушительному поведению. Этот феномен несет с собой разрушительные последствия как для самих детей и подростков, так и для их семей, школ и общества в целом.

К большому сожалению, данный феномен активизировался в подростковой среде и набирает обороты, не взирая на причины его возникновения, негативно сказывается на состоянии общества в целом.

Для ребенка окружающий его мир является непонятным и пугающим, поэтому все попытки войти в этот взрослый мир связаны с проблемами

и сложностями, которые зарождают в нем внутренние конфликты, с которыми он не в силах справиться самостоятельно, но и не может рассказать окружающим.

Несовершеннолетние очень чувствительны и восприимчивы ко всем событиям, нежели более взрослый слой населения. Суицид несовершеннолетних, в основном является криком о помощи, который не был вовремя услышан окружающими. Каждый случай подросткового суицида — это трагедия, которая часто могла бы быть предотвращена при условии должного внимания со стороны взрослых, доступности поддержки и профилактических программ.

Рассмотрим основные 4 причины подросткового суицида, а именно психологические и эмоциональные трудности, семейные факторы, социальные факторы и давление сверстников, недоступность психологической помощи.

При психологических и эмоциональных трудностях несовершеннолетние часто сталкиваются с высокими ожиданиями, как от себя, так и от окружающих. Проблемы с самооценкой, неудачи в учебе, сложности в межличностных отношениях могут стать причиной стресса, депрессии и тревожных состояний.

Данные признаки не всегда заметны для родителей, поскольку протекают одновременно с трудным подростковым периодом, выраженным в замкнутости, резком изменении характера и настроения, повышенной раздражительности. При указанных обстоятельствах очень важно своевременное вмешательство психологов, которые путем решений задач по личностному и ценностно-смысловому саморазвитию оказывают своевременную помощь подросткам, тем самым пресекая развитие негативного мышления, направленного на совершение суицида.

Семейные факторы, влияющие на несовершеннолетних, выражаются в неблагоприятной семейной среде, в конфликтах с родителями или их отсутствие, насилие в семье — все это также может способствовать возникновению суицидальных мыслей.

Под социальными факторами и давлением сверстников понимается кибербуллинг, травля в школах или социальных сетях, которые приводят к тому, что подростки ощущают себя изолированными и недооцененными.

Под недоступностью психологических услуг подразумевается отсутствие возможности у подростков самостоятельно обратиться в данные службы по причине их отсутствия либо недостаточности денежных средств. Подобные случаи характерны при переживании ими определенных сложностей с учебой, близкое восприятие высказываний сверстников относительно

внешности, роста или каких-либо определенных физиологических изменений, на фоне которых у подростков возникают бредовые идеи о неправильных чертах внешности, несоответствии роста и т.д.

Негативное восприятие подростком самого себя может явиться психологическим фактором, который способен вызвать в ребенке желание покончить с собой.

В текущем году по стране наблюдается значительный рост совершения суицидов несовершеннолетними на 34 % (с 44 до 67), из них малолетними в возрасте до 11 лет — 4(3), 12-13 лет — 13(4), несовершеннолетними в возрасте 14-15 лет — 13 (21), 16-17 лет — 33(35).

Из приведенных сведений видно, что возрастной группой детей, совершающих суицид, являются не только подростки, но и дети младшего возраста. Это указывает на понижение возрастного уровня лиц, склонных к совершению суицида и требует раннего выявления его первых признаков. Соответственно первыми кто должен обращать внимание на изменения поведения, эмоционального состояния ребенка, а также его интересов — это родители. Поскольку именно они способны заметить малейшие изменения в состоянии ребенка, оказать им помощь, оценить ситуацию и в случае отсутствия этой возможности, прибегнуть к помощи психологов.

Помощь психологов при предотвращении суицидов несовершеннолетних — важнейшая мера, направленная на спасение жизни и оказание поддержки подросткам их семьям.

В этой связи полагаем необходимым при проведении профилактической работы в подростковой среде шире использовать работу психологов с применением опыта иностранных государств.

Профилактика суицидов среди несовершеннолетних включает разнообразные меры, направленные на создание благоприятной среды, обучение молодых людей навыкам саморегуляции и поддержки, а также улучшение системы помощи для тех, кто находится в кризисе.

К примеру, в Финляндии и Швеции активно внедряют программы, направленные на повышение осведомленности о проблемах психического здоровья среди подростков и их окружения. В школах вводят курсы, которые учат распознавать симптомы депрессии, тревожных расстройств и суицидальных настроений у сверстников.

США готовят подростков помогать одноклассникам в стрессовых ситуациях и обращать их внимание на доступные ресурсы поддержки.

В Японии создана уникальная сеть горячих линий и онлайн-консультантов, которые помогают подросткам в моменты кризиса найти специалистов поблизости.

В Канаде разработаны национальные программы для обучения учителей и родителей, как распознавать признаки психических расстройств и суицидальных намерений, а также как правильно реагировать на них.

Особое внимание следует уделить повышению уровня правовой и психологической грамотности родителей, педагогов и медицинских работников. Государственным органам, включая правоохранительные структуры, необходимо активизировать деятельность по мониторингу и предотвращению распространения деструктивного контента в социальных сетях.

Регулярные тренинги, программы по развитию эмоционального интеллекта у несовершеннолетних и создание доступных сервисов психологической помощи, включая кризисные телефоны доверия могут применяться как превентивные меры и способны существенно снизить уровень суицидального поведения среди подростков.

Решение проблемы суицидальной направленности несовершеннолетних возможно только через совместные усилия государства, общества и семьи, направленные на обеспечение безопасности, поддержки и защиты интересов несовершеннолетних, что позволит значительно снизить риски суицидов среди них, создавая поддерживающую и безопасную среду.

Научная статья

УДК 343.3/.7

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ТОРГОВЛИ ОРГАНАМИ И ТКАНЯМИ ЧЕЛОВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дарья Петровна ПЕРЕВОЗЧИКОВА

Уральский государственный юридический университет

им. В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия, perev.darya18@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу криминализации торговли органами и тканями человека.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за торговли органами и тканями человека.

На основе анализа российского и зарубежного законодательства, основания и принципов криминализации обосновывается необходимость введе-

ния в главу 25 УК РФ самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные сделки с органами и тканями человека.

Ключевые слова: трансплантология, оборот органов и тканей человека, торговля органами и тканями человека, криминализация

Original article

CRIMINALIZATION OF TRAFFICKING IN ORGANS AND TISSUES HUMAN RIGHTS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS LEGISLATION OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

Darya P. PEREVOZCHIKOVA

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
perev.darya18@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of criminalisation of trade in human organs and tissues.

Attention is drawn to the imperfection of criminal legislation providing for liability for trafficking in human organs and tissues.

On the basis of the analysis of Russian and foreign legislation, grounds and principles of criminalisation the necessity of introducing into Chapter 25 of the Criminal Code of the Russian Federation an independent corpus delicti, providing responsibility for illegal transactions with human organs and tissues, is substantiated.

Keywords. transplantology, trafficking in human organs and tissues, trafficking in human organs and tissues, criminalisation

Трансплантация органов, будучи одним из фундаментальных достижений науки, не только продлевает сотни тысяч жизней, но и воплощает в себе принципы гуманизма, альтруизма и человеческой солидарности. Между тем, прогресс в области трансплантологии омрачается эскалацией нелегального оборота донорского материала.

Масштаб проблемы демонстрируют статистические данные Российского трансплантологического сообщества, которые свидетельствуют о значительном дисбалансе между потребностью в донорских органах и их фактической доступностью: в 2020 г. в России выполнено 35,97% операций по пересадке печени, 61,63 % — сердца, 19,79 % — почки, 11,84% — легких¹

¹ Российское трансплантологическое сообщество. Донорство и трансплантация органов в России в

(при условии, что реальная потребность в донорских органах на порядок выше)¹.

Особую обеспокоенность вызывает тенденция увеличения числа пациентов, находящихся в листах ожидания: за период 2012—2020 гг. лист ожидания трансплантации почки в России увеличился почти в 2 раза, печени — в 4,6 раза, сердца — в 1,8 раза². Кроме того, необходимо учитывать, что с каждым годом число лиц, нуждающихся в пересадке органов растет, в частности, в 2023 г. по сравнению с 2022 г. число трансплантаций увеличилось на 19,6 % (+502)³.

Острый дефицит биоматериала создает благоприятные условия для развития нелегального рынка человеческих органов и тканей, на котором по неофициальным данным стоимость органов варьируется от 10 000 долларов США (роговица глаза) до 200 000 долларов США (почки), и выше.

Противодействию коммерциализации трансплантологической практики, ведущие организации в области медицины и здравоохранения последовательно отстаивают позицию о финансово нейтральном характере донорства как основополагающего принципа трансплантологии, подчеркивая необходимость уголовно-правового преследования любых форм торговли органами и тканями⁴.

Анализ механизма преступной деятельности в сфере незаконного оборота органов и тканей человека выявляет его двухэтапный характер. На первом этапе совершаются преступные посягательства на жизнь и здоровье потерпевшего с целью фактического обладания органами и тканями, что получило надлежащую правовую защиту (п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «ж» ч. 2 ст. 111, ст. 120, п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ). На втором этапе осуществляется «распределение» изъятых биологических материалов, что обусловлено «заказным» характером преступлений.

2020 г. // URL: <https://rustransplant.com/statistika-po-transplantaczii-donorskih-organov-v-2020-godu/> (дата обращения: 04.11.2024).

¹ Российское трансплантологическое сообщество. Трансплантация органов в России: 2023 г. // URL: <https://rustransplant.com/transplantacziya-organov-v-rossii-2023-god/> (дата обращения: 04.11.2024).

² Готье С. В., Хомяков С. М. Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации в 2020 г. XIII сообщение регистра Российского трансплантологического общества // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2021. Т. XXIII. № 3. С. 10.

³ Готье С. В., Хомяков С. М. Донорство и трансплантация органов в Российской Федерации в 2023 г. XVI сообщение регистра Российского трансплантологического общества // Вестник трансплантологии и искусственных органов. 2024. Т. XXVI. № 3. С. 14.

⁴ Пункты 3, 4 Стамбульской декларации о торговле органами и трансплантационном туризме // URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.declarationofistanbul.org/images/documents/doi_2018_Russian.pdf (дата обращения: 06.11.2024); принц. 5 Руководящих принципов Всемирной организации здравоохранения по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов: Резолюция WHA63.22 // URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://old.transpl.ru/files/npa/Guiding_PrinciplesTransplantation_WHA63.22ru.pdf (дата обращения: 06.11.2024).

В этой связи возникает закономерный вопрос – каким образом квалифицировать действия лиц, осуществляющих куплю-продажу, иные сделки, совершенные с изъятymi органами и тканями человека, их хранение, перевозку, ношение и другие действия?

Несмотря на то, что еще в 1992 г. ст. 1 Закона Российской Федерации от 22.12.1992 № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» установлен запрет на куплю-продажу органов и тканей человека¹, соответствующий состав преступления в Уголовном кодексе Российской Федерации до настоящего времени отсутствует.

Для решения вопроса о необходимости криминализации сделок, иных действий, совершаемых с органами и тканями человека, обратимся к опыту зарубежного уголовного права.

Уголовное законодательство ряда стран постсоветского пространства предусматривает ответственность за незаконный оборот органов и тканей человека. Так, ст. 133.1 УК Республики Узбекистан устанавливает ответственность за куплю-продажу органов и (или) тканей человека². В УК Республики Азербайджан аналогичное деяние регулируется ст. 137.1³.

Статьи 116, 315 УК Республики Казахстан предусматривают ответственность за незаконные сделки с органами и тканями живого лица и трупа человека⁴.

Статья 158 Уголовного кодекса Республики Молдова криминализует широкий перечень действий, совершаемых с органами и тканями человека, а также их частями: продажу, покупку, хищение, незаконное использование, хранение, владение, передачу, получение, импорт, экспорт, транспортировку. Примечательно, что молдавский законодатель установил уголовную ответственность и за опубликование и распространение через СМИ объявлений о незаконном донорстве (ст. 213.1 УК Республики Молдова)⁵.

Противоположный подход демонстрируют уголовные законы Беларуси⁶, Таджикистана⁷ и Туркменистана⁸, где, подобно российскому праву,

¹ О трансплантации органов и (или) тканей человека: Закон РФ от 22.12.1992 № 4180-1 (в ред. от 01.05.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Уголовный кодекс Республики Узбекистан // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 07.11.2024).

³ Уголовный кодекс Азербайджанской Республики // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 07.11.2024).

⁴ Уголовный кодекс Республики Казахстан // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 07.11.2024).

⁵ Уголовный кодекс Республики Молдова // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30394923 (дата обращения: 07.11.2024).

⁶ Уголовный кодекс Республики Беларусь // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984 (дата обращения: 07.11.2024).

⁷ Уголовный кодекс Республики Таджикистан // URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 07.11.2024).

⁸ Уголовный кодекс Туркменистана // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31295286 (дата

отсутствует специальная норма об ответственности за незаконный оборот органов и тканей человека. Аналогичная ситуация наблюдается в некоторых европейских странах — Литве¹, Латвии² и Финляндии³.

Уголовный кодекс Республики Италия, напротив, содержит ст. 601-bis, устанавливающую ответственность за незаконные сделки с органами, включая продажу, покупку органов человека, а также их приобретение любым иным способом⁴. Особый интерес с точки зрения описания преступных деяний представляет законодательство Франции, раздел 2 Уголовного кодекса которого посвящен защите человеческого тела и содержит 16 статей, к числу которых относятся ст. 511-2 (получение одного из органов человека в обмен на вознаграждение в любой форме) и ст. 511-4 (получение от лица изъятия тканей, клеток или продуктов из его организма в обмен на оплату в любой форме)⁵. В Болгарии защита от рассматриваемых преступных посягательств обеспечена лишь опосредованно, поскольку ст. 349а (2) Уголовного кодекса предусматривает ответственность за нарушение правил изъятия или предоставления органов и тканей для трансплантации, совершенных из корыстных побуждений⁶.

Многообразие подходов к уголовно-правовому регулированию незаконных действий, совершаемых с органами и тканями человека, актуализирует вопрос о достаточности оснований для криминализации таких деяний в российском законодательстве.

В российской уголовно-правовой доктрине под основанием криминализации принято понимать общественную опасность деяния. Представляется, что сделки, иные действия, совершенные с изъятими органами и тканями, отвечают указанному основанию, что проявляется в нескольких аспектах. Во-первых, коммерциализация сделок и иных незаконных действий с органами и тканями человека чревата опасностью использования беднейших и наиболее уязвимых групп населения, что не только нарушает человеческое достоинство и превращает их в объекты использования другими людьми, но и нарушает принцип социальной справедливости. Во-вторых,

обращения: 07.11.2024).

¹	Уголовный	кодекс	Литовской	Республики	//	URL:
	https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/2888 (дата обращения: 09.11.2024).					
²	Уголовный	кодекс	Латвийской	Республики	//	URL:
	https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20918 (дата обращения: 09.11.2024).					
³	Уголовный	кодекс	Финляндской	Республики	//	URL:
	https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/17908 (дата обращения: 09.11.2024).					
⁴	Уголовный	кодекс	Итальянской	Республики	//	URL:
	https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/18132 (дата обращения: 09.11.2024).					
⁵	Уголовный	кодекс	Французской	Республики	//	URL:
	https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14297 (дата обращения: 09.11.2024).					
⁶	Уголовный	кодекс	Республики	Болгария	//	URL:
	https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21816 (дата обращения: 09.11.2024).					

указанные действия, совершенные ради получения материальной выгоды, подрывают концепцию безвозмездного донорства, которая является основой для обеспечения общества жизненно важными ресурсами.

Методологически обоснованный подход к криминализации требует учета не только общественной опасности деяния, но и соответствия ряду принципов, одним из которых является типичность деяния для общества¹. В этой связи обратимся к судебной статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Анализ данных позволяет сделать вывод, что все составы преступлений, связанные с изъятием органов или тканей, понуждением к их изъятию, являются «мертвыми»: за 2017 г. 1 лицо осуждено по п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ, в 2018 г. — 2 лица по п. «ж» ч. 2 ст. 127.1 УК РФ, в 2019 г. — 1 лицо по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в 2020 г. — 1 лицо по п. «м» ч. 2 ст. 105 УК РФ и 1 лицо п. «ж» ч. 2 ст. 111 УК РФ, в 2021 г. осужденные лица отсутствуют.

Таким образом, в контексте применения принципов криминализации можно утверждать, что установление ответственности за сделки с органами и тканями человека не соответствует принципу, связанному с распространенностью деяний. Однако, как справедливо отмечает Н. А. Лопашенко, при его применении важно учитывать определенные исключения. В частности, наиболее опасные формы отклоняющегося поведения, которые являются редкими, но при этом обладают высокой общественной опасностью и представляют собой крайнюю степень нарушения моральных и правовых норм, могут требовать криминализации, несмотря на их сравнительно низкую распространенность².

Незаконные сделки, иные действия с человеческими органами и тканями, по нашему мнению, в силу своей крайней степени опасности должны быть подвержены уголовному преследованию. Кроме того, следует учитывать, что высокая степень латентности рассматриваемых преступлений затрудняет объективную оценку их распространенности в обществе.

За введение самостоятельного состава в Уголовный кодекс Российской Федерации выступают, в частности, Ю. П. Попова, А. С. Якименко, А. А. Жинкин, С. М. Кочои и И. А. Гребенкина.

При этом стоит не согласиться с позицией Ю. П. Поповой о включении статьи 120.1 «совершение незаконных сделок с органом или тканью человека» в главу 16 УК РФ³, поскольку объектом посягательств, связанных

¹ Наиболее полно эту идею раскрывает Н.А. Лопашенко в труде «Уголовная политика». — М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 108-127.

² Лопашенко Н. А. Уголовная политика. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 114.

³ Попова Ю. П. Законодательная «почва» для трансплантационного туризма в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 2 (34). С. 150-151.

с подобными сделками, очевидно, является не жизнь и здоровье человека. В этой связи более обоснованной представляется позиция А. С. Якименко, А. А. Жинкина, С. М. Кочои и И. А. Гребенкиной, которые полагают, что статья, предусматривающая ответственность за незаконную куплю-продажу, совершение иных сделок с органами и тканями человека, должна содержаться в главе 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»¹, в связи с тем, что в результате совершения рассматриваемых деяний нормы морали и нравственности утрачивают свою универсальность, становясь отражением низменных человеческих стремлений, основанных, прежде всего, на стремлении к легкому обогащению.

Таким образом, комплексный анализ проблемы свидетельствует о необходимости криминализации незаконных сделок и иных незаконных действий с органами и тканями человека. Высокая степень латентности, характер и степень общественной опасности, глобальный характер обуславливают целесообразность введения самостоятельного состава преступления в главу 25 УК РФ. Такое законодательное решение позволит сделать шаг к эффективному противодействию незаконному обороту органов и тканей человека.

Научная статья

УДК 343.275.6

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ ПОСРЕДСТВОМ ОГРАНИЧЕНИЯ И ЛИШЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ

Дарья Сергеевна ПЕТРОВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, petrova_d_s@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы ограничения или лишения родительских прав при совершении насильственных действий в отношении ребенка.

Исследуется практика судов в части ограничения или лишения родительских прав при совершении насильственных действий в отношении ребенка.

¹ Якименко А. С. Уголовная ответственность за преступления, связанные с незаконным изъятием органов и (или) тканей человека. автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2007. С. 7—8; Жинкин А. А. Торговля органами и (или) тканями человека: перспективы криминализации в УК РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 10. С. 110—113; Кочои С. М. и Гребенкина И. А. Биоматериалы, органы и ткани человека как предмет преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 87.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения ограничения или лишения родительских прав при совершении насильственных действий в отношении ребенка.

Ключевые слова: насильственная преступность, семейное насилие, ограничение и лишение родительских прав в отношении ребенка

Original article

COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE THROUGH RESTRICTION AND DEPRIVATION OF PARENTAL RIGHTS

Daria S. PETROVA

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, petrova_d_s@mail.ru

Abstract. The article discusses some of the problems of restriction or deprivation of parental rights when committing violent acts against a child.

The article examines the practice of courts regarding the restriction or deprivation of parental rights when committing violent acts against a child.

Proposals have been developed to improve the practice of restricting or depriving parental rights when committing violent acts against a child.

Keywords: violent crime, family violence, restriction and deprivation of parental rights in relation to a child

Статистика Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации демонстрирует стабильно высокое количество дел об ограничении и лишении родительских прав в последние годы (≈ 50 тысяч дел в год).

Санкция в виде ограничения или лишения родительских прав — это один из способов защитить права, интересы и здоровье несовершеннолетних в ситуациях, когда родители жестоко обращаются со своими детьми, в т. ч. наносят им телесные повреждения или оказывают психологическое давление.

В рамках исследования, выполненного за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00424 «Правовое регулирование противодействия домашнему насилию в Российской Федерации» (<https://rscf.ru/project/24-28-00424/>), был проведен анализ 104 судебных актов, из которых 24 относятся к делам об ограничении родительских прав и 80 — к делам о лишении родительских прав. Из 104 судебных актов только 28 споров (27 %) в большей или меньшей степени связаны с домашним насилием.

На основании проведенного анализа судебной практики, мы предлагаем выделять следующие категории домашнего насилия:

1. физическое насилие в отношении ребенка или его близкого родственника (как правило, матери);
2. психическое насилие (оскорбления, скандалы) в отношении ребенка или его второго родителя (как правило, матери);
3. оставление родителем ребенка одного без присмотра;
4. нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем;
5. необеспечение ребенка полноценным питанием и минимально необходимыми для жизни вещами.

Из 28 споров об ограничении или лишении родительских прав из-за домашнего насилия 8 дел (29 %) — это дела об ограничении родительских прав и 20 дел (71 %) — дела о лишении родительских прав. Эти данные показывают, что домашнее насилие — это преимущественно предмет разбирательств о лишении родительских прав.

На практике различные основания для ограничения или лишения родительских прав имеют место одновременно и в совокупности, причем могут сочетаться как различные факты домашнего насилия (например, необеспечение ребенка полноценным питанием и нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем), так и факты домашнего насилия с иными обстоятельствами (например, нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем и алкоголизм родителя несовершеннолетнего). Именно таких споров в практике абсолютное большинство.

Психическое или физическое насилие, а равно жестокое обращение с ребенком на сегодняшний день не являются причинами, которые определяют подачу иска об ограничении или лишении родительских прав. Намного чаще в судебной практике встречаются случаи оказания родителями косвенного домашнего насилия в отношении ребенка (оставление родителем ребенка одного без присмотра, нуждаемость ребенка в медицинской помощи и неоказание ее родителем и необеспечение ребенка полноценным питанием и минимально необходимыми для жизни вещами).

Физическое насилие, а равно психологическое воздействие на несовершеннолетнего рассматриваются судебной практикой только как основание для лишения родительских прав, но не для их ограничения.

Процент удовлетворения требований об ограничении родительских прав по делам о домашнем насилии составляет 100 %, лишение родительских прав по делам о домашнем насилии происходит в 50 % случаев.

Иными словами, правоприменитель стремится сохранять за родителями их родительские права и выносит решения о лишении родительских прав в реально критических ситуациях, когда иным образом невозможно защитить права и интересы ребенка.

Если факты домашнего насилия достоверно не доказаны или родитель, несмотря на совершенное преступление против жизни и здоровья членов своей семьи, демонстрирует исправление своего поведения, то суд не лишит такого родителя его родительских прав.

Научная статья

УДК 343.37

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ДИКИХ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИЯ

Татьяна Михайловна ПЕТРОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
tatyasalniko@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы криминологической характеристики преступлений, посягающих на особо охраняемых диких животных.

Исследуются особенности криминологической характеристики личности, совершающей данные преступления. Автором раскрываются основные особенности экологической преступности.

Отмечено значение криминологической характеристики для совершенствования законодательства, разработки и реализации профилактических мероприятий, а также повышения эффективности работы правоохранительных органов.

Ключевые слова: экологическая преступность, криминологическая характеристика, Красная книга, особо охраняемые дикие животные, личность преступника

Original article

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS CRIMES ENCROACHING ON SPECIALLY PROTECTED WILD ANIMALS AND PLANTS

Tatiana M. PETROVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, tatyasalniko@yandex.ru

Abstract. Article examines the issues of criminological characteristics of crimes that infringe on specially protected wild animals.

The features of the criminological characteristics of the person committing these crimes are studied. The author reveals the main features of environmental crime.

The importance of criminological characteristics for improving legislation, developing and implementing preventive measures, as well as increasing the efficiency of law enforcement agencies is noted.

Key words: environmental crime, criminological characteristics, Red Book, specially protected wild animals, identity of the criminal

Проблема защиты и сохранения многообразия животного и растительного мира, в особенности тех его представителей, которые находятся на грани исчезновения, является наиболее острой среди всех проблем экологического характера. Такие биоресурсы занесены в Красную книгу Российской Федерации и Красные книги субъектов Российской Федерации, представляют собой повышенную ценность и подлежат особой защите со стороны государства.

Согласно Стратегии сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 года¹ основными причинами перехода видов животных, растений и грибов в категорию редких и находящихся под угрозой исчезновения являются деградация и сокращение мест обитания в результате масштабного хозяйственного освоения территорий и прямое преследование со стороны человека, обусловленное какой-либо ценностью самого животного (например, ценная шкура, мясо, дериваты и др.).

Исследование основных проблем в сфере любого вида преступности невозможно без криминологического подхода, который позволяет определить основные закономерности возникновения и развития негативных криминогенных процессов и явлений, а также преступности как таковой. Прежде всего криминологическая характеристика любого вида преступления включает в себя количественно-качественные показатели, такие как уровень, структура и динамика. С помощью криминологических знаний также изучают причины и условия преступности (криминогенные детерминанты), механизм формирования личности преступника, разрабатывают

¹ Стратегия сохранения редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных, растений и грибов в Российской Федерации на период до 2030 г. : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2014 г. № 212-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

меры по предупреждению (профилактики) преступности.

Криминологическая характеристика экологической преступности помогает разработке и реализации эффективных профилактических мер, а также способствует улучшению законодательства и повышению эффективности правоохранительных органов в этой области¹.

Исходя из количественно-качественных показателей экологической преступности в области посягательств на особо охраняемые виды животного мира отметим следующее.

Статистические сведения Министерства внутренних дел Российской Федерации за период 2023 года показывают, что на территории нашей страны было зарегистрировано 16211 всех экологических преступлений, что на 15 процентов ниже показателей предыдущего года². По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в структуре экологических преступлений на первом месте находится именно браконьерство в его разных видах: незаконная охота, незаконная добыча (вылов) водных биологических ресурсов, незаконная рубка лесных насаждений³.

Анализ уголовно-правовой статистики показывает, что за период 2020—2023 годов по стране в среднем в год регистрируется порядка двух тысяч преступлений, предусмотренных ст. 258 УК РФ, по части первой которой на сегодняшний день квалифицируются посягательства на животных, занесенных в Красную книгу Российской Федерации и Красные книги субъектов Российской Федерации. Преступлений, предусмотренных ст. 256 УК РФ, по п. «а» части 1 которой при условии доказанности крупного ущерба квалифицируются посягательства в отношении редких и находящихся под угрозой исчезновения водных биологических ресурсов, по данным ГИАЦ МВД России, за этот же период регистрировалось в среднем от пяти до шести с половиной тысяч в год. Количество зарегистрированных преступлений по ст. 258.1 УК РФ в отношении особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов за то же время является относительно стабильным и в среднем составляет чуть более тысячи в год⁴.

Количество лиц, осужденных за совершение данных преступлений имеет тенденцию к общему росту. К примеру, по статье 258.1 УК РФ

¹ Тимошенко Ю. А. Ответственность за экологические преступления (научно-практический комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации) Теория и практика. Москва: Проспект, 2019. С. 514.

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2023 г. // Офиц. сайт М-ва внутр. дел Рос. Федерации // URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 15.10.2024).

³ Статистические сборники Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://genproc.gov.ru> (дата обращения: 21.11.2024).

⁴ Главный информационно-аналитический центр // Министерство внутренних дел Российской Федерации : офиц. сайт. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij-centr (Данные формы № 491 Единого отчета о преступности ГИАЦ МВД России за 2023 год, 2022 год, за 2021 год, за 2020 год.) (дата обращения: 21.11.2024).

в 2020 году было осуждено 240 лиц, в 2021 году — 366 лиц, в 2022 году — 360 лиц, в 2023 году — 404 лица¹.

Кроме того, необходимо иметь в виду высокую латентность данных преступлений, которая, по мнению многих исследователей и правоприменителей, составляет порядка 90 %. Данный фактор способствует формированию у преступников мнения о безнаказанности за совершенные преступления деяния и возможности совершать новые преступления.

Экологическая преступность в части совершения преступных действий в отношении редких видов дикой фауны характеризуется своими специфическими чертами. Среди них следующие: высокая степень общественной опасности; более широкий круг потерпевших по сравнению с иными преступными деяниями; длящийся либо отсроченный характер негативных последствий, вызванных совершением преступного деяния; причинение существенного экономического ущерба государству; повышенная ценность предмета преступления.

Общественная опасность преступлений в отношении объектов дикой фауны, нуждающихся в специальных мерах охраны, выражается в следующем. Такие экологические преступления затрагивают все сферы жизнедеятельности человека: посягают на права и свободы личности, на собственность, на отношения в сфере экономики, на общественную безопасность, на безопасность человечества и в первую очередь на окружающую природную среду как естественную среду обитания человека, затрагивая интересы настоящего и будущих поколений людей².

Вред, который причиняется окружающей среде при осуществлении браконьерских действий в отношении исчезающих видов животного мира, невозможно возместить и загладить. В силу уникального характера таких биоресурсов он не поддается измерению. Являясь на первый взгляд незначительным, в связи с ограниченным характером природных ресурсов впоследствии такой вред оказывает негативное воздействие на природную среду в целом и может повлечь за собой неблагоприятные последствия глобального масштаба. К примеру, общее количество снежных барсов, включенных в перечень особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, сейчас ничтожно мало и составляет всего несколько десятков особей³.

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79&item=5895> (дата обращения: 22.02.2024).

² Лавыгина И. В. Экологические преступления: уголовно-правовая характеристика и проблемы ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2003. 188 с.

³ Сохранение редких видов: ирбис // Всероссийская общественная организация «Русское географическое общество» : сайт. URL: <https://www.rgo.ru/ru/proekty/sohranenie-i-izuchenie-redkih-vidov/sohranenie-redkih-vidov-irbis> (дата обращения: 21.11.2024).

При совершении браконьерских действий вред причиняется большому числу потерпевших, которых зачастую даже невозможно определить, так как их круг является чрезмерно обширным, а не отдельно взятому индивиду, как это бывает при совершении преступлений против жизни, здоровья или нарушении права собственности. При планомерном уничтожении редких видов животных наступление негативных последствий в виде их полного истребления характеризуется длящимся либо отсроченным характером. Такие последствия в виде их полного истребления могут проявиться спустя годы или даже десятки лет.

Говоря о механизме формирования криминологической личности преступника в рассматриваемой сфере отметим, что, как правило, это лица мужского пола, в возрасте от 25 до 50 лет, которые характеризуются повышенным интересом к завладению редких ценных экземпляров животных в качестве, к примеру, трофеев. Таким образом они могут самоутверждаться в своих глазах и глазах окружающих, поднимать степень своей самооценки, показывать уровень материального достатка. Данным лицам свойственен статус добытчика и охотника в целом и отсутствие сопереживания к тем, кто слабее и беззащитнее.

Исследователи отмечают незначительную долю женской преступности в экологической сфере. Тангиев Б.Б. подчеркивает, что женщине присуще более высокое нравственное развитие. Кроме того, при совершении таких преступлений, как незаконная охота, незаконная добыча водных животных и растений, незаконная порубка деревьев и так далее, о женщине, как о субъекте преступления и речи быть не может. С давних времен сложилось так, что «мужчина — охотник, — рыбак, — лесоруб и т.д., в общем добытчик»¹.

К лицам, совершающим преступления в отношении видов диких животных, подлежащих особой охране, с учетом ее специфики зачастую относятся сотрудники правоохранительных органов и представителей местной власти. Нередко данные преступления совершаются лицами с учетом своего служебного положения. Естественно, преступления, посягающие на особо ценных животных и растений, совершенные организованными группами, в которые входят должностные лица, использующие свое служебное положение, характеризуются повышенной степенью общественной опасности.

Интенсивность изъятия из природной среды многих видов редких и исчезающих биоресурсов зачастую связана с вовлеченностью их в нелегальный торговый оборот, а также их частей и дериватов. Такие виды животных

¹ Тангиев Б. Б. Экологическая криминология: проблемы теории и методологии исследования экологической транснациональной преступности». СПб., 2014. С. 77.

как, снежный барс, манул, дальневосточный леопард, амурский тигр, алтайский архар или аргали, сайгак, редкие виды птиц, в числе которых и краснокнижные: балобан, сапсан, кречет, степной орел, орлан-белохвост, филин, орел-карлик, находятся под угрозой исчезновения главным образом по причине их коммерческого использования (включая коммерческие охоты). Объем незаконной торговли дикими животными составляет десятки миллиардов долларов в год.

Среди мотивов рассматриваемых преступлений выделяют корыстную заинтересованность, азарт (спортивный интерес), в некоторых случаях — жизненную необходимость, вызванную либо угрозой для жизни или здоровья, либо низким уровнем материального благосостояния.

Необходимо также отметить, что уровень преступности в регионах, являющихся районами обитания краснокнижных животных, будет выше, чем в иных субъектах Российской Федерации. Так, ареал обитания амурского тигра находится на юго-востоке России, в Амурской области, Хабаровском и Приморском краях, Еврейской автономной области. Такой ценный вид осетровых пород как, к примеру, сибирский осетр, обитает в Обь-Иртышском бассейне. Сахалинский осетр — эндемик северной части бассейна Тихого океана — встречается лишь в акватории вокруг Сахалина.

Изучение существенных признаков экологической преступности в рассматриваемой сфере, адекватная оценка ее общественной опасности является одним из главных условий ее предупреждения. К профилактическим мероприятиям по устранению причин и условий, способствующих совершению преступных действий в отношении наиболее уязвимых видов диких животных возможно отнести дальнейшее совершенствование действующего законодательства, направленного на защиту таких объектов. С учетом того, что меры уголовно-правового воздействия являются хоть и крайними, но наиболее действенными, необходимо их совершенствовать в части установления мер ответственности за уничтожение редких и исчезающих видов животного мира.

Следует отметить роль общественности в борьбе с данными преступлениями. Экологические объединения, общественные организации активно осуществляют деятельность, направленную на предупреждение экологической преступности. Повышение правовой грамотности населения и ликвидация правового нигилизма, соответствующий мониторинг и контроль за природными богатствами страны, совершенствование деятельности соответствующих служб в плане их модернизации с учетом развития современ-

ных технологий в целях повышения эффективности раскрываемости экологических преступлений также являются эффективными предупредительными мерами.

Подводя итог вышесказанному, отметим неоспоримую важность криминологических исследований, характеризующих общую картину совершения преступлений в отношении особо охраняемых диких животных, подлежащих особой защите со стороны государства. Результаты таких исследований могут использоваться для разработки рекомендаций по борьбе с хищническим истреблением видов дикой фауны, находящихся на грани исчезновения.

Научная статья

УДК 343.353

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Иван Алексеевич ПОДТЫННИКОВ

Северо-Западная транспортная прокуратура, Санкт-Петербург, Россия,
Deribas29@rambler.ru

Аннотация: В статье анализируется практическая интерпретация деятельного раскаяния за преступления коррупционной направленности как основания освобождения от уголовной ответственности.

Обращается внимание на несовершенство применения действующего уголовного законодательства, предусматривающего возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в связи с деятельным раскаянием.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства, предусматривающего возможность освобождения от уголовной ответственности за преступления коррупционной направленности в связи с деятельным раскаянием.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, деятельное раскаяние, явка с повинной, добровольное сообщение о преступлении

CURRENT ISSUES OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY RESPONSIBILITY FOR CORRUPTION-RELATED CRIMES

Ivan A. PODTINNIKOV

North-Western Transport Prosecutor's Office, Saint Petersburg, Russia,
Deribas29@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the practical interpretation of active repentance for corruption-related crimes as grounds for exemption from criminal liability.

Attention is drawn to the imperfection of the application of the current criminal legislation, which provides for the possibility of exemption from criminal liability for corruption-related crimes in connection with active repentance.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation, which provides for the possibility of exemption from criminal liability for corruption-related crimes in connection with active repentance.

Keywords: corruption-related crimes, active repentance, self-incrimination, voluntary reporting of a crime

Важным законодательным механизмом, мотивирующим граждан активно способствовать противодействию коррупционной преступности, является институт освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Применительно к составам коррупционных преступлений условия освобождения от уголовной ответственности сформулированы в примечаниях к ст. 204-204.2, 291-291.2 УК РФ.

В соответствии с примечаниями к названным статьям лицо освобождается от уголовной ответственности, при одновременной совокупности двух действий, а именно:

1. если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и;
2. либо в отношении его имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица, либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки.

Наличие только одного из двух условий не образует основания для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, но может быть учтено в качестве смягчающих обстоятельств в соответствии с п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ.

Комментируя первое условие необходимо отметить, что само по себе признание подозреваемым или обвиняемым вины по предъявленному обвинению не свидетельствует об активном способствовании раскрытию и (или) расследованию преступления.

Разъяснение критерия активности отражено в пункте 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24.12.2019)¹.

Активность имеет место только при совершении лицом целенаправленных действий по изобличению не только себя, но и иных причастных к совершенному преступлению лиц, содействию органам предварительного расследования в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, например, выяснении обстоятельств достижения и реализации договоренности о передаче незаконного вознаграждения.

Обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, определяются по правилам относимости доказательств (ч. 1 ст. 88 УПК РФ) и с учетом перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 73 УПК РФ).

Между тем в практике Верховного Суда РФ встречается признание способствующей раскрытию и (или) расследованию преступления только той информации, которая оказывает положительное содействие в расследовании².

В этой связи судом при рассмотрении уголовного дела о нарушении правил дорожного движения осужденному отказано в признании вины и сотрудничества со следственным органом смягчающим обстоятельством ввиду очевидности его причастности к преступлению, поскольку оно было совершено в присутствии многочисленных свидетелей. Тем самым, по мнению суда, такое признание вины не могло оказать положительное содействие в расследовании.

Представляется, что такой подход применительно к преступлениям, которые совершаются в условиях очевидности, сужает возможности признания вины в качестве смягчающего обстоятельства.

С позиции объективности активность устанавливается через призму интенсивности действий, а не желаемого для следственных органов результата в виде положительного для них содействия.

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.05.2024 по делу № 45-УД24-17-К7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Для установления факта вымогательства взятки со стороны должностного лица необходимо процессуальное решение по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, поскольку в ином случае указание на вымогательство не может быть признано подтвержденным объективными данными.

Закономерно, что в условиях незначительной практики расследования уголовных дел по п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ, данное условие не является часто применимым.

Наиболее распространенным основанием для освобождения от ответственности является добровольное сообщение о преступлении.

Между тем толкование добровольности вызывает наибольшие разночтения, которым способствует краткое разъяснение пунктом 29 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24.12.2019)¹.

Так, Верховный Суд РФ разъясняет, что не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления. Сообщение о преступлении должно признаваться добровольным независимо от мотивов, которыми руководствовался заявитель.

Уголовно-процессуальный закон разделяет моменты фактического и юридического задержания.

В последнем случае факт задержания констатируется протоколом, составленным в порядке статей 91-92 УПК РФ, что само по себе подразумевает наличие возбужденного уголовного дела по факту дачи им взятки.

При этом обращение с явкой с повинной уже после возбуждения в отношении лица уголовного дела как правило исключает признак добровольности в его действиях, поскольку в таком случае лицо осознает осведомленность правоохранительных органов о его противоправных действиях и исходит из реальной угрозы своего наказания за содеянное.

Следовательно, сообщение лицом о преступлении после задержания в порядке статей 91-92 УПК РФ исключает добровольность в его действиях.

Вместе с тем не только задержание, но и иные процессуальные действия не меньшим образом подталкивают взяточполучателя признаться в совершенном им преступлении.

Оценка добровольности такого признания является не менее дискусси-

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

онной. Так, на практике распространенным способом сбора и отработки информации о возможной причастности лиц к даче взяток является установление таких данных по уголовным делам, возбужденным в отношении взяткополучателей. Например, на основании показаний взяткополучателей и (или) посредников в передаче взяток, исследования переписок в их мессенджерах, допроса свидетелей, осведомленных о передаче взяток третьим лицам.

По результатам сбора данной информации она проверяется путем производства обысков в жилищах заподозренных лиц с последующим допросом их в качестве свидетелей по уголовным делам, возбужденным в отношении взяткополучателей.

При подтверждении информации об их причастности решается вопроса о возбуждении в отношении них уголовного дела.

Важно отметить, что в таких случаях в постановлениях о производстве обысков в жилищах потенциальных взяткополучателей в обязательном порядке указываются данные о наличии у следственных органов информации о причастности таких лиц к передаче взяток.

До начала следственного действия указанные постановления предъявляются лицам для ознакомления, что в дальнейшем дает основания утверждать об осведомленности таких лиц о наличии у следственного органа самостоятельно собранной информации об их противоправных действиях и отсутствии в связи с этим оснований для признания их последующей явки с повинной добровольным сообщением о преступлении.

По смыслу закона, если органы следствия располагали сведениями о преступлении, в том числе из оперативных источников, то подтверждение лицом факта участия в совершении преступления в виде дачи признательных показаний не может расцениваться как явка с повинной¹.

Обращение с явкой с повинной после производства в отношении лица процессуальных действий, явно для него свидетельствующих о том, что причастность лица к совершению преступления правоохранительным органом является известной, исключает добровольность его действий по изобличению себя в совершенном преступлении, но может быть учтено в качестве смягчающего обстоятельства при постановлении приговора.

Так, на рассмотрении Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга находилось уголовное дело в отношении местного жителя, обвиняемого по части 1 ст. 291, части 2 ст. 291 УК РФ в даче взятки инспектору Центра ГИМС за беспрепятственное получение удостоверения на право

¹ Постановление президиума Московского городского суда от 16.01.2018 по делу № 44у-765/17; Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02 августа 2022 г. по делу № 80-УДп22-6-К6. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

управления маломерным судном и ускоренную государственную регистрацию лодки.

В ходе предварительных слушаний обвиняемым было заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела на основании примечания к статье 291 УК РФ в связи с добровольным сообщением о преступлении.

При рассмотрении данного ходатайства установлено, что о даче лицом взятки следственным органу стало самостоятельно известно в ходе расследования уголовного дела в отношении взяткополучателя на основании его показаний, осмотра переписки с взяточдателем и движения денежных средств по счету взяткополучателя.

В этой связи в жилище взяткополучателя по данному уголовному делу произведен обыск, при этом в постановлении о его производстве содержалась указание на наличие у следственного органа информации о причастности данного лица к совершению взяточдателем коррупционного преступления.

По результатам обыска лицо обратилось в следственный орган с явкой с повинной, после чего в отношении него возбуждено уголовное дело.

Однако с учетом того, что о совершенном взяточдателем преступлении следственному органу изначально стало известно от взяткополучателя, суд не усмотрел добровольности в его действиях, в связи с чем в прекращении уголовного дела суд отказал и впоследствии вынес обвинительный приговор, вступивший в законную силу¹.

Аналогичное решение по ходатайству обвиняемого о прекращении уголовного дела на основании примечания к статье 291 УК РФ вынес Кировский районный суд г. Санкт-Петербурга.

Отказывая в удовлетворении ходатайства суд указал, что явку с повинной нельзя расценивать как добровольное сообщение о преступлении, поскольку лицо, несмотря на наличие достаточного времени (более двух недель после дачи взятки), самостоятельно в правоохранительные органы не являлся, а дача им изобличающих себя показаний и явки с повинной были вынужденными, поскольку обусловлены проведением обыска по месту его жительства².

Дискуссионным остается вопрос о субъективном осознании лицом, обращающимся с явкой с повинной, степени информированности следственных органов о его противоправных деяниях.

¹ Приговор Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга от 26.06.2024 по уголовному делу № 1-142/2024.

² Постановление Кировского районного суда г. Санкт-Петербурга от 24.09.2024 по уголовному делу № 1-739/2024.

Так, действовавшая до 24.12.2019 редакция п. 29 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предусматривала, что не может признаваться добровольным сообщение, сделанное в связи с тем, что о даче взятки стало известно органам власти.

Представляется, что подобная формулировка не учитывала субъективное осознание лицом осведомленности правоохранительного органа о деталях совершенного им деяния.

Особенно остро данный вопрос возникает в случаях его фактического задержания и дачи им после этого показаний без последующего оформления такого решения в порядке статей 91-92 УПК РФ.

По нашему мнению, действующая редакция разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 не обеспечивает однозначного разрешения данных практических вопросов по причинам, изложенным выше.

В этой связи представляется целесообразным сформулировать разъяснение п. 29 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 следующим образом: «Не может признаваться добровольным сообщение в случае, когда у лица имелись достаточные основания полагать об осведомленности правоохранительных органов о совершении им преступления, предусмотренного ст. 204—204.2, 291—291.2 УК РФ».

Думается, что данная формулировка обеспечит более единообразную практику освобождения от уголовной ответственности на основании примечаний к названным статьям УК РФ, позволит оценить субъективное восприятие лицом степени информированности следственных органов о его противоправных деяниях, а также применять данные примечания с учетом индивидуальных характеристик правоприменительных ситуаций.

Научная статья
УДК 343.326

**ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОРЯДКА УПРАВЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТАТЬЯМИ 317, 318, 319 УК РФ,
В РАЗЪЯСНЕНИЯХ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО
СУДА РФ ОТ 1 ИЮНЯ 2023 Г. №14**

Елена Валерьевна ПОНОМАРЕНКО

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Россия,
pomomarenko@mail.ru

Аннотация. Многие дискуссионные вопросы, связанные с определением круга потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. ст. 317, 318, 319 УК РФ, связаны с толкованием конструктивных признаков соответствующих составов преступлений, отграничением их от смежных правонарушений, либо вовсе не нашли своего разрешения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

В статье сформулированы авторские оценочные суждения и рекомендации, направленные на преодоление пробелов толкования норм УК РФ об ответственности за преступления против порядка управления, предусмотренные статьями 317, 318, 319 УК РФ.

Ключевые слова: порядок управления, сотрудник правоохранительного органа, представитель власти, оскорбление, насилие

Original article

**SIGNS OF CRIMES AGAINST THE MANAGEMENT ORDER
PROVIDED FOR IN ARTICLES 317, 318, 319 OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, IN THE EXPLANATIONS
OF THE RESOLUTION OF THE PLENUM OF THE SUPREME COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED JUNE 1, 2023 NO. 14**

Elena V. PONOMARENKO

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia, pomomarenko@mail.ru

Abstract. Many controversial issues related to the definition of the range of victims of crimes provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code of the Russian Federation are related to the interpretation of the constructive features of the relevant crimes, distinguishing them from related offenses, or have not been

resolved at all in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

The article formulates the author's evaluative judgments and recommendations aimed at overcoming the gaps in the interpretation of the norms of the Criminal Code of the Russian Federation on responsibility for crimes against governance provided for in Articles 317, 318, 319 of the Criminal Code.

Keywords: management procedure, law enforcement officer, government representative, insult, violence

В целях единообразного применения законодательства об уголовной ответственности за преступления против порядка управления, предусмотренные ст. 317, 318, 319 УК РФ, РФ дал соответствующие разъяснения было принято Постановление Пленум Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Данный акт высшего судебного органа пришел на смену Постановлению Пленума Верховного Суда РСФСР № 3 от 24 сентября 1991 г. «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка», который по объективным причинам уже не мог отвечать потребностям нашего времени и соответствовать положениям действующего уголовного законодательства РФ.

Несмотря на объективную потребность в соответствующих разъяснениях, следует констатировать, что в результате правоинтерпретационной политики Пленум Верховного Суда РФ многое упустил из вида.

Прежде всего остается открытым вопрос о круге потерпевших лиц в рамках рассматриваемых составов преступлений, а именно о возможности отнесения к их числу помимо сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, еще и дружинников или представителей частных охранных предприятий, задействованных в охране общественного порядка.

В теории уголовного права относительного данного момента однозначной позиции нет, «что во многом вызвано отсутствием четких законодательных определений»¹.

Так как объектом уголовно-правовой охраны главы 32 УК РФ выступает порядок управления, предполагающий властные отношения, строящееся по принципу «власть – подчинение», дружинники и представители частных

¹ Филиппов, П. А. Преступления против порядка управления: закон, теория, практика / П. А. Филиппов. Москва : Издательский книжоторговый дом «Зерцало-М», 2017. С. 248.

охранных предприятий не наделены соответствующими полномочиями в связи с чем, они не могут быть признанными потерпевшими по рассматриваемым составам преступлений.

Данный вывод непосредственно вытекает и из соответствующих нормативных правовых актов, устанавливающие порядок и основные формы участия граждан в охране общественного порядка, а также регулирующие деятельность частной охранной и детективной деятельности в Российской Федерации.

Так, Федеральный закон от 11 марта 1992 г. №2487-1 (в ред. от 25.12.2023) «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» в ст. 1 прямо указывает, что «на граждан, осуществляющих частную детективную и охранную деятельность, действие законов, закрепляющих правовой статус работников правоохранительных органов, не распространяется»², фактически аналогичное положение можно найти и в Федеральном законе от 02 апреля 2014 г. №44-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) «Об участии граждан в охране общественного порядка», где один из принципов участия граждан в охране общественного порядка является «недопустимость подмены полномочий органов внутренних дел (полиции), иных правоохранительных органов, органов государственной власти и местного самоуправления»³.

Здесь же открытым и также не нашедшим своего разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» остается вопрос о возможности признания потерпевшими бывших сотрудников правоохранительных органов, на жизнь которых было осуществлено посягательство в целях воспрепятствования их прошлой законной деятельности.

В связи с тем, что законодатель в ст. 317 УК РФ в качестве одного из альтернативных криминообразующих признаков указывает мотив совершения данного деяния, а именно месть за указанную деятельность, то логично предположить, что посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа или его близких возможно даже в случаях, когда статус сотрудника уже утрачен.

Необходимо обратить особое внимание на толкование Постановления Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах

² О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации : Федеральный закон от 11.03.1992 г. № 2487-1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ Об участии граждан в охране общественного порядка : Федеральный закон от 02.04.2014 г. №44-ФЗ (в ред. от 14.07.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» такой категории, как «представитель власти».

Следует сказать, что объективной потребности в соответствующих разъяснениях не было, так как ранее в Постановлении Пленума Верховного Суда от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении и о превышении должностных полномочий» уже было раскрыто содержание этого понятия. Однако суть данных определений оказалась разной.

В Постановлении Пленума Верховного Суда от 16.10.2009 №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении и о превышении должностных полномочий» дается широкое понятие представителя власти, помимо всего прочего к ним относятся и представители органов законодательной, исполнительной и судебной власти.

В Постановлении Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» о данной категории лиц вообще ничего не говорится.

Таким образом, виден разный подход к пониманию одной и той же категории, что совершенно не допустимо, поэтому Пленуму Верховного Суда Российской Федерации необходимо привести к единообразию толкование одних и тех же категорий.

В п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» дается пояснение относительно понятия насилия, являющегося конструктивным признаком ст. 318 УК РФ.

Здесь фактически Постановление Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» дублирует разъяснения, даваемые Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении от 27 декабря 2002г. №29 (в ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», в частности «под насилием не опасным для жизни или здоровья, в части 1 ст. 318 УК РФ следует понимать побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.), не повлекших причинения вреда здоровью потерпевшего.

Под насилием, опасным для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 318 УК РФ), в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда понимается такое

насилие, которое повлекло причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего, а равно причинение легкого вреда его здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности»¹.

В ч. 1 ст. 318 УК РФ законодатель вторым способом совершения данного деяния указывает угрозы, но при этом вид данных угроз он не конкретизирует. В судебной практике возникает вопрос относительно угрозы убийством и причинения тяжкого вреда здоровью в части дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ.

Постановление Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» особое внимание уделило признакам ст. 319 УК РФ, предусматривающей ответственность за оскорбление представителя власти.

Первый вопрос, который возник после декриминализации ст. 130 УК РФ, возможно ли совершить оскорбление в приличной форме? Если посмотреть определение оскорбления, которое содержится в ст. 319 УК, то об этом там ничего не говорится.

Постановление Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» в п. 17 указало, что оскорбление возможно совершить как в неприличной, так и в иной форме, главное, чтобы данные действия были направлены на унижение чести и достоинства потерпевшего лица.

В научной литературе отмечается, что оскорбление возможно совершить и путем действия, например путем жеста, выплескивания на форму полицейского каких-либо жидкостей и т.п.

В п. 17 указанное Постановление Пленума Верховного Суда прямо указало, что данное деяние возможно совершить подобным способом, но там имеется оговорка, направленная на разграничение ст. 319 УК РФ от состава ст. 318 УК РФ, а именно Пленум Верховного Суда указал, что «оскорбление действием возможно, при условии, что оно не причинило физической боли или вреда здоровью потерпевшего лица, иначе квалификация должна идти по ст. 318 УК РФ».

Ничего не говорится в рассматриваемом Постановлении о возможности заочного оскорбления, т.е. совершение данного деяния в отсутствии оскорб-

¹ П. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ляемого лица. Однако в п. 18 Постановления все-таки можно найти косвенный ответ на данный вопрос. Так там указывается, что такое оскорбление может быть размещено в средствах массовой информации, сети «Интернет» и т.п., что позволяет дать положительный ответ на данный вопрос.

В судебной практике и научной литературе остро обсуждается вопрос о том, как квалифицировать одновременные совершенные действия направленные и на оскорбление, и на применение насилия в отношении представителя власти. Постановление Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» ответ на данный вопрос в пункте 20.

Неопределенно решается на практике вопрос о публичности оскорбления. В ст. 319 УК РФ признак публичности является обязательным признаком. Однако возникают случаи, когда оскорбление представителя правоохранительного органа возможно в присутствии другого сотрудника правоохранительного органа, но в отсутствии других каких-либо посторонних лиц. Будет ли здесь признак публичности? Практика в этой части неоднородна. В Постановлении Пленума Верховного Суда № 14 от 1 июня 2023 г. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» этот вопрос не нашел разрешения.

В связи с тем, что в статьях 317, 318, 319 УК РФ отсутствует такой квалифицирующий признак, как совершение данных деяний в отношении двух и более сотрудников правоохранительных органов, то подобные случаи в правоприменительной деятельности не получали однозначного решения. Необходимо отдать должное Пленуму Верховного Суда, что он обратил внимание на данную проблему, в связи с чем дал соответствующие разъяснения в п. 24 указанного Постановления.

Проанализировав положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. №14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации», сделаем вывод, что они включают новые разъяснения, касающиеся квалификации преступлений против порядка управления, предусмотренные статьями 317, 318, 319 УК РФ. Вместе с тем, наличие определенных пробелов при разъяснении отдельных положений уголовного закона указывает на необходимость тщательной корректировки указанного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДАМИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Надежда Ивановна ПРЯХИНА¹, Елена Владимировна СУСЛИНА²

^{1, 2} Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

¹ pry-nadezhda@yandex.ru

² e.suslina@spbu.ru

Аннотация. Авторами проанализирована практика учета судами в качестве смягчающих не указанных в ч. 1 ст. 61 УК РФ обстоятельств, сделаны выводы о недопустимости признания некоторых обстоятельств смягчающими в порядке ч. 2 ст. 61 УК РФ в силу фактического дублирования уже имеющихся обстоятельств либо в связи с недопустимостью их смешения с обстоятельствами, которые отражают возможное влияние назначаемого наказания на условия жизни осужденного и его семьи.

Среди отягчающих обстоятельств особое внимание уделено учету судами состояния опьянения, сделан вывод о необходимости тщательного обоснования как его признания, так и непризнания отягчающим обстоятельством по ч. 1.1. ст. 63 УК РФ. Изучена практика учета рецидива и выявлены ошибки при назначении наказания, связанные с нарушением положений ст. 68 УК РФ.

Ключевые слова: назначение наказания, смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства, состояние опьянения, рецидив

Original article

THE LAW ENFORCEMENT PROBLEMS IN IMPOSING CRIMINAL PUNISHMENT

Nadezhda I. PRYAKHINA¹, Elena V. SUSLINA²

^{1, 2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ pry-nadezhda@yandex.ru

² e.suslina@spbu.ru

Abstract. The authors analyzed the court's consideration of mitigating circumstances not provided for by Part 1 of the Article 61 of the CC of the RF. It

was concluded that some circumstances couldn't be considered as mitigating ones because of the duplication of the circumstances, which already exist in the Code, or because of their mixing with the circumstances, which show the influence of the punishment on the convicted person and his family.

Special attention was paid to the estimation of the intoxication by courts, which should justify both the recognition and non-recognition of the intoxication as the aggravating circumstance. During the monitoring of practice the mistakes of courts in sentencing concerning the recidivism under the Article 68 of the CC of the RF was found out.

Keywords: imposition of punishment, mitigating circumstances, aggravating circumstances, alcohol intoxication, recidivism

Назначение уголовного наказания представляет собой сложный и трудоемкий процесс, итоговым результатом которого является определение вида и размера правовых последствий для лица, совершившего преступление.

В ходе решения вопроса о назначении наказания суд применяет большое количество положений УК РФ, степень конкретизации которых является различной: от четко установленных, не имеющих исключений и подлежащих обязательному применению (ч. 2 ст. 57 УК РФ) до не имеющих в принципе какой-либо конкретизации (ч. 1 ст. 67 УК РФ).

Это указывает на особую актуальность исследования вопросов судебного усмотрения при назначении уголовного наказания, в частности, каковы его пределы, как оно должно соотноситься с требованием единообразия применения положений уголовного законодательства, насколько подробно суд в приговоре должен обосновать применение или неприменение отдельных норм УК РФ в каждом конкретном случае, когда это остается на усмотрение суда.

Следует подчеркнуть, что судебское усмотрение всегда должно оставаться в рамках закона: «Судейское усмотрение — полномочие, которое дает закон судье, чтобы делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна»¹.

Именно вопросам соблюдения принципов законности и справедливости при реализации судебного усмотрения в назначении наказания и посвящено настоящее исследование.

В ходе мониторинга правоприменительной практики² одним из ключевых вопросов стало установление и учет при назначении наказания смягчающих и отягчающих обстоятельств.

¹ Барак А. Судейское усмотрение. М., 1999. С. 13—27.

² Материал подготовлен по результатам исследования 100 судебных актов судов первой и апелляционной инстанций г. Москвы и г. Санкт-Петербурга, вынесенных в 2022—2024 гг.

Как верно указывает А. И. Рарог, «следует признать ошибочными утверждения, будто суд вправе не признать указанные в ст. 61 УК РФ обстоятельства, смягчающими наказание»¹. Суд обязан при наличии фактов, свидетельствующих о существовании того или иного обстоятельства, указанного в ч. 1 ст. 61 или ч. 1 ст. 63 УК РФ, учесть его при назначении наказания, если оно не было ранее учтено при квалификации.

Однако следует помнить, что при совокупности преступлений одно и то же обстоятельство может выступать в качестве квалифицирующего для одного преступления, входящего в совокупность, и в качестве смягчающего или отягчающего наказание — для другого.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отменяя кассационный приговор, указала, что состав ст. 166 УК РФ не предусматривает совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения в качестве квалифицирующего признака, поэтому признание его в качестве отягчающего обстоятельства по этому преступлению и одновременное осуждение гражданина Я. по ст. 264.1 УК РФ, диспозицией которой предусмотрено нахождение лица в состоянии опьянения, не свидетельствуют о повторном учете такого состояния в качестве отягчающего обстоятельства².

Необходимо учитывать, что суд не ограничен перечнем смягчающих наказание обстоятельств (в отличие от перечня отягчающих) и может признать в качестве такового любое обстоятельство (ч. 2 ст. 61 УК РФ)³.

Однако это является правом суда, а не обязанностью, в силу чего даже прямо указанные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 в ред. от 18.12.2018 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания» виды обстоятельств судами в отдельных случаях не признаются смягчающими.

Так, при осуждении лица по совокупности преступлений при наличии однородного рецидива суд апелляционной инстанции указал: «Поскольку признание иных обстоятельств в качестве смягчающих, не предусмотренных ч. 1 ст. 61 УК РФ являются правом, а не обязанностью суда, суд первой инстанции правомерно не признал такие обстоятельства как признание им своей вины и состояние его здоровья смягчающими наказание обстоятельствами»⁴.

¹ Рарог А. И. Судейское усмотрение при применении уголовно-правовых норм // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского: Власть и право. 2003. Вып. 2 (7). С. 379.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10 августа 2021 г. № 18-УДП21-58-К4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. (с изм. от 18 декабря 2018 г.) № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Апелляционное постановление Московского областного суда от 9 ноября 2023 г. по делу № 1-248/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом некоторые обстоятельства не носят оценочного характера и при констатации факта следует давать ему соответствующую оценку в приговоре. Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что судами нижестоящих инстанций не было учтено в качестве смягчающего то обстоятельство, что осужденный является ветераном боевых действий, несмотря на разъяснения положений ч. 2 ст. 61 УК РФ, данные в п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 в ред. от 18.12.2018 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания»¹.

Суды очень активно пользуются предоставленным уголовным законодательством правом учета различных обстоятельств в качестве смягчающих².

Однако оценка некоторых из них вызывает обоснованные сомнения. Обстоятельства, смягчающие наказание, могут характеризовать личность и/или само преступление, что позволяет говорить об их меньшей опасности по сравнению с той, которая в общем предполагается для преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, и совершившего его лица. Таким образом, учитывать в качестве смягчающих следует только те обстоятельства, которые свидетельствуют о понижении опасности личности и/или совершенного преступления в данном конкретном случае³.

Как представляется, указанные обстоятельства не должны быть типичными для всех законопослушных граждан и при этом не могут полностью или частично дублировать положения ч. 1 ст. 61 УК РФ и смешиваться с иными обстоятельствами, учитываемыми при назначении наказания (ст. 60 УК РФ), например, с теми, которые могут позволить выбрать вид и размер наказания с учетом влияния на исправление осужденного и на условия жизни его семьи.

В связи с этим такое обстоятельство как отсутствие судимости (непривлечение к ответственности ранее)⁴ не может рассматриваться судом как

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024). Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 29 мая 2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Из 100 проанализированных судебных актов только иные обстоятельства судами были учтены в качестве смягчающих в порядке ч. 2 ст. 61 УК РФ в 29 случаях (еще в 62 случаях – наряду с обстоятельствами, указанными в ч. 1 ст. 62 УК РФ).

³ На эту особенность смягчающих обстоятельств указывают многие исследователи. См., например: Кругликов Л. Л. Уголовно-правовые средства обеспечения справедливости наказания: учеб. пособие. Ярославль, 1986. С. 63; Бавсун М. В., Николаев К. Д., Мишкин В. Б. Смягчение наказания в уголовном праве. М., 2015. С. 85; Черненко Т. Г. Смягчающие ответственность обстоятельства в уголовном праве: некоторые проблемные вопросы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2024. № 52. С. 84.

⁴ См., например: Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20 октября 2023 г. по делу № 1-644/2023, Приговор 235-го гарнизонного военного суда г. Москвы от 26 октября 2023 г. по делу № 1-110/2023, Приговор Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 27 октября 2023 г. по делу № 1-1018/2023, Апелляционное постановление Московского городского суда от 28 ноября 2023 г. по делу № 10-21911/2023, Апелляционное постановление Московского областного суда от 23 января 2024 г. по

смягчающее. Непривлечение к ответственности ранее является нормальным, естественным состоянием законопослушного гражданина, а не особой заслугой данного лица. Кроме того, в числе смягчающих обстоятельств есть указание на совершение преступления впервые (п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ), которое признано законодателем способным повлиять на наказание только в случае, если лицо привлекается к ответственности за преступление небольшой или средней тяжести, совершенное вследствие случайного стечения обстоятельств¹.

Полагаем, что учет привлечения к ответственности впервые в иных случаях законодатель счел невозможным в силу недостаточной значимости этого обстоятельства для влияния на назначение наказания. Непривлечение к ответственности имеет еще один вариант учета в соответствии с положениями УК РФ – если лицо привлекалось ранее за совершение умышленного преступления, то в его действиях будет установлен рецидив (ст. 18 УК РФ), рассматриваемый в качестве отягчающего наказание обстоятельства (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что повысит нижний предел возможного наказания (ч. 2 ст. 68 УК РФ).

Отсутствие же предыдущего осуждения, влекущего рецидив, не влияет на пределы назначаемого наказания, не образует отягчающее обстоятельство и, следовательно, является юридически нейтральным.

Еще одна группа обстоятельств, которая учитывается судами, касается социально-демографических характеристик осужденного, таких как «социально адаптирован»², «женат»³, «трудоустроен»⁴ («имеет постоянное место работы»⁵) «имеет постоянную регистрацию и место жительства»⁶, а также

делу № 1-486/2023 и иные. Особое внимание обратим на приговор Московского гарнизонного военного суда от 3 октября 2023 г. по делу № 1-96/2023, где схожее по смыслу обстоятельство было сформулировано следующим образом: «ни в чем предосудительном замечен не был».

¹ Однако в некоторых случаях суды, не имея возможности установить все указанные в п. «а» ч. 1 ст. 61 УК РФ необходимые составляющие – совершение преступления впервые, степень тяжести и наличие случайного стечения обстоятельств – пользуются ч. 2 ст. 61 УК РФ и признают смягчающим «совершение преступления впервые» (Апелляционное постановление Московского областного суда от 18 июля 2023 г. по делу № 1-277/2022, Апелляционное постановление Московского областного суда от 17 октября 2023 г. по делу № 1-503/2023, Апелляционное постановление Московского областного суда от 19 декабря 2023 г. по делу № 1-92/2023); «совершение преступления средней тяжести впервые» (Апелляционное постановление Московского областного суда от 23 января 2024 г. по делу № 1-338/2023).

² Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 сентября 2023 г. по делу № 1-1242/2022, Приговор Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 9 октября 2023 г. по делу № 1-1028/2023. Аналогичным образом в качестве смягчающего обстоятельства было учтено «наличие социальных связей» у подсудимого в Апелляционном постановлении Санкт-Петербургского городского суда от 10 октября 2023 г. делу № 1-114/2023.

³ Приговор Химкинского городского суда от 26 января 2024 г. по делу № 1-884/2023.

⁴ Апелляционное постановление Московского областного суда от 15 февраля 2024 г. по делу № 4/7-2/2023.

⁵ Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 11 января 2024 г. по делу № 1-1358/2023.

⁶ Приговор Кронштадтского районного суда г. Санкт-Петербурга от 16 января 2024 г. по делу № 1-132/2023.

психофизиологических характеристик в виде отсутствия психических заболеваний и зависимостей («на учете у психиатра и нарколога не состоит»¹).

Данные обстоятельства также не могут быть рассмотрены в качестве смягчающих, поскольку наличие или отсутствие семьи, социальных связей, места работы или жительства никаким образом не влияет на понижение опасности личности или совершенного деяния.

Аналогичным образом следует рассматривать и обстоятельства, касающиеся наличия у лица родственников пожилого возраста или страдающих тяжелыми заболеваниями. Как и в случае с несовершеннолетними детьми, наличие которых может быть учтено в качестве смягчающего обстоятельства только при условии участия в их содержании, факт престарелого возраста или инвалидности родителей (иных родственников) может быть учтен лишь при условии нахождения их на иждивении или оказания им материальной помощи подсудимым (п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 в ред. от 18.12.2018 «О практике назначения судами РФ уголовного наказания»), однако суды указанное разъяснение нередко игнорируют².

Указанные обстоятельства, безусловно, должны быть приняты во внимание судом, но только в порядке ч. 3 ст. 60 УК РФ, т.е. суд должен с их учетом выбирать вид или размер наказания (например, делать выбор в пользу наказаний, не связанных с изоляцией от общества, либо не избирать наказание, затрагивающее материальное положение подсудимого). Представляется, что подобное смешение обстоятельств, подлежащих учету при назначении наказания, происходит в силу того, что Верховным Судом РФ в Постановлении № 58 не дано четкого разъяснения, требующего от судов разделения учитываемых обстоятельств на категории.

Что касается обстоятельств, отягчающих наказание, то в этой части суды ограничены списком, предусмотренным ч. 1 ст. 63 УК РФ, и не могут произвольно признавать таковыми иные обстоятельства. Однако в ч. 1.1. ст. 63 УК РФ законодателем установлено отступление от общего правила — в отношении опьянения суды вправе решать, повлияет ли оно на увеличение объема ответственности лица. На основании п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 в ред. от 18.12.2018

¹ Приговор Невского районного суда г. Санкт-Петербурга от 28 сентября 2023 г. по делу № 1-1242/2022, Приговор Химкинского городского суда от 26 января 2024 г. по делу № 1-884/2023.

² Пенсионный возраст матери был учтен в Апелляционном постановлении Московского областного суда от 21 сентября 2023 г. по делу № 1-353/2023, пенсионный возраст родителей – в Приговоре Хамовнического районного суда от 16 апреля 2024 г. по делу № 1-48/2024; наличие у родственников хронических заболеваний или их состояние здоровья в целом – в Апелляционном определении Московского городского суда от 3 мая 2023 г. по делу № 10-4891/2023; Апелляционном постановлении Московского областного суда от 13 февраля 2024 г. по делу № 1-670/2023, Приговоре Московского областного суда от 28 февраля 2024 г. по делу № 2-86/2024.

«О практике назначения судами РФ уголовного наказания» суды обязаны мотивировать в приговоре признание опьянения отягчающим обстоятельством.

Когда же оно таковым не признается, суд мотивировать такое решение, буквально воспринимая рекомендации Пленума, не обязан. Это приводит к тому, что при выявлении фактов совершения преступного деяния в состоянии опьянения суды указывают данное обстоятельство, однако не дают ему никакой оценки¹.

Так, например, при осуждении лица за совершение разбойного нападения, в котором предметом преступления выступил алкоголь, и причинение тяжкого вреда здоровью, суд в приговоре сделал вывод, что «не установлены обстоятельства, свидетельствующие о связи состояния опьянения с совершением преступления»², однако никакой дополнительной аргументации в пользу своего решения не привел.

Такой подход обуславливает разнородность судебной практики, когда в сходных случаях (причинение смерти в ходе ссоры на почве личных неприязненных отношений при совместном распитии спиртного) суды то признают опьянение отягчающим обстоятельством с учетом заключения экспертизы («на время инкриминируемых ему деяний и в настоящее время у него имеются признаки синдрома зависимости от алкоголя»³), то не признают, несмотря на аналогичные выводы экспертов («обнаруживает признаки синдрома зависимости в результате употребления алкоголя»⁴).

В связи с этим представляется необходимым в постановлении Пленума более подробно разъяснить, когда имеются основания учитывать опьянение как отягчающее обстоятельство, и дать указание в обязательном порядке в приговоре обосновывать не только признание, но и непризнание в каждом конкретном случае опьянения лица в качестве отягчающего обстоятельства.

Единственным отягчающим обстоятельством, которое напрямую влияет на размер назначаемого наказания, выступает рецидив (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 68 УК РФ при любом виде рецидива срок наказания не может быть менее 1/3 максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление.

Но и здесь законодатель оставляет простор для судебного усмотрения — отступление от данного правила возможно при наличии смягчающих

¹ В 11 из исследованных 100 случаев во время совершения преступления лицо находилось в состоянии опьянения, при этом в 5 из них опьянение образовывало квалифицирующий (криминообразующий) признак — по транспортным преступлениям, из остальных 6 случаев только в двух суды признали его отягчающим обстоятельством.

² Приговор Московского областного суда от 23 января 2024 г. по делу № 1-132/2023.

³ Приговор Московского городского суда от 18 сентября 2023 г. по делу № 2-88/23.

⁴ Приговор Московского областного суда от 25 января 2024 г. по делу № 1-189/2023.

обстоятельств. Однако в ходе проведенного исследования было установлено, что в отдельных случаях суды не следуют базовому правилу назначения наказания при рецидиве, при этом никаким образом не мотивируя такое отступление ссылкой на смягчающие обстоятельства, на что указывают вышестоящие суды: «назначая наказание за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, по правилам ч. 2 ст. 68 УК РФ, суд нарушил указанные в ней положения, назначив подсудимому при наличии в его действиях рецидива преступлений наказание в виде лишения свободы на 11 месяцев, то есть менее одной трети части максимального срока наиболее строгого наказания и не назначил обязательное дополнительное наказание»¹.

Однако даже при установлении смягчающих обстоятельств назначение наказания по правилам ч. 3 ст. 68 УК РФ при наличии рецидива не носит императивного характера, и решение об отступлении от общих требований принимается судом в каждом отдельном случае на основании установленных и исследованных фактических обстоятельств уголовного дела, что является, прежде всего, правом, а не обязанностью суда, и подтверждается примерами судебной практики².

С учетом вышеизложенного, вызывает обоснованные сомнения правильность решения, принятого Санкт-Петербургским городским судом 2 октября 2023 г. по делу № 1-413/2023. Суд апелляционной инстанции согласился с назначенным подсудимому наказанием (6 месяцев лишения свободы по ст. 322.3 УК РФ; 1 год и 8 месяцев лишения свободы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), «поскольку назначение более мягкого наказания подсудимому не способствовало бы в полной мере предупреждению совершения им новых преступлений, а также не соответствовало бы принципу справедливости назначения наказания, поскольку все указанные смягчающие обстоятельства не уменьшают степень общественной опасности совершенных подсудимым преступлений, кроме того, подсудимый освобожден из мест лишения свободы в ноябре 2022 года, однако должных выводов для себя не сделал, что свидетельствует о том, что исправительное воздействие предыдущим наказанием достигнуто не было»³.

С учетом содеянного, всех обстоятельств дела, данных о личности осужденного, суд подтвердил обоснованность назначения подсудимому

¹ Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 8 февраля 2024 г. по делу № 77-472/2024. На аналогичную ошибку указано в Кассационном определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 января 2024 г. по делу № 77-77/2024, 77-195/2024.

² Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27 апреля 2023 г. по делу № 77-1539/2023; Апелляционное определение Московского городского суда от 1 августа 2023 г. по делу № 10-14321/2023; Приговор Московского районного суда г. Санкт-Петербурга от 25 декабря 2023 г. по делу № 1-1088/2023.

³ Апелляционное постановление Санкт-Петербургского городского суда от 2 октября 2023 г. по делу № 1-413/2023.

наказания в виде реального лишения свободы с учетом требований ч. 2 ст. 68, ч. 2 и 5 ст. 69 УК РФ, также не усматривая оснований для применения ч. 6 ст. 15, ст. 64, ч. 3 ст. 68, ст. 73 УК РФ. Однако наказание, которое было назначено судом первой инстанции и с которым согласился вышестоящий судебный орган, по мнению авторов данной статьи, является не соответствующим положениям УК РФ, в связи с тем, что верхний предел санкции ст. 322.3 УК РФ во время совершения преступления (до 09.11.2024 г.) составлял 3 года, и суд с учетом требований ч. 2 ст. 68 УК РФ не мог назначить наказание меньше 1 года лишения свободы.

Следует отметить еще один аспект: ч. 3 ст. 68 УК РФ позволяет суду назначить более мягкое наказание по правилам ст. 64 УК РФ при любом виде рецидива. Вряд ли это следует считать справедливым, так как ст. 73 УК РФ запрещает условное осуждение при опасном и особо опасном рецидиве.

Поэтому нельзя признать обоснованным и справедливым назначение наказания ниже низшего предела при особо опасном рецидиве с общим указанием в приговоре: «принимая во внимания необходимость соответствия меры наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и данным о личности подсудимого, суд полагает возможным признать совокупность смягчающих наказание обстоятельств исключительной и назначить наказание подсудимому с применением ст. 64 УК РФ — ниже низшего предела и без учета правил рецидива»¹.

Согласно ч. 1 ст. 64 УК РФ исключительные обстоятельства, позволяющие назначить более низкое наказание, должны быть существенно уменьшающими степень общественной опасности преступления. При этом в приговоре суд должен указать конкретные обстоятельства, которые, по его мнению, значительно повлияли на степень общественной опасности преступления.

Обстоятельствами, смягчающими наказание, которые суд признал исключительными в рассматриваемом случае, указаны признание вины и раскаяние в содеянном, хронические заболевания подсудимого, благотворительная помощь. При этом лицо нигде не работает и осуждается за сбыт наркотических средств в крупном размере, что позволяет сделать предположительный вывод о природе происхождения денежных средств для благотворительности.

Кроме того, 8 июля 2016 г. Фрунзенским районным судом г. Санкт-Петербурга это лицо было осуждено по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ к 8 годам лишения свободы и только 2 апреля 2022 г. снято с учета в связи с отбытием наказания. А 7 ноября 2022 г.

¹ Приговор Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 26 октября 2023 г. по делу № 1-367/2023.

вновь было задержано за совершение сбыта наркотических средств в крупном размере, что не может не приводить к выводу об отсутствии должного исправительного воздействия на лицо отбытого им наказания, однако суд счел возможным назначить наказание по правилам ст. 64 УК РФ.

Проведенный анализ практики показывает, что весьма широкие пределы судейского усмотрения, предоставленные уголовным законодательством и являющиеся, безусловно, необходимым инструментом индивидуализации назначаемого наказания, при отсутствии достаточной обоснованности решений могут приводить к неучету либо излишнему учету некоторых обстоятельств, влияющих на меру уголовно-правового воздействия, и — как итог — к необоснованному выбору вида и размера наказания. Это еще раз подчеркивает необходимость соблюдения баланса между усмотрением суда и соблюдением принципов законности и справедливости при назначении наказания.

Научная статья

УДК 343.59

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ст. 240.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Анна Владиславовна РАВИНСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
ann96934348@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены теоретические и правоприменительные проблемы понимания статьи 240.1 УК РФ.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего.

Ключевые слова: несовершеннолетний, получение, сексуальные услуги, вознаграждение

ON THE ISSUE OF THE EXPEDIENCY OF APPLYING ARTICLE 240.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Anna V. RAVINSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, ann96934348@yandex.ru

Abstract. The article discusses the theoretical and law enforcement problems of understanding Article 240.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Attention is drawn to the imperfection of the criminal legislation providing for responsibility for receiving sexual services of a minor.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for receiving sexual services from minors.

Keywords: minor, receiving, sexual services, remuneration

Создание соответствующих условий для полноценного нравственного и физического развития каждого ребенка — одно из приоритетных направлений деятельности российского государства. Конституцией Российской Федерации гарантированы половая свобода и половая неприкосновенность личности.

В УК РФ норма, предусматривающая уголовную ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего, введена относительно недавно — Федеральным законом от 28 декабря 2013 № 380-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

С момента появления ст. 240.1 УК РФ, то есть за истекшее десятилетие, осуждены 35 человек¹, что объективно немного от общего числа². Признаем при этом, что официальные статистические данные не отражают реальное количество преступных деяний, предусмотренных данной уголовно-правовой нормой. Причины дисфункции ст. 240.1 УК РФ обусловлены следующим: несовершенством диспозиции (примечания); отсутствием разъяснений на уровне высшей судебной инстанции; высокой латентностью преступности; малозначительной судебной и правоприменительной практикой.

¹ Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК // Официальный сайт «Агентство правовой информации». URL: <https://stat.api-пресс.рф> (дата обращения: 26.10.2024).

² Согласно официальным статистическим данным, за истекшее десятилетие всего осуждено 6 433 661 человек.

Формулировка «сексуальные услуги», используемая законодателем в тексте статьи и примечании, – является поводом для научной дискуссии, поскольку фактически в ней указывается на неоднократность действий несовершеннолетнего, соответственно, можно согласиться с Н. Г. Шимбаревой, считающей, что указание в уголовном законе на множественное число «сексуальных услуг» «позволяет сделать вывод, что разовое получение сексуальной услуги несовершеннолетнего не содержит признаков рассматриваемого состава преступления»¹.

К. В. Дядюн отмечает, что сформулированные таким образом положения ст. 240.1 УК РФ вызывают некоторые трудности при квалификации деяний, выраженных в неоднократном получении сексуальных услуг несовершеннолетнего либо однократной сексуальной услуги нескольких несовершеннолетних. Полагаем, законодатель в очередной раз² не придал большого значения грамматическому числу сексуального феномена, что породило большое число проблем для правоприменителя.

Более того, законодатель не дает толкования понятиям «половая свобода» и «половая неприкосновенность». По мнению некоторых ученых, последнюю дефиницию можно определить как «...моральный и правовой запрет вступать в половые отношения с лицом, не обладающим половой свободой, из-за неспособности таких лиц понимать значение и последствия совершаемых в отношении них сексуальных действий или руководить своими поступками в половой сфере»³.

Л. Л. Кругликов утверждает: «Половая свобода касается права человека, достигшего определенного возраста (зрелости) самому решать, с кем и в какой форме удовлетворять свои сексуальные потребности»⁴. А. Г. Кибальника и И. Г. Соломоненко находят справедливым, что исключительно личность решает «страдает ли в результате совершенного с ним деяния ее половая свобода»⁵.

Анализ уголовного закона, в частности ст. 134 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что возраст «согласия» в России наступает при достижении несовершеннолетним возраста 16 лет. Вместе с тем административная

¹ Уголовное право. Особенная часть : Учебник для вузов в 2 томах / И. А. Подройкина [и др.]; отв. ред. : И. А. Подройкина, Е. В. Серегина, С. И. Улезько. 5-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2020. Т. 2. С. 153.

² Указание на множественное число возможно встретить в различных нормах уголовного закона: ст. 127.1 УК РФ («торговля людьми»), ст. 164 УК РФ («хищение предметов или документов»), ст. 245 УК РФ («жестокое обращение с животными»).

³ Российское уголовное право : Курс лекций в 3 томах / под. ред. А. И. Коробеева. Т. 3. Владивосток, 2000. С. 344.

⁴ Кругликов Л. Л. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л. Л. Кругликова. Москва, 2005. С. 368.

⁵ Кибальник А. Г., Соломоненко И. Г. Насильственные действия сексуального характера // Российская юстиция. 2001. № 8. С. 21.

ответственность по ст. 6.11 «Занятие проституцией» Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации установлена также с 16 лет, что подтверждает постоянство логики законодателя.

Анализ нормативных правовых актов показывает, что ведение сексуальной жизни несовершеннолетним в возрасте от 16 лет разрешен, однако возникает справедливый вопрос: «За что наступает уголовная ответственность, предусмотренная ст. 240.1 УК РФ?».

Значимыми представляются и другие вопросы: «Является ли несовершеннолетний потерпевшим по уголовному делу?», «Причиняется ли несовершеннолетнему какой-либо вред преступлением?». Для ответа проанализируем некоторые элементы состава преступления.

Мнений относительно объекта преступления немало. Одна часть ученых признает, что «основным непосредственным объектом преступления выступает общественная нравственность в сфере половых отношений»¹, другая — стоит на позиции, что непосредственный объект преступления — общественные отношения, обеспечивающие нравственное развитие несовершеннолетнего².

Без лишней полемики, ограничиваясь объемом публикации, констатируем, что общим и родовым объектом ст. 240.1 УК РФ выступают общественная безопасность и общественный порядок, видовым — здоровье населения и общественная нравственность. Основой непосредственный объект — общественная нравственность в сфере сексуальных отношений. Дополнительный — здоровье и половая неприкосновенность несовершеннолетнего лица.

И. В. Пантюхина полагает, что потерпевшая сторона отсутствует по причине того, что несовершеннолетний «совершает указанные в диспозиции статьи действия по собственному желанию, руководствуясь корыстной целью — получение вознаграждения»³.

С автором частично можно согласиться, так как часто поводом для обращения в правоохранительные органы со стороны несовершеннолетних, их законных представителей является невыплата обещанного вознаграждения. Вместе с тем анализ немногочисленной судебной практики показал, что вопрос о вознаграждении поднимали несовершеннолетние девушки⁴. Более

¹ Мальцева С. Н., Геранин В. В. Проблемы толкования и применения статьи 240.1 УК РФ // *Modern Science*. 2020. № 4-4. С. 127.

² Уголовное право России : Учебник в 2 томах / под ред. Н.Г. Кадникова. Т. 2. Москва : Издательский дом «Юриспруденция», 2018. С. 502.

³ Пантюхина И. В. Несовершеннолетний, оказывающий сексуальную услугу, не является потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 240. 1 УК РФ // *Актуальные вопросы борьбы с преступностью*. 2017. № 1. С. 17—19.

⁴ Приговор № 1-63/2017 от 05 мая 2017 г. / Мегионский городской суд (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 27.10.2024).

того, в решениях судов отсутствуют сведения о занятии проституцией (при отсутствии при этом ее легального определения¹) со стороны несовершеннолетних потерпевших либо о сексуальной эксплуатации со стороны осужденных мужчин, которым по итогу назначено наказание, иногда связанное с лишением свободы. Суды также не учитывают характер отношений между партнерами, разницу в возрасте, сущность, цель и размер «вознаграждения», и другие обстоятельства, по нашему мнению, имеющие значение для уголовного дела.

Показательным видится следующее мнение апелляционного суда. Девушка, не достигшая возраста 16 лет, добровольно вступила в интимные отношения с мужчиной, пообещавшим за это определенную сумму при общении по телефону, однако деньги передать при личной встрече не успел. Мать несовершеннолетней потерпевшей в суде пояснила, что дочь проституцией не занимается, то есть половой акт совершен безвозмездно, а вознаграждение предложено исключительно в качестве компенсации за уделенное время. Однако суд не принял во внимание какие-либо доводы осужденного, ссылаясь на то, что «дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 240.1 УК РФ, кроме общественной нравственности, является здоровье несовершеннолетнего, его половая неприкосновенность»².

Позволим себе напомнить, что понятие «половая неприкосновенность» применимо в отношении лиц, не достигших возраста 16 лет. Соответственно, выводы суда являются необоснованными, так как дополнительному объекту преступления вред не причинен, по крайней мере это не следует из апелляционного решения.

Рассмотренные проблемы – исключительно небольшая часть из существующих коллизий, возникших после введения ст. 240.1 УК РФ, что дает возможность констатировать низкий уровень эффективности уголовно-правовых норм, направленных на борьбу с проституцией несовершеннолетних и их эксплуатацией. Не умаляя значимости охраны прав и законных интересов будущего поколения и обращая внимание на особенности их психофизиологического развития, позволим сделать вывод о том, что ст. 240.1 УК РФ в действующей редакции нецелесообразна и требует существенных изменений (дополнений) либо декриминализации.

¹ Например, в ст.ст. 240, 241 УК РФ термин «проституция» использован как в названии уголовно-правовых норм, так и в диспозиции.

² Апелляционное постановление № 22-512/2019 от 13 июня 2019 г. / Костромской областной суд (Костромская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 27.10.2024).

ПРОВОКАЦИЯ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ КАК ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Алексей Андреевич РАДЧЕНКО

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия,
radchenko_alex@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы понимания и уголовно-правовой оценки провокации и фальсификации как должностных преступлений в правоохранительной сфере.

Автором анализируются проблемные аспекты применения статей 303 и 304 УК РФ.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за провокацию и фальсификацию как должностные преступления в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: должностные преступления, провокация, фальсификация, имитация, взятка, результаты оперативно-розыскной деятельности

Original article

PROVOCATION AND FALSIFICATION AS OFFICIAL CRIMES IN THE LAW ENFORCEMENT SPHERE

Alexey A. RADCHENKO

Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Irkutsk, Russia, radchenko_alex@mail.ru

Abstract: The article discusses the issues of understanding and criminal law assessment of provocation and falsification as official crimes in the law enforcement sphere.

The author analyzes problematic aspects of the application of Articles 303 and 304 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for provocation and falsification as official offenses in the law enforcement sphere.

Keywords: official crimes, provocation, falsification, imitation, bribery, results of operational investigative activities

Современный этап развития российского общества характеризуется негативными тенденциями развития и изменения криминальной ситуации, наблюдаются опасные качественные изменения преступности, в частности, повышение уровня ее латентности, профессионализма и организованности.

Абсолютно очевидно, что выявление, раскрытие и пресечение значительного числа указанных преступных проявлений, а также установление причастных к ним лиц возможно только путем эффективного осуществления оперативно-розыскной деятельности. В силу указанных обстоятельств, возрастает необходимость и актуальность вопросов применения уголовного законодательства при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, имеющихся в этой сфере противоречий и недостатков законодательной регламентации и практической реализации.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация), а также осуществлять фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Соответственно в уголовном законе содержатся корреспондирующие запреты — составы преступления «провокации взятки» (ст. 304 УК РФ) и фальсификации результатов ОРД (ч. 4 ст. 303 УК РФ).

Однако в уголовно-правовой доктрине не сформировалось единого понимания провокации и фальсификации как разновидностей должностных преступлений в правоохранительной сфере.

В общенаучном понимании, основанном на лингвистической трактовке, под провокацией (с лат. *provocatio*), понимается подстрекательство, побуждение кого-нибудь к таким действиям, которые могут повлечь за собой тяжелые для него последствия¹, действие с целью вызвать ответное действие, влекущее за собою тяжелые или гибельные последствия². В русле указанного понимания в ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» законодатель определяет провокацию через подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме.

Из данного смысла в целом исходят и науки уголовно-правового цикла

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1986. С. 525.

² Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: толково-образовательный. М., 2000. С. 286.

при понимании провокации как разновидности уголовно-значимого поведения¹. Так, Б. В. Волженкин указывал, что «суть провокации состоит в том, что провокатор сам возбуждает у другого лица намерение совершить преступление с целью последующего изобличения этого лица либо его шантажа, создания зависимого положения и т.п.»².

Указанный подход нашел отражение и развитие в практике и разъяснениях российского высшего судебного органа. Так, согласно п. 7.2 Обзора судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, утвержденного³, под провокацией сбыта судам следует понимать подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ).

В свою очередь, в п. 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019⁴ говорится о действиях сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, на принятие взятки или предмета коммерческого подкупа.

Указанные действия совершаются в нарушение требований ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и состоят в передаче взятки или предмета коммерческого подкупа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено.

¹ Жарких И. А. Провокация преступления в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 9, 20—21; Мастерков А. А. Уголовно-правовые и криминологические аспекты провокационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. С. 9; Назаров А. Д. Провокации в оперативно-розыскной деятельности. М., 2010. С. 15. и др.

² Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 43

³ Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Однако единообразному пониманию провокации в уголовном праве препятствует наличием состава преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. Как отмечает П. С. Яни, в ст. 304 УК РФ законодателем использован приемом, когда слово русского языка начинает использоваться в качестве специального юридического термина, имеющего в соответствующем контексте особое уголовно-правовое содержание¹.

В ст. 304 УК РФ предусматривается уголовная ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа, то есть попытку передачи должностному лицу либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа.

Как уточняется в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 ответственность по ст. 304 УК наступает лишь в случае, когда попытка передачи (передача) денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания услуг имущественного характера осуществлялась только в целях искусственного формирования доказательств совершения преступления или шантажа, когда должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, свидетельствующих о таком согласии, либо прямо отказалось от получения незаконного вознаграждения ранее.

Таким образом, по смыслу ст. 304 УК РФ «провокацией» можно признать лишь такие действия, как подбрасывание предмета как бы взятки или подкупа в кабинет (рабочий стол) либо иные манипуляции, направленные на то, чтобы «всучить» (путем обмана, насилия или введения в заблуждение) ему предмет как бы взятки или подкупа с целью осуществления непосредственного за этим «задержания с поличным» и «разоблачения» потерпевшего, а также перечисление денежных средств на счета в банке без ведома должностного лица, оформление перехода имущества и т.д.².

Следовательно, как подчеркивал Б. В. Волженкин, неудачная формулировка ст. 304 УК РФ в законе породила различные, подчас прямо противоположные ее толкования³. Например, к весьма парадоксальному выводу можно прийти при буквальном прочтении п. 34 Постановления Пленума

¹ Яни П. С. «Проверка на честность», или уголовно-правовые основания выявления взяточничества // Законность. 2007. № 1. С. 34.

² Волженкин Б. В. Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 313; Егорова Н. Провокация взятки либо коммерческого подкупа // Российская юстиция. 1997. № 8. С. 26; Яни П. С. Провокация взятки // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 1. С. 97. и др.

³ Волженкин Б. В. Допустима ли провокация как метод борьбы с коррупцией? // Российская юстиция. 2001. № 5. С. 44.

Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, в котором говорится о необходимости отграничения провокации взятки от действия сотрудников правоохранительных органов, спровоцировавших лицо на принятие взятки. С точки зрения формальной логики речь идет о идентичных фактах, но в контексте действующего уголовного законодательства приходится изыскивать различные контекстуальные оттенки.

Как обоснованно подчеркивает В. Д. Иванова: «Сопоставление ст. 304 УК РФ с общим теоретическим понятием провокации преступлений показывает, что в ней ни о какой провокации речи не идет.... Для провокации преступления обязательно требуется, чтобы провокатор добился согласия на принятие указанными лицами предмета взятки либо коммерческого подкупа, о чем он в последующем и сообщает в органы власти с разоблачением о совершении преступления спровоцированными им лицами»¹. В.Н. Борков резюмирует, что при совершении преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, никто никого ни на что не провоцирует, виновный только инсценирует получение взятки потерпевшим, который ничего получать не собирался².

В свою очередь, с позиций языкознания «фальсификация» (с лат. falsificare — подделывать) означает «подделывание чего-либо; подмена чего-либо подлинного ложным, мнимым; искажение с целью выдать за подлинное, настоящее»³. Следовательно, преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 303 УК РФ, заключается в различных формах искажения и подделки результатов ОРД со стороны сотрудников правоохранительных органов, уполномоченных на проведение оперативно-разыскных мероприятий⁴.

Так, в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия»⁵ указывается, что под фальсификацией результатов ОРД, ответственность за которую предусмотрена ч. 4 ст. 303 УК РФ, следует понимать, в частности, умышленное внесение уполномоченным должностным лицом в документы, представляемые органу дознания, следователю, налоговому органу или в суд в порядке, предусмотренном ведомственными нормативными актами, заведомо недостоверных сведений

¹ Иванов В.Д. Правовые последствия оперативного эксперимента // Сборник научных трудов РГЭА. Ростов н/Д., 1996. С. 32.

² Борков В. Н. Преступления, совершаемые при осуществлении правосудия, предварительного расследования и оперативно-разыскной деятельности. Омск, 2022. С. 142.

³ Ожегов С. И. Указ. соч. С. 737.

⁴ Быкова Е. Г., Казаков А. А. Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьями 303 Уголовного кодекса Российской Федерации: учебное пособие. М., 2022. С. 132; Дворянсков И. В. Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 186; Халиков А. Фальсификация результатов оперативно-разыскной деятельности // Уголовное право. 2013. № 2. С. 62. и др.

⁵ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 20. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

о результатах оперативно-разыскной деятельности, в том числе о проведении или непроведении того или иного оперативно-разыскного мероприятия, его участниках, сроке и порядке осуществления, выявленных признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление, представление указанным органам в качестве объектов, полученных при проведении оперативно-разыскных мероприятий, поддельных носителей информации или иных предметов.

С учетом того, что результаты ОРД представляют собой единство сведений (информационный продукт) и формы их получения и фиксации, возможно два основных пути незаконного воздействия на них:

—искажение сведений о событиях (внесение заведомо ложных сведений в оперативно-служебные документы о проведении ОРМ, монтаж аудиозаписи разговора, искажение содержания телефонных переговоров при составлении сводки ПТП и др.)

—нарушения порядка получения и закрепления информации (подделка документов, служащих основанием для проведения ОРМ: постановления суда или руководителя органа, осуществляющего ОРД; подделка документов, отражающих подготовку, ход и результаты проведения ОРМ; проведение оперативного эксперимента или проверочной закупки без разрешения руководителя органа, осуществляющего ОРД).

Представляется, указанные базовые способы зачастую синтезируются, т.к. наиболее распространенными способами фальсификации результатов ОРД является получение не соответствующей действительности информации без проведения или в процессе незаконного проведения ОРМ (проведение оперативного эксперимента по факту получение взятки без наличия соответствующей информации, сопряженное с имитацией или обманным вручением денежных средств; подбрасывание наркотических веществ с дальнейшим их изъятием и оперативным документированием).

Таким образом, фальсификация всегда связан с определенным искажением информации, имеющей уголовно-релевантный характер (доказательств или результатов ОРД), путем незаконных действий с носителями такой информации в нарушение установленных процедур.

Как подчеркивает Г. Г. Радионов: «С учетом специфика предмета преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ, перечень способов фальсификации результатов ОРД, по сравнению с фальсификацией доказательств, может быть расширен за счет подбрасывания предметов и документов, при условии, что соответствующие действия осуществлены в рамках

производства оперативно-разыскных мероприятий лицами, уполномоченным на их проведение»¹.

Однако, по нашему мнению, для квалификации по ч. 4 ст. 303 УК РФ рассматриваемых действий способ фальсификации должен приобретать составной характер и включать как фактическое подкладывание или подбрасывание предметов, так и соответствующее незаконное оформление в рамках проводимых ОРМ. При этом обязательным условием квалификации выступает специальный субъект — лицо, уполномоченное на проведении ОРМ.

В данном случае наблюдается совпадение провокации в понимании ст. 304 УК и фальсификации как способа совершения преступления в ч. 4 ст. 303 УК РФ. В данном случае «провокация взятки» (фактически инсценировка), при ее совершении оперативными сотрудниками правоохранительных органов или по их заданию конфидентами правоохранительных органов, фактически может выступать одним из этапов составного способа фальсификации результатов ОРД и в дальнейшем возможной фальсификации доказательств.

Попытка передачи денег формирует видимость совершения преступления, т.е. недостоверную основу осуществления ОРМ и доказывания. В данном случае фальсификация результатов ОРД происходит путем умышленного внесения недостоверных сведений в оперативно-служебные материалы для дальнейшего возможного использования для незаконного уголовного преследования лица путем передачи результатов ОРД следователю или в суд для использования в качестве доказательств.

В этой связи, по оценкам значительного числа специалистов, ст. 304 УК РФ выступает в качестве разновидности (частного случая)² или подготовительного этапа³ совершения преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ.

При этом, ч. 4 ст. 303 УК РФ может применяться и для квалификации действий должностных лиц правоохранительных органов, осуществляющих провокационные действия и по существу незаконное проведение ОРМ по документированию передачи взятки или предмета коммерческого под-

¹ Радионов Г. Г. Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 19.

² Иванов В. Д. Указ. соч. С. 32; Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2002. С. 894; Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005. С. 188; Шкабин Г. С. Понятие провокации преступления в отечественном законодательстве // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве: материалы междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2015. С.174—175.

³ Сабитов Р. А. Криминальные обманы и фальсификации. М., 2019. С. 341.

купа с согласия или по предложению должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, когда такое согласие либо предложение было получено в результате склонения этих лиц к получению ценностей при обстоятельствах, свидетельствующих о том, что без вмешательства сотрудников правоохранительных органов умысел на их получение не возник бы и преступление не было бы совершено. Таким образом, наблюдается неразрывная связь между провокационными действиями по созданию условий для совершения взяточничества и их незаконным оформлением в виде результатов ОРД.

Научная статья

УДК 343.213.1

К ВОПРОСУ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ЗАПРОСАМ ОБ ОКАЗАНИИ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ

Аскар Канатович РАХМЕТОЛЛОВ

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, город Косшы, Казахстан, askar-step87@mail.ru

Аннотация. Одной из актуальных проблем является нарушение прав предпринимателей, которые относятся к стратегически важному сектору общественных отношений, обеспечивающего экономическую активность населения и жизнедеятельность государства.

В статье автор обращает внимание на проблемные аспекты правоприменительной деятельности в вопросах исполнения запросов об оказании правовой помощи по принципу «приоритета содержания над формой», правомерности вовлечения субъектов бизнеса в орбиту уголовного преследования, а также на необходимость смещения акцентов на предупреждение правонарушений, с уголовно-правовой в гражданскую и административную плоскости государственного регулирования, где затрагиваются права предпринимателей и инвесторов.

Ключевые слова: предприниматель, инвестор, защита, правоохранительный орган, административный орган, международное сотрудничество, запрос, правовая помощь.

**ON THE ISSUE OF PROTECTING THE RIGHTS OF ENTREPRE-
NEURS IN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL
COOPERATION ON REQUEST ABOUT PROVIDING
LEGAL ASSISTANCE**

Askar K. RAKHMETOLLOV

Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of
the Republic of Kazakhstan, Kosshy, Kazakhstan, askar-step87@mail.ru

Abstract. One of the urgent problems is the violation of the rights of entrepreneurs, who belong to a strategically important sector of public relations that ensures the economic activity of the population and the vital activity of the state.

In the article, the author draws attention to the problematic aspects of law enforcement activities in the execution of requests for legal assistance on the principle of «priority of content over form», the legality of involving business entities in the orbit of criminal prosecution, as well as the need to shift the emphasis on the prevention of offenses, from criminal law to civil and administrative planes of state regulation, which affect the rights of entrepreneurs and investors.

Keywords: entrepreneur. investor, protection, law enforcement agency, administrative body, international cooperation, inquiry, legal assistance.

В условиях глобализации экономических процессов и расширения международных коммерческих связей вопрос защиты прав предпринимателей приобретает особую актуальность.

Обретение независимости и определение Республики Казахстан как самостоятельного государства в мировом сообществе требовало развития ряда направлений, в том числе и предпринимательского сектора. Социальная и экономическая важность данного института обусловлена множеством вопросов, среди которых: пополнение государственного бюджета; создание рабочих мест, занятость населения; развитие здоровой конкуренции, которая благоприятно отражается на сокращении расходования бюджетных средств, привлечение внешних инвестиций.

В настоящее время гарантированы права, свободы и законные интересы предпринимателей, инвесторов, имеется соответствующая законодательная база, функционируют различные институты, среди которых не только финансово-экономические, административные органы и организации, но и правоохранительные органы, которые обеспечивают защиту прав,

свобод и законных интересов анализируемых субъектов.

В теории государства и права защита прав человека является обязательным элементом права, вне зависимости от времени и пределов его действия, внутри государства либо на международном уровне.

В данном контексте мы разделяем мнение И. Н. Соловьева, который в широком смысле под защитой прав предпринимателей понимает «...комплекс мер, реализуемых институтами государства, самими предпринимателями, а также иными участниками общественных отношений в данной сфере, направленных на реализацию прав и соблюдение законных интересов субъектов предпринимательской деятельности...»¹.

Никоим образом не критикуя наработанный опыт и сложившуюся правоприменительную практику, в рамках настоящего исследования полагаем возможным обратить внимание на отдельные проблемные аспекты, с которыми сталкиваются предприниматели и представители правоохранительных органов, в том числе в международном пространстве.

На международном уровне предприниматели могут сталкиваться с различными правовыми системами и нормами. Вступая в деловые отношения в международной среде, предприниматели подвергаются множеству рисков, которые связаны с неправомерными действиями контрагентов, представителей административных органов, коррупцией и другими обстоятельствами.

Важным инструментом для решения правовых споров и обеспечения защиты прав, свобод и законных интересов предпринимателей является международное сотрудничество для предупреждения неправомерных действий, создания благоприятной бизнес-среды.

В целом, правовая помощь в международном сотрудничестве подразумевает взаимодействие между государствами с целью предоставления информации, оказания содействия в разрешении разбирательств и обеспечении исполнения принятых решений.

Такое взаимодействие ориентировано на защиту прав предпринимателей, создание единого правового поля для работы в различных юрисдикциях.

Как всем известно, к числу элементов международных механизмов, которые способствуют защите прав предпринимателей, относятся: двусторонние и многосторонние соглашения государств; международные организации, которые ориентированы на активное поддержание прав предпринимателей; альтернативные формы разрешения споров, которые способствуют быстрому и эффективному разрешению конфликтов на

¹ Соловьев И. Н. О мерах по поддержке предпринимательства и снижению административных барьеров для бизнеса // Административное право и процесс. 2013. № 9. С. 27—30.

международной арене.

Принимая во внимание масштабы рассматриваемого вопроса и установленные пределы по изложению материала, в настоящем исследовании рассмотрены отдельные проблемные аспекты, с которыми сталкиваются предприниматели, административные и правоохранительные органы в рамках международного сотрудничества.

Среди ученых и практиков ведутся активные дискуссии относительно нарушения прав предпринимателей, инвесторов, воспрепятствования их законной деятельности. Уделяется внимание вопросам уголовной ответственности за такие неправомерные деяния.

В рамках криминологического форума по защите бизнеса, проведенного в 2019 году в Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан И. Ш. Борчашвили справедливо отметил необходимость обращения внимания на сферу гражданского, административного регулирования процессов, затрагивающих права предпринимателей, предупреждение их нарушений¹.

На наш взгляд, сформировалась необходимость смещения акцентов и рассмотрения отдельных оснований вовлечения предпринимателей в орбиту уголовного преследования, что позволит точно определить не только проблемные аспекты деятельности органов уголовного преследования, но и установить недостатки уполномоченных государственных органов и организаций.

Одним из индикаторов проводимых мероприятий по обеспечению благоприятного инвестиционного климата являются статистические показатели, в том числе и в сфере уголовного процесса, которые позволяют анализировать вопросы вовлечения предпринимателей в орбиту уголовного преследования.

Статистические данные относительно деятельности правоохранительных органов по отдельным составам уголовных правонарушений, по нашему мнению, могут свидетельствовать о необоснованном вовлечении предпринимателей в уголовный процесс, что обусловлено, в первую очередь, недостатками административного регулирования уполномоченных органов, инициирующих соответствующие вопросы перед правоохранительными органами.²

К примеру, выборочным анализом уголовных дел, возбужденных в

¹ О Криминологическом форуме по вопросам защиты прав предпринимателей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://academy-gp.kz/?p=5094&lang=ru>. (дата обращения 18.11.2024).

² Рахметоллов А. К., Бекишева С. Д., Киздарбекова А. С. Проблемы защиты прав предпринимателей в правоприменительной практике государственных органов // Вестник Академии правоохранительных органов. 2020. №2 (16). С. 98—107.

рамках ранее действовавшей ст. 235 Уголовного кодекса Республики Казахстан № 226-V от 03 июля 2014 года (далее — УК РК)¹, по которым территориальным департаментом службы экономических расследований принято процессуальное решение о прекращении производства, установлено следующее.

В соответствии с диспозицией декриминализированной в июле 2023 года² ст. 235 УК РК, ответственность за уголовное правонарушение наступала в случае невыполнения требования о репатриации национальной и (или) иностранной валюты путем невозвращения из-за границы лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, или индивидуальным предпринимателем средств в национальной и (или) иностранной валюте в крупном размере, подлежащих обязательному зачислению в соответствии с валютным законодательством Республики Казахстан, на счет в банке.

Предварительное следствие по указанным делам производилось следователями службы экономических расследований согласно пункту 3-1 ст. 187 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан № 231-V от 04 июля 2014 года (далее – УПК РК)³.

К примеру, порядка 70% всех уголовных дел, находившихся в производстве службы экономических расследований по статье 235 УК РК были прекращены по подпункту 6) части 1 ст. 35 УПК РК, ввиду повышения суммы крупного размера невозвращенных из-за границы средств в национальной и иностранной валюте с пятнадцати тысяч до сорока пяти тысяч месячных расчетных показателей согласно принятому Закону «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства» № 217-VI от 21 января 2019 года⁴.

Мы понимаем, что повышение суммы крупного размера невозвращенных средств, как и декриминализация самой ст. 235 УК РК, ориентированы на защиту мелкого и среднего законного бизнеса и в

¹ Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. № 226-V [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

² Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам возврата государству незаконно приобретенных активов» от 12 июля 2023 г. № 23-VIII [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2300000023#z110>

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231#z3895>.

⁴ Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам усиления защиты права собственности, арбитража, оптимизации судебной нагрузки и дальнейшей гуманизации уголовного законодательства» от 21 января 2019 г. № 217-VI [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000217>.

определенной степени могут способствовать ослаблению борьбы с теневой экономикой, выводом капитала и уходом от уплаты налогов недобросовестных предпринимателей. Однако, по нашему мнению, данная мера не является полным решением проблемы для законного бизнеса.

Из материалов досудебного расследования следует, что по всем случаям основанием для регистрации в едином реестре досудебных расследований (далее — ЕРДР) послужили обращения Национального банка Республики Казахстан (далее — Национальный банк РК), осуществляющего мониторинг валютных операций, в соответствии с пунктом 1 ст. 13 Закона Республики Казахстан «О валютном регулировании и валютном контроле» № 167-VI от 02 июля 2018 года¹.

Так, по обращению Национального банка РК была произведена регистрация в ЕРДР службы экономических расследований Департамента государственных доходов по городу Астана по статье 235 УК РК в отношении руководства ТОО «К.» по факту невозвращения из-за границы денежных средств на сумму свыше 12 миллионов рублей в рамках контракта, заключенного с российской компанией ООО «П.» — поставщиком мяса птицы.

В свою очередь, из пояснений ТОО «К.» следовало, что нерезидентом обязательства по контракту были исполнены, что в последующем подтвердилось материалами досудебного расследования, дополнительным ответом Департамента налогового контроля Комитета государственных доходов Министерства финансов Республики Казахстан о таможенном оформлении товара через границу государства.

Проведение досудебного расследования сопровождалось прерыванием сроков, ввиду направления запроса в Российскую Федерацию об оказании правовой помощи и ожиданием поступления ответа 21 месяц (порядка двух лет), а также назначением экономического исследования для определения объема и суммы фактически поставленного товара ТОО «К.».

Согласно итоговому заключению криминалистического отдела службы экономических расследований, предоставленным по документам ТОО «К.», разница между перечисленной ТОО «К.» суммой денежных средств и суммой поставленного товара в его адрес в рамках контракта составила 35 тысяч тенге, что послужило основанием для прекращения уголовного дела по истечении трех лет².

Приведенный пример по декриминализированной статье 235 УК РК, свидетельствует о проявляющихся пробелах в механизме мониторинга

¹ Закон Республики Казахстан «О валютном регулировании и валютном контроле» от 2 июля 2018 г. № 167-VI [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1800000167>.

² Архивные материалы прекращенных уголовных дел, а также судебные акты, размещенные на электронных ресурсах Верховного Суда Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://office.sud.kz>

валютных операций, обмена информацией между Национальным банком РК и органами государственных доходов, недостатках установления граней разрешения гражданско-правовых споров и постановки вопроса ответственности лиц, подпадающих под экспортно-импортный валютный контроль.

Указанное обстоятельство вызывает вопросы относительно правомерности уголовного преследования ТОО «К.», фактического взаимодействия Национального банка с органами государственных доходов, своевременности исполнения запроса об оказании правовой помощи в рамках международного сотрудничества.

В сложившейся ситуации правоохранительные органы фактически рассматриваются как «инструмент сбора информации» для административного органа. Полагаем, что установление сопутствующего мониторинга валютных операций Национального Банка РК с уполномоченными органами других государств с момента регистрации паспорта сделки до завершения его исполнения, а также страхование сторонами договорных обязательств рисков их неисполнения способствовало бы оптимизации затрачиваемых ресурсов.

На наш взгляд, следует обратить особое внимание вопросам качества и своевременного исполнения запросов об оказании правовой помощи по принципу «приоритета содержания над формой», которые имеют прямое влияние на процессы, связанные с вовлечением предпринимателей, инвесторов в орбиту уголовного преследования.

Экономическое развитие государства предполагает повышение инвестиционной привлекательности, увеличение потоков и размеров движения капитала как внутри государства, так и за его пределами.

Приведенные проблемные аспекты правоприменения декриминализированной нормы УК РК не носят исчерпывающий характер, а лишь свидетельствуют о необходимости исследования отдельных составов уголовных правонарушений в целях минимизации вовлечения предпринимателей в орбиту уголовного преследования и смещения акцентов деятельности уполномоченных органов в административную и гражданскую плоскость.

Защита прав предпринимателей в рамках международного сотрудничества по запросам об оказании правовой помощи является важным аспектом успешного функционирования мировой экономики. Необходимо продолжать развивать международные инструменты и механизмы, направленные на предотвращение правонарушений и защиту интересов бизнеса, а также повышать уровень доверия предпринимателей и инвесторов к государственным институтам. Это позволит создать более стабильную среду, способствующую экономическому росту и развитию.

Научная статья
УДК 343.615.2

ЗАПРЕТ ПЫТОК В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

Рафхат Чайзаданович РАХМЕТЧАНОВ

Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре
Республики Казахстан, город Косшы, Казахстан,
Grek1973004.rr@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы реализации конституционного запрета пыток в уголовном законодательстве Казахстана.

Обращается внимание на современное состояние обеспечения запрета пыток в уголовном законодательстве Казахстана.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за пытки в уголовном законодательстве Казахстана.

Ключевые слова: уголовное законодательство Казахстана, насильственные преступления, пытки

Original article

PROHIBITION OF TORTURE IN MODERN CONSTITUTIONAL LAW

Rafkhat C. RAKHMETCHANOV

Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office
of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, Kazakhstan,
Grek1973004.rr@gmail.com

Abstract. The article discusses some of the problems of implementing the constitutional prohibition of torture in the criminal legislation of Kazakhstan.

Attention is drawn to the current state of ensuring the prohibition of torture in the criminal legislation of Kazakhstan.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on responsibility for torture in the criminal legislation of Kazakhstan.

Keywords: criminal legislation of Kazakhstan, violent crimes, torture

Защита конституционных прав и свобод граждан в уголовном процессе является одним из приоритетных направлений прокурорского надзора.

Ст. 17 Конституции Республики Казахстан предусматривает запрет на применение пыток, согласно которой никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию.

С учетом актуальности и важности проблемы, Глава государства в марте 2022 года в своем Послании указал о необходимости возложения расследования дел о пытках именно на органы прокуратуры. В связи с этим, были внесены изменения в законы, и с января 2023 года расследование по делам о пытках теперь производится исключительно органами прокуратуры. Нужно отметить, что борьба с незаконными методами следствия, в том числе с применениями пыток началась еще раньше.

В 1998 году наша страна присоединилась к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания.

В 2002 году пытки выделены в отдельную статью УК РК, а с 2011 года закреплены в отдельной Главе преступлений против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина.

Органами прокуратуры принимаются максимальные меры, для того чтобы исключить факты совершения пыток в отношении участников уголовного процесса. 31 декабря 2022 года приказом Генерального Прокурора Республики Казахстан утверждена Инструкция «Об организации досудебного расследования в органах прокуратуры уголовных дел о пытках». 09 января 2023 года по инициативе Генеральной прокуратуры Республики Казахстан подписан совместный приказ с Агентством по противодействию коррупции, Агентством по финансовому мониторингу и Министерством внутренних дел «Об утверждении Инструкции по обеспечению соблюдения конституционных прав и свобод граждан на стадии досудебного расследования и исполнения наказания».

Главной целью этого документа является повышение эффективности мер по противодействию пыткам и другим недозволенным методам расследования.

Приказом закреплены следующие основные положения: — доставление граждан в правоохранительные органы только при наличии достаточных данных; — запрет на проведение переговоров, бесед, опросов с лицами, чей процессуальный статус не определен; — задержанные и доставленные лица должны быть незамедлительно сопровождены в специальные каби-

неты (в случае наличия) для производства следственных действий; — персональная ответственность руководителей территориальных правоохранительных органов за обеспечение законности и обоснованности привода, доставления и задержания граждан, а также недопущение пыток и иного жестокого бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Также предусмотрено требование о проведении привода, доставления и задержания граждан с применением видеозаписывающих устройств, в том числе видео жетонов, которыми сотрудники полиции, в том числе оперативная группа обеспечены.

Актуальность всесторонней борьбы с пытками как грубого нарушения общепризнанных прав человека еще раз подтвердил тринадцатый Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию, состоявшийся 12—19 апреля 2015 г.

В принятой на нем Дохинской декларации акцентируется необходимость проявлять на национальном и международном уровнях «должную осмотрительность для предупреждения и противодействия актам насилия; а также принимать эффективные законодательные, административные и судебные меры в целях предупреждения, уголовного преследования и наказания за все формы пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания и с целью искоренения безнаказанности».

Все государства — члены Организации Объединенных Наций единогласно выразили свое согласие со ст. 5 Всеобщей декларации прав человека: «Никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению и наказанию». Конвенция против пыток не только конкретизировала это декларативное положение, но и наделила абсолютный запрет пыток и других бесчеловечных видов обращения и наказания особым статусом, сделав его принципом международного права, не допускающим никаких исключений и отступлений.

Органами прокуратуры Республики Казахстан на постоянной основе принимаются комплексные меры по противодействию пыткам, гражданам разъясняется их право на обращение за защитой в компетентные органы при применении к ним недозволённых методов следствия.

В этих же целях, прокуратурой совместно с органами полиции проведены межведомственные совещания и до каждого сотрудника полиции доведены требования о недопущении фактов применения пыток, недозволённых методов следствия. В каждом здании полиции установлены видеокамеры, принимаются меры по их установке в кабинетах следователей и дознавателей.

Прокурор, получивший заявление (сообщение) о пытках, либо установивший факт применения пыток, незамедлительно производит его регистрацию в информационной системе «Единый реестр досудебных расследований» с одновременным проведением неотложных следственных действий.

При этом, регистрация заявления (сообщения) о пытках, о которых было заявлено в судебном заседании, возлагается на прокурора, участвующего в суде.

Так, в соответствии с п. 13 Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 28 декабря 2009 года №7 «О применении норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства по вопросам соблюдения личной свободы и неприкосновенности достоинства человека, противодействия пыткам, насилию, другим жестоким или унижающим человеческое достоинство видам обращения и наказания» суд обязан принять предусмотренные законом меры к незамедлительному рассмотрению обращения о пытках, о чем выносит постановление, которым возлагает на прокурора проведение соответствующей проверки.

Прокурором каждое такое обращение регистрируется, тщательно проверяется и исследуется с учетом материалов дела и дается правовая оценка.

Вместе с тем, необходимо отметить, что имеются и факты, когда подозреваемые, подсудимые ложно заявляют о недозволенных методах следствия с целью защитить себя и уйти от ответственности.

В таких случаях, после проведенного досудебного расследования, уголовные дела прекращаются за отсутствием состава преступления.

Очевидно, что законодательно закрепленный абсолютный запрет пыток (ни под каким предлогом, ни при каких исключительных обстоятельствах, чрезвычайного положения, борьбы с терроризмом и т.д.) и криминализацию пыток и жестокого обращения с людьми в местах принудительного содержания можно рассматривать как базовую основу искоренения этих видов преступного нарушения прав человека. Важными составляющими комплексного решения данной проблемы являются выяснение причин пыток и других форм жестокого обращения и унижения человеческого достоинства и борьба с ними, ликвидация имеющихся несоответствий между законодательством и его практическим применением, а также контроль мест принудительного содержания органами государственной власти, судебный контроль, ведомственный контроль, общественный контроль.

Необходимо обеспечивать соответствующую правовую подготовку не только представителей контролирующих органов и судебной системы, но и сотрудников пенитенциарной системы, правоохранительных органов,

медицинских работников и других служащих, имеющих дело с лицами, лишенными свободы, по вопросу категорического запрещения пыток и связанных с ними форм практики, включая в том числе изучение «международных руководящих принципов в отношении оценки состояния лиц, утверждающих, что они подвергались пыткам и жестокому обращению; при расследовании дел о предполагаемом применении пыток и представлении результатов такой оценки и расследования судебному или какому-либо иному органу расследования».

В условиях информационного общества создаются дополнительные возможности для профилактики форм жестокого обращения благодаря использованию современных технических устройств.

Таким образом, можно сказать, что вопрос борьбы с пытками должен стоять перед всеми заинтересованными государственными органами, общественностью, журналистами, международными организациями.

Решению этой проблемы необходимо придавать большое значение, так как пытки несут в себе угрозу для социально-экономической стабильности страны в целом.

Именно комплексные подходы в борьбе с пытками позволят предотвратить преступления более эффективно и оказать должную помощь пострадавшим от жестокого обращения. Эти и другие меры будут способствовать реализации заявленной всеми государствами цели: предотвращению пыток, обеспечению прав человека, демократии и верховенства закона.

Научная статья

УДК 343.211

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ГУМАНИЗМА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Татьяна Сергеевна РАЧКОВСКАЯ

Управление МВД России по Калининскому району г. Санкт-Петербурга,
Санкт-Петербург, Россия, trachkovskaya3@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются характерные черты реализации принципа гуманизма в уголовном праве России. Проводится общий анализ применения принципа гуманизма в различных статьях уголовного права.

В статье обосновывается, что главной целью уголовного права является обеспечение правовой защиты личности, общества и государства.

Сделан вывод о важности данного процесса для стабилизации государства и развития уголовного права Российского государства.

Ключевые слова: принципы уголовного права, принцип гуманизма, правовая защита личности, уважение прав и достоинств человека, уважение к человеческой личности

Original article

THEORETICAL ASPECTS OF THE MANIFESTATION OF HUMANISM IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Tatiana S. RACHKOVSKAYA

Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Kalininsky district of St. Petersburg, St. Petersburg, Russia, trachkovskaya3@mail.ru

Abstract. The article examines the characteristic features of the implementation of the principle of humanism in Russian criminal law. A general analysis of the application of the principle of humanism in various articles of criminal law is carried out.

The article substantiates that the main purpose of criminal law is to ensure the legal protection of individuals, society and the state.

The conclusion is made about the importance of this process for the stabilization of the state and the development of the criminal law of the Russian state.

Keywords: principles of criminal law, the principle of humanism, legal protection of the individual, respect for human rights and dignity, respect for the human person

В настоящее время в связи с нестабильной обстановкой на международной арене из-за совершения некоторыми странами недружественных действий по отношению к Российской Федерации возникла необходимость обеспечить единство российского государства. Именно для этого следует обеспечить действие принципа гуманизма как одного из главных принципов в нормах уголовного права.

Одним из главных принципов уголовного законодательства, пожалуй, является принцип гуманизма. По мнению А. Т. Золоева, принцип гуманизма берет свое начало в положении ст. 2 Конституции Российской Федерации, где закреплено положение о правах и свободах человека и гражданина как наивысшей ценности государства, а также в положении ст. 21 Конституции Российской Федерации, где закреплено положение о недопустимости при-

менения пыток и невозможности применения наказания, унижающего человеческое достоинство¹.

Принцип гуманизма принято рассматривать в двух аспектах: как защита интересов гражданина и как невозможность применения жестокого наказания виновному лицу.

В науке уголовного права многие авторы имеют разные точки зрения относительно сущности принципа гуманизма.

Согласно мнению Ююкиной М. В., принцип гуманизма в уголовном праве представляет собой особую систему требований, характеризующих субъекта уголовного права как ценность, который имеет права и свободы, а также защищен государством².

По мнению Н. А. Смалевой, принцип гуманизма в уголовном праве является составляющей методологии уголовного права, необходимой для вычисления количества и качества преступлений и наказаний с целью реализации норм права³.

Все же большинство авторов предлагают рассматривать принцип гуманизма как основополагающее начало, которое выражается в следующих аспектах:

- Обеспечение безопасности человека,
- Запрет на унижение человеческого достоинства.

Данное определение не зря поддерживается большим количеством специалистов в области уголовного права, так как данная характеристика показывает два начала, которые закреплены на законодательном уровне.

Данное двуначало также имеет свою значимость: так как указывает на важность данного начала и обуславливает правовую сущность. Сущность принципа гуманизма состоит в том, чтобы соблюдать баланс соблюдения прав и свобод человека и назначенного наказания⁴.

Т. Р. Сабитов при определении принципа гуманизма в уголовном праве обращает внимание на невозможность применения мер уголовной ответственности к лицу, которое совершило преступление, для причинения физических страданий или унижения человеческого достоинства, этот запрет делает ссылку на положения Конституции Российской Федерации⁵.

¹ Золоев А. Т. Реализация принципа гуманизма в уголовном праве // Юридический факт. 2019. № 55. С. 43; Уголовное право. Общая часть: учебник / Шиян В. И., Борисов А. В., Новиков В. А., Афанасьева О. Р. М., 2020. С. 24—25

² Ююкина М. В. Принцип гуманизма в уголовном, уголовно-исполнительном праве и уголовной политике и его реализация при назначении наказания: автореф. дис. канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 8.

³ Смалева Н. А. Гуманизм и проблемы защиты прав и свобод несовершеннолетних в российском уголовном праве: автореф. дис. канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 8.

⁴ Золоев А. Т. Реализация принципа гуманизма в уголовном праве // Юридический факт. 2019. № 55. С. 43; Уголовное право. Общая часть: учебник / Шиян В. И., Борисов А. В., Новиков В. А., Афанасьева О. Р. М., 2020. С. 24—25.

⁵ Сабитов Т. Р. Уголовно-правовые принципы: понятие, система и виды: дис. ... докт. юрид. наук.

В настоящее время в науке уголовного права имеется дискуссия между авторами по поводу трактования «безопасности человека».

Э. Ю. Лапытова полагает, что данную категорию следует трактовать как состояние безопасности лица, совершившего преступление, от внешних воздействий и состояние защищенности общества от преступных действий лица. Данной точки зрения придерживается также Е. В. Нечаева¹.

Представляется наиболее правильной точка зрения К.В. Чемеринского, который утверждает, что принцип гуманизма предполагает обеспечение безопасности всех существующих общественных отношений, в которых главным звеном является человек с его правами и свободами².

Проведя анализ существующих точек зрения, следует сделать вывод о том, что принцип гуманизма представляет собой механизм, который обеспечивает безопасность всех участников уголовно-правовых отношений. Для реализации данного принципа, в государстве создаются различные институты, к примеру, институт освобождения от наказания, институт условного осуждения и т.д., которые призваны реализовывать закрепленный принцип гуманизма.

Текст статьи Уголовного кодекса, где закреплен принцип гуманизма, на наш взгляд, имеет достаточно формальное закрепление, что влечет за собой непонимание сущности принципа гуманизма.

В подтверждение данного тезиса следует привести исследование И. А. Кузнецовой, согласно которому из ста процентов опрошенных правоведов, около 40 процентов указали узкое по содержанию значение принципа гуманизма³.

Следует согласиться с мнением А. С. Кирилловой о необходимости закрепления аспекта приоритетности прав и свобод человека, расширив тем самым текст ст.7 УК РФ⁴.

Таким образом, принцип гуманизма в уголовном праве является важным принципом, который рассматривается в двух аспектах, как обеспечение безопасности человека и недопущение применения наказания для винов-

Екатеринбург, 2019. С. 237.

¹ Лапытова Э. Ю., Нечаева Е. В. Спорные вопросы содержания принципа гуманизма в уголовном праве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 3 (37). С. 356.

² Российское уголовное право. Общая и Особенная части: учебник / под ред. Г. И. Чечеля, В. Н. Орлова, К. В. Чемеринского. М.: Криминологическая библиотека, 2016. С. 62.

³ Кузнецова И. А. Повышение эффективности реализации принципа гуманизма в современной уголовной политике Российской Федерации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 76.

⁴ Кириллова, А. С. Юридическая сущность принципа гуманизма в уголовном праве Российской Федерации / А. С. Кириллова // Право как искусство добра и справедливости : Сборник научных трудов 2-й Всероссийской научной конференции памяти докт. юрид. наук, профессора О.Г. Лариной, Курск, 01 октября 2021 г. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 116-120. EDN XGBFUC.

ного лица, сопряженного с применением насилия или унижением человеческого достоинства.

Правовая природа рассматриваемого принципа представляет собой установление приоритета прав и свобод личности при выборе меры наказания.

В целом, гуманизация уголовного права способствует созданию более справедливой и гуманной системы уголовной юстиции, где важны не только наказание преступника, но и его возможность исправиться и вернуться в общество как полноценный член. Этот подход позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства каждого дела, а также стремиться к достижению баланса между защитой общественной безопасности и защитой прав и свобод личности.

Принцип гуманизма в уголовном законе означает уважение к человеческому достоинству, защиту прав и свобод личности, а также обязывает предусматривать смягчающие обстоятельства при рассмотрении дел и назначении наказаний. Этот принцип акцентирует внимание на важности человеческого фактора в уголовном праве и стремится обеспечить справедливое и гуманное применение наказания.

Научная статья

УДК 343.301

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ, КАК УСЛОВИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ПРОПАГАНДЫ И ДЕМОНСТРАЦИИ ЗАПРЕЩЕННОЙ СИМВОЛИКИ И АТТРИБУТИКИ

Карина Олеговна РУСИНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
karina_ru@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена оценке административной преюдиции в рамках ст. 282.4 УК РФ, как условия криминализации пропаганды и демонстрации запрещенной символики и атрибутики.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за пропаганду и демонстрацию запрещенной символики и атрибутики.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за пропаганду и демонстрацию запрещенной символики и атрибутики.

Ключевые слова: административная преюдиция, пропаганда, демонстрация, запрещенная символика и атрибутика, идеология, экстремизм, нацизм, дискриминация

Original article

ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS A CONDITION FOR CRIMINALIZING PROPAGANDA AND DEMONSTRATION OF PROHIBITED SYMBOLS AND PARAPHERNALIA

Karina O. RUSINOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, karina_ru@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the assessment of administrative prejudice under Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation as a condition for criminalizing propaganda and demonstration of prohibited symbols and paraphernalia.

Attention is drawn to the imperfection of criminal legislation providing for responsibility for propaganda and demonstration of prohibited symbols and paraphernalia.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for propaganda and demonstration of prohibited symbols and paraphernalia.

Keywords: administrative prejudice, propaganda, demonstration, prohibited symbols and paraphernalia, ideology, extremism, Nazism, discrimination

В пункте 17 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 в числе опаснейших проявлений экстремизма названы разжигание социальной, расовой, национальной, религиозной ненависти, вражды или розни, пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признакам его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», вовлечение граждан

в деятельность экстремистских организаций; подготовка и совершение террористических актов; пропаганда непризнания законов и подзаконных актов, правовых процедур и органов власти Российской Федерации, а также оскорбление государственных символов, религиозных символов традиционных конфессий или надругательство над такими символами.

Одним из сопутствующих совершению преступлений террористического и экстремистского характера выступают неоднократные пропаганда, публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, атрибутики и символики экстремистских организаций, иной атрибутики и символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, ответственность за которые предусмотрена в ст. 282.4 УК РФ.

Итогом введения в 2001 г. административной ответственности в ст. 20.3 КоАП РФ за пропаганду и демонстрацию запрещенной символики и атрибутики, стала криминализация этого деяния в 2022 г., путем включения в УК РФ ответственности по ст. 282.4 УК РФ, определяющей уже уголовно – правовой запрет за совершение тождественных действий.

Согласно судебной статистике, с 2017 по 2022 год, мы можем увидеть значительный рост числа лиц, привлеченных к административной ответственности по ст. 20.3 КоАП РФ (так в 2017г — 1665 лиц, 2018 — 1652 лица, 2019 — 2388 лиц, 2020 — 2279 лиц, 2021 — 3183 лица, 2022 — 5270 лиц).

Приведенные данные позволяют говорить о недостаточности мер административно-деликтного законодательства по борьбе с экстремистскими проявлениями в данной сфере.

Вместе с тем законодатель при построении нормы ст. 282.4 УК РФ сформулировал ее в качестве бланкетной, применительно к ст. 20.3 КоАП РФ.

На наш взгляд, данный технико-юридический прием применен по следующим основаниям.

Конструирование взаимосвязанных норм ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4 УК РФ основано на общей публично-правовой природе административной и уголовно ответственности и на презумпции о достаточности мер административного воздействия на лицо, впервые совершившего подобного рода правонарушение, для предупреждения совершения новых преступлений.

Вместе с тем повторность совершения правонарушения свидетельствует о недостаточности примененных средств административного воздействия «для результативного противодействия возбраняемому поведению, так и о повышенной общественной опасности содеянного, что вкупе с

иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий»¹.

Как верно отмечено в постановлении Конституционного суда РФ №11-П от 08.04.2021 (при разрешении вопроса о конституционности положений ст. 116.1 УК РФ) состояние «административной наказанности» свидетельствует о большей общественной опасности вновь совершенного противоправного деяния.

Общественная опасность заключена и в самом действии лица, которое по своим внутренним характеристикам и свойствам является негативным социальным отклонением, угрожающем стабильности общества и безопасности составляющих его членов.

Однако, возвращаясь к изложенной в первой части статьи мысли, необходимо привести высказывание А. В. Козлова о том, что «повторное правонарушение становится общественно опасным в силу личности правонарушителя»².

Поскольку, зарождаясь в сознании, мысль о разрешении себе права на повторное совершение аналогичного деяния, проходит через сознание человека и свидетельствует о постижении им его общественной опасности деяния.

Вместе с тем, на наш взгляд, личность преступника не может рассматриваться отдельно от общественной опасности деяния, совершенного неоднократно.

Таким образом, основание наступления ответственности по ст. 282.4 УК РФ являясь продуктом криминализации деяния, содержит в себе свойства, характеризующие не только личность, где субъект преступления, как элемент состава, обладает специальным признаком «административной наказанности», осознания своего неправомерного поведения, но и общественно опасного поведения в виду повторяемости деяний.

¹ Определение Конституционного суда РФ от 08.04.2021 по делу № 11-П\2021 [Электронный ресурс] / Конституционный суд Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Козлов А. В. О допустимости административно-правовой преюдиции в уголовном законодательстве России // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2012. № 1(22). С. 42—50. С. 48. EDN RCGPPT.

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ СОУЧАСТИЯ
В ПРЕСТУПЛЕНИИ С ЛИЦОМ, НЕ ПОДЛЕЖАЩИМ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Виктория Вячеславовна СЕМЕНОВА

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург,
Россия, Vsemenova17@inbox.ru

Аннотация. Актуальность исследования обосновывается потребностями современной правоприменительной практики в разъяснении вопроса возможности соучастия в преступлении с лицом, не подлежащим уголовной ответственности.

При исследовании названной темы выявлена проблема отсутствия единого понимания количественного признака соучастия.

Основным результатом исследования выступило определение правоприменительного толкования соучастия с негодным субъектом преступления.

Ключевые слова: субъективное вменение, соучастие, исполнитель, субъект преступления, группа лиц, организованная группа

Original article

**ON THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF COMPLICITY
IN A CRIME WITH A PERSON WHO IS NOT SUBJECT
TO CRIMINAL LIABILITY**

Victoria V. SEMENOVA

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee, St. Petersburg, Russia,
Vsemenova17@inbox.ru

Abstract. The relevance of the study is justified by the needs of modern law enforcement practice in clarifying the issue of the possibility of complicity in a crime with a person who is not subject to criminal liability.

The study of this topic revealed the problem of the lack of a common understanding of the quantitative sign of complicity.

The main result of the study was the definition of the law enforcement interpretation of complicity with the unfit subject of the crime.

Keywords: subjective imputation, complicity, perpetrator, subject of the crime, group of persons, organized group

Совершение преступления в соучастии свидетельствует о повышенной общественной опасности содеянного, в связи с тем, что это во многом облегчает совершение преступления (создается возможность причинения более значительного ущерба общественным отношениям, возникают социально опасные связи между несколькими людьми и др.).

Под соучастием в преступлении (ст. 32 УК РФ) понимается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Как особая форма преступной деятельности соучастие характеризуется рядом объективных и субъективных признаков. К объективным относится участие в преступлении двух или более лиц (количественный признак) и совместность их деятельности (качественный признак). К субъективному признаку соучастия относится умышленное отношение к совершаемому совместно умышленному преступлению.

Несмотря на то, что институт соучастия известен уже давно, в правоприменительной практике не выработан единый подход квалификации групповых преступлений, когда второе лицо, участвовавшее в выполнении объективной стороны преступления, не подлежит ответственности в силу возраста или невменяемости. В связи с чем в настоящей работе нами будет рассмотрен только количественный признак соучастия.

По общему правилу, которое дается в рамках изучения курса уголовного права и поддерживается многими учеными-юристами¹, совершение преступления с участием лица, не подлежащего уголовной ответственности, не образует соучастия².

Однако рассогласованность правоприменительной практики в исследуемом вопросе связана с изменением высшей судебной инстанцией понимания таких форм соучастия, как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору и организованная группа³.

Так, Верховный Суд РФ в постановлении от 22.04.1992 № 4 (ред. от 21.12.1993) «О судебной практике по делам об изнасиловании» (утратило силу 15.06.2004) указывал, что действия исполнителя, отвечающего всем признакам субъекта преступления, следует квалифицировать, как участника группового преступления, даже в случаях, если остальные участники не были привлечены к уголовной ответственности ввиду их невменяемости либо не достижения возраста уголовной ответственности⁴.

¹ Мелешко Д. А. Квалификация соучастия в преступлении // Уголовное право. 2017. № 2. С. 78—85; Яни П. С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 7(945). С. 44—49.

² Уголовное право России. Общая часть: Учебник для вузов / под. ред. Н. Ф. Кузнецовой и И. М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2005. С. 328; Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов / под. ред. А. В. Кикотя, Э. К. Кутуева, А. Г. Антонова. Санкт-Петербург: Астерион, 2024. С. 207.

³ Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23.06.2015 по делу № 22-5346/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной практике по делам об изнасиловании : Постановление Пленума Верховного Суда РФ

Иной подход понимания соучастия Верховный Суд РФ отразил в постановлении от 14.02.2000 № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (утратило силу 01.02.2011) отмечая, что совершение преступления с использованием лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста (ст. 20 УК РФ) или невменяемости (ст. 21 УК РФ), не создает соучастия¹ и в постановлении от 27.12.2002 № 29 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» указывая, что действия лиц, образуют группу лиц по предварительному сговору или организованную группу, если в совершении этого преступления совместно участвовали два или более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное (абзац исключен 23.12.2010)². Тем самым Верховный Суд РФ поддержал позицию, выработанную доктриной уголовного права.

В настоящее время Пленум Верховный Суд РФ в своих разъяснениях не затрагивает вопрос о том, образуется ли соучастие (ст. 35 УК РФ) в преступлениях, где лишь одно лицо является субъектом, в соответствии с положениями ст. 19 УК РФ, а другие лица, выполнявшие совместно с субъектом объективную сторону преступления, не подлежат уголовной ответственности.

Обратимся к положениям соучастия, закрепленных в уголовном законе и сложившейся современной правоприменительной практике. Так, преступление признается совершенным группой лиц (ч. 1 ст. 35 УК РФ), если в его совершении совместно участвовали два или более исполнителя без предварительного сговора. В данном случае, при построении нормы, законодатель при указании участвующих лиц в преступном деянии использует термин «исполнитель».

Исполнителем (ч. 2 ст. 33 УК РФ) в свою очередь признается лицо, непосредственно совершившее преступление, т.е. полностью или частично выполнившее действия (бездействия), образующие объективную сторону состава преступления³, а также лицо, совершившее преступное деяние посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответ-

от 22.04.1992 № 4 (ред. от 21.12.1993) (утратило силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2004 № 11). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (утратило силу в связи с изданием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (абз. 1 п. 12 исключен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР, М.: Юридическая литература, 1971, С. 49.

ственности. Следуя буквальному толкованию, исполнитель должен отвечать требованиям субъекта преступления (физическое лицо, достижение возраста уголовной ответственности, вменяемость)¹.

На что также указал Верховный Суд РФ в обзоре судебной практики, что группа лиц без предварительного сговора может быть лишь в случае, если в совершении преступного деяния совместно участвовало два и более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное².

При определении форм соучастия — группа лиц по предварительному сговору (ч. 2 ст. 35 УК РФ) и организованная группа (ч. 3 ст. 35 УК РФ), законодатель для определения участников указанных преступных объединений использует терминологию «лица». При этом, под «лицами», согласно систематическому толкованию уголовного закона понимаются и лица, не обладающие признаками субъекта преступления (например, в ст. 21 УК РФ определяются лица, находящиеся в состоянии невменяемости).

Верховный Суд РФ, поддерживая данный подход определения соучастия, указал, что положения ст. 32 и ч. 2 ст. 35 УК РФ не содержат формулировок о наличии вменяемости и соответствующего возраста соучастников преступления, а уголовный закон не связывает возможность признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с наличием в такой группе только лиц, подлежащих уголовной ответственности³, т. е. уголовный закон не исключает при определенных условиях, возможности признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с лицом, не подлежащим уголовной ответственности⁴.

Следовательно, можно определить, что для установления признака «группа лиц без предварительного сговора», требуется наличие двух и более субъектов преступления, а для признания «группы лиц по предварительному сговору» или «организованной группы» достаточным будет наличие одного субъекта преступления, действующего совместно с иными лицами, не подлежащими уголовной ответственности.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2017 № 2165-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гулевского Романа Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 33 и частью третьей статьи 35 Уголовного кодекса Российской Федерации»; Определение Конституционного Суда РФ от 25.06.2024 № 1477-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Карисова Аслана Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 242.2 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы судебной практики по делам о краже, грабеже и разбое». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2022 г. № 58-УД22-19-А5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 31.08.2022 № 77-4723/2022. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Данный подход определения соучастия с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, основывается на принципе вины (ст. 5 УК РФ), который регламентирует субъективное вменение. При совершении преступления в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы, субъект преступления рассчитывает на совместность его совершения, помощь другого лица.

Так, суд в своем решении указал, что освобождение иного лица от уголовной ответственности не исключает квалификацию действий гр. К. по признаку преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Действия гр. К. и лица, не подлежащего уголовной ответственности, носили согласованный характер, они готовились к совершению деяния, между ними имело место распределение ролей. При этом умыслом гр. К., охватывалось то, что преступление он совершает по предложению иного лица, совместно и по сговору с ним¹.

Таким образом, правоприменительное толкование форм соучастия исходит из принципа субъективного вменения, буквального и систематического толкования уголовного закона и констатирует, что для определения группы лиц по предварительному сговору и организованной группы будет достаточным по количественному признаку соучастия наличие одного субъекта преступления, действующего совместно с лицом, не подлежащим уголовной ответственности. Для образования группы лиц без предварительного сговора требуется наличие двух и более субъектов преступления. При этом обратим внимание, что для разъяснения поставленного вопроса о соучастии, требуется комплексное теоретическое исследование, заключающееся в рассмотрении количественного признака соучастия в соотношении с другими его признаками.

Научная статья

УДК 343.3/.7

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ УЧАСТНИКОВ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД

Александра Юрьевна СЕРДЮК

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
S9788432009@mail.ru

¹ Постановление Московского городского суда от 18.05.2011 № 4у/4-3223. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Аннотация. В статье рассматриваются виктимологические особенности вкладчиков финансовых пирамид.

Сделан вывод о том, что с учетом особенностей финансовой пирамиды и степени участия вкладчиков в ее работе, в некоторых случаях вкладчики не являются потерпевшими, а напротив, подлежат привлечению к ответственности.

Предложены мероприятия виктимологической профилактики преступлений в сфере финансовых пирамид.

Ключевые слова: преступления в сфере экономики, финансовая пирамида, субъект преступления, привлечение денежных средств

Original article

SELECTED ASPECTS OF VICTIMIZATION CHARACTERISTICS OF FINANCIAL PYRAMID PARTICIPANTS

Aleksandra Y. SERDYUK

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, S9788432009@mail.ru

Abstract. The article examines the victimological characteristics of investors in financial pyramids.

It is concluded that given the characteristics of a financial pyramid and the degree of participation of investors in its work, in some cases investors are not victims, but, on the contrary, are subject to liability.

Measures for victimological prevention of crimes in the sphere of financial pyramids are proposed.

Keywords: economic crimes, pyramid scheme, the subject of the crime, raising funds

Статьей 172.2 УК РФ предусмотрен уголовный запрет исключительно для организатора преступления. При этом из-под его действия выведены остальные участники преступной деятельности и вкладчики вне зависимости от их роли совершении преступления.

Использованная законодателем конструкция ст. 172.2 УК РФ не содержит четких отсылок к субъекту данного преступления, что влечет научные дискуссии относительно того, кто же может быть привлечен к уголовной ответственности по данной статье, а чьи общественно вредные действия выпадают из-под действие уголовно-правового запрета.

В то время как общественная опасность действий организаторов финансовых пирамид не вызывает дискуссий, отдельного изучения заслуживает вопрос о деятельности их вкладчиков, которые являются потерпевшими от действий злоумышленников.

Традиционно, за пределами научного интереса оставался человек, который становился жертвой преступления. Поэтому лишь в 40-х годах XX века учение о жертве преступления получило статус относительно самостоятельного направления криминологических знаний, названного виктимологией¹. Современная российская виктимологическая наука осуществляет исследование отдельных аспектов общей теории виктимологии: виктимологические факторы преступности; виктимологическая профилактика; отдельные виктимологические аспекты различных криминологических направлений².

Интенсивность развития отечественной виктимологии проявляется, например, в мнении Д.В. Ривмана о том, что все более очевидным является необходимость научного представления о виктимологических аспектах, такого сложного

С увеличением в последние десятилетия все большего количества сфер общественной жизни криминальными проявлениями, перед отечественной, да, пожалуй, и зарубежной виктимологией встала довольно серьезная проблема, поиска новых объектов исследования.

Наиболее перспективным в условиях сложной экономической обстановки может выступать экономика как базис общественных отношений.

Все эти направления в полной мере могут относиться и к жертвам, таких преступных посягательств, тем самым убедив научную общественность в том, что существует насущная необходимость изучения этого научного направления.

С полной уверенностью можно сказать, что основным объектом преступного посягательства, а, следовательно, и объектом виктимологической профилактики и, будет выступать не столько их физическое и психическое здоровье потерпевших, сколько их сознательная сфера — мотивация, способная превратиться в криминогенную. Говоря другими словами речь идет о том, что отдельным индивидам, не находящимся в определенных общественных отношениях, причиняется тот или иной вред (моральный, материальный, физический).

¹ Уваров И. А. Исторические предпосылки зарождения пенитенциарной криминологии // История государства и права. 2006. № 10. С. 34.

² Горшенков Г. Н., Горшенков А. Г. Виктимологический аспект криминологии массовых коммуникаций // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 2(3). С. 208.

В широком смысле криминологический термин «жертва преступления», может быть отнесен к любому лицу или социальной группе (либо просто можно говорить «объекту преступного посягательства»), которому в результате совершения преступления был причинен вред. Конечно же, вследствие неправомерных действий (общественно опасного поведения) другого лица. Зарубежные специалисты полагают, что жертвой преступления могут быть только физические лица, другие относят к жертве не только физических, но и юридических лиц, третьи — дополнительно к физическим и юридическим лицам считают жертвами преступности общество, государство и международный порядок.

Под виктимогенностью следует понимать специфическую «способность явлений и процессов оказывать вредоносное воздействие на лицо, увеличивая его виктимность». Говоря другими словами, авторы предполагают, что в данном контексте необходимо смещать акцент с личности жертвы, на факторы криминогенной ситуации¹.

Существуют определенные признаки (виктимологические детерминанты), которые повышают степень вероятности стать жертвой преступного посягательства, в том числе и преступления, предусмотрено ст. 172.2 УК РФ. Виктимологические детерминанты проявляются в недостатке предусмотрительности, невнимательности, чрезмерной доверчивости к людям, в беспомощности, связанной с болезнью, возрастом, определенными физическими недостатками потерпевших. Возрастные характеристики проявляются с одной стороны, в невнимательности и легкомыслии молодого поколения, с другой стороны, в рассеянности и замедленной реакции пожилых людей².

В ходе ранее проведенного исследования дана виктимологическая характеристика типичным вкладчикам финансовых пирамид³. Анализ их структуры опроверг версию о том, что большая часть жертв помимо собственной воли были втянуты в сомнительные проекты. Например, среди участников АО «МММ» были представлены все слои населения, при этом

¹ Горшенков Г. Н. Криминология массовых коммуникаций. Н. Новгород, 2003. С. 156.

² Филиппова Е. О. Виктимология: учебное пособие. Е.О. Филиппова; Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2017. С. 64—70.

³ Сердюк А. Ю. Некоторые аспекты виктимологической характеристики вкладчиков финансовых пирамид РФ. Актуальные проблемы государства, права и экономики : материалы XIV Всероссийской научной конференции студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 22 апреля 2023 г. / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова ; отв. ред. Ю. М. Боброва. — Санкт-Петербург : СПб ЮИ (ф) УП РФ, 2023. — 1 CD-R (7,77 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD-ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600/16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — ISSN 2949-2742. — Текст : электронный. С. 503—508.

доля малообеспеченных и неработающих граждан со временем сокращалась, с ростом стоимости акций все больше увеличивалась доля более молодых и более обеспеченных людей. Многие вкладчики понимали, что это игра с высокими рисками, в целом разбирались в механике фондового рынка, выбрать рациональную модель экономического поведения и в целом не были обмануты. Организаторы пирамиды скорее завели вкладчиков в ловушку социальности, использовали техники манипулирования толпой. В сложившейся ситуации все участники вне зависимости от их позиции действовали в пользу организаторов пирамиды.

Еще более явно вкладчики действуют на стороне организаторов финансовой пирамиды при использовании реферальной систем или закрытых бизнес-клубов. В таких случаях некоторые вкладчики финансовых пирамид, приближенные к ее вершине, фактически становятся выгодоприобретателями, получив доход за счет имущества позднее привлеченных участников. Такие участники пирамиды остаются безнаказанными, за гранью уголовной, административной и даже гражданской ответственности.

В данном ракурсе деятельность активных вкладчиков финансовых пирамид видится как наносящая вред общественным отношениям, что делает закономерной позицию законодателя о необходимости их привлечения к административной ответственности по ст. 14.62 КоАП РФ.

Возможность же у пассивных вкладчиков получить доход от участия в финансовой пирамиде нарушает принцип справедливости и неизбежности ответственности. Для таких вкладчиков видится последовательным введение гражданско-правовой ответственности. Это также позволит формировать фонды денежных средств, за счет которых будут производиться выплаты потерпевшим. Именно такую схему использовали в США для возмещения ущерба потерпевшим от мошеннической схемы Бернарда Мэдоффа, работавшей с 1970-х по 2008 г.

Проведенное исследование дало возможность прийти к выводу о том, что нередко действия вкладчиков финансовых пирамид наносят общественный вред. Следовательно, с учетом особенностей финансовой пирамиды и степени участия вкладчиков в ее работе, в некоторых случаях такие люди не являются жертвами, а напротив, подлежат привлечению к ответственности.

Таким образом, наиболее характерные личностные особенности жертвы финансовой пирамиды, ее психотип позволяют выделить определенные закономерности. Это так называемый корыстный тип потерпевшего, значительную роль в виктимизации которого играют такие свойства личности как алчность, жадность, надменность, завышенная самооценка, которые

являются предпосылками неадекватной оценки ситуации при взаимодействии с мошенниками. Именно к этому психотипу относят потерпевших от финансовых пирамид, поведение которых во многом способствует злоумышленникам.

Кроме того, вкладчиками финансовых пирамид могут стать все люди, склонные к азартным играм, поиску легкого дохода. Это позволяет выделить такие психологические характеристики потерпевших от данного вида преступлений как сниженное критическое мышление, нарушения в мотивационно-регуляторной сфере. Потенциальными жертвами преступных посягательств могут стать лица с циклотимическим типом акцентуации характера, с биполярным расстройством, а также с лудоманией и другими видами аддикций.

Что касается практической возможности воспрепятствовать преступнику в момент совершения преступления, то ее чаще всего нет в связи с отсутствием у потерпевшего определенных познаний в этой области и профессиональным мастерством преступника. Другой проблемой, повышающей уровень латентности преступлений в сфере привлечения имущества вкладчиков, является тот факт, что большинство потерпевших не обращается в правоохранительные органы с заявлением о преступлении, чтобы избежать лишних хлопот, а правоохранительные органы, в свою очередь, неохотно принимают такие заявления.

Целью виктимологической профилактики является уменьшение опасности стать жертвой преступления. Для этого проводится обучение граждан правилам поведения, помогающим избежать преступных посягательств. Из-за своей невнимательности, не принимая мер предосторожности, граждане повышают степень вероятности стать потерпевшим.

Мероприятия виктимологической профилактики преступлений, связанных с привлечением имущества вкладчиков, могут быть направлены на устранение ситуаций, чреватых возможностью причинения вреда. Сюда входит:

1) изготовление и распространение специальных памяток о том, как уберечься от преступника, не стать жертвой финансовой пирамиды;

2) извещение граждан через средства массовой информации об имеющихся на данный момент фактах совершения преступлений, типичных действиях преступников и о том, как следует поступать гражданам в случае встречи со злоумышленниками;

3) проведение бесед с потенциальными инвесторами, информирование о случаях вскрытия финансовых пирамид или попытках совершения такого рода преступлений;

4) проведение бесед с пожилыми людьми, а также проведение собраний, совещаний, занятий с кассирами, инкассаторами, работниками других учреждений, социальное положение и профессиональная деятельность которых вызывают повышенный интерес преступников.

К числу наиболее важных проблем регулирования правоотношений в системе «преступник — потерпевший» следует отнести и необходимость внесения изменений в порядок возмещения ущерба. При всей сложности экономической ситуации в стране следует считаться с тем, что введение института государственной компенсации ущерба должно изменить не только криминальную ситуацию, но и серьезно изменить отношение правоохранительных органов к борьбе с финансовыми пирамидами.

Эффективное использование средств массовой информации, совершенствование форм и методов правовой пропаганды также имеют большое воспитательное и профилактическое значение в деле предупреждения преступлений, повышения правовой культуры населения и защиты потенциальных и реальных жертв¹.

Научная статья
УДК 343.265.5

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНСТИТУТА ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ

Алёна Анатольевна СЛАВЯНКОВА

Отдел МВД по Кольскому району Управления МВД Российской Федерации по Мурманской области, г. Кола, Россия, alla.be17@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется концепция социальной детерминированности механизма предоставления отсрочки при исполнении наказания.

Обращается внимание на несовершенство уголовного законодательства о применении отсрочки отбывания наказания.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства о применении отсрочки отбывания наказания.

¹ Филиппова Е. О. Виктимология: учебное пособие. Оренбургский гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2017. С. 217-222.

Ключевые слова: освобождение от отбывания наказания, виды отсрочки отбывания от наказания

Original article

THE SOCIAL CONDITIONALITY OF THE INSTITUTION OF POSTPONEMENT OF PUNISHMENT

Alyona A. SLAVYANKOVA

Department of the Ministry of Internal Affairs for the Kola district of the Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the Murmansk region, Kola, Russia, alla.be17@yandex.ru

Abstract. The article explores the concept of social determinism of the mechanism of granting a reprieve in the execution of punishment.

Attention is drawn to the imperfection of criminal legislation on the application of deferred punishment.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on the use of deferred punishment.

Keywords: release from serving a sentence, types of postponement of serving a sentence

Лишение свободы на определенный срок представляет собой в настоящее время наиболее суровую меру наказания за совершение уголовных нарушений различной серьезности, включая обширный спектр ограничений прав и свобод для осужденных лиц.

Этот вид наказания предполагает физическое отделение лица, признанного виновным в совершении преступления, от общества за счет его размещения в специализированных учреждениях.

Помимо основного наказания, оно подразумевает дополнительные ограничения прав и свобод, предусмотренные законодательством, в результате чего происходит кардинальное изменение юридического положения преступника. Эти ограничения затрагивают аспекты личной жизни, включая семейные, профессиональные, жилищные права и обязанности, а также другие важные области.

В последние годы при рассмотрении дел, судебная система все более активно использует механизм отсрочки исполнения наказания. Это тенденция отражает общее движение к гуманизации правосудия и повышению мо-

ральных стандартов в обществе. Отсрочка исполнения наказания представляет собой специализированный междисциплинарный механизм, предусматривающий возможность отложить выполнение приговора на срок, определенный судом, с последующей возможностью частичного или полного освобождения от наказания, если обвиняемый выполняет определенные условия, установленные законом.

Отсрочка наказания подразумевает, что осужденному за совершение преступления определяется мера наказания, но правосудие приходит к выводу, что немедленное исполнение этого вердикта не представляется обязательным после того, как приговор обретает силу закона. Иными словами, реализация такого решения задерживается и связывается с конкретными обстоятельствами, оговоренными в уголовном кодексе. В основе этой практики лежит принцип гуманизма, направленный на более гибкий подход к исправлению нарушителей закона.

Анализируя значимость определенного учреждения, необходимо подробно рассмотреть концепцию «социальной обусловленности», включая детализацию ключевых терминологий. «Социальный», происходящий от латинского слова *socialis*, что означает товарищеский или общественный, характеризуется как что-то, принадлежащее обществу, связанное с жизнью и межличностными взаимодействиями внутри этого общества.

В то же время, понятие «обусловленность» в одной из его интерпретаций объясняется как наличие требования или необходимости чего-то, которая возникает в результате определенных условий. Исходя из этих определений, можно утверждать, что социальная обусловленность любого феномена представляет собой его необходимость, вызванную социальными факторами, условиями, касающимися жизни людей и их взаимодействий внутри общества¹.

Вовлечение государства в сферу обеспечения здравоохранения и вопросов поддержки семей и детства переходит на новый уровень системности и целеустремленности для достижения оптимальных результатов.

Этот процесс опирается на комплекс мероприятий, закрепленных в ряде законодательных актов, среди которых особо выделяются Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года и Стратегия национальной безопасности в сфере противодействия наркотической угрозе до 2030 года.

В рамках национальной политики в области здравоохранения и защиты семейных интересов принимаются комплексные мероприятия, нацеленные

¹ Словарь русского языка. В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 4. 1988. 800 с.

не только на физическое, но и на психоэмоциональное благосостояние населения. Особое внимание уделяется предотвращению различных заболеваний, стимулированию населения к ведению здорового образа жизни и укреплению семейных устоев.

Формирование устойчивой базы для семьи и защиты прав детей критически способствует социальному и экономическому прогрессу РФ. Осужденные, интегрирующиеся в общество, нуждаются в тщательной интеграционной поддержке для минимизации вероятности повторения преступлений. Необходимо осознавать, что эффективность исполнения норм уголовного права тесно связана с активной ролью семейных уз и общественного взаимодействия. Включение в образовательные проекты, оказание социальных гарантий и обеспечение качественного здравоохранения являются ключевыми элементами в восстановлении статуса осужденных в социуме.

Обеспечение здорового и полноценного развития детей из семей, где взрослые имеют судимости, задействует мультидисциплинарный подход и сотрудничество различных организаций. Эффективное взаимодействие между правительственными структурами, здравоохранительными и образовательными учреждениями важно для формирования поддерживающей среды, которая будет содействовать восстановлению и социальной адаптации людей, имеющих юридические нарушения, и их успешному возвращению в социум.

Принцип гуманизма, заложенный в основу уголовного законодательства Российской Федерации, находит свое выражение в Уголовном кодексе РФ. Это принцип воплощен в статье 82 УК РФ, где установлены условия для отсрочки исполнения наказания для определенных категорий осужденных: беременных женщин, женщин с детьми до четырнадцати лет, а также мужчин-одиночных родителей с детьми до четырнадцати лет.

Дополнительно, ст. 82.1 УК РФ расширяет этот список, включая лиц, страдающих наркоманией, подчеркивая внимание законодателя к гуманному отношению и индивидуальному подходу к осужденным с учетом их личных обстоятельств и состояния здоровья.

В России примерно 45,75% лиц, приговоренных к лишению свободы, осуждаются за совершение деяний небольшой или средней тяжести¹. Важно подчеркнуть, что многие противоправные деяния и лица, ответственные за эти действия, не представляют серьезной угрозы для общества. Нередко преступником оказывается лицо, допустившее нарушение впервые или

¹ Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 17.09.2024).

в условиях, когда это было вызвано определенными обстоятельствами. Следует также обратить внимание на то, что изолирование преступника может спровоцировать ряд отрицательных социальных последствий¹.

— прекращению или серьезному ослаблению установившихся общественных взаимосвязей;

— негативному давлению на виновного от остальных осужденных;

— ассимиляции индивида преступным сообществом.

Таким образом, актуально формирование всестороннего подхода к социальной интеграции. В текущей ситуации процессы реабилитации и освоения социума лицами, освобожденных после отбывания наказания, часто не достигают установленных целей из-за недостатков в законодательных актах, а также из-за проблем социально-экономического характера, управленческих и других аспектов.

Кроме того, сказывается влияние наличия у лица судимости, что является дополнительным барьером к его полной социальной реинтеграции, независимо от природы совершенного преступления, будь то преступление, влекущее изоляцию, либо не связанное с ней².

За прошедшие пять лет число осужденных женщин выросло на 21,3 тысячи, что представляет собой увеличение на 44,2%. В этих условиях следует отметить наличие 13 детских домов при женских колониях, где воспитывается приблизительно 300 детей до четырех лет. Эти малыши, ввиду своего проживания в изолированных условиях, также подвергаются лишениям. В последнее время наблюдается тенденция к сокращению числа детей, оставшихся без свободы, что стало возможным благодаря увеличению количества случаев, когда отсрочивается исполнение приговора.

Следует подчеркнуть, что условия в учреждениях, ограничивающих свободу, далеки от идеальных для пребывания женщин вместе с их детьми. Проблемы ухода за младенцами, их воспитания в такой среде остаются неразрешимыми, что серьезно затрудняет процесс реинтеграции осужденных женщин в общество и мешает достижению целей уголовного наказания.

В связи с этим общественность активно ищет альтернативные методы воздействия для беременных осужденных и матерей с детьми, создаются благотворительные фонды и иницируются петиции за их освобождение правозащитными организациями. Ежегодно в местах лишения свободы рождается около 450 детей³.

¹ Рогова Е. В. Криминологическая характеристика лиц, виновных в совершении преступлений небольшой тяжести // Вестник Казанского юридического института МВД России. № 2 (20). 2015. С. 44.

² Малетина Е. А. Опыт взаимодействия органов государственной власти и общественных организаций с лицами, отбывшими наказание в местах лишения свободы, в рамках программ ресоциализации // Гуманитарные исследования Центральной России. № 3 (8). 2018. С. 45, 49.

³ www.fsin.su

Беременные осужденные освобождаются от трудовых обязанностей на предприятиях и защищены от помещения в штрафной изолятор за дисциплинарные нарушения. В России, только в учреждениях пенитенциарной системы Мордовии и Челябинской области, существует возможность совместного проживания осужденных матерей и их малолетних детей.

В некоторых крупных исправительных учреждениях предусмотрены должности педиатров, однако они сконцентрированы на работе с осужденными подростками, а не с детьми младшего возраста. Забота о здоровье младенцев, в идеале, предполагалась бы осуществляться внешними педиатрами из общедоступных медицинских учреждений, однако им сложно получить доступ в условия СИЗО. В случаях критической необходимости для детей вызывается неотложная помощь и производится госпитализация, что приводит к тому, что дети, рожденные в местах лишения свободы, сталкиваются с серией заболеваний, получая неадекватное медицинское внимание.

Дети могут проживать вместе с матерями в местах лишения свободы до достижения ими возраста четырех лет. Однако, в редких и обоснованных обстоятельствах, этот срок может быть продлен до четырех лет. Часто матери, испытывая глубокую любовь и заботу к своим детям, предпринимают шаги к тому, чтобы их потомки были переданы на воспитание родственникам или опекунам. Тем не менее, существуют исключения, когда детям предоставляется возможность оставаться с матерью на период продолжительнее установленных трех лет.

В случае отсутствия опекуна для четырехлетнего ребенка, который родился в местах лишения свободы, его переводят в детский дом, что лишает его возможности встречаться с матерью. Сотрудники детского учреждения редко иницируют встречи с родителями, а добровольцев не хватает для покрытия всех потребностей.

По истечении срока отбывания лишения свободы мать имеет право вернуть ребенка, но это не всегда происходит. Бывшие осужденные сталкиваются с трудностями при трудоустройстве, что затрудняет обеспечение нужд ребенка.

Некоторые женщины решаются на рождение ребенка при отбывании лишения свободы ради получения определенных льгот, часто забывая о них после перевода в детский дом, оставляя таких детей без должного внимания.

Разлука с матерью в таком раннем возрасте, критичном для социального и психологического развития, может нанести необратимый вред, влияя на его будущее социализацию, коммуникативные навыки, учебу, и восприятие обществом. Защита прав матери и ребенка, утвержденная нормами меж-

дународного права, подчеркивает значимость отсрочки наказания для беременных и осужденных с детьми, в целях защиты их социальных интересов и прав¹.

В нашей стране социокультурная политика и общий прогресс в социальной сфере способствуют постепенному наращиванию гуманистического потенциала общества. Это воплощается через создание благотворительных организаций, направленных на поддержку уязвимых групп населения, включая осужденных матерей.

Одним из замечательных примеров такой поддержки является благотворительный фонд «Протяни руку», который предоставляет всестороннюю помощь женщинам в исправительных учреждениях, ожидающим или уже ставшим матерями. Фонд разрабатывает и реализует программы, позволяющие женщинам адаптироваться к материнству и налаживать контакт с новорожденными, включая сессии с педиатрами и детскими психологами.

Программа «Жизнь за периметром», разработанная сотрудниками фонда, направлена на социализацию детей осужденных матерей, организацию их досуга с посещением культурно-развлекательных мероприятий, таких как контактные зоопарки, парки и кукольные театры, что способствует их гармоничному развитию и адаптации в обществе.

Применение меры отсрочки исполнения приговора для лечения наркозависимых влечет за собой комплекс вопросов, касающихся процедуры медицинской реабилитации.

Законодательство не содержит четких указаний относительно выбора формата лечения — амбулаторного или стационарного — для исполнения этой санкции, а также не определяет конкретное учреждение для его осуществления.

Появляется неоднозначность в интерпретации судебного решения, касаемо места прохождения реабилитации — должен ли осужденный следовать направлению суда в конкретную клинику или может выбрать лечебное учреждение самостоятельно.

Согласно официальной позиции Верховного Суда РФ, осужденным предоставляется право на выбор лечебного учреждения в рамках получения помощи по устранению наркозависимости, и это не считается нарушением условий назначенной терапии.

В наше время наркотическая зависимость стоит в ряду серьезных социальных проблем. Важно отметить недостаток мест в центрах реабилитации для всех, кто ищет спасения от этой беды. Структура государственного здра-

¹ https://lenta.ru/articles/2018/07/12/turma_i_deti. (дата обращения 18.11.2024).

воохранения не в силах предложить адекватную помощь каждому страдающему от зависимости.

Пропускная способность наркологических клиник не способна удовлетворить потребности в стационарном лечении всех зарегистрированных наркозависимых, что значительно затрудняет оказание высокоэффективной медицинской помощи и реализацию программ реабилитации.

При увеличении применения отсрочки приговоров судами, что потенциально приведет к возрастанию количества осужденных, страдающих наркозависимостью, вероятность успешного прохождения ими курса реабилитации снизится. Для решения данной проблематики критически важно принимать меры, направленные на комплексное воздействие, в том числе на увеличение количества реабилитационных учреждений и улучшение уровня профессионализма работающих в них специалистов.

Следовательно, принцип предоставления отсрочки исполнения наказания беременным женщинам, родителям с несовершеннолетними детьми, а также лицам, страдающим от зависимости наркотических веществ, интегрирован в систему социальной защиты общества как важный элемент. Это объясняется рядом ключевых факторов.

Отсрочка исполнения приговора уменьшает риски для общества, связанные с осужденными, ставшими родителями, в том числе с матерями и одинокими отцами, выполняющими значимую социальную функцию. Закон применяет их статус как инструмент реабилитации и социальной адаптации.

Со своей стороны, правительство берет на себя ключевую роль в обеспечении благополучия новых поколений. Это достигается через фокус на развитие и воспитание детей в условиях их семей, предоставляя оптимальное пространство для удовлетворения их потребностей и прав. В этом контексте, политика предоставления отсрочек от исполнения наказаний выступает как средство реализации социальных мер, целью которых является укрепление семейных уз и гарантирование защиты детских прав.

Акцентируя внимание на значимости применения гуманистического подхода, важно обратить внимание на возможность достижения целей наказания без его реального отбывания в условиях посткриминального контроля за поведением осужденных.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ КАК СУБЪЕКТИВНЫЙ ПРИЗНАК ЛИЦА, СОВЕРШИВШЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Олеся Николаевна СТАРОДУБЦЕВА

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
lsstar189@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы определения общественной опасности в качестве субъективного признака лица, совершившего преступление.

Обращается внимание на актуальность исследования признака общественной опасности преступления в качестве субъективного признака преступления.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства с учетом субъективной составляющей общественной опасности лица, совершившего преступление.

Ключевые слова: преступление, признаки преступления, общественная опасность, субъект преступления

Original article

PUBLIC DANGER AS A SUBJECTIVE SIGN OF A PERSON WHO HAS COMMITTED A CRIME

Olesya N. STARODUBTSEVA

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, lsstar189@gmail.com

Abstract. The article discusses some issues of defining public danger as a subjective sign of a person who has committed a crime.

Attention is drawn to the relevance of the study of the sign of public danger of crime as a subjective sign of crime.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation, taking into account the subjective component of the public danger of the person who committed the crime.

Keywords: crime, signs of crime, public danger, subject of crime

УК РФ определяет «общественную опасность» в качестве уголовно-

правового обязательного признака деяния, определяющего его как преступное, а отсутствие данного признака позволяет считать деяние малозначительным или иным правонарушением, не предусматривающим уголовной ответственности.

Уголовным законом общественная опасность презентуется безотносительно к определенному элементу состава преступления (объекту, объективной стороне, субъекту или субъективной стороне), и понимается как характеристика всего преступного деяния. Однако, на наш взгляд, это не отражает сущностного понимания общественной опасности.

Понятие «общественной опасности» будет нами рассматриваться с позиции признаков лица, совершившего преступное деяние, поскольку негативные изменения в охраняемых законом благах, проявившиеся в виде наступивших вредных последствий или в создании угрозы причинения вреда, являются результатом преступных намерений асоциального лица или особых психофизиологических свойств личности.

Субъективными признаками, послужившими причиной совершения опасного деяния, может выступать преступная воля лица в форме умысла или неосторожности. Внешняя проявленность воли индивида является первичным источником общественной опасности.

Подобная позиция известна из уголовно-правовой теории Канта, основанной на субъективно-идеалистическом учении о преступлении, получившей дальнейшее развитие в теориях Гегеля (преступность как проявление воли отдельного лица), Фейербаха (преступление — это проявление свободной воли преступника), Фихте (свобода выбора преступником целей своего поведения) и ставшей основой классической школы учения о преступлении.

Приверженцы антропологической школы уголовного права, основоположником которой стал Ч. Ломброзо, причину преступного поведения индивида объясняют особенностями врожденных физических и нравственных свойств преступника. Не вдаваясь в рассуждения по поводу появления преступных свойств индивида, следует согласиться, что именно физические и нравственные свойства преступника служат причиной преступного поведения, а значит обладают признаком общественной опасности.

К физическим свойствам можно отнести психические расстройства невменяемого лица, психические расстройства вменяемого лица, отставание в психическом развитии. К нравственным свойствам относятся асоциальная склонность лица, основывающиеся на несформированности или деформации морально-нравственных установок, пренебрежительном отношении к общепринятым нормам, когда лицо отдает приоритет собственным инте-

ресам и желаниям в ущерб другим, в игнорировании уголовно-правовых запретов.

Социологическая школа, не отрицая преступной воли индивида, рассматривала социальные факторы, обуславливающие совершение преступления¹. Однако, не смотря на обусловленность преступного поведения внешними факторами (неблагоприятной социальной средой, трудной жизненной ситуацией) следует учитывать, что свобода выбора у вменяемого человека всегда есть, выбор совершать или не совершать преступление делается в пользу последнего. Опасность заключается в свойствах личности, избравшей преступный путь поведения. Преступная реакция лица обусловлена свойствами лица и является индивидуальным результатом преломления внешних факторов через призму личностного восприятия. Личностное восприятие социальных условий приобретает черты преступного в силу деформированности восприятия действительности, причиной которого может служить аномалии психики или негативные свойства личности.

В отечественных научных трудах встречается объективно-субъективный подход к пониманию общественной опасности деяния. В частности, В. Н. Кудрявцев и Н. Ф. Кузнецова признают двойственность общественной опасности, понимая ее с объективной стороны как «действие — причина общественно вредных изменений в охраняемых законодательством социалистических общественных отношениях», так и с субъективной стороны — «действие как воплощение преступной воли лица, его вины»².

Субъективный характер общественной опасности отмечается А. А. Герцензоном при определении преступления как «общественно-опасного, противоправного и антиморального деяния»³. В ст.ст. 8, 9 УК РСФСР 1960 года и в ст. 25,26 УК РФ общественная опасность связывается с действием или бездействием лица и отношением виновного к наступившим последствиям.

Общественная опасность заключается в действиях лица, совершившего деяние, а общественная опасность деяния — это «вредоносность» деяния, проявившаяся в последствиях в виде потенциального (в случае угрозы) или реального вреда (в результате наступивших последствий). «Вредоносность» является понятием, характеризующим общественное опасное деяние как воплощенный результат действий лица, его совершившего, независимо от состояния вменяемости при совершении преступления.

Оценка признаков лица, совершившего преступление, имеет уголовно-

¹ Шишов О. Ф. Становление и развитие науки уголовного права в СССР. М., 1981. С. 30.

² Кудрявцев В. Н., Кузнецова Н.Ф. Избранные труды. Юридический центр, 2003. С. 23.

³ Герцензон А. А. Понятие преступления в советском уголовном праве. Москва, 1955.

правовое значение для признания его субъектом преступления для решения вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности. К признакам, позволяющим признать лицо, совершившее преступление, субъектом преступления относится возраст физического лица и его вменяемость на момент совершения преступного деяния.

В зависимости от вменяемости и возраста физического лица, а также степени его опасности определяется выбор эффективной и целесообразной меры уголовно-правового воздействия: назначении уголовного наказания, применении к нему принудительных мер медицинского характера, назначении судебного штрафа, применении мер воспитательного воздействия с целью предотвращения совершения преступных деяний в будущем для обеспечения безопасности личности, общества и государства.

Общественная опасность физических лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, а также достигших возраста уголовной ответственности, но в силу патологических изменений в психике отстающих в развитии очевидна, однако исключается признание их субъектами преступления и, соответственно, применение в отношении них принудительных мер воздействия.

Общественная опасность лиц, совершивших преступления в состоянии невменяемости или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, не осознающих в момент совершения преступления вредности своих действий и возможности наступления последствий, является основанием для применения принудительных мер медицинского характера. Лица, не представляющие опасности по своему психическому состоянию, подлежат направлению для лечения в медицинской организации и оказания психиатрической помощи, или в стационарные учреждения социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами.

Общественная опасность вменяемого лица состоит в том, что оно совершает преступление, осознавая противоправность или аморальность своих действий, нарушает уголовно-правовой запрет.

Таким образом, субъективный подход наиболее целесообразен при рассмотрении понятия общественной опасности, а результат проявления опасности лица предстает в виде вредоносных последствий или угрозы причинения вреда. Общественная опасность индивида существует независимо от признания его субъектом преступления (по признакам возраста, вменяемости) и возможности применения в отношении него мер уголовно-правового воздействия. Общественно-опасная личность предстает субъектом применения мер безопасности, социального воздействия и объектом криминологического исследования с целью недопущения опасных проявлений в будущем.

Общественно опасным может быть признано состояние лица. Так, уголовным законом признается общественная опасность лиц, совершивших преступление в состоянии токсического, алкогольного и наркотического, психотропного опьянения. Такое состояние лица учитывается как отягчающее обстоятельство при назначении мер уголовно-правового воздействия: уголовное наказание и принудительное лечение.

Можно выделить категорию опасных субъектов, наделенных особыми полномочиями, совершающих преступления с использованием специального статуса (занимающие должности в органах государственной власти, в сфере правосудия и др.), медицинские работники, лица, занятые на опасных производствах, обязанные выполнять специальные правила при производстве различного рода работ, связанные с управлением источниками повышенной опасности, обращением с общеперильными предметами.

Если говорить о характере общественной опасности лица, то она зависит от «направленности преступного деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности»¹, от принадлежности к определенному видовому объекту — группе однородных охраняемых общественных отношений, на которые происходит посягательство (жизнь и здоровье человека, свобода, честь и достоинство личности, половая свобода и неприкосновенность, конституционные права человека и гражданина, семья и несовершеннолетние, собственность, экономическая деятельность, интересы службы в коммерческих и иных организациях, общественный порядок, общественная безопасность, здоровье населения, общественная нравственность, экологическая безопасность, безопасность движения и эксплуатации транспорта, компьютерная информация, государственная власть, правосудие, порядок управления, военная служба, мир и безопасность человечества).

Истории русского уголовного права свойственна классификация лиц, совершивших преступления на лихих, татей, душегубцев, разбойников, казнокрадов, туенядцев, богохульников, воров.

По склонности лица к совершению определенного вида преступления криминологами выделяются насильственная преступность, корыстная преступность, корыстно-насильственная, которые характеризуют опасную направленность личности преступника.

Рассматривая опасность личности с общесоциальной позиции, отраженной в уголовном законе, можно добавить свойства лица, которые позволяют оценить степень индивидуальной общественной опасности, такие как повторность, неоднократность, систематичность, учитываемые при квалификации деяния и назначении наказания.

¹ Агеева О. Н., Анощенко С. В. и др. Правила назначения наказания: законодательство, теория, судебная практика: учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2021. С.6.

Общественная опасность лиц определяется прошлым преступным опытом и различается по признаку наличия судимости за ранее совершенные различные по степени тяжести умышленные преступные деяния. Можно выделить по степени опасности рецидивистов, опасных рецидивистов и особо опасных рецидивистов (рецидив не признается в отношении лиц, ранее совершивших преступления по неосторожности).

Вполне обоснованно отрицание общественной опасности лиц, совершивших преступное деяние при исключительных обстоятельствах, поскольку лица, причинили вред вынужденно в целях защиты социальных объектов уголовно-правовой охраны, для предотвращения наступления вреда, в общественно-полезных целях, в условиях крайней необходимости, под воздействием психического или психического принуждения, во исполнение приказа и распоряжения. Такие деяния (за исключением, предусмотренных ст. 40, 42 УК РФ) можно назвать социально-полезными, поскольку они представляют профессиональное и непрофессиональное противостояние преступным или опасным проявлениям.

Не обладает общественной опасностью лицо, совершившее преступное деяние невиновно, поскольку в силу своих психофизиологических качеств, в экстремальных условиях или под воздействием нервно-психологических нагрузок не могло предотвратить общественно опасные последствия.

Очевидность субъективной общественной опасности лиц, совершающих преступные деяния, подтверждается целями уголовного наказания, которое применяется в отношении опасного индивида для исправления, предупреждения совершения им повторных преступлений, а также социальной адаптации в целях оказания ему помощи, способствующей нивелированию опасных качеств и создания благоприятных условий, направленных на его успешную интеграцию в общество. Результат достижения цели, безусловно, находится в прямой зависимости от применяемых в отношении преступника исправительных и предупредительных мер¹ и отражает субъективный подход в понимании общественной опасности.

Таким образом, общественная опасность заключается в субъективных свойствах лица, совершившего преступление, воздействие на которые возможно мерами уголовно-правового воздействия и иными мерами, не предусмотренными уголовным законом. Профилактическое воздействие в рамках применения мер безопасности, выявления общественно-опасных лиц не охватывается предметом уголовного права и составляет предмет других юридических и социальных отраслей.

¹ Стародубцева О. Н. Цель уголовного наказания // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 7-8 июня 2024 г. / Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2024. С. 225.

В рамках уголовного закона категория общественной опасности установлена с целью определения степени и характера общественной опасности лица, заключающейся в его психофизиологических свойствах и воли, для определения соответствующей меры воздействия, отвечающей требованиям целесообразности и рациональности.

Научная статья
УДК 343.975

СОЦИАЛЬНО ОПАСНЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПРОФИЛАКТИКИ

Алексей Витальевич СУМАЧЕВ

Институт государства и права Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия, alekssumachev@mail.ru

Аннотация. В статье определяются направления правового и организационного плана по профилактике правонарушений мигрантов с точки зрения значения норм обычного права.

Констатируется, что в рамках реализации правового направления профилактики следует разрабатывать соответствующие положения национального уголовного законодательства в части правового реагирования на факты реализации социально-вредных (опасных) обычаев.

Отмечается, что исследование и разработка направлений профилактики правонарушений мигрантов с точки зрения значения норм обычного права не только научно актуальная, но и практически значимая проблема.

Ключевые слова: мигранты, национальные традиции, обычаи, пережитки местных обычаев, правонарушения, профилактика

Original article

SOCIALLY DANGEROUS NATIONAL CUSTOMS AND THE FEATURES OF THEIR PREVENTION

Alexey V. SUMACHEV

Institute of State and Law of Tyumen State University, Tyumen, Russia,
alekssumachev@mail.ru

Abstract. The article defines the directions of the legal and organizational plan for the prevention of migrant offenses in terms of the importance of customary law.

It is stated that within the framework of the implementation of the right-wing direction of prevention, appropriate provisions of national criminal legislation should be developed in terms of legal response to the facts of the implementation of socially harmful (dangerous) customs.

It is noted that the research and development of directions for the prevention of migrant offenses from the point of view of the importance of customary law norms is not only a scientifically relevant, but also a practically significant problem.

Keywords: migrants, national traditions, customs, remnants of local customs, offenses, prevention

Активная миграция и ассимиляция народностей в современном мире способствует распространению национальных (народных) обычаев, в том числе не только социально-полезных, но и социально-вредных (опасных). И здесь предлагаем проанализировать значение норм обычного права с позиций профилактики правонарушений мигрантов.

Традиционно обычаи принято определять как исторически сложившиеся правила поведения, вошедшие в привычку в результате воспитания или многократного повторения одних и тех же действий¹. Обычаи — это не только определенные правила поведения, но и последовательность совершения каких-либо действий. Обычаи передаются из поколения в поколение, многие из них «живут» веками и тысячелетиями, при этом они не изменяются, считается, что необходимо делать так, как завещали предки. Немало из них носят религиозный или полурелигиозный характер (например, воздержание от приема пищи — «соблюдение поста»)².

Первоначально акцентируем внимание на социально-вредных (опасных) народных обычаях, реализуемых, в частности, в Российской Федерации.

Нельзя не вспомнить, что советскому уголовному праву была знакома практика закрепления запретов на соблюдение вредных обычаев. В частности, Уголовный кодекс РСФСР 1922 года в 1928 г. был дополнен главой 10 «Преступления, составляющие пережитки родового быта». Позже, уже Уголовный кодекс РСФСР 1961 года содержал главу о преступлениях, составляющих пережитки местных обычаев (глава 11).

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: «А ТЕМП», 2006. С. 442.

² Короткова М. В. Культура повседневности: История обрядов. М.: Владос, 2002. С.177.

Данные нормативные правовые акты устанавливали санкции за такие деяния, как:

- похищение и приравненное к нему принуждение женщины к вступлению в брак;
- уплату и получение брачного выкупа;
- многоженство;
- брак с несовершеннолетними и малолетними;
- уклонение от примирения.

Действующий УК РФ не устанавливает прямой запрет на совершение социально-опасных деяний, составляющих пережитки местных обычаев. Обыватель может предположить, что такие деяния как похищение и приравненное к нему принуждение женщины к вступлению в брак, уплату и получение брачного выкупа, многоженство и другие им подобные, были декриминализованы. Однако это не совсем так. Ответственность за исполнение отдельных обычаев может наступать по общим нормам УК РФ.

Так, обычай уплаты выкупа за невесту (калыма) имеет формальное сходство с составом преступления, предусмотренного ст. 127-1 УК РФ «Торговля людьми». Установление уголовной ответственности за уплату выкупа за невесту, обосновано только в тех случаях, когда посредством выкупа невеста принуждается к браку.

В свою очередь, «кража» («умыкание») невесты женихом можно признавать специальным случаем похищения человека, ответственность за которое предусмотрено ст. 126 УК РФ.

Обычай (обряд) жертвоприношения издревле использовался у многих народов и по сегодняшний день применяется во время празднования различных религиозных праздников. Принося животное в жертву, люди просят что-то «взамен»: это могут быть просьбы о хорошем урожае, о благоприятном исходе для воинов или охотников, ушедших за добычей, и даже просьбы о пополнении рода или семейства. Как правило, эти действия сопровождаются ритуальными песнопениями, танцами, используется определенный вид оружия, которым забивается животное, а также, для благоприятного исхода, действия выполняются определенными людьми и при большом скоплении народа¹.

В настоящее время жертвоприношение имеет несколько другой характер. Например, у мусульман животное забивают по праздникам — на Курбан-Байрам, на похоронах — обязательно, как правило, перед свадьбой, да и просто так, когда кто-то решит, что по какому-то поводу надо совершить

¹ Липинская В. А. Народные традиции в материальной культуре (XVII—XX вв.). М., 1987. С.43.

обряд. Это может быть по случаю рождения ребенка или когда кто-то излечился; тогда надо резать барана и раздавать мясо, для чего тут же перед домом животное и забивают у всех на виду.

Жители местностей, для которых это является обычным зрелищем, относятся к таким действиям спокойно, чего нельзя сказать о тех территориях, на которых проживают преимущественно славяне.

В России такие обряды проводятся в регионах с преимущественным проживанием лиц, исповедующих ислам: Татарстан, Башкирия, Дагестан, Чечня, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия и Адыгея. Помимо этих субъектов Российской Федерации, животных забивают на праздниках у малочисленных народов Крайнего Севера: на территории Ямало-Ненецкого автономного округа и Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. В связи с миграцией мусульман внутри страны, масштабно праздники отмечаются и в крупнейших городах России: Москве и Санкт-Петербурге.

Жертвоприношение является кульминационной частью праздника, без него окончание немыслимо, это самое грубое неуважение к традициям — закончить празднование без принесения жертвы и угощения гостей и всех присутствующих. Зрелище это не слишком приятное, учитывая то, что животное пытается вырваться и издает предсмертный рев. Далее тушу раздвывают у всех на виду, а, например, коренные малочисленные народы Крайнего Севера (такие как ненцы, манси, селькупы) разливают свежую кровь забитого оленя по чашам и угощают ей всех желающих. Происходит это действие в присутствии большого количества людей, среди которых есть и малолетние дети. Именно последний факт обряда жертвоприношения — присутствие малолетних — «делает» похожим этот обряд с таким составом преступления, как «Жестокое обращение с животными» (ст. 245 УК РФ). Однако в настоящий момент уголовная ответственность за жертвоприношение не наступает.

Как отмечалось, в современном мире наблюдается активизация миграционных и ассимиляционных процессов. По свидетельству А. Е. Слука: «С начала 90-х годов основным фактором роста населения стран ЕС становится миграция. Так, например, в 1996 г. естественный прирост населения составлял здесь 280 тыс. человек, а миграционный — почти 800 тысяч. Западная Европа стала главным мировым центром притяжения иммигрантов, превосходя США — до недавнего времени лидера по этому показателю. Практически во всех остальных население растет за счет притока иностранцев, обгоняя естественный прирост»¹.

¹ Слука А. Е. Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы

По данным С. В. Рязанцева, основными странами расселения эмигрантов из России стали США, Германия, Израиль, Канада, Франция, Аргентина, Бразилия, Австралия, Испания и некоторые другие¹. Более того, как замечает С. В. Рязанцев, в настоящее время русский язык входит в первую десятку самых распространенных языков в США (конечно, не считая английского), в Израиле около 1 млн. человек из 8 млн. населения говорит по-русски, в Германии 6 млн. человек из 82 млн. понимают русский язык².

Таким образом, полностью соглашаясь с выводом А. Е. Слука в том, что: «Миграция в ее нынешних масштабах заметно изменила национальный состав отдельных западноевропейских государств и всего региона в целом»³. Соответственно, не исключены факты реализации мигрантами социально-вредных (опасных) обычаев.

Нет сомнений в том, что социально-полезные обычаи (уважение старших, послушание родителям, уважение женщин, народный промысел и т. п.) способствуют формированию законопослушного поведения мигрантов. Однако соблюдение и реализация социально-вредных (опасных) обычаев, наоборот, способствует распространению («обыденности») правонарушающего поведения. И здесь с позиций профилактики усматриваются два основных направления: правового и организационного плана.

В части реализации правового направления профилактики, как представляется, следует разрабатывать соответствующие положения национального уголовного законодательства в части правового реагирования на факты реализации социально-вредных (опасных) обычаев. В частности, как отмечалось, обычай уплаты калыма за невесту формально схож с таким преступлением как «Торговля людьми» (ст. 127-1 УК РФ). И грань между преступным и не преступным здесь достаточно «тонкая». В целях устранения возможных проблем в правоприменительной практике представляется целесообразным дополнить примечание к статье 127-1 УК РФ «Торговля людьми» следующим положением:

«3. Действия по уплате выкупа (калыма) за невесту не признаются куплей-продажей человека или иной сделкой в отношении человека в случае, если есть добровольное, взаимное согласие невесты на вступление в брак с лицом, уплачивающим выкуп (калым)».

// Статистика и учет миграции населения: Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. М.: МАКС-Пресс, 2001. Вып. 8. С. 62.

¹ Рязанцев С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. Т.25. № 1. С.122.

² Рязанцев С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах. С. 123.

³ Слука А. Е. Международная миграция населения и демографические проблемы Западной Европы. С. 62.

«Кража» («умыкание») невесты женихом, например, для отдельных республик Северного Кавказа является если не рядовым, то достаточно распространенным явлением¹. Разрешение ситуации в части соотношения «кражи» («умыкания») невесты женихом и похищением человека, ответственность за которое предусмотрено ст. 126 УК РФ, на наш взгляд, возможно в трех вариантах:

1) радикальный путь — «кражу» («умыкание») невесты женихом следует считать специальным случаем похищения человека, ответственность за которое предусмотрено ст. 126 УК РФ, со всеми вытекающими отсюда уголовно-правовыми последствиями для похитителя;

2) также радикальный путь — «кражу» («умыкание») невесты женихом следует считать обстоятельством, исключающим преступность деяния, предусмотренного ст. 126 УК РФ, и закрепить данное правило в самом уголовном законе (например, в примечании к ст. 126 УК РФ) либо в соответствующих разъяснениях высших судебных инстанций Российской Федерации;

3) компромиссный путь — «кражу» («умыкание») невесты женихом признать специальным обстоятельством освобождения от наказания и закрепить данное правило в примечании к ст. 126 УК РФ (по аналогии с примечанием к ст. 134 УК РФ: «Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершившее им преступление перестало быть общественно опасным в связи со вступлением в брак с потерпевшей»). Более справедливым, на наш взгляд, представляется компромиссный путь решения указанной проблемы.

Как отмечалось выше, в настоящее время уголовная ответственность за жертвоприношение не наступает, хотя вполне возможно общественное порицание такого рода публичных деяний. Так, например, мэр г. Москвы Сергей Семенович Собянин призвал мусульман на праздновании Курбан-Байрама обходиться без вызывающих зрелищ. Таким образом, мэр г. Москвы отреагировал на обращение защитников животных и некоторых общественных деятелей, недовольных проведением публичных жертвоприношений, которые выступили с просьбой запретить забой животных на улицах столицы. «Я думаю и самим мусульманам не нужны кровавые зрелища, — отметил мэр г. Москвы, — нужно все организовывать так, чтобы не было вызывающих зрелищ»². В целях цивилизации обрядов жертвоприношения

¹ Гражданку Эстонии похитили в Дагестане // ПОЛИТ-НН.RU [Электронный ресурс] URL: <http://polit-nn.ru/?pt=news&view=single&id=61959> (дата обращения: 17.02.2019)

² Мэр Собянин призвал мусульман обходиться без «крови и безобразий» в праздник Курбан-Байрам // Новотека [Электронный ресурс] URL: <http://novoteka.ru/seventex/3974550> (дата обращения: 17.02.2019)

было предложено выделить специальные места для отправления таких обрядов. Эту идею поддержали ряд деятелей культуры, в том числе и представители мусульманских общин. Таким образом, из данной ситуации можно сделать два вывода:

1) публичное жертвоприношение, а именно забивание животного в общественных местах, следует признавать случаем жестокого обращения с животными и квалифицировать по ст. 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными»;

2) ввиду традиционности проведения обряда жертвоприношения для отдельных народностей целесообразно статью 245 УК РФ «Жестокое обращение с животными» дополнить примечанием следующего содержания:

«Примечание. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи проведения обрядов жертвоприношения за исключением случаев публичного жертвоприношения, то есть забивания животного в общественных местах».

Таковы основные пути реализации правового направления профилактики возможных правонарушений в части реализации социально-вредных (опасных) обычаев.

В части реализации организационных мер профилактики правонарушений мигрантов стоит указать опыт зарубежных стран. Условно его можно определить как американский (реализуемый в Соединенных Штатах Америки) и германский (реализуемый в Федеративной республике Германия). Так, в США допускается практически неконтролируемое расселение мигрантов, свидетельством чему является компактное проживание определенных групп мигрантов, например, Брайтон-Бич (Brighton Beach) — район, расположенный в Нью-Йорке, на самом юге Бруклина, на берегу Атлантического океана; китайский квартал Чайна-таун (Chinatown — «китайский город») — район Сан-Франциско (штат Калифорния, США) и др. В Юго-Восточной Азии возникли и успешно функционируют ярко выраженные «русские поселки»: в Таиланде; в Вунгтау и Нячанге во Вьетнаме; в Суакнукиле в Камбодже¹.

В частности, недалеко от Паттайи (Тайланд) есть поселок, в котором русскоговорящее население проживает компактно. Он называется «Baap Dustin Pattaya Lake» и расположен в южной части курорта и включает несколько типов вилл от 100 до 300 квадратных метров. Здесь приобрели недвижимость около 250 русских семей. Обслуживанием поселка также занимаются «русскоязычные» бизнесмены².

¹ Рязанцев С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах. С. 128.

² Рязанцев С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах. С. 131—132.

В свою очередь, германский опыт характеризует контролируемое расселение мигрантов. Так, в личных беседах с мигрантами из России, а равно с представителями силовых структур ФРГ, говорилось, что в миграционной политике существует ориентир на ограничение (исключение) возможного компактного проживания определенных групп мигрантов по признаку страны эмиграции, национальности или иным критериям. В частности, переезд из России на постоянное место жительства к своим родственникам в Германию совсем не означает, что вы будете проживать именно в непосредственной близости (и даже в пределах одного населенного пункта) со своими родственниками. С одной стороны, это правило можно признать нарушением права человека на выбор места проживания; с другой — данная мера способствует профилактике правонарушений мигрантов на специально-криминологическом уровне.

Кроме того, как представляется, контролируемое расселение мигрантов может способствовать их ассимиляции с коренным населением страны и, тем самым, формированию правопослушного поведения принятого в стране приемнике мигранта. В процессе ассимиляции происходит, прежде всего, смена групповой самоидентификации, утрачивается ощущение своей самобытности, специфичности. Иными словами ассимиляция мигрантов проявляется в том, что группы людей, принадлежащих к уже сформировавшимся этносам, оказавшись в тесном контакте с другим народом или в его среде, воспринимают его язык, культуру, обычаи. В последующих поколениях происходит полная смена национальной самоидентификации (причисление себя к данному народу)¹.

Более того, пользуясь выражениями С.В. Рязанцева, заметим, что интеграция в иное (например, американское) общество в большинстве своем «стартует» именно через институты экономики, но, в конечном счете, успешность процесса будет зависеть от многих факторов, в том числе от возможности вовремя вырваться из круга русскоязычной экономики и перейти в национальные (неэтнические) сегменты рынка труда².

Таким образом активизация миграционных процессов в современном мире способствует распространению национальных (народных) обычаев, при этом не только социально-полезных, но и социально-вредных (опасных) с точки зрения менталитета принимающего общества (государства). Соответственно, разработка направлений (мер) профилактики правонарушений мигрантов задача не только важная и своевременная. И здесь сложно недооценить значения норм обычного права в системе профилактики такого

¹ АКАДЕМИК [Электронный ресурс] URL: <http://migration.academic.ru/7/%D0%90%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D1%8F> (дата обращения: 17.02.2019)

² Рязанцев С. В. «Русскоязычная» экономика как механизм интеграции русскоговорящих мигрантов в принимающих странах. С. 128.

рода правонарушений.

С точки зрения анализа значимости норм обычного права можно выделить направления правового и организационного плана по профилактике правонарушений мигрантов.

Реализация правового направления профилактики предполагает разработку соответствующих положений национального уголовного законодательства в части правового реагирования на факты реализации социально-вредных (опасных) обычаев. Применительно к уголовному законодательству России следует урегулировать вопросы уголовно-правовой оценки исполнения таких обычаев как: уплата калыма за невесту; «кражи» («умыкания») невесты женихом; публичного жертвоприношения.

При реализации организационных мер профилактики правонарушений мигрантов целесообразно учесть германский (реализуемый в Федеративной республике Германия) опыт контролируемого расселения мигрантов. Данная мера может способствовать ускоренной ассимиляции мигрантов с коренным населением страны и формированию его правопослушного поведения.

И в завершение отметим, что исследование и разработка направлений профилактики правонарушений мигрантов с точки зрения значения норм обычного права достаточно актуальна и еще ждет своих исследователей.

Научная статья

УДК 343.341.2

СОЗДАНИЕ НЕКОММЕРЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ПОСЯГАЮЩЕЙ НА ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ГРАЖДАН: К ВОПРОСУ О МОМЕНТЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Кирилл Игоревич ТИМОЩУК

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
kirill_timoshhuk@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются правовые аспекты квалификации преступлений, связанных с участием в экстремистских и противоправных организациях, в контексте их общественной опасности.

Анализируется состав преступления, предусмотренного статьей 239 УК РФ и необходимость длительности существования организации для признания преступления оконченным.

Подчеркивается необходимость внесения изменений в УК РФ для повышения правоприменительной определенности и эффективности борьбы с экстремизмом, включая предложения по уточнению правил квалификации преступлений.

Ключевые слова: квалификация преступлений, создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан момент окончания преступления

Original article

CREATION OF A NON-PROFIT ORGANIZATION THAT ENCROACHES ON THE PERSONALITY AND RIGHTS OF CITIZENS: ON THE ISSUE OF THE MOMENT OF THE END OF THE CRIME

Kirill I. TYMOSHCHUK

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kirill_timoshhuk@rambler.ru

Abstract. The article examines the legal aspects of the qualification of crimes related to participation in extremist and illegal organizations in the context of their public danger.

The article analyzes the composition of the crime provided for in Article 239 of the Criminal Code of the Russian Federation and the need for the duration of the organization's existence to recognize the crime as over.

The need to amend the Criminal Code of the Russian Federation is emphasized in order to increase law enforcement certainty and effectiveness in combating extremism, including proposals to clarify the rules for classifying crimes.

Keywords: qualification of crimes, creation of a non-profit organization that encroaches on the personality and rights of citizens at the time of the crime

В современных условиях правоприменительной практики отдельное внимание уделяется вопросам квалификации преступлений, связанных с участием в организациях, посягающей на личность и права граждан, и иных противоправных организациях в силу особой общественной опасности действий, предпринимаемых руководителями и рядовыми членами таких организаций.

В частности, участие в деятельности, подпадающей под действие ст. 205.5 УК РФ (Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации), может быть квалифицировано

в соответствии со ст. 17 УК РФ (Совокупность преступлений) по совокупности с нормами ст. 208 УК РФ (Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, а равно участие в вооруженном конфликте или военных действиях в целях, противоречащих интересам Российской Федерации), а также дополнительно учитываться в контексте участия в экстремистском сообществе (ст. 282.1 УК РФ) или экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Важно отметить, что отдельного внимания также заслуживает статус преступления, предусмотренный ст. 284.1 УК РФ (Осуществление деятельности иностранной или международной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности).

Однако основным предметом изучения в данной работе являются деяния, предусмотренные ст. 239 УК РФ (Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан). Ст. 239 УК РФ устанавливает ответственность как за участие, так и за создание описанной в ней организации, что подразумевает наличие формального состава преступления. Однако для того чтобы деяние приобрело общественно опасный характер и соответствовало исследуемому составу преступления, организация должна действовать на протяжении некоторого периода времени.

С другой стороны, известно, что оконченное преступление в случаях совершения преступления с материальным составом характеризуется наступлением указанного в законе преступного последствия, а преступление с формальным составом признается оконченным, когда полностью выполнено общественно опасное действие (бездействие), предусмотренное уголовным законом.

Таким образом, представляется обоснованным мнение о том, что деяние, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 239 УК РФ, образуем формальный состав преступления, поскольку диспозиция данной статьи не упоминает наступления последствий указанного деяния.

Вопрос о средней продолжительности существования экстремистских организаций представляет собой значимый аспект, который необходимо изучить в контексте исторической динамики, включая 90-е годы, а также период существования СССР и дореволюционный период.

При анализе отдельных исторических сведений можно сделать вывод, что вопрос однозначного определения момента окончания существования экстремистской организации является нетривиальным. Так, например, описывая т.н. секту «Скопцов» русский публицист Федор Глинка просто указывает, что секта существовала с «незапамятных времен»¹. «Движение

¹ Панченко А. А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект / предисл. С. Ю. Неклюдова. 2-е изд. М.: ОГИ, 2004. 541 с.

Штундистов» же, в соответствии с литературными источниками, было основано в 1876 году¹, а последнее упоминание о существовании движения в литературе относится к 1905 году².

Также необходимо рассмотреть временные рамки, в течение которых осуществляется участие в организации, предусмотренной ст. 239 УК РФ. Вопрос о том, сколько времени должно длиться участие лица в такой организации, чтобы его действия можно было правомерно квалифицировать в соответствии с данной статьей УК РФ, а также о том, как долго может длиться руководство организацией, требует дальнейшего изучения.

Например, в случае с «Пермскими затворниками»³ следует проанализировать, как длительность участия влияет на квалификацию преступления. Дополнительно следует отметить, что в отличие от «скопцов» или «штундистов», события с «Пермскими затворниками» происходили уже в XXI веке, и все равно задача датировки остается затруднительной. Так, в указанных статьях от 11.10.2013 и 06.11.2013 упоминается, что затворники ведут свою деятельность «уже полтора месяца» и «не один месяц» соответственно.

В связи с вышеуказанным представляется обоснованным предположение о том, что трудности датировки периодов существования описываемых организаций вызваны рядом причин. Во-первых, отсутствуют юридические документы, содержащие точные даты начала и конца их существования, а во-вторых, в отличие от, например, организации, действия которой квалифицировались бы в соответствии со ст. 210 УК РФ (Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)), рассматриваемые организации могут длительные периоды времени вести свою деятельность не попадая в поле зрения правоохранительных органов или СМИ.

Общественная опасность участия в экстремистских организациях также требует глубокого анализа. Важно определить, как с правовой точки зрения следует различать момент окончания участия в рассматриваемой организации от добровольного отказа от преступления (в соответствии со ст. 31 УК РФ). Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос о том, как деяния, квалифицируемые в соответствии со ст. 239 УК РФ, могут образовывать составы преступлений, предусмотренных ст.-ст. 282 и 205.5 УК РФ, и с какого момента это становится возможным.

¹ Никольская Т. К. Русский протестантизм и государственная власть в 1905–1991 г. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2009. 356 с.

² Безносова О. В. Позднее протестантское сектантство Юга Украины (1850-1905) : дис. ... канд. ист. наук Днепропетровск, 1997. 216 с.

³ Трейман, Л. Таежный тупик романовской секты / Л. Трейман. — Текст : электронный // НЕЗАВИСИМАЯ : [сайт]. — URL: https://www.ng.ru/facts/2013-11-06/5_sekta.html (дата обращения: 02.12.2024).

Так, например, Шалагин А. Е. и Сидукова М. Г. отмечают, что «преступление признается оконченным с момента фактического образования объединения, идеология которого охватывается признаками, указанными в ч. 1 ст. 239 УК РФ, а также, когда деятельность объединения сопряжена с антиобщественной направленностью»¹. В свою очередь, Аветисян Т. Р. в своей статье однозначно указывает, что в случае наличия в действиях лица состава преступления, образуемого ч. 2 ст. 239 УК РФ, преступление считается оконченным «в момент принятия участия в деятельности такого объединения либо совершения актов пропаганды»².

Также Т. А. Бадгаридзе и В. И. Тюнин отмечают, что «преступление в форме организации религиозного или общественного объединения считается оконченным с момента фактического создания объединения, деятельность которого сопряжена с насилием над гражданами или иным причинением вреда их здоровью, если использовать разъяснения Верховного Суда Российской Федерации применительно к созданию экстремистского сообщества — «с момента объединения двух или более лиц в устойчивую группу в целях подготовки или совершения преступлений...». Преступление в форме руководства таким объединением окончено с момента осуществления лицом соответствующих руководящих функций.»³.

В связи с вышеизложенным, представляется необходимым внесение дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, особенно в части, касающейся ст. 239 УК РФ, где отсутствует упоминание о впервые совершаемом участии, как это предусмотрено в ст.ст. 282 и 205.5 УК РФ.

Необходимым представляется также принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, которое бы содержала соответствующие указания на правила квалификации таких преступлений, с целью обеспечения правоприменительной определенности и повышения эффективности борьбы с деятельностью рассматриваемых организаций.

¹ Шалагин А. Е., М. Г. Сидукова Особенности квалификации преступлений, предусмотренных статьями 239 Уголовного кодекса Российской Федерации (создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13, № 3(49). С. 98-104.

² Аветисян, Т. Р. Об ответственности за создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан. Текст : электронный // Органы и организации прокуратуры : [сайт]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_64/activity/legal-education/explain?item=54474501 (дата обращения: 02.12.2024).

³ Бадзгардзе, Т. А. Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика создания некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан / Т. А. Бадзгардзе, В. И. Тюнин // Криминалист. 2021. № 2(35). С. 7—14.

«УМНЫЕ КАМЕРЫ» В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Даурен Пархатович УТЕПОВ¹, Альмира Сапаркызы САПАРОВА²

¹ Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, город Косшы, Казахстан,

² Прокуратура района «Нура» города Астана, г. Астана, Казахстан

¹dauka_1986@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются различные направления развития цифровых технологий, выявляются несколько проблем и предлагаются возможные пути их решения.

На конкретных примерах демонстрируются перспективы успешного использования современных технологий для выявления преступлений с применением цифровых устройств и специализированных программ.

Ключевые слова: умные камеры, искусственный интеллект, цифровые следы, преступность, криминогенная ситуация, распознавания лиц, оперативно-розыскные мероприятия, научно-технические средства.

Original article

SMART CAMERAS IN THE FIGHT CRIMES AGAINST PROPERTY

Dauren P. UTEPOV¹, Almira S. SAPAROVA²

¹Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan, Kosshy, Kazakhstan

²Prosecutor's Office of the Nura district of Astana, Astana, Kazakhstan

¹dauka_1986@mail.ru

Abstract: The article analyzes various directions of digital technology development, identifies several problems and suggests possible ways to solve them. Concrete examples demonstrate the prospects for the successful use of modern technologies to detect crimes using digital devices and specialized programs.

Keywords: smart cameras, artificial intelligence, digital traces, crime, criminogenic situation, face recognition, operational investigative measures, scientific and technical means.

Конституция — основной, обладающий высшей юридической силой,

закон Республики Казахстан, которым закреплено право человека иметь в собственности любое не запрещенное законом имущество. Собственник имущества правомочен по своему желанию реализовать его в любое время, и только лишь по решению суда лицо может быть лишено права собственности.

Несмотря на это, конституционные права человека и гражданина ежедневно подвергаются нарушению со стороны злоумышленников.

Преступления против собственности — наиболее распространенный и совершаемый вид уголовных правонарушений на территории страны.

Район «Нура» города Астаны является одним из самых молодых районов столицы. Несмотря на «возраст», всего за несколько лет существования уже сложилась полная ситуационная картина территориальной единицы.

На сегодняшний день территориальным правоохрательным и иным органам известны наиболее опасные, вызывающие беспокойство вопросы района. В частности, тревогу вызывает криминогенная ситуация. Невзирая на расположение района, оснащенность зданий и дорог современными техническими средствами наблюдения, системой охраны объектов, количество преступлений против собственности не уменьшается, даже наоборот, наблюдается тенденция роста совершения лицами указанной категории уголовных правонарушений.

Согласно статистическим данным за 11 месяцев текущего года, из 16 045 зарегистрированных в Едином реестре досудебных расследований преступлений, 4436 приходится на кражи и мелкое хищение. При этом, 68,5% из них совершены в общественных местах (в торговых центрах, на улицах, площадях, парках, скверах), то есть большинство преступлений рассматриваемой категорий совершаются в местах, оснащенных камерами наблюдения¹.

Подобная статистика не обнадеживает. Необходимо отметить факт того, что на территории района находится самое большое количество крупных торгово-развлекательных центров по столице.

Лиц, совершающих кражи, не останавливает нахождение сотрудников безопасности в здании торговых домов. Наличие научно-технических средств их также не устрашает.

Печально сложившаяся практика показывает, что на установление виновного лица требуется несколько недель, а то и месяцев. К сожалению, оперативно-розыскные мероприятия, проводимые сотрудниками правоохрани-

¹ Форма отчета № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях». [Электронный ресурс]. Портал органов правовой статистики и специальных учетов. Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения 20.11.2024 г.).

тельных органов, не всегда дают положительные результаты. Ввиду неустановления лица, совершившего уголовно наказуемое деяние, соблюдение правоохранительными органами прав потерпевших граждан на возмещение причиненного ущерба представляется затруднительным.

Стоит отметить, что органами уголовного преследования нередко принимаются решения о прерывании сроков досудебного расследования по вышеуказанным причинам.

Подобные решения зачастую являются обоснованными ввиду наличия предусмотренных уголовным и уголовно-процессуальным законом оснований. Тем не менее, такие факты вызывают массу недовольств со стороны потерпевших лиц, которые во многих случаях ошибочно подозревают должностных лиц в незаконной заинтересованности в исходе уголовных дел.

В целях соблюдения прав граждан, предупреждения и пресечения преступности, а также повышения раскрываемости уголовных правонарушений против собственности возникает необходимость внедрения «умных» камер видеонаблюдения в местах массового пребывания людей.

Суть идеи заключается в том, что для распознавания лиц камеры, расположенные в выбранных объектах, будут подключены к базе Министерства внутренних дел Республики Казахстан. Алгоритм указанной базы позволит отслеживать в реальном времени лица посетителей и сравнивать результаты поиска с базой данных (состоящих на учетах воров и карманников, лиц в розыске и так далее).

В случае установления сходства, служба безопасности получит сигнал о потенциальном злоумышленнике, а о фактах выявления лиц, находящихся в розыске, будут уведомлены правоохранительные органы.

Такая система позволит снизить показатель совершаемых уголовных правонарушений, тем самым, оказав позитивное влияние на криминогенную ситуацию района.

Важнее всего то, что внедрение «умных» камер обеспечит соблюдение конституционных прав граждан на имущество, а также оперативное восстановление прав в случае их нарушения.

Вместе с тем, реализация идеи упростит работу сотрудников правоохранительных органов в части организации розыскных мероприятий виновных лиц.

Более того, в случае получения благополучных результатов, граждане будут чувствовать себя более защищенно в общественных местах, не опасаясь за сохранность своего имущества. Такая практика позволит повысить уровень доверия населения района к правоохранительным органам, тем самым, обеспечив стабильность позитивного настроения людей по отношению к представителям власти.

С августа 2024 года к камерам видеонаблюдения в Алматы и Атырау подключили IT-разработку с элементами искусственного интеллекта (ИИ) для распознавания лиц. Об этом на своей странице в сети X написал Генеральный Прокурор Республики Казахстан Берик Асыллов¹.

Как отметил Генеральный Прокурор Республики Казахстан Берик Асыллов, с помощью искусственного интеллекта по камерам можно найти лиц, «даже несмотря на изменение возраста и внешности».

Так, из 7 крупных торговых домов Астаны камеры с возможностью распознавания лиц имеются в «KeruenCity». Переговоры с собственником торгово-развлекательного центра прошли успешно, в связи с чем, принято решение начать тестовый период именно с него.

В случае положительного результата внедрения и работы «умных» камер, прокуратурой будут приняты меры по обязательному установлению их во всех крупных торговых домах.

Внедрение «умных» камер не потребуют больших финансовых затрат от государства. В рамках государственно-частном партнерстве необходимо только подключения имеющихся камер к искусственному интеллекту с распознаванием лиц.

К примеру, в торгово-развлекательном центре «Ханшатыр» имеется камера наружного наблюдения, которая имеется в открытом доступе на сайте данного торгово-развлекательного центра². Камера показывает события в реальном времени. При подключении указанных камер к искусственному интеллекту, у правоохранительных органов и службы безопасности торгово-развлекательного центра будет возможность оперативно реагировать на инциденты с кражами и другими противоправным действиям злоумышленников.

Эффективность и актуальность введения в действие «умных» камер не вызывает никаких сомнений. Такая идея является модернизированной и передовой, что заключается в использовании информационных технологий в рамках досудебного расследования.

Зачастую, в целях предупреждения уголовных правонарушений правоохранительными органами принимаются достаточно традиционные методы, такие как подготовка социальных роликов, публикация «устрашающей» информации об уголовной наказуемости противоправных деяний в официальных источниках, размещение различных баннеров, содержащих призыв к «законопослушанию».

¹ Беглых преступников и должников будут искать камеры наблюдения в Казахстане [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://forbes.kz/articles/beglyh-prestupnikov-i-dolznikov-budut-iskat-kamery-nablyudeniya-vkazahstane> (дата обращения 20.11.2024 г.).

² Live камеры [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.khanshatyr.com/ru/camera> (дата обращения 20.11.2024 г.).

К сожалению, показатель результативности вышеуказанных мероприятий оставляет желать лучшего.

В настоящее время довольно распространено использование электронного формата работы ввиду его удобства и высокой эффективности. «Бумажная волокита» постепенно отходит на второй, а то и третий план.

Стоит отметить, что органами уголовного преследования большее количество дел ведется именно в электронном формате. Все это напрямую свидетельствует о повышении научно-технического прогресса и его непосредственной пользе, что необходимо использовать в нашей повседневной жизни.

Вышеперечисленные меры, принимаемые правоохранительными органами, бесспорно, направлены на предупреждение преступности, однако, они не действенны. Одно лишь предостережение не повлияет на снижение роста совершаемых уголовных правонарушений.

Интеграция «умных» камер позволит не только установить виновных лиц в достаточно короткий срок, но и предотвратить совершение противозаконных действий. Потенциальные нарушители будут знать о наличии такого алгоритма распознавания лиц, что действительно разрешит насущную проблему с высокой преступностью.

Камеры с системой распознавания лиц широко используются правоохранительными органами и зарубежных стран.

Согласно сведениям из открытых источников, в таких странах, как Китай, Япония, Аргентина, Россия и Белоруссия установлен максимальный уровень использования полицией такого алгоритма¹.

Международная практика наглядно показывает эффективность «умных камер». Например, 13 апреля 2018 года на официальном сайте Русской службы BBC NEWS опубликована новость следующего содержания: «Китайская полиция опознала в 60-тысячной толпе мужчину, подозреваемого в совершении преступления. Сделать это позволила внедряемая в Китае система компьютерного распознавания лиц»².

В этой связи, явно возникает острая необходимость перехода с общепринятых методов на более передовые. Идея интеграции «умных» камер с системой распознавания лиц, подлежит внедрению на всей территории столицы, а то и страны.

Резюмируя, необходимо отметить факт того, что современные проблемы требуют современных решений, поскольку с технологией большие

¹ Информация с сайта [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5985054#>; (дата обращения 20.11.2024 г.).

² Новость с сайта [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-43751391> (дата обращения 20.11.2023 г.)

популяции стали реальностью, теперь большие популяции делают технологии обязательными.

Научная статья

УДК 343.37

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА БЕЗ РЕГИСТРАЦИИ

Алина Александровна ЧЕХОНИНА

Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы № 30

г. Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург, Россия, alinaguzieva@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации незаконного предпринимательства без регистрации в российском праве, а также трудности, возникающие при применении законодательства и правоприменительной практики.

Рассматриваются вопросы конкуренции между общими и специальными нормами уголовного законодательства, а также проблемы квалификации в свете современной правоприменительной практики.

Подчеркивается важность адаптации правовой системы к современным вызовам и необходимости дальнейшего изучения влияния цифровизации и новых бизнес-моделей на правоприменение.

Ключевые слова: квалификация преступлений, преступления в сфере экономики, незаконное предпринимательство

Original article

PROBLEMS OF ILLEGAL QUALIFICATION ENTREPRENEURSHIP WITHOUT REGISTRATION

Alina A. CHEKHONINA

Interdistrict Inspectorate of the Federal Tax Service No. 30 in St. Petersburg,
St. Petersburg, Russia, alinaguzieva@gmail.com

Abstract. The article discusses the problems of qualifying illegal entrepreneurship without registration in Russian law, as well as the difficulties encountered in the application of legislation and law enforcement practice.

The issues of competition between general and special norms of criminal law, as well as qualification problems in the light of modern law enforcement practice are considered.

The importance of adapting the legal system to modern challenges and the need for further study of the impact of digitalization and new business models on law enforcement is emphasized.

Keywords: qualification of crimes, economic crimes, illegal entrepreneurship

Незаконное предпринимательство без регистрации представляет собой одну из актуальных проблем российского правового поля. В условиях рыночной экономики все большее количество граждан и юридических лиц стремится вести бизнес, избегая при этом официальной регистрации, что приводит к негативным последствиям как для самой экономики, так и для общества в целом.

Незарегистрированная деятельность создает нелегальную конкуренцию для добросовестных предпринимателей, ущемляет права потребителей и лишает государство значительных налоговых поступлений. Актуальность изучения данной темы обусловлена необходимостью совершенствования правоприменительной практики и устранения пробелов в законодательстве, регулирующем предпринимательскую деятельность.

Основной проблемой квалификации незаконного предпринимательства без регистрации является отсутствие четких критериев для его разграничения с другими правонарушениями. Законодательство РФ предусматривает административную и уголовную ответственность за незаконное предпринимательство, однако в практике возникают значительные трудности в доказывании факта ведения предпринимательской деятельности без регистрации, а также в различении этого правонарушения от других видов экономических преступлений, что обуславливает необходимость анализа существующей судебной практики, выявления пробелов в правовом регулировании и предложения мер по совершенствованию нормативной базы и правоприменения.

Ст. 2 Гражданского кодекса РФ устанавливает, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение, прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

По общему правилу, для законного ведения предпринимательской деятельности требуется обязательная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица в установленном законом порядке.

Вместе с тем, как указано в статье 2 Гражданского кодекса РФ, Кодексом может быть предусмотрено иное. Так, согласно статье 23 Гражданского кодекса РФ в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия осуществления гражданами такой деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя.

Несмотря на то, что из смысла ст. 2 Гражданского кодекса РФ следует, что понятие предпринимательской деятельности дано для регулирования гражданских правоотношений, в отсутствие других определений, оно используется также в иных отраслях права.

Например, прямое указание при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного статьей 171 УК РФ выяснять соответствуют ли действия лица признакам предпринимательской деятельности, установленным в статье 2 Гражданского кодекса РФ, содержится в разъяснениях, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 года № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве».

Регистрация предпринимательской деятельности в России является обязательным условием для законного ведения бизнеса. Данный процесс включает в себя подачу заявления и необходимых документов в налоговые органы, где предпринимателю присваивается соответствующий статус — индивидуального предпринимателя или юридического лица.

Регистрация позволяет субъекту предпринимательства официально вступить в хозяйственные отношения, получать и выдавать финансовые документы, а также исполнять налоговые и социальные обязательства перед государством. Несоблюдение этого требования ведет к административной или уголовной ответственности за незаконное предпринимательство.

Регистрацию предпринимательской деятельности в России регулируют Гражданский кодекс РФ, а также Федеральный закон № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Нормативные акты устанавливают порядок регистрации, перечень необходимых документов, сроки и процедуры, обеспечивая правовую основу для официального признания предпринимательской деятельности.

Как разъяснено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 года № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» осуществление предпринимательской деятельности без регистрации будет иметь место когда в государственном реестре отсутствует запись о создании юридического лица или приобретении физическим лицом статуса индивидуального предпринимателя либо со-

держится запись о ликвидации юридического лица или прекращении деятельности физического лица в качестве индивидуального предпринимателя. Вместе с тем, как было указано выше, законом могут быть предусмотрены исключения, допускающие предпринимательскую деятельность лица без соответствующей регистрации.

Под осуществлением предпринимательской деятельности с нарушением правил регистрации Пленум Верховного Суда Российской Федерации рекомендует понимать ведение такой деятельности субъектом предпринимательства, которому заведомо известно, что при регистрации были допущены нарушения, дающие основания для признания регистрации недействительной.

Такое количество деталей в признаках регистрации предпринимательской деятельности существенно усложняет соответствующую квалификацию действий в качестве незаконного предпринимательства.

В России ответственность за незаконное предпринимательство предусмотрена как административным, так и уголовным законодательством, в зависимости от степени тяжести нарушения и последствий, которые оно повлекло. Административная ответственность наступает в случаях ведения предпринимательской деятельности без регистрации, без необходимой лицензии или с нарушением условий лицензии. Штрафы и санкции в этих случаях направлены на пресечение незаконной деятельности и восстановление правопорядка в сфере предпринимательства. Основная цель административного наказания — побудить нарушителя к легализации своей деятельности и исполнению требований закона.

Вместе с тем, можно предположить, что сравнительно невысокие штрафы за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или в качестве юридического лица, а также без специального разрешения (лицензии), предусмотренные статьей 14.1 КоАП РФ относительно размера госпошлины, подлежащей оплате за получение соответствующих регистрационных и разрешительных документов, в ряде случаев являются побуждающим фактором для допущения такого рода нарушений.

Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство наступает, когда деятельность без регистрации или без соответствующей лицензии приводит к значительному ущербу или причиняет вред гражданам, организациям или государству. В таких случаях, помимо штрафов, могут применяться более серьезные меры наказания, такие как лишение свободы. Уголовный кодекс РФ содержит специальные нормы, направленные на пресечение подобных нарушений, что отражает стремление государства обеспечить прозрачность и законность предпринимательской деятельности,

а также защитить экономические интересы общества и государства¹.

Ст. 14.1 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение правил ведения предпринимательской деятельности, включая случаи, когда предпринимательская деятельность осуществляется без регистрации, лицензии или в иных нарушениях установленных требований.

В то время как ст. 171 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за осуществление незаконного предпринимательства, если это деяние сопряжено с причинением значительного ущерба или связано с другими тяжкими последствиями. Соответственно, ст. 14.1 КоАП РФ охватывает административные правонарушения, тогда как ст. 171 УК РФ применяется в более серьезных случаях, требующих уголовного преследования.

Вместе с тем, следует отметить позицию Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой в тех случаях, когда не зарегистрированное в качестве индивидуального предпринимателя лицо приобрело для личных нужд жилое помещение или иное недвижимое имущество либо получило его по наследству или по договору дарения, но в связи с отсутствием необходимости в использовании этого имущества временно сдало его в аренду или внаем и в результате такой гражданско-правовой сделки получило доход (в том числе в крупном или особо крупном размере), содеянное им не влечет уголовной ответственности за незаконное предпринимательство.

Если указанное лицо уклоняется от уплаты налогов или сборов с полученного дохода, в его действиях при наличии к тому оснований содержатся признаки состава преступления, предусмотренного ст. 198 Уголовного кодекса РФ.

В иной ситуации действия лица, осуществляющего частную медицинскую или фармацевтическую практику без соответствующей лицензии и причинившего значительный ущерб гражданам, организациям или государству, либо извлекающего крупный доход при отсутствии вреда здоровью или смерти по неосторожности, следует квалифицировать как незаконное предпринимательство. В то же время незаконная частная медицинская или фармацевтическая деятельность не является частью незаконного предпринимательства, а представляет собой смежные преступления, поскольку специальные и общие нормы не всегда соотносятся напрямую.

При квалификации незаконного предпринимательства, связанного с производством, приобретением, хранением, перевозкой или сбытом немаркированных товаров, возникают спорные вопросы. Согласно одной точке зрения, преступления, предусмотренные статьями 171 и 171.1 УК РФ, следует квалифицировать по совокупности. Однако существует и противопо-

¹ Губарева А. В. Юридическая ответственность за незаконное предпринимательство // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 2. С. 90.

ложная позиция, согласно которой конкуренция между общей и специальной нормой не имеет места.

Объекты посягательства в указанных преступлениях значительно различаются. Ст. 171.1 УК РФ охраняет общественные отношения, касающиеся соблюдения порядка маркировки и учета товаров на территории России, тогда как ст. 171 УК РФ защищает общественные отношения, связанные с порядком ведения предпринимательской деятельности. Момент окончания преступления также различен: для ст. 171.1 УК РФ достаточно совершения одного из указанных действий в крупном размере, тогда как ст. 171 УК РФ требует причинения крупного ущерба.

При квалификации действий необходимо определить, соответствуют ли они признакам предпринимательской деятельности, определенным в п. 1 ст. 2 ГК РФ, что имеет значение для точного установления момента окончания преступления. Анализ диспозиций ст. 171 и ст. 171.1 УК РФ не позволяет утверждать, что одна норма охватывает признаки другой, что указывает на наличие идеальной совокупности преступлений, а не конкуренции уголовно-правовых норм.

При квалификации преступлений, указанных в статьях 171 и 223 УК РФ, возникает ряд спорных вопросов. В частности, анализ признаков объективной стороны этих деяний указывает на наличие конкуренции между общей и специальной нормами. Ст. 171 УК РФ, касающаяся незаконного предпринимательства, является общей нормой, тогда как ст. 223 УК РФ, регулирующая незаконное изготовление оружия, представляет собой специальную норму, определяющую конкретный вид незаконной деятельности.

При квалификации предпочтение следует отдать норме, которая наиболее полно отражает суть общественно опасного деяния и его социально-правовую значимость. Преступление следует квалифицировать по ст. 223 УК РФ, поскольку ст. 171 УК РФ не применяется в данном случае¹.

Необходимо также отметить, что незаконное предпринимательство не относится к налоговым преступлениям, так как нарушения в сфере налогообложения не являются предметом ответственности по ст. 171 УК РФ. Здесь вред причиняется общественным отношениям, связанным с порядком ведения предпринимательской деятельности, который нарушается при незаконном предпринимательстве. Незаконное предпринимательство представляет собой самостоятельный состав преступления, и доход, полученный в результате этой деятельности, не подлежит налогообложению, а должен быть полностью изъят в доход государства. Поэтому не может быть идеальной совокупности между незаконным предпринимательством и уклонением

¹ Лихолетов А. А. Проблемы квалификации незаконного предпринимательства в условиях реформирования уголовного законодательства // Научный портал МВД России. 2021. № 3(55). С. 32.

от уплаты налогов.

Также стоит упомянуть, что незаконная организация и проведение азартных игр, охватываемые ст. 171.2 УК РФ, являются разновидностью незаконного предпринимательства. Здесь имеет место конкуренция норм, где ст. 171.2 УК РФ, касающаяся организации азартных игр, выступает как специальная норма по отношению к общей норме ст. 171 УК РФ.

Специфика преступления по ст. 171.2 УК РФ заключается в том, что оно связано с нарушением установленных правил организации азартных игр. Эта норма является бланкетной и требует обращения к нормативным актам, таким как Федеральный закон от 26 декабря 2006 г. № 244-ФЗ и Положение о лицензировании азартных игр.

Деятельность по организации азартных игр, включая использование сети «Интернет» и других средств связи, запрещена без надлежащего разрешения и должна соответствовать требованиям законодательства. В сравнении с незаконным предпринимательством, наказание за нарушение правил проведения азартных игр более строгое, что обусловлено возможными более серьезными последствиями для общества.

Объективная сторона ст. 171.2 УК РФ включает в себя три формы: проведение азартных игр вне игорной зоны, использование информационно-телекоммуникационных сетей без разрешения, и нарушение порядка в игорной зоне. Условием уголовной ответственности является извлечение дохода в крупном размере, и для привлечения к ответственности требуется, чтобы деятельность полностью соответствовала признакам незаконного предпринимательства¹.

Совершенствование законодательства является ключевым шагом к решению проблем квалификации незаконного предпринимательства. Одной из основных задач является уточнение и конкретизация норм, регулирующих предпринимательскую деятельность, чтобы устранить существующие правовые неопределенности и пробелы и включает в себя разработку четких критериев для определения границ между различными видами экономических правонарушений, что позволит более точно квалифицировать действия правонарушителей и обеспечить единообразие в правоприменении. Также важно создать эффективные механизмы для правоприменения, которые бы учитывали все особенности предпринимательской деятельности и обеспечивали справедливое наказание².

Стоит принимать во внимание современные тенденции и изменения в экономической среде при обновлении законодательства. Важно интегрировать новые формы предпринимательской деятельности и учитывать практику цифровизации экономики, что поможет адаптировать правовую

¹ Серeda И. М. Незаконное предпринимательство в России: проблемы квалификации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 12. С. 41.

² Лихолетов А. А. Проблемы квалификации незаконного предпринимательства в условиях реформирования уголовного законодательства // Научный портал МВД России. 2021. № 3(55). С. 29.

систему к новым вызовам. Учитывая растущее количество интернет-платформ и онлайн-бизнеса, законодательство должно предоставлять четкие и актуальные нормы для регулирования этих сфер, чтобы предотвратить злоупотребления и обеспечить защиту как потребителей, так и добросовестных предпринимателей.

Улучшение правоприменительной практики является важным направлением в решении проблем квалификации незаконного предпринимательства.

Помимо указанного необходимо пересмотреть размеры административной ответственности за осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии), тем более при наличии в настоящее время тенденции по увеличению размеров государственной пошлины.

Совершенствование законодательства, улучшение правоприменительной практики и усиление профилактических и контрольных мер являются ключевыми элементами в борьбе с этой проблемой. Уточнение правовых норм и повышение квалификации правозащитников помогут обеспечить точное и единообразное применение законодательства, тогда как эффективные программы профилактики и строгий контроль будут способствовать снижению уровня нарушений и повышению правовой осведомленности. Совместное применение этих мер позволит создать более устойчивую и справедливую правовую среду для предпринимательской деятельности.

Перспективы дальнейшего исследования в области квалификации незаконного предпринимательства могут включать углубленный анализ влияния цифровизации и новых бизнес-моделей на правоприменение и законодательство.

Научная статья
УДК 343.611

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР
ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
В КОНТЕКСТЕ ИНСТИТУТА ПРИВИЛЕГИРОВАННЫХ УБИЙСТВ
(СТАТЬИ 106-108 УК РФ)**

Анна Михайловна ЧИХРАДЗЕ

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
Anna.chikhradze@mail.ru

Аннотация: статья посвящена анализу уголовно-правовой ментальности как фактора формирования современной уголовной политики в России

в контексте регламентации привилегированных убийств (статьи 106—108 УК РФ).

Рассматриваются современные тенденции гуманизации уголовного законодательства и учета ментальных установок, таких как сострадание, коллективизм и стремление к социальной справедливости, в правоприменительной практике.

Особое внимание уделяется изменению законодательства и судебной практике в части индивидуализации наказания и учета субъективных обстоятельств, таких как психоэмоциональное состояние правонарушителя. Делается вывод о том, что российская уголовная политика направлена на создание справедливой и гуманной системы уголовного права, учитывающей культурные и социальные особенности общества.

Ключевые слова: уголовно-правовая ментальность, привилегированные убийства, уголовная политика, гуманизация правоприменения, индивидуализация наказания

Original article

CRIMINAL LAW MENTALITY AS A FACTOR FORMATION OF MODERN CRIMINAL POLICY IN THE CONTEXT OF THE INSTITUTION OF PRIVILEGED MURDERS (ARTICLES 106—108 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Anna M. CHIKHRADZE

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, Anna.chikhradze@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the analysis of criminal-legal mentality as a factor in shaping modern criminal policy in Russia in the context of the regulation of privileged homicides (Articles 106-108 of the Criminal Code of the Russian Federation).

It examines contemporary trends in the humanization of criminal legislation and the consideration of mental attitudes such as compassion, collectivism, and the pursuit of social justice in law enforcement practices. Special attention is paid to changes in legislation and judicial practice regarding the individualization of punishment and the consideration of subjective circumstances, such as the psycho-emotional state of the offender.

The conclusion is made that Russian criminal policy aims to create a fair and humane criminal justice system that takes into account the cultural and social characteristics of society.

Keywords: criminal-legal mentality, privileged homicides, criminal policy, humanization of law enforcement, individualization of punishment

Современные тенденции трансформации всех сфер жизни нашего общества, включая уголовно-правовую, ставят перед государством, законодателем, правоприменителем новые задачи, результативное решение которых, представляется, требует учета как объективных, так и субъективных факторов, комплексного подхода исследования их взаимодействия.

Такой задачей является повышение эффективности разработки и реализации мер уголовно-правовой политики государства, в частности в контексте института привилегированных убийств. В условиях, когда общество и его ценности претерпевают значительные изменения, важно учитывать не только традиционные методы воздействия, но и внутренние глубинные аспекты личности.

Исследование элементов уголовной политики и их взаимосвязи является сегодня необходимым, поскольку общество и его ценности претерпевают значительные трансформации, что не может не находить своего отражения в законодательном урегулировании общественных отношений и правоприменении. На сегодняшний день в разных сферах юриспруденции происходит смещение вектора исследований в сторону целесообразности изучения и учета субъективных факторов. Так, в контексте представленного исследования видится перспективным исследование ментальности в уголовно-правовом ключе как субстанции, оказывающей воздействие на субъективное восприятие таких фундаментальных уголовно-правовых базисов, как законность, справедливость, гуманность, эффективность. Указанный подход позволяет более глубоко исследовать глубинные императивы человеческого поведения, что особенно важно в контексте формирования современной уголовной политики, направленной на индивидуализацию наказания и справедливое, гуманное правоприменение, а также отвечающей требованиям времени и способной обеспечить необходимый уровень безопасности в обществе.

Теоретическая база представленного исследования носит междисциплинарный характер в силу многогранности понятия «ментальность». Так, уделять внимание ментальности как фактору, оказывающему влияние на поведение индивидуума, стали еще в Древней Греции, о чем свидетельствуют работы таких философов, как Гиппократ и Платона. В период Сред-

невековья и Нового времени работы философов были посвящены различным проявлениям ментальности и ее природе (как объективному проявлению психике либо субъективному — «духу народа»). Российские мыслители также уделяли внимание указанному феномену и его различным ее признакам (Н. Бердяев, А. Гуревич, М. Скрынник и др.).

Вопросам уголовно-правового значения ментальности, ее влияния на формирование уголовной политики государства, законодательства и правоприменительной практики на современном этапе посвятили свои труды такие российские ученые как А. И. Бойко (системный подход объяснения структуры и эволюции уголовного права и законодательства), М. В. Бавсун (исследование уголовно-правовой политики с позиции уголовно-правовой идеологии), В. В. Кулыгин (изучение понятия «этнокультура уголовного права» и его влияние на «живое право»).

Так, М. В. Бавсун указывает на необходимость единого подхода к формированию уголовной политики, где идеология и общественное восприятие играют ключевую роль¹. Он подчеркивает, что существующая модель уголовно-правового воздействия должна учитывать не только жесткость наказания, но и гуманистические принципы, что особенно прослеживается в законодательной регламентации убийств с привилегированным составом. В свою очередь А.И. Бойко подчеркивает, что духовные и нравственные аспекты играют важную роль в процессе формирования уголовного законодательства. Он отмечает, что моральные и религиозные основы способствуют очеловечиванию уголовного права и смягчению наказания для тех, чьи действия можно объяснить человеческими слабостями или социальными обстоятельствами².

Таким образом, тематика исследования, представляется, особо актуальна в современных условиях жизни нашего общества и содержит аспекты, требующие исследования под новым ракурсом. Несмотря на наличие имеющегося массива исследований общетеоретического и правового характера, необходимо уделить внимания вопросам ментальности как фактора, оказывающего влияние на формирование и реализацию уголовно-правовой политики в контексте отдельных групп преступлений, в том числе привилегированных убийств.

Составы убийств, предусмотренные в ст. 106—108 УК РФ всегда вызвали особый интерес исследователей. Их своеобразное законодательное

¹ Бавсун М. В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации: автореф. дис. ... докт. наук. Омск, 2013. С. 12-15.

² Бойко А. М. Нравственно-религиозные основы уголовного права: монография. 2-е изд. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 25-30.

формулирование, учитывающее в равной степени как факторы объективного, так и субъективного характера, влияющие на существенное понижение степени общественной опасности, не только до сих пор находятся в дискуссионном поле уголовно-правовой науки, но и позволяют всесторонне увидеть, как именно уголовно-правовая ментальность связана с формированием уголовного законодательства, правоприменением и уголовной политикой государства.

Уголовно-правовая ментальность — это динамичное исторически обусловленное правовое явление, имеющее ценностно-нормативный характер влияния на объективное право, отражающее особенности восприятия уголовно-правовой картины мира определенным этносом, социумом, цивилизацией через сферу систематизированного бессознательного правового опыта и сложившейся иерархии архетипов уголовно-правового поведения¹. Таким образом, научный анализ указанных ранее причинно-следственных взаимосвязей целесообразно осуществлять через призму истории — анализа правовых источников, а также социальных, экономических и политических условий жизни общества и государства в различные периоды.

Кулыгин В. В. в своих исследованиях отмечал, что «Русская Правда» и другие правовые акты Московской Руси базировались на этнокультурных и социально-психологических особенностях общества, что отразилось на подходах к наказанию и регулированию преступных деяний².

Основными чертами ментальности времен «Русской Правды» являются коллективизм и общность (всеобщее благо преобладает над индивидуальным), особые родоплеменные связи (например, безграничная власть родителей над детьми), примирение и компенсация (предпочтение отдавалось мирному урегулированию конфликтов через выплаты виры (штрафов), что свидетельствует о стремлении к сохранению социальной гармонии).

Указанные особенности общественного уклада общества того времени находили свое отражение в законодательстве и практике его применения. Так, например, безграничная власть родителей над детьми проявлялась в том, что долгое время детоубийство не считалось преступлением в традиционном понимании этого явления. Детоубийство признавалось грехом, и, соответственно, наказание за его совершение также носило специфический характер — отлучение от причастия, пост, поклоны, покаяние перед священником. А за совершение убийства вора вне условий правомерности, установленных в «Русской Правде» виновный должен был выплатить штраф (виру).

¹ Чихрадзе, А. М. К определению понятия «уголовно-правовая ментальность» // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 2(30). С. 254.

² Кулыгин В. В. Этнокультура уголовного права: дис. ... докт. наук. Хабаровск, 2003. С. 71—95.

Период действия Соборного уложения 1649 г. характеризуется усилением роли государства в регулировании общественных отношений и централизацией власти. Религия как основа духовной жизни оказала влияние на законодательстве, направляемом на защиты веры и церкви. Кроме этого, особой чертой ментальности того времени можно отметить иерархичную структуру общества с четким разделением взаимных прав и обязанностей.

Указанные особенности нашли свое отражение в уголовном законодательстве. Так, ответственность за убийство матерью новорожденного ребенка дифференцировалась, в зависимости от законнорожденности потерпевшего. Убийство ребенка, рожденного вне брака, считалось тяжким преступлением, поскольку женщина нарушала также моральные устои того времени. Иные сегодня известные привилегированные виды убийств в Соборном уложении 1649 г. не были выделены в отдельные нормы, однако субъективные и объективные факторы, сопровождающие эти деяния, учитывались как смягчающие обстоятельства.

В XIX веке российское общество испытывало влияние европейских идей, что нашло свое отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, которое, существенно расширило перечень смягчающих обстоятельств, а также выделило отдельно составы привилегированных убийств, при том, одновременно, характеризовалось достаточно репрессивными санкциями. Основными чертами ментальности того времени, которые нашли свое отражение в уголовном законе, можно определить формирование представлений о правах личности и необходимости их защиты, индивидуализации наказания, стремление к обновлению и заимствованию правовых норм.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. системно дифференцировало уголовную ответственность за детоубийство различным объективным и субъективным основаниям. Тяжким признавалось убийство новорожденного ребенка в официальном браке. Однако, наказание могло быть существенно смягчено, а деяние переквалифицировано в «простое» убийство ввиду особого «соматического состояния» виновной¹, чувства стыда, страха, а также в случае рождения ребенка «чудовищного» вида.

Указанный акт законодательства, следуя указанным ранее тенденциям, предусматривал возможность защиты своих личных прав путем причинения смерти в случае совершения насильственных действий либо тяжкого оскорбления со стороны потерпевшего (ст. 1455). Однако и на этом этапе истории прослеживается такая черта российской ментальности, как особые

¹ Бабичев А. Г. Историческое становление российского уголовного законодательства об убийстве матерью новорожденного ребенка // Вестник Челябинского государственного ун-та. 2015. № 4 (359). С. 101.

родоплеменные связи: если такое преступление совершалось в отношении родственника, к уголовной ответственности виновный привлекался на общих основаниях.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. также содержало более системное описание института необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, четко устанавливая границы правомерности причиненного вреда. Так, запрещалось причинять вред нападавшему, если фактически окончилось посягательство. Как известно, это положение нашло свое отражение и в современном уголовном законодательстве.

Все уголовно-правовые акты Советского периода, регламентируя уголовную ответственность за совершение убийств с привилегированным составом, придерживались единого вектора уголовно-правовой политики в отношении юридической оценки деяний. В советское время ментальность общества изменилась в сторону преобладания интересов государства и коллективных ценностей над личными интересами. Это оказало влияние и на регулирование ответственности за детоубийство. Так, убийство матерью новорожденного ребенка перешло в разряд не привилегированных составов преступлений, а считалось совершенным с двумяотягчающими обстоятельствами: убийство лицом, в обязанности которого входила забота об убитом, а также с использованием беспомощного состояния убитого. Подобная смена вектора уголовно-правовой политики обусловлена отчасти коммунистической идеологией, определявшей все аспекты жизни. Считалось, что государство создало все условия для хорошей жизни каждого члена общества и не может быть ни объективных, ни субъективных причин для оправдания совершения такого общественно-опасного деяния. Однако, практика шла несколько иным путем, назначая наказания виновным в размере минимума санкции статьи либо ниже низшего ее предела, проявляя таким образом такое свойство российской ментальности как сострадание¹.

Одним из ключевых признаков современной уголовно-правовой ментальности является гуманизация, что нашло свое отражение как на законодательном уровне, так и в правоприменении. Он проявляется расслоении уголовной ответственности на уровне ее дифференциации, учитывая как факторы объективного характера — обстановка необходимой обороны либо психотравмирующая ситуация, так и субъективного — особое психоэмоциональное состояние, а также в стремлении к индивидуализации наказания при его назначении, что в контексте привилегированных убийств можно

¹ Артемова В. Г. Филиппова Я. В. Ментальность русского народа: традиции и эволюция // Журнал Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. С. 8.

увидеть наглядно. Необходимо отметить, что гуманизм как признак современной уголовно-правовой ментальности тесно связан с такими чертами как сострадание, сочувствие к социально уязвимым группам населения, в том числе ввиду трудностей психологического и материального характера, которые отражались в ранее упомянутых законодательных актах (Соборное Уложение 1645 г., Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г.).

Указанные факторы нашли свое отражение в современной судебной практике, а также последних тенденциях ее изменения. Так, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27.09.2012 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» акцентирует внимание на необходимости учета эмоционального состояния лица в момент совершения преступления при даче юридической оценки его действиям.

Внесение последних изменений в указанное постановление свидетельствует о том, что ментальная установка на защиту своего дома и семьи, которая прослеживалась со времен действия Русской Правды, является и сегодня важной частью российской уголовной политики, что находит отражение в правоприменительной практике. Тенденция к укреплению защиты неприкосновенности жилища граждан и ориентирование судебно-следственной практики на такую защиту стало возможным благодаря включению к правомерным случаям необходимой обороны ситуации незаконного проникновения в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженного с насилием, опасным для жизни, или непосредственной угрозой такого насилия. Таким образом, последние трансформации уголовно-правового законодательства свидетельствуют, что российская уголовная политика направлена на защиту прав граждан в их стремлении сохранить неприкосновенность своего дома, что глубоко связано с культурными традициями и ментальными установками нашего общества.

Все вышеописанные периоды показывают, что ментальные установки общества оказывали значительное влияние на формирование уголовной политики в разные исторические эпохи. Уголовная политика, по сути, является отражением социально-экономических, культурных и идеологических установок общества, формируя подходы к регулированию преступного поведения и мерам воздействия. В эпоху «Русской Правды» доминировал коллективистский подход, в котором важным элементом было примирение и поддержание социальной гармонии, что нашло свое отражение в правовых нормах. В период до XIX века централизация власти и усиление роли государства привели к более жесткому, но одновременно гуманистическому подходу, при котором учитывались обстоятельства, смягчающие вину.

Советский период характеризовался идеологизацией и строгим контролем над обществом, однако гуманистические установки также оставались частью уголовной политики, что выражалось в наличии смягчающих норм в отношении социально уязвимых категорий граждан, таких как матери. В современное время акцент на индивидуализацию наказания и гуманизацию уголовного права подтверждает, что ментальные установки общества на справедливость и защиту прав личности продолжают оказывать влияние на уголовную политику Российской Федерации. Постановления Пленума Верховного Суда, учитывающие психическое состояние и особые обстоятельства обороны, свидетельствуют о стремлении правоприменительных органов к адаптации уголовной политики к современным требованиям, обеспечивая баланс между защитой общества и гуманным отношением к личности.

Таким образом, уголовная политика в России на протяжении веков формировалась под влиянием ментальных установок общества, которые отражали изменения в социально-экономическом устройстве, культурных ценностях и восприятии справедливости. Учет ментальных и эмоциональных факторов при регулировании ответственности за такие преступления, как детоубийство, убийство в состоянии аффекта, при необходимой обороне, свидетельствует о стремлении к созданию гибкой и гуманной системы уголовного права, направленной на достижение социальной справедливости и защите интересов личности.

Научная статья

УДК 343.337.4

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА САМОВОЛЬНОЕ ОСТАВЛЕНИЕ ЧАСТИ ИЛИ МЕСТА СЛУЖБЫ

Маргарита Андреевна ШАБАЛИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
luckspb78@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается исторический аспект возникновения и развития российских уголовно-правовых норм, затрагивающих самовольное оставление военнослужащими военной части или места службы.

Проведен анализ функционирования и изменения военно-уголовного законодательства России на различных исторических этапах. Определены

нормативно-правовые акты, в которых российский законодатель пошел по пути дифференциации уголовной ответственности за совершение рассматриваемых преступлений.

На основании исследования научной, исторической литературы и нормативно-правовых актов автором определяются предпосылки к смягчению либо ужесточению уголовной ответственности за самовольное оставление военной части или места службы в зависимости от состояния военно-политической обстановки в стране и мире.

Ключевые слова: военная служба, уголовная ответственность, наказание военнослужащих, воинская повинность, воинские преступления

Original article

RUSSIAN CRIMINAL LAW AND THE EVOLUTION OF LIABILITY FOR SELF-AUTHORIZED ABANDONMENT OF A MILITARY UNIT OR POST: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

Margarita A. SHABALINA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, luckspb78@gmail.com

Abstract. The article examines the historical aspect of the emergence and development of Russian criminal law norms affecting the unauthorized abandonment by military personnel of a military unit or place of service.

The analysis of the functioning and changes in the military criminal legislation of Russia at various historical stages is carried out. The normative legal acts in which the Russian legislator followed the path of differentiation of criminal liability for the commission of the crimes in question are defined.

Based on the research of scientific, historical literature and normative legal acts, the author determines the prerequisites for mitigating or tightening criminal liability for unauthorized abandonment of a military unit or place of service, depending on the state of the military-political situation in the country and in the world.

Keywords: military service, criminal liability, punishment of military personnel, conscription, military crimes

Изучение исторического аспекта возникновения, функционирования и изменения российских уголовно-правовых норм, затрагивающих деяния, совершенные военнослужащими, имеет прямую зависимость как от внеш-

них и внутривойсковых событий в нашей стране, так и от этапов развития самой российской армии.

Отсутствие (до определенного исторического момента) в России регулярной армии и, соответственно, воинской повинности логично объясняет факт отсутствия в то время и военно-уголовного законодательства.

Возникновение, функционирование и изменение ответственности за самовольное оставление части или места службы считаем необходимым рассматривать в разрезе ретроспективного анализа, обратившись к истории России и истории развития ее уголовно-правовых норм.

Еще в первой половине XVI века любые стоящие перед народом России задачи по защите земель от внешнего врага реализовывались посредством использования временных вооруженных формирований. Такими формированиями в тот период являлись дружины, ополчение и др.

Лица, осуществляющие руководство в вышеуказанных вооруженных формированиях, самостоятельно регулировали вопросы, связанные с поддержанием уровня служебной дисциплины, исполнением приказов и отношением к службе. По окончании выполнения боевых задач временные вооруженные формирования расформировывались, служивые люди возвращались к мирному быту. При необходимости их вновь призывали к ратной службе, что являлось их обязанностью, за отказ от исполнения которой в должной мере предусматривался ряд наказаний, а именно от изъятия имущества до высшей меры — смертной казни. К смертной казни прибегали в случае, когда такие действия виновного, как неприбытие на бой или оставление караульного места несения службы, приводили к победе врага над российским вооруженным формированием. Вышеуказанные действия, направленные против военной службы в тот период, имели характер правонарушений и совершались как лицами из числа командного состава временных вооруженных формирований, так и их подчиненными.

Во второй половине XVI века в России впервые законодательно закрепили ответственность за преступления, совершенные на военной службе. Боярский приговор о службе от 16.01.1571 предусматривал ответственность за совершение конкретных преступных деяний, например, за уклонение от воинской службы или самовольный уход с поста до смены караула во время нападения врага законодатель в качестве наказания предусматривал смертную казнь. За опоздание к месту несения службы и за небрежное отношение к службе (независимо от наступления негативных последствий) предусматривалось наказание в виде денежного штрафа либо наказание кнутом¹.

Далее, во времена правления Ивана IV, вооруженные формирования

¹ Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук / под ред. Н. А. Попова и Д. Я. Самоквасова. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890-1901. Том 1. С. 3.

России стали обретать очертания постоянных вооруженных сил. Это стало возможным по двум причинам. Первой являлось создание постоянно действующих вооруженных формирований «Стрелецких полков Московского государства», вторая — формирование военно-уголовного права, а именно создание в 1621 году «Устава ратных, пушкарских и других дел, касающихся до военной науки», который объединил в себе нормы двух отраслей права — военного и уголовного¹.

Устав состоял из двух частей, одна из которых была посвящена преступлениям общеуголовной направленности, а вторая часть содержала преступления, относящиеся к нарушениям обязанностей, связанных с несением военной службы. Уголовная ответственность в вышеуказанном Уставе, среди прочих преступлений, предусматривалась за самовольное оставление службы, за оставление пушки или допуск к ней посторонних, утрату пороха, пьянство и т. д.².

Преступлениям, связанным с оставлением воинской службы, и уголовной ответственности за них в 1649 году придают большее значение в связи с принятием Соборного Уложения, в котором вид наказания за совершенное преступление напрямую зависит от обстоятельств, при которых оно было совершено. Тяжесть наказания зависела от наступления негативных последствий от совершенного преступления либо от возможности их наступления. При назначении наказания учитывалось, в какое время (военное, мирное) совершено преступление.

Таким образом именно в этот период законодательство встало на путь дифференциации уголовной ответственности. К видам наказаний законодатель того времени относит смертную казнь, тюремное заключение, штраф, конфискацию имущества, а также телесные наказания, среди которых часто использовалось отсечение конечностей.

Петр I приложил немало усилий для создания в России регулярной, профессионально обученной и боеспособной армии. Проводя военные реформы, Петр I старался создать в России армию по образцу армий Европы. В этой связи императором были введены всеобщая воинская повинность, воспитание, физическая и боевая подготовка солдат и офицеров. Воинская дисциплина и единоначалие в современной армии так же заслуги Петра I.

В тот период, среди прочих, были приняты следующие нормативно-правовые акты, регулирующие деятельность воинских формирований:

¹ Полный курс уголовного права: Преступления против государственной власти. Преступления против военной службы. Преступления против мира и безопасности человечества. Международное уголовное право. В 5-ти томах. Т. 5 / Под ред. А. И. Коробеева. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. С. 265.

² Агишев Р. М. Воинская преступность: Криминологические и уголовно-правовые аспекты. СПб., 2005. С.16.

«Краткий артикул, избранный из древних христианских воинских прав и проч.» 1706 г., «Воинский устав» 1716 г., «Артикул Воинский с кратким толкованием» 1715 г. и «Морской Устав» 1720 г.

Воинский артикул представлял тщательно проработанное собрание военно-уголовных норм. Сконструированная в нем система преступлений, связанных с военной службой, сохранилась по настоящее время, хотя и претерпела некоторые изменения.

Ответственность за уклонение от военной службы ужесточилась и получила прямую зависимость от звания военнослужащего.

Нормы, содержащиеся в артикулах, принятых Петром I, действовали почти полтора столетия, а именно до 1867 года, когда Александр II утвердил Воинский Устав о наказаниях. Данный устав действовал до 1917 года. Кроме того, при Александре II была учреждена разноуровневая система постоянно действующих военных судов.

Во время правления Александра II военно-уголовное законодательство продолжило путь, направленный на дифференциацию уголовной ответственности за совершение преступлений, связанных с самовольным оставлением места воинской службы. 12.01.1916 в Воинский Устав о наказаниях были внесены изменения, ужесточающие уголовную ответственность за самовольную отлучку, дезертирство и уклонение от службы.

В сравнении с главой 33 УК РФ о преступлениях против военной службы Воинский устав о наказаниях содержал более широкий перечень преступлений, однако в нем отсутствовали составы преступлений против порядка использования военной техники и оружия. Остальные составы преступлений похожи, есть отличие в своеобразной системе наказаний за преступления, совершаемые должностными лицами.

Следует сделать вывод, что в XIX веке российское военно-уголовное законодательство развивалось и представляло собой широкую систему уголовно-правовых и дисциплинарных норм, которые регулировали ответственность за различного рода военные преступления. И исследуемая норма в виде самовольного оставления части или места службы имеет свое отражение в преступлениях против порядка несения военной службы того периода.

Анализ законодательства советского и постсоветского периода показывает, что во времена СССР отрасль военно-уголовного права стала составной частью уголовного законодательства и перестала существовать как самостоятельная отрасль.

26.10.1917 Декретом II Всероссийского съезда Советов была отменена

смертная казнь на фронте как вид наказания¹. Лица, совершившие преступления, предавались военно-революционному суду и признавались врагами народа².

В период гражданской войны в ряды Красной Армии набирали большое количество граждан, возможность для тщательной проверки бойцов отсутствовала, поэтому внутри воинских формирований был необходим порядок и контроль. Непростое время требовало от законодателя принятия жестких мер, направленных как против контрреволюционеров, так и против лиц, нарушающих порядок несения службы.

Понятие воинского преступления определено в ст. 200 УК РСФСР принятого 26.05.1922. Впервые в законодательном порядке было дано четкое определение трех конкретных составов преступлений против порядка пребывания на военной службе: побега (ст. 204); самовольной отлучки (ст. 205); уклонения военнослужащего от несения военной службы или от участия в боевых действиях путем причинения себе какого-либо повреждения или путем иного обмана (симуляции глухоты, немоты, слепоты, душевной болезни и др.) (ст. 206)³.

Постановлением IV сессии ВЦИК IX созыва «Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР» от 11 ноября 1922 года была дана новая редакция статей, в которых предусматривалась ответственность за уклонение от военной службы. Самовольная отлучка подлежала наказанию в дисциплинарном порядке. Введена ч.2 ст. 206, предусматривающая ответственность за уклонения от службы, учиненные в военное время или в боевой обстановке.

Позже, 25 декабря 1958 года, принят Закон СССР об уголовной ответственности за воинские преступления⁴. К их числу были отнесены самовольная отлучка (ст. 9), самовольное оставление части или места службы (ст. 10), дезертирство (ст. 11), самовольное оставление части в боевой обстановке (ст. 12), уклонение от воинской службы путем членовредительства или иным способом (ст. 13).

Существенным изменениям советское военно-уголовное законодательство подверглось в 1983 году. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 декабря 1983 года была установлена уголовная ответственность военнослужащих за самовольное оставление воинской части или места службы

¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства № 1 от 1 декабря 1917 г. Ст. № 4.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства № 6 от 19 декабря 1917 г. Ст. № 96.

³ Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. / А. А. Герцензон, И. Т. Голякова. // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР, 1917-1952 гг. М. : Госюриздат, 1953. С. 140-141.

⁴ Закон СССР Об уголовной ответственности за воинские преступления от 25 декабря 1958 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

продолжительностью свыше десяти суток (как было предусмотрено Законом СССР об уголовной ответственности 1958 года), а также менее десяти, но свыше трех суток либо совершенное повторно.

В настоящее время действует Уголовный кодекс РФ 1996 года, которым в ст. 337 установлена ответственность за самовольное оставление части или места службы.

Напряженная военно-политическая обстановка в мире в 2022 году предопределила необходимость ужесточения наказания по преступлениям, предусмотренным ст. 337 УК РФ. Так 24.09.2022 вступили в силу поправки к вышеуказанной статье УК РФ. Данные поправки разграничили совершение преступлений в мирное время, период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, они увеличили ответственность за совершение данного преступления: теперь военнослужащего, покинувшего воинскую часть или место своей службы (равно не явившегося в часть или на место службы) без уважительной причины на срок от 2 до 10 суток, может ждать наказание в виде лишения свободы до пяти лет, а для военнослужащего, покинувшего воинскую часть или место своей службы или не явившегося в часть или на место службы без уважительной причины на срок от 1 месяца и более, законодатель предусмотрел наказание в виде лишения свободы на срок до десяти лет.

В сравнительно-историческом аспекте современное законодательное регулирование уголовной ответственности за самовольное оставление части или места службы до внесения изменений в УК РФ от 24.09.2022 можно охарактеризовать как достаточно либеральное. Это выражается, в первую очередь, в декриминализации краткосрочной самовольной отлучки, относительной мягкости санкций, в наличии специальных примечаний, предусматривающих возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших указанные преступления, а также в разграничении ответственности в зависимости от длительности, причины и цели оставления службы.

Изменения, внесенные в УК РФ 24.09.2022, ужесточили ответственность военнослужащих, что логично продиктовано изменением военно-политической обстановкой в мире.

Если в целом оценивать военно-уголовное законодательство перед распадом СССР и действующий УК РФ 1996 года, можно отметить, что имеется ряд отличительных положений, обладающих некой специфичностью. При этом, сравнивая именно норму ст. 337 УК РФ с законодательством предшествующего периода, можем отметить некоторые различия по срокам самовольного оставления части. Кроме того, после поправок, внесенных в УК РФ 24.09.2022, нынешнее законодательство становится более похожим

на то, которое действовало в советском периоде, т.к. оно устанавливает ответственность за уклонения от военной службы, совершенные как в мирное, так и в военное время либо в боевой обстановке.

Научная статья
УДК 343.97

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СОСТОЯНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ЗАКУПОК

Шамиль Мурадович ШУРПАЕВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
s.shurpaev@mail.ru

Аннотация. В статье охарактеризованы методические основы криминологического прогнозирования состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок.

Проведен обзор исследований, посвященных вопросам криминологического прогнозирования.

Определены методические особенности криминологического прогнозирования для различных этапов осуществления прогностической функции.

Ключевые слова: прогнозирование, методические основы, государственные закупки, публичные закупки

Original article

METHODOLOGICAL BASIS OF CRIMINOLOGICAL FORECASTING OF THE STATE OF CORRUPTION CRIME IN THE SPHERE OF PUBLIC PROCUREMENT

Shamil M. SHURPAEV

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, St. Petersburg, Russia, s.shurpaev@mail.ru

Abstract. The article describes the methodological foundations of criminological forecasting of the state of corruption crime in the sphere of public procurement.

A review of studies devoted to issues of criminological forecasting is conducted.

Methodological features of criminological forecasting for various stages of the implementation of the prognostic function are determined.

Keywords: forecasting, methodological principles, government procurement, public procurement

Криминологическое прогнозирование традиционно включается в структуру предмета криминологической теории¹. Подготовка обоснованных выводов, предположений, оценок (качественных и количественных) о возможном развитии криминальных явлений в будущем является, наряду с другими составляющими криминологической науки, одним из базовых условий эффективного противодействия преступности.

Между тем, прогностической функции криминологии в сравнении с другими ее составляющими уделено незаслуженно меньше внимания. Это подтверждается, например, устоявшейся структурой криминологических научных исследований (монографических, диссертационных и др.), которые, как правило, посвящены вопросам анализа состояния преступности, обобщению детерминационного комплекса конкретного вида преступности, изучению личности преступника, виктимологическим аспектам отдельных видов преступности, разработке мер предупреждения и противодействия преступности.

Прогностическая функция в криминологической науке рассматривается в различных аспектах и измерениях:

— для всех видов преступности, например, работы Антонян Ю. М.², Новичкова В. Е.³;

— для отдельных категорий преступлений, в том числе исследования Вишневецкого К. В. и др.⁴; Серебрякова Д. В. и др.⁵;

¹ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. С. 24.; Горшенков Г.Н. Криминология: научные инновации: Монография. Н. Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2009. С. 47.

² Антонян Ю. М. и др. Преступность в России : современные тенденции и прогноз развития : монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2018. 103 с.

³ Новичков В. Е. Прогнозирование в сфере борьбы с преступностью в современной России : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 471 с.

⁴ Вишневецкий К. В. и др. Преступность в Краснодарском крае: состояние и прогноз : монография. Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2019. 241 с.

⁵ Серебряков Д. В. и др. Прогноз скачков тяжких преступлений на основе иерархичности режима преступности. М.: Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, 2005. 24 с.

— в разрезе отдельных видов преступности и сфер деятельности, например, работы Алексеевой А. П.¹, Байжанова Н. А.², Котельниковой О. А.³, Моськина А. М.⁴, Скифского И. С.⁵;

— в региональном разрезе — исследования таких авторов как Абызов К. Р.⁶, Вершинин В. И.⁷, Мармута И. Л. и др.⁸; Юзиханова Э. Г.⁹;

— для индивидуального преступного поведения, в том числе исследования Коломийченко Е. В.¹⁰, Петровского А. В.¹¹, Тютикова С. Р.¹².

По нашему мнению можно выделить по крайней мере два аспекта, требующих дальнейших научных изысканий:

— развитие методологических основ криминологического прогнозирования, в том числе целей и задач, принципов, инструментов, средств, технологий, этапов с учетом влияния «цифрового» фактора, влияющего как на состояние и тенденции развития преступности (то есть объект прогнозирования), так и на методическое обеспечение прогнозирования;

— формирование методических основ криминологического прогнозирования для отдельных сфер деятельности с учетом состояния преступности в таких сферах, специфики детерминационного комплекса, иных особенностей прогнозирования, характерных для таких сфер.

В числе приоритетных сфер антикоррупционной политики долгие годы

¹ Алексеева, А. П. Состояние коррупционной преступности в образовательной сфере в Волгоградской области, ее прогноз и основные направления предупреждения. 2017. № 1-12. URL: <https://znanium.com/catalog/product/851065> (дата обращения: 26.11.2024).

² Байжанов Н. А. Объяснение, прогнозирование и предупреждение преступлений в сфере экономики в Республике Казахстан и Российской Федерации : дис... канд. юрид. наук : 12.00.08. Астана, 2006. 205 с.

³ Котельникова О.А. Уличная преступность портовых городов: криминологическая характеристика, профилактика и прогнозирование : по материалам Дальневосточного федерального округа : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2012. 206 с.

⁴ Моськин А. М. Криминологическое прогнозирование преступности в сфере экономики : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 176 с.

⁵ Скифский И. С. Объяснение и прогнозирование насильственной преступности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 303 с.

⁶ Абызов К. Р. Проблемы криминологического прогнозирования и предупреждения региональной преступности : по материалам Сибирского федерального округа : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 199 с.

⁷ Вершинин В. И. Особенности криминологического исследования преступности юга Тюменской области за период с 1981 по 2001 гг. и организация ее предупреждения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 290 с.

⁸ Мармута И. Л. и др. Преступность в Ставропольском крае: состояние и прогноз : монография. Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2021. 267 с.

⁹ Юзиханова Э. Г. Тенденции и закономерности преступности в субъектах Российской Федерации : дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 2006. 415 с.

¹⁰ Коломийченко Е. В. Прогнозирование преступности осужденных в местах лишения свободы : диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2000. 169 с.

¹¹ Петровский А. В. Криминологическое прогнозирование преступного поведения молодежи = Criminological prognostication of criminal behavior of young people : Criminological prognostication of criminal behavior of young people. СПб. : Р. Асланова : Юрид. центр Пресс, 2005. 218 с.

¹² Тютиков С. Р. Криминологическое прогнозирование преступности среди осужденных к лишению свободы : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 1998. 259 с.

значится сфера публичных закупок. Это подтверждается как статистическими данными, так и, во многом основанными на них, приоритетными направлениями антикоррупционной работы на ближне-, средне- и долгосрочный период, закрепленными в ряде правовых актов¹. Формирование методических основ криминологического прогнозирования состояния коррупционной преступности в данной сфере станет одним из условий выбора оптимальных алгоритмов организации и осуществления прогнозной деятельности и, как результат, формирования научно обоснованных предположений о развитии исследуемых противоправных явлений в будущем, применяемых как аналитическое основание повышения эффективности противодействия преступности в сфере публичных закупок.

Под методикой может пониматься «совокупность методов и приемов для эффективного исследования какого-либо явления» или «отдельные частные методы или приемы исследования»². Под методическими основами криминологического прогнозирования для целей настоящего исследования будем понимать исходные положения, учитывающие специфику предметной области прогнозирования, влияющие на выбор методов прогнозирования и определяющие их содержание.

Формат данного исследования не позволяет охарактеризовать весь объем методических основ прогнозирования состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок (далее – методические основы). С учетом этого надо отметить, что любой прогноз, в том числе криминологический требует решения следующих блоков задач:

1. Подготовительного: установление границ и параметров объекта криминологического прогнозирования; определение эмпирической базы; выбор источников информации; определение влияния детерминационного комплекса на возможные тенденции изменения преступности в будущем; определение набора данных (количественных и (или) качественных) для построения прогноза, прогнозных сценариев; сбор и обобщение данных; решение иных подготовительных задач.

2. Методического: выбор методов прогнозирования, отвечающих спе-

¹ См., например: п. 45 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 № 400; п. 12 ст. 7 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.); ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 26.12.2024 г.); ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.); раздел X Указа Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы» и др. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Стернин И. А. О понятиях метод, методика, прием // Вопросы психолингвистики. 2008. № 7. С. 24.

цифике объекта прогнозирования, возможностям осуществления подготовительного блока (например, с точки зрения доступности информации для подготовки прогноза, ее качества), задач построения прогнозных моделей и сценарных вариантов развития анализируемых явлений.

3. Информационно-аналитического и собственно прогностического: построение прогноза и прогнозных сценариев, оценка их качества, интерпретация результатов прогнозирования, определение возможностей учета результатов прогнозирования в научной и практической деятельности.

Отдельные аспекты методических основ криминологического прогнозирования состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок будут раскрыты для перечисленных выше блоков задач.

1. Подготовительный блок задач прогнозирования.

Одним из базовых факторов, определяющих содержание методических основ криминологического прогнозирования состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок, является состояние системы статистического учета преступности в данной сфере и возможности сбора информации для построения прогнозов.

Сфера публичных закупок, объединяющая такие сегменты как государственные (муниципальные) закупки (в том числе государственный оборонный заказ) и государственно-корпоративные закупки, является одной из наиболее подверженных коррупционным проявлениям¹.

Согласно данным статистической отчетности о состоянии коррупционной преступности в 2022—2023 годы, из общего количества преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных в 2023 году в России (36 407 преступлений), 1,9 % (684 зарегистрированных преступления) приходятся на преступления, связанные с подкупом должностных лиц при осуществлении ими полномочий в сфере государственных и муниципальных закупок («откаты») (649 преступлений зарегистрировано в 2022 году)².

Существующие формы федерального статистического наблюдения в рассматриваемой сфере охватывают сегменты государственных (в том числе государственный оборонный заказ) и муниципальных закупок, которые осуществляются в соответствии с требованиями Федерального закона от 5 апреля 2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». Пре-

¹ Закупки товаров и услуг признали самой коррумпированной сферой в 2023 году. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6393514> (дата обращения: 20.09.2024).

² По данным Сводных отчетов по России о результатах работы правоохранительных (правоприменительных) органов по борьбе с преступлениями коррупционной направленности за 2022-2023 годы по форме 1-КОРР (599), утв. приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 26 декабря 2013 г. № 553 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 1-КОРР».

ступления коррупционной направленности, совершенные при осуществлении государственно-корпоративных закупок (урегулированные положениями Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц») формально остаются за рамками государственного статистического учета коррупционной преступности в сфере публичных закупок. Это влияет как на вопросы анализа состояния коррупционной преступности в рассматриваемой сфере, так и определяет особенности методического обеспечения прогнозирования состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок.

Другая особенность рассматриваемого объекта прогнозирования – при формировании прогнозов требуется учитывать, состояние не только коррупционной, но и криминологически смежной экономической преступности. В существующих формах статистической отчетности преступлений экономической направленности¹ ведется учет соответствующих видов преступности в приоритетных сферах деятельности. К числу таких приоритетных сфер, совершение преступлений экономической направленности в которых непосредственно связано с коррупционной преступностью в сфере публичных закупок, можно отнести:

- преступления, связанные с реализацией национальных проектов (программ);
- преступления, связанные с освоением бюджетных средств;
- преступления, связанные с государственным заказом.

Преступления экономической направленности в вышеприведенных приоритетных сферах могут предшествовать, сопутствовать или способствовать совершению преступлений коррупционной направленности в сфере публичных закупок. Следует учитывать и «пересечения» статистического учета криминологически смежных видов преступности.

Таким образом, решение задач выбора источников информации, определения набора данных для построения прогноза требует учета текущего состояния системы статистического учета состояния коррупционной преступности в сфере закупок. Прежде всего требуется учитывать неоднородность собираемых для подготовки прогноза данных, наличие нескольких статистических блоков взаимосвязанных между собой данных.

В ходе реализации подготовительного этапа прогнозирования следует обеспечить достаточное количество временных рядов (лет) для построения

¹ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 29 марта 2017 г. № 219 «Об утверждении и о введении в действие формы федерального статистического наблюдения № 1-Э «Сведения о преступлениях экономической направленности и лицах, их совершивших» (с изм. с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429).

качественного прогноза. Количественные данные следует дополнять качественными, в том числе результатами социологических исследований, анализа материалов уголовных дел, судебных решений, практики контрольно-надзорной деятельности. Последнее позволит, например, создать условия для дополнения общих прогнозов состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок прогнозами индивидуального преступного поведения.

Объект криминологического прогнозирования — коррупционная преступность в сфере публичных закупок — может быть представлен следующими блоками:

1) Системой показателей, характеризующих параметры будущего развития коррупционной преступности в сфере публичных закупок:

- количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в сфере публичных закупок;

- уровень коррупционной преступности в сфере публичных закупок;

- динамические показатели коррупционной преступности в сфере публичных закупок;

- относительные показатели коррупционной преступности в сфере публичных закупок (доля в общем количестве преступлений коррупционной направленности);

- структурные показатели зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в сфере публичных закупок: региональная, по категориям преступлений, по видам преступлений, по этапам закупок и др.;

- уровень латентности преступлений коррупционной направленности в сфере публичных закупок;

- другие показатели в зависимости от задач конкретного исследования.

2) Системой показателей, характеризующих будущее состояние криминологически смежных видов преступности, в том числе экономической в отдельных сферах деятельности. В данном блоке может быть осуществлен прогноз аналогичного вышеприведенному комплексу показателей для преступлений экономической направленности, связанных с: реализацией национальных проектов (программ); освоением бюджетных средств; государственным заказом.

3) Параметрами и характеристиками, определяющими возможные модели индивидуального преступного поведения лиц, совершающих преступления коррупционной направленности в сфере публичных закупок.

Вышеприведенные блоки и их содержание, составляющие объект криминологического прогнозирования и часть методических основ данной деятельности, могут использоваться вариативно в зависимости от задач конкретного исследования, доступных для проведения соответствующих иссле-

дований ресурсов (информационных, компетентностных, трудовых, временных и др.).

2. Методический блок задач прогнозирования.

Всю совокупность методов криминологического прогнозирования можно разделить на виды:

1) С преобладанием субъективной, интуитивной составляющей, основанные на суждениях, оценках экспертов: индивидуальные экспертные оценки; коллективные экспертные оценки, основанные на результатах интервью, опроса, других методов сбора информации.

2) Формализованные методы, основанные на выявлении математических зависимостей, тенденций; построении моделей, характеризующих зависимости результативных факторов (например, уровня преступности) от факторных. Общим свойством здесь является использование значительного объема статистических данных.

С учетом повышенного уровня латентности рассматриваемого вида преступности, для целей его прогнозирования, построения достаточного поля прогнозных сценариев следует применять данные группы методов в совокупности, учитывая их достоинства и недостатки.

Например, главный недостаток метода экстраполяции (разновидность формализованного метода) – прогноз будет относительно реалистичным и достоверным в основном только на ближнесрочный период (до 1 года), поскольку в его основе будут лежать статистические тренды прошлого. Специфика прогнозирования правовых явлений (например, значительное влияние на состояние преступности законодательной активности в конкретный временной промежуток, в том числе (де)криминализации тех или иных деяний) может оказать существенное влияние на качество прогноза. В то же время его достоинством является относительная простота применения.

Методы экспертных оценок в прогнозировании состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок могут сформировать основу для построения обобщенного прогноза, учета влияния отдельных факторов на различных временных горизонтах. При этом субъективность суждений, умозрительность оценок, неполнота информации у экспертов являются недостатком этой группы методов.

Выбор набора методов прогнозирования состояния коррупционной преступности в сфере публичных закупок будет зависеть от большого количества факторов:

- уровня профессионализма субъекта прогнозирования, наличия у него «прогностических» компетенций;
- задач конкретного криминологического исследования;
- влияния детерминационного комплекса на состояние коррупционной преступности в сфере закупок в будущем и других факторов.

3. Информационно-аналитический и собственно прогностический блок.

Сами по себе прогнозы без понимания возможностей их применения в противодействии коррупционной преступности в сфере публичных закупок не имеют какой-либо практической ценности. Прогнозы следует привязывать к основным направлениям и мерам противодействия рассматриваемому виду преступности. Прогностические параметры в этом смысле выступают количественными ориентирами и позволяют спустя определенное время дать оценку эффективности противодействия данному виду преступности.

Содержание направлений и мер противодействия коррупционной преступности в сфере публичных закупок будет определяться, в том числе горизонтом прогнозирования: ближне-, средне- или долгосрочным. Кроме этого содержание мер противодействия рассматриваемому виду преступности может быть связано с видами прогнозирования: по территориальному охвату; по типам преступного поведения (групповое, индивидуальное) и др.

Таким образом, методические основы криминологического прогнозирования в рассматриваемой сфере формируют исходные положения, учитывающие специфику предметной области прогнозирования, влияющие на выбор методов прогнозирования и определяющие их содержание. Решение конкретной прогностической задачи будет определяться широким кругом факторов. В то же время требуется дальнейшее развитие методологии криминологического прогнозирования состояния коррупционной преступности вообще и в отдельных сферах деятельности, в частности.

Научная статья

УДК 343.434

О НЕПОСРЕДСТВЕННОМ ОБЪЕКТЕ УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ (ст.119 УК РФ)

Юлия Александровна ШУТОВА

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Аннотация: В статье приведены теоретические и практико-ориентированные положения о непосредственном объекте преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ.

Автор, синтезируя представленные частные гипотезы авторитетных

ученых в области уголовного права и психологии формулирует собственное понятие «психическое и социальное здоровье», применимое для описания непосредственного объекта угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Ключевые слова: угроза убийством, непосредственный объект преступления, диалектика, психическое и социальное здоровье, права личности

Original article

ABOUT THE DIRECT OBJECT OF A THREAT TO KILL OR CAUSE SERIOUS HARM TO HEALTH (ARTICLE 119 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Julia A. SHUTOVA

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, yulya.shiganova.96@mail.ru

Abstract: This article presents theoretical and practice-oriented provisions on the direct object of the crime under Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author, synthesizing the presented private hypotheses of authoritative scientists in the field of criminal law and psychology, formulates his own concept of «mental and social health», applicable to describe the immediate object of the threat of murder or causing serious harm to health.

Keywords: threat of murder, direct object of crime, dialectic, mental and social health, individual rights

Размышляя о значении объекта преступления Н. И. Загородников указывал на то, что «объект преступления позволяет определить степень общественной опасности совершенного посягательства на блага, охраняемые уголовным законом»¹. В современной уголовно-правовой доктрине под объектом преступления принято понимать «общественные отношения, охраняемые уголовным законом, на которые посягает виновное лицо, желая причинить, либо причиняя вред, ущерб»².

При традиционном понимании общего, родового, видового и непосредственного объекта преступления, применительно к ст. 119 УК РФ, трудности возникают с определением последнего. Непосредственным объектом

¹ Загородников Н. И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. М.: РИО ВЮА, 1949. № 10. С. 8.

² Попов А. Н., Аистова Л. С. Объект преступления: учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический ин-т (филиал) Акад. Генеральной Прокуратуры Российской Федерации, 2014. С. 8.

преступления выступает та конкретная часть видового объекта преступления, которая нарушается в результате преступного посягательства. Логически обоснованным выглядит вывод о том, что непосредственным объектом преступления, предусмотренного в ст.119 УК РФ являются общественные отношения, охраняющие психическое и социальное здоровье.

В данном случае речь идет о том, что при совершении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью виновное лицо оказывает психическое воздействие на потерпевшего, тем самым от данного посягательства страдает психический или социальный компонент здоровья. Для более предметного изучения психического или социального здоровья стоит обратиться к сущности данных категорий.

Для осмысления сущности психического и социального здоровья человека в 80-е годы XX века в психологии сформировалось отдельное направление — психология здоровья. Наиболее полно и методологически системно представил критерии психического и социального здоровья Г. С. Никифоров. Так, автор, раскрывая критерии психического здоровья использовал систему психических процессов, состояний и свойств¹. Помимо толкования критериев психического здоровья, автор раскрыл сущность социального здоровья и его критериев. В результате анализа теории психического и социального здоровья Г. С. Никифорова, мы пришли к выводу о том, что психическое здоровье, это внутренняя гармония человека, выражающаяся в его процессах, состояниях, свойствах. К социальному здоровью, в обобщенном варианте следует относить адекватную социальную связь человека с другими членами общества.

Рассматривая общественные отношения, охраняющие право личности на психическое и социальное здоровье, как объект преступления, предусмотренного в ст.119 УК РФ, следует сформулировать авторское понятие психического и социального здоровья. При изложении указанной дефиниции мы будем опираться на критерии психического и социального здоровья, сформулированные Г. С. Никифоровым. Так, под психическим и социальным здоровьем следует понимать совокупность психических процессов, состояний и свойств человека, характеризующиеся душевным комфортом, адекватной регуляцией поведения, системой внутренних установок, ценностей и мотивов поведения, а также адекватной связью человека с окружающими людьми, группами людей и обществом.

Признание в качестве непосредственного объекта угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью общественные отношения, охраняющие психическое и социальное здоровье человека, находит свое отражение в современных положениях уголовно-правовой науки. В частности,

¹ Психология здоровья: Учебник для вузов / Под ред. Г. С. Никифорова. СПб. Питер, 2006. С. 59.

Л. В. Иногамова-Хегай, А. И. Рарог и А. И. Чучаева в качестве непосредственного объекта угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью признают «психический комфорт (равновесие) личности»¹. О. В. Ермакова поддерживает данную концепцию, и полагает, что «при угрозе убийством, применительно к ст. 119 УК РФ, оказывается воздействие на здоровье потерпевшего, а именно на его психическое состояние»². Т. В. Кондрашова по данной проблеме высказывает позицию о том, что «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью воздействует на сферу сознания человека, на его душевную деятельность»³.

Стоит отметить, что психический комфорт личности, сфера сознания человека и его душевная деятельность, как было рассмотрено ранее, относятся к критериям психического и социального здоровья. Таким образом, указанные авторы при характеристике объекта преступного посягательства используют частные критерии психического и социального здоровья. Однако указанные положения подтверждают сущность и истинный смысл непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ.

Современная практика также идет по пути признания угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью формой психического насилия, которая оказывает воздействие на психическое и социальное здоровье потерпевшего. В ходе изучения обвинительных приговоров суда нами было установлено, что судьи в описательно-мотивировочной части обвинительного приговора описывая предъявленное обвинение и события преступления используют категории «психическое воздействие». Так, например, мировой судья судебного участка № 10 Ленинского судебного района г. Костромы 29 сентября 2021 года вынес обвинительный приговор в отношении гражданки К, виновного в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ. В описательной части обвинительного приговора суд указал следующее: «В ходе ссоры на почве личных неприязненных отношений с потерпевшей, имея умысел, направленный на психическое воздействия на последнего, желая запугать его, нанес потерпевшей металлическим совком два удара в теменную область головы, одновременно высказав в адрес потерпевшего угрозы убийством словами «Завалю!»⁴.

¹ Уголовное право: Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаев. М.: ИНФРА-М-КОНТРАКТ, 2004. С. 65.

² Ермакова О. В. Особенности квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы XIX всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 30-31 октября 2019 г. / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 171.

³ Кондрашова Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. С. 45.

⁴ Обвинительный приговор судебного участка № 10 Ленинского судебного района г. Костромы № 1–9/2021 от 29.09.2021 г. // [Электронный ресурс] URL: http://10.kst.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=49305259&case_number=48635554&delo_id=1540006 (дата обращения: 14.11.2024 г.)

Таким образом, данный приговор демонстрирует то, что, совершая преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ виновное лицо, в первую очередь, оказывает психическое воздействие на психическое и социальное здоровье потерпевшего. Данное воздействие нарушает право потерпевшего на психическое и социальное здоровье, закрепленное в международных и национальных нормативных правовых актах. В этой связи основным непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, охраняющие психическое и социальное здоровье.

Подводя итог следует отметить то, что непосредственным объектом угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, как преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ выступают общественные отношения, охраняющие психическое и социальное здоровье личности. Учитывая данное положение, мы не нарушаем диалектической взаимосвязи части и целого, а именно иерархической классификации объекта преступления по вертикали.

II. ПРОБЛЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Научная статья
УДК 347.963

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА

Ирина Ивановна ГОЛОВКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
irinaivanovna2009@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности междисциплинарных связей науки прокурорской деятельности в части участия прокурора в гражданском судопроизводстве с иными науками.

Предложено рассматривать указанные междисциплинарные связи в процессе осуществления, который обусловлен причинами, имеет механизм и средства осуществления, а также состоит из определенных этапов.

Ключевые слова: прокурор, гражданский процесс, междисциплинарные связи, правопорядок

Original article

INTERDISCIPLINARY CONNECTIONS OF THE PROSECUTOR'S ACTIVITY IN THE CIVIL PROCEDURE IN THE ASPECT OF SECURITY LAW ENFORCEMENT

Irina I. GOLOVKO

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, irinaivanovna2009@yandex.ru

Abstract. The article examines the features of interdisciplinary connections between the science of prosecutorial activity in terms of the prosecutor's participation in civil proceedings with other sciences.

It is proposed to consider these interdisciplinary connections in the implementation process, which is caused by reasons, has a mechanism and means of implementation, and also consists of certain stages.

Keywords: prosecutor, civil procedure, interdisciplinary relations, law and order

В соответствии с п. 7 ст. 12 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» Генеральный прокурор Российской Федерации ежегодно представляет палатам Федерального Собрания Российской Федерации и Президенту Российской Федерации доклад о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению. Укреплению правопорядка подчинена вся многофункциональная деятельность прокурора.

В соответствии со ст. 2 ГПК РФ гражданское судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка. Эта задача решается судом, но и участвующие в деле лица не могут оставаться в стороне. Прокурор, совмещая статус представителя органа государства и процессуальное положение участвующего в деле лица, нацелен на укрепление законности и правопорядка и реализует соответствующие процессуальные и внепроцессуальные полномочия.

В связи с этим отметим тесную связь науки прокурорской деятельности и отраслевых наук: государственно-правовые науки, процессуальные науки, криминалистика, криминология, трудовое, земельное, жилищное и экологи-

ческое право и пр., неюридические науки — история, психология, социальные науки, наука управления.

В объединении с историческими науками формируется новое знание о событиях в истории страны и прокуратуры Российской Федерации, в том числе в новейшей истории (становление прокурорской деятельности, процессы присоединения регионов, меры противодействия недружественным мерам иностранных государств и пр.).

Государственно-правовые науки — статус органов прокуратуры, цель обращения прокурора в суд с заявлением, содействие прокурора обеспечению законности при рассмотрении дела, роль и значение участия прокурора в рассмотрении дел в инициативной форме, роль прокуратуры в достижении правопорядка, обеспечение правопорядка иными органами государства.

Знания в областях трудового, жилищного, экологического права и пр. применяются прокурором при определении оснований обращения прокурора в суд с заявлением и категорий дел, оценке нарушений закона, предупреждении нарушений закона, пресечении нарушений, возмещении причиненного вреда и ущерба, обеспечении законности в указанных сферах.

Процессуальные науки помогают конкретизировать правила собирания, использования, исследования и оценки информации о противоправном деянии, требования к использованию средств доказывания, определить круг участвующих в деле лиц.

Во взаимодействии с криминалистикой ученые обосновывают средства и способы изучения прокурором доказательств, правила получения и оформления доказательств.

Знания в области криминологии позволяют прокурору изучать преступления и сведения о преступности, знать способы предупреждения преступлений (правовые, социально — экономические меры и пр.).

Применение знаний психологии осуществляется прокурором в коллективе органа прокуратуры, в ходе надзорной и ненадзорной деятельности, в том числе в общении в судебном заседании, при разрешении конфликтных ситуаций, в случае необходимости преодоления противодействия прокурору, при осуществлении приема граждан.

Знания социальных наук применяются при анализе и обобщении жалоб и обращений, планировании работы, при оценке результатов деятельности, общественного эффекта от применения полномочий.

Отрасль знаний, регулирующая информационные отношения, задействована в обеспечении цифровизации прокурорской деятельности.

Лингвистика помогает в работе с текстом.

Знания в области науки управления используются при определении цели и средств управления, при осуществлении контроля, учете результатов

деятельности, в кадровой работе, при подборе кадров и распределении обязанностей, в ходе мер по самоорганизации.

Отношения связанных наук характеризуются их равенством, дополнением друг друга, такие отношения обозначают как междисциплинарные связи¹. Связь понимается как взаимные отношения между чем-либо, кем-либо; внутреннее единство; сообщение; средства, с помощью которых осуществляются отношения и передается информация; соединение, скрепление чего-либо². Рассмотрим междисциплинарные связи с точки зрения их осуществления.

Причины образования междисциплинарных связей — развитие науки прокурорской деятельности, поиск путей решения новых задач с учетом развития общественных отношений и жизни государства, определенная объективная невозможность отраслевого знания дать ответ на все возникающие вопросы.

В связи с изучением проблем развития науки и практики прокурорской деятельности возникала потребность сближения наук. Ученые обращались к вопросам применения знаний других наук, известно, на стыке отраслевых наук и науки прокурорской деятельности существуют области нового знания междисциплинарного характера, которые обогащают сопряженные дисциплины. Научные исследования были посвящены как рассмотрению основы указанного подхода, так и применению междисциплинарного подхода в исследовании отдельных направлений прокурорской деятельности. Можно сказать, что выстраивание междисциплинарных связей сопровождается развитием содержания деятельности прокуратуры. Междисциплинарные связи в конечном итоге служат обоснованию путей совершенствования деятельности прокурора, более результативной реализации его полномочий в целях обеспечения правопорядка.

В рассмотренных связях наука, предоставляющая знания, выступает донором, а наука, истребующая знания — акцептором. Единичное обращение к сопряженной науке дает единичную связь, а неоднократное — кратную связь. С развитием отношений отраслей знания кратность связей между ними возрастает, связь становится более содержательной, насыщенной. Тем самым количество связей определяет качественную характеристику междисциплинарного взаимодействия, т. е. переход количества в качество.

¹ Калинин Э. Ю., Люскин М. Б. Междисциплинарное и трансдисциплинарное пространство современной науки // Гуманитарный вестник. 2019. № 5. С. 3; Смирнов А. А., Носик А.С. Разработка образовательной программы на основе моделирования междисциплинарных логических связей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. № 5. С. 12—21.

² Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

Представляется, что формируемые знания междисциплинарного характера относятся к исходным положениям отраслевых наук также как, отрицание отрицания. Связанные науки (в части областей знаний, которые участвуют в междисциплинарном взаимодействии) при формировании междисциплинарного знания вступают в отношения единства и борьбы противоположностей.

2. Механизм передачи и получения информации уместно представить следующим образом. Конкретное лицо получает научно обоснованные сведения из научных, учебных, иных работ, от представителей наук путем изучения письменных и печатных текстов, работ, изданий, в беседе, прослушивая устную речь, консультируясь или дискутируя с другими исследователями, смотря видео — записи, научные публикации и пр.

Таким же путем исследователи получают сведения о практической деятельности прокурора, а также из ведомственных документов, материалов прокурорской практики, судебных постановлений, информации в СМИ и пр.

Оба вектора направленности потоков информации сходятся в условной точке — это лицо, которое занимается изучением смежных наук для решения вопроса теоретического или практического характера. Представляется, что междисциплинарные связи фактически не осуществляются в отсутствие лица, которое их объективирует, проявляет в своей деятельности. Полагаем, что таких лиц возможно разделить на две группы:

1) исследующие прокурорскую деятельность лица, представители научного сообщества, которые исследуют предметную область связанной науки и формируют междисциплинарные знания;

2) прокурор, использующий междисциплинарные знания при реализации полномочий, определенных Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» и иными федеральными нормативными правовыми актами.

3. Средства, с помощью которых осуществляются междисциплинарные связи.

В рассматриваемых отношениях связи, на наш взгляд, осуществляются посредством передачи информации, которая представляет собой знания, наработанные и систематизированные соответствующей наукой. Знания выражаются в языке, в устной и письменной речи, содержатся в бумажных рукописных и печатных текстах, документах, изданиях, электронных работах, записаны в виде видео- и аудио-файлов и пр. Следовательно, связи между дисциплинами осуществляются путем диалога устного и письменного, ознакомления с работами и файлами, их изучения, обобщения и формирования на их основе элементов междисциплинарных комплексов — новых знаний.

Исследователи используют средства получения знаний связанных наук, средства фиксации новых знаний, средства применения новых знаний.

В качестве средств получения знаний-информации связанной науки укажем: соответствующий язык, технические и программные средства просмотра (прослушивания) файлов, компьютерную технику, средства записи информации. В то же время имеет место и процесс, когда получение сведений о деятельности прокурора инициируют представители отраслевых наук. Примерами упомянутых средств выступают письменные документы о прокурорской деятельности – ведомственные нормативные акты, материалы прокурорской практики, судебные постановления и пр.

В числе средств фиксации новых знаний, которые пополняют междисциплинарный комплекс, укажем: технические и программные средства, компьютерную технику для формирования файлов с новой информацией и их хранения (тестов, графических данных, видео- и аудио-файлов и пр.); рукописные и печатные тексты, публикации, издания.

Полученные новые знания применяются, соотносятся с другими установленными выводами и положениями и при необходимости уточняются.

В последующем при ознакомлении других лиц с новой информацией порядок работы аналогичный: от ознакомления к формированию новых знаний (элементов) междисциплинарного комплекса и их применению.

На практическую деятельность прокурорских работников следует распространить те же указанные выше средства получения и фиксации знаний, особенностью является прикладная направленность их использования, а в качестве средств применения результатов междисциплинарных связей определим средства, которыми прокурор наделен нормативными правовыми актами: надзорные и ненадзорные средства, в числе которых традиционно выделяются средства выявления, пресечения нарушений закона и средства предупреждения нарушений закона.

Отметим, что в настоящее время проблематика средств прокурорской деятельности актуальна, авторы публикаций говорят о правовых средствах прокуратуры¹, правовых средствах прокурора, надзорных и ненадзорных, процессуальных правовых средствах². Однако вопросы средств, с помощью

¹ Ергашев Е. Р., Габышева Е. А. Правовые средства прокурора: проблемы осмысления, применения и правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 5 (107)). С. 38—44; Корешникова Н. Р. К вопросу о понятии и сущности правовых средств прокурора // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 4 (10). С. 88-92.

² Любчикова П. М. Особенности полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением административного законодательства. Надзорные правовые средства // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2011. № 3. С. 264—267; Ергашев Е. Р., Шваба Ф. В. Процессуальные средства прокурорского реагирования: проблемы правовой регламентации // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 1 (109). С. 78—85. журнал, (3), 264—267.

которых осуществляются междисциплинарные связи прокурорской деятельности, не исследовались.

При этом, соглашаясь с Бызовой М. В., мы не отождествляем средства и полномочия прокурора, так как средства — инструмент, выражающий полномочия, форма реализации полномочий прокурора¹.

Таким образом, правовые средства прокурора следует включить в сферу междисциплинарного взаимодействия как важную составляющую.

Практическая деятельность по применению знаний междисциплинарного характера требует помимо прочего соответствующей подготовки прокурорских работников в рамках высшего образования и дополнительного профессионального образования, стажировки, самоподготовки. При этом квалификационные характеристики прокурорских работников предусматривают компетенции более широкого характера, чем отдельная дисциплина, приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 31.03.2023 № 227 «Об утверждении квалификационных требований к должностям прокурорских работников прокуратуры города, района, приравненной к ним прокуратуры» обязывает:

1) помощника прокурора города, района, приравненного к ним прокурора:

— понимать сущность, характер и взаимодействие правовых явлений, знать основные проблемы дисциплин, определяющих область прокурорской деятельности, осознавать их взаимосвязь в целостной системе знаний и значение для реализации права в профессиональной деятельности;

— уметь применять методы анализа и прогнозирования состояния законности и правопорядка на соответствующей территории или объекте;

— обладать навыками работы в коллективе, предупреждать и конструктивно разрешать конфликтные ситуации;

— свободно владеть вербальными и невербальными средствами общения, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь, обладать навыками делового общения, публичных выступлений, профессионального ведения полемики в судебном процессе;

— владеть грамотной письменной и устной речью на русском языке;

2) заместителя прокурора города, района, приравненного к ним прокурора:

— владеть вопросами организации руководства прокуратурой;

— владеть вопросами принятия и реализации управленческих решений, организации контроля и проверки исполнения;

¹ Бызова М.В. Представление прокурора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 11.

— уметь руководить подчиненными работниками прокуратуры, оптимально распределять между ними служебные обязанности и обеспечивать взаимодействие, эффективно планировать, организовывать их работу и контролировать ее выполнение, поощрять подчиненных работников к обучению и профессиональному развитию, создавая для этого необходимые условия, поддерживать служебную дисциплину и здоровый морально-психологический климат в коллективе, объективно оценивать труд работников прокуратуры;

— уметь осуществлять воспитательную работу с кадрами органов прокуратуры.

— уметь анализировать и прогнозировать состояние законности, правопорядка в соответствии с предметной (отраслевой) компетенцией прокуратуры;

3) прокурора города, района, приравненного к ним прокурора:

— уметь осуществлять подбор кандидатов для приема на службу в органы прокуратуры и абитуриентов для обучения в высших образовательных организациях юридического профиля по направлениям органов прокуратуры; принимать меры к недопущению коррупционно опасного поведения со стороны подчиненных ему работников, подавая своим поведением пример честности, беспристрастности и справедливости; реализовывать систему мер по государственно-патриотическому воспитанию; осуществлять контроль за ведением делопроизводства, соблюдением порядка работы со сведениями, составляющими государственную и иную охраняемую законом тайну; обеспечивать организацию систематизации законодательства.

Прокурорский работник, который в практической деятельности осуществляет междисциплинарные связи и применяет знания междисциплинарного характера, должен уметь определить науку, адекватную ситуации, и спрогнозировать возможные последствия применения заимствованных знаний. Важно соблюсти правила применения соответствующих знаний, если таковые установлены в конкретной отрасли. Так, в криминалистике выработаны строгие правила совершения отдельных действий, несоблюдение которых влечет критичную оценку полученных сведений и доказательств.

Это влечет соответствующий подход в создании учебно-методического обеспечения. Программы дополнительного профессионального образования составляются с учетом междисциплинарного подхода, включают взаимосвязанные темы блоков надзора за исполнением законов, квалификации нарушений закона, криминалистических аспектов изучения прокурором материалов уголовных дел и участия в рассмотрении дел судами, что позволяет усовершенствовать знания и навыки прокурорских работников.

4. Этапы осуществления междисциплинарного взаимодействия.

Это процесс постоянный, его началом следует определить момент, когда возникает необходимость обращения к знаниям других наук. Развивающийся междисциплинарный комплекс имеет тесную связь с практикой реализации научных положений в ходе осуществления прокурорской деятельности. Таким образом, междисциплинарный комплекс связывает науку и практику прокурорской деятельности с другими науками.

Применительно к участию прокурора в гражданском судопроизводстве апробация научных положений проводится на всех стадиях гражданского процесса: возбуждение дела, подготовка дела к разбирательству, рассмотрение дела, пересмотр решения (не вступивших в силу, вступивших в силу, по новым и вновь открывшимся обстоятельствам). Следовательно, взаимосвязь наук осуществляется на всех стадиях гражданского процесса.

Таким образом, междисциплинарные связи представляют собой отношения между массивами знаний различных дисциплин. В области обеспечения правопорядка эти отношения изменяются качественно и количественно сообразно изменению внешних условий: потребностей государства, общества, прокуратуры; внутренних условий — отвечая развитию научного знания. Нами были выделены следующие особенности таких отношений: причины, механизм и средства реализации, этапы осуществления.

Научная статья
УДК 343.195.3

СОДЕРЖАНИЕ И ЦЕЛИ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Елизавета Петровна ДЁМИНА

Юридический институт Российского Университета Дружбы Народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия,
Demina_liza2294@mail.ru

Аннотация. Ключевым элементом в сложной системе государственного контроля за соблюдением экологического законодательства выступают органы прокуратуры.

Задача органов прокуратуры заключается в совместной работе с уполномоченными государственными органами, занимающимися защитой окружающей природной среды, для обеспечения соблюдения экологического правопорядка.

Ключевые слова: прокуратура, надзорные функции, природоохранная деятельность прокуратуры, экологическая полиция

Original article

THE CONTENT AND OBJECTIVES OF ENVIRONMENTAL PROTECTION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Elizabeth P. DEMINA

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia Law Institute
(RUDN University), Moscow, Russia, Demina_liza2294@mail.ru

Abstract. The Prosecutor's office is a key element in the complex system of state control over compliance with environmental legislation.

The task of the Prosecutor's Office is to work together with authorized government agencies involved in environmental protection to ensure compliance with environmental law and order.

Keywords: prosecutor's office, supervisory functions, environmental protection activities of the prosecutor's office, environmental police

Задача прокуратуры в обеспечении правопорядка, включая защиту экологии и рациональное использование природных ресурсов, утверждена в статье 1 ФЗ № 2202-1 от 17.01.1992 «О прокуратуре РФ». Особое значение придается указанию в этом фундаментальном законодательном акте о том, что прокуратура РФ действует от имени государства в целом, осуществляя надзор за верностью применения Конституции РФ и за исполнением законов на всей территории страны.

В научных кругах подчеркивается, что в России выработалась особая система прокурорского контроля за соблюдением нормативных актов в области охраны окружающей среды. За эту критическую задачу отвечают как общие, так и специальные подразделения, включая транспортные и другие сегментированные прокуратуры, обладающие экологической экспертизой. Более того, в структуре прокуратуры функционируют подразделения, непосредственно специализирующиеся на охране природы.

В современной России функционируют три специализированных межрегиональных природоохранных прокуратур, наделенных полномочиями на уровне прокуратур субъектов Федерации. Эти учреждения созданы для осуществления надзора за соблюдением экологического законодательства в крупных и экологически значимых регионах: Волжская межрегиональная природоохранная прокуратура отвечает за Волжский бассейн, Амурская

бассейновая природоохранная прокуратура действует на территории Дальнего Востока, а Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура занимается охраной Байкальской природной территории¹.

В целом, к составу упомянутых органов принадлежат 34 межрайонные экологические прокуратуры. Дополнительно, каждая из межрегиональных прокуратур обладает структурными подразделениями, задействованными в проведении надзорных операций и реализации прочих функциональных направлений. Эти межрегиональные экологические надзорные органы находятся в подчинении у первого заместителя Главы надзорного ведомства РФ. Основание для формирования подобных прокуратур заключается в принципе охраны природных бассейнов или иных значимых природных объектов на пространстве нескольких регионов, сталкивающихся с особо тяжелыми экологическими вызовами.

Действия органов природоохранной прокуратуры в РФ регламентируются нормативным актом, изданным Генеральной Прокуратурой. В соответствии с разделом 2.3 этого документа, природоохранные прокуроры, обладая полномочиями на уровне районных, ведут свою деятельность по защите окружающей среды в рамках территории определенного региона РФ:

— Мониторинг соблюдения нормативно-правовых актов по охране экосистем, использованию природных ресурсов и защите экологических интересов граждан со стороны государственных органов, их представителей, административного аппарата и лиц, управляющих коммерческими и некоммерческими структурами, а также проверка соответствия их нормативных документов в этой сфере установленным законодательным требованиям.

— Мониторинг соблюдения законодательства в процессе приема, регистрации и расследования заявлений о преступлениях в области экологии и других нарушений, которые влекут за собой противоправные действия в сфере охраны окружающей природной среды и нарушение экологических прав граждан, за исключением преступлений, произошедших на объектах, подведомственных Министерству обороны РФ и в рамках военно-промышленного комплекса, включая преступления, совершенные в служебной деятельности работниками контрольных органов по охране природы; контроль за законностью проведения оперативно-розыскных мероприятий, дознания и предварительного расследования по таким преступлениям со стороны надлежащих правоохранительных структур.

¹Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/bmtp/mass-media/news/archive?item=37249582> (дата обращения: 17.11.2024).

Исследование функционирования экологической прокуратуры выявляет важность рассмотрения фактора времени и финансовых затрат при организации прокурорского вмешательства и надзора за эффективным исправлением нарушений, выявленных в ходе проверок¹. Экологические проекты, как правило, требуют значительных инвестиций и времени на реализацию. К примеру, разработка проектов очистных сооружений для обработки сточных вод двух населенных пунктов на берегу озера Байкал оценивается в 46 млн. рублей, а срок их создания, включая проектирование, составит от трех до четырех лет. Это подчеркивает необходимость для экологической прокуратуры стратегически планировать свои действия на будущее, организовывая тщательный и эффективный контроль за реализацией проектов на всех этапах, а также за соблюдением экологического и финансового законодательства².

С момента своего основания в 1985 году, институт специализированных природоохранных прокуратур, несмотря на сравнительно недолгий период деятельности, демонстрирует значительные результаты в сфере надзора за соблюдением экологического законодательства. Вклад этих органов в разрешение экологических проблематик и воплощение государственной экологической политики оказался весьма значимым, подчеркивая их важную роль в улучшении экологической обстановки и охране окружающей среды.

В контексте защиты водных ресурсов, представители прокуратуры обязывают государственные и муниципальные органы, а также предприятия, проводить действия для обеспечения качественного водоснабжения и исправления нарушений законов, связанных с выбросами в водные объекты. Для достижения этих целей, прокуроры применяют различные методы надзорной деятельности, включая подачу требований о прекращении правонарушений и инициирование судебных процессов для принуждения к соблюдению экологических норм и законодательства в области водопользования.

Природоохранная прокуратура особенно тщательно контролирует соблюдение законов, действующих на территории озера Байкал, которое составляет 80 % не загрязненных запасов пресной воды в РФ и включено в список всемирного наследия ЮНЕСКО³.

¹ Дёмина, Е. П. Деятельность прокуроров по предупреждению нарушений природоохранного и экологического законодательства // Аграрное и земельное право. 2024. № 3(231). С. 122-125.

² Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/bmtp/mass-media/news/archive?item=37249582> (дата обращения: 17.11.2024).

³ Амирбеков К.И. К вопросу о недопустимости подмены иных государственных органов при осуществлении органами прокуратуры надзора за исполнением законов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 4(84). С. 20.

В результате инспекций, проведенных Байкальской межрегиональной экологической прокуратурой, региональные и муниципальные органы власти были вынуждены приступить к выполнению запланированных действий в соответствии с программами по рациональному использованию и защите водных ресурсов (СКИОВО). В частности, после вмешательства прокуратуры через 9 административных исковых заявлений, Министерство природных ресурсов и экологии Иркутской области обязали заняться выполнением нескольких СКИОВО, включая укрепление береговых линий, очистку водоемов, капитальный ремонт противопаводковых дамб, и восстановление экологии водных объектов. Отдельно, Правительством Республики Бурятия были выделены финансовые средства в размере 11 миллионов рублей на разработку проектно-сметной документации (ПСД) для реставрации и экологической реабилитации озер Гусиное и Котокельское с целью улучшения их экологического состояния¹.

После того как прокурор предпринял юридические действия, органы Енисейского бассейнового водного управления и их филиалы активизировали свои усилия в отслеживании состояния водных ресурсов, реализации инициатив по защите экосистемы озера Байкал, а также увеличили надзор за исполнением условий договоренностей о водопользовании и операциями подчиненного Федерального государственного бюджетного учреждения «Центррегионводхоз».

Для борьбы с незаконной застройкой и охраны экологии озера Байкал, Байкальская межрегиональная природоохранная прокуратура активно ведет работу. По искам, поданным прокурорами, органы власти успешно вернули в федеральное владение обширные земельные участки. Эти территории охватывают как само озеро Байкал, так и прилегающие к нему береговые линии, включая различные водоемы, что способствует сохранению уникальной природной среды и предотвращению экологических нарушений.

В некоторых случаях прокуратурой были инициированы меры уголовного преследования за нанесение вреда окружающей среде через сброс сточных вод. К примеру, на основании данных, предоставленных Астраханской экологической прокуратурой, следственные органы приступили к расследованию уголовных дел, основываясь на статье 247 УК РФ, которая предусматривает ответственность за нарушение правил обращения с веществами, представляющими угрозу экологии. В ситуации с загрязнением акватории Волги нефтепродуктами возник ущерб на сумму 16 млн рублей. Подобная практика фиксировалась и в других территориальных единицах, включая

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/bmtp/mass-media/news/archive?item=37249582> (дата обращения: 17.11.2024).

Республику Татарстан и ряд областей, таких как Волгоградская, Костромская, Нижегородская, Рязанская, Ульяновская.

Учитывая, что среди преступлений в сфере использования природных ресурсов наибольшую проблематику представляет незаконная вырубка лесов, экологические прокуратуры активно занимаются превентивными мерами и координируют работу правоохранительных структур для усиления борьбы с лесными правонарушениями.

В ходе инспекционного обследования, проведенного Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратурой, были обнаружены серьезные нарушения в управлении лесными угодьями на территории Иркутской области, приведшие к нанесению значительного материального ущерба государственной казне¹.

В ходе проверок, проведенных Байкальской межрегиональной природоохранной прокуратурой, и последующих судебных разбирательств по оспариванию договоров была остановлена неправомерная эксплуатация лесных угодий в пределах особо охраняемых природных территорий и в центральной экологической зоне Байкала. Действия прокуратуры, включая подачу протестов, привели к аннулированию лесохозяйственных регламентов, которые давали зеленый свет на нелегальные рубки. Также было прекращено неправомерное использование лесов, особенно в пределах природных заповедников «Туколонь», «Озерный», «Эдучанский».

Путем выполнения интегрированных действий, направленных на правовую оценку ситуации (включая внесение представлений, апелляции по вопросам незаконности заключенных соглашений и предупреждения о недопустимости нарушений), было пресечено противоправное вырубание лесов на пространстве Иркутской области, осуществляемое под предлогом проведения работ по санитарному благоустройству. Кировским районным судом города Иркутска вынесено судебное решение по уголовному производству в отношении экс-министра лесной индустрии региона и еще трех представителей власти.

В соответствии с их ролью и уровнем вовлеченности они были признаны ответственными за преступления, предусмотренные ч. 5 ст. 33 ч. 3 ст. 260 УК РФ, а также ч. 5 ст. 33 ст. 262 УК РФ. Судом было вынесено решение в пользу заявителя о возмещении урона, нанесенного деяниями обвиняемых, на сумму 480 миллионов рублей.

Отличительной чертой деятельности экологических прокуратур, осуществляющих правовой контроль в рамках уголовного процесса, является

¹ Дёмина, Е. П., Ризаева Д. Э. Органы, осуществляющие государственный контроль за исполнением природоохранного и экологического законодательства, и их компетенция // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 140-144.

отсутствие институционализированных подразделений, предназначенных для борьбы с экологической преступностью. Это усложняет процесс пресечения и расследования преступлений против окружающей среды, требующих от правоохранителей не только знаний уголовно-процессуального права, но и глубокого понимания экологических закономерностей, включая анализ последствий вредоносных вмешательств в природные процессы и оценку экологического ущерба. Повышение эффективности контрмер против экологической преступности предполагает формирование специализированных структур в рамках Следственного комитета и МВД РФ, обладающих соответствующей экспертизой и полномочиями для осуществления квалифицированного расследования данных правонарушений¹.

В заключении к исследованию следует выделить, что специалисты в области права и опытные юридические сотрудники органов прокуратуры подчеркивают растущую роль экологических прокуратур в контексте глобальных изменений. Согласно выводам автора, ключевой тенденцией в эволюции правовой системы является интеграция экологических норм, призванная отвечать на вызовы, возникающие вследствие активного экономического развития и ухудшения экологической обстановки на национальном уровне².

Актуальное положение экологической ситуации в наше время возлагает на органы экологической прокуратуры повышенные обязательства по выполнению государственных функций в области защиты природных ресурсов.

Исследователь делает вывод, что функционирование специализированных экологических прокуратур обладает уникальными аспектами по сравнению с работой общих территориальных прокурорских органов. Эта уникальность заключается в ряде особенностей: ограниченные полномочия в области надзора, сравнительно малая численность персонала в контексте обширных зон ответственности, специфика выявляемых экологических нарушений и подходы к их исправлению. Опыт деятельности межрегиональных природоохранных прокуратур свидетельствует об их высокой результативности в осуществлении надзорной функции.

Эффективность таких прокуратур обусловлена способностью к проведению действенных мер прокурорского вмешательства и строить продуктивное сотрудничество с государственными структурами регионального

¹ Камалетдинова А. Ф. Природоохранная деятельность органов прокуратуры Российской Федерации // Вестник науки. 2022. №12 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prirodoohrannaya-deyatelnost-organov-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-1> (дата обращения: 18.11.2024).

² Зайцева М.В. Совершенствование законодательства в сфере прокурорского надзора за исполнением природоохранного законодательства: на примере Байкальской природной территории // Юридическая наука. 2024. №9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-zakonodatelstva-v-sfere-prokursorского-nadzora-za-ispolneniem-prirodoohrannogo>. (дата обращения: 18.11.2024).

и федерального уровней, а также с силами правопорядка и контрольно-надзорными органами, что способствует не только устранению нарушений, но и обеспечивает высокий уровень экологической безопасности.

Развитие и укрепление специализированных природоохранных прокуратур, а также их расширение на межрегиональном уровне по всей стране, представляется критически важным для преодоления серьезных экологических вызовов.

Полагаем, что возвращение к практике создания правоохранительных структур, ориентированных на экологические правонарушения, усилит эффективность борьбы с подобными преступлениями. Такой подход к специализации в работе прокуратуры в синергии с деятельностью правоохранительных органов будет способствовать целостной защите экологического благополучия на национальном уровне.

Научная статья
УДК 343.195.3

РОЛЬ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Татьяна Сергеевна КОРНЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
tatyana_korneva_84@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности реализации принципа гласности организации и деятельности прокуратуры при осуществлении деятельности по выявлению, предупреждению преступлений, осуществлению надзора за соблюдением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, предварительное расследование, исполнение наказаний, а также участия органов прокуратуры в рассмотрении дел судами, координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Автором сделан вывод о необходимости соблюдения принципа гласности всеми участниками деятельности по борьбе с преступностью.

Ключевые слова: деятельность по борьбе с преступностью, выявление преступлений, раскрытие преступлений, расследование преступлений,

принцип гласности организации и деятельности прокуратуры, координационная деятельность

Original article

THE ROLE OF THE PRINCIPLE OF TRANSPARENCY OF THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE FIELD OF COMBATING CRIME

Tatiana S. KORNEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, tatyana_korneva_84@mail.ru

Abstract. The article considers the features of implementation of the principle of transparency of organization and activities of the prosecutor's office in the exercise of activities to detection, prevent crimes, carry out supervision of compliance with laws by bodies carrying out operational and search activities, preliminary investigation, execution of sentences, as well as participation of the prosecutor's office in the consideration of cases by the courts, coordination of the activities of law enforcement agencies to combat crime.

The author concludes that the principle of transparency must be respected by all those involved in anti-crime activities.

Keywords: Anti-crime activities, detection of crimes, crime disclosure, investigation of crimes, the principle of transparency of organization and operation of the prosecutor's office, coordination activities

Следует отметить, что единое понимание сущности и содержания борьбы с преступностью в российском законодательстве и науке отсутствует. Действующее законодательство, формирующее организационно-правовые основы противодействия экстремизму, терроризму и коррупции, позволяет сделать вывод, что борьба с преступностью представляет собой деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений. При этом в науке подобную точку зрения разделяют не все исследователи¹.

Другие ученые полагают, что в систему борьбы с преступностью помимо раскрытия преступлений и розыска преступников, расследования преступлений входит назначение и исполнение наказания, прокурорский

¹ Михайлов А. Е. Общая характеристика борьбы с преступностью // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55)б, С. 90-94.

надзор за всей этой деятельностью, а также обеспечение законности в данной сфере, то есть борьба с преступностью включает в себя профилактику, предотвращение и пресечение преступлений¹.

Галачиева М. М., Томаева Д. М. определяют борьбу с преступностью как сложную системную деятельность, представляющую собой единство трех следующих подсистем: общей организации борьбы, предупреждения преступности и правоохранительной деятельности².

Значительный вклад в борьбу с преступностью в ходе осуществления своей деятельности вносят органы прокуратуры. При выполнении своих задач и достижении целей, среди которых важное место занимает борьба с преступностью, прокуратура опирается на принципы ее организации и деятельности. В силу быстрой информатизации общества, результатом которой становится увеличение количества преступлений, совершенных как с помощью средств телекоммуникационной связи, так и в информационной сфере, все более важное значение приобретает принцип гласности.

Под принципом гласности законодатель подразумевает гласную деятельность прокуратуры в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства РФ об охране прав и свобод граждан, законодательства о государственной и иной специально охраняемой законом тайне. Во исполнение принципа гласности прокуратура информирует федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов РФ, органы публичной власти федеральных территорий, органы местного самоуправления, а также население о состоянии законности.

Выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в соответствии с положениями Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» являются задачами оперативно-розыскной деятельности. В силу положений главы 3 Федерального закона о прокуратуре на прокуратуру возложена обязанность по осуществлению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

В связи со спецификой деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, надзор за данными органами осуществляется с учетом положений ст. 21 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (в ред. от 29.12.2022), в соответствии с которыми прокуроры, осуществляющие надзор за испол-

¹ Галачиева М. М., Томаева Д. М. Понятие и содержание борьбы с преступностью // Аграрное и земельное право. 2023. № 3(219) С. 174—177.

² Галачиева М. М., Томаева Д. М. Понятие и содержание борьбы с преступностью // Аграрное и земельное право. 2023. № 3(219) С. 174—177.

нением законов органами, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, обеспечивают защиту сведений, содержащихся в представленных им документах и материалах¹.

Деятельность по выявлению, пресечению и раскрытию преступлений предусматривает соблюдение гласных и негласных методов ее осуществления и соблюдения конфиденциальности. Законом об оперативно-розыскной деятельности установлены запреты разглашения сведений, связанных с осуществлением данной деятельности. Так, не допускается разглашать сведения, которые затрагивают неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя граждан и которые стали известными в процессе проведения оперативно-розыскных мероприятий, без согласия граждан, за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами².

Сведения об оперативно-розыскной деятельности могут быть преданы гласности лишь с разрешения должностного лица органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, и только в том объеме, в каком им будет признано это допустимым, если того требуют служебные интересы³. Таким образом, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность в ходе осуществления деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений призваны соблюдать принцип гласности, более того, соблюдать его ограничения в соответствии с действующим законодательством.

Прокурор зачастую в ходе проведения проверки исполнения федерального законодательства органами и организациями выявляет правонарушения уголовного законодательства, о чем выносит мотивированное постановление о направлении соответствующих материалов в следственный орган или орган дознания для решения вопроса об уголовном преследовании (ч. 2 ст. 37 УПК РФ).

Кроме того, в соответствии с ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор проверяя исполнение требований федерального закона при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях, решений органа дознания или органа предварительного следствия по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, также может усмотреть признаки преступления, содержащиеся в сообщении, в связи с чем отменить решение органа, рассмотрев-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 29.12.2022). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 29.12.2022). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об оперативно-розыскной деятельности : Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (в ред. от 29.12.2022). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

шего данное сообщение о преступлении и направить для проведения дополнительной проверки по сообщению с указанием о рассмотрении вопроса о возбуждении уголовного дела.

Регулярно проводя мониторинг опубликованных в средствах массовой информации материалов о преступлениях организует проведение проверок либо направляет копии соответствующих публикаций в органы предварительного следствия или дознания для принятия решения в порядке, предусмотренном статьями 144 и 145 УПК РФ.

Выявляя преступления прокурор также обязан соблюдать принцип гласности, а именно: информировать федеральные органы государственной власти, органы местного самоуправления, а также население о состоянии законности. При этом прокурор должен действовать гласно в той мере, в какой это не противоречит требованиям законодательства РФ об охране прав и свобод граждан, а также законодательства РФ о государственной и иной специально охраняемой законом тайне¹.

Осуществляя надзор за исполнением законов органами предварительного следствия и дознания, прокуратура призвана надзирать и за соблюдением принципа гласности органами предварительного расследования.

Так, согласно положениям 161 УПК РФ данные предварительного расследования подлежат преданию гласности лишь с разрешения следователя или дознавателя и только в том объеме, в каком ими будет признано это допустимым, если разглашение не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Неразглашению подлежат и сведения о частной жизни несовершеннолетнего правонарушителя и потерпевшего, не достигшего возраста четырнадцати лет, без согласия его законного представителя.

При получении прокурором сведений в ходе осуществления надзора за соблюдением законов органами предварительного расследования при расследовании уголовных дел, прокурор также призван соблюдать недопустимость разглашения данных предварительного расследования. Разглашение указанных сведений, как было указано, допустимо, если это не противоречит интересам предварительного расследования и не связано с нарушением прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Прокурор участвует в расследовании уголовных дел, например в тех случаях, когда дает дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий по уголовному делу,

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-1 (в ред. от 30.09.2024). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

когда изымает уголовное дело у органа дознания и передает его следователю. Все указанные действия прокурор должен осуществлять также с соблюдением принципа гласности и неразглашения сведений, ставших известными в ходе осуществления профессиональной деятельности.

Таким образом, можно отметить, что поскольку вся деятельность прокуратуры построена на принципах ее организации и деятельности, осуществляя надзор за органами оперативно-розыскной деятельности, за органами предварительного расследования, в рамках борьбы с преступностью, прокуратура не только сама призвана соблюдать принцип гласности, но и осуществлять надзор за соблюдением данного принципа названными органами при осуществлении им и деятельности по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений.

Еще одним элементом системы по борьбе с преступностью является исполнение наказаний органами и учреждениями уголовно-исправительной системы РФ.

Прокуратура осуществляя надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу также должна проверять соблюдение указанными органами принципа гласности, в том числе и неразглашение сведений, противоречащим требованиям законодательства РФ об охране прав и свобод граждан, а также законодательства РФ о государственной и иной специально охраняемой законом тайне¹.

Принцип гласности подлежит соблюдению и при участии прокурора в рассмотрении уголовных дел судами. Так, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством не все дела подлежат рассмотрению в открытых судебных заседаниях в зависимости от категории дел. Например, закрытое судебное заседание допускается, когда разбирательство уголовного дела в суде может привести к разглашению государственной или иной охраняемой федеральным законом тайны. Проведение закрытого судебного заседания в данном случае будет являться одним из ограничений принципа гласности.

Важной лептой в борьбе с преступностью является координационная деятельность прокуратуры. Так, в соответствии с положениями ст. 8 Федерального закона о прокуратуре прокурор координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности, органов таможенной службы и других правоохранительных органов².

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-1 (в ред. от 30.09.2024). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

² Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью

Под координационной деятельностью согласно п. 1 Положения о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденного Указом Президента РФ от 18.04.1996 № 567 понимается осуществление в целях повышения эффективности борьбы с преступностью путем разработки и реализации правоохранительными органами согласованных мер по своевременному выявлению, раскрытию, пресечению и предупреждению преступлений, устранению причин и условий, способствующих их совершению¹.

Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью осуществляется прокурорами в соответствии с определенными принципами, по основным направлениям, которые закреплены в Положении о координации, среди которых также закреплен принцип гласности².

Для реализации данного принципа при осуществлении координации деятельности по борьбе с преступностью предусмотрен комплекс мер. Так, пунктом 1.1 Приказа Генерального прокурора РФ от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры РФ по противодействию преступности» прокуратура обязана организовывать должное взаимодействие и системный обмен информацией с правоохранительными органами по актуальным проблемам борьбы с преступностью и профилактики правонарушений.

Во исполнение п. 2 Приказа Генерального прокурора РФ от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры РФ по противодействию преступности» прокуроры субъектов РФ, городов и районов, другим территориальным, приравненным к ним военным прокурорам и прокурорам иных специализированных прокуратур реализуя принцип гласности как организации и деятельности прокуратуры так и координационной деятельности, ежегодно информируют о состоянии законности в сфере борьбы с преступностью органы представительной (законодательной) и исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, командование военных округов (флотов), добиваться принятия конкретных мер, направленных

: учебное пособие для обучающихся по программам специалитета, магистратуры и дополнительного профессионального образования / О. Н. Коршунова, Е. Л. Никитин, Д. А. Луньков, Е. Б. Серова, Г. В. Дытченко ; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021, С. 4.

¹ Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности» // Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

² Координация прокурором деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью : учебное пособие для обучающихся по программам специалитета, магистратуры и дополнительного профессионального образования / О. Н. Коршунова, Е. Л. Никитин, Д. А. Луньков, Е. Б. Серова, Г. В. Дытченко ; под общ. ред. О. Н. Коршуновой. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2021. С. 11.

на улучшение профилактической работы¹.

Поскольку на координационных совещаниях рассматриваются наиболее актуальные вопросы борьбы с преступностью, совершенствования правоохранительной деятельности, ее правового регулирования, практики предупреждения, выявления и расследования преступлений, прокуратура призвана постоянно повышать уровень информационно-аналитического обеспечения координационной деятельности, вести на постоянной основе мониторинг прокурорской, следственной и судебной практики, проявлять активность в распространении положительного опыта².

Кроме того, прокуратура в целях профилактики и противодействия преступности обязана активизировать работу по разъяснению законодательства и взаимодействию с общественными и правозащитными организациями. Повышение уровня правосознания и правовой культуры является одним из эффективных направлений предупреждения преступлений и других правонарушений, призванным оказывать превентивное воздействие на широкий спектр их субъективных причин и условий (антиобщественные взгляды и привычки, криминогенные интересы и мотивы поведения и т.д.)³.

Направления координационной деятельности способствуют реализации принципа гласности, поскольку осуществляются в таких формах, как проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; обмен информацией по вопросам борьбы с преступностью; взаимное использование возможностей правоохранительных органов для повышения квалификации работников, проведение совместных семинаров, конференций⁴.

Кроме того, осуществляется взаимодействие с судами и органами юстиции для взаимного информирования о состоянии преступности и судимости, направления совместных информационных писем, справок, обзоров, участия в подготовке Постановлений Пленума Верховного Суда РФ и др.

Реализацию принципа гласности можно проследить также и при осуществлении взаимодействия с судами и органами юстиции для взаимного

¹ Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Рябцев В.П., Алексеев А.И., Бессарабов В.Г. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 202-211.

⁴ Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

информирование о состоянии преступности и судимости, направления совместных информационных писем, справок, обзоров, участия в подготовке Постановлений Пленума Верховного Суда РФ и др¹.

Во исполнение принципа гласности прокуратура призвана информировать население о состоянии законности и правопорядка, в том числе сообщать в средства массовой информации о направлении в суд уголовных дел, вызвавших повышенный общественный резонанс, и вынесении по ним судебных решений.

В силу п. 11 Приказа Генерального прокурора РФ от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры РФ по противодействию преступности» в целях подготовки материалов и проектов документов по конкретным вопросам, вынесенным на рассмотрение координационного совещания, сбора и направления необходимой в связи с этим информации в различные государственные органы и осуществления взаимодействия со средствами массовой информации организуются рабочие группы. В соответствии с пунктом 7 Приказа Генерального прокурора РФ от 16.01.2012 № 7 «Об организации работы органов прокуратуры РФ по противодействию преступности» представители СМИ могут приглашаться на координационные совещания правоохранительных органов².

Однако имеются случаи как соблюдения, так и нарушения указанных норм приказа, что приводит к нарушению принципа гласности организации и деятельности прокуратуры. Так, старшим помощником прокурора Краснодарского края по взаимодействию со средствами массовой информации и общественностью без согласования с прокурором региона и Управлением была распространена подробная информация о расследовании уголовного дела о покушении на выпускников Армавирского высшего военного авиационного Краснознаменного училища летчиков противовоздушной обороны. Обозначенная информация получила резонанс в федеральных и региональных СМИ³.

Прокуратура города Комсомольска-на-Амуре Хабаровского края без надлежащего согласования предала гласности информацию об утверждении обвинительного заключения по уголовному делу о похищении несовершенно-

¹ Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

² Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 16.01.2012 № 7. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс.

³ Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 мая 2024 г. № 40-12-2024/Ип13596-24 «Обзор результатов взаимодействия территориальных и специализированных прокуроров со средствами массовой информации»

нолетнего и покушении на убийство. Негативное влияние подобных ситуаций может иметь существенные последствия и дезинформировать представителей СМИ¹.

Имеются случаи неосвещения информации по уголовным делам, что приводит к нарушению принципа гласности. Так, прокуратура Магаданской области не предоставила в Управление и не передала гласности информацию об утверждении обвинительного заключения по уголовному делу в отношении участников организованной группы, незаконно добывавшей крабов.

После вмешательства Управления прокуратурой Ленинградской области обеспечено освещение надзорных мероприятий, организованных в связи с происшествием на газопроводе во Всеволожском районе, повлекшим перебои в отоплении и подаче бытового газа населению².

Таким образом, реализация принципа гласности организации и деятельности прокуратуры в условиях борьбы с преступностью приобретает свои особенности. При осуществлении надзора за органами предварительного следствия и дознания, за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, прокурор должен акцентировать внимание на соблюдении принципа гласности поднадзорными органами, соблюдением ограничений данного принципа при осуществлении деятельности по борьбе с преступностью.

В то же время, поскольку понятие борьбы с преступностью многогранно и прокуратура не может осуществлять ее без привлечения иных правоохранительных органов, то обязанность по соблюдению принципа гласности распространяется на всех участников деятельности по борьбе с преступностью.

Однако, Положение о координации деятельности не содержит норм, предусматривающих ответственность правоохранительных органов за нарушения принципа гласности и его ограничений. В случае, если данный принцип нарушается правоохранительными органами, участвующим в борьбе с преступностью, необходимо предусмотреть меры, которые должны быть применены к ним. В связи с чем действующее законодательство подлежит изменению.

Таким образом, в обязанности прокуратуры входит не только соблюдением прокурорскими работниками исследуемого принципа, но и надзор за его соблюдением иными правоохранительными органами при осуществлении деятельности по борьбе с преступностью.

¹ Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 мая 2024 г. № 40-12-2024/Ип13596-24 «Обзор результатов взаимодействия территориальных специализированных прокуроров со средствами массовой информации»

² Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 мая 2024 г. № 40-12-2024/Ип13596-24 «Обзор результатов взаимодействия территориальных и специализированных прокуроров со средствами массовой информации»

**МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ОРГАНОВ
ПРОКУРАТУРЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ
НА ПЛАТФОРМЕ БРИКС**

Исма́т Габиль О́глы РАШИ́ДОВ

Юридический институт Российского университета Дружбы Народов имени Патриса Лумумбы (РУДН), Москва, Россия, 1142240295@pfur.ru

Аннотация: хотя статус и функции прокуроров варьируются в зависимости от различных государств-членов, они играют важную роль в любой правовой системе уголовного правосудия, обладая значительными обязанностями и полномочиями.

В статье обращается внимание на особенности и перспективы взаимодействия органов прокуратур различных государств на платформе БРИКС в части противодействия преступности.

Ключевые слова: международное право, уголовное право, прокуратура, международное сотрудничество, ООН, противодействие преступности, БРИКС

Original article

**INTERNATIONAL COOPERATION OF PROSECUTION
AUTHORITIES IN FIGHTING CRIME IN THE BRICS PLATFORM**

Ismat G. RASHIDOV

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia Law Institute (RUDN University), Moscow, Russia, 1142240295@pfur.ru

Abstract. Although the status and functions of prosecutors vary from one Member State to another, they play an important role in any criminal justice legal system, with significant responsibilities and powers.

The article draws attention to the features and prospects of interaction between the prosecutor's offices of various states on the BRICS platform in terms of countering crime.

Keywords: international law, criminal law, prosecutor's office, international cooperation, United Nations, crime prevention, BRICS

Реальная связь законов и международных договоров РФ как составных частей российской правовой системы имеет принципиальное значение для прокуратуры и международно-правового регулирования. Эта связь в особой мере проявляется при осуществлении прокуратурой надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также в процессе уголовного преследования и координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Неслучайно в законе о прокуратуре к правовым основам деятельности прокуратуры отнесены не только Конституция РФ и федеральные законы, но и международные договоры РФ.

Генеральная прокуратура РФ, согласно статье 2 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 30.09.2024), играет ключевую роль в международном правовом сотрудничестве¹. Ее полномочия в этой сфере обширны и многогранны, выходя далеко за рамки простого обмена информацией.

Генеральная прокуратура РФ не только осуществляет прямые контакты с компетентными органами иностранных государств и международными организациями, такими как Интерпол, ООН и ее специализированными учреждения (например, Управление ООН по наркотикам и преступности — УНП ООН), но и активно участвует в формировании международного правового пространства.

Признавая необходимость принятия мер для координации усилий международного сообщества в борьбе с трансграничной преступностью, коррупционными преступлениями, а также в возврате активов, полученных преступным путем, и доходов от транснациональных преступлений, главная ответственность за обеспечение верховенства права и защиту прав человека возлагается на прокурорские службы².

Взаимодействие с зарубежными партнерами строится на основе заключения договоров о правовой помощи и борьбе с преступностью. Эти договоры, регулируемые международным правом и внутренним законодательством, устанавливают порядок передачи запросов о правовой помощи, а также механизмы сотрудничества в расследовании трансграничных преступлений, таких как терроризм, организованная преступность, киберпреступность, отмывание денег и незаконный оборот наркотиков³.

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-1 (в ред. от 30.09.2024). Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».

² Демина, Е. П. Деятельность прокуроров по предупреждению нарушений природоохранного и экологического законодательства // Аграрное и земельное право. 2024. № 3(231). С. 122-125.

³ Morozov, V. Legal regulation of technologically improved people in the United States and China / V. Morozov, V. Chukreev, D. Rizayeva // BRICS Law Journal. 2022. Vol. 9, No. 4. P. 4-20. DOI 10.21684/2412-2343-2022-9-4-4-20. – EDN VLEYZA.

Важно отметить, что содержание таких договоров варьируется в зависимости от специфики отношений с конкретным государством или организацией, учитывая принципы взаимности и суверенитета.

Кроме того, Генеральная прокуратура РФ принимает активное участие в разработке международных договоров Российской Федерации, касающихся вопросов уголовного права и международного сотрудничества в правоохранительной сфере. Это включает в себя не только участие в межгосударственных переговорах, но и экспертную оценку проектов договоров, анализ их соответствия российскому законодательству и международным обязательствам¹.

Генеральная прокуратура РФ также способствует гармонизации законодательства в области борьбы с преступностью, способствуя более эффективному сотрудничеству между государствами в борьбе с трансграничной преступностью. В частности, совместная работа с зарубежными коллегами направлена на унификацию правовых понятий и процедур. В свете глобализации и роста трансграничной преступности, роль Генеральной прокуратуры в международном сотрудничестве остается крайне важной для обеспечения правопорядка и защиты интересов Российской Федерации.

Сотрудничество с органами иностранных государств, а также с международными организациями, является ключевым направлением работы Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Это сотрудничество охватывает широкий спектр вопросов, включая борьбу с преступностью, защиту прав человека и обеспечение правопорядка.

Кроме того, Генеральная прокуратура России взаимодействует с Содружеством Независимых Государств (СНГ), что позволяет укреплять правовые связи и обмениваться опытом в области уголовного преследования и судебной практики. В рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) Россия также активно участвует в совместных усилиях по борьбе с терроризмом, наркотрафиком и другими транснациональными преступлениями.

Особое внимание уделяется сотрудничеству в формате БРИКС, который включает в себя такие страны, как Бразилия, Индия, Китай и Южноафриканская Республика. Это объединение предоставляет уникальные возможности для обмена опытом и разработки совместных стратегий по противодействию преступности и обеспечению правопорядка.

БРИКС основана в июне 2006 года в рамках Петербургского экономического форума с участием министров экономики Бразилии, России, Индии,

¹ Демина, Е. П. Органы, осуществляющие государственный контроль за исполнением природоохранного и экологического законодательства, и их компетенция / Е. П. Демина, Д. Э. Ризаева // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 140-144. – EDN LALRZK.

Китай¹. На саммите БРИКС в России в 2024 году была предложена новая категория государств, имеющих отношение к БРИКС — 13 государств (Алжир, Белоруссия, Боливия, Вьетнам, Индонезия, Казахстан, Куба, Малайзия, Нигерия, Таиланд, Турция, Уганда, Узбекистан) получили статус «стран — партнеров БРИКС».

В последние годы наблюдается растущее внимание к вопросам международной безопасности в рамках межгосударственного объединения БРИКС. Хотя изначально безопасность не занимала центрального места в повестке БРИКС, с каждым годом эта тема становится все более актуальной. Анализ изменений в подходах к вопросам безопасности показывает, как страны БРИКС расширяют свои взгляды, находят общие интересы и достигают практических результатов в этой области².

Тем не менее, в экспертных кругах продолжаются дебаты о том, следует ли рассматривать БРИКС как значимого игрока в сфере безопасности. Многие аналитики утверждают, что безопасность не является доминирующей темой для этого объединения, поскольку его основная цель заключается в экономическом взаимодействии и адаптации к изменениям в международных отношениях. В частности, они подчеркивают, что между странами БРИКС отсутствует четкая координация в области безопасности, и недостаточно разработанных механизмов для этого³.

В экономической сфере БРИКС смог создать собственные институты, такие как Новый банк развития, который функционирует параллельно с традиционными экономическими структурами глобального управления. Однако в области безопасности аналогичных форматов пока не существует. Это вызывает вопросы о том, как страны БРИКС могут эффективно сотрудничать в предотвращении конфликтов, борьбе с терроризмом и решении других глобальных угроз⁴.

Важно отметить, что страны БРИКС сталкиваются с различными вызовами в области безопасности, включая региональные конфликты, угрозы кибербезопасности. В этом контексте возрастающая роль БРИКС в вопросах безопасности может стать важным элементом в формировании новой архитектуры международных отношений. Некоторые эксперты считают, что для

¹ О межгосударственном объединении БРИКС // МИД России: официальный сайт. — Москва, 2021. Июль, 2. URL: <https://mid.ru/ru/detail-material-page/1767167>. (дата обращения 18.11.2024).

² Абденур А. Могут ли страны БРИКС сотрудничать в вопросах международной безопасности? // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 3. С. 73-93.

³ Bratersky, M. BRICS and the Evolving Russia-India-China Security Agenda / M. Bratersky, G. Kutyrev // Strategic Analysis. 2019. Vol. 43, № 6.

⁴ Емельянов А. И. Современные тенденции развития интеграционных процессов в Латинской Америке // Россия: тенденции и перспективы развития: Ежегодник, Москва, 01-30 декабря 2016 г. / Отв. ред. В. И. Герасимов. Том Выпуск 12. Часть 1. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017.

повышения своей роли в области безопасности БРИКС должен развивать механизмы сотрудничества, такие как совместные учения, обмен информацией и координация действий в кризисных ситуациях. Это позволит странам не только укрепить свои позиции на международной арене, но и повысить уровень доверия между собой¹.

Таким образом, хотя БРИКС и не является традиционным актором в области безопасности, его растущее внимание к этой теме может привести к созданию новых форматов сотрудничества и более активному участию в решении глобальных проблем безопасности. Важно, чтобы страны БРИКС продолжали развивать свои подходы и находили общие интересы для достижения практических результатов в этой важной сфере.

С самого начала БРИКС не позиционировал себя как отдельно стоящий институт международной безопасности, имеющий собственные цели и задачи в отрыве от остального мира. Ключевое же место отводилось ООН, о чем заявлялось во всех итоговых документах саммитов БРИКС, включая самое первое совместное заявление стран БРИК 2009 г., в котором подчеркивалось, что ООН принадлежит центральная роль борьбе с глобальными вызовами и угрозами².

В то же время в декларации БРИКС, принятой по итогам саммита в 2012 г. отмечалось, что «БРИКС — это платформа для диалога и сотрудничества между странами в интересах содействия миру, безопасности и развитию в условиях многополярного, взаимосвязанного и все более сложного глобализирующегося мира»³, а Этеквинская декларация БРИКС 2013 г. гласит, что именно «общее твердое стремление к миру, безопасности, развитию и сотрудничеству сблизил страны БРИКС»⁴.

В ноябре 2015 г. в г. Сочи была принята Концепцию сотрудничества прокурорских служб государств БРИКС, устанавливающая в качестве базовых принципов взаимодействия стратегическое партнерство, открытость, равенство и взаимопонимание.

19 июня 2024 года на 6-й встречи руководителей прокурорских служб государств БРИКС была запланирована масштабная программа мероприятий, направленная на укрепление взаимодействия и повышение эффективности борьбы с транснациональной преступностью⁵.

¹ Hofmann, S. C. Overlapping Institutions in the Realm of International Security: The Case of NATO and ESDP // Hofmann S. // Perspectives on Politics // 2009. 7(1).

² Совместное заявление лидеров стран БРИК (г. Екатеринбург, Россия, 16 июня 2009 г.).

³ Делийская декларация (г. Нью Дели, Индия, 29 марта 2012 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁴ Этеквинская декларация и Этеквинский план действий, 27 марта 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁵ Виноградова Е. А. Цифровая повестка БРИКС: в интересах мирового большинства // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 5 (86). С. 44—63.

В рамках которой страны договорились совместно реализовать некоторые мероприятия¹:

Первый блок посвящен пересмотру и актуализации Концепции сотрудничества прокурорских служб государств БРИКС. Действующая Концепция, упомянутая в преамбуле соглашения, нуждается в обновлении, учитывая расширение состава БРИКС и появление новых вызовов в области правоохранительной деятельности. В 2024-2025 годах планируется провести всесторонний анализ действующей Концепции, с учетом практического опыта ее применения в течение последних лет.

Для обеспечения максимальной эффективности обновления Концепции будет организован широкий диалог со всеми государствами-членами БРИКС, включая новых участников, что позволит учесть их специфические интересы и национальные особенности правоохранительной системы. Процесс обновления будет прозрачным и документированным, с опубликованием отчетов о проделанной работе и предложенных изменениях.

Второй блок направлен на изучение и внедрение передовых цифровых технологий в деятельности прокурорских служб БРИКС. До конца 2024 года планируется собрать, систематизировать и проанализировать информацию о практическом опыте применения цифровых и ИКТ-решений в прокуратурах стран БРИКС. На основе этого анализа будут разработаны рекомендации по внедрению наиболее эффективных технологических решений в практику прокурорской деятельности государств БРИКС. Особое внимание будет уделено вопросам кибербезопасности и защиты данных от несанкционированного доступа.

Третий блок сосредоточен на совершенствовании законодательной базы международного правового сотрудничества в рамках БРИКС. В ходе выполнения данного блока будут подготовлены аналитические исследования и справочные материалы, обобщающие законодательство государств-членов БРИКС. Эти материалы будут распространены между участниками БРИКС с целью улучшения понимания национальных правовых систем и упрощения процедур взаимодействия. Кроме того, будет проведена работа по идентификации пробелов в законодательстве и разработке рекомендаций по их устранению. Данные рекомендации будут разработаны с учетом принципов взаимности, уважения суверенитета государств и соблюдения международного права.

Следующий блок посвящен содействию образовательной деятельности. Этот пункт предполагает активное взаимодействие с учебными заведе-

¹ ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ 6-й встречи руководителей прокурорских служб государств БРИКС // Современные цифровые решения на страже закона: опыт прокурорских служб государств БРИКС.

ниями, готовящими кадров для прокурорских служб. Необходимо разработать и реализовать совместные образовательные программы, включающие модули по сравнительному правоведению, международному сотрудничеству в сфере уголовного правосудия, борьбе с киберпреступностью, изучению законодательства стран БРИКС и специфики работы правоохранительных органов в каждой из них. Важным аспектом является создание совместных онлайн-курсов и цифровых обучающих ресурсов, доступных для всех сотрудников прокурорских органов стран-участниц. Это обеспечит равные возможности для повышения квалификации и позволит эффективнее обмениваться передовым опытом. Необходимо также учитывать необходимость перевода учебных материалов на все языки стран БРИКС.

Также в рамках данной встречи было предложено разработать единое руководства или справочник для всех членов-участников, посвященный борьбе с преступлениями, совершенными с использованием технологий. Этот документ должен содержать не только передовой опыт государств-членов, но и детализированные процедуры взаимодействия при расследовании трансграничных киберпреступлений.

В нем должны быть описаны механизмы запроса и предоставления правовой помощи в цифровом формате, стандарты цифровой документации доказательств, методы идентификации киберпреступников, а также практические рекомендации по обеспечению безопасности использования ИКТ в правоохранительной деятельности. Руководство должно быть адаптировано к национальным законодательствам стран БРИКС, с указанием особенностей применения международных договоров и конвенций. Важно также включить в справочник анализ наиболее распространенных видов киберпреступлений в странах БРИКС и статистические данные о их эффективности. Регулярное обновление справочника с учетом эволюции киберпреступности является необходимым условием его эффективности.

Следующее предложение, рассмотренное во время встречи это назначение контактных лиц, владеющих английским языком, для осуществления постоянного взаимодействия прокурорских служб государств БРИКС. Система постоянного взаимодействия между прокурорскими службами стран БРИКС критически важна. Назначение контактных лиц, владеющих английским языком, обеспечит оперативное решение вопросов между встречами руководителей. Однако необходимо учитывать необходимость включения в контактную группу специалистов, владеющих другими языками, чтобы обеспечить эффективное взаимодействие на уровне рабочих групп.

Важно также разработать четкие протоколы взаимодействия, регламентирующие процедуры обмена информацией и предоставления правовой помощи. Ежегодная ротация основного оператора реестра контактных лиц

должна быть прозрачной и обеспечивать равномерное распределение ответственности. Кроме того, необходимо обеспечить безопасность и конфиденциальность обмена информацией.

Еще один блок посвящен международной правовой помощи и преодолению препятствий при осуществлении ее. Систематический анализ проблем с направлением запросов о международной правовой помощи является залогом успешного сотрудничества. Необходимо провести сравнительный анализ двусторонних договоров и внутригосударственного законодательства стран БРИКС для выявления пробелов и конфликтов в нормах. Это позволит разработать рекомендации по гармонизации законодательства и унификации процедур предоставления правовой помощи. Важно также создать специализированную рабочую группу, которая будет заниматься решением конкретных проблем и разработкой практических решений.

Был затронут вопрос обмена статистическими данными. Сбор и анализ статистических данных по запросам о выдаче и взаимной правовой помощи позволит оценить эффективность сотрудничества между государствами-членами. Это также позволит выявлять тенденции в преступности и адаптировать стратегии правоохранительных органов. Необходимо разработать единые стандарты сбора и представления статистической информации, обеспечивающие сопоставимость данных из разных стран. Важно также гарантировать конфиденциальность персональных данных при обработке статистической информации.

Деятельность БРИКС в сфере безопасности, безусловно, будет развиваться, опираясь на гуманитарные инициативы и экспертные исследования. Важно отметить, что объединение стремится не только к укреплению взаимного доверия между государствами-участниками, но и к активному решению глобальных вызовов, таких как терроризм, транснациональная преступность¹.

Кроме того, следует подчеркнуть, что главная ответственность за обеспечение верховенства права и защиту прав человека в контексте этих усилий возлагается на прокурорские службы стран-участниц. Их роль заключается не только в преследовании преступников, но и в защите прав граждан, что подчеркивает важность соблюдения правовых норм и стандартов. Прокуроры должны работать в тесном сотрудничестве с международными организациями и другими государственными структурами, чтобы создать эффективную систему правосудия, способную реагировать на вызовы современности. Таким образом, международное сотрудничество Генеральной

¹ Ризаева, Д. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность в Англии и США : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : дис. ... канд. юрид. наук, 2021. 220 с.

прокуратуры РФ не только способствует укреплению правопорядка внутри страны, но и играет важную роль в обеспечении глобальной безопасности и стабильности. С каждым годом это направление становится все более актуальным, что обусловлено ростом транснациональной преступности и необходимостью совместных усилий для ее предотвращения.

Научная статья
УДК 347.963

ОСОБЕННОСТИ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА ПРОКУРОРСКОГО РАБОТНИКА

Светлана Павловна СИНЯВСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
sinyawskayasp@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности российского медийного дискурса прокурорского работника. В современных условиях взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации приобретает особую значимость.

Применяя метод дискурсивного анализа, автор ставит целью определить место данного вида коммуникации в системе существующих дискурсивных практик, а также раскрыть специфику его выражения в профессиональной медиакommunikации.

Ключевые слова: дискурс, юридический дискурс, медиадискурс, прокурор, прокуратура

Original article

FEATURES OF THE MEDIA DISCOURSE OF A PROSECUTOR

Svetlana P. SINYAVSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, St. Petersburg, Russia, sinyawskayasp@mail.ru

Abstract. This article examines the features of the Russian media discourse of a prosecutor. In modern conditions, the interaction of prosecution authorities

with the media is of particular importance. Using the method of discursive analysis, the author aims to determine the place of this type of communication within the system of existing discursive practices, as well as to reveal specifics of its expression in professional media communication.

Keywords: discourse, legal discourse, media discourse, prosecutor, prosecutor's office

Взаимодействие со средствами массовой информации является одним из ключевых направлений в работе органов прокуратуры¹. Это сотрудничество позволяет не только получить объективную оценку прокурорской деятельности, но и повысить уровень правовой культуры населения, обеспечивает эффективное информирование граждан о мерах прокурорского надзора, представлении интересов государства в судах, а также действиях по предупреждению, выявлению и пресечению правонарушений и преступлений, что в конечном итоге, способствует обеспечению гласности и прозрачности функционирования прокуратуры.

В отличие от дискурса представителей других юридических профессий медийные особенности прокурорской речи до сих пор остаются малоизученными. Поэтому представляется важным и своевременным провести анализ и описание жанрово-функционального медийного дискурса прокурорского работника, чтобы заполнить существующий научный пробел, а также расширить понимание роли данного вида коммуникации в информационном пространстве.

Медийная деятельность органов прокуратуры осуществляется в рамках юридического дискурса, который представляет собой разновидность институционального дискурса. Его ключевая задача заключается в упорядочении и регулировании общественных отношений. В данном случае общение между участниками происходит с учетом их статусных ролей и полномочий. Этот вопрос детально изучался в работах таких исследователей, как Борисова Л. А., Палашевская И. В., Коновалова М. В., Федулова М. Н. и других.

Органами прокуратуры для выполнения своих коммуникативных задач используются различные средства массовой информации: телевидение, радио, социальные сети, печатные СМИ. Вышеперечисленные способы взаимодействия «не только передают, но и путем осознанного отбора выделяют и субъективно интерпретируют события окружающей действительности, влияя на сознание личности и формируя общественное мнение»².

¹ О взаимодействии органов прокуратуры со средствами массовой информации : Приказ Генпрокуратуры России от №17.05.2018 № 296 (ред. от 22.04.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Оломская Н. Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17). Филология. С. 252.

Воздействие на адресата может происходить с использованием различных видов дискурса. Так, участие прокурорского работника в передаче на телевидении и радио предполагает использование разных видов коммуникации — теле- и радиодискурсов. Это означает, что он должен адаптировать свой стиль общения к специфике каждого из этих медиаформатов. В телевизионных передачах важны не только слова, но и невербальные сигналы, такие как жесты и мимика. В радиопередачах, где зритель не видит говорящего, основное внимание уделяется интонации, четкости речи и структурированности информации.

Каждый из используемых коммуникативно-информационных каналов характеризуется своим набором жанров. Учитывая профессиональную специфику работника прокуратуры, можно предположить, что их участие на телевидении и радио будет преимущественно связано с информационными программами. В последнее десятилетие жанровая палитра медиапространства расширилась за счет компьютерного дискурса. В рамках прокурорской деятельности данный жанр находит свое применение для размещения информационных материалов, обработки обращений граждан, а также организации онлайн-приемов. Таким образом, коммуникация между участниками может осуществляться как в устной, так и в письменной форме, в зависимости от выбранного канала и формата взаимодействия.

Дискурс-анализ медийного дискурса прокурорского работника позволил выявить его отличительные черты. Поскольку юридический дискурс носит институциональный характер, мы в настоящей работе применили методику дискурсивного исследования, предложенную В. И. Карасиком¹, согласно которой структура институционального дискурса включает следующие компоненты: цель, участников дискурса, хронотоп, способ и канал общения, ценности, стратегии, материал (тематика), разновидности и жанры, прецедентные тексты, дискурсивные формулы. Следует подчеркнуть, что данная модель в силу своей универсальности может подлежать адаптации и частичному применению с учетом специфики конкретного вида институционального дискурса.

Принимая во внимание многоаспектность деятельности прокуратуры и широкий спектр ее взаимодействия со средствами массовой информации, мы посчитали целесообразным ограничить предмет исследования телевизионными выступлениями, представляющими собой важный канал медийной коммуникации.

Прокурор может быть востребован в различных телепередачах, где

¹ Карасик В. И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 2000. С. 25—33.

необходимо экспертное мнение и профессиональный взгляд на правовые вопросы и глубокие знания законодательства. Обычно это общественно-политические или дискуссионные программы, куда работника прокуратуры обычно приглашают для обсуждения актуальных правовых проблем, судебных решений или изменений в законодательстве. Также это могут быть новостные программы, в которых представители прокуратуры дают интервью или комментарии по текущим делам. Особое место занимают правовые передачи и консультации, во время которых телезрители могут получить ответы на вопросы, связанные с уголовным или административным правом.

Выступления работников прокуратуры часто можно увидеть не только на федеральных, но и на региональных телеканалах. Эти средства массовой информации используются преимущественно представителями прокуратур субъектов РФ, городов и районов в просветительских и образовательных программах, чтобы доступно объяснить гражданам юридические нормы, их права и обязанности, а также в профилактических целях рассказать им о последствиях противоправных деяний.

Прокурорский дискурс, являясь частью юридического дискурса, ориентирован на все слои общества. Каждое телевизионное выступление представителя прокуратуры может быть ориентировано на различную целевую аудиторию, охватывающую широкий возрастной диапазон, от юных зрителей до людей преклонного возраста. В телепередачах с участием прокурора происходит взаимодействие между профессиональными участниками (представителями прокуратуры) и непрофессиональными (ведущими телепередачи, телезрителями). Это общение носит статусно-ориентированный характер и может осуществляться «только в ограниченном наборе ролевых характеристик, выступая в качестве представителей определенных групп людей»¹.

Не менее важным аспектом анализа медийного дискурса прокурора является хронотоп (от греч. *chronos* — время и *topos* — место). Пространственно-временные характеристики прокурорского теледискурса, как правило, задаются такими элементами, как место действия (телестудия, съемочная площадка, рабочее пространство прокурора) и временные параметры, включая время выхода передачи в эфир.

В телевизионных выступлениях представителя прокуратуры находит отражение широкий спектр общественных ценностей. Среди них можно выделить фундаментальные принципы правового государства — законность, верховенство права, справедливость, равенство перед законом, права и свободы человека, безопасность. Особое место занимают морально-этические

¹ Карасик В. И. Дискурсология как направление коммуникативной лингвистики // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1(21). С. 28.

ценности, такие как честность, ответственность и уважение, а также социальные ориентиры — порядок, стабильность, социальная справедливость, общественное благополучие и доверие к власти и правоохранительным органам.

Чтобы эффективно донести до аудитории важную информацию, убедить ее в справедливости своей позиции и укрепить в обществе определенные ценности, прокурор выстраивает свое телевыступление с учетом различных логических, эмоциональных и стилистических приемов:

- ясность и четкость изложения (отсутствие в речи сложной юридической терминологии, избегание двусмысленности и смысловой неопределенности, объяснение сложных ситуаций с использованием конкретных примеров);

- выстраивание аргументов в логической последовательности, подкрепление каждого аргумента доказательствами;

- использование риторических вопросов;

- ссылки на авторитетные источники (законы, прецеденты, научные исследования, экспертное мнение);

- применение эмоционально окрашенной лексики, пауз, интонационных выделений, описаний для усиления эмоционального воздействия;

- использование различных стилистических приемов (анафоры, антитезы, метафор, сравнения).

Исходя из представленного анализа медийного дискурса прокурорской деятельности, можно сделать следующие выводы:

Взаимодействие прокуратуры со средствами массовой информации играет значимую роль в обеспечении гласности и прозрачности ее деятельности. Оно способствует повышению правовой культуры населения, предупреждению и выявлению преступлений, а также формированию доверия общества к правоохранительным органам.

Прокурорский медийный дискурс — это часть институционального юридического дискурса, обладающая характерными чертами. Он строится на статусных ролях участников и имеет строго определенные цели: информирование, просвещение, разъяснение законодательства и формирование общественных ценностей.

Прокурорские выступления охватывают различные медиаформаты: телевидение, радио, социальные сети и печатные СМИ. Особое внимание уделяется телевизионным выступлениям, которые являются наиболее эффективным каналом коммуникации для донесения официальной информации, разъяснения правовых норм и формирования правового сознания граждан.

Телевизионный дискурс прокурорского работника представляет собой важный инструмент взаимодействия органов прокуратуры с обществом.

Его анализ позволяет глубже понять особенности медийной коммуникации в юридической сфере и подчеркнуть роль прокурорского дискурса в формировании общественного мнения, правовой культуры и доверия граждан к правовым институтам.

Научная статья

УДК 347.963

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПО ЗАЩИТЕ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ ИНФОРМАЦИИ,
ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ ЗДОРОВЬЮ И (ИЛИ) РАЗВИТИЮ**

Анастасия Сергеевна ФЕДОРОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
anastasiya_fed.work@mail.ru

Аннотация. в статье рассматриваются основные направления деятельности прокурора по защите несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию.

Автором делается вывод, что такая защита осуществляется прокурором как в рамках надзорной, так и ненадзорной деятельности.

Также на основе анализа норм действующего законодательства, материалов прокурорской практики, описанных проблем правового и организационного характера в деятельности прокурора, сформулирован вывод о роли органов прокуратуры, обеспечивающих защиту несовершеннолетних в информационной среде.

Ключевые слова: защита, прокурор, несовершеннолетние, меры реагирования, информация, сеть «Интернет»

Original article

**THE PROSECUTOR'S PROTECTION ACTIVITIES MINORS FROM
INFORMATION HARMFUL TO THEIR HEALTH AND (OR)
DEVELOPMENT**

Anastasia S. FEDOROVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, St. Petersburg, Russia, anastasiya_fed.work@mail.ru

Abstract. The article discusses the main directions of the prosecutor's activities to protect minors from information that harms their health and (or) development. The author concludes that such protection is carried out by the prosecutor both within the framework of supervisory and non-supervisory activities. Also, based on the analysis of the norms of current legislation, materials of prosecutorial practice, described problems of a legal and organizational nature in the activities of the prosecutor, a conclusion is formulated about the role of the prosecutor's office, ensuring the protection of minors in the information environment.

Keywords: protection, prosecutor, minors, response measures, information, Internet

Конституция РФ провозглашает свободу информации, которая дает каждому право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию законными способами — с помощью межличностного общения, средств массовой информации и материальных носителей информации, при условии, что на использование информации о частной жизни установлен запрет.

Кроме того, действующим законодательством предусмотрены права на обладание, пользование, воспроизводство и уничтожение информации, а также на ее защиту. Ограничение данных прав и свобод возможно только в случаях, когда это является необходимым для защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также национальной безопасности.

В свою очередь одним из органов государственной власти, осуществляющим надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющим иные функции в силу ст. 129 Конституции РФ является прокуратура Российской Федерации.

Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации определяются Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1, положения которого закрепляют обязанность прокуроров не только выявлять нарушения норм действующего законодательства, но и принимать меры к их устранению, восстановлению нарушенных прав и интересов, привлечению виновных лиц к установленной законом ответственности, а также недопущению подобных нарушений в будущем. При этом несмотря на отсутствие прокурора в перечне субъектов осуществляющих защиту несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, согласно ст. 20 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью

и развитию»¹ с каждым годом его деятельность на указанном направлении становится более значимой.

Вместе с тем необходимо отметить, что практика осуществления надзора в сфере оборота информации и как следствие защиты несовершеннолетних в информационной сфере сопряжена с рядом проблем, одна из которых, конечно обусловлена распространением информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию несовершеннолетних, посредством сети «Интернет».

Так, по сообщениям РБК согласно проведенному компанией Mediascope исследованию о поведении в сети «Интернет» российских подростков и детей от 4 до 17 лет (регулярное измерение аудитории сети «Интернет» Mediascope проводит от 12 лет и старше) пользуются Интернетом уже 87 % детей в возрасте четырех-пяти лет, а 53% из них делают это ежедневно².

При этом вряд ли кто-то сегодня осмелится поставить под сомнение утверждение, что сеть «Интернет» — это один из главных источников вовлечения детей в преступную среду. Самым распространенным примером такого вовлечения в 2023—2024 годах в России стала вербовка несовершеннолетних для поджога элементов железнодорожной инфраструктуры (релейных шкафов и т.п.).

Кроме того, в современных реалиях крайне негативное влияние на психическое развитие несовершеннолетних оказывает распространение преимущественно в социальных сетях, где дети проводят большую часть свободного времени деструктивного контента об увлечениях руфингом и зацепингом, а с весны 2024 года и таким явлением как квадробинг, когда несовершеннолетние подражают поведению животных: ходят на четвереньках, едят специальный корм, общаются звуками братьев наших меньших и т. д. Опасность такого асоциального поведения заключается в первую очередь в том, что ребенок становится управляемым извне, выполняя поручения и задания «кураторов», а, следовательно, по прошествии времени может полностью потерять над собой контроль (деградировать) и выполнить любое указание, вплоть до самоубийства.

Ведомственного акта, которым бы регламентировалась деятельность прокурора по защите несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию нет, по причине чего руководствуется

¹ О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Интернетом в России пользуются более 80% детей четырех-пяти лет – исследование [электронный ресурс] / URL: <https://d-russia.ru/internetom-v-rossii-polzujutsja-bolee-80-detej-chetyrjoh-pjati-let-issledovanie.html> (дата обращения: 23.11.2024).

последний положениями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов»¹.

Согласно данному приказу на органы прокуратуры возлагается обязанность осуществления системного надзора за исполнением законодательства о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, путем ограничения в установленном порядке доступа к такой информации и привлечения виновных в ее распространении лиц к предусмотренной законом ответственности; обязанность проведения ежедневного мониторинга соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних, в том числе с использованием средств массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетей, обеспечив незамедлительное реагирование на все ставшие известными факты нарушения прав и законных интересов детей.

Необходимо отметить, что применительно к деятельности прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов и соблюдением прав несовершеннолетних термин «мониторинг» указан в приказе Генерального прокурора РФ впервые. Представляется, что данный термин подразумевает под собой дистанционное наблюдение на постоянной основе за состоянием законности в рассматриваемой сфере правоотношений, а также анализ (оценку) такого состояния с целью предотвращения возможных нарушений прав и интересов несовершеннолетних, в то время как надзор предполагает не только наблюдение, но и в том числе вмешательство в процесс, путем применения актов реагирования в случае выявления предполагаемого или совершенного нарушения закона².

При этом приказ Генерального прокурора РФ от 26.08.2019 № 596, которым утверждена Инструкция о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», содержит в себе порядок действий работников органов прокуратуры в общем виде и не конкретизирует такой порядок применительно к защите детей от информации способной причинить вред их здоровью и (или) развитию³.

¹ Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов: приказ Генерального прокурора РФ от 13.12.2021 № 744. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Федорова А. С. Роль прокурора в обеспечении прав несовершеннолетних на информационную безопасность // Роль прокуратуры в построении правового государства: история и современность (К 300-летию Российской прокуратуры) : сборник статей по материалам научно-практического круглого стола (18 февраля 2022 г., г. Владивосток) / Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; отв. ред. Е. Ю. Антонова. Владивосток : Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2022. С.154.

³ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в

Возложение же обязанности по осуществлению ежедневного мониторинга на рассматриваемом направлении на органы прокуратуры видится нам не целесообразным поскольку в сравнении с предоставленными полномочиями и техническими возможностями Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) прокурор лишен средств позволяющих оперативно реагировать на выявленные нарушения или угрозы нарушения прав несовершеннолетних на информационную безопасность. В свою очередь регламентированный механизм взаимодействия между указанными ведомствами до настоящего времени также отсутствует, при условии, что Роскомнадзор представлен лишь территориальными подразделениями на уровне субъектов Федерации, следовательно на уровне районного звена органы прокуратуры напрямую обратиться к уполномоченному органу возможности лишены. В этой связи своевременность реагирования, которая зачастую просто необходима теряет смысл.

Представляется также, что решение указанной проблемы возможно путем внедрения в деятельность прокурора искусственного интеллекта наравне с предоставлением технических возможностей сбора, обработки и обмена информацией с органами контроля, что позволит повысить качество и эффективность таковой.

Безусловно, изложенное не значит, что на сегодняшний день деятельность прокурора по защите несовершеннолетних от вредоносной информации является малоэффективной и не способной обеспечить безопасность детей в информационной среде. Так, вопросы исполнения законодательства, обеспечивающего защиту несовершеннолетних от информации, причиняющей вред здоровью и (или) их развитию как составной части всей профилактической работы уполномоченных органов и учреждений системы профилактики по противодействию преступлениям и правонарушениям в отношении детей находятся в зоне постоянного надзорного внимания. Прокура-рами продолжается работа по надзору за: соблюдением органами контроля ограничений использования учащимися образовательных организаций средств мобильной связи, включая блокировку доступа к сети «Интернет», в период учебного процесса с учетом требований действующего законодательства; проводимой контентфилтратцией, не позволяющей получить доступ к определенным сайтам или услугам сети «Интернет», обновлением списков запрещенных ресурсов; реализацией программ обучения детей и подростков правилам безопасного поведения в интернет-пространстве, профилактики интернет-зависимости, предупреждения рисков вовлечения

сети «Интернет»: приказ Генерального прокурора РФ от 26.08.2019 № 596. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в противоправную деятельность и суицидов и т.д.

Если по результатам проведенных мероприятий выявляются нарушения, то в адрес руководителей образовательных организаций прокурорами вносятся представления об устранении нарушений, выносятся постановления о возбуждении производств по делам об административных правонарушениях, например по ст. 6.17 КоАП РФ.

На постоянной основе прокурорами проводится работа по выявлению в сети «Интернет» информации, причиняющей вред здоровью и развитию несовершеннолетних, подготовке в суды исковых заявлений о признании ее запрещенной для распространения на территории Российской Федерации. К примеру, Тихвинской городской прокуратурой Ленинградской области в ходе мониторинга сети «Интернет» в первом полугодии 2024 года выявлены сайты, на которых размещена информация, пропагандирующая криминальные традиции, сложившиеся в местах лишения свободы, асоциальное поведение, престижность совершения преступлений. В связи с этим городским прокурором направлены в суд 3 административных исковых заявления о признании информации запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, которые в настоящее время рассмотрены и удовлетворены. О необходимости расширения полномочий прокурора по внесудебной блокировке интернет-ресурсов отмечалось нами ранее¹.

Учитывая, что фейковая информация может привести к уголовной ответственности в соответствии со статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, а также предусмотрена уголовная ответственность за распространение, публичную демонстрацию или рекламирование порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних или вовлечение несовершеннолетних в оборот такой продукции в соответствии с ч. 2 ст. 242 УК РФ, прокурорами при установлении в ходе проверок признаков таких преступлений выносятся постановления в порядке ст. 37 УПК РФ, что в сравнении с органами контроля является их исключительной компетенцией.

Также на постоянной основе органами прокуратуры проводятся межведомственные совещания, по итогам которых разрабатываются мероприятия и алгоритмы, направленные на предупреждение вовлечения несовершеннолетних в деструктивную деятельность, профилактике девиантного поведения несовершеннолетних, выявлению в информационно-телекоммуникационной сети информации, причиняющей вред здоровью несовершеннолетних и (или) их развитию.

¹ Федорова А. С. Роль органов прокуратуры Российской Федерации в обеспечении информационной безопасности несовершеннолетних // Актуальные проблемы государственно-правовых преобразований в России: история и современность: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 250-летию со дня рождения выдающегося государственного деятеля, реформатора и ученого М.М. Сперанского / под ред. Е.Е. Тонкова и В.Ю. Туралина. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2022. С. 326.

Помимо прочего важной составляющей деятельности прокурора на рассматриваемом направлении является и предупреждение правонарушений, то есть их профилактика. По этой причине прокуроры практически всех субъектов РФ проводят обучающие лекции, в целях формирования набора готовых для использования родителями и педагогами IT-решений, в том числе правил пользования программами «родительского контроля», разработки локальных актов в образовательных учреждениях, информационных материалов на темы: «Негативное влияние сети «Интернет» на здоровье и развитие детей», «Опасная информация в сети «Интернет» и как защитить от нее ребенка».

При этом учитывая, разнообразие сфер и источников посредством которых дети могут получить доступ к деструктивному контенту, вызывает опасение отсутствие нормативного акта с точки зрения разграничения компетенции прокуратур в ходе осуществления защиты несовершеннолетних от вредоносной информации, поскольку надзор за исполнением законов и законностью правовых актов, а также за соблюдением прав и свобод человека и гражданина возлагается на все прокуратуры, а приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 07.05.2008 № 84 конкретизируются лишь объекты надзора, в то время как в рамках осуществления надзора на рассматриваемом направлении достаточно часто возникают вопросы о компетенциях органов прокуратуры в отношении нарушений закона в детских лагерях, находящихся на территории, относящихся к природоохранным объектам, курсантских училищ или вагонов метро.

Также необходимо отметить, что в настоящее время не лишена недостатков процедура оценки информации, размещаемой и распространяемой в нарушение закона, принимая во внимание, что прокуроры являются непосредственными субъектами такой процедуры при осуществлении предоставленных им полномочий.

Так, ни в Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», ни в иных актах, в том числе Генерального прокурора РФ, не учтено, как должна проводиться соответствующая экспертиза, какие этапы и критерии должны быть учтены, какую информацию следует относить к представляющей угрозу для здоровья и развития детей.

При этом, если обратиться к приказу Генерального прокурора РФ № 596 от 26.08.2019¹ можно сделать вывод, что прокурору во всех случаях для оценки информации на предмет ее вредоносности необходимо обращаться к специалистам, а учитывается информация, распространяемая лишь

¹ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет»: приказ Генерального прокурора РФ от 26.08.2019 № 596. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», и, если получена таковая в ходе осуществления надзора.

Не ясным остается вопрос и каким образом уполномоченные органы, в том числе прокурор могут оценить степень воздействия той или иной информации на несовершеннолетних исходя из их возраста. Нам представляется, что самостоятельно такая оценка проводится не может, и соответственно требуется привлечение специалиста, либо разработка специалистами последовательного алгоритма такой оценки, поскольку в ее основу положены в большей степени медицинские и (или) психологические критерии, которые требуют специальных познаний в указанных областях. При этом следует учитывать, что оказать негативное воздействие на ребенка может информация, которая адресована не только ему, но и иным лицам, когда у ребенка осознанно или нет (в зависимости от возраста) есть возможность воспринимать информацию.

Таким образом, можно констатировать, что защита прокурором несовершеннолетних от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию, осуществляется им как в рамках надзорной, так и ненадзорной деятельности (координация правоохранительных органов по борьбе с преступностью, участие в судебных процессах и участие в правотворческой деятельности), посредством действий, которые направлены на выявление нарушений, привлечение виновных лиц к предусмотренной законом ответственности, восстановление нарушенных прав, а также профилактику будущих нарушений при помощи мер прокурорского реагирования. При этом указанная деятельность не лишена проблемных аспектов, описанных в настоящей работе, которые полагаем в обязательном порядке должны найти свое разрешение.

Научная статья
УДК 343.326

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ

Виталий Викторович ФИРСОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
vitaiiy-viktorovich@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности международного сотрудничества в области противодействия терроризму, как основного фактора укрепления безопасности Российской Федерации.

На основе российского и международного опыта, оценок юридического сообщества в целом, делается вывод о дальнейших перспективах участия России в совершенствовании механизмов укрепления национальной и международной безопасности в правовом пространстве ближнего и дальнего зарубежья.

Ключевые слова: Генеральная ассамблея ООН, Российская Федерация, международное сотрудничество в области противодействия терроризму, защита прав и свобод человека.

Original article

INTERNATIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF COUNTERING TERRORISM

Vitaly V. FIRSOV

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, vitaiy-viktorovich@list.ru

Abstract. The article examines the features of international cooperation in the field of countering terrorism as the main factor in strengthening the security of the Russian Federation.

Based on Russian and international experience and assessments of the legal community as a whole, a conclusion is drawn about the future prospects of Russia's participation in improving mechanisms for strengthening national and international security in the legal space of the near and far abroad.

Keywords: UN General Assembly, Russian Federation, international cooperation in countering terrorism, protection of human rights and freedoms.

Террор [от франц. *terreur*; от латин. *terror* — ужас, страх] — наиболее острая форма борьбы против политических и классовых противников с применением насилия вплоть до физического уничтожения; запугивание с угрозой насилия или фактическим его применением¹.

Вопрос о выработке общепризнанного определения понятий «терроризм» и «международный терроризм» является сложным и вызывает дискуссии и разногласия, в том числе среди государств-членов ООН.

Тем не менее, резолюция Генассамблеи ООН № 49/60 «Меры по ликвидации международного терроризма», принятой в 1994 г. В ней определено, что «преступные акты, направленные или рассчитанные на создание

¹ Сковцов, Л. И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2009. 1104 с.

обстановки террора среди широкой общественности, группы лиц или отдельных лиц в политических целях, ни при каких обстоятельствах не могут быть оправданы, какими бы ни были соображения политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или другого характера, которые могут приводиться в их оправдание». Данное определение в последующем неоднократно использовалось и в других документах ООН, посвященных противодействию терроризму.

В декабре 2004 г. был представлен доклад «Более безопасный мир: наша общая ответственность», подготовленный Группой высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, указывает на то, что отсутствие общего согласия по определению терроризма является одной из преград для эффективной борьбы с этой угрозой. Доклад подчеркивает необходимость достижения консенсуса в определении терроризма, чтобы предотвратить его использование и полностью осудить, и наказать совершителей террористических актов.

Неспособность достичь единого определения терроризма подчеркивает сложность и многогранность этой проблемы. Однако, важно отметить, что борьба с терроризмом остается высоким приоритетом для международного сообщества, и усилия в этой области должны продолжаться в рамках укрепления коллективной безопасности и применения международного права.

Одной из важных проблем, с которой сталкиваются государства, является противодействие вмешательству во внутренние дела других государств. Это создает угрозу для суверенитета и независимости государств, нарушает международное право и может привести к конфликтам и нарушениям прав человека.

В декларации ООН «О недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств»¹ эта деятельность получила международное осуждение и ее уровень стал постепенно снижаться.

Цель декларации состоит в том, чтобы предотвратить угрозы и нарушения со стороны других государств, которые могут использовать интервенцию и вмешательство в качестве инструмента в реализации своих интересов. Она призывает государства установить мирные отношения, сотрудничество и взаимоуважение, основанные на принципах международного права.

Однако, несмотря на усилия международного сообщества, борьба за зоны влияния продолжается, используя методы и приемы близкие к терро-

¹ Декларация о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета : принята резолюцией 2131 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН от 21 декабря 1965 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ристическим. Это может включать использование прокси-групп и нежелание сотрудничать с другими странами в противодействии терроризму. Борьба за зоны влияния или реализация политических и геополитических целей через террористическую деятельность продолжается, что создает дополнительные вызовы для общества и международного сообщества.

Одна из проблем, возникающих при определении понятия терроризм это попытка его классифицировать.

В настоящее время в качестве оснований классификации отдельных типов терроризма в научной и криминологической литературе, а также политической практике используются критерии, отраженные ниже¹.

1. Классификация терроризма по идеологической основе и сфере проявления:

- политический терроризм;
- государственный терроризм;
- религиозный терроризм;
- националистический терроризм;

2. Классификация терроризма по масштабам:

- внутренний терроризм;
- международный терроризм.

3. Классификация терроризма по целям и задачам:

- меркантильный терроризм.
- апокалиптический терроризм.

4. Классификация терроризма по видам применяемых средств:

- обычный терроризм.
- ядерный, химический и биологический терроризм.
- кибернетический терроризм.
- информационный терроризм.
- экономический терроризм.

Важно отметить, что терроризм воплощается в виде террористического акта, который можно определить как форму реализации преступного замысла. Террористическая активность имеет широкий спектр целей и последствий. Террористические группы часто направляют свои действия против правительственных органов, правоохранительных структур, религиозных и идеологических противников, а также международных и национальных социальных групп.

¹ Махненко, С. И., Сыпченко, А. Н. Типология терроризма: понятие и характеристика отдельных типов террористических актов // Гуманитарные социально-экономические и общественные науки : науч. журн. : электр. версия. 2019., № 8. С. 54-59. URL: https://online-science.ru/userfiles/file/vypusk__8-2019_g_pdf_xezipa3dhc.pdf. (дата обращения: 26.10.2024).

Массовые человеческие жертвы, разрушение материальных и духовных ценностей, экономический ущерб и социальные разломы — все это является частыми последствиями террористических актов. Они наносят серьезный урон обществу и государству, снижая уровень безопасности и ведя к конфликтам и войнам.

Типы террористических актов, их цели и способы осуществления.¹

1. Диверсия;
2. Похищения;
3. Покушение и убийство являются одним из основных методов терроризма;
4. Хайджекинг;
5. Кибертерроризм.

Несмотря на то, что определение терроризма является предметом дискуссий и противоречий, так как каждое государство и международные организации могут иметь свои собственные интерпретации этого понятия. Однако можно выделить следующее определение:

Терроризм — это использование насилия, угрозы насилием или интенсивного страха с целью достижения политических, религиозных или идеологических целей. Террористические акты обычно направлены на создание паники, страха и нестабильности в обществе, а также вызывают крупномасштабные потери жизней и материальных ресурсов.

Терроризм является серьезной угрозой для безопасности и стабильности во всех обществах и странах. Он нарушает основные права человека и может привести к смертельным и травматическим последствиям для множества людей. Борьба с терроризмом требует координации усилий международного сообщества и применения различных стратегий, включая полицейские и военные операции, предотвращение радикализации, защиту граждан и поддержку развития уязвимых регионов.

С 1963 года международное сообщество разработало 19 международных соглашений, направленных на предотвращение террористических атак. Эти соглашения, открытые для всех государств-членов, были разработаны под эгидой Организации Объединенных Наций и Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ).

Документы, касающиеся гражданской авиации

Конвенция 1963 года о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов была принята 14 сентября 1963 года².

¹ Махненко С. И., Сыпченко А. Н. Типология терроризма: понятие и характеристика отдельных типов террористических актов // Гуманитарные социально-экономические и общественные науки : науч. журн. : электр. версия. 2019., № 8. С. 54-59. URL: https://online-science.ru/userfiles/file/vypusk__8-2019_g_pdf_xezipa3dhc.pdf. (дата обращения: 26.10.2024).

² Конвенция о преступлениях и некоторых других актах, совершаемых на борту воздушных судов :

Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов принята 16 декабря 1970 года¹.

Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации принята 10 сентября 2010 года².

Документом, касающимся международной защиты должностных лиц является Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов принята резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1973 года³.

Международная конвенция о борьбе с захватом заложников принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года⁴ является документом, касающимся захвата заложников.

К документам, касающимся морского судоходства относятся Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства принята в Риме 10 Марта 1988 года⁵ и Протокол 2005 года к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства⁶.

Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения. Принята в Монреале на дипломатической конференции, проведенной ИКАО 12 февраля — 1 марта 1991 года⁷ является документом, касающимся взрывчатых веществ.

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 года⁸ была принята для противодействия бомбовому терроризму.

подписана в Токио 14 сентября 1963 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов : принята 16 декабря 1970 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Конвенция о борьбе с незаконными актами в отношении международной гражданской авиации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов : принята резолюцией 3166 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1973 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Международная конвенция о борьбе с захватом заложников : принята резолюцией 34/146 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Протокол 2005 г. к Конвенции о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения : принята в Монреале на дипломатической конференции, проведенной ИКАО 12 февраля — 1 марта 1991 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом : принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1997 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Для противодействия финансированию терроризма была принята Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 года¹.

Для предотвращения ядерного терроризма принята Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма. Принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 года².

Сегодня международно-правовая база сотрудничества государств в борьбе с терроризмом является необходимой основой для обеспечения безопасности граждан и общества. Это широкий набор международных договоров, конвенций и резолюций, разработанных и принятых государствами, с целью предотвращения, пресечения и наказания террористических актов.

Такая международно-правовая база основана на принципах уважения прав человека, суверенитета государств, неприемлемости терроризма во всех его формах и проявлениях. Она предусматривает сотрудничество между государствами в обмене информацией, экстрадиции и судебном преследовании террористов, а также меры по предотвращению финансирования терроризма и пропаганды экстремистских идей.

Международные соглашения, разработанные странами ООН, подчеркивают, что никакие обстоятельства не оправдывают использование терроризма. Они признают, что террористические акты независимо от их мотивов — политических, философских, идеологических, расовых, этнических, религиозных или других — недопустимы и осуждаемы.

Ключевой принцип заключается в привлечении к ответственности лиц, совершивших террористические акты и иные террористические преступления. Международные соглашения призывают государства сотрудничать в исполнении этой обязанности, включая преследование и наказание виновных лиц. Они также поддерживают создание правовых механизмов и судебных процессов для действенного преследования террористических преступлений.

Важно отметить, что эти соглашения также подчеркивают необходимость уважения прав человека и поддержания правового государства в борьбе с терроризмом. Они поддерживают недопустимость любых форм насилия и нарушений прав человека, прилагаемых в ходе противодействия терроризму.

¹ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма : принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма : принята резолюцией 59/290 Генеральной Ассамблеи от 13 апреля 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кроме того, международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом включает совместные операции, обучение и подготовку правоохранительных органов, обмен опытом и передачу технологий. Важно отметить, что такое сотрудничество особенно актуально в эпоху глобализации, когда террористическая угроза переходит границы и требует координации усилий всех стран.

Так же национальное законодательство также играет важную роль в обеспечении правовой основы сотрудничества государств в борьбе с терроризмом.

Большинство стран имеют свои законы о противодействии терроризму, которые определяют действия, связанные с террористическими актами и преступлениями, и предусматривают меры для их предотвращения, расследования и наказания виновных лиц, например:

В рамках международного сотрудничества по борьбе с терроризмом национальное законодательство играет роль в оказании юридической помощи между государствами. Это включает такие вопросы, как экстрадиция террористов, обмен информацией, ведение совместного расследования и передача доказательств. В целом, национальное законодательство позволяет обеспечить выполнение норм международных соглашений в борьбе с терроризмом, включая выдачу подозреваемых и осужденных лиц.

Однако, необходимость согласования и гармонизации национальных законов и подходов по борьбе с терроризмом становится все более важным, чтобы обеспечить эффективное и сбалансированное сотрудничество между государствами в этой области.

Таким образом, международные соглашения ООН подчеркивают ясные принципы недопустимости терроризма и необходимости привлечения его исполнителей к ответственности, призывая государства сотрудничать для обеспечения безопасности граждан и общества.

Национальное законодательство играет важную роль в обеспечении правовой основы сотрудничества государств в борьбе с терроризмом, особенно в сфере оказания юридической помощи и согласования действий по выдаче преступников. Таким образом, международные конвенции и другие правовые документы включают в себя все аспекты, связанные с борьбой с терроризмом. Сегодня международно-правовая база в этой области достаточно структурирована и позволяет государствам координировать и объединять свои усилия. Однако одного принятия международных конвенций недостаточно для полной победы над терроризмом.

Международно-правовые нормы определяют основы и стратегические направления реальных мер, которые необходимо предпринять.

К таким направлениям относятся выработка и усиление национального законодательства по борьбе с терроризмом и его применение, усиление сотрудничества и обмен информацией между государствами, создание и развитие специализированных правоохранительных и разведывательных органов, преследование и судебное преследование террористов, предотвращение финансирования терроризма и замораживание активов террористических организаций, разработка и реализация мер по пропаганде толерантности и предотвращению радикализации, проведение антитеррористических операций, включая разрушение террористической инфраструктуры и нейтрализацию террористических группировок.

Эти меры должны осуществляться с учетом международных стандартов в области прав человека и правового государства. Важно, чтобы борьба с терроризмом не нарушала основных прав и свобод граждан, и была максимально эффективной и пропорциональной. Кроме того, необходимо продолжать развивать и укреплять сотрудничество между государствами, международные организации и общественные объединения в борьбе с угрозой терроризма.

Международное сотрудничество в области борьбы с терроризмом также включает в себя создание и поддержание специализированных международных организаций. Одной из таких организаций является Контртеррористический комитет ООН (КТК), который играет ключевую роль в координации контртеррористической деятельности на международном уровне. Кроме того, в каждой стране существуют национальные структуры, занимающиеся вопросами борьбы с терроризмом. Эти структуры играют важную роль в пресечении и расследовании террористических актов на национальном уровне. Таким образом, международное сотрудничество в борьбе с терроризмом осуществляется через разработку общих норм международного права и их соотнесение с национальными законами. Существуют также различные международные контртеррористические организации, через которые государства координируют свои действия и выступают с совместными инициативами.

В целом, международно-правовая база по борьбе с терроризмом является важным инструментом в противодействии этому глобальному вызову. Однако, решение проблемы терроризма требует всеобъемлющего подхода, включающего политические, экономические и социальные меры, а также понимание и предотвращение источников радикализации и экстремизма.

**ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
В ПОЗНАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Алексей Васильевич ХОЛОПОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
alekseiholopov@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям познания преступления в уголовном судопроизводстве и значению в этом процессе криминалистического обеспечения.

Процесс познания преступления заключается в решении профессиональными субъектами обратной задачи, выраженной в выполнении мыслительных операций, связанных с реконструкцией события преступления, на основе исследования объектно-следовой обстановки места происшествия на досудебных стадиях и доказательственной информации в уголовном деле на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Результатом решения таких обратных задач является формирование посредством использования знаний в области криминалистики модели события преступления, являющейся основой для его уголовно-правовой квалификации.

Ключевые слова: криминалистическое обеспечение; познание преступления; наглядность; решение обратных задач; событие преступления; моделирование; присяжные

Original article

**THE IMPORTANCE OF FORENSIC SUPPORT IN KNOWLEDGE
OF A CRIME IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

Alexey V. KHOLOPOV

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, alekseiholopov@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of knowledge of a crime in criminal proceedings and the importance of forensic support in this process.

The process of knowledge of a crime consists in solving the inverse problem by professional subjects, expressed in the performance of mental operations associated with the reconstruction of a crime event, based on the study of the object-trace environment of the scene of the incident at the pre-trial stages and evidentiary information in the criminal case at the judicial stages of criminal proceedings.

The result of solving such inverse problems is the formation, through the use of knowledge in the field of forensic science, of a model of a crime event, which is the basis for its criminal-legal qualification.

Keywords: forensic support; knowledge of a crime; clarity; solving inverse problems; crime event; modeling; jury

Уголовное право, как наука и учебная дисциплина исследует, систематизирует и определяет понятие преступления, категории преступлений, признаки отдельных составов преступления и устанавливает виды наказаний. В целом, уголовное право, формирует в сознании юриста, фактически, являющиеся базовыми в его последующей профессиональной деятельности и мышлении представления о преступлении и его составе.

Однако, для того чтобы была осуществлена уголовно-правовая квалификация преступления в уголовном судопроизводстве на его досудебных и судебных стадиях необходимо провести сложную, творческую исследовательскую работу по изучению события преступления, отразившегося в объектно-следовой обстановке места происшествия. Такое изучение, прежде всего, связано, с так называемым, криминалистическим обеспечением, которое, преимущественно состоит в использовании технико- и тактико-криминалистических средств, приемов и методов в процессах поиска, обнаружения, фиксации, изъятия, предварительного исследования и удостоверения доказательственной информации в процессе расследования преступлений. Исходя из восстановления первоначальной, исходной картины события преступления как главной задачи расследования преступления, полагаем, что криминалистическое обеспечение выражается не только в практической деятельности по «добыванию» доказательств, но и в мыслительной деятельности, направленной на познание преступления.

В этом смысле можно сказать, что уголовно-правовая квалификация преступления возможна на завершающей стадии оформления уголовного дела, т. е. на том этапе, когда сформирована система доказательств, отраженная в уголовном деле. Например, в ходе осмотра места происшествия с признаками совершения преступления следователю нецелесообразно сразу осуществлять уголовно-правовую квалификацию в силу отсутствия достаточной к этому доказательственной информации. Напротив, для решения

познавательной задачи первоначального этапа расследования преступления в ходе осмотра места происшествия на его обзорной стадии следователем осуществляется так называемое мысленное моделирование вариантов события преступления, т. е. выдвижение версий. Дальнейший процесс расследования преступления связан с проверкой выдвинутых версий, что основано, прежде всего, на использовании знаний в области криминалистики.

По нашему мнению, сущность деятельности субъектов по познанию преступления как на досудебных, так и судебных стадиях имеет общие черты, т. е. строится на едином основании, позволяющем осуществлять процесс познания, а именно на знаниях криминалистики. Другими словами, деятельность следователя и государственного обвинителя с точки зрения процесса познания преступления построена на общем фундаменте, сложенном из знаний криминалистики.

Приведем некоторые, на наш взгляд, основные обстоятельства, позволяющие рассмотреть значение криминалистики в процессах познания преступления в уголовном судопроизводстве.

Одним из обстоятельств, позволяющим говорить о значимости криминалистического обеспечения в познании преступления, является расширение в отечественном уголовном судопроизводстве в 2016 году института суда с участием присяжных заседателей. Данный факт, с точки зрения познания преступления, позволяет говорить о профессиональных, и непрофессиональных субъектах уголовного судопроизводства.

Профессиональные субъекты, а именно, следователь, прокурор, эксперт, судья, защитник, имеют специальное юридическое образование, и соответственно, профессиональные знания и опыт в области криминологии, уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, которые в целом, позволяют осуществлять исследование такого сложного объекта познания как преступление. Процесс познания преступления профессиональных субъектов уголовного судопроизводства преимущественно основан на использовании знаний в области криминалистики, позволяющих системно и объективно реконструировать событие преступления на основе исследования механизма формирования объектно-следовой обстановки на месте происшествия на основе результатов следственных действий и экспертиз. В этом смысле, таких профессиональных субъектов также можно назвать субъектами применения криминалистических знаний в процессе познания преступления.

Непрофессиональные субъекты — присяжные заседатели, напротив, не имеют такого образования и знаний, что существенно осложняет для них восприятие, анализ и оценку представляемой в судебных разбирательствах доказательственной информации о событии преступления.

С точки зрения процессов познания, существенное отличие профессиональных и непрофессиональных субъектов уголовного судопроизводства также заключается в том, что, например, теоретические знания и практические навыки (опыт следственной работы) в области криминалистики позволяют при восприятии сложной разнородной информации (вербальной, текстовой, фотографической) осуществить в сознании так называемую внутреннюю визуализацию, т. е. сформировать целостный визуальный образ (модель) события преступления. Иными словами, профессиональные знания в области уголовного судопроизводства, в особенности криминалистики, предоставляют субъекту познания возможность при восприятии информации о событии преступления, например, лишенной наглядности (текст протоколов или экспертиз, вербальная информация в виде показаний и т. д.), представить (визуализировать) ее в сознании в виде визуальных образов, которые также можно назвать внутренними мысленными моделями.

Очевидно, что у присяжных заседателей, не обладающих такими профессиональными знаниями, существенно снижена способность к внутренней визуализации мысленных наглядных образов, формирующихся в сознании в результате восприятия представленной в судебных заседаниях доказательственной информации.

Предвидя возражения, отметим, что способность к формированию визуальных образов в сознании при восприятии информации, лишенной свойства наглядности, например, представление в сознании образа автомобиля по звуку его двигателя или запаху бензина, является базовым свойством психики человека.

В нашем случае познание такого сложного объекта, как преступление, требует профессиональных способностей к внутренней визуализации, преимущественно основанных на знаниях в области криминалистики, а не бытовых, не позволяющих на основе закономерностей формирования объектно-следовой обстановки в механизме преступления, отраженной в материалах уголовного дела, полноценно конструировать в сознании целостный визуальный образ (мысленную модель) события преступления.

Конечно же, это не означает, что присяжные заседатели как носители профанных (бытовых) знаний в области уголовного судопроизводства не могут осуществлять функции народного правосудия, установленные в ст.ст. 20, 47, 123 Конституции РФ. Напротив, по нашему мнению, именно данное обстоятельство является одной из фундаментальных особенностей судебных разбирательств с участием присяжных заседателей, основанных

на специфике обеспечения процессов познания преступления для непрофессиональных субъектов уголовного судопроизводства¹.

«Это коренное свойство суда присяжных», как писал, выдающийся русский юрист Анатолий Федорович Кони, которое выражается в том, что «присяжные заседатели решают дела, по внутреннему убеждению, которое складывается свободно и независимо, согласно с тем, что они видят и слышат на суде. (...) Оно слагается под влиянием внутренней переработки той массы разнородных впечатлений, которые производит на них разбирательство дела»².

В связи с этим, для обеспечения познания преступления присяжными заседателями профессиональным субъектам уголовного судопроизводства, например, государственному обвинителю и защитнику на судебной стадии в процессе представления доказательственной информации, и следователю, на досудебных стадиях в процессе формирования уголовного дела необходимо руководствуясь принципом наглядности³.

Другими словами, обеспечение познания преступления непрофессиональным субъектам, имеющим обывательские знания в области уголовного судопроизводства и криминалистики, в частности, и, соответственно, пониженные способности к внутренней визуализации мысленной модели события преступления, необходимо компенсировать высоким уровнем наглядности представляемой доказательственной информации в судебных разбирательствах, что обеспечивается использованием криминалистических знаний (в процессе познания) и технологий (в практической деятельности) профессиональными субъектами.

Схожесть процессов познания преступления профессиональными субъектами на досудебных и судебных стадиях, основана на том, что краеугольным камнем уголовного судопроизводства является уголовное дело, которое, в свою очередь, есть результат познавательной деятельности, например, следователя, направленной на исследование события преступле-

¹ Непеин, Г. Г., Холопов А. В. Институт суда с участием присяжных заседателей как реализация конституционных принципов в развитии гражданского общества в России // КриминалистЪ. 2019. №3 (28). С. 26—31.

² Кони А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А. Ф. Кони ; ред. В. Г. Базанов. Москва : Юридическая литература. 1966-1969. Т. 4 / сост., коммент. М. М. Выдря ; авт. предисл. И. Д. Перлов, 1967. С. 212.

³ Никонов В.А. Наглядность в работе государственного обвинителя // Законность. 2007. № 10. С. 15-17.; Кулик Н. В., Холопов А. В. О современных технологиях представления доказательственной информации в деятельности государственного обвинителя // Криминалист. 2009. 1(4). С. 75—80.; Мариинская Н. Методика представления доказательств стороной обвинения в суде с участием присяжных заседателей // Законность. 2013. № 1. С. 22—24.; Фалилеев, В. А. Демонстрационный характер формирования доказательств, представляемых суду присяжных // Законность. 2017. № 8. С. 8—11; Ворсин Д. В. Особенности поддержания государственного обвинения в суде по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков, с участием коллегии присяжных заседателей // Законность. 2021. № 2. С. 17-20., и т.д.

ния. Такой процесс познания преступления заключается в решении субъектом познания так называемой обратной задачи, выраженной в выполнении мыслительных операций, связанных с реконструкцией событий, произошедших в прошлом, на основе исследования последствий (системы следов) в настоящем.

В следственной деятельности субъект познания совершает обратный переход во времени от момента восприятия и исследования объектно-следовой обстановки места происшествия к временному отрезку события преступления посредством его реконструкции в виде его высокообъективизированной модели – уголовного дела. В прокурорской деятельности (государственный обвинитель) также совершает обратный переход во времени от момента восприятия и исследования системы доказательств, отраженных в уголовном деле, к временному отрезку события преступления посредством его реконструкции в виде мысленных моделей в обеспечении познания преступления «для себя» и наглядного представления доказательственной информации в судебном разбирательстве для обеспечения познания «для других», например, для присяжных заседателей.

В этом смысле, познавательная деятельность профессиональных субъектов уголовного судопроизводства основана на совершении мыслительных операций по решению обратных задач, с той лишь разницей, что, например, следователь решает обратную задачу по реконструкции события преступления на основе объектно-следовой обстановки места происшествия, а государственный обвинитель — на основе доказательственной информации, отраженной в уголовном деле.

В этом смысле криминалистику можно рассматривать как практическое воплощение логики доказывания, основанной на диалектическом методе познания, одним из основных принципов которого является системность, позволяющая исследовать такие сложные системные объекты познания, как преступление, и создавать его мысленные и материальные модели. Т.е. криминалистическое обеспечение, позволяет делать преступление как объект познания доступным для восприятия (наглядным) и исследования на досудебных и судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, обеспечить субъективную и объективную уверенность у профессиональных и непрофессиональных субъектов уголовного судопроизводства, что на скамье подсудимых сидит человек, имеющий прямое, непосредственное, деятельное отношение к событию преступления, что именно в результате его действий сформировалась объектно-следовая обстановка на месте происшествия, возможно с использованием знаний не в области уголовного процесса, криминологии и уголовного права, но, прежде всего, криминалистики. Именно знания в области криминалистики

в решении диагностических и идентификационных задач, позволяют реконструировать событие преступления и обеспечивают познание преступления в целом и тем самым создают условия для его уголовно-правовой квалификации.

Научная статья

УДК 347.963

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РОЛИ ДОСТОВЕРНЫХ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Полина Витальевна ШИРОКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Shirokova4444@mail.com

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые вопросы значения достоверных статистических показателей в профилактической деятельности прокуратуры.

Обращается внимание на некоторые недостатки в обеспечении получения достоверных статистических показателей в профилактической деятельности прокуратуры.

Разработаны предложения по совершенствованию роли достоверных статистических показателей в профилактической деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: прокуратура, статистика, профилактика правонарушений

Original article

ON THE ISSUE OF THE PREVENTIVE ROLE OF RELIABLE STATISTICAL INDICATORS IN THE ACTIVITY OF PROSECUTOR'S OFFICES

Polina V. SHIROKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Shirokova4444@mail.com

Abstract. The article discusses some issues of the importance of reliable statistical indicators in the preventive activities of the prosecutor's office.

Attention is drawn to some shortcomings in ensuring reliable statistical indicators in the preventive activities of the Prosecutor's Office.

Proposals have been developed to improve the role of reliable statistical indicators in the preventive activities of the prosecutor's Office.

Keywords: prosecutor's office, statistics, crime prevention

Статистика имеет многовековую историю, на протяжении которой она всегда была актуальна и востребована в самых разных сферах общественной и государственной жизни, изначально как практическая деятельность, затем как сфера научных интересов и учебная дисциплина.

Процессы и явления, происходящие в социальной сфере, изучаются и описываются социальной статистикой, отдельным направлением которой является правовая статистика.

Правовая статистика обеспечивает сбор, хранение и накопление информации о различных юридически значимых процессах и явлениях. Необходимо отметить, что к юридически значимым процессам и явлениям относятся не только те, которые являются правовыми (рецидив преступлений, количество краж, гражданско-правовых исков), но также и те, которые имеют правовое значение (состояние алкогольного опьянения, хранение оружия, случаи производственного травматизма).

Деятельность в сфере правовой статистики осуществляется с целью изучения таких процессов и явлений, выявления закономерностей их возникновения и протекания. В дальнейшем полученные знания используются для анализа, прогнозирования и совершенствования мер социального контроля над негативными социальными явлениями. Такой контроль необходим для профилактики правонарушений и борьбы с ними.

В связи с исключительно важной ролью профилактики она является самостоятельным направлением деятельности практически всех государственных органов, в том числе и органов прокуратуры.

К одному из основных направлений деятельности прокуратуры Российской Федерации в силу положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», а также ряда ведомственных приказов Генерального прокурора Российской Федерации относится профилактика правонарушений, в рамках осуществления которой надлежит обеспечить качественное и результативное информационное взаимодействие на всех уровнях и между всеми субъектами профилактики правонарушений.

В законодательстве определено, что профилактика — это комплекс социальных, правовых, организационных, информационных и иных мер,

направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений¹.

Исходя из сказанного, одним из элементов такой деятельности выступает ее информационное обеспечение, что в свою очередь представляет собой комплексную деятельность, эффективность и оптимальность которой обеспечивается качеством информации.

Объем информации, поступавшей в прокуратуру, всегда был весьма значительным. На сегодняшний день цифровизация в разы увеличила этот массив данных, поскольку погружение ее в цифровую среду, распространенность и доступность современных высокотехнологичных информационных систем и программ, мобильных устройств связи, беспроводных сетей, наделили и информацию оперативностью и мобильностью.

В целях повышения эффективности деятельности прокуратуры, требовалось внедрение современных технологий, что осуществляется путем проведения комплексной оптимизации процессов внутренней деятельности, создания технологической основы для осуществления надзорных полномочий в условиях цифровой экономики². Что в свою очередь может быть достигнуто путем формирования у прокуроров базовых компетенций в вопросах цифровой экономики и современных информационных технологий³.

Одним из видов информации выступают статистические данные, значение которых сложно переоценить, в связи с чем они всегда находились в поле зрения прокуроров.

До 2011 года включительно ведение и развитие государственной статистической информации сферы правовой статистики находилось в компетенции органов внутренних дел. Весь массив такой информации был довольно статичным с точки зрения соответствия потребностям общества и государства. Такое состояние статистической информации не соответствовало необходимым качествам, позволявшим бы использовать ее в целях превенции правонарушений и преступлений, при том, что практическая значимость правовой статистики определяется именно ее способностью оперативно реагировать на изменения социальных процессов для отражения их взаимосвязи с состоянием преступности, использованием в правотворчестве и научно-исследовательской работе.

¹ Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации Федеральный закон от 23.06.2016 N 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Концепция цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации до 2025 г. : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 14.09.2017 № 627. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Горошко И. В. Информатизация органов прокуратуры: от отдельных решений к системному подходу // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6 (86)

Вследствие законодательного закрепления ведения Генеральной прокуратурой Российской Федерации государственного единого статистического учета данных о состоянии преступности, сообщениях о преступлениях, следственной работе, дознании и прокурорском надзоре (далее — государственный единый статистический учет), а также осуществления федерального статистического наблюдения на основе первичных статистических данных, предоставляемых государственными органами, роль прокуратуры в вопросах правовой статистики претерпела существенные изменения.

Соответствующая новелла нашла свое отражение в редакции ст. 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», предусмотренной Федеральным законом от 07.02.2011 № 4-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О полиции», которая вступила в силу с 1 января 2012 г.¹.

Важно отметить, что существенный объем аспектов деятельности, связанной с осуществлением государственного единого статистического учета, урегулирован в целом ряде подзаконных правовых актов.

Цель такой деятельности прокуратуры в первую очередь заключается в формировании официальной статистической информации, а с 1 января 2025 года² и иной документированной информации, используемой в системе государственной статистики.

Информация в современных условиях является исключительно важным стратегическим ресурсом, в случае если обладает такими характеристиками как достоверность, полнота и своевременность получения.

В прокуратуре для обеспечения такого качества статистической информации осуществляется проверка полноты и достоверности сведений форм федерального статистического наблюдения о состоянии преступности и результатах следственной работы, проводится мониторинг статистических показателей с различных позиций (уровень преступности, динамика преступлений, удельный вес преступлений и другие). Пристальное внимание уделяется обоснованности учета, в том числе по многоэпизодным уголовным делам, по учету преступлений в сфере миграции, преступлений экономической направленности, коррупционных преступлений. Все показатели, кото-

¹Современная редакция статьи 51 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» введена в действие Федеральным законом от 27.12.2019 № 487-ФЗ с изменениями от 30.09.2024 о создании и введении в эксплуатацию государственной автоматизированной системы правовой статистики с 1 января 2027 г.

²О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» : Федеральный закон от 22 июля 2024 г. № 206-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

рые являются сопоставимыми, сверяются между различными формами отчетности. Полученный массив данных впоследствии анализируется и при необходимости сопоставляется с процессуальными документами по ряду критериев. Достоверность сведений подтверждается процессуальными документами. Целью сбора статистической информации и ее накопления является реализация. Эффективное использование массива данных, умелое применение итогов аналитической работы, в том числе при осуществлении надзора — залог результативной деятельности.

Только такой скрупулезный подход позволяет исследовать, проанализировать и использовать в дальнейшем достоверные данные в практической деятельности и самой прокуратуры и всех заинтересованных органов государственной власти и, в первую очередь, правоохранительных органов Российской Федерации.

Вместе с тем до сих пор допускаются случаи возбуждения уголовных дел с ненадлежащей квалификацией, искажение квалифицирующих признаков преступления, размера причиненного преступлением ущерба и другие нарушения, что приводит к искажению показателей государственной отчетности, и как следствие влечет недостоверную картину преступности и выработку нерезультативных и ошибочных выводов о мерах профилактики.

Резюмируя сказанное, отметим, что необходимо исключить формальный подход в анализе данных, формировать прогнозы в целях видения перспектив развития и реализовывать полученные результаты аналитической деятельности, исключив ошибки. Деятельность прокуратуры в сфере правовой статистики не теряет своей актуальности в современных условиях, и способствует усилению ее координирующей роли. Полномочия органов прокуратуры по данному направлению являются неотъемлемой частью их функций и призваны обеспечить надежность и достоверность накапливаемой информации. Таким образом, статистическая отчетность предоставляет в распоряжение прокуроров и иных заинтересованных пользователей существенный массив данных, имеющий внушительный потенциал для разносторонней информационно-аналитической, надзорной работы и профилактической работы.

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПОДГОТОВКИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ
К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ**

Виктория Львовна ШУЛЬЦ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
9226587568@mail.ru

Аннотация. В статье акцентировано внимание на важности поддержания государственного обвинения, как одной из функций органов прокуратуры, проанализированы тактические приемы, используемые государственным обвинителем при подготовке к судебному заседанию, их содержание.

Также автором рассмотрены ошибки и недостатки, допускаемые на стадии предварительного расследования, которые могут повлиять на исход судебного разбирательства.

Ключевые слова: государственный обвинитель, прокурор, судебное разбирательство, изучение материалов уголовного дела, недостатки предварительного расследования

Original article

**ABOUT SOME OF THE PROBLEMS OF PREPARING A PUBLIC
PROSECUTOR FOR TRIAL**

Victoria L. SCHULTZ

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the
Russian Federation, St. Petersburg, Russia, 9226587568@mail.ru

Abstract: The article focuses on the importance of maintaining public prosecution as one of the functions of the prosecutor's office, analyzes the tactics used by the public prosecutor in preparation for the trial, their content. The author also examines the mistakes and shortcomings made at the stage of the preliminary investigation, which may affect the outcome of the trial.

Keywords: the public prosecutor, the prosecutor, the trial, the study of the materials of the criminal case, the shortcomings of the preliminary investigation

Поддержание государственного обвинения является одной из важнейших функций органов прокуратуры, при реализации которой прокурор преследует цель восстановить социальную справедливость, защитить права и законные интересы потерпевших от преступлений.

К числу факторов, влияющих на качество поддержания государственного обвинения, относится подготовка к судебному разбирательству, позволяющая предотвратить или своевременно и эффективно разрешить проблемы, которые могут возникнуть при рассмотрении дела судом, в том числе выявить и определить возможные способы восполнения пробелов и устранения недостатков предварительного расследования. Наряду с этим нельзя не отметить, что важность подготовки к поддержанию государственного обвинения предопределяется содержанием п. 3 приказа Генпрокуратуры России «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»¹.

Однако на практике в силу причин объективного характера (чрезмерной занятости и, как следствие, нехватки времени) прокуроры далеко не всегда имеют возможность заблаговременно изучить в полном объеме материалы уголовного дела и зачастую ограничиваются беглым прочтением обвинительного заключения (обвинительного постановления, акта) либо знакомятся с этими материалами непосредственно перед судебным заседанием. Не менее негативным обстоятельством, значительно снижающим качество поддержания государственного обвинения, являются случаи замены государственного обвинителя в ходе судебного следствия, что требует от вновь вступившего в судебный процесс прокурора изучения не только материалов уголовного дела, но и протоколов уже состоявшихся судебных заседаний. В этом случае тактика поддержания государственного обвинения напрямую зависит от той, которой придерживался предшествующий прокурор.

И, наконец, недопустимо игнорировать ненадлежащее качество предварительного расследования, оказывающее существенное влияние на поддержание государственного обвинения. В этой связи отметим позицию Ю. В. Корневского, акцентирующего внимание на следующих пробелах предварительного расследования: неустановление события преступного деяния; последствий, имеющих значение для квалификации и признания деяния уголовно-наказуемым; причинно-следственной связи между деянием и последствиями; действий и роли причастных к преступлению лиц при его совершении в составе группы; формы вины лица, его мотивы и цели; данных о личности обвиняемого; использование существенных доказательств

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

обвинения не в полном объеме; недостаточная полнота показаний обвиняемого и непроведение их проверки¹.

Небесспорно по этому вопросу мнение В. Н. Исаенко и Е. В. Павловой, полагающих, что данный перечень является достаточно полным². На наш взгляд, позиция авторов нуждается в дополнении. Результаты изучения материалов уголовных дел свидетельствуют о допущении на стадии предварительного расследования таких недостатков, как неустановление в полном объеме характера и размера причиненного вреда; непринятие мер к истребованию документов, подтверждающих наличие смягчающих или отягчающих наказание обстоятельств; неустановление обстоятельств, влекущих освобождение от уголовной ответственности и наказания, а также подтверждающих получение имущества в результате совершения преступления. Кроме указанных недостатков достаточно часто выявляются нарушения процессуального порядка проведения следственных действий, что может повлечь признание доказательств недопустимыми, а также недостаточное владение следователями (дознателями) тактикой проведения следственных действий, что отражается на качестве и полноте полученных доказательств.

Для того, чтобы государственный обвинитель мог выявить эти недостатки, он должен обладать не только знаниями норм уголовного и уголовно-процессуального законов, тактикой производства следственных действий, но и умением выявить эти недостатки.

Позиция Ю. В. Корневского, Е. П. Ищенко, А. А. Топоркова, В. С. Шадрина, Н. А. Даниловой, О. Н. Коршуновой, В. Н. Исаенко, Е. О. Моисеенко лишь подтверждает указанный вывод, поскольку в разные периоды времени ими указывалось на необходимость использования всего спектра процессуальных и тактических криминалистических средств для полноценного поддержания государственного обвинения³.

Ряд ученых отмечают, что, как правило, государственные обвинители начинают изучение материалов уголовного дела с постановления о его возбуждении или с обвинительного заключения (акта, постановления)⁴.

¹ Исаенко В. Н., Павлова Е. В. Восполнение государственным обвинителем недостатков предварительного следствия в суде // Законность. 2016. № 7. С. 5—10.

² Там же. С. 5—10.

³ Моисеенко Е.О. Тактика поддержания государственного обвинения по уголовным делам в суде первой инстанции // Современный юрист. 2022. № 1. С. 40—48.

⁴ Кириллова Н.П. Поддержание государственного обвинения в суде. СПб., 2003. С. 46.; Акименко П.А., Великая Е.В., Камчатов К.В., Тиошенко Ю.А., Чашина И.В. Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел об экологических преступлениях: науч.-практ. Пособие / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 49.

Второй вариант, на наш взгляд, кажется более приемлемым, так как изучив обвинительное заключение (акт, постановление), прокурор четко понимает объем обвинения, доказательств, упущения следователя при их формировании. Соглашаясь с позицией Н. П. Кирилловой относительно того, что изучение материалов уголовного дела является главной задачей досудебной подготовки, отметим, безосновательность утверждения о формировании у прокурора обвинительного уклона при изучении указанных материалов начиная с обвинительного заключения (акта, постановления)¹.

После изучения обвинительного заключения (акта, постановления) прокурору необходимо ознакомиться с иными материалами уголовного дела, обращая внимание на возможные упущения следователя (дознавателя), связанные с невключением результатов каких-либо следственных действий в перечень доказательств, процессуальные нарушения при проведении следственных действий и оформлении протоколов, которые могут повлечь признание их недопустимыми доказательствами, ходатайства стороны защиты, которые могут быть заявлены вновь уже в судебном заседании, а также могут помочь определить позицию стороны защиты.

Выявив пробелы и недостатки, допущенные следователем (дознавателем), а также прокурором, утвердившим обвинительное заключение (акт, постановление), государственный обвинитель имеет возможность определить, какие из них устранимы в ходе судебного разбирательства, а какие нет, спрогнозировать результат судебного разбирательства, определить тактику поддержания государственного обвинения, выявить круг доказательств, на которые может ссылаться и определить более целесообразный порядок их предоставления.

Изучение материалов начиная с постановления о возбуждении уголовного дела, по нашему мнению, имеет серьезный недостаток – существенные временные затраты, особенно, если уголовное дело возбуждено в отношении нескольких лиц, совершивших несколько преступлений.

Одним из факторов, способствующих эффективности изучения материалов дела, является их грамотная систематизация. Порядок формирования материалов уголовного дела УПК РФ не предусмотрен, в связи с чем у следователя (дознавателя) имеется возможность сформировать его по собственному усмотрению.

В случае значительного объема эпизодов преступной деятельности, обвиняемых и, как следствие, томов уголовного дела, государственный обвинитель будет вынужден неоднократно возвращаться уже к изученным документам либо может упустить важные детали, так как для представления им

¹ Кириллова Н. П. Поддержание государственного обвинения в суде. СПб., 2003. С. 46.

общей картины необходимо, как минимум, ознакомиться со всеми постановлениями, а также доказательствами, подтверждающими совершение каждого инкриминируемого лицом преступления.

В подготовку к поддержанию государственного обвинения входит ознакомление с научно-методической литературой и правоприменительной практикой, а в некоторых случаях — беседа со следователем (дознавателем), осуществлявшим предварительное расследование по изучаемому уголовному делу, а также консультации со специалистами.

Вышеизложенное можно проиллюстрировать на примере подготовки к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам об экологических преступлениях. Представляется, что работа должна начинаться с изучения норм действующего законодательства, регламентирующих отношения в сфере охраны природопользования и обеспечения экологической безопасности, а также подзаконных нормативных актов¹.

При поддержании государственного обвинения по делам о преступлениях в сфере лесопользования предлагаем включить в подготовку к судебному разбирательству мониторинг отчетов о состоянии окружающей среды и экосистем, которыми впоследствии возможно подкрепить свои суждения относительно общественной опасности этих преступлений. Кроме того, внимание следует обратить на размер причиненного ущерба, который является одним из обязательных признаков объективной стороны преступлений, предусмотренных ст.ст. 191.1, 260, 261 УК РФ.

В связи с этим надлежит изучить Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2015 № 12-П «По делу о проверке конституционности части 2 ст. 99, части 2 ст. 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярье», Постановление Правительства РФ от 28.12.2020 № 2306 «Об утверждении такс для исчисления стоимости незаконно заготовленной древесины для целей ст. 191.1 Уголовного кодекса Российской Федерации», Постановление Правительства РФ от 29.12.2018 № 1730 «Об утверждении особенностей возмещения вреда, причиненного лесам и находящимся в них природным объектам вследствие нарушения лесного законодательства».

В ходе судебного заседания возникнет закономерный вопрос о возмещении причиненного ущерба, судьбе арестованного в порядке ст. 115

¹ Акименко П. А., Великая Е. В., Камчатов К. В., Тиошенко Ю. А., Чашина И. В. Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел об экологических преступлениях: науч.-практ. пособие / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 52.

УПК РФ имущества. Принимая во внимание указанные обстоятельства, необходимо ознакомиться с «Обзором практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным ч. 1 ст. 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019¹.

В результате у прокурора появится реальная возможность определить комплекс тактических приемов и спланировать свою деятельность по поддержанию государственного обвинения.

Наиболее существенными задачами, требующими решения для достижения целей государственного обвинения, являются: определение наличия (отсутствия) возможности устранения выявленных недостатков, допущенных в ходе предварительного расследования; оценка уголовно-процессуальных решений следователя (дознателя); прогнозирование судебных ситуаций и разработка тактики действий; разработка плана участия в предварительном слушании и судебном следствии².

Одной из важнейших составляющих подготовки к судебному разбирательству является планирование — мыслительный процесс, оказывающий помощь государственному обвинителю при построении программы своих действий в судебном разбирательстве, который начинается с момента изучения материалов уголовных дел и завершается в конце судебного заседания³.

Н. П. Кириллова предлагает несколько видов планов поддержания государственного обвинения⁴.

Полагаем, что эти планы могут быть классифицированы на основные и дополнительные. К основным относится общий план участия обвинителя в судебном рассмотрении уголовного дела; план, определяющий порядок исследования доказательств; план поддержания обвинения по многоэпизодным делам и делам в отношении нескольких лиц. К дополнительным: план участия обвинителя в отдельном судебном действии; план-схема преступных связей; план-расчет гражданских исков в уголовном процессе.

В дополнение перечня планов, предложенных Н. П. Кирилловой, полагаем возможным включить план имеющихся и возможных версий и ходатайств стороны защиты.

¹ Акименко П. А., Великая Е. В., Камчатов К. В., Тиошенко Ю. А., Чашина И. В. Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел об экологических преступлениях: науч.-практ. Пособие / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 56.

² Зайцева О. А. Изучение материалов уголовного дела как основа подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 1 (92). С. 250—257.

³ Кириллова Н. П. Поддержание государственного обвинения в суде. СПб., 2003. С. 51.

⁴ Там же. С. 52

Например, по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести стороной защиты может быть заявлено ходатайство о прекращении уголовного дела и уголовного-преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Вопрос возможности применения этой меры уголовно-процессуальным законом не урегулирован в полном объеме и является дискуссионным, о чем свидетельствует судебная практика.

Так, постановлением Осташковского межрайонного суда Тверской области от 02.07.2021 на основании ст. 25.1 УПК РФ и ст. 76.2 УК РФ прекращено уголовное дело в отношении В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 2 ст. 260, ч. 3 ст. 191.1 УК РФ и применена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Суд мотивировал свою позицию тем, что В. возместил стоимость незаконно срубленной древесины, а также положительную характеристику его личности.

Прокурор с постановлением суда первой инстанции не согласился и внес апелляционное представление, по результатам рассмотрения которого Тверской областной суд 20.09.2021 отменил постановление Осташковского межрайонного суда от 02.07.2021, уголовное дело направил на новое рассмотрение. Апелляционное постановление мотивировано тем, что сам факт возмещения ущерба не свидетельствует о снижении общественной опасности и о полном заглаживании вреда, причиненного гражданам, обществу и государству в сфере охраны и рационального использования лесных насаждений, а также обеспечения экологической безопасности¹.

Таким образом, изложенное подтверждает тезис о том, что государственный обвинитель при подготовке к судебному разбирательству должен спрогнозировать возможную позицию стороны защиты, ходатайства, которые могут быть ею заявлены, а также озвучить суду законное и обоснованное заключение относительно возможности или невозможности его удовлетворения.

Соглашаясь с мнением ученых², полагаем, что значительную помощь при подготовке и поддержании государственного обвинения оказывают краткие схемы материалов (хронометраж проведения процессуальных действий; доказательства стороны обвинения и стороны защиты; данные о личности подсудимого; схема связи между участниками группы).

¹ Апелляционное постановление Тверского областного суда от 20.09.2021 по делу № 22-1876/2021.

² Акименко П. А., Великая Е. В., Камчатов К. В., Тиошенко Ю. А., Чашина И. В. Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел об экологических преступлениях: науч.-практ. пособие / Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 50.

важное значение в деятельности государственного обвинителя имеют его индивидуальные особенности (память, способность анализировать, прогнозировать, логически мыслить и т.д.). Полагаем, что отчасти эти особенности влияют, в том числе, на подготовку прокурора к поддержанию государственного обвинения. Упущение важных деталей при планировании своей деятельности в судебном заседании может повлечь неустранимые ошибки государственного обвинителя, которые, в свою очередь, могут повлиять на исход судебного разбирательства.

Таким образом тактические вопросы при подготовке к судебному разбирательству имеют немаловажное значение для принятия судом итогового решения. Безразличное отношение прокурора к результатам судебного разбирательства, чисто символически участвовавшего в судебном заседании по делу о преступлении, может повлечь вынесение оправдательного приговора.

МАТЕРИАЛЫ СЕКЦИИ «Трибуна молодого ученого»

Научная статья

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ХАРАКТЕРИСТИКА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Варвара Евгеньевна АВЕРЬЯНОВА¹, Даниил Антонович ГУРЕВИЧ²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,

¹ Averanovavarvara3@gmail.com

² informatika411@mail.ru

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации **Полина Викторовна ФЕДЫШИНА**, effo@narod.ru

Аннотация: В статье проанализировано состояние уровня семейно-бытового насилия в Российской Федерации.

По результатам проведенного авторами анкетирования для дальнейшего анализа и учета общественного мнения о рассматриваемом негативном социальном явлении и сравнение полученных данных с имеющейся статистикой из открытых источников подготовлены рекомендации о предупреждении семейно-бытового насилия.

Ключевые слова: семейно-бытовое насилие, жертва, личность преступника, статистические данные, факторы, причины и условия домашнего насилия, криминологическая характеристика.

Original article

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И ХАРАКТЕРИСТИКА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Varvara E. AVERYANOVA¹, Daniil A. GUREVICH²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

¹ Averanovavarvara3@gmail.com

² informatika411@mail.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer at the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation **Polina Viktorovna FEDYSHINA**, effo@narod.ru

Abstract. The article analyzes the state of domestic violence in the Russian Federation.

Based on the results of the survey conducted by the authors, recommendations on the prevention of domestic violence have been prepared for further analysis and consideration of public opinion about the negative social phenomenon under consideration and comparison of the data obtained with available statistics from open sources.

Keywords: domestic violence, victim, identity of the perpetrator, statistical data, factors, causes and conditions of domestic violence, criminological characteristics.

Вопрос домашнего или семейно-бытового насилия в современной России стоит все еще довольно остро. По результатам проведенного анкетирования в 2024 году 94% опрошенных отметили, что в России существует проблема с уровнем домашнего или семейно-бытового насилия. Также об этом

свидетельствуют разные источники, как на официальном уровне, так и на уровне общественных организаций и СМИ, так по состоянию на 2021 и 2022 года в Российской Федерации в результате применения семейно-бытового насилия были убиты 895 женщин, такие цифры приводит Главный информационно-аналитический центр МВД России, также в данной статистике отражено, что сотрудниками МВД было выявлено более 300 000 административных правонарушений, совершенных в этой сфере¹.

Также свою статистику приводит Высшая школа экономики, проанализировав судебные приговоры, можно прийти к следующим выводам, что 70% убитых женщин в стране в период с 2011 по 2019 годы стали жертвами домашнего насилия². Из приведенной статистики становится ясно, что более 12 000 женщин пострадали от рук близких, 10 000 женщин были лишены жизни руками своих сожителей, супругов. При этом существует устоявшийся тезис о том, что преступления, совершаемые на семейно-бытовой почве, характеризуются высоким уровнем латентности, что подтверждается результатами анкетирования, проводимого в рамках данного исследования, так 100% респондентов ответили отрицательно на вопрос «всегда ли жертва семейно-бытовой агрессии сообщает о факте применения насилия?», конечно представляется, что ответ слишком однозначный и категоричный, однако он позволяет понять, как в обществе проецируется типичное поведение жертвы домашнего насилия. Оценить данные статистики каждый может самостоятельно, однако отметим, что домашнее насилие уже плотно вошло в культуру русского общества, например всем известные поговорки «бьет — значит любит»³, «бей бабу молотом — будет баба золотом»⁴, «бей жену в младости, покой будет при старости»⁵ и другие с аналогичным содержанием. Стоит справедливо отметить, что проблема домашнего насилия присущи не только Российскому обществу, но и ряду зарубежных стран и это не только страны «черного континента», но и страны Азии, Арабского мира. Тот факт, что в странах коллективного запада существует специализированное законодательство лишь подтверждает наличие данной проблемы. Это подтверждается статистикой, так в США в 2024 году от бытового насилия пострадало более 12 миллионов американцев⁶. Но все же научный интерес,

¹ Кожокарь В. В. / Кожокарь В. В. [Электронный ресурс] // Научный портал МВД : [сайт]. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/5580423> (дата обращения: 25.11.2024).

² 10 тысяч женщин убиты своими партнерами / [Электронный ресурс] // Фонтанка.ру : [сайт]. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/21/73605041/> (дата обращения: 25.11.2024).

³ Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 548

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ 50% женщин и 40% мужчин в США являются жертвами домашнего насилия / [Электронный ресурс] // America's Roads : [сайт]. URL: <https://americasroads.us/2024/10/16/50-женщин-и-40-мужчин-в-сша-являются-жертва/> (дата обращения: 25.11.2024).

в большей степени, представляет состояние семейно-бытового насилия в Российской Федерации, о чем пойдет речь далее.

Для дальнейшего исследования представляется целесообразным дать определение семейно-бытовому насилию. Так авторами законопроекта (депутатами партии ЛДПР) «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» предлагается следующее определение — «...умышленное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого (других) лиц, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений, если это деяние нарушает права и свободы человека, и (или) причиняет ему физическую боль, и (или) наносит вред здоровью, и (или) причиняет нравственные страдания, и (или) причиняет ему имущественный вред. Семейно-бытовое насилие может совершаться в форме физического, психологического, сексуального и экономического насилия. Не является семейно-бытовым насилием реализация права на необходимую оборону»¹. Несколько другое определение дает в своей научной работе, посвященной понятию и криминологической характеристике преступлений, совершаемых в жилищно-бытовой сфере Е. Г. Бааль «...это уголовно-наказуемые деяния, посягающие на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, честь и достоинство, а также имущество граждан, являющиеся результатом разрешения конфликта виновным, связанным с потерпевшим семейным, родственным, соседским или дружеским общением»². Данное определение считается наиболее устоявшимся в научной среде, мы склонны его придерживаться. В рамках данного исследования под семейно-бытовым насилием понимается следующие виды насилия:

— физическое насилие (ст. ст., 111, 112, 115, 116.1, 117, 119, 105 и другие. УК РФ, а также 6.1.1 КоАП РФ);

— сексуальное, направленное против половой свободы и неприкосновенности (ст. ст., 131, 132, 133, 134, 135 УК РФ);

— психологическое (ст. ст., 119, 128.1 и другие УК РФ, ст. 5.61 КоАП РФ);

— экономическое (гражданско-правовая ответственность, конкретных норм в УК и КоАП РФ за применение такого вида насилия не содержится, однако под ним понимается умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, лекарств и иных предметов первой необходимости, а также имущества и денег, на которые он имеет предусмотренное законом право. Помимо этого, к экономическому насилию относится преднамеренное уничтожение

¹ Законопроект: О профилактике семейно-бытового насилия / [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 26.11.2024).

² Бааль Е. Г. Понятие и криминологическая характеристика преступлений, совершаемых в сфере жилищно-бытовых отношений Омск: Труды Омской ВШ МВД СССР, 1978.

или повреждение имущества и отказ содержать нетрудоспособных лиц, «находящихся на иждивении»);

Теперь, на основе статистических данных и результатов анкетирования предложим характерные черты присущие девиантному поведению в семейно-бытовой сфере:

- местом происшествия, как правило является дом, квартира, подъезд, дачный участок, придомовая территория. Обобщая, места малолюдные, а то и без доступа посторонних лиц, где как правило жертва посягательства наиболее уязвима, поскольку находится с причинителем вреда не редко один на один или в присутствии лиц неспособных пресечь посягательство, например, детей или пожилых родственников;

- близкие межличностные контакты между причинителем вреда и потерпевшим, связанные с брачными и иными родственными отношениями;

- наличие конфликта между преступником и его жертвой, связанного с ведением совместного быта или в связи со сложившимися отношениями и индивидуальными особенностями каждого из них, например, ревностный мотив;

- насильственный характер разрешения имеющегося конфликта;

- рассматриваемые деяния часто совершаются в состоянии опьянения, алкогольного или наркотического, в силу действия одурманивающих веществ человек теряет самообладание, также возрастает уровень агрессии и на этом фоне не решенный конфликт становится детерминантом дальнейшего преступного поведения.

Результаты проведенного анкетирования соотносятся с представленными тезисами, при этом опрошенные выделяют следующие основные факторы семейно-бытового насилия:

- алкогольную или наркотическую зависимость одного или нескольких членов семьи, так считают 72 % опрошенных;

- следующая причина сформулирована, как не способность урегулировать конфликты мирным путем, так отметили 58 % опрошенных;

- затем идет неудовлетворенность семейной жизнью, под которой понимается целый спектр жизненных ситуаций, например «угасание чувств», брак по расчету (актуальная ситуация в республиках Кавказа, когда родители предрешают судьбу новобрачных), рост напряженности связанный с бытовой сферой жизни и иные ситуации, данного довода придерживаются 45 % опрошенных;

- последней из наиболее распространенных причин является наличие психологических, в том числе детских травм у одного или нескольких членов семьи, данный вариант выбрали 43 % опрошенных.

Также в рамках опроса были предложены иные варианты ответа, однако вышеперечисленные являются наиболее «популярными» среди лиц, проходивших опрос.

Также опрошенные привели еще одну группу факторов, способствующих совершению семейно-бытового насилия перечислим их от наиболее значимых к наименее, итак, отсутствие социальной поддержки (для тех, кто уже стал жертвой домашнего насилия), однако данный довод лишь говорит о том, что граждане не ознакомлены с имеющимися институтами направленными на помощь жертвам домашнего насилия, поскольку в действительности данные меры существуют, как на государственном уровне (телефоны доверия, кризисные центры, реабилитационные программы, срочные социальные программы и другие), так и на уровне общественных объединений (негосударственные кризисные центры, волонтерская деятельность по данному направлению и иные). Следующим фактором идет имущественное благосостояние, а именно затруднительное финансовое положение. Данный тезис выглядит логичным и представляется, что не устроенность в финансовом плане способна к накаливанию отношений в семье, также как и проблема малой жилой площади, которая порождает конфликты при совместном проживании и предопределяет невозможность получения личного пространства, так необходимого многим людям для комфортной жизни, из данного фактора вытекает последующий. Безработица, она взаимосвязана с личностью преступника, который нередко ведет паразитический образ жизни, не имея постоянного источника дохода, имея определенную химическую зависимость о личности преступника речь пойдет далее в работе. Также опрошенные привели иные менее значимые факторы, выделение которых мы не находим целесообразным.

Для дальнейшего исследования необходимо проанализировать личность преступника в данном виде преступлений. Говоря о личности преступника следует констатировать факт того, что по половой принадлежности он является чаще всего мужчиной, в целом представителям мужского пола свойственна повышенная криминальная активность, практически, по всем видам преступлений. Статистическое расхождение с противоправными деяниями, совершаемыми со стороны женщины может быть обусловлено социальным положением в обществе и бытовой сфере, а также физиологическими особенностями. При этом из числа женщин совершивших преступления в семейно-бытовой сфере выделяется следующие факторы, влияющие на преступное поведение, например, виктимное поведения со стороны жертвы, мужа или сожителя (имеющего алкогольную, наркотическую или иную зависимость, ввязывающегося в конфликты, угрожающего, равно

истязającego женщину или детей, а также совершающего иные антиобщественные действия), при этом иные родственники также могут подвергаться применению насилия, например, дети и престарелые родители, которые априори в силу возраста обладают высокой виктимностью. Следует отметить, что портрет женщины, применяющей насилие в бытовой сфере, характеризуется следующими признаками, деформации собственной личности (пьянством, беспорядочными половыми связями и иными антиобщественными поступками).

Тут остановимся и сделаем ремарку, семейно-бытовое насилие характеризуется высоким уровнем латентности, при этом в статистику семейно-бытового насилия включаются, как правило выявленные факты применения именно физического насилия, реже насильственных действий, направленных против половой свободы и неприкосновенности, а потому определение масштаба применения психологического и финансового насилия представляется практически невозможным.

Если говорить о возрастной группе, то по статистике четверть бытовых преступлений совершается лицами в возрасте от 30 до 39 лет, следующей группой риска являются лица в возрасте 25-29 лет и замыкает возрастная группа 40—49 лет¹.

Уровень образования у преступников в данной сфере не высокий, лишь 4 % лиц, совершивших преступления в семейно-бытовой сфере, обладали высшим образованием². Представленная информация позволяет выдвинуть предположение о не высоком уровне интеллектуальной активности, как закономерный итог склонность к избранию физического или иного насилия в ходе разрешения конфликтной ситуации. Помимо всего прочего образовательный ценз, предполагает сужение возможной трудовой деятельности и приоритет неквалифицированного труда, из которого проистекает соответствующий выбор досуга после изнурительной физической активности при исполнении своих трудовых функций, а также предопределяет круг общения среди себе подобных. Однако описанная ситуация не так критична, ведь любой труд полезен, куда хуже если преступник ведет паразитический образ жизни, не поддерживает в целом социальных контактов, что приводит к общественной дизадаптации. Все перечисленные факторы влияют на подверженность девиантному поведению конкретной личности.

Еще одной причиной преступного поведения в бытовой среде может являться конкретная жизненная ситуация, имевшая место быть в прошлом

¹ Некрасов А. П., Насрединова К. А. Социально-демографическая характеристика личности преступника, совершившего бытовые преступления, и их причины // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 4. С. 161.

² Обернихина Е. Н. Виктимологические особенности насильственных преступлений, совершаемых рецидивистами в бытовой сфере // Виктимология. 2015. № 3. С. 54—61.

преступника. Так, больше подвержены противоправному поведению лица из неблагополучных семей, в которых имело место пьянство, применения насилия в ходе разрешения конфликтов, ребенок в данном случае перенимает паттерн поведения своих родителей и, как итог, формирует искаженные социально-нравственные установки. При этом в сложной ситуации оказываются дети, воспитывавшиеся в неполной семье или в специализированном учреждении, так как у них в целом отсутствует пример поведения одного или сразу обоих родителя/родителей. Следующей категорией, подверженной риску, являются лица, ранее привлекаемые к уголовной ответственности, то есть те, у кого снято моральное ограничение на применение насилия, поэтому под данную категорию попадают в том числе правонарушители по насильственным составам КоАП РФ.

При этом хотелось бы отметить, что для данной личности характерна, некая двуличность, поскольку в подавляющем числе случаев по месту работы они характеризуются положительно, как человек вежливый, дисциплинированный и сдержанный, в то же время это не мешает ему проявлять себя как деспота и тирана в быту. Истоки такого противоречия во многом обусловлено теорией ролей.

«Сама виновата!»: говоря про потерпевших от семейно-бытового насилия, стоит сказать о том, что жертвой является любое физическое лицо, претерпевающее физическое, имущественное или моральное страдание. Согласно социологическому опросу 70% женщин становятся жертвами домашнего насилия. На втором «по популярности» месте находятся дети — 27 %. Из этого можно сделать вывод, что чаще всего насилию подвергаются незащищенные, уязвимые лица, которые могут находиться в зависимости от причинителя вреда.

Немаловажным является тот факт, что жертва семейно-бытового насилия часто повторно претерпевают акт насильственного воздействия. Согласно официальной статистике 75 % женщин пострадали от рукоприкладства со стороны мужчин.¹ Таким образом, данные, полученные в ходе анкетирования в общей сложности, показывают реальную картину происходящего.

В большинстве случаев жертва не сообщает о факте семейно-бытового насилия. Важным является вопрос причин не обращения с заявлением в компетентные органы. Так, согласно социологическому опросу причинами такого отказа от подачи заявления являются: боязнь повторного обострения

¹ Эксперты представили в Госдуме статистику по домашнему насилию / [Электронный ресурс] // Парламентская газета : [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/social/eksperty-predstavili-v-gosdume-statistiku-podomashnemu-nasiliyu.html> (дата обращения: 25.11.2024).

конфликта — 65 %; сохранение брака ради детей и других близких родственников — 64 %; неэффективность работы органов исполнительной власти — 61 %; различные социальные проблемы, например, отсутствие иной жилой площади, финансовая зависимость — 59 %; страх общественного порицания — 46 %.

А что же говорят лица, которые сталкивались с данной проблемой лично? «Я не уходила, потому что хотела сохранить семью для сына. Да и отношения жалко было. Он же вроде испытывал угрызения совести, прощения просил... В милицию я на него не заявляла. В принципе, все родственники знали о том, что происходит. Они говорили: «Сама виновата. Сама замуж за него выходила».» — Алена, Волгоград. «Я не знала, как жить, работать меня муж никогда не пускал. Своего жилья у меня не было. Одна, с ребенком, без денег.» — Инна, Челябинск.¹ Таким образом, показание реальных жертв соотносятся с данными социологического опроса.

Важным является факт того, что насилие совершается в том числе в отношении несовершеннолетних. Как правило дети страдают «от рук» близких родственников. Преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних, направлены на половую неприкосновенность, жизнь и здоровье. Жертвами подобных преступлений являются малолетние лица, ввиду повышенной виктимности, проявляющейся в неспособности сопротивления и полноценной оценки происходящего, в силу отсутствия жизненного опыта. По причине сложности выявления совершаемых преступлений наблюдается высокий уровень латентности, что бесспорно рассматривается как негативный фактор, однако периодически в СМИ появляются «громкие» дела о пострадавших от рук родителей детей. К сожалению, привести судебную практику не представляется возможным, в силу закрытости и не публикации уголовных процессов с участием несовершеннолетних.

К уязвимым лицам с высокой вероятностью стать жертвой семейно-бытового насилия также относятся пожилые, престарелые люди. Фактором совершения преступления в отношении данной категории мы находим корыстную направленность — желание как можно скорее вступить в наследство, а также нежелание заниматься уходом и содержанием немощных родственников.

Полтора процента опрошенных корреспондентов считают, что жертвой насилия может стать мужчина. Как нам видется в отношении мужчин чаще всего применяется психологическое насилие со стороны жены или сожи-

¹ «Все говорили: сама виновата». Пять историй жертв домашнего насилия / [Электронный ресурс] // Аргументы и факты : [сайт]. — URL: https://aif.ru/society/people/vse_govorili_sama_vinovata_pyat_istoriy_zhertv_domashnego_nasiliya (дата обращения: 25.11.2024).

тельницы. В проекте федерального закона о профилактике семейно-бытового насилия психологическое насилие понимается как умышленное унижение чести и (или) достоинства путем оскорбления или клеветы, высказывания угроз совершения семейно-бытового насилия по отношению к пострадавшему, его супругу или его родственникам, бывшим родственникам, собственникам, знакомым, домашним животным, преследование, изъятие документов, удостоверяющих личность, принуждение посредством угроз либо шантажа к совершению преступлений и (или) правонарушений, аморальному поведению или действиям, представляющим опасность для жизни или здоровья пострадавшего, а также ведущим к нарушению психической или психологической целостности; умышленное уничтожение, повреждение или удержание имущества пострадавшего либо его родственников.¹

На основе полученных данных в ходе проведения исследования можно разработать комплекс мер, направленных на предупреждение преступлений и девиантного поведения в семейно-бытовой сфере. Однако в силу объемности, представляется целесообразным выделение темы «предупреждение или профилактика семейно-бытового насилия» в отдельную научную работу.

Подводя итог проведенной работе, можно прийти к следующим выводам, что в современной России и мире проблема семейно-бытового насилия имеет место быть, при этом ей характерен высокий уровень латентности. В силу объемности и большой общественной значимости справедливо выделять семейно-бытовое насилие в отдельный вид преступности, данный тезис подтверждается мнениями отечественных криминологов, например, В. Н. Кудрявцев придерживался такой научной позиции. При этом тематика семейно-бытового насилия продолжает изучаться и разрабатываться в научной среде. На основе результатов, полученных в ходе написания данной научной работы, возможно проведение дальнейших исследований, направленных на анализ существующих мер профилактики данного вида преступлений, а также на разработку собственных, авторских методик профилактики семейно-бытового насилия.

¹ Законопроект: О профилактике семейно-бытового насилия / [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности : [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 26.11.2024).

Научная статья
УДК 343.14

КЛАССИФИКАЦИЯ ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Илья Алексеевич АЛЕКСЕЕВ

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства
обороны Российской Федерации, Москва, Россия,
ilyaalekseev1609@gmail.com

Научный руководитель — старший преподаватель 30 кафедры (уго-
ловного процесса) Военного университета им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации **Вячеслав Евгеньевич
КОРБАШОВ**

Аннотация. Статья посвящена классификации цифровых доказа-
тельств в уголовном судопроизводстве, а также проблемам и вызовам, с ко-
торыми сталкиваются судебные органы при их использовании.

В условиях стремительного развития информационных технологий во-
прос о правомерности и допустимости цифровых доказательств становится
все более актуальным.

Автор проводит теоретический анализ существующих подходов к клас-
сификации цифровых доказательств в правовой науке и практике, рассмат-
ривает их специфику и особенности в контексте уголовного процесса.

Ключевые слова: цифровые доказательства, уголовное судопроизвод-
ство, классификация, допустимость доказательств, процессуальные про-
блемы, криминалистическая экспертиза

Original article

CLASSIFICATION OF DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Ilya A. ALEKSEEV

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the
Russian Federation, Moscow, Russia, ilyaalekseev1609@gmail.com

Scientific adviser is a senior lecturer at the 30th Department (Criminal
Procedure) of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of

Abstract. The article is devoted to the classification of digital evidence in criminal proceedings, as well as the problems and challenges faced by judicial authorities in their use.

In the context of the rapid development of information technology, the issue of the legality and permissibility of digital evidence is becoming increasingly relevant.

The author conducts a theoretical analysis of existing approaches to the classification of digital evidence in legal science and practice, examines their specifics and features in the context of criminal proceedings.

Keywords: digital evidence, criminal proceedings, classification, admissibility of evidence, procedural problems, forensic examination

Чтобы упорядочить совокупность доказательств и разграничить их, в науке выделяется ряд классификаций. Это помогает глубже понять сущность доказательств, группировать их и более правильно оперировать ими в процессе доказывания по уголовному делу.

Цифровые доказательства предлагается классифицировать по различным основаниям:

I. По объекту:

1. Компьютеры и мобильные устройства: данные, хранящиеся на жестких дисках, флеш-накопителях, смартфонах.
2. Серверы и облачные хранилища: данные, размещенные на удаленных серверах.
3. Сеть «Интернет» и социальные сети.

II. По форме:

1. Письменные: текстовые документы, электронные письма, чаты.
2. Графические: фотографии, скриншоты, видеозаписи.
3. Аудиовизуальные: аудиозаписи, видеозаписи, трансляции.

III. По способу получения:

1. Первичные: данные, полученные непосредственно в результате оперативных мероприятий или следственных действий.
2. Производные: данные, полученные из других данных или путем их обработки и анализа.

В уголовном процессе в качестве источника доказательств допускаются «иные документы», если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 84 УПК РФ).

По мнению Ю. В. Шелегова, В. Г. Шелегова электронные доказательства необходимо классифицировать на электронные документы, электронные материалы, электронные сообщения и электронную переписку¹.

В свою очередь, С. И. Гонгало предлагает классифицировать электронные документы как объекты судебной технико-криминалистической экспертизы документов на одноранговые, двухранговые, трехранговые, четырехранговые и пятиранговые, исходя из метаданных, по особенностям процесса визуализации доказательства².

Визуализация доказательств — это способ представления доказательств в виде, обеспечивающем максимально эффективное восприятие человеком той информации, которую они содержат.

С развитием информационных технологий цифровые доказательства стали неотъемлемой частью уголовного процесса. Они предоставляют уникальные возможности для сбора, анализа и представления информации, что существенно влияет на результаты расследований и судебных разбирательств. Необходимо рассмотреть особенности каждого вида цифровых доказательств, их значение для доказывания в уголовном процессе, а также привести примеры их использования.

Так, добытые в результате оперативно-розыскной деятельности цифровые доказательства могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий, проведения оперативно-розыскных мероприятий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений, выявлению и установлению лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, следствия и суда, уклоняющихся от исполнения наказания и без вести пропавших, имущества, необходимого для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий, или имущества, подлежащего конфискации, для принятия решений, указанных в ч. 3 ст. 7 Федерального закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности»³.

Информация, которую содержат электронные документы, электронные материалы, электронные сообщения и электронная переписка, полученная в результате оперативно-розыскной деятельности может служить поводом и

¹ Шелегов Ю. В., Шелегов В. Г. «К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств». URL: cyberleninka.ru.

² Гонгало С. И. Классификация электронных документов как объектов судебной технико-криминалистической экспертизы документов // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 367. С. 95-97.

³ Об оперативно-розыскной деятельности Федеральный закон от 5 июля 1995 № 144 (ред. от 28.06.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2022). Ст. 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

основанием для возбуждения уголовного дела, представляться в орган дознания, следователю или в суд, в производстве которого находится уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении, а также использовать в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных Федеральным законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Электронные письма (e-mail) являются одним из наиболее распространенных видов цифровых доказательств. Они могут содержать важную информацию, касающуюся общения между подозреваемыми (обвиняемыми), планирования преступлений и других ключевых аспектов дела. В связи с этим, мы можем полагать, что электронные письма могут содержать уголовно значимую информацию. Электронные письма можно получить с помощью изъятия устройств (компьютеров, смартфонов) или запросов к почтовым серверам¹.

Важно обеспечить целостность и аутентичность писем, сохраняя их в неизменном виде и фиксируя метаданные (время отправки, IP-адреса). Анализ электронных писем включает проверку их подлинности, поиск ключевых слов и анализ контекста переписки. Для признания электронных писем допустимыми доказательствами необходимо соблюдение правовых процедур их получения и хранения. Электронные письма могут служить доказательством намерений и действий подозреваемых (обвиняемых). Например, в деле о мошенничестве переписка между соучастниками может подтвердить их совместные преступные действия. В одном из уголовных дел о коррупции электронные письма между должностными лицами и подрядчиками стали ключевыми доказательствами, подтверждающими факты взяточничества и сговора.

Цифровые файлы включают в себя текстовые документы, таблицы, изображения, аудио- и видеозаписи, которые могут содержать доказательства преступной деятельности. Файлы можно изымать с различных устройств хранения данных (жесткие диски, USB-накопители, облачные хранилища). Важно сохранить оригинальные файлы и создать их точные копии для анализа, обеспечивая целостность данных. Эксперты проверяют файлы на предмет изменения, анализируют их содержание и метаданные, такие как дата создания и изменения. Файлы должны быть аутентифицированы и получены законным путем, чтобы быть принятыми в качестве дока-

¹ Джафарли В. Ф. Криминология кибербезопасности: в 5 т. Т. 2: Уголовно-правовое обеспечение криминологической кибербезопасности. Москва: Проспект, 2021. С. 28.

зательств в суде. Цифровые файлы могут содержать ключевые доказательства, такие как планы преступлений, бухгалтерские записи или компрометирующие фотографии. В деле о налоговом мошенничестве анализ бухгалтерских файлов, изъятых из офисов компании, помог выявить схемы уклонения от налогов и подтасовки отчетности.

Социальные сети являются богатым источником информации о деятельности и взаимоотношениях, как подозреваемых (обвиняемых), так и иных лиц. Данные из социальных сетей могут включать посты, сообщения, фотографии и видео. Данные из социальных сетей можно получить через запросы к платформам, анализ публично доступной информации или изъятие устройств. Важно фиксировать оригинальные данные и их метаданные, чтобы обеспечить их целостность и аутентичность. Анализ данных из социальных сетей включает исследование содержания постов, анализ связей между пользователями и проверку подлинности информации. Необходимо соблюдать правовые нормы при получении данных из социальных сетей, чтобы они были признаны допустимыми доказательствами. Данные из социальных сетей могут подтверждать связи между подозреваемыми (обвиняемыми), их местонахождение в определенные моменты времени и другие важные обстоятельства. В одном из дел о наркотрафике посты в социальных сетях помогли установить связи между членами преступной группы и их координацию через сеть «Интернет».

Записи с камер видеонаблюдения могут предоставлять визуальные доказательства, подтверждающие присутствие или действия подозреваемых (обвиняемых) на месте преступления. Видеоизображения можно получить из камер видеонаблюдения, установленных на объектах, транспортных средствах или в общественных местах. Записи должны быть сохранены в оригинальном формате, а их целостность обеспечена путем создания резервных копий. Анализ видеозаписей включает проверку их подлинности, оценку качества изображения и идентификацию лиц и объектов на видео. Видеозаписи должны быть получены законным путем и их подлинность должна быть подтверждена, чтобы они могли быть использованы в суде. Записи с камер видеонаблюдения могут служить прямым доказательством присутствия или действий подозреваемых (обвиняемых) на месте преступления. В деле об ограблении банка записи с камер видеонаблюдения стали ключевым доказательством, позволившим идентифицировать преступников и подтвердить их действия.

Лог-файлы и метаданные содержат информацию о действиях пользователей и событий, связанных с цифровыми устройствами и сетями. Они могут включать журналы посещений веб-сайтов, историю вызовов, записи об изменениях файлов и другую техническую информацию. Лог-файлы и

метаданные можно получить с серверов, сетевых устройств, компьютеров и мобильных телефонов. Эти данные часто собираются автоматически и могут быть извлечены с использованием специализированного программного обеспечения. Важно сохранять лог-файлы и метаданные в неизменном виде, фиксируя время и условия их сбора, чтобы обеспечить их достоверность и подлинность. Анализ лог-файлов и метаданных включает проверку последовательности событий, идентификацию аномальных действий и корреляцию данных с другими доказательствами. Эти данные должны быть получены законным путем и должны сохранять свою целостность, чтобы быть признанными допустимыми доказательствами в суде.

М.И. Воронин сделал вывод, что лог-файлы и метаданные могут подтверждать факты доступа к системам, изменения данных и другие действия, связанные с расследуемым преступлением¹. В деле о взломе корпоративной сети анализ лог-файлов сервера помог установить время и способ проникновения хакеров, а также действия, совершенные ими после взлома.

Электронные документы включают в себя текстовые файлы, таблицы и другие формы документов, созданные и хранящиеся в цифровом формате. Они могут содержать деловую переписку, контракты, бухгалтерские записи и другие важные сведения. Электронные документы могут быть изъяты с компьютеров, серверов, облачных хранилищ и других цифровых носителей. Важно сохранить оригинальные документы и их метаданные (дата создания, автор и т.д.) в неизменном виде, создавая резервные копии для анализа. Анализ электронных документов включает проверку их подлинности, анализ содержания и метаданных. Электронные документы должны быть получены законным путем и их целостность должна быть подтверждена для признания их допустимыми доказательствами. Приговором Хангаласского районного суда от 17.12.2021 по делу № 1-МОН-25/2021 осужден гражданин А., совершивший мошенничество с договором подряда². В ходе расследования по данному делу бухгалтерские записи были признаны доказательством вины в совершении преступного деяния.

¹ Воронин М. И. «Электронные доказательства в УПК: быть или не быть?». URL: cyberleninka.ru.

² Приговор № 1-МОН-25/2021 от 17.12.2021 / Хангаласский районный суд (Республика Саха (Якутия)) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

Научная статья
УДК 343.352.4

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МОМЕНТА ОКОНЧАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ДАЧЕ ВЗЯТКИ

Даниил Вячеславович АНДРЕЕВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
Прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
daniil.andreev2004@icloud.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В представленной статье проведен анализ момента окончаний коррупционных преступлений с точки зрения законодательства, практики и теории.

Автор анализирует нормативно-правовую базу и судебную практику, подкрепляя ее теоретическими исследованиями и на основании этого демонстрирует момент окончания преступного деяния.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за взяточничество.

Ключевые слова: преступления коррупционной направленности, дача взятки, получение взятки, окончание преступления

Original article

PROBLEMS OF DETERMINING THE MOMENT OF THE END OF THE CRIME OF BRIBERY

Daniil V. ANDREEV

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, daniil.andreev2004@icloud.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute

(branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The presented article analyzes the moment of the end of corruption crimes from the point of view of legislation, practice and theory.

The author analyzes the regulatory framework and judicial practice, supporting it with theoretical research and based on this demonstrate the moment of the end of the criminal act.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on responsibility for bribery.

Keywords: corruption-related crimes, giving a bribe, receiving a bribe, ending a crime

На сегодняшний день, одним из наиболее актуальных вопросов квалификации преступлений, охватываемым понятием «взяточничество» является дискуссионный вопрос о моменте окончания данного преступления.

Ст. 291 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за дачу взятки должностному лицу, иностранному должностному лицу либо должностному лицу публичной международной организации лично или через посредника (в том числе, когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу).

Определение видового объекта состава дачи взятки выглядит следующим образом: совокупность общественных отношений, обеспечивающих реализацию интересов в объективном исполнении, должностными лицами, государственными или муниципальными служащими своих должностных обязанностей, основанных на принципах государственной или муниципальной службы и направленных на нормальное (легальное) функционирование властного публичного аппарата — органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций, а также органов управления в Вооруженных Силах, других войсках и иных воинских формированиях РФ, в целях обеспечения прав и законных интересов личности.

Помимо основного объекта взяточничества, преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ, способно при определенных обстоятельствах и в соответствии с признаками, описанными в квалифицированных составах, причинить вред дополнительному объекту. Например, конституционным правам человека и гражданина в случае дачи взятки за незаконные действия.

Обязательным признаком состава ст. 291 УК РФ является предмет — взятка — общее понятие, объединяющее такие ее разновидности, как:

деньги, ценные бумаги, иное имущество или выгоды имущественного характера. Непосредственно предмет взятки не раскрывается в ст. 291 УК РФ, но назван законодателем в диспозиции ч. 1 ст. 290 УК РФ.

Субъект — общий, физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет¹. Им может быть должностное или любое частное лицо, и заинтересованное в получении каких-либо преимуществ как для себя лично, так и для представляемых лиц.

Должностное лицо, поручившее подчиненному по службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации передать взятку должностному лицу несет ответственность по ст. 291 УК РФ за дачу взятки, а работник, выполнивший его поручение, — при наличии оснований по ст. 291.1 УК РФ за посредничество во взяточничестве п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 г.

Субъективная сторона взятки представляет прямой умысел. При этом, являясь формальным составом преступления, последствия не учитываются, а волевой компонент вины совпадает с интеллектуальным компонентом. Лицо осознает общественную опасность и противоправность совершаемого деяния и желает нарушить уголовно-правовой запрет, предусмотренный нормами ст. 291 УК РФ.

Волевой компонент вины также необходим помимо интеллектуального, поскольку только их сочетание образует само общественно опасное деяние в форме определенного поведенческого акта, наполненного содержанием смыслом и волей. Таким образом, необходимо установить осознание незаконности вручения вознаграждения и сам факт его передачи. При этом в случае, если взяткодатель, передавая незаконную выгоду, полагает, что такая передача вполне законна и взятополучатель, принимая ее, не нарушает действующее законодательство, то действия, передающего не могут образовывать состав дачи взятки. Кроме этого, интеллектуальный момент также должен включать в себя осознание того, что передача взятки предназначена для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких.

В п. 23 Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 г. указывается, что «Если лицо, передавшее

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 3 т. Т. 3. Особенная часть (разделы IX-XII) / под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред. К. В. Ображиев, Н. И. Пикуров. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2022. С. 687.

имущество, предоставившее имущественные права, оказавшее услуги имущественного характера за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе, осознавало, что указанные ценности не предназначены для незаконного обогащения должностного лица либо его родных или близких, содеянное им не образует состав преступления, предусмотренный ст. 291 либо ст. 291.1 УК РФ»¹.

Исходя из толкования ст. 290 УК РФ, в которой указана польза взяткодателя, которую он стремится извлечь путем дачи взятки, следует вывод о том, что обязательным признаком ст. 291 УК РФ является цель — использование должностного положения взяткополучателя, которое может носить различный характер в зависимости от ситуации. О том, что цель при даче взятки является обязательным признаком состава преступления, свидетельствует не только толкование ст. 291 УК РФ, но и тот факт, что отсутствие умысла субъекта — взяткодателя на совершение необходимого для него со стороны должностного лица поведения свидетельствует об отсутствии самого состава преступления, а действия взяткодателя, таким образом, следует оценивать как подарок. Неустановление вышеназванной цели при даче взятки может привести к тому, что граница между взяткой и подарком совершенно стирается.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 291 УК РФ, состоит в незаконном предоставлении должностному лицу лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного характера за совершение действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если также действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица, либо способствование совершению таких действий (бездействия), а равно за общее покровительство или попустительство по службе.

Дача взятки — это фактическая ее передача как самому должностному лицу, так и его родным или близким с его согласия или если оно не возражало против этого за совершение действий (бездействия) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, связанных с использованием служебных полномочий. Дача взятки по смыслу закона может состояться, если передать ее лично или через посредника.

Личная передача означает непосредственное взаимодействие взяткодателя с взяткополучателем по предоставлению последнему незаконного вознаграждения за действие (бездействие) должностного лица и пользу взяткодателя.

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24.12.2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Посредником в даче взятки следует считать лицо, которое передает незаконное вознаграждение взяткополучателю по поручению взяткодателя от его имени и за счет его имущества, либо иным образом способствует взяткодателю в достижении, либо реализации «соглашения» и взяткополучателем о даче–получении взятки.

Что касается способов получения взятки, то они различны по своей форме. Незаконное вознаграждение может быть получено как открыто (в случае непосредственной передачи из рук в руки), так и завуалированно (например, «займ» без возврата, бесплатное обслуживание в ресторане, размещение в гостинице, оплата стоимости ремонта квартиры и т. д.)

Состав преступления является формальным, то есть преступление следует считать оконченным с момента передачи хотя бы части взятки вне зависимости от предварительной договоренности и времени передачи — до выполнения должностным лицом необходимых для взяткодателя действий или после таковых. В том случае, если передача взятки не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, пытавшихся передать (получить) предмет взятки, содеянное следует оценивать, как покушение на дачу (получение) взятки.

Особенность соотношения составов взяточничества состоит в том, что при наличии факта дачи взятки имеются два состава преступления — дачи и получения взятки. Если получение отсутствует, возможны следующие варианты квалификации:

- 1) содеянное следует квалифицировать как покушение на дачу взятки;
- 2) состав преступления дачи взятки отсутствует.

В связи с чем, предлагаем разобраться, с какого момента состав преступления является оконченным и какие проблемы возникают при квалификации данного деяния.

Несмотря на то, что Верховный суд разъяснил данный вопрос в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 г., данный вопрос по-прежнему является дискуссионным как в теории, так и на практике.

Согласно п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 г. состав дачи–получения взятки считается оконченным с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей. При этом не имеет значения, получило ли указанное лицо реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению.

Несмотря на то, что Пленумом Верховного суда обозначена правовая позиция относительно момента окончания преступления, предусмотренного ст. 290, 291 УК РФ, ряд авторов, в том числе, Ю. Пудовочкин, настаивают на том, чтобы признавать указанное преступление оконченным с момента, когда у получателя незаконного вознаграждения появляется реальная возможность пользоваться или распоряжаться переданными ценностями по своему усмотрению. Основным аргументом рассматриваемого подхода является положение о том, что получение взятки — это корыстное преступление, следовательно, преступление не следует признавать оконченным, пока у лица не появится возможность реализовать корыстную цель¹.

Однако, состав преступления получения взятки является формальным, поэтому преступление считается оконченным с момента получения хотя бы части обусловленной взятки. При этом не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению. Это правило установил Пленум Верховного Суда РФ, которое он предлагает распространить также и применительно к посредничеству во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки. На основании этого содеянное квалифицируется как оконченное преступление в пределах умысла виновного независимо от фактической его реализации и достижения преступной цели.

В случаях, когда должностное лицо отказалось принять взятку, взяткодатель несет ответственность за покушение на преступление, предусмотренное ст. 291 УК РФ. Из этого положения можно сделать вывод о том, что моменты окончания получения взятки и ее дачи совпадают во времени и одно преступление не может состояться без другого.

Но не все так однозначно, в частности когда взятка является безличными денежными средствами, и деньги переведены в банк на счет должностного лица. С точки зрения российского правоведа С. Г. Келиной, в подобном случае моментом окончания получения взятки является снятие должностным лицом денежной суммы с соответствующего лицевого счета. Н. А. Бабий считает, что при переводе денежных средств на банковский или иной счет взятка будет считаться принятой с момента поступления денежных средств на соответствующий счет. Если же для взяткополучателя открывается счет на предъявителя, то взятка будет считаться полученной с момента вручения ему подтверждающих документов или сообщения соответствующих реквизитов. В данной ситуации принятие взятки может выражаться в зачислении денег на банковский счет, при условии, что должностное лицо выразило согласие принять деньги и совершило определенные действия, подтверждающие это согласие.

¹ Пудовочкин Ю. Е. Получение взятки как корыстное преступление // Уголовное право. 2013. № 5. С. 97.

Взятка может быть представлена в виде билета на концерт, подарочного сертификата и тому подобного, которые оплачены взяткодателем. В таких случаях взятка будет считаться полученной с момента принятия взяткополучателем соответствующих документов.

Возможность должностного лица распорядиться ими значения для определения момента окончания преступления не имеет.

Кроме того, в теории и на практике решается вопрос о получении и дачи взятки в значительном, крупном, особо крупном размерах при получении лицом части ценностей, не составляющих значительного, крупного, особо крупного размера, хотя предполагалось получить их в соответствующем размере.

Так, Архангельским областным судом как оконченное преступление квалифицировано получение взятки оперативным уполномоченным отдела по борьбе с экономическими преступлениями на потребительском рынке, финансово-кредитной сфере и сфере оборота водных биологических, в крупном размере, когда за совершение незаконных действий по прекращению проверки в отношении предпринимателя В. он получил только часть оговоренной суммы взятки, после чего был задержан сотрудниками правоохранительных органов. Такой подход соответствует положениям абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 г.

Однако, необходимо отметить, что существует несколько различных точек зрения по данному вопросу. Так, например, по мнению А. В. Грошева и многих других исследователей содеянное следует квалифицировать как оконченное преступление, совершенное в значительном, крупном, особо крупном размере, с момента принятия хотя бы части, если предполагалось получение ценностей в соответствующем размере. Сторонники указанного подхода исходят из общего правила определения момента окончания преступления, предусмотренного ст. 290, 291 УК РФ¹.

Исследователи, придерживающиеся второй точки зрения, полагают, что содеянное требует квалификации по совокупности преступлений: как покушение на преступление в значительном, крупном, особо крупном размере и оконченное преступление в размере фактически переданных ценностей. Данный вариант основан на том, что состав преступления является

¹ Грошев А. В. Ответственность за провокацию взятки либо коммерческого подкупа по УК РФ // Уголовная политика в сфере обеспечения безопасности здоровья населения, общественной нравственности и иных социально-значимых интересов: материалы II научно-практической конференции, 25 мая 2013. Ч. 1. М., 2013. С. 94.

формальным, размер взятки является объективным признаком, для признания преступления оконченным требуется, чтобы должностное лицо приняло взятку в значительном, крупном, особо крупном размере. В то же время, поскольку содеянное содержит признаки оконченного преступления, помимо покушения требуется еще квалификация преступления как оконченного в размере фактически полученных ценностей.

Согласно третьей точке зрения, как указывают А. О. Безверхов, Л. Боровых, В. Степанов, В. Шумихин, Н. Чудин, Н. Лопашенко, В. Н. Щепельков, М. Любавина, имеет место покушение на преступление, совершенное в значительном, крупном, особо крупном размере. Дополнительной квалификации не требуется. Третий вариант также аргументирован тем, что размер взятки — это объективный признак, следовательно, преступление не является оконченным до тех пор, пока должностное лицо не приняло ценности в соответствующем размере¹.

В судебной практике на уровне решений Верховного Суда РФ встречались два первых варианта, в доктрине доминирующей является правовая позиция, соответствующая третьему варианту. В этой связи представляет интерес еще один вопрос, связанный с особенностью такого предмета взяточничества, как оказание услуг имущественного характера. Это определение размера в случае, когда услуга до конца не выполнена. Несмотря на то, что Пленум прямого ответа на данный вопрос не дает, тем не менее, из подхода к установлению момента окончания преступления можно заключить, что размер взятки будет определяться стоимостью услуги в целом.

Эта логика, по мнению В. Ф. Щепелькова и ряда других авторов, представляется неприемлемой для исчисления размера взятки и была неоднократно подвергнута критике. В то же время, в соответствии с позицией ВС РФ в случае, когда должностному лицу предмет взятки передавался в виде фальшивых денежных средств, действия взяткополучателя подлежат квалификации как покушение на взятку в том размере, на который был направлен умысел виновного².

Как отмечает Л. И. Фарберова, поддельные банкноты не являются законным средством платежа, в связи с чем не могут находиться в денежном обращении, поскольку лишены экономических свойств, присущих действительным деньгам³.

¹ Щепельков В. Ф. Позиции Пленума Верховного Суда Российской Федерации относительно момента окончания получения, дачи взятки, посредничества во взяточничестве, коммерческого подкупа // КриминалистЪ. 2014. № 1(14). С. 4.

² Краюшкина Я. В. Момент окончания взяточничества // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 62—64; Скоморохов, С. А. Момент окончания взятки и коммерческого подкупа и посредничества в них // Вестник ЮГУ. 2015. № 2 (38). С. 219—220.

³ Фарберова, Л. И. Получение взятки в виде денег: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации // Законодательство и экономика. 2014. № 5. С. 79.

Р. Д. Шарапов поддерживает такую правовую позицию, усиливая ее тем, что поддельным денежным знакам в силу их ничтожности для финансового оборота не представляется возможным дать легальную денежную оценку, необходимую для рассмотрения дел о взяточничестве и обязательную для определения размера взятки, непосредственно влияющего на квалификацию¹.

Кроме того, представляется важным, что впервые Пленумом ВС РФ дано разъяснение относительно момента окончания взяточничества, совершаемого под контролем органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Согласно пункту 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24.12.2019) получение или дача взятки, в том числе через посредника, если указанные действия осуществлялись в условиях оперативно-розыскного мероприятия, должны квалифицироваться как оконченное преступление вне зависимости от того, были ли ценности изъяты сразу после их принятия должностным лицом². Однако данный подход нередко подвергается критике в литературе.

Так, по мнению Б. В. Волженкина, ввиду того что в такой ситуации взятка как таковая субъекту не давалась, его действия необходимо квалифицировать лишь как покушение на получение взятки³. Поскольку предмет рассматриваемого преступления является одним из объективных признаков состава, получение взятки надлежит считать оконченным посягательством только при условии, если должностное лицо приняло незаконное имущественное вознаграждение, переданное ему именно от взяткодателя, т. е. лица, в действиях которого имеются все признаки состава дачи взятки. Если должностное лицо принимает имущественное вознаграждение, которое оно считает взяткой, от субъекта, в действительности не являющегося взяткодателем, а только имитирующего дачу взятки и не имеющего умысла на подкуп чиновника в целях совершения последним действий (бездействия) по службе (таковым является лицо, участвующее в ОРМ), передаваемые ценности нельзя считать взяткой. Вместе с тем, позиция Верховного Суда по данному вопросу сформирована, хотя и не является бесспорной.

Помимо прочего, немало вопросов возникает при квалификации продолжаемого взяточничества, в частности, при следующих обстоятельствах:

¹ Шарапов Р. Д. Момент окончания взяточничества // КриминалистЪ. 2016. № 1. С. 37.

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (в ред. от 24.12.2019 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Волженкин Б. В. Служебные преступления: Комментарий законодательства и судебной практики. СПб., 2005. С. 118.

если должностное лицо, получив от взяткодателя незаконное вознаграждение в оговоренном размере за совершение определенного деяния, требует повысить размер взятки и взяткодатель, согласившись с предъявленным требованием, передал дополнительное вознаграждение.

Рассматриваемая ситуация порождает правоприменительную дилемму, требующую выбора между совокупной квалификацией и констатацией признаков продолжаемого преступления. П. С. Яни, Т. А. Николенко полагают, что в данной ситуации отсутствуют признаки продолжаемого преступления, а имеет место совокупность преступлений, поскольку состав преступления объективно и субъективно завершен с момента получения взятки, соответствующей первоначальной договоренности.

Однако авторы не учитывают, что требование дополнительного незаконного вознаграждения может быть спланировано взяткополучателем изначально, и кроме того, желание взяткополучателя получить дополнительное вознаграждение нельзя расценивать как новый умысел на получение взятки. Указанные обстоятельства свидетельствуют об определенной динамике первоначального умысла, которая остается в его рамках¹.

Иначе следует квалифицировать действия взяткополучателя, который после получения взятки в заранее определенном размере сообщает взяткодателю о том, что для совершения действия (бездействия), в котором заинтересован взяткодатель, необходимо дать взятку другому должностному лицу. В этом случае получение чиновником дополнительного незаконного вознаграждения для передачи другому должностному лицу является результатом формирования нового умысла, а значит, это деяние должно получить самостоятельную уголовно-правовую оценку: 1) как посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), если должностное лицо, получившее вторую взятку, передало ее другому взяткополучателю; 2) как мошенничество (ст. 159 УК РФ), если информация о необходимости подкупить еще одно должностное лицо является ложной и сообщается с целью похитить дополнительное незаконное вознаграждение². В этом случае имеет место так называемое «мнимое посредничество» во взяточничестве; правила его квалификации изложены в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 г. Таким обра-

¹ Яни П. С. Новые вопросы квалификации взяточничества // Законность. 2014. № 9. С. 25.

² Кулагин А. Н. Особенности квалификации продолжаемого взяточничества // Уголовная политика: теория и практика. 2016. № 2. С. 174—175.

зом, в статье рассмотрены проблемы квалификации преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 290 УК РФ по моменту его окончания¹.

Таким образом рассматриваемые преступления квалифицируются с учетом формальной конструкции состава, а также основного объекта, независимо от правил квалификации иных преступлений, в частности, различных форм хищения, незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Основные вопросы квалификации рассматриваемого деяния изложены высшей судебной инстанцией в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 г. № 24 в ред. от 24.12.2019 г.

Научная статья
УДК 343.72

МОШЕННИЧЕСТВО В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Любовь Вадимовна АНДРИЕНКО

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, Vsemenova17@inbox.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук **Виктория Вячеславовна СЕМЕНОВА**, Vsemenova17@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика мошенничества в сфере кредитования.

Особое внимание уделено анализу субъективной стороны названного мошенничества и разграничению его от гражданско-правовых отношений.

Выявлены проблемы квалификации и предложены пути их решения.

Ключевые слова: преступления против собственности, мошенничество в сфере кредитования, потерпевший, субъективная сторона состава преступления

¹ Гуляева Э. В. Проблемы квалификации получения взятки по моменту его окончания // Молодой ученый. 2018. № 24 (210). С. 200—201.

FRAUD IN THE FIELD OF LENDING: CRIMINAL LAW ASPECTS

Lyubov V. ANDRIENKO

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Vsemenova17@inbox.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law **Victoria Vyacheslavovna SEMENOVA**, Vsemenova17@inbox.ru

Abstract. The article examines the criminal and legal characteristics of fraud in the field of lending.

Special attention is paid to the analysis of the subjective side of this fraud and its differentiation from civil law relations.

Qualification problems have been identified and solutions have been proposed.

Keywords: crimes against property, fraud in the field of lending, victim, the subjective side of the crime

В России ежегодно отмечается рост числа совершения мошеннических действий. Так, в 2023 году зарегистрировано 433,7 тыс. преступлений в данной сфере. Путем обмана или злоупотреблением доверия было похищено более 15 млрд. руб., что на 11,5 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года. Мошеннические действия занимают третье место во всем массиве преступлений и составляют 22,3 % от всей преступности¹.

Отметим, что в 2012 года законодатель произвел дифференциацию мошеннических действий, разделив их на виды в зависимости от сферы или способа совершения (ст.ст. 159-159.6 УК РФ). Указанные изменения породили вопросы, связанные с разграничением некоторых составов мошенничества между собой, на что обращали внимание ученые в своих работах².

В настоящее время, анализ судебной практики показал, что у правоприменителей возникают сложности при разграничении мошенничества

¹ Состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 г. // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751>. (дата обращения 18.11.2024).

² Семенова В. В. Изменение законодательства об уголовной ответственности за совершение мошенничества // Уголовный закон России: пути развития и проблемы применения: Сборник научных статей. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2013. С. 247—252.

в сфере кредитования, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ от простого мошенничества, предусмотренного ст. 159 УК РФ и гражданско-правовых отношений.

Мошенничество в сфере кредитования состоит в хищении денежных средств виновным путем предоставления банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану собственности кредиторов. В качестве дополнительного объекта выступают общественные отношения, обеспечивающие нормальное-функционирование кредитно-денежной системы¹. Предметом выступают денежные средства, переданные кредитором субъекту.

Потерпевшим выступает кредитор, под которым понимается банк или иная кредитная организация, обладающую правом заключения кредитного договора². Следовательно, микрофинансовые организации не могут выступать в качестве «иной кредитной организацией», так как они не обладают правом на выдачу кредита, а могут выдавать только займ. В ситуациях, когда субъект похищает денежные средства, выданные ему в качестве заемных, следует квалифицировать, как простое мошенничество по соответствующей части ст. 159 УК РФ.

Объективная сторона мошенничества в сфере кредитования состоит в активных действиях лица по получению денежных средств от кредитора по кредитному договору, с предоставлением заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия для предоставления кредита, повлекших причинение материального ущерба на сумму от 2500 рублей при отсутствии квалифицирующих признаков, а при их наличии минимальная сумма ущерба не влияет на установление уголовной ответственности.

Кредитный договор в свою очередь является сделкой, порождающей соответствующие гражданско-правовые последствия в виде обязательства по возврату кредитору перечисленных на счет кредитных средств, уплаты процентов за пользование кредитом и штрафных санкций за нарушение сроков возврата кредита и уплаты процентов³.

При этом, согласно положениям гражданского кодекса сделка, совершенная под влиянием обмана, признается недействительной сделкой (179 ГК РФ), а в уголовном праве под обманом в мошенничестве в сфере

¹ Уголовное право. Особенная часть: учебник / под. ред. С. А. Денисова, Л. В. Готчиной, А. Г. Хлебушкина. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России 2020, С. 181.

² О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Яни П. С. Мошенничество, прикрытое договором, порождает внедоговорное обязательство // Законность. 2022. № 8. С. 22-27; № 9. С. 29—34.

кредитования понимается сознательное сообщение заведомо ложных, не соответствующих действительности сведения, либо в умолчании об истинных фактах¹. А согласно п.2 ст. 179 ГК РФ обманом считается не только сообщение информации, не соответствующей действительности, но также и намеренное умолчание об обстоятельствах, о которых лицо должно было сообщить при той добросовестности, какая от него требовалась по условиям оборота.

Следовательно, можно отметить, что объективная сторона мошенничества в сфере кредитования и гражданско-правовые отношения, сопряженные с получением кредита с предоставлением ложных сведений схожи между собой. Субъектом мошенничества в сфере кредитования выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее к моменту совершения общественно опасного деяния 16 летнего возраста.

Перейдем к рассмотрению субъективной стороны исследуемого деяния, которая состоит в прямом умысле и специальной цели — корыстной. Отметим, что субъективная сторона «...формируется до начала исполнения преступления, проявляясь в виде замысла, мотива, плана преступного поведения, и, во-вторых, сопровождает его до окончания преступного деяния, представляя своеобразный самоконтроль субъекта за совершаемыми действиями»², т.е. у субъекта должен возникнуть умысел на совершение хищения денежных средств кредитора до начала совершения им объективной стороны деяния.

Таким образом, разграничение мошенничества в сфере кредитования от гражданско-правовых отношений состоит в признаках субъективной стороны. При совершении мошенничества в сфере кредитования лицо осознает, что предоставляет кредитору ложные сведения о своем имущественном положении в целях получения кредита и желает получить кредит без намерения его вернуть.

Так, М. по договору был предоставлен кредит на приобретение автомобиля. Затем М. оформил договор купли-продажи автомобиля. Однако денежные средства на погашение кредита впоследствии не поступали. Проведенной банком проверки установлено, что М. по месту жительства, указанному в договоре, не проживал. В организации, которую он указал в договоре, не работает, соответственно зарплату не получает³.

В гражданско-правовых отношениях лицо предоставляет кредитору

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Балябин В. Н. Вина в составе незаконного получения кредита // Адвокатская практика. 2013. № 5. С. 32.

³ Определение № 1-27/2009 от 11.09.2013 г. / Красноармейский районный суд г. Волгограда (Волгоградская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.10.2024).

ложные сведения о своем имущественном положении в целях получения кредита и желает получить кредит с дальнейшим выполнением обязательств по кредитному договору.

Так, суд удовлетворил исковое требование ПАО «Совкомбанк» к гражданину о взыскании задолженности по кредитному договору. Банк предоставил ответчику кредит, что подтверждается выпиской по счету. Договор являлся заключенным и обязательным для его исполнения. Банк со своей стороны все обязательства выполнил, то есть предоставил кредит.

Гражданин со своей стороны в период пользования кредитом произвел выплаты в размере 438.766,36 руб., но через год выплаты перестали поступать в банк. Гражданин при получении кредита не имел умысла не погашать до конца кредит, он исправно выплатил половину суммы, но в дальнейшем у него возникли обстоятельства, препятствующие его выплате¹.

Таким образом, разграничение мошенничества в сфере кредитования от гражданско-правовых отношений состоит в признаках субъективной стороны. При совершении мошенничества в сфере кредитования лицо осознает, что предоставляет кредитору ложные сведения о своем имущественном положении в целях получения кредита и желает получить кредит без намерения его вернуть. В гражданско-правовых отношениях лицо предоставляет кредитору ложные сведения о своем имущественном положении в целях получения кредита и желает получить кредит с дальнейшим выполнением обязательств по кредитному договору.

Научная статья
УДК 343.214

ОЦЕНОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Иван Дмитриевич АННЕНКОВ¹, Мария Сергеевна ПОПЕЛЬ²

^{1, 2} Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, Москва, Россия,

² masha.popel.1808@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент **Павел Тимурович САВИН**

¹ Решение № 2-107/2024 2-107/2024~М-39/2024 М-39/2024 от 28 февраля 2024 г. / Добринский районный суд (Липецкая область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 12.10.2024).

Аннотация. В статье анализируются практические и теоретические особенности использования оценочных понятий в уголовном праве.

На основе изученных материалов авторы приходят к выводу о важности оценочных понятий как инструмента уголовного правового регулирования общественных отношений, обеспечивающего гибкость и адаптивность системы права к различным явлениям действительности.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства с учетом толкования оценочных признаков.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный закон, оценочные понятия, квалификация преступлений

Original article

EVALUATIVE CONCEPTS IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA: LAW ENFORCEMENT ISSUES

Ivan D. ANNENKOV¹, Maria S. POPEL²

^{1, 2} Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Moscow, Russia,

² masha.popel.1808@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology at the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev, Candidate of Law, Associate Professor **Pavel Timurovich SAVIN**

Abstract. The article analyzes the practical and theoretical features of the use of evaluative concepts in criminal law.

Based on the materials studied, the authors conclude that evaluative concepts are important as a tool for criminal legal regulation of public relations, ensuring the flexibility and adaptability of the legal system to various phenomena of reality.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation, taking into account the interpretation of evaluative features.

Keywords: criminal law, criminal law, evaluative concepts, qualification of crimes

Вопрос обеспечения эффективности действующего законодательства и соответствия правовых норм остается приоритетным для государств, которые заявляют о своей приверженности легитимным и демократическим

формам организации власти. С учетом стремительного усложнения социальных отношений и расширения сферы регулирующих и защитных мер через правовое воздействие, становится все более актуальным создание систем, способных точно фиксировать все аспекты сложной социальной ситуации, возникающей в обществе. В таких условиях законодатель вводит в правовую систему такие категории, как оценочные понятия, которые регулируют те общественные отношения, не попадающие под действие законодательно установленных норм.

В настоящее время оценочные понятия присутствуют в различных отраслях российского права: «разумный срок» ст. 314 ГК РФ. Срок исполнения обязательства; «грубое нарушение» ст. 81 ТК РФ. Расторжение трудового договора по инициативе работодателя; «неприличная форма» ст. 5.61 КоАП РФ оскорбление, и многие другие примеры.

Данная проблема не является новой, ее обсуждение и развитие велось как советскими и российскими, так и зарубежными правоведами. К данной теме в своих работах обращались такие отечественные правоведы как В. В. Питецкий, Ю. А. Демидов, Д. Р. Касимов и другие.

Учитывая многообразие преступных деяний, УК РФ на современном этапе своего развития вынужден использовать оценочные понятия при формировании конструкции диспозиции статей. Такие характеристики, как «особая жестокость», «малозначительность» имеют важное значение в процессе толкования и исполнения норм уголовного законодательства. Такая ситуация неизбежно создает трудности при определении наказания и вносит элемент субъективности в применении наказания или иных мер уголовно-правового характера. Данные составы преступлений, в которых содержатся оценочные понятия, будут именоваться составами оценочных признаков, четкое определение которых затруднительно в силу трудностей формализации в законе¹.

Необходимо понимать также саму цель существования оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации, слагающуюся с основными ориентирами деятельности правоохранительных органов, задаваемых Уголовным кодексом нашего государства.

Так, использование оценочных понятий в рамках уголовного законодательства позволяет правоприменителю эффективно адаптироваться к изменяющейся социальной обстановке и специфическим обстоятельствам рассматриваемых в суде дел, некоторые обстоятельства которых далеко не всегда поддаются четкому и однозначному закреплению в тексте уголовного

¹ Курс уголовного права. Общая часть. Т.1. Учение о преступлениях: учебник / Н. Ф. Кузнецова, И. Н. Тяжкова. М., 1999. С. 184.

закона. Также необходимо учитывать постоянный процесс развития общественных отношений, в результате чего правоприменителям и необходима помощь оценочных понятий, что посредством встраивания во вновь сложившиеся социально взаимодействия могут без изменений в тексте законодательных актов направлять реализацию задач правоохранительных органов.

Оценочные понятия по мнению О.С. Шумиловой — это «...понятия, содержание которых в данном уголовном законе не конкретизировано и определяется правоприменителем с учетом фактических обстоятельств уголовного дела»¹. В данном случае прослеживается неразрывная взаимосвязь между самим явлением оценочных понятий и возможностью субъективного праворегулирования с помощью их применения.

Проблема применения оценочных понятий исходит из неопределенности их значения, что восполняется деятельностью соответствующей судебной инстанции, рассматривающей дело. Но также имеет место быть проблема разности оценки обстоятельств одним и тем же человеком, не говоря уже о разных субъектах интерпретации, поэтому имеет смысл относить оценочные признаки к переменным, что будут зависеть от конкретных обстоятельств дел.

Для рассмотрения проблемы определения оптимального количества оценочных понятий в составе уголовных законодательных норм необходимо определиться с особенностями рассматриваемого явления, чтобы наиболее эффективно использовать их слабые и сильные в ходе применения стороны.

Так, С. С. Безруков относил к таковым следующее:

1. Отражение оценочными понятиями преимущественно абстрактных явлений;
2. определение правоприменителем содержательной части оценочных понятий в каждом конкретном деле с учетом обстоятельств с важным значением при этом правосознания участников процесса;
3. содержательная часть некоторых оценочных понятий имеют мало конкретики в рамках нормативно-правовых актов и официальных толкований, что создает ситуацию двусмысленности данных дефиниций;
4. имеют место быть случаи совпадения написания оценочных понятий при несопоставимым их друг другу значением, что обусловлено различностью условий их применения;
5. содержательная часть оценочных понятий имеет не замкнутую, а открытую структуру, что неизбежно создает опасность для привнесения

¹ Шумилова О. С. Оценочные понятия в уголовном кодексе Российской Федерации и их использование в правоприменительной деятельности // Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2022. № 1. С. 385—389.

двусмысленности в определении конкретного значения для отдельных общественных явлений¹.

Вопрос оптимального количества оценочных понятий в уголовной норме остается весьма актуальным. Считается, что следует избегать применения нескольких оценочных понятий в одной правовой норме и стремиться к максимальной формализации значений этих понятий, чтобы исключить двусмысленность в их интерпретации.

Необходимо понимать, что заключенная в самой сути оценочных понятий двусмысленность и нечеткость юридической техники неизбежно будет оказывать негативное влияние на правоприменительную деятельность и состояние законности в нашем государстве в целом. Так, на данную проблему указывал Л.Д. Гаухман, отмечая, что «идеальными... могут быть признаны законы с однозначным пониманием, исключающие возможность их различного толкования должностными лицами и, как следствие, произвол последних»².

Соответственно, вопрос целесообразности нахождения оценочных понятий в тексте уголовного законодательства является открытым, так как мнения правоведов на данный счет слагают противоположные точки зрения о плюсах и минусах данного явления. Необходимость четкой формализации данной области в особенности текста УК РФ поднимается в том числе современными законодателями.

«Многосмысленность», оценочных понятий мы можем проследить на следующем примере. Внутренняя смысловая переполненность и внешняя смысловая неоднозначность оценочных понятий мы можем увидеть в Общей части УК РФ. Так, одним из основополагающих определений в рамках назначения уголовного наказания выступает правовая дефиция «общественная опасность», и в рамках нее встает закономерный вопрос — что и в какой степени мы должны определять, как общественно опасное деяние.

По мнению некоторых авторов, общественная опасность есть способность деяния причинять вред общественным отношениям, а также объективное свойство, позволяющее оценить поведение человека с позиции определенной социальной группы.

Для примера, в котором будет явно раскрыта проблема современного законоприменительного категориального аппарата при разрешении уголовных дел, приведем следующий случай пример из практики.

¹ Безруков С. С. Оценочные понятия и термины в уголовно-процессуальном законодательстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Юрид. ин-т МВД РФ. Москва, 2001. 24 с.

² Гаухман Л. Д. Коррупция и коррупционные преступления // Законность. М. 2000. № 6. С. 3.

Приговором Верховного суда Республики Татарстан от 02.10.2023 г. Гражданин А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 105 УК РФ. Согласно данным предварительного следствия, при распитии спиртных напитков между гражданами А. и Б. возникла ссора на неопределенной почве. Гражданин А. умышленно взял нож и нанес множественные удары в область головы, шеи, левого плеча и левого предплечья, правой кисти, в общей сложности порядка 42 ударов, что привело к смерти гражданина Б.

Суд не посчитал необходимым инкриминирование подсудимому п. «д» ст. 105 УК РФ, указав, что умыслом виновного не охватывалось убийство с особой жестокостью и причинение особых страданий потерпевшему¹. Но важно отметить, что 42 ножевых ранения в жизненно важные органы, можно рассматривать как проявление особой жестокости. Данное положение закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)»².

Подводя заключение, сужение сферы применения оценочных понятий может в определенной степени уменьшить количество ошибочных решений судебной системы, допускаемых в рамках двойственности смысловой нагрузки данных понятийных категорий. Также имеет место мнение о том, что полное устранение оценочных понятий из текста Уголовного кодекса России может привести к снижению гибкости законодательных мер, что будут неспособны приспосабливаться к динамичным общественным отношениям без использования мер правотворческих процедур. Таким образом, нельзя на сегодняшний день однозначно сказать «да» или «нет» использованию оценочных понятий в уголовном законодательстве Российской Федерации, однако важно руководствоваться мерами минимизации ущерба от использования данных дефиниций в силу их субъективности и неоднозначности.

Необходимо ответственно подходить к вопросу рассмотрения установленных в качестве «оценочных» дефиниций, так как данная проблема представляет собой комплексную основу для возникновения ошибок в ходе правоприменительной практики досудебной и судебной стадий уголовного судопроизводства.

¹ Приговор № 2-23/2023 от 2 октября 2023 г. Верховный суд Республики Татарстан (Республика Татарстан) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 27.10.2024).

² О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 (в ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

**К ВОПРОСУ О ПРАВИЛАХ ПРИМЕНЕНИЯ Ч. 2 СТ. 28
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Юлия Алексеевна АНТИПОВА¹, Ангелина Витальевна МАСТИНА²

^{1, 2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ juliantipova0504@mail.ru

² mastinaangelina@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. Работа посвящена теоретическим и практическим вопросам применения ч. 2 ст. 28 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Особенности правоприменения этой нормы остаются недостаточно проработанными, что указывает на актуальность указанной темы. Введение данной нормы в уголовный кодекс Российской Федерации ставит перед нами ряд вопросов, требующих тщательного анализа.

Данная статья направлена на выявление проблемы понимания и правового применения невиновного причинения вреда в судебной практике.

Ключевые слова: невиновное причинение вреда, экстремальные условия, психофизиологические качества, нервно-психические перегрузки, уголовная ответственность

Original article

**ON THE QUESTION OF THE RULES FOR APPLICATION OF PART 2
OF ART. 28 CRIMINAL CODE OF THE RUSSION FEDERATION**

Yulia A. ANTIPOVA¹, Angelina V. MASTINA²

^{1, 2} St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia,

¹ juliantipova0504@mail.ru

² mastinaangelina@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The work is devoted to theoretical and practical issues of application of Part 2 of Article 28 of the Criminal Code of the Russian Federation. The specifics of law enforcement of this norm remain insufficiently developed, which indicates the relevance of this topic. The introduction of this norm into the Criminal Code of the Russian Federation poses a number of questions that require careful analysis. This article is aimed at identifying the problem of understanding and legal application of innocent harm in judicial practice.

Key words: innocent causing of harm, extreme conditions, psychophysiological qualities, neuropsychic overload, criminal liability

В теории уголовного права различают два типа невиновного причинения вреда. Одно из них раскрывается в ч. 2 ст. 28 УК РФ, согласно которой деяние признается совершенным невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

Данная уголовно-правовая норма, которая законодательно установлена в действующем кодексе, подразумевает исключение уголовной ответственности лица, которое хотя и осознавало вероятность возникновения общественно опасных последствий в какой-либо ситуации, но в силу невозможности их предотвращения из-за несоответствия психофизиологических качеств этого лица требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам, было не способно предотвратить их.

Это касается ситуаций, которые могут неожиданно возникать, резко изменяться и к которым человек не был готов, не имел возможности принимать верные решения и действия, чтобы избежать неблагоприятные последствия. К примеру, в случае возникновения аварии, которая была вызвана конструктивными недостатками или заводским браком машины, или, когда пилот самолета работает вторую смену подряд, конечно, если он не нарушает правила в части обязательного отдыха между полетами, таким образом в силу усталости лицо не смогло в должной мере оценить все происходящее и избежать наступления негативных последствий. Причем немаловажную

роль играет и оценка возможностей лица реагировать в чрезвычайных ситуациях.

В соответствии со ст. 5 УК РФ «Принцип вины» уголовная ответственность наступает только за те общественно опасные действия (бездействия) и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина. Однако в случае с невиновным причинением вреда, не важно, какой исход произошел, так как уголовная ответственность исключается в силу независящих от человека обстоятельств. Следовательно, нужно разграничивать виновное причинение вреда в результате небрежности, когда лицо не предвидело общественно опасные последствия своего деяния и не желало их наступления, но могло и должно было это сделать, от невиновного причинения вреда.

Анализируя предусмотренную ч. 2 ст. 28 формулировку, ученый-правовед А. И. Рарог подводит к мысли о том, что законодатель стремился сделать упор не на субъективную сторону, а на объективную¹. Это означает, что на психическое отношение лица к совершаемому общественно опасному действию (бездействию) и его последствиям оказывают большее влияние обстоятельства, независящие от человека.

Более того, многие авторы утверждают в теории уголовного права, что в данной законодательной формулировке раскрывается сущность непреодолимой силы, а не невиновное причинение вреда². Иначе говоря, случаются ситуации, при которых у лица нет возможности объективно совершить действия, чтобы направить их на предотвращение наступления отрицательных последствий. Действительно, можно согласиться, что имеются точки соприкосновения между невиновным причинением вреда (казусом) и непреодолимой силой.

Проблема заключается в том, что нужно правильно понимать и толковать данную норму, чтобы правоприменитель юридически правильно ее использовал. Так, деяние признается невиновным согласно ч. 2 ст. 28 не на основании интеллектуальной деятельности субъекта, а на основании достаточности волевых усилий, тех самых психофизиологических качеств, которых либо не хватает, либо они отсутствуют в целях ликвидации возможного вреда. Другими словами, у человека не соответствуют его личные качества, знания, опыт, а также состояния величинам требований экстремальных ситуаций или нервно-психическим перегрузкам, что должно быть установлено в качестве несоответствия субъективным и объективным критериям³.

¹ Рарог А. И. Проблемы квалификации преступлений по субъективным признакам: Монография. М.: Проспект, 2015. С. 135—136.

² Орешкина Т. Ю. Уголовно-правовое значение непреодолимой силы // Уголовное право. — 2003. № 2. С. 58.

³ Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: Центр ЮрИнфоР, 2003.

В частности, что следует понимать под экстремальными условиями. Думается, что это необычные ситуации, которые предполагают дополнительные повышенные требования к субъекту. Наличие или отсутствие нужных психофизиологических качеств можно определить посредством проведения соответствующей экспертизы, диагностики, наличием у человека специальной подготовки, которая будет гарантировать высокую вероятность предотвращения последствий в подобных экстремальных условиях¹. Весомыми критериями психологической готовности являются эмоционально-волевая сфера, а также объективная оценка интенсивности, сложности происходящих событий лицом. Значит, чтобы признать совершение деяние невиновным на основании ч. 2 ст. 28 УК РФ необходима совокупность субъективных (уровень того, как человек подготовлен, каково его состояние здоровья, каковы эмоционально-волевые качества) и объективных (характеристика самой экстремальной ситуации, ее интенсивность, длительность) критериев.

В качестве применения данной статьи на практике вспомним резонансный случай, произошедший 18 июня 2016 года в Карелии на озере, где в результате шторма дети, отправившиеся в плавание с инструктором (молодым практикантом) из лагеря «Парк-Отель «Сямозеро», погибли.

18 марта 2019 года судья Петрозаводского городского суда вынес приговор по уголовному делу о гибели 14 детей в 2016 году на озере «Сямозеро». Виновными признали троих фигурантов.

Во-первых, суд признал бывшего директора детского оздоровительного лагеря «Парк-Отель Сямозеро», ее заместителя виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 238 УК РФ, ст. 125 УК РФ в совокупности, приговорив их к 9,5 годам колонии общего режима. Безусловно, в их бездействии прослеживается абсолютное пренебрежение по отношению обеспечения безопасности детей. Более того, по мнению следствия, прослеживается халатность Роспотребнадзора по ч. 3 ст. 293 УК РФ в отношении как самого лагеря, так и детей, что привело к общественно опасным последствиям.

Во-вторых, касательно молодого инструктора стоит сказать, что он был осужден по ст. 125 УК РФ, однако был освобожден от исполнения наказания в связи с истечением срока давности. Что касается второго инструктора, то его признали невиновным, так как он не принимал участия в походе.

Говоря о правилах применения ч. 2 ст. 28 УК РФ, то мы можем отме-

С. 147.

¹ Ситковская О. Д. Психологическая экспертиза невиновного причинения вреда // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. № 4. С. 195.

тить, что Круподерщиков, который проходил практику в этом детском лагере в качестве инструктора, не обладал достаточными знаниями, навыками и опытом. Ведь профессии, которые сопряжены с экстремальными условиями, с вызовами природы, способные повлечь проблемы, требуют наличия как раз определенных психофизиологических качеств, которых у него не было или было недостаточно. Более того, идет акцент по данной норме также и на психофизиологические состояния лица, то есть целостные реакции личности на внешние и внутренние стимулы. На инструктора могли повлиять как внутренние изменения – перегрузки, происходящие в организме человека, например, физиологическая усталость, так и воздействие неблагоприятных факторов окружающей среды, а также объективно сложившиеся обстоятельства.

Значит, несоответствие психофизиологических качеств практиканта требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам поспособствовало невинному совершению деяния. Ведь имея определенные знания, навыки и опыт, он бы условно точно не отправился в плавь на неисправном судне в целях безопасности детей, даже если глава лагеря настоял на том, чтобы они шли в поход.

В добавлении, отсутствие обязанности или возможностей у лица предвидеть опасные последствия является обстоятельством, исключающим его вину, поэтому независимо от наступивших последствий, лицо совершившее деяние не может быть привлечено к уголовной ответственности. Этот проблемный вопрос следует решать с привлечением внимания специалистов в области психологии, физиологии и психиатрии, чтобы законодатель и правоприменитель правильно использовали данную норму.

Правоохранительные органы, которые решают вопрос о форме умысла и его направленности, должны учитывать все обстоятельства содеянного. Отсюда вытекает актуальность данной темы о том, что наука уголовного права, подробно изучающая вину, как отношение лица к своему действию (бездействию) и последствиям, подразумевает учет не только объективных признаков, но и субъективных, психофизиологических.

Однако, анализируя практику применения уголовного законодательства на примере случая в Карелии, то прослеживается, что этот важный элемент не всегда в соответствии с ч. 2 ст. 28 УК РФ оценивается правоохранительными органами именно так.

Научная статья
УДК 343.6

**ПРИЗНАКИ ПОТЕРПЕВШЕГО В ПРЕСТУПЛЕНИИ,
ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 125 УК РФ**

Олеся Сергеевна АНТОНЮК

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, i@antonyuk-olesya.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук **Виктория Вячеславовна СЕМЕНОВА**, Vsemenova17@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются признаки потерпевшего в преступлении, предусмотренном ст. 125 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Проанализирована научная литература и судебная практика по установлению признаков потерпевшего названного преступления.

Выявлены правоприменительные проблемы и предложены пути их решения.

Ключевые слова: оставление в опасности, беспомощное состояние, признаки потерпевшего

Original article

**SIGNS OF A VICTIM IN A CRIME UNDER ARTICLE 125
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Olesya S. ANTONYUK

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, i@antonyuk-olesya.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law **Victoria Vyacheslavovna SEMENOVA**, Vsemenova17@inbox.ru

Abstract. The article examines the signs of the victim in the crime provided

for in Article 125 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The scientific literature and judicial practice on the establishment of signs of the victim of the named crime are analyzed.

Law enforcement problems have been identified and ways to solve them have been proposed.

Keywords: abandonment in danger, helpless condition, signs of the victim

В предусмотренных законом случаях на лицо могут возлагаться определенные обязанности по оказанию помощи людям, оказавшимся в опасном для жизни и здоровья состоянии и не способным принимать меры к самосохранению по малолетству, старости, болезни или вследствие своей беспомощности. При оставлении в опасности указанной категории лиц, законодателем установлена уголовная ответственность для лиц, которые имели возможность оказать помощь и были обязаны иметь заботу либо сами поставили в опасное для жизни или здоровья состояние (ст. 125 УК РФ).

Анализ судебно-следственной практики позволил установить, что у органов предварительного следствия возникают определенные сложности в определении факта наличия состояния беспомощности у потерпевшего, а также в установлении приведения преступником собственными действиями потерпевшего в опасное для жизни или здоровья состояние.

Исследование признаков потерпевшего в преступлении, предусмотренном ст. 125 УК РФ предполагает выяснение конкретных признаков, обуславливающих нахождение потерпевшего в опасном состоянии, а также отсутствия возможности принять им меры к самосохранению.

Опасность для потерпевшего возникает в результате воздействия двух групп условий (факторов): внешней среды (поведение виновного, различные стихийные бедствия – пожар, землетрясение, смерч); патологических процессов (вследствие болезни).

Опасным для жизни и здоровья лица состоянием признается то, которое в итоге может закончиться: смертью; нарушением анатомической целостности органов и тканей, а также физиологических функций; патологическим состоянием, а также психическим или соматическим заболеванием. При этом интенсивность воздействия факторов должна быть высокой, чтобы создавалась реальная угроза наступления указанных последствий¹.

Опасность должна быть реальной и наличной, а не мнимой. Под реальностью подразумевается то, что угроза жизни и здоровью должна существовать объективно, то есть не в воображаемых предположениях субъекта пре-

¹ Бриллиантов А. В. Комментарии к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) в 2 т. 2-е изд. М., 2016. С. 487.

ступления, а в определенном данном месте, в конкретный промежуток времени. Наличие предполагает начавшееся (близкое к началу), но не оконченное общественно опасное действие.

Беспомощность потерпевшего является собирательным понятием. По какой причине лицо оказалось в данном состоянии не имеет значения для установления оснований привлечения лица к уголовной ответственности.

В диспозиции ст. 125 УК РФ законодатель отмечает беспомощность возрастными характеристиками потерпевшего «малолетство, старость». Однако фактически они являются ориентирующими. Возрастные границы не обозначены четкими юридическими границами, можно выделить лишь верхние и условные пределы: малолетние — до 14 лет, пожилые — свыше 60 лет, что, подразумевает формальный подход, однако необходимо обращаться и к возрастной психологии, поскольку и старость, и малолетство имеют несколько градаций.

Как указывает Л.Ф. Обухова: «Хронологический, или паспортный, возраст — лишь координата отсчета, та внешняя сетка, на фоне которой происходит процесс психического развития ребенка, становление его личности¹».

Так, некоторые малолетние дети возраста около 11—13 лет хорошо развиты физически и могут за себя постоять, принять меры к самосохранению. Также согласно международной возрастной периодизации, у мужчин с 60 лет и у женщин с 55 лет только начинается период старения.

Также нередко лица возраста от 75 до 80 лет способны позаботиться о себе и даже защититься от других, оказать сопротивление. В данных примерах вряд ли можно признать людей беспомощными. Таким образом, возрастные границы не имеют четких юридических границ.

Следующий альтернативный признак потерпевшего — болезнь. Болезненное состояние, ставящее потерпевшего в состояние беспомощности означает, что оно — причина невозможности самостоятельно уберечь свою жизнь и здоровье от опасности, так как далеко не каждое болезненное состояние лишает возможности лица к самосохранению.

Следует согласиться с Н. В. Самойлюк, которая считает, что «выделение законодателем в диспозиции ст. 125 УК РФ состояний малолетства, старости, болезни вне рамок понятия беспомощности является излишним, поскольку последнее охватывает указанный возраст и нарушения правильной деятельности организма»².

¹ Обухова Л. Ф. Возрастная психология: учебник для бакалавриатов. М., 2013. С. 30.

² Самойлюк Н. В. Проблемы квалификации оставления в опасности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 3 (36). С. 61.

Под иной беспомощностью следует понимать такие состояния, которые не охватываются понятием болезни: слепые; глухие; инвалиды; слепо-глухонемые; несовершеннолетние, отстающие в психическом развитии; немощные, например, после тяжелой болезни или операции.

Например, 25-летний Эндрю Джонсон жил с искусственным сердцем, работающем от электроэнергии, которое он носил в рюкзаке в связи с очередью на трансплантацию донорского сердца. Аккумулятор данного искусственного сердца тяжелый, трубки выступают наружу из живота. Таким образом, маловероятно, что Эндрю Джонсон смог бы осуществить самозащиту от третьих лиц. Данное состояние входило бы в понятие иной беспомощности в описываемой статье 125 УК РФ

В любом случае, в определении иной беспомощности необходимо подвергать оценке каждый конкретный случай. Под категорию иной беспомощности могут подпадать и абсолютно здоровые, взрослые люди, имеющие хорошую психическую и физическую подготовку. Отмечаются подобные ситуации: человек, оказавшийся под завалами разрушенного дома; заблудившийся на огромной территории в глухих местах; очутившийся в воде, но не умеющий плавать.

Беспомощность может быть вызвана испугом, шоком, она может возникнуть «от отсутствия у потерпевшего соответствующих знаний и умения»¹.

Дискуссионным является вопрос о том, является ли алкогольное или наркотическое опьянение беспомощным состоянием. Сюда же иногда относят и обморок (внезапная потеря сознания) и определяют их как временную беспомощность, т.е. такую, из которой человек может выйти сам через короткий промежуток времени.

Однако подобные временные или короткие состояния могут перерастать в длительные, например, обморок в кому, тяжелое опьянение в алкогольный делирий. Глубокое опьянение представляет собой острую интоксикацию организма и приводит порой к тотальному поражению организма, блокирует нейрофизиологические процессы и двигательные реакции.

Так, употребление алкоголя, наркотических средств, одурманивающих веществ, даже их однократный прием в больших дозах, может привести к амнезии (когда имеется нарушение памяти) В некоторых случаях тяжелая степень опьянения приводит к летальному исходу. В практическом плане это означает, что, например, сильно пьяный человек в 30-ти градусный мороз может лежать раздетым на снегу и не двигаться. Разумеется, такое состояние следует оценивать как беспомощное.

¹ Горбатова М. А. Потерпевший при оставлении в опасности: некоторые вопросы теории и практики // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 14.

Например, В. была осуждена по ст. 125 УК РФ за оставление потерпевшего в опасности. В. достоверно знала, что потерпевший, находится в пожилом возрасте и имеет ряд хронических заболеваний, таких как цирроз печени и вирусный гепатит «С». В. совместно с потерпевшим передвигалась на автомобиле по мало оживленной незнакомой для потерпевшего автодороге, при этом знала, что потерпевший находится в состоянии алкогольного опьянения, понимала, что в указанном состоянии потерпевший был лишен возможности принять меры к своему самосохранению, высадила последнего из автомобиля и оставила его на участке местности, расположенном вблизи лесного массива в значительной отдаленности от населенного пункта, при холодных климатических условиях, без питания и средств связи, в одежде, не соответствующей погодным условиям, подвергая его воздействию низкой температуры воздуха¹.

Обязанность лица иметь заботу о потерпевшем может вытекать из различных источников. Во-первых, из закона или из подзаконного акта: Обязанность родителей заботиться о малолетних детях, закреплена п. 1 ст. 63 СК РФ. Другой пример: п. 2.5 Правил дорожного движения указывает, что при дорожно-транспортном происшествии водитель, причастный к нему, обязан принять меры для оказания первой помощи пострадавшим, вызвать скорую медицинскую помощь, а в экстренных случаях отправить пострадавших на попутном, а если это невозможно, доставить на своем транспортном средстве в ближайшее лечебное учреждение².

Также п. 3 ч. 1 ст. 12 ФЗ «О полиции» возлагает обязанность сотрудникам полиции оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует.

Во-вторых, из трудовых отношений (например, обязанность педагога или воспитателя). В-третьих, из договора. Соответственно в случае, если предполагаемый преступник мог оказать помощь лицу, находящемуся в опасности, но не был обременен такой обязанностью, он не может быть признан субъектом данного преступления.

Несмотря на то, что беспомощное состояние используется законодателем и в других статьях главы 16 УК РФ и также включает в себя критерии «малолетство, старость, болезнь», суть термина «беспомощность» в ст. 125

¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2024 № 77-303/2024 (УИД 77RS0022-02-2022-017044-48). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Семенова В. В. Квалификация оставления в опасности после совершения ДТП // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 09-10 июня 2023 г. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. С. 248.

УК РФ иная. В случае совершения насильственного преступления в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии, преступник умышленно использует данную характерную черту потерпевшего, тем самым облегчая себе совершение преступления, а применительно к оставлению в опасности сам потерпевший не может принять меры к самосохранению из-за чего наступает общественно-опасный результат.

Данной точки зрения придерживается Горбатова М. А.: «В то же время необходимо учитывать, что по своей сущности беспомощное состояние потерпевшего в ст.ст. 105, 131 и 132 УК РФ, с одной стороны, и беспомощность потерпевшего ст. 125 УК РФ, с другой, не совпадают». Однако нельзя согласиться с тем, что между термином «беспомощное состояние», используемым в главе 16 УК РФ и «беспомощность» из ст. 125 УК РФ, которая также находится в настоящей главе, имеется какая-либо разница. Раз преступления находятся в одной главе, существуют Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, толкующие состояние беспомощности применительно к ст.ст. 105, 131 и 132 УК РФ, то следует устранить недопонимания и не разграничивать указанные понятия, ибо это приводит к неопределенности. По существу, толкуя термин «беспомощность» мы в любом случае приходим к оценочному признаку «беспомощного состояния», которое ни при каких обстоятельствах не может быть ограничено и сведено к четкому закрытому списку.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что в каждом индивидуальном случае могут возникнуть обстоятельства, совокупность которых позволит сделать вывод о беспомощности потерпевшего, в результате чего он сам не в состоянии будет спасти себя от причинения вреда здоровью или жизни. Признак беспомощности, как состояния потерпевшего, должен устанавливаться исходя из психофизиологических особенностей потерпевшего и факторов сложившейся обстановки.

Научная статья
УДК 344.131.4

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ КАТЕГОРИИ «ДОБРОВОЛЬНОСТИ» КАК КЛЮЧЕВОГО ПРИЗНАКА СОСТАВА ст. 352.1 УК РФ

Таисия Александровна БАРЫШНИКОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
taisiya.barishnikova@mail.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права,
криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского

юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена характеристике некоторых проблем категории «добровольности» при сдаче в плен в рамках состава ст. 352.1 УК РФ.

Автор отмечает актуальность расширительного толкования беспомощного состояния военнослужащих при добровольной сдаче в плен.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за манипулирование рынком.

Ключевые слова: преступления против военной службы, добровольность, сдача в плен, военнослужащие, беспомощное состояние, психическая беспомощность

Original article

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE CATEGORY OF «VOLUNTARINESS» AS A KEY FEATURE OF THE COMPOSITION OF ARTICLE 352.1 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Taisiya A. BARYSHNIKOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, taisi-ya.barishnikova@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the characterization of some of the problems of the category of «voluntariness» during surrender within the framework of art. 352.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The author notes the relevance of an extended interpretation of the helpless state of military personnel during voluntary surrender.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for market manipulation.

Keywords: crimes against military service, volunteerism, surrender, military personnel, helpless state, mental helplessness

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 24.09.2022 № 365-ФЗ в УК РФ была введена новая норма, ст. 352.1, определяющая уголовную ответственность за добровольную сдачу в плен. Криминализация данного состава предопределяется, в первую очередь, сложившейся геополитической ситуацией. До этого существовали проблемы квалификации указанного состава, который можно было считать как дезертирством (ст. 338 УК РФ), так и государственной изменой (ст. 275 УК РФ), отсылку к которым имеет рассматриваемый состав.

Совершенствование законодательства является одним из существенных рычагов воздействия на уголовно-правовую политику в государстве в области преступлений против военной службы. Однако, стоит отметить, что в данный момент существуют некоторые проблемы правоприменения, которые возникают, прежде всего, в связи с пробелами в толковании норм права.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» упоминает категорию «добровольности», которая является, в большей степени, оценочной.

В связи с этим правоприменители сталкиваются с некоторыми проблемами. Отметим, что сдача в плен считается добровольной только при наличии субъективного (сознательное совершение преступного деяния) и объективного (наличие возможности оказывать решительное сопротивление противнику и избежать захвата в плен) критериев. Важно заметить, что данное обстоятельство позволяет точно указать на наличие умысла на совершение преступления (прямого или косвенного).

Дискуссионным остается вопрос применения к военнослужащим положений УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, в том числе и при добровольной сдаче в плен, так как не ясно, исключает ли участие в боевых действиях превалирование такого блага, как жизнь, над остальными.

В п. 111 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» указано, что «если военнослужащий по своему физическому состоянию не способен уклониться от плена, фактический его захват противником не образует состава данного преступления».

Интересно, что в качестве примера в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» приводится беспомощное состояние, что, на наш взгляд, представляется достаточно противоречивым, так как в настоящее время в теории уголовного права отсутствует его однозначное определение.

Так, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» выделяет такие виды беспомощности, как физическое, психическое и иные обстоятельства, вызывающие беспомощное состояние. Также беспомощное состояние выделяется и в п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ. В контексте рассматриваемой нормы оно может определяться возрастом потерпевшего (престарелый, малолетний), его физическими недостатками т. п. Если рассматривать ст. 352.1 УК РФ, стоит отметить, что прежде всего беспомощное состояние в вышеуказанной норме коррелируется с физическим состоянием, однако законодатель не дал разъяснения в Пленуме, о какой именно беспомощности идет речь.

Представляется ли возможным говорить о психической беспомощности военнослужащего? Отметим, что Пленум использует далее формулировку «в том числе вследствие тяжелого ранения или контузии». Непонятно, в результате чего данные признаки беспомощности дифференцированы, если они характеризуют физическое состояние, относительно которого при добровольной сдаче в плен вопросов на практике не возникает. По словарю С. И. Ожегова «в том числе (и), союз со знач. присоединения, включения — считая, включая»¹. Следовательно, этот союз конкретизирует физическую неспособность лица оказать сопротивление. В очередной раз речь идет об объективном критерии, однако выше уже была упомянута категория добровольности, где важен как объективный, так и субъективный критерии.

Важно отметить такой фактор, как посттравматическое стрессовое расстройство, часто возникающее на фоне контузии. Участники боевых действий с вероятностью от 3 % до 11 % получают посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР), отмечают ученые НМИЦ психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева².

Опять же, данный факт связан с нервно-психическими нагрузками,

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Сост. С. И. Ожегов; Гл. ред. акад. С. П. Обнорский, Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. — Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949. С. 2073. URL: <https://roslib.rudn.ru/book/viewpdf/5df898dfb3951> (дата обращения: 09.10.2024).

² Организация оказания медицинской помощи лицам с пост-травматическим стрессовым расстройством: методические рекомендации / Н. В. Семенова, А. Ю. Гончаренко, С. В. Ляшкова, М. Ю. Попов, В. К. Шамрей, Е. С. Курасов, А. А. Марченко, Н. Г. Незнанов. СПб., НМИЦ ПН им. В. М. Бехтерева. 2022. С. 43.

с которыми сталкиваются военнослужащие систематически. Важно, чтобы лицо, совершающее преступное деяние, осознавало характер и степень своего посягательства.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», как уже упоминалось, не дает разъяснений относительно возможности психологической беспомощности, например, возникшей ввиду фрустрации, стресса. Однако здесь следует также отметить очередную коллизию, связанную с тем, что законодатель относит к признакам беспомощного состояния, например, контузию.

К.А. Идрисов, исследуя распространенность среди взрослого населения Чеченской Республики справедливо отмечает: «Независимо от региона обследования, метода исследования и диагностических инструментов разные исследователи получают одинаково высокие показатели распространенности ПТСР под влиянием военных событий»¹.

Контузия является также одним из самых распространенных болезненных состояний среди военнослужащих, которое относится прежде всего к физическому фактору, но может оказывать и последующее влияние на психическое состояние военнослужащего. При контузии часто выявляются резкие психические расстройства. Нередка, наоборот, апатия с вялостью, достигающая иногда до степени «ступора».

В то же время верхняя возрастная граница на прохождение военной службы после начала специальной военной операции была убрана, что предоставило возможность подписания контракта для многих представителей старших возрастных групп, в том числе и имеющих опыт участия в боевых действиях в «горячих точках». Данная категория лиц наиболее подвержена и физической беспомощности, и психической. На наш взгляд, разъяснение нуждается в дополнении, так как формулировка законодателя носит коллизионный характер.

Отечественные психологи к числу негативных факторов относят психофизическое состояние индивида к моменту эмоционального реагирования, то есть внутреннее состояние, на фоне которого происходит соответствующая реакция лица. В то же время, Г.В. Назаренко, рассматривая уголовно-релевантные психические состояния, обращает внимание на то, что «при этом вне поля зрения остаются внешние негативные состояния, вызвавшие это внутреннее состояние»².

¹ Идрисов К. А. Эпидемиологическое исследование распространенности посттравматических стрессовых расстройств среди взрослого населения Чеченской Республики на разных этапах военной ситуации // Российский психиатрический журнал. 2009. №1. С. 58.

² Назаренко Г. В. Правовая и криминологическая значимость уголовно-релевантных психических состояний: Монография. Орел: ОрелГТУ, 2002. С. 65.

Данный аспект связан с тем, что на практике работают конкретные факты, а не обобщенные модели, однако дедуктивные методы, очевидно, важно также подвергать оценке. Именно через призму неблагоприятных факторов, влияющих на эмоциональную напряженность лица, его окружения можно увидеть ретроперспективу преступного деяния. Таким образом Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» нуждается в конкретизации положений, касающихся обстоятельств, исключающих преступность деяния, а также беспомощного состояния, так как это создает проблемы на практике, связанные с квалификацией преступлений, предусмотренных ст. 352.1 УК РФ.

Таким образом, проведенный анализ проблемных аспектов ст. 352.1 УК РФ позволяет резюмировать, что восстановление уголовной ответственности за добровольную сдачу в плен является, безусловно, позитивной тенденцией в сфере военно-уголовного законодательства, однако рассматриваемый состав нуждается в доработке и дополнении. В частности, находим целесообразным дополнить разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 мая 2023 года № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» положением о психической беспомощности при добровольной сдаче в плен.

Научная статья
УДК 343.326

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ОБЪЕКТЫ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

Владислав Сергеевич БИГДАН

Институт экономики и права Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия, puls20021@gmail.com

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института экономики и права Петрозаводского государственного университета **Эльдар Мехтиярович АЗИМОВ**

Аннотация. В данной работе поднимается проблема квалификации посягательств на объекты транспортной инфраструктуры, в частности, на релейные шкафы.

В правоприменении возникла сложность в отграничении террористического акта от диверсии. В статье анализируются составы преступления, предусмотренные ст. 205 УК РФ и ст. 281 УК РФ, выделяются признаки, позволяющие отличать данные преступления друг от друга.

В результате исследования сделаны выводы по вопросу квалификации поджогов релейных шкафов, а также приводится анализ того, как законодатель реагирует на вызовы времени.

Ключевые слова: диверсия, террористический акт, квалификация, транспортная инфраструктура, релейный шкаф, поджог

Original article

PECULIARITIES OF QUALIFICATION OF ENCROACHMENTS ON TRANSPORT INFRASTRUCTURE OBJECTS

Vladislav S. BIGDAN

Institute of Economics and Law of Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, puls20021@gmail.com

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Coal Law and Process, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State State University **Eldar Mekhtiyarovich AZIMOV**

Abstract. This paper raises the problem of qualification of encroachments on objects of transport infrastructure objects, in particular, relay cabinets. In practice there is a difficulty in distinguishing a terrorist act from sabotage.

The article analyses the corpus delicti provided for by article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation and article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article analyses the corpus delicti of the offences under article 205 of the Criminal Code of the Russian Federation and article 281 of the Criminal Code of the Russian Federation, highlights the features that allow distinguishing these offences from each other. each other.

As a result of the research conclusions are drawn on the issue of qualification of arson of relay cabinets, as well as analyses how the legislator reacts to the challenges of time.

Keywords: sabotage, terrorist act, qualification, transport infrastructure, relay cabinet, arson

Объекты транспортной инфраструктуры находятся под особой охраной государства и, в частности, под охраной уголовного законодательства РФ.

В современных реалиях, в условиях СВО, совершение различного рода диверсий и терактов стало типичным проявлением враждебной деятельности, осуществляемой на территории РФ. Так, по данным МВД по состоянию на 22 января 2024 г. в России с начала СВО совершено 184 диверсии на железной дороге¹.

В Национальном антитеррористическом комитете заявили, что только в 2024 году в России было предотвращено 27 терактов на объектах транспорта, топливо-энергетического комплекса и оборонной промышленности². Транспортная инфраструктура РФ подвергается различным посягательствам. Например, взрывы на Крымском мосту 8 октября 2022 г. и 17 июля 2023 г., подрыв железнодорожных путей в г. Шебекино Белгородской области 11 апреля 2022 г., взрыв на железнодорожном мосту в Самарской области 28 сентября 2024 г.

В настоящее время типичными противоправными действиями подобного рода стали поджоги релейных шкафов на железных дорогах. Проблема заключается в том, что на данный момент отсутствует единая правоприменительная практика по квалификации таких деяний. Что касается самого противоправного деяния, то их непосредственные исполнители никак не связаны друг с другом, действуют за материальное вознаграждение «кураторов», которые связываются с ними дистанционно, как правило, при помощи мессенджеров, и обещают вознаграждение. Исходя из этого можно установить, что типичным мотивом непосредственных исполнителей подобного рода противоправных деяний является корысть, причем эти лица не всегда осведомлены о целях организаторов этих преступлений³.

Первоначально данные действия квалифицировались как преступления против собственности или безопасности движения и эксплуатации транспортных средств, т.е. умышленное уничтожение или повреждение имущества (ст. 167 УК РФ) или приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (ст. 267 УК РФ)⁴. И действительно, диспозиция ст. 267 УК РФ описывает объективную сторону действий в виде поджога релейного шкафа. Релейный шкаф является транспортным оборудованием, повреждение которого охватывается составом преступления, предусмотренного

¹ Лента.Ру // В МВД назвали число совершенных в России диверсий на железной дороге / URL: <https://lenta.ru/news/2024/01/22/kolesnikk/>. (дата обращения 18.11.2024).

² Национальный антитеррористический комитет // Директор ФСБ провел заседание Национального антитеррористического комитета / URL: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/direktor-fsb-rossii-provyol-zasedanie-nacionalnogo.html>. (дата обращения: 18.11.2024).

³ Иванцов С. В., Борисов С. В. Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия диверсионной деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 3.

⁴ Чучаев А. И. Поджог железнодорожных релейных шкафов : юридическая оценка деяния // Уголовное право. 2023. № 12. С. 68—76.

ст. 267 УК РФ. Однако преступление характеризуется не только объективной стороной — следует смотреть шире.

В результате массового характера совершения таких деяний и прослеживаемого общего замысла их организаторов, которые ведут свою противоправную деятельность, находясь за пределами России, а также учитывая возникшую в связи с этим угрозу для экономики и обороноспособности, правоприменительная практика кардинально изменилась. В настоящее время поджог релейного шкафа квалифицируется как диверсия (ст. 281 УК РФ) или террористический акт (ст. 205 УК РФ). Схожесть рассматриваемых преступных посягательств, а также участвовавшие случаи их совершения обуславливают актуальность данной темы.

Например, Орловский областной суд 30 августа 2024 г. признал мужчину виновным в совершении поджога релейного шкафа, за что он был приговорен к 12 годам лишения свободы. Его действия были квалифицированы по ч. 1 ст. 281 УК РФ («диверсия»). В ходе предварительного следствия было установлено, что осужденный в мессенджере связался с неизвестным лицом, который и предложил ему поджечь релейный шкаф. В результате его действий релейный шкаф был полностью разрушен, что привело к нарушению железнодорожного сообщения¹.

В то же время есть примеры, когда аналогичные деяния квалифицируются иначе. Так, Первый Западный окружной военный суд 5 сентября 2024 г. признал виновным по ч. 1 ст. 205 УК РФ (террористический акт) мужчину, который совершил поджог релейного шкафа на перегоне железнодорожных станций в Санкт-Петербурге. Ситуация аналогична с предыдущей в той части, что виновный также получил инструкции для совершения поджога через сеть «Интернет»².

Таким образом, эти два примера иллюстрируют, что одновременно, с разницей менее одной недели, аналогичные действия поджигателей релейных шкафов квалифицируются по разным статьям УК РФ. Это свидетельствует о том, что на данный момент отсутствует единство правоприменения по таким деяниям.

Ввиду схожести диверсии и террористического акта как преступных деяний, представляется необходимым проанализировать указанные преступления с точки зрения их разграничения между собой.

Объекты, на которые посягает виновный в ходе совершения террористического акта (ст. 205 УК РФ) и диверсии (ст. 281 УК РФ) различны.

¹ Лента.Ру // Россиянин поджег релейный шкаф за девять тысяч рублей и получил срок / URL: <https://lenta.ru/news/2024/08/30/rossiyanin-podzheg-releyyny-shkaf-za-devyat-tysyach-rublei-i-poluchil-srok>. (дата обращения: 18.11.2024).

² Газета.ру // В Петербурге охранник ресторана получил 15 лет колонии за поджог релейного шкафа / URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/05/23858683.shtml>. (дата обращения: 18.11.2024).

В случае ст. 205 УК РФ в качестве основного объекта посягательства выступают общественные отношения в сфере общественной безопасности, а в случае диверсии — общественные отношения в сфере экономической безопасности, обороноспособности и государственности РФ. Что касается дополнительных объектов, то в диверсии можно выделить в качестве таковых жизнь и здоровье людей, собственность. Для ст. 205 УК РФ дополнительный объект аналогичен, однако к нему добавляются общественные отношения, связанные с нормальным функционированием органов власти и международных организаций¹.

Объективная сторона террористического акта, согласно диспозиции ст. 205 УК РФ выражается альтернативными деяниями. Во-первых, это совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений. Во-вторых, угроза совершения указанных выше действий.

Объективная сторона диверсии состоит в следующем: совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды.

Из объективной стороны можно установить сущность рассматриваемых преступлений. Терроризм носит публичный характер, поэтому террористы стараются действовать демонстративно. Им важно навести вызвать страх у людей. Диверсия по своей природе носит тайный и скрытый характер. Действия лиц, совершающих диверсию, направлены на причинение соответствующего вреда или ущерба. Если характеризовать действия лиц, поджигающих релейные шкафы, то они носят скорее тайный характер. Эти лица не желают, чтобы их действия подлежали широкой огласке.

В случае террористического акта предмет преступного посягательства не обозначен, следовательно, данные действия могут быть направлены на разного рода объекты, которые не являются значимыми для квалификации. В ст. 281 УК РФ обозначен закрытый перечень объектов, в отношении которых совершаются действия, характеризующие объективную сторону диверсии. Согласно данной норме, к таким объектам относятся предприятия, сооружения, объекты транспортной инфраструктуры и транспортных

¹ Тихонин И. А. Отграничение террористического акта (ст. 205 УК РФ) от диверсии (ст. 281 УК РФ) // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19.

средств, средств связи и объекты жизнеобеспечения населения¹. Учитывая специфику расположения и назначения релейного шкафа, то можно установить, что лица, совершая его поджог, посягают на объект транспортной инфраструктуры, что охватывается составом преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ.

Сложность квалификации поджога релейного шкафа видится в установлении цели совершения данного деяния. Согласно ст. 205 УК РФ, целью совершения террористического акта является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, а также воздействие на принятие ими решений. Цель диверсии заключается в подрыве экономической безопасности и (или) обороноспособности РФ. Говоря о диверсии, уничтожение или повреждение предприятий важно для виновного само по себе, а в случае террористического акта уничтожение или повреждение какого-либо объекта важно для преступника лишь с точки зрения создания атмосферы общественного страха². При схожести действий, характеризующих объективную сторону террористического акта и диверсии именно цель совершения этих действий и позволяет отграничить данные составы преступления друг от друга. Так, поджог релейного шкафа может на время осложнить движение поездов по определенному участку железной дороги. В частности, это может привести к задержке транспортировки военной техники России к границе, что скажется на обороноспособности. В то же время, виновный может совершить поджог релейного шкафа, чтобы таким образом воздействовать на принятие органами власти политического решения о прекращении СВО, учитывая тот факт, что «кураторы», по указаниям которых непосредственные исполнители и совершают поджоги, осуществляют свою деятельность, как правило, с территории Украины. В ходе предварительного следствия важно установить цель, которую хотело достигнуть лицо, совершая поджог релейного шкафа. Именно это позволит правильно квалифицировать деяние.

Таким образом, данный анализ позволяет сделать вывод о том, что поджоги релейных шкафов, с нашей точки зрения, следует квалифицировать как диверсию. Действия, которые характеризуют террористический акт и диверсию, могут быть идентичными, поэтому при квалификации данного рода деяний необходимо делать акцент на цель его совершения, предмет преступного посягательства и механизм совершения преступления. Ввиду

¹ Тутуков А. Ю., Татаров Л. А. Правильная квалификация террористического акта и его отграничение от диверсии // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 6.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. М., 2015. Т. 2. С. 323.

того, что диспозиция ст. 281 УК РФ содержит перечень объектов, на которые должны быть направлены противоправные действия, в частности, объекты транспортной инфраструктуры и транспортных средств, данная норма более подробно охватывает действия лиц, поджигающих релейные шкафы. Данные поджоги совершаются скрытно и не придаются огласке виновными лицами, поэтому в этой части это деяние также больше относимо к диверсии, так как террористические акты, наоборот, имеют открытый характер, намерения террористов придаются огласке с целью донесения до представителей государственных органов, чего не происходит в рассматриваемых случаях. Санкции, предусмотренные ч. 1 ст. 205 УК РФ и ч. 1 ст. 281 УК РФ идентичны — лишение свободы на срок от десяти до двадцать лет.

Однако важно придерживаться единства квалификации аналогичных деяний не только с точки зрения определения уголовной ответственности виновных лиц. У правильного отграничения теракта от диверсии есть практически значимые особенности. Так, примечание к ст. 205 УК РФ предусматривает специальное основание освобождения от уголовной ответственности. Аналогичное основание не предусмотрено ст. 281 УК РФ. Кроме того, от правильной квалификации зависит возраст привлечения виновного лица к уголовной ответственности.

Субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 281 УК РФ может быть лицо, достигшее шестнадцати лет, а в случае ч. 1 ст. 205 УК РФ — четырнадцати лет.

В современных условиях становится очевидным, что диверсионная деятельность — это не «точечные» случаи проявления несогласия с политикой России со стороны отдельных радикальных граждан, а совокупность спланированных диверсионных актов. Законодатель своевременно откликается на подобные вызовы времени. Уголовная политика направлена на криминализацию отдельных деяний.

Так, Федеральным законом от 29 декабря 2022 г. №586-ФЗ УК РФ был дополнен рядом новых составов преступлений, относящихся к диверсионной деятельности, которые были закреплены в ст. 281.1 УК РФ «Содействие диверсионной деятельности», в ст. 281.2 УК РФ «Прохождение обучения с целью осуществления диверсионной деятельности» и в ст. 281.3 УК РФ «Организация диверсионного сообщества и участие в нем». Следует отметить, что аналогичные составы преступлений уже закреплены в отношении террористического акта (ст. 205.1, 205.3, 205.4 УК РФ соответственно), что также демонстрирует схожесть по своей природе террористического акта и диверсии.

Следовательно, по аналогии с преступлениями террористической

направленности, сформировалась и группа составов преступлений диверсионной направленности. Помимо новых составов преступления, закрепление в п. «с» ч. 1 ст. 63 УК РФ получил новоеотячающее обстоятельство — совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки диверсии.

Последние несколько лет, в условиях специальной военной операции, в центре повышенного внимания находится не только военная, но и правовая защита безопасности России. Участвовавшие случаи совершения диверсий указали законодателю на необходимость совершенствования уголовно-правовых норм в этой части.

Уголовное право выполняет охранительную функцию в той части, что процесс криминализации деяний и реформирование уже имеющихся составов преступлений и положений Общей части УК РФ, позволяет при помощи таких приемов и способов своевременно реагировать на любые враждебные проявления, способные подорвать безопасность государства¹.

Научная статья
УДК 343.326

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ТЕРРОРИСТА

Дени Ширваниевич БИСУЛТАНОВ¹, Анна Анатольевна КОСЕНКОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ deni.bisultanov.2014@mail.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению криминологического портрета личности террориста с криминологической точки зрения.

Авторы исследуют данную тему с позиции современной теории лично-

¹ Глазырин С. И. Преступления диверсионной направленности: новый подход в области обеспечения экономической безопасности и обороноспособности российской федерации на современном этапе // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. №1.

сти преступника, критикуя отдельные ее положения, которые уже не отвечают современным реалиям.

Разработаны предложения по совершенствованию профилактики терроризма с учетом криминологического портрета личности террориста.

Ключевые слова: криминология, преступность, терроризм, криминологический портрет личности террориста

Original article

CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF THE IDENTITY OF A TERRORIST

Deni Sh. BISULTANOV¹, Anna A. KOSENKOVA²

^{1, 2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ deni.bisultanov.2014@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. This article examines the criminological portrait of the identity of a terrorist from a criminological point of view.

The authors explore this topic from the standpoint of the modern theory of the identity of the criminal, criticizing its individual provisions that no longer respond to modern realities.

Proposals have been developed to improve the prevention of terrorism, taking into account the criminological portrait of the identity of the terrorist.

Keywords: criminology, crime, terrorism, criminal-logical portrait of terrorist's personality

Личность преступника, как предмет криминологического исследования, занимает отдельное место в структуре формирования девиантного, преступного поведения индивида. Но несмотря на большую разработанность рассматриваемой темы в отечественной криминологической теории остается большое количество вопросов и проблем как к пониманию сущности личности преступника, так и ее значения в механизме преступного поведе-

ния. Между тем, связь теории личности преступника с вероятностью совершить отдельным лицом преступления особо актуальна в части преступлений террористической направленности, так как именно данные преступления характеризуются наибольшим объективным общественно-опасным значением, потому что они направлены именно против целостности общества.

Для начала оговоримся, что личность преступника в рамках современной криминологической теории ставится под сомнения, если вообще не выносится за рамки исследования. Данный тезис исходит из той логики, что статус преступника вытекает из понятия преступления уголовного законодательства, но сам по себе уголовный закон не определяет преступлений, существующих самих по себе. К примеру, невозможно определить личность преступника в части фиктивного банкротства в 1997 году, когда до этого момента такого состава не существовало.

Конечно, можно определить статистически те личностные характеристики преступника, присущи определенному составу преступления, но качественно они неотличимы от неправомерного поведения. К тому же, в настоящее время, ни один исследователь не смог вывести те характеристики личности, которые присущи только преступнику. «Очевидно, в основе попыток найти специфические свойства преступников, присущие только им и отличающие «их» от законопослушных «нас», лежит древнейшее стремление людей отграничить «своих» от «чужих». ««Мы» это всегда «люди»,... тогда как «они» — не совсем люди»¹. Именно поэтому стоит говорить не о личности преступника того или иного поведения, а о возможности того или иного индивида совершить преступление.

Но теория личности преступника не стоит полностью исключать, а стоит корректировать ее цель. То есть, необходимо исследовать не связь той или иной черты личности отдельного человека с преступными свойствами личности другого человека, а искать «...признаки (либо совокупность таковых), характеризующие «личность преступника» и только преступника, а в понимании того, что различные поведенческие формы (в том числе, «негативные», отрицательно оцениваемые обществом) по-разному проявляются в зависимости от многих социально-демографических и психологических свойств»². Другими словами, исследовать вероятность совершить преступления человеком в тех или иных общественных обстоятельствах.

Итак, установив значение личности преступника в рамках криминологического исследования, перейдем конкретно к связи личности преступника

¹ Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1966. С. 82.

² Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. С. 91—92

и преступлений террористической направленности. Ряд исследователей выделяют следующие виды личности террористов: манипулятивные, неустойчивые психически люди, инфантильные, фанатики и так далее. Все изложенные типы личности характеризуются отрицанием доброжелательности, приверженности общественным идеалам, моральным и нравственным ценностям.

В свою очередь, Антонян Ю. М. декларирует следующие составные черты личности терроризма: общий психологический портрет личности, биосоциальная характеристика, нравственно-этические качества, ценности, мораль¹. Но, как уже было сказано, в рамках криминологических дискуссий о личности преступника мы будем руководствоваться только не только личностными характеристиками, а их взаимодействии с различными общественными обстоятельствами.

Так, в свою очередь, Красильников А. Г. выделяет именно социально-демографические характеристики терроризма. Он пишет, что подавляющее большинство террористов не имеет постоянного источника дохода, они осуждены по ряду уголовных статей, либо пришли в терроризм как профессиональные преступники². Отметим, что Красильников А. Г. выделяет в качестве самого значимого мотива именно идеологическую убежденность, которые возникают на основе страдания о погибших близких, либо религиозная убежденность. Другими словами, портрет террориста складывается скорее не из психологических или личностных характеристик, а в большинстве случаев те или иные личностные характеристики выступают катализатором преступного поведения в тех или иных социальных обстоятельствах. Можно с уверенности говорить об уже сложившейся личности террориста только в ретроспективном аспекте, но не выделении «террористических» чертах личности.

Новейшее направление в формировании личности террориста исходит из новейших информационных и телекоммуникационных технологий и СМИ. По средствам них возможна усиленная пропаганда террористических идеалов, ненависти и насилия, а также обоснование, что только с помощью них возможно решить свои проблемы тому или иному человеку. «Большинство террористических актов рассчитаны не только на массовые человеческие жертвы, нанесение материального ущерба, но и на информационно-

¹ Антонян Е. А. Уголовно-исполнительное право: учебное пособие. 7 изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. С. 131.

² Красильников А. Г. Личность террориста: Криминологический аспект // Законность. – 2008. №5. С.15.

психологический шок, воздействие которого на людей создает благоприятную обстановку для достижения террористами своих целей»¹. Другими словами, человек с теми или иными личностями особенностями, низким экономическим состоянием более подвержен пропаганде террористических взглядов, из-за чего вероятность появления нового террориста возрастает в несколько раз.

В рамках настоящей работы, руководствуясь статистическим методом, можно выделить те черты террориста, которые встречаются чаще всего. Так, возраст террористов в 93% случаев составляет от 18—27 лет, к тому же, только 15% террористов имеют высшее или среднее образование². Исследователи отмечают, что большинство террористов обладают теми или иными навыками обращения с оружием, либо навыками единоборств, физической подготовкой, исповедуют радикальные религиозные, политические и иные взгляды³. К иным чертам личности террориста относят готовность применить насилие, уверенность в себе, способность вербовать людей⁴. В качестве современных тенденция также отмечается понижение возраста террористов, вовлечение женщин и несовершеннолетних⁵.

Как итог, можно сказать, что черты личности террориста практически не отличимые от любого иного человека. Преступление террористической направленности, если исходить из существования личности преступника, может совершить каждый, так как практически все люди наделены теми чертами, присущи «портрету» личности террориста. Как мы видим, люди определенного возраста, образования, достатка имеют большую степень вероятности стать террористами.

Но в части преступлений именно террористической направленности возникает новый референт — это идеологическая убежденность. Именно она заставляет индивида идти на террористический акт. Конечно, не у всех террористов такова присутствует, есть профессиональные преступники, для

¹ Большаков А. Г. Феномен политического терроризма в эпоху информационно-цифровой революции в современном обществе // Полит. наука. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-politicheskogo-terrorizma-v-epohu-informatsionno-tsifrovoy-revolutsii-v-sovremennom-obschestve> (дата обращения: 23.11.2024).

² Куликов А. В., Шелег О. А. Личность преступника как элемент криминалистической характеристики преступлений террористической направленности // Вестник Московского университета МВД России. 2023. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-prestupnika-kak-element-kriminalisticheskoy-harakteristiki-prestupleniy-terroristicheskoy-napravlennosti> (дата обращения: 23.11.2024).

³ Сыромятников И. Портрет террориста: углубленное исследование // Основы безопасности жизнедеятельности. 2018. № 4 (220). С. 11-12.

⁴ Дегтярь О.Н., Пономарев В.В. Психологический портрет террориста // Психическое и психологическое здоровье человека в XXI веке: правовые, политические, социально-экономические и гуманитарные аспекты: материалы международной научно-практической конференции. Новороссийск, 2016. С. 46–48

⁵ Зарина А. М. Портрет современного террориста: криминологический аспект // Евразийская адвокатура. 2024. №3 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/portret-sovremennogo-terrorista-kriminologicheskii-aspekt> (дата обращения: 20.11.2024).

которых цель не достижимый общественный или религиозный идеал, а тривиальная корысть, но данный элемент не стоит сокращать из уравнения. «Лица определенного пола, возраста, образования, социального положения, тех или иных интеллектуальных, волевых, эмоциональных, физических качеств имеют относительно большую или меньшую вероятность оказаться среди совершивших те или иные преступления»¹.

Таким образом, говоря о портрете террориста, стоит говорить не о психологических, биосоциальной или нравственной характеристике, хотя они тоже имеют определенное значение, а о той социальной обстановке, в которой он находится: большое социальное неравенство, социализация индивида. Если говорить более конкретно, то портрет террориста – это молодежь (мужчина или женщина), с низким уровнем достатка, но радикальными общественными или религиозными взглядами, который уверен в себе и готов действовать, в духе макиавеллизма, невзирая на общественные нормы и мораль.

Такой портрет личности террориста исходит из самого террориста (если рассматривать его ретроспективно), поэтому нельзя заранее определить террориста, основываясь только на совокупности тех или иных биосоциальных чертах личности.

Научная статья

УДК 343.9

КВАДРОБЕРЫ КАК НОВАЯ КРИМИНАЛЬНАЯ СУБКУЛЬТУРА

Милана Ширваниевна БИСУЛТАНОВА¹, Надежда Викторовна ТЕРЕХОВА²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹mibi2005@mail.ru

²nadya.2004497@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

¹ Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Авторский курс. 4-е изд., перераб и доп. СПб.: ООО Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2018. С. 93.

Аннотация. В статье рассматривается новая криминальная субкультура — квадроберы. Обосновывается необходимость разграничения движения квадроберов от экстремизма.

Рассматривается возможность привлечения родителей детей-квадроберов по ст. 156 УК РФ. В настоящем исследовании рассмотрен вопрос разграничения уголовной и административной ответственности лиц, занимающихся квадروبингом.

На основе изложенной информации предложены авторские меры по предотвращению распространения данной субкультуры.

Ключевые слова: квадроберы, криминальная субкультура, несовершеннолетние, ответственность родителей, хулиганство, общественный порядок

Original article

QUADROBERS AS A NEW CRIMINAL SUBCULTURE

Milana S. BISULTANOVA¹, Nadezhda V. TEREHOVA²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the prosecutor's office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹mibi2005@mail.ru

²nadya.2004497@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article considers a new criminal subculture — quadrobers. The need to distinguish the movement of quadrobers from extremism is justified.

The possibility of attracting parents of quadrober children under Art. 156 of the Criminal Code. This study discusses the delineation of criminal and administrative responsibility of individuals engaged in quadrobing.

Based on the information provided, author's measures were proposed to prevent the spread of this subculture.

Key words: quadrobers, criminal subculture, minors, parental responsibility, hooliganism, public order

В современных реалиях распространение криминальной субкультуры среди молодежи достигло масштабов, угрожающих общественному порядку и безопасности государства. Это явление является не только одной из главных причин высокого уровня преступности, но и серьезным препятствием на пути социально-экономического и культурного развития страны, мешая ее становлению как современного развитого государства.

Согласно Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации в цифровой среде наблюдается рост деструктивных молодежных субкультур, распространяющих идеи, способные негативно влиять на психику подростков и молодежи. Эти движения варьируются от агрессивных и насильственных сообществ до экстремистских группировок, которые продвигают антиобщественные и противоправные действия. В числе таких проявлений — романтизация криминального образа жизни, пропаганда насилия и радикальных идеологий, а также действия, направленные на подрыв устоев общества и нормальной социальной жизни¹.

Весной 2024 года в России благодаря широкому распространению тематических видео в социальных сетях приобрел популярность тренд на движение квадроберов. Квадроберы — это участники субкультуры, основная идея которой заключается в имитации животных, в том числе в передвижении на четвереньках и воспроизведении звериных повадок и звуков (например, рычания или лая). Их внешний вид часто включает элементы костюмов, такие как маски и ушки животных, наколенники для удобства при «четвероногих» движениях. Считается, что субкультура частично вдохновлена «квадробикой» (от лат. *quattuor* — «четыре» и англ. *aerobics* — «аэробика») — это неофициальный вид спорта, в котором люди перемещаются на четвереньках, имитируя животных².

Следует ограничивать движение квадроберов от экстремизма. Оба явления имеют значительные различия в своих целях, мотивации и последствиях для общества, несмотря на возможное негативное влияние.

Квадробинг, в первую очередь, является увлечением, направленным на подражание животным, и ее участники, как правило, не преследуют идеоло-

¹ Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р : Распоряжение Правительства РФ № 1105-р от 28 апреля 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Что такое квадробика : спорт это или нет. Почему квадробику хотят запретить в России [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.rbc.ru/life/news/664e35529a79474cead17153?ysclid=m3dopq9grl711540452> (дата обращения: 11.11.2024).

гических или политических целей. Это скорее форма самовыражения, иногда эксцентричная или провокационная, но не направленная на подрыв общественного порядка или захват власти.

В отличие от этого, экстремизм подразумевает агрессивное отстаивание политических, религиозных или социальных взглядов с целью кардинальных изменений в обществе и готовностью к насильственным методам для достижения этих целей. Таким образом, хотя поведение некоторых квадроберов может вызывать недоумение или даже беспокойство, оно не носит разрушительного характера, характерного для экстремизма, и не связано с идеологической агрессией или угрозой безопасности.

На первый взгляд, движение квадроберов кажется безобидным. Однако считается, что данное движение может оказывать деструктивное влияние на общество по ряду причин:

1. Нарушение общественного порядка. Поведение квадроберов, имитирующих животных и передвигающихся на четвереньках в общественных местах, часто привлекает негативное внимание и воспринимается как девиантное. Такие действия могут шокировать, вызывать раздражение у окружающих и провоцировать конфликты, особенно если поведение включает агрессию, как нападение или громкие рычания.

2. Формирование отторжения социальных норм и дезадаптация. Для некоторых подростков такое поведение становится способом отказаться от человеческих форм взаимодействия и от социальных ролей, что может усложнить адаптацию к реальной жизни и негативно повлиять на психологическое состояние. Увлечение квадробингом у некоторых подростков переходит в полное отождествление себя с животным, что может потребовать вмешательства специалистов.

3. Влияние на психическое здоровье. Часть представителей субкультуры настолько глубоко погружается в «звериное» поведение, что это может способствовать развитию нестабильного психического состояния, особенно в подростковом возрасте, когда идет активное формирование личности. В результате подражание животным может выступать симптомом более серьезных психических проблем, и это беспокоит родителей, педагогов и представителей власти.

Эти факторы делают субкультуру спорной, и в обществе ведутся обсуждения о возможных мерах регулирования, направленных на ограничение квадробинга в общественных местах и оказание психологической помощи увлеченным подросткам.

Так, глава комиссии Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации Алексей Пушков отметил, что субкультура квадроберов ведет лишь к деградации детей и утрате ими личности. По его мнению, государство не должно поддерживать квадробинг, и необходимо принимать меры по ограничению данного движения¹.

Кроме того, депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Сергеем Колуновым было направлено обращение в аппарат уполномоченного при президенте РФ по правам ребенка с предложением помочь в разработке меры ответственности для родителей детей-квадроберов: как административной, так и уголовной и даже лишению прав на ребенка. Колунов в обращении к детскому омбудсмену РФ Марии Львовой-Беловой указал следующее: «Прошу вас оказать содействие в запрете движения квадробинг и разработке мер ответственности по данному вопросу (видео, где мать держит сына на поводке во время прогулки), включая возможное лишение родительских прав и привлечение к административной либо уголовной ответственности»².

Следует отметить, что само по себе подражание животным не образует состав преступления, предусмотренный ст. 156 УК РФ. Для определения состава преступления необходимо понять, в чем конкретно проявляется «неисполнение родителями родительских обязанностей». Важно учитывать, что термины «ненадлежащее» и «надлежащее» имеют оценочный характер, и норма закона является бланкетной, что позволяет ее применять в различных ситуациях, когда родители не выполняют свои обязательства. Например, если ребенок просто играет во дворе, изображая животное, это не представляет опасности и не несет угрозы. Однако если родители сознательно кормят ребенка кормом для животных или укладывают его спать в собачьей лежанке, это уже указывает на намерение причинить вред ребенку, что является серьезным нарушением. Иными словами, если все это сопряжено с осознанным намерением сделать ребенку плохо, то следует привлекать родителей к уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего.

Кроме того, среди квадроберов мы можем видеть не только детей, но и взрослых, которые надевают маски, бегают на четвереньках, а иногда даже

¹ В Совфеде поддержали введение ответственности для родителей квадроберов [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20241003/kvadrobery-1976100514.html?ysclid=m3dp1ifr31726113357> (дата обращения: 11.11.2024).

² В Госдуме предложили ввести ответственность для родителей детей-квадроберов [Электронный ресурс]. — URL: <https://ria.ru/20241003/kvadrobery-1976065953.html?ysclid=m3dp667z77162792783> (дата обращения: 11.11.2024).

начинают кусаться, нападать на прохожих и портить их вещи. Зачастую такие граждане, игнорируя правила проведения в общественных местах, создают угрозу безопасности окружающих. Такие действия чаще всего признаются как мелкое хулиганство. Если квадроберы будут нарушать общественный порядок, приставать к прохожим, залезать на припаркованные автомобили, их действия следует квалифицировать по ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство».

Однако при выявлении грубых нарушений общественного порядка, выражающих явное неуважение к обществу и совершенных с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, а также повреждения чужого имущества (в том числе оставление вмятин на кузове), причинении телесного вреда окружающим (например, укусы), такие действия следует квалифицировать по ст. 213 УК РФ «Хулиганство»¹.

Отметим, что уголовная ответственность по данной статье наступает с учетом действий насильственного характера (в составе преступления должно проследиваться применение насилия к окружающим либо угроза его применения).

Несмотря на то, что квадроберы утверждают, что их увлечение – это всего лишь игра либо спортивное хобби, большинство россиян уже выражают беспокойство по поводу стремления детей «быть животными». Полагаем, одной из причин массового желания стать квадробером является негативное влияние окружающих, в том числе старшего поколения. Так, например, учитель физики в Красноярске не только объяснял теоремы и формулы, но и вел себя как квадробер: «лаял, бегал на четвереньках и хулиганил вместе со своими учениками»².

Такое поведение, без сомнения, могло оказать деструктивное влияние на несовершеннолетних. Обратим внимание, что в российском законодательстве предусмотрена ответственность по ст. 151 УК РФ за вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий. Однако возникает вопрос, является ли занятие квадробингом антиобщественным действием? В указанной норме законодатель приводит исчерпывающий перечень антиобщественных действий, за вовлечение в которые несовершен-

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² В российском городе появился учитель-квадробер [Электронный ресурс]. — URL: <https://lenta.ru/news/2024/10/18/v-rossiyskom-gorode-poyavilsya-uchitel-kvadrober/> (дата обращения: 13.11.2024).

нолетнего наступает уголовная ответственность (систематическое употребление (распитие) алкогольной и спиртосодержащей продукции, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством). Тем самым мы видим, что законодателем не предусмотрена ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в действия, которые могут травмировать его психику, а также причинять вред его нравственному развитию. Представляется, что данное положение должно быть включено в ст. 151 УК РФ.

Квадробинг как новая форма криминальной субкультуры представляет серьезную угрозу для социокультурной среды и правопорядка, особенно среди подростков и молодежи. Вовлекая несовершеннолетних в провокационное и девиантное поведение, эта субкультура способствует нарушению правовых и моральных норм, что в дальнейшем может привести к развитию антисоциальных установок и привычки к рискованному поведению.

Предупреждение распространения этого явления требует комплексного подхода. Необходимо ужесточение мер ответственности для взрослых, чье поведение прямо или косвенно способствует участию детей в таких практиках, а также законодательное уточнение ответственности за вовлечение несовершеннолетних в деятельность, опасную для их здоровья и нравственного развития. Наряду с этим, важно развивать альтернативные возможности для самовыражения молодежи через позитивные формы активности — спорт, волонтерство и творчество.

Таким образом, противодействие квадробингу требует объединения усилий правоохранительных органов, образовательных и социальных учреждений, а также семьи и общества в целом для создания безопасной и поддерживающей среды, в которой подростки смогут реализовать свои интересы без угрозы для их морального и физического благополучия.

Научная статья
УДК 343.3/.7

УСТАНОВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИПФЕЙКОВ

Сусанна Владимировна БОНДАРЕНКО

Институт экономики и права Петрозаводского государственного университета, Петрозаводск, Россия, bondarenko.susanna0820@yandex.ru

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Института экономики и права Петрозаводского государственного университета **Эльдар Мехтиярович АЗИМОВ**

Аннотация. В статье исследуется проблема введения уголовной ответственности за дипфейк в Российской Федерации. Технология подмены личности активно используется недобросовестными гражданами в преступных целях. Автор приводит зарубежный опыт противодействия в данной сфере.

Анализирует законопроект, посвященный внесению изменений в УК РФ в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности.

В результате исследования сделаны выводы о необходимости дополнения законопроекта, представлены корректировки.

Ключевые слова: уголовная ответственность, преступление, дипфейк, искусственный интеллект

Original article

ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR COMMITTING CRIMES USING DEEPFAKES

Susanna V. BONDARENKO

Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia, bondarenko.susanna0820@yandex.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Coal Law and Process, Institute of Economics and Law, Petrozavodsk State State University **Eldar Mekhtiyarovich AZIMOV**

Abstract. The article examines the problem of introducing criminal liability for deepfake in the Russian Federation. The technology of substitution of a person is actively used by unscrupulous citizens for criminal purposes. The author cites foreign experience of counteraction in this area.

Analyzes the bill on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation regarding the establishment of criminal liability for committing crimes using personality substitution technologies.

As a result of the study, conclusions were drawn about the need to supplement the bill, adjustments were presented.

Keywords: criminal liability, crime, deepfake, artificial intelligence

С начала XXI века заметна тенденция активного внедрения информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизни. Так, более 66 % всех жителей планеты пользуются сетью «Интернет», а общее число интернет-пользователей в мире составляет 5,35 млрд¹. Также в современном мире стремительно развиваются технологии искусственного интеллекта. Нарастающее количество различных киберугроз сегодня требует актуальных решений для защиты населения от киберпреступлений.

В последнее время все большую популярность набирает технология дипфейк. Определение дипфейка на законодательном уровне в настоящее время еще не выработано. Однако современная доктрина предлагает несколько вариантов дефиниции. Обратимся к термину, который кажется наиболее точным. Дипфейк (англ. deepfake) — это метод синтеза контента, основанный на машинном обучении и искусственном интеллекте. Нейросеть накладывает фрагменты контента на исходное изображение. Таким образом подменяется лицо, мимика, жесты и голос в видео или звуковой дорожке².

Технология дипфейк используется в массовой культуре. Так, в сериале «Эпидемия» один из главных героев вспоминает ситуацию из 1990-х. Актера, сыгравшего эту сцену, «омолодили» на 30 лет при помощи технологии дипфейка. С помощью данной технологии записываются учебные видеоматериалы. Например, преподаватель может читать лекцию своим голосом на всех языках с использованием дипфейка.

Данная технология в руках «не того» человека способна привести к печальным последствиям, включая финансовые потери, ущерб репутации, угрозу национальной безопасности.

Несмотря на сложность самой технологии, ее использование практически

¹ Статистика интернета и соцсетей на 2024 год — цифры и тренды в мире и в России // WebCanape URL: https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2024-v-mire-i-v-rossii/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f (дата обращения: 18.11.2024).

² Сбер Банк: офиц. сайт. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/person> (дата обращения: 19.11.2024).

общедоступно. В сети «Интернет» существуют пошаговые обучающие видеоролики о том, как самостоятельно создать дипфейк. Кроме того, развиваются бесплатные программы, с помощью которых можно сгенерировать фото или видео с любым лицом. Для этого необходимо всего лишь загрузить две фотографии: исходную и ту, с которой будет взят материал для замены лиц.

В 2019 г. гендиректору британского филиала энергетической компании позвонил «начальник», который поручил отправить средства венгерскому поставщику. Британец перевел на указанный счет 220 тысяч евро, однако он был обманут с помощью искусственного интеллекта. Ему звонила нейросеть, научившаяся имитировать голос начальника на основе аудиозаписей его выступлений¹. Данный пример заставляет задуматься о безвредности дипфейков.

Не так давно российская компания F.A.C.C.T. заметила случаи использования дипфейков избранного кандидата на пост президента США Дональда Трампа в рекламе фейковых крипторесурсов. Дональд Трамп далеко не единственный человек, чей образ используется преступниками. Так, злоумышленники похитили у жертв около \$16 млн².

С помощью этой технологии совершаются различные преступления, начиная с мошенничества и заканчивая публичными призывами к осуществлению террористической деятельности, заведомо ложным сообщением об акте терроризма. Кроме того, дипфейк используется для изготовления фальшивых порнографических материалов, где как будто участвуют известные лица.

В 2020 году в сети «Интернет» появился порнографический ролик с фейковым участием Джорджи Мелони, которая уже в тот момент была известной политической фигурой Италии. Злоумышленники не обладали специальными познаниями в области кибернетики и искусственного интеллекта, так как полиция вычислила их по обычному IP-адресу³.

Получается, что каждый человек может стать жертвой технологии дипфейк, точно так же, как и каждый человек может применить эту технологию в противозаконных целях.

Обратимся к статистическим данным. Эксперты в комментариях СМИ дают следующие оценки. Так, в 2017 г. во всем мире число преступлений с использованием дипфейков фиксировалось на уровне чуть менее 100 тыс. случаев, а в 2023 г. — свыше 650 тыс. подобных случаев. Их доля от общего числа преступлений составляет более 34 %⁴.

¹ Дипфейк — технология для творчества, лишаящая уверенности в подлинности // Российская Газета URL: <https://rg.ru/2021/12/01/kot/dipfejk.html> (дата обращения: 19.11.2024).

² Мошенники начали использовать дипфейки Трампа в рекламе крипторесурсов // РБК URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreenews/673aa1389a7947a5aеcf3cb3> (дата обращения: 20.11.2024).

³ Джорджа Мелони не простила за дипфейк // Коммерсант URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6581288> (дата обращения: 20.11.2024).

⁴ Заинтересованные в лицах: в России обсуждается закон о дипфейках // Известия URL: <https://iz.ru/1674806/katerina-alabina/zainteresovannye-v-litcakh-v-rossii-obsuzhdaetsia-zakon-o-dipfeikakh> (дата

Пути предотвращения рисков и решения проблем использования дипфейков в незаконных целях уже существует в ряде зарубежных стран. Например, КНР отреагировала на возможные негативные последствия. 10 января 2023 г. вступили в силу «Положения об управлении глубоким синтезом информационных услуг Интернета», согласно которым контент должен проходить проверку подлинности, а пользователи должны иметь возможность сообщать о подозрительном материале. Применение данной технологии возможно при условии, что у такого контента будет маркировка. В ЕС также действуют правила, ограничивающие использование такого контента, включая штрафы для компаний, которые не проводят политику обнаружения и удаления дезинформации. Во многих штатах США запрещено использовать дипфейки для влияния на политические выборы или для создания порнографических материалов¹.

Проблематика заключается в том, что в Российской Федерации отсутствует правовое регулирование применения дипфейк. На данный момент законодательством РФ не предусмотрена какая-либо ответственность за использование дипфейк в нарушение прав и законных интересов других лиц, что дает возможность недобросовестным гражданам осуществлять противозаконную деятельность в корыстных или иных низменных целях.

Стоит отметить, что работы ведутся. 16 сентября 2024 г. депутат Государственной Думы Я. Е. Нилов и сенатор Российской Федерации А. К. Пушкин внесли законопроект, предусматривающий изменения в УК РФ в части установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности². В частности, авторы предлагают внести изменения в следующие статьи: ст. 128.1 УК РФ, ст. 158 УК РФ, ст. 159 УК РФ, ст. 159.6 УК РФ, ст. 163 УК РФ, ст. 165 УК РФ. Предлагается дополнительный квалифицирующий признак — совершение преступления с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) и (или) биометрических данных гражданина. В пояснительной записке к законопроекту указано, что поправки направлены на защиту чести и достоинства личности, а также собственности от потенциальных посягательств путем создания фальшивых материалов с использованием изображения или голоса, а также биометрических данных.

С нашей точки зрения, данный законопроект требует существенных доработок.

обращения: 19.11.2024).

¹ China follows through on plan to ban deepfake tech // The Register URL: https://www.theregister.com/2023/01/10/china_deep_fake/ (дата обращения: 19.11.2024).

² Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2024).

В официальном отзыве Правительства РФ содержатся некоторые комментарии по корректировке законопроекта. Так, указывается, что в отраслевом законодательстве не урегулированы вопросы использования технологий подмены личности (дипфейк), что повлечет риски формирования некорректной правоприменительной практики. Замечание справедливо. В Российской Федерации существует Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» № 149-ФЗ от 27.07.2006, регулирующий отношения, возникающие при осуществлении права на поиск, получение, передачу, производство и распространение информации; применении информационных технологий; обеспечении защиты информации¹.

Для исключения некорректной правоприменительной практики, мы предлагаем дополнить ст. 2 «Основные понятия» термином технологии подмены личности (дипфейк). Ранее мы приводили определение данного понятия.

Следующий комментарий Правительства РФ касается того, что в пояснительной записке отсутствуют статистические и иные данные, свидетельствующие об общественной опасности криминализируемых деяний. Замечание обосновано. Как указано выше, тенденция увеличения преступлений с использованием технологии подмены личности существует.

Другой комментарий связан с объективной стороной ст. 128.1 УК РФ. Указано, что использование подлинного голоса потерпевшего уже входит в объективную сторону состава преступления, соответственно, данный признак не может быть квалифицирующим. Данное замечание нам кажется спорным. Безусловно, использование подлинного голоса входит в объективную сторону ст. 128.1 УК РФ в той части, что происходит распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию. Но клевета, распространяющаяся подлинным голосом человека, способна причинить большую общественную опасность, так как далеко не все люди знают о дипфейках. Кроме того, если люди и знают о данной технологии, то скорее склоны верить в те сведения, который человек произносит «своим» голосом от собственного лица, чем в те сведения, которые распространяются от другого лица в любой форме.

Далее комментарий касается формулировок «фальсифицированных или искусственно созданных». Формулировки, по мнению Правительства РФ, являются неопределенными, что в конечном итоге может привести к неоднозначному толкованию и произвольному применению проектируемых норм. Предлагаем данные формулировки заменить на «созданных при помощи технологий искусственного интеллекта». Термин «технологии искусственного интеллекта»

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 8 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

законодательно закреплён в п. 3 ч. 1 ст. 2 ФЗ от 24.04.2020 №123-ФЗ¹, что исключает возможность неоднозначного толкования норм.

Кроме того, к данному законопроекту имеется официальный отзыв Верховного Суда РФ². В данном документе содержатся схожие с официальным отзывом Правительства РФ комментарии. Помимо этого, указано на отсутствие причин выбора данных составов преступлений. Обозначается, что аналогичным способом могут совершаться и другие преступления, например, публичные призывы к осуществлению террористической и иной противоправной деятельности, заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Действительно, авторы законопроекта учли не все составы преступлений. Выборка данных составов видится необоснованной.

Кроме вышеперечисленных статей УК РФ, мы бы выделили ст. 242 УК РФ — Незаконные изготовление и оборот порнографических материалов или предметов. В 2022—2023 гг. объём порнографических материалов с использованием технологий дипфейк вырос на 464 %. В 2023 г. в сети «Интернет» было выявлено почти 280 тыс. таких поддельных видеоматериалов³. Все это говорит об актуальности данной проблемы. В связи с этим часть 3 статьи 242 УК РФ предлагается дополнить пунктом «г» следующего содержания: «с использованием технологий подмены личности (дипфейк)».

К тому же в официальном отзыве Верховного Суда РФ обозначено, что в первом чтении принят законопроект, предусматривающий внесение изменений в УК РФ в части установление уголовной ответственности за незаконное использование, передачу, сбор, хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные (в том числе биометрические персональные данные), а также за создание, обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконного хранения, распространения. Таким образом, имеется сходный предмет регулирования. Позиция видится несколько спорно. В отличие от предложенного законопроекта, предусматривающего уголовную ответственность за незаконное использование, передачу, сбор и хранение биометрических персональных данных, у неправомерного использования технологии дипфейк наблюдается более высокая степень общественной опасности.

¹ О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»: Федеральный закон от 14 апреля 2020 г. № 123-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://duma.gov.ru/> (дата обращения: 19.11.2024).

³ Голая «цифра»: эксперты предупредили о рисках популярности дипфейк-порно // Известия URL: <https://clck.ru/3EpxXD> (дата обращения: 20.11.2024).

Технология дипфейк подразумевает не только использование биометрических персональных данных, но и их преобразование в новый сгенерированный материал. Этот материал может быть использован незаконно, причиняя существенный вред человеку, чьи биометрические персональные данные были использованы и преобразованы. Кроме того, данный законопроект не регулирует вопрос приобретения биометрических персональных данных. По нашему мнению, уголовная ответственность должна назначаться, в том числе, за приобретение биометрических персональных данных.

Таким образом, мы видим, что новые технологии активно развиваются и находят свое место в жизни общества. Однако, как показывает проведенный анализ, технологии искусственного интеллекта способны стать мощным инструментом в руках недобросовестных лиц. На данное явление должна быть мгновенная реакция государства для того, чтобы предотвратить негативные последствия в будущем.

Стоит отметить, что работы в этом направлении продолжаются. В ноябре 2024 г. законопроект о внесении изменений в УК РФ должен быть рассмотрен в первом чтении. Исследуя данный законопроект, отмечаются некоторые положения, требующие корректировки, которые были обозначены выше.

Учитывая общественную опасность использования технологии дипфейк недобросовестными лицами, статистические данные, видится необходимым закрепление незаконного использования данной технологии в УК РФ.

Научная статья

УДК 343.3/.7

ИМПЛАНТАТЫ КАК ПРЕДМЕТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Мария Олеговна БОРОЗДИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
borozdina.04@bk.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**

Аннотация: В научной статье рассматриваются признаки имплантатов как предметов преступления, анализируется их уголовно-правовой статус.

Для совершенствования законодательства в сфере охраны жизни и здоровья человека, а также отношений собственности в работе уточняется понятие «имплантатов», их оборотоспособность, предлагаются варианты классификации указанных предметов.

Ключевые слова: уголовное право, имплантаты, преступления против жизни и здоровья, преступления против собственности

Original article

IMPLANTS AS AN OBJECT OF CRIME

Maria O. BOROZDINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, borozdina.04@bk.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract: The scientific article examines the signs of implants as objects of crime, analyzes their criminal legal status.

To improve legislation in the field of human life and health protection, as well as property relations, the paper clarifies the concept of «implants», their turnover, and offers classification options for these items.

Keywords: criminal law, implants, crimes against life and health, crimes against property

Стремительное развитие технологий неизбежно приводит к их внедрению во многих отраслях жизни общества, в том числе и в медицине. Инновационные методы воздействия на организм, например, путем имплантирования и протезирования, должны отвечать законодательным требованиям к охране жизни и здоровья человека. На деле же Уголовный кодекс РФ не содержит составов преступлений, прямо относящих имплантаты и протезы к предметам преступления. Главным образом за злоупотребления и противозаконное поведение в рамках рассматриваемой темы предусматривается лишь гражданско-правовая ответственность.

Несмотря на отсутствие официальной легальной позиции, главным отличием имплантатов и протезов от органов и тканей можно признать их происхождение. Искусственно созданные предметы материального мира являются

вещами, в то время как органы и ткани обладают специфическим статусом и таковыми, как правило, не признаются. На практике нередко возникают проблемы с характеристикой имплантатов как предметов преступлений против жизни и здоровья либо преступлений против отношений собственности.

Так например, эксперт в судебном заседании показал при освидетельствовании потерпевшего, что у него, в результате причинения телесных повреждений, поврежден зубной протез, но «так как протезы не относятся к органам человека, их повреждения не указываются в заключении эксперта и не оцениваются с точки зрения судебно-медицинской экспертизы, так как протезы улучшают качество жизни человека и не относятся к анатомическим органам и частям тела человека»¹.

В данном случае суд противоречит медицинским критериям определения степени вреда здоровью², поскольку протез является несъемным.

Статус несъемных имплантатов после их вживления в организм можно приравнять к статусу органов или тканей человека как составляющих здоровья при условии, что они выполняют естественные биологические функции и обеспечивают нормальную жизнедеятельность³. Следовательно, их повреждение или уничтожение будет наносить вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям по охране жизни и здоровья человека.

Вне организма (тела) протезы и имплантаты не видится возможным относить к органам и тканям, поскольку таким образом ущемляются права потребителя, вследствие невозможности применения гражданского-правовых норм, регулирующих оборот вещей (товаров).

Согласимся с позицией А. В. Анисимова, который утверждает, что «все медицинские имплантаты попадают под определение изделий медицинской техники и изделий медицинского назначения, а значит, на них должны распространяться все требования медицинского законодательства»⁴. Действительно, в рассматриваемом смысле протезы и имплантаты отвечают признакам медицинских изделий: «предназначенные производителем для профилактики, диагностики, лечения и медицинской реабилитации заболеваний, мониторинга состояния организма человека, проведения медицинских исследований, вос-

¹ Приговор № 1-17/2020 1-320/2019 от 27 января 2020 г. / Заводоуковский районный суд (Тюменская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.11.2024).

² Примечание 2 п. 48 Приложение к Медицинским критериям определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденным приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кочои С.М., Гребенкина И.А. Биоматериалы, органы и ткани человека как предмет преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 1. С. 84.

⁴ Анисимов А. В. Гражданско-правовой статус киберфизических систем до и после имплантации в тело человека // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2021. №11 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdansko-pravovoy-status-kiberfizicheskikh-sistem-do-i-posle-implantatsii-v-telo-cheloveka> (дата обращения: 02.11.2024).

становления, замещения, изменения анатомической структуры или физиологических функций организма»¹.

На сегодняшний день законодателем однозначно не регламентирован вопрос оборотопособности медицинских изделий: их приобретение не ограничивается законом, однако деятельность по техническому обслуживанию подлежит лицензированию, если медицинские изделия отнесены ко второму классу потенциального риска². Иными словами, не все медицинские имплантаты возможно признать ограниченными в обороте вещами.

Отметим, что бывшие в употреблении медицинские изделия не подлежат продаже³. Несмотря на потенциальную опасность негативного воздействия на жизнь и здоровье человека, за их продажу установлена только гражданско-правовая ответственность⁴.

Таким образом, не ограниченные в обороте имплантаты отвечают признакам предмета хищения: являются предметами материального мира (в случае нахождения вне тела человека), обладающими стоимостью и способными находиться в собственности⁵.

То есть, когда имплантат (протез) противоправно, безвозмездно изымается из организма лицом, преследующим корыстные цели, применимы составы, где Уголовным кодексом РФ предусматривается ответственность за хищение вещей, в их совокупности с теми, что устанавливают ответственность за причиненный вред здоровью. Такая квалификация может существовать при условии обхода запрета на продажу бывших в употреблении медицинских изделий, то есть их реализацию в корыстных целях через иные сделки или самостоятельное использование.

Изъятие имплантата (протеза) из тела умершего не представляется возможным квалифицировать по признакам хищения, поскольку собственность на

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (с изм. от 26.09.2024) п. 1 ст. 38. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения о лицензировании деятельности по техническому обслуживанию медицинских изделий (за исключением случая, если техническое обслуживание осуществляется для обеспечения собственных нужд юридического лица или индивидуального предпринимателя, а также случая технического обслуживания медицинских изделий с низкой степенью потенциального риска их применения), внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 сентября 2020 г. № 1445 и признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 30.11.2021 № 2129 (ред. от 25.12.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 (ред. от 17.05.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О защите прав потребителей : закон Российской Федерации от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 08.08.2024) п. 1 ст. 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Бойцов А.И. Преступления против собственности. СПб : Юрид. центр Пресс, 2002. С. 110, 132-133, 151.

данную вещь, по общему правилу, утрачивается. Подобные преступления охватываются только ст. 244 УК РФ, в рамках надругательства над телами умерших. Если же имплантат несъемный, то после смерти лица вещью он не признается, а остается частью тела и не может являться составляющим наследственной массы в принципе.

Более неясным кажется положение тех протезов и имплантатов, которые не подпадают под критерии медицинских изделий. Это относится в частности к эстетическим имплантатам или к модификациям организма, которые призваны повышать уровень человеческих возможностей.

Вне организма человека они представляют собой свободно обращаемые вещи (товары), не подлежащие обязательному контролю со стороны государства. Интересно, что фактически применительно к ним отсутствует запрет на продажу бывших в употреблении вещей (не представляется возможным признать их медицинскими изделиями, лекарственными препаратами или предметами личной гигиены).

Такого рода компоненты, являясь частью организма, не выполняют естественных биологических функций и не поддерживают каким-либо образом человеческую жизнедеятельность.

Правоприменение в данном аспекте не единообразно: в одном случае суд¹. приравнял поврежденный имплантат к вещи (товару), предоставляемой при оказании медицинской услуги, несмотря на его вживление в организм человека и возможный вред здоровью, в другом — признал такие имплантаты частью человеческого организма².

Также имплантаты и протезы представляется возможным классифицировать по аналогии с приведенным ранее положением Медицинских критериев определения степени вреда здоровья на съемные и несъемные. В случае возможности отделения от организма (тела) человека без специального медицинского вмешательства, имплантат не следует считать частью этого организма (тела), он остается вещью. И после отделения такой имплантат может не утратить свою оборотоспособность.

Правоприменитель при разграничении имплантата (протеза) как вещи и как части организма, как правило, не учитывает возможность причинение вреда здоровью при его отделении. Однако, если при изъятии из организма имплантата происходит «расстройство функций органов и систем организма»,

¹ Решение № 2-132/2023 2-132/2023(2-4487/2022;)-М-4161/2022 2-4487/2022 М-4161/2022 от 22 сентября 2023 г. / Центральный районный суд г. Омска (Омская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.11.2024).

² Решение № 2-1867/2023 2-46/2024 от 14 февраля 2024 г. / Ингодинский районный суд г. Читы (Читинская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.11.2024).

нарушается его анатомическая целостность, то фактически причиняется вред здоровью. Например, уничтожение протеза ноги неизбежно приводит к утрате человеком опорно-двигательной функции конечности. Не учитывается и существенное понижение «социального благополучия» как составляющей части здоровья¹.

На практике в подобных случаях вред здоровью не определяется. Например, суд не оценивал вред здоровью, причиненный в аварии поломкой протеза ноги потерпевшего, вследствие чего тот не мог двигаться без костылей и работать².

Итак, уголовно-правовой статус имплантатов следует дифференцировать. Они могут обладать как признаками вещей в их гражданско-правовом понимании, так и свойствами органов и тканей как частей организма (тела) человека.

Необходимо различать медицинские и немедицинские искусственно созданные компоненты тела человека с учетом возможности их безопасного отделения от организма.

Только повреждение или уничтожение несъемных медицинских имплантатов на практике приравнивается к причинению вреда здоровью. В отношении остальных возможна лишь гражданско-правовая ответственность, что, по нашему представлению, не всегда справедливо. Повреждение немедицинских имплантатов вне зависимости от возможности их отделения, с позиции правоприменителя, вред здоровью, за который предусмотрена уголовная ответственность, не причиняет. Уничтожение или поломка съемных протезов рассматривается как посягательство на имущество, а не жизнь и здоровье человека.

¹ Статья 2 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) определяет здоровье как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма.

² Постановление № 5-343/2021 от 29 марта 2021 г. / Северобайкальский городской суд (Республика Бурятия) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 02.11.2024).

Научная статья
УДК 343.326

КИБЕРТЕРРОРИЗМ КАК НОВАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ТЕРРОРИЗМА

Маргарита Витальевна ВАЖЕНИНА

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
ribrosha@mail.ru

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации
Екатерина Николаевна АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА, katal07@inbox.ru

Аннотация. Одной из угроз нашей безопасности выступает киберпреступления.

Одним из самых опасных проявлений терроризма является кибертерроризм.

Современное российское законодательство не имеет единого понимания понятия «кибертерроризм» и его основных черт, создавая определенные сложности при квалификации общественно-опасного деяния.

Ключевые слова. киберпреступление, терроризм, кибертерроризм, террористический акт

Original article

CYBERTERRORISM AS A NEW KIND OF TERRORISM

Margarita V. VAZHENINA

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, ribrosha@mail.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Ekaterina Nikolaevna ALESHINA-ALEKSEEVA, katal07@inbox.ru

Abstract. One of the threats to our security is cybercrime.

One of the most dangerous manifestations of terrorism is cyberterrorism.

Modern Russian legislation does not have a common understanding of the concept of «cyberterrorism» and its main features, creating certain difficulties in qualifying a socially dangerous act.

Keywords. cybercrime, terrorism, cyberterrorism, terrorist act

На современном этапе развития человечества трудно себе представить жизнь без технологий. Процессы глобализации напрямую связаны с активным внедрением информационных технологий, в том числе с широким распространением сети «Интернет». Появление глобальной сети «Интернет» привело к возникновению новых видов преступлений — киберпреступлений, «совершаемых полностью в киберпространстве»¹. Ущерб от киберпреступлений в России с начала 2024 г. превысил 116 млрд. рублей. Необходимо отметить, что количество противоправных деяний в киберпространстве за последние 5 лет увеличилось более чем в 2 раза, а доля в общем массиве составляет около 40 %². В частности, следует выделить один из самых опасных видов — кибертерроризм.

Понятие «кибертерроризм» довольно часто обсуждается в юридической науке³, но точное определение законодателем не установлено. Так, «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», утвержденная Президентом РФ от 05 октября 2009 г., указывает, что одним из факторов, способствующих распространению терроризма на территории РФ является «распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет» и средства массовой информации». Следовательно, киберпространство является отличным местом для совершения киберпреступлений⁴.

Создатель этого термина, Марк Поллит определяет кибертерроризм как «преднамеренную, политически мотивированную атаку против информации, компьютерных систем, компьютерных программ и баз данных в результате насильственного вторжения со стороны международных групп или секретных агентов»⁵. Таким образом, кибертерроризм следует понимать как совокупность понятий терроризм и информационное пространство. Но данные идеи

¹ Лепешкина О. И. О создании эффективного правового механизма противодействия киберпреступности в России // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 03-04 июня 2022 г. / Под общей ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина, сост. Н. И. Кузнецова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. С. 170.

² И. Петров. За пять лет число киберпреступлений увеличилось более чем вдвое. Российская газета. 2024. 25 сентября.

³ Тарасова Л. Я. Эволюция понятия информационного терроризма (кибертерроризма) и его значение на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28, № 3(86). С. 209—213; Антонов А. Г., Алешина-Алексеева Е. Н., Соколова А. В. К вопросу о понятии и видах киберпреступлений // Вестник Пермского института ФСИН России. 2023. № 1(48). С. 9.

⁴ Калентьева Т. А., Кузьмина А. О. Киберпространство как место совершения преступления // Актуальные проблемы правоповедения. 2019. № 1(61). С. 31—37.

⁵ Компьютер стал оружием массового поражения. Пользователей Интернета URL: https://old.relga.ru/n88/comp88_1.htm (дата обращения: 01.11.2024).

не нашли отражения ни в уголовном законе, ни Федеральном законе «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.)¹.

Среди привлекающих злоумышленников преимуществ сети «Интернет», в том числе террористов следует отметить:

- легкий доступ в сеть;
- практически полное отсутствие цензуры;
- анонимность;
- возможность распространения террористической идеологии на большую аудиторию.

Таким образом, лица с помощью глобальной сети решают одновременно несколько задач: вербовку, пропаганду идеологии, поиск и подготовку исполнителей, находят источники финансирования своей деятельности, а также осуществляют планирование совершения террористического акта, что является общественно опасным и предусматривает уголовную ответственность.

Т. Л. Тропинина выделяет два вида преступлений: террористические действия, совершаемые с помощью компьютера и компьютерных сетей и использование информационного пространства в целях террористических групп, но не для совершения террористического акта².

Второй вид кибертерроризма более популяризирован среди кибертеррористов. Квалификация второй группы деяний как кибертерроризм считается спорной, именно поэтому были внесены изменения в уголовный закон. Так, Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму» предусматривает уголовную ответственность за «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма».

По мнению ряда юристов, а именно: Тарасовой Л. Я., Геворгян Е. М., Звезрянской Л. П и многих других, кибертерроризм является одним из опаснейших видов преступлений против общественного порядка и общественной безопасности. Тем не менее в действующих нормативных правовых актах отсутствует понятие «кибертерроризм» и способы его совершения, что затрудняет деятельность по выявлению и пресечений преступлений террористической направленности.

Верховный суд РФ в постановлении Пленума от 15 декабря 2022 г. № 37

¹ О противодействии терроризму Федеральный закон : от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Тропина, Т. Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? // Международное правосудие. 2012. № 3(4). С. 86—95.

«О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» так же оставил изучаемый вопрос без внимания.

Также следует отметить, что проблема уголовной ответственности за совершение террористического акта с использованием информационного пространства в полной мере не находит отражения в уголовном законодательстве.

Так, ст. 205.2 УК РФ предусматривает ответственность за «публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма, совершенные с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», но под средствами массовой информации ст. 2 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 № 2124-1 подразумевается широкий круг средств, что создает сложности при квалификации данного посягательства.

Хотя попытки устранения противоречий в правоприменительной деятельности были предприняты в пунктах 21-22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 года № 1 (в ред. от 03 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»¹, Таким образом, стоит отметить, что актуальность кибертерроризма как одной из разновидностей терроризма неизменна, а появление новых способов его совершения не позволяет в полной мере квалифицировать преступное деяние. Поэтому необходимо совершенствование уголовного законодательства, а также обеспечение постоянного мониторинга с выявлением уже имеющихся факторов риска, в том числе блокирование сайтов, содержащих информацию о террористической деятельности.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Научная статья
УДК 343.9

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ: КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОВД В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ, ТЕРРОРИЗМОМ И ЭКСТРЕМИЗМОМ

Даниил Владиславович ВАХОВСКИЙ

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов на Дону, Россия, zdaniil.vakhovskiy@mail.ru

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) **Юлия Владимировна ДОНЦОВА**

Аннотация. В работе рассмотрен актуальный вопрос деятельности органов внутренних дел – вопрос кадрового обеспечения.

Изложено комплексное рассмотрение современного состояния и аспекты совершенствования кадрового обеспечения (потенциала) ОВД в рамках современных реалий и новых вызовов правоохранительной практики.

Ключевые слова: кадровый потенциал, минимизация кадрового дефицита, институт наставничества, детерминанты кадрового дефицита, кадровое обеспечение

Original article

MODERN SECURITY CHALLENGES: ATS STAFFING IN THE FIGHT AGAINST ORGANIZED CRIME, TERRORISM AND EXTREMISM

Daniil V. VAKHOVSKY

Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov on Don, Russia, zdaniil.vakhovskiy@mail.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia) **Yulia Vladimirovna DONTSOVA**

Abstract. The paper considers an urgent issue of the activities of internal affairs bodies — the issue of staffing.

A comprehensive review of the current state and aspects of improving human resources (potential) is presented ATS within the framework of modern realities and new challenges of law enforcement practice.

Keywords: human resources potential, minimization of personnel shortage, institute of mentoring, determinants of personnel shortage, staffing

На сегодняшний день по мнению преобладающего числа исследователей-юристов и в тесной связи с объективными закономерностями правоохранительной практики наиболее значимым для совершенствования правоохранительной системы ОВД является совершенствование форм и методов противодействия инновационной преступности с учетом тенденции роста преступлений, совершаемых в киберпространстве. Однако перечисленное только наряду с материально-техническим обеспечением, а также развитием кадрового потенциала личного состава ОВД представляет собой «почву» для эффективного и своевременного реагирования и пресечения преступлений.

Видится крайне актуальным обратиться к «животрепещущему» вопросу правоохранительной практики — вопросу кадрового обеспечения ОВД как самой многочисленной базисной правоохранительной структуры Российской Федерации (порядка 780.000 сотрудников). Исходить следует в первую очередь из того обстоятельства, что минимизация рассматриваемого в работе деструктивного явления, именуемого также как кадровый «голод», составляет основу борьбы с преступностью в современных реалиях, особенно в контексте противодействия организованной преступности, терроризму и экстремизму.

Следует отметить, что современный период развития российского общества характеризуется нестабильной политической и социально-экономической ситуацией, спровоцированной рядом внешних и внутренних факторов¹. На фоне укрепления позиций России на международной арене, успехов в разработке новейших видов вооружения, оказания военной и гуманитарной помощи ряду стран при локализации различных конфликтов были созданы благоприятные условия для упрочения государственной и территориальной и целостности нашей страны, возрождения традиционных духовно-нравственных ценностей и консолидации общества перед угрозами мирового регресса. В указанных условиях эффективная деятельность ОВД должна определяться

¹ Алтухов С. А., Семенцова И. А., Спасенников И. Г. Уголовно-правовые и криминологические проблемы противодействия идеологии терроризма: монография. Ростов-на-Дону: ИП Беспамятников С. В. 2020. С. 157.

как способствующая состоянию защищенности и стабильности российского общества и государства.

Взаимосвязь кадрового «голода» и эффективности борьбы с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом следует рассматривать в следующих негативных ракурсах:

- упадок востребованности и морального облика профессии правоохранительной направленности в случае роста указанных видов преступности;
- ослабление правоохранительной функции нашего государства;
- задержки в рассмотрении дел: увеличение сроков рассмотрения дел и реакции на заявления и обращения граждан;
- рост коррупции: в условиях кадрового «голода» сотрудники ОВД оказываются подвержены большему давлению и соблазнам коррупции.

На остроту проблематики указывают и заявления высших должностных лиц правоохранительных органов. Так, 14 мая 2024 года, во время выступления в Совете Федерации на консультации по переизбранию глава МВД РФ сообщил о глобальной нехватке кадров в полиции. Также он уточнил, что сейчас в ведомстве «один сотрудник работает за четверых».

«Мы не можем напечатать деньги и увеличить заработную плату — как основной мотив для привлечения на службу в органах внутренних дел. А ситуация не просто изменилась, она усугубилась. Могу сказать, что на сегодняшний день у нас некомплект личного состава 152 тысячи. Но это в среднем, если по всем регионам, — сказал глава МВД РФ. В патрульно-постовой службе некомплект составляет 25 %, в следственной части — 21 %, в уголовном розыске — 20 %. Даже если взять ППС в Москве, например, в Красносельском районе, то там некомплект равен 78 %», — добавил он¹.

При исследовании такого масштабного и многогранного процесса, как кадровый «голод» целесообразно выделить некоторые аспекты, первоочередные детерминанты, которые следует рассматривать в их комплексной взаимосвязи и взаимообусловленности:

1) Неконкурентная заработная плата (отличается по ряду параметров: звание, стаж, заслуги). Средний диапазон — 35 — 80 тысяч рублей. Максимальные выплаты — в Москве, где патрульный ППС может получить до 70 тысяч рублей. В регионах обычно платят до 40 тысяч рублей, что не оправдывает риск причинения вреда жизни и здоровью сотрудника²;

¹ «Один работает за четверых». Глава МВД РФ Колокольцев заявил о глобальной нехватке кадров [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://msk1.ru/text/politics/2024/05/14/73575869/> (дата обращения: 15.09.2024).

² Ларин, Г. С. Зарубежный опыт управления персоналом в системе МВД. Причины оттока российских сотрудников МВД за рубеж / Г. С. Ларин, И. А. Еремина // Модели инновационных решений повышения конкурентоспособности Отечественной науки: Сборник статей Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции с международным участием, Таганрог, 22 июля 2024 г. Уфа: ООО «Омега сайнс», 2024. С. 71—76.

2) Специфика профессии. Профессия сотрудника ОВД включает в себе эмоционально-волевую устойчивость, наличие морально-нравственных качеств, а также несет непосредственную угрозу личной безопасности. Не менее важным является и деструктивный процесс упадка морального облика профессии, что обусловлено влиянием криминологических структур, некомпетентностью сотрудников, а также негативным образом сотрудника как следствие кризиса периода 90-х годов. Таким образом, в условиях непосредственной сложности несения службы сотрудник противопоставляет свою службу правовому нигилизму ряда наших сограждан¹. Также, по мнению некоторых экспертов, причины кадрового «голода» обусловлены излишней бюрократизацией процессуальных требований к сотрудникам;

3) Продиктованные процессы. Сотрудники близлежащих к Донбассу регионов отправляются для укрепления правопорядка на новые территории, часть сотрудников МВД принимает непосредственное участие в проведении Специальной Военной Операции². Существенное значение имеет и упомянутое Владимиром Колокольцевым на расширенном заседании коллегии МВД РФ — усиление общих мер безопасности. В целом, данные процессы обусловлены попытками подрыва правопорядка в лице ряда зарубежных стран;

4) Сложность начала карьеры. Многие выпускники вузов предпочитают работу в других сферах, закономерно считая, что они смогут достичь большего успеха и честного отношения к своим действиям. Анализ практики работы молодых специалистов свидетельствует о крайне негативном сценарии: преобладающее число составляют увольнения;

5) Загруженность состава, выраженная совокупностью описанных ранее явлений, которую следует рассматривать сквозь призму дуализма и как причину и как следствие процесса кадрового «голода».

Развитие кадрового потенциала, совершенствование кадрового обеспечения сквозь призму преодоления указанных причин возможно обеспечить посредством реализации авторской методологии минимизации данного процесса с учетом рассмотренных особенностей, которая должна содержать в себе следующие направления:

— улучшение материального и социального стимулирования. МВД уже озвучен пересмотр системы оплаты труда и повышения фонда социальных льгот сотрудникам. Планируется увеличение заработной платы, предоставление дополнительных премий и льгот, а также создание условий для повышения жилищных условий и медицинского обслуживания. Реализация данных

¹ Саукова-Сальникова Е. К. Систематизация особенностей профессиональной деятельности сотрудников ОВД // Психология и педагогика служебной деятельности, 2022. № 4. С. 101—104.

² Грищенко Л. Л. Особенности деятельности органов внутренних дел в условиях проведения специальной военной операции // Сетевое издание «Академическая мысль», 2022. №2(19). С. 106—111.

мер уже имеет актуальный практический характер. В частности, согласно постановлению Правительства РФ от 28 июня 2023г. №1046 размеры должностных окладов сотрудников ОВД с 1 октября 2023г. подлежат повышению на 10,5 %¹;

— восстановление института наставничества, с учетом создания системы стимулирующих выплат наставнику. При восстановлении данной практики — опытных сотрудников, которые подходят под критерии наставника, следует разгружать от основной работы, чтобы они могли уделять как можно больше внимания своим подопечным². Данные меры будут способствовать исключению формализма в институте наставничества, по причине которого институт был нивелирован. Комплексная система института наставничества будет способствовать росту компетентности сотрудников, скорейшей акклиматизации в коллективе и плодотворной мотивационной деятельности молодых специалистов;

— актуальным и целесообразным видится также ресоциализация бойцов Специальной военной операции посредством их «вливания» в правоохранительные органы. Таким образом подобного рода трудоустройство повысит авторитет ведомства и занятость бывших участников СВО. Примечательно, что локальная практика уже имеется.

Так, набор кадров в недавно созданный по поручению Губернатора Приморского края Олега Кожемяко отряд «Тигр-правопорядок» начался в Приморье. Цель организации — охрана общественного порядка. Формирование будет тесно взаимодействовать с войсками Росгвардии. На службу в первую очередь будут приниматься кандидаты, успешно завершившие контракт с добровольческим отрядом «Тигр» и имеющие опыт в СВО. Думается, что это решение не только назревшей проблемы с «кадровым голодом» в ОВД, но и действие на опережение в контексте ресоциализации бойцов СВО после непосредственного завершения спецоперации³.

— системный подход по привлечению новых, а также совершенствованию института повышения квалификации действующих кадров, посредством увеличения сотрудничества ОВД со специализированными учебными заведениями;

Резюмируя вышеизложенное, следует констатировать, что рассматриваемая тема — это не только назревший вопрос современной практики, но и основа стратегической безопасности и стабильности российского государства

¹ О повышении денежного довольствия сотрудников некоторых федеральных органов исполнительной власти : Постановление Правительства Российской Федерации от 28.06.2023 №1046. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Сардак Д. Б. Актуальные проблемы института наставничества в системе органов внутренних // Закон и право. 2021. №3. С. 96—99.

³ Первые кадры набирает новый отряд «Тигр-правопорядок» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://primorsky.ru/news/293011/?ysclid=m0siw5sqid926046758> (дата обращения: 15.09.2024).

в обозримом будущем. Анализ и научно-практические изыскания на предмет разработки поставленного вопроса необходимо комплексно обобщить и предусмотреть практическое внедрение.

Научная статья
УДК 343.28/.29

СОГЛАСИЕ ПОТЕРПЕВШЕГО КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ВЛИЯЮЩЕЕ НА УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Иван Александрович ВДОВИЧЕНКО¹, Екатерина Михайловна КУЗНЕЦОВА²

^{1, 2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ via06041@mail.ru

² e.ku2netsova231@yandex.ru

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Людмила Александровна ЗИМИРЕВА**, zimpravo@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается сущность и правовая природа согласия потерпевшего как обстоятельства, влияющего на уголовную ответственность.

Авторами анализируются позиции зарубежных, отечественных ученых по данному вопросу. Приводятся формы существования института согласия потерпевшего.

Делается вывод о перспективах использования института согласия потерпевшего в законодательстве.

Ключевые слова: согласие, обстоятельство, исключающее преступность деяния, потерпевший, вред

Original article

CONSENT OF THE VICTIM AS A CIRCUMSTANCE, AFFECTING CRIMINAL LIABILITY

Ivan A. VDOVICHENKO¹, Ekaterina M. KUZNETSOVA²

^{1, 2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ via06041@mail.ru

² e.ku2netsova231@yandex.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Criminology and Penal Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Lyudmila Aleksandrovna ZIMIREVA**, zimpravo@yandex.ru

Abstract. The article examines the essence and legal nature of the victim's consent as a circumstance affecting criminal liability. The authors analyze the positions of foreign and domestic scientists on this issue. The forms of existence of the institution of consent of the victim are given. The conclusion is made about the prospects of using the institution of consent of the victim in legislation.

Keywords: consent, circumstance excluding criminality of the act, victim, harm

В отечественном уголовном законодательстве содержатся положения об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. УК РФ относит к таким обстоятельствам следующие: необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск и исполнение приказа или распоряжения.

Однако в законодательствах зарубежных государств, а также в истории российского уголовного права выделяются иные обстоятельства. Одним из них является согласие потерпевшего.

Так, в связи с множественностью подходов к природе согласия потерпевшего и его значении в квалификации деяния существует необходимость актуализации вопроса о его роли в российском уголовном праве. Данный вопрос уже становился предметом обсуждения современных ученых, но он явно заслуживает более предметного рассмотрения.

Утверждать, что для российской истории уголовного права институт согласия потерпевшего совсем не знаком, нельзя. В науке уголовного права Российской Империи учеными (например, Н.С. Таганцевым) исследовалась природа согласия потерпевшего, его характеристики, приводились примеры правомерного согласия и др. Впервые законодательно закрепленное согласие потерпевшего появилось в ключе правомерного причинения вреда как обстоятельство, исключающее преступность деяния, в УК РСФСР 1922 г¹.

Примечательно, что через 4 года в следующей редакции УК РСФСР 1926 г. согласие потерпевшего было изъято из соответствующей категории. В целом, на протяжении XX — н. XXI вв. некоторыми советскими и российскими исследователями уголовного права выдвигались идеи о необходимости включения положения о согласии потерпевшего в законодательство.

¹ Михайлов В. И. Становление института правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. И УК РСФСР 1922 г. // Журнал российского права. 2019. №2. С. 127.

Для определения согласия потерпевшего необходимо выделить ряд признаков, присущих данному понятию. Отмечая отсутствие в уголовном праве Российской Империи понятия «согласие потерпевшего» и актуальность его введения, Н. С. Таганцев предъявил ряд требований к такому согласию:

1. Согласие — это результат сознательной решимости; виновный объективно уверен (а не просто допускает), что оно исходит от дееспособного лица;
2. Согласие получено не под обманом;
3. Согласившийся обладает правом на распоряжение благом или правом, от которого он отказался;
4. Согласие нивелирует признак преступности только в рамках нарушения субъективных (частных) прав, но не может иметь силу для государственного, общественного порядка (брань ночью освобождается от ответственности перед лицом, давшим согласие, но не перед государством за нарушенный режим тишины);
5. Наличие согласия должна быть доказуема, закрепленная форма такого согласия при этом необязательна;
6. Согласие не тождественно прощению — оно дается до или в момент совершения действий виновным;
7. Согласие должно быть определено — иметь под собой указание на время, действие. Безразлично, было оно условное или безусловное;
8. Согласие, взятое обратно, теряет свою силу¹.

В этой связи согласие потерпевшего необходимо определить как акт сознательного (осознанного), действительного, наличного утвердительного разрешения на причинение вреда законным интересам или правам человека (потерпевшего), не затрагивающее законных интересов и прав иных лиц, общества или государства, выраженного в явной форме дееспособным лицом.

Считаем целесообразным также разграничивать понятия «просьбы» и «согласия» потерпевшего при причинении вреда. Под просьбой, на наш взгляд, справедливо понимать прямое, явное, недвусмысленное обращение лица, требующего (просящего) совершения в отношении него противоправного деяния в форме причинения вреда его правам, свободам, законным интересам. Согласие потерпевшего же следует расценивать как утверждение и положительный ответ на причинение вреда. Общим у согласия и просьбы является критерий отсутствия нарушения прав, свобод и законных интересов иных лиц. При этом стоит отметить, что, на наш взгляд, согласие может быть выражено в отношении как в форме «высказанной» односторонней просьбы о причинении вреда, так и взаимной договоренности субъектов; просьба, напротив, является актом

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 1 / Н. С. Таганцев. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 210—212.

одностороннего волеизъявления. В связи с этим не стоит полностью отождествлять согласие и просьбу, однако для уголовно-правовой квалификации деяния они будут иметь одинаковое юридическое значения, поскольку, так или иначе, просьба в своем действии подразумевает согласие.

Как отмечает А. Н. Попов, рассматриваемый нами уголовно-правовой институт является общепризнанным обстоятельством, признанным за рубежом в качестве исключаящего преступность деяния¹.

Значительный опыт применения понятия «согласие» можно найти в англосаксонском праве. Известно, что данная правовая система опирается в своей основе на прецедент, а не на систематизированные законодательные положения (статуты). Так, прецеденты в Англии сформировали практику по отдельным преступлениям, в которых согласие потерпевшего на причинение вреда является основанием, исключаящим преступность деяния.

Британский юрист Кенни К. указывал на существование в английском праве принципа *volenti non fit injuria* — он означает, что согласие потерпевшего устраняет ответственность за причиненный ему вред².

Но для действительности такого согласия с юридической точки зрения в уголовном праве Великобритании существует ряд требований:

1. Согласие должно быть дано свободно, без воздействия, угрозы, страха, обмана со стороны третьих лиц;
2. Дающий согласие должен быть вменяемым, «здоровым и трезвым», четко осознавать предмет, по которому дает согласие, и его последствия;
3. Согласие не может быть дано на нападение, которое должно быть запрещено по правилам «публичного порядка»³.

Видимо, в данном случае английское право под «публичным порядком» понимает такие преступления, которые следует считать тяжкими и особо тяжкими — «нападение, повлекшее тяжкий и неосновательный ущерб жизни, органам тела или здоровью потерпевшего, или если оно представляет собой хотя бы нарушение мира». Публичность в данном случае проявляется в способности деяния отразиться на общественности, выйти за пределы отношений между двумя лицами.

Анализируя позицию Кенни К., заметим, что английское право исходит из еще одного основания для согласия, которое допустимо и в случае нарушения «публичного порядка» — согласие на тяжкие последствия дано на тот случай,

¹ Попов А. Н. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Науч. редактор проф. Б. В. Волженкин. Санкт-Петербург. 1998. С. 13—14.

² Кенни К. Основы уголовного права/ Пер. с англ. В.И. Каминской; Под ред. и с вступ. ст. Б. С. Никифорова. Москва, 1949. С. 171—173.

³ Кенни К. Основы уголовного права/ Пер. с англ. В.И. Каминской; Под ред. и с вступ. ст. Б. С. Никифорова. Москва, 1949. С. 171—173.

если таковые настанут неожиданно, не предумышленно. Об этом косвенно говорит английский ученый, подчеркивая неясность того, что согласие на операцию, после которой человек становится калекой, или на получение тяжелой травмы во время соревнований (если оппонент не имел умысла на причинение вреда, а само мероприятие было легальным) сохраняет свою действительность для суда при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности.

В целом, согласие можно рассматривать как основание для освобождения от уголовной ответственности подобно основанию примирения с потерпевшим. Так, в соответствии со ст. 25 УПК РФ, должностное лицо, суд «вправе на основании заявления потерпевшего или его законного представителя прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, в случаях, предусмотренных ст. 76 УК РФ, если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред».

Во многом данные институты довольно схожи, тем, что посягавший и потерпевший приходят к общему решению по общественно опасному деянию. Существенная разница заключается во времени существования согласия и примирения: первое должно быть дано до деяния, второе — возможно только после совершения преступления. Примирение является выражением согласия о прекращении преследования лица и неприменения к нему уголовного наказания.

На наш взгляд, имеет смысл принять во внимание точку зрения профессора Ю. М. Ткачевского по рассматриваемому вопросу: согласие потерпевшего при исключении уголовной ответственности «может иметь место не вообще, а только применительно к конкретным составам преступлений»¹.

Необходимо учитывать также и норму о свободе распоряжения своим имуществом, субъективном праве каждого человека. Одним из оснований прекращения права собственности является его уничтожение. В связи с этим, на наш взгляд, причинение вреда имуществу другим лицом с согласия лица, давшего просьбу, это способ реализации права собственности.

Стоит признать, что причинение вреда имущественным благам может признаваться как обстоятельством, исключающим уголовную ответственность, так и исключающим преступность самого деяния, так как УК РФ содержит положение об умышленном уничтожении имущества в статье 167.

Вопрос причинения телесного вреда Н.С. Таганцевым оставался без явного ответа, хотя по логике его рассуждения можно прийти к выводу о недопусти-

¹ Курс уголовного права в пяти томах. Том 1. Общая часть: Учение о преступлении / Под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. Москва: Зерцало, 2000. С. 139.

мости правомерности согласия потерпевшего. Приемлемой, на наш взгляд, является позиция М. Д. Шаргородского, считавшего, что исключение уголовной ответственности при причинении вреда здоровью, совершенного с согласия лица, может быть признано правомерным «только при условии, что такое телесное повреждение причинялось по социально полезным мотивам (опыты с лекарствами, операции нового типа и т.д.)»¹.

Стоит снова обратиться к позиции Н.С. Таганцева. Им признается необходимость введения согласия убитого в качестве смягчающего обстоятельства, например, убийство из милосердия. Так, к действиям доктора, прекратившего мучения умирающего больного, будут, очевидно, применяться особые положения уголовного закона об уменьшенной ответственности, по сравнению, например, с убийством и др.

Аналогичную позицию занимает современный законодатель, относя мотив сострадания к обстоятельствам, перечисленным в ст. 61 УК РФ.

Нельзя сказать, что концепция признания согласия как, например, основания для освобождения от уголовной ответственности, полностью игнорируется российским уголовным законом. На этот счет заслуживает внимание, например, примечание к ст. 122 УК РФ. В нем указывается, что не будет считаться преступлением поставление в опасность заражения или заражение ВИЧ-инфекцией, если лицо «было своевременно предупреждено о наличии у первого (заразившего) этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения».

Хотелось бы обратить внимание, что законодатель не устанавливает требования о форме такого согласия, что, конечно, представляет проблему доказывания. Особенно, когда воля была выражена вербально, в личной беседе, поскольку подобные вопросы составляют интимную часть отношений между людьми, как правило, не поддающуюся огласке.

Под своевременностью предупреждения, на наш взгляд, надо понимать такой момент, который предшествует общественно опасному деянию, то есть непосредственной угрозе заражения. Потенциальный же потерпевший должен решить, допускает ли он подобное заражение, выражает ли согласие.

Под добровольностью же следует понимать наличие самостоятельного волевого решения лица о допустимости поставления в опасность своего здоровья. Такое согласие должно быть дано применительно к конкретной ситуации, не под воздействием обмана или введения в заблуждение.

Интересным примером здесь является уголовное дело в отношении К., осужденного Ленинским народным районным судом г. Курска. Н., имевший

¹ Широков К. С. Согласие лица на причинение вреда как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность в науке уголовного права // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2008. № 3. С. 60.

разногласия по вопросу учебы в институте с родителями, решил причинить себе физический ущерб с целью намеренного попадания в больницу. Н. была написана записка, свидетельствующая о наличии желания и воли получения ранения от К. по просьбе Н. Так, К. и Н. вместе зарядили оружие, из которого был произведен выстрел, оказавшийся смертельным для Н., данное деяние было квалифицировано по ч. 2 ст. 108 УК РСФСР (умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшего)¹.

Судья подчеркнул, что лицо, причинившее смертельный вред, «в любом случае сознавало возможность наступления подобных тяжких последствий»². Суд оценил действия К. как совершенные в форме косвенного умысла. Так, правоприменитель квалифицировал в целом деяние по общим основаниям. В дальнейшем данное решение в науке было признано ошибочным.

Однако полагаем, что указанное деяние необходимо было квалифицировать не только по неосторожной форме вины, но и учитывая явное наличие согласия на причинение вреда здоровью. Не будем утверждать о необходимости квалификации деяния с учетом согласия как обстоятельства, полностью устраняющего преступность деяния или ответственность за него, но считаем целесообразным в данном случае говорить о возможности смягчения ответственности.

В этой связи мы также полагаем, что необходимо в каждом случае учитывать согласие потерпевшего при квалификации любого деяния.

Сопоставляя научную и практическую обоснованность согласия в российском и английском праве, можно прийти к мнению, что предложенный отечественными криминалистами (в частности, Н. С. Таганцевым) подход довольно глубоко проработан. Он раскрывает шире понятие согласия, нежели классик английского уголовного права К. Кенни. Конечно, хочется сделать оговорку, что в Великобритании институт согласия потерпевшего существует со Средних веков³, в то время как воплощение его в российском праве до сих пор отсутствует, за исключением отдельных примечаний к статьям УК РФ.

Как следует из ранее сказанного, судьба института согласия потерпевшего может существовать в четырех вариациях в качестве обстоятельства или основания:

1. Исключающего преступность деяния;
2. Для освобождения от уголовной ответственности;
3. Смягчающего ответственность;

¹ Широков К. С. Указ. Соч. С. 60—61.

² Там же.

³ Есаков Г. А. Согласие потерпевшего как оправдывающее обстоятельство в английском уголовном праве // Lex Russica (Русский закон). 2006. Т. 65. № 4. С. 790—800.

4. никоим образом не влияющее на ответственность.

На наш взгляд, наиболее удачный вариант состоит в комплексном подходе к данной проблематике. Представляется довольно опасным декриминализации абсолютно всех преступлений против личности и отношений, ее окружающих при наличии согласия.

Ключевыми аспектами при квалификации деяния, на наш взгляд, являются: определение категории, к которому относится уголовно-правовое отношение и посягательство, правомерность данного согласия, наличие умысла посягающего на злоупотребление предоставленного ему права на причинение вреда.

При прочих равных, для преступлений небольшой и средней тяжести возможно освобождение от уголовной ответственности либо исключение преступности деяния как такового при наличии согласия потерпевшего. Для тяжких и особо тяжких преступлений считаем необходимым признание согласия смягчающим основанием.

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что институт согласия лица на причинение вреда является невероятно спорным и противоречивым в науке уголовного права. Любая инициатива законодателя о включении положений о согласии потерпевшего в систему источников должна соответствовать текущим тенденциям развития уголовного права.

Уголовное право в современных условиях должно, с одной стороны, сохранить свой охранительный потенциал, устанавливающий строгие рамки должного поведения и порицающий, отграничивающий преступные проявления, и, с другой стороны, следовать в направлении индивидуализации и дифференциации ответственности и наказания.

Согласие потерпевшего не может расцениваться как уступка обществу в декриминализации ряда деяний. Возможность и целесообразность его официального появления в законодательстве прежде всего вызвана динамикой развития общественных отношений, а также усложнением их структуры.

Научная статья
УДК 343.3/.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЪЕКТА И ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ХИЩЕНИИ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ ОСОБУЮ ЦЕННОСТЬ

Диана Дмитриевна ВЕСЕЛОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
veselova.dia@gmail.com

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, крими-
нологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридиче-
ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**

Аннотация. В научной статье затронуты проблемы квалификации пре-
ступления, предусмотренного статьей 164 УК РФ, связанные с определением
признаков предмета, имеющего особую культурную ценность, правовой ква-
лификацией хищения надмогильных сооружений, а также хищения одного или
нескольких предметов, являющимися частями коллекции.

Для совершенствования законодательства в сфере охраны особо ценных
предметов в работе уточняется оборотоспособность культурных ценностей,
анализируется их уголовно-правовой статус, выдвигается предложение поме-
стить норму об ответственности за хищение предметов, имеющих особую цен-
ность, в другую главу УК РФ.

Ключевые слова: уголовное право, культурные ценности, преступления
против собственности, преступления против здоровья населения и обществен-
ной нравственности

Original article

SOME PROBLEMS OF DETERMINING THE OBJECT AND SUBJECT OF A CRIME IN THE THEFT OF OBJECTS OF SPECIAL VALUE

Diana Dmitrievna VESELOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Curatorship of the Russian
Federation, St. Petersburg, Russia, veselova.dia@gmail.com

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract: The scientific article touches upon the problems of qualification of the crime provided for in Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation, related to the definition of signs of an object of special cultural value, the legal qualification of theft of grave structures, as well as theft of one or more objects that are parts of the collection.

In order to improve legislation in the field of protection of especially valuable items, the work clarifies the turnover of cultural values, analyzes their criminal legal status, and proposes to place the norm on liability for theft of items of special value in another chapter of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, cultural values, crimes against property, crimes against public health and public morality.

В соответствии со Стратегией национальной безопасности РФ, утвержденной указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, среди важнейших национальных приоритетов выделяется защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, охрана которых обеспечивается путем сохранения материального и нематериального культурного наследия российского народа¹. Однако, несмотря на наличие специальных составов преступлений, касающихся охраны культурных ценностей (одним из которых является хищение), многие аспекты, связанные с привлечением к ответственности, остаются неясными для правоприменителя.

Так, в структуре преступлений против собственности одним из наиболее опасных считается хищение предметов или документов, имеющих особую ценность, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 164 УК РФ. Учитывая расположение данной нормы в главе 21, можно утверждать, что родовым объектом рассматриваемого вида хищения являются общественные отношения в сфере экономики, а видовым — отношения собственности.

Тем не менее, указанный подход законодателя к определению объекта преступного посягательства вызывает определенные сомнения. Некоторые авторы, считая, что законодатель уделил недостаточно внимания культуре как элементу уголовно-правовой охраны, отмечают также и дополнительные объекты названного преступления. Например, А. К. Мукашев, выделяя в качестве

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 : Доступ из справ.-правовой «КонсультантПлюс».

такового интересы государства в сфере обеспечения сохранности культурного наследия страны, тем самым относит хищение предметов, имеющих особую ценность, к категории многообъектных преступлений¹. С. М. Кочои также признает необходимость выделения дополнительного объекта в контексте данного преступления, подчеркивая, что таковым является общественная нравственность. Он исходит из того, что наиболее близкий по предмету преступного посягательства к хищению предметов, имеющих особую ценность, — состав преступления, предусматривающий ответственность за уничтожение и повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ) — имеет этот видовой объект².

По нашему мнению, данная точка зрения представляется наиболее верной в силу специфики культурных ценностей как предмета рассматриваемого преступления. Выступая объектами гражданско-правовых отношений, культурные ценности отличаются особым правовым режимом, который в целях обеспечения их охраны накладывает вводимые федеральным законодательством соответствующие ограничения на свободу их перемещения.

Подтверждение данной позиции можно найти не только в гражданском законодательстве, но и в ряде других нормативно-правовых актов.

Так, отношения по перемещению культурных ценностей из Российской Федерации регулирует, в частности, Закон РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей». Согласно положениям указанного закона ряд культурных ценностей (например, имеющие особое значение либо постоянно хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, архивах, библиотеках) не подлежат вывозу из Российской Федерации без обязательства их обратного ввоза, причем их вывоз возможен только в предусмотренных законом целях³.

Особый режим также установлен для памятников истории и культуры, попадающих под действие Федерального Закона «Об объектах культурного наследия», который закрепляет перечень объектов, не подлежащих отчуждению из государственной собственности (к ним, например, относятся объекты недвижимого имущества, отнесенные к особо ценным объектам культурного наследия народов РФ и др.)⁴. Вместе с тем в Законе закреплены ограничения

¹ Мукашев, А. К. Проблемы уголовной ответственности за хищение предметов и документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 57.

² Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности : Учеб.-практ. пособие / С. М. Кочои. 2. изд., доп. и перераб. М., 2000. С. 120.

³ О вывозе и ввозе культурных ценностей : Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1. Ст. 35.5. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ. П. 1 ст. 50. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по кругу лиц, которым возможна передача объектов культурного наследия религиозного назначения, а также объектов, включенных в реестр и находящихся в государственной собственности.

Несмотря на то, что в настоящее время, в отличие от ранее действовавшего Положения об охране и использовании памятников истории и культуры¹, в гражданском законодательстве норма о преимущественном праве государства на покупку всех объектов культурного наследия отсутствует, имеются определенные ограничения в распоряжении отдельными культурными ценностями. Например, при совершении сделок, направленных на отчуждение музейных предметов и коллекций, включенных в состав негосударственной части Музейного фонда РФ, государство имеет преимущественное право приобретения указанных предметов². Кроме того, их отчуждение и переход от одного лица к другому в порядке универсального правопреемства возможны только с предварительного разрешения государственных органов.

Ограниченными в гражданском обороте в то же время являются и документы, входящие в состав государственной части Архивного фонда РФ. Находящиеся в государственной или муниципальной собственности архивные документы не могут быть приватизированы, а также выступать объектом продажи, мены, дарения и иных сделок, которые могут повлечь их отчуждение³. В свою очередь, являющиеся частной собственностью документы Архивного фонда РФ могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому, однако, в таком случае у правопреемника возникает законодательно закрепленная обязанность уведомить о переходе к нему прав собственника соответствующий государственный или муниципальный архив, музей, библиотеку либо научную организацию, с которыми прежний собственник заключил договор⁴.

Одной из мер, направленных на защиту, сохранение, а также минимизацию эксплуатации культурных объектов, является установление ограничений на залог культурных ценностей и обращение на них взыскания. Так, культурные ценности, хранящиеся в государственных и муниципальных музеях, картинных галереях и других государственных организациях культуры, не могут быть использованы в качестве обеспечения кредита или сданы под залог⁵. В то же время Гражданский Кодекс закрепляет, что в тех случаях, когда предметом

¹ Постановление Совета Министров СССР от 16.09.1982 г. N865. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации : Федеральный закон от 26 мая 1996 № 54-ФЗ. Ст. 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ. Ст. 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об архивном деле в Российской Федерации : Федеральный закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ. Ст. 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : утв. ВС РФ 9 октября 1992 г. № 3612-1. Ч. 5 ст. 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

залога является имущество, имеющее значительную культурную ценность для общества, взыскание на предмет залога может быть обращено только по решению суда.

Конечно, упомянутые нормативные акты охватывают лишь определенные категории объектов, обладающих культурной ценностью, при этом остаются вне сферы регулирования другие, не менее значимые с исторической точки зрения, элементы культурного наследия. Однако, стоит отметить, что специфика реализации права собственности присутствует в отношении всех культурных ценностей, охраняемых государством. Так, в случае бесхозяйственного содержания культурных ценностей, отнесенных в соответствии с законом к особо ценным, допускается принудительное их изъятие путем выкупа государством или продажи с публичных торгов (ст. 240 ГК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод, что гражданский оборот культурных ценностей существенно отличается от гражданского оборота стандартных вещей. Особенность правового режима этих ценностей как объектов гражданских прав обусловлена их уникальностью, неповторимостью, значимостью для общества и, соответственно, необходимостью обеспечения их сохранности.

Лишний раз подчеркивает обособленный статус культурных ценностей от прочего имущества и то, что законодатель объединил контрабанду культурных ценностей с незаконным перемещением ядерных материалов, огнестрельного оружия и других предметов, ограниченных в обороте, поместив их в одну статью — 226.1 УК РФ, однако, хищение которых в силу специфики предмета преступления защитил с помощью главы 24 (преступления против общественной безопасности).

В связи с вышеизложенным считаем целесообразным предложение Т. Р. Сабитова поместить норму об ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность (ст. 164 УК), в главу 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности»¹.

В обоснование своего суждения, отметим, что реальный ущерб от хищений предметов или документов, имеющих особую ценность, причиняется в первую очередь не экономике страны и не отношениям собственности, а комплексу общественных отношений в области духовной культуры общества. Таким образом, главным объектом хищения, а также уничтожения или повреждения культурных ценностей будет одна и та же сфера — общественная нравственность.

Кроме того, среди прочих посягательств на собственность преступление,

¹ Сабитов Т. Р. Охрана культурных ценностей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Челябинск, 2002. С. 45.

предусмотренное ст. 164 УК РФ, характеризуется особыми признаками его предмета. Уголовный закон именуется его как предметы или документы, обладающие особой исторической, научной, художественной или культурной ценностью.

Именно признак «особой ценности» служит основой для разграничения данного вида хищения от иных преступлений. Однако, в настоящее время отсутствует как единый подход к определению понятия «культурные ценности» в целом, так и перечень критериев, на основании которых можно однозначно отнести тот или иной предмет к категории «культурные ценности» или «культурные ценности, имеющие особое значение».

Действующий на сегодняшний день набор критериев, утвержденных Постановлением Правительства N 1425¹, имеет ряд недостатков.

Во-первых, данным нормативным актом охватываются лишь движимые предметы, тогда как недвижимое имущество так же может являться предметом хищения по статье 164 УК РФ.

Во-вторых, ввиду нечеткого разграничения признаков, на основании утвержденных данным Постановлением критериев нельзя дать однозначный ответ на вопрос о том, что исследуемый предмет относится к категории особой культурной ценности. Например, созданные 50 и более лет назад предметы фалеристики входят и в ту, и в другую категорию, что не позволяет сделать вывод об их принадлежности к объектам, имеющим особое значение. В таком случае получается, что признание их предметом преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ, отдается на усмотрение экспертов, для которых также нет четко установленных параметров особо ценных предметов.

В-третьих, используемый в вышеупомянутом подзаконном акте метод механического отнесения предметов к культурным ценностям исключительно по критериям времени создания или ограниченности тиража без установления признаков уникальности, наличия художественной, исторической и иной значимости, на наш взгляд, представляется не совсем верным. Так, например, остается неопределенной юридическая судьба произведений современного искусства или же предметов, не вписывающихся во временные рамки, установленные данными критериями.

Таким образом, в результате складывается ситуация, при которой законодательные нормы в сфере охраны и оборота особо ценных предметов фактически не способствуют эффективному применению положений Уголовного

¹ Об утверждении Правил проведения экспертизы культурных ценностей, а также критериев отнесения движимых предметов к культурным ценностям и отнесения культурных ценностей к культурным ценностям, имеющим особое историческое, художественное, научное или культурное значение : Постановление Правительства РФ от 14.09.2020 № 1425. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

кодекса. В связи с этим, в юридической литературе можно обнаружить, что отдельные авторы по-разному описывают признаки предмета, имеющего особую ценность.

Например, А. К. Мукашев среди таких качеств выделяет: уникальность, старину предмета, общественную и государственную значимость, высокую потребительскую стоимость и культурную ценность¹.

В свою очередь, Г. Н. Борзенков отмечает, что особая ценность выражается, прежде всего, в высокой стоимости такого предмета². На наш взгляд, нельзя отождествлять категории «стоимость» и «ценность», так как критерий, на основании которого можно сделать вывод об особой ценности предмета, не обязательно связан с его материальной оценкой.

На этом акцентирует внимание в своих разъяснениях и Пленум Верховного Суда РФ, подчеркивая, что особая историческая, научная, художественная или культурная ценность похищенных предметов или документов определяется на основании экспертного заключения с учетом не только их стоимости в денежном выражении, но и значимости для истории, науки, искусства или культуры³. То есть ценность перечисленных предметов должна устанавливаться по каждому делу индивидуально, так как они имеют, помимо экономической, еще и иную значимость (художественную, историческую, научную, культурную), которая существенно превосходит первую.

По-прежнему в уголовно-правовой науке и правоприменительной практике дискуссионным остается вопрос о том, какие именно предметы могут быть отнесены к числу особо ценных. В частности, можно ли квалифицировать по ст. 164 УК РФ хищение надмогильных сооружений, признанных в установленном порядке культурными ценностями.

Напомним, что несмотря на выдвинутые теоретиками предложения о размещении ст. 164 УК РФ в главе, посвященной преступлениям против здоровья и общественной нравственности, в настоящее время законодатель определил эту норму как относящуюся к категории преступлений против собственности, как известно, предметом которых выступает исключительно имущество, находящееся в рамках той или иной формы собственности — будь то государственная, муниципальная или частная и др.

Отвечая на вопрос, есть ли собственник у надмогильных сооружений, со ссылкой на Закон г. Москвы «О погребении и похоронном деле в городе

¹ Мукашев, А. К. Указ. соч. С. 87.

² Борзенков Г. Новое в уголовном законодательстве о преступлениях против собственности // Законность. 1995. № 2. С. 12.

³ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002г. № 29. П. 25. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Москве», можно ответить утвердительно. Согласно п. 11 ст. 23 данного нормативно-правового акта мемориальные объекты, в том числе надмогильные сооружения, саркофаги и склепы, являются собственностью лиц, на которых оформлено место захоронения¹. Соответственно, сооружения, установленные на могиле (в том числе кресты, памятники, надгробия) могут быть предметом преступлений против собственности, их хищение подпадает под действие главы 21 УК РФ и может быть квалифицировано по ст. 164 УК РФ.

Впрочем, это не все вопросы, возникающие при применении ст. 164 УК РФ. Отметим, что предметами данного преступления могут быть не только отдельные произведения и вещи, но и коллекции культурных ценностей. На практике возникает проблема, связанная с квалификацией хищения одного или нескольких предметов, являющимися частями коллекции, каждый из которых отдельно не обладает признаками особой ценности. В силу ст. 134 ГК РФ, если различные вещи соединены таким образом, который предполагает их использование по общему назначению, они воспринимаются как одно целое, именуемое сложной вещью.

Исходя из чего, мы можем сделать вывод, что если была похищена лишь часть коллекции, которая состоит из отдельных предметов, не являющихся ценными, то мы можем говорить о наличии в действиях виновного лица состава преступления, предусмотренного ст. 164 УК РФ.

Данный тезис подтверждается и примерами из судебной практики. Так, по приговору Королевского городского суда виновная, тайно похитившая часть коллекции нефритовых фигурок, которую специалист по традиционной культуре Китая потерпевший собирал с 1988 года, была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 164 УК РФ².

Подводя итог, следует отметить, что необходимость уголовно-правовой охраны предметов, имеющих особую ценность, очевидна, однако законодательная регламентация уголовной ответственности за их хищение требует совершенствования. Анализируя состав данного преступления, мы пришли к выводу, что само расположение ст. 164 УК РФ смещает внимание не на особую ценность предметов в культурном, научном и историческом плане, а на экономический фактор, поэтому считаем целесообразным ее перемещение в главу 25 УК РФ.

В настоящее время также наблюдается неопределенность в отношении предметов, попадающих в сферу рассматриваемых хищений. Это создает

¹ Закон г. Москвы от 04.06.1997 № 11 «О погребении и похоронном деле в городе Москве». Ст. 23. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор № 1-546/2023 от 20 ноября 2023 г. по делу № 1-546/2023 URL: <http://surl.li/hmmwtw> (дата обращения: 04.11.2024)

сложности при надлежащей квалификации действий правонарушителей в силу того, что обязательным признаком предмета преступления является именно «особая ценность», а отсутствие систематизированного законодательства, четких границ определения, что является культурными ценностями, а также строгих правил, позволяющих идентифицировать предметы как особо ценные, создают проблемы применения уголовных норм.

На наш взгляд, со стороны законодателя требуется дальнейшее усовершенствование правового режима культурных ценностей, что повысит эффективность их защиты и правильность квалификации деяний по статье 164 УК РФ в том числе.

Научная статья
УДК 343.9

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ВСЛЕДСТВИЕ
ОТСУТСТВИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНО УСТАНОВЛЕННОГО СРОКА
ОЗНАКОМЛЕНИЯ ОБВИНЯЕМОГО И ЕГО ЗАЩИТНИКА
С МАТЕРИАЛАМИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА**

Анастасия Васильевна ВОЛКОВА

Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, Россия, nastyavolkova.2909@mail.ru

Научный руководитель — доцент кафедры гражданского и административного процесса Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук **Артем Робертович НОБЕЛЬ**

Аннотация. В статье раскрываются некоторые проблемы, возникающие вследствие отсутствия законодательно установленных временных рамок ознакомления обвиняемого с уголовным делом.

Рассматриваются организационные вопросы использования данного права обвиняемым, а также указываются возможные варианты решения упомянутых проблем.

Ключевые слова: материалы дела, обвиняемый, правовые проблемы, критерии оценки, ограничение сроков.

**SOME PROBLEMS ARISING FROM THE ABSENCE OF A LEGALLY
ESTABLISHED TIME LIMIT FOR FAMILIARIZATION
OF THE ACCUSED AND HIS DEFENSE COUNSEL
WITH THE MATERIALS OF THE CRIMINAL CASE**

Anastasia V. VOLKOVA

Volga-Vyatka Institute (branch) of Kutafin University (Moscow State Law Academy), Kirov, Russia, nastyavolkova.2909@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Civil and Administrative Process of the Volga-Vyatka Institute (branch) of the University named after O. E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Candidate of Legal Sciences
Artem Robertovich NOBEL

Abstract. The paper reveals the frequent problems that arise due to the lack of a legally established time frame for familiarizing the accused with the criminal case.

The organizational issues of the use of this right by the accused are considered, as well as possible solutions to these problems are indicated.

Key words: case materials, the accused, legal problems, evaluation criteria, time limits.

До передачи уголовного дела прокурору требуется ознакомить обвиняемое лицо и его адвоката с материалами дела, ведь именно тщательное их исследование — ключ к успеху, поскольку у стороны имеется возможность обнаружения и дальнейшего исключения доказательств, которые были получены с нарушением процессуальных правил. В данном вопросе есть немало правовых пробелов, однако, на наш взгляд, наиболее важным вопросом, требующим решения, является законодательно неограниченный в ст. 217 УПК РФ период ознакомления обвиняемого с уголовным делом.

В действующем законодательстве отсутствует норма, закрепляющая разумные временные рамки, в которые должна укладываться сторона защиты при изучении материалов. Из-за упущения законодателя, при разрешении отдельных казусов, есть вероятность возникновения сомнений в добросовестности этих лиц, что может стать поводом для установления судом ограниченного срока ознакомления.

В качестве обоснования необходимости решения данной проблемы приведем пример из судебной практики. Относительно недавно Конституционный Суд РФ вынес Определение «об отказе в принятии к рассмотрению жалобы

гражданина Младова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей ст. 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹.

Согласно фабуле дела, решением суда «гражданину Е. Н. Младову, обвиняемому в совершении преступления, и его защитнику, а также иным защитникам, которые могут быть привлечены для защиты интересов Е. Н. Младова, установлен срок для ознакомления с материалами завершеного предварительного следствия».

Обращаясь с жалобой в Конституционный Суд РФ, Е. Н. Младов решил оспорить установленное судом в его отношении ограничение. Однако Конституционный Суд РФ отказал в принятии жалобы к рассмотрению, исходя из того «что судом первой инстанции установлен факт явного затягивания обвиняемым и его защитником ознакомления с материалами дела, а также факт заключения обвиняемым соглашения на защиту с иным адвокатом на этапе выполнения требований ст. 217 УПК РФ накануне истечения срока предварительного следствия».

Таким образом, основная проблема состоит в сложности разграничения намерений лица, поскольку они могут быть направлены как на добросовестное использование своих прав, так и на умышленное затягивание процесса.

Стоит отметить, обсуждение проблемы в научных кругах ведется давно. В одном из вариантов рассматривалось возможное введение протоколирования процесса с описанием конкретных действий, осуществляемых лицом, на основании которого в дальнейшем суд может обоснованно вынести решение о том, имел ли место факт умышленного затягивания дела. Однако такое предложение сочли неэффективным.

Заметим, что ознакомление является тяжелой умственной деятельностью, которая не ограничивается снятием копий, а включает также глубокий анализ и соотношение информации, что занимает у лиц немало времени. Помимо этого, при принятии судом решения об установлении временных рамок, суду рекомендуется учесть сложность и объем материалов дела, специфику памяти человеческого мозга. Ведь если дело состоит из десятков томов, сторона защиты вынуждена периодически обращаться к тем томам, которые уже были проанализированы ранее.

Кроме того, иногда следствие прибегает к применению «своих рычагов давления» на сторону защиты, например, ограничивая время ознакомления для сокращения сроков расследования уголовного дела. Однако стоит отдать

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2021 № 900-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Младова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 217 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

должное судам, которые действительно вершат правосудие и внимательно относятся к разрешению правовых вопросов в конкретном случае, а не действуют лишь из формальных соображений.

Итак, подводя итог, отметим следующее: по нашему мнению, основная проблема состоит в сложности разграничения намерений обвиняемого, поскольку они могут быть направлены как на добросовестное использование своих прав, так и на умышленное затягивание процесса. Необходимо иметь в виду, что возможное злоупотребление правами стороны защиты или стороны обвинения сказывается на справедливости выносимых судом решений.

Именно поэтому, считаем, что для решения проблемы «явного затягивания» обвиняемым времени ознакомления и проблемы нарушения стороной обвинения прав лица на защиту, законодателю необходимо разработать критерии минимально и максимально допустимой продолжительности времени ознакомления с материалами дела, устанавливаемые в зависимости от категорий уголовных дел. Такие критерии помогали бы суду, сторонам защиты и обвинения определять разумное время для ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела, следовательно, ликвидировали бы разногласия на эту тему.

Научная статья

УДК 343.132

ТАКТИКА ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Екатерина Александровна ВОРОНИНА

Волго-Вятский институт (филиал) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Киров, Россия, Voronina210403@yandex.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук **Сергей Леонидович ЗОРИН**

Аннотация. В статье на основе норм УПК, научных трудов и учебной литературы, дается понятие обыска при налоговых преступлениях.

Автором выделяются его особенности, отличительные черты от общеуголовных составов, рассматриваются стадии производства обыска.

Также приводятся примеры как положительных, так и отрицательных действий сотрудников правоохранительных органов в процессе производства обыска.

Ключевые слова. Обыск, протокол, технический специалист, сотрудники правоохранительных органов, налоговые преступления

Original article

SEARCH TACTICS IN THE INVESTIGATION OF TAX CRIMES

Ekaterina A. VORONINA

Volga-Vyatka Institute (branch) of Kutafin University (Moscow State Law Academy), Kirov, Russia, Voronina210403@yandex.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminalistics of the Volga-Vyatka Institute (fi-lial) of the University named after O.E. Kutafina (MSLA), Candidate of Law **Sergey Leonidovich ZORIN**

Abstract. The article, based on the norms of the Criminal Procedure Code, scientific works and educational literature, gives the concept of a search for tax crimes.

The author distinguishes its features, distinctive features from general criminal compositions, the stages of the search are considered.

Examples of both positive and negative actions of law enforcement officers during the search are also given.

Keywords. Search, protocol, technician, law enforcement officers, tax crimes

На данный момент, нормативно-закрепленного определения обыска не существует, но в уголовно-процессуальной доктрине встречаются различные понятия данного термина.

Так, например, О. Л. Журба определяет «обыск», как следственное действие, состоящее в принудительном обследовании личности, участков местности, помещений, сооружений, транспортных средств, находящихся у обыскиваемого лица (членов его семьи) или организации, с целью отыскания и изъятия укрываемых объектов, могущих иметь значение для расследуемого уголовного дела¹.

Б. Т. Безлепкин, комментируя ст. 182 УПК РФ, определяет обыск как следственное действие, основное содержание которого заключается в поиске

¹ Журба О. Л. Процессуальные особенности производства обыска // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 146.

(отыскании) и изъятии предметов и (или) документов, имеющих доказательственное значение¹.

Трактовка данного термина применима и к процессу производства обыска при расследовании налоговых преступлений. Существует ряд проблем, которые могут возникнуть при расследовании уголовных дел о налоговых преступлениях, это касается определения правовых признаков налоговых правонарушений.

Однако, установление обстоятельств, которые имеют значение для правильного разрешения дела о налоговом преступлении, не представляется возможным без использования всех средств уголовного-правового воздействия, а также криминалистических методов и приемов сбора и использования доказательств.

С их помощью можно выявить как правовые аспекты налогового преступления (включая обстоятельства, которые требуют подтверждения), так и истинные мотивы подозреваемого на совершение данного вида преступления.

В уголовно-правовом аспекте уклонение от уплаты налогов или сокрытие доходов от налогообложения может быть как самостоятельным преступлением, так и частью более сложного преступного механизма — легализации денежных средств, приобретенных преступным путем².

Отличительными особенностями производства обыска при налоговых составах от обыска при общеуголовных составах, являются:

1. Привлечение специалистов. Чаще всего привлекается технический специалист и сотрудник федеральной налоговой службы (далее ФНС). Сотрудник ФНС просматривает документацию, с целью точного определения документов, относящихся к предмету обыска.

Для изъятия базы 1С и других файлов привлекается технический специалист. Согласно УПК РФ, специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями в определенной области, для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов, документов и производства иных необходимых действий.

Технический специалист обладает специальными познаниями в области использования компьютерной техники: копирование данных, нахождение скрытых файлов, восстановление удаленных данных, взлом паролей и другое.

¹ Безлепкин Б. Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) : научно-популярное издание. 14-е изд. М., 2017. URL: <https://book.ru/book/921735> (дата обращения: 12.04.2022).

² Иванов П. И., Шитов А. С. Раскрытие и расследование налоговых преступлений в аспекте криминалистического обеспечения // Юристъ-Правоведъ. 2020. — URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/raskrytie-i-rassledovanie-nalogovyh-prestupleniy-v-aspekte-kriminalisticheskogo-obespecheniya>. (Дата обращения: 20.10.2024).

При производстве следственного действия рекомендуется скопировать компьютерные файлы по делопроизводству, бухгалтерскому, торговому, складскому учету и итоговой отчетности.

Если пароли от компьютеров не были выданы добровольно, специалист принимает меры к взлому паролей. При возможности изымаются и осматриваются дневники, записные книжки, в том числе электронные, служебные и неофициальные записки, черновики документов, записи «черной» бухгалтерии лиц, участвовавших в совершении налогового преступления.

2. Следующей особенностью расследования уголовных дел о налоговых преступлениях является то, что изъятие документов у налогоплательщика (налогового агента) путем обыска или выемки необходимо производить в первую очередь, до производства иных следственных действий по делу. Именно своевременное изъятие всех бухгалтерских документов обеспечивает полноту доказательственной базы, предотвращает их возможное уничтожение или фальсификацию, т.е. является залогом успешного окончания расследования в разумные сроки. Необходимо отметить, что обыск проводится, когда уголовное дело уже возбуждено.

3. При осмотре изъятых документов необходимо обратить внимание на имеющиеся возможные исправления, дописки, подчистки, травление и иные признаки подлога, а также полное либо частичное отсутствие бухгалтерских документов, учета в целом, ведение «двойной» бухгалтерии¹.

Ст. 182 УПК РФ закрепляет общий порядок проведения обыска, выделяя основанием производства обыска — наличие достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Исходя из ст. 182 УПК РФ обыск должен проводить следователь, но на практике его проводят оперативные сотрудники на основании поручения о производстве отдельных следственных действий, такое поручение следователя не противоречит уголовно-процессуальному закону.

Производство обыска при расследовании налоговых преступлений происходит в несколько этапов. Первый этап — подготовительный. Во время подготовки к обыску необходимо провести ряд важных процессуальных действий. Необходимо изучить материалы уголовного дела; составить план совместных следственных и оперативно розыскных мероприятий, такие действия проводятся следователем совместно с оперативными сотрудниками. Так же

¹ Васильева О. Н., Капелян В. А., Литвин-Жиркова Д. А., Морозов Н. И., Морозова А. Н., Сергеев С. В., Федотова И. А. Правовые основы деятельности и взаимодействия налоговых и иных государственных органов в сфере налогообложения. Москва: Научный консультант, 2015. 78 с.

следует получить от оперативников результаты оперативно-розыскных мероприятий в отношении подозреваемого и его связей; получить сведения о материальном положении — имуществе подозреваемого т. е. домах, квартирах, машинах, офисах, гаражах и другом имуществе подозреваемого, а так же информацию о его связях: родственных, деловых и других¹.

Важным этапом в процессе подготовки к производству обыска является проверка подозреваемых и лиц у которых будут проводиться обыски в территориальной избирательной комиссии, на факт принадлежности подозреваемых к категории специальных субъектов: сенатор Российской Федерации, депутат Государственной Думы, прокурор и другие.

По информации, полученной от оперативных сотрудников, необходимо установить где хранятся бухгалтерские документы, печати, деньги, база 1С, серверы (при наличии) с целью их последующего изъятия. По возможности выяснить пароли для входа в серверы и другие компьютеры, обеспечить участие технического специалиста и понятых, подготовить автотранспорт для перемещения изъятых документов, компьютеров и других предметов, а также подготовить упаковочные материалы: бумажные конверты для дисков, съемные диски для копирования компьютерной информации, печати для пакетов, упаковку для изъятых компьютеров и другое.

К этапу подготовки к обыску относиться, также, и установление всех участников обыска с целью дальнейшего их привлечения, а именно, компьютерного специалиста, сотрудника налоговой службы, при необходимости, подозреваемого-собственника или арендодателя помещения где будет производиться обыск. Может возникнуть необходимость в личном обыске работников организации, если имеются основания полагать, что при них находятся предметы или документы, имеющие значение для дела².

Рассмотрим пример тактического приема: когда обыск в жилище или в офисе намечается на утро, оперативные сотрудники, вечером, когда уже стемнело, перед планируемой датой проведения обыска, в рамках стадии подготовки могут проверить: горит ли свет в жилище или офисе; стоят ли автомобили тех лиц, у кого планируется провести обыск. Такие действия совершаются для того, чтобы убедиться, что лицо, у которого необходимо провести обыск, будет на месте, и исключить перенос следственного действия.

¹ Чельшева О. В. Криминалистика. Москва: Институт экономики и права Ивана Кушнина, 2017. // URL: <https://be5-biz.turbopages.org/be5.biz/s/pravo/k043/33.html#3https://be5.biz/pravo/k043/33.html>

² Васильева О. Н., Капелян В. А., Литвин-Жиркова Д. А., Морозов Н. И., Морозова А. Н., Сергеев С. В., Федотова И. А. Правовые основы деятельности и взаимодействия налоговых и иных государственных органов в сфере налогообложения. Москва: Научный консультант, 2015. 78 с.

Заключительным этапом стадии подготовки является установление, по оперативным данным, наличия видеонаблюдения, возможностей подозреваемого для блокировки входов, выходов и отключения компьютеров, тем самым препятствуя попаданию внутрь.

Главной задачей для оперативников является недопущение указанных действий подозреваемым. Например, в процессе подготовки к обыску, оперативные сотрудники изучили план здания и расположение всех выходов из офиса, находящегося в здании.

Перед началом обыска, возле запасного выхода дежурил оперативник, для того, чтобы исключить уход кого-либо через запасную дверь и выноса имеющих значение для дела документов. В момент осмотра помещения, сотрудник офиса попытался выйти через запасной выход с папкой, в которой находилась бухгалтерская документация. Дежуривший там оперативник, предотвратил вынос возможных вещественных доказательств по делу. Таким образом тактика действий сотрудников, продуманная на стадии подготовки к обыску, позволила провести его эффективно, изъять все необходимое и приобщить к делу.

Следующим этапом является проведение обыска. Указанное следственное действие может проводиться: в жилище, в нежилом помещении, в транспорте, на местности и личный обыск¹. Проведение обыска состоит из трех стадий: предварительной, обзорной, детальной².

Согласно 182 статье УПК, для производства обыска в нежилом помещении постановление на его проведение выдает следователь, а для производства обыска в жилище необходимо постановление судьи, т.к. жилище неприкосновенно, никто не вправе проникать в жилище, не иначе как по решению суда.

В практике встречаются нарушения процессуальных норм, которые могут повлиять на исход обыска. Например, следователь пишет ходатайство в суд о выдаче постановления на обыск и в жилище, и в офисе одновременно. Из-за большой загруженности, судья не замечает процессуальной ошибки следователя и выдает такое постановление.

Оперативники приходят с этим постановлением сначала в офис. Выдают его бухгалтеру. Он замечает ошибку и сообщает об этом своему начальнику (подозреваемому) — предупреждает его, что после офиса оперативники поедут к нему в жилище. Предупрежденный руководитель фирмы уничтожает всю документацию, которая храниться у него дома, и с помощью адвоката пытается обжаловать проведенный в офисе обыск, как незаконное следственное

¹ Аленников А. Г. Криминалистика . Москва: Институт экономики и права Ивана Кушнира, 2010. // URL: <https://be5.biz/pravo/k028/54.html> / (дата обращения: 22.10.2024).

² Аленников А. Г. Криминалистика . Москва: Институт экономики и права Ивана Кушнира, 2010. // URL: <https://be5.biz/pravo/k028/54.html> / (дата обращения: 22.10.2024).

действие с нарушением процессуальных норм. Итог: обыск не состоялся, необходимые доказательства не были найдены.

Обыск проводится с целью отыскания и изъятия: регистрационных документов налогоплательщика, приказов и иных организационно-распорядительных документов, содержащих сведения о назначении на должность руководителя организации, бухгалтерской отчетности, баз 1С. Как правило, перечисленные выше предметы, хранятся именно в офисе. Если обыск проводится в жилище, то необходимо обязательное участие лица, в помещении которого производится обыск, либо совершеннолетних членов его семьи. Наиболее эффективными являются обыски по месту жительства руководителей предприятия, главного бухгалтера, а также обыски принадлежащих им дач, гаражей, автомобилей и подсобных помещений.

1. Предварительная стадия этапа проведения обыска. Как только следственно-оперативная группа, технический специалист и понятые зашли в помещение, руководитель группы называет свое имя, цель прибытия и предъявляет служебное удостоверение. До начала обыска следователь предъявляет постановление о его производстве или судебное решение. Далее устанавливается личность присутствующих и предлагается добровольно выдать документацию и иные предметы необходимые для следствия.

При заходе в помещение оперативники или следователь сообщают всем присутствующим, чтобы они отошли от компьютеров, с целью недопущения форматирования носителей информации и удаления базы 1С. Как правило, кто-то из оперативников встает около щитка электроэнергии, чтобы предотвратить возможную попытку принудительного прекращения работы электронной техники в офисе. Также оперативными сотрудниками контролируются выходы из помещения, для того, чтобы предотвратить попытку покинуть офис.

2. Обзорная стадия начинается с принятия решения о проведении обыска в полном объеме.

Следственно-оперативная группа ознакомливается с обстановкой места обыска, производится обзор подлежащих обыску помещений, устанавливается их расположение. Лица, проводящие обыск, выдвигают версии о возможном месте хранения искомых предметов. Руководитель следственно-оперативной группы распределяет обязанности между участниками группы, определяет средства поисковой техники, время производства обыска и тактические приемы

3. На детальной стадии проводится поиск предметов, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Многие налогоплательщики применяют различные программы защиты информации от несанкционированного доступа. Для исключения возможности

безвозвратного уничтожения информации целесообразно с помощью специалиста выполнить копирование данных, хранящихся на жестких дисках персональных компьютеров или съемных носителях.

Заключительным этапом производства обыска является упаковка изъятого, составление протокола, его подписание. В протокол заносятся все изъятое. Например, в процессе производства обыска оперативники обнаружили компьютеры, с которых скачали базу 1С — записали ее на внешний носитель, а также обнаружили ряд документов.

Внешний носитель упаковали надлежащим образом, снабдили пояснительной запиской с подписями понятых, участвующих лиц и сотрудника, составившего протокол. Документы сшили в сшивки, пронумеровали и внесли в протокол: сшивка № 1 «Договоры», сшивка №2 «Счета-фактуры», сшивка №3 «Счета на оплату». Когда оперативники составили протокол, его передали представителю организации для ознакомления и подписания, но тот отказался подписывать протокол и заявил, что обыск провели с нарушением: один из понятых находился не в той комнате, в которой изымали документы. Об этом в протоколе делается соответствующая запись. Протокол обыска составляется в одном экземпляре, подписывается всеми участвующими лицами, копируется, и копия передается лицу, у которого провели обыск.

Изъятая в ходе обыска документация сшивается в сшивки, не превышающие 250 листов, и нумеруется. На обороте сшивки указывается количество листов, и сшивка опечатывается печатью для пакетов с подписями понятых и участвующего лица — представителя организации. Такие действия совершаются с целью исключения добавления в сшивку документов, которые не изымались в ходе обыска.

Изымаемые предметы, например флешки и иные съемные носители упаковываются в прозрачные или бумажные пакеты, снабжаются пояснительной запиской с указанием места проведения обыска и даты проведения. На пояснительной записке необходимы подписи понятых, эксперта, специалиста и лица, которое составило протокол. Изымаемые предметы, также, как и документы опечатываются печатью для пакетов, способом, исключающим свободный доступ. Все изъятые предметы нумеруются.

Изъятые документы и предметы, обнаруженные в одном месте, складывают в пакет или коробку с указанием места обнаружения. Впоследствии это облегчит предъявление изъятых документов и предметов при производстве допросов¹.

¹ Васильева О. Н., Капелян В. А., Литвин-Жиркова Д. А., Морозов Н. И., Морозова А. Н., Сергеев С. В., Федотова И. А. Правовые основы деятельности и взаимодействия налоговых и иных государственных органов в сфере налогообложения. Москва: Научный консультант, 2015. 78 с.

При производстве обыска составляется протокол. О снятии копий и примененных для этого технических средствах необходимо сделать отметку в протоколе следственного действия, а изъятую копию информации приобщить к материалам дела в качестве вещественного доказательства и хранить в опечатанном виде с целью исключения утраты доказательственной базы. При производстве следственных действий и судебных экспертиз следует работать с подлинником.

В протоколе следственного действия надлежит указывать не только общее место производства следственного действия (например: «помещения № 1-150, занимаемые ООО «Х» в доме № 5 на улице Центральной»), но и непосредственное место обнаружения документов и (или) информации, имеющих значение для следствия (например: «в верхнем ящике стола генерального директора П.» или «по адресу ... в памяти компьютера, серийный номер №..., расположенного на рабочем столе в кабинете главного бухгалтера С.»).

Протокол подписывается всеми участвующими лицами, на каждой странице: следователем или оперативником, составившим протокол; понятыми; специалистом; представителем организации и иными участвующими лицами. После подписания копия протокола выдается лицу, у которого проводился обыск.

Обыск позволяет изъять наибольшее количество объектов необходимых для расследования уголовного дела. Например, в процессе выемки, подозреваемые, зная содержание акта налоговой проверки, принимают все возможные меры к сокрытию документов, свидетельствующих о совершении преступления.

В заключение скажем, что последовательность выполнения всех этапов производства обыска при расследовании налоговых преступлений имеет важное значение для конечного результата. Необходимо правильно составить план проведения обыска и грамотно подготовиться к заходу в помещение, предварительно изучив расположение входов, выходов и электрического щитка. В рамках стадии подготовки необходимо заранее найти понятых и организовать участие специалистов. На этапе, непосредственно, проведения обыска важно осмотреть как можно больше мест: ящиков, полок, шкафов, где могут находиться документы, имеющие значение для уголовного дела, а также, изучить содержание компьютерных файлов, чтобы изъять все необходимое и создать доказательственную базу. На заключительном этапе обыска важно правильно составить протокол, указать в нем все изъятые. Ознакомить с протоколом всех присутствующих и проверить наличие подписей участвующих лиц.

Научная статья
УДК 343.54

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕНАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ПОЛОВУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ

Эльвира Галибовна ГАБИБОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
elagabibova797@gmail.com

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного
права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербург-
ского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Россий-
ской Федерации **Полина Викторовна ФЕДЫШИНА**, effo@narod.ru

Аннотация. Вопросы защиты прав и свобод несовершеннолетних в поло-
вой сфере имеют особую актуальность. Необходимость законодательного за-
крепления гарантий безопасности несовершеннолетних выразилась в много-
кратных изменениях уголовного законодательства РФ, что, не привело к
устранению имеющихся противоречий, а наоборот, породило новые.

До настоящего времени сохраняется неопределенность содержания неко-
торых признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135
УК РФ, недостаточно четко осуществлено их законодательное отграничение
друг от друга и от смежных составов.

Ключевые слова: несовершеннолетние, половая свобода, половая непри-
косновенность, развратные действия

Original article

PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF NON-VIOLENT ASSAULTS ON SEXUAL INTEGRITY OF PERSONS UNDER THE AGE OF SIXTEEN

Elvira G. GABIBOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Curatorship of the
Russian Federation, St. Petersburg, Russia, elagabibova797@gmail.com

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law, Criminol-
ogy and Criminal Executive Law, St. Petersburg Law Institute (branch), University

Abstract. The issues of protecting the rights and freedoms of minors in the sexual sphere are of particular relevance. The need for legislative consolidation of guarantees for the safety of minors was expressed in repeated changes in the criminal legislation of the Russian Federation, which did not lead to the elimination of existing contradictions, but, on the contrary, gave rise to new ones.

Until now, the uncertainty of the content of some signs of corpus delicti provided for by Art. 134 and 135 of the Criminal Code of the Russian Federation, their legislative delimitation from each other and from related corpus delicti is not clearly implemented.

Key words: minors, sexual freedom, sexual inviolability, depraved actions

Современные геополитические процессы можно охарактеризовать как весьма сложные и противоречивые. С одной стороны, «последовательно проводимый Российской Федерацией курс на укрепление обороноспособности, внутреннего единства и политической стабильности, на модернизацию экономики и развитие промышленного потенциала обеспечил укрепление суверенной государственности России как страны, способной проводить самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, эффективно противостоять попыткам внешнего давления»¹.

С другой стороны, в настоящее время сформировалась благотворная среда для появления все большего количества новых криминальных элементов и угроз не только на международном, но и на внутригосударственном уровнях.

Воздействию таких негативных явлений, как преступность, наиболее подвержены уязвимые слои населения, к числу которых относятся и несовершеннолетние. Осознавая необходимость обеспечения безопасности детей от любого рода посягательств, создания благоприятных условий для их развития и дальнейшей интеграции в общество, Российская Федерация ставит своей задачей совершенствование законодательного массива, затрагивающего права и свободы несовершеннолетних.

Одним из деструктивных факторов, откладывающим отпечаток не только на физическом, но и психическом благополучии детей, являются преступления против половой свободы и неприкосновенности. Половой нигилизм, сек-

¹ О Стратегии национальной безопасности РФ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400, п. 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

суальная безнравственность, дестабилизация процессов психического и нравственного созревания — все это лишь часть последствий, катализатором которых служат половые преступления.

Особое опасение вызывает ситуация, связанная с увеличением доли числа половых преступлений в общей массе посягательств, совершаемых по отношению к лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста. По данным Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка Марии Львовой-Беловой, с 2018 года в стране стабильно растет количество случаев преступлений сексуального характера в отношении детей¹.

Необходимость законодательного закрепления гарантий безопасности несовершеннолетних выразилась в многократных изменениях уголовного законодательства РФ, что, к сожалению, не привело к устранению имеющихся противоречий, а наоборот, породило новые. Так, до настоящего времени сохраняется неопределенность содержания некоторых признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 134 и 135 УК РФ, недостаточно четко осуществлено их законодательное отграничение друг от друга и от смежных составов.

Первой, и наиболее важной, на наш взгляд, проблемой, остается отсутствие критериев отграничения действий, не попадающих под добровольное половое сношение, мужеложство и лесбиянство (ст. 134 УК РФ), от развратных действий (ст. 135 УК РФ).

Причиной подобного пробела является несоответствие названия ст. 134 УК РФ ее диспозиции. Так, К. Кантемирова обоснованно отмечает, что термины «половое сношение» и «иные действия сексуального характера», указанные законодателем в названии статьи, значительно шире по смысловому значению терминов «половое сношение», «мужеложство», «лесбиянство», используемых в диспозиции этой нормы².

Осложняет проблему отсутствие законодательного определения развратных действий — попытки разъяснения данного термина имеются в научной литературе.

Так, имеется точка зрения, в соответствии с которой «объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 135 УК РФ, составляют ненасильственные действия сексуального характера, исключаящие половое сношение, мужеложство или лесбиянство с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего

¹ Данные доклада Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка в рамках «Открытого диалога» в Совете Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://council.gov.ru/events/news/150524/> (дата обращения: 12.11.2024).

² Кантемирова К. Х. Теоретические и практические проблемы квалификации половых преступлений // Российский следователь. 2007. № 13. С. 22.

возраста¹. Т.е. дефиниция развратных действий сформулирована по «остаточному» принципу — все действия, не обладающие признаками деяний, закрепленных статьями 131—134 УК РФ, следует относить в категорию развратных действий.

Представляется, что квалификация действий, не попадающих под диспозицию ст. 134 УК РФ, по ст. 135 УК РФ, отвечает принципу неотвратимости наказания, но в тоже время не отвечает принципам справедливости и соразмерности, поскольку санкция ст. 135 УК РФ мягче, чем ответственность, предусмотренная ст. 134 УК РФ.

Решение законодательного пробела видится в следующем:

— Расширительное толкование термина «половое сношение», содержащегося в диспозиции ст. 134 УК РФ;

— Дополнение диспозиции ст. 134 УК РФ «иными действиями сексуального характера».

— Внесение соответствующих разъяснений об отграничении «иных действий сексуального характера» от «развратных действий» в Постановление Пленума ВС РФ.

Для квалификации деяний, ответственность за которые предусмотрена ст. 134 и 135 УК РФ, актуальным остается вопрос разграничения с иными составами, предусмотренными гл. 18 УК РФ, поскольку действия, составляющие объективную сторону покушения на ст. 131 и ст. 132 УК РФ, по своим признакам схожи с действиями, составляющими, например, развратные действия (например, обнажение тела потерпевшей).

Первым (и основополагающим) признаком, позволяющим разграничить действия, ответственность за которые предусмотрена ст. 134 и ст. 135 УК РФ от изнасилования (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ), является их ненасильственный характер, т.е. применение насилия или угроза его применения исключена. Если же после начала полового сношения, мужеложства, лесбиянства или развратных действий к потерпевшему лицу с целью его понуждения к продолжению совершения таких действий применяется насилие или выражается угроза применения насилия, содеянное охватывается статьями 131 и 132 УК РФ и дополнительной квалификации по статьям 134 и 135 УК РФ не требует².

Квалификация деяния в таких случаях зависит также от направленности умысла виновного. Так, Н. неоднократно в своей квартире в ночное время со-

¹ Краснюк Г. П. Ненасильственные сексуальные посягательства на лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 69.

² Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

вершал со своей дочерью, достигшей 12-летнего возраста, развратные действия, а именно: прикасался руками и половым членом к ее половым органам, гладил ее тело, грудь. Это происходило не менее одного-двух раз в неделю. Также Н. вменялось совершение изнасилования дочери, что не удалось доказать в суде. В результате он был осужден по ст. 135 УК РФ¹.

Если же умыслом виновного совершение изнасилования, иных насильственных действий сексуального характера изначально не охватывалось, то можно говорить о совокупности преступлений, предусмотренных ст. 131—132 УК РФ, и ст. 135 УК РФ соответственно. При решении вопроса о наличии совокупности преступлений важное значение имеет вопрос доказанности умысла на совершение двух посягательств — об этом может свидетельствовать временной промежуток в действиях виновного, а также наличие признаков возникновения умысла на совершение обозначенных преступлений после развратных действий².

Особый интерес в рамках рассматриваемого вопроса представляет примечание к ст. 131 УК РФ, в соответствии с которым половое сношение, мужеложство и лесбиянство, а также развратные действия, совершенные в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, квалифицируются по соответствующей части ст. 131 или ст. 132 УК РФ даже при отсутствии насилия или угрозы его применения. Подобное решение законодателя объясняется желанием оградить наиболее уязвимую категорию граждан от негативного воздействия в период физического и психологического созревания, обеспечить защиту личности и ее полноценное становление для дальнейшей интеграции в социум.

В тоже время представляется некорректной квалификация так называемых «интеллектуальных» развратных действий, совершенных в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, по п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ, поскольку указанные деяния обладают несовпадающими признаками объективной стороны и различной степенью общественной опасности.

Видится два выхода из сложившейся ситуации:

1. Квалификация «интеллектуальных» развратных действий в отношении лица, не достигшего возраста двенадцати лет, должна быть предусмотрена в квалифицированном составе ст. 135 УК РФ.

2. В сферу действия ст. 135 УК РФ должны входить лишь «интеллектуальные» развратные действия, остальные же деяния должны быть квалифицированы по ст. 134 УК РФ как «иные действия сексуального характера».

¹ Дело № 1-827/07// Архив Октябрьского районного суда г. Омска за 2007 г. Электронный ресурс. URL.: <http://octobercourt.ms.sudrf.ru/> (дата обращения: 12.11.2024).

² Оберемченко А. Д., Разграничение развратных действий с иными половыми преступлениями // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razgranichenie-razvratnyh-deystviy-s-inymi-polovymi-prestupleniyami> (дата обращения: 17.11.2024).

Смежными с рассматриваемыми являются также преступления против общественной нравственности, ответственность за которые предусмотрена ст. 242—242.2 УК РФ.

При квалификации деяния следует исходить из всех признаков рассматриваемых составов. Так, объектом преступлений, предусмотренных ст. 134 и ст. 135 УК РФ являются общественные отношения по обеспечению половой неприкосновенности лица, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, а в ст. 242 УК РФ — общественные отношения по обеспечению общественной нравственности.

Субъективная сторона деяния, ответственность за которое установлена ст. 242 УК РФ, характеризуется отсутствием умысла на удовлетворение сексуальных потребностей, при этом для действий, предусмотренных ст. 135 УК РФ, наличие такого умысла обязательно.

Так, например, Пермяков обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 242 УК РФ, поскольку с целью унижения и оскорбления матери потерпевшей отправил последней при помощи mms-сообщения материалы порнографического содержания¹.

Подводя итог вышеизложенному, можно отметить, что уголовно-правовая регламентация преступлений против половой свободы и неприкосновенности в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, требует законодательной доработки. Выходом видится разъяснение спорных положений в постановлениях пленума Верховного Суда РФ, а также во внесении соответствующих изменений в положения уголовного законодательства РФ.

Научная статья
УДК 343.01

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Анастасия Олеговна ГЛАДКОВСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
gladkowskaya.nastia@yandex.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридиче-

¹ Постановление № 1-433/2015 от 8 сентября 2015 г. / Ачинский городской суд (Красноярский край) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется необходимость активного решения проблем, в части, повышения эффективности мер, альтернативных уголовному наказанию по отношению к несовершеннолетним субъектам.

Автор исследует данный вопрос в связи с тем, что иные меры уголовно-правового характера, применяемые в отношении несовершеннолетних не закреплены в УК РФ.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства в части иных мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетним.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, несовершеннолетние, наказание

Original article

OTHER CRIMINAL LAW MEASURES APPLIED AGAINST MINORS

Anastasia O. GLADKOVSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, gladkow-skaya.nastia@yandex.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article examines the need to actively solve problems, in part, to increase the effectiveness of measures alternative to criminal punishment in relation to minor subjects.

The author examines this issue due to the fact that other measures of a legal nature applied to minors are not enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal law in terms of other criminal law measures applied to minors.

Key words: other measures of a criminal law nature, minors, punishment

Проблема преступности среди несовершеннолетних всегда отличалась своей особенностью, имела актуальность в связи с прямым влиянием общественности. Именно поэтому данное направление стоит у государства в приоритете при реализации социальной политики.

Несмотря на развития профилактической направленности государственных органов среди несовершеннолетней преступности, статистика остается неизменной, наблюдается так же рост тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых данной категорией. Наличие таких обстоятельств обуславливает необходимость активного решения проблем в части повышения эффективности мер, альтернативных уголовному наказанию.

Действующее уголовное законодательство России упоминает в ч. 2 ст.2 УК РФ не только наказание, но и иные меры уголовно-правового характера, которые распространяются и на несовершеннолетних. Однако ни самого понятия иных мер уголовно-правового характера, ни признаков, отличающих эти меры от всех иных, предусмотренных в УК РФ, но также не относящихся к числу наказаний, законодатель не определил, что вызывает большие споры как со стороны теоретиков, так и практических работников.

Из теории российского законодательства можно определить, что определение наказания и иных мер уголовно-правового характера имеют общие цели, но по различному воздействуют на несовершеннолетнего субъекта, т. е. мы не можем говорить, что два данных понятия взаимозаменяемые.

Изучаемый термин «иные меры уголовно-правового характера» в теории уголовного права раскрывается по-разному, так Оловенцова С. Ю. в своей работе указывала, что «иные меры уголовно-правового характера это — государственно-принудительные меры, предусмотренные уголовным законом, но не являющиеся карательными, применяемые к лицам, достигшим возраста уголовной ответственности, но не достигшим совершеннолетия к моменту вынесения приговора судом, совершившим преступление или общественно опасное деяние, подпадающие под признаки, предусмотренные Особенной частью УК РФ, в целях превентивно-воспитательного, исправительно-предупредительного, социально-восстановительного, лечебно-профилактического воздействия»¹.

В данном понятии автор классифицировал меры, определил в группы, тем самым сделал перечень открытым, для последующего применения новых мер, возникших в ходе судебной практика.

Размышляя над данным определением С. А. Боровиков указывал, что под иными мерами уголовно-правового характера следует понимать особый тип

¹ Оловенцова С. Ю. Иные меры уголовно-правового характера, применяемые к несовершеннолетним : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : Рязань, 2010. С. 15.

мер уголовно-правового характера, применяющихся как в сфере уголовной ответственности, так и за ее границами, которые характеризуются наличием специальных методов воздействия и целей, а также предупреждением преступлений¹.

Стоит отметить, что данное понятие указывает на наличие собственных целей, с чем можно согласиться. В отличие от наказания иные меры уголовно-правового характера направлены 1) на исправление и ресоциализацию (условное осуждение, условно-досрочное освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, принудительные меры воспитательного воздействия); 2) на излечение или улучшение психического, состояния несовершеннолетнего (принудительные меры медицинского характера); 3) на восстановление социальной справедливости (конфискация имущества).

Большинство юристов, изучающих указанную тему, выделяют основные классификации иных мер уголовно-правового характера: принудительные меры воспитательного воздействия, принудительные меры медицинского характера, условное осуждение, условно-досрочное освобождение. Но Чуачаев А. И. указывает в своей работе, что данный перечень можно дополнить и такой мерой как конфискация имущества, которое назначается вместо наказания или вместе с ним².

А. В. Зарубин определяет иные меры уголовно-правового характера как меры государственного принуждения, предусмотренные разделом VI УК РФ, не являющиеся уголовным наказанием и заключающиеся в применении по решению суда мер медицинского характера, конфискации имущества и судебного штрафа³.

Егоров В. С. не предлагает исчерпывающего перечня иных мер уголовно-правового характера, отмечает, что таковыми являются принудительные меры воспитательного воздействия в отношении не совершеннолетних, ограничения, устанавливаемые при условном осуждении, судимости и т. п.⁴

Данные пробелы в законодательстве усложняют применения на практике иных мер уголовно-правового характера, но при этом не ограничивают суд в выборе мер воздействия на несовершеннолетнего. Чтобы определить, каким

¹ Боровиков С. А. Принудительные меры воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних как альтернатива уголовному наказанию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007. С. 8.

² Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.И. Рарог. Москва, 2008. С. 179—180.

³ Уголовное право. Общая часть : учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А.В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, Ю. В. Морозова, А.Н. Попов, П. В. Федышина, Р. Д. Шарапов; под ред. А. Н. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 70.

⁴ Егоров В. С. Курс лекций по общей части уголовного права. М.; Воронеж, 2003. С.11.

мера относятся к иным мерам уголовно-правового характера, какая классификация более актуальна для российского законодательства, стоит определить, по каким признакам можно отнести их в данную группу.

Первый признак, который уже указывался выше — наличие собственной цели для иных мер уголовно-правового характера.

Второй, законодательное закрепление в УК РФ, его можно назвать формальным. Данное утверждение осложняется, в следствии того, что законодательство не предусматривает отдельную статью с перечнем всех мер уголовно-правового характера, применяемых к несовершеннолетнему.

Третий признак, меры уголовно-правового воздействия являются государственными и применяются только уполномоченными органами государства, в большинстве случаев таким органом является суд, реже следователи и дознаватели. Это обязательно тем, что вышеуказанные органы осуществляют контроль и надзор за исполнением меры. То обстоятельство, что непосредственный контроль за определенным перечнем мер осуществляют законные представители несовершеннолетнего, не меняет существа дела.

Таким образом можно прийти к выводу, что иные меры уголовно-правового характера недостаточно разработаны в российском уголовном законодательстве и требуют корректировок, в частности добавления определенных статей в Уголовный кодекс РФ.

Так рассмотреть возможность введения в УК РФ ст. 87.2, в которой дать определение, основания применения иных мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних и их виды. В этой связи предлагается указать: «Иные меры уголовно-правового характера применяемые к несовершеннолетним — это система государственно-принудительных мер, предусмотренная уголовным законодательством, применяемая к несовершеннолетним, достигшим возраста уголовной ответственности, но не достигшим совершеннолетия к моменту вынесения приговора судом, в целях исправления и ресоциализацию лица, совершившего преступления, обеспечения безопасности общества и предотвращения совершения новых общественно опасных деяний».

Таким образом, система уголовно-правовых мер реагирования на преступления и общественную опасность деяний несовершеннолетних станет более гибкой и будет соответствовать современным тенденциям развития уголовного права.

Научная статья
УДК 343.195.3

**ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

Диана Витальевна ДИДЫК¹, Ксения Геннадиевна МАЯНЦЕВА²

^{1, 2} Крымский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Симферополь, Россия

² xmayanceva@mail.ru

Научный руководитель — доцент кафедры теории и истории государства и права Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
Екатерина Александровна ОСАДЧУК

Аннотация. В статье рассмотрены законодательные основы международного сотрудничества органов прокуратуры Российской Федерации.

Авторами уделяется внимание основным направлениям деятельности в указанной сфере.

Определены основные международно-правовые акты, составляющие правовую базу деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: международное сотрудничество прокуратуры, борьба с преступностью, направления деятельности прокуратуры, взаимодействие прокуратуры

Original article

**LEGAL ASPECTS OF INTERNATIONAL COOPERATION
OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN COMBATING CRIME**

Diana V. DIDYK¹, Ksenia G. MAYANTSEVA²

^{1, 2} Crimean Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Simferopol, Russia

² xmayanceva@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Crimean Law Institute (branch) of the University of the

Abstract. The article examines the legislative framework of international cooperation between the Prosecutor's office of the Russian Federation.

The authors pay attention to the main areas of activity in this area.

The main international legal acts that make up the legal basis of the prosecutor's office's activities have been identified.

Keywords: International cooperation of the prosecutor's office, the fight against crime, areas of activity of the prosecutor's office, interaction of the prosecutor's office

В современном мире международное право играет важную роль в урегулировании конфликтов и стабилизации отношений между государствами, а также в обеспечении мира и безопасности человечества. Противодействие преступности представляет собой одну из ключевых функций государства в контексте решения данной проблемы на мировом уровне, что предопределяет важность международного сотрудничества между государственными органами разных стран.

Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет, что «Генеральная прокуратура Российской Федерации в пределах своей компетенции осуществляет прямые связи с соответствующими органами других государств и международными организациями, сотрудничает с ними, заключает соглашения по вопросам правовой помощи и борьбы с преступностью, участвует в разработке международных договоров Российской Федерации»¹.

На сегодняшний день Генеральная прокуратура Российской Федерации осуществляет активную деятельность по развитию направления взаимодействия с Организацией Объединенных Наций, реализуя работу в Комиссии по предупреждению преступности и уголовному правосудию, принимает участие в совещаниях Генеральных прокуроров стран-участников Шанхайской организации сотрудничества. В состав Антикоррупционной и Антитеррористической рабочих групп БРИКС входят представители Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Кроме того, следует подчеркнуть, что международное сотрудничество значительно активизировалось с развитием деятельности Координационного совета генеральных прокуроров государств-участников (КСГП) Содружества Независимых Государств (далее — СНГ)².

¹ О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Избранные труды / [сост. К. И. Амирбеков, И. А. Васькина, Н. А. Кулакова, И. А. Стаценко; вступит.

Университет прокуратуры Российской Федерации является ключевым учреждением, осуществляющим подготовку, переподготовку и повышение квалификации кадров органов прокуратуры государств-участников СНГ, а также в нем действует Научно-методический центр КСГП.

Следует выделить основные направления деятельности Генеральной прокуратуры Российской Федерации в рамках указанной темы:

— во-первых, выполнение Российской Федерацией обязательств по вопросам о выдаче лиц для уголовного преследования или исполнения приговора. Среди стран, которые удовлетворяют запросы о выдаче лиц и тесно сотрудничают по рассматриваемым вопросам с Российской Федерацией, находятся Республика Казахстан и Республика Беларусь, Республика Армения и Чехия, Польша и Испания. В 2023 году зарубежными государствами были удовлетворены запросы о выдаче России 151 лица. Генеральная прокуратура нашей страны, в свою очередь, рассмотрела около 543 запросов о выдаче лиц из России;

— во-вторых, одним из основополагающих направлений деятельности является оказание органами прокуратуры международной правовой помощи по уголовным делам, а также правоохранительного содействия. Исполнено 376 запросов России о предоставлении правовой помощи по уголовным делам, Российская Федерация рассмотрела 3600 запросов, из которых 3324 были исполнены, т.е. можно сделать вывод о том, что Российская Федерация прикладывает достаточно активные усилия для реализации мероприятий по данному направлению;

— в-третьих, обеспечение представительства и защиты интересов России в международных судах, межгосударственных органах и организациях;

— в-четвертых, установление новых, поддержание и развитие уже существующих связей Генеральной прокуратуры Российской Федерации с правоохранительными органами иностранных государств и международными организациями;

— в-пятых, разработка, подготовка и заключение международных договоров с иностранными государствами и их органами. Данное направление смело можно назвать развивающимся с наиболее быстрыми темпами, регулярно Генеральная прокуратура Российской Федерации заключает двусторонние договоры, соглашения о сотрудничестве и подписывает программы сотрудничества;

— в-шестых, в современных условиях с развитием инновационных технологий актуальной является сфера розыска, ареста, конфискации и возврата из-

за рубежа средств и активов, полученных преступным путем. Главное управление международно-правового сотрудничества принимает меры для последовательного усовершенствования законодательной базы в данной сфере. Об эффективности проводимых мероприятий свидетельствует факт того, что в 2023 году Россия направила в компетентные органы иностранных государств 10 запросов по указанному направлению, восемь из которых были рассмотрены и удовлетворены.

— в-седьмых, деятельность по обмену опытом и проведению научных исследований, проведения специальных курсов для повышения квалификации кадров и другие¹.

Данные направления деятельности в рассматриваемой сфере закреплены «Положением о главном управлении международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации», утвержденным Генеральной прокуратурой Российской Федерации 26 сентября 2022 года, и конкретизируются в нем.

В свою очередь данное управление структурно включает в себя более мелкие единицы: «управление экстрадиции, управление правовой помощи, управление международного права, отдел документационного обеспечения»², и это позволяет наиболее детально решать существующие вопросы и анализировать реальное положение дел. Каждое из подразделений выполняет определенные функции, связанные с организацией выполнения обязательств и реализации прав, закрепленных в межгосударственных соглашениях (в частности, в уголовно-правовой сфере); подготовкой предложений об участии в мероприятиях международного характера Генеральной прокуратурой Российской Федерации; контролем за исполнением законов о выдаче лиц и оказанию правовой помощи по договорам России; координацией проводимых мероприятий в рамках всей системы органов прокуратуры по вопросам межгосударственного сотрудничества, а также осуществлением непосредственного взаимодействия с органами иностранных государств; анализом эффективности выполнения обязательств в этой сфере и осуществлению регулярного обобщения практики реализации предоставленных полномочий.

Однако, стоит учитывать, что в случаях отсутствия различного рода договоров Генеральной прокуратуры с иностранными государствами в лице их органов по вопросам уголовного судопроизводства, взаимодействие базируется

¹Мецлер В. Э. Международное сотрудничество органов прокуратуры российской федерации в современных условиях // Вопросы российской юстиции. 2024. № 30. 435 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-organov-prokuratury-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 18.11.2024).

²Денисович В. В., Захаров А. В. Главное управление международно-правового сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. Т.5 вып. 2. 17 с. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glavnoe-upravlenie-mezhdunarodno-pravovogo-sotrudnichestva-generalnoy-prokuratury-rossiyskoy-federatsii/viewer>

на принципе взаимности, признанном в международном праве, согласно которому при достижении межгосударственных договоренностей по дипломатическим каналам Генпрокуратура России письменно удостоверяет готовность предоставить от лица Российской Федерации правовую помощь иностранному государству в проведении конкретных процессуальных мероприятий, что закреплено в ч. 2 ст. 453 УПК РФ, а также возможность выдачи данному государству лиц в соответствии с российским законодательством (ч. 1 ст. 460 УПК РФ).

С целью дальнейшего развития и укрепления отношений сотрудничества в области борьбы с преступностью Генеральная прокуратура Российской Федерации имеет двусторонние договоры, подписанные рядом государств.

Международные нормативно-правовые акты входят в систему правовой основы деятельности органов прокуратуры в указанной сфере.

Таким образом, вызовы современности (транснациональная преступность, терроризм и т.д.) обуславливают потребность во взаимодействии, сотрудничестве и консолидации усилий мирового сообщества. В рамках реализации международного сотрудничества по борьбе с преступностью, Генеральная прокуратура Российской Федерации обеспечивает защиту законности, что является ее первостепенной задачей, и укрепление международного правопорядка, мира и безопасности.

Научная статья

УДК 343.272

КОНФИСКАЦИЯ ИМУЩЕСТВА КАК МЕРА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Софья Михайловна ДОНДЭ

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, donde5407@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы конфискации имущества в рамках уголовных дел, связанных с террористической и экстремистской деятельностью, а также мошенничеством.

Анализируются правовые аспекты и процедуры, касающиеся изъятия активов, используемых для финансирования преступных действий. Особое внимание уделяется различиям в подходах к конфискации в зависимости от характера преступления и его последствий.

Статья подчеркивает важность правовой базы для эффективной борьбы с терроризмом и мошенничеством, а также необходимость защиты законных интересов граждан в процессе конфискации.

Ключевые слова: иные меры уголовно-правового характера, конфискация имущества

Original article

CONFISCATION OF PROPERTY AS A MEASURE OF CRIMINAL LAW

Sofya M. DONDE

Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg,
Russia, donde5407@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Law, Associate Professor **Andrei Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article examines issues related to the confiscation of property within the framework of criminal cases associated with terrorist and extremist activities, as well as fraud.

It analyzes the legal aspects and procedures concerning the seizure of assets used to finance criminal activities. Special attention is given to the differences in approaches to confiscation depending on the nature of the crime and its consequences.

The article emphasizes the importance of a legal framework for effectively combating terrorism and fraud, as well as the necessity of protecting the legitimate interests of citizens during the confiscation process.

Keywords: other criminal law measures, confiscation of property

Все меры уголовно-правового характера имеют длительную историю в российском уголовном праве, начиная с классического (дореволюционного) уголовного права. Все эти меры были неразрывно связаны с соответствующими уголовно-правовыми функциями. Принудительные меры медицинского характера, напротив, были и остаются специфическим средством специальной

профилактики, а конфискация имущества в прошлом являлась средством наказания. Уголовный кодекс объединил эти меры в разделе VI под одним названием, тем самым изменив их правовую природу и установив единую юридическую сущность.

Значение конфискации имущества среди мер уголовно-правового характера занимает весьма важное место. Регулирование данной меры прошло через множество противоречивых изменений в современном российском законодательстве — от внесения в Уголовный кодекс РФ в 1996 году как дополнительного наказания до совершенного отказа в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ и последующего вновь введения с изменением юридической природы¹.

Актуальность темы конфискации состоит в том, что данная мера уголовно-правового воздействия является одним из эффективных способов предотвращения преступлений, а ее положения как альтернативной меры пока не до конца изучены и проанализированы в судебной практике. Известно, что в истории конфискация имущества как форма наказания или другая мера контроля всеми государствами рассматривалась и рассматривается как необходимая и действенная форма борьбы с преступностью.

Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» исключил конфискацию имущества из уголовного законодательства (из системы уголовных наказаний). Это означает, что законодатель лишил судебную власть полномочий или права применять или не применять данную меру в качестве метода государственного принуждения к преступнику.

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера предусмотрена в ст. 104.1 УК РФ. Она представляет собой принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основе обвинительного приговора. Конфискация применяется к имуществу, полученному в результате совершения преступлений, предусмотренных п. „а” и „д” ч.1 ст.104 УК РФ, следовательно, имущество, полученное в результате преступлений, может быть конфисковано, за исключением имущества, подлежащего возвращению законному владельцу. Конфискация также применяется к имуществу, используемому для финансирования терроризма, экстремистской деятельности и других преступлений.

Орудия, оборудование и средства совершения преступления, принадлежа-

¹ Зарубин А. В. Некоторые проблемы совершенствования применения конфискации имущества // От Псковской судной грамоты к принципам современного правосудия: традиции и новации в российском судопроизводстве : сборник научных статей / Под общ. ред. О. В. Лазарева, Я. Б. Жолобова. СПб.: Астерион, 2024. С. 278.

щие обвиняемому, также подлежат конфискации. Транспортное средство, использованное при совершении преступления, также подлежит конфискации. Если имущество, полученное в результате преступления, было приобщено к законному имуществу, конфискации подлежит соответствующая часть имущества. Имущество, переданное осужденным другому лицу, подлежит конфискации, если лицо знало или должно было знать о его происхождении.

По делам о коррупционных преступлениях деньги, ценности и имущество, переданные в виде взятки или коммерческого подкупа, подлежат конфискации и не могут быть возвращены. Исключения составляют случаи передачи взятки под контролем органов для задержания с поличным.

По уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности конфискации подлежит любое имущество обвиняемого, являющееся орудием преступления.

По делам о коррупционных преступлениях деньги, ценности и иное имущество, переданные в виде взятки или коммерческого подкупа, подлежат конфискации и не могут быть возвращены. Исключения составляют случаи передачи взятки под контролем органов для задержания с поличным.

В рамках уголовных дел, связанных с террористической и экстремистской деятельностью, подлежат конфискации любые активы обвиняемого, которые служили орудием преступления. Это касается не только средств, но и ценностей, а также имущества, которое использовалось или предназначалось для финансирования терроризма, экстремистских группировок, организованных преступных сообществ или незаконных вооруженных формирований. Конфискация возможна вне зависимости от того, кому принадлежат эти активы.

Для обеспечения потенциальной конфискации суд может наложить арест на имущество, принадлежащее подозреваемому или другим лицам, если существует обоснованное подозрение, что оно было приобретено в результате преступной деятельности или использовалось для поддержки террористических действий. Арест может быть применен даже в тех случаях, когда личность подозреваемого остается неустановленной.

Если конфискация конкретного предмета невозможна, то подлежит изъятию другое имущество, эквивалентное его стоимости. Важно отметить, что передача или уничтожение вещественных доказательств не считается конфискацией.

При решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь рассматривается возможность возмещения ущерба законному владельцу, включая компенсацию за счет конфискованных активов.

Конфискация имущества как мера уголовно-правового воздействия применяется в отношении преступлений, предусмотренных различными статьями

Уголовного кодекса Российской Федерации. В частности, это касается составов преступлений, указанных в части 2 ст. 105, частях 2-4 ст. 111, части 2 ст. 126, статьях 127.1 и 127.2, части 2 ст. 141, статье 141.1, части 2 ст. 142, статье 145.1 (в случае совершения преступления из корыстных побуждений), статьях 146, 147, а также статьях 153-155 (при совершении данных преступлений из корыстных побуждений). Кроме того, конфискация может применяться в отношении статей 171.1-171.5, 174, 174.1, 183, частях 3 и 4 ст. 184, статьях 186, 187, 189, 191.1, 201.1, частях 5-8 ст. 204, статьях 205-205.5, 206, статье 207.3 (при совершении преступления из корыстных побуждений), а также статьях 208-210, 212, 222, 227, 228.1 и других, вплоть до ст. 264.3 УК РФ.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, в статьях, касающихся мошенничества, не предусмотрена такая мера уголовно-правового воздействия, как конфискация имущества. Проведенный анализ показывает, что в Уголовном кодексе отсутствует прямая норма, регулирующая конфискацию в контексте мошеннических действий. Это обусловлено тем, что главная цель наказания за мошенничество заключается в восстановлении справедливости и компенсации ущерба потерпевшему.

Конфискация имущества применяется в тех случаях, когда оно является результатом преступной деятельности или использовалось для ее совершения. В контексте мошенничества преступник, как правило, получает незаконное имущество от потерпевшего, что делает конфискацию не всегда целесообразной, поскольку это имущество уже принадлежит другому лицу.

Вместо конфискации в делах о мошенничестве чаще всего применяется механизм возмещения ущерба потерпевшему, что способствует восстановлению его прав и компенсации понесенных убытков. Тем не менее, в некоторых случаях суд может принять решение о наложении ареста на имущество обвиняемого до завершения судебного разбирательства для обеспечения возможности возмещения ущерба.

Таким образом, основной акцент в делах о мошенничестве ставится на восстановление прав потерпевших, а не на конфискацию имущества.

**АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ, КАК КРИТЕРИЙ
КРИМИНАЛИЗАЦИИ ИЛИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ
В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ**

Алёна Алексеевна ЗАЙЧИКОВА¹, Виктория Александровна ПЕРЕПЕЧИНА²

^{1, 2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ zaichikova05@bk.ru

² vikaper05@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**, roman888rus@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме конструирования и включения института административной преюдиции в уголовное законодательство Российской Федерации.

Помимо этого, в работе были проанализированы различные концептуальные подходы к определению данного термина в рамках уголовного права, а также мнение Конституционного суда РФ.

Авторы приходят к выводу о том, что административная преюдиция является критерием криминализации неоднократных и однородных административных правонарушений.

Ключевые слова: Конституционный суд РФ, административная преюдиция, криминализация, декриминализация, неоднократность, административное правонарушение, уголовная ответственность

Original article

**ADMINISTRATIVE PREJUDICE AS A CRITERION
FOR CRIMINALIZATION OR DECRIMINALIZATION
OF ACTS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW**

Alyona A. ZAICHIKOVA¹, Victoria A. PEREPECHINA²

^{1, 2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ zaichikova05@bk.ru

² vikaper05@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problem of designing and including the institution of administrative prejudice in the criminal legislation of the Russian Federation.

In addition, the work analyzed various conceptual approaches to the definition of this term in the framework of criminal law, as well as the opinion of the Constitutional Court of the Russian Federation.

The authors conclude that administrative prejudice is a criterion for criminalizing repeated and homogeneous administrative offenses.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, administrative prejudice, criminalization, decriminalization, repetition, administrative offense, criminal liability.

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

В современном российском уголовном праве все больше прослеживается тенденция конструирования и включения законодателем норм с административной преюдицией. Закрепление подобных положений связано со многими аспектами, в том числе и с историческим, а именно с разграничением гражданского и уголовного законодательства, которое произошло в 1864 году в результате судебной реформы.

Так, по мнению К.Г. Стефановского, «всякое правовое положение, действующее в государстве, коренится в прошлой истории народа; точно так и правосудие, в том виде, в каком оно признается в данное время и при данных обстоятельствах, есть результат истории»¹.

Наличие административной преюдиции в современном УК РФ порождает многочисленные дискуссии среди практиков и ученых-теоретиков. Споры возникают в части дефиниции понятия, целесообразности и эффективности внедрения и применения данной юридической категории в уголовном законе. Помимо этого, критике подвергается и техническое исполнение норм с административной преюдицией.

Наличие этих факторов приводит к тому, что и на практике остается много вопросов, по которым юристы до сих пор не имеют единого мнения. Касается

¹ Стефановский К. Г. Разграничение гражданского и уголовного судопроизводства в истории русского права. // Журнал министерства народного просвещения. 1873. Февраль. Ч. CLXV.

это, в первую очередь, времени совершения таких преступлений, верной квалификации, и многих других моментов, которые важны как для правоприменителя, так и для уголовно-правовой системы в целом.

В частности, Конституционный суд ранее уже обращал внимание на недопустимость существования неопределенности в праве, так как она порождает произвольное понимание и толкование заложенного смысла, что напрямую противоречит конституционному принципу равенства всех перед законом и судом¹. Учитывая все вышесказанное, преодоление неточностей, как нам кажется, представляется возможным при определенной обоснованности сущности административной преюдиции и, как следствие, закреплении этого на законодательном уровне.

В юридической литературе, как было отмечено ранее, до сих пор не содержится единой трактовки «административной преюдиции». Данная тема еще в конце XIX века вызвала бурные обсуждения среди ученых, а уже в XX веке была подробно исследована в кандидатских диссертациях И. О. Грунтова и Ч. Ф. Мустафаева. В российском же уголовном праве административной преюдиции отводилось особое внимание такими экспертами, как А. Г. Безверхов, Е. С. Изюмова, В. И. Колосова, Н. А. Лопашенко, В. П. Малков и другими. В связи с этим возникло большое количество различных подходов.

При чем, одни исследователи при установлении дефиниции пытались обойтись лишь уголовно-правовыми (отраслевыми) понятиями, вторые же применяли преимущественно общетеоретические конструкты. Так, с формально-юридической точки зрения преюдиция выступает особым приемом юридической техники.

В рамках данной точки зрения наиболее развернутое определение было предложено С. А. Маркунцовым, который предположил, что именно в этом качестве преюдиция «устанавливает сложный фактический состав, заключающийся в учете при привлечении к уголовной ответственности факта (фактов) привлечения лица к административной ответственности (наложения административного наказания) при повторном (неоднократном) совершении лицом в течение определенного периода времени после этого аналогичного деяния»².

Таким образом, каждое из действий само по себе, то есть отдельно от другого, является административным правонарушением, но в сумме, по мнению законодателя, они образуют качественно новое деяния — преступление. Однако, стоит сказать, что данный подход является не совсем обоснованным, хотя и очень распространенным в отечественном уголовном праве.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.1995 № 3-П Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Маркунцов С. А. О понимании административной преюдиции как особого средства юридической техники и расширении ее использования в Уголовном кодексе Российской Федерации. Текст: непосредственный // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 4. С. 31—42

Так, прием юридической техники как писал Алексеев С.С. представляет собой «порядок, способ рационального использования средств юридической техники»¹.

В связи с этим ученый классифицировал по степени обобщения показателей нормы два приема: абстрактный, казуистический, а по способу изложения элементов нормы три приема: прямой, ссылочный и бланкетный.

Межотраслевой же подход преподносит административную преюдицию как олицетворение схожей публично-правовой природы административного и уголовного права при разности их сфер действия. В частности, сторонники данной концепции утверждают, что административная преюдиция служит своего рода эффективным средством разграничения преступлений и правонарушений.

«Разделение» уголовной и административной ответственности осуществляется за счет включения в содержание статей Уголовного кодекса Российской Федерации «материальных последствий», наличие или размер которых являются «единственными критериями» отграничения административного проступка и «преюдиционного» преступления»².

Таким образом, Н.И. Пикуров определяет административную преюдицию, как «способ коррекции границы между преступлением и проступком применительно к конкретному деянию, представляющему собой систему однородных действий, причиняющих совокупный вред одному и тому же объекту»³.

Однако О.С. Капинус, представляя более последовательную точку зрения в рамках данного подхода, считает административную преюдицию «феноменом межотраслевой интеграции» уголовного и административно-деликтного права. Иными словами, административная преюдиция выступает больше юридическим инструментом, который позволяет при умелом применении проводить «локальную» профилактику противоправного поведения.

Но и при таком подходе находятся среди ученых противники данных позиций. В большинстве своем, они утверждают, что «преюдиционные нормы» не могут и не должны согласовывать действия уголовного и административного права, поскольку при таком условии происходит смешение сфер воздействия, что «в широком смысле» неизбежно приведет к нарушению принципа законности.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. // М.: Юрид. лит., 1982. С.281

² Бавсун И. Г. Тихон И. А., Бавсун М. В. Административная преюдиция и перспективы ее применения на современном этапе // Административное право и процесс. 2008. № 6. С. 6—10.

³ Пикуров Н. И. Превентивная функция административной преюдиции в уголовном праве // Двойная превенция в борьбе с преступностью: вопросы теории и практики / ответственный редактор Р. В. Жубрин. Москва: Университет прокуратуры РФ, 2018. С. 97—104.

Существует еще одна позиция в уголовном праве, касающаяся природы «административной преюдиции» — социально-юридическая. Здесь же, преюдиция выступает инструментом осуществления государственной политики, то есть средством криминализации или декриминализации деяний. Что интересно, при данном подходе охватываются и учитываются как аргументы сторонников «административной преюдиции», так и их оппонентов.

В частности, приверженцы данной юридической категории считают ее средством декриминализации при условии, что она вводится в уже существующие нормы уголовного законодательства. В этом отношении, как было отмечено ранее, данная юридическая категория выступает фактором, снижающим репрессивность уголовного закона.

Так, по словам В. И. Колосовой административная преюдиция в таких случаях вводится не столько для гуманизации норм Уголовного кодекса Российской Федерации, «сколько для снижения социальной напряженности, сложившейся в результате неоправданно жесткой уголовной политики государства»¹.

Однако, при всей оправданности аргументов ученых, выступающих за реализацию административной преюдиции, как критерия декриминализации в рамках уголовного права России, стоит сказать, что близкой к нашему собственному мнению и наиболее обоснованной представляется противоположная позиция исследователей.

Так, в контексте посланий Президента РФ к Федеральному собранию Конституционный суд Российской Федерации 10 февраля 2017 г. вынес постановление «По делу о проверке конституционности положений ст. 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». В п. 4.2 данного Постановления было подчеркнуто следующее: «повторное (многократное) совершение лицом однородных административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия), которые, оставаясь в своей нормативной первооснове административными правонарушениями, по характеру и степени общественной опасности приближаются к уголовно наказуемым деяниям»².

¹ Колосова В. И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 1. С. 246—254.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, орган конституционного контроля признал законное использование административной преюдиции как средства криминализации неоднократных и однородных административных правонарушений. Более того, исходя уже из анализа множества позиций ученых, которые были приведены ранее в статье, можно так же сделать вывод, что административная преюдиция выполняет далеко не административно-правовую функцию декриминализации деяний, а скорее наоборот уголовно-правовую функцию криминализации.

В частности, на это указывает и доктор юридических наук В. П. Малков, который утверждает, что данная юридическая категория является своего рода «объявлением правонарушений уголовно-наказуемыми при условии, что к лицу уже применялись меры административного воздействия»¹.

Продолжая аргументировать свою точку зрения, не можем не упомянуть и о том, что в содержании некоторых статей УК РФ или в примечаниях к ним законодателем специально закрепляются признаки административной преюдиции, точнее говоря, свойства криминализации для придания административному правонарушению качества преступления.

Так, в диспозиции ст. 282 УК РФ (возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства) указывается, что уголовная ответственность налагается на лицо в случае, если оно ранее уже привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние в течении одного года.

Наряду с этим, ст. 151.1 УК РФ (розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции) так же включает в диспозицию признак неоднократности для наступления уголовной ответственности. Однако в примечании уже дается разъяснение этой «неоднократности», под которой признается «розничная продажа несовершеннолетнему алкогольной продукции лицом, подвергнутому административному наказанию за аналогичное деяние, в период, когда лицо считается подвергнутому административному наказанию».

Помимо этих статей в УК РФ содержатся так же 116.1, 158.1, 284.1, 314.1 и др. В них так же предусмотрена возможность привлечения к уголовной ответственности лица после наложения административного взыскания за совершение тождественного правонарушения.

Таким образом, подытоживая все вышесказанное, хотим отметить, что под декриминализацией в науке часто понимается «законодательная процедура, позволяющая полностью исключить запрещенное уголовным законом деяние из числа преступлений»².

¹ Малков В. П. Административная и дисциплинарная преюдиция как средства декриминализации и криминализации в уголовном праве // Пробелы в российском законодательстве. 2008. № 2. С. 195—198.

² Кузнецов А. П. Криминализация – декриминализация, пенализация — депенализация как содержание уголовной политики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 1 (35). С. 17.

В силу этого, утверждение о существовании частичной или полной декриминализации преступлений за счет использования административной преюдиции носит весьма сомнительный характер. К тому же, как отмечалось нами ранее, административная преюдиция направлена не на гуманизацию уголовного законодательства, а больше на его репрессивность, так как за совершение повторного административного проступка лицо привлекается уже к уголовной ответственности.

Следовательно, если лицо не исправилось, а примененные к нему санкции административного характера являются недостаточными, то, по-нашему мнению, нужно совершенствовать меры административного воздействия, а не криминализировать проступок путем применения административной преюдиции.

Научная статья
УДК 343.2

НЕОДНОКРАТНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

София Юрьевна ЗАЯЦ

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
sofia.zayatz@yandex.ru

Научный руководитель — преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Александровна ШУТОВА**, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы практической реализации института неоднократности преступлений в действующем уголовном законодательстве.

Автор приводит положения постановления Конституционного Суда Российской Федерации для аргументации позиции о необходимости восстановления ст.16 УК РФ, и признания неоднократности преступлений обстоятельством, отягчающим наказание, если лицом ранее совершались преступления, за которые оно освобождалось от уголовной ответственности.

Ключевые слова: неоднократность преступлений, повышенная общественная опасность, судимость, освобождение от уголовной ответственности, рецидив, совокупность преступлений

FREQUENCY OF CRIMES: PAST AND PRESENT

Sofia Y. ZAYATS

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, sofia.zayatz@yandex.ru

Scientific adviser — Lecturer, Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Alexandrovna SHUTOVA**, yulya.shiganova.96@mail.ru

Abstract: the article discusses the issues of practical implementation of the institution of repeated crimes in the current criminal legislation. The author cites the provisions of the ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation to argue the position on the need to restore Article 16 of the Criminal Code of the Russian Federation, and to recognize the repetition of crimes as an aggravating circumstance if a person has previously committed crimes for which he was released from criminal liability.

Keywords: repeated crimes, increased public danger, criminal record, exemption from criminal liability, recidivism, a set of crimes

Множественность преступлений является одним из важнейших институтов уголовного права. В действующем УК РФ она представлена совокупностью преступлений и рецидивом, однако с 13 июня 1996 года, даты появления УК РФ, до 08 декабря 2003 года наряду с ними существовала ст. 16 Общей части УК РФ «Неоднократность», однако признак неоднократность ранее уже встречался в некоторых статьях Особенной части УК РСФСР¹.

Согласно редакции УК РФ (в ред. 07.07.2003 г.) неоднократностью преступлений признавалось совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи настоящего Кодекса. В случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части УК РФ (в ред. 07.07.2003 г.), возможно было признание неоднократным преступлений, предусмотренных различными статьями.

Так, например в примечании 5 к ст. 158 УК РФ (в ред. 07.07.2003 г.) «неоднократным в статьях 158-166 признается совершение преступления, если ему предшествовало совершение одного или более преступлений, предусмотренных этими статьями, а также статьями 209, 221, 226 и 229».

¹ Уголовный кодекс РСФСР : утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 г. : в ред. Федерального закона от 30 июля 1996 г. № 103-ФЗ (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Исходя из этого, можно утверждать, что неоднократностью характеризуется совершение нескольких преступлений с одинаковыми видовыми объектами, например, собственность, или представляющих собой одно деяние, например, хищение.

Так, неоднократности характерно совершение преступлений, подпадающих под одну и ту же часть статьи, статью или статью, из главы Особенной части УК РФ, что напоминает классификацию совокупности, которая в зависимости от объекта преступного посягательства разделяется на тождественную (одна статья), однородную (один раздел) и разнородную. Однако, в сравнении с совокупностью неоднократность свидетельствует о преступной специализации лица,

Согласно п.2 ст.16 УК РФ (в ред. 07.07.2003 г.) неоднократность не образуется, если за ранее совершенное преступление лицо было в установленном законом порядке освобождено от уголовной ответственности либо судимость за ранее совершенное лицом преступление была погашена или снята. Этот факт свидетельствует о родственном происхождении таких видов множественности преступлений, как неоднократность и рецидив.

Неоднократностью преступлений признается совершение лицом нового преступления в период после осуждения за предыдущее и до момента погашения или снятия судимости, но при отсутствии признаков рецидива¹. Отличительным признаком рецидива в таком случае является умышленность совершенных деяний, что демонстрирует устойчивую преступную направленность действий лица.

Тождественная идея нашла свое отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П. Федеральный законодатель, определяя уголовно-правовые последствия непогашенной или неснятой судимости, дифференцирует их в зависимости от того, как судимость отражается на общественной опасности тех или иных категорий преступлений.

Если само по себе совершение преступления лицом, уже имеющим судимость, повышает его общественную опасность безотносительно к виду преступления, то это рассматривается в нормах Общей части УК РФ в качестве обстоятельства, отягчающего наказание.

Если же влияние прежней судимости на общественную опасность нового преступления расценивается законодателем как выходящее за рамки обычного, в том числе по причине характерного для конкретного вида преступле-

¹ Коротких Н. Н. Теоретические и прикладные проблемы учения о множественности преступлений: уголовно-правовое и уголовно-исполнительное исследование : автореф. дис. Екб, 2016. С.19.

ний высокого уровня специального рецидива, судимость указывается в качестве относящегося к субъекту преступления квалифицирующего признака состава преступления, антисоциальная природа которого определяется в значительной мере систематичностью преступного поведения лица¹.

Таким образом, законодатель акцентирует внимание на двух уголовно-правовых аспектах рецидива: характеристика повышенной опасности лица и его преступном профессионализме, – что характерно и для неоднократности.

Несмотря на то, что институт неоднократности исключили из Общей части, в настоящее время она продолжила существовать как криминообразующий признак в диспозициях статей Особенной части. В действующей редакции УК РФ неоднократность формулируется различным образом, характеризую личность преступника, в частности она предстает в виде:

систематичности, заключающейся в совершении тождественных деяний в количестве 3 и более раз (ст. ст. 107, 110, 113, 117, 151, 171.2, 232, 241 УК РФ);

административной преюдиции, представляющей собой привлечение к уголовной ответственности за совершение аналогичного административного правонарушения, если по нему не истек срок, предусмотренный ст. 4.6 КоАП РФ (ст. ст. 116.1, 158.1, 171.5, 191, 201.2, 201.3, 215.3, 255, 264.1, 264.2, 264.3, 274.2, 280.1, 280.3, 282, 284.1, 284.2, 285.5, 285.6, 314.1, 315, 321.1, 330.1, 330.3 УК РФ)²;

собственно неоднократности (ст. ст. 151.1, 154, 157, 171.4, 180, 212.1, 215.4, 217.3, 282.4 УК РФ);

непогашенное или неснятой судимости (ст. ст. 116.1, 131, 132, 133, 134, 135, 204.2, 264.1, 264.2, 264.3, 284.1, 291.2, 321.1, 330.3 УК РФ).

Также, неоднократность встречается в примечаниях к статьям 193 и 193.1 УК РФ, но не в качестве признака, характеризующего личность преступника, а в качестве количественного признака числа переводов денежных средств, что не влияет на квалификацию деяния.

Однако, по многим указанным статьям на практике виновное лицо часто освобождается от уголовной ответственности по различным основаниям,

¹ По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2003 г. № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Кончакова О. Ю. Административная преюдиция в уголовном праве России : маг. дис.. Томск, 2019. С.17.

в связи с чем лицо, совершая очередное запрещенное уголовным законом деяние, считается впервые совершившим преступление¹. Так, по мнению Лариной «в настоящее время набирает обороты социальный феномен «несудимый рецидивист», то есть лицо, которое вследствие неоднократного освобождения от уголовной ответственности ни разу не было подвержено уголовно-правовым репрессиям»².

Освобождение от уголовной ответственности применяется для оказания положительного воздействия на виновного без использования суровых мер наказания в качестве прощения ему совершенного противоправного деяния и расчета на дальнейшее законопослушное поведение. Если ожидаемый результат не был достигнут и лицо вновь совершает преступление, это свидетельствует о его устоявшихся преступных наклонностях и необходимости применения более строгого наказания.

Это подтверждается примерами судебной практики, рассмотренными в диссертации Шутовой Ю. А., в котором «повторность совершения преступлений не учитывается судом при оценке общественной опасности лица, который пять раз совершил аналогичные угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью «...» за счет стабильности применения освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим»³.

В целях систематизации Уголовного закона и устранения его казуистичности, а также упрощения практики назначения уголовного наказания и достижения его главной цели (исправление осужденного), опираясь на положения постановления Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П, материалы судебной практики и мнения ученых, предлагаем внести дополнение в ст. 63 УК РФ и восстановить институт неоднократности преступлений в ст. 16 УК РФ, признав обстоятельством, отягчающим наказание совершение двух или более тождественных или однородных преступлений, за которые лицо ранее освобождалось от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 : в ред. от 29 ноября 2016 г. № 56. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Ларина Л. Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87—90.

³ Шутова Ю.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2024. С.180.

Научная статья
УДК 343.2/.7

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОПАГАНДЫ И ПУБЛИЧНОГО ДЕМОНИСТРИРОВАНИЯ ЗАПРЕЩЕННОЙ СИМВОЛИКИ (АТТРИБУТИКИ)

Назар Алексеевич ЗЕЛЕНКОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
nazar.zelenkov.2002@mail.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Роман Дмитриевич ШАРАПОВ**,
srd72@mail.ru

Аннотация. В научной работе рассматривается ряд проблемных аспектов квалификации деяния, предусмотренного статьей 282.4 УК РФ.

В процессе анализа судебной практики и доктринальных позиций ученых в сфере уголовного права выделяются основные вопросы, которые представляют сложность в процессе правоприменения указанной нормы, а также предлагаются подходы по совершенствованию законодательства и решению проблем, возникающих в правоприменительной практике.

Ключевые слова: нацистская символика или атрибутика, публичное демонстрация, пропаганда, экстремизм, идеология нацизма

Original article

SOME PROBLEMS OF QUALIFICATION OF PROPAGANDA AND PUBLIC DISPLAY OF PROHIBITED SYMBOLS (ATTRIBUTES)

Nazar A. ZELENKOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, nazar.zelenkov.2002@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the

Abstract. The scientific work examines a number of problematic aspects of the qualification of the act provided for in Article 282.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

In the process of analyzing judicial practice and doctrinal positions of scientists in the field of criminal law, the main issues that are difficult in the process of law enforcement of this norm are highlighted, and approaches are proposed to improve legislation and solve problems that arise in law enforcement practice.

Keywords: Nazi symbols or attributes, public demonstration, propaganda, extremism, ideology of Nazism

В настоящее время Россия сталкивается с беспрецедентными попытками исторического ревизионизма, берущего свои корни со стороны отдельных западных стран. Политические лидеры таких государств стали постепенно забывать ужасающие события и факты, установленные в ходе Нюрнбергского трибунала, а в некоторых случаях даже поощрять нацистские и неонацистские настроения в обществе.

12 ноября 2024 года Третий комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял внесенную Российской Федерации резолюцию «Борьба с героизацией нацизма, неонацизма и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости», обеспокоенность вызывает тот факт, что против принятия указанной резолюции проголосовали 54 государства, в числе которых США, Украина, Великобритания, Франция, Япония, Германия и Канада¹.

Однако несмотря на все попытки ряда западных стран помешать реализации политики, направленной на борьбу с нацизмом и иными формами экстремизма, мировое сообщество осознает необходимость принятия данного документа.

Стоит отметить, что Российская Федерация на внутриполитическом уровне также усердно реализует различные меры противодействия экстремистским угрозам, в том числе, путем установления уголовной ответственности за деяния, ранее считавшиеся непроступными.

Так, в июле 2022 года Уголовный кодекс Российской Федерации был дополнен ст. 282.4, предусматривающей ответственность за пропаганду либо

¹ Сообщение для СМИ Министерства иностранных дел РФ О принятии в Третьем Комитете 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюции о борьбе с героизацией нацизма. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/1785972/. (дата обращения: 18.11.2024).

публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти деяния совершены лицом, подвергнутым административному наказанию за любое из административных правонарушений, предусмотренных ст. 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

С введением указанной нормы у правоприменителей появилось большое количество вопросов, касающихся квалификации действий, образующих признаки вышеуказанного состава преступления.

Особый интерес вызывает предмет рассматриваемого состава преступления, то есть запрещенная символика и атрибутика.

Отсутствие нормативно закреплённого понятийного аппарата усложняет решение квалификационных задач, законодатель не дает дефиниции понятиям «символика» и «атрибутика».

Так, символика и атрибутика, несомненно, являются сходными понятиями, но неидентичными. Согласно толковому словарю Ожегова под символикой понимается совокупность символов, в свою очередь понятие «символ» означает то, что служит условным знаком какого-нибудь понятия, явления, идеи¹.

Согласно толковому словарю Ефремовой атрибутикой является совокупность отличительных признаков общих для какого-либо ряда предметов, явлений². Стоит отметить, что судебная практика также не выработала критериев разграничения рассматриваемых понятий.

А.А. Кунашаев в своей работе указывает, что символика по отношению к атрибутике первична. Например, если лицо нанесло на стену свастику, то оно воспроизвело соответствующую символику, к атрибутике автор относит, в частности, предметы военной формы, на которых изображены соответствующие символы, например, шевроны военной формы³.

Если обратиться непосредственно к ст. 282.4 УК РФ, то можно заметить, что законодатель путем перечисления разделил символику и атрибутику, пропаганда и публичное демонстрирование которых запрещены на 4 вида:

- нацистская атрибутика и символика;
- символика и атрибутика, сходная с нацистской до степени смешения;

¹ Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28654>

² Толковый словарь Ефремовой. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ckii.ru/Library/SearchInLibrary?SearchText=АТТИБУТИКА&LibraryType=CommonLib&SearchType=DefinitionsForWord&UserLibVocabularyIds=>

³ Кунашаев А. А. Действия с нацистской и экстремистской символикой и атрибутикой: тонкости квалификации // Уголовный процесс. 2024. № 10.

- символика и атрибутика экстремистских организаций;
- иная атрибутика и символика, запрещенная федеральными законами.

Согласно ст. 1 Модельного закона «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников», принятого Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств, нацистской символикой являются знамена, значки, атрибуты униформы, приветствия и пароли, представляющие собой воспроизведение в любой форме соответствующей символики, использовавшейся Национал-социалистской рабочей партией Германии и Национальной фашистской партией Италии: свастики, приветственных жестов и других отличительных знаков государственных, военных и иных структур, признанных преступными Международным военным трибуналом, а также символика, сходная с нацистской до степени смешения¹.

По нашему мнению, указанная трактовка понятия «нацистская символика» имеет ряд недостатков. Так, в данной норме модельного закона не дифференцируются категории «символика» и «атрибутика», что не соответствует ст. 282.4 УК РФ, разграничивающей данные понятия. Также в вышеприведенном модельном законе к нацистской символике отнесена символика, сходная с нацистской до степени смешения, что, по нашему мнению, является неверным, в виду наличия у таковой самостоятельного статуса. Включение в понятие «нацистская символика» символику Национальной фашистской партией Италии также можно подвергнуть критике, в виду того, что указанная символика является соответственно фашистской.

Верховный суд в своем решении под нацистской символикой и атрибутикой признает символику и атрибутику, которые использовались организациями, признанными Нюрнбергским международным военным трибуналом преступными. Таковыми являются знамена, значки, атрибуты униформы, приветственные жесты и пароли, свастика, а также их воспроизведение в любой форме².

По нашему мнению, указанная позиция на сегодняшний день является наиболее подходящей при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 282.4 УК РФ.

Помимо нацистской запрещено также пропагандировать и публично демонстрировать символику и атрибутику, сходную с нацистской до степени смешения. По мнению ряда авторов, вопрос о схожести атрибутики и символики до степени смешения с нацистской должен определяться по аналогии с

¹ Модельный закон «О недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников» от 17.05.2012 № 37-18, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств-участников Содружества Независимых Государств. <https://iacis.ru/public/upload/files/1/290.pdf>.

² Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 11.12.2018 г. № 24-АД 18-6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

законодательством, регулирующим право интеллектуальной собственности.

В п. 41 Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утвержденных Приказом Минэкономразвития РФ от 20.07.2015 № 482 (в редакции от 20.09.2024) указано, что сходство изобразительных и объемных обозначений определяется по следующим признакам: внешняя форма, наличие или отсутствие симметрии, смысловое значение, вид и характер изображения (натуралистическое, стилизованное и т.п.), сочетание цветов и тонов¹.

Также для признания атрибутики и символики сходной до степени смешения с нацистской, необходимо, на наш взгляд, чтобы она воспринималась таковой в массовом сознании населения, не обладающего специальными познаниями в данной области.

Следующим видом запрещенной символики и атрибутики является атрибутика и символика экстремистских организаций.

В соответствии с п. 4 ст. 1 Федерального закона 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» под символикой экстремистских организаций понимается символика, описание которой содержится в учредительных документах организации, в отношении которой по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

Хоть указанная категория и нашла свое официальное толкование на уровне закона, она не является совершенной. На практике встречаются случаи привлечения к уголовной ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование экстремистской символики, которая не содержится в учредительных документах экстремистских организаций, в виду отсутствия у них таковых.

Так, наиболее распространены случаи привлечения лиц по ст. 282.4 УК РФ за пропаганду либо публичное демонстрирование символики движения «АУЕ»², которое признанное экстремистским, однако оно не было зарегистрировано в установленном законом порядке, и соответственно, не имеет учредительных документов.

Таким образом, под экстремистской символикой также следует понимать

¹ Правила составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, утв. Приказом Минэкономразвития РФ от 20.07.2015 г. № 482 (в ред. от 20.09.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Деятельность Международного общественного движения «Арестантское уголовное единство» (другие используемые наименования «Арестантский уклад един», «Арестантское уркаганское единство», АУЕ, А.У.Е.) признана экстремистской на основании решения Верховного Суда Российской Федерации от 17.08.2020 и дополнительное решение Верховного Суда Российской Федерации от 02.10.2020.

символику, которая постоянно или систематически используется экстремистскими организациями, но не содержится в их учредительных документах. Считаем, что для устранения несогласованности законодательных положений с практикой, необходимо внести изменения в ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», путем расширения дефиниции понятия «экстремистская символика».

Согласно ч. 4 ст. 6 Федерального закона «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» от 19.05.1995 № 80-ФЗ в ред. 28.12.2024 г. к иной запрещенной атрибутике и символике относятся атрибутика и символика организаций, отрицающих факты и выводы, установленные приговором Международного военного трибунала либо приговорами национальных, военных или оккупационных трибуналов, основанными на приговоре Международного военного трибунала, либо вынесенными в период Великой Отечественной и Второй мировой войнах¹.

Перечень указанных организаций, а также их атрибутики и символики ведется Министерством Юстиции РФ.

Так, постановлением Урайского городского суда ХМАО — Югры гражданин К. признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.3 КоАП РФ. Судом установлено, что гражданин К. находился в спортивном костюме черного цвета с изображением эмблемы «Украинской повстанческой армии (УПА)», данная эмблема является изображением «Тризуб Владимира Великого», указанная организация согласно распоряжению Министерства Юстиции № 37-р от 17.01.2024 включена в перечень организаций, указанных в ч. 4 ст. 6 ФЗ от 19.05.1995 № 80-ФЗ, то есть пропаганда и публичное демонстрирование указанной символики запрещены².

Интересным является вопрос неустановления уголовной ответственности за пропаганду либо публичное демонстрирование атрибутики или символики, сходных с экстремистской атрибутикой или символикой до степени смешения.

Так, если лицо публично продемонстрирует символику, которая схожа с экстремистской, например, во флаге запрещенной в РФ международного движения «ЛГБТ»³ поменяет местами цвета флага, то с точки зрения буквы закона, в его действиях будет отсутствовать состав ст. 20.3 КоАП РФ и ст. 282.4

¹ Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов : Федеральный закон от 19.05.1995 г. № 80-ФЗ в ред. 28.12.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Постановление № 5-110/2024 от 08.08.2024 г. / Урайский городской суд (Ханты-Мансийский автономный округ-Югра) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

³ Решением Верховного Суда Российской Федерации № АКПИ23-990с от 30.11.2023 международное общественное движение «ЛГБТ» признано экстремистской организацией с запретом деятельности на территории Российской Федерации.

УК РФ. На наш взгляд, с целью усиления политики противодействия экстремистской деятельности, следует установить ответственность за пропаганду и публичное демонстрирование атрибутики и символики, сходных с экстремистской.

Резюмируя вышеизложенное, на нынешнем этапе развития российского обществ введение уголовной ответственности за пропаганду и публичное демонстрирование запрещенной символики является эффективной мерой противодействия экстремистских проявлений, однако на данный момент у правоприменителей при квалификации указанных действий возникают вопросы, требующие теоретического осмысления.

Научная статья

УДК 343.348

ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 243.4 УК РФ

Елизавета Владимировна ЗОЛОТАРЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
ell.zolotareva@mail.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук. профессор **Роман Дмитриевич ШАРАПОВ**,
srd72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу о проблеме определения законодательной конструкции преступления, посягающего на объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России.

Рассматриваются понятийные аппараты, связанные с изыскиваемой темой. Автором проводится анализ позиций, представленных в научных исследовательских работах по вопросу об предполагаемой законодателем конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ.

В заключении приводятся выводы, по результатам исследования, которые могут быть использованы для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: уголовное законодательство, уничтожение, повреждение, объекты, увековечивающие память погибших при защите Отечества, конструкция состава преступления, момент окончания преступления

Original article

LEGISLATIVE DESIGN OF THE COMPOSITION CRIMES PROVIDED BY ART. 243.4 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Elizaveta V. ZOLOTAREVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, ell.zolotareva@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law. Professor **Roman Dmitrievich SHARAPOV**, srd72@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of determining the legislative structure of a crime that encroaches on objects that perpetuate the memory of those who died defending the Fatherland or its interests or dedicated to the days of military glory of Russia.

The conceptual apparatus associated with the topic being sought is considered. The author analyzes the positions presented in scientific research works on the issue of the legislator's proposed construction of the crime under Art. 243.4 of the Criminal Code of the Russian Federation.

In conclusion, conclusions are given based on the results of the study, which can be used for further research.

Keywords: criminal legislation, destruction, damage, objects perpetuating the memory of those killed in defense of the Fatherland, construction of the crime, the moment of the end of the crime.

В условиях роста сети «Интернет» и информатизации общества распространение огромного количества ложной информации стало обыденным явлением, что, в свою очередь, приводит к трансформации общественного восприятия истинных исторических событий Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Росту антинравственных деяний, направленных на переписывание исторических событий в собственную угоду и избавление от любого напоминания о

прошлых событиях, обуславливает и существующая в настоящее время мировая напряженность и политические состыковки между странами, в особенности между Российской Федерацией и Украиной. Одним из наиболее остро существующих на данный момент общественно-опасных деяний, как внутри страны, так и за рубежом, выступают противоправные действия в отношении военно-мемориальных сооружений, увековечивающих память погибших при защите Отечества.

Уничтожение более 3 тысячи памятных сооружений за рубежом (по состоянию на 1 декабря 2023 года)¹, 59 памятников уничтоженных в пределах России (по состоянию на 2024 год)², угроза дестабилизации российского общества, а также его духовно-культурный упадок, требовало стремительных действий государства, в связи с чем, Федеральным законом от 7 апреля 2020 года № 112-ФЗ в УК РФ была введена ст. 243.4. УК РФ, которая устанавливает уголовную ответственность за уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России.

Практика реального привлечения лиц к уголовной ответственности по ст. 243.4 УК РФ немногочисленна, однако количество зарегистрированных преступлений все же показывает рост совершения данного общественно-опасного деяния. Так, за период с 7 апреля 2020 г. по 1 июля 2023 г. к уголовной ответственности привлечено 22 лица: в 2020 г. — 0, в 2021 г. — 4, в 2022 г. — 11, в первом полугодии 2023 г. — 7³.

Одним из аспектов, на который стоит обратить внимание при характеристике преступления, является вопрос определения момента окончания преступлений в зависимости от их законодательной конструкции — специфики состава преступления, описанной в законе при помощи элементов, характеризующих объективную сторону преступления⁴. От верного установления данного аспекта зависит правильное толкование норм уголовного законодательства и обеспечение прав лица, виновного в совершении преступления.

В настоящее время, уголовный закон не определяет, что следует считать моментом окончания преступления. В доктрине уголовного права можно увидеть множество мнений относительно дефиниции данного явления. Одним из

¹ Захарова обвинила ЕС и НАТО в поддержке сноса памятников советским воинам // сайт. URL: <https://regNews.ru/News/3850824?ysclid=luqsgbo88h821449047> (Дата обращения: 22.09.2024)

² Место памяти // сайт. URL: <https://xn--80ajknckhoje6l.xn--p1ai/objects/map?query=%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D1%8F> (Дата обращения: 21.10.2024)

³ Шакурина, В.Г. О личности осужденных за посягательства на военно мемориальные сооружения (ст. 243.4 УК РФ) и их предупреждении // Вестник Университета Прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 4 (102). С. 102.

⁴ Жилкин М. Г. К вопросу о моменте окончания преступления // Сибирский юридический вестник. 2022. № 4 (99). С. 63.

наиболее удачных, по нашему мнению, является определение данное О. В. Ермаковой, которая презюмирует, что момент окончания преступления — это момент, когда в действиях лица проявляется четко определенный признак объективной стороны конкретного состава преступления, который отражает его развитие во времени. При этом данный объективный признак реального деяния сопровождается соответствующим признаком субъективной стороны или несколькими такими признаками, вытекающими из характеристик состава преступления¹.

Определяя момент окончания преступления, законодатель, не ограничиваясь следующим, руководствуется вариативностью развития преступного поведения лица и стадиями совершения преступления. Путем данного им создаются конструкции составов преступлений².

Каждое преступление, предусмотренное Особенной частью УК РФ, в зависимости от своей законодательной конструкции имеет свой момент окончания. Таким образом, уголовный закон выделяет следующие конструкции составов, характеризующиеся индивидуально присущим им моментом окончания: формальный; материальный; усеченный; состав поставления в опасность (деликтоопасный).

Переходя к рассмотрению конструкции состава преступления, которому посвящена наша работа, обратимся к его диспозиции, а именно объективной стороне.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ, устанавливает действия по уничтожению либо повреждению воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России.

В целом, оба понятия имеют относительную схожесть, поскольку предмет уголовно-правовой охраны так или иначе страдает, но не являются тождественными. Под уничтожением следует понимать приведение советующего материального объекта в полную негодность, в состояние, при котором объект утрачивает возможность восстановления и приведения в первоначальное состояние, утрачивает свою ценность и не может использоваться по назначению³. Повреждение — нанесение вреда, частичное разрушение объекта, состо-

¹ Ермакова О. В., Понятие момента окончания преступления и его соотношение со смежными категориями // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2011. № 1 (20). С. 65.

² Голенко Д. В. О вопросах установления судом момента окончания отдельных видов преступлений // Государство и право: вопросы методологии, истории, теории и практики функционирования. 2022. С. 338.

³ Мартышева О. М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей: дис. ... канд.юр. наук: 12.00.08 — «Омская юридическая академия», Омск, 2015. С. 82.

яние, в результате которого произошли его изменения, но существует возможность восстановления¹.

В отсутствии законодательных комментариев, а также разъяснений высшего судебного органа, возникает проблема, которая не разрешена и в научных исследованиях — какова конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ, и, следовательно, момент окончания преступления?

Так, авторами, в отношении данного преступного посягательства рассматриваются две конструкции — формальная и материальная. Формальный состав предполагает наличие в объективной стороне только деяния, тогда как в материальном составе в объективная сторона состоит из деяния и последствий, которые могут как указываться, так и предполагаться.

А. С. Жикулина, Н. А. Рахвалова, З. Р. Рахматулин, резюмируют, что законодательная конструкция преступления имеет формальный состав, и соответственно преступление будет окончено с момента выполнения действий, установленных объективной стороной². Н.О. Селиверстов, соглашаясь с мнением авторов, приведенных выше, также говорит о формальной конструкции состава преступления³.

И. В. Пантюхина критически относится к позиции авторов о формальном составе, говоря о недостаточной аргументации авторами своего мнения, и придерживается мнения о материальной конструкции состава, объясняя это тем, что уничтожение либо повреждение приводит к наступлению вредных последствий, и их наступление ознаменовывает момент окончания преступления⁴. Аналогичной позиции придерживается в своей работе Г.Л. Москалев⁵.

Исходя из анализа научных исследований, мнения разделились на равные лагеря. Несмотря на сложившуюся ситуацию, по нашему мнению, стоит признать соответствующей реальности позицию о материальной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 243.4 УК РФ и объясняется это следующим.

Анализируя конструкцию предусмотренного состава, нами видится, что указанные в диспозиции ст. 243.4 УК РФ действия по уничтожению или по-

¹ Безверхов А. Г., Шевченко И. Г. Ответственность за уничтожение или повреждение чужого имущества: учеб. Пособие. Самара : Изд-во «Универс групп», 2011. С. 55.

² Жикулина, А. С., Рахвалова, Н. А., Рахматулин, З. Р., Уголовно-правовой анализ состава уничтожения либо повреждения воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России // ModernScience. 2020. № 6-1. С. 312.

³ Селиверстов Н. О., Проблемы разграничения статей 243 и 243.4 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 2 (90). С. 101—102.

⁴ Пантюхина И. В. Проблемы регламентации и толкования ст. 243.4 УК РФ // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 272—273.

⁵ Москалев Г. Л. Уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного статьей 243.4 УК РФ // Вестник сибирского юридического института МВД России. 2023. № 2 (51). С. 14.

вреждению объектов, выступают в качестве последствий совершенного деяния, и несомненно связаны причинно-следственной связью. И только наступление данных общественно опасных последствий является основанием для привлечения к уголовной ответственности по данной статье.

Возможно ли такое, что на формирование мнения отдельных авторов о формальном составе повлияло отсутствие указания в диспозиции статьи конкретных последствий? Возможно, однако даже такой вариант трудно признать осмысленным.

Во-первых, анализ понятий, характеризующих объективную сторону преступления, а именно «уничтожение» и «повреждение» дает нам основание говорить о наступлении прямых последствий в виде материального вреда, причиняемого обществу и государству.

Во-вторых, не все составы Особенной части УК РФ, имеющие материальный состав, содержат в своей диспозиции указание на неблагоприятные последствия, и из этого явно не следует, что такие преступления приобретают формальный состав.

Ведь и затруднительно представить привлечение к уголовной ответственности, и при нормальном течении процесса в последующем – осуждение виновного лица, путем вынесения обвинительного приговора, если в результате действий по уничтожению или повреждению, предмет преступления не претерпел постоянных или временных изменений, ведь в таком случае преступление не может считаться оконченным, и соответственно подлежит квалификации по иной статье уголовного закона.

Подытоживая изложенное, заключим: преступление, предусмотренное ст. 243.4 УК РФ, выступает одним из составов Особенной части УК РФ, имеющим по особенностям конструкции объективной стороны материальный состав преступления, и является оконченным с момента наступления общественно-опасных последствий путем совершения действий по уничтожению либо повреждению мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России.

Закрепление данного постулата в дальнейших законодательных разъяснениях, а также разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ будет иметь положительное влияние на правильность толкования и применения норм уголовного права.

Научная статья
УДК 343.713

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Анастасия Вячеславовна ЗУЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
nastyabatsukova123@gmail.com

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Денис Юрьевич КРАЕВ**,
k.d1979@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются признаки объективной стороны вымогательства, совершаемого с использованием современных информационных технологий.

Проанализировано уголовное законодательство России, изучена судебная практика и научная литература, посвященная вымогательству, в том числе вопрос о том, возможно ли совершение вымогательства с угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего, в случае, когда такие сведения уже распространялись до предъявления соответствующего требования.

Разработаны предложения по совершенствованию статьи 163 УК РФ, ввиду того, что ее действующая редакция не охватывает все виды угроз, которыми может сопровождаться требование при совершении вымогательства с использованием информационных технологий.

Ключевые слова: вымогательство, объективная сторона, информационные технологии, программа-вымогатель, компьютерная информация

Original article

ON THE ISSUE OF THE OBJECTIVE SIDE OF EXTORTION USING INFORMATION TECHNOLOGY

Anastasia V. ZUEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, nastyabat-sukova123@gmail.com

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **Denis Yuryevich KRAEV**, k.d1979@yandex.ru

Abstract. The article examines the signs of the objective side of extortion committed using modern information technologies.

The criminal legislation of Russia has been analyzed, proposals for amendments to Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation concerning the objective side of the crime provided for by the specified article of the Criminal Code of the Russian Federation have been studied.

The position of the Supreme Court of the Russian Federation is considered. In addition, the question of whether it is possible to talk about the commission of extortion with the threat of spreading information that disgraces the victim, in the case when such threats have already been distributed, has been studied.

Proposals have been developed to improve Article 163 of the Criminal Code of the Russian Federation, due to the fact that the current version of this article of the Criminal Code of the Russian Federation does not allow to apply the types of threats that may accompany a demand for extortion using information technology.

Keywords: extortion, objective side, information technology, ransomware, computer information

С ростом числа пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» растет, соответственно, и количество преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий или в социальных сетях, в том числе и интернет-вымогательств.

Как справедливо отмечает Я. И. Гилинский: «цифровизация жизнедеятельности приводит к переструктуризации преступности»¹. Под переструктуризацией следует понимать процесс, в ходе которого уменьшается процент «обычной» («уличной») преступности и, соответственно, растет процент новых видов преступности: экономической, киберпреступности и иных.

Данный процесс нашел свое подтверждение в правовой действительности. Заместитель начальника управления по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Татарстана М. С. Хайрова отмечает, что «ранее вымогательства чаще всего совершались представителями организованных преступных группировок и сопровождались угрозой

¹ Гилинский Я. И. Девиантность в цифровом мире // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 182.

применения насилия, в связи с чем установление личности преступника не составляло особого труда, а на данный момент интернет-вымогательство совершается дистанционно»¹, что, как представляется, затрудняет раскрытие и расследование данного вида преступлений.

Современную жизнь сложно представить без гаджетов и доступа в сеть «Интернет»: социальные сети, онлайн-банки, электронная почта — все это в настоящее время является почти что базовой потребностью для людей. Данным фактом успешно пользуются вымогатели.

Как указывает Д. В. Жмуров, интернет-вымогательство — это предъявляемое в виртуальной среде требование о передаче активов, совершении каких-либо действий под угрозой причинения вреда².

При этом, следует отметить, что ст. 163 УК РФ предусматривает ограниченный круг угроз, выдвигаемых при вымогательстве: угроза применения насилия, угроза уничтожения или повреждения чужого имущества, угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, или иных сведений. Так, в список угроз не включены, например, угроза блокировки и угроза удаления компьютерной информации, которая может высказываться преступниками при совершении вымогательства с использованием компьютерной информации.

Зачастую данный вид вымогательства совершается с помощью программ-вымогателей, которые, попадая в компьютер или сеть, блокируют доступ к системе или шифруют находящиеся там данные³. Впоследствии выдвигается вымогательское требование.

Примером, отражающим повышенную общественную опасность данного способа совершения преступления, является такая программа, как GoldenEye. В 2017 году данный вирус порастил более 2000 целей, в числе которых также были российские нефтяные компании и банки, путем шифрования жестких дисков целиком. Одним из наиболее опасных последствий атаки данной программы явилось то, что в ходе проведения работ на Чернобыльской АЭС ее сотрудникам пришлось проверять уровень радиации вручную, поскольку все компьютеры на базе программы Windows были отключены от сети.

Создание данных программ запрещено уголовным законом и в зависимости от фактических обстоятельств дела подлежит дополнительной квалифика-

¹ Прокуратура заявила о росте числа IT-вымогательств : [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2023/09/28/vimogatelstva/> (дата обращения: 17.09.2024).

² Жмуров Д. В. Кибервиктимология вымогательств в цифровом пространстве // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. №2. С. 82.

³ Программы-вымогатели (Ransomware) | Чем отличаются Locky, Petya и другие программы-вымогатели? : [сайт]. URL: <https://www.kaspersky.ru/resource-center/threats/ransomware-attacks-and-types> (дата обращения: 21.09.2024).

ции по ст.ст. 272, 273, 274.1 УК РФ несмотря на то, что имеет место выдвижения вымогательского требования.

Хоть, фактически, данное деяние и содержит все иные признаки состава вымогательства, оно не может квалифицироваться по ст. 163 УК РФ, поскольку, как указывалось выше, угроза блокировки или удаления компьютерной информации не предусмотрена в качестве признака объективной стороны в ст. 163 УК РФ.

Д. А. Овсяков считает, что квалификация данных деяний по ст. 163 УК РФ хоть и будет отражать смысл уголовного закона, однако, при этом не будет соответствовать его букве, в связи с чем ученым предлагается следующий вариант – включить в Уголовный кодекс новую статью — ст. 163.1 «Вымогательство в сфере компьютерной информации»¹. Данная позиция представляется обоснованной, однако, поскольку перечень возможных угроз при вымогательстве гораздо шире указанного в ст. 163 УК РФ, более правильным видится внесение изменений в саму ст. 163 УК РФ, а не создание для каждой возможной угрозы вымогательства новой статьи Уголовного кодекса.

Кроме того, как верно отмечает С. А. Стяжкина, создание новой статьи или расширение перечня вымогательских угроз не решит проблему комплексности кибервымогательства, поскольку данное деяние в любом случае будет необходимо квалифицировать по совокупности ст. 163 УК РФ и статей, предусматривающих ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации и за использование вредоносных программ, и иных статей, связанных с компьютерной безопасностью².

В информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» распространены вымогательства, совершаемые в социальных сетях с применением угрозы распространения сведений, позорящих потерпевшего и его близких, иных сведений.

В. В. Хилjuta приводит в пример ситуацию, когда администратор телеграмм-канала публикует в своем канале в открытом доступе информацию о публичном лице или организации, которая либо является, либо данным лицом или организацией воспринимается как негативная, в связи с чем лицо или представитель организации связываются с администратором и просят удалить опубликованную информацию, за что администратор требует соответствующую плату, как за оказание «услуги» по дальнейшему нераспространению³.

¹ Овсяков Д. А. Использование информационно-телекоммуникационных сетей при совершении вымогательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. №2 (123). С. 143—144.

² Стяжкина С. А. Вопросы квалификации кибервымогательства // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. № 5. С. 945.

³ Хилjuta В. В. Подлежит ли расширительному толкованию признак угрозы распространения сведений в составе вымогательства? // Законность. 2024. № 4. С. 49. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Возникает вопрос о том, имеется ли здесь такой тип угрозы как «распространение сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких» и, следовательно, состав вымогательства, если, фактически, данные сведения уже были распространены.

В. В. Хилюта отмечает, что если рассматривать угрозу распространения указанных сведений как конечный результат, то в приведенной ситуации будут отсутствовать признаки состава вымогательства, поскольку невозможно угрожать совершением действия, которое уже совершено, однако, если угрозу рассматривать как процесс, тогда для квалификации не будет иметь значение были ли сведения распространены предварительно, то есть до выдвижения требования, поскольку угроза будет продолжать иметь общественную опасность как угроза продолжения совершения противоправного деяния¹.

Обращаясь к п. 12 ПП ВС РФ № 56, следует отметить, что законодатель предусматривает возможность квалификации по совокупности ст. 163 УК РФ со ст.ст. 128.1, 137, 155, 183 УК РФ, которые предусматривают ответственность за распространение отдельных категорий сведений о лице или организации². Следовательно, распространение сведений, позорящих потерпевшего или его близких, не исключает противоправности последующего выдвижения вымогательского требования.

Итак, соглашаясь с мнением В. В. Хилюты, полагаем, что в данной ситуации распространение сведений следует понимать как процесс, поскольку в таком случае угроза удаления сведений или угроза дальнейшего распространения сведений будет настолько же потенциально опасной, как и угроза распространения сведений, в виду того, что пока информация находится в телеграмм-канале, она находится в открытом доступе.

Если при совершении данного деяния администратор изначально имел умысел на выдвижение имущественного требования после обращения к нему лица с просьбой об удалении сведений, то становится возможно усмотреть в данном деянии признаки состава вымогательства.

Таким образом, в виду распространения вымогательства с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, назрела необходимость соответствующей регламентации цифрового вымогательства. Некоторые дискуссионные вопросы здесь представляется возможным урегулировать на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

¹ Хилюта В. В. Подлежит ли расширительному толкованию признак угрозы распространения сведений в составе вымогательства? // Законность. 2024. № 4. С. 51. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.35

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 322.1 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Дария Сергеевна ИДРИЧАН

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург,
Россия, dariya.idrichan@mail.ru

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации **Анна Борисовна КАЛИНКИНА**, kalinkina.ab@skspba.ru

Аннотация. В настоящее время в научном сообществе уделяется большое внимание спорным вопросам квалификации организации незаконной миграции и отграничению данного состава преступления от схожих по объективной стороне преступлений из главы 32 УК РФ и правонарушений, регламентированных главой 18 КоАП РФ.

В данной статье приведен анализ судебной практики и рассмотрены проблемы, возникающие при квалификации действий, связанных с организацией незаконной миграции на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: организация незаконной миграции, фиктивная регистрация, фиктивная постановка на учет, проблемы квалификации

Original article

**PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIME,
STIPULATED BY ART. 322.1 OF THE CRIMINAL CODE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Dariya S. IDRICHAN

St. Petersburg Academy of Investigative Committee, St. Petersburg, Russia,
dariya.idrichan@mail.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation **Anna Borisovna KALINKINA**, kalinkina.ab@skspba.ru

Abstract. Currently, the scientific community pays great attention to the controversial issues of qualification of the organization of non-horse migration and the delimitation of this corpus delicti from those on the objective side of crimes from chapter 32 of the Criminal Code of the Russian Federation and legal violations regulated by chapter 18 of the Administrative Code of the Russian Federation.

This article provides an analysis of judicial practice and examines the problems that arise when qualifying actions related to the organization of illegal migration in the Russian Federation.

Key words: organization of illegal migration, fictitious registration, fictitious registration, qualification problems.

Глава 32 УК РФ содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за преступления в сфере миграции — статьи 322-322.3 УК РФ. Глава 18 КоАП РФ также содержит ряд административных правонарушений в области обеспечения порядка пересечения государственной границы и пребывания иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации.

Из-за этого возникает противоречащая судебная практика и ведутся дискуссии в научной среде. Перейдем к рассмотрению преступления, предусматривающего ответственность за организацию незаконной миграции. Необходимо определить какие действия лица образуют признак организации, а также разграничить от других составов преступлений и деяний, за которые лица подлежат административной ответственности.

Следует начать с определения круга действий, за которые наступает ответственность по ст. 322.1 УК РФ. Диспозиция рассматриваемой статьи содержит три альтернативных действия: организация незаконного въезда, незаконного пребывания, незаконного транзитного проезда.

Однако, в Главе 32 УК РФ также содержатся отдельные составы, предусматривающие ответственность за фиктивную регистрацию иностранного гражданина или лица без гражданства, и фиктивная постановка на учет иностранного гражданина или лица без гражданства.

Можно сказать, что 322.2 УК РФ и 322.3 УК РФ включают в себя часть объективной стороны организации незаконной миграции, однако сама ст. 322.1 УК РФ только содержит в себе признаки указанных составов.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 №18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» организация незаконной миграции наряду с другими действиями организационного характера включает фиктивную регистрацию (постановку на учет) иностранных граждан или лиц без гражданства по

месту жительства или месту пребывания в Российской Федерации, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью ст. 322.1 УК РФ и ст. 322.2 УК РФ или ст. 322.3 УК РФ¹.

Верховный Суд указал на факт того, что если при совершении ст. 322.1 УК РФ, наряду с другими действиями, направленными на организацию незаконной миграции, совершается объективная сторона ст.ст. 322.2 и 322.3 УК РФ, необходима дополнительная квалификация, поскольку действия лиц, направленные на обеспечение незаконного пребывания, в Российской Федерации иностранных граждан, не сводится лишь к фиктивной регистрации (постановке на учет) иностранного гражданина, в связи с этим нет оснований для квалификации деяния только по ст. 322.3 УК РФ.

С таким подходом не согласна М.Н. Урда, которая отмечала следующее: «правильной следует признать квалификацию по одной норме — ст. 322.1 УК, если фиктивная постановка на учет является одним из элементов преступной организации незаконного пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства»².

Второй кассационный суд общей юрисдикции вынес кассационное определение от 12 сентября 2024 г. № 77-2203/2024, согласно которому осужденный заявил, что его действия, изложенные в обвинении по преступлению, предусмотренному ст. 322.3 УК РФ, квалифицированы по двум составам преступления, что является необоснованным.

Кассационный суд указал на положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 №18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией» и разъяснил, что совершенное деяние охватывало не только действия по фиктивной регистрации (постановке на учет) иностранного гражданина, но и были направлены на организацию незаконной миграции³.

Также рассмотрим кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 г. № 77-1632/2023, согласно которому С. и Ш. были осуждены по п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ. Осужденный С. заявил о том, что его действия по постановке иностранных граждан на учет должны

¹ О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2020 № 18. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Урда М.Н. Как правильно квалифицировать содействие незаконной миграции [Электронный ресурс] // Уголовный процесс [официальный сайт] URL: <https://e.ugpr.ru/893497> (Дата обращения: 28.04.2024).

³ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2024 № 77-2203/2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

быть квалифицированы по ст. 322.2, 322.3 УК РФ, поскольку кроме фиктивной регистрации, им никаких действий, направленных на незаконное пребывание в стране, не осуществлялось¹.

Кассационный суд оставил жалобу без удовлетворения, однако возникает вопрос почему действия лица не были дополнительно квалифицированы по ст. 322.3 УК РФ, поскольку помимо организации незаконной миграции он осуществлял фиктивную постановку на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в Российской Федерации, что противоречит положениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2020 №18 «О судебной практике по делам о незаконном пересечении Государственной границы Российской Федерации и преступлениях, связанных с незаконной миграцией».

Перейдем к рассмотрению некоторых сложностей, возникающих из-за схожести уголовных и административных норм. Ст. 18.9 КоАП РФ предусматривает ответственность за нарушение правил пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. В диспозиции указанной статьи перечисляются те же деяния, указанные в диспозиции уголовной нормы.

Возможно, следует обращать внимание на то, что уголовное деяние носит более масштабный характер, ведь законодатель выделил слово «организация» в рассматриваемом составе. Однако, этому противоречит судебная практика. Обратимся к Приговору № 1-551/2019 от 24 июля 2019 г. Ленинск-Кузнецкого городского суда Кемеровской области, согласно которому Ф. совершила преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 322.1 УК РФ, а именно: организовала незаконное пребывание на территории Российской Федерации лица без гражданства Г., предоставила жилое помещение и возможность пользоваться находящимися в данном жилом помещении мебелью, посудой и иными предметами общего пользования, обеспечивая его всем необходимым для нормальной жизни². Как мы видим, в данном случае действия лица по предоставлению жилья одному иностранному гражданину суд квалифицировал по ст. 322.1 УК РФ.

Рассмотрим постановление суда за аналогичное деяние, только уже по ст. 18.9 КоАП РФ. Согласно постановлению судебного участка № 46 Руднянского

¹ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 4 июля 2023 г. № 77-1632/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор № 1-551/2019 от 24 июля 2019 г. / Ленинск-Кузнецкий городской суд (Кемеровская область)
// Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

района Волгоградской области от 19.04.2017, Азимова незаконно предоставила жилое помещение гражданину Республики Азербайджан находящемуся на территории Российской Федерации с нарушением режима пребывания¹.

Учитывая вышеизложенное отметим, что несмотря на разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, в области правоприменения до сих пор остались неразрешенными вопросы квалификации, связанные с деяниями в сфере незаконной миграции.

Научная статья

УДК 343.272

ПРАВОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ КОНФИСКАЦИИ ИМУЩЕСТВА, ПРИБРЕТЕННОГО ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Иван Денисович КАРАБИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Ftw228@mail.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу правовых инструментов конфискации имущества, приобретенного в результате коррупционных преступлений.

Целью исследования является выявление их эффективности, правоприменительных проблем и перспектив дальнейшего совершенствования.

Рассматривается национальный опыт, с акцентом на лучшие практики и рекомендации в условиях правовой системы Российской Федерации.

Ключевые слова: Конфискация, коррупция, государство, законодатель, правовые пробелы, преступления

¹ Постановление по делу № 5-181/2017 от 19 апреля 2017 г. / Судебный участок № 46 Руднянского района (Волгоградская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

LEGAL INSTRUMENTS FOR THE CONFISCATION OF PROPERTY
ACQUIRED DURING THE COMMISSION
OF CORRUPTION-RELATED CRIMES

Ivan D. KARABIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Ftw228@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the analysis of legal instruments for the confiscation of property acquired as a result of corruption crimes.

The purpose of the study is to identify their effectiveness, law enforcement problems and prospects for further improvement.

The national experience is considered, with an emphasis on best practices and recommendations in the context of the legal system of the Russian Federation.

Keywords: Confiscation, corruption, the state, the legislator, legal gaps, crimes

В настоящее время проблемы, связанные с коррупцией, оказывают разрушительное воздействие на социально-экономическое развитие, подрывают доверие к государственным институтам и препятствуют обеспечению справедливости в обществе.

Одним из ключевых направлений борьбы с этим явлением является внедрение эффективных правовых инструментов, направленных на возврат активов, полученных незаконным путем.

Конфискация имущества, приобретенного в результате коррупционной деятельности, становится важным механизмом не только в предотвращении коррупции, но и в восстановлении справедливости и укреплении законности.

Правовые инструменты конфискации имущества активно развиваются в международной и национальной практике¹. Они охватывают как традицион-

¹ Безбородов Д. А., Зарубин А. В. Иные меры уголовно-правового характера: понятие, признаки и виды : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 26.

ные подходы, такие как уголовно-правовая конфискация, так и новые механизмы, например, гражданско-правовую конфискацию и специальные антикоррупционные законы.

Однако их применение связано с рядом сложностей, включая необходимость соблюдения баланса между правами граждан и задачами государства, обеспечение доказательной базы и международное сотрудничество.

На данный момент существует легальное определение конфискации имущества — это принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора имущества».

Такая акцессорная мера уголовно-правового характера является краеугольной в борьбе с коррупционными преступлениями.

Стоит отметить, что по мнению Д. Б. Лаптева «одной из факультативных целей этой меры уголовно правового характера выступает компенсация потерпевшему имущественного, физического или морального вреда, причиненного преступлением»¹.

Данная точка зрения позволяет говорить о том, что конфискация выступает гарантом восстановления имущественного положения потерпевшей стороны. Важно понимать, что в преступлениях коррупционной направленности потерпевшей стороной выступает государство, как единое лицо.

Современная правоприменительная практика до недавнего времени имела разные подходы к применению конфискации имущества, полученного при коррупционном факторе. Так, например, существует ст. 169 ГК РФ, которая признает недействительными сделки, совершенные с целью, противной основам правопорядка или нравственности, особенностью которой является возможность изъятия имущества, полученного при ничтожной сделке, в доход государства.

Другими словами: «назначение ст. 169 ГК РФ заключается в восполнении законодательных пробелов в отношении сделок, которые хотя и не противоречат ни одной действующей норме права, но в то же время существо сделки не укладывается в картину мира окружающего общества, последнее не желает видеть подобные сделки в числе законных и признает их недействительными»².

Данная норма широко использовалась при конфискации имущества прокуратурой Российской Федерации в рамках прокурорского реагирования. Прокурор предлагает в рамках применения последствий недействительности сделки взыскать в пользу государства все, что стороны, действовавшие

¹ Лаптев Д. Б. Акцессорные уголовно-правовые меры : специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки (юридические науки)» : дис. ... докт. юрид. наук; Российский государственный университет правосудия. Москва, 2023. С. 240.

² Кузбагаров, Э. А., Максимов, В. А. Генезис и практика применения последствий недействительности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка // КриминалистЪ. 2024. № 3. С. 140.

с умыслом, получили в результате ее исполнения.

Так, Апелляционным определением Пермского краевого суда от 3 октября 2016 года по делу № 33– 11758/2016 установлено, что руководитель организации, используя свое служебное положение, получил от контрагента денежные средства за содействие в заключении договоров перевозки, что впоследствии стало известно прокурору¹.

В рамках возбужденного уголовного дела, рассмотренного судом, руководитель был признан виновным по ч. 3 ст. 204 Уголовного кодекса РФ (коммерческий подкуп) и получил соответствующее наказание.

Поскольку переданные денежные средства квалифицируются как предмет ничтожной сделки, прокурор обратился в суд с иском в интересах Российской Федерации о взыскании этих средств в доход государства. Ответчик возражал, указывая, что уже понес уголовное наказание, и повторное привлечение к гражданско-правовой ответственности является неправомерным. Однако суд удовлетворил требования прокурора, постановив взыскать сумму подкупа в доход государства. Данный случай демонстрирует проблему соотношения уголовно-правовой меры конфискации имущества и гражданско-правовых последствий ничтожной сделки, связанных с обращением полученных средств в доход государства.

Следовательно, для начала стоит обозначить, что по своей природе возможно дифференцировать имущество, которое изымается на: «заработанные или полученные иным некриминальным образом денежные средства, ценности и иное имущество в противоправных целях: для совершения преступления или для финансирования организованной преступной деятельности. И на имущество, изначально имеющее криминальный источник происхождения, и лицо устанавливает над ним незаконное владение, не охраняемое институтом права собственности»². Существующий подход позволяет предположить, что имущество, которое конфискуется при коррупционных преступлениях, является априори в незаконном (преступном) владении.

Так, из Определения Судебной Коллегии по уголовным делам ВС РФ по делу № 8-КГ24-248-К4 от 29.10.2024 было установлено, что Саидов — начальник таможни получил от общества взятку 2.100.000 рублей, чтобы беспрепятственно проходить таможенные процедуры (общее покровительство). 15.04.2022 вынесен приговор в отношении Саидова по ч. 1 ст. 286 и ч. 6 ст. 290

¹ Апелляционное определение Пермского краевого суда от 3 октября 2016 г. по делу № 33– 11758/2016. [электронный ресурс] Электрон. текст. дан. Режим доступа: <https://actofact.ru/case-59OS0000-33-11758-2016-2016-08-24-0-1/> (Дата обращения: 15.11.2024).

² Лаптев Д. Б. Акцессорные уголовно-правовые меры : специальность 5.1.4. «Уголовно-правовые науки (юридические науки)» : дис. ... докт. юрид. наук; Российский государственный университет правосудия. Москва, 2023. 438 с.

УК РФ¹. Наказание 7 лет лишения свободы, лишение права занимать должности на госслужбе на 5 лет, штраф 10.500.000 рублей. Конфискация не применялась, возможность конфискации в уголовном процессе утрачена.

Заместитель Генерального прокурора потребовал взыскать с Саидова деньги, полученные в виде взятки. Первая инстанция, апелляция, кассация удовлетворила требования прокуратуры, т.к. получение взятки имеет заведомо антисоциальный характер, сделка ничтожна по ст. 169 ГК РФ. Но судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ отменила данные решения, поскольку сделки, если они общественно опасные и имеется обусловленный этим уголовно-правовой запрет, могут образовывать состав преступления (сделки с ограниченными в обороте объектами, передача денег с противоправной целью), конфискация же имущества (взятка) – уголовная мера, которая применяется в уголовном деле, а не в гражданском. А следовательно, институт гражданского судопроизводства не может использоваться для исправления недостатков и упущений уголовного процесса, если таковые имели место.

В ряде случаев суды отдавали предпочтение частным интересам и обеспечению стабильности гражданских правоотношений, признавая допустимость применения исковой давности. Однако в других делах приоритет отдавался публичным интересам и борьбе с коррупцией, что становилось основанием для вывода о неприменимости исковой давности к антикоррупционным искам.

Но, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П закрепило, что «институт исковой давности неприменим, поскольку объектом защиты в такого рода спорах выступает не чье-либо субъективное право, а интересы всего общества и государства. Как отмечено в решении суда, применение сроков исковой давности к антикоррупционным искам не соответствует требованиям законности и справедливости, способствует нахождению в гражданском обороте незаконно полученного (приобретенного) имущества, его легализации, сокрытию от контролирующих органов и в итоге — поощрению коррупционного поведения и противоправному обогащению, что несовместимо с принципами существования и деятельности правового государства»².

Стоит акцентировать внимание на том, что обращение в доход государства имущества, полученного в результате коррупционных действий, не связано с защитой гражданских прав в их традиционном понимании. Это процесс направлен на защиту публичного интереса и укрепление правопорядка. Такие

¹ Определение СКГД ВС по делу № 8-КГ24-248-К4 от 29.10.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 49-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

меры основаны на необходимости предотвращения неправомерного обогащения, подрыва доверия к государственным органам и создании условий для прозрачности общественных отношений.

В данном случае, целью является не компенсация ущерба, нанесенного конкретному лицу, а обеспечение справедливости и устранение последствий нарушения норм публичного права.

Другая проблема, связанная с конфискацией имущества при коррупционных преступлениях, заключается в том, что ст. 104.1 УК РФ имеет неисчерпывающий список преступлений, при которых возможно изъятие имущества в доход государства. Так, например, в Перечне №23 преступлений коррупционной направленности относятся такие составы, как: ст.ст. 289, 175, 305 УК РФ и т. д.¹, которые не закреплены в диспозиции ст. 104.1 УК РФ. Данная правовая лакуна указывает на недостижимость полного использования института конфискации имущества в преступлениях коррупционной направленности, а следовательно, изъять такое имущество не представляется возможным.

В заключение необходимо сказать, что меры, направленные на обращение в доход государства имущества и денежных средств, происхождение которых считается незаконным либо не было доказано обратное, представляют собой специфическую форму правового принуждения.

Эти меры, находясь в одном ряду с уголовными и административными санкциями, преследуют конституционно значимую цель — борьбу с коррупцией. Они служат инструментом для обеспечения стабильности демократического строя, укрепления принципов правового государства и защиты народного властия.

Применение таких механизмов способствует усилению эффективности антикоррупционной деятельности, минимизирует риски незаконного воздействия на служащих государственных и муниципальных структур, а также лиц, выполняющих функции публичной значимости.

Следует уделить особое внимание списку коррупционных преступлений. Для устранения существующего правового пробела необходимость дополнения законодателем составов из Перечня № 23 преступлений коррупционной направленности в ст. 104.1 УК РФ ясна и очевидна.

¹ Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности Указания Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Научная статья
УДК 343.9

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА,
СОВЕРШАЮЩЕГО ИЗГОТОВЛЕНИЕ И ОБОРОТ
ПОРНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ,
В ТОМ ЧИСЛЕ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

Эвелина Алексеевна КИРШИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
evelina.kirshina@yandex.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, крими-
нологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридиче-
ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федера-
ции, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор
Лариса Владимировна ГОТЧИНА, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы изучения ха-
рактеристики личности преступника, совершающего изготовление и оборот
порнографической продукции с использованием информационно-телекомму-
никационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Исследуются различные показатели исследуемого вида преступлений
и лиц их совершающих.

Подготовлены рекомендации по совершенствованию профилактики изго-
товления и оборота порнографической продукции с использованием информа-
ционно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет».

Ключевые слова: профилактика преступлений, незаконный оборот пор-
нографической продукции, субъект преступления, сеть «Интернет»

Original article

**CHARACTERISTICS OF THE IDENTITY OF THE OFFENDER,
MAKING AND TRADING PORNOGRAPHIC PRODUCTS USING
INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS,
INCLUDING INTERNET**

Evelina A. KIRSHINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of
the Russian Federation, St. Petersburg, Russia evelina.kirshina@yandex.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article examines some of the problems of studying the personality characteristics of a criminal who makes and turns pornographic products using information and telecommunication networks, including the Internet.

Various indicators of the investigated type of crimes and their perpetrators are studied.

Recommendations have been prepared to improve the prevention of the preparation and circulation of pornographic products using information and telecommunication networks, including the Internet.

Keywords: crime prevention, illegal circulation of pornographic products, subject of crime, Internet

Положительная динамика снижения уровня регистрируемой преступности в России прослеживается не первый год. Министерством внутренних дел Российской Федерации обозначено, что в 2023 году сохранилась тенденция прошлых лет к сокращению количества зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений¹. Кроме того, исходя из краткой характеристики преступности в РФ за январь-сентябрь текущего года следует, что число регистрируемых преступлений также сократилось на 2,5%².

Прогнозируется, что такая тенденция будет сохраняться, чего, к сожалению, нельзя сказать о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС). Еще два года назад такие преступления составляли четвертую часть от их общего числа, в 2023 году каждое третье преступление было совершено с использованием ИТС, сейчас — более трети.

Так, «опасность использования преступниками искусственного интеллекта высока. Он обеспечивает массовость сбыта, быстрое привлечение новых потенциальных потребителей, уход от ответственности исполнителей — «компьютерных сбытчиков»³.

Показатели преступности в сфере изготовления и оборота порнографиче-

¹ Состояние преступности: [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762>. (дата обращения: 09.11.2024).

² Там же.

³ Готчина Л. В. Цифровизация наркопреступлений и противодействие им // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 4 (55). С. 33.

ской продукции, совершаемые с использованием ИТС, в том числе сети «Интернет», согласуются с тенденцией роста числа киберпреступлений. В 2022 году совершено 2588 (+12,6 %) таких преступлений, в 2023 их количество также выросло и составило 3127 преступлений (+20,8 %), однако стоит отметить, что такой рост связан с законодательными изменениями в формулировке пунктов частей статей УК РФ, содержащих квалифицирующий признак «с использованием СМИ, ИТС, в том числе ...» (2022 г.), когда квалификация преступления стала возможна как в случае использования виновным средства массовой информации, так и в случае использования информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), не являющихся средством массовой информации¹.

Тем не менее, в настоящее время за 9 месяцев текущего года зарегистрировано 2610 преступлений по исследуемым статьям, что на 14,9 % больше, чем за аналогичный период прошлого года. Как отметил на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации Игорь Краснов, такая ситуация не может не вызывать серьезное беспокойство². В этой связи необходимо уделять должное внимание профилактике такой преступности. Такая необходимость обусловлена тем, что «вовлечение в занятие проституцией и организация преступного бизнеса, связанного с оказанием интимных услуг, представляет теневую деятельность, которая приносит сверхдоходы ее организаторам, выступает источником финансирования транснациональных преступных группировок, является экономической подпиткой организованной и профессиональной преступности»³.

Важным ее этапом является выявление факторов, детерминирующих преступность. Одну из главных ролей в уяснении причин и условий преступности играет непосредственно установление механизма образования преступного поведения, что невозможно без описания личности преступника.

Итак, личность преступника определяется как собирательное понятие, означающее совокупность социальных и социально значимых, духовных, морально-волевых, психофизических, интеллектуальных свойств, качеств человека, совершившего преступление вследствие взаимодействия его взглядов, ориентаций с криминогенными факторами внешней среды, включая конкретную криминальную ситуацию⁴. Анализ соответствующих данных о преступ-

¹ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 6 июля 2020 г. № 77-416/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.11.2024).

² Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры: [Электронный ресурс] // Президент России URL: <http://kremlin.ru/catalog/keywords/6/events/73735>. (Дата обращения: 10.11.2024).

³ Готчина Л. В., Курилова Е. Н. О некоторых аспектах квалификации преступлений, предусмотренных статьей 241 УК РФ // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 1. С. 72.

⁴ Криминология : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под общей редакцией О. С. Капинус. — 2-

никах позволит сделать выводы о том, какие факторы влияют на их преступное поведение.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в первом полугодии 2024 года за преступления в рассматриваемой сфере осуждено 289 лиц, а по квалифицированным составам (с использованием ИТС, в том числе сети «Интернет») — 161¹.

Согласно отчету о демографических признаках осужденных² по состоянию на 14.10.2024 за тот же период следует, что в большинстве случаев преступления совершаются мужчинами (81 %), в то время как осужденных женщин по рассматриваемым составам всего 55 (19 %).

Наиболее преступно активной возрастной группой оказались лица от 30 до 39 лет — ими совершена почти треть от всех преступлений (30 %), лицами от 18 до 24 лет совершено около четверти преступлений (23 %), доля несовершеннолетних от 14 до 17 лет составила 13 %. Уровень образования осужденных можно охарактеризовать как средний, так как более половины (62,2 %) лиц имеют среднее профессиональное или среднее общее образование, пятая часть осужденных либо не имеет образования, либо получила основное общее (21,1%) и лишь у 48 виновных есть высшее образование (16,6%).

Почти половина преступников по роду деятельности являются трудоспособными лицами, но без постоянного источника дохода (41,8%), а трудоустроенные в основном занимались не интеллектуальным трудом — четверть осужденных были простыми рабочими (25,9 %).

Жители сельской местности совершали такие преступления реже, чем жители городов, об это также говорит статистика (22,4 %). При совершении преступления в алкогольном опьянении находились лишь 8 человек, что составляет 2,7 % от общего числа.

Все рассматриваемые преступления относятся к категории тяжких и особо тяжких. Неснятые и непогашенные судимости на момент судебного разбирательства имели 44 лица (15,2 %), а на момент совершения преступления — 33 (11 %). Восемь (2,7 %) из них признаны совершившими преступления при опасном рецидиве. При этом 112 лиц (38,7 %) впервые совершили два и более преступлений, то есть совершили два или более преступлений, ни за одно из которых оно не были осуждены.

е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2024. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-09795-5. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. с. 245 — URL: <https://urait.ru/bcode/541789/p.245> (дата обращения: 08.11.2024).

¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного Кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам : [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ URL : <https://vk.com/cdvsrf>. (дата обращения: 09.11.2024).

² Судебный департамент при Верховном Суде РФ URL : <https://vk.com/cdvsrf>. (дата обращения: 09.11.2024).

По большей части социально-демографические характеристики: пол, возраст, уровень образования, род деятельности нейтральны, но рассматривая их в совокупности можно сделать вывод о том, что человек, достигший зрелого возраста, который не имеет ни образования, ни работы, будет склонен к совершению противоправных действий лишь потому, что больше ничем заниматься не умеет.

Мужчины с целом чаще совершают преступления, так как чаще вовлечены в различные социальные процессы¹. Также можно предположить, что спрос на порнографическую продукцию выше среди мужчин, в связи с чем большинство вовлеченных в оборот порнографии — это лица мужского пола.

Путем случайной выборки судебных решений за 2024—2023 гг. нами проанализировано 10 обвинительных приговоров. По результатам исследования установлено, что лица, осужденные за преступления в сфере оборота порнографической продукции с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» в основном мужчины (90 %), получившие среднее общее или среднее специальное образование (80 %) и не работающие (70 %), не состоящие в браке либо разведенные (80 %), более половины из них не имеют детей (70 %).

Кроме того, большинство из них совершили преступление впервые, так как в нашей выборке судимым оказался лишь 1 человек (10 %), к административной ответственности никто не привлекался. Отсутствие семьи и детей во взрослом возрасте можно оценить как негативный показатель.

Во-первых, семья может быть сдерживающим фактором от противоправного поведения, «семья остается ... основным субъектом ее профилактики»², во-вторых, проблемы с созданием семьи могут злить конкретное лицо, в связи с чем оно может завидовать и испытывать агрессию к обществу.

Данные нашей выборки согласуются с показателями Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в связи с чем можно сделать вывод о личности преступника. Это мужчина 30-39 лет, он холост и не имеет детей, получил среднее общее либо среднее специальное образование, не трудоустроен, быт ведет самостоятельно, увлечений скорее всего не имеет, много времени проводит в виртуальном пространстве, чувствует себя одиноко, в некоторых случаях пытается зарабатывать сбытом порнографических материалов либо таким образом пытается найти единомышленников. В целом, за исключением

¹ Криминология : учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.] ; под общей редакцией О. С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2024. — (Высшее образование). ISBN 978-5-534-09795-5. Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 249. URL: <https://urait.ru/bcode/541789/p.245> (дата обращения: 10.11.2024).

² Готчина Л. В. Преступность несовершеннолетних и молодежи: состояние и перспективы // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1 (2). С. 304.

некоторых моментов, многие в этом описании могут узнать себя, поэтому следует определить специфику.

Преступления в сфере оборота порнографической продукции часто сравнивают с преступлениями сексуального характера, но стоит их различать, ведь в первом случае у виновного всегда есть конечная цель — сбыт порнографической продукции¹. Мотивация каждого конкретного лица может быть любой: корыстная, сексуальная либо мотив мести.

Наиболее популярный мотив все-таки сексуальный, когда лицо приискивает в сети «Интернет» фото- и (или) видеоизображения, отвечающие признакам порнографии, и сохраняет либо публикует это на своих страницах в социальной сети. Так, по одному из дел подсудимый в своих показаниях пояснил, что опубликовал на личной странице в социальной сети «ВКонтакте» видео соответствующего характера «для того, чтобы привлекать иных лиц к общению и комментированию с ним на соответствующие темы»².

Многие преступления совершаются по мотиву мести в ответ на действия потерпевших, когда такие действия не понравились преступнику и он решил таким образом ответить «обидчику». В качестве примера можно привести действия лица, которое разместило в социальных сетях фотографии несовершеннолетней потерпевшей в обнаженном виде за ее правомерные действия, а именно за то, что она дала правдивые, изобличающие обвиняемого показания по другому уголовному делу, по которому в последствии в отношении него был постановлен обвинительный приговор, вступивший в законную силу³.

Иногда преступниками движет желание заработать. По одному из дел несовершеннолетний узнал от пользователя мессенджера «Телеграмм» о том, что на продаже порнороликов можно заработать, после чего списался с другим пользователем мессенджера и в обмен на 300 рублей отправил ему 70 видео с порнографическими изображениями несовершеннолетних⁴.

Мотив важен для характеристики личности преступника, так как именно он определяет детерминанту преступного поведения конкретного лица, а также позволяет сделать вывод о том, какими чертами характера обладает преступник, что, несомненно вносит вклад в установлении его личности – собирательного образа злоумышленника, который участвует в обороте порнографической продукции.

¹ Бидзян Д. Р. Проблемы применения ч.2 и ч. 3 ст. 242 УК РФ // Территория науки. 2020. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-primeneniya-ch-2-i-ch-3-st-242-uk-rf> (дата обращения: 10.11.2024).

² Приговор № 1-88/2023 от 19 октября 2023 г. по делу № 1-88/2023 Ногайский районный суд URL: <https://clck.ru/3EXAJg> (дата обращения: 10.11.2024).

³ Приговор № 1-5/2024 1-98/2023 от 26 января 2024 г. по делу № 1-5/2024 Семеновский районный суд URL: <https://clck.ru/3EXBQ6> (дата обращения: 10.11.2024).

⁴ Приговор № 1-76/2023 от 17 июля 2023 г. по делу № 1-76/2023 Карачаевский городской суд URL: <https://clck.ru/3EXBSn> (дата обращения: 10.11.2024).

Итак, личность преступника, совершающего изготовление и оборот порнографической продукции с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», можно охарактеризовать как одинокое лицо, не занимающееся определенного рода деятельностью, и не имеющие семьи. Посредством распространения порнографии виновный пытается либо найти единомышленников, чтобы пообщаться на сексуальные темы, либо действует из низменных побуждений, осуществляя таким образом месть, а в отдельных случаях, чтобы получить «легкие деньги», продавая изображения интимного характера.

Научная статья
УДК 343.352

РОЛЬ ПРОКУРОРА В ПРОЦЕДУРЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Екатерина Викторовна КОЛОШИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
kat.coloschina@yandex.ru

Научный руководитель — заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Елена Борисовна СЕРОВА**, serowa@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию вопроса о роли прокурора в процедуре прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

Также автором исследуется проблема определения функции, выполняемой прокурором в судебном заседании по рассмотрению ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

Рассматривается вопрос об изменении порядка направления следователем в суд ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное право, прекращение уголовного дела, прокурор, освобождение от уголовной ответственности, судебный штраф

**THE ROLE OF THE PROSECUTOR IN THE PROCEDURE
FOR THE TERMINATION OF A CRIMINAL CASE IN CONNECTION
WITH THE IMPOSITION OF A COURT FINE**

Ekaterina V. KOLOSHINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kat.coloschina@yandex.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **Elena Borisovna SEROVA**, serowa@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the prosecutor in the procedure for terminating a criminal case in connection with the appointment of a court fine.

The author also examines the problem of determining the function performed by the prosecutor in a court hearing to consider a petition to terminate a criminal case in connection with the appointment of a court fine.

The issue of changing the procedure for the investigator to send a petition to the court to terminate the criminal case in connection with the appointment of a court fine is being considered.

Key words: criminal process, criminal law, termination of criminal case, prosecutor, exemption from criminal liability, court fine

В 2016 году в связи с принятием Федерального закона от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» от 03.07.2016 № 323-ФЗ российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство дополнено нормами, содержащими основания и порядок применения судебного штрафа.

После нескольких лет формирования практики использования судебного штрафа в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела в декабре 2020 года прошло заседание Коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, посвященное состоянию законности при применении института судебного штрафа, на котором

«установлены многочисленные случаи назначения судебного штрафа при несоблюдении требований законодательства, в частности отмечены нарушения в виде неполноты расследования, занижения квалификации деяний, непризнании подозреваемыми и обвиняемыми своей вины, частичном возмещении причиненного ущерба, окончания исполнительных производств без подтвержденных сведений о произведенной оплате судебного штрафа»¹.

Генеральный прокурор Российской Федерации И. В. Краснов отметил, что «выявленные недостатки приводят к ущемлению прав потерпевших, нарушению принципа неотвратимости наказания, создают коррупционные риски. Все это требует принятия неотложных мер, а также внесения законодательных изменений»².

О важности участия прокурора в применении института судебного штрафа говорится также в ведомственных приказах Генерального прокурора РФ.

Так, в п. 1.20 Приказа Генерального прокурора РФ от 17.09.2021 №544 указано, что «с учетом перспективы прекращения уголовного преследования на основании ст. 76.2 УК РФ предъявленное лицу обвинение должно быть обоснованным, подтверждаться собранными доказательствами, размер ущерба или иного причиненного преступлением вреда должен быть определен верно. В случае неисполнения требований уголовного и уголовно-процессуального законов мерами прокурорского реагирования добиваться устранения нарушений»³.

Пункт 36 Приказа Генерального прокурора РФ от 19.01.2022 №11 гласит, что прокурору необходимо «обеспечить качественную проверку законности постановлений дознавателей о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа. Давать согласие дознавателю на возбуждение перед судом такого ходатайства лишь после его изучения вместе с материалами уголовного дела, уделяя особое внимание выяснению вопросов, связанных с возмещением ущерба, причиненного потерпевшему этим преступлением»⁴.

Согласно п. 3.8 Приказа Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 №376

¹ В Генеральной прокуратуре России прошла Коллегия по вопросам состояния законности при применении института освобождения от уголовной ответственности с назначением меры в виде судебного штрафа [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=57130747> (Дата обращения: 21.11.2024).

² В Генеральной прокуратуре России прошла Коллегия по вопросам состояния законности при применении института освобождения от уголовной ответственности с назначением меры в виде судебного штрафа [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=57130747> (Дата обращения: 21.11.2024).

³ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.09.2021 №544 (ред. от 22.02.2023). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 19.01.2022 №11 (ред. от 22.02.2023). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

«участие в рассмотрении ходатайств в порядке ст. 446.2 УПК РФ, о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа считать обязательным. При формировании своей позиции о возможности применения указанной меры уголовно-правового характера учитывать соблюдение обязательных условий ее применения, фактические обстоятельства, подтвержденные материалами уголовного дела, степень общественной опасности совершенного деяния, а также исходить из принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) и назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ)»¹.

Также в соответствии с ч. 7 ст. 446.2 УПК РФ прокурор может обжаловать в апелляционном порядке постановление суда об удовлетворении или об отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

Таким образом, участие прокурора в процедуре прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа заключается в следующем:

- надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания;
- участие в судебном заседании по рассмотрению ходатайства органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа;
- обжалование постановления судьи, принятого по результатам рассмотрения ходатайства.

В каждом из выделенных направлений прокурору отводятся соответствующие полномочия, позволяющие определить уголовно-процессуальную функцию прокурора.

Как уже отмечалось нами ранее, в приказах Генерального прокурора РФ важное значение отводится надзорной функции прокурора при разрешении вопросов о применении института судебного штрафа на стадии досудебного производства. В связи с этим следует обратить внимание на порядок направления следователем в суд ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

В соответствии с ч. 2 ст. 446. 2 УПК РФ, если в ходе предварительного расследования будет установлено, что имеются основания для прекращения уголовного дела, предусмотренные ст. 25.1 УПК РФ, в отношении подозреваемого, обвиняемого, следователь с согласия руководителя следственного органа выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

¹ Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства : Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30.06.2021 №376 (ред. от 03.07.2024). Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

В ч. 4 ст. 446.2 УПК РФ, а также в п. 3.8 Приказа Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 №376 указано, что «участие прокурора в судебном заседании по рассмотрению указанного ходатайства обязательно», однако ни в ст. 25.1, 446.2 УПК РФ, ни в иных нормах уголовно-процессуального закона, не закреплены ни право, ни обязанность следователя о направлении копии такого ходатайства прокурору, соответственно, ознакомиться с ним и принять решение прокурор может только непосредственно перед судебным заседанием. В сложившейся ситуации у стороны обвинения нет единой согласованной позиции, а деятельность следователя ограничивается рамками ведомственного контроля.

Вместе с тем, как нами уже упоминалось выше, значительное количество нарушений при применении института судебного штрафа допускается именно на стадии предварительного расследования¹.

На основании изложенного, считаем необходимым закрепить в законодательстве обязанность следователя перед направлением в суд ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа предоставлять его прокурору для ознакомления и согласования позиции стороны обвинения.

Кроме того, это позволит избежать ограничения возможностей прокурора в изучении всех материалов уголовного дела до судебного заседания теми материалами, которые предоставил следователь, а также приведет к снижению судебной нагрузки, в части рассмотрения незаконных постановлений.

Если же говорить о дознавателе, следует отметить, что в отношении него прокурор обладает более широким кругом полномочий, в том числе с его согласия дознаватель возбуждает перед судом ходатайств о прекращении уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа. Обратившись к статистике Судебного Департамента при ВС РФ, можем заметить снижение показателей по количеству дел, прекращенных в связи с назначением судебного штрафа².

Указанная тенденция была также отмечена В. М. Лебедевым в 2022 г. на совещании с делегатами X Всероссийского съезда судей от судов ЦФО³. Учитывая, что прекращение уголовного дела возможно в случае совершения преступления небольшой или средней тяжести, расследование которых зачастую

¹ В Генеральной прокуратуре России прошла Коллегия по вопросам состояния законности при применении института освобождения от уголовной ответственности с назначением меры в виде судебного штрафа [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=57130747> (Дата обращения: 22.11.2024).

² Уголовное судопроизводство. Основания для прекращения уголовного дела в суде. Статистика Судебного Департамента при ВС РФ [Электронный ресурс] // URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (Дата обращения: 22.11.2024).

³ В. М. Лебедев подчеркнул важность реализации института судебного штрафа. [Электронный ресурс] // URL: https://vsrf.ru/press_center/mass_media/31656/ (Дата обращения: 22.11.2024).

возложено на орган дознания, можем заметить усиление прокурорского надзора за органами дознания в части применения института судебного штрафа.

Еще одним не менее дискуссионным остается вопрос о том, какую функцию выполняет прокурор, участвуя в судебном заседании по рассмотрению ходатайства органов предварительного расследования о прекращении уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа. Выступает ли он стороной обвинения в таком процессе или же его роль сводится исключительно к осуществлению надзора за органами предварительного расследования?

Согласно п. 3.8 Приказа Генерального прокурора РФ от 30.06.2021 №376 в судебном заседании прокурору необходимо высказать свое мнение о возможности прекращения уголовного дела на основании ст. 25.1 УПК РФ. В связи с этим во время судебного заседания прокурору необходимо проверить обоснованность обвинения, достаточность доказательств по уголовному делу, правильность определения ущерба и его возмещения. Кроме того, как уже отмечалось выше следователь не обязан получать согласие прокурора на направление в суд ходатайства, что может привести к разрозненности в позиции органа предварительного расследования и прокурора.

На основании изложенного можем прийти к выводу о том, что в таком судебном заседании прокурор выполняет надзорную функцию. В связи с чем может быть предложено рассмотрение вопроса о законодательном урегулировании дополнительных полномочий прокурора, позволяющих ему прекращать рассмотрение ходатайства следователя о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ, например, путем отзыва такого ходатайства.

Следующее направление в деятельности прокурора, на которое хотелось бы обратить внимание – принесение апелляционного, кассационного представления на постановление суда об удовлетворении или отказе в удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела на основании ст. 25.1 УПК РФ.

Отметим, что зачастую «основанием апелляционного и кассационного обжалования является отсутствие единой практики относительно критериев возмещения ущерба и иного заглаживания вреда»¹.

Рассмотрим несколько практических примеров.

Так, в Кассационном определении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2021 N 77-481/2021 по кассационному представлению

¹ Участие прокурора в рассмотрении судами уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности: сб. ст. по материалам круглого стола (Москва, 20 мая 2022 г.) / под общ. ред. Р. В. Жубрина; [науч. ред. К. В. Камчатов; сост. Е. В. Великая]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. С. 13.

заместителя прокурора Волгоградской области отменено постановление Котовского районного суда Волгоградской области от 25.06.2020 о прекращении уголовного дела по ст. 246 УК РФ в отношении Л. на основании ст. 25.1 УПК РФ.

В кассационном представлении заместитель прокурора указывает на то, что между ООО и администрациями Даниловского муниципального района и Бурлукского сельского поселения заключено трехстороннее соглашение о проведении мероприятий, направленных на очищение пострадавших объектов. Между тем сведения о материальных затратах на ликвидацию последствий техногенного события, содержащиеся в материалах уголовного дела, не свидетельствуют о полном возмещении ущерба.

Несмотря на то, что представители потерпевших на допросе высказали мнение о полном возмещении ущерба, заместителем прокурора обозначено, что данные лица не обладают познаниями и не имеют документов для утверждения такого вывода, а также указанные лица не присутствовали в судебном заседании, что исключает возможность подтверждения их показаний.

Кроме того, в материалах уголовного дела содержится заключение эксперта, на которое ссылается следственный орган в целях подтверждения возмещения ущерба, однако указанное заключение не содержит однозначного вывода о восстановлении первоначальных свойств водного объекта и земельного участка. На основании изложенного, заместитель прокурора приходит к выводу о преждевременном прекращении уголовного дела в связи с назначением в отношении Л. судебного штрафа¹.

Еще одно постановление суда первой инстанции о прекращении уголовного дела по ч. 2 ст. 216 УК РФ в отношении Е. на основании ст. 25.1 УК РФ было отменено по кассационному представлению заместителя Генерального прокурора РФ в порядке второй кассации.

В кассационном представлении заместитель Генерального прокурора указывает, что, «освобождая Е. от уголовной ответственности, суд первой инстанции формально подошел к рассмотрению данного вопроса, не приняв во внимание, что объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ, содержит последствия в виде смерти человека. При этом любые позитивные действия, в том числе материальная помощь родственникам погибшего, никоим образом не снизили и не могли снизить общественную опасность содеянного Е.»².

Подытоживая изложенное, можем утверждать, что на органы прокуратуры

¹ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2021 № 77-481/2021. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.05.2024 № 12-УДп24-2К6. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

в рамках реализации института судебного штрафа возложена важная задача по защите прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, выполняя которую прокурор сочетает как функцию уголовного преследования (обвинения), так и надзорную функцию.

Научная статья
УДК 343.9

ВЛИЯНИЕ НАКАЗАНИЯ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ РЕЦИДИВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Елена Владимировна КОЛЬЦОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, helen2003k@Bk.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор **Лариса Владимировна ГОТЧИНА**, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема рецидивной преступности в России.

Автор в качестве одной из детерминант рецидивизма выделяет применение органами государственного принуждения ненадлежащего наказания, не соответствующего общественной опасности совершенного деяния.

Особое внимание уделяется взаимосвязи наказания и рецидива в зависимости от индивидуализации избрания наказания судом в отношении конкретного подсудимого.

Ключевые слова: рецидив, рецидивная преступность, наказание, эффективность

Original article

INFLUENCE OF PUNISHMENT ON PREVENTION OF RECIDIVAL CRIME

Elena V. KOLTSOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, helen2003k@Bk.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article deals with the problem of recidivism in Russia.

The author identifies as one of the determinants of recidivism the use by state enforcement agencies of improper punishment that does not correspond to the public danger of the committed act.

Special attention is paid to the relationship between punishment and recidivism, depending on the individualization of the choice of punishment by the court in relation to a particular defendant.

Keywords: relapse, recidivism, punishment, effectiveness

В Российской Федерации за последние десять лет наблюдается устойчивая тенденция увеличения рецидивной преступности. Так, проанализировав основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции с 2014 по 2023 гг., опубликованные на сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, мы установили, что указанные данные свидетельствуют о незначительном (фактически за 10 лет удельный вес лиц, ранее совершавших преступлений в числе выявленных лиц, совершивших преступления, повысился примерно на 6 %), но возрастающем росте уровня рецидива в стране¹.

Кроме того, необходимо отметить, что, основная проблема заключается в том, что уровень рецидива в Российской Федерации традиционно является высоким по сравнению с европейскими странами. Так, уровень рецидива во Франции за период с 2011 по 2021 год составил 11—15 %². В Норвегии показатель рецидивной преступности за период с 2015 по 2021 год варьируется от 17,6 % до 20 %³. В Великобритании можно проследить стабильный спад уровня рецидивной преступности (в 2008 — 31,6 %; 2022 — 24,9 %) ⁴.

¹ Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления за 2014-2023 годы // Судебный Департамент при Верховному Суде Российской Федерации [офиц. сайт]. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 07.10.2024).

² Rate of legal recidivism and reoffending among those convicted of offences in France from 2011 to 2021. [Электронный ресурс]. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.df8ffaff-670526c1-98b8dfdf-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/1090011/recidivism-rate-offenders-france/ (дата обращения: 07.10.2024).

³ Criminal recidivism rates globally: A 6-year systematic review update. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0047235223000867> (дата обращения: 07.10.2024).

⁴ Proportion of offenders who re-offend in England and Wales from 2008/09 to 2021/22. [Электронный ресурс]. — URL : https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.092113bf-6705820a-5279136b-74722d776562/https/www.statista.com/statistics/317299/re-offending-in-england-and-wales/ (дата обращения: 07.10.2024).

Стоит сделать оговорку, что абсолютно полагаться на представленную статистику в части сравнительного анализа рецидивизма будет не совсем верно, так как законодательство каждого государства содержит свой подход к определению рецидивной преступности, а также существуют различия в сроках наблюдения (то есть в учитываемом периоде, в течение которого лицо, отбывшее наказание, повторно совершает преступление) для измерения индекса рецидива. Несмотря на это, можно отметить, что за одинаковый анализируемый временной период показатель рецидива в Российской Федерации в несколько раз превышает аналогичный показатель в ряде европейских государств.

Итак, проблема высокого уровня рецидива на территории Российской Федерации носит актуальный характер. К сожалению, как показывает практика, существующая на современном этапе уголовно-исполнительная система не в состоянии оказать эффективное противодействие указанному общественно опасному явлению. В связи с этим перед науками уголовного, уголовно-исполнительного права, а также перед криминологией стоят приоритетные задачи, связанные с разработкой новых подходов и методов, направленных на комплексную борьбу с рецидивизмом в Российской Федерации.

Как справедливо отмечали Н. С. Артемьев, А. Н. Бурчихин, «для того, чтобы более эффективно предупреждать преступления, совершаемые рецидивистами, необходимо знать причины рецидивной преступности и условия, ей способствующие»¹.

В науке существуют различные точки зрения относительно детерминантов рецидивизма в Российской Федерации. Однако в данной работе мы не ставим перед собой цель рассмотреть все господствующие мнения по указанному вопросу. В связи с этим далее мы подробнее остановимся лишь на позиции, которую разделяет ряд ученых, о том, что рецидив детерминирован неправильно избранным, малоэффективным/неэффективным уголовным наказанием².

Иными словами, причиной высокого уровня рецидива является применение органами государственного принуждения ненадлежащего наказания, не соответствующего общественной опасности совершенного деяния.

Необходимо отметить, что рассматриваемая позиция неоднократно подвергалась критике. Так, по мнению С. Ю. Бытко, «мы не можем точно сказать — стало ли повторное преступление результатом неэффективности уголовного наказания либо к деформациям в системе ценностей осужденного привели условия отбывания наказания»³. Однако, как нам кажется, изучая различные причины рецидивизма, мы забываем, что именно наказание является

07.10.2024).

¹ Артемьев Н. С., Бурчихин А. Н. Причины и условия рецидивной преступности и основные меры ее предупреждения // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 5. С. 110.

² Карпец И. И. Об эффективности уголовного наказания // Социалистическая законность. 1966. № 5. С. 20.

³ Бытко С. Ю. Критерии эффективности уголовного наказания // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 151.

центральным институтом уголовного права, фундаментом уголовно-правовой политики, важнейшим средством для борьбы с преступностью, поэтому неэффективность системы наказания выступает первостепенным фактором, порождающим уголовно-правовой рецидив.

Кроме того, относительно тезиса, касающегося проблематичности выделения неэффективности наказания в качестве самостоятельного детерминанта рецидивной преступности в силу того, что он неразрывно связан с условиями отбывания наказания, отметим следующее.

В науке существуют большое количество научных работ, посвященных влиянию условий в местах лишения свободы на личность рецидивиста¹. Следовательно, представляется нелогичным то, что один из факторов поддается изучению и оценке, а другой — нет.

Несмотря на очевидную взаимосвязь между рецидивом и наказанием, мы не отрицаем, что достаточно проблематично выделить в чистом виде роль последнего в борьбе с рецидивной преступностью. Как отмечал Ю. И. Бытко, чтобы сделать правильное заключение о степени эффективности наказания в предупреждении рецидивной преступности нужно обеспечить «чистоту эксперимента». То есть анализ института наказания (в целом и отдельных его видов) в указанном аспекте возможен при соблюдении следующих условий: содержание и направленность исправительных мероприятий находится в соответствии с целями и функциями уголовного наказания, а постпентенциарные меры адекватны степени исправления лица под влиянием примененного наказания и согласуются с особенностями личности преступника².

На практике достижения вышеперечисленных «стерильных» условий попросту невозможно, поэтому любая исследовательская работа по указанной тематике в какой-то степени будет лишена объективности. Однако это не означает, что данный вопрос не нуждается во всестороннем изучении.

Так, В. Н. Кудрявцев отмечал, что отсутствуют комплексные работы на тему влияния наказания на рецидив. Академик подчеркивал, что ученые, исследуя институт наказания, забывают о важности анализа его эффективности. Применение к осужденному наказания, отвечающего критерию эффективности, является действенным способом обеспечения специальной превенции. В связи с этим, по мнению В. Н. Кудрявцева, при изучении проблематики взаимосвязи наказания и рецидива необходимо задаваться следующими вопросами: «Какие факторы отвращают от рецидива, а что способствует ему? Какие

¹ Фролов Д. В., Тимошкина О. А., Чукуров А. В. Детерминанты рецидивной преступности в местах лишения свободы: теоретический аспект // Наука. Общество. Государство 2021. № 4 (9). С. 58.

² Бытко Ю. И. Учение о рецидиве преступлений в российском уголовном праве: История и современность: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... докт. юрид. наук / Бытко Юрий Ильич; Саратовская государственная академия права. — Саратов, 1998. — 167 с.

люди, отбывшие разные виды (и сроки) наказаний, более (или менее) восприимчивы к этим факторам? Как изменялись за последние годы условия жизни таких лиц как в заключении, так и после; как это повлияло (и повлияло ли) на их поведение?»¹.

Таким образом, хотелось бы подчеркнуть, что изучение влияния наказания на уровень рецидивной преступности является сложной и неоднозначной темой, требующего комплексного, глубокого демографического, статистического, социологического и психологического анализа.

Итак, мы рассмотрели вопрос необходимости подробного изучения влияния наказания на рецидивную преступность. Указанную взаимосвязь мы предлагаем устанавливать в зависимости от индивидуализации избрания наказания судом в отношении конкретного подсудимого.

В соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ при назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи. Кроме того, наказание должно отвечать принципам индивидуализации и справедливости. По нашему мнению, особого внимания заслуживает принцип индивидуализации наказания, так как он исключает формализм при определении меры уголовной ответственности, поскольку предполагает персонификацию наказания в интересах достижения его целей в каждом конкретном случае.

Психологами установлено, что человека более всего страшит такое наказание, которое может лишить его наиболее важных для него ценностей. Это может быть власть, деньги, карьера (политическая, деловая, научная), авторитет, самоутверждение и др.².

В связи с этим наказание, которое эффективно будет воздействовать на одно лицо, может быть совершенно не применимо в отношении другого лица в силу особенностей его личности. Как справедливо отмечал Р.А. Севастьянов, ни в коем случае нельзя применять одни и те же меры к разным лицам только по той причине, что они совершили одинаковые преступления либо действовали в соучастии³.

Учет личных качеств при назначении наказания способствует достижения максимального результата по исправлению осужденного.

¹ Кудрявцев В. Н. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. 2006. № 5. С. 130.

² Кудрявцев В. Н. Науку уголовного права пора модернизировать. Указ соч. С. 131.

³ Севастьянов Р. А. Учет данных, характеризующих личность, при назначении наказания // Universum: экономика и юриспруденция. 2017. № 2 (35). С. 42.

Как справедливо указывал А. Б. Сахаров для того, чтобы решить вопрос об уголовной ответственности «...мало констатировать наличие в действиях виновного признаков состава преступления. Надо знать, что представляет собой сам виновный, почему он совершил данное преступление, насколько оно согласуется, или напротив, расходится со всем поведением, со всем строем данной личности, с его взглядами, тенденциями наклонностями и т. д.»¹.

В науке относительно рассматриваемого вопроса сформировалась позиция, что при производстве по уголовному делу должны быть установлены следующие данные, характеризующие обвиняемого:

1. Установочные (персонографические) параметры: фамилия, имя, отчество, дата и год рождения, место рождения, место постоянного жительства и т.д.

2. Свойства, раскрывающиеся общественную характеристику и социальную направленность личности в различных сферах жизнедеятельности (отношение к труду, учебе, общественно-политическая деятельность, состав семьи, взаимоотношения в семье, материальная обеспеченность, жилищные условия, круг знакомств).

3. Свойства, указывающие на общественную опасность обвиняемого, на отношение его к содеянному и поведение в процессе производства по делу (прошлая преступная деятельность, судимость лица, добровольная явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления, возмещение причиненного ущерба).

4. Социально-психологические, психические и нравственные черты и свойства (потребности, социальные ценности, черты характера, темперамент, интеллект, нравственные установки).

5. Данные, раскрывающие физические (биологические) свойства личности (пол, возраст, физические и физиологические особенности, состояние здоровья)»².

К сожалению, современная судебная практика зачастую не устанавливает всех обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, ограничиваясь установочными (персонографическими) параметрами и свойствами, указывающими на общественную опасность обвиняемого.

Так, нами было проанализировано 40 приговоров, вынесенных судами первой инстанции в период с 2021 по 2024 год³. В большинстве рассмотренных приговоров отсутствует развернутая характеристика личностных данных об-

¹ Сахаров. А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961 С. 23.

² Гребнева Н. Н. Обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого, как элемент предмет доказывания по уголовному делу: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 12.

³ В рамках исследования анализировались приговоры за преступления средней и небольшой тяжести (ст.ст. 158; 158.1, 161, 264.1 УК РФ).

виняемых. Суды, характеризуя личность подсудимого, используют следующие фразы «клише»: «принимая во внимание изложенное, совокупность вышеуказанных данных о личности подсудимого, его возраст, состояние здоровья, суд приходит к выводу...»¹, «учитывая фактические обстоятельства дела, сведения о личности подсудимых, их материальное положение ...»², «из материалов дела следует, что ФИО характеризуется соседями положительно, администрацией городского поселения «Жирекенское» удовлетворительно»³, «учитывая молодой возраст подсудимого»⁴.

Кроме того, в 12 изученных приговорах вовсе отсутствовала характеристика личности обвиняемого. Суды ссылались лишь на смягчающие и отягчающие обстоятельства⁵. Однако законодатель не отождествляет указанные категории⁶.

В приговорах суды активно ссылаются на материалы, характеризующие личность обвиняемого (характеристики с места работы, учебы и др.). Вместе с тем, ни в одном изученном деле не было выявлены случаи, когда суд вызывал лицо или государственный орган, давшее подсудимому характеристику, или дополнительно истребовал документы, подтверждающие данные, содержащиеся в указанных характеристиках. Как нам представляется, сложившаяся судебная практика отрицательно влияет на всесторонний, беспристрастный и объективный анализ личности виновного.

Кроме того, стоит упомянуть, что согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Отсутствие со стороны судов свободной оценки характеристики личности, по нашему мнению, прямо противоречит уголовному законодательству.

Стоит отметить, что в ходе анализа нам встречались приговоры, в которых суд достаточно детально и подробно исследовал особенности личности виновного⁷. Так, например, суд установил, что «по характеру подсудимый неспокойный, вспыльчивый, неуравновешенный».

¹ Приговор № 1-60/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-60/2024.

² Приговор № 1-57/2024 1-935/2023 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-57/2024.

³ Приговор № 1-174/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-174/2021.

⁴ Приговор № 1-152/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 1-152/2021.

⁵ Приговор № 1-212/2023 1-30/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-212/2023; Приговор № 1-208/2023 1-22/2024 от 21 февраля 2024 г. по делу № 1-208/2023; Приговор № 1-261/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 1-261/2021; Приговор № 1-1216/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 1-1216/2021; Приговор № 1-1/2022 1-33/2021 от 22 февраля 2022 г. по делу № 1-1/2022; Приговор № 1-236/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-236/2021; Приговор № 1-347/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-347/2021; Приговор № 1-45/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-45/2021; Приговор № 1-185/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-185/2021; Приговор № 1-458/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-458/2021; Приговор № 1-59/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-59/2021; Приговор № 1-507/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 1-507/2021.

⁶ Хун А. З. Учет личности виновного при назначении наказания // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2010. № 5 (32). С. 96.

⁷ Приговор № 1-133/2023 1-15/2024 от 15 февраля 2024 г. по делу № 1-133/2023; Приговор № 1-12/2024 от 14 февраля 2024 г. по делу № 1-12/2024; Приговор № 1-582/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 1-582/2021; Приговор № 1-344/2021 от 29 июля 2021 г. по делу № 1-344/2021.

На протяжении около 2-х лет у него происходят частые конфликты с его бабушкой. Через некоторое время внук похитил телевизор. Данный телевизор бабушка покупала на свои личные деньги¹. Однако приведенные примеры являются лишь исключением из общего правила.

Таким образом, можно сделать вывод, что суды зачастую при назначении наказания не устанавливают особенности личности виновного. Следствием этого является применение к осужденным наказаний, которые не в состоянии исправить лицо. В связи с этим человек после отбывания наказания начинает повторно совершать новые преступления, так как на него изначально не подействовали средства государственного принуждения.

Сформированные судебной практикой «типовые» виды и сроки наказания по конкретному уголовному делу, на наш взгляд, доказывают свою неэффективность. Так, например, лишение свободы по-прежнему является самым распространенным видом наказаний. В научной литературе отмечается, что такое широкое распространение наказания в виде лишения свободы часто применяется без учета конкретных обстоятельств совершенного деяния и лица, его совершившего².

В связи с этим, мы полагаем, что стоит расширять применение практики по назначению мер наказаний, не связанных с лишением свободы (так называемых альтернативных наказаний), с учетом характеристики личности.

Научная статья

УДК 343.71

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МЕЛКОЕ ХИЩЕНИЕ ЛИЦОМ, ПОДВЕРГНУТЫМ АДМИНИСТРАТИВНОМУ НАКАЗАНИЮ

Олег Игоревич КОНДРАТЬЕВ

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, otd.mvd.pyt@yandex.ru

Научный руководитель — начальник кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Татьяна Андреевна ОГАРЬ**, tat-kar@yandex.ru

¹ Приговор № 1-25/2022 1-461/2021 от 3 февраля 2022 г. по делу № 1-25/2022.

² Идрисов Н.Т. О противодействии рецидивной преступности (на основе практики Следственного комитета Российской Федерации) // Юридический вестник Самарского университета. 2018. № 1 (10). С. 63.

Аннотация. Статья рассматривает актуальные проблемы уголовной ответственности за мелкое хищение лиц, подвергнутых административному наказанию.

Автор выделяет проблемы неоднозначности определения мелкого хищения и несовершенство механизмов контроля и предупреждения повторных случаев преступлений такого рода.

Для решения этих проблем необходимы дальнейшие исследования, разработка дополнительных механизмов контроля и совершенствование уголовного законодательства.

Ключевые слова: преступления против собственности, мелкое хищение, хищение, административная преюдиция

Original article

CURRENT ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR PETTY THEFT BY A PERSON SUBJECTED TO ADMINISTRATIVE PENALTY

Oleg I. KONDRATYEV

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, otd.mvd.pyt@yandex.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **Tatyana Andreevna OGAR**, tat-kap@yandex.ru

Abstract. The article considers topical problems of criminal liability for petty theft of persons subjected to administrative punishment.

The author highlights the problems of ambiguity in the definition of petty theft and the imperfection of mechanisms for controlling and preventing repeated cases of crimes of this kind.

To solve these problems, further research, the development of additional control mechanisms and the improvement of criminal legislation are needed.

Keywords: property crimes, petty theft, embezzlement, administrative prejudice

После введения ст. 158.1 в УК РФ, устанавливающей уголовную ответственность за мелкое хищение чужого имущества лицом, подвергнутым административному наказанию, возникла необходимость более глубокого анализа данного преступления. Преступление такого вида требует точного определения его основных признаков, а также правил квалификации.

Основные причины внедрения ст. 158.1 УК РФ были связаны с неэффективностью административных санкций в предотвращении повторных случаев мелкого хищения, а также со значительным распространением таких проступков, которые могут нанести серьезный ущерб общественным отношениям, особенно в сфере собственности.

Изучив статью 158.1 УК РФ, можно выделить несколько актуальных проблем уголовной ответственности за мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию.

Одной из таких проблем является неоднозначность в определении и квалификации мелкого хищения, совершенного подвергнутым административному наказанию. Не всегда ясно, какие действия и их последствия должны быть включены в состав данного преступления. Это может привести к разночтениям при привлечении к уголовной ответственности лиц, совершивших подобные преступления. Важно точно определить границы между мелким хищением и другими административно-уголовными преступлениями для обеспечения единообразного применения закона.

Другой проблемой является несовершенство механизмов контроля и предупреждения повторных случаев мелкого хищения среди лиц, уже подвергнутых административному наказанию. Система наказаний и меры пресечения в данном случае могут оказаться недостаточно эффективными для предотвращения рецидива данного преступления. Необходимы дополнительные меры социальной и правовой профилактики с участием соответствующих органов и структур для минимизации вероятности повторных случаев мелкого хищения.

Для решения этих проблем необходимо провести дальнейшие исследования и разработать дополнительные механизмы контроля и наказания в отношении лиц, подвергнутых административному наказанию за мелкое хищение. Также важно укрепить обучение соответствующих специалистов и правоохранительных органов по правильному применению законодательства в данной области.

Анализ актуальных проблем уголовной ответственности за мелкое хищение лиц, подвергнутых административному наказанию, является важным шагом к повышению эффективности борьбы с данным видом преступлений и обеспечению справедливости в уголовном правосудии.

Введение ст. 158.1 в УК РФ в 2016 году стало ответом на выявленные проблемы в регулировании ответственности за мелкие хищения. До этого момента подобные правонарушения в большинстве случаев рассматривались исключительно в рамках КоАП РФ.

Однако на практике административные санкции, такие как штрафы, оказались недостаточно эффективными в борьбе с рецидивами, особенно среди лиц, неоднократно совершавших мелкие кражи. Одной из главных предпосылок

к изменениям стало увеличение числа повторных правонарушений.

Действовавшая ранее система административного наказания, даже при значительных штрафах, не обеспечивала необходимого уровня превенции. Многие нарушители вновь совершали кражи, зачастую осознавая, что наказание за их действия будет сравнительно мягким. Это, в свою очередь, вызывало общественный запрос на усиление наказания, так как безнаказанность за мелкие хищения подрывала доверие граждан к правоохранительным органам и судебной системе.

Еще одной важной причиной стало отсутствие четкого правового разграничения между административным и уголовным наказанием за хищение. До введения ст. 158.1 границы между ними определялись только размером ущерба, что порождало сложности в правоприменении. Необходимость четкого разграничения и установления более строгих мер для лиц, систематически совершающих мелкие хищения, стала очевидной. Дополнительно на разработку и введение данной статьи повлиял международный опыт.

В ряде стран, таких как Германия, Великобритания и США, давно существуют механизмы привлечения к уголовной ответственности за повторные мелкие преступления, что подтверждает эффективность такой меры в борьбе с рецидивами.

Ст. 158.1 УК РФ стала важным шагом в совершенствовании законодательства, направленного на укрепление общественного порядка и снижение уровня повторных преступлений. Ответственность за мелкое хищение в международной практике регулируется различными способами, что позволяет выделить несколько подходов, применяемых в правовых системах Европы и США.

Например, в большинстве стран Европы предусмотрена четкая градация между административными правонарушениями и уголовными преступлениями, что позволяет более гибко реагировать на мелкие хищения. Во многих европейских странах, таких как Германия и Франция, за подобные деяния впервые совершившие их лица, как правило, привлекаются к административной ответственности, которая включает штрафы или исправительные работы.

Однако в случае повторных правонарушений эти деяния квалифицируются как уголовные преступления, что позволяет применять более строгие меры, такие как условное наказание, тюремное заключение или обязательное исправительное обучение.

В Германии, например, мелкое хищение регулируется параграфом 248а Уголовного кодекса. За ущерб, не превышающий установленной суммы (например, 50 евро), предусмотрено минимальное наказание, часто ограничивающееся штрафом. Однако в случае систематического совершения подобных деяний лицо может быть привлечено к уголовной ответственности с применением более серьезных санкций.

Франция также проводит разграничение между мелкими и крупными хищениями, причем за мелкие хищения применяется упрощенная процедура рассмотрения дела, а за повторные преступления — усиленное наказание. В США подход к мелкому хищению варьируется в зависимости от законодательства конкретного штата.

Однако практически повсеместно действует принцип «трех ударов», согласно которому повторное совершение мелкого хищения ведет к ужесточению наказания. В некоторых штатах, таких как Калифорния, третье мелкое хищение может быть квалифицировано как уголовное преступление, что влечет за собой значительное увеличение срока наказания вплоть до нескольких лет лишения свободы.

Кроме того, в США широко применяется система обязательной компенсации ущерба потерпевшей стороне, что стимулирует нарушителей к добровольному возмещению убытков и снижению числа рецидивов. Международный опыт показывает, что эффективное регулирование ответственности за мелкие хищения базируется на сочетании административных и уголовных мер, а также использовании профилактических инструментов, направленных на предупреждение рецидивов. Опыт европейских стран и США может быть полезен для дальнейшего совершенствования российского законодательства, особенно в части разработки механизмов профилактики и социальной реабилитации лиц, систематически совершающих мелкие хищения.

Примеры правоприменения ст. 158.1 УК РФ демонстрируют широкий спектр сложностей, с которыми сталкиваются суды и правоохранительные органы при ее применении. Основное внимание уделяется правильной квалификации деяний и оценке обстоятельств, позволяющих признать действия подсудимого уголовно наказуемыми. Одним из ключевых примеров правоприменительной практики является дело гражданина, который, будучи ранее подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, повторно совершил аналогичное преступление.

В данном случае суд постановил, что повторное деяние попадает под квалификацию ст. 158.1 УК РФ, так как сумма ущерба не превышала значимого предела, но преступление было совершено умышленно. Приговор включал назначение условного наказания, что свидетельствует о стремлении суда предотвратить дальнейшие рецидивы, предоставив подсудимому шанс на исправление.

Статистика по статье 158.1 также позволяет выявить основные тенденции. Согласно отчетам судебного департамента при Верховном Суде РФ, за последние годы количество дел по данной статье значительно увеличилось.

Например, в 2022 году было рассмотрено свыше 15 тысяч дел, связанных

с мелкими хищениями, где лица ранее привлекались к административной ответственности. Большая часть этих дел завершилась вынесением условных наказаний или назначением штрафов, что говорит о преобладании гуманного подхода при вынесении приговоров. Анализ правоприменительной практики выявляет несколько проблемных аспектов. Одной из них является сложность доказывания факта административного наказания за предыдущее хищение.

Это требует точного соблюдения процедуры сбора доказательств и учета всех сопутствующих обстоятельств. Кроме того, в некоторых случаях возникают разногласия относительно размера ущерба, что может влиять на квалификацию деяния. Например, если сумма ущерба находится на границе между мелким хищением и более серьезным преступлением, суду необходимо учитывать не только материальный, но и социальный ущерб. Еще одной важной проблемой является недостаточная эффективность профилактических мер.

Несмотря на то, что назначение наказаний по ст. 158.1 УК РФ направлено на снижение рецидивов, значительная часть осужденных продолжает совершать аналогичные преступления. Это подчеркивает необходимость усиления социально-правовой реабилитации и разработки механизмов, стимулирующих исправление нарушителей.

Практика применения ст. 158.1 УК РФ показывает, что данный инструмент является важным элементом системы борьбы с мелкими хищениями. Однако для повышения его эффективности требуется дальнейшее совершенствование процедур доказывания, квалификации и профилактических мер, направленных на снижение рецидивной преступности.

Мелкие хищения оказывают заметное воздействие на общественные отношения и экономику несмотря на то, что каждый отдельный случай может казаться незначительным. Совокупное влияние подобных правонарушений формирует негативные тенденции в нескольких ключевых аспектах. С экономической точки зрения, мелкие хищения создают значительную нагрузку на розничный сектор, малый и средний бизнес.

По данным Ассоциации ритейлеров России, ежегодные убытки из-за мелких хищений составляют от 1 до 2% общей выручки торговых предприятий. Для крупных сетевых магазинов это могут быть миллионы рублей, а для малого бизнеса такие потери могут стать критическими, ставя под угрозу их дальнейшее существование.

Ущерб усиливается затратами на предотвращение подобных преступлений, включая установку систем видеонаблюдения, оплату охраны и страхование имущества, что увеличивает операционные издержки. Влияние на общественные отношения также весьма ощутимо. Частые случаи мелких хищений подрывают чувство безопасности граждан, особенно в малых населенных пунктах, где такие правонарушения воспринимаются как признак общего

ухудшения правопорядка.

Это может привести к снижению уровня доверия к правоохранительным органам и судебной системе, если граждане считают, что подобные преступления остаются безнаказанными или недостаточно строго пресекаются. Социальный аспект проблемы также связан с характеристиками самих правонарушителей.

Анализ показывает, что большинство лиц, совершающих мелкие хищения, принадлежат к социально уязвимым группам населения, включая людей с низким уровнем дохода, безработных или лиц, ведущих асоциальный образ жизни. Это указывает на наличие глубинных социальных проблем, таких как бедность, недостаток образования и социального контроля, которые требуют комплексного подхода для их решения.

Мелкие хищения также влияют на трудовые отношения. В ряде случаев такие преступления совершаются сотрудниками компаний, что формирует атмосферу недоверия между работодателями и работниками. Это вынуждает компании усиливать внутренний контроль, что увеличивает административные издержки и снижает производительность труда. Для снижения масштабов проблемы необходимы меры, направленные не только на ужесточение наказания, но и на профилактику.

Это включает улучшение социально-экономических условий для уязвимых слоев населения, активное развитие программ ресоциализации и внедрение образовательных инициатив, направленных на повышение правосознания и предотвращение рецидивов. В совокупности такие меры способны уменьшить как прямой экономический ущерб, так и негативное влияние на общественные отношения, вызванное мелкими хищениями. Совершенствование законодательства, регулирующего ответственность за мелкие хищения, требует комплексного подхода, направленного на устранение существующих пробелов и усиление профилактических мер. Анализ текущей ситуации позволяет выделить несколько направлений, в рамках которых возможно улучшение правового регулирования и снижение уровня рецидивов.

Во-первых, необходимо уточнение положений ст. 158.1 УК РФ с целью исключения правовой неопределенности, связанной с квалификацией деяний. На практике возникают ситуации, когда сумма ущерба близка к пороговым значениям, что затрудняет разграничение между административным и уголовным правонарушением. В этой связи целесообразно внести изменения, закрепляющие четкие критерии для определения мелкого хищения, включая не только размер ущерба, но и характер обстоятельств совершения преступления. Например, можно учитывать наличие корыстной цели, способы сокрытия хищения или повторность деяний.

Во-вторых, важно усилить механизмы индивидуализации наказания. Современная система в основном фокусируется на штрафах, исправительных работах и условных наказаниях, которые не всегда оказываются эффективными для предотвращения рецидивов. Рекомендуется ввести программы обязательного социального сопровождения для осужденных, включающие психологическую поддержку, профессиональное обучение и помощь в трудоустройстве.

Такие меры позволят сократить число рецидивов за счет социальной адаптации правонарушителей. Третье направление связано с усилением профилактических мер. Необходимо развивать инициативы, направленные на повышение правосознания населения, особенно среди молодежи и социально уязвимых групп.

Например, можно организовывать образовательные кампании, посвященные ответственности за мелкие хищения и последствиям таких действий для общества. Важно также активно вовлекать местные органы власти и общественные организации в работу по предупреждению преступлений.

Еще одной перспективной мерой является развитие системы электронного мониторинга. Внедрение технологий, позволяющих отслеживать соблюдение осужденными условий наказания (например, приговоров об обязательных работах или ограничении свободы), поможет повысить эффективность контроля и снизить нагрузку на правоохранительные органы. Такой подход уже доказал свою успешность в ряде европейских стран. Наконец, следует обратить внимание на развитие судебной практики.

Для обеспечения единообразного подхода к правоприменению рекомендуется разработать разъяснения Верховного Суда РФ, касающиеся применения ст. 158.1 УК РФ. Это позволит избежать разночтений и ошибок при рассмотрении дел о мелких хищениях, а также обеспечить справедливость вынесения наказаний.

Совершенствование законодательства в области ответственности за мелкие хищения требует системных изменений, направленных на устранение правовых пробелов, индивидуализацию наказаний и активное развитие профилактических мер. В совокупности такие действия позволят не только снизить уровень рецидивной преступности, но и укрепить доверие общества к правосудию и правоохранительным органам.

Сравнительный анализ подходов к наказанию за мелкие правонарушения в различных правовых системах показывает, что выбор между административными и уголовными мерами во многом определяется особенностями национального законодательства и уровнями правосознания общества.

В странах, где основное внимание уделяется профилактическим мерам и реабилитации правонарушителей, предпочтение отдается административным

санкциям, таким как штрафы или исправительные работы, с минимальным использованием уголовных наказаний.

Например, в странах Северной Европы основной акцент сделан на профилактику и социальное сопровождение правонарушителей, что позволяет значительно снизить уровень рецидивной преступности. В то же время системы, ориентированные на ужесточение уголовных санкций, такие как в США, демонстрируют высокую эффективность в предотвращении повторных правонарушений за счет строгих мер наказания, включая тюремное заключение. Однако данный подход сопровождается увеличением нагрузки на пенитенциарную систему и рисками дальнейшей маргинализации правонарушителей.

В России, после введения ст. 158.1 УК РФ, была предпринята попытка объединить оба подхода: применить уголовное наказание только к лицам, систематически совершающим мелкие хищения, сохранив при этом административную ответственность для впервые совершивших правонарушение. Такой подход является шагом в сторону гуманизации правоприменительной практики, однако требует дальнейшего совершенствования, особенно в части предупреждения рецидивов.

Таким образом ст. 158.1 УК РФ является важным инструментом правового регулирования, но требует дальнейшей доработки. Предложенные меры по совершенствованию законодательства и развитию профилактических механизмов способны значительно повысить его эффективность, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению правопорядка и снижению уровня рецидивной преступности.

Научная статья
УДК 343.58

**К ВОПРОСУ ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ
ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ В СРЕДСТВАХ
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ
(ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»)**

Лилия Алексеевна КОНДРАТЬЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
kondrateva_lilit.2004@mail.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридиче-

ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук. профессор **Роман Дмитриевич ШАРАПОВ**, srd72@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению жестокого обращения с животными, совершенное с публичной демонстрацией (п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ), подрывающего устои общественной нравственности.

Анализируются некоторые особенности (соучастие в преступлении, юридическое окончание и место преступления, стадия приготовления к преступлению) закреплённого в Уголовном кодексе Российской Федерации деяния с учетом квалифицирующего признака «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)».

Ключевые слова: жестокое обращение с животными, информационно-телекоммуникационные сети, треш-стрим, ответственность, общественная нравственность

Original article

TO THE ISSUE OF PUBLIC DEMONSTRATION OF CRUEL HANDLING ANIMALS IN MASS MEDIA INFORMATION OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS (INCLUDING INTERNET NETWORK)

Lilia A. KONDRATYEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, kondrat-eva_lilit.2004@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law. Professor **Roman Dmitrievich SHARAPOV**, srd72@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of cruelty to animals committed with a public demonstration, undermining the foundations of public morality.

Some features (complicity in a crime, legal termination and crime scene, stage of preparation for a crime) of the act enshrined in the Criminal Code of the Russian Federation are analyzed, taking into account the qualifying sign «with public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet)».

Keywords: animal cruelty, information and telecommunication networks, trash stream, responsibility, public morality

С цифровизацией сфер жизни общества расширились границы преступной деятельности.

Во-первых, противоправная информация, зафиксированная с помощью мобильных телефонов и иных информационных средств с последующей публикацией в информационно-телекоммуникационных сетях или воспроизводимая в прямом эфире через специализированные сервисы для стримов, на крупных видеоплатформах с опцией прямой трансляции, повышает общественную опасность преступления. Во-вторых, согласимся с мнением А. П. Фильченко, который указывает на возрастающий вред транслируемого факта применения насилия к животному индивидуально неопределенной аудитории, обладающей возможностью в любой момент стрима свободно присоединиться к просмотру, в чем, собственно, выражается признак публичности¹.

В настоящее время в ряде составов преступлений в качестве квалифицирующего признака закреплено использование информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

Так, рассмотрим подробнее состав преступления с квалифицирующим признаком п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ, в редакции Федерального закона от 20 декабря 2017 г. № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» интересующий нас в части выполнения объективной стороны данного деяния.

Несмотря на то, что к животным применяются общие правила об имуществе согласно ст. 123 ГК РФ, их правовое положение охраняется в соответствии с подп. е.5 ст. 114 Конституции Российской Федерации.

В порядке Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»² устанавливаются требования к содержанию и использованию животных, основные принципы обращения с ними, как с существами, способными испытывать эмоции и физические страдания и др. В том числе законодатель согласно Федеральному закону

¹ Фильченко А. П. Охрана общественной нравственности от посягательств в форме прямых трансляций противоправного поведения (трещ-стримов) // Труды Академии управления МВД России. 2021. №4 (60). С. 95.

² Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О животном мире»¹ возлагает обязанности осуществлять только гуманные способы при пользовании животным миром.

Согласно мнению В. В. Шкеле и Н. И. Кузнецовой, действие по осуществлению публичной демонстрации лицом, который не выполнял объективной стороны основного деяния, не является уголовно наказуемым². В подтверждение тезиса приведем пример ситуации, когда лицо разместило на личной социальной страницы уже имеющийся в открытом доступе видеопокказ жестокого обращения с животными в целях привлечения к уголовной ответственности виновных. При таких условиях субъект права не подлежит уголовной ответственности по данной статье ввиду отсутствия состава преступления.

Однако рассмотрим другую ситуацию, когда первое лицо применяет физическое насилие над животным, а второе ведет съемку (после выкладывает материал в интернет-пространство) или треш-стрим³ (п.п. «а,г» ч. 2 ст. 245 УК РФ)⁴.

В первую очередь, речь идет о соисполнительстве, когда оба лица полностью или частично выполняют объективную сторону совершаемого преступления. В другом случае, по буквальному толкованию уголовно-правовой нормы, можно рассмотреть интеллектуальное или физическое соучастие с применением ст. 33 УК РФ, когда второе лицо не выполняет объективную сторону деяния. Например, при ведении треш-стримов между исполнителями и наблюдателями имеется определенная взаимосвязь, поскольку последние выступают в роли подстрекателей, осуществляя донатирование преступных действий.

Считаем, что первая позиция верная при условии единого умысла действующих лиц в процессе выполнения основного состава преступления, его фиксации на мобильном или ином устройстве, а также дальнейшего размещения материалов в сеть «Интернет», т.к. объективная сторона квалифицирующего состава преступления расширена за счет включения действия, которое может совершить и тот, кто насилие к животному не применяет.

Таким образом, можно сделать вывод, что к уголовной ответственности по п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ необходимо привлекать и тех лиц, которые вели

¹ О животном мире : Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Шкеле М.В., Кузнецова Н.И. Уголовная ответственность за публичную демонстрацию преступлений против животных в сети «Интернет» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. №1 (77). С. 99.

³ Под треш-стримом понимают информация, оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений.

⁴ Решение по делу №1-28/2021 от 31 марта 2021 г. URL: <https://www.судебныерешения.рф/59386676>

съемку и (или) распространили противоправный материал о жестоком обращении с животными в информационно-телекоммуникационной сети (с дополнительной квалификацией п. «а» ч. 2 ст. 245 УК РФ).

Несмотря на вышесказанное, вменение соисполнителю квалифицирующего признака жестокого обращения с животными, совершенное с публичной демонстрацией, допустимо только при осознании им этого обстоятельства, иначе стоит говорить об эксцессе соисполнителя преступления¹. Также, при изменении обстоятельств, например, осуществление вторым лицом записей без последующего распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», не образует часть объективной стороны, однако при недоведении действий до конца по не зависящим от лица обстоятельствам не исключает уголовной ответственности за покушение на жестокое обращение с животными, совершенное с публичной демонстрацией.

Особенность составов, включающих элемент публичной демонстрации, обуславливается тем, что признак в одних случаях характеризует обстановку совершения деяния (например, когда акт мучительного насилия над животным транслируется в режиме реального времени), в других является самостоятельным действием, входящим в объективную сторону состава преступления (например, когда видеозапись состоявшегося жестокого обращения с животным выкладывается в сеть после содеянного).

Объективная сторона состава преступления в соответствии с п. 5 статьи 3 Федерального закона «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) выражается в форме действий или бездействий жестокого обращения с животными, совершенные с публичной демонстрацией, которые привели к гибели, увечью или иному повреждению здоровья животного (включая истязание животного голодом, жаждой, побоями, иными действиями), а также нарушение требований к содержанию животных, в том числе отказ владельца от содержания животного, неоказание при наличии возможности владельцем помощи животному, находящемуся в опасном состоянии².

¹ Иванова Л. В. К вопросу о публичной демонстрации как квалифицирующем признаке жестокого обращения с животными // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против здоровья населения и общественной нравственности) : материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации ; под общ. ред. А. А. Сапожкова. — Санкт-Петербург : СПбЮИ (ф) УП РФ, 2021. — 1 CD-R (8,20 Мб). — Систем. требования: ПК с процессором Intel Core i3 и более ; 512 Mb и более ; CD/DVD — ROM дисковод ; Microsoft Windows XP и выше ; SVGA 800×600.16 bit и более ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. — Загл. с экрана. — ISBN 978-5-6043806-7-3. — Текст : электронный. С. 71.

² Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, гибель означает смерть животного, увечье — «любое повреждение животного, в том числе его анатомической целостности: отрубание конечности, лишение глаз»¹.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 УК РФ преступление следует считать оконченным, когда лицо совершает деяние, содержащее все признаки состава преступления. Таким образом, юридическое окончание состава преступления п. «г» ч. 2 ст. 245 УК РФ наступает не с момента гибели животного или причинения ему увечий, а с момента публичного показа или размещения для публичного обозрения соответствующих видео или фотоматериалов (например, размещение информации в общем доступе в сети «Интернет», ее массовая рассылка абонентам по электронной почте или при помощи мобильной связи и т.п.)². В данном случае достаточно подтверждения наличия свободного доступа лиц к материалу, поэтому факт ознакомления с полученной информацией не имеет значение, поскольку может произойти в любое время.

В п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»³ разъясняется, что местом преступления с использованием электронных сетей считают ту территорию, на которой выполнялись действия, входящие в объективную сторону состава преступления. Соответственно, в случае публичной демонстрации жесткого обращения с животными в прямом эфире через специализированные сервисы для стримов местом совершения деяния является то пространство, где фактически виновный совершил действие (бездействие) по отношению к зверям или птицам. Полагаем, что при условии выполнения частей объективной стороны деяния в разные временные промежутки место будет определено также.

Достаточно спорно положение п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», позволяющего вменить квалифицирующий признак независимо от стадии совершения преступ-

¹ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 2 т. Т. 1. Разд. I-VIII / Отв. ред. В. М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. С. 320.

² Шарапов Р. Д. Квалификация преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Законность. 2024. № 3. С. 37.

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ления, если для выполнения хотя бы одного из умышленных действий, создающих условия для совершения соответствующего преступления или входящих в его объективную сторону, лицо использовало такие сети.

Анализируя вышесказанное, Верховный Суд Российской Федерации признал повышенную общественную опасность preparatory actions с использование средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Однако применение лицом квалифицирующего признака только на стадии приготовления значительно ухудшает его положение, в связи с повышением степени тяжести деяния. Таким образом, произошла судебная криминализация деяния на стадии приготовления, которая уравнивает степень общественной опасности действий, создающих условия для совершения преступления, и действий, образующих его объективную сторону¹.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что квалифицирующий признак «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» усиливает уголовную ответственность состава преступления ч. 2 ст. 245 УК РФ, поэтому важно четко понимать условия его вменения.

Так, публичная демонстрация основного деяния по ч. 1 ст. 245 УК РФ, транслируемого в прямом эфире, а также распространение уже зафиксированного на электронном устройстве окончившегося жесткого обращения признается преступлением, совершенным с квалифицирующим признаком, исключительно тогда, когда умысел на публичную демонстрацию возник до выполнения основного деяния или в процессе его осуществления.

Считаем, что при соучастии в данном деянии необходимо учитывать умысел виновных для дачи правильной оценке действий лиц, только снимавших и (или) разместивших информацию о жестоком обращении с животными, время выполнения основного состава и время публикации в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет»; юридическое окончание преступления будет определяться с момента массовой рассылки, публикации информации в сети «Интернет», позволяющей неограниченному кругу лиц беспрепятственно ознакомиться с материалом; местом преступления следует считать территорию, в пределах которой виновный выполняет полностью или в части объективную сторону преступления. Кроме того, полагаем, что судебная криминализации квалифицирующего признака на стадии приготовления к преступлению, не является обоснованной.

¹ Ткачев И. О. Использование информационно-телекоммуникационных сетей как квалифицирующий признак состава преступления // Уголовное право. 2024. № 10. С.77

Научная статья
УДК 343.351

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ ВЫБОРЕ
МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛИЦ,
СОВЕРШИВШИХ ПРИСВОЕНИЕ И РАСТРАТУ**

Дарья Владимировна КОРНИЛОВА

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, dasha.kornilova.74@mail.ru

Научный руководитель — преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Александровна ШУТОВА**, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается реализация принципа справедливости в случае совершения деяния по статье 160 УК РФ «Присвоение и растрата» в виду признания деяния малозначительным.

Освещаются цели наказания (репрессивные), цели освобождения от уголовной ответственности (антирепрессивные), статистика указания их в приговорах.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за присвоение и растрату.

Ключевые слова: принцип справедливости, присвоение и растрата, малозначительное деяние, наказание, освобождение, суд

Original article

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN CHOOSING
A MEASURE OF CRIMINAL LAW INFLUENCE ON PERSONS
ASSIGNING AND WASTING**

Daria V. KORNILOVA

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, dasha.kornilova.74@mail.ru

Scientific adviser — Lecturer, Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Alexandrovna SHUTOVA**, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Abstract. This article considers the implementation of the principle of justice in the event of an act under article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation «Recovery and embezzlement» in view of the recognition of the act as insignificant.

The goals of punishment (repressive), the goals of exemption from criminal liability (anti-repressive), statistics on their indication in sentences are highlighted.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal law on liability for misappropriation and embezzlement.

Keywords: principle of justice, appropriation and embezzlement, insignificant act, punishment, release, trial

Вопросы квалификации преступлений по ст. 160 УК РФ давно рассматриваются учеными в области уголовного права. В частности, данной проблематике посвящены следующие исследования¹.

В свою очередь вопросы индивидуализации уголовно-правового воздействия на лиц, совершивших присвоение или растрату, не в полной мере исследованы в теории уголовного права.

Особую актуальность обозначенная проблематика приобретает в свете последних решений Верховного Суда Российской Федерации при признании деяний, формально попадающих под признаки состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ, однако в виду малозначительности деяния утрачивают признак общественной опасности.

Так, например, Верховный Суд вынес Кассационное определение от 4 сентября 2024 года по уголовному делу № 51-УД24-10-К8, которым отменил обвинительный приговор и прекратил уголовное дело в отношении бывшего директора госучреждения, признанного виновным судами нижестоящих инстанций, в хищении вверенного ему чужого имущества с использованием служебного положения.

Из материалов уголовного дела следует, что «Сычев В.А., работая в должности директора муниципального бюджетного учреждения дополнительного образования «Центр военно-патриотического воспитания «Десантник», и являясь должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, используя служебное положение, в период с 1 октября по 3 ноября 2020 года, из корыстной и иной личной заинтересованности, достоверно осведомленный о факте неисполнения

¹ Мазлоева Н. С. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки преступлений, предусмотренных ст.160 УК РФ// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №3-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifitsiruyuschie-i-osobo-kvalifitsiruyuschie-priznaki-prestupleniy-redusmotrennyh-st-160-uk-rf> (дата обращения: 10.11.2024); Вершинина Ю. А. Особенности квалификации присвоения и растраты на примере судебной практики / Ю. А. Вершинина// Молодой ученый. — 2020. — № 21 (311). — С. 272-276. — URL: <https://moluch.ru/archive/311/70418/> (дата обращения: 10.11.2024).

трудовых обязанностей работником действуя умышленно, дал заведомо незаконное указание методисту по составлению табеля учета рабочего времени за период с 1 по 31 октября 2020 года с указанием рабочего времени работника в объеме 22 дней в месяц, подписал его и передал табель в бухгалтерию администрации г. Славгорода, что явилось основанием для начисления из фонда оплаты труда Учреждения заработной платы Г, в размере 16 391 рубля 71 копейки, которую Сычев обратил в свою пользу»¹.

При аргументации позиции в пользу прекращения обозначенного уголовного дела на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ Судебная коллегия по уголовным делам ссылалась на п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении или растрате», а также определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июля 2013 года № 1162-О, согласно которому «при выборе меры уголовно-правового воздействия следует в первую очередь руководствоваться принципом справедливости, который базируется на оценке характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности преступника, а также обстоятельствах совершения преступления».

Принцип справедливости является неотъемлемой частью уголовного права, так как на нем основан выбор меры уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, которое реализуется посредством репрессивных (назначение наказания) и антирепрессивных (освобождение лица от уголовной ответственности) мер. В уголовном законодательстве идея справедливости представлена на двух уровнях. В основе первого уровня лежит идея восстановления социальной справедливости. Во втором уровне идея справедливости воплощается в назначении соразмерного наказания. Это актуализирует проблему нахождения баланса между «восстановлением социальной справедливости» (для потерпевших) и «справедливостью наказания» (для преступников).

Восстановление социальной справедливости, как цель наказания, предполагает рассмотрение идеи справедливости как общественно-значимой ценности, обладающей в большей степени публичной природой. В свою очередь возмещение (компенсация) морального вреда, так же, как и имущественная ответственность, не могут быть равноценны восстановлению чувства социальной справедливости, в значении, которое придает ему общество и государство. В связи с этим следует рассматривать соответствующую категорию, характеризующую в большей степени публично-ценностные аспекты идеи справедливости.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.09.2024 № 51-УД24-10-К8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Для наглядной демонстрации реализации принципа справедливости при выборе меры уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 160 УК РФ, нами были проанализированы статистические данные Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации¹ по количеству осужденных лиц за присвоение и растрату, а также по назначенным наказаниям.

По части 1 ст. 160 было осуждено 1502 человека, один человек был оправдан. По наказаниям: лишение свободы — 114 чел.; условное лишение свободы — 134 чел.; ограничение свободы — 72 чел.; штраф — 553 чел.; исправительные работы — 124 чел.; обязательные работы — 414 чел.

По части 2 ст. 160 было осуждено 871 человек, один человек был оправдан. По наказаниям: лишение свободы — 195 чел.; условное лишение свободы — 288 чел.; ограничение свободы — 0 чел.; штраф — 71 чел.; исправительные работы — 83 чел.; обязательные работы — 177 чел.

По части 3 ст. 160 было осуждено 2159 человек, 17 человек были оправданы. По наказаниям: лишение свободы — 135 чел.; условное лишение свободы — 1229 чел.; ограничение свободы — 2 чел.; штраф — 579 чел.; исправительные работы — 16 чел.; обязательные работы — 2 чел.

По части 4 ст. 160 было осуждено 796 человек, 9 человек были оправданы. По наказаниям: лишение свободы — 290 чел.; условное лишение свободы — 481 чел.; ограничение свободы — 1 чел.; штраф — 12 чел.; исправительные работы — 1 чел.; обязательные работы — 0 чел.

Анализируя представленные данные можно сделать вывод о том, что среди наказаний первостепенную роль занимает штраф (лишение свободы — 734 человека, штраф — 1215 человек). В этой связи при реализации репрессивных мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее присвоение или растрату, следует учитывать достижение цели наказания в виде восстановления социальной справедливости. Преступник незаконно забрал себе чужое имущество, тем самым обогатив себя не за свой счет чужого, и наказание должно компенсировать этот ущерб. Кроме того, наказание призвано пресечь дальнейшие противоправные действия как самого осужденного, так и других лиц.

Хотя данная статья УК РФ не всегда предусматривает лишение свободы (часто применяются условные сроки или штрафы), наказание все же должно способствовать исправлению осужденного и формированию у него нового сознания. Цель исправления достигается через разъяснительную работу, общественно-полезный труд, психологическую помощь и т. д. Наказание, в том числе и лишение свободы, предотвращает дальнейшую угрозу безопасности

¹Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации// URL: <https://web.archive.org/web/20200827193432/http://www.cdep.ru/> (дата обращения 10.11.2024)

для общества со стороны преступника. Применение исправительных мер помогает в ресоциализации осужденного и его возвращению в общество.

Помимо назначения наказания за присвоение или растрату суды могут прийти к выводу о том, что лицо следует освободить от уголовной ответственности, реализуя тем самым антирепрессивные меры уголовно-правового воздействия.

Освобождение от уголовной ответственности за присвоение или растрату, может происходить по следующим основаниям:

1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Суть данного освобождения – это осужденный добровольно возместил ущерб, принес извинения потерпевшему и способствовал раскрытию преступления.

2. Освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности.

3. Примирение сторон. Прекращение уголовного дела в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления если это лицо примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред.

Помимо данных оснований, уголовные дела по присвоению и растрате могут прекращаться, а лица освобождаться от уголовной ответственности, при признании совершенного деяния малозначительным.

Цель, которая достигается при освобождении от уголовной ответственности по статье 160 УК РФ при признании деяния малозначительным:

— Предотвращение необоснованного уголовного преследования. Не всякое противоправное действие, попадающее под признаки преступления, должно обязательно влечь за собой уголовную ответственность.

— Соразмерность наказания. Действия, которые не причинили значительного ущерба и не представляют серьезной общественной опасности, не должны караться так же строго, как тяжкие преступления.

— Эффективное использование ресурсов правоохранительных органов. Ресурсы правоохранительной системы должны направляться на расследование и наказание действительно опасных преступлений, а не на преследование мелких правонарушений.

При оценке справедливости принятого решения о признании присвоения или растраты малозначительным деянием, следует исходить из суммы имущественного ущерба. Для выявления среднего значения ущерба, причиняемого преступлением, предусмотренным ст. 160 УК РФ, нами были проанализированы пятнадцать обвинительных приговоров судов. Средняя сумма причиненного имущественного ущерба составила 478990,7 руб.

Таким образом, присвоение и растрату можно считать малозначительным деянием и использовать антирепрессивные меры в тех случаях, когда сумма

имущественного ущерба незначительна. Именно тогда уголовное дело целесообразно прекращать с учетом принципа справедливости.

Однако, хочется отметить, что следует избегать повторного освобождения лица, совершившего присвоение или растрату, от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, поскольку это чревато развитием феномена «несудимый рецидивист».

Кроме того, следует учитывать тот факт, что ранее к лицу уже было оказано снисхождение. Однако если исправление было не достигнуто, то следует выбирать репрессивные меры уголовно-правового воздействия, реализуемые посредством института назначения наказания.

Научная статья
УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ ВАНДАЛИЗМА СОВЕРШЕННОГО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Евгения Максимовна КОРОВАШКИНА

Южно-Российский институт управления филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия, eugeniafrolenko@yandex.ru

Научный руководитель — профессор кафедры процессуального права Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент **Александр Сергеевич АНДРЕЕВ**

Аннотация. Данная статья представляет собой исследование вандализма как одной из наиболее распространенных форм преступной активности среди несовершеннолетних.

Обращается внимание на способы и мотивы совершения вандализма, совершаемого несовершеннолетними.

Разработаны предложения по совершенствованию практики предупреждения вандализма, совершаемого несовершеннолетними.

Ключевые слова: вандализм, методы, способы, теория разбитых окон, статистика

FEATURES OF VANDALISM COMMITTED BY MINORS

Evgenia M. KOROVASHKINA

South Russian Institute of Management a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, eugeniafrolenko@yandex.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Procedural Law of the South Russian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor **Alexander Sergeevich ANDREEV**

Abstract. This article is a study of vandalism as one of the most common forms of criminal activity among minors.

Attention is drawn to the methods and motives of committing vandalism committed by minors.

Proposals have been developed to improve the practice of preventing vandalism committed by minors.

Keywords: vandalism, methods, methods, broken windows theory, statistics

Вандализм — одна из форм преступного поведения, проявляющегося в целенаправленном умышленном порче или уничтожении имущества, принадлежащего другим людям. Этот вид преступлений несет не только материальные убытки для общества и граждан, но и оказывает негативное влияние на социокультурную среду, подрывая общественные нормы и ценности. В наше время вандализм не редкое явление, последствия вандализма встречаются нам постоянно.

Данный вид преступления, наиболее популярен среди молодежи, которые пытаются за счет этого самовыражаться, тем временем приводя все в беспорядки. Уровень образования у такой молодежи недостаточно велик в основном это либо школьники, либо обучающиеся колледжа. Часто такое самоутверждение выражается в нанесении символики своей организации, непристойных надписей, издевательских лозунгов, неприличных рисунков и т. п. в местах с достаточно широким доступом населения.

Иногда действия таких молодежных групп переходят в бессмысленное уничтожение городского, муниципального и частного имущества. Также нельзя упомянуть что взрослые тоже совершают акты вандализма, зачастую это

спортивные болельщики, которые после себя в случае недовольства и эмоциональности оставляют за собой разрушения.

На период с 2020 года по 2023 наблюдается увеличение актов вандализма в стране, данные статистики показывают около 1115 осужденные за совершение вандализма.

Вандализм отличается циничным характером, который проявляется через глумление, уничтожение, разрушение, повреждение и насмешку над ценными объектами в общественных местах. Цинизм проявляется в явном пренебрежении к общепринятым нормам этики и морали, а также уважению к общепризнанным ценностям.

Презрение и умышленное унижение объектов подвержения свидетельствуют о недостатке уважения со стороны вандалов. Поэтому рассмотрение их действий можно определить, как «глумление», «уничтожение», «разрушение», «повреждение» или «надругательство»¹.

При осквернении зданий и иных сооружений основными способами совершения преступления выступают нанесение на различные объекты надписей, знаков, символов, геометрических фигур, измазывание, окрашивание и разрисовывание их поверхностей².

При порче имущества на общественном транспорте и в иных общественных местах способами совершения данного преступления являются битье стекол, измазывание объектов краской и т.д. В некоторых случаях уничтожение имущества может осуществляться путем поджога, взрыва, сноса объектов и т. д.

Для совершения вандализма преступниками используются различные орудия и средства. При осквернении зданий и других объектов используются лакокрасочные материалы, чаще всего используются баллончики с краской.

При разрушении имущества преступники часто используют различные инструменты, такие как ломы, обломки труб, камни, а также орудия бытового назначения, например, топоры, молотки, ножовки и т.п.

Для нанесения ущерба с помощью поджога достаточно иметь источник огня, такой как спички или зажигалка. Уничтожение имущества путем сжигания может быть осуществлено с применением концентрированных кислот.

Использование взрыва требует наличия взрывчатых веществ и устройств, а также навыков их обращения. При сносе чаще всего применяются технические средства, транспортные средства и механизмы.

¹ Кружкова О. В., Воробьева И. В., Матвеева А. И. Методика диагностики мотивов вандального поведения для обучающихся подросткового и юношеского возраста: результаты доработки // ОмГУ. 2024. №1. С. 10

² Скороходова А. С. Вандализм // Социологический журнал. 1999. №3-4. С. 21.

Для выявления самых популярных способов нами было исследовано 50 приговоров, в ходе которых было выявлено наиболее встречаемые способы совершения вандализма: разбитые стекла — 18 %, порча имущества — 26 %, граффити — 20 %, осквернение могил — 6 %, поджог — 14 %, взрывы — 16 %.

Таким образом порча имущества является способом, наиболее часто встречающимся при совершении вандализма. Он является самым простым способом для причинения неудобств окружающим, так как для него не требуется особых затрат и сил.

Некоторые случаи совершения вандализма объясняет «Теория разбитых окон» — в соответствии с которой если некоторый район или общественное пространство оставить без присмотра и не обращать внимания на мелкие правонарушения, такие как разбитые окна, то это создаст ощущение безнаказанности и хаоса. В результате, это может привести к увеличению серьезных преступлений и разрушений в данной области.

«Явные признаки беспорядка и несоблюдения людьми принятых норм поведения провоцируют окружающих тоже забыть о правилах.» Эта концепция была предложена социологами Джеймсом К. Уилсоном и Джорджем Л. Келлином в 1982 году.

Для подтверждения этой теории был проведен опрос среди 50 человек. В ходе которого было выявлено, что людей мотивирует к совершению вандализма «желание проявить свою агрессию». Люди в большинстве случаев пойдут искать другое контейнер куда выбросить, чем будут засорять территорию. Большинство людей попытаются отговорить других людей от акта вандализма. 75 % опрошенных вызовут полицию, а 16,7 % попытаются остановить акты совершения вандализма.

Таким образом вандализм является одним из наиболее распространенных видов преступлений среди молодежи. Основные методы мотивы совершения этого преступления демонстрируют связи между мелкими актами вандализма и общественной безопасностью. Нетерпимость к вандализму в обществе растет и жители готовы активно бороться с вандализмом.

Научная статья
УДК 343.711

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРАЖИ И НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ ОБЩЕРАСПРОСТРАНЕННЫХ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ

Матвей Тимурович КОСЦОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
m.kostsov1@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, кримино-
логии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридиче-
ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федера-
ции, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы уголовной от-
ветственности за кражу общераспространенных полезных ископаемых.

Обращается внимание на несовершенство применения уголовного законо-
дательства, предусматривающего ответственность за кражу общераспростра-
ненных полезных ископаемых.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения
уголовного законодательства об ответственности за кражу общераспростра-
ненных полезных ископаемых.

Ключевые слова: преступления против собственности, кража, общерас-
пространенные полезные ископаемые, незаконное предпринимательство

Original article

PROBLEMS OF DELINEATION OF THEFT AND ILLEGAL BUSINESS IN THE FIELD OF ILLEGAL MINING COMMON MINERALS

Matvey T. KOSTSOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of
the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, m.kostsov1@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law,

Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article examines some of the problems of criminal liability for theft of common minerals.

Attention is drawn to the imperfection of the application of criminal legislation providing for liability for theft of common minerals.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for theft of common minerals.

Keywords: crimes against property, theft, common minerals, illegal entrepreneurship

В соответствии со Стратегией о развитии материально-сырьевой базы Российской Федерации до 2050 года, утвержденной Правительством РФ 11 июля 2024 года, одной из целей является темп роста валового внутреннего продукта страны выше среднемирового, рост инвестиций в основной капитал за счет опережающего роста темпа добычи и глубокой переработки полезных ископаемых, в первую очередь дефицитных для Российской Федерации стратегических видов минерального сырья, ввода в разработку новых месторождений и освоения новых территорий¹.

Тем не менее, обстановка в горнодобывающей отрасли остается напряженной. Экономические, логистические и геологические особенности субъектов Российской Федерации напрямую определяют характер развития добывающей индустрии, в том числе и ее криминальную составляющую.

Согласно конвенционально принятой классификации, полезные ископаемые подразделяются на два вида: общераспространенные и необщераспространенные. К первым относятся те, что распределены в земной коре равномерно и встречаются повсеместно, например, песок или галька. Вторые включают в себя нефть, различные руды и т.д.

Объемы добычи таких общераспространенных полезных ископаемых как песок строительный и песчано-гравийная смесь напрямую зависят не только от емкости рынка региона, но и от объема добывающих мощностей, что, в случае развертывания в регионе масштабного строительства, например, при реализации упомянутой во введении Стратегии, неизбежно ведет к увеличению

¹ Кольцов Д. В. Оперативно-розыскное противодействие незаконной добыче общераспространенных полезных ископаемых [Электронный ресурс]: Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России №1 (73) 2017. Режим доступа — <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoe-protivodeystvie-nezakonnoy-dobyche-obscherasprostranennyh-poleznyh-iskopaemyh/viewer>

итоговой стоимости объектов, общему снижению качества сырья, добываемого лицензированными карьерами, а также способствует повсеместному появлению полулегальных и нелегальных карьеров, ввиду характера деятельности способных реализовывать продукцию по ценам ниже рыночных, вплоть до демпинговых.

Отдельно стоит отметить небрежность нелегальных добытчиков по отношению к окружающей среде во время очистки местности для добычи общераспространенных полезных ископаемых. Данный факт, помимо экологического вреда, дестабилизирует социальную обстановку в регионе, подрывает доверие граждан к органам исполнительной власти, является поводом разного рода протестных выступлений и, в конечном счете, росте протестных и, в частности, сепаратистских интенций.

Анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о существующей неопределенности правоприменителя при квалификации деяний, связанных с добычей полезных ископаемых.

Так, Приморский районный суд Санкт-Петербурга квалифицировал действия Сапожникова, организовавшего работы по извлечению песка на сумму 1.710.231,25 руб. по ч. 4 ст. 158 УК РФ¹.

Напротив, Гатчинский городской суд Ленинградской области квалифицировал действия Галченковой, организовавшей на территории своего крестьянского хозяйства незаконную добычу строительного песка объемом не менее 21.555 куб. м. на сумму 4.599.450 руб., по ч. 1 ст. 171 УК РФ².

Действия генерального директора Рудникевича по добыче на территории Раменского муниципального района общераспространенных полезных ископаемых — суглинков — были квалифицированы Раменским городским судом Московской области по ч. 2 ст. 171 УК РФ³.

Таким образом, вопрос уточнения квалификации по составам, связанным с незаконной добычей полезных ископаемых, является, безусловно, важным и требующим детального изучения.

По мнению А. М. Багмета и А. Л. Иванова, а также З. А. Незнамовой, дефиниция недр, данная в Законе РФ «О недрах» от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 (в ред. от 08.08.2024) не отвечает потребностям современного правоприменения.

Так, в законе недра определяются как части земной коры, расположенной ниже почвенного слоя, а при его отсутствии — ниже земной поверхности и

¹ Уголовное право: Особенная часть: Учебник для вузов / отв. ред. И. Я. Козаченко, З. А. Незнамова, Г. П. Новоселов. Москва: Юридическое издательство Норма, 2000. 912 с.

² Лопашенко Н. А. Ответственность за нарушение правил охраны и использования недр // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 51—52.

³ Клепицкий И. А. Недвижимость как предмет хищения и вымогательства // Государство и право. 2000. № 12. С. 11—19.

дна водоемов и водотоков, простирающейся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения.

В имущественных отношениях уголовное право вынуждено пользоваться дефинициями из области гражданского права, в котором право собственности может возникнуть только на индивидуально-определенную вещь или таковую в родовом виде.

Это исключает имущественный характер посягательства в отношении недр, поскольку часть земной коры или, говоря простым языком, земельный участок, не является вещью ни в одном из вышеуказанных выражений и не может выступать объектом хищения, а, соответственно, в отношении него не могут быть реализованы такие посягательства как кража, грабеж и разбой.

По нашему мнению, если оставлять существующий подход к определению недр неизменным, неправомерное завладение их содержимым можно считать осуществленным уже после выемки полезных ископаемых, что дает основания их определения в качестве индивидуально-определенной вещи в родовом качестве, делающее возможным их нахождение в чьем-либо владении. Таким образом, незаконное завладение ими будет возможно вне зависимости от того, насколько правомерно они были добыты. Подобный подход может быть применен и при завладении неизвлеченными полезными ископаемыми, в отношении которых была проведена геологическая разведка.

По мнению Н.А. Лопашенко, «использование недр (пользование недрами) состоит из их геологического изучения, разведки и добычи полезных ископаемых...». Например, в случае проведения мероприятий по определению объема залежей полезных ископаемых и учету конкретных участков недр в качестве объекта недропользования федеральным фондом недр, его территориальным подразделением или органом федерального горного надзора, даже если обозначенный участок не передавался в пользование организации-недропользователю.

Так, к учету участков недр в качестве объектов недропользования можно отнести весь комплекс мероприятий, связанных с геологической разведкой местности. Данные мероприятия следует рассматривать как вложенный человеческий труд соответствующих специалистов, позволяющий обособить полезные ископаемые от природной среды, что фактически можно считать схожим с их прямой добычей.

Данное предложение высказывает и И. А. Клепицкий. Так, «можно рассматривать вложенный человеческий труд, поскольку именно труд позволяет обособить предмет от природной среды». Таким образом, ввиду того, что участки недр обладают признаками, отграничивающими их от природной среды, можно считать и посягательства в отношении их отграниченными от иных преступлений.

Однако нельзя согласиться с мнением А. М. Багмета и А. Л. Иванова о том, что, исходя из вышеперечисленного, следует квалифицировать подобные преступления по ст. 158 УК РФ, поскольку не во всех ситуациях умысел может быть направлен на хищение.

По мнению Д.В. Кольцова, о направленности умысла следует делать вывод исходя, ко всему прочему, из материалов, полученных в ходе предварительного расследования. Так, о факте незаконной предпринимательской деятельности свидетельствует фиксированность факта получения дохода, который для возможности квалификации деяния по 171 УК РФ должен превышать 400 тыс. рублей¹.

Квалификация же по ст. 158 УК РФ, по мнению того же Д. В. Кольцова, должна происходить при получении результатов ОРД, содержащих в себе признаки хищения, а также при расчете ущерба, критерии которого фигурируют в п. 25 Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 15.12.2022)² (крупный ущерб — двести пятьдесят тысяч рублей, особо крупный — один миллион рублей).

Также представляется важным вопрос определения собственности на земельный участок, на территории которого происходила добыча общераспространенных полезных ископаемых. Так, мы считаем, что в случае, если земельный участок находится в определенном владении, и разрешение на добычу со стороны его владельца получено не было, то деяние следует квалифицировать по ст. 158 УК РФ. Если же добыча происходит непосредственно владельцем или с его иным прямым вовлечением, то подобное подлежит квалификации по ст. 171 УК РФ. Разграничивающим фактором, таким образом, служит факт распоряжения владельца вещи (залегающих общераспространенных полезных ископаемых на его участке) своей собственностью. В случае же если собственность на земельный участок определить не представляется возможным, деяние подлежит квалификации по ст. 171 УК РФ, а не по 158 УК РФ ввиду отсутствия пострадавшей стороны, у которой было совершено хищение имущества.

Таким образом, основными критериями разграничения квалификации деяния по ст. 158 и 171 УК РФ должны служить такие факторы как наличие собственника земельного участка и сумма извлеченного из данного предприятия дохода/причиненного ущерба.

¹ Кольцов Д. В. Оперативно-розыскное противодействие незаконной добыче общераспространенных полезных ископаемых [Электронный ресурс]: Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России №1 (73) 2017. Режим доступа — <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoe-protivodeystvie-nezakonnoy-dobyche-obscherasprostranennyh-poleznyh-iskopaemyh/viewer>

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Иным образом обстоит ситуация с водными ресурсами. Ввиду их неисчерпаемости и возобновляемости, а также технических проблем, связанных с их реализацией кроме как при оказании услуг водопользования и водопотребления, дела с их непосредственным или опосредованным использованием в этом качестве представляют высокий интерес для правоприменителей.

Водный Кодекс РФ, содержа в себе определения и правила использования как подземных, так и поверхностных водных объектов, рассматривает водоносные горизонты, из которых посредством артезианских скважин производится извлечение вод, как часть водного фонда, принадлежащего Российской Федерации на праве государственной или, если говорить иначе, общенациональной собственности.

Соответственно, при их незаконном использовании и реализации применяется та же формула, что уже была описана в рамках данной статьи — отсутствие субъекта, которому мог бы быть причинен или уже был причинен ущерб, исключает преступный характер деяния.

Так, Новиков, являясь единственным учредителем своего предприятия, на основании договора аренды муниципального имущества осуществлял подачу пресной воды населению района муниципального образования, в том числе используя предоставленную ему в пользование муниципальным образованием артезианскую скважину, проводя добычу общедоступных полезных ископаемых (подземных вод), при этом не имея на это лицензии. С данного предприятия он имел доход в форме платы жильцов за предоставленные коммунальные услуги.

Поскольку деяние было осуществлено до введения соответствующих поправок в УК РФ, то оно было квалифицировано по статье 171.1 УК РФ как незаконное предпринимательство ввиду наличия присущего дореформенной описательной части статьи признака дохода, не составлявшего крупного или особо крупного размера.

Поскольку на момент написания статьи в УК РФ были внесены поправки, исключающие признак дохода как признак объективной стороны состава преступления, то и учету доход не подлежит. Соответственно, деяние, осуществленное Новиковым, будучи оно осуществлено в данный момент времени, не имело бы признаков уголовно наказуемого деяния.

Научная статья
УДК 343.326

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ДИВЕРСИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Елена Николаевна КРАСОВСКАЯ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
elkrsv@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы соотношения террористической и диверсионной деятельности при квалификации преступлений.

Обращается внимание на несовершенство применения уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за террористическую и диверсионную деятельность.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за террористическую и диверсионную деятельность.

Ключевые слова: преступления против общественной безопасности, террористическая деятельность, диверсионная деятельность

Original article

ON THE QUESTION OF THE CORRELATION BETWEEN TERRORIST AND SABOTAGE ACTIVITIES

Elena N. KRASOVSKAYA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of
the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, elkrsv@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute

(branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article examines some of the problems of the ratio of terrorist and sabotage activities in the qualification of crimes.

Attention is drawn to the imperfection of the application of criminal legislation providing for liability for terrorist and sabotage activities.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on liability for terrorist and sabotage activities.

Keywords: crimes against public safety, terrorist activity, subversive activity

В связи с ростом напряженности в геополитической ситуации на сегодняшний день растет актуальность применения составов преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 281 УК РФ — террористический акт и диверсия,

Проведение специальной военной операции, вхождение в состав Российской Федерации новых регионов, несомненно, влияют на возрастание напряжения в обществе, в частности, рост антиправительственной, антироссийской деятельности, направленной на причинение вреда как политическим интересам государства, так и обществу в целом¹.

Следовательно, возрастает необходимость применения на практике составов преступлений, предусмотренных ст. 205 и ст. 281 УК РФ.

Сложность применения данных конструкций состава заключается в том, что объективная сторона данных составов является достаточно схожей. В частности, проблемы в разграничении данных составов возникли еще до внесения изменений в УК РФ 28 апреля 2023 года. Разграничение данных составов является необходимым для более точной квалификации преступлений во избежание двойного вменения.

Объективная сторона террористического акта (ст. 205 УК РФ) заключается в совершении взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий; а также угроза совершения указанных действий.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 года № 1 (в ред. от 03 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах

¹ Зарубин А. В. Некоторые вопросы ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий, оказании добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации // Актуальные вопросы профилактики и расследования преступлений экстремистской и террористической направленности: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 9 ноября 2023 года). М.: Московская академия Следственного комитета

Российской Федерации, 2023. С. 67.

судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъясняет, что «под иными действиями, устрашающими население и создающими опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в статье 205 УК РФ следует понимать действия, сопоставимые по последствиям со взрывом или поджогом, например устройство аварий на объектах жизнеобеспечения; разрушение транспортных коммуникаций; заражение источников питьевого водоснабжения и продуктов питания; распространение болезнетворных микробов, способных вызвать эпидемию или эпизоотию; радиоактивное, химическое, биологическое (бактериологическое) и иное заражение местности; вооруженное нападение на населенные пункты, обстрелы жилых домов, школ, больниц, административных зданий, мест дислокации (расположения) военнослужащих или сотрудников правоохранительных органов; захват и (или) разрушение зданий, вокзалов, портов, культурных или религиозных сооружений»¹.

Тем не менее, данный перечень действий не является исчерпывающим. Так, 7 апреля в городе Мюнстер в Германии грузовик въехал в группу людей, предварительно, три человека погибли, десятки пострадали. Водитель въехавшего в группу людей грузовика покончил с собой. Данное деяние было квалифицировано, как теракт, и, к сожалению, нельзя исключать вероятность того, что подобный способ применения теракта будет применен в Российской Федерации.

Конструкция состава «Диверсия» также предусматривает в качестве объективной стороны совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды.

В отношении диверсии понятие «иных действий» в Постановлениях Пленума Верховного Суда РФ не раскрывается, однако представляется, что перечень таких действий может быть схож с данным в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 года № 1 (в ред. от 03.11.2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности».

И здесь правоприменитель сталкивается со следующей проблемой: объективная сторона деяний может быть (хоть и не всегда) одинакова, мотив — схож, в связи с чем возникает проблема разграничения данных составов на практике.

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 г. № 1 (в ред. от 03.11.2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В качестве примера возьмем практическую ситуацию: взрыв Крымского моста 8 октября 2022 года (это первый взрыв из двух, второй взрыв был совершен 17 июля 2023 года).

Следственный Комитет Российской Федерации квалифицировал дело по ч. 2 ст. 205 УК РФ, а именно, как совершение взрыва, создающего опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений; совершенное группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, и повлекший причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий.

О возможности влияния на принятия решений Российской Федерации говорили некоторые исследователи, аргументируя это тем, что взрыв был совершен на следующий день после дня рождения Президента РФ.

Председатель Следственного комитета РФ после этого уточнил, что к теракту причастны спецслужбы Украины, а также граждане России и зарубежных государств, которые помогали в его подготовке.

Совершение взрыва объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения, совершенное в целях подрыва экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации; совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, и повлекшие причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий.

О том, что умысел был направлен именно на совершение диверсии, может говорить заявление от 9 июля 2023 года заместителя министра обороны Украины. Маляр в своем Телеграм-канале, перечисляя достижения Украины в ходе российского вторжения, назвала взрыв «первым ударом по Крымском мосту, чтобы сломать россиянам логистику».

С учетом того, что объективная сторона данного деяния подходит под конструкцию обоих составов, возникает вопрос квалификации по одному из них. Единственное отличие в субъекте данных составов — возраст наступления уголовной ответственности: 14 лет для ст. 205 УК РФ и 16 лет для ст. 281 УК РФ. На наш взгляд, было бы правильно снизить возраст наступления уголовной ответственности по ст. 281 УК РФ, но на этом в данной работе мы не будем специально останавливаться. Тем более, что в конкретной рассматриваемой ситуации все обвиняемые по делу были совершеннолетними.

Многие исследователи относят состав преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ к многообъектным преступлениям. Так, нередко можно видеть мнение, о том, что непосредственным объектом в ст. 205 УК РФ являются «общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность

в сфере повседневной жизнедеятельности, то есть общественные отношения, обеспечивающие состояние защищенности жизненно важных интересов неопределенного круга лиц, организаций и иных материальных объектов от внутренних и внешних угроз».

В качестве дополнительного объекта принято выделять общественные отношения, охраняющие жизнь и здоровье граждан, а также общественные отношения, обеспечивающие сохранность основ конституционного строя и безопасности государства.

Также не исключено причинение вреда общественным отношениям, обеспечивающим неприкосновенность собственности. В качестве примера можно привести применение квалифицирующего признака «причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий» (п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ).

Нельзя также исключить п. «а» ч. 3 ст. 205 УК РФ, где установлен квалифицирующий признак сопряженности «с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических или биологических веществ»¹.

Таким образом, появляется еще один факультативный дополнительный объект данного преступления: общественные отношения по рациональному использованию природных ресурсов, сохранению благоприятной для человека и иных живых существ природной среды и обеспечению экологического правопорядка и безопасности населения.

Состав преступления, предусмотренного ст. 281 УК РФ (Диверсия), включен в X раздел УК РФ — «Преступления против государственной власти», и в 29 главу УК РФ — «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства».

Следовательно, основным родовым объектом данного преступления являются общественные отношения, обеспечивающие неприкосновенность государственного строя и нормальное функционирование всех ветвей и органов власти.

Видовой объект можно определить, как общественные отношения, обеспечивающие соблюдение основ конституционного строя и безопасность государства. Непосредственным же объектом являются общественные отношения, обеспечивающие стабильность деятельности органов власти или международных организаций либо свободу принятия ими решений.

При совершении данных преступлений могут страдать несколько объектов

¹ Преступления против общественной безопасности : учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко [и др.] ; под ред. А. Н. Попова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 8.

одновременно, при этом выбрать наиболее значимый, страдающий в первую очередь объект: общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность или общественные отношения, обеспечивающие соблюдение основ конституционного строя и безопасность государства, так как государственный строй и общественная безопасность оказывают друг на друга непосредственное прямое влияние. Выбрать наиболее значимый из таких объектов представляется сложным, если не невозможным.

Одним из наиболее понятных способов разграничения рассматриваемых составов мы видим в изучении их субъективной стороны.

Вина в совершении каждого из изучаемых преступлений характеризуется прямым умыслом. В момент разграничения нас будет интересовать, в первую очередь, мотив и цель совершения преступления.

Законодатель и Пленум Верховного суда Российской Федерации не уточняют возможность существования нескольких целей и мотивов в составах террористического акта и диверсии. Однако в п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27 января 1999 № 1 (в ред. от 0303.2015) указывается: «По смыслу закона квалификация по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенного виновным убийства определенного лица с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение исключает возможность квалификации этого же убийства, помимо указанного пункта, по какому-либо другому пункту ч. 2 ст. 105 УК РФ, предусматривающему иную цель или мотив убийства.

Поэтому, если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ». Следовательно, при квалификации преступления мы можем учитывать только одну цель, которая была бы выражала главный мотив совершения преступления. При расследовании преступления надлежит установить точную направленность умысла лиц, совершивших преступление — на причинение вреда тем или иным общественным отношениям.

Изменения, внесенные в ст. 281 УК РФ 04 августа 2023 года, в некоторой степени упростили разграничение рассматриваемых составов. Так, в конструкцию ч.1 указанной статьи была добавлена следующая формулировка:

«Совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации».

Также добавлены следующие квалифицирующие признаки:

В части второй — п. «в»: «сопряженные с посягательством на объекты федерального органа исполнительной власти в области обороны, Вооруженных Сил Российской Федерации, войск национальной гвардии Российской Федерации, органов государственной власти, привлекаемых для выполнения отдельных задач в области обороны, а также на объекты топливно-энергетического комплекса и организаций оборонно-промышленного комплекса».

В части третьей — п. «а»: «сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии, потенциально опасные биологические объекты либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения либо ядовитых, отравляющих, токсичных, опасных химических веществ или патогенных биологических агентов».

Необходимо заметить, что аналогичный пункт предусмотрен и ч. 3 ст. 205 УК РФ, что подчеркивает схожесть данных составов. Однако введение п. «в» ч.2 ст. 281 УК РФ, напротив, помогает нам разграничивать данные составы, так как, во-первых, он не имеет аналогичного положения в составе ст. 205; и, во-вторых, еще раз подчеркивает направленность диверсионных преступлений: в первую очередь, это нанесение вреда обороноспособности Российской Федерации, что становится особенно актуальным в период проведения специальной военной операции.

В том числе, это выражается в работе специальных диверсионно-разведывательных групп, то есть подразделений специального назначения, используемых для разведки и диверсий в тылу противника в военное и предвоенное время с целью дезорганизации тыловых учреждений, уничтожения или временного вывода из строя важнейших промышленных предприятий, военных объектов, транспорта, связи, а также сбора информации о противнике.

Научная статья
УДК 343.9

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Анастасия Дмитриевна КУХАРЕНКО

Воронежский государственный университет, Воронеж, Россия,
vip.nastya.05@mail.ru

Аннотация. Статья рассматривает актуальную проблему криминологической обоснованности уголовного законодательства.

Автор анализирует существующие проблемы в сфере правоприменения

и согласования уголовного законодательства с криминологическими реалиями, выделяя недостатки в сфере криминологического прогнозирования, анализа причин и условий преступности, а также в эффективности использования криминологических методов для предупреждения преступности.

Статья подчеркивает необходимость укрепления межведомственного взаимодействия в сфере криминологических исследований и актуальность совершенствования уголовного законодательства на основе криминологических данных.

Ключевые слова: криминология, уголовное законодательство, правоприменение, криминологическая обоснованность, преступность, прогнозирование, предупреждение преступности.

Original article

SOME PROBLEMS OF CRIMINOLOGICAL VALIDITY OF CRIMINAL LAW

Anastasia D. KUKHARENKO

Voronezh State University, Voronezh, Russia, vip.nastya.05@mail.ru

Abstract. The article examines the current problem of criminological validity of criminal legislation. The author analyzes existing problems in the field of law enforcement and harmonization of criminal legislation with criminological realities, highlighting shortcomings in the field of criminological forecasting, analysis of causes and conditions of crime, as well as in the effectiveness of using criminological methods to prevent crime. The article emphasizes the need to strengthen interdepartmental cooperation in the field of criminological research and the relevance of improving criminal legislation based on criminological data.

Keywords: Criminology, criminal legislation, law enforcement, criminological validity, crime, forecasting, crime prevention.

Криминологическая обоснованность уголовного законодательства — это концепция, которая подразумевает, что уголовные нормы и меры уголовной ответственности должны основываться на научных исследованиях, данных о преступности и социальных факторах. Она предполагает, что законы, касающиеся уголовной ответственности, должны иметь четкое обоснование в контексте реальных условий преступности, причин и последствий преступлений, а также социокультурных факторов, влияющих на поведение индивидов.

Криминологическая обоснованность включает в себя:

— Анализ причин преступности и взаимодействия различных факторов,

способствующих совершению преступлений.

— Оценку эффективности существующих уголовных норм и их влияния на снижение уровня преступности.

— Адаптацию законодательства к динамическим изменениям в социальной среде, включая новые формы преступности, такие как киберпреступность и организованная преступность.

Криминологическая обоснованность уголовного законодательства необходима для по нескольким причинам.

Во-первых, она позволяет создавать и применять уголовные нормы, которые действительно отражают реальность преступности и эффективно решают проблемы, связанные с ней. Это способствует снижению уровня преступности и повышению безопасности общества.

Во-вторых, головное законодательство, основанное на криминологической обоснованности, может более эффективно предотвращать преступления, так как оно учитывает причины и условия, способствующие их совершению. Это позволяет разрабатывать превентивные меры и программы реабилитации для правонарушителей.

В-третьих, современные правовые системы стремятся соответствовать международным стандартам в области прав человека и уголовного права.

Криминологическая обоснованность помогает создать нормы, которые не только защищают общественные интересы, но и учитывают права и свободы личности.

В-четвертых, основывая уголовное законодательство на научных данных и исследованиях, можно уменьшить вероятность произвольного и необоснованного применения уголовных норм, что, в свою очередь, способствует укреплению правового государства и доверия к судебной системе.

В-пятых, общество и его проблемы не стоят на месте. Криминологическая обоснованность помогает своевременно реагировать на новые вызовы, такие как появление новых форм преступности или изменение социальных условий, что делает уголовное законодательство более гибким и актуальным. В целом, криминологическая обоснованность является основополагающим аспектом, который обеспечивает эффективное, справедливое и гуманные функционирование уголовного законодательства, способствуя защите прав граждан и укреплению правопорядка.

Криминология как наука изучает преступность, ее причины, условия возникновения, а также последствия для общества и индивидов. Важным аспектом криминологии является ее обоснованность, что подразумевает необходимость применения научных знаний для разработки эффективных мер профилактики и борьбы с преступностью.

Ее основные задачи включают:

- Анализ причин и условий, способствующих совершению преступлений.
- Изучение типов и характеристик преступного поведения
- Оценка воздействия преступности на общество и индивидов.
- Разработка рекомендаций по профилактике и борьбе с преступностью

Криминология рассматривает преступность не только с правовой точки зрения, но и с социальных, психологических, экономических и культурных позиций. Это позволяет глубже понять механизмы преступного поведения и разработать более эффективные меры реагирования.

Криминология и уголовное право взаимосвязаны, но представляют собой различные области исследования.

Во-первых, криминология анализирует факторы, способствующие совершению преступлений, в то время как уголовное право определяет, что является преступлением и какие наказания за них предусмотрены.

Во-вторых, криминология предоставляет научные основы для разработки эффективных мер профилактики, которые затем могут быть внедрены в уголовное законодательство.

В-третьих, криминология помогает оценивать эффективность уголовной политики, определяя, насколько действующие законы и меры справляются с реальными проблемами преступности.

Для правильной оценки криминологической обоснованности уголовного законодательства заключается в применении научных данных для обоснования мер уголовной политики и предотвращения преступности необходимы:

Во-первых, сбор и анализ данных о преступности, правонарушителях и жертвах, что позволяет выявлять закономерности и тенденции.

Во-вторых, изучение социальных условий и факторов, способствующих преступности, с целью разработки профилактических мер.

В-третьих, анализ психологических аспектов преступного поведения, что может помочь в выявлении уязвимых групп и разработке программ реабилитации.

В-четвертых, использование междисциплинарных методов, объединяющих социологию, психологию, экономику и другие науки для более глубокого понимания преступности и разработки обоснованных мер.

Таким образом, криминология предоставляет научные основы для формирования уголовной политики и разработки мер по борьбе с преступностью, что способствует более эффективному реагированию на вызовы, стоящие перед обществом.

Однако в криминологии существуют и противоречия.

Во-первых, в некоторых случаях одни и те же деяния могут быть квалифицированы по разным статьям, что приводит к различиям в наказаниях. Например, действия, связанные с мошенничеством, могут квалифицироваться как

экономическое преступление или как преступление против собственности, в зависимости от контекста. К тому же, в различных статьях уголовного кодекса также могут использоваться похожие термины, но с различными юридическими значениями. Это создает сложности для правоприменителей и может привести к судебным ошибкам.

Во-вторых, из-за противоречий в законодательстве правоприменители могут принимать решения, основанные на субъективных интерпретациях, что делает правоприменение менее предсказуемым и справедливым.

В-третьих, непоследовательность в законодательстве может приводить к большому количеству апелляций и пересмотру дел, что усложняет работу судебной системы и увеличивает ее загруженность.

В-четвертых, в некоторых странах существует нехватка статистики о преступности, что затрудняет анализ тенденций и разработку эффективных мер по профилактике преступности. Ограниченный доступ к официальной статистике о преступлениях может быть вызван политическими или правовыми препятствиями, что затрудняет исследовательскую деятельность.

В-пятых, часто используются устаревшие или неполные методики для анализа преступности, что может приводить к искажению реальной картины. Исследования, сосредоточенные только на количественных показателях, могут упускать из виду важные социальные и культурные аспекты, влияющие на преступность, такие как уровень безработицы, образование и социальные проблемы.

В-шестых, увеличение количества уголовных норм может также привести к путанице и затруднениям в правоприменении. Нередко правоохранительные органы и суды сталкиваются с трудностями в интерпретации и применении множества норм, что в свою очередь затрудняет защиту прав граждан и обеспечивает неравномерное применение закона.

Перегруженность же уголовного законодательства может привести к тому, что суды будут вынуждены рассматривать дела в спешке, не уделяя должного внимания каждому конкретному случаю. Это может привести к несправедливым решениям и увеличению числа апелляций.

В-седьмых, уголовное законодательство зачастую не успевает адаптироваться к новым вызовам, таким как киберпреступность, терроризм, торговля людьми и другие современные угрозы. Это создает правовой вакуум, который может быть использован преступниками. Быстрые изменения в технологиях и социальном устройстве требуют гибкости в уголовном праве. Если законодательство не успевает за этими изменениями, оно становится неэффективным и не может адекватно реагировать на новые угрозы.

Адаптация законодательства к современным вызовам требует не только

обновления норм, но и пересмотра подходов к правоприменению, включая повышение квалификации правоохранителей и судей, а также развитие межведомственного взаимодействия. Избыточное уголовное законодательство и его недостаточная адаптация к современным вызовам представляют собой серьезные проблемы, требующие внимания со стороны законодателей, правозащитников и общества в целом.

Необходимы реформы, направленные на упрощение законодательства, декриминализацию незначительных правонарушений и улучшение реакций на современные формы преступности, чтобы обеспечить защиту прав граждан и повысить эффективность правоприменительной системы.

Граждане должны четко понимать, что является уголовным правонарушением, а что нет. Избыточное количество норм может создавать неясности, что затрудняет соблюдение законодательства и может привести к ненамеренным правонарушениям. Необходимы дальнейшие исследования, улучшение статистической базы и пересмотр действующих норм права для достижения более справедливой и эффективной системы уголовного правосудия.

Почему криминологическая обоснованность важна ввиду нескольких обстоятельств. Сбор статистических данных о преступности позволяет выявить закономерности и тенденции, что способствует более глубокому пониманию причин и последствий преступного поведения. Анализ данных помогает определить наиболее уязвимые группы населения и территории, что позволяет разработать целенаправленные профилактические меры.

Использование биг-дата и современных технологий для анализа преступности может помочь в создании более эффективных моделей для прогнозирования преступных актов и выявления преступных группировок.

Улучшение взаимодействия между правозащитными органами и криминологами может помочь. Стоит создавать междисциплинарные группы, в которые будут входить правозащитники, криминологи, социологи и психологи, для разработки комплексных программ по предотвращению преступности. Они могут проводить совместные семинары и конференции, которые способствуют обмену опытом и знаниями между различными специалистами. Создание платформ для обмена данными между правозащитными органами и научными учреждениями позволит оперативно реагировать на изменения в криминогенной обстановке.

Должна также осуществляться разработка и реализация программ, направленных на реабилитацию преступников и их интеграцию в общество с учетом криминологических исследований.

Научные исследования могут служить основой для разработки новых законов и поправок к существующим, обеспечивая их научную обоснованность.

Исследования помогают оценить эффективность уже принятых законодательных инициатив и предложить изменения на основе полученных данных. Важно привлекать криминологов и других экспертов к разработке и анализу законопроектов, чтобы они были основаны на современных научных знаниях и практиках.

Современное общество сталкивается с новыми вызовами, связанными с развитием технологий, глобализацией и изменением социальных норм. В связи с этим требуется постоянное обновление уголовного законодательства.

Необходимо введение новых норм, направленных на борьбу с киберпреступностью, терроризмом, торговлей людьми и другими актуальными преступлениями, становится необходимым шагом. Законодатели должны учитывать особенности и механизмы совершения новых видов преступлений, чтобы эффективно реагировать на них.

Примеры новых норм могут включать в себя установление ответственности за киберпреступления, такие как хакерство и кража личных данных, а также введение статей, касающихся защиты прав жертв преступлений, особенно в контексте насилия в семье и сексуальных преступлений. Сложность и многослойность уголовного законодательства зачастую затрудняют его понимание и применение как для правозащитников, так и для обычных граждан.

Упрощение и кодификация норм позволит сделать закон более доступным и позволит создать единый кодекс, который объединит все нормы, касающиеся уголовного права, в одном документе. Упрощение законодательства также способствует более эффективному его применению и уменьшает количество правонарушений, вызванных неосведомленностью граждан.

Качество уголовного законодательства и его применение во многом зависят от уровня подготовки тех, кто его разрабатывает и применяет. Образовательные программы в области криминологии и права помогают правозащитникам и законодателям лучше понимать природу преступности, механизмы ее возникновения и способы эффективной борьбы с ней. Образование должно обязательно включать изучение современных тенденций в преступности и правоприменении, а также осуждение этических вопросов и прав человека в контексте уголовного права.

Правосознание граждан играет ключевую роль в формировании правового государства. Повышение уровня осведомленности о своих правах и обязанностях, а также о последствиях совершения преступлений способствует созданию более безопасного общества.

Можно вводить образовательные кампании о правовых нормах и уголовной ответственности и профилактические мероприятия, направленные на ин-

формирование о вреде преступной деятельности и доступных способах защиты своих прав. Таким образом, сочетание адаптации законодательства и повышения правосознания среди населения создает основу для более эффективной борьбы с преступностью и защиты прав граждан.

Криминологическая обоснованность является ключевым элементом в разработке и реализации уголовного законодательства, поскольку она обеспечивает научную основу для понимания причин и условий преступности. Это позволяет более точно определять направления профилактической работы, разрабатывать эффективные меры по борьбе с преступностью и улучшать условия для социальной реабилитации правонарушителей.

Кроме того, криминологическая обоснованность способствует формированию более справедливой и гуманной судебной системы, учитывающей не только наказание, но и возможности для исправления и ресоциализации.

Для повышения криминологической обоснованности уголовного законодательства необходимо, во-первых, продолжать углублять анализ факторов, способствующих преступности, с акцентом на социальные, экономические и культурные аспекты.

Во-вторых, разработка и внедрение программ по профилактике преступлений, основанных на современных криминологических теориях и данных.

В-третьих, создание междисциплинарных исследовательских групп, объединяющих юристов, социологов, психологов и других специалистов для комплексного подхода к изучению преступности. В-четвертых, оценка существующих мер уголовного наказания и их эффективности с целью коррекции и оптимизации.

Постоянный мониторинг и анализ являются необходимыми условиями для адаптации уголовного законодательства к изменяющимся условиям и вызовам общества. Эффективность законодательных норм должна регулярно оцениваться с учетом новых данных о преступности, рецидивизме и социальном контексте. Это позволит не только обеспечить защиту прав граждан, но и повысить доверие к правосудию. Таким образом, систематический подход к анализу и оценке уголовного законодательства будет способствовать созданию более безопасного и справедливого общества.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА СОВЕРШЕНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ПУБЛИЧНУЮ
ДЕМОНСТРАЦИЮ, В ТОМ ЧИСЛЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ
ИНФОРМАЦИИ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИ-
ОННЫХ СЕТЯХ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»)**

Ксения Николаевна ЛАГИРЕВА¹, Даниил Александрович ТЮТЮНОВ²

^{1, 2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

¹ lagksgusha@gmail.com

² danya.tyutbnov@bk.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, крими-
нологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридиче-
ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**,
sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые вопросы квалификации пре-
ступлений, предусматривающих ответственность за публичную демонстра-
цию.

Авторами обозначаются проблемы, которые могут возникнуть при рас-
смотрении действий соучастников.

Предлагаются пути решения приведенной авторами проблематики, затра-
гивающей признание малозначительными действий одного из соучастников, в
некоторых преступлениях, совершенных с публичной демонстрацией, а также
квалификация их действий.

Ключевые слова: публичная демонстрация, соучастие, малозначитель-
ность, уголовная ответственность, соисполнительство

Original article

**CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES INVOLVING PUBLIC
DEMONSTRATION, INCLUDING MASS MEDIA INFORMATION
OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS
(INCLUDING INTERNET NETWORK)**

Ksenia N. LAGIREVA¹, Daniil A. TYUTYUNOV²

^{1, 2} St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office
of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

¹ lagksgusha@gmail.com

² danya.tyutbnov@bk.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. The article discusses some issues of the qualification of crimes involving responsibility for public demonstration.

The authors identify the problems that may arise when considering the actions of accomplices.

The ways of solving the problems presented by the authors, affecting the recognition of insignificant actions of one of the accomplices in some crimes committed with public demonstration, as well as the qualification of their actions, are proposed.

Keywords: public demonstration, complicity, insignificance, criminal liability, co-execution

Федеральным законом от 08.08.2024 N 218-ФЗ были внесены изменения в УК РФ, предполагающие введение в качестве квалифицирующего признака: «преступление, совершенное с публичной демонстрацией».

Данный признак был введен в следующие статьи УК РФ: убийство (105 УК РФ), причинение вреда здоровью (111, 112 и т.д.), побои (116 УК РФ), истязание (117 УК РФ), угрозу убийством или причинением тяжкого вреда, похищение, незаконное лишение свободы, использование рабского труда.

В пояснительной записке к законопроекту отмечено, что группа преступлений, совершенная с публичной демонстрацией, значительно повышает общественную опасность преступлений, поскольку содеянное посягает соответственно не только на жизнь и здоровье, свободу, честь, достоинство конкретных лиц, но и на общественную безопасность в целом, тем самым придавая содеянному среди зрителей критерий допустимости.

Кроме того, значительный рост треш-стримов, в ходе которых и происходит часть вышеназванных преступлений, не должен был оставаться без внимания законодательных и правоохранительных органов. Это связано прежде всего с тем, что основной аудиторией таких трансляций, прежде всего являются несовершеннолетние с неокрепшей психикой.

Одним из показательных дел был приговор Раменского городского суда по уголовному делу Решетникова, более известного как блогер «Reeflay», в соответствии с которым он был признан виновным по ч.4 ст. 111. УК РФ и приговорен к 6 годам лишения свободы¹. По версии следствия, во время включенного стрима, Решетников несколько раз избил девушку, после чего выставил

¹ Блогера Reeflay приговорили к 6 г.м колонии по делу о смерти девушки во время стрима // ГАЗЕТА.RU — Режим доступа: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/04/27/n_15913808.shtml (дата обращения: 01.01.2024)

ее на улицу в зимнюю погоду, где она скончалась от полученных травм.

Так, вышеназванные изменения в УК РФ вызвали множество споров как среди практикующих юристов, так и научных сотрудников. В чем надобность такого законодательного нововведения? Прежде всего, в общественной опасности преступлений, совершенных «публично». И с этим нельзя не согласиться, так как преступник осознает, что совершает общественно опасное деяние при наличии посторонних лиц, что указывает на его особую дерзость и решительность, а иногда и сам осознанно совершает преступление исключительно в присутствии иных лиц по различным мотивам.

Вместе с тем, изучая историю уголовного права России отметим, что совершение преступления при наличии свидетелей, в уголовном законодательстве ранних времен наказывалось менее строго, поскольку присутствие свидетелей значительно упрощало процесс поиска преступника, что являлось для того времени целесообразным, поскольку процесс доказывания, в сравнении с последующими этапами развития законодательства, был осложнен развитием технологий, уровнем образования, методическим обеспечением.

В уголовном законодательстве до сих пор нет закрепленной дефиниции «публичность». В связи с чем, обратимся к разъяснениям Верховного суда.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09 февраля 2012 года № 1 (в ред. от 03 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», установлено, что под публичными призывами к осуществлению террористической деятельности в ст. 205.2 УК РФ следует понимать выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности¹.

Можно ли считать данную трактовку «публичности» удачной? Применительно к тематике нашей статьи – нет. Поскольку публичная демонстрация вышеназванных преступлений не предполагает какую-либо особую цель, в нашем случае — побудить к совершению преступления.

Определение публичности содержится также и в Обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, где указано, что распространение заведомо ложной информации, следует признавать публичным, если такая информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной,

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 (ред. от 03.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

с использованием технических средств).

Данное разъяснение применительно к нашей тематике является удачным, однако Верховный Суд не решил дискуссионный вопрос в доктрине уголовного права, затрагивающий количественную составляющую лиц, которым оглашается информация. Одной из точек зрения среди теоретиков является тезис, в соответствии с которым количеством субъектов, до которых доводится, в нашем случае, какая-либо информация, должно составлять не менее трех.

Однако, по мнению автора, данная точка не согласуется, как минимум, с вышеприведенным разъяснением Верховного суда, поскольку группой может считаться и два человека (объективный критерий), что уже указывает на ее несостоятельность. Кроме того, правильность инкриминирования признака публичности зависит от установления умысла преступника (субъективный критерий).

Например, в момент совершения преступления так называемых «зрителей» может и не находиться, однако же лицо, совершающее преступление может охватывать своим умыслом тот факт, что за преступлением могут наблюдать с балконов, через окна жилых домов и т.д., что уже должно предполагать наличие квалифицирующего признака в содеянном или же покушения на него. Кроме того, существует множество других ситуаций, в которых правоприменителю нужно учитывать умысел виновного.

Рассмотрим ситуацию, в которой А. убил в общественном месте Б. при наличии свидетелей. Стоит ли присутствие иных лиц расценивать как публичную демонстрацию преступления?

По мнению авторов, вряд ли представляется целесообразным инкриминировать данный квалифицирующий признак только при том условии, что преступление совершается в присутствии других лиц, поскольку деяние должно, как мы указывали ранее, полностью охватываться умыслом лица, совершившего преступление.

Резюмируем, что действия виновного должны быть направлены именно на огласку, придание публичности кругу лиц.

Напротив, когда виновный ошибочно полагает, что совершает преступление, сопряженное с публичной демонстрацией, однако по каким-либо не зависящим от него причинам, умысел не реализуется полностью и фактически преступление совершается «непублично», содеянное должно квалифицироваться по ч.3 ст. 30 п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, применительно к убийству.

Кроме того, законодатель помимо «классической» публичной демонстрации выделил и иные способы придания преступлению публичности — информационно-телекоммуникационные сети (а также «Интернет», а также СМИ.

Со средствами массовой информации все намного легче, поскольку совер-

шение преступления, например, предусмотренного ст. 105 УК РФ, и как следствие, последующая публикация в каком-либо канале, ресурсе должно квалифицироваться по п. «о» ч.2 ст. 105 УК РФ.

Для уяснения сущности дефиниции обратимся к Закону РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024), в котором средство массовой информации понимается, как: периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, телепрограмма, радиопрограмма, видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием (названием)¹. То есть публикация, трансляция и иные действия, направленные на придание огласки деянию виновного, должны соответственно подлежать оценке, как публичная демонстрация.

Так, Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает, что информационно-телекоммуникационная сеть — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники². Обращаясь к сущности вышеназванной дефиниции, можем предположить, что к информационно-телекоммуникационным сетям относится телефонная сеть, в которой информация от одного абонента передается другому (одному или же нескольким) посредством вербального общения.

Для нас же представляется принципиально важным ответить на вопрос: «возможна ли публичная демонстрация преступления, совершенная посредством звукозаписи?». В словаре С.И. Ожегова демонстрация — это проявление, свидетельство чего-нибудь³. Как мы видим, смысл слова «демонстрировать» не исключает возможность воспроизведения звукозаписи для установления наличия факта демонстрации. Так, стоит ли инкриминировать квалифицирующий признак «публичной демонстрации преступления» лицу, которое воспроизводит аудиозапись или же передает крики, ужасающие разговоры с жертвой, посредством абонентского звонка неопределенному кругу лиц. Однозначно да, поскольку вышеназванные обстоятельства придают преступлению повышенную опасность, посягают на общественный порядок в целом, и оказывают непосредственное воздействие на психику или же сознание человека.

Считаем, что неважно каким способом осуществлялась публичная демонстрация преступления. Нейрофизический подход в психологии не исключает

¹ О средствах массовой информации : Закон РФ от 27 декабря 1991 № 2124-1 (ред. от 23.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 08.08.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. 26-е изд., испр. и доп. М. : Оникс, 2009. С. 422.

возможность при отсутствии визуального восприятия, — аудиальное, которое может оказывать такой же, по своей сути, если не больший вред психике человека.

Как мы указывали ранее, для инкриминирования вышеназванного квалифицирующего признака преступления необходимо наличие оценочного критерия публичности демонстрации, что может вызвать некоторые трудности на практике. Можно ли признать преступление, совершенное с публичной демонстрацией малозначительным? Считаем, что да.

Приведем пример, в котором лицо осуществило преступление с последующим размещением «деструктивного» контента в группе, где находились его близкие родственники, при этом считая, что данная видеозапись не выйдет за пределы данной беседы (сообщества) и в ходе хакерского взлома аккаунта одного из родственников, данная запись была опубликована в другие чаты или же сообщества, откуда о ней узнали органы следствия.

Можно ли в данном случае вменять признак публичной демонстрации «преступнику»? Ведь как указал Верховный Суд в своем Постановлении от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы», наличие малозначительности в действиях лица устанавливается с учетом характера совершенного деяния и роли лица в его совершении, тяжести наступивших последствий, содержания мотивов и целей и иных обстоятельств¹.

Или же смоделируем обыденную «бытовую» ситуацию, в которой два учащих общеобразовательной организации договорились «проучить» сверстника. Одно лицо осуществляло видеосъемку и в последующем отправил в чат своего класса, другое же наносило легкий вред здоровью. В первом примере, по нашему мнению, нецелесообразно вменять признак публичной демонстрации, хоть он формально и наличествует, поскольку лицо опубликовало видеозапись в закрытом чате, рассчитывая на то, что никто, кроме родственников не сможет с ней ознакомиться.

Мы считаем, что характер его действий не имеет такой же общественной опасности, как в аналогичных деяниях. Кроме того, всегда следует учитывать мотив, который может быть и «благим». Например, доказать близким, что лицо не причинило особого вреда потерпевшему.

Во втором примере, как и указывалось нами ранее, для присутствия соисполнительства в преступлении, где один наносит вред, а второй осуществляет видеосъемку с последующей публикацией, достаточно, чтобы между лицами ранее присутствовал сговор на осуществление действий.

¹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как и в первой ситуации, признаки публичной демонстрации легкого вреда здоровью формально присутствуют. Однако, применительно к этому примеру, следует ответить на вопрос: «а можно ли привлекать лицо, которое осуществляло публичную демонстрацию нанесения легкого вреда другим субъектом»?

Считаем целесообразным признать содеянное «оператором» малозначительным, деяние же непосредственного «обидчика» в зависимости от обстоятельств квалифицировать, как преступление, совершенное с публичной демонстрацией.

Однако, действующее законодательство не позволяет признать малозначительным деяние в части, что, по нашему мнению, является серьезным недочетом и не позволяет квалифицировать содеянное лицом, в зависимости от наличия общественной опасности. Отметим, что правоприменителям стоит более тщательно разбираться в аналогичных делах, поскольку внешне схожие деяния могут иметь разную степень общественной опасности, что должно и оцениваться по-разному.

Вместе с тем, немаловажным, по нашему мнению, является соучастие в преступлениях, совершенных с публичной демонстрацией. Может ли подлежать лицо, исполняющее лишь функцию видеооператора преступления, уголовной ответственности?

Так, в соответствии со ст. 32 УК РФ, соучастием признается совместное участие двух и более лиц в совершении умышленного преступления. Для признания лица соисполнителем необходимо выполнение хотя бы части объективной стороны состава преступления.

В теории уголовного права объективная сторона преступления понимается по-разному. Так, С. В. Шевелева считает, что объективная сторона – это совокупность внешних, социально-значимых признаков преступления, выражающих общественную опасность¹.

Данное определение является лаконичным, однако не полностью раскрывающим сущность вышеназванной категории. Более удачным, по мнению автора, является понятие, содержащееся в пособии А.Н. Попова: «Объективная сторона состава преступления — это совокупность тех законодательно определенных признаков, которые характеризуют общественно опасное деяние как преступление только с внешней стороны, это внешнее проявление преступления, выражающееся в поведении виновного лица, а именно в причинении вреда или в угрозе причинения вреда охраняемым уголовным законом объектам в определенных условиях, в определенном месте и в определенное время»².

¹ Шевелева С. В. Свобода воли и объективные признаки состава преступления // Lex Russica. 2014 № 72 С. 853

² Попов А. Н., Зимирева Л. А., Федышина П. В. Объективная сторона состава преступления : учебное

Используя данную дефиницию раскроем состав убийства, совершенного с публичной демонстрацией.

Так, основным объектом будет являться жизнь человека, как неотъемлемая и высшая социальная ценность. Дополнительным — право человека на благоприятную социальную среду в сети «Интернет», которая выражается в отсутствии информации, выраженной в неприличной форме, затрагивающей не только нравственность общества в целом, но и достоинство отдельного человека, а также предполагающая в своей сущности явное противопоставление сложившимся общественным ценностям.

Субъектом преступления в соответствии с ч.2 ст. 20 УК РФ является лицо, которое ко времени совершения преступления достигло 14 лет. Объективная сторона преступления выражается в умышленном причинении смерти другому человеку.

При этом, существенным отличием от обычного состава преступления является квалифицированный признак — совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Повышенная общественная опасность содеянного объясняется прежде всего тем, что с преступлением может ознакомиться как определенный, так и неопределенный круг лиц. Не секрет, что для людей со слабой или уже и так расшатанной психикой, демонстрация деяния может стать детерминантом, предreshающим дальнейшее преступное поведение.

Стоит отметить, что публичная демонстрация может носить характер, как обстановки совершения преступления, так и части объективной стороны преступления (первоначально — основной состав преступления в виде убийства и т.д., второстепенно — дальнейшая публикация в сети).

Соответственно лицо, осуществляющее видео, аудиосъемку (трансляцию) преступления должно подлежать ответственности как соучастник только при наличии сговора, или же присоединения.

Важно отметить, что сама публикация материалов совершенного преступления, как и видеосъемка без предварительного сговора, с последующей демонстрацией не должна оцениваться по вышеназванным статьям и пунктам, поскольку, исходя из конструкции вышеперечисленных статей, инкриминирование невозможно при отсутствии «основного» преступления.

То есть, привлечение к уголовной ответственности по вышеназванным составам возможно лишь в том случае, когда лицо само совершило преступление, совершенное с публичной демонстрацией, или же осуществляло его с кем-либо в соучастии.

Приведем пример. А. и Б. договорились нанести легкий вред С., параллельно осуществляя прямую трансляцию преступления с целью скомпрометировать С. перед родственниками и коллегами. При этом, предварительно договорившись, что Б. осуществляет только видеосъемку преступления. Б., установив камеру на штатив, запустил начало трансляции, к которой, в последующем подключились вышеназванные коллеги и родственники.

В ходе нанесения легкого вреда здоровью, у А. появился умысел на убийство С. В последующем, А. достал нож и одним колющим движением ударил С. в шею, перерезав сонную артерию, тем самым осуществил умышленное причинение смерти другому человеку. Статья 36 УК РФ устанавливает правила квалификации соучастия при эксцессе исполнителя.

Так, соучастники преступления не несут ответственности за преступления, которые не охватываются их умыслом. В данном случае действия А. должны быть квалифицированы, как убийство, совершенное с особой жестокостью и с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях.

Действия же Б., который осуществлял лишь часть объективной стороны, выражающейся в видеосъемке преступления, подлежат оценке в зависимости от умысла, а именно должны быть квалифицированы как оконченное причинение легкого вреда, совершенное с публичной демонстрацией в информационно-телекоммуникационных сетях. Если же второе лицо продолжит видеосъемку преступления, речь может идти о перерастании преступления с соответствующими квалифицирующими признаками для обоих соучастников, что нужно решать с учетом действий соучастников, обстановки, мотивов совершения преступления.

Если же лицо обещало заранее опубликовать видеозапись, аудиозапись совершения преступления, придать его огласке, то содеянное им должно быть квалифицировано по ч.5 ст. 33 УК РФ, как пособничество в совершении преступления, совершенного с публичной демонстрацией.

Кроме того, считаем целесообразным обозначить момент окончания преступления. Так, группа преступлений, озвученная нами ранее, считается оконченной с момента публичной демонстрации или же публикации в сети «Интернет», средствах массовой информации — иные случаи должны квалифицироваться в зависимости от умысла или же как покушение на п. «о» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по иным пунктам, предусматривающим ответственность за убийство.

Действия лица, осуществляющего видеосъемку, аудиосъемку преступления, но непосредственно не осуществляющего публикацию данных материалов, при том условии, что его умыслом не охватывался тот факт, что данная запись в последующем будет размещена и предана огласке, не должны подлежать оценке, как соисполнительство в преступлениях совершенных с публичной демонстрацией, поскольку одна лишь съемка не образует объективной

стороны состава преступления преступления.

Однако, если умыслом лица охватывалась публикация соответствующих материалов, но преступление не было доведено до конца по независящим от него обстоятельствам на стадии съемки, содеянное должно быть квалифицировано как покушение на преступление с публичной демонстрацией, совершенное группой лиц.

В данной статье была рассмотрена лишь часть возможных ситуаций, которые могут возникнуть на практике. Отметим, что правоприменителям для правильной квалификации нужно учитывать помимо объективных признаков совершения преступления, умысел виновного (субъективный признак), ведь именно от него зависит правильное инкриминирование вышеназванных статей, совершенных с публичной демонстрацией преступления, в том числе в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях. Кроме того, нельзя исключать малозначительность вышеназванных преступлений.

Научная статья
УДК 343.51

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА

Яна Юрьевна ЛИХОМАНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Lihomanova2003yana@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Владимировна МОРОЗОВА**,
yuliya-morozova@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы, касающиеся изготовления и сбыта поддельных денежных знаков.

Анализируются особенности квалификации фальшивомонетничества, а также вопросы разграничения со ст. 159 УК РФ.

Автор статьи приходит к выводу о необходимости внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: денежные знаки, явное несоответствие, мошенничество, поддельная денежная купюра, изготовление

Original article

SOME QUESTIONS ABOUT THE QUALIFICATION OF COUNTERFEITING

Yana Y. LIKHOMANOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Lihomanova2003yana@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Vladimirovna MOROZOVA**, yuliya-morozova@inbox.ru

Abstract. The article discusses some issues related to the manufacture and sale of counterfeit banknotes.

The article analyzes the specifics of the qualification of counterfeiting, as well as the issues of differentiation from Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The author of the article concludes that it is necessary to make appropriate changes to the current legislation.

Keywords: banknote, obvious discrepancy, fraud, counterfeit banknote, manufacture

Одной из функциональных особенностей денег, как структурообразующего элемента рыночных отношений, является возможность оплаты товаров, работ или услуг. Попытки получения большей выгоды в процессе взаиморасчета приводят к возникновению злоупотреблений со стороны контрагентов, чаще всего выражающихся в подделке банкнот.

Так, согласно аналитическим данным, в III квартале 2024 года в банковской системе Российской Федерации было обнаружено 2 057 поддельных денежных знаков Банка России, из которых 1 254 поддельные пятитысячные банкноты, 630 поддельных банкнот номиналом 1000 рублей, 101 поддельная

купюра номиналом 2000 рублей, 10 поддельных монет номиналом 10 рублей, 13 поддельных монет номиналом 5 рублей¹.

Подобного рода тенденции, а именно деятельность по изготовлению в целях сбыта поддельных банкнот, а также непосредственный их сбыт, в силу положений в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг», обладает повышенной общественной опасностью, ведет к подрыву стабильности национальной валюты, а также осложняет регулирование денежного обращения².

В частности, как верно отмечает Н. А. Лопашенко, «общественная опасность такой деятельности заключается в причинении ущерба кредитно-денежной системе РФ и других государств, в наводнении денежного рынка, валютного рынка или рынка ценных бумаг фальшивыми деньгами и ценными бумагами, что приводит к обесцениванию настоящих денег, росту инфляции»³.

В этой связи, изготовление в целях сбыта поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте, а равно хранение, перевозка в целях сбыта и сбыт заведомо поддельных банковских билетов Центрального банка Российской Федерации, металлической монеты, государственных ценных бумаг или других ценных бумаг в валюте Российской Федерации либо иностранной валюты или ценных бумаг в иностранной валюте влечет наступление уголовной ответственности, предусмотренной ст. 186 УК РФ.

Динамика совершения преступлений в сфере экономической деятельности в период с 2021 по 2023 (в сравнении с прошедшими периодами) свидетельствует о сохранении значительного числа преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ: 2021 г. — 844, 2022 г. — 685, 2023 г. — 446⁴.

Несмотря на это, в правоприменительной практике имеются некоторые трудности определения предмета данного преступления. Так, например, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред.

¹ Банк России: Данные о поддельных денежных знаках, выявленных в банковской системе России URL: https://cbr.ru/statistics/cash_circulation/den_zn/3q_2024/ (Дата обращения: 19.10.2024).

² О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 в ред. от 06.02.2007. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономики: Авторский комментарий к уголовному закону (раздел VII УК РФ). М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 493.

⁴ Судебная статистика Российской Федерации: данные о назначенном наказании по статьям Уголовного Кодекса Российской Федерации за 2021-2023 гг. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (Дата обращения: 17.11.2024).

от 06.02.2007) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг», приводится такой критерий разграничения ст.ст. 159 УК РФ (мошенничество) и 186 УК РФ, как «явное несоответствие».

В частности, Постановление Пленума ориентирует правоприменителей на то, что при определении предмета преступления необходимо акцентировать внимание на потенциальном сходстве поддельной денежной купюры подлинной. Однако четких критериев того, каким должно быть качество фальшивой банкноты законодателем и практикой не выработано, в связи с чем указанное является предметом дискуссий среди ученых-правоведов.

Так, по мнению В.В. Загайнова, в случае необходимости использования правоприменителем специальных технических средств для определения несоответствий¹ поддельной купюры подлинной и невозможности их выявления без использования советующих устройств, в действиях виновного в априори будут усматриваться признаки состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК РФ.

Подобное также находит свое отражение в судебно-следственной практике. Так, приговором Кировского районного суда г. Самара А. был приговорен к лишению свободы сроком на 2 года за хранение в целях сбыта и покушение на сбыт заведомо поддельного банковского билета Центрального банка Российской Федерации. Как следует из представленной доказательственной базы, предмет преступления был признан таковым в соответствии с заключением эксперта. В частности, было установлено не соответствие способа изготовления, качества воспроизведения полиграфических реквизитов и наличия специальных средств защиты поддельной купюры образцам денежных билетов Банка России того же достоинства и года выпуска².

Данный критерий является «универсальным»³, однако неисчерпывающим.

В частности, развитие информационных технологий, а именно появление вариаций репрографической техники (ксероксы, лазерные и капельно-струйные принтеры, ротапринтное получение копий с фотомеханических и электрографических печатных форм), их доступность, привели к значительному облегчению процесса подделки денежных банкнот, обладающих признаками подлинных, и, как следствие, увеличению числа совершаемых преступлений, предусмотренных ст. 186 УК РФ.

¹ Загайнов В. В. Криминологический анализ современных тенденций регионального и общероссийского состояния фальшивомонетничества // Всероссийский криминологический журнал. 2008. №2. С.49 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskij-analiz-sovremennyh-tendentsiy-regionalnogo-i-obshcherossiyskogo-sostoyaniya-falshivomonetnichestva> (дата обращения: 04.08.2024).

² Приговор Кировского районного суда г. Самары от 24 мая 2017 г. по делу № 1-280/2017. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/257342.html>.

³ Поротников П. А., Рагозин Р. В. Фальшивомонетничество: сущность, проблемы и пути решения // Инновационная наука. 2022. №12-2. С.34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falshivomonetnichestvo-suschnost-problemy-i-puti-resheniya> (дата обращения: 28.10.2024).

В том числе представляется возможным внедрение в процесс изготовления поддельных купюр системы искусственного интеллекта посредством обеспечения ее взаимодействия с используемой техникой. Подобная алгоритмизация процесса будет аналогичным образом повышать качество поддельных купюр, а также способствовать упрощению процесса изготовления в целом. Указанное достигается за счет улучшения качественных характеристик применяемой аппаратуры, позволяющей уменьшить количество «технической работы» (подбор бумаги, ее склеивание, определение нужного цвета красителя, самостоятельное определение «качественности» изготавливаемой купюры и т. д.), осуществляемой изготовителем, и увеличить объемы производства.

В связи с чем, использование примитивных способов фальшивомонетничества, как-то рисование, фотографирование, копирование, теряют свою актуальность, а возможность выявления «явного несоответствия» без привлечения специальных технических средств на данном этапе является довольно затруднительным ввиду улучшения качества поддельных купюр, а, следовательно, указанное свидетельствует о повышении общественной опасности рассматриваемого преступления.

Как верно отмечает И. Е. Максимова: «общественная опасность изготовления поддельных денежных знаков применительно к каждому конкретному случаю определяется как количеством изготовленных фальшивых денег, так и их качеством. Один фальшивый билет, если он не будет своевременно обнаружен, за сто оборотов под видом подлинного причиняет такой же вред денежному обращению, как сто фальшивых билетов, совершивших каждый по одному обороту»¹.

Именно поэтому Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» указывает также и на то, что помимо «качественных характеристик предмета преступления», совокупность обстоятельств дела также должна свидетельствовать именно об умысле на сбыт фальшивой купюры и введении ее в экономический оборот, а не грубый обман ограниченного числа лиц – указанное будет содержать в себе признаки мошенничества.

Иными словами, помимо объективного критерия особое внимание также стоит уделять и субъективному, а именно тому, как виновным воспринимались качество подделки и возможность ее дальнейшей реализации.

Равнозначность субъективного и объективного признаков также подчеркивает П. С. Яни, указывая на то, что правильность квалификации деяния на пря-

¹ Максимова И. Е. Изготовление или сбыт поддельных денег или ценных бумаг (фальшивомонетничество): криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. С. 108.

мую будет зависеть от правильности определения свойств поддельной купюры, а также отношения виновного к ней. Такая концепция применима в условиях прямого конкретизированного умысла. Например, если виновный сбывает фальшивую купюру, явно соответствующую подлинной, осознавая при этом факт ее подделки, деяние подлежит квалификации по ст. 186 УК РФ¹. Однако в случае, если указанная купюра воспринималась им как «явная подделка», а его действия были направлены на грубый обман лиц, то такие действия будут образовывать состав мошенничества.

При неконкретизированном умысле — состав фальшивомонетничества будет устанавливаться в зависимости от объективных признаков. Так, если поддельная купюра («высокого качества») была принята контрагентом после проведения им проверочных процедур, то деяние подлежит квалификации по ст. 186 УК РФ. В случае, если фальшивая купюра в ранее описанных условиях все-таки будет выявлена, то содеянное будет образовывать состав мошенничества².

Резюмируя вышесказанное, отметим, что разработка критериев «явного несоответствия» поддельных купюр носит преимущественно криминалистический аспект.

Применительно к уголовному законодательству, актуальным представляется изложить абз. 3 п.3 некоторых в Постановление Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг», а именно в следующей редакции: «В тех случаях, когда явное несоответствие фальшивой купюры подлинной, выражающееся в возможности определения такого несоответствия без привлечения специальных технических средств и (или) проведения экспертизы и исключаящее ее участие в денежном обращении, а также иные обстоятельства дела свидетельствуют о направленности умысла виновного на грубый обман ограниченного числа лиц, такие действия могут быть квалифицированы как мошенничество».

На наш взгляд, такая редакция позволит несколько упростить процесс определения предмета преступления и дачи уголовно-правовой характеристики деяния в целом.

¹ Яни П. Вопросы квалификации фальшивомонетничества // Законность. 2015. № 2 (964). С. 22.

² Яни П. Вопросы квалификации фальшивомонетничества // Законность. 2015. № 2 (964). С. 23.

Научная статья
УДК 343.235.2

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ
ПРИ НАЛИЧИИ ОТЯГЧАЮЩЕГО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ПУНКТОМ «К» ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 63 УК РФ**

Варвара Витальевна МАКАЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
mak060204@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, кримино-
логии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридиче-
ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федера-
ции, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается проблематика применения
п «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ относительно ст. 105 УК РФ.

Изучается соотношение понятий оружие и предмет, используемый в каче-
стве оружия, а также понятия «использование» и «применение».

Затрагиваются вопросы квалификации деяния, при наличии дополнитель-
ного признака, совершение преступления с использованием оружия или пред-
метов, используемых в качестве оружия.

Ключевые слова: оружие; предмет, используемый в качестве оружия;
преступление; использование; применение

Original article

**SOME PROBLEMS OF IMPOSING PUNISHMENT IN THE PRESENCE
OF AN AGGRAVATING CIRCUMSTANCE PROVIDED FOR
BY PARAGRAPH «K» OF PART 1 OF ARTICLE 63
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Varvara V. MAKAEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of
the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, mak060204@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law,

Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. In this article the problematics of application of item «k» part 1 of article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation in relation to article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation is considered.

The correlation of the concepts of weapon and object used as a weapon, as well as the concepts of “use” and “application” is studied.

The questions of qualification of a deed, in the presence of an additional sign, committing a crime with the use of weapons or objects used as weapons are touched upon.

Keywords: weapon; object used as a weapon; crime; use; application

Одной из приоритетных задач государства является защита человека, его прав и свобод от посягательств. В напряженной обстановке современного мира, ввиду усиления межнациональных конфликтов, технологического прогресса, понижения планки морально-этических аспектов реализовать данную задачу становится все сложнее. Лицо, совершившее преступное деяние, подлежит ответственности, в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации. При назначении наказания учитываются различные факторы, одним из которых является наличие отягчающих обстоятельств.

Отягчающими обстоятельствами признаются обстоятельства, которые предусматривают повышенную общественную опасность деяния и личности виновного, а также более тяжкие последствия. Данный перечень закреплен в статье 63 УК РФ.

Среди деяний выделяются преступления, совершенные с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия, так как их степень общественной опасности выше. Несмотря на общий уровень снижения показателей преступности, совершение деяний с использованием оружия остается довольно значимой проблемой, угрожающей безопасности граждан.

По поводу преступлений, совершаемых с использованием оружия, Д. А. Корецкий пишет, что наиболее важным среди объединяющих эти преступления признаков является то, что они совершаются с использованием оружия, т.е. специально приспособленных устройств, посредством которых виновное лицо пытается осуществить свои преступные намерения. При этом оружие используется как для подавления воли живых лиц, так и для их умерщ-

вления, а также для разрушения или повреждения неодушевленных материальных объектов¹.

Рассматривая вопросы применения оружия при совершении преступлений, стоит начать с изучения понятия и признаков оружия. Согласно Федеральному закону «Об оружии» от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ (в ред. от 08.08.2024г.) оружием признается устройство, которое в силу своих характеристик направлено на поражение живой цели или иной².

Так какими же признаками обладает оружие. Исходя из предлагаемого определения, выделим некоторые из них: Оружием является устройства и предметы, которые конструктивно предназначены для поражения живой цели; Способность поражения живого организма; Невозможность нахождения данных предметов в свободном гражданском обороте, правомерные действия возможны лишь при наличии соответствующего разрешения компетентных органов власти.

Из этого следует, что оружие являются ограниченные в обороте устройства и предметы, которые конструктивно предназначены или специально приспособлены для поражения живой или иной цели. То есть использование оружия при совершении преступления не изменяет характер самого деяния, а лишь увеличивает степень его общественной опасности. Поэтому данные деяния относятся к квалифицируемым составам.

Характеризуя применение оружия как квалифицирующий признак состава преступления, необходимо выделить важные моменты, связанные с определением цели использования и роли оружия при совершении конкретного преступления.

Для наличия анализируемого квалифицирующего признака необходимо, чтобы оружие или предметы, находящиеся у преступника, были применены. Если лицо, совершая хищение, имеет в своем кармане пистолет или нож, который не использует для выражения угрозы или не показывает его, то такое деяние не может быть квалифицировано как разбойное нападение — данное мнение высказывает А. А. Пионтковский³.

Следует понимать, что не все вещи, с помощью которых совершается преступное деяние, обладают признаками оружия. В связи с этим в законодательстве выделяется отдельная категория, а именно предмет, используемый в качестве оружия.

Точного отражения данного понятия не нашло в нормативных актах, но полагается, что под предметом, используемым в качестве оружия, понимаются

¹ Корецкий Д. А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью // Законность. 2004. № 5. С. 4—5.

² Об оружии : Федеральный закон от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Курс советского уголовного права. Часть Особенная. Т. IV. М., 1970. С. 361.

любые материальные объекты, которыми, исходя из свойств, можно причинить вред здоровью человека (например, топор, дубинка, перочинный или кухонный нож). Значит, что такая категория вещей обладает схожими с оружием признаками и индивидуализирована под конкретную ситуацию.

В литературе нередко можно встретить как понятие «использование», так и термин «применение» оружия. Согласно словарю Ожегова, под использованием понимается «пользование чем-то, употребление с пользой», а под применением «осуществление чего — либо на практике»¹.

По смысловому значению для обычного человека понятия синонимичны и часто взаимозаменяемы, однако они будут различны при решении вопросов, связанных с квалификацией деяния. В настоящее время законодательно данные термины никак не разграничены, но они были регламентированы в уже утратившем силу ФЗ «О милиции»².

В нем применение оружия обозначает его использование по его целевому назначению, то есть для поражения живой цели. Использование же выражается в устранении препятствий, подачи сигналов (не включая сигнальное оружие) и производства предупредительных выстрелов.

В действующем законодательстве, согласно Правилам заполнения статистических карточек на выявленное преступление в пункте 28 указывается, что преступление совершено с использованием, в том числе с применением оружия и т. д.³.

Из этого мы можем сделать вывод, что понятие использование как бы охватывает применение. То есть использование подразумевает под собой более широкий круг действий, которые совершаются с оружием.

На сегодняшний день обширен круг составов преступлений, которые в качестве квалифицирующего признака, предусматривают совершение деяния с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Например, такой критерий можно найти в п. «з» ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 162, п. «г» ч. 2 ст. 206 Уголовного кодекса и других. Во избежание излишнего вменения закрепляется, что только если признак применения оружия или предметов, используемых в качестве не отражен в соответствующей статье Уголовного Кодекса, то мы можем дополнительно квалифицировать в соответствии со ст. 63 УК РФ, для вынесения наиболее справедливого наказания.

Однако изучим п. «к» ст. 63 Уголовного Кодекса РФ, в котором закреп-

¹ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 21-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1989. С. 256, 259.

² О милиции: Закон РФ от 18.04.1991 № 1026-1 (утратил силу) ст. 15. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Статистическая карточка на выявленное преступление (в ред. Указаний Генпрокуратуры РФ № 118/11, МВД РФ № 2 от 20.12.2006, Генпрокуратуры РФ № 209-11, МВД РФ № 2 от 24.12.2007, Генпрокуратуры РФ № 66/85, МВД РФ № 1 от 24.02.2010, Генпрокуратуры РФ № 452/85, МВД РФ № 4 от 30.12.2010, Генпрокуратуры РФ № 2-11, МВД РФ № 1 от 11.01.2012, Генпрокуратуры РФ № 30-11, МВД РФ № 1 от 18.01.2013, Генпрокуратуры РФ № 91-11, МВД РФ № 1 от 20.02.2014).

лено, что отягчающим обстоятельством признается «совершение преступления с использованием оружия, боевых припасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов, а также с применением физического или психического принуждения».

Исходя из анализа данной диспозиции, мы понимаем, что совершение деяния предметом, используемым в качестве оружия, не может квалифицироваться по ст. 63 УК РФ.

В данном случае выделяется ст. 105 УК РФ (убийство). Так к лишению жизни человека путем нанесения, например, ударов молотком, п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ применяться не будет.

Не будет учитываться в качестве квалифицирующего признака, убийство, совершенное с помощью оружия, но не по его целевому назначению (удары прикладом по голове).

Данный пробел законодательно не урегулирован и вызывает спорные ситуации. В пример можно привести случай из судебной практики от 2014 года, где в апелляционной инстанции судебная коллегия ВС РФ по уголовным делам приняла решение о исключении из приговора указания о признании в качестве обстоятельства, отягчающего наказание, предусмотренного п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ, — совершение преступления с использованием холодного оружия.

Суд исходил из того, что совершение лицом преступления с использованием оружия, не было доказано при производстве предварительного следствия и не было указано в обвинительном заключении. В частности, не была проведена криминалистическая экспертиза, которая должна была подтвердить, что указанный нож относится к холодному оружию. Результаты экспертизы в обвинительном заключении не указаны и доказательств этого не представлено.

Считаем, что наличие данной ситуации показывает существующий пробел в законодательстве, который нуждается в совершенствовании. Убийства с использованием оружия или предметов, используемых в качестве оружия, представляют повышенную степень общественной опасности в сравнении с основным составом убийства, что предполагает назначение более строгого наказания.

Следует сделать вывод, о необходимости внесения изменений в Уголовный Кодекс РФ. Нормативный акт может быть преобразован посредством указания данного квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 105 УК РФ, либо дополнением п. «к» ч. 1 ст. 63 УК РФ, а также сопутствующими дополнительными разъяснениями от законодателя для возможности вынесения наиболее точного, справедливого и объективного решения.

**ОБОСНОВАНИЕ ВКЛЮЧЕНИЯ В УК РФ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА,
ОТЯГЧАЮЩЕГО НАКАЗАНИЕ «СОВЕРШЕНИЕ УМЫШЛЕННОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ПУБЛИЧНОЙ ДЕМОНСТРАЦИЕЙ,
В ТОМ ЧИСЛЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ
(ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»))»**

Александр Анатольевич МАЛАНЬИН

Северо-Западный филиал Российского государственного университета
правосудия, Санкт-Петербург, Россия, sobakabobaka1@yandex.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент **Елена Анатольевна ПИСАРЕВСКАЯ**, Liorev@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Law, Candidate of Law, Associate Professor **Elena Anatolyevna PISAREVSKAYA**, Liorev@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются обоснованность внесения законодательных изменений, направленных на ужесточение уголовной ответственности за совершение умышленных преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)).

В статье указывается на значительную общественную опасность «треш-стриминга», доказывается, что преступление, совершаемое на глазах миллионов пользователей, является более общественно опасным.

На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что изменения в УК РФ в части ужесточения ответственности при совершении умышленного преступления с публичной демонстрацией являются целиком и полностью обоснованными.

Ключевые слова: треш-стриминг, публичная демонстрация, общественная опасность, пенализация.

**JUSTIFICATION FOR THE INCLUSION IN THE CRIMINAL CODE
OF A CIRCUMSTANCE AGGRAVATING THE PUNISHMENT
«COMMISSION OF A DELIBERATE CRIME WITH A PUBLIC
DEMONSTRATION, INCLUDING IN THE MEDIA OR INFORMATION
AND TELECOMMUNICATION NETWORKS (INCLUDING INTERNET)»**

Alexander A. MALANYIN

Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg,
Russia, sobakabobaka1@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the validity of legislative changes aimed at toughening criminal liability for intentional crimes with public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet).

The article points to the significant public danger of trash streaming, proving that a crime committed in front of millions of users is more socially dangerous.

Based on the study, the author comes to the conclusion that the changes in the Criminal Code of the Russian Federation in terms of toughening liability when committing a deliberate crime with a public demonstration are entirely justified.

Keywords: trash streaming, public demonstration, public danger, penalization.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что в августе 2024 года УК РФ появилось новое отягчающее обстоятельство — «совершение преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». Данное обстоятельство известно в средствах массовой информации, как «совершение преступления путем треш-стриминга». Кроме того, соответствующий квалифицирующий признак был предусмотрен в ряде статей УК РФ.

В науке уголовного права процессы, связанные с установлением уголовно-правового запрета, называют криминализацией деяний¹.

При этом криминализация бывает различных видов, например, Т. А. Плаксина указывает на две разновидности подобной деятельности: 1) при которой в уголовном законе предусматривается ответственность за ранее не известное кодексу деяние; 2) при которой признаки уже предусмотренного в уголовном

¹ Нечаев А. Д. Основания классификации и виды криминализации и декриминализации // Журнал российского права. 2017. №6 (246). С. 106

законе деяния подвергаются изменению, дополняя или расширяя сферу действия уголовно-правового запрета¹.

Иначе говоря, во втором случае речь идет о частичной криминализации. С. Г. Келина, в свою очередь, указывает на то, что путем частичной криминализации возможно наоборот сужение уголовного запрета, при котором в состав преступления включается признак, ограничивающий действие уголовного закона (например, введение общественно-опасных последствий)².

Появление в УК РФ названного квалифицирующего признака можно назвать частичной криминализацией, а появление соответствующего отягчающего обстоятельства свидетельствует о стремлении законодателя ужесточить ответственность за это при совершении широкого круга деяний. Далее следует выяснить, была ли это законодательное решение обоснованным и соответствовало ли оно выделяемым учеными основаниям криминализации, существовала ли необходимость в ужесточении уголовной ответственности?

В отечественной уголовно-правовой науке вопросы оснований криминализации деяний остаются актуальными и дискуссионными по настоящее время. Ряд ученых считает, что основанием криминализации являются многочисленные процессы, происходящие в обществе, которые вызывают необходимость в принятии уголовно-правовых норм, направленных на охрану общественных отношений. Так, например, А. Д. Антонов рассматривает в качестве оснований криминализации деяния такие обстоятельства, которые порождают объективную необходимость в уголовно-правовой охране различных ценностей общества³.

Другие же представители юридической науки рассматривают в качестве основания криминализации деяния только общественную опасность поведения, которая выражается во множественных характеристиках, формирующих необходимость в законодательном установлении, расширении уголовно-правовых запретов. Такой позиции придерживается П. С. Тоболкин, который считает, что в обществе не существует других оснований для криминализации, кроме как общественной опасности⁴.

Рассуждая над вопросом криминализации деяний, полагаем, что необходимо оценивать поведенческие акты, прежде всего, с точки зрения их общественной опасности, которая влияет на процессы нормального функционирования личности, общества и государства. Общественная опасность деяния или

¹ Плаксина Т. А. Криминализация и декриминализация в современном уголовном праве России // Российское государство и право: традиции, современность, будущее. 2011. С. 176.

² Келина С. Г. Основания уголовно-правового запрета // Матер. IV советско-западноевропейского симпозиума по криминологии, уголовному праву и процессу. Киев, 1990. С. 12.

³ Антонов А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 17—20.

⁴ Тоболкин П. С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. Свердловск: Ср.-Уральск. кн. изд-во, 1983. С. 58.

повышение ее степени будет являться тем самым объективным основанием, с помощью которого можно будет оценить потребность общества в том или ином уголовно-правовом запрете.

Возвращаясь к «треш-стримингу», и появившемуся в УК РФ отягчающему обстоятельству, и квалифицирующему признаку, отметим, что «треш-стриминг» в современном обществе стал настоящей проблемой, требующей уголовно-правового реагирования.

Актуальной проблемой текущего столетия в сфере отечественного уголовного права стали также дискуссии о необходимости криминализации «треш-стриминга», повсеместно заполонившего онлайн-ресурсы.

Известно, что в современных реалиях люди активно используют социальные сети, мессенджеры, платформы видео-контента, интернет-игры, чаты и т. д. в качестве средств общения, которые предоставляют пользователям безграничные возможности по поиску и распространению интересующей информации, обмену этой информацией, обсуждению и комментированию различных тем. На первый взгляд, постоянное использование социальных сетей и сети «Интернет» оказывает положительное воздействие на расширение возможностей по получению знаний, актуальной информации, установлению и поддержанию социальных связей, формирование новых знакомств в зависимости от интересов и т. д.

В то же время, активное нахождение на подобного рода платформах может оказывать негативное влияние, направленное на снижение у человека навыков реального общения с людьми вне онлайн среды, не всегда наполняет пользователя достоверной информацией, соответствующей нравственным тенденциям, развивающимся в обществе.

Более того, постоянное времяпрепровождение в социальных сетях влечет и психологические проблемы, в том числе формирует интернет-зависимость, которая впоследствии находит выражение в антисоциальном поведении, связанном с отклонением от базовых установленных в обществе правил поведения.

Все это свидетельствует о том, что сеть «Интернет» и используемые благодаря ей средства коммуникации, позволяющие транслировать треш-контент, на момент его криминализации и ужесточения ответственности за совершение широкого круга преступлений с его использованием содержали в себе потенциальные угрозы для пользователей.

Так, некоторые пользователи стали использовать сеть «Интернет» и современные средства общения, как возможность быстрой беспрепятственной передачи информации и публичной демонстрации совершаемых ими противоправных деяний.

Одной из форм проявления подобного поведения среди пользователей социальных сетей выделяется отклоняющееся поведение, именуемое как «треш-

стриминг». Перевод слова «trash» гласит о том, что оно имеет несколько значений, среди которых можно выделить «хлам, мусор, брак»¹. В свою очередь, «stream» означает «направление, поток»².

Совокупность данных слов образует единое понятие «треш-стриминг», под которым следует понимать отдельные формы онлайн-трансляций, проводимых на интернет-платформах, в ходе которых организаторы трансляций, выполняют задания от пользователей, которые наблюдают за происходящим и отправляют денежное вознаграждение, именуемое «донатом», за совершение организатором противоправных действий, направленных на уничтожение имущества и применение насилия в отношении себя или других лиц, присутствующих на стримах.

Приведем примеры из средств массовой информации. Многочисленные обсуждения в обществе, предшествующие введению обсуждаемого квалифицирующего признака, вызвали действия белорусского блогера под ником «Mellstroy», который во время своей очередной онлайн-трансляции избил женщину, ударив ее несколько раз головой о стол. В ходе расследования суд признал указанного гражданина виновным и назначил наказание, предусмотренное ст. 116 УК РФ³.

Кроме того, в 2024 году одной из наиболее жестоких форм проявления «треш-стриминга» стал видеоролик, на котором российский блогер бросил двухмесячного ребенка в снег. Действия гражданина также вызвали бурное обсуждение и осуждение такого поступка в обществе, по факту совершения противоправных действий в отношении новорожденного ребенка в отношении блогера было возбуждено уголовное дело⁴. Вышеприведенные примеры свидетельствовали о том, что применение к нарушителям статей о преступлениях против личности оставляло недооцененным тот факт, что эти деяния цинично транслировались в сеть «Интернет», осуществлялись на показ, демонстративно причиняли физический вред, унижали и оскорбляли жертв на глазах у других людей. Это вызывало возмущение в обществе и потребность в принятии радикальных мер путем изменения уголовного закона.

¹ Большой англо-русский и русско-английский словарь // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/eng_rus/807223/trash (дата обращения: 10.11.2024 г.); Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А., Маланьин А. А., Савельева Д. Е. Треш-стриминг: проблемы уголовно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С.313.

² Онлайн англо-русский словарь. – URL: <https://woordhunt.ru/word/stream> (дата обращения: 10.11.2024 г.); Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А., Маланьин А. А., Савельева Д. Е. Треш-стриминг: проблемы уголовно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С.313.

³ Суд приговорил блогера Mellstroy к полугоду исправительных работ // URL: <https://ria.ru/20210709/sud-1740616935.html> (дата обращения: 12.11.2024 г.).

⁴ Глава СК поручил завести дело против блогера, бросившего в снег ребенка // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/659d10a79a7947c7f9d484d2> (Дата обращения: 12.11.2024 г.); Писаревская Е. А., Дворжицкая М. А., Маланьин А. А., Савельева Д. Е. Треш-стриминг: проблемы уголовно-правового регулирования // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С.314.

Так, о необходимости законодательного регулирования «треш-стриминга» свидетельствовали и результаты социологических опросов, среди которых можно выделить опрос ВЦИОМ, проведенный в 2021 году среди граждан¹.

Большинство пользователей сеть «Интернет» отмечали, что «треш-стримы» должны быть заблокированы (87 %), и только незначительное число граждан (9 %) выступили против блокировки данной формы онлайн-трансляций. Каждый второй опрошенный россиянин слышал о «треш-стримах», а больше всего просматривали такой контент пользователи от 18 до 24 лет (42 %). Опрошенные посчитали, что организаторов «треш-стримов» необходимо привлекать к уголовной ответственности (33 %) за совершение такого рода противоправных действий именно на онлайн-трансляциях. Исходя из этого, можно сделать вывод, что в обществе уже в 2021 году сформировался запрос на усиление уголовной ответственности за «треш-стриминга».

В части обоснованности ужесточения уголовной ответственности, отметим, что ст. 21 Конституции устанавливает запрет на применение пыток, унижение человеческого достоинства и совершение насильственных действий. «Треш-стримы» при проведении онлайн-трансляций напрямую нарушают нормы отечественного законодательства и наносят ущерб охраняемым законом интересам. Такое дерзкое и циничное совершение противоправных действий, посягающих на интересы личности, общества и государства, не должно было остаться безнаказанным. Именно по этим причинам «треш-стриминг» требовал дополнительного правового регулирования.

Быстрорастущая популярность «треш-стриминга» повлекла за собой незамедлительную и обоснованную реакцию органов государственной власти и общественных организаций, действия которых направлены на борьбу с этим противоправным явлением.

Учитывая объективную общественную опасность деяний, совершенных путем «треш-стриминга», в 2023 году в депутаты Государственной Думы Российской Федерации внесли на рассмотрение пакеты законопроектов, содержание которых было направлено на частичную криминализацию «треш-стримов» и внесение изменений в отдельные федеральные законы. В пояснительной записке авторы законопроекта отмечали, что «треш-стримеры», используя онлайн-платформы с целью заработка денег, играют на садистских инстинктах ряда пользователей и транслируют все эти противоправные действия на широкий круг зрителей².

¹ ВЦИОМ представляет данные опроса россиян, посвященного «треш-стримам // ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tresh-strimy-v-internete-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 13.11.2024 г.).

² Законопроект № 506240–8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»))»

Инициаторы поправок предлагали модернизировать уголовное законодательство Российской Федерации с целью борьбы с «треш-стримингом», путем выделения новогоотягчающего обстоятельства, предусмотренного ст. 63 УК РФ — совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»). Более того, в законопроекте также было предложено включить отдельные квалифицирующие признаки к наиболее часто совершаемым преступлениям во время «треш-стримов» (среди которых убийство, истязание, побои, похищение человека и др.) Авторы законопроекта посчитали, что необходимо не только выделять отдельные квалифицирующие составы, но и нужно устанавливать дополнительные наказания в виде штрафов и запретов на занятие определенными видами деятельности, с целью ограничения дальнейшего проведения «треш-стримов».

8 августа 2024 года Президент Российской Федерации подписал, предложенный депутатами Государственной Думы Российской Федерации законопроект о запрете «треш-стримов»¹.

В окончательно принятом законе осуществлена частичная криминализация деяний, совершенных путем «треш-стриминга», а именно введены дополнительные квалифицирующие признаки к отдельным составам преступлений и устанавливаются повышенные наказания к совершению подобного рода деяний. Кроме того, в ст. 63 УК РФ появилось одноименное обстоятельство, отягчающее наказание.

Таким образом необходимо отметить, что криминализация «треш-стриминга», а также ужесточение уголовной ответственности за него при совершении широкого круга умышленных преступлений были продиктованы повышенной степенью общественной опасности деяний, посягающих на уже охраняемые отечественным законодательством интересы и совершаемых с использованием онлайн-платформ. Преступление, совершаемое на глазах миллионов пользователей, наносит многочисленный ущерб личности и обществу, сказывается на развитии молодого поколения, и именно поэтому было совершенно оправданно законодательно не оставлено без внимания.

// Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (Дата обращения: 13.09.2024 г.)

¹ Президент подписал законы о наказаниях для треш-стримеров. // URL: <https://rg.ru/2024/08/08/prezident-podpisal-zakony-o-nakazaniiah-dlia-tresh-strimerov.html> (дата обращения: 22.11.2024 г.).

Научная статья
УДК 343.241

АКТИВНОЕ СПОСОБСТВОВАНИЕ РАСКРЫТИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО СМЯГЧАЮЩЕЕ НАКАЗАНИЕ

Полина Денисовна МАРТЫНЕНКО

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, polyushka99@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется роль активного способствования раскрытию и расследованию преступления при назначении наказания, при освобождении лица от уголовной ответственности.

Проанализированы вопросы практики назначения наказания при наличии активного способствования раскрытию и расследованию преступления.

Разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства о назначении наказания при наличии активного способствования раскрытию и расследованию преступления.

Ключевые слова: активное способствование раскрытию и расследованию преступления, смягчающие обстоятельства, освобождение от уголовной ответственности, добровольность

Original article

ACTIVE DISCLOSURE PROMOTION AND THE INVESTIGATION OF THE CRIME AS A MITIGATING PUNISHMENT

Polina D. MARTYNENKO

Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, polyushka99@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Law, Associate Professor **Andrei Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the role of active assistance in the disclosure and investigation of a crime when sentencing, when releasing a person from criminal liability.

The issues of the practice of sentencing in the presence of active assistance in the disclosure and investigation of a crime are analyzed.

Proposals have been developed to improve the practice of applying criminal legislation on sentencing in the presence of active assistance in the disclosure and investigation of a crime.

Keywords: active assistance in solving and investigating crimes, mitigating circumstances, exemption from criminal liability, voluntariness

Смягчающие наказания преступления играют одну из ключевых ролей при вынесении судами итогового решения, которые уменьшают предельный размер назначаемого наказания. Уголовный закон выделяет целый ряд обстоятельств, смягчающих наказание, который не является исчерпывающим, при этом смягчающие вину обстоятельства могут как применяться самостоятельно в зависимости от личности виновного, его постпреступного поведения, так и входить в конструкцию основного или привилегированного состава преступления¹.

Одним из оснований смягчения наказания является активное способствование раскрытию и расследованию преступления. Под активным способствование понимается представление лицом, совершившим преступление, органу следствия информации, которая имеет существенное значение для раскрытия и расследования преступления.

Верховный суд в Постановлении Пленума от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» обозначил несколько примеров действий привлекаемого лица, направленных на активное способствование при раскрытии и расследовании преступления.

В большинстве случаев активное способствование проявляется в виде: указания на соучастников преступления, их местонахождение, сведения, подтверждающие их участие, указания на местонахождение орудий преступления, либо иных предметов и документов, имеющих значение для расследования уголовного дела, указания на местонахождение похищенного имущества, указания на лиц, которые могут дать свидетельские показания, установления причин и условий совершения преступления и др. Это лишь несколько примеров

¹ Зарубин А. В. Смягчающие обстоятельства в уголовном праве России : учебное пособие /. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. С. 4.

того, как может проявляться активная роль в помощи органам следствия в раскрытия совершенного преступления¹.

Активное способствование проявляется в активных действиях виновного, направленных на сотрудничество с органами следствия для раскрытия преступления, которые должны иметь признаки добровольности.

Как и при явке с повинной, находящейся наравне с активным способствованием раскрытию и расследованию преступления и изобличением других соучастников, играющей аналогичную роль при назначении наказания виновному, действия лица не должны совершаться под принуждением.

Другим признаком активного способствования раскрытию преступления выделяется предоставление органам следствия информации, до того им неизвестной об обстоятельствах совершения преступления. То есть, имелись ли у них достоверные сведения о причастности лица к совершенному преступлению, установлены ли обстоятельства совершения преступления, и совершения конкретным лицом.

При этом у правоохранительных органов должна иметься реальная возможность на основании представленных данных раскрыть преступление. Эта немаловажный признак, так как суды в качестве смягчающего обстоятельства иногда признают активное способствование раскрытию и расследованию преступления, совершенное в условиях очевидности.

По приговору суда первой инстанции (с учетом последующих изменений) В. осужден за два преступления, предусмотренные п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ к 10 годам 6 месяцам, за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ к 10 годам, а по совокупности всех преступлений к наказанию в виде лишения свободы сроком на 12 лет.

В кассационной жалобе адвокат в защиту интересов осужденного оспаривал приговор в части назначенного В. наказания. По мнению адвоката, суд оставил без внимания и оценки тот факт, что в стадии предварительного следствия В. дал признательные показания, сообщил об источниках получения наркотических средств, о лицах, поставляющих ему наркотические средства, своей роли в незаконном обороте наркотиков, а также о новом преступлении, сведениями о котором сотрудники полиции не располагали. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ удовлетворила кассационную жалобу частично, указав следующее.

Суд первой инстанции при назначении В. наказания не обсудил вопрос о наличии такого смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного

¹ Зарубин А. В. Смягчающие обстоятельства в уголовном праве России : учебное пособие /. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2022. С. 64.

п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, как активное способствование раскрытию и расследованию преступления.

Согласно материалам уголовного дела, после задержания В. полностью признал свою вину, давал признательные показания об обстоятельствах совершения преступлений, о своей роли в незаконном обороте наркотических средств, подтвердил свои показания на месте, указав место тайника, где он приобрел наркотическое средство, которое в дальнейшем сбыл М. Кроме того, в своих показаниях В. сообщил органам следствия о незаконном хранении в целях последующего сбыта наркотического средства, которое им было добровольно выдано в ходе проверки показаний на месте. Таким образом, осужденный предоставил органам следствия информацию, в том числе ранее неизвестную о совершенных им преступлениях, которая имела значение для их раскрытия и расследования.

С учетом изложенного Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ изменила приговор, признала по всем преступлениям смягчающим наказание обстоятельством предусмотренное п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ активное способствование раскрытию и расследованию преступлений и с применением ч. 1 ст. 62 УК РФ смягчила назначенное за первые два преступления, предусмотренные п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ до 10 лет лишения свободы, за преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ до 9 лет 6 месяцев лишения свободы, а по совокупности преступлений путем частичного сложения, смягчила наказание до 11 лет лишения свободы¹.

В вышеизложенном решении отчетливо видно, что действия виновного по всем критериям подпадают под активное способствование раскрытию и расследованию преступления, так как осужденный добровольно сообщил информацию об обстоятельствах преступления, ранее не известную правоохранительным органам.

Однако, если бы после совершения исследованного выше преступления, лицо сообщило такие сведения, которые не дали бы в полной мере раскрыть все обстоятельства уголовного дела, изобличить других соучастников преступления, обнаружить местонахождение спрятанного наркотического средства, то такие действия, не попали бы под активное способствование раскрытию преступления, а лишь расценивались как обычное смягчающее обстоятельство, учитываемое по ч. 2 ст. 61 УК РФ.

Нередко суды в своей практике допускают ошибки в определении того или иного смягчающего обстоятельства, относящегося к деятельному раскаянию.

По приговору Московского городского суда от 20.04.2012 М. осуждена по ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ и ст. 73 УК РФ

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 07.04.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на 7 лет лишения свободы условно с испытательным сроком со штрафом. При назначении М. наказания суд не применил положения ст. 62 УК РФ, мотивируя тем, что одни лишь признательные показания не могут быть расценены как активное содействие расследованию преступления, а заявление о явке с повинной дано осужденной после ее задержания за получение взятки.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ 31.05.2012 приговор изменила, согласившись лишь с верным обоснованием отсутствия явки с повинной в действиях М. Вместе с тем суд первой инстанции не учел, что М. не только признала себя виновной и дала признательные показания, но и на протяжении всего предварительного следствия активно оказывала содействие, неоднократно на допросах в качестве подозреваемой и обвиняемой, на очной ставке, давала подробные пояснения об обстоятельствах совершенного преступления, указав при этом на выявленные в деятельности предприятия нарушения налогового законодательства, связанные с неуплатой налогов в доход государства на сумму свыше трех миллионов рублей.

Также сообщила следствию сведения, которые в последующем были использованы для назначения экономической экспертизы и подтверждены экспертом. Прослушав аудиозаписи переговоров, которые велись в ходе оперативного эксперимента, подтвердила свое участие в этих переговорах в качестве взяткополучателя и соответствие аудиозаписей фактическому содержанию переговоров.

Согласилась предоставить следствию экспериментальные образцы своего голоса для производства экспертизы указанных аудиозаписей. Данные ею показания об участниках переговоров во время оперативного эксперимента и представленные образцы голоса были использованы для назначения экспертизы, подтвердившей эти показания.

Ее действия после задержания (выдача предмета взятки, заявление о явке с повинной) также свидетельствуют о ее стремлении оказать содействие расследованию преступления. Однако суд не дал им надлежащей оценки и не нашел оснований для оценки поведения М. как активного содействия раскрытию преступления и применения положения ст. 62 УК РФ. Учитывая изложенное, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала обстоятельством, смягчающим наказание М., активное содействие раскрытию и расследованию преступления и с учетом всех имеющихся смягчающих обстоятельств, смягчила назначенное М. наказание до 5 лет лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года и штрафом¹.

Наказание виновному с наличием такого смягчающего обстоятельства, как

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 31.05.2012 № 5-О12-34. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

активное способствование раскрытию и расследованию преступления, назначается по тем же правилам, что и при наличии явки с повинной. Верховный суд в Постановлении Пленума от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» разъясняет, что не может признаваться добровольным заявлением о преступлении (явка с повинной), сделанное в связи с задержанием лица по подозрению в совершении этого преступления, тогда такое заявление при наличии к тому оснований может расцениваться как признательная позиция, а при наличии к тому оснований, как активное способствование в раскрытии и расследовании преступления.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, рассмотрев кассационное представление заместителя Генерального прокурора РФ на приговор Заволжского районного суда г. Ульяновска от 13.08.2021 и определение судебной коллегии по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 18.01.2022 в отношении Х., осужденного за совершение преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, к 330 часам обязательных работ с лишением права заниматься деятельностью, связанной с управлением транспортными средствами на 3 года.

Представитель Генерального прокурора РФ считает, что судом первой инстанции необоснованно в качестве обстоятельств, смягчающих наказание, учтены активное способствование расследованию преступления осужденным Х. и другие смягчающие наказания обстоятельства. Судебная коллегия приговор отменила и направила на новое рассмотрение, обосновав это тем, что, назначая наказание, суд первой инстанции определил признательную позицию виновного в качестве активного способствования раскрытию преступления.

Из материалов дела следует, что факт совершения Х. преступления установлен сотрудниками правоохранительных органов в момент остановки его транспортного средства. После задержания Х. активных действий, направленных на способствование расследованию преступления, не совершал, от прохождения медицинского освидетельствования отказался, при допросе свою вину признал, сообщив, что действительно употребил пиво перед тем как сесть за руль автомобиля.

Таким образом, признание Х. своей вины не имело значения для процедуры доказывания, поэтому вывод суда об оценке признания Х. вины в качестве активного способствования расследованию преступления является необоснованным, поскольку приняты в нарушение разъяснений Верховного суда РФ в постановлении Пленума, и положений п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ¹.

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2022 № 80-УДп22-6-К6. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Следует отметить, что уголовный закон предусматривает активное способствование раскрытию и расследованию преступления не только для смягчения наказания виновного (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ), но и для освобождения его от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ).

Однако п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» от 27 июня 2013 № 19 (в ред. от 29.11.2016) определяет, что для освобождения лица от уголовной ответственности необходимо выполнение всех условий наряду с активным способствованием, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ, а именно явка с повинной, возмещение ущерба или иным способом заглаживание причиненного вреда¹. Отсутствие намерений лица содействовать раскрытию преступления исключает возможность применения к нему ст. 75 УК РФ.

Таким образом, суды в своей практике допускают ошибки при учете такого смягчающего наказание обстоятельства, как активное способствование раскрытию и расследованию преступления, содержащее в себе определенные признаки для признания таковым.

Научная статья **УДК 343.5**

ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ СПОРТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ: ВИДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКА

Иван Андреевич МАРТЫНОВ

Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии,
г. Астрахань, Россия, starkovvasilii635@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Астраханского филиала Саратовской государственной юридической академии, кандидат юридических наук **Олег Владиславович ЕРЕМЕНКО**

Аннотация. В настоящее время наблюдается увеличение числа преступлений, совершаемых в сфере спортивных правоотношений.

Особое значение среди специальных спортивных преступлений имеют

¹ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 № 19 (в ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

те преступления, которые связаны с нарушением антидопингового законодательства.

В статье разработаны предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства об ответственности за преступления, связанные с нарушением антидопингового законодательства.

Ключевые слова: виды преступлений в спорте, незаконное оказание влияния на соревнование, склонение к использованию допинга, использование допинга в отношении спортсмена.

Original article

CRIMES IN THE SPHERE OF SPORTS LEGAL RELATIONS: TYPES AND CHARACTERISTICS

Ivan A. MARTYNOV

Astrakhan Branch of Saratov State Law Academy, Astrakhan, Russia, starkovvasilii635@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Astrakhan Branch of the Saratov State Law Academy, Candidate of Legal Sciences **Oleg Vladislavovich EREMENKO**

Abstract. Currently, there is an increase in the number of crimes committed in the field of sports legal relations.

Of particular importance among special sports crimes are those crimes related to violation of anti-doping legislation.

The article developed proposals to improve the practice of applying criminal law on liability for crimes related to violation of anti-doping legislation.

Keywords: types of crimes in sports, illegal influence on the competition, inducement to use doping, use of doping against an athlete.

В связи с развитием спортивных правоотношений, популяризацией спорта в обществе, формированием молодой отрасли спортивного права, в науке уголовного права, все чаще выделяют преступления в сфере спорта. Условно ученые делят их на общеуголовные и специальные.

Общеуголовные преступления в сфере спорта могут включать в себя такие действия, как умышленное причинение вреда спортсменам, насилие в отноше-

нии соперников или болельщиков, хулиганство и вандализм в местах массовых мероприятий и т.д.¹.

Специальные преступления, связанные со спортом, включают в себя содействие допингу (использование запрещенных веществ или методов для улучшения спортивной производительности) и спортивную коррупцию. Коррупция может включать в себя подкуп судей, тренеров или спортсменов, с целью добиться победы или получить иные преимущества.

Говоря об общеуголовных преступлениях, стоит отметить, что определение границ между допустимым и недопустимым поведением в спорте представляет сложную задачу. Важно учитывать, как моральные нормы и принципы, так и правила спортивных организаций². Основным принципом при оценке правомерности действий в спорте должна быть защита честности и справедливости в спортивных соревнованиях.

Вопрос исключения преступности в случаях, где один спортсмен причиняет вред другому, усложнен необходимостью оценки общественной опасности такого поведения, а также его целесообразности и допустимости. В литературе существуют различные точки зрения на этот вопрос. Одна точка зрения основывается на том, что уголовная ответственность должна возникать только в случае умышленного причинения вреда сопернику, не связанного с ведением игры. Другие ученые напротив, считают, что если нарушитель придерживался спортивных правил, то полученный результат считается случайным, и уголовная ответственность исключается³.

С самой первой редакции ст. 184 УК РФ незаконное оказание влияния на результат спортивных соревнований или зрелищных мероприятий признавалось преступным деянием.

Достаточно интересным является решение законодателя расположить данное преступление в разделе VIII УК РФ. В связи с этим его объектом является общественные отношения в сфере экономики, а непосредственным объектом — установленный порядок спортивных зрелищных соревнований и конкурсов.

Объективную сторону ч. 1 данной статьи составляют три следующих деяния: передача предмета «спортивного подкупа», принуждение в целях оказания влияния на результат соревнования, предварительный сговор об оказании данного влияния. Под передачей понимается вручение тренеру, судье, организатору, спортсмену предмета преступления (помимо имущественных ценно-

¹ Магарламова Н. М. Уголовная ответственность за преступления в сфере подготовки и проведения спортивных соревнований // актуальные исследования. 2023. № 41 (171). С. 23.

² Сокольский Г. Ю. Ответственность за преступления против жизни и здоровья в сфере физической культуры и спорта и система их предупреждения // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 7. С. 121.

³ Лежнева Ю. В., Петровский С. С. К вопросу о преступлениях в спорте // Форум молодых ученых. 2018. № 2(18). С. 353.

стей, также еще и имущественные услуги, имущественные права). Под принуждением понимается психическое или физическое воздействия преступника на вышеуказанных лиц.

Предварительный сговор — заранее достигнутое соглашение о том, что лицо в будущем обязуется оказать противоправное влияние на результат соревнования. Стоит обратить внимание на то, что законодатель юридически закрепляет усеченный состав, представляющий из себя приготовление к иным вариантам данного преступления.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом. Обязательным является цель — оказание противоправного влияния на результат. Ч. 3 данной статьи содержит диспозицию, закрепляющую ответственность уже за получение «спортивной взятки», пользования ее имущественными благами, а также за преступный предварительный сговор.

В связи с необходимостью содействия борьбе с использованием запрещенных средств и субстанций в спорте, острыми политическими скандалами, связанные с выявлением допинга в крови у спортсменов, российский законодатель принял решение криминализировать данные деяния.

Новые статьи 230.1, 230.2 УК РФ помещены в главу 25 раздела IX УК РФ. Сами антидопинговые правила содержатся в нормативных правовых актах. Стоит выделить федеральный закон № 329 «О физкультуре и спорте в Российской Федерации»¹, а также антидопинговые правила, утвержденные международными антидопинговыми организациями.

Термин «допинг», происходящий от английского слова «doping», которое связано с выражением «давать наркотики», обозначает использование фармакологических средств, методов и процедур для улучшения физической и психической способности для достижения высоких спортивных результатов.

Допингом признается нарушение установленных правил, включая использование или попытку использования запрещенных субстанций и методов по спискам, запрещенных для спорта.

Международный конгресс по спортивной медицине в Страсбурге в 1965 году определил допинг как введение в организм человека какого-либо вещества, чуждого организму, для нечестного увеличения результатов спортсменов во время соревнований. Перечень запрещенных субстанций, за склонение к которому влечет уголовную ответственность, установлен Постановлением Правительства РФ № 339 от 28.03.2017².

Непосредственным объектом среди родового объекта здоровья населения

¹ О физкультуре и спорте в Российской Федерации : Федеральный закон от 25.12.2023 № 329. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Правительства РФ № 339 от 28.03.2017 «Об утверждении перечня субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, для целей статей 230.1 и 230.2 Уголовного Кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

признается здоровье социальной группы спортсменов. Объективная сторона ст. 230.1 УК РФ характеризуется в склонении спортсмена к использованию запрещенных веществ.

Склонение в зависимости от метода может быть обманом, предоставлением определенной информацией о запрещенных в спорте веществах, предоставлении самих веществ, а также устранение препятствий к их использованию. Вина в рассматриваемом преступлении может быть только в форме прямого умысла, мотив может быть любым, с связи с чем, квалифицирующего значения не имеет.

Однако субъект данного преступления только специальный (специалист по судебной медицине или тренер)¹.

Непосредственный объект, субъективная сторона и субъект состава ст. 230.2 УК РФ полностью идентичен составу ст. 230.1 УК РФ. Объективная сторона же проявляется в использовании в отношении предмета преступления в отношении спортсмена.

Законодатель имеет в виду непосредственное физическое введение запрещенных субстанций в тело спортсмена. Деяние признается преступлением независимо от того, знал или не знал спортсмен об этом, давал ли он на это согласие². Ведь большинство спортсменов находятся внутри команды и зачастую даже не знают о том, что именно они принимают, так как это решают тренера и специалисты³.

В то же время использование допинга самим спортсменом не является преступлением. С точки зрения законодателя данное деяние не содержит такой общественной опасности, как вышеуказанные формы.

Таким образом, в последнее время связи с увеличением числа противоправных деяний в спорте, причинений вреда здоровью спортсменами, отступающими от правил соревнований, увеличением числа спортсменов, использующих допинг, у законодателя появилась обоснованная потребность криминализировать данные деяния.

¹ Бесчастнова О.В. Уголовная ответственность за нарушение антидопинговых правил в российской федерации // Современная научная мысль. 2018. № 9. С. 220.

² Бондарев В. А., Жмурко Р. Д. Преступления в сфере спорта // Вестник алтайской академии экономики и права. 2019. № 11-1. С. 197.

³ Подройкина И. А. Уголовное право. Особенная часть. Семестр 2: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2024. С. 135.

Научная статья
УДК 343.72

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА НА ПРИМЕРАХ ИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Полина Олеговна МЕЛЬНИКОВА

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, melnikovap18@gmail.com

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук **Марина Андреевна ДВОРЖИЦКАЯ**, dvorzhickaya91@mail.ru

Аннотация. В статье описываются признаки мошенничества, анализируются некоторые вопросы квалификации мошенничества.

В том числе рассматриваются критерии по отграничению данного преступления от кражи и присвоения или растраты. Автором приводятся мнения ученых по теме исследования.

На основании проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что не смотря на очевидные. на первый взгляд, используемые в статье 159 УК РФ формулировки на практике возникают трудности с их толкованием, что требует более детальных разъяснений в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: мошенничество, кража, хищение, присвоение, растрата, обман

Original article

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF FRAUD USING EXAMPLES FROM JUDICIAL PRACTICE

Polina O. MELNIKOVA

Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, melnikovap18@gmail.com

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law, North-West Branch of the Russian State University of Justice, Candidate of Law, **Marina Andreevna DVORZHITSKAYA**, dvorzhickaya91@mail.ru

Abstract. The article describes the signs of fraud, analyzes some issues of fraud qualification. In particular, the criteria for distinguishing this crime from theft and embezzlement or embezzlement are considered. The author provides the opinions of scientists on the topic of the study.

Based on the conducted research, the author comes to the conclusion that despite the obvious. At first glance, the formulations used in Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in practice have difficulties with their interpretation, which requires more detailed explanations in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: fraud, theft, embezzlement, embezzlement, deception.

В настоящее время совершение мошенничества осложняется повсеместной цифровизацией общества, внедрением информационных технологий в различные сферы жизни людей, поскольку цифровая трансформация одновременно с пользой создает новые угрозы обществу и позволяет мошенникам использовать сеть «Интернет» и цифровые технологии в своих корыстных целях.

Так, обращение к статистике демонстрирует неблагоприятную обстановку, связанную с неуклонным ростом регистрируемых фактов мошеннических действий. Отметим, что согласно официальным сведениям МВД России за 2023 год, более половины всех фактов зарегистрированных преступных деяний (53,5 %) приходится на преступные посягательства, объединяемые понятием «хищение чужого имущества»¹.

Лидирующие позиции среди зафиксированных случаев хищений занимает противоправное изъятие имущества, совершенное в форме кражи (583,3 тыс.). При этом относительно показателей предыдущего 2022 года наблюдается снижение выявленных хищений, совершенных данным способом на — 16,4 %. На втором месте среди форм хищения расположилось мошенничество (433,7 тыс.).

Темп прироста данного преступного деяния по отношению к 2022 году достиг +26,4 %. На третьем месте расположилась такая форма хищения, как грабеж (22,2 тыс.), число фактов регистрации данного деяния в 2023 году снизилось на — 23,9 %. На четвертом месте среди наиболее часто регистрируемых форм хищений оказался разбой (3,4 тыс.). При этом темп прироста по отношению к 2022 году составил — 15,4 %².

Из статистики следует, что мошенничество является достаточно распространенным деянием и входит в четверку лидеров среди совершаемых форм

¹ Данные статистики МВД России // Официальный сайт министерства Внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/>. (дата обращения: 18.10.2024 г.).

² Данные статистики МВД России // Официальный сайт министерства Внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/>. (дата обращения: 18.10.2024 г.).

хищений, количество данных преступных деяний неуклонно увеличивается.

Ежегодный стабильный рост зарегистрированных случаев мошенничества и осложнение совершения подобного вида деяний цифровыми факторами породили как новые правоприменительные проблемы, так и актуализировали ранее обсуждаемые, на первый взгляд уже давно решенные, но все равно заслуживающие внимания проблемы квалификации мошенничества. В настоящем исследовании мы рассмотрим одну из них.

Объектом, на которое направлено данное посягательство, выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере защиты собственности. Неотъемлемым и в то же время отличным от других разновидностей хищения признаком исследуемого деяния выступает предмет преступного посягательства.

В данном случае мошеннические действия причиняют вред объекту путем воздействия на такие предметы как чужое имущество, но и право на это имущество. Вторым, не менее важным элементом, составляющим специфику мошеннических действий, является способ. Завладение предмета мошеннических действий происходит непосредственно под воздействием обмана или злоупотребления доверием.

Возможны две ситуации изъятия под воздействием способа мошенничества. Первая заключается в том, что виновный, влияя таким способом на психику потерпевшего, достигает добровольной передачи последним имущества или имущественных прав.

Вторая ситуация связана с тем, что виновный под воздействием способа мошенничества сам беспрепятственно изымает у потерпевшего предмет хищения. Добровольная и беспрепятственная передача имущества со стороны потерпевшего означает не только то, что виновный становится его фактическим владельцем, но и свидетельствует о приобретении им определенных возможностей по использованию или распоряжению данным имуществом¹.

В этой связи не будет признано мошенничеством такое хищение чужого имущества, при котором имущество не передавалось виновному под воздействием одного из способов мошенничества, а было лишь оставлено ему, передано самим потерпевшим, в частности для временного присмотра. Подобные ситуации, в свою очередь, актуализируют такие проблемы квалификации мошенничества, связанные с ограничением мошенничества от кражи и присвоения или растраты.

Так, согласно приговору суда, гражданин Б. был признан виновным в осуществлении хищения имущества потерпевшего П., совершенного путем злоупотребления доверием и ему было инкриминировано деяние, установленное

¹ Михайлова И. А. Особенности квалификации мошенничества // Вестник БелЮИ МВД России. 2008. №1—2. С. 20.

ч.1 ст.159 УК РФ. По обстоятельствам дела потерпевший П., находясь на территории вокзала, попросил ранее незнакомого Б. последить за его вещами, пока он на несколько минут отлучится до магазина. Б. согласился на просьбу П., на что П. передал Б. сумку с вещами.

После того, как П. пропал из видимости Б., последний, взяв с собой сумку, с места происшествия скрылся, тем самым своими действиями присвоив имущество потерпевшего. Впоследствии судом вышестоящей инстанции первоначальная квалификация содеянного Б. была изменена на ч.1 ст.160 УК РФ. В обоснование переквалификации суд отметил, что Б. было совершено хищение чужого вверенного ему имущества, поскольку гражданин П. передал чемодан с вещами на хранение Б., и преступный умысел возник у него уже после передачи ему имущества¹.

Поддерживая исключение из обвинения Б. состава мошенничества, отметим, что согласно разъяснению высшей судебной инстанции, при данном составе владелец имущества передает предметы или право на них другому лицу под воздействием обмана или злоупотребления доверием, либо под воздействием этих способов не создает препятствий в его изъятии.

Иными словами, умысел на хищение путем введения собственника в заблуждение должен возникнуть до начала изъятия. Так А. Н. Залескина указывает, что для мошеннических действий, в первую очередь, имеет значение момент возникновения умысла, который должен повестись до непосредственного завладения имуществом².

В свою очередь, при присвоении и растрате, продолжает автор, умысел формируется позже, уже после начала законного владения, распоряжения имуществом собственника.

Как отмечено Д. А. Горбатовичем, если умысел на завладение вещью возник до обращения к нему собственника с просьбой о присмотре, то теоретически можно было бы усмотреть состав мошенничества³, однако, практически в приведенном примере возникновение такого умысла в этот момент было бы сложно доказать, поскольку потерпевший П. сам обратился к Б. за помощью. И. В. Упоров и Г. А. Городенцев продолжают, что если у виновного установлен заранее сформированный определенный умысел на хищение, а в качестве средства фактического изъятия имущества использовался исключительно факт договоренности, то содеянное должно быть оценено как кража, так как имеет место тайное хищение, окружающие, с одной стороны, наблюдают за

¹ Решение по уголовному делу № 44у-44 от 14 марта 2007 г. // Официальный сайт Архангельского городского суда Российской Федерации. URL: <http://www.arhcourt.ru/>. (дата обращения: 18.10.2024 г.).

² Залескин А. Н. Особенности разграничения некоторых составов хищений // Безопасность бизнеса. 2020. № 3. С. 31—35.

³ Горбатович Д. А. Воспользоваться чужим имуществом и не вернуть: вопросы квалификации // Мировой судья. 2024. № 11. С. 21—25.

обращением виновным имуществом, но в их понимании им это осуществляется на законных основаниях¹.

В рассмотренном примере не установлено, что виновный изначально, соглашаясь присмотреть за чемоданом, намеревался его похитить. Кроме того, из указанного примера следует, что П. сам предложил виновному присмотреть за чемоданом и тот добровольно передал его ему, не подвергаясь воздействию обмана или злоупотребления доверием. Полагаем, что в данном случае у Б. возник внезапно возникший умысел на противоправное обращение в свою пользу имущества П. уже после передачи ему данного имущества под присмотр. В связи с чем состав мошенничества отсутствует, на что верно указал суд при переквалификации содеянного со ст. 159 УК РФ.

Однако с предположенной квалификацией содеянного гражданином Б. по ч. 1 ст. 160 УК РФ также сложно согласиться. Необходимо принять во внимание то, что действия Б., который по просьбе П. согласился помочь ему и осуществить присмотр за его сумкой, а во время вынужденного ухода потерпевшего обратил в свою пользу оставленный для присмотра предмет, и вовсе следует квалифицировать как тайное хищение чужого имущества — кражу.

Исследование научных источников позволяет привести два аргумента за невозможность в приведенном примере квалифицировать содеянное по ст. 160 УК РФ. Так, согласно первой точке зрения, присвоения или растраты в данном случае не может быть инкриминировано в связи с тем, что изначально возникший преступный умысел виновного, направленный именно на противоправное завладение чужим имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, автоматически не влечет возникновения правомочий, в частности гражданских правоотношений между собственником и преступником².

В данном случае состоявшаяся сделка по передаче имущества не будет признана действительной, а переданное виновному имущество не будет считаться вверенным. Таким образом, отсутствует такой признак вверенного имущества — как правомерное владение или ведение им. В соответствии со второй точкой зрения в приведенном примере отсутствует присвоение или растрата, поскольку отсутствуют признаки вверенного имущества³.

¹ Упоров И. В., Городенцев Г. А. Отграничение присвоения и растраты от иных деяний: вопросы уголовно-правовой квалификации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №2—3. С. 120.

² Упоров И. В., Городенцев Г. А. Отграничение присвоения и растраты от иных деяний: вопросы уголовно-правовой квалификации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №2—3. С. 120.

³ Упоров И. В., Городенцев Г. А. Отграничение присвоения и растраты от иных деяний: вопросы уголовно-правовой квалификации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №2—3. С. 120.

Как разъяснила высшая судебная инстанция, квалификации по статье 160 УК РФ подлежит противоправное обращение имущества, вверенного виновному¹. Именно признак «вверенности имущества» позволяет отграничить присвоение или растрату от других форм хищений, в частности от мошенничества. При этом, согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, имущество будет считаться вверенным при одновременном наличии трех определенных условий.

Во-первых, оно должно находиться во владении или ведении лица. Союз или позволяет заключить, что данные правомочия по владению или ведению имуществом являются альтернативными, то есть для рассмотрения вопроса о наличии признака присвоения или растраты достаточно установить хотя бы один из них.

В целом, право владения — составляющее право собственности, являющееся одним из его неотъемлемых элементов, которое предполагает «законную возможность фактического, непосредственного обладания какой-либо вещью, реализацию хозяйственного господства над ней»².

Возможность владеть имуществом, которую также именуют, как правомочие по владению имуществом, связана с тем, что собственник имеет право сам по личному усмотрению решать, какие действия ему следует совершать с его имуществом.

Иначе говоря, при вверении имущества другому лицу право собственности в целом сохраняется за собственником, а одно из трех правомочий, составляющих данное право, передается также и другому лицу.

Как отмечал А. И. Бойцов, при вверении имущества путем передачи права владения или ведения исключительное право собственности сохраняется за собственником³. Переданные им другому лицу правомочия при вверении имеют ограниченный характер.

При этом, собственник, отдавая имущество во владение другому физическому лицу, одновременно с фактической передачей вручает ему правомочия по владению имуществом, делая тем самым такое физическое лицо фактическим и юридическим владельцем имущества, становящегося для него вверенным (на основании заключения договора аренды, проката, ответственного хранения и т. д.)⁴.

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Бойцов И. А. Преступления против собственности. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. С. 59.

⁴ Квалификация преступлений против собственности : учебное пособие / под общ. ред. А. Н. Попова. Москва : Проспект, 2022. С. 81.

Немного по-другому обстоит дело при вверении имущества юридическому лицу, при котором правомочие передается именно ему, а фактическое обладание им осуществляет физическое лицо – работник юридического лица, выполняющий обязанности в ней на основании сопроводительной документации (к примеру, товарно-транспортной накладной), договоров трудового и материальной ответственности.

Такое физическое лицо, являясь фактическим обладателем имущества, с точки зрения гражданского законодательства не является юридическим обладателем правомочия владения, но с точки зрения уголовного законодательства рассматривается в качестве лица, владеющего имуществом.

Правомочие ведения, исходя из анализа термина «ведать», представляет собой право для лица управлять, заведовать или распоряжаться имуществом. Например, такими, лимитированными интересами собственника, правомочиями по ведению имуществом, находящимся в государственной или муниципальной собственности, в собственности юридических лиц, в хозяйственном ведении или оперативном управлении юридических лиц, наделяются физические лица (либо самим собственником, либо юридическим лицом)¹.

Именно для таких физических лиц, которые наделены полномочиями от имени юридического лица не по владению (владельцем остается юридическое лицо), а лишь по использованию или распоряжению соответствующим имуществом, в том числе и по даче указаний подчиненным в отношении этого имущества, издания приказов, распоряжений, заключения договоров, подписания платежных документов и т. п., вверенное имущество юридическому лицу является находящимся в их ведении².

Во-вторых, имущество должно находиться в правомерном владении или ведении лица, то есть передано виновному согласно свободному волеизъявлению собственника или иного владельца имущества, что, как правило, находит закрепление в юридически значимых документах, к примеру: 1) договорах гражданско-правовом или материальной ответственности; 2) должностного или иного служебного положения (приказах о назначении на должность, в котором прописывается полномочие относительно находящегося в ведении имущества); 3) специального поручения по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества (например, товарно-транспортных накладных, доверенности). При этом необязательно, чтобы юридический акт передачи имущества во владение или ведение был в письменной форме, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом.

В-третьих, вверенным будет считаться имущество, когда лицо наделяется наряду с поступившим в ведение или владение имуществом и определенными

¹ Квалификация преступлений против собственности : учебное пособие / под общ. ред. А. Н. Попова. Москва : Проспект, 2022. С. 82.

² Квалификация преступлений против собственности : учебное пособие / под общ. ред. А. Н. Попова. Москва : Проспект, 2022. С. 82.

полномочиями в отношении него, согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации, сводятся к распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению чужим имуществом.

В приведенном выше примере из судебной практики никаких правомочий по владению или пользованию имуществом не перешло Б. от П., который попросив Б. присмотреть за чемоданом, желал сохранить за собой контроль над ним, не наделял Б. правомочиями пользования и владения имуществом.

Кроме того, в науке отмечается, что неразборчивость граждан, позволяющая преступнику беспрепятственно получить доступ к имуществу, ни в коем случае не превращает его хищение автоматически в мошенничество или присвоение или растрату. Как установлено, в данных ситуациях виновные не получают абсолютно никаких правомочий по владению или ведению имуществом. В связи с этим хищение, совершенное лицом, у которого отсутствуют правомочия по распоряжению, управлению, доставке или хранению имущества, но имеется доступ к нему в связи просьбой потерпевшего, близкими отношениями с потерпевшим, порученной работой надлежит квалифицировать как кражу¹.

Таким образом, мошенничество в современном мире с каждым годом только распространяется. Распространенность мошенничества обуславливается, в том числе, легким путем завладения чужим имуществом. С увеличением фактов регистрации мошенничества на практике встречались и встречаются случаи неправильной их квалификации, которые в большей мере связаны с толкованием способа и направленности умысла при мошенничестве.

Научная статья
УДК 343.35

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ И ПРЕВЫШЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

Арина Геннадиевна МИХАЙЛОВА

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия,
ar.mihailowa2017@yandex.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и процесса
Донецкого государственного университета, кандидат юридических наук, до-
цент **Людмила Александровна СЕМЫКИНА**

¹ Упоров И. В., Городенцев Г. А. Отграничение присвоения и растраты от иных деяний: вопросы уголовно-правовой квалификации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. №2—3. С. 120.

Аннотация. В данной статье автор определяет проблемные вопросы уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление и превышение должностными полномочиями, а также предлагает собственные изменения в существующий уголовный закон Российской Федерации.

Также, автор указывает на неполноту определения понятия «коррупции» и предлагает собственное определение в Федеральном законе «О противодействии коррупции».

Ключевые слова: уголовное законодательство, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, коррупция, должностное лицо.

Original article

ISSUES OF IMPROVING CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR ABUSE AND ABUSE OF OFFICIAL AUTHORITY

Arina G. MIKHAILOVA

Donetsk State University, Donetsk, Russia, ar.mihailowa2017@yandex.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of Donetsk State University, Candidate of Law, Associate Professor of **Lyudmila Alexandrovna SEMYKINA**

Abstract. In this article, the author identifies problematic issues of criminal law on liability for abuse and abuse of official authority, and also proposes his own amendments to the existing criminal law of the Russian Federation.

Also, the author points out the incompleteness of the definition of «corruption» and suggests his own definition in the Federal Law «On Combating Corruption».

Keywords: criminal law, abuse of official authority, abuse of official authority, corruption, official

В настоящее время в контексте противодействия коррупционным преступлениям в Российской Федерации актуальной проблемой остается практика применения уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и за превышение должностных полномочий. Несмотря на усилия правоохранительных органов, данные коррупционные преступления, которые по-прежнему остаются зачастую латентными и труднодоказуемыми.

В научной литературе вскрываются противоречия как в определении кор-

рупции в целом, так и в уголовно-правовой оценке преступных деяний должностных лиц. Наличие таких противоречий затрудняет борьбу с коррупцией. Особые сложности возникают при определении субъекта преступления — должностного лица, четкое определение которого необходимо для эффективного правоприменения.

Принятие Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.)¹ подчеркивает важность противодействия злоупотреблению должностными полномочиями. Однако для достижения успеха в борьбе с коррупцией необходимо устранить существующие пробелы в законодательстве и практике, а также обеспечить эффективную работу правоохранительных органов в сфере пресечения и расследования коррупционных преступлений.

Принятие Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 года № 19 (в ред. от 11.06.2020)² вместо того, чтобы разрешить существующие вопросы квалификации злоупотреблений должностными полномочиями, привело к увеличению их количества.

В настоящее время в соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.) под коррупцией понимается: злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение таких деяний от имени или в интересах юридического лица.

Стоит отметить, что на наш взгляд, вышеуказанное определение коррупции, представленное в данном контексте, требует существенного переосмысления и доработки. Подход законодателя, основанный на простом перечислении коррупционных деяний, вызывает обоснованные возражения.

Как отмечает Л. Л. Блашкова в своем исследовании, такой подход игнорирует ряд опасных форм коррупционных правонарушений. Например, в пе-

¹ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 (в ред. от 11.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

речне отсутствуют такие преступления, как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ), регистрация незаконных сделок с землей (ст. 170 УК РФ), подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных мероприятий и коммерческих конкурсов (ст. 184 УК РФ), незаконное участие в предпринимательской деятельности (ст. 289 УК РФ) и другие формы преступлений, которые по своей сути являются коррупционными, но не упомянуты в рассматриваемом определении¹.

В определении понятия «коррупция» среди прочих преступлений коррупционной направленности выделяется злоупотребление служебным положением. Однако возникает неясность, к какому типу преступлений относится данное деяние, поскольку УК РФ не предусматривает ответственности за злоупотребление служебным положением. Вместо этого ст. 285 УК РФ упоминает о злоупотреблении должностными полномочиями.

Кроме того, согласно данному определению, коррупция возможна только с целью получения выгоды в виде денежных средств, ценностей, другого имущества или услуг материального характера, а также иных имущественных прав для себя или для третьих лиц. Такое ограничение не учитывает возможность получения выгоды в иной форме, например, в виде преимуществ, привилегий или услуг нематериального характера.

Наконец, сомнительным представляется наличие в определении понятия «коррупция» подпункта «б», который определяет ее как «совершение действий, указанных в подпункте «а» данного пункта, от имени или в интересах юридического лица». Стоит отметить, что данный подпункт размывает границы понятия «коррупция» и может быть истолкован слишком широко, охватывая действия, не имеющие прямого отношения к коррупционным правонарушениям.

В своем исследовании В. С. Овчинский, В. Е. Эминова и Н. П. Яблокова указывают на то, что наиболее точное определение коррупции представлено в Справочном документе Организации Объединенных Наций о международной борьбе с коррупцией: «Коррупция — это злоупотребление государственной властью в личных целях»².

Исходя из этого, мы поддерживаем мнение ученых о необходимости внести изменения в определение понятия «коррупция» в Федеральном законе «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ (в ред. от

¹ Блашкова Л. Л. Вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за злоупотребление должностными полномочиями / Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 1 (19). С. 127.

² Овчинский В.С., Эминова В.Е., Яблокова Н.П. Основы борьбы с организованной преступностью / М. 1996. С. 121.

08.08.2024 г.), чтобы привести его в соответствие с международным законодательством в области борьбы с коррупцией.

Что касается совершенствования положений о преступлении, предусмотренном ст. 286 УК РФ, следует отметить, что при определении характера и степени общественной опасности превышения должностных полномочий особую сложность представляет оценочный характер данного деяния.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в ред. от 24.12.2019) также использует оценочное понятие «создание препятствий для удовлетворения потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности».

Так, А. В. Шнитенков предлагает стоимостное выражение существенного вреда в сумме свыше 3 минимальных размеров оплаты труда, если вред причинен гражданам, и свыше 5, если он причинен организациям или государству¹. Т. Б. Басова исходит из необходимости установления размера существенного вреда ввиду суммы, превышающей 100 минимальных размеров оплаты труда². Другие авторы предлагают исчислять существенный вред в рублевом выражении: свыше 100 тысяч рублей³ или свыше 500 тысяч рублей, но при этом также руководствуются категорией «минимальный размер оплаты труда» и соответствующим федеральным законом.

Таким образом, существенное нарушение прав и законных интересов физических и юридических лиц, охраняемых интересов общества и государства является ключевым отличительным признаком, разграничивающим преступное поведение должностных лиц от дисциплинарных проступков.

Во избежание как чрезмерного применения уголовной ответственности, так и мер дисциплинарного воздействия в случаях, когда содеянное фактически содержит признаки преступления, необходимо уточнить понятие «существенное нарушение».

Предлагаются следующие дополнения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 года № 19 (в ред. от 11.06.2020)⁴

¹ Шнитенков А. В. Ответственность за преступления против интересов службы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук.

² Басова Т. Б. Уголовная ответственность за должностные преступления: проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы: автореф. дис. ... докт. юрид. наук.

³ Снежко А. С. Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты (по материалам судебной практики Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук.

⁴ О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 года № 19 (в ред. от 11.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— Во втором абзаце пункта 18 после слов «Конституцией Российской Федерации» добавить слова «федеральными конституционными законами, федеральными законами и иными нормативными правовыми актами».

— Дополнить пункт 18 четвертым абзацем следующего содержания: «Под существенным нарушением охраняемых законом интересов общества или государства следует понимать создание условий для игнорирования конституционного принципа юридического равенства, распространения произвола и дискредитации виновным авторитета органа государственной власти и занимаемой должности, утраты общественного доверия к деятельности органов государственной власти».

Таким образом, на наш взгляд, вышеуказанные дополнения позволят более четко определить границы между преступным поведением и дисциплинарным проступком, что, в свою очередь, обеспечит более справедливое и обоснованное применение правовых норм к должностным лицам.

Исследователями уже обращалось внимание на то, что в п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ не разграничены угроза применения насилия и фактическое применение насилия, сопряженное с различными последствиями для здоровья потерпевшего¹.

Так, В. Н. Борков считает, что превышение должностных полномочий не может состоять только в причинении ущерба авторитету государственной власти и службы, поэтому представляется недопустимым, что не обеспечивается дифференциация уголовной ответственности лиц, совершивших одинаковые по способу, но различающиеся по последствиям общественно опасные действия.

В целях обеспечения справедливого правоприменения необходимо разделить квалифицирующий признак «применение насилия или угроза применения насилия» в ст. 286 УК РФ на три категории, учитывая степень общественной опасности каждого деяния:

1. Превышение должностных полномочий, сопряженное с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, должно быть квалифицировано по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ с соответствующим уровнем ответственности.

2. Превышение должностных полномочий, сопряженное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, следует включить в качестве части 4 в ст. 286 УК РФ. Данное деяние должно квалифицироваться как особо тяжкое преступление с соответствующим уровнем ответственности.

3. Угроза применения насилия, ввиду меньшей общественной опасности по сравнению с фактическим применением насилия, должна быть включена в

¹ Байрамкулов А. М. Уголовная ответственность сотрудников органов внутренних дел за преступления, совершаемые при исполнении служебных обязанностей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. / Саратов. 2014. 31 с.

часть 2 ст. 286 УК РФ в качестве квалифицирующего признака.

Таким образом, в соответствии с вышеизложенным следует, что при разграничении составов преступлений, предусмотренных статьями 285 и 286 УК РФ, следует учитывать то обстоятельство, что злоупотребление должностными полномочиями выражается в незаконном, противоправном осуществлении государственных функций, формально соответствующем правовым нормам. В то же время превышение должностных полномочий — это общественно опасное деяние, выраженное в действии, которое становится возможным и осуществляется исключительно благодаря должностному положению субъекта преступления.

Ключевое различие между этими составами преступлений заключается в том, что вред, причиняемый злоупотреблением должностными полномочиями, влечет за собой юридические последствия, в то время как вред, причиняемый превышением должностных полномочий, носит иной характер и не влечет за собой таких последствий.

Таким образом, указанные недочеты и пробелы в законодательстве требуют внесения коррективов и дополнений, что поможет привести его в соответствие с международным законодательством в области борьбы с коррупцией. Данные предложения будут способствовать обеспечению справедливого правоприменению.

Научная статья

УДК 343.326

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ В XXI ВЕКЕ

Владислав Вадимович МНОЕВ

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия,
vladislavmnoev@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и процесса Донецкого государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Людмила Константиновна КАРПЕНКО**

Аннотация. В статье рассматривается роль искусственного интеллекта как инструмента противодействия терроризму в современном мире. Автор анализирует различные точки зрения ученых относительно понятия терроризма, раскрывает его историю.

Раскрывается понятие искусственного интеллекта, а также необходимость его использования в правоприменительной деятельности.

Значительное внимание уделяется способам применения искусственного интеллекта в качестве эффективного инструмента борьбы с терроризмом.

Ключевые слова: искусственный интеллект, терроризм, противодействие, информационные технологии

Original article

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A TOOL COUNTERING TERRORISM IN XXI CENTURY

Vladislav V. MONOEV

Donetsk State University, Donetsk, Russia, vladislavmnoev@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of Donetsk State University, Candidate of Law, Associate Professor
Lyudmila Konstantinovna KARPENKO

Abstract. The article examines the role of artificial intelligence as a tool to counter terrorism in the modern world. The author analyzes the different points of view of scientists regarding the concept of terrorism, reveals its history.

The concept of artificial intelligence is disclosed, as well as the need for its use in law enforcement activities.

Significant attention is paid to ways to use artificial intelligence as an effective tool in the fight against terrorism.

Keywords: artificial intelligence, terrorism, counteraction, information technology

XXI век — век полной цифровизации общества, когда стремительное развитие информационных технологий и повсеместное распространение сеть «Интернет» изменили человеческую жизнь во всех ее аспектах.

Однако, несмотря на это, мир все так же продолжает сталкиваться с различными угрозами, наиболее опасной из которых представляется терроризм. Согласно статистике, представленной МВД России, в январе-июне 2024 года зарегистрировано 1.651 преступление террористического характера, что на 38,4 % больше, чем за аналогичный период прошлого года¹.

Это обусловлено тем, что в условиях цифрового прогресса, общественная опасность терроризма значительно возрастает, так как преступники прибегают

¹ В России рекордно вырос уровень преступлений террористического характера // Ura.ru [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ura.news/news/1052800786> (дата обращения: 23.11.2024).

к использованию современных технологий, ввиду чего традиционные методы борьбы с терроризмом становятся недостаточно эффективными. В этой связи, особую актуальность приобретают вопросы, связанные с использованием искусственного интеллекта (ИИ) как одного из самых перспективных инструментов в области противодействия терроризму.

История терроризма как явления антисоциальной действительности начинается с восстания зилотов против римской экспансии в Иудее. Восстание проходило под религиозным знаменем — противостояния иудейского монотеизма римскому государственному язычеству. Мотивами данного мятежа послужили: политическая подкладка, римская экспансия, захват власти, изменение образа жизни и верований завоеванных народов.

Первой террористической группировкой признается секта Сикариев — Радикальная Еврейская террористическая группировка, которая возникла в 60-х — 70-х годах нашей эры и преследовала цель сделать Еврейское государство независимым от Римлян. Сикарии нападали в основном на Римские власти и знать. Они предпочитали действовать в толпе, что производило впечатление на окружающих и давало им возможность скрыться¹.

После этого терроризм как антиобщественное явление прошел множество этапов эволюции: от террористической группировки «Ассасины» в XI—XII вв. до использования террористических методов в деятельности таких организаций, как «Черная рука» и «Ирландское республиканское братство» во времена Первой мировой войны.

К началу XXI века терроризм стал еще более смертоносным явлением. Технологический прогресс и глобализация предоставили террористам новые возможности и способы совершенствования своих методов (взрывные устройства, химическое и ядерное оружие, информационные технологии, искусственный интеллект и многое другое).

Первое упоминание о понятии «терроризм» относят ко временам Французской революции. Режим революционного террора во Франции 1793—1794 гг. представлял собой систематические попытки выявления изменников и отправления их на гильотину. Согласно Оксфордского словаря английского языка (Oxford English Dictionary (OED)) — в английском языке термины «терроризм» и «террористы» впервые были использованы в 1795 году для обозначения террора во Франции. В первое время под терроризмом подразумевали позитивное явление, направленное против врагов народа — людей, нацеленных

¹ Тужилин Д. О., Квачко И. А., Шаравин К. В. История возникновения и развитие терроризма в современном мире // Актуальные исследования. 2022. №24 (103). С. 42—45.

на подрыв нового режима, пришедшего на смену монархии во Франции в результате революции¹.

На данный момент понятие «терроризм» закреплено в ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.), согласно которой терроризм — идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий².

Несмотря на то, что имеется закрепленное в законе определение терроризма, среди ученых продолжаются дискуссии относительно данного понятия.

Так, М. Н. Кушаков под терроризмом подразумевает «преступное деяние, состоящее в применении насилия или в угрозе насилием в отношении отдельных лиц либо группы лиц, сопровождающееся устрашением населения и преднамеренным созданием обстановки страха, подавленности, напряженности с целью оказания воздействия на принятие решений, выгодных для террористов и отличающееся повышенной общественной опасностью и публичным характером его совершения»³.

По мнению А. Ю. Черкесова терроризм — это «социально-правовое явление, которое заключается в осуществлении общественно опасных деяний с целью устрашения населения или отдельных социальных групп для того, чтобы добиться от государства, общества или гражданина принятия какого-либо решения (или отказа от его принятия) в интересах террористов или третьих лиц»⁴.

Как указывает Д. Л. Харевич, терроризм — это «представляющее высокую общественную опасность явление, основанное на радикальной идеологии и выражающееся в совершении действий, влекущих наступление тяжких последствий, или применении крайне опасного насилия по отношению к конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц с целью оказания воздействия на органы власти или других лиц для достижения обусловленных поли-

¹ Медов М. У. Терроризм: Исторический путь и подлинная история // Вестник экономической безопасности. 2014. №3. С. 28—32.

² О противодействии терроризму Федеральный закон : от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Кушаков М. Н. Дефиниция терроризма в современном праве ее значение для борьбы с ним // Сборник научных работ. Серия «Право». 2015. № 1. С. 10.

⁴ Черкесов А. Ю. Экстремизм и терроризм: проблемы дифференциации и противодействия // Журнал прикладных исследований. 2021. № 1. С. 79.

тическими, религиозными, националистическими или иными идейными мотивами целей, выходящих за пределы непосредственного посягательства»¹.

Приведенные выше точки зрения ученых свидетельствуют о том, что единого мнения относительно понятия «терроризм» среди исследователей все еще нет, и данная тема продолжает быть актуальной.

Стоит отметить, что ст. 3 Федерального закона «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.) содержит также определение понятия «противодействие терроризму», которое включает в себя «деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц :

- по предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

- по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

- по минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма².

Стремительное развитие информационных технологий и полная цифровизация общества обуславливают необходимость применения современных методов противодействия преступлениям, в том числе террористического характера. К числу таких «методов» представляется целесообразным отнести искусственный интеллект, который способствовал бы более эффективному выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористических актов.

Как указывают И. В. Понкин и А. И. Редькина, искусственный интеллект — это «сложная кибернетическая система, сочетающая компьютерное программное и аппаратное обеспечение с когнитивной функциональной архитектурой и достаточной вычислительной мощностью для выполнения необходимых функций»³.

По мнению А. В. Минбалева, «искусственный интеллект – это совокупность информационных технологий, позволяющих на базе тех или иных систем выполнять задачи, сопоставимые с решаемыми на уровне человеческого интеллекта»⁴.

¹ Харевиц Д. Л. К вопросу о дефиниции понятия «терроризм» // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2016. № 4 (25). С. 74—82.

² О противодействии терроризму Федеральный закон : от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Понкин, И.В., Редькина, А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2018. №1. С. 91—109.

⁴ Минбалева А.В. Понятие «Искусственный интеллект» в праве Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2022. №6. С. 1094—1099.

Понятие искусственного интеллекта в настоящее время закреплено в Национальной стратегии развития ИИ до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации (Стратегия) от 10 октября 2019 года. Согласно ст. 5 данного документа, искусственный интеллект — это «совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов»¹. В Национальной стратегии также указано, что к таким технологическим решениям относятся инфраструктура информационно-коммуникационных технологий, программное обеспечение (в том числе с использованием методов машинного обучения), процессы и услуги по обработке данных и поиску решений.

Полагаем, что использование искусственного интеллекта (ИИ) в правоприменительной деятельности поможет избежать потенциальных ошибок на этапе предварительного расследования и оперативно обработать огромные объемы данных. Такая технология идеально подойдет в качестве вспомогательного инструмента, способного быстро проанализировать необходимую информацию и упорядочить полученные данные, поиск которых требует значительных временных затрат. К наиболее эффективным способам применения искусственного интеллекта в противодействии явлениям терроризма можно отнести следующие:

1. Анализ публикаций в социальных сетях, таких как: «ВКонтакте», «Telegram», «Instagram» (компания-владелец Meta признана экстремистской организацией), «Facebook» (компания-владелец Meta признана экстремистской организацией).

Согласно статистике, около 60 % террористов выкладывают записи о предполагаемых терактах на своих страницах или каналах в социальных сетях. Например, устроивший стрельбу в казанской школе Галявиев за несколько дней до теракта создал Telegram-канал, где написал, что нападет на гимназию.

Как указывает А. МакКейб и А. Румшиски из проанализированных ими 185 тыс. слов, которые были использованы террористами в социальных сетях, было установлено, что склонные к насилию люди часто употребляют в своих записях слова «ненавижу», «они», «ты». Используя, к примеру, эти данные, можно создать шаблоны текстов, которые пишут преступники, а искусственный интеллект, в свою очередь будет выявлять подобные угрозы, сравнивая записи пользователей с обобщенными антиобщественными фразами²;

¹ О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.): Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Умное оружие и мониторинг соцсетей: сможет ли ИИ предотвращать теракты // РБК. Тренды [Элек-

2. Оценка контента в популярных видео-хостингах. На подобных платформах, ориентированных на многомиллионную аудиторию, может публиковаться сомнительный контент, в том числе экстремистского или террористического характера.

Например, по данным Роскомнадзора, в 2022 г. на «YouTube» была замечена реклама с призывами «выводить из строя железнодорожные коммуникации России и Белоруссии»¹. Предполагается, что с помощью искусственного интеллекта появиться возможность выявлять такой антисоциальный контент на стадии его зарождения и сразу же блокировать не только сам видеоролик, но и автора канала;

3. Выявление потенциальной угрозы при помощи камер видеонаблюдения. В России уже активно используются видеокамеры, наделенные искусственным интеллектом. Они идентифицируют личность человека, который может оказаться потенциальным преступником. Например, в московских системах наблюдения используются нейросети от компании NtechLab. Они распознают лицо человека, сравнивая его внешность с фотографиями из базы. Если алгоритм считает, что выявил преступника, полиция получает уведомление с изображением, текущей локацией и личными данными. Аналогично действуют системы видеонаблюдения, распознающие оружие²;

4. Обнаружение «фейковых» новостей и дезинформации на различных сайтах, расположенных в открытом доступе в сети «Интернет». Искусственный интеллект может помочь в условиях, когда информация используется для разжигания социальной, расовой или религиозной ненависти, насилия или общественной паники, посредством поиска по ключевым фразам и блокировки подобного контента.

5. Проведение психологических опросов. Американский психолог П. Лангман считает, что стрелков, нападающих на школы, можно разделить на две категории. Одни из них – психопаты с рождения, получающие удовольствие от жестокости и обладающие низкой способностью к сопереживанию. Другие пошли на преступление из желания отомстить обидчикам, издевавшимся над ними. В этой связи, представляется необходимым разработать тестовые задания, при прохождении которых возможно будет выявить процентную склонность к жестокости, а также жертв «буллинга» со стороны коллег, сверстников

тронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6169691a9a794774ed3f51d6> (дата обращения: 23.11.2024)

¹ Роскомнадзор обвинил YouTube в действиях «террористического характера» // Forbes [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/459521-roskomnadzor-obvinil-youtube-v-dejstviyah-terroristicheskogo-haraktera> (дата обращения: 23.11.2024)

² Умное оружие и мониторинг соцсетей: сможет ли ИИ предотвращать теракты // РБК. Тренды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/social/6169691a9a794774ed3f51d6> (дата обращения: 23.11.2024)

или членов семьи. Роль искусственного интеллекта в подобного рода мероприятиях будет заключаться в анализе ответов на тестовые задания и выявлении деструктивных моделей поведения.

В заключение отметим, что искусственный интеллект представляет собой один из наиболее эффективных инструментов в борьбе с терроризмом в XXI веке, так как открывает новые горизонты в анализе данных, прогнозировании угроз и улучшении координации работы правоохранительных органов. Способность искусственного интеллекта обрабатывать и анализировать огромные объемы данных в реальном времени позволяет выявлять потенциальные угрозы еще на ранних этапах их формирования, что дает возможность предотвратить теракты и сохранить жизни миллионам людей. Однако важно помнить, что использование искусственного интеллекта в правоприменительной сфере требует комплексного подхода и соблюдения этических норм, чтобы избежать злоупотребления и нарушения прав человека.

В конечном итоге, лишь синергия человеческого анализа и мощи искусственного интеллекта сможет сформировать надежную базу противодействия явлениям современного терроризма, создав при этом безопасное и мирное общество для будущих поколений.

Научная статья

УДК 343.343.3

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХУЛИГАНСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОУЧАСТИИ

Полина Константиновна МОИСЕЕВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
moiseyka02@gmail.com

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Денис Юрьевич КРАЕВ**,
k.d1979@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы квалификации предусмотренного ч. 2 ст. 213 УК РФ хулиганства, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, и действующего уголовного законодательства предложены варианты правовой оценки хулиганских действий в ситуациях с различным содержанием объективной стороны преступления.

Ключевые слова: преступления против общественного порядка, хулиганство, соучастие в преступлении, группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа.

Original article

ISSUES OF QUALIFICATION OF HOOLIGANISM, COMMITTED IN COMPLICITY

Polina K. MOISEEVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of Curatorship of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, moisey-ka02@gmail.com

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor **Denis Yuryevich KRAEV**, k.d1979@yandex.ru

Abstract: The article examines the problems of qualification of hooliganism provided for in Part 2 of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation committed by a group of persons, a group of persons by prior agreement or an organized group.

Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature and the current criminal legislation, options for the legal assessment of hooligan actions in situations with different content of the objective side of the crime are proposed.

Keywords: crimes against public order, hooliganism, complicity in a crime, a group of persons, a group of persons by prior agreement, an organized group.

В Государственной программе Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 345, закреплено приоритетное положение охраны общественного порядка в качестве направления деятельности органов власти для достижения национальной безопасности России.

Преступления против общественного порядка создают угрозу для спокой-

ной жизни граждан и для развития любого государства, в т. ч. уголовно-наказуемое хулиганство, поскольку наряду с ним зачастую происходит посягательство не только на общественный порядок как основной объект преступления, но и на общественную безопасность, на жизнь и здоровье человека, а также на порядок управления.

Вместе с тем, в теории и в правоприменительной практике до сих пор возникают проблемы, в частности, с квалификацией деяния как хулиганства, совершенного группой лиц, группой лиц по предварительному сговору и организованной группой.

Известно, что для признания совершения любого преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой требуется установить наличие объективных и субъективных признаков соучастия.

Так, к первым относятся множественность участников преступления, взаимодействие лиц в процессе подготовки или совершения деяния, общий преступный результат и причинная связь между деянием каждого участника и наступившим общим преступным результатом.

Субъективным признаком соучастия, как отмечает Д. А. Безбородов, является общность вины, которая выражается через осознание общественно опасного характера собственных действий, осознание характера поведения других участников, осознание факта взаимодействия при подготовке или совершении преступления, предвидение наступления общего преступного результата, желание либо сознательное допущение его наступления¹.

Согласно ст. 35 УК РФ, деяние признается совершенным в группе лиц или в группе лиц по предварительному сговору, если в выполнении объективной стороны участвовали два и более исполнителя, а организованной группой — если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений.

В некоторой мере упрощает рассмотрение вопроса соучастия, а точнее соисполнительства в хулиганстве, тот факт, что субъект преступления, предусмотренного ст. 213 УК РФ, не специальный, а общий.

Вместе с тем, имеются трудности признания соисполнительства в рассматриваемом преступлении, которые связываются:

— во-первых, с тем, что объективная сторона уголовно-наказуемого хулиганства выражается не через одно действие, а может состоять из нескольких (к которым относится непосредственно само грубое нарушение общественного порядка и, например, применение насилия или угроза его применения);

¹ Безбородов Д. А. Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. С. 51.

— во-вторых, с наличием обязательно-альтернативных признаков в ч. 1 ст. 213 УК РФ, которые, в свою очередь, устанавливают различные по характеру признаки (способ, мотив, место).

Ввиду различия структуры взаимодействия субъектов во время совершения преступления внутри группы лиц, группы лиц по предварительному сговору и организованной группы (причем как на стадии совершения преступления, так и на предшествующей и на последующей за ней стадиях), логичным представляется проанализировать приведенные выше факты, влияющие на вопросы признания соисполнительства, по отдельности применительно к конкретным формам соучастия.

При совершении хулиганства группой лиц по отношению к первому приведенному нами пункту, возможно две ситуации: 1) когда оба лица выполняют всю объективную сторону хулиганства и 2) когда одно грубо нарушает общественный порядок без указанных в пунктах «а», «б», «в» ч. 1 ст. 213 УК РФ криминообразующих признаков, а другое — с одним или несколькими из них.

В первом случае наличие объективных признаков соучастия неоспоримо, но это не означает безусловной квалификации деяния по ч. 2 ст. 213 УК РФ. Поскольку объективное вменение запрещено (ч. 2 ст. 5 УК РФ), необходимо обращать особое внимание на субъективное восприятие лицами совершаемых ими действий. Соответственно, при осознании группового характера выполнения объективной стороны хулиганства, которое заключается в понимании факта совместной (объединенной) деятельности виновных лиц и их направленности к единому преступному результату, содеянное подлежит квалификации по ч. 2 ст. 213 УК РФ. Напротив, в ситуации, когда субъекты преступления не определяют действия как совместные или даже просто не знают о том, что лицо рядом с ним также совершает аналогичное общественно опасное деяние, верным будет правовая оценка по ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Вторая ситуация связана с различным объемом действий в рамках ч. 1 ст. 213 УК РФ. Если одно лицо грубо нарушает общественный порядок, а другое совершает те же действия, но с закрепленными в ч. 1 ст. 213 УК РФ обязательно-альтернативными признаками (или хотя бы с одним из них), квалификация происходит, соответственно, по ст. 20.1 КоАП РФ и ч. 1 ст. 213 УК РФ, что также следует из абз. 3 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024 г.)¹.

¹ Действия других участников, не связанных предварительным сговором и не применявших оружие или предметы, используемые в качестве оружия, а также не совершавших преступные действия по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, не образуют состава указанного преступления. При наличии к тому оснований такие действия могут быть квалифицированы как мелкое хулиганство

Подтверждение такой позиции можно сделать и исходя из анализа научных трудов, в том числе связанных с Общей частью УК РФ. Так, приводя различные варианты соисполнительства, ученые-правоведы называют случаи, когда лица (одно из них) выполняют часть объективной стороны, техническим распределением ролей между соучастниками¹.

Представляется, что говорить о разделении функций, «обязанностей» в совершаемом преступлении в группе лиц без предварительного сговора нецелесообразно, поскольку очевидно, что определение условного поведения в процессе противоправного деяния возможно лишь до его начала.

Когда одно или сразу оба лица осознают совместность действий и, как следствие, предполагают общий преступный результат, что в формальных составах по сути приравнивается к прямому умыслу относительно группового характера деяния, правовая оценка меняется. В частности, возможна ситуация, когда лицо, фактически совершая только грубое нарушение общественного порядка, считает, что своими действиями на данном этапе «способствует» преступному посягательству другого лица.

В приведенном примере правильной видится квалификация по ч. 3 ст. 30 ч. 2 ст. 213 УК РФ, поскольку субъективные признаки не могут «перекрывать», заменять собой необходимые для квалификации объективные признаки, причем к которым относятся как альтернативно-обязательные по ч. 1 ст. 213 УК РФ, так и связанные с соучастием (взаимодействие лиц в процессе совершения деяния и общий преступный результат).

Вместе с тем, если данное лицо все-таки осуществит какое-либо действие в соответствии с пунктами ч. 1 ст. 213 УК РФ (в большей мере это касается применения насилия или угрозы его применения) с изначальным намерением лишь на совершение мелкого хулиганства как административного правонарушения или даже во время его выполнения, будет иметь место перерастание из ст. 20.1 КоАП РФ в соответствующую часть ст. 213 УК РФ, так как произойдет изменение умысла до момента юридического окончания состава преступления².

Обращаясь к указанным в ч. 1 ст. 213 УК РФ обязательно-альтернативным признакам, стоит сказать, что несовпадение установленных в ней криминообразующих признаков фактически не будет влиять на квалификацию, поскольку оцениваются первоначально самостоятельные, отдельные действия

(статья 20.1 КоАП РФ).

¹ Безбородов Д. А., Шарапов Р. Д. Соучастие в преступлении и иные формы совместной преступной деятельности: закон, теория, практика : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 51.

² Лопашенко Н. А. отмечает, что перерастание одного деяния в другого возможно только до момента его юридического окончания // Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. Москва : Норма, 2012. С. 175.

лиц применительно к составу преступления и только впоследствии осознание ими группового характера деяния.

Теперь приступим к рассмотрению хулиганства, совершенного группой лиц по предварительному сговору. Применительно к первому указанному нами пункту, связанному с объемом совершаемых субъектами внутри группы действий, приведем две ситуации.

Так, в случае, если объективная сторона деяния всех лиц полностью совпадает, они выполняют и грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, и в их действиях есть один или несколько криминообразующих признаков, то проблем с квалификацией не возникает.

Когда же роли в преступлении распределены по предварительному сговору таким образом, что одно лицо полностью выполняет объективную сторону преступления, а другое – лишь нарушает общественный порядок, при этом будучи осведомленным о наличии криминообразующих признаков по ч. 1 ст. 213 УК РФ в деянии первого лица, то есть речь идет об уже упомянутом нами ранее техническом распределении ролей соучастников.

В рамках данной ситуации стоит обратиться к абз. 1 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», который устанавливает, что при решении вопроса о квалификации хулиганства как совершенного группой лиц по предварительному сговору судам следует иметь в виду, что предварительная договоренность должна быть достигнута не только о совершении совместных хулиганских действий, но и о применении насилия к гражданам или о выражении угрозы его применения, либо о совершении таких действий по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы любым из соучастников¹.

Для квалификации содеянного не имеет значения, всеми ли лицами, договорившимися о совершении такого преступления, применялись оружие или предметы, используемые в качестве оружия».

Исходя из общетеоретических положений уголовного права и приведенному разъяснению Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024), не имеется ограничений для правовой оценки по ч. 2 ст. 213

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УК РФ грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, совершенного группой лиц по предварительному сговору при техническом распределении ролей, когда лишь у одного из них в действиях фактически есть криминообразующий признак.

Конечно, на первый взгляд, представленная квалификация сомнительна в случае, когда у части лиц отсутствует обязательный предусмотренный п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ «экстремистский» мотив. Однако с формальной точки зрения данные субъекты являются соисполнителями (ч. 2 ст. 33 УК РФ) как непосредственно участвовавшие в его совершении совместно с другими лицами, имеются взаимодействие лиц в процессе подготовки и совершения деяния и общий преступный результат как объективные признаки и общность вины как субъективный признак соучастия.

Интересной является ситуация, когда у соучастников в группе лиц по предварительному сговору не совпадают криминообразующие признаки, указанные в ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Так, если лица осведомлены о различиях в их будущем преступном поведении (например, одно будет применять насилие в ходе хулиганства, а другое — совершать рассматриваемое преступление из «экстремистского» мотива), но вместе с тем нацелены на общий преступный результат, то верной, по нашему мнению, исходя из все того же п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024) является квалификация по ч. 2 ст. 213 УК РФ, включающая в себя признаки, указанные в п. «а» и «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ.

Иная правовая оценка требуется в случаях, когда договоренность относительно уголовно-наказуемого хулиганства была неполной в сравнении с совершенными фактически действиями, составляющими объективную сторону хулиганства.

В случае, если одно лицо в процессе посягательства решило совершить преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ, дополнительно и по другому признаку, его деяние должно оцениваться по общим правилам квалификации эксцесса исполнителя.

Вместе с тем, несмотря на отсутствие упоминание об этом в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, возможны ситуации, когда эксцесс исполнителя будет влиять и на правовую оценку других лиц из группы.

В качестве такого примера Л. С. Аистова приводит следующий: «если участники не знали о наличии у одного из них оружия или предметов, используемых в качестве оружия, и у них не было сговора на их применение, но, узнав о наличии оружия уже в процессе его применения, они продолжали оказывать определенное содействие вооруженному хулигану, действия всех

соучастников следует квалифицировать по ч. 2 ст. 213 УК РФ»¹.

Здесь вполне обоснованно можно говорить о такой квалификации, поскольку, как отмечается в доктрине, присоединение к преступлению возможно до момента его фактического окончания².

При этом некоторой проблемой приведенного тезиса является тот факт, что в нем не указано на конкретную форму соучастия. Вместе с тем, сопоставляя действующую на момент издания научного труда редакцию Уголовного Кодекса РФ можно сделать вывод о том, что Л. С. Аистова предлагала признавать хулиганство при приведенных обстоятельствах совершенным группой лиц по предварительному сговору. В целом, такая позиция логична и с точки зрения современного права, поскольку существует не раз оспариваемое правовыми положениями абз. 2 п. 14. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27.12.2002 № 29 (в ред. от 15.12.2022), закрепляющее, что при продолжении преступных действий соучастники, узнавшие об эксцессе исполнителя, должны нести ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками³.

При этом в случае присоединения к результатам преступной деятельности соисполнителей следует вести речь о такой форме соучастия, как группа лиц. Наш вывод основан на том, что договоренность бесспорно должна быть достигнута до момента начала совершения общественно опасного деяния. При этом признание совершения преступления группой лиц по предварительному сговору при присоединении к результатам эксцесса исполнителя фактически повышает реальную общественную опасность деяния, которая должна вытекать из докриминального поведения, заключающегося, как минимум, в обсуждении будущего совместного преступного деяния.

Такая фикция была бы более обоснована, например, во время действия УК РФ в редакции от 2010 года, поскольку совершение хулиганства группой лиц не закреплялось в качестве квалифицирующего признака, однако в настоящее время такой подход нецелесообразен.

Также необходимо обратить внимание на случаи, когда у лиц существует сговор на хулиганство, без уточнения его содержания. В научной среде не раз поднимался вопрос относительно объема предварительной договоренности

¹ Аистова Л. С., Попов А. Н. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» от 15 ноября 2007 г. № 45. под ред. А. Н. Попова. СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2010. 28 с.

² Безбородов Д. А., Шарапов Р. Д. Соучастие в преступлении и иные формы совместной преступной деятельности: закон, теория, практика : учебное пособие. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 18.

³ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О» от 27.12.2002 № 29 (в ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

соучастников преступления.

По мнению одних ученых, достаточно определения планируемого впоследствии преступления, без согласования конкретных действий и иных обстоятельств. Однако мы придерживаемся иной позиции, которая заключается в том, что предварительный сговор должен охватывать все юридически значимые факты.

Так, А. И. Рарог подчеркивает, что преступление является поступком, совершаемым определенным способом в конкретных условиях, времени и т.п.,¹ поэтому говорить о квалифицирующем признаке «совершение группой лиц по предварительному сговору», особенно применительно к хулиганству, содержащему в ч. 1 ст. 213 УК РФ альтернативно-обязательные признаки, можно лишь в том случае, если все обстоятельства, имеющие уголовно-правовое значение, были согласованы соучастниками.

Существуют особенности квалификации хулиганства, совершенного организованной группой. Следует отметить, что преступление, предусмотренное ст. 213 УК РФ, зачастую стихийно, и, соответственно, количество хулиганств, совершенных организованной группой, небольшое².

Так, в теоретической и практической деятельности устоялась точка зрения (которая напрямую из общих положений Уголовного кодекса РФ не следует, но вместе с тем, с которой бессмысленно не соглашаться) о том, что все соучастники, члены организованной группы признаются соисполнителями вне зависимости от их роли в совершенном преступлении³.

Таким образом, проанализировав различные возможные варианты совместности при выполнении объективной стороны хулиганства и сопоставив их с действующими уголовным законодательством и разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, можно сделать вывод о том, что для квалификации деяния по ч. 2 ст. 213 УК РФ как совершенного:

— группой лиц необходимо наличие в действиях каждого из них состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 213 УК РФ (при этом конкретный пункт указанной нормы может не совпадать) и осознание в момент посягательства его группового характера;

¹ Рарог А. И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991. С. 13.

² В соответствии с данными состояния преступности, представленными МВД ФКУ «ГИАЦ», за 2023 год всего 9 хулиганств из 1349 совершены организованной группой, за 2022 год — 4 из 1239, за 2021 год — 12 из 1264.

³ Указанная позиция содержится, в частности, в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27.01.1999 № 1 (в ред. от 03.03.2015), абз. 3 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022), абз. 3 п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» 09.07.2013 № 24 (в ред. от 24.12.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

— группой лиц по предварительному сговору — требуется, чтобы договоренность была достигнута по всем юридически значимым признакам состава преступления;

— организованной группой — следует установить, что она создана для осуществления общественно опасных деяний, предусмотренных, в том числе, ст. 213 УК РФ, или в процессе ее функционирования реализовывалась подготовка к данному преступлению; все члены организованной группы независимо от их роли в хулиганстве являются соисполнителями по ч. 2 ст. 213 УК РФ.

Научная статья

УДК 343.62

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТА В ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Полина Евгеньевна МЫЛОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
tmylovarevg@mail.ru

Научный руководитель — заведующий кафедрой уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Александр Николаевич ПОПОВ**,
pauka2006@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются проблемные аспекты определения субъектов ятрогенных преступлений, в том числе особенности правового статуса младшего медицинского персонала, включая санитаров, а также работников, осуществляющих медицинскую деятельность по договору гражданско-правового характера.

Кроме того, рассматриваются случаи привлечения медицинских работников к уголовной ответственности за действия, совершенные вне рамок их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: ятрогенные преступления, субъекты преступлений, ответственность, медицинский работник, здравоохранение

FEATURES OF THE SUBJECT IN IATROGENIC CRIMES

Polina E. MYLOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia tmylovapevg@mail.ru

Scientific adviser — Head of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor **Alexander Nikolaevich POPOV**, nauka2006@mail.ru

Abstract. The article analyzes the problematic aspects of defining the subjects of iatrogenic crimes, including the specific legal status of junior medical staff, such as orderlies, as well as workers engaged in medical activities under civil law contracts.

Additionally, it examines cases where medical professionals are held criminally liable for actions committed outside the scope of their professional duties.

Keywords: iatrogenic crimes, subjects of crimes, liability, medical professionals, healthcare

Количество уголовных дел, связанных с врачебными ошибками, демонстрирует устойчивую тенденцию к росту. А. А. Бимбинов в ходе III Научно-практической конференции «Медицинское уголовное право» отметил значительное увеличение числа возбужденных дел против медицинских работников в 2023 году по сравнению с предыдущим годом. Так, по его словам, количество уголовных дел, возбуждаемых по результатам проверок, возросло с 1860 до 2332. Из общего числа дел почти 73% составляют уголовные дела, инициированные по статье 109 УК РФ¹.

Особое внимание заслуживает статистика за 2022 год, согласно которой из 1860 возбужденных уголовных дел до суда дошли лишь 174, что составляет всего 4 %.

Эта крайне низкая доля доведенных до суда дел указывает на существующие сложности в правоприменении. Одной из ключевых проблем, по нашему мнению, является корректное установление элементов состава преступления, включая особенности субъекта преступления.

¹ Количество уголовных дел против медработников выросло в 2023 году на 25%. URL: <https://medvestnik.ru/content/news/Kolichestvo-ugolovnyh-del-protiv-medrabotnikov-vyroslo-v-2023-godu-na-fone-snijeniya-jalob.html> (дата обращения: 15.11.2024)

В науке уголовного права ятрогенные преступления традиционно определяются как деяния, посягающие на жизнь и здоровье человека, которые выражаются в ненадлежащем исполнении медицинским работником своих профессиональных обязанностей. Такие деяния, как правило, совершаются в процессе оказания медицинской помощи и по неосторожности приводят к причинению смерти или вреда здоровью пациента. Преступления данной категории характеризуются тем, что ответственность за них несет специальный субъект — медицинский работник, чья деятельность связана с выполнением профессиональных функций.

Вместе с тем, нормы уголовного законодательства, устанавливающие ответственность медицинских работников как специальных субъектов, имеют бланкетный характер. Это означает, что для их применения необходимо учитывать дополнительные нормативные акты, регулирующие медицинскую деятельность.

В данном контексте определение специального статуса субъекта приобретает ключевое значение в уголовно-правовом аспекте. Оно не только позволяет уточнить границы ответственности, но и служит важной гарантией защиты медицинских работников от необоснованного обвинения или осуждения за преступления, которые формально могут подпадать под признаки «медицинского» состава. Таким образом, правильное определение статуса субъекта способствует справедливому применению закона и защите профессиональных прав медицинских работников.

Так, ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дает определение таким понятиям как медицинская помощь, медицинская услуга, медицинская деятельность, медицинская организация и медицинский работник и т.д.

В соответствии с п. 13 ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинским работником признается физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации по должности, включенной в номенклатуру должностей медицинских работников и фармацевтических работников, и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.

Статья 69 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дополняет данное определение обязанностью лица пройти аккредитацию специалиста для получения

права на осуществление медицинской деятельности¹.

Согласно приведенному выше определению, для установления полного перечня лиц, относящихся к категории медицинских работников, следует обратиться к Номенклатуре должностей медицинских и фармацевтических работников, утвержденной приказом Минздрава России от 02.05.2023 № 205н.

В соответствии с пунктом 12.3 данного нормативного акта, к медицинским работникам, помимо врачей, акушеров, медицинских сестер и фельдшеров, включены также санитары. Однако в научной литературе по уголовному праву существует точка зрения, согласно которой понятие «медицинский работник» следует ограничивать только указанными категориями профессионалов, исключая санитаров из состава специальных субъектов².

По нашему мнению, исключение санитаров из числа субъектов ятрогенных преступлений является необоснованным. Согласно приказу Минтруда России от 12.01.2016 № 2н «Об утверждении профессионального стандарта «Младший медицинский персонал»», в обязанности санитаров входит, помимо прочего, оказание первой помощи при состояниях, угрожающих жизни, и выполнение других полномочий, ненадлежащее исполнение которых может привести к ятрогенным последствиям³.

Так, Печорский районный суд Псковской области признал виновной санитарку государственного бюджетного учреждения здравоохранения Псковской области «Областной дом ребенка для детей с органическим поражением ЦНС с нарушением психики» Сластен в причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности, вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных полномочий, в которые в том числе входила обязанность нести ответственность за жизнь и здоровье воспитанников⁴.

Следовательно, несоблюдение или некачественное выполнение младшим медицинским персоналом своих профессиональных обязанностей способно в ряде случаев привести к общественно опасным последствиям, вплоть до летального исхода пациента. Данные обстоятельства требуют уголовно-правового анализа подобных действий, вне зависимости от категории медицинского персонала, причастного к их совершению.

Одним из актуальных вопросов, на наш взгляд, является проблема определения статуса медицинских работников, осуществляющих свою профессию-

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (в ред. 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Патрушев С.В. Субъективные признаки преступлений, совершаемых в медицинской практике// Актуальные вопросы образования и науки. 2017. №4 (62). С. 52.

³ Приказ Минтруда России от 12.01.2016 № 2н «Об утверждении профессионального стандарта «Младший медицинский персонал». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁴ Постановление № 1-21/2019 от 08.02.2019 г. / Печорский районный суд (Псковская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.11.2024).

тельную деятельность на основании договоров гражданско-правового характера, заключенных с медицинскими организациями, в контексте их признания субъектами ятрогенных преступлений. В Федеральном законе №323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» отсутствуют положения, прямо регулирующие возможность или запрет на ведение медицинской практики такими лицами.

Согласно п. 5 Постановления Правительства РФ от 01.06.2021 №852 «О лицензировании медицинской деятельности», одним из лицензионных требований для соискателя лицензии является наличие работников, состоящих с ним в трудовых отношениях, обладающих соответствующим образованием, подтвержденным сертификатом или аккредитацией специалиста, и квалификацией, необходимой для выполнения заявленных видов медицинских работ (услуг)¹.

Однако указанный нормативный акт не вводит запрета на заключение гражданско-правовых договоров с медицинскими работниками. Он лишь требует от медицинских организаций обеспечения минимально необходимого штата сотрудников, оформленных по трудовому договору, для каждого заявленного в лицензии вида деятельности.

Таким образом, медицинская организация имеет право привлекать медицинских работников по договорам гражданско-правового характера сверх указанного минимального штатного состава. Это позволяет расширять возможности оказания медицинских услуг, не нарушая лицензионных требований.

С учетом изложенного, заключение гражданско-правового договора между медицинской организацией и медицинским работником для выполнения профессиональных обязанностей не должно лишать такого работника статуса специального субъекта. Соответственно, в случае совершения ятрогенных преступлений данный статус сохраняется, поскольку ответственность определяется не формой трудовых отношений, а характером выполняемых профессиональных функций и их соотношением с требованиями законодательства.

Актуальным является рассмотрение временного аспекта исполнения врачом обязанности оказывать медицинскую помощь, а именно определение временных границ, в течение которых данная обязанность сохраняет свою юридическую силу. Установление четких временных рамок имеет принципиальное значение для решения вопроса о возможности привлечения медицинского работника к ответственности за неоказание помощи больному в соответствии с положениями ст. 124 УК РФ.

¹ О лицензировании медицинской деятельности (за исключением указанной деятельности, осуществляемой медицинскими организациями и другими организациями, входящими в частную систему здравоохранения, на территории инновационного центра «Сколково») : Постановление Правительства РФ от 01.06.2021 № 852 в ред. от 20.03.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Так, Романовский Г. Б. считает, что специальная обязанность медицинского работника, предусмотренная п. 1 ст. 73 ФЗ №323 (оказывать медицинскую помощь в соответствии со своей квалификацией, должностными инструкциями, служебными и должностными обязанностями), «больше соответствуют характеру обязанностей работника» по трудовому законодательству. Однако, по его мнению, «обязанность по оказанию медицинской помощи следует трактовать более широко. Медицинский работник таковым является 24 часа»¹.

Машкова А. В. придерживается иной точки зрения, обосновывая ее тем, что «реализация такой постоянной обязанности медицинского работника оказать медицинскую помощь, то есть и в нерабочее время в любом месте, должна носить исключительно морально-нравственный характер и может обеспечиваться исключительно этическими средствами (чувством совести, чести, доброго отношения к людям и т. д.), а не угрозой привлечения медицинского работника к уголовной ответственности»².

Следует отметить, что в Уголовном кодексе РСФСР 1960 года состав преступления за неоказание помощи носил формальный характер и предусматривал ответственность за сам факт бездействия, вне зависимости от обстоятельств. Как пишет З.А. Нуралиева, при этом «не имело значения, работало данное лицо или находилось на пенсии», то есть врач всегда имел обязанность оказать помощь пациенту³.

Г. Б. Романовский отмечает, что в советскую эпоху под влиянием наркома здравоохранения Н. А. Семашко деонтология советского врача интерпретировалась как составляющая идеологии строителя коммунистического общества, противопоставляемой капиталистической этике. По мнению Романовского, недостаточное внимание к этическим и деонтологическим аспектам в ФЗ Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» свидетельствует о том, что этические знания не были должным образом учтены при разработке данного закона⁴.

Смена идеологической концепции в России, от коллективистских ценностей советской эпохи к индивидуалистическим приоритетам, изменила подход к ответственности врачей за неоказание помощи. Если в советское время врач был не только профессионалом, но и моральным ориентиром, то сегодня его обязанности четко разделяются на профессиональные и личные, что отражается в законодательстве.

¹ Романовский Г. Б. Обязанности медицинских работников// Медицинское право. №4. 2014. С. 2.

² Машкова А. В. Медицинский работник как субъект ятрогенных преступлений: некоторые проблемные аспекты// Материалы XVI Ежегодной международной конференции по национальному и международному праву. Отв. за выпуск А. В. Галиулина. Екатеринбург, 2022. С. 731.

³ Нуралиева З. А. История развития отношений, регулирующих ответственность за неоказание помощи больному. // Молодой ученый. 2013. № 5 (52). С. 544.

⁴ Романовский Г.Б. Обязанности медицинских работников// Медицинское право. № 4. 2014. С. 1.

Современное регулирование, например, Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и трудовое законодательство, подчеркивает, что обязанности врача ограничиваются рамками трудового договора и должностных инструкций. Это разграничение защищает врачей от правовых рисков при оказании помощи вне рабочего времени, но может негативно влиять на моральные и этические стандарты профессии. Формализация обязанностей, по мнению критиков, снижает готовность врача оказывать помощь в любых обстоятельствах, что противоречит сути профессии.

Вопрос баланса между моральными обязательствами и юридическими нормами остается сложным. Моральные нормы, закрепленные в клятве врача, не всегда совпадают с трудовым законодательством, а этические кодексы не обеспечивают должного выполнения обязанностей. Для решения проблемы, по нашему мнению, необходим сбалансированный подход, уточняющий законодательные нормы об ответственности за неоказание помощи вне рабочего времени. Следует рассмотреть возможность изменений законодательства, которые позволят четко определить случаи, когда медицинский работник обязан оказывать помощь вне рабочего времени, и освободить его от ответственности за другие обстоятельства.

Следует также обратить внимание на категории лиц, которые, не будучи медицинскими работниками, обязаны оказывать первую помощь в соответствии с федеральным законодательством. К таким лицам относятся сотрудники полиции, Росгвардии, судебные приставы, частные охранники, капитаны морских судов, а также сотрудники образовательных учреждений.

Однако остается нерешенным вопрос о том, какие именно лица обязаны предоставлять помощь больным в соответствии со специальными правилами, на которые ссылается ст. 124 УК РФ.

В этой связи представляется целесообразным согласиться с позицией А. И. Рарога, который к указанной категории относит лиц, добровольно принявших на себя такую обязанность на основании договора или специального полномочия. Среди таких лиц можно выделить сиделок, санинструкторов, спасателей, руководителей туристических групп и других¹.

Действия (или бездействие) указанных субъектов, заключающиеся в неоказании первой, безотлагательной медицинской помощи больному, должны рассматриваться как неисполнение их обязательств и свидетельствовать об их ответственности в качестве специальных субъектов.

Таким образом, субъектами ятрогенных преступлений являются медицинские работники, правовой статус которых определен Федеральным законом от

¹ Медицинское уголовное право. Монография. Отв. ред. А. И. Рарог. Москва: Проспект, 2022. С. 8.

21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». К этой категории относятся как специалисты, осуществляющие медицинскую деятельность, так и младший медицинский персонал, включая санитаров.

Следует учитывать, что субъектами в данном контексте являются не только лица, работающие на основании трудового договора с медицинской организацией, но и те, кто осуществляет медицинскую деятельность на основании гражданско-правовых договоров.

Кроме того, к обязанным оказывать первую помощь относятся сотрудники полиции, Росгвардии, судебные приставы, частные охранники, капитаны морских судов и сотрудники образовательных учреждений, а также лица, добровольно принявшие на себя эти обязательства, такие как сиделки, спасатели и руководители туристических групп. Их бездействие в этой сфере должно квалифицироваться как неоказание помощи и влечь ответственность.

Вместе с тем, представляется целесообразным четкое определение временных границ исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками. Это необходимо для правомерного установления факта их ответственности в случае совершения ятрогенных преступлений.

Эти рекомендации обеспечат единообразие в трактовке норм законодательства, повысят точность правовой квалификации действий медицинских работников и создадут условия для справедливого и объективного рассмотрения дел, связанных с ятрогенными преступлениями.

Научная статья
УДК 343.32

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 280.3 УК РФ

Ирина Сергеевна НАЗАРЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия
ira.nazarenko.2003@mail.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрена статья 280.3 УК РФ, а также проанализированы элементы состава преступления по данной норме.

Представляется значение определенных понятий для уголовно-правовой оценки действий.

Обозначаются проблемы, которые могут возникнуть в правоприменительной и судебной практике при квалификации преступления по дискредитации Вооруженных Сил РФ, и возможный путь их решения.

Ключевые слова: уголовная ответственность, дискредитация, публичность, Вооруженные Силы

Original article

SOME QUESTIONS OF THE CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS OF THE CRIME PROVIDED FOR IN ARTICLE 280.3 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Irina S. NAZARENKO

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia ira.nazarenko.2003@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article considers Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as analyzes the elements of the corpus delicti under this norm.

The importance of certain concepts for the criminal law assessment of actions is presented.

The problems that may arise in law enforcement and judicial practice in the qualification of crimes to discredit the Armed Forces of the Russian Federation, and a possible way to solve them, are outlined.

Keywords: criminal liability, discretion

В целях стабилизации социальной обстановки после объявления специальной военной операции по освобождению Донбасса, демилитаризации и денацификации Украины 4 марта в 2022 году был принят Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской

Федерации», в результате чего был введен новый состав ст. 280.3¹.

Это свидетельствует о том, что законодатель поддерживает уголовно-правовую охрану в соответствии с ее актуальностью. Следствием принятия ст. 280.3 УК РФ и ее дополнения было установление уголовной ответственности за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации.

Введение данной нормы призвано регулировать отношения в сфере общественной и государственной безопасности, а также для пресечения действий, направленных на дестабилизацию основ конституционного строя Российской Федерации². Необходимо рассмотреть закономерность, причины принятия изменений в данной норме для анализа особенностей состава преступления.

С момента принятия нормы и до ее изменений произошло ужесточение законодательства в части наказания данной статьи, оно было ужесточено, и максимальный срок лишения свободы был увеличен с трех до пяти лет. То есть оно стало относиться к категории преступлений средней тяжести.

Возможно, данное ужесточение связано с целью законодателя предотвратить совершение аналогичных преступлений самим осужденным и другими потенциальными лицам. Превенция может оказать влияние на снижение количества совершенных преступлений по данному составу преступления.

К причинам также можно отнести желание указать на важность последствий, возникших в результате совершенных противоправных деяний, а также на значимость введения данной нормы в целом.

Многие исследователи подчеркивают необходимость ужесточения наказания в нормах УК РФ, так как в результате данные действия законодателя затрагивают моральное начало, предусматривающее его применение с определенным «воздаянием» за преступление³.

Также рассматривается ужесточение наказания из-за более длительного нахождения лица в условиях лишения свободы эффективным методом для его ресоциализации.

Несмотря на цели законодателя в части снижения количества преступлений по ст. 280.3 УК РФ, согласно статистическим судебным данным, в 2022 году до введения изменений по ужесточению наказания было осуждено

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 04.03.2022 № 32-ФЗ : Федеральный закон. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Зарубин А. В. Защита прокурором интересов государства, общества и личности от публичного распространения заведомо ложной информации о действиях Вооруженных Сил РФ и иных участников СВО // Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Защита прокурором конституционных ценностей. Проблемы теории и практики : монография / кол. авторов ; под ред. О.Н. Коршуновой. Москва: РУСАЙНС, 2024. С. 282.

³ Бибик О. Н. Возмездие как цель уголовного наказания // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 4 (33). С. 166—171.

2 человека, штраф получило 2 человека, никто не был приговорен к лишению свободы, а уже после нововведений, в 2023 году выросло количество преступников. Так, через год после изменений было осуждено 43 человека, приговорены к лишению свободы 7 человек, 3 получили условное лишение свободы, а 31 осужденному был назначен штраф¹.

Мы предлагаем ужесточить наказание не только в УК РФ, но и в КоАП РФ, ведь данная норма содержит административную преюдицию, то есть уголовная ответственность будет наступать только после привлечения лица к административной ответственности за аналогичные действия в течение одного года. Ужесточение должно быть на начальном этапе совершения лицом противоправных действиях, а именно на этапе административной ответственности.

Таким образом, изменения в части ужесточения наказания имеют краткосрочное действие. Они могут положительно повлиять на уголовно-правовую сферу, но только путем первоначального установления и анализа причин данного роста.

Претерпело изменения и содержание самой статьи, она была дополнена, помимо Вооруженных Сил РФ, еще одним объектом — «войска национальной гвардии РФ». Объекты подразделяются на родовой, видовой и непосредственный. К родовому объекту относятся интересы государственной власти. Видовой объект содержит отношения в сфере конституционного строя и обеспечения общественной и государственной безопасности в целом. Непосредственный объект включает в себя общественные отношения в рамках деятельности Вооруженных Сил РФ, иных организаций и объединений государственной власти, деятельность которых направлена на обеспечение безопасности и поддержание защиты граждан и интересов Российской Федерации.

Согласно ст. 10 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» Вооруженные силы РФ — «государственная военная организация, составляющая основу обороны Российской Федерации»², а войска национальной гвардии являются «государственной военной организацией, предназначенной для обеспечения государственной и общественной безопасности, защиты прав и свобод человека и гражданина»³.

Исходя из того, что объект включает в себя деятельность Вооруженных Сил РФ, а также деятельность организаций, объединений и лиц, направленная

¹ Уголовное судопроизводство Данные о назначенном наказании по статьям УК // Судебная статистика РФ URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 01.11.2024).

² Об обороне : Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ в ред. от 26.02.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О войсках национальной гвардии Российской Федерации : Федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ в ред. от 08.08.2024 с изм. и доп., вступ. в силу с 20.10.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на оказание помощи Вооруженным Силам РФ и войскам национальной гвардии, а войска национальной гвардии представляет собой вспомогательную организацию в военной сфере для оказания помощи Вооруженным Силам РФ в поддержании безопасности и мира, следовательно дополнение статьи данным объектом является целесообразным. В результате нововведений в части объекта рассматриваемой нормы дискредитация в отношении войск национальной гвардии теперь является уголовно-наказуемой, но после привлечения к административной ответственности в течение 1 года.

В заключение, можно сказать, что действия по дискредитации деятельности Вооруженных сил урегулированы законодателем для поддержания общественной и государственной безопасности.

Усовершенствование нормы 280.3 УК РФ является необходимым законодательным средством для сохранения актуальности уголовно-правовой охраны деятельности Вооруженных Сил РФ и организаций, объединений и граждан, оказывающих помощь войскам национальной гвардии, и с целью пресечения их дискредитации для урегулирования общественных отношений и поддержания мира и безопасности.

Научная статья
УДК 343.326

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ТЕРРОРИЗМ» И «ЭКСТРЕМИЗМ» В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Дмитрий Андреевич НЕКРАСОВ

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург,
Россия, rabochayanda@yandex.ru

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации **Анна Борисовна КАЛИНКИНА**,
kalinkina.ab@skspba.ru

Аннотация. В данной статье автором рассматриваются основные проблемы соотношения понятий «терроризм» и «экстремизм».

Автором был проведен сравнительный анализ существующей нормативно-правовой базы по противодействию терроризму и экстремизму.

На основании проведенного исследования автором были сделаны выводы

о проблемах в квалификации преступлений террористической экстремистской направленности, а также о взаимном соотношении терроризма и экстремизма, а также предложены пути их решения.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, преступления экстремистской направленности, экстремистская деятельность, террористическая деятельность, вооруженный мятеж.

Original article

ACTUAL PROBLEMS OF CONCEPT CORRELATION «TERRORISM» AND «EXTREMISM» IN THE MODERN CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Dmitry A. NEKRASOV

St. Petersburg Academy of Investigative Committee, St. Petersburg, Russia,
rabochayanda@yandex.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Criminology, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation **Anna Borisovna KALINKINA**, kalinkina.ab@skspba.ru

Abstract. In this article, the author examines the main problems of the correlation between the concepts of «terrorism» and «extremism». The author conducted a comparative analysis of the existing regulatory framework for countering terrorism and extremism. Based on the conducted research, the author drew conclusions about the problems in the qualification of crimes of a terrorist extremist orientation, as well as about the mutual relationship between terrorism and extremism, and suggested ways to solve them.

Keywords: terrorism, extremism, crimes of extremist orientation, extremist activity, terrorist activity, armed rebellion

Терроризм и экстремизм, как одни из наиболее разрушительных идеологий, криминализированы в Российской Федерации уже достаточно давно. Однако террористическая и экстремистская преступность меняется и развивается в угоду времени, становясь в основной своей массе цифровой, то есть совершаемой с использованием информационных технологий.

Изменения в преступности находят свое отражение в уголовной политике государства, которое выражается в изменениях, вносимых в уголовное законодательство.

Тем не менее УК РФ, не содержит понятие «терроризм» и «экстремизм»,

отсылая к специализированным нормативно-правовым актам: Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.)¹ и Федеральному закону «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024)².

Указанные нормативно-правовые акты содержат исчерпывающий понятийный аппарат, на который ссылается УК РФ в ряде содержащихся в нем составов преступлений.

Так, Федеральный закон О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.) приравнивает понятие «экстремизм» к понятию «экстремистская деятельность», и в формулировании дефиниции экстремизма законодатель выбирает метод перечисления различных деяний, которые составляют экстремистскую деятельность или же экстремизм, а именно 13 альтернативных деяний³.

Среди них стоит выделить насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), а также публичное оправдание терроризма и иную террористическая деятельность.

В тоже время, если обратиться к Федеральному закону «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024), то «терроризм» определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами публичной власти федеральных территорий, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

В свою очередь под понятием «террористическая деятельность» понимаются деяния, отнесенные в главе 24 УК РФ к преступлениям против общественной безопасности, в том числе организация, планирование, подготовка, финансирование и реализация террористического акта.

То есть в Федеральном законе «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) законодатель дифференцирует понятия «терроризм» и «террористическая деятельность», в отличие от Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.).

Если обратиться к ранее приведенным формулировкам, можно отметить,

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О противодействии терроризму Федеральный закон : от 06.03.2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О противодействии экстремистской деятельности: Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

что законодатель определяет терроризм как составляющую часть экстремизма, что является легальным ответом на вопрос о соотношении этих двух категорий.

Однако хоть данная позиция законодателя и является достаточно определенной в части соотношения понятий, тем не менее она же порождает ряд правовых проблем, которые во многом сводятся к проблемам в квалификации преступлений террористической и экстремистской направленности.

Так, одной из основополагающих проблем, прямо проистекающей из введенного законодателем соотношения терроризма и экстремизма, является проблема определения объекта преступного посягательства.

Исходя из формулировки понятия «экстремизм», приводимого в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.)¹, можно заключить, что объектом преступлений экстремистской направленности будет общественная безопасность, то есть аналогичный объекту преступлений террористической направленности.

Однако в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.) указано, что экстремизмом также признается насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации, то есть деяния, отнесенные в главе 29 к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, а именно ст.ст. 278, 279, 280.1, 280.2 УК РФ, объектом которых являются общественные отношения, связанные с безопасностью государства.

Неопределенность в понимании объекта преступного посягательства деяний, составляющих экстремизм, и соотношения его с деяниями, составляющими террористическую деятельность проявляется в действиях по публичным призывам к осуществлению террористической (ст. 205.2 УК РФ) и экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) соответственно.

Если анализировать Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.), то формально к призывам к осуществлению экстремистской деятельности можно отнести призывы к осуществлению террористической деятельности, поскольку, как уже ранее отмечалось, вся террористическая деятельность, согласно Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.) признается составной частью экстремистской деятельности.

Однако УК РФ предусматривает уголовную ответственность за данные

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

действия, предусмотренную ст. 205.2 УК РФ. Если исходить из того, что террористическая деятельность является составной частью, экстремистской деятельности, согласно Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.)¹, то в таком случае состав преступления, предусмотренный ст. 205.2 УК РФ является специальным по отношению к ст. 280 УК РФ, и при совершении деяний, составляющих публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, их надлежит квалифицировать по ст. 205.2 УК РФ, а не по ст. 280 УК РФ.

Однако в п. 2 примечаний к ст. 205.2 УК РФ мы находим следующую позицию законодателя, согласно которой, к преступлениям, составляющих террористическую деятельность в рамках УК РФ, относится насильственный захват или удержание власти — ст. 278 УК РФ.

Согласно диспозиции указанной статьи, преступными признаются действия, направленные на насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации, а равно направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. Если исходить из анализа данной диспозиции, можно заключить, что насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации признается террористической деятельностью, и, соответственно, призыв к осуществлению данных действий будет квалифицироваться согласно положениям УК РФ как призыв к осуществлению террористической деятельности, то есть по ст. 205.2 УК РФ.

Однако если мы обратимся к Федеральному закону «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.), то не обнаружим указанные действия как составляющие террористическую деятельность².

При этом указанные действия отражены в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.) как самостоятельное деяние, являющееся проявлением экстремистской деятельности и не относящееся к террористической деятельности.

То есть, бланкетная норма ст. 205.2 УК РФ отсылает нас не к Федеральному закону «О противодействии терроризму» от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.), в котором закреплено понятие террористической деятельности, а к Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.), в котором,

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

во-первых, нет определения террористической деятельности, во-вторых, действия, относимые УК РФ к террористической деятельности, ей не являются.

Каким образом в такой ситуации надлежит квалифицировать действия по публичному призыву к насильственному изменению конституционного строя — по ст. 205.2 УК РФ или же по ст. 280 УК РФ, не ясно, поскольку мы имеем явное понятийное противоречие между тремя нормативно-правовыми актами.

Аналогичная ситуация складывается, если мы рассмотрим состав преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ — вооруженный мятеж.

Указанное деяние, согласно норме УК РФ, относится к террористической деятельности, однако в своем составе имеет особую цель, то есть признак субъективной стороны преступления, — насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации либо нарушение территориальной целостности Российской Федерации, который, согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.)¹ относится к экстремистской деятельности.

Верховный Суд Российской Федерации в абз. 2 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 28.10.2021 г.) судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывает, что призывы к осуществлению террористической деятельности следует квалифицировать по ст. 205.2 УК РФ как по специальной норме УК РФ².

Также Верховный Суд Российской Федерации в абз. 2 п. 6.2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (в ред. от 28.10.2021 г.) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывает, что публичные призывы к вооруженному мятежу в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, нарушения территориальной целостности Российской Федерации, а равно к насильственному захвату власти или насильственному удержанию власти в нарушение Конституции Российской Федерации, к насильственному изменению конституционного строя Российской Федерации, в том числе целостности и неприкосновенности территории Российской Федерации, квалифицируются по статье 205.2 УК РФ.

В данном случае можно отметить, что Верховный Суд Российской Федерации при формировании рекомендаций по квалификации преступных деяний

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (в ред. от 28.10.2021 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в первую очередь руководствуется положениями УК РФ, а именно соответствующим примечанием к ст. 205.2 УК РФ, отмечая, что поскольку террористическая деятельность согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.)¹ является самостоятельным деянием в рамках экстремистской деятельности, то норма, относящая те или иные деяния к террористической деятельности в рамках УК РФ имеет первостепенное значение как специальной нормы.

Позиция Верховного Суда Российской Федерации может быть обусловлена также тем, что уголовное законодательство России состоит только из УК РФ, поэтому преступность тех или иных деяний необходимо оценивать только с точки зрения позиции законодателя, отраженной в УК РФ, которая тем не менее не отменяет имеющихся нормативных противоречий.

Таким образом, можно заключить, что такие категории как «терроризм» и «экстремизм» в современном российском законодательстве имеют различную систему закрепления, которая во многом обусловлена отсутствием единой позиции понимания экстремизма как правовой категории, аналогичной терроризму.

Если террористическая деятельность, основанная на идеологии терроризма, посягает на общественную безопасность, что отражено как в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.), так и в УК РФ, то о единстве объекта посягательства экстремизма говорить не приходится, ведь экстремизм, поглощая терроризм, посягает и на общественную безопасность, и на безопасность государства.

Отсутствие закреплённого понятия экстремизма как некой идеологии, имеющей свои отличительные от терроризма черты, а также формирование этого понятия через перечисление альтернативных деяний не предоставляет возможности говорить о преступлениях экстремистской направленности как о единой, с точки зрения объекта посягательства, группе деяний в рамках современного российского законодательства.

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

**РОЛЬ ВОЕННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОРГАНОВ СЛЕДСТВЕННОГО
КОМИТЕТА И ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Станислав Евгеньевич НЕСТЕРЕНКО

Нижегородский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, i@nesterenko-7.ru

Научный руководитель — доцент кафедры правового обеспечения юридического факультета Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук **Татьяна Владимировна ХМЕЛЬНИЦКАЯ**

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы участия военно-следственных органов следственного комитета и военной прокуратуры Российской Федерации в расследовании преступлений против военной службы.

Обращается внимание на существующее правовое регулирование участия военно-следственных органов следственного комитета и военной прокуратуры Российской Федерации в расследовании преступлений против военной службы.

Разработаны предложения по совершенствованию участия военно-следственных органов следственного комитета и военной прокуратуры Российской Федерации в расследовании преступлений против военной службы.

Ключевые слова: преступления против военной службы, расследование преступлений, военно-следственные органы следственного комитета РФ, и военная прокуратура РФ

**THE ROLE OF THE MILITARY INVESTIGATIVE BODIES
OF THE INVESTIGATIVE COMMITTEE AND THE MILITARY
PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST MILITARY SERVICE**

Stanislav E. NESTERENKO

Nizhny Novgorod Institute of Management a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia, i@nesterenko-7.ru

Scientific adviser — Associate Professor, Department of Legal Support, Faculty of Law, Nizhny Novgorod Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Tatyana Vladimirovna KHMELNITSKAYA**

Abstract. The article examines some of the problems of the participation of the military investigative bodies of the Investigative Committee and the military defense of the Russian Federation in the investigation of crimes against military service.

Attention is drawn to the existing legal regulation of the participation of the military investigative bodies of the Investigative Committee and the military prosecutor's office of the Russian Federation in the investigation of crimes against military service.

Proposals have been developed to improve the participation of the military investigative bodies of the Investigative Committee and the military prosecutor's office of the Russian Federation in the investigation of crimes against military service.

Key words: forgive military service crimes, investigation of crimes, military investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, military prosecutor's office of the Russian Federation.

Военная прокуратура Российской Федерации — структурное подразделение прокуратуры Российской Федерации, возглавляемое заместителем Генерального прокурора Российской Федерации — Главным военным прокурором. Осуществляет надзор за исполнением законов в Вооруженных силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах.

Прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод военнослужащих —

это комплекс мероприятий, выполняемых военными прокурорами (их заместителями и помощниками), направленных на выявление нарушений закона органами военного управления и другими должностными лицами и принятие мер по их реальному устранению с целью восстановления нарушенных прав и свобод военнослужащих и членов их семей¹.

Главное военное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации — государственная организация (главное управление) осуществляющая высшее общее руководство всеми отраслями военного следствия, наблюдение и контроль за действиями подчиненных ему нижестоящих военно-следственных структур Следственного комитета Российской Федерации.

Важным фактором обеспечения безопасности военной службы является соблюдение командованием законодательства о комплектовании войск и, в частности, при проведении призыва на военную службу. При этом особенно пристальное внимание уделяется борьбе с правонарушениями коррупционной направленности, которые наиболее серьезно препятствуют нормальному функционированию механизма призыва граждан, повышению эффективности этой работы и вызывают недоверие к государственным институтам, осуществляющим данный вид деятельности.

Обеспечение суверенитета и территориальной целостности государства достигается с помощью заблаговременной подготовки в области обороны благодаря стратегии военной безопасности, которая в свою очередь определяется Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»².

Это достигается за счет способности государственной системы, сил обороны, национальной экономики, инфраструктуры и общества быстро восстанавливаться и адаптироваться к изменениям в обстановке безопасности и длительной конфронтации при отражении и сдерживании вооруженной агрессии, сохраняя при этом способность осуществлять стратегическое развертывание, территориальную оборону и движение сопротивления посредством гармоничного развития из всех компонентов военного кадрового резерва и людские ресурсы, способные к мобилизации, к которым относятся резервисты, военнослужащие и граждане, добровольно участвующие в обеспечении национальной безопасности и обороны, включаются в общий резерв.

Для того, чтобы был результат для обеспечения военной безопасности

¹ Васин Сергей Владимирович. Правовой статус прокуратуры Российской Федерации // Наука. Общество. Государство, 2014. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-prokuraturyrossiyskoy-federatsii/> (дата обращения: 15.03.2024).

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в области обороны, а именно защита суверенитета считаем необходимым проанализировать расследования военных преступлений.

Обратим внимание на аналитический портал Генеральной прокуратуры Российской Федерации, что ходе проведения специальной военной операции, было выявлено 3047 преступлений против военной службы, из которых 2835 признано совершенными.

Если мы обратим внимание годом ранее, то сможем увидеть, что правоохранительными органами было зарегистрировано 1514 преступлений против военной службы, из которых 1089 были признаны совершенными.

В основном мы считаем, что рост военных преступлений произошел по статьям 332 УК РФ и 337 УК РФ.

Естественно все это обусловлено проведением специальной военной операции на Украине. На основании этого и обострилась необходимость приведение законов в соответствие с сегодняшними реалиями, и задачами, которые стоят перед нашей страной.

С началом специальной военной операции вопросы уголовной ответственности за преступления приобрели особое значение. Это связано, среди прочего, с тем фактом, что был принят 24 сентября 2022 года Федеральный закон № 365-ФЗ от 24 сентября 2022 года, который частично адаптировал некоторые положения Уголовного кодекса к текущим условиям лиц верных присяге и долгу перед Родиной.

Ужесточив уголовное законодательство, которое связано с совершением военных преступлений в период мобилизации, военного положения и военного времени.

Так на сегодняшний день мы с вами можем видеть, что увеличилось наказание за такие преступления как самовольное оставление части (ст. 337 УК РФ).

Были введены уголовные статьи за такие военные преступления как «Матерство» (ч. 1 ст. 356.1 УК РФ) наказывается лишением свободы на срок до шести лет. «Добровольная сдача в плен» уголовное наказание за данное преступление установлено в виде лишения свободы на срок от 3 до 10 лет при отсутствии признаков государственной измены.

Мы считаем, что данные статьи были введены для того, чтобы обеспечить цели Указа Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»¹.

Нельзя не обратить внимание на то что 332 УК РФ дополнена ч. 2.1, которая устанавливает уголовную ответственность за неисполнение подчиненным приказа начальника, отданного в установленном порядке, в период военного

¹ Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий, а равно отказ от участия в военных или боевых действиях. За совершение указанных действий предусмотрено наказание лишение свободы на срок от 2 до 3 лет.

Опираясь на практику вынесение приговор гарнизонными военными судами Российской Федерации, и проводя законодательный анализ могу сказать лишь то, что законодатель предусмотрел все «лазейки», которые не позволяют «уйти» военнослужащему от уголовной ответственности.

Преступления против военной службы необходимо и законодатель об этом говорит разделить на группы:

1) преступления против порядка подчиненности и уставных взаимоотношений (ст. 332—336 УК РФ);

2) уклонение от военной службы (ст. 337—339 УК РФ);

3) преступления против порядка несения специальных служб (ст. 340—344 УК РФ);

4) преступления против порядка использования и сбережения военной техники и другого имущества (ст. 345—348 УК РФ);

5) преступления против порядка обращения с оружием и эксплуатации военной техники (ст. 349—352 УК РФ).

Так как это преступление против военной службы субъект будет специальный. Все это потому, что лица, которое совершают данные преступления являются военнослужащими либо граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения им военных сборов, а также лицо, подлежащее призыву, в том числе призыву по мобилизации¹.

Военнослужащие — это лица, которые проходят военную службу по призыву или по контракту в настоящее время. Военная служба в нашем государстве является государственной службой особого характера, которая заключается в профессиональной деятельности пригодных к ней по состоянию здоровья и возрасту граждан РФ, связанной с защитой Отечества².

Как отмечается, военнослужащие обязаны исполнять возложенные на них обязанности в период мобилизации, военного положения, военного времени или в условиях вооруженного конфликта и боевых действий. Они не имеют права уклоняться от своих обязанностей, даже если их жизнь находится под угрозой, исходя из состояния крайней необходимости (согласно статье 39 УК РФ).

¹ О статусе военнослужащих: федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (в ред. от 01.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации : Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (в ред. от 24.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

При квалификации совершения военных преступлений сложность разграничения военных преступлений от смежных преступлений возникает при решении вопросов уголовной ответственности за совершения преступлений против военной службы. Нормы, которые предусматривают ответственность за эти преступления находятся в конкуренции общих и специальных норм. Применяются в таком случае специальные нормы.

Подводя итог законодательного анализа и квалификации преступлений против военной службы в условиях проведения специальной военной операции, хотел бы обратить внимание на то, что органы законодательной власти, по нашему мнению, предусмотрели все те моменты, которые позволили бы остаться безнаказанным за совершение уголовного преступления.

Научная статья
УДК 343.34

К ВОПРОСУ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ

Ксения Константиновна НИКОЛЕНКО

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия,
ksani.nikol.07@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и процесса Донецкого государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Людмила Константиновна КАРПЕНКО**

Аннотация. Статья посвящена анализу негативного влияния социальных сетей и интернет-пространства на несовершеннолетних.

В работе отмечена недостаточность профилактических мер, направленных на защиту несовершеннолетних в цифровой среде.

В результате исследования предлагается комплексный подход, включающий усиление образовательных программ по повышению цифровой грамотности, совершенствование законодательных инициатив и активное участие родителей в обеспечении интернет-безопасности своих детей.

Ключевые слова: несовершеннолетний, Интернет-преступник, Интернет-пространство, виртуальное преступление

TO THE QUESTION OF CRIMINOLOGICAL VALIDITY JUVENILE DELINQUENCY IN THE INTERNET SPACE

Ksenia K. NIKOLENKO

Donetsk State University, Donetsk, Russia, ksani.nikol.07@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of Donetsk State University, Candidate of Law, Associate Professor
Lyudmila Konstantinovna KARPENKO

Abstract. The article is devoted to the analysis of the negative impact of social networks and the Internet space on minors.

The work noted the lack of preventive measures aimed at protecting minors in the digital environment.

As a result of the study, an integrated approach is proposed, including strengthening educational programs to improve digital literacy, improving legislative initiatives and the active participation of parents in ensuring the Internet security of their children.

Keywords: minor, Internet criminal, Internet space, virtual crime

В современном мире, где технологии прочно вошли в повседневную жизнь, быстро эволюционируют и становятся все более изощренными преступления с участием несовершеннолетних в Интернет-пространстве. Распространение такого рода преступности связано с быстрым доступом в виртуальную среду и наличием инновационных девайсов. Согласно статистическим данным, у 97 % подростков есть смартфон, у 58 % — ноутбук, у 43 % — стационарный компьютер.

При этом наличие смартфона также выявлено у детей в возрасте от 3 до 6 лет. В частности, такое распространение гаджетов вызывает бесконтрольное нахождение подростков в пространстве информационно-телекоммуникационных технологий. Увеличение преступлений, совершаемых в сети «Интернет», также связано с тем, что значительная часть общения подростков происходит в виртуальной среде. Меняется социальная обстановка и общение в сети становится более «реальным».

Среди преступлений, совершенных посредством Интернет-пространства, можно выделить несколько больших групп, среди которых:

— склонение к участию в террористических актах в учебных заведениях, планирование которых было осуществлено в социальных сетях;

- онлайн формы реализации аутодеструктивного и суицидального поведения среди несовершеннолетних;
- преступления против общественной нравственности в отношении несовершеннолетних, совершаемые с использованием сети Интернет;
- вовлечение несовершеннолетних в распространение идей терроризма и экстремизма.

Идеи экстремизма и терроризма получают свое распространение посредством массовой популяризации видеоигр. В подавляющем большинстве идея такого досуга — криминальная среда и симулирование террористических актов. Молодые люди находятся в реальности «боя», имея при этом доступ к аудио- и видео-чатам¹.

Геймеры создают собственных клонов таких игр и воздействуют на сознание потенциальных сторонников терроризма и экстремизма не только через голосовое общение, но и путем включения пользователя в игровые ситуации совершения терактов. В социальных сетях находят широкое распространение, так называемые, деструктивные сообщества, к которым относят группы, пропагандирующие экстремистскую и нацистскую идеологию — террористические группировки (в том числе движение «Колумбайн», признанное террористическим движением решением Верховного суда РФ).

Именно, направление «Колумбайн» отнесено к группе преступлений, смыслом которых является совершение террористических актов в учебных заведениях².

Популярность это движение получило посредством распространения информации в глобальной сети. Образовавшиеся группы в Интернет-пространстве мгновенно получили тысячи подписчиков и активное обсуждение планирующихся терактов. Реальным примером онлайн-рекрутинга (вербовки посредством виртуального пространства) стало происшествие в Новоазовске 25 марта 2024 года.

Подросткам с помощью мессенджера «Telegram» были отправлены сообщения с призывом совершить теракт в Муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении «Новоазовская школа № 1». Сумма вознаграждения составляла 1,5 миллиона рублей³.

¹ Террористы вербуют подростков в сетевых играх с немодерируемыми онлайн-чатами // Информационный портал «SecurityLab.ru», 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.securitylab.ru/news/521593.php?ysclid=lugqnogals552583009> (дата обращения 24.09.2024).

² Макушкин Е. В., Преступления в интернет-среде с участием несовершеннолетних и их медико-психологическая профилактика: Аналитический обзор. М.: Ф ГБУ «НМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2021. С. 22—24.

³ Вербовка в Сети: российским школьникам предлагают совершать теракты за деньги. Провокаторы находят их в соцсетях и игровых чатах // Информационный портал «Известия», 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1672171/mariia-frolova/verbovka-v-seti-rossiiskim-shkolnikam-predlagaiut-sovershat-terakty-zadengi> (дата обращения 24.09.2024).

Реализация аутодеструктивного и суицидального поведения среди несовершеннолетних связана с повальным распространением «сообществ смерти» в социальной сети «ВКонтакте». Наиболее популярными среди таких групп были «Разбуди меня в 4.20», «Море китов», «Синий кит», «Киты не плачут» и «50 дней до моего...». Особое значение приобретает открытый доступ информации, имеющей суицидальные идеи, и заинтересованность молодежи в поиске таких данных. Распространение идей о самоубийстве приобретает романтический характер, что размывает границы детского сознания, а бесконтрольное времяпрепровождение в сети «Интернет» заставляет подростка сомневаться в «реальности» происходящего.

К понуждению к действиям сексуального характера, совершаемого подростками с использованием сети «Интернет», в современном обществе относят «секстинг» (обмен откровенными фотографиями) и онлайн-груминг (иначе «кибергруминг» — насилие над ребенком, с которым не было встречи в реальной жизни). К такому поведению, в подавляющем большинстве, склонны взрослые мужчины. Однако определенная часть сексуального злоупотребления над детьми приходится на долю несовершеннолетних.

Еще одним видом отрицательного влияния на несовершеннолетних является «киберагрессия», представляющая собой намеренное причинение вреда одному человеку либо группе лиц посредством интернет-технологий вне зависимости от возраста агрессора и жертвы¹.

Данное явление можно интерпретировать в качестве преступления, если такие действия связаны не только с унижением чести и достоинства человека, но и влекут другие тяжкие последствия в виде причинения вреда здоровью или смерти.

Следующим видом воздействия на подростков является «кибербуллинг», интерпретируемый в качестве, как запугивания, так и физического, психологического террора, который направлен на формирование страха, подчинения, а также — как травля посредством интернет-контента, признанная более болезненным воздействием на личность несовершеннолетнего, чем побои².

Его можно рассматривать как индивидуальное, так и групповое преследование с применением информационных технологий сети «Интернет» посредством причинения морального вреда путем унижения достоинства, запугивания, которые, при этом, характеризуются качеством публичности, т.к. реализуются через сеть «Интернет».

¹ Рыжова О. А. Особенности преступности несовершеннолетних и меры профилактики в современных условиях // Наука. Общество. Государство. 2020. Т. 8. № 2 (30) [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/>. (дата обращения: 16.10.2023).

² Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). [Электронный ресурс]. URL: <http://npsyj.ru> (дата обращения: 17.10.2023).

Вышеуказанные общественно опасные деяния имеют повышенную латентность и в своем большинстве совершаются на теневой платформе глобальной сети — так называемом «Darknet», что в переводе с английского — «Темная сеть», «Теневая сеть». В этой части сети «Интернет» пользователи взаимодействуют с теневой стороны технического прогресса, связанной с насилием и другими противоправными деяниями, — то есть теми частями контента, с которыми не осмелились бы взаимодействовать в реальном мире.

Вышеуказанное подтверждают данные Приказа Генпрокуратуры России о том, что не выявлено ни одного преступления, совершенного несовершеннолетними и с их участием, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, выявленных и предварительно расследованных субъектами регистрации¹.

Следует отметить, что технология интернет-пространства позволяет преступнику виртуально влиять на сознание подростка, но отрицательные последствия этого проявляются в действительности.

Для успешного противодействия таким преступлениям требуется комплексный подход, который включает не только законодательные инициативы, но и образовательные программы для повышения уровня цифровой грамотности среди граждан, в особенности, молодежи.

В целом, проблема безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве требует особого внимания и скоординированных усилий, поскольку традиционные методы профилактики преступлений в новых условиях становятся недостаточно эффективными.

Нынешнее законодательство в основном направлено на фиксацию и наказание уже совершенных преступлений, тогда как профилактические меры, которые могли бы предотвратить воздействие вредоносного контента, явно недостаточны. Поэтому важно разработать новые нормы, регулирующие поведение несовершеннолетних в сети «Интернет», а также предусмотреть ответственность за преступные действия, совершаемые в отношении детей или с их участием в сети «Интернет».

Ключевым аспектом в этом вопросе является повышение цифровой грамотности. Молодежь должна быть подготовлена к тому, чтобы распознавать и избегать опасных ситуаций в сети «Интернет». Государственные образовательные программы, направленные на обучение безопасному поведению в сети, а также на развитие критического мышления, могут стать важным элементом этой профилактической стратегии. Программы, включающие тематику информационной безопасности, должны быть адаптированы к возрастным особенностям детей и подростков, поскольку именно они наиболее восприимчивы к негативным воздействиям.

¹ О внесении изменения в приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 17.01.2020 № 30 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС «Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений»6 Приказ Генпрокуратуры России от 25.01.2021 № 33. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В конечном итоге, создание безопасной цифровой среды требует усилий на всех уровнях. Важную роль также играет сотрудничество между государственными органами, правоохранительными структурами и обществом для создания безопасной цифровой среды для всех пользователей. Соблюдение этих профилактических мер может помочь предотвратить множество негативных последствий. Государство должно принимать меры по ужесточению законодательства, касающегося защиты несовершеннолетних, образовательные учреждения — внедрять курсы по цифровой грамотности, а родители — активнее включаться в процесс обучения и воспитания в вопросах интернет-безопасности.

Только через комплексный подход, включающий правовые, социальные и образовательные меры, возможно создать благоприятные условия для использования сети «Интернет» и защитить молодое поколение от новых угроз, которые продолжают развиваться вместе с технологиями.

Научная статья

УДК 343.7

КВАЛИФИКАЦИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ХИЩЕНИЙ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ, НАХОДЯЩИХСЯ НА БАНКОВСКИХ СЧЕТАХ, А ТАКЖЕ В ОТНОШЕНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

Юлия Александровна ПАПИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, urapina@yandex.ru.

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**, Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье обращено внимание на отдельные вопросы, учитываемые при квалификации насильственных хищений безналичных денежных средств, находящихся на банковских счетах или без такого.

В связи с тем, что законодатель внес изменения в статью 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, касающиеся ответственности за хищение упо-

мянутого предмета посягательства, возникает потребность в уточнении существующих подходов к квалификации хищения имущества.

Осуществлен анализ правоприменительной практики, по результату которого акцентировано внимание на проблемы, связанные с вопросами правильной квалификации рассматриваемых в статье видов хищения и подходами к разграничению данных преступлений.

Ключевые слова: хищение, грабеж, разбой, насилие, банковский счет, банковская карта, безналичные денежные средства.

Original article

QUALIFICATION OF VIOLENT THEFT OF FUNDS HELD IN BANK ACCOUNTS, AND WITH RESPECT TO ELECTRONIC FUNDS

Julia A. PAPINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, upapina@yandex.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article draws attention to certain issues that are taken into account in the qualification of violent theft of non-cash funds held in bank accounts or without such.

Due to the fact that the legislator has amended Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation concerning liability for theft of the said object of encroachment, there is a need to clarify existing approaches to the qualification of theft of property.

A review of law enforcement practices has been conducted, which has led to a focus on the challenges associated with the legal classification of the type of theft discussed in this article and approaches to differentiating these offenses.

Keywords: theft, pillage, robbery, violence, bank account, bank card, non-cash funds.

В нынешних реалиях отголоски разработок и применения информационных технологий в различной степени находят свое отражение во всех сферах

повседневной жизни граждан. Так, прогресс не обошел стороной и финансовые отношения, затрагивающие средства платежа: на сегодняшний день современное общество делает выбор в пользу безналичного расчета путем перевода денежных средств банками или иными кредитными организациями с открытием или без открытия банковских счетов (электронные денежные средства) (п. 3 ст. 861 ГК РФ). Регулирование подобных операций осуществляется в рамках ст. 5 Федерального закона «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 № 161-ФЗ (в ред. от 23.11.2024).

По отношению к безналичным денежным средствам, являющимся имущественным правом, граждане осуществляют правомочия владения, пользования и распоряжения, что представляет собой институт права собственности. Охрана такого рода предмета имущества от преступных посягательств с недавних пор осуществляется главой 21 УК РФ.

В частности, Федеральным законом от 23.04.2018 № 111-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» криминализирован новый квалифицированный состав под п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а именно кража, совершенная с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств. Если же вопросы квалификации кражи безналичных денежных средств законодателем стали урегулированы, то при квалификации насильственных хищений рассматриваемого предмета посягательства в уголовно-правовой науке и судебной практике возникают сложности.

В первую очередь стоит уточнить, что при любом виде хищения со счета банковская карта выступает средством совершения преступления, а денежные средства, в том числе и электронные, — его предметом. Данное положение подтверждается тем, что сама по себе банковская карта не имеет стоимостного значения для уголовно-правовой квалификации, что не влечет причинение ущерба потерпевшему при ее незаконном изъятии¹. Напротив, возникновение ущерба детерминировано изъятием денежных средств с банковского счета с помощью платежной карты.

Ошибочно считать началом выполнения объективной стороны хищения, связанного с изъятием денежных средств с банковского счета, завладение картой в любой форме (с насилием или без). Подобные умышленные действия лишь создают условия для совершения преступления в будущем, являясь по своей сути приготовлением. Обратное потребовало бы признавать оконченным хищение транспортного средства в связи с фактом изъятия ключа от него.

В силу указанных обстоятельств возникает проблема квалификации действий виновного, похитившего с применением насилия исключительно банковскую карту у потерпевшего и впоследствии осуществившего снятие с нее

¹ Архипов А. В. Квалификация незаконного завладения банковскими картами // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № 23. С. 6.

денежных средств.

К сожалению, подобные насильственные завладения только платежными картами в правоприменительной практике квалифицируется как оконченный грабеж или разбой.

Так, А. и Б. с помощью применения насилия, не опасного для здоровья, к потерпевшему получили банковскую карту и ПИН-код от нее. Оставив последнего на месте происшествия, А. и Б. направились к ближайшему банкомату и обналичили денежные средства. Указанные действия были квалифицированы по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, так как, по мнению суда, «об открытом характере хищения свидетельствует то обстоятельство, что подсудимые, осознавая, что их действия явны для потерпевшего, несмотря на возражения последнего, похитили у него денежные средства»¹.

Нам представляется верной квалификация по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ (данной частью предусмотрено наиболее строгое наказание). При наличии оснований необходима отдельная юридическая оценка применению насилия, так как оно выступает способом облегчения изъятия не предмета, а средства совершения преступления, что может повлечь ответственность, например, по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

В описанной ситуации сама банковская карта не представляет ценности, а денежные средства с нее изымались тайно. Исходя из п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 № 29 (в ред. от 15.12.2022) под открытостью хищения подразумевается как осведомленность потерпевшего о высокой вероятности незаконного изъятия его денежных средств с банковского счета в будущем, так и наличие очевидцев при обналичивании средств в банкомате или оплате товаров, которые заранее не могут предполагать, кому принадлежит банковская карта².

В соответствии с теми же критериями необходимо дополнительно квалифицировать действия лица, осуществившего завладение банковской картой для тайного хищения средств со счета с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозой его применения, например, по соответствующей статье УК РФ в зависимости от степени причинения вреда здоровью потерпевшего (ст.ст. 111, 112 или 115 УК РФ).

Определенные проблемы вызывает и квалификация действий виновного при насильственном хищении платежной карты или телефона с приложением «Мобильный банк» вместе с иным имуществом потерпевшего.

¹ Приговор № 1-190/2020 от 23 июля 2020 г. / Богородский городской суд (Нижегородская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В. совершил насильственные действия в отношении потерпевшего, причинив ему вред здоровью средней тяжести, которые способствовали хищению телефона и банковской карты. В дальнейшем В. с помощью похищенной карты осуществил оплату покупок в магазине. Суд признал В. виновным в совершении преступления по ч. 1 ст. 162 УК РФ¹.

По нашему мнению, в описанном случае содеянное квалифицируется по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в отношении хищения денежных средств с банковского счета при оплате товаров в магазине и ч. 1 ст. 162 УК РФ — в отношении хищения телефона, совершенного с применением насилия, опасного для здоровья. Указанное объясняется тем, что разбой окончен с момента нападения в целях хищения. Хотя изъятие чужого имущества вынесено за пределы объективной стороны разбоя, момент такого завладения важен для его квалификации. Зачастую он становится завершающим элементом объективной стороны, хотя и не входит в нее².

В приведенном примере хищение средств с банковского счета совершено уже после как юридического, так и фактического момента окончания разбойного нападения, в связи с чем квалифицируется самостоятельно. По тем же правилам квалифицируется и хищение платежной карты или телефона с приложением «Мобильный банк» вместе с иным имуществом потерпевшего при применении насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой его применения.

Самым неурегулированным в уголовном праве представляется вопрос квалификации насильственного изъятия банковской карты или телефона с приложением «Мобильный банк» и осуществления обналичивания денежных средств в банкомате или их перевода с помощью телефона непосредственно при потерпевшем лице.

Так, Г. в темное время суток в отделении банка, применив насилие, не опасное для здоровья, изъяс у потерпевшего банковскую карту и вывел ПИН-код. После этого Г., удерживая потерпевшего, с помощью банкомата обналичил денежные средства с указанной карты.

В данном случае изъятие банковской карты и обналичивание с помощью нее денежных средств происходит открыто, так как виновный совершает все действия, осознавая, что рядом с ним находится потерпевшее лицо. Соответственно, квалифицировать подобное преступное деяние как кража не представляется возможным. По мнению В. Н. Винокурова, как грабеж следует квалифицировать завладение банковской картой с применением насилия, не опасного для жизни или здоровья, или угрозой его применения, если сразу после этого преступник совершает операцию по снятию или переводу денежных

¹ Приговор № 1-414/2019 от 3 декабря 2019 г. / Зеленодольский городской суд (Республика Татарстан)
// Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 08.11.2024).

² Яни П. С. Вопросы квалификации разбоя // Законность. 2015. № 9 (971). С. 50.

средств со счета потерпевшего в его присутствии¹. Упомянутые правила также распространяются на случаи осуществления подобных действий с помощью насилия, опасного для жизни или здоровья, или угрозы его применения.

В то же время описанный подход является несовершенным, поскольку не учитывает специфику средства совершения преступления — банковская карта, а также предмет, на который посягает виновное лицо — безналичные денежные средства. Однако уголовно-правовой наукой и правоприменительной практикой иных квалификаций на данный счет не предложено. Причиной тому тот факт, что законодателем наравне с п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ в иные статьи уголовного закона о других видах хищения подобные квалифицированные составы не введены.

Таким образом основным вектором в решении проблем правильной квалификации рассматриваемых видов хищения и урегулировании подходов к разграничению данных преступлений видится в дополнении руководящих разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» от 27 декабря 2002 № 29 (в ред. от 15.12.2022)².

Научная статья
УДК 343.214

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ФАКТИЧЕСКОЙ ОШИБКИ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

София Юрьевна ПЕТРУШКО

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург,
Россия, i@antonyuk-olesya.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук **Виктория Вячеславовна СЕМЕНОВА**,
Vsemenova17@inbox.ru

Аннотация. В статье исследуется фактическая ошибка и ее влияние на квалификацию преступных деяний.

Проанализирована судебная практика, выделены модели квалификации

¹ Винокуров В. Н. Квалификация незаконного завладения банковской картой и последующего изъятия имущества // Уголовное право. 2023. № 8. С. 30.

² О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (в ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

деяний, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу в условиях фактической ошибки в признаках потерпевшего.

Ключевые слова: фактическая ошибка, возраст потерпевшего, половая неприкосновенность, половая свобода

Original article

TO THE QUESTION OF THE VALUE OF THE ACTUAL ERROR FOR QUALIFICATION OF CRIMES

Sofia Y. PETRUSHKO

St. Petersburg Academy of Investigative Committee, St. Petersburg, Russia,
i@antonyuk-olesya.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law **Victoria Vyacheslavovna SEMENOVA**, Vsemenova17@inbox.ru

Abstract. This article examines factual error and its impact on the qualification of criminal acts.

Judicial practice has been analyzed, models of qualification of acts encroaching on sexual integrity and sexual freedom in conditions of actual error in the signs of the victim have been identified.

Keywords: actual error, age of the victim, sexual inviolability, sexual freedom

Согласно принципу вины в уголовном праве, объективное вменение недопустимо, следовательно, лицо может быть привлечено к уголовной ответственности только в случае установления его вины. В ситуациях, когда оно заблуждается относительно каких-либо признаков преступления, возникают ошибки, которые называются фактическими.

И. З. Геллер в своих трудах говорил о фактической ошибке правонарушителя как о несоответствии между его представлением и внешней стороной деяния¹.

Определяя природу фактической ошибки, основоположник науки уголовного права в России, Н.С. Таганцев указывал, что она представляет собой несоответствие предположения и действительности и может проистекать, во-пер-

¹ Геллер И. З. Ошибка человека и ее значение, при вменении деяния этого лица ему в вину. Юрьев. 1910. С. 11—12.

вых, от незнания данным лицом фактических условий деятельности, от недостатка представлений, соответствующих действительности (неведение в тесном смысле слова), или от неправильного представления этой обстановки (заблуждение)¹.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что фактическая ошибка — это явление в юриспруденции, когда лицо имеет неверное представление относительно фактического содержания признаков, составляющих объект и объективную сторону преступления.

Фактическая ошибка делится на несколько видов. Наиболее общую классификацию, по нашему мнению, привел также Н. С. Таганцев:

1. Ошибка относительно объекта посягательства. Данный вид подразумевает по собой неправильное представление лица о сущности объекта посягательства, т.е. лицо считает, что посягает на один объект, а на самом деле причиняет ущерб другому, неоднородному с тем, который охватывается умыслом виновного, либо же лицо желает посягнуть на объект, охраняемый менее строго, а посягает на объект, охраняемый более строго.

2. Ошибка относительно причинной связи явлений. Это означает неправильное понимание виновным причинно-следственной зависимости между его деянием и наступившим общественно опасным последствием, т.е. лицо не осознает к каким последствиям приведет порожденная его действиями причинная связь, или лицу известен один ход событий, но он изменяется, и преступный результат не наступает (или наступает).

Помимо вышеуказанной классификации фактической ошибки в уголовном праве, следует также выделить и иную классификацию в зависимости от ошибки в признаках потерпевшего в преступлениях против личности:

— фактическая ошибка в признаках потерпевших в преступлениях против жизни и здоровья;

— фактическая ошибка в признаках потерпевших в преступлениях против половой неприкосновенности.

Данная классификация основана на осознании виновным общественной опасности своих действий при совершении указанных преступлений, которая основывается на заведомом знании о конкретном признаке потерпевшего, которое может стать либо квалифицирующим признаком, либо обязательным элементом состава преступления.

Рассмотрим в настоящем исследовании фактическую ошибку в признаках потерпевших в преступлениях против половой неприкосновенности. Так, квалифицирующим признаком в преступлениях против половой неприкосновенности является возраст потерпевшего: не достигший двенадцатилетнего возраста; четырнадцатилетнего возраста, возраста восемнадцати лет.

¹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право: лекции. Часть Общая. Том I. Тула, 2001. С. 458.

Так, если в отношении лица не достигшего двенадцати лет совершены развратные действия, либо с ним же совершено половое сношение или иные действия сексуального характера, то такие действия квалифицируются как изнасилование потерпевшей, не достигшей четырнадцатилетнего возраста, либо насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста. Следовательно, в ситуации фактической ошибки, характер и степень общественно опасного деяния может, как значительно увеличиться, так и снизиться.

Согласно положениям постановления Пленума Верховного Суда РФ от «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» 04.12.2014 № 16, виновный должен знать или допускать, что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ.

Данная позиция является предпосылкой к тому, что при квалификации деяния лица, хоть и не знавшего достоверно о возрасте потерпевшего, будет вменяться квалифицирующий признак. Однако данное положение противоречит принципу субъективного вменения, содержащемуся в ст. 5 УК РФ.

Таким образом, существует несколько вариантов квалификации совершенного деяния в условиях фактической ошибки:

- как покушение на преступление с квалифицирующим признаком;
- по совокупности основного состава и покушение на преступление с квалифицирующим признаком;
- как оконченное преступление без квалифицирующего признака;
- как оконченное преступление с квалифицирующим признаком.

Примером в судебной практике квалификации фактической ошибки в признаках потерпевших в преступлениях против половой неприкосновенности может послужить приговор, в котором Хасавюртовский городской суд изменил квалификацию с ч. 3 ст. 134 УК РФ на ч. 1 ст. 134 УК РФ, в связи с тем, что осужденный достоверно не знал о малолетнем возрасте потерпевшей, так как физиологически по его показаниям и показаниям свидетелей она выглядела на пятнадцать-шестнадцать лет, лгала о своем возрасте и старалась выглядеть старше¹.

Таким образом, в настоящей работе нами выделены модели квалификации деяний, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу в условиях фактической ошибки в признаках потерпевшего. Учитывая, что научная дискуссия по вопросу фактической ошибки существует уже продолжительное время, требуется отдельное исследование каждой выделенной нами модели квалификации.

¹ Приговор № 1-86/2019 от 22 мая 2019 г. / Хасавюртовский городской суд (Республика Дагестан) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 18.11.2024).

Научная статья
УДК 343.614

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА

Иван Михайлович ПОТАПОВ

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, pjm200481@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент **Елена Анатольевна ПИСАРЕВСКАЯ**, Liorev@mail.ru

Аннотация. В статье раскрывается специфика состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.

На основании анализа статистики автором делается вывод о том, что на практике существует явное расхождение между количеством зарегистрированных уголовных дел, связанных с доведением человека до самоубийства, и вынесенных по ним судебным решениям.

В работе также предлагаются дальнейшие пути совершенствования уголовного законодательства для устранения существующих пробелов и противоречий в данной сфере.

Ключевые слова: право на жизнь, преступления против жизни, доведение до самоубийства, криминальный суицид

Original article

SOME OF THE CHALLENGES OF LEARNING BEFORE SUICIDE

Ivan M. POTAPOV

Northwest Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, pjm200481@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law of the North-West Branch of the Russian State University of Law, Candidate of Law, Associate Professor **Elena Anatolyevna PISAREVSKAYA**, Liorev@mail.ru

Abstract. The article reveals the specifics of the corpus delicti under Art. 110 of the Criminal Code.

Based on the analysis of statistics, the author concludes that in practice there is a clear discrepancy between the number of registered criminal cases related to driving a person to suicide and court decisions made on them.

The work also proposes further ways to improve criminal law to eliminate existing gaps and contradictions in this area.

Key words: right to life, crimes against life, driving to suicide, criminal suicide

Современное уголовное законодательство нашего государства уделяет особое внимание преступным деяниям, связанным с уголовно-правовой охраной жизни. Среди них выделяется преступление, предусмотренное ст. 110 УК РФ.

Анализ статистических данных за 2019—2023 года показывает, что количество преступлений, официально зарегистрированных по ст. 110 УК РФ, значительно превышает количество приговоров, вынесенных по данной статье¹.

Так, за указанный период было зарегистрировано 1604 таких преступлений², в то время как число окончательных судебных решений по ним составило всего лишь 7, из которых 70 обвинительных приговоров и 1 оправдательный.

Такое положение дел позволяет сделать вывод о существовании значительного количества трудностей, связанных, в первую очередь, с вопросами квалификации анализируемого преступления, установления причинно-следственной связи между воздействием на лицо, совершившее самоубийство (далее — суицидент), и самим актом лишения себя жизни, изобличения лица, непосредственно виновного в криминальном суициде и другими.

Возникновение этих трудностей обуславливается различными факторами, в том числе наличием специальных методов расследования таких преступлений³.

В этой связи считаем необходимым остановиться на более детальном анализе объективных и субъективных признаках данного состава, а также раскрыть само содержание термина «криминальный суицид».

Определяя сущность понятия «доведение до самоубийства», необходимо ориентироваться на диспозицию ст. 110 УК РФ, согласно которой исследуемый вид преступления представляет собой такое деяние, где наступление об-

¹ Данные судебной статистики // Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7900>. (дата обращения: 18.10.2024).

² Статистические данные ГИАЦ МВД России. Ф. 491 // Министерство внутренних дел Российской Федерации. — URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_ (дата обращения: 26.11.2024).

³ Ильин Н.Н. Актуальные вопросы расследования доведения до самоубийства // Вестник московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 100—103.

щественно опасных последствий становится результатом действий самого потерпевшего. Роль виновного здесь сводится лишь к возбуждению соответствующего желания определенными способами у другого лица покончить с собой. Уголовным законом четко установлен перечень способов, образующих объективную сторону рассматриваемого состава. К ним относятся: угрозы; жестокое обращение с потерпевшим; систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего.

У каждого из перечисленных способов доведения до самоубийства есть свои особенности. Так, угрозы могут затрагивать различные стороны жизни потерпевшего. Важно отметить, что первостепенное значение здесь имеет не столько содержание и форма угрозы, сколько ее субъективное восприятие суицидентом, как реальной опасности для существования, ставящую его в безвыходное положение¹.

Систематическое унижение человеческого достоинства, включающее в себя наравне с угрозами оказание определенного психологического давления на лицо, может выражаться в неоднократных актах оскорбления, глумлении над потерпевшим, его постоянной травле, распространении ложных сведений и т. д.

Жестокое обращение подразумевает грубое и безжалостное отношение виновного к потерпевшему. Данное понятие по своему объему является оценочным, так как им охватывается широкий круг деяний, которые могут причинить потерпевшему как физические, так и психические страдания (побои, истязания, издевательства, лишение пищи и воды, медицинской помощи, ограничение свободы и т. д.). Здесь и проявляются первые проблемы квалификации криминального суицида.

В УК РФ часть упомянутых выше деяний рассматривается в качестве отдельных составов преступлений: побои — ст. 116, истязание — ст. 117, клевета — ст. 128.1 и другие.

В связи с изложенным существует проблема необходимо ли вменять виновному лицу один из перечисленных составов, или он уже будет охвачен диспозицией ст. 110 УК РФ.

В описательно-мотивировочной части кассационного определения от 23 мая 2024 г. по делу № 77-1179/2024 лицо, виновное в доведении человека до самоубийства путем угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства, было осуждено по ч. 1 ст. 110 УК РФ, п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ, ч. 1 ст. 117 УК РФ и ч. 1 ст. 119 УК РФ.

Судом было установлено, что в отношении потерпевшей, виновным лицом систематически совершались действия насильственного характера, в том

¹ Сбирунов П. Н. Теоретические и практические проблемы уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Право и практика. 2021. № 3. С. 77.

числе побои. Один раз такие действия привели к причинению вреда здоровью средней тяжести, не опасного для жизни, но вызвавшие длительное расстройство здоровья. Более того, в ее адрес в присутствии третьих лиц многократно высказывались различного рода оскорбления с применением ненормативной лексики, что в совокупности привело к физическим и психическим страданиям суицидента¹.

В то же время приговором Кисловодского городского суда от 2 февраля 2021 г. по делу № 1-20/2021 С. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110 УК РФ. При этом совершил деяние он аналогичным способом (за исключением умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью суициденту), что и виновное лицо в ранее указанном приговоре — с применением угроз, жестокого обращения и систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего².

Как можно заметить, на практике до сих пор нет единого мнения относительно поставленного вопроса. Представляется, что наиболее правильную позицию по данной проблематике высказывала Л. А. Андреева. Так, если виновное лицо, совершает деяния, предусмотренные составами преступления, признаки объективной стороны которых содержат в себе действия, указанные в ст. 110 УК РФ, и которые непосредственно предшествуют доведению человека до самоубийства, то они будут образовывать идеальную совокупность преступлений³.

Актуальным на сегодня остается также вопрос определения момента окончания криминального суицида⁴. Существует несколько точек зрения. Некоторые ученые, например, Д. В. Решетникова, считают, что данный состав преступления нельзя расценивать как чисто материальный, поскольку в качестве последствий здесь может выступать не только самоубийство, но и покушение на него⁵. Другие, к примеру, А. К. Романов, признают оконченным данное преступление только при наступлении определенных законом последствий — материальный состав⁶. Вторая позиция нам видится наиболее правильной с точки

¹ Кассационное определение по делу № 77-1179/2024 от 23.05.2024. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Приговор по делу № 1-20/2021 от 02.02.2021. — URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/57413977> (Дата обращения: 19.11.2024г.).

³ Андреева Л. А., Константинов П. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. С. 106.

⁴ Пучнина М. Ю., Прохонов В. С. Криминальный суицид: понятие, признаки, характерные черты и уголовно-правовая характеристика // Вестник воронежского института МВД России. 2019. № 4. С. 242.

⁵ Решетникова Д. В. Особенности момента окончания преступлений против жизни и здоровья по Уголовному кодексу Российской Федерации // Общество и право. 2011. №1 (33). С. 109—110.

⁶ Романов А. К. Актуальные проблемы применения законодательства об уголовной ответственности за доведение до самоубийства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2007. №2 (2). С. 42—47.

зрения того, что только наступление общественно опасных последствий, указанных в диспозиции ст. 110 УК РФ, будет свидетельствовать наличии в таком деянии всех признаков состава преступления.

Отдельно следует сказать о том, что жертвой криминального суицида может выступать любое физическое лицо. В пунктах «а» и «б» ч. 2 ст. 110 УК РФ потерпевший выступает в качестве квалифицирующего признака. Так, доведение до самоубийства несовершеннолетнего или лица, находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного, а также женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности являются отягчающими обстоятельства для данного состава преступления.

Акцентируем внимание на том, что принятие соответствующих дополнений, связанных с квалифицирующими признаками доведения до самоубийства, объясняется не только необходимостью расширения уголовной ответственности за его совершение, но и распространением относительно нового вида криминального суицида — криминального кибербуллизма¹.

Под данным термином понимается воздействие деструктивного характера с использованием информационных технологий на неопределенный круг лиц, с целью побуждения к индивидуальным или коллективным актам самоубийств. В условиях доступности сети «Интернет» основными жертвами данного преступления, как правило, становятся подростки. Криминальный кибербуллизм имеет особенности, как в способах реализации, так и при его расследовании. Отправной точкой здесь стало создание в сети «Интернет» различных «групп смерти» и «суицидальных культов», которые пропагандировали идеологию обесценивания человеческой жизни. Они имеют одинаковые принципы построения: во главе стоит администратор, под руководством которого находится определенное количество кураторов, которые в свою очередь напрямую оказывают влияние на участников групп. Помимо такого рода групп и культов в рассматриваемую категорию входит кибербуллинг.

Онлайн-запугивание является одним из самых распространенных способов применения угроз на сегодняшний день. При расследовании таких преступлений проблема заключается в том, что очень трудно установить виновных лиц, в связи с тем, что они, как правило, действуют анонимно или используют фейковые аккаунты².

Исходя из содержания норм уголовного законодательства, за совершение преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, уголовной ответственности

¹ Елистратова А. С. Доведение до самоубийства посредством использования интернет технологий: уголовно-правовые и криминологические аспекты // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 43. С. 196—199.

² Краснова К. А., Ережипалиев Д. И. Противодействие кибербуллизму как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // Юристъ-правоведь. 2017. №3 (82). С. 79—80.

подлежит лицо, которое на момент совершения преступления достигло возраста 16-ти лет. Полагаем, что такая позиция, является не вполне отвечающей современным реалиям. Довести до самоубийства могут и лица младше возраста, установленного УК РФ, особенно в сети «Интернет».

В нынешних условиях нередко случаи кибербуллинга, которые выражаются, как правило, в беспрецедентных по своей жестокости преступлениях, совершенными несовершеннолетними лицами. В связи с чем, для данного состава следует уменьшить возраст привлечения к ответственности с 16-ти до 14-ти лет. Представленной точки зрения придерживается и профессор С. Ф. Милюков¹. Более того, законодателем не предусмотрен ни один признак специального субъекта доведения до самоубийства, например, «близкий родственник», «должностное лицо», что является еще одним существенным недостатком.

Заводя разговор о субъективной стороне криминального суицида важно отметить, что для квалификации действий виновного по ст. 110 УК РФ необходимо установить, следующие факты, связанные с потерпевшим:

1. Суицидент обладал правом выбора: совершать либо отказаться от совершения суицида;
2. Самоубийство было совершено суицидентом вследствие оказываемого на него физического и (или) психологического давления;
3. Суицидент отдавал отчет своим действиям в момент лишения себя жизни и предвидел возможные последствия².

Отсутствие в диспозиции ст. 110 УК РФ указания на форму вины означает, что в данном составе она может быть выражена как в форме умысла, так и в форме неосторожности. Умысел при этом может быть прямым или косвенным. Виновный осознает, что указанными в законе способами толкает потерпевшего к самоубийству, предвидит возможность или неизбежность лишения им себя жизни и желает (прямой умысел) или сознательно допускает наступление этих последствий, либо относится к ним безразлично (косвенный умысел).

В таком случае доведение до самоубийства при неосторожной форме вины не будет являться обстоятельством, исключающим уголовную ответственность. Однако здесь имеются некоторые противоречия.

Анализ изменений в ст. 110 УК РФ говорит о том, что законодателем была ужесточена санкция за совершение данного преступления. Теперь минимальное наказание в виде лишения свободы составляет 8 лет вместо 5, а максимальное 15 лет вместо 8.

¹ Гилинский Я. И., Милюков С. Ф. С какого возраста можно привлечь к уголовной ответственности? // Вестник Герценовского университета. 2012. №1. С. 120—124.

² Сейфетдинов Р. К. Субъективная сторона доведения до самоубийства // Криминологический журнал. 2022. № 4. С. 157—159.

Наличие в УК РФ преступлений, которые могут быть совершены как неосторожно, так и умышленно, свидетельствует о наличии для обеих форм вины единой санкции. Иными словами, существует возможность применения одинакового наказания, которое может быть, с одной стороны, слишком строгим для неосторожности, с другой стороны, слишком мягким для умысла. При том, что пределы той или иной санкции должны прямо пропорционально зависеть от описанных в диспозиции признаков конкретного состава преступления.

В судебной практике существуют примеры, когда ранее принятые решения по делам, связанные с криминальным суицидом, были отменены в связи с неосторожной формы вины.

Так, кассационным определением от 25 июля 2023 года по делу № 77-1883/2023 было отменено в отношении гражданина К., приговор и апелляционное определение, в которых он обвинялся в деяниях, предусмотренных ч. 1 ст. 110 УК РФ и ч. 1 ст. 117 УК РФ. Уголовное дело было передано на новое судебное рассмотрение.

Из содержания приведенных в суде доказательств достоверно не следовало, что гражданин К., умышленно причиняя побои суицидента, предвидел возможность совершения им самоубийства и сознательно допускал наступление этих последствий и относился к ним безразлично. Сам осужденный утверждал, что не желал наступление смерти потерпевшему и не мог предвидеть такой исход событий. Суд опроверг последнее утверждение, но не учел показания свидетелей, согласно которым конфликты между осужденным и жертвой были обоюдными. Более того, последней ранее предпринимались попытки совершения суицида¹.

Еще одной ключевой проблемой является неурегулирование умысла на доведение человека до самоубийства несколькими лицами, особенно если речь идет о «квазисоучастии»², которое представляет собой мнимое участие лица в совершении преступления в роли исполнителя. В данном случае мнимость обуславливается различными факторами: возрастом, невменяемостью, участием в связи с физическим или психологическим принуждением, исполнением приказа или распоряжения. К сожалению, применение норм Общей части УК РФ о соучастии, применительно к квазисоучастию, является довольно затруднительным из-за обстоятельств, непосредственно порождающих состояние «квази», поэтому принятие решения должно осуществляться с учетом различных фактов.

Следовательно, на основании вышеизложенного, можно утверждать,

¹ Кассационное определение по делу № 77-1883/2023 от 25.07.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²Елисеева Н. М. К вопросу о содержании субъективной стороны квазисоучастия в доведении до самоубийства // Российский следователь. 2020. № 1. С. 35—38.

что в настоящее время в российском уголовном законодательстве существует множество пробелов в сфере регулирования положений ст. 110 УК РФ, которые приводят к многочисленным трудностям при квалификации данных деяний в правоприменительной практике.

На основании изложенного полагаем необходимым разработать Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о доведении до самоубийства (ст. 110 УК РФ)». В нем должны содержаться разъяснения, касающиеся спорных вопросов, связанных с квалификацией доведения до самоубийства.

Кроме того, необходимо внести изменения в УК РФ, в том числе: снизить возраст привлечения уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ до 14-ти лет, добавить ряд квалифицирующих признаков для субъекта рассматриваемого состава (например, должностное лицо, с использованием своего служебного положения). Предложенные нововведения позволят устранить часть существующих пробелов и противоречий, будут отчасти способствовать уменьшению проблем, встречающихся при квалификации данного противоправного деяния.

Научная статья
УДК 343.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ЦИФРОВИЗАЦИИ: КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯ, МОШЕННИЧЕСТВО В ОНЛАЙН-ПРОСТРАНСТВЕ, ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

Диана Борисовна ПРИЙМАЧУК¹, Анастасия Антоновна ОСОКИНА²

^{1, 2} Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия

¹ diana.priymachuk@yandex.com

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Ирина Борисовна ШПИГЕЛЬ**, lola.vesta@bk.ru

Аннотация. Статья рассматривает трансформацию преступности в условиях глобализации и цифровой революции, фокусируясь на наиболее актуальных видах киберпреступлений.

Анализируется современное состояние киберпреступности в России, а также рассматриваются понятия онлайн-мошенничества и торговли людьми в сети.

Исследование выявляет новые тенденции, методы и схемы преступлений в онлайн-пространстве, такие как фишинг и скам. В заключении предлагаются возможные подходы к противодействию трансформирующейся преступности с учетом глобальных и цифровых вызовов.

Ключевые слова: глобализация, цифровизация, киберпреступность, фишинг, скам, торговля людьми

Original article

THE TRANSFORMATION OF CRIME IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AND DIGITALIZATION: CYBERCRIME, FRAUD IN THE ONLINE SPACE, HUMAN TRAFFICKING

Diana B. PRIYMACHUK¹, Anastasia A. OSOKINA²

^{1, 2} South Russian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

¹ diana.prijmachuk@yandex.com

Scientific adviser — senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines of the South Russian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation **Irina Borisovna SHPIGEL**, lola.vesta@bk.ru

Abstract. The article examines the transformation of crime in the context of globalization and the digital revolution, focusing on the most relevant types of cybercrime.

The current state of cybercrime in Russia is analyzed, as well as the concepts of online fraud and online human trafficking are considered. The research reveals new trends, methods and patterns of crimes in the online space, such as phishing and scams. In conclusion, possible approaches to countering transforming crime are proposed, taking into account global and digital challenges.

Keywords: globalization, digitalization, cybercrime, phishing, scam, human trafficking

За последние два десятилетия можно увидеть четкую тенденцию, направленную на активное внедрение цифровых технологий в нашу бытовую жизнь. Технологией, о которых раньше никто даже и подумать не мог, сейчас пользуется почти каждый человек. Всем знакомы такие понятия, как умный дом, искусственный интеллект, роботы-помощники. Технологический уровень стремительно растет, но вместе с тем растет количество видов преступности.

Глобализация и цифровизация радикально трансформируют преступность. Новые технологии и международные связи создают не только возможности для сотрудничества и обмена информацией, но и новые риски, связанные с появлением новых форм преступлений и эволюцией традиционных. Анонимность и сложность расследования в цифровом пространстве усложняют борьбу с ними. Традиционные преступления также адаптируются к новым технологиям, используя их для более эффективного планирования и организации. Проблема анонимности, усугубляющаяся возможностями интернет-технологий, значительно осложняет идентификацию преступников и правоприменение.

Киберпреступность, мошенничество в онлайн-пространстве и торговля людьми — яркие примеры этой трансформации, о которых мы подробно рассказали в статье.

«Киберпреступность» — это любое преступление, которое может совершаться с помощью компьютерной системы или сети, в рамках компьютерной системы или сети, или против компьютерной системы или сети. Это определение дано в рекомендациях экспертов ООН¹.

Киберпреступность включает в себя преступления, где компьютер является как объектом атаки (например, хакерские атаки, создание вирусов, фишинг, сам), так и инструментом для совершения других правонарушений (например, финансовое мошенничество, распространение ненавистнических материалов, преследование в сети).

В своем исследовании С. И. Буз говорит: «... возможно классифицировать киберпреступления на 2 основных типа: компьютерные преступления и преступления, совершаемые в киберпространстве. Как правило, компьютерные преступления направлены на получение неправомерного доступа к информации (в целях завладения, изменения или уничтожения), находящейся в памяти конкретного персонального компьютера, либо на неправомерное подключение к компьютерной сети в тех же целях. В свою очередь, преступления, совершаемые в киберпространстве, в целом полностью копируют состав «классической» вариации преступления, но совершаются с помощью специ-

¹ Доклад X Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Десятый Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями.

фических орудий (например, мошенничество в сфере интернет-продаж и покупок)»¹.

Киберпреступность опасна в первую очередь тем, что она сопряжена с мировым компьютерным прогрессом, и в первую очередь, с сетью «Интернет». Процесс совершенствования цифровых технологий уже необратим, а наряду с ним киберпреступность все больше проникает в нашу частную жизнь. Регулировать такой вид преступности очень сложно, тем более законодательство редко пополняется статьями, посвященными киберпреступлениям.

К тому же нельзя не упомянуть одно из последних выступлений Генерального прокурора РФ И. В. Краснова на координационном совещании по вопросам противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, цифровой валюты и компьютерной информации.

«Отмечается шаблонность и безынициативность проводимой оперативной работы, отсутствие наступательности, недостаточная эффективность предварительного расследования. Во многих делах, как говорится, между двумя корочками больше ничего и нет. И таких дел в масштабах страны тысячи. Как результат, раскрываемость данного вида преступлений остается одной из самых низких. На протяжении последних лет она не превышает 27 %, а в текущем году еще ниже — 25,9 %», — приводятся в релизе слова И. В. Краснова².

Фишинг — это один из самых распространенных видов онлайн-мошенничества, его целью является получение идентификационные данные пользователей, в том числе пароли, номера банковских карт, и любую конфиденциальную информацию, которая касается вашей личности. Самым распространенным способом получения личной информации является социальная инженерия, то есть добровольное предоставление информации граждан³.

Дело в том, что с развитием информационных технологиям и переносам всех данных и сайтов в мобильные версии, мошенники начали создавать копии сайтов, интернет-магазинов, налоговых служб и многое другое, с этим способом, преступникам проще всего получить ваши данные.

Еще одной популярной формой онлайн-мошенничества является скам. Скам — это форма онлайн-мошенничества, которая включает в себя различные схемы обмана людей с целью получения выгоды, чаще всего финансовой, путем манипуляции, лжи или незаконных действий. Существует огромное ко-

¹ Буз С. И. Киберпреступления: понятие, сущность и общая характеристика // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4 (91). С.79.

² В Генпрокуратуре заявили о низкой раскрываемости киберпреступлений в России. 2024 – Текст: электронный // РИА Новости [сайт]. URL: <https://ria.ru/20241010/kiberprestuplenie-1977431676.html> (дата обращения 22.11.2024).

³ Ермакова А. Л., Чаплыгина В. Н. Фишинг как распространенное киберпреступление современности // Закон и право. 2022. С.149—150

личество форм скама, поэтому мы решили выделить самый на наш взгляд известный. Самый известные скам связан с финансами, а именно «финансовый скам», мошенники могут предлагать сделать маленький взнос для получения еще большей суммы, либо претвориться вашим знакомым и попросить помощи в финансовом виде.

Под торговлей людьми обычно понимается процесс, в результате которого отдельные лица попадают в эксплуатацию или удерживаются в этом состоянии с целью получения экономической выгоды.

Торговля людьми является глобальной проблемой, затрагивающей все страны и регионы мира. Для более глубокого понимания этой проблемы, давайте географическое распределение торговли людьми.

По данным Международной организации труда более 40 миллионов человек по всему миру находятся в ситуации торговли людьми. Из них около 25 миллионов являются жертвами принудительного труда, а более 15 миллионов — жертвами сексуальной эксплуатации.

Примерно 71% всех жертв торговли людьми составляют женщины и девочки.

Международное сотрудничество и законодательные инициативы играют ключевую роль в борьбе с торговлей людьми и в обеспечении защиты прав человека на глобальном уровне.

Это сотрудничество может проявляться как через международные организации, так и через национальные и региональные инициативы. Важнейшими документами являются Протокол о противодействии торговле людьми, особенно женщинами и детьми (2000 год).

Анализ трансформации преступности в современном мире демонстрирует, как динамично меняется криминологическая среда под воздействием различных факторов, таких как глобализация, технологический прогресс и изменения в социальной структуре.

Одна из наиболее заметных тенденций — это рост новых форм преступности, таких как киберпреступность и организованная преступность, которая стала гораздо более глобализованной и мобильной. Эти изменения требуют от правоохранительных органов и общества в целом адаптации к новым вызовам.

В итоге успешная борьба с трансформирующейся преступностью требует комплексного подхода, включающего в себя законодательные, технологические и социальные меры. Только через взаимодействие всех слоев общества и правоохранительных органов можно создать безопасную и справедливую среду для всех граждан.

Научная статья
УДК 343.301

**ЛИЧНОСТЬ ПРЕСТУПНИКА-ЭКСТРЕМИСТА:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Аким Игоревич ПШЕВАРА

Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия,
akimonych2404@mail.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и процесса Донецкого государственного университета, кандидат юридических наук, доцент **Людмила Константиновна КАРПЕНКО**

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of Donetsk State University, Candidate of Law, Associate Professor **Lyudmila Konstantinovna KARPENKO**

Аннотация. В статье рассматриваются основные аспекты экстремистской деятельности, включая насильственное изменение конституционного строя, публичное оправдание терроризма и возбуждение социальной розни.

Исследование основано на анализе статистики экстремистских преступлений, включая социально-демографические показатели осужденных, их пол, возраст, уровень образования и род занятий, а также психологические характеристики, такие как тревожность, нарциссизм и ригидность, которые способствуют радикализации и выбору пути экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, насилие, социальная рознь, ригидность, тревожность, нарциссизм

Original article

**IDENTITY OF EXTREMIST OFFENDER:
SOCIAL AND DEMOGRAPHIC AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS**

Akim I. PSHEVARA

Donetsk State University, Donetsk, Russia, akimonych2404@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Process of Donetsk State University, Candidate of Law, Associate Professor **Lyudmila Konstantinovna KARPENKO**

Abstract. The article examines the main aspects of extremist activity, including the violent change of the constitutional order, the public justification of terrorism and the incitement of social hatred.

The study is based on an analysis of statistics on extremist crimes, including socio-demographic indicators of convicts, their gender, age, level of education and occupation, as well as psychological characteristics such as anxiety, narcissism and rigidity, which contribute to radicalization and the choice of the path of extremism.

Keywords: extremism, violence, social strife, rigidity, anxiety, narcissism.

В условиях глобализации и стремительного развития информационных технологий современное общество сталкивается с новыми вызовами, среди которых особое место занимает экстремизм. Актуальность исследования личности преступника-экстремиста обусловлена растущей угрозой, которую представляют радикальные идеологии, способные подрывать основы социальной стабильности и безопасности. В последние годы наблюдается увеличение числа преступлений, связанных с экстремистской деятельностью, что требует глубокого анализа факторов, способствующих формированию такой личности.

Данной тематике посвятили свои труды многие авторы, в числе которых: Ю. С. Пестерева и Е. И. Чекмезова, классифицировавшие экстремистов на два типа личности, а также проанализировавшие личность экстремиста по демографическим и социальным признакам; В. А. Диль выделяет два типа экстремистов: уверенных с высокой самооценкой и неуверенных с низкой, оба из которых проявляют агрессивность и фанатизм; Г. В. Залевский и Д. Шапиро подчеркивают связь ригидности с органическими поражениями мозга и повышенной тревожностью, что приводит к патологическому развитию личности, а также к защитным реакциям, проявляющимся в раздражении и злобе. Данные исследования придают особое значение психологическим характеристикам, таким как тревожность и ригидность.

Целью данной статьи является изучение социально-демографических и психологических аспектов личности преступника-экстремиста, что позволит выявить ключевые характеристики и механизмы, способствующие его радикализации. В рамках поставленной цели необходимо решить несколько задач: проанализировать существующие подходы к определению личности экстремиста, рассмотреть влияние социального окружения и личной истории на формирование экстремистских взглядов, а также выявить психологические особенности, способствующие вовлечению индивидов в экстремистскую деятельность.

Объектом исследования выступает личность преступника-экстремиста в контексте его социального окружения и психологического состояния.

Предметом исследования являются социально-демографические характеристики, такие как возраст, пол, уровень образования и социальный статус, а также психологические аспекты, включая мотивацию, личностные черты и эмоциональное состояние, влияющие на принятие решения о совершении экстремистского акта.

На данный момент понятие «экстремистская деятельность» определено Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (в ред. от 15.05.2024 г.) и имеет широкое толкование¹. Исходя из данного определения, можно выделить основные аспекты этой деятельности:

- насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
- пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной, языковой принадлежности или отношения к религии.

Исходя из общедоступной статистики экстремистских преступлений, сравним социально-демографические показатели осужденных.

Пол осужденных. Преступления экстремистской направленности совершаются в основном лицами мужского пола, а именно в 95,9 % случаев. Среди женщин данный вид преступлений не имеет широкого распространения.

Так, 26 августа 2024 года, в Магадане суд признал жителя области виновным в публичных призывах к экстремизму и приговорил его к двум годам лишения свободы, за размещение в сети «Интернет» публичных призывы к осуществлению экстремистской деятельности в форме насильственных действий в отношении лиц русской национальности².

Основную массу среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности за экстремистские преступления, составляют социально неадаптированные молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет, как правило, не работающие и не учащиеся или формально занятые, входящие в устойчивые антисоциальные группы.

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Закон РФ от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ в ред. от 15.05.2024 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Магаданцу вынесли приговор за призывы к насилию в отношении русских. // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240826/magadanets-1968419178.html> (дата обращения: 20.11.2024).

Именно они совершают основную массу актов причинения вреда здоровью из хулиганских побуждений, собственно хулиганств, вандализма и надругательств над местами захоронений¹.

По результатам анализа можно сделать вывод о том, что преступления экстремистской направленности совершаются преимущественно лицами со средним общим (36,4 %) и средним профессиональным (31,4 %) образованием.

Анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что преступления экстремистской направленности совершаются осужденными, которые являются трудоспособными, но в силу различных обстоятельств на момент совершения преступления были без определенного рода занятий (49,7 %)².

Исходя из многочисленных актов экстремизма, представляется целесообразным рассмотрение психологических аспектов личности преступника для понимания причин, по которым те или иные индивидуумы выбирают преступный путь экстремизма.

В настоящее время, среди исследователей сформировались несколько основных психологических черт личности экстремиста, в частности, акцентуированная тревожность, нарциссизм и ригидность.

Высокая тревожность является значимым фактором, влияющим на поведение и восприятие мира лиц, склонных к экстремизму. Криминогенность тревожности состоит не только в том, что она включает в себя беспокойство, ощущение незащищенности, уязвимости, но и в том, что она определяет специфическое восприятие окружающей среды как чуждой и враждебной³.

Ю. М. Антонян акцентирует внимание на том, что высокая тревожность и отсутствие положительных эмоций приводят к дегуманизации других людей, что делает возможным применение насилия и экстремистских действий. Период детства определяет онтогенетическое развитие человека и особенно чувствителен к внешним влияниям. Представляется, что, если ребенок не чувствует защищенности, у него развивается тревожность и потребность в защите, которые могут стать мотивами поведения на бессознательном уровне⁴.

В. А. Диль выделяет два типа субъектов экстремистской деятельности: уверенных в себе с высокой самооценкой и неуверенных с низкой самооценкой. Оба типа проявляют агрессивность и фанатизм, но их цели могут быть

¹ Пестерева Ю. С., Чекмезова Е. И. К вопросу о личности экстремиста // Сибирское юридическое обозрение. 2012. № 2. С. 108—109.

² Воробьев С.М., Мишин А.А. Социально-демографическая характеристика осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности // Человек: преступление и наказание. 2021. № 1. С. 127.

³ Красненкова С. А. Кораблев С. Е. Социально-психологические и культурные истоки самосознания экстремиста // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 2. С. 90.

⁴ Антонян Ю. М. Криминогенное влияние на личность на стадии ранней социализации // Lex russica. 2013. № 7. С. 739.

идеалистическими или более практичными, такими как получение власти или материального благополучия¹.

Как указывают многие исследователи, одной из характерных психологических черт преступников-экстремистов является также ригидность. Понятие «ригидность» происходит от латинского «*rigidus*» или «*rigiditas*» — жесткий, твердый, застывший, и в психологическом аспекте определяется как характеристика поведения или свойство личности.

Так, Г. В. Залевский, указывает на связь ригидности с органическими поражениями мозга и повышенной тревожностью, что усиливает проявления ригидности и может приводить к патологическому развитию личности².

Д. Шапиро, в свою очередь, отмечает, что ригидные личности имеют мазохистические черты, проявляют раздражение и злобу, но их реакция является защитной, направленной на сохранение индивидуальности³.

Полагаем, что ригидные личности испытывают дискомфорт при столкновении с новыми и изменяющимися обстоятельствами, что заставляет их стремиться организовать свою жизнь в привычном и регламентированном порядке. Склонные к длительному переживанию негативных событий, такие личности испытывают трудности в смене эмоциональных состояний и сталкиваются с проблемами в межличностных отношениях. Ригидные личности могут проявлять мазохистические черты, требуя сочувствия и внимания, но при этом испытывая раздражение и злобу, что служит защитной реакцией. В конечном итоге, ригидность может проявляться как ответ на экстремальные ситуации и психоэмоциональные напряжения, что в свою очередь может побуждать к экстремистским действиям.

В заключение отметим, что исследование личности преступника-экстремиста в современных условиях глобализации и развития информационных технологий подчеркивает важность комплексного подхода к анализу данного явления. Увеличение числа экстремистских преступлений требует глубокого понимания как социально-демографических, так и психологических факторов, способствующих радикализации индивидов.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что экстремизм чаще всего проявляется среди молодых мужчин с низким уровнем образования и без определенного рода занятий, что указывает на необходимость целенаправленных профилактических мер.

¹ Диль В. А. Современный экстремизм: тенденции развития и социокультурные модификации // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 384. С. 47.

² Залевский Г. В. Психическая ригидность в норме и патологии. Томск: Изд-во Томского университета, 1993. С. 35.

³ Шапиро Д. Автономия и ригидная личность / пер. с англ. В. Мершавки, А. Телицыной. М.: Независимая фирма «Класс», 2009. С. 134.

Психологические характеристики, такие как высокая тревожность, нарциссизм и ригидность, играют ключевую роль в формировании экстремистских взглядов и поведении, что подчеркивает важность работы с молодежью и социально уязвимыми группами населения.

Научная статья

УДК 343.37

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КВАЛИФИКАЦИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЯ) ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ИЛИ ИНОГО ИМУЩЕСТВА, ПРИБРЕТЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Владимир Александрович САРАПКИН

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
vladimir.sarapkin@inbox.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Андрей Викторович ЗАРУБИН**,
Sarubin1@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы квалификации легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем в электронной среде.

Исследованы нормы законодательства, судебная практика, статистические данные, а также перспективы применения ст.ст. 174, 174.1 УК РФ с использованием сети «Интернет».

Разработаны предложения по совершенствованию уголовного законодательства и судебной практике по делам о легализации с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Ключевые слова: легализация, криптовалюта, сеть «Интернет», суд, «цифровая валюта»

**ABOUT SOME ISSUES OF QUALIFICATION OF LEGALIZATION
(LAUNDERING) OF FUNDS OR OTHER PROPERTY ACQUIRED
BY CRIMINAL MEANS USING THE INTERNET**

Vladimir A. SARAPKIN

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, vladimir.sarapkin@inbox.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Andrey Viktorovich ZARUBIN**, Sarubin1@yandex.ru

Abstract. The article discusses certain problems of qualifying the legalization (laundering) of funds or other property acquired by criminal means in the electronic environment.

The norms of legislation, judicial practice, statistical data, as well as the prospects for the application of Art. 174, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation using the Internet.

Proposals have been developed to improve criminal legislation and judicial practice in cases of legalization using information and telecommunication technologies.

Key words: legalization, cryptocurrency, Internet, court, digital currency

В современных условиях неурегулированности правового статуса криптовалюты у правоприменителя возникают сложности при квалификации деяний, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ, совершенных с использованием этого средства, особенно в сфере незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

Актуальность рассмотрения данного вопроса обусловлена тем, что в настоящее время «сбыт наркотических средств чаще всего осуществляется бесконтактным способом, при помощи сети «Интернет», это также упрощает возможность легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных от такой преступной деятельности»¹.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 1 Постановления

¹ Лупырь М. В. Уголовно-правовая оценка легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления (ст. 174.1 УК РФ) // Автореферат на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Омская академия МВД России, Омск, 2019. С. 4.

№ 32 от 07.07.2015 г. (ред. 26.02.2019) «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» обращает внимание правоприменителя на то, что предметом легализации могут являться денежные средства, преобразованные в виртуальные активы (криптовалюту), приобретенных в результате совершения преступления¹.

Данная правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации явилась следствием ратификации Российской Федерацией Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма, а также Рекомендации ФАТФ.

С учетом транснационального характера легализации Верховный Суд Российской Федерации справедливо стремится привести национальную судебную практику в русло международных стандартов в целях эффективного противодействия отмывания денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем.

Тем не менее, Постановление Пленума Верховного Суда от 07.07.2015 г. (ред. 26.02.2019) № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» не разрешает главных задач, стоящих перед следственными органами и прокурором при квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст.174, 174.1 УК РФ.

Так, ни в одном законодательном акте не содержится определения криптовалюты, что в свою очередь порождает проблемы при расследовании преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ, их квалификации и последующей инкриминации лиц.

Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ апеллирует понятием «цифровая валюта», запрещая ее использования в качестве средства оплаты товаров и услуг на территории России.

Исходя из законодательной конструкции диспозиции ст. 174 УК РФ предметом легализации являются денежные средства или иное имущество, то есть объекты гражданских прав, указанные в ст. 128 ГК РФ. С учетом открытого

¹ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 07.07.2015 № 32 (ред. от 26.02.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

перечня видов имущества в данной норме, некоторые суды относят криптовалюту именно к имуществу¹.

Так, по кассационному представлению прокуратуры города Санкт-Петербурга были отменены приговор районного суда и апелляционное определение городского суда по уголовному делу, по которому суды пришли к выводу о том, что криптовалюта «не является объектом гражданских прав, так как не может быть отнесена к вещам, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иному имуществу, в том числе безналичным денежным средствам, бездокументарным ценным бумагам, имущественным правам; результатам работ и оказания услуг; охраняемым результатам интеллектуальной деятельности и приравненным к ним средствам индивидуализации (интеллектуальная собственность), в связи с чем не может выступать предметом хищения»².

Не согласившись с данной позицией судов, прокуратура города обжаловала судебные акты в Третий кассационный суд общей юрисдикции, который определил, что цифровая валюта могла быть принята в качестве средства платежа, продана и конвертирована в рубли, которыми противоправно завладели фигуранты уголовного дела. В ходе нового судебного рассмотрения данного уголовного дела районный суд согласился с позицией государственного обвинителя о том, что криптовалюта является предметом хищения³.

Поскольку применение уголовного закона по аналогии не допускается признание криптовалюты имуществом по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, является достаточно противоречивым суждением.

Так, оценить стоимость легализованной криптовалюты в настоящее время не представляется возможным. Исходя из смысла абз. 4 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда от 07.07.2015 г. (ред. 26.02.2019) № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» предлагаемая методика оценки легализованного имущества «из фактической стоимости имущества, составляющего предмет данных преступлений» не реализуема на практике. Например, оценить рыночную фактическую (рыночную) стоимость наркотиков невозможно.

¹ 9-й ААС признал криптовалюту имуществом <https://pravo.ru/story/202325//> Доступ из: Право.ру

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 ноября 2020 г. по делу № 1-95/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ В г. Санкт-Петербурге криптовалюта признана предметом хищения на основании решения суда, вступившего в законную силу // органы и организации прокуратуры URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_78/mass-media/news?item=73895418.

В то же время Верховный Суд Российской Федерации предусмотрел возможность привлечения экспертов и специалистов к оценке легализованного имущества. Думается, что специалистов по оценке криптовалюты в экспертно-криминалистических центрах МВД России явно недостаточно.

По данным судебной статистики за 2022 год в России по преступлениям, предусмотренным ст.ст. 174, 174.1 УК РФ было осуждено всего 17 человек¹. В то время как по данным Росфинмониторинга ежегодно в нашей стране легализуется 250–300 млрд. рублей преступных доходов². В 2022 году Генеральный прокурор Российской Федерации отметил, что в минувшем году удалось доказать факты легализации на 40 млрд. рублей³. Данные свидетельствуют о высокой латентности данных преступлений.

Думается, что одной из проблем, по которой органы предварительного расследования и прокурор не включают в объем обвинения легализацию преступных доходов от совершения предикатного преступления является сложность определения предмета преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ⁴.

По нашему мнению, это может объясняться тем, что в действующем законодательстве отсутствует легальное определение понятия «криптовалюта», поэтому однозначно отнести ее к «денежным средствам» или «иному имуществу» нельзя.

А. В. Зарубин справедливо полагает, что признание криптовалюты предметом легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем является недопустимым, поскольку определенная в п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда от 07.07.2015 г. (ред. 26.02.2019) № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» специальная цель (криминообразующий признак), заключающаяся в придании правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретенными преступным

¹ Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Судебная статистика РФ. Режим доступа: <https://stat.api-press.pf/stats/ug/t/14/s/17>.

² Халитова, Р. Р. Актуальные вопросы противодействия легализации (отмыванию) денежных средств, добытых преступным путем // Материалы Международного Молодежного научного форума «Ломоносов 2021» Отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, Е. И. Зимакова. [Электронный ресурс] М.: МАКС Пресс, 2021.

³ Краснов, И.В. Борьба с отмыванием доходов и финансированием терроризма: итоги работы и основные задачи // Финансовая безопасность № 37/2023. С. 6.

⁴ Научно-практический комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» / А. В. Зарубин, А. А. Сапожков. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. С. 9.

путем (в результате совершения преступления) в случае покупки криптовалюты достигнута не будет¹.

В аспекте проблематики данного вопроса необходимо подчеркнуть, что непризнание предметом легализации криптовалюты не означает, что «отмытые» денежные средства при совершении лицом предикатного преступления не будут учтены судом при назначении наказания.

В случае перевода «отмытых» денежных средств в криптовалюту «предметом легализации по-прежнему будут выступать вырученные в результате проведения финансовых операций денежные средства, приобретенные преступным путем»².

Данная точка зрения видится нам наиболее обоснованной и находит свое отражение в позиции Верховного Суда Российской Федерации.

Так, приговором Рязанского областного суда К. был признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228.3 УК РФ и ч. 5 ст. 228.1 УК РФ и оправдан по п. «б» ч. 2 ст. 174.1 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. Также Судебной коллегией по уголовным делам Первого апелляционного суда общей юрисдикции К. был оправдан по п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ. В ходе предварительного расследования было установлено, что К. принимал оплату за сбыт наркотических средств в биткоинах, затем конвертировал их в рубли и переводил на счет своего доверенного лица (в общей сложности 8,2 млн рублей).

Вышеизложенное, несомненно, позволяет нам сделать вывод о том, что в действиях К. по конвертации криптовалюты в рубли усматривается специальная цель (криминообразующий признак) легализации, о котором мы говорили ранее.

В кассационном определении по данному делу Верховный Суд РФ указал, что «зачисление денежных средств на подконтрольный виртуальный счет криптовалюту «биткоин», дальнейшее ее конвертирование через различные виртуальные обменники в рубли, перевод денежных средств на банковские карты, зарегистрированные на другое лицо и их обналичивание через банковские терминалы, свидетельствует о наличии у осужденного цели легализовать денежные средства»³.

¹ Зарубин А. В. Некоторые вопросы квалификации легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных преступным путем с использованием криптовалюты // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра [Электронный ресурс]: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 18-19 мая 2021 г. Часть 1 / под ред. Т. А. Огарь, Д. М. Кокина; сост.: Т. А. Огарь, Д. М. Кокин. Электрон. дан. (1,85 Мб). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. С. 115.

² Сарапкин В. А. Некоторые проблемы определения момента окончания преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ // Уголовное право: актуальные вопросы теории и практики : сборник докладов Всероссийского студенческого научно-практического круглого стола с международным участием (Санкт-Петербург, 17 февраля 2023 г.) / Под ред. Е. Н. Рахмановой, Е. А. Писаревской, М. А. Дворжицкой. СПб: Астерион, 2023. С. 124.

³ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 6-УДП23-6-А1 от 8 июня 2023 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Приговор Рязанского областного суда и апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции в отношении К. в части оправдания по п. «б» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ был отменен Верховным Судом Российской Федерации.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем сделать вывод, что сам факт перевода преступно добытых денежных средств в криптовалюту нельзя квалифицировать по ст. 174.1 УК РФ поскольку в данном случае специальная цель легализации достигнута не будет. Тогда как конвертация криптовалюты в рубли свидетельствует об окончании преступления, предусмотренного ст. 174.1 УК РФ так как данная финансовая операция маскирует связь легализуемых денежных средств с преступным источником их происхождения (предикатным преступлением).

Предлагается внести изменения п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда от 07.07.2015 г. (ред. 26.02.2019) № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» в целях уточнения предмета преступлений, предусмотренных ст.ст. 174, 174.1 УК РФ. Поскольку правовой статус криптовалюты в Российской Федерации до конца не определен, ее не следует приравнивать к электронным денежным средствам как предмету легализации.

Данная позиция коррелируется с нормативными положениями ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в которой содержится прямой запрет выпуска на территории Российской Федерации денежных суррогатов¹.

Научная статья
УДК 343.123.3

ОСОБЕННОСТИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ОРГАНАМИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ И СУДОМ

Даниил Александрович СЕЛИХОВ

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, danya.selikhov@inbox.ru

Научный руководитель — заведующий 30 кафедрой (уголовного процесса) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации доктор юридических наук, доцент **Сергей Леонидович НИКОНОВИЧ**, trapezunt@yandex.ru

¹ Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86 Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Аннотация. в статье рассматривается роль органов, осуществляющих уголовное преследование в уголовном судопроизводстве, а также суда при прекращении уголовного дела, в частности по нереабилитирующим основаниям.

Проведен анализ проблемных вопросов, связанных с низким уровнем использования данного полномочия, а также делается вывод о возможности реформирования института прекращения уголовного дела путем передачи полномочий по принятию такого процессуального решения исключительно судебным органам в целях лучшей реализации принципа презумпции невиновности.

Ключевые слова: уголовный процесс, органы уголовного преследования, прекращение уголовного дела, нереабилитирующие основания, досудебное производство

Original article

PECULIARITIES OF TERMINATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS BY THE AUTHORITIES AND THE COURT

Daniil A. SELIKHOV

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, danya.selikhov@inbox.ru

Scientific adviser — Head of the 30th Department (Criminal Procedure) of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor **Sergey Leonidovich NIKONOVICH**, trapezunt@yandex.ru

Abstract. The article examines the role of criminal prosecution bodies in criminal proceedings, as well as the court in terminating a criminal case, in particular on non-rehabilitating grounds.

An analysis of problematic issues related to the low level of use of this authority was carried out, and it is also concluded that it is possible to reform the institution of terminating a criminal case by transferring the authority to make such a procedural decision exclusively to the judicial authorities in order to better implement the principle of the presumption of innocence.

Keywords: criminal process, criminal prosecution authorities, termination of the criminal case, non-rehabilitating grounds, pre-trial proceedings

Уголовное преследование представляет собой уголовно-процессуальную деятельность соответствующих государственных органов и должностных лиц

по привлечению к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, включающую и возбуждение процесса расследования, и само расследование обстоятельств преступления, розыск и поимку лица, совершившего преступление, утверждение лица о виновности в совершенном преступлении путем выдвижения тезиса о его виновности перед судебными органами, доказывание его виновности в судебном заседании.

Помимо прочего уголовное преследование направлено на прекращение деятельности по привлечению к уголовной ответственности лица посредством прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования в случаях, предусмотренных ст. 24-28.2 УПК РФ.

Действующий УПК РФ в статье 21 устанавливает обязанность осуществления уголовного преследования, а также указывает, что данный вид процессуальной деятельности от имени государства по уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения может осуществлять прокурор, следователь и дознаватель.

К органам уголовного преследования помимо прочих относятся также руководитель следственного органа, начальник органа дознания и начальник подразделения органа дознания. Таким образом, указанные государственные органы и должностные лица участвуют не только в уголовном преследовании в плане привлечения к уголовной ответственности, но и прекращают этот процесс ввиду наличия у них установленной законом возможности прекращения уголовного дела и (или) уголовного преследования.

Как уже указывалось ранее, уголовное дело и уголовное преследование могут быть прекращены не иначе, как по основаниям, предусмотренным статьями 24-28.2 УПК РФ. Эти основания подразделяются на две группы: реабилитирующие и нереабилитирующие.

В настоящее время следователь и дознаватель могут прекратить уголовное дело (уголовное преследование) в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ), в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ), в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ), а также в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 28.2 УПК РФ). Важно отметить, что решение о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования по указанным основаниям следователь и дознаватель принимают не самостоятельно, для этого требуется согласие руководителя следственного органа или прокурора соответственно.

Вместе с тем, ст. 25.1 УПК РФ устанавливает возможность прекращения

уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, и реализовать ее может только суд — больше ни один государственный орган, ни одно должностное лицо по своей инициативе не может прибегнуть к указанному основанию.

Однако, органы уголовного преследования также могут принимать участие в процедуре прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа — их роль заключается в том, что следователь с согласия руководителя следственного органа либо дознаватель с согласия прокурора могут подать ходатайство о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, которое уже будет рассматриваться судом.

В настоящее время такой подход к определению органов, уполномоченных прекращать уголовное дело, вызывает немало дискуссий. Связано это со спецификой прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, которая заключается в том, что государством признается факт совершения лицом преступления, но его дальнейшее уголовное преследование невозможно или нецелесообразно, в связи с чем нет оснований для возмещения вреда, причиненного органами уголовного преследования, от деятельности, направленной на привлечение лица к уголовной ответственности.

С советских времен правомерность прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям органами уголовного преследования ставилась под сомнения.

Многие правоведы предлагали передать эти полномочия исключительно суду, например, А. М. Ларин рассматривал возможность «ограничить круг органов, уполномоченных на подобное избавление лица, совершившего преступление, от уголовно-правовых обременений исключительно судебными инстанциями»¹ в целях соблюдения принципа презумпции невиновности, указанное положение также нашло свое отражение в решении Комитета конституционного надзора СССР, в котором указано, что «нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, позволяющие признавать лицо виновным в совершении преступления и освобождать его от уголовной ответственности с применением меры административного взыскания или общественного воздействия без рассмотрения дела в суде и вынесения приговора не отвечают принципу презумпции невиновности»².

В то же время ряд современных правоведов позитивно воспринимают полномочия органов уголовного преследования прекращать уголовные дела

¹ Ларин А. М. Презумпция невиновности / А.М. Ларин. — М., 1982.

² О несоответствии норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, определяющих порядок освобождения от уголовной ответственности с применением мер административного взыскания или общественного воздействия, Конституции СССР и международным актам о правах человека: заключение Комитета конституционного надзора СССР от 13 сентября 1990 г. № 2-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

на этапе досудебного производства. Так, например, В. М. Степашин отмечает, что «возможность освобождения от уголовной ответственности на досудебной стадии является одним из направлений совершенствования данного института, которое способно облегчить существующую загруженность судебной системы»¹.

Однако, настоящая правоприменительная практика показывает, что органы уголовного преследования неохотно прибегают к использованию положений ст. 25, 28, 28.1 и 28.2 УПК РФ в связи с наличием такого показателя в статистических отчетах, как количество дел, направленных в суд.

На наш взгляд, роль органов уголовного преследования при прекращении уголовного дела, в частности по нереабилитирующим основаниям, должна заключаться в сборе юридически важной информации, имеющей значение для правильного и всестороннего рассмотрения дела, а принятие процессуальных решений, в том числе о прекращении уголовного дела и (или) уголовного преследования оставить суду по аналогии со ст. 25.1 УПК РФ. Обосновывается это тем, что все-таки при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям констатируется факт виновности в деянии, например, в силу положений ч. 2 ст. 27 УПК РФ, которая устанавливает, что прекращение уголовного преследования по основаниям ст. 25, 28, 28.1 и 28.2 допускается только в том случае, если подозреваемый, обвиняемый против этого не возражает, тем самым негласно признавая факт совершения им преступления.

Об указанном свидетельствует и судебная практика. В частности, в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» отмечается, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление.

Подводя итог, и принимая во внимание возможность исследуемого вопроса, так как при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям следователь фактически признает лицо виновным, а также учитывая изложенное и тот факт, что органы преследования зачастую реализуют свои полномочия при прекращении уголовного преследования не исходя из интересов уголовного дела, а в целях соблюдения ведомственной статистики, полагаем необходимым совершенствовать институт прекращения уголовного преследования.

Полномочия о прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям должны быть только у суда, а следователь при таких обстоятельствах должен быть вправе, по аналогии с прекращением уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа, обратиться в суд с соответствующим ходатайством.

¹ Степашин В. М. Проблема уголовной репрессии вне уголовной ответственности // Правоприменение. 2017. № 1. С. 122—128.

Научная статья
УДК 343.337

ПРОБЛЕМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Родион Владимирович СИЛИЧ

Южно-Российский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Россия, rsilich-23@ranepa.ru

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации **Ирина Борисовна ШПИГЕЛЬ**, lola.vesta@bk.ru

Аннотация: В статье анализируются сложности выявления международных преступлений в XXI веке.

Обращается внимание на несовершенство международного законодательства, предусматривающего возможность выявления международных преступлений.

Ключевые слова: международные преступления, преступления против мира и безопасности человечества, военные преступления

Original article

PROBLEMS OF DETECTING INTERNATIONAL CRIMES IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS

Rodion V. SILICH

South Russian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia, rsilich-23@ranepa.ru

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law Disciplines, South Russian Institute of Management — a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation **Irina Borisovna SHPIGEL**, lola.vesta@bk.ru

Abstract: The article analyzes the difficulties of detecting international crimes in the 21st century.

Attention is drawn to the imperfection of international legislation providing for the possibility of detecting international crimes.

Keywords: international crimes, crimes against the peace and security of mankind, war crimes

Вследствие событий 2022 года Российская Федерация покинула или же приостановила свое участие в ряде международных объединений: Совет Безопасности ООН, Совет по правам человека ООН, Совет Европы, Европейский суд по правам человека, Международная организация труда, Организация американских государств¹.

Процессы «вытеснения» Российской Федерации с площадок международных организаций мотивированы политически и несут пагубные последствия для эффективности расследования преступлений и международного сотрудничества в области их противодействия.

Стоит остановиться на участии России в Интерполе: в результате ввода ограничений на территории Российской Федерации в 2023 году, инструменты для расследования преступлений межгосударственного характера резко сократились, а необходимость — только возросла.

XXI век явился катализатором многочисленных локальных конфликтов: обострение разногласий между Израилем и Сектором Газа и втягивание третьих стран в боевые столкновения; бомбардировка Йемена со стороны стран НАТО; бунты в Азии и Латинской Америке, события в странах Центральной Азии и пренебрежение продолжающимся конфликтом в Сирии. В результате подобных вспышек активизировалась деятельность террористических группировок, которая давно вышла за границы отдельных государств.

С учетом региональной концентрации деликтов, вполне вероятно распространение настроений на близлежащие страны.

Несмотря на довольно серьезную нормативную закреплённость норм, все больше вопросов адресуется эффективности их применения в контексте выявления и предупреждения международных преступлений.

Динамика развития международных преступлений в XXI веке крайне волнительна. Многие из них до сих пор не пресечены или не признаны². Новые обороты набирают гонения и религиозные преследования.

Можно выделить несколько условий формирования таких преступлений:

¹ Выход и приостановка членства России в международных организациях. 11.05.2022 г., ТАСС. URL: <https://tass.ru/info/14596701>

² Согомонян С. А. Геноцид как международное преступление // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/genotsid-kak-mezhdunarodnoe-prestuplenie> (дата обращения: 21.11.2024).

вооруженные и политические конфликты; религиозные противоречия; исторические разногласия; культурные дискриминационные нормы; экономические интересы.

С учетом наличия мировых рынков, прогрессивных систем коммуникации, увеличением масштабов миграции можно говорить только о прогнозе роста числа совершаемых преступлений. При этом международные преступления обладают крайне высокой латентностью.

Субъект международного преступления двойной: государства и физические лица, действующие от имени государства, корпораций, политических организаций.

Из этого вытекает проблема признания факта международного преступления за агрессорами. Турция по настоящее время отрицает факт геноцида армян, что не позволяет потерпевшей стране получить какую-либо защиту.

Не было проведено публичного осуждения (как, например, в случае с Нюрнбергским процессом), что подтолкнуло бы страну на выплату репараций. Без данной процедуры невозможно привлечь к ответственности, так как в противном случае нормы международного права будут нарушать суверенитет, что также невозможно (п. 4 ст. 2 Устава ООН).

Если рассмотреть опцию наказания через применение мер по национальным законам, приведенным в соответствие с международными соглашениями, то такой вариант развития событий крайне нереалистичен: он может быть применен лишь по отношению к физическим должностным лицам (должностные лица могут просто не выдаваться, так как государство может не признавать свою причастность)¹.

По общему правилу, государства-члены ООН обязаны задержать лицо, причастное к совершению международного преступления, вне зависимости от юрисдикции. Вопрос о привлечении к ответственности государств поставлен достаточно давно. Однако он не может рассматриваться в рамках существующей модели международных отношений, что является большим пробелом с точки зрения автора.

На практике агрессивные действия фиксируются либо стороной-жертвой (очевидцами), либо представителями журналистского сообщества, поэтому информация, представляемая международным инстанциям, часто остается без внимания. Это препятствует своевременной реакции. Попытки доказывания снижаются до минимума, в особенности в условиях конфликта или нестабильности. Фиксация подготовки к преступлению или покушения практически невозможна.

¹ Пахрудинов А. Р. Актуальные проблемы национального и международного регулирования международных преступлений // Государственная служба и кадры. 2021. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-natsionalnogo-i-mezhdunarodnogo-regulirovaniya-mezhdunarodnyh-prestupleniy> (дата обращения: 21.11.2024).

Кроме того, некоторые страны могут не сотрудничать с международными организациями, не подписывать и не ратифицировать договоры; или не предоставлять им доступ к информации.

И тенденция деинтеграции стран в вопросе солидарности набирает новые обороты.

Правоохранительные органы все чаще сталкиваются с игнорированием запросов иностранными коллегами, что играет ключевую роль в эффективности расследования сложных дел.

28 октября 2024 года Министр иностранных дел РФ выступил с докладом на 79-й сессии Генассамблеи ООН. В ходе выступления политик подчеркнул кризис международного взаимодействия на различных уровнях и заявил о невозможности «перезагрузки» межгосударственного диалога.

Вследствие политических интересов невозможно говорить об эффективном противодействии преступности в целом. Речь идет о «полноризации» международного сотрудничества.

Стоит вспомнить институт миротворческих сил ООН, которые не в состоянии стабилизировать ситуацию в африканском регионе. Сегодня обостряется ситуация в Гаити.

На текущий момент, с учетом геополитических условий, необходимо обозначить следующие пробелы:

- Отсутствие механизмов защиты жертв и потерпевших в целом; гарантии эффективного и своевременного расследования со стороны национальных правоохранительных органов.

- Полное отсутствие международных механизмов и методик, направленных на выявление и расследование таких преступлений.

- Невозможность привлечения к ответственности государств, сложность привлечения к ответственности должностных лиц, что способствует безнаказанности.

- Неэффективное действие существующих организаций.

- Превосходство политических интересов в контексте международной преступности.

- Давление СМИ и общественного мнения заинтересованных стран, что приводит к искажению фактов.

Стоит констатировать факт отсутствия возможных путей разрешения вышеуказанных проблем на настоящий момент времени.

Научная статья
УДК 343.71

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Марианна Константиновна СОЛОВЬЕВА

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Россия, Mariannasoloveva573@yandex.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат юридических наук,
Надежда Ивановна ПРЯХИНА, pry-nadezhda@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются вопросы, возникающие в правоприменительной практике хищений, совершаемых с использованием информационных технологий.

Автор пришел к выводу, что составы хищений, совершаемых с использованием информационных технологий, имеют один предмет преступления, но различаются по способу изъятия и обращения имущества.

Статья 159.6 УК РФ имеет специфический способ, что не позволяет ее отнести к какой-либо из установленных в законодательстве форм хищения.

Ключевые слова: мошенничество, компьютерная информация, хищение, квалификация преступлений

Original article

DELINEATION OF THEFT COMMITTED BY USING INFORMATION TECHNOLOGY

Marianna K. SOLOVIEVA

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
Mariannasoloveva573@yandex.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law of St. Petersburg State University, Candidate of Law, **Nadezhda Ivanovna PRYAKHINA**, pry-nadezhda@yandex.ru

Abstract. The article analyzes the issues arising in the law enforcement practice of theft committed using information technology.

The author concluded that the composition of embezzlement committed using information technology has one subject of the crime, but differs in the method of seizure and circulation of property.

Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation has a specific method, which does not allow it to be attributed to any of the forms of theft established in the legislation.

Keywords: fraud, computer information, theft, crime qualification

В связи с ростом числа хищений, совершаемых с использованием информационных технологий, становится актуальным вопрос квалификации преступлений в данной сфере. В 2018 году в ст.158 УК РФ и ст.159.6 УК РФ были внесены такие квалифицирующие признаки как «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств», что, с одной стороны, разрешило ряд проблем, существовавших в правоприменительной практике, а с другой стороны, создало ряд новых проблем. Появление указанного квалифицирующего признака, по мнению исследователей, обусловлено распространённостью хищений с банковских счетов, дополнительным причинением вреда отношениям в банковской сфере, а также длительной подготовительной стадией преступления¹.

Существуют сложности в судебной практике, связанные с определением предмета преступления при хищениях с использованием информационных технологий. Стоит отметить, что предметом преступления, предусмотренного п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ и ст.159.3 УК РФ, являются только денежные средства, находящиеся на банковском счете, или электронные денежные средства. При этом иное имущество, например телефон, предметом хищения в указанных составах быть не может. Так, Мещанским районным судом города Москвы было рассмотрено дело, в котором К. решила приобрести телефон через Avito и согласилась оплатить его через Qiwi-кошелек. К. знала, что в программе была ошибка, при которой система информировала продавца о перечислении ему денег, которые в действительности не были перечислены, а через определенный промежуток времени приходило сообщение о неудачной транзакции. Таким образом, К. приобрела телефон, а деньги за него заплачены не были².

Квалификация судьей действий К. по ст.159.3 УК РФ является абсолютно неверной. Здесь предметом хищения выступал телефон, и преступление было окончено, когда он был изъят, а если бы предметом были деньги, то было бы

¹ Дворников А. А. Уголовно-правовая оценка открытого хищения денежных средств с банковского счета // Уголовное право. 2024. № 7(167). С. 12—23.

² URL: <https://t.me/courtdecisions>

только покушение. Нельзя согласиться, что такую квалификацию считают верной в научной литературе¹.

С появлением в ч.3 ст.159.6 УК РФ квалифицирующего признака «с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств» возник вопрос: что тогда является предметом преступления в ч.1 ст.159.6 УК РФ? Не совсем понятно, что останется в ч.1, если состав преступления, предусмотренный ст.159.6 УК РФ, и так имеет в качестве предмета тоже деньги на банковском счете либо электронные деньги.

Существует практика хищения денежных средств при их переводе с одного счета на другой, при этом злоумышленник вводит компьютерную информацию таким образом, что при переводе определенный процент оказывается на подконтрольном ему счете. Такое может осуществляться при настройке злоумышленником соответствующих вредоносных программ при переводе как между различными лицами (например, работником и работодателем), так и между счетами одного и того же потерпевшего.

Данные программы позволяют списывать деньги во время перевода, но в любом случае при переводе между счетами деньги находятся на банковском счете отправителя.

Банк по платежному указанию списывает указанную сумму со счета отправителя, таким образом, хищение все равно подлежит квалификации по п. «в» ч.3 ст.159.6 УК РФ. Исходя из этого, представляется, что всегда ст.159.6 УК РФ будет идти с указанным квалифицирующим признаком, что, с моей точки зрения, является браком законодательной техники, так как квалифицирующий признак должен добавлять какой-либо признак к основному составу, но не полностью его заменять.

Помимо определения предмета преступления, необходимо также различать компьютерные хищения по способу изъятия и обращения чужого имущества. Разграничивая составы, предусмотренные п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ и ч.3 ст.159.3 УК РФ, правоприменитель занял позицию, что банкомат и иные автоматизированные системы нельзя обмануть, — можно обмануть только человека.

Соответственно, лицо, которое «обналичивает» деньги при помощи машины, несет ответственность за кражу. Если же имеет место обман работника кредитной, торговой или иной организации, например, путем предъявления паспорта на чужое имя либо подписи на чеке, тогда речь идет о ст.159.3 УК РФ.

В ст.159.6 УК РФ виновный также обманывает «машину», неправомерно воздействуя на сервера. И возникает вопрос: что считать способом совершения этого преступления.

¹ Пейсикова Е. В. О хищениях, предусмотренных пунктом «г» части 3 статьи 158 и статьями 159.3, 159.6 УК РФ // Российское правосудие. 2020. № 11. С. 86—98.

Есть точка зрения, что для квалификации по ст.159.6 УК РФ не требуется установление «мошеннического» способа хищения, то есть обмана либо злоупотребления доверием, которая базируется на том, что в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» обман или злоупотребление доверием необходимо устанавливать только в ст. 159-159.5 УК РФ¹, а ст.159.6 УК РФ нет в этом списке.

Существует дискуссия, можно ли считать мошенничеством преступление, в котором нет «мошеннического» способа хищения. В данном случае все равно происходит обман банковской системы, но если мы говорим о том, что обмана не может быть в отношении средств хранения, обработки или передачи информации, получается, что ст.159.6 УК РФ является не мошенничеством, а специфической формой хищения с характерными для нее уникальными способами совершения преступления², и было бы более правильно изложить ее в редакции «хищение в сфере компьютерной информации» без указания на мошенничество, чтобы разрешить то противоречие, которое в настоящее время имеет место.

Мошенничество в сфере компьютерной информации и кражу необходимо разграничивать между собой по способу изъятия и обращения чужого имущества. Если способом хищения выступает незаконное воздействие на программное обеспечение серверов или на сами информационно-телекоммуникационные сети, действия необходимо квалифицировать ст.159.6 УК РФ, а если неправомерный ввод компьютерной информации был направлен лишь на получение доступа к деньгам потерпевшего, а само хищение уже в дальнейшем было совершено тайно, речь должна идти о ст.158 УК РФ.

Из анализа судебной практики можно сделать вывод, что суды до разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», а некоторые и после него вменяли ст.159.6 УК РФ в случаях, когда совершена была кража.

Так, приговором Пушкинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 4 апреля 2017 г. по делу № 1-74/2017 лицо было осуждено по ст.159.6 УК РФ при следующих обстоятельствах. Работник салона связи «МегаФон Ритейл» Л., вступив в сговор с иными лицами на хищение денежных средств, находясь на работе, без согласия владельцев лицевых счетов, подключил дополнительные номера с выпуском сим-карт, после чего передал сим-карты соучастни-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Лаврушкина А. А. Проблемы применения статьи 159.6 УК РФ с позиции теории и практики // Кон-
тентус. 2018. № 3(68). С. 28—35.

кам, которые вместе с Л. похитили денежные средства через банковское приложение потерпевших на 60 тысяч руб¹.

В данной ситуации было бы правильно вменить кражу, так как перевыпуск сим-карт и получение доступа к мобильному банку являлись лишь способом получения доступа к денежным средствам на счетах потерпевших, а само изъятие уже происходило тайно, а не путем целенаправленного воздействия на сервера.

Другим примером ошибочного вменения ст.159.6 УК РФ является приговор Светлогорского городского суда Калининградской области от 23 июля 2018 г. по делу № 1-72/2018, в котором Г., находясь в магазине, увидев на поверхности стола-прилавка телефон стоимостью 2700 руб., тайно его похитил. Затем, находясь в районе лодочной станции, Г., с целью проверки наличия денежных средств на банковском счете, отправил смс с текстом «Баланс» на номер «900». Получив сведения об остатке денежных средств, Г. посредством смс-сообщения перевел с банковского счета потерпевшей 5800 руб. на свой счет².

В данном случае ст.159.6 УК РФ быть не может, так как способом совершения хищения была тайность, а не воздействие на сервера. Также здесь возникает проблема допустимости сложения сумм причиненного ущерба. После внесения в ст.158 УК РФ признака «с банковского счета» преобладающей стала позиция о недопустимости такого сложения.

Вероятно, если лицо сначала совершает кражу из кармана, а затем снимает деньги с банковского счета, нужно квалифицировать по п. «г» ч.2 ст.158 УК РФ (кража из одежды) и отдельно по п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ (кража с банковского счета), не складывая суммы ущерба.

Но на момент совершения преступления в рассмотренном выше приговоре этого квалифицирующего признака еще не было, и вопрос возникает: можно ли в здесь сложить либо нужно вменять 2 раза ст.158 УК РФ.

Полагаем, что логика должна быть единой, и если ущерб от хищения с банковского счета считать отдельным, то и здесь должно быть 2 кражи, но однозначного решения данный вопрос не имеет.

Даже до разъяснений Верховного Суда очевидно, что приведенные выше примеры подлежат правовой оценке как кража. В принятом позже Постановлении Пленума Верховного Суда от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» также было отмечено, что

¹ Приговор № 1-74/2017 от 04 апреля 2017 г. / Пушкинский районный суд г. Санкт-Петербурга (г. Санкт-Петербург) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

² Приговор № 1-72/2018 от 23 июля 2018 г. / Светлогорский городской суд Калининградской области (Калининградская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.11.2024).

хищение безналичных денежных средств, если лицо воспользовалось необходимой для получения доступа к ним конфиденциальной информацией (например, данными владельца карты, паролями), без незаконного воздействия на сервера образует кражу¹.

Кроме того, в подобных ситуациях, когда лицо незаконно залезает в чужие приложения «Мобильный банк», совершается неправомерный доступ к компьютерной информации, который повлек ее модификацию.

Думается, что в таких случаях речь должна идти о совокупности преступлений: ст.158 УК РФ и ст. 274.1 УК РФ. Согласно п.2 Постановления Пленума Верховного Суда от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации», к компьютерной информации относятся данные, содержащиеся не только на компьютере, но и на иных устройствах, в частности, на смартфонах².

Вместе с тем проникновение к источнику хранения информации в компьютерном устройстве, принадлежащем другому лицу, является разновидностью неправомерного доступа, и поскольку в результате этого деяния списываются деньги, то есть происходит модификация данных, нужно вменять компьютерные преступления по совокупности с кражей.

Также возникает вопрос, как следует квалифицировать преступление — по ст. 272 УК РФ или ст. 274.1 УК РФ. Исходя из того, что в ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры в Российской Федерации» к критической информационной инфраструктуре относят информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, функционирующие, в частности в банковской сфере³, приоритет следует отдавать специальной норме и квалифицировать по ч.2 ст.274.1 УК РФ.

В научной литературе существует дискуссия по поводу квалификации действий, если лица совершают кражу банковской карты с применением насилия, а уже затем снимают находящиеся на ней деньги в отсутствие кого бы то ни было либо в присутствии лиц, не осознающих противоправность совершаемого деяния.

Ряд авторов полагают, что данное деяние необходимо квалифицировать

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 (в ред. от 15.12.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О безопасности критической информационной инфраструктуры в Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2017 № 187-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

как грабеж или разбой¹, что представляется не совсем верным, так как банковская карта сама по себе не обладает потребительской стоимостью, и ее хищение не может образовывать состав оконченного преступления.

При такой форме изъятия банковской карты виновный не может непосредственно на месте преступления обратить в свою пользу денежные средства, но через определенное время и в отсутствие потерпевшего². С моей точки зрения, при таких обстоятельствах деяние необходимо рассматривать как кражу с банковского счета по п. «г» ч.3 ст.158 УК РФ в действующей редакции, а примененное насилие в рамках завладения имуществом оценивать по совокупности как преступления против здоровья.

По мнению А. А. Дворникова и П. С. Яни, природу самой банковской карты следует рассматривать в качестве некоего «ключика», что не может отождествляться с изъятием имущества. Хищение с банковского счета может происходить в присутствии потерпевшего, иметь открытую форму и оцениваться как грабеж, что вызывает обоснованную критику в связи с тем, что тайное хищение с банковского счета будет оцениваться строже, чем открытое.

Тем не менее стоит согласиться, что банковские карты не являются непосредственно предметами преступления, и завладение ими может рассматриваться только как приготовление к хищению при установлении прямого умысла. В одном из Определений Верховного Суда отмечалось, что предметом преступления выступают денежные средства, находящиеся на банковском счете, при этом саму карточку можно рассматривать только в качестве инструмента управления ими³.

Возникают вопросы оценки действий соучастников в такой ситуации, если несколько лиц по заранее состоявшейся договоренности применяют насилие к потерпевшему и изымают у него только банковскую карту, при этом обналичивать ее идет только один из них.

Представляется, что в этой ситуации действия лица, совершающего кражу, необходимо квалифицировать как исполнителя данного преступления, а действия лиц, применивших насилие и совершивших изъятие карты, — рассматривать в качестве пособников в краже с банковского счета как лиц, предоставивших исполнителю средство совершения преступления (ч. 5 ст. 33 УК РФ).

Действия же лица, которое обналичило эту банковскую карту, необходимо квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ либо ст. 159.3 УК РФ, но точно не может быть ст. 159.6 УК РФ, несмотря на то что такие примеры встречаются

¹ Тюнин В. Мошенничество в сфере компьютерной информации: сложности квалификации // Уголовное право. 2017. № 5. С. 92—97.

² Дворников, А. А. Уголовно-правовая оценка открытого хищения денежных средств с банковского счета // Уголовное право. 2024. № 7(167). С. 12-23.

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 марта 2020 г. № 10-УДп20-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в судебной практике.

Деяние подлежит квалификации по ст. 159.6 УК РФ, только когда способом хищения выступает именно незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или информационно-телекоммуникационные сети. Примеры верной квалификации по этой статье на практике встречаются достаточно редко, и большая часть решений, вынесенных по ст. 159.6 УК РФ, представляют собой кражу.

Примером правильного, по нашему мнению, применения ст. 159.6 УК РФ является Постановление Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14 марта 2017 г. по делу № 1-203/2017. Д. зарегистрировал на сайте электронной платежной системы «Киви» личный кабинет на подставное лицо и зачислил на электронный кошелек указанной системы 50 рублей.

Затем при помощи изготовленного им технического устройства (объединенные в локальную сеть два персональных компьютера, подключенных к сети «Интернет») осуществил ввод компьютерной информации о наличии на электронном счете клиента виртуальных денежных средств путем направления единовременно запроса на конвертацию денежных средств на счете, что, вызвав одновременную обработку поступающих сведений программным обеспечением сервера, повлекло необоснованное начисление на открытый счет денежных средств в размере 3 миллиона руб., которые принадлежали фактически владельцу платежного сервиса. Указанные средства виновный перевел на подконтрольные ему счета системы «Киви»¹.

Таким образом, стоит отметить, что преступления, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, ст. 159.3 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ, характеризуются одним предметом преступления – денежные средства на банковском счете либо электронные денежные средства, но различаются между собой по способу изъятия и обращения имущества.

Статья 159.6 УК РФ имеет специфический способ — незаконное воздействие на программное обеспечение серверов, компьютеров или информационно-телекоммуникационные сети, в связи с чем проблематично ее отнести к какой-либо из установленных в законодательстве форм хищения, исходя из этого, предлагается изложить ее в редакции «хищение в сфере компьютерной информации».

¹ Постановление Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 14 марта 2017 г. по делу №1-203/2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.11.2024)

Научная статья
УДК 343.71

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В УСЛОВИЯХ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ

Виктория Владимировна СОМКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Viktoriia.somko@gmail.com

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы целесообразности дополнения ст. 356.1 УК РФ новым обстоятельством — чрезвычайная обстановка, а также целесообразность дополнения ч. 3 ст. 158 УК РФ особо квалифицирующим признаком — совершения кражи в период чрезвычайной ситуации.

Анализируется квалификация мародерства в настоящее время в условиях террористического акта с точки зрения основного принципа уголовного права — принципа справедливости

Ключевые слова: хищение, мародерство, террористический акт, чрезвычайная обстановка, теракт, общественная опасность

Original article

SOME ISSUES OF THEFT QUALIFICATION, IN EMERGENCY SITUATIONS

Victoria V. SOMKO

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Viktoriia.somko@gmail.com

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract. The article discusses the feasibility of adding Art. 356.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, a new circumstance is an emergency situation, as well as the advisability of adding Part 3 of Art. 158 of the Criminal Code of the Russian Federation has a special qualifying feature — committing theft during an emergency situation. The qualification of looting currently in the context of a terrorist act is analyzed from the point of view of the basic principle of criminal law — the principle of justice

Keywords: theft, looting, terrorist act, emergency situation, terrorist attack, public danger

Мародерство — социально-негативное явление человечества. Мародеры существует с того момента, когда начались первые войны, стихийные бедствия, техногенные катастрофы. У них нет национальности, пола, места жительства, возраста — это человек, который в целях личного обогащения воспользовался чрезвычайной обстановкой.

В феврале 2022 г. Россия столкнулась с рядом проблем международного уровня в связи с проведением специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины, а также связанное с этим объявление частичной мобилизации.

Безусловно, данное событие повлекло за собой необходимость совершенствования норм, предусматривающих уголовную ответственность как за совершение преступлений против военной службы, так и преступлений против мира и безопасности человечества.

Федеральным законом от 24.09.2022 № 365-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» в УК РФ была включена ст. 365.1, предусматривающая ответственность за мародерство

Хотя уголовным законом подразумевается ответственность за мародерство только в военное время, есть необходимость внести изменения в ст. 365.1 УК РФ, расширив обстоятельства и обстановку в целях появления возможности привлечения мародеров по соответствующей статье при чрезвычайной обстановке, стихийном бедствии и т.д.

Например, УК РСФСР предусматривал статью за мародерство как воинское преступление. Однако после землетрясения в Спитаке пленум Верховного суда СССР расширил это понятие и рекомендовал всем судьям принимать самые жесткие решения против тех, кто замешан в мародерстве при указанной обстановке¹.

¹ Профессия — мародер [Электронный ресурс] // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2297226> (дата обращения: 22.11.2024)

В стихийном бедствии, унесшем 25 тыс. жизней, мародеры грабили сберегательные кассы, магазины, снимали с жертв золотые украшения. Ст. 356.1 УК РФ не предусмотрено привлечение к ответственности за деяние при вышеописанных обстоятельствах, есть необходимость расширения понятия мародерства и в УК РФ.

В зарубежном законодательстве данные обстоятельства, как правило, учитываются. Например, в ст. 412 УК Кыргызской Республики мародерство определено как похищение вещей, в том числе принадлежащих убитым или раненым, во время военных действий, стихийных бедствий, техногенных, авиа- железнодорожных и иных видов катастроф, чрезвычайных ситуаций или массовых беспорядков с целью завладения ими¹.

К числу обстоятельств введения чрезвычайного положения в соответствии с Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 N 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» относятся только те, которые представляют собой непосредственную угрозу жизни и безопасности граждан или конституционному строю Российской Федерации и устранение которых невозможно без применения чрезвычайных мер². К таковым, например, относится террористический акт.

В целях пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства может вводиться правовой режим контртеррористической операции в пределах территории ее проведения на период ее проведения³.

Именно в период проведения контртеррористической операции общество и государство наиболее нестабильно и нуждается в дополнительных мерах защиты.

Чрезвычайные ситуации влекут за собой непредсказуемые тяжкие последствия, а также существенно повышают степень общественной опасности преступлений, качественно осложняют их исследование, раскрытие, расследование и предупреждение⁴.

На основании этого совершение преступлений в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в период мобилизации или военного положения, в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или ведения боевых действий

¹ Уголовный Кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127 [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&pos=6;-108#pos=6;-108 (дата обращения: 22.11.2024).

² О чрезвычайном положении : Федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 № 3-ФКЗ (в ред. от 02.11.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О противодействии терроризму : Федеральный закон от 06 марта 2006 № 35-ФЗ (в ред. от 28.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Зорина Т. А. Преступления, совершаемые в условиях природных бедствий и техногенных катастроф: состояние и структура // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 2(158). С. 268—272.

является отягчающим обстоятельством (п. л ст. 63 УК РФ). Обстановка определяет общественную опасность преступления.

Однако наличие военного положения среди обстоятельств, отягчающих преступление, не помешало законодателю дополнить Особенную часть Уголовного кодекса составом мародерство, придав данному преступлению большую общественную опасность и ужесточив наказание.

Данная политика законодателя представляется оправданной, так как виновное лицо, совершая преступление и осознавая большую общественную опасность деяния с учетом обстановки, демонстрирует крайнюю степень аморальности. Лицо осознает обстановку общественного бедствия и использует ее для совершения преступления.

В связи с этим дополнение ст. 356.1 УК РФ новым обстоятельством — чрезвычайной обстановкой — не будет существенной новеллой, однако подчеркнет повышенную общественную опасность совершения противоправного деяния.

Кроме того, применительно к террористическому акту или в период контртеррористической операции преступления обладают особой общественной опасностью.

Например, террористическая акция в Москве, длившаяся с 23 по 26 октября 2002 года, в ходе которой группа вооруженных боевиков во главе с Мовсаром Бараевым захватила и удерживала заложников в Театральном центре на Дубровке сопровождалось мародерством.

В 2008 году было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 158 УК РФ по факту кражи денег и ценностей, принадлежащих заложникам террористов на Дубровке¹.

Максимальное наказание за данное преступление — 5 лет лишения свободы, преступление средней тяжести. В то время как санкция, предусмотренная ст. 356.1 УК РФ, от 6 до 15 лет лишения свободы — тяжкое преступление.

Привлечение мародера к ответственности по ст. 158 УК РФ не отвечает одному из основополагающих принципов Уголовного кодекса РФ — принципу справедливости. Установленная законодателем санкция не способна в полной мере удовлетворить потребность общества в достижении справедливости, так как степень общественно опасного деяния значительно выше предусмотренного наказания².

Также нужно понимать, что только человек с низкими морально волевыми качествами способен совершить данное противоправное деяние, усугублять

¹ Дубровку украл мародеры [Электронный ресурс] // URL : <https://www.gazeta.ru/social/2008/12/02/2901959.shtml?updated> (дата обращения : 22.11.2024).

² Надараи З. Г., Руденко А. А. Мародерство, как отягчающее обстоятельство преступления // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 3(99). С. 140—145.

и без того тяжелую, трагичную ситуацию. В ходе операции по освобождению заложников погибли 130 человек, пострадали более 700, но, несмотря на это, виновных это не только не остановило, но и наоборот сподвигло на совершение циничного преступления. Необходимость ужесточения наказания в период чрезвычайной ситуации представляется оправданным.

Несмотря на наличие чрезвычайной ситуации в перечне обстоятельств, отягчающих преступление, на верхний порог санкции это не влияет, что не отвечает принципу соразмерности деяния и наказания.

С одной стороны, целесообразным и социально оправданным считаем дополнение ст. 356.1 УК РФ еще одним обстоятельством — чрезвычайная ситуация. Но на данном этапе возникает целесообразный вопрос о несовпадении объекта описанного преступления и объекта мародерства.

В таком случае ужесточить наказание при чрезвычайной ситуации возможно путем дополнения ч. 3 ст. 158 УК РФ особо квалифицированным составом — кража, совершенная в период чрезвычайной ситуации. При таком пути решения проблемы несправедливости наказания верхний порог санкции поднимается с 2 лет до 6 лет лишения свободы.

Таким образом, существующую проблему несправедливости наказания за хищение в период чрезвычайной ситуации предлагается решить либо путем дополнения ст. 356.1 УК РФ квалифицирующим обстоятельством — совершение преступления в условиях чрезвычайной ситуации, либо дополнит ч. 3 ст. 158 УК РФ особо квалифицированным признаком — кража, совершенная в условиях чрезвычайной ситуации.

Научная статья
УДК 343.9

ДЕТЕРМИНАНТЫ НАСИЛЬСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Мария Алексеевна СТЕПИНА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
Lihomanova2003yana@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Владимировна МОРОЗОВА**,
yuliya-morozova@inbox.ru

Аннотация: в статье рассматриваются причины и условия насильственной преступности.

Обращается внимание на некоторые элементы криминологической характеристики лиц, совершающих насильственные преступления.

Разработаны предложения по совершенствованию профилактики насильственных преступлений

Ключевые слова: профилактика преступности, криминологическая характеристика, причины и условия, жестокость, насилие, убийство

Original article

DETERMINANTS OF VIOLENT CRIME

Maria A. STEPINA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Lihoma-nova2003yana@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Vladimirovna MOROZOVA**, yuliya-morozova@inbox.ru

Abstract: The article examines the causes and conditions of violent crime.

Attention is drawn to some elements of the criminological characterization of persons committing violent crimes.

Proposals have been developed to improve the prevention of violent crime

Keywords: crime prevention, criminological characterization, causes and conditions, cruelty, violence, murder

Человек — это высшая ценность и одновременно главная опасность для себя самого. Все исторические периоды развития человечества сопровождало насилие и агрессия в различных формах их проявления. Человек боится остаться бедным, незамеченным, униженным, а последствиями этого страха становятся проявления жестокости во всевозможных формах. Истоки этой жестокости не следует искать в чем-то одном, причину такого поведения всегда составляет совокупность каких-либо факторов, причин и условий.

Обращение к положениям ст. 2 Конституции Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что законодатель ставит человека, его права и сво-

боды во главу угла, придавая его защите особую важность. В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» также подчеркивается, что высшее значение имеют соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина¹.

Вместе с тем, по статистике в 2023 году число тяжких и особо тяжких преступлений выросло на 10 % по сравнению с 2022-м и достигло максимума за 12 лет. Доля насильственных преступлений в общих показателях несколько снизилась, по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, однако по-прежнему доля убийств, совершенных с особой жестокостью, а также двух и более лиц среди остального массива квалифицированных убийств остается преобладающей². Количество жертв от данного рода преступлений исчисляется десятками тысяч человек.

Показатели свидетельствуют о том, что права и свободы человека, в частности, его жизнь не оценивается так высоко, как требует того законодатель, а также человеческая мораль.

Рост этих показателей можно объяснить рядом причин, сформулированных отечественными криминологами и социологами.

Ученые чаще всего выделяют две большие группы факторов преступности. Это биологические и социальные факторы. В научной и учебной литературе используются различные термины: «причины и условия преступности», «детерминанты преступности», «факторы преступности». Проблемам детерминации преступности уделяется огромное внимание как со стороны зарубежных, так и со стороны отечественных ученых, однако, несмотря на это единого подхода к изучению детерминации преступности не выработано.

Так как человек и его существование является первопричиной совершения различного рода преступлений, то следует начать с рассмотрения именно биологических факторов, влияющих на личность преступника. Современной наукой установлено, что психофизиологические особенности человека, которые влияют на регуляцию его поведения, в значительной мере определяются врожденными и приобретенными биологическими особенностями индивида³.

На современном этапе развития криминологических учений к биологической теории преступного поведения относятся довольно критически. Так, Я. И. Гишинский придерживается мнения о том, что преступность — это искусственный социальный конструкт, отрицая при этом биологические теории⁴. Однако полностью отказаться от проявлений данных теорий невозможно, так,

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента от 2 июля 2021 г. № 400. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-ноябрь 2023 г. // Официальный сайт МВД Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/45293174/> (дата обращения: 15.10.2024)

³ Игнатов А. Н. Биологические факторы детерминации насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т.9 №2. С. 223—233.

⁴ Гишинский Я. И. Преступность: что это? Кто виноват? Что делать? // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10, № 1. С. 6—13

как и поставить их в один ряд с теми же социальными факторами, так как база аргументации является недостаточной.

Современные же научные достижения свидетельствуют об актуальности и дальнейшей необходимости активного исследования биологических факторов детерминации преступного поведения. Этого требует сегодняшняя реальность эволюции человечества, крайне острая необходимость познания природы человека как обязательного условия дальнейшего развития.

Наиболее изученными с генетической точки зрения поведенческими признаками человека являются агрессивность, интеллект, темперамент и половое поведение. Данные характеристики выбраны учеными не случайно, поскольку выяснение их наследственной обусловленности имеет важное социальное, образовательное и медицинское значение¹. Эти исследования не утратили своей актуальности в связи с развитием самой генетики и возможностью работать на современном, молекулярно-генетическом уровне.

Многие также развивают теорию о том, что у родителей-преступников чаще всего дети также склонны к совершению преступлений с малых лет. Однако такую теорию опровергают социологи, ссылаясь на то, что дети в таких семьях быстро попадают в преступную среду из-за негативного климата в семье, отсутствия внимания и контроля со стороны близких, а также, как правило отсутствия достатка в такого рода семьях².

Человек – существо социальное, каждому из нас нужно общение, даже на минимальном, бытовом уровне. Ежедневно мы взаимодействуем друг с другом в среднем около десяти раз, включая общественные транспорт и посещение супермаркетов и это лишь малая часть нашей социальной жизни. Из этого можем сделать вывод о том, что социум оказывает на нас непосредственное и прямое влияние. Мы заимствуем у других манеру общения, стиль одежды, образ поведения и многое другое. Преступную наклонность и жестокость по отношению к ближнему также можно заимствовать, причем начиная с малых лет.

Экономические факторы представляют из себя по большей мере последствия неравенства между слоями населения. Кто-то имеет высокий доход, а кто-то находится за чертой бедности. Высокий уровень безработицы порождает огромное количество малообеспеченных семей, взрослые начинают злоупотреблять алкоголем, а дети за всем этим наблюдают, при этом лишаясь шанса на светлое будущее. Отсюда вытекает масса малообразованных людей, которые по статистике чаще всего совершают преступления, начиная с мелких

¹ Гриценко Т. В. Криминологические особенности лиц, совершающих преступления с особой жестокостью. // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №5 (47). С. 160—164.

² Гриценко Т. В. Социальные факторы, детерминирующие совершение преступлений с особой жестокостью, и их место в причинном комплексе преступности. Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2016. №7 (33). С.134—138.

краж, заканчивая разбоями и порой даже убийством.

Некоторые выделяют также психологические факторы. Все они в качестве первоисточника имеют два фактора – это либо врожденное психологическое заболевание, как разновидность биологического начала в человеке, либо же это приобретенные психологические осложнения, вызванные низким заработком, отсутствием удовлетворенности от жизни в целом, что является следствием влияния ранее раскрытых факторов¹.

Можно пронаблюдать как все эти причины и условия связаны между собой, что снова говорит нам о том, что единичный факт не может представлять из себя отдельный детерминант конкретного преступления, первопричина кроется в комплексе этих факторов.

Для демонстрации общественной оценки причин и условий совершения убийств с особой жестокостью был проведен опрос среди мужчин и женщин в возрасте от 18 до 65 лет. В результате было опрошено 100 респондентов.

По мнению респондентов, преступления рассматриваемого рода совершаются чаще всего мужчинами в возрасте от 30 до 50 лет, которые уже отбыли наказание за аналогичные преступления, а также мигрантами.

Основой совершения рассматриваемого рода преступлений по мнению респондентов являются психические отклонения людей, к наиболее часто встречающимся поводам совершения жестоких преступлений респонденты относят семейно-бытовые ссоры, а также зависимости разного уровня (алкогольная, наркотическая). Наибольшее влияние на уровень жестокости лиц, совершивших данного рода преступления оказывают воспитание и климат в семье, а также состояние психологического и психического здоровья.

При этом высока, по мнению опрошенных латентность в данной сфере. 53 % респондентов считают, что люди, подвергнутые насилию, редко обращаются в правоохранительные органы из-за страха снова стать жертвой насилия и жестокости.

33 % выступают за наличие пассивных жертв, которые просто не обращаются в органы по разным причинам. И лишь около 10% опрошенных выдвинули мнение о том, что жертвы обращаются в правоохранительные органы после каждого акта насилия, остальные отметили, что не интересуются данной тематикой, поэтому данными не располагают. Высокий уровень латентности порождает наступление более тяжелых последствий в виде убийств с особой жестокостью, а также ряда серийных убийств, рассматриваемых в данной работе.

Значительный интерес вызывают криминологические характеристики личности таких преступников.

Так, например, Бараусов, которому сейчас 63 года, орудовал в республике

¹ Антонян Ю. М. Преступная жестокость: монография. М.: ВНИИ МВД России, 1994. С. 173—214.

Якутия в 80—90-е годы: его жертвами становились маленькие девочки, которых маньяк насиловал и убивал.

Для анализа его личности, обратимся к его биографии, о детстве известно достаточно мало, родился и жил в небольшом городе Ленск, получил профессию водителя, после чего проходил срочную службу. После возвращения женился на местной девушке, которая сразу же родила ему дочь, спустя некоторое время сына.

Здесь, спустя 2 года после возвращения он совершает свое первое насильственное преступления в отношении девушки, одновременно старается быть примерным семьянином и положительно характеризуется по месту работы. Спустя много лет его дочь расскажет о половом насилии со стороны отца на протяжении всего детства, однако в последующем откажется от своих показаний.

Спиртными напитками Бараусов не увлекался, однако судьба его оказалось непростой — в 1997 умирает от рака его жена, спустя полгода он совершает двойное убийство малолетних девочек. При расследовании он признается в совершении 5 убийств, однако места захоронения жертв так и не были обнаружены.

В 2015 Бараусов освобожден и продолжил серию насильственных преступлений, кого-то добивал, некоторых насиловал и оставлял в живых. В 2020 году его снова заключают под стражу, в 2023 году признают виновным еще в ряде преступлений и приговаривают к 21 году лишения свободы¹.

Говорить о биологических причинах совершения Бараусовым преступлений не приходится, так как никаких заболеваний у него выявлено не было, все свои преступления он планировал, совершал все действия осознанно. Существует версия о неблагополучной семье Андрея и отсутствия внимания со стороны матери, что заставило его потом мстить девушками и девочкам на протяжении всей жизни.

Есть вероятность, что в юности он был отвергнут девушкой, что подвергло его сильному душевному волнению и озлобило на женский пол, эта версия является более актуальной, так как, судя по его жертвам — чаще всего он применял насилие в отношении именно малолетних девочек.

Здесь также можно говорить о нездоровой психике Бараусова по причине того, что подвергалась насилию даже его дочь. Низкооплачиваемая работа и смерть жены также можно включить в ряд причин его девиантного поведения, однако начал он свою преступную задолго до наступления указанных событий. Здесь все же скорее всего травма идет из детства-юности маньяка, так как даже лишение свободы в течение 15 лет не поменяло его взглядов и пристрастий.

¹ «Как Чикатило, только жестче». Опубликованы подробности дела якутского маньяка, убившего и изнасиловавшего семь девочек и женщин. URL:<https://www.yakutia.kp.ru/daily/27482.5/4738612/> (дата обращения: 10.10.2024 г.)

В начале текущего года был вынесен приговор в отношении четырех лиц, совершивших убийство с особой жестокостью группой лиц по предварительном сговору, по мотивам национальной ненависти.

В данном случае требуется обратить внимание на мотив преступников, «... чье мировоззрение о собственном превосходстве как представителей славянских народов над другими народами сформировалось под воздействием националистических идей об исключительности лиц русской национальности и национальностей иных славянских народов и неполноценности лиц неславянского происхождения, дающих им право убивать людей в связи с их принадлежностью к другим национальностям...».

Они выбрали первого попавшегося человека, предположительно являвшегося представителем азербайджанской национальности, после чего, спровоцировав конфликт по незначительному поводу, нанесли потерпевшему большое количество телесных повреждений в жизненно важные части тела, предметами, значительно усиливающими силу травматического воздействия, умышленно нанесли множественные, каждый не менее 10, удары имевшимися у них при себе металлическими прутами (фрагментами арматуры), по различным частям тела потерпевшего, в том числе, каждый не менее 7 — в жизненно важную область потерпевшего — голову, а также умышленно нанесли множественные, каждый не менее 4, удары руками и ногами по различным частям тела, в том числе, голове потерпевшего.

Одновременно с совершением противоправных действий лица выкрикивали следующее: «Россия для русских!»¹.

Как в данном случае определить характер условий и факторов, послуживших причиной совершения данными лицами такого рода преступлений? Предположительно, преступники имеют наследственную направленность к совершению такого рода преступлений, также могло повлиять отсутствие постоянного места работы, а также низкий уровень образования, из-за которых они просто банально не знали, чем еще себя занять.

Но ключевую роль, как кажется, сыграла позиция, воцарившаяся в обществе на данный момент по поводу прибытия в наше государство лиц иностранных государств. В данном случае люди жестоко убили себе подобного лишь по той причине, что он относится к иной национальности.

Можно сделать вывод о том, что в качестве детерминантов, применимо к каждому совершенному преступлению невозможно назвать конкретную единичную причину того или иного деяния. Всегда данную категорию будет представлять именно комплекс причин и условий, повлиявших на преступника в определенный период времени.

¹ Приговор № 2-2/2024 2-26/2023 от 16 февраля 2024 г. / Ярославский областной суд (Ярославская область) // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 08.10.2024).

Научная статья
УДК 343.9

О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВИДЖИЛАНТИЗМА, КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

Виктор Романович СУСЛОВ

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
visa1ly76@gmail.com

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор
Лариса Владимировна ГОТЧИНА, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В данной статье автором рассмотрены существующие проблемы в сфере исследования виджигантизма как криминологического явления.

Подвергаются критике отдельные тезисы авторов с целью демонстрации недостаточной разработанности научных знаний о виджигантизме.

Кроме того, автор акцентирует внимание на необходимости дальнейшего изучения виджигантизма в силу его модернизации на современном этапе развития общества.

Ключевые слова: криминология, виджигантизм, предупреждение преступности

Original article

ON THE NEED TO STUDY VIGILANTISM AS A CRIMINOLOGICAL EVENT

Viktor R. SUSLOV

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, visa1ly76@gmail.com

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. In this article, the author examined the existing problems in the field of research of vigilantism as a criminological phenomenon.

Some theses of the authors are criticized in order to demonstrate the insufficient development of scientific knowledge about vigilantism.

In addition, the author focuses on the need for further study of vigilantism due to its modernization at the current stage of development of society.

Keywords: criminology, vigilantism, crime prevention

Виджилантизм (или же вигилантизм, от английского «Vigilantism») представляет собой уникальный феномен. В русском языке трудно найти эквивалент понятию «Виджилантизм». Данный термин изначально был заимствован английским языком из испанского. Он обозначал группы людей на Американском континенте, которые забирают власть в свои руки у наделенных соответствующими полномочиями социальных институтов в связи с неэффективностью деятельности последних¹.

В конце второй половины XX века исследуемый термин использовался для обозначения случаев самостоятельного осуществления правосудия («do-it-yourself justice») на территориях Северной Африки и Нигерии. На современном этапе виджилантизм не имеет территориальных границ, данное социальное явление проявилось в разных государствах.

Виджилантизм имеет длительную историю существования. Отдельные случаи его проявления можно увидеть на любом этапе истории развития человеческой цивилизации, начиная со времен становления государственности. Но среди ученых-криминологов принято выделять определенные примеры групп виджилантов. Например, «Bald Knobbers». Это действовавшая в 1890-х годах на юго-западе Миссури в США группа людей, которая начала свою деятельность с убийства двух преступников, которые не понесли достаточного по мнению жителей наказания за преступления. Тогда представители «Bald Knobbers» похитили двух преступников и повесили их, оставив записку-предупреждение всем остальным потенциальным нарушителям: «Don't fool with the wrong end of the mule» («Не стоит дурачиться с другим концом мула»).

Еще одним примером виджилантизма является более известная в мире организация под названием «Ку-клукс-клан». Это ультраправая расистская тер-

¹ Favarel-Garrigues G. Perspectives on Post-Soviet Vigilantism // Laboratorium: Russian Review of Social Research. 2019. No. 3. P. 5.

рористическая организация в США. Тайное общество было учреждено бывшими солдатами-южанам после поражения в Гражданской войне (1861 — 1865 годах).

Действиям членов Ку-клукс-клана обычно предшествовало предупреждение. В некоторых частях страны это была дубовая ветка с листьями, в других — семена дыни или зернышки апельсина. Получив такое предупреждение, жертва могла либо отречься от своих прежних взглядов, либо покинуть страну. Если человек игнорировал предупреждение, его ждала смерть. С этой организацией связывают появление понятия «суд Линча». Именно поэтому виджилантизм часто ассоциируется с такими понятиями, как «линчевание», «само-суд» и иные. Только в 2022 году был принят закон в США, который признал линчевание самостоятельным преступлением.

Существует множество других примеров виджилантов. В том числе и на современном этапе на территории Российской Федерации. Например, к таким группам можно отнести: «Оккупай-педофилай», «Общественный вердикт», «СтопХам», «Лев против» и множество других. Если сравнивать данные группы между собой, то можно отметить, что они по определенным критериям сильно отличаются друг от друга. Но при этом им присущи характерные признаки, которые позволяют отнести их к одному социальному явлению.

В 1996 году британский ученый Les Johnston опубликовал фундаментальную работу в области исследования виджилантизма под названием: «What is Vigilantism?» («Что такое виджилантизм?»)¹. В данной работе автором были выделены 6 признаков виджилантизма. Первым признаком выделяется планирование и преднамеренность со стороны тех, кто осуществляет данную деятельность («it involves planning and premeditation by those engaging in it»). Для виджилантных групп характерно наличие определенной организации, иерархии, распределения ролей. Кроме того, участники имеют умысел на совершение действий по «восстановлению справедливости», в связи с чем они планируют свою деятельность, готовятся к ее осуществлению. Поэтому нельзя отнести к виджилантизму одиночные, спонтанные и однократные действия отдельных людей, например в рамках необходимой обороны.

Следующим признаком является тот факт, что виджилантные группы представляют собой частные добровольные организации («private voluntary agency»). Исследуемые группы создаются в добровольном порядке обычными гражданами, которые не являются представителями государственной власти, либо же не применяют предоставленные службой полномочия при осуществлении действий в рамках виджилантной группы. Возможно взаимодействие

¹ Johnston L. What is vigilantism? // The British Journal of Criminology. 1996. No. 1 36 (2). P. 220.

с представителями государственных органов, но при этом в основе деятельности все равно лежит индивидуальное или групповое желание отдельных лиц. В связи с этим нельзя отнести, например, полицию к виджилантной группе. Кроме того, виджиланты представляют собой автономные, независимые объединения («autonomous citizenship»). Они не преследуют коммерческих целей при осуществлении своей деятельности, ими не руководит никакая иная группа, которая бы преследовала иные цели, кроме как защиты социального порядка. Это и является третьим признаком виджилантизма.

Четвертым признаком является тот факт, что виджиланты используют силу или угрожают ее применением («the use or threatened use of force»). Сила может проявляться как физически (путем причинения вреда здоровью различной степени тяжести или путем убийства, истязаний), так и психически (с помощью угроз). В рамках определенных организаций могут даже создаваться подгруппы, которые и будут заниматься вопросами применения силы. Но на сегодняшний момент времени не все виджиланты будут применять данное средство в той степени, которая была характерна для виджилантов прошлого. Например, сейчас можно отнести к проявлению силы и вызов сотрудников государственной власти на место правонарушения, обращение в суд, «деанонимизация» и иное. Но все же для классического виджилантизма характерно применение в первую очередь насилия или угрозы его применения.

Пятый признак характеризуется тем, что виджилантизм является своего рода ответом на преступления и социальные девиации («reaction to crime and social deviance»). Виджилантизм имеет своей целью восстановление справедливости, наказание нарушителей, осуществление социального контроля над теми лицами, которые не способны, по мнению виджилантов, мирно сосуществовать, которые нарушают социальные нормы. Для классического виджилантизма характерна направленность на борьбу с преступностью, в то время как современный виджилантизм может иметь своей целью противодействие правонарушениям, социальным девиациям как таковым.

Последний признак заключается в том, что виджилантизм направлен на персональную и коллективную безопасность («personal and collective security»).

По существу этот признак обуславливает само существование исследуемого социального явления. Ведь в связи с отсутствием ощущения защищенности определенные лица объединяются в группы для того, чтобы обеспечить свою безопасность своими силами. Либо же начинают осуществлять соответствующие действия в одиночку.

Желание самостоятельно обеспечить безопасность себя или близких может возникнуть в связи с наличием различного рода причин. Они могут быть вы-

званы как внешними и глобальными факторами (неэффективность правоохранительных органов), так и внутренними, глубоко личными. Например, лицо может захотеть восстановить контроль над происходящими в его жизни ситуациями после того, как такой человек был жертвой преступления. Чувство вины, которое появилось из-за невозможности повести себя в травмирующей ситуации иначе, приводит к серьезным изменениям в психике человека, для которого был характерен интеральный локус контроля.

Таким образом, можно выделить множество признаков, которые характеризуют виджиглантизм как криминологическое явление. Но, к сожалению, недостаточная разработанность научных положений приводит к тому, что до сих пор нельзя с точностью определить, будут ли те или иные действия относиться к проявлениям виджиглантизма или нет.

Так, например, все ранее перечисленные признаки, за исключением второго (частные добровольные организации), таким же образом можно отнести и к правоохранительным органам: целью их деятельности является социальная безопасность, они имеют четкую организацию и структуру, они могут применять силу к правонарушителям и так далее. Если мы не можем определить сущность явления, то возможно ли будет выявить причины его существования?

А виджиглантизм представляет собой достаточно общественно опасное явление с правовой точки зрения. Ведь опасен он не только тем, что для него характерно использование силы или угрозы ее применения (что запрещено уголовным законодательством всех стран), но и тем, что возможен подрыв авторитета власти, так как это может свидетельствовать о неэффективности властных структур. Кроме того, государство в принципе не признает иные организации с властными полномочиями, за исключением тех, что были созданы самим государством. Виджиглантизм, несмотря на то, что он может показаться своего рода атавизмом, существует, разивается и модернизируется по сей день.

Например, в последние годы в связи с развитием информационных технологий зародился цифровой виджиглантизм, или же «интернет-виджиглантизм»¹. В его рамках происходит контролирование недопустимых по мнению виджиглантов действий людей путем, например, размещения в сети «Интернет» личных данных о совершившем нарушении лице: фамилия, имя, адрес проживания, место работы и так далее.

Такие действия приводят к нарушениям прав на неприкосновенность частной жизни. Приведенный пример не в полной мере соответствует ранее пере-

¹ Волкова А. В. Цифровой вигилантизм: поведенческие паттерны и ценностные ориентации // Южно-российский журнал социальных наук. 2021. Т. 22, № 2. С. 48.

численным признакам. Но в силу специфики развития общества такие действия можно считать проявлениями современного виджигантизма со своими особенностями.

Таким образом виджигантизм представляет собой сложное и специфичное криминологическое явление. К сожалению, данный феномен является малоизученным как в рамках российской криминологической науки, так и в рамках мировой. Поэтому требуется дальнейшее активное исследование данного явления в связи с определенной общественной опасностью виджигантизма и его развитием в последние годы в различных формах.

Научная статья
УДК 343.222.1

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВИДОВ УМЫСЛА ПО ВОЛЕВОМУ АСПЕКТУ

Елизавета Денисовна СУХОРОСЛОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
liza.suxoroslova@bk.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**,
roman888rus@rambler.ru

Аннотация. Вина в составе преступления является одним из важных элементов, который позволяет определить квалификацию преступления. В данной статье автором ставится вопрос о сложности разграничении видов умысла по волевому аспекту.

В результате изучения мнения ученых было доказано, что верно определенный вид умысла влияет на квалификацию преступления и назначение справедливого наказания для виновного субъекта.

Ключевые слова: формы вины, умышленное деяние, неосторожное деяние, состав преступления, субъективная сторона

DELINEATION OF WILLFUL INTENT

Elizaveta D. SUKHOROSLOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, liza.suxoroslova@bk.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract: Guilt as part of a crime is one of the important elements that allows you to determine the qualification of a crime.

In this article, the author raises the question of the difficulty of distinguishing the types of intent according to the volitional aspect.

As a result of studying the opinion of scientists, it was proved that a correctly defined type of intent affects the qualification of a crime and the appointment of a fair punishment for the guilty subject.

Keywords: Forms of guilt, intentional act, reckless act, corpus delicti, subjective side

В настоящее время самой распространенной проблемой при привлечении виновного лица к уголовной ответственности является определение вины в составе преступления.

Одним из обязательных признаков субъективной стороны преступления является вина. Отражение термина «вина» не нашло место в уголовном законодательстве, однако А. Н. Попов раскрывает данное понятие как «психическое отношение субъекта к совершаемому им общественно опасному деянию и его последствиям»¹.

Согласно ч.1 ст. 24 УК РФ в преступлении признается виновным лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Таким образом, законодатель выделяет две формы вины умышленную и неосторожную.

Данное разделение осуществляется по двум элементам психики — волевому, который проявляется в «желании наступления указанных последствий»², и интеллектуальному, характеризующийся осознанием общественной

¹ Попов, А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст.ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ). СПб, 2016. С. 11.

² Парог А. И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений. М., 2008. С. 61.

опасности деяний и предвидением общественно опасных последствий.

Рассмотрим каждую из форм вины: умышленное деяние в соответствии с ч. 1 ст. 25 УК РФ может быть совершено с прямым или косвенным умыслом. Исходя из положений ч. 2 ст. 25 УК РФ умысел считается прямым, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления.

Прямой умысел проявляется: в деяниях, связанных с приготовлением к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления или покушением на преступление; в совершении преступлениях, состав которого не включает последствия в качестве обязательного признака; в общественно опасных деяниях, совершенных группой лиц или лицами по предварительному сговору. При назначении наказания для лиц, совершивших преступление с прямым умыслом, учитывается степень общественной опасности, потому что преступление с прямым умыслом считается более опасным для общества.

Определение косвенного умысла изложено в ч.3 ст. 25 УК РФ: Преступление признается совершенным с косвенным умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично. Проявление косвенного умысла можно определить только по фактически наступившим последствиям.

Интеллектуальный и волевой моменты при косвенном и прямом умыслах отличаются. При прямом умысле лицо предвидит и стремится к наступлению тех или иных последствий. Для их достижения субъект выбирает непосредственно такой способ совершения деяния, который обеспечит наступление желаемых последствий в обязательном порядке, т.е. деятельность лица направлена на достижение конкретной цели.

При косвенном умысле результат действий лица не совпадает с первоначально поставленной целью, по его мнению, вероятность наступления последствий равна вероятности их не наступлению. Таким образом, результат наступления последствий не является важным, как сам факт совершения деяния.

Для более точного разграничения прямого и косвенного умысла необходимо также учитывать количество телесных повреждений, их характер и способ их причинения.

Изучив судебную практику, необходимо отметить, что форма вины играет особую роль при определении квалификации преступления, особенно проблема возникает при разграничении преступлений совершенных по ч. 1 ст. 105

УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Так, К. находясь в своей квартире, в ходе конфликта переросшего в драку, схватила нож со стола и нанесла им не глядя наотмашь один удар в брюшную полость слева М., от чего он скончался. По результатам следствия было выяснено, что смерть наступила в результате кровопотери, развившейся в результате колото-резанного ранения брюшной стенки слева. К. осуждена по ч. 1 ст. 105 УК РФ, однако по кассационной жалобе ее деяние было переквалифицировано на ч. 4 ст. 111 УК РФ¹.

Этому послужили следующие основания: во-первых, удар был нанесен был в тот участок тела, который был выбран неосознанно, т. е. случайно и умысла причинять смерть у нее не было; во-вторых, после одного удара, К. не продолжила осуществлять действия, направленные на лишение жизни М., а напротив бросила нож и стала принимать меры, направленные к вызову сотрудников правоохранительных органов и скорой помощи.

Таким образом, по результатам судебного разбирательства были сделаны следующие выводы: «общественную опасность своих действий К. осознавала, наступление общественно опасных последствий предвидела в виде тяжкого вреда здоровью М. и допускала их наступление, однако не предвидела наступление общественно опасных последствий в виде смерти потерпевшего, хотя должна была и могла предвидеть эти последствия»².

Из этого примера видно, что, в случае прямого умысла, К. совершила бы ряд действий (например, многократность количества ударов, удар мог быть нанесен в наиболее жизненно важный орган, сила удара могла быть значительно выше и т.д.), направленных на достижение конкретной цели в виде смерти потерпевшего, чего не произошло.

В другом случае Л. был осужден за покушение на убийство. Л. и Н. распивали спиртные напитки в ходе чего между ними возникла ссора, по результатам которой Л. выгнал Н. из дома, а после чего вышел на крыльцо и совершил выстрел с обреза, причинив тяжкий вред Н. Районный суд осудил Л. за покушение на убийство, указав свое обоснование на то, что выстрел был совершен с близкого расстояния и в жизненно важный орган — голову.

Свое отношение к убийству Л. отрицал, т. к. его целью было не лишить жизни Н., а «попугать», поэтому выстрел был совершен не целясь. Также в материалах дела указывалось, что выстрел был совершен в темное время суток и по результатам своих действий не был проявлен интерес к Н.

После своих действий Л. вернулся в дом. Из этого можно сделать следующий вывод: действия Л. совершались с косвенным умыслом, т. е. он осознавал

¹ Постановление № 44У-143/2018 4У-1042/2018 от 26 июня 2018 г. по делу № 1-359/2017.

² Постановление № 44У-143/2018 4У-1042/2018 от 26 июня 2018 г. по делу № 1-359/2017.

общественную опасность своих действий и предвидел наступление последствий, однако относился к ним безразлично. Таким образом, квалифицировать данное деяние как покушение на убийство нельзя, потому что отсутствует прямой умысел (данный вид умысла необходим для квалификации преступления как покушение на убийство).

Помимо закрепленных в законодательстве умыслов существует следующие классификации: по времени их реализации и в зависимости от степени последствий, предвиденных виновным.

В первом случае возникновение умысла возможно внезапно, т. е. умысел и возникает и реализуется внезапно. Во втором случае реализация умысла происходит через определенное время, однако, данная классификация не находит свое отражение в законодательстве по той причине, что для «закона безразлично, когда возник у лица умысел», так, квалифицированное преступление как убийство будет квалифицировано именно так, независимо от того, когда возник умысел.

Исключением из этого правила является наличие дополнительных обстоятельств, предусмотренных законом, содеянное будет квалифицироваться как преступление с привилегированным составом.

В зависимости от степени последствий, предвиденных виновным различают умысел конкретизированный и неконкретизированный. Первым считается умысел, при котором лицо видит определенное последствие своего деяния и желает их наступление сознательно (бессознательно) или в результате безразличия.

Если лицо допускает одно определенное последствие, то в таком случае умысел считается простым, если несколько последствий, то его принято считать альтернативным. Неконкретизированным считается умысел, при котором лицо осознает общественно опасный характер своего деяния, но в результате его действий наступают не определенные последствия, желало их наступление сознательно (бессознательно) или в результате безразличия.

Таким образом, иные виды умысла только «уточняют, конкретизируют умышленную форму вины в рамках законодательно определенных прямого или косвенного умысла»¹.

¹ Попов, А. Н. Вина в преступлениях против жизни (ст.ст. 105, 106, 107, 108 УК РФ). СПб, 2016. С. 29.

Научная статья
УДК 343.434

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УГРОЗЫ УБИЙСТВОМ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ И ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Анастасия Николаевна ТУРУШЕВА

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета, Санкт-Петербург,
Россия, anastasija.turuseva@gmail.com

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук **Виктория Вячеславовна СЕМЕНОВА**, Vsemenova17@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматривается уголовно-правовая характеристика угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью.

Особое внимание уделено анализу субъективной стороны названного общественно опасного деяния и разграничению его от покушения на убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Выявлены правоприменительные проблемы квалификации и предложены пути их решения.

Ключевые слова: угроза убийством или причинение тяжкого вреда здоровью, покушение на убийство, субъективная сторона

Original article

CRIMINAL LAW DESCRIPTION OF THE THREAT MURDER: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Anastasia N. TURUSHEVA

St. Petersburg Academy of Investigative Committee, St. Petersburg, Russia,
anastasija.turuseva@gmail.com

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law **Victoria Vyacheslavovna SEMENOVA**, Vsemenova17@inbox.ru

Abstract. The article examines the criminal law characteristics of the threat of

murder and causing serious harm to health.

Special attention is paid to the analysis of the subjective side of the named socially dangerous act and its differentiation from attempted murder and intentional infliction of serious harm to health.

The law enforcement problems of qualification have been identified and ways to solve them have been proposed.

Keywords: threat of murder or infliction of serious harm to health, attempted murder, subjective side

Право человека на жизнь и здоровье гарантировано Конституцией Российской Федерацией, за нарушение названных благ предусмотрена уголовная ответственность. Отметим, что жизнь человека и его здоровье является наивысшим благом, которое не подлежит восстановлению¹, в связи с чем, в целях обеспечения реализации сохранения жизни и здоровья, законодателем предусмотрена в уголовном законе превентивная мера.

Так, в целях недопущения совершения умышленного причинения смерти человеку или причинения тяжкого вреда здоровью, предусмотрена ответственность за угрозу совершения указанных действий (ст. 119 УК РФ). Пресекая действия лица на стадии угрозы убийством или причинения тяжкого вреда здоровью, когда у него еще не сформировался умысел на их реализацию путем привлечения к уголовной ответственности имеет очень хороший профилактический эффект и сдерживает лицо от дальнейших намерений совершить убийство или причинить тяжкий вред здоровью.

Следовательно, непосредственным объектом исследуемого преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие право человека на жизнь и здоровье человека. Потерпевшим может быть любой человек, независимо от состояния его здоровья. Объективная сторона состоит в угрозе совершения убийства или причинения тяжкого вреда здоровью, если имелись основания ее опасаться. Преступление считается оконченным с момента реализации угрозы. В ситуации причинения легкого или среднего вреда здоровью в ходе угрозы, данные действия требуют дополнительной квалификации.

Отметим, что анализ судебной практики позволил выявить сложности, связанные с разграничением угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от покушения на убийство и от покушения на причинение тяжкого вреда здоровью, так как внешние действия в указанных преступлениях могут быть схожи между собой. Для разграничения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от покушения на убийство или причинения тяжкого вреда здоровью, необходимо обратиться к истинному значению слова

¹ Семенова В. В. Похищение человека: субъективная сторона преступления // Профессиональное юридическое образование и наука. 2024. № 3(15). С. 58.

«угроза». Толковый словарь С. И. Ожегова трактует понятие угрозы в двух значениях: запугивание, обещание причинить кому-нибудь вред, зло; возможная опасность¹.

В научной литературе содержится многочисленное количество различных мнений, взглядов, точек зрения и споров относительно того, что же представляет собой угроза в уголовном законодательстве.

О. Р. Рузевич рассмотрел данную категорию в двух аспектах: как способ нарушения психической неприкосновенности личности и как возможную опасность наступления преступных последствий². Диспозиция ст.119 УК РФ не раскрывает понятие угрозы в уголовном законодательстве, в связи с чем при применении данной статьи на практике часто возникают трудности при разграничении преступлений.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указано, что «под угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью следует понимать не только прямые высказывания, в которых выражалось намерение применения физического насилия к потерпевшему лицу или к другим лицам, но и такие угрожающие действия виновного, как, например, демонстрация оружия или предметов, которые могут быть использованы в качестве оружия»³.

Таким образом, Верховный Суд РФ акцентирует внимание на том, что угроза представляет собой именно психическую и информационную составляющую преступного деяния, нежели попытка лица совершить преступное воздействие на лицо. Покушением признаются, как следует из ч. 3 ст. 30 УК РФ, «умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам».

То есть, угрозу необходимо отграничивать от покушения по субъективной и объективной стороне преступления. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22.07.2021 № 82-УД21-7-К7 дополняет и конкретизирует указанную выше позицию Суда, говоря о том, что «по

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Русская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003. С. 825.

² Макарова Е.Н. Понятие, виды и значение угрозы как элемента преступной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. №4 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-vidy-i-znachenie-ugrozy-kak-elementa-prestupnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 26.10.2024).

³ О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

смыслу уголовного закона, угроза убийством — это разновидность психического насилия и может быть выражена в любой форме, устно, письменно, жестами, демонстрацией оружия и т.д.

Содержание угрозы убийством составляет высказывание намерения лишить жизни, угроза рассчитана на запугивание потерпевшего. Обязательным признаком такой угрозы является ее реальность. Оценкой реальности угрозы является субъективный и объективный критерии. Субъективный критерий характеризуется намерением виновного осуществить угрозу и восприятием потерпевшим этой угрозы как опасной для жизни. При этом угроза должна быть очевидной для потерпевшего. Объективный критерий оценки реальности угрозы устанавливается с учетом обстоятельств, характеризующих обстановку, в которой потерпевшему угрожают, личность угрожающего, взаимоотношения потерпевшего и виновного»¹.

Следовательно, критерии разграничения смежных составов преступления усматриваются непосредственно в субъективной и объективной составляющей преступного деяния, при этом, угроза не подразумевает под собой совершения каких-то определенных действий, а только лишь создание опасной обстановки, угрожающей жизни лица, осознанием этим лицом реальности угрозы, которая достигается путем целенаправленного психического и информационного воздействия, выражающееся в высказываниях, оскорблениях в адрес лица, демонстрации оружия и т.д.

При покушении, лицо предпринимает усилия для того, чтобы умышленно причинить человеку смерть или тяжкий вред здоровью, однако свой умысел он не доводит до конца по независящим от него обстоятельствам, что является необходимым условием признания преступного деяния таковым.

Так, например, приговором мирового судьи Шадринского судебного района Курганской области Б. осужден за совершение преступления, предусмотренного ч.1 ст.119 УК РФ.

Б. признан виновным в том, что в ходе конфликта на почве личной неприязни, действуя с умыслом на создание реальной угрозы жизни и здоровью своего соседа Т., нанес ему удары руками и ногой по различным частям тела, а также металлическим предметом по виску. Действия Б. сосед воспринял как реальную угрозу своей жизни и здоровью, и у него имелись основания опасаться ее осуществления.

Апелляционная инстанция оставила приговор без изменения, указав на то, что «угроза убийством была выражена в данном случае опасным для жизни потерпевшего Т. действием Б., а именно ударом массивным металлическим

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.07.2021 №82-УД21-7-К7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

предметом в висок Т., которое в совокупности с другими агрессивными действиями Б., совершенными в то же время, в том же месте, в ходе того же конфликта, давало потерпевшему основания опасаться осуществления угрозы»¹.

Кассационная инстанция оставила приговор и апелляционное постановление без изменения. Однако Верховный Суд РФ отменил приговор, апелляционное постановление и кассационное определение в отношении Б. указав, что удары наносились предметом, позволяющим причинить смерть и удары наносились в жизненно важные органы.

На основании вышеизложенного следует вывод о том, что угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью следует разграничивать от покушения на убийство или причинения тяжкого вреда здоровью по объективным и субъективным признакам.

На направленность лица на совершение убийства или причинения тяжкого вреда здоровью свидетельствуют такие действия, которые могли бы причинить вред здоровью (наличие оружия, количество и интенсивность ударов, локализация ударов) и реальность совершения убийства или причинения тяжкого вреда здоровью (длительность воздействия, обстановка совершения).

Научная статья **УДК 343.3/.7**

ПУБЛИЧНАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ, В ТОМ ЧИСЛЕ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЯХ (ВКЛЮЧАЯ СЕТЬ «ИНТЕРНЕТ»), КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИЗНАК СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 116 УК РФ

Алмаз Ильдарович ФАЙЗУЛЛИН

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
afajzullin822@gmail.com

Научный руководитель — преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Александровна ШУТОВА**,
yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрено одно из последних изменений

¹ Апелляционное постановление от 13 августа 2020 г. № 10-26/2020 // Судебные решения РФ: официальный сайт. URL: <https://судебныерешения.рф/53031141> (дата обращения: 04.11.2024)

Уголовного кодекса Российской Федерации, которое закрепило, новый квалифицирующий признак для ряда статей Особенной части, а также отягчающее наказание обстоятельство – публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информацией или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Также было определено признаком какого элемента состава преступления являются указанный признак, также на какие общественные отношения он посягает.

Ключевые слова. побои, публичная демонстрация, способ совершения преступления, обстановка совершения преступления

Original article

PUBLIC DEMONSTRATION, INCLUDING IN MASS MEDIA OR INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS (INCLUDING INTERNET), AS A CONSTRUCTIVE SIGN OF CORPUS DELICTI UNDER ART. 116 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Almaz I. FAYZULLIN

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
St. Petersburg, Russia, afajzullin822@gmail.com

Scientific adviser — Lecturer, Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Alexandrovna SHUTOVA**, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Abstract. This article examines one of the latest amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, which fixed a new qualifying feature for a number of articles of the Special Part, as well as an aggravating circumstance – public demonstration, including in the mass media or information and telecommunication networks (including the Internet). It was also determined which element of the corpus delicti is the indicated sign, as well as which social relations it encroaches on.

Keywords. beatings, public demonstration, method of committing a crime, the setting of the crime

Стремительное развитие информационных технологий и переход реального общения в виртуальное повлекли за собой трансформацию привычных форм насильственных преступлений. Данный процесс не обошел стороной и трансформацию ст. 116 УК РФ.

Так Федеральным законом от 8 августа 2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации», в ст. 116 УК РФ «Побои», как и во много другие составы преступлений главы 16 УК РФ, был добавлен новый квалифицирующий признак – «публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)».

Данные изменения были введены ввиду быстрого развития негативного социального явления — «треш-стримов». Треш-стриммеры транслируют или демонстрируются деяния совершенные с особой жестокостью, садизмом, издевательствами и мучениями жертвы, данное положение подтверждается пояснительной запиской к Федеральному закону от 8 августа 2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».

Для того, чтобы разобраться какое место занимает новый квалифицирующий признак среди признаков состава преступления, стоит рассмотреть состав преступления, предусмотренный ст. 116 УК РФ.

Так родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, являются общественные отношения обеспечивающие права личности. Видовым объектом преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, выступают общественные отношения, обеспечивающие право личности на здоровье. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, являются общественные отношения, обеспечивающие право конкретной личности на личную телесную неприкосновенность.

Также с последними изменениям появился дополнительный объект преступления – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность. Кроме того, в данном составе присутствует факультативный признак состава преступления, который стал обязательным – потерпевший.

По конструкции объективной стороны преступления, состав уголовно-наказуемых побоев относится к преступлениям с формальным составом. Обозначенное означает, что преступление окончено с момента совершения общественно опасного деяния в форме активных действий.

Обязательным признаком объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, является совершение общественно опасного деяния в виде нанесения побоев или иных насильственных действий, причиняющих физическую боль. Под нанесением побоев следует понимать действия, характеризующиеся многократными нанесением ударов по телу потерпевшего, его избиение.

Удары при этом наносятся различными частями тела либо твердым тупым предметом (камень, палка, бита, предмет домашнего обихода). Например, обвинительным приговором Тверского районного суда г. Москвы № 01-

0264/2024 от 16 апреля 2024 года Себелев был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ.

Себелев, имея умысел на причинение физической боли ранее не знакомому гражданину, действуя из хулиганских побуждений, находясь в общественном месте, в присутствии посторонних лиц, подошел к потерпевшему и правой рукой нанес тому не менее двух ударов в область головы, а также не менее двух ударов ногой по ногам потерпевшему, причинив последнему физическую боль»¹.

К иным насильственным действиям, причиняющим физическую боль, относятся сильные толчки, ссадины, кровоподтеки, скручивания, укусы, пинки, обхватывание потерпевшего и ударение его о твердые поверхности².

Например, обвинительным приговором Коптевского районного суда г. Москвы № 1-397/2023 от 16 октября 2023 года лицо было признано виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ.

Виновная, находясь в тамбурном коридоре магазина, из хулиганских побуждений, нарушая общепризнанные нормы и правила поведения, демонстрируя пренебрежительное отношение к окружающим, грубо нарушая общественный порядок, имея умысел, направленный на нанесение насильственных действий, причиняющих физическую боль, подбежала к ранее неизвестной ей потерпевшей и ладонями обеих рук нанесла не менее трех ударов в область лица последней, причинив тем самым последней физическую боль и телесные повреждения, в виде ссадин верхней и нижней губы³.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет.

С субъективной стороны, побои определяются виной в виде прямого умысла, то есть лицо совершая данное преступление осознает общественную опасность совершаемого деяния в виде нанесения побоев или иных насильственных действия, причиняющих физическую боль и желает совершить эти действия.

Также в диспозиции ст. 116 УК РФ указаны два мотива. Таким образом мотив преступления становится обязательным признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ. Однако для квалификации такого или иного деяния по обозначенной уголовно-правовой норме, достаточно наличия одного, из указанных в диспозиции, мотива:

¹ Приговор Тверского районного суда г. Москвы № 01-0264/2024 от 16 апреля 2024 г.// URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/criminal/details/eb2e5430-ec43-11ee-9138-27a91588c0f3?codex=116+УК+РФ&formType=fullForm> (дата обращения 13.11.2024 г.).

² Саковский Е. Место побоев в системе преступлений против жизни и здоровья и способы их совершения // Закон и право. 2008. № 11. С. 84.

³ Приговор Коптевского районного суда г. Москвы № 1-397/2023 от 16 октября 2023 г.// URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/koptevskij/services/cases/criminal/details/d1f6a1f0-6130-11ee-8785-29bd38f23b15?codex=116+УК+РФ&formType=fullForm> (дата обращения 13.11.2024 г.).

— хулиганский мотив приведен в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» и определен как умышленные действия, направленные против личности человека или его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода¹;

— экстремистский мотив, как определяют А. А. Турышев и Р. Р. Абдулганеев, это «внутреннее побуждение лица, совершившего преступление, выраженное в противопоставлении личных (групповых) интересов интересам части общества через совершение действий, направленных на потерпевшего в связи с обладанием им неотъемлемым (приобретенным) социальным свойством (пола, расы, национальности, идеологических, политических, религиозных атрибутов и т.д.)»².

Но не смотря на внесенные изменения, разъяснений о том, признаком чего является публичная демонстрация не было, ввиду чего необходимо разобратся в понятии публичной демонстрации, которое приведено в Пленума Верховного Суда РФ и заключается в «открытом показе порнографических материалов либо в предоставлении неограниченному числу лиц возможности просмотра таких материалов, однако без возможности самостоятельного их использования (путем сохранения на своем компьютерном устройстве, размещения на интернет-страницах от своего имени и т.п.).

Как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, — стриминговых сервисах), а также состоящие в размещении запрещенной законом информации (материалов, сведений) на личных страницах и на страницах групп пользователей (в социальных сетях или на интернет-страницах)»³.

Исходя из понятия указанного выше, можно сделать вывод, что публичная демонстрация применительно к побоям, означает открытый показ материалов, на которых присутствуют сведения о побоях, отправка их в личных сообщениях, публикация на сайтах в сети «Интернет», также совершенные в прямом эфире.

Возвращаясь к вопросу, признаком чего является публичная демонстрация,

¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 (ред. от 26.11.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Абдулганеев Р. Р., Турышев, А. А. Экстремистский мотив преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. № 1(35). С. 108.

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 № 37. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), можно сказать, что она применительно к уголовно-наказуемым побоям на первый взгляд подпадает под признаки таких факультативных признаков объективной стороны преступления как: способ и обстановка совершения преступления.

Так Н. С. Зорина и Д. Н. Зорин определяют способ совершения преступления как совокупность конкретных действий преступника по подготовке, к совершению преступления¹.

А. Г. Куликов и В. В. Лазаревич понимают способ совершения преступления как действие или совокупность действий, используемых при подготовке к совершению преступного посягательства или облегчающего его совершение². В. Ю. Николаев понимает под понятием «способ совершения преступления» считает проявление в виде действий, которые позволяют однозначно отнести его к внешней стороне деяния, в виду облегчения его совершения³.

Исходя из вышеприведенных дефиниций можно сделать вывод о том, что способ совершения преступления — действия или совокупность действий по подготовке совершения преступления или те действия, которые облегчают его совершение.

Так, П. В. Федышина считает, что обстановка совершения преступления — это не только окружающие условия, но и взаимоотношения людей (например, при доведении до самоубийства), состояние здоровья потерпевшего (например, при причинении смерти заведомо беспомощному лицу), а также иные обстоятельства, выступающие фоном для совершения преступления⁴.

А. В. Кольчевский определяет обстановку совершения преступления как представляет собой определенную совокупность людей и обстоятельств, создающих соответствующие условия для совершения конкретных действий либо бездействий, описывающих место, время, предмет и объект преступного посягательства, состав соучастников, их взаимоотношение с пострадавшими, которые в следствии оказывают влияние индивидуальный способ и механизм совершения преступления⁵.

¹ Зорина Н. С. Зорин Д. Н. К вопросу о понятии и классификации способов совершения компьютерных преступлений // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2022. № 25. С. 98.

² Куликов А. Г., Т Лазаревич В. В. О понятии и классификации способов совершения цифровых преступлений // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. № 1(15). С. 72.

³ Николаев В. Ю. Некоторые проблемы определения уголовно-правового понятия «способ совершения преступления» // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 11. С. 33.

⁴ Федышина, П. В. Обстановка совершения преступления как уголовно-правовое // Криминалист. 2018. № 1(22). С. 13.

⁵ Кольчевский, А. В. Обстановка совершения преступного посягательства как элемент криминалистической характеристики преступления: позиции, мнения, взгляды // Личность, общество и государство в правовом измерении : Материалы национальной научно-практической конференции, Иркутск, 22 марта 2021 г. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2021. С. 386.

Также понятие обстановки совершения преступления приводит О. М. Андриюшенкова и она считает, что обстановка совершения преступления – это определенные условия и обстоятельства, при которых совершается общественно опасное деяние, указанные в диспозиции конкретного состава преступления, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ¹.

Из чего следует, что публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), рассматриваемого деяния, является признаком обстановки совершения преступления, поскольку, она создает внешние условия совершения преступления, а не облегчает его совершение, а скорее наоборот усложняет, ввиду того, что она изобличает совершение побоев, то есть снижает уровень скрытности совершенного преступления от правоохранительных органов (уровень латентности).

Таким образом объектом преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие право на личную телесную неприкосновенность.

Также следует отметить, что новый признак побоев — публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), является факультативным признаком объективной стороны преступления, таким как обстановка, ведь она создает внешние условия, при которых совершается преступление, предусмотренное ст. 116 УК РФ.

Способом же она не является, ввиду того что она не облегчает совершение преступления, а скорее наоборот, ведь она увеличивает шанс привлечения к уголовной ответственности (ввиду снижения латентности), что снижает желание лица, совершить указанные действия.

Кроме того, нанесение побоев с их публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), посягает, по нашему мнению, на дополнительный объект преступления — общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность.

¹ Андриюшенкова, О. М. Состав преступления: общие положения и вопросы квалификации : учебное пособие в 2 частях. Омск : Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2024. С. 84.

Научная статья
УДК 343.341.2

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ

Анастасия Сергеевна ФЕДОТОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
as.fedotova@mail.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права, кримино-
логии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридиче-
ского института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федера-
ции, кандидат юридических наук, доцент **Роман Михайлович КРАВЧЕНКО**,
roman888rus@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы квалификации преступ-
лений, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ.

На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действу-
ющего уголовно-процессуального законодательства рассматриваются во-
просы соотношения указанных составов.

Выдвигаются и аргументируются предложения о необходимости внесения
изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части преступления,
предусматривающего ответственность за занятие высшего положения в пре-
ступной иерархии.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, организо-
ванная преступность, преступная иерархия, высшее положение в преступной
иерархии

Original article

**QUESTIONS OF THE RATIO OF PART 4 OF st. 210 OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND st. 210.1
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Anastasia S. FEDOTOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of
the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, as.fedotova@mail.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law,

Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Roman Mikhailovich KRAVCHENKO**, roman888rus@rambler.ru

Abstract. The article deals with the problems of qualification of crimes provided for in Part 4 of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current criminal procedure legislation, the issues of the correlation of these compositions are considered.

Proposals are put forward and argued for the need to amend the Criminal Code of the Russian Federation in terms of the crime providing for responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy.

Keywords: The Criminal Code of the Russian Federation, organized crime, criminal hierarchy, the highest position in the criminal hierarchy

Неоспоримым стоит признавать тот факт, что в эпоху всеобъемлющей и непрерывно нарастающей информатизации вектор развития жизнедеятельности всего человечества в значительной степени сместился, подчинившись правилам, диктуемым информационным прогрессом, — не является исключением в данных условиях и сфера преступности. По статистическим данным, представленным Министерством внутренних дел Российской Федерации, за 2023 год, каждое третье преступление было совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Кажется, что в условиях «расцвета» кибер-преступности такие понятия как: ОПГ, «воз в законе», «сходка» — остались пережитком давно ушедшей эпохи 90-х годов двадцатого столетия, однако в действительности организованными группами или преступными сообществами за 2023 год совершено 30,8 тыс. тяжких и особо тяжких преступлений (+18,4 %), причем их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий увеличился с 10,5 % в январе — декабре 2022 года до 11,6 %¹.

При этом стоит отметить, что представленная категория уголовно наказуемых деяний отличается особой спецификой, так зачастую ответственность за их совершение несут «непосредственные исполнители», а лица, стоящие за руководством и планированием, избегают законного наказания, что позволяет им непрерывно наращивать темпы и объемы преступности.

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2023 г. [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 04.11.2024).

В этой связи довольно логичной видится политика государства, направленная на ужесточение уголовной ответственности лидеров криминального мира. Начало ее реализации положило дополнение в 2009 году ст. 210 УК РФ частью 4, устанавливающей ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 или ч. 1.1 ст. 210 УК РФ, лицом занимающим высшее положение в преступной иерархии.

Здесь законодатель впервые использует термин «занятие высшего положения в преступной иерархии», идентифицируя его исключительно в качестве элемента описания субъекта преступления, однако в 2019 году с введением в действие ст. 210.1 УК РФ представленный выше признак предстает уже как самостоятельный состав преступления, криминализируя, по сути, опасное состояние личности¹.

Именно на данном этапе, как видится встает вопрос об уголовно-правовом соотношении ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, поскольку законодатель с использованием фактически идентичной формулировки закрепляет два различных явления, а именно субъект преступления и само преступное «деяние».

В данной связи видится необходимым сделать оговорку и отметить, что ст. 210.1 УК РФ является довольно противоречивой с точки зрения корреляции с основополагающими началами Уголовного права РФ, однако в представленной работе проблемные вопросы квалификации приведенного состава затрагиваться не будут.

При этом в целях предупреждения расхождений в понимании и установлении единообразия понятийного аппарата условимся, что под «преступной иерархией» стоит признавать структуру подчиненности внутри конкретной преступной группы, распространяющей свое влияние на определенную административно-территориальную единицу, а равно ряд таких единиц как внутри одного государства, так и за его пределами, строящуюся на основе властно-распорядительных отношений лиц, придерживающихся правил и традиций криминальной среды².

Вместе с тем для отождествления лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии целесообразным представляется применение следующих основных критериев:

¹ Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика занятия высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3(21). С. 26—31; Пантюхина И. В. Ларина Л. Ю. Проблемы регламентации и применения уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // Lex russica (Русский закон). 2020. № 10(167). С. 159—170; Кондратюк С. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии и его профилактика // Вестник ВУиТ. 2021. №4 (100). С. 69—75.

² Федотова А. С. Некоторые проблемы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ // Альманах молодого исследователя / под общ. ред. А. А. Сапожкова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. Вып. 15. С. 100.

- выполнение организационных функций внутри иерархии (планирование преступлений, распределение обязанностей и раздел сфер преступного влияния, поддержание дисциплины и т.д.);
- наличие судебных функций — полномочий для разрешения конфликтных ситуаций внутри руководимой преступной группы;
- наличие распорядительных полномочий относительно имущества, принадлежащего преступной группе, а также преступных доходов;
- широкая распространенность влияния: город/район — международное сообщество;
- наличие внушительного преступного опыта;
- обладание признаваемым среди криминального мира авторитетом (широкая известность в преступных кругах);
- поддержание криминальной субкультуры (являются идеологами преступного мира)¹.

В целях наиболее полного и объективного анализа исследуемого в настоящей работе вопроса, необходимо обратиться к особенностям объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, где в качестве наказуемого деяния определяется «занятие» высшего положения в преступной иерархии. Специфика представленного состава заключается в том, что, благодаря неточной законодательной конструкции, «занятие положения», исходя из семантической оценки, может быть рассмотрено в двух значениях, а именно как процесс или же как конечный результат. При этом на законодательном уровне какие-либо разъяснения, касающиеся установленного аспекта, отсутствуют, на основании чего предлагается рассмотреть возможность соотношения ч. 4 ст. 210 УК РФ со ст. 210.1 УК РФ в двух вариациях.

Первоочередно установим, как образом могут коррелироваться ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ, как длящееся преступление. Ранее в работе были приведены критерии, наличие которых дает основание полагать, что конкретное лицо, занимает высшее положение в преступной иерархии, наряду с этим при надлежащем их изучении можно прийти к выводу о том, что под большинством подразумевается совершение каких-либо действий. Соответственно, как представляется, непосредственная совокупность этих совершаемых действий и являет собой занятие высшего положения в преступной иерархии в форме процесса.

В этой связи, обращаясь к такому критерию, как «выполнение организационных функций внутри иерархии (планирование преступлений, распределение

¹ Федотова А.С. Некоторые проблемы определения субъекта преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ // Альманах молодого исследователя / под общ. ред. А. А. Сапожкова. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. Вып. 15. С. 101.

обязанностей и раздел сфер преступного влияния, поддержание дисциплины и т. д.)», возможно установить, что под ним подразумевается в том числе и осуществление действий, направленных на создание преступного сообщества (преступной организации), а равно руководство ими. Вместе с тем, с учетом также критерия авторитета, очевидным видится тот факт, что в условиях сложившихся традиций криминального мира лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии наделено обязанностью к участию в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций).

Таким образом, логичным видится вывод о том, что объективная сторона ч. 4 ст. 210 УК РФ выступает не иначе как составляющей объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, рассматриваемого в качестве процесса.

То есть, один из компонентов «занятия высшего положения в преступной иерархии» выделяется в отдельный состав преступления, и складывается ситуация, при которой одно общественно опасное деяние подпадает под действие двух уголовно-правовых норм.

Именно на этом основании в научной среде господствует позиция, согласно положениям которой ст. 210.1 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ соотносятся как общая и специальная норма соответственно. «В данном случае можно говорить об одновременном наличии в УК РФ общей и специальной нормы.

Для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ достаточно занятия лицом высшего положения в преступной иерархии, а по ч. 4 ст. 210 УК РФ ответственность наступает за организацию преступного сообщества (преступной организации) лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии»¹.

Однако, как представляется, признание указанной ранее позиции верной нецелесообразно, потому как общая и специальная нормы, согласно теории уголовного права России, должны одновременно охватывать собой одно и то же деяние целиком, чего в исследуемом случае не происходит².

Вместе с тем в подтверждение данной позиции необходимо упомянуть о том, что ч. 3 ст. 17 УК РФ закрепляет положение о том, что, если преступление предусмотрено общей и специальной нормами, совокупность преступлений отсутствует и уголовная ответственность наступает по специальной

¹ Новожилов С. С. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы применения части 4 статьи 210 и статьи 210.1 УК Российской Федерации // Юридические исследования. 2022. № 4. С. 53. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37807 (дата обращения: 06.11.2024).

² Уголовное право. Общая часть : учебное пособие в таблицах / Д. А. Безбородов, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, Ю. В. Морозова, А. Н. Попов, П. В. Федышина, Р. Д. Шарапов ; под ред. А. Н. Попова. 2-е изд., перераб. и доп. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 35.

норме, из чего следует, что дополнительная квалификация по ст. 210.1 УК РФ в таких случаях не требуется.

При этом детальный анализ законодательной конструкции диспозиции ч. 4 ст. 210 УК РФ, показывает, что для наступления уголовной ответственности по указанному составу совершение ч. 1 или ч. 1.1 ст. 210 УК РФ должно быть осуществлено лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, соответственно на момент совершения данных деяний лицо уже должно иметь подтвержденный статус.

Вместе с тем, на основании ч. 2 ст. 8 УПК РФ, никто не может быть признан виновным в совершении преступления иначе как по приговору суда, из чего следует закономерный вывод о том, что в отсутствие приговора суда в отношении лица по ст. 210.1 УК РФ, обоснованно утверждать о наличии статуса, подтверждающего занятие высшего положения в преступной иерархии, не представляется возможным.

Следовательно, для надлежащей квалификации общественно опасного деяния по ч. 4 ст. 210 УК РФ необходимо наличие квалификации по ст. 210.1 УК РФ, что, очевидно, идет вразрез положению, закрепленному ч. 3 ст. 17 УК РФ. В сложившихся обстоятельствах признание ст. 210.1 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ общей и специальной уголовно-правовыми нормами исключено.

Однако, как было установлено выше, ч. 4 ст. 210 УК РФ по своей сути является совокупностью частью объективной стороны ст. 210.1 УК РФ, то есть при квалификации деяния одновременно по обеим статьям, как того требуют законодательные формулировки, складывается ситуация двойного вменения, нарушая собой основополагающий для уголовного права России принцип — принцип справедливости, закрепленный ч. 2 ст. 6 УК РФ.

Представляется, что на данный момент ч. 4 ст. 210 УК РФ полностью поглощается ст. 210.1 УК РФ, как длящимся преступлением, исследуемые составы необходимо рассматривать с позиции соотношения «части и целого», где «целым» выступает ст. 210.1 УК РФ и, соответственно, квалификация деяния должна производиться исключительно в рамках указанного состава. Видится, что в данном контексте прослеживается необходимость исключения ч. 4 ст. 210 УК РФ, как нормы дублирующей часть объективной стороны ст. 210.1 УК РФ, что при детальном рассмотрении, влечет ее неприменение.

В этой связи, на основании приведенного ранее тезиса о том, что «занятие высшего положения в преступной иерархии» может рассматриваться не только в качестве процесса, но и в качестве конечного результата, на основании чего прослеживается необходимость исследовать вопросы соотношения ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ сквозь данную призму.

Следует признать, что при оценке состава преступления, предусмотрен-

ного ст. 210.1 УК РФ, с позиции, где объективная сторона считается оконченной с момента достижения лицом статуса «высшего положения в преступной иерархии», встает вопрос о том, кого следует считать субъектом изучаемого общественно опасного деяния. Исходя из конструкции состава, и, основываясь на базовых знаниях о грамматике русского языка, стоит признать, что лицо, стремившееся занять высшее положение в преступной иерархии, по достижении такого статуса, должно именоваться лицом, занявшим высшее положение в преступной иерархии, каких-либо дальнейших действий «занятие», как конечный результат, со стороны субъекта в таком случае не предполагает.

При этом, анализ формулировки диспозиции ч. 4 ст. 210 УК РФ дает основание считать, что для совершения закрепляемого ею деяния субъектом должно выступать лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, то есть определенным образом предоставленный статус реализующее, посредством совершения объективной стороны, о чем было подробно сказано выше.

Таким образом, основываясь на совокупном содержании представленных тезисов, можно сделать вывод о том, что объективная сторона ч. 4 ст. 210 УК РФ, заключающаяся в совершении деяний, предусмотренных ч. 1 и ч. 1.1 ст. 210 УК РФ, специальным субъектом, никак не коррелируется с объективной стороной ст. 210.1 УК РФ, где уголовно наказуемым деянием признается сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии, совершенный единомоментно. Установленное положение, очевидно, исключает возможность соотнесения исследуемых норм в качестве общей и специальной.

В таком случае ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210.1 УК РФ должны рассматриваться как два невзаимосвязанных общественно опасных деяния, что как представляется идет вразрез с целью законодателя по осуществлению противодействия организованной преступности, однако остается единственным вариантом сохранения в УК РФ обоих исследуемых составов.

Научная статья
УДК 343.58

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» ПРИ ПРОПАГАНДЕ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ

Анастасия Павловна ФИРСОВА

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, Agarkovaaanastasia04@gmail.com

Научный руководитель — старший преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации
Екатерина Николаевна АЛЕШИНА-АЛЕКСЕЕВА, katal07@inbox.ru

Аннотация. Актуальность рассматриваемой темы вызвана агрессивным и жестоким обращением с животными, которое проявляется в различных формах и стало нормой в нашем обществе.

Затрагивая неограниченное количество лиц, вовлекаемых в противоправные действия против нравственности, обращает внимание то, что большинство таких деяний попадает в категорию латентных преступлений.

Сложившаяся обстановка в Российской Федерации требует своевременных и комплексных решений.

Ключевые слова: преступления против общественной нравственности, жестокое обращение с животными, сеть «Интернет»

Original article

USE OF THE INTERNET IN PROPAGANDA ANIMAL CRUELTY

Anastasia P. FIRSOVA

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, Agarkovaaanastasia04@gmail.com

Scientific adviser — Senior Lecturer, Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
Ekaterina Nikolaevna ALESHINA-ALEKSEEVA, katal07@inbox.ru

Abstract. The relevance of the topic under consideration is caused by aggressive and cruel treatment of animals, which manifests itself in various forms and has become the norm in our society.

Affecting an unlimited number of persons involved in contrary actions against morality, it is noteworthy that most of these acts fall into the category of latent crimes.

The current situation in the Russian Federation requires timely and comprehensive solutions.

Keywords: crimes against public morality, cruelty to animals, «Internet» network

В современном обществе наблюдается агрессивное и жестокое отношение к животным, проявляющееся в различных формах и ставшее обыденностью в нашем обществе. Проблема жестокого обращения с животными приобретает угрожающий характер, становясь не просто частным случаем, а систематическим нарушением моральных устоев и принципов цивилизованного общества.

Среди обстоятельств, усугубляющих ситуацию — распространение информации через средства массовой информации и сети интернет. Связано, по нашему мнению, это с тем, что с их помощью подрывается нормы морали, затрагивающие нравственность.

Масштабы жесткого обращения с животными приобрели новые очертания и проявления, в том числе отмечаются совместные нападения на животных и их хозяев. При этом количество таких преступлений растет из-за неэффективности уголовной юстиции, и лишь немногие из них доходят до суда.

Проблему усложняет отсутствие четкого юридического определения «жестокости обращения с животными», что мешает правоприменению. Расширение и уточнение вышеуказанного определения могло бы более эффективно совершенствовать правоприменительную практику, способствовать выявлению и пресечению таких противоправных действий, отражая моральные стандарты общества.

В междисциплинарной сфере, нацеленной на защиту животных и уголовное правосудие, проводится глубокий анализ эффективности различных правовых норм, особенно в контексте настораживающих данных, регулярно появляющихся в СМИ о жестоком обращении с животными. Важно отметить, что детальное исследование правовых механизмов, которые определяют и предотвращают акты жестокости по отношению к животным, играет ключевую роль в уменьшении негативного воздействия человеческой деятельности на уязвимые группы животных. Систематическая оценка этих правовых рамок способствует не только выявлению недостатков в действующем законодательстве, но и разработке более эффективных мер, направленных на защиту животных. Такое внимание к правовым аспектам необходимо для формирования более гуманного отношения к живым существам и улучшения их благосостояния в условиях, где жестокость становится нормой.

Согласно статистическим данным, количество лиц осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 245 УК РФ, продолжает увеличиваться. В 2018 по ч. 1 ст. 245 УК РФ: осужден — 21 человек; ч. 2 — 38. В 2019 по ч. 1 ст. 245 УК РФ: осуждено — 73 человека; ч. 2 — 62. В 2020 по ч. 1 ст. 245 УК РФ: осуждено — 88 человек; ч. 2 — 57. В 2021 по ч. 1 ст. 245 УК РФ: осуждено — 103 человека; по ч. 2 — 60. В 2022 по ч. 1 ст. 245 УК РФ: осуждено — 104 человека; по ч. 2 — 71. В 2023 по ч. 1 ст. 245 УК РФ: осуждено — 95 человек; ч. 2 — 63.

Отмечается, что количество осужденных, по частям 1, 2 ст. 245 УК РФ за последние годы имеет изменчивый характер. Важным является выявленный факт того, что в 2023 г. по ч. 1 ст. 245 УК РФ количество осужденных возросло в 4 раза по сравнению с 2018 г., а по ч. 2 ст. 245 УК РФ за идентичные года количество осужденных возросло в 2 раза.

Это обстоятельство можно связать с трудностями в интерпретации и корректном использовании понятийного аппарата в преступлении, предусмотренном ст. 245 УК РФ, а также с комплексностью восприятия его объективной стороны¹.

Необходимо сказать о том, что сеть «Интернет» значительно осложняет сложившуюся ситуацию и становится местом совершения преступления. В связи с этим обратимся к лицам, призывающим к жестокому обращению с животными в сети «Интернет» — «догхантерам».

Первым заместителем председателя комитета Госдумы по экологии В. В. Бурматовым выдвинуто предложение о том, чтобы догхантеров призывающих к жестокому обращению с животными в сети «Интернет» привлекали к уголовной ответственности, так как это причиняет вред, как бездомным, так и домашним животным, а также может причинить вред детям².

Следует согласиться с его высказыванием и обратить внимание на то, что использование сети «Интернет» при пропаганде массового убийства животных является отрицательным моральным явлением против нравственности. Мнения разделяются и большинство граждан утверждают, что «догхантеры» являются ярыми приверженцами экстремистской, крайне правой идеологии и не только охотно «украшают» свои страницы в социальных сетях фашистской символикой, но и открыто объявляют себя духовными наследниками гитлеровских штурмовиков-камрадов, тренировавшихся в убийствах поначалу на бездомных собаках³. Однако другая часть населения утверждает, что основной целью деятельности догхантеров, является мнимая защита от возможного нападения бродячих собак на людей.

Не смотря на вышеизложенные выше факты, очевидно, что текущее законодательство недостаточно отражает это новое явление. В то время как государственные органы утверждают, что популярность данного движения растет, ситуация в Якутии является тому подтверждением. Там зоозащитники наткнулись на открытый контейнер, полный тел — около двух сот погибших собак и кошек⁴.

Похожий инцидент произошел в Астрахани, где по предварительным сведениям было найдено порядка 60 трупов собак⁵.

¹ Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 05.05.2024).

² В ГД предложили ввести наказание за призывы к жестокому обращению с животными – Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7281136> (дата обращения 05.05.2024).

³ РОИ : Ввести уголовную ответственность за самоуправное умерщвление животных. URL: <https://www.roi.ru/22786/> (дата обращения 05.05.2024).

⁴ «Посмотри, как они их убивали. На них кровь!» Две сотни собак с перерезанными глотками: зачем в российском городе массово убили бездомных животных. URL: <https://lenta.ru/articles/2020/03/12/dogs/> (дата обращения 05.05.2024).

⁵ Скандал в Астрахани: десятки собак жестоко убиты после заказа отлова. URL: <https://ren.tv/longread/1051319-skandal-v-astrakhani-desiatki-sobak-zhestoko-ubity-posle-zakaza-otlova> (дата обращения 05.05.2024).

Данная проблема указывает на моральные последствия массового уничтожения животных для общества в целом. Важно отметить, что следует переосмыслить определение «жестокое обращение с животными». Оно может охватывать «виновно совершенные противоправные действия лица, направленные на жестокое обращение с животными, повлекшее их увечье или гибель, включая случаи массового истребления».

Проанализировав данную уголовно-правовую проблемы, мы считаем возможным предложить дополнить п. д ч. 2 ст. 245 УК РФ текстом следующего содержания: «в отношении нескольких животных, в том числе включая случаи массового истребления, а также путем призыва к таким действиям» с целью снижения количества таких преступлений.

Наказание за него должно предусматривать высокие штрафы — до 300 тысяч рублей, обязательные работы на срок до 500 часов, лишение свободы на срок до пяти лет.

Защищая интересы животных, целесообразно установить уголовную ответственность для тех, кто записывает и распространяет видео с актами жестокого обращения с животными в интернете, особенно когда речь идет о массовом уничтожении или призывах к подобным действиям.

Таким образом возможности правового регулирования, касающиеся уголовной ответственности за жестокость по отношению к животным, требует дальнейшего совершенствования, чтобы в большей степени соответствовать современным социальным стандартам и обеспечивать более комплексную защиту животных.

Научная статья
УДК 343.2/.7

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ КОНТРАБАНДЫ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Василий Иванович ЦАПЕНКО

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
tsapenkovasily@yandex.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор
Лариса Владимировна ГОТЧИНА, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается ряд проблем, возникающих в процессе правоприменения статьи 226.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за контрабанду культурных ценностей.

В процессе анализа судебной практики, законодательства, а также доктринальных позиций ученых в сфере уголовного права выделяются основные сложности в квалификации действий лиц, осуществляющих незаконное перемещение культурных ценностей.

Предлагаются подходы по совершенствованию законодательства и решению проблем, возникающих в правоприменительной практике.

Ключевые слова: незаконное перемещение, контрабанда, преступление, предмет преступления, умысел, таможенное законодательство

Original article

SMUGGLING QUALIFICATION ISSUES CULTURAL VALUES

Vasily I. TSAPENKO

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, tsapenkovasily@yandex.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article considers a number of problems arising in the process of law enforcement of Article 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for the smuggling of cultural property.

In the process of analyzing judicial practice, legislation, as well as the doctrinal positions of scientists in the field of criminal law, basic difficulties are identified in qualifying the actions of persons engaged in the illegal movement of cultural property.

Approaches are proposed to implement legislation and solve problems arising in law enforcement practice.

Keywords: illegal movement, smuggling, crime, subject of crime, intent, customs legislation

Культурное наследие является не только институтом общества, позволяющим сохранять, аккумулировать и передавать опыт предыдущих поколений,

а также способствовать наибольшему единству людей, но и одним из важнейших элементов сохранения государственной суверенности и эффективности деятельности страны как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

В Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» постулируется значимость культуры государства как ресурса социально-экономического развития, позволяющего обеспечить лидирующее положение Российской Федерации в мире, посредством трансляции привлекательности российской системы ценностей, которая безусловно базируется на историко-культурном наследии государства¹.

Конституция Российской Федерации закрепляет статус культуры как уникального наследия многонационального народа Российской Федерации, поддерживаемого и охраняемого государством.

Одной из наиболее серьезных угроз культурному наследию государства является контрабанда культурных ценностей, ответственность за которую предусмотрена ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Необходимо отметить, что в структуре преступлений, посягающих на общественную безопасность в сфере перемещения товаров или иных предметов через таможенную границу, контрабанда культурных ценностей занимает второе место по стоимости, после незаконного оборота леса и лесоматериалов.

Так, по данным Федеральной таможенной службы за январь-сентябрь 2023 года была пресечена контрабанда культурных ценностей в совокупности на 260 миллионов рублей².

В результате принятия Федерального закона от 11.03.2024 № 43-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» ст. 226.1 УК РФ претерпела изменения в части разграничения ответственности за контрабанду различных по своему характеру предметов.

Данное решение законодателя представляется обоснованным в силу различного уровня общественной опасности контрабанды, например, культурных ценностей и ядерных материалов, которые ранее были перечислены в одной диспозиции и соответственно за совершение которых предусматривалась одна санкция.

Однако в свою очередь представляется необходимым продолжить дифференциацию составов. В силу особой общественной значимости, направленности преступных посягательств, а также общности предмета и родового объекта

¹ Об утверждении Основ государственной культурной политики : Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 (в ред. от 25.01.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² [Электронный ресурс] URL: <https://customs.gov.ru/press/pressa-o-nas/document/498795>.

видится наиболее предпочтительным создание специального раздела Уголовного кодекса, в котором будут объединены как уже существующие составы преступлений, посягающих на культурные ценности, так и новые нормы, в которых на данный момент существует острая необходимость¹.

В вышеуказанный раздел необходимо поместить и состав преступления, устанавливающий уголовную ответственность за контрабанду культурных ценностей. Указанное изменение обуславливается наряду с вышеизложенным отсутствием общественной опасности самих культурных ценностей в отличие от большинства других предметов ст. 226.1 УК РФ, к которым, например, относятся: сильнодействующие, ядовитые, отравляющие, взрывчатые, радиоактивные вещества, радиационные источники, ядерные материалы, огнестрельное оружие, боеприпасы, иное вооружение, иная военная техника. Незаконный оборот культурных ценностей посягает на общественные отношения, обеспечивающие право на беспрепятственный доступ к культурным ценностям и сохранение историко-культурного наследия государства.

Создание отдельной нормы, предусматривающей ответственность за незаконное перемещение исключительно культурных ценностей, также обосновывается необходимостью уточнения некоторых аспектов ответственности за контрабанду культурных ценностей в рамках отдельного состава преступления.

Незаконное перемещение культурных ценностей в первую очередь является преступлением, явно посягающим на публичные интересы государства и общества, в связи с этим наиболее правильным видится осуществление дифференциации уголовной ответственности за контрабанду рассматриваемого предмета в зависимости от степени общественной опасности².

Исходя из особой специфики такого предмета преступления, как культурные ценности, достаточно затруднительно использование какого-либо формального критерия.

Так, Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» содержит следующую дефиницию понятия культурные ценности — движимые предметы материального мира независимо от времени их создания, имеющие историческое, художественное, научное или культурное значение³.

В данном определении сущностным признаком является «значимость» культурной ценности, которая совсем не пригодна для дифференциации уголовной ответственности по степени общественной опасности, так как является слишком неопределенной.

¹ Клебанов Л. Р. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: автореферат дис. ... докт. юрид. наук. Москва. 2012. С. 14.

² Пантелеева Д. А., Бакшт Д. А. Проблемы уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей. Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11, № 3. С. 580.

³ О вывозе и ввозе культурных ценностей : Закон РФ от 15 апреля 1993 г. № 4804-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В Приказе Федеральной службы по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия от 14 марта 2008 г. № 117 «О перечне культурных ценностей, подпадающих под действие Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 года № 4804-1 № «О вывозе и ввозе культурных ценностей»» проведено разграничение для некоторых видов культурных ценностей в зависимости от времени их создания – более 50 и более 100 лет назад¹.

Однако дифференциация в рамках отдельной нормы, предусматривающей ответственность за контрабанду, по признаку древности также неприменима в силу необъективности оценки значимости многих культурных ценностей в зависимости от времени их создания. Так, например, письма В.В. Маяковского, написанные Л.Ю. Брик в 1915 и в 1930 году в случае их незаконного перемещения, повлекут за собой разную уголовную ответственность, что не соотносится с их художественной значимостью и не отвечает принципу справедливости назначения уголовного наказания.

Таким образом, наиболее приемлемым представляется дифференциация в рамках отдельной нормы уголовной ответственности за контрабанду культурных ценностей по признаку их стоимостного размера.

Кроме того, необходимо также рассмотреть вопрос о разграничении уголовной ответственности в зависимости от способа совершения незаконного перемещения культурных ценностей.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о контрабанде» от 27 апреля 2017 № 12 (в ред. от 11.06.2020) содержит разъяснения, согласно которым под незаконным перемещением следует понимать перемещение предметов:

- вне установленных мест
- вне установленное время работы таможенных органов
- с сокрытием от таможенного контроля
- с недостоверным декларированием
- с недекларированием товаров
- с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах или иных предметах
- с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам или иным предметам средств идентификации².

Представляется, что общественная опасность такого способа незаконного перемещения, как недекларирование культурной ценности, которое может

¹ О Перечне культурных ценностей, подпадающих под действие Закона Российской Федерации от 15 апреля 1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей», и документации, оформляемой на право их вывоза с территории Российской Федерации»: Приказ Россвязьохранкультуры от 14.03.2008 № 117. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О судебной практике по делам о контрабанде : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 № 12 (в ред. от 11.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

быть выражено в выборе лицом «зеленого» коридора», подразумевающего отсутствие товаров, подлежащих декларированию, и такого способа, как контрабанда с использованием изготовленного другим лицом поддельного официального документа, не являются идентичными в сторону менее высокого уровня общественной опасности первого способа.

Данный тезис находит свое подтверждение и в позиции изложенной в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», согласно которой степень общественной опасности устанавливается судом в том числе исходя из способа совершения преступления¹.

Кроме того, общественная опасность является объективно-субъективной категорией и включает в себя такие элементы, как степень осуществления преступного намерения, причинение ущерба иным, факультативным, общественным отношениям, мотив, цель, направленность и развитие преступного умысла, выражающаяся в конкретном преступном деянии.

В дополнение к вышеуказанной аргументации, представляется необходимым обозначить еще один важный аспект дифференциации способов совершения контрабанды в зависимости от степени их общественной опасности.

В своем Определении от 12.10.2023 № 2705-О Конституционный Суд Российской Федерации указал на необходимость при рассмотрении дел, связанных с недекларированием культурных ценностей при их ввозе в Российскую Федерацию, учитывать особую, а именно криминальную общественную опасность, при отсутствии которой деяние, формально подпадающее под признаки уголовно наказуемого, в силу малозначительности не может считаться таковым².

Так, выделив такой способ совершения незаконного перемещения культурных ценностей, как недекларирование указанных предметов, правоприменителю будет значительно упрощена задача по применению уголовно-правового института, предусмотренного ч. 2 ст. 14 УК РФ, что в свою очередь будет также способствовать соблюдению принципа индивидуализации мер уголовно-правового воздействия.

Статья 226.1 УК РФ по своей юридической конструкции является нормой бланкетного характера, что создает ряд проблем для правоприменителя в силу

¹ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (в ред. от 18.12.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 12.10.2023 № 2705-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонтьева Ивана Валентиновича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

особой сложности, разветвленности и недостаточной правовой урегулированности таможенного законодательства.

На данный момент является до конца не решенным вопрос о таможенных правилах, применяемых к культурным ценностям, ввозимым на территорию Евразийского экономического союза.

Так, приговором Себежского районного суда Псковской области от 30 сентября 2021 года № 1-45/21 Деревянко И.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ¹. В свою очередь, адвокат при обжаловании указанного судебного решения обратил внимание на неправомерность обвинительного приговора в связи с отсутствием правовой регламентации ввоза культурных ценностей, ссылаясь на следующие обстоятельства.

Статья 260 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза устанавливает перечень предметов, которые подлежат таможенному декларированию при пересечении границы таможенного союза. В пункте 9 данной статьи закреплено положение, согласно которому декларированию подлежат те культурные ценности, в отношении которых подлежат соблюдению запреты и ограничения в соответствии со ст. 7 ТК ЕАЭС.

Согласно положениям ст. 7 ТК ЕАЭС особенности ввоза и вывоза товаров для личного пользования определяются Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30, в котором приложением № 8 закреплены правила, применяемые исключительно к вывозу культурных ценностей, но не к их ввозу².

В свою очередь, Конституционный суд в своем Определении от 12 октября 2023 г. № 2705-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонтьева Ивана Валентиновича на нарушение его конституционных прав положениями ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывает на необходимость учитывать не только прямые предписания об обязанности декларирования культурных ценностей при их ввозе, но и системные и иерархические связи таможенных норм, в которых указаны культурные ценности. Кроме того, указанное системное толкование закона должно рассматриваться в совокупности с очевидностью и определенностью возникновения обязанности по декларированию.

По вышеуказанным уголовным делам защитники подсудимых Деревянко и Леонтьева, ссылались именно на отсутствие правовой определенности и в взаимосвязи с этим невозможности установления вины в форме умысла. Так, по уголовному делу, рассмотренному Себежским районным судом, адвокат

¹ Приговор Себежского районного суда Псковской области от 30 сентября 2021 г. № 1-45/21

² Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в апелляционной жалобе указал, что его подзащитный переместил предметы, которые были признаны экспертизой культурными ценностями, без достаточной степени заботливости и осмотрительности, считая их «семейным архивом» и не придавая значения их возрасту.

В данном случае достаточно логичным представляется особое мнение судьи Конституционного суда Российской Федерации С.М. Казанцева, изложенном в Определении Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2647-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Так, судья Конституционного Суда РФ указывает на то, что запреты и ограничения свободного трансграничного перемещения товаров должны быть выражены ясным, недвусмысленным образом, особенно если речь идет об уголовной ответственности.

К вопросу, касающегося культурных ценностей, в указанном мнении говорится о достаточной определенности данного предмета по отношению, например, к военной технике, являющейся также предметом преступления, предусмотренного ст. 226.1 УК РФ, так как его понятие и примерный перечень содержится в Законе Российской Федерации от 15 апреля 1993 года N 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей»¹.

Кроме того, Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ, не регулируя вопроса о декларировании конкретных видов товаров при их вывозе и ввозе, устанавливает в статье 95 общее правило, согласно которому товары подлежат таможенному декларированию².

Важным является и тот факт, что на пунктах таможенного контроля установлены специальные памятки с перечнями товаров, подлежащих обязательному декларированию, в который входят в том числе культурные ценности.

Таким образом, если лицо предполагает, что предметы, которые он перевозит могут относиться к культурным ценностям, однако не предпринимает никаких действий по установлению их принадлежности к таковым, в совокупности с пониманием обязанности по декларированию культурных ценностей, и перемещает указанные предметы без подачи на них декларации, то данное деяние должно признаваться умышленным преступлением, совершенным в форме косвенного умысла.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 10.10.2019 № 2647-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Баранова Сергея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 03 августа 2018 № 289-ФЗ (в ред. от 26.12.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Охрана культурного наследия страны одна из важнейших задач государства, которую невозможно решить без эффективного уголовно-правового регулирования и постоянного совершенствования норм, предусматривающих уголовную ответственность за преступления в рассматриваемой сфере.

Контрабанда культурных ценностей в этом смысле является одним из самых опасных преступлений, посягающих на культурное наследие государства, и вместе с тем наиболее проблемным с точки зрения юридической конструкции и квалификации, что требует повышенного внимания к указанной норме уголовного закона как от законодателя, так и от правоприменителя.

Научная статья
УДК 328.185

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Клим Леонидович ЧЕРЕПАНОВ

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, Klim0000@internet.ru

Научный руководитель — доцент кафедры уголовного права и криминологии Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук **Виктория Вячеславовна СЕМЕНОВА**, Vsemenova17@inbox.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены и исследованы основные свойства цифрового рубля.

На основании международного опыта использования цифровой валюты и характеристики цифрового рубля выявлены конкретные направления использования цифрового рубля в предупреждении коррупционной преступности.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровизация, коррупция, цифровая валюта, правоохранительные органы

Original article

PREVENTING CORRUPTION CRIME THROUGH THE INTRODUCTION OF THE DIGITAL RUBLE

Klim L. CHEREPANOV

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Klim0000@internet.ru

Scientific adviser — Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law **Victoria Vyacheslavovna SEMENOVA**, Vsemenova17@inbox.ru

Abstract. In this article, the main properties of the digital ruble are considered and investigated.

Based on international experience in the use of digital currency and the characteristics of the digital ruble, specific areas of use of the digital ruble in the prevention of corruption crime have been identified.

Keywords: digital ruble, digitalization, corruption, digital currency, law enforcement agencies

Цифровой рубль — одно из наиболее значимых нововведений в финансовой системе, его можно сравнить с такими изобретениями в финансах, как монополия на чеканку монеты, порча монеты, создание бумажных денег и так далее. С 1 августа 2023 года цифровая валюта центрального банка (далее — ЦВЦБ) действует наравне с наличными и безналичными рублями, но пока что в текстовом режиме, который доступен 600 гражданам и 13 банкам. Вскоре к данному списку присоединится еще 16 кредитных организаций. Для широких слоев населения цифровой рубль станет доступен в 2025 году¹.

Своего рода, цифровой рубль — это безналичная форма наличных денег. Цифровой рубль представляет из себя уникальный цифровой код. Нужное количество кодов будет перемещаться от покупателя к продавцу. Эмитентом является Центральный банк, а счет можно будет открыть в мобильном приложении любого из банков, действующих на территории Российской Федерации². Официальный сайт Банка России содержит дефиницию цифрового рубля. Согласно ей, цифровой рубль — это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег³.

Для государства выделяются следующие преимущества цифрового рубля: снижение издержек на администрирование бюджетных платежей, а также потенциал для проведения трансграничных платежей. Однако, исследуя основные свойства цифрового рубля, представляется возможным выделить и иные преимущества.

¹ Семенова В. В., Рамазанов Р. А. Криптовалюта в системе уголовно-правовых отношений // Новеллы права, экономики и управления 2021: сборник научных трудов по материалам VII международной научно-практической конференции, Гатчина, 26-27 ноября 2021 г. Том 1. Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2022. С. 149—152.

² Омелехина Н. В. Цифровой образ объектов финансовых правоотношений: перспективы и риски введения цифрового рубля / Н. В. Омелехина // Финансовое право. 2021. № 4. С. 8—12.

³ Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/>.

В настоящем исследовании предлагается на основе свойств цифрового рубля и международного опыта определить перспективы его использования в предупреждении коррупционной преступности.

Причиной введения цифровой валюты Китая стала необходимость уменьшение зависимости от Alipay и WeChat (приложение базирует свою платежную систему на базе QR-кодов из-за чего являлись крайне удобным для населения). Через данные приложения проходило до 16 триллионов долларов, что составляло 94 % всех онлайн транзакций, также на данных приложениях были завязаны многие китайские компании. Конечно же это являлось большой угрозой для правительства, так как оно не могло управлять своей же экономикой.

Чтобы ввести цифровой юань в обращение, в Китае нашли довольно нестандартный способ: устроить лотерею в 9 крупнейших городах, в которой будут разыграны 100 миллионов цифровых единиц. Данный метод способствовал быстрому распространению валюты и положительной встрече со стороны населения. Уже через год после введения было зафиксировано около 500 миллионов транзакций, связанных с цифровой валютой, которые осуществили порядка 140 миллионов пользователей. К концу июня 2023 количество транзакций достигло 950 миллионов, с общей стоимостью 249,9 миллиардов долларов (1,8 триллиона юаней)¹.

Система устроена следующим образом: цифровой код определяется для каждой виртуальной валютной единицы, хранится в цифровом кошельке и беспрепятственно передается держателем кошелька в цифровые кошельки других людей, компаний, а также бюджетных учреждений. Для удобства переводы другим пользователям и оплаты в магазинах производятся путем сканирования штрих-кода с экрана телефона. При этом каждый цифровой рубль имеет свой персональный код (как номер на банкнотах, только на безналичных деньгах).

В Китае цифровой юань напрямую связан с социальным рейтингом, действующим на территории страны, а также способствует раскрытию преступлений по легализации и отмыванию доходов.

Таким образом, учитывая международный опыт использования цифровой валюты и характеристики цифрового рубля, можно констатировать следующие возможности цифрового рубля в предупреждении коррупционной преступности:

1. Сквозное отслеживание транзакций. Данная система значительно упростит расследование преступлений коррупционной направленности, поскольку появится возможность отслеживания каждого конкретного рубля: где, когда,

¹ Кулаева Е. К., Туралева А. И., Калимонов И. К. Китайский опыт создания цифровой национальной валюты // Казанский вестник молодых ученых. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitayskiy-opyt-sozdaniya-tsifrovoy-natsionalnoy-valyuty> (дата обращения: 27.11.2024).

за что, кто и кому его передавал. Благодаря этому возможно отследить взятку даже через нескольких посредников и установить их личности. Также появится возможность изъять имущество, которое было куплено на данные деньги, ведь каждая транзакция оставляет свой след и есть возможность посмотреть, на что именно были потрачены данные деньги, сколько из них преступник успел освоить, а какую сумму заморозить с целью дальнейшего изъятия.

2. Введение режима использования денег. Данная мера поможет следить за целевым расходованием бюджетных средств. С помощью «окрашивания» на цифровой рубль можно ввести ограничение, чтобы субсидии и иные пособия уходили по назначению. К примеру: если компания выигрывает государственный тендер на строительство объекта, то на определенную сумму денег можно будет поставить ограничение, чтобы та уходила лишь на покупку стройматериалов. На тендерах 71 % поставщиков сталкивались с коррупцией. В среднем взятка по государственному контракту составляет 22,5 % от его суммы, а в некоторых сферах достигает 65 %. Поэтому введение цифрового рубля значительно поможет в борьбе с данным явлением. Разумным решением является вводить цифровой рубль именно в сферу государственных закупок.

Цифровой рубль будет полезен и при отслеживании целевого назначения социальных выплат, к примеру, следить за использованием материнского капитала по назначению. Похожая система реализована в Пушкинской карте, где молодежь может тратить деньги на музеи, театры, определенную часть на кино, но не может потратить на покупку сигарет или вещей;

3. Противолегалizationная функция, которая возлагается на оператора платформы, то есть на Банк России. При возникновении подозрительных операций, при расторжении договора счета цифрового рубля, а также при операциях, подлежащих обязательному контролю (список будет определен соглашением между Банком России и Росфинмониторингом) на Банк России будет возложена обязанность сообщать об этом в Росфинмониторинг. Данная информация будет необходима для расследования уголовных дел, связанных с легализацией доходов, а также иными преступлениями в сфере экономики.

4. Ограничение территориального использования. Оно не прописано в нормативно-правовых актах и докладах о цифровом рубле, однако исходя из свойств самой цифровой валюты, исходит, что при помощи нее возможно установить данное ограничение. К примеру, при избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде, ограничивать радиус действия цифрового рубля в пределах конкретного региона или области. Так, при нарушении запрета, злоумышленник не сможет использовать деньги на своем счету, что будет являться еще одним сдерживающим фактором.

Таким образом, можно заключить, что введение цифрового рубля, будет способствовать, как предупреждению коррупционных преступлений, так

и расследованию преступлений в сфере экономики, преступлениях коррупционной направленности, должностных преступлениях. Данные положения являются теоретическими, т.к. нормативная регламентация цифрового рубля слишком мала, а законопроекты нуждаются в дополнении.

Научная статья

УДК 343.9

ПРИЧИНЫ И ПРОФИЛАКТИКА РАЗВИТИЯ РАССТРОЙСТВ СЕКСУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ (ПАРАФИЛИЙ)

Мария Ильинична ЧЕРНОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
muchernova08@gmail.com

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат социологических наук, профессор
Лариса Владимировна ГОТЧИНА, lgotchina@yandex.ru

Аннотация. В статье дается определение понятию «расстройство сексуального предпочтения», выделяются отклонения, относимые к парафилиям, рассматриваются типичные сочетания и проявления расстройств сексуального предпочтения у людей, описан механизм возникновения и развития определенных общественно-опасных сексуальных отклонений.

Также автором выявлены определенные недостатки в законодательной регламентации профилактики половых преступлений, совершаемых лицами с парафилиями.

Ключевые слова: расстройство, сексуальный, парафилия, причина, психический, лечение

Original article

CAUSES AND PREVENTION OF DISORDERS SEXUAL BEHAVIOR (PARAPHILIA)

Maria I. CHERNOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, muchernova08@gmail.com

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Sociological Sciences, Professor **Larisa Vladimirovna GOTCHINA**, lgotchina@yandex.ru

Abstract. The article defines the concept of sexual preference disorder, which deviations can be attributed to paraphilia.

The author examines typical combinations and manifestations of disorders of sexual preference in humans. The scientific article describes in detail the mechanism of occurrence and development of certain socially dangerous sexual deviations.

The author also identified certain shortcomings in the legislative regulation of the prevention and prevention of sexual crimes committed by persons with paraphilia.

Keywords: disorder, sexual, paraphilia, cause, mental, treatment

Расстройства сексуального предпочтения (синонимы: парафилии, парafilные расстройства) — ряд клинически значимых состояний, характеризующихся продолжительными и интенсивными атипичными паттернами сексуального возбуждения, включающими эротические мысли, фантазии, побуждения или поведение¹.

Этот термин является общим для разных видов девиаций, относимых Международной классификацией болезней (МКБ-10) к психическим расстройствам².

Всего в данной классификации содержатся 9 видов парафилий: фетишизм, фетишистский трансвестизм, эксгибиционизм, вуайеризм, педофилия, садомазохизм, множественные расстройства сексуального предпочтения, другие расстройства сексуального предпочтения, расстройство сексуального предпочтения неуточненное.

К категории «другие расстройства сексуального предпочтения» относятся также достаточно распространенные: геронтофилия, некрофилия, зоофилия, некрофагия, фроттаризм и другие.

Клинические рекомендации Российского общества психиатров содержат следующие диагностические критерии парафилий: периодически возникаю-

¹ Клинические рекомендации: Расстройства сексуального предпочтения // Российское общество психиатров. URL: <https://psy.su/content/files/F65%20Клинические%20рекомендации.pdf> (дата обращения: 18.11.2024)

² Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) // МКБ-10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра. URL: <https://mkb-10.com/> (дата обращения: 18.11.2024)

щие у лица интенсивные сексуальные влечения и фантазии, включающие необычные предметы и поступки; лицо поступает в соответствии с этими влечениями или испытывает значительный дистресс из-за них; это предпочтение наблюдается минимум 6 месяцев¹.

Общественная опасность таких, на первый взгляд, «безобидных» парафилий, как геронтофилия, вуайеризм, трансвестизм, фетишизм, определяется тем, что для парафилий характерен полиморфизм, они образуют «триады», к одной парафилии может присоединяться другая, более опасная. Наиболее частой комбинацией является фетишизм, трансвестизм и садомазохизм.

Психиатр О. А. Бухановская в своем исследовании приходит к выводу о том, что для лиц, страдающих расстройствами сексуального поведения, характерно сочетание парафилий с иными расстройствами влечения, например: пиромания, kleптомания, лудомания².

У лиц с серийным агрессивным сексуально опасным поведением встречается два вида психических расстройств. Первое — парафилии. Второй вид включает психические расстройства и расстройства поведения, связанные с употреблением алкоголя, начавшимися в подростковом возрасте. Парафилии часто возникают на фоне шизофрении, паранойи, эпилепсии и других психических расстройств. Так, при агрессивно-садистском поведении обнаруживаются признаки органических заболеваний головного мозга, реже — психопатии и шизофрении³.

На развитие и формирование агрессивного сексуального поведения влияют биологический и социальный факторы. Биологический представлен следующим: отягощенная наследственность, патология беременности и родов, аномалии мозговых структур и черепа. Биологические факторы у пациентов с парафилиями сочетаются с нарушениями условий воспитания, цикличностью семейного насилия, инцестом, эстафетой семейного насилия в нескольких поколениях (социальные факторы).

Детство будущих агрессоров с аномальным сексуальным поведением проходит в нестабильной семье, в атмосфере неуважения, конфликтности, агрессии, безразличия друг к другу. У них отмечены затруднения в общении. В науке исследован механизм формирования парафильного поведения. Ключевой момент: ситуация импринтинга — специфическая форма запечатления, которое

¹ Клинические рекомендации: Расстройства сексуального предпочтения // Российское общество психиатров. URL: <https://psy.su/content/files/F65%20Клинические%20рекомендации.pdf> (Дата обращения: 18.11.2024)

² Бухановская О. А. Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными опасными действиями (клиника, динамика, систематика) // disserCat. URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhicheskie-rasstroistva-u-lits-s-seriinyimi-agressivnymi-seksualnymi-opasnymi-deistviyami->

³ Бухановская О. А. Психические расстройства у лиц с серийными агрессивными опасными действиями (клиника, динамика, систематика) // disserCat. URL: <https://www.dissercat.com/content/psikhicheskie-rasstroistva-u-lits-s-seriinyimi-agressivnymi-seksualnymi-opasnymi-deistviyami->

фиксирует связи внешних признаков объекта, неадекватных для стимулируемого ими сексуального поведения, после чего новые, даже адекватные стимулы, не могут эффективно вызывать соответствующие сексуальные реакции.

Процесс формирования у лица расстройства сексуального поведения включает в себя три стадии. Латентный этап: воспоминания, навязчивые реминисценции; инициальный этап: навязчивые фантазии; жестокое обращение с животными (начало действий по реализации фантазий); развитие парафильного паттерна: садистские действия в отношении человека; развитие криминального патосексуального почерка. Во всех эпизодах лица при совершении преступлений действовали в одиночку. Это может быть объяснено свойственными им нарушениями коммуникации и трудностями взаимодействия, а также самой сущностью изучаемой агрессии, предполагающей «интимность» криминальных отношений с жертвой. Таким образом, групповые преступления для них не характерны.

Этот подход объединяет в себе три отдельные теории о причинах возникновения парафилий: теория саморегуляции, психоаналитическая теория, бихевиористские теории¹.

В контексте нашего исследования наибольший интерес расстройства сексуального предпочтения представляют как причины совершения лицами с такими расстройствами сексуальных преступлений, убийств, сочетающихся с различными сексуальными извращениями.

По нашему мнению, парафилии оказывают существенное влияние на мотивацию поведения лиц, совершающих насильственные преступления, определяют «криминальный почерк», в том числе влияют на выбираемые способы и орудия совершения преступления, а также зачастую являются причиной рецидива подобных преступлений.

Профилактика совершения тяжких преступлений лицами с расстройствами сексуального поведения на законодательном уровне имеет целый ряд недочетов.

Предупреждение на стадии жестокого обращения с животными практически отсутствует, применяется редко. Глава 51 УПК РФ распространяется только на лиц, признанных невменяемыми (либо лиц, у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство), но не распространяется на лиц с ограниченной вменяемостью (ст. 22 УК РФ), т.е. в отношении лиц, страдающих психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

¹Влияние сексуальных девиаций на психику человека // PsyMag. URL: <https://psymag.info/ru/article/vlyaniye-seksualn-kh-devyatsyi-na-psykhyku-cheloveka-1706268430/> (дата обращения: 18.11. 2024)

В ряде статей УК РФ (ст. 22 и др.) повторяется, что при наличии психического расстройства, не исключающего вменяемости, суд может назначить принудительные меры медицинского характера, (т.е. может и не назначать). Без лечения у этих лиц возможен крайне высокий риск рецидива.

Вызывает несколько вопросов редакция ч. 2.1. ст. 180 УИК РФ: «2.1. Осужденному за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности администрация учреждения, исполняющего наказание, не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока отбывания наказания обязана разъяснить право осужденного на освидетельствование комиссией врачей-психиатров для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) и определения мер медицинского характера и проведение соответствующего лечения». Из данной статьи следует, что: Освидетельствование для решения вопроса о наличии педофилии — это право осужденного, а не обязанность исправительного учреждения или другого государственного органа.

В то же время ч.3 ст. 314 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за уклонение от применения принудительных мер медицинского характера. К расстройствам сексуального предпочтения УИК РФ относит только педофилию, а некрофилию, некрофагию, геронтофилию, садизм и садомазохизм и многие другие не относит.

Эффективность мер административного надзора после освобождения лиц данной категории вызывает обоснованные опасения. Лечение психических расстройств для лиц, совершающих насильственные преступления в связи с наличием психических расстройств независимо от признания вменяемым, должно быть обязательным и принудительным, а для этого необходимо выявление психических расстройств на стадии предварительного расследования.

Обвинение лица, осуждение и отбывание наказания без принудительного лечения не устранит одну из причин совершения данного преступления — наличия психического расстройства, не исключающего вменяемости. Противоречия в правовой регламентации применения принудительных мер медицинского характера являются препятствием в комплексной профилактике данной категории общественно опасных деяний.

Научная статья
УДК 343.01

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ МОМЕНТА ВОЗНИКНОВЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Богдан Вячеславович ШЕМЯКИН

Санкт-Петербургский университет МВД Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия, bgolikov91@gmail.com

Научный руководитель — преподаватель кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД Российской Федерации, кандидат юридических наук **Юлия Александровна ШУТОВА**, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается понятие момента наступления уголовной ответственности, а также пробелы в законодательстве и теории уголовного права, связанные с этим вопросом.

На основе доводов и аргументов исследуется понятие момента наступления уголовной ответственности.

Автор приходит к выводу о том, что моментом наступления уголовной ответственности является момент совершения преступления.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уголовное правоотношение, момент наступления уголовной ответственности

Original article

TO THE QUESTION OF ESTABLISHING THE MOMENT OF CRIMINAL LIABILITY

Bogdan V. SHEMYAKIN

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, bgolikov91@gmail.com

Scientific adviser — Lecturer, Department of Criminal Law, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences **Yulia Alexandrovna SHUTOVA**, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Abstract: This article discusses the concept of the moment of criminal responsibility, as well as gaps in legislation and theory of criminal law related to this issue. On the basis of arguments and arguments, the concept of the moment of criminal

liability is investigated.

The author concludes that the moment of criminal responsibility is the moment of the commission of the crime.

Key words: criminal liability, criminal legal relationship, the moment of criminal liability

Понятие уголовной ответственности сильно расплывчато в теории уголовного права, ввиду отсутствия его нормативной закреплённости в тексте Уголовного Закона. Данное положение даёт почву для научной дискуссии относительно понятия уголовной ответственности, как базовой категории уголовного права, компонентов, входящих в её содержания, а также моменте её начала.

В теории уголовного права существует четыре базовых концепции, относительно понятия уголовной ответственности, а также её содержания. Первая точка зрения заключается в том, что уголовная ответственность сводится к реальному претерпеванию лицом, совершившим преступление, предусмотренных законом и конкретизированных приговором суда, мер государственного порицания и принуждения. Главным сторонником данной точки зрения является В. П. Малков¹.

По нашему мнению, недостатком указанной концепции является исключение их содержания уголовной ответственности вопросов освобождения лица от уголовной ответственности или от наказания.

Вторая позиция заключается в отождествлении уголовной ответственности с уголовным правоотношением, а также включении в её содержание уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых отношений. Обозначенную позицию разделяет Б.Т. Базылев².

Несомненным достоинством данной концепции является структуризация уголовной ответственности и выделение следующих компонентов: участников уголовно-правовых отношений (государство и лицо, совершившее преступление) и содержание этих отношений.

Согласно третьей точке зрения, под уголовной ответственностью следует понимать отрицательную оценку государством совершенного преступления. Данной концепции придерживается Ю. А. Демидов³. Однако одно лишь осуждение лица, совершившего преступление, хотя и касается важного аспекта уголовной ответственности, однако не раскрывает всех её содержательных элементов и не указывает на её основные функции.

¹ Малков В. П. Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-mnozhestvennosti-prestupleniy-v-doktrine-i-ugolovnom-zakonodatelstve-rossii> (дата обращения 10.11.2024)

² Базылев Б. Т. Сущность позитивной юридической ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1979. № 4. С. 40-46.

³ Пинчук В. И., Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценки в уголовном праве. М., «Юридическая литература», 1975, 182 с.

Четвертая позиция сужает уголовную ответственность до элемента уголовного правоотношения и представляет собой обязанность виновного лица подвергнуться неблагоприятным последствиям за совершенное преступление. Сторонником данной позиции является С. В. Алексеев¹.

На основании всех вышесказанных мнений, о понятии уголовной ответственности, можно прийти к выводу о том, что под уголовной ответственностью следует понимать вид юридической ответственности, заключающийся в возложении на лицо, совершившее преступление, обязанности претерпевать неблагоприятные последствия за свое деяние, а также меры государственного принуждения, предусмотренные уголовным законодательством.

Исходя из сформулированного понятия уголовной ответственности, можно выделить следующие стадии:

- возникновение уголовной ответственности;
- выявление и раскрытие факта совершения лицом преступления;
- уголовно-правовая оценка деяния как преступления и выбор меры уголовно-правового воздействия;
- реализация меры уголовно-правового воздействия.

В силу неоднозначности понятия уголовной ответственности, наибольшую дискуссионность в науке уголовного права приобретает вопрос момента начала уголовной ответственности. Существует три основных позиции по данному вопросу: уголовная ответственность возникает с момента совершения лицом деяния, подпадающего под признаки состава преступления, предусмотренного особенной частью УК РФ; с момента привлечения лица в качестве обвиняемого по уголовному делу; с момента вынесения обвинительного приговора суда.

Больше всего сторонников находит именно первая теория, ведь она более логичная и у нее имеется больше всего обоснований. Самое главенствующее и важное из них, это рассмотрение сроков давности. Каждое преступление имеет свой срок давности, по истечении которого лицо уже нельзя будет привлечь к уголовной ответственности.

Согласно ст. 78 УК РФ исчисление сроков давности начинается со дня совершения преступления. Из этого следует, что именно первый вариант подходит под определение уголовной ответственности, ведь если уголовная ответственность не наступала бы именно с момента совершения преступления, то нельзя бы было измерить срок, по истечении которого лицо следует освободить от уголовной ответственности.

Анализ статистических данных показывает, что около 2% лиц, из числа

¹ Алексеев С. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления, совершаемые в группе : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. Тамбов, 2006. 22 с.

населения Российской Федерации, ежегодно претерпевают уголовную ответственность. Однако далеко не все из них доходят до стадии государственного порицания, которая выражается в осуждении. Так, согласно статистическим данным Судебной статистики Российской Федерации, в 2023 году было осуждено 555 743 человек¹. Обозначенный факт подтверждает позицию о том, что с момента совершения преступления лицо начинает нести уголовную ответственность. Процесс публичного осуждения от имени государства является одной из стадий уголовной ответственности.

Также далеко не всегда лицо, совершившее преступление, выявляется сотрудниками правоохранительных органов, либо потерпевшие не заявляют в соответствующие структуры о совершенном в отношении их преступлении.

Данные обстоятельства порождают явление, именуемое в криминологической и уголовной науках как латентная преступность. Латентная преступность представляет собой деяния, которые не были заявлены или зарегистрированы правоохранительными органами, или деяния, в отношении которых со стороны системы уголовного правосудия не было принято никаких последующих действий.

Она представляет собой не только препятствие для изучения отдельных видов преступлений, но и несет в себе серьезную угрозу деятельности по противодействию преступности в целом, поскольку искажается представление о реальном состоянии преступности, структуре, динамике, тенденциях развития отдельных категорий и видов преступлений.

Если бы уголовная ответственность не существовала до привлечения лица в качестве обвиняемого либо же вынесения приговора судом, то такого понятия как латентная преступность не могло бы существовать в науке уголовного права.

Из чего можно сделать вывод о том, что уголовная ответственность наступает и начинает существовать именно с момента совершения самого преступного деяния, ведь выше перечисленные варианты подразумевают под собой то, что момент наступления не может наступить, до того, как о преступлении станет известно.

По мимо этих факторов на момент возникновения уголовной ответственности могут влиять и другие признаки, и факторы, которые касаются личности преступника. Они влияют непосредственно на отношение лица к событию преступления и могут быть как субъективными, так и объективными.

К субъективным факторам уголовной ответственности, относящейся к личности преступника, можно отнести любые факторы, которые касаются внутреннего эмоционального состояния человека после совершения преступления. Например, такие моменты как угрызения совести после совершения

¹ Судебная статистика// URL: <https://stat.ани-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 10.11.2024).

преступного деяния или же наоборот моменты не страха, а гордости собой (ощущение превосходства над другими, так как способен на большее, нежели другие личности).

К объективным же факторам можно отнести отношение непосредственно личности, но уже к внешним факторам, которые относятся не только к человеку, но и к обстоятельствам, которые не зависят от него. К примеру, страх человека появляться в общественных местах, где присутствует большое количество людей, из-за страха встретить там сотрудников правоохранительных органов, ведь ему может казаться что о его деянии всем известно.

Либо же просто страх взаимодействия с людьми и появления вне дома, из-за опасения ответственности за свои действия перед людьми и осуждения его обществом.

Таким образом моментом начала уголовной ответственности следует признавать момент совершения лицом деяния, подпадающего под признаки состава преступления, предусмотренного Особенной частью УК РФ, поскольку не всегда лица, совершившие преступления, выявляются сотрудниками правоохранительных органов, в связи с чем они не проходят стадию публичного осуждения и официального возложения мер государственного порицания.

Научная статья

УДК 343.3/.7

НЕЗАКОННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО В ЧАСТНУЮ ЖИЗНЬ ЛИЦА — ПЕРСПЕКТИВЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ

Анастасия Александровна ЩЕГЛОВА

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета
прокуратуры Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия,
shcheglovanastay@mail.ru

Научный руководитель — профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент **Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ**, sansbarbe@mail.ru

Аннотация. В научной статье затронуты проблемы криминализации преступлений, связанных с нарушением неприкосновенности частной жизни,

определяется общественная опасность, распространенность и невозможность регулирования данных правоотношений уже существующими нормами.

Для совершенствования законодательства в сфере охраны частной жизни граждан в работе анализируются статьи 137, 138 и 139 Уголовного Кодекса РФ и возможность их корректировки для более эффективной защиты конституционных прав граждан, выдвигается предложение поместить норму об ответственности за незаконное вмешательство в частную жизнь лица в девятнадцатую главу Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: уголовное право, неприкосновенность частной жизни, преступления против конституционных прав и свобод человека

Original article

ILLEGAL INTERFERENCE WITH AN INDIVIDUALS PRIVACY — PROSPECTS FOR CRIMINALIZATION

Anastasia A. SCHEGLOVA

St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, shcheglovanastay@mail.ru

Scientific adviser — Professor of the Department of Criminal Law, Criminology and Penal Enforcement Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor **Dmitry Anatolyevich BEZBORODOV**, sansbarbe@mail.ru

Abstract: The scientific article touches upon the problems of criminalization of crimes related to violation of privacy, defines the social danger, prevalence and impossibility of regulating these legal relations by existing norms.

In order to improve the legislation in the sphere of protection of private life of citizens, the work analyzes Articles 137, 138 and 139 of the Criminal Code of the Russian Federation, the possibility of their adjustment for better protection of constitutional rights of citizens, a proposal to put the norm for illegal interference in the private life of a person in the nineteenth chapter of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: criminal law, privacy, crimes against constitutional rights and freedoms of man

Общество, государство и преступность неразрывно связаны, характер их взаимодействия определяет уровень существующей правовой культуры

в стране и степень защищенности ее граждан. Одновременно с развитием социума все чаще появляются новые виды посягательств, которые не сразу находят отражение в законах, но определенно требуют регламентации, так как ограничивают права и свободы граждан, создают трудности в правоприменении, ставят под вопрос эффективность работы правоохранительных органов.

Важнейшим правом, закрепленным в статье 23 Конституции РФ, является право на неприкосновенность частной жизни. Необходимость и значимость охраны данного института в Российской Федерации подчеркивается количеством нормативно – правовых актов, принятых для регулирования этих отношений, к ним можно отнести: Федеральный закон «О персональных данных», Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Гражданский кодекс, Уголовный кодекс, а также ряд международных и региональных документов, прежде всего, Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод.

Понятие «частная жизнь» в современной России впервые на законодательном уровне появилось в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г., а уже в 1993 г. получило окончательное закрепление в ст. 23 Конституции РФ.

В этой связи, нельзя не отметить позицию Конституционного Суда РФ, который учитывая решения Европейского суда по правам человека, в своем определении от 28.06.2012 № 1253-О под понятием «частная жизнь» понимает ту область жизнедеятельности человека, которая имеет отношение к отдельному лицу, касается только его и не подлежит контролю со стороны общества и государства, если она, в свою очередь, не носит противоправного характера¹.

Таким образом, исходя из определения понятия «частная жизнь» и характера отношений, защищаемых законами РФ, можно сделать вывод о том, что неприкосновенность частной жизни включает в себя: запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия; право контролировать информацию о себе; право на защиту чести и доброго имени; право на защиту персональных данных; право на тайну связи; право на неприкосновенность жилища; врачебную тайну, тайну усыновления, тайну исповеди и другие виды профессиональной тайны, и иное.

В уголовном законодательстве ответственность за незаконное вмешательство в частную жизнь предусмотрена в нескольких статьях, основными из которых, по нашему мнению, являются статьи 137, 138 и 139 УК РФ.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253 – О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Статья 137 УК РФ охраняет от посягательств не всю частную жизнь человека, а только лишь ту ее сторону, которая составляет личную или семейную тайну¹.

Тем самым, часть общественных отношений, касающихся охраны частной жизни, доступ к информации, о которой является открытым или в силу каких-либо обстоятельств не требуется для определенного лица, остается неурегулированной. Важно отметить, что действия лиц, обладающих такими сведениями, способны нести в себе угрозу безопасности человека. Кроме того, такое поведение может предшествовать более тяжким преступлениям, посягающим на жизнь, здоровье, половую свободу и другие блага, принадлежащие потерпевшему.

Те же выводы применимы и к статье 138 УК РФ, которая защищает только от нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, и к ст. 139 УК РФ, устанавливающей ответственность за нарушение неприкосновенности жилища².

Необходимо обратить внимание и на количество дел, возбужденных по ст. 137 и 138 УК РФ. В соответствии с данными судебного департамента при Верховном суде: за первую половину 2024 года осуждено по статье 137 — 96 человек; по ст. 138 ч.1 — 7 человек³, что видится недостаточным для эффективной защиты права на неприкосновенность частной жизни.

Отсутствие должного правового регулирования этой сферы приводит к растущему с каждым годом количеству случаев вмешательства в частную жизнь лица и как одного из частых последствий таких действий — привлечению правонарушителя по более тяжким составам преступлений, предусмотренным ст. 105 УК РФ, ст. 111 УК РФ и ст. 131 УК РФ. Согласно сведениям из СМИ, в Российской Федерации жертвами таких действий становятся многие женщины и мужчины молодого и среднего возраста, что не должно оставаться без внимания законодателя.

Подобных случаев по России десятки, от таких действий чаще всего страдают бывшие партнеры или объекты романтического интереса, но не редки эпизоды преследования друзей, коллег, сослуживцев, а также медийных личностей, врачей и должностных лиц.

Например, с 2011 по 2020 год бывшая клиентка врача – терапевта преследовала его и его семью в течение 9 лет, ставя под угрозу их психологическое

¹ Климанов А. М., Пешков Д. В. Некоторые вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ // Теория и практика общественного развития. 2015. № 9. С. 100.

² Куликов А. В., Егорычева Е. А. Проблемы и перспективы криминализации stalkinga в России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-i-perspektivy-kriminalizatsii-stalkinga-v-rossii>. С. 31.

³ Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в первом полугодии 2024 г. административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел URL: <https://vsrf.ru/documents/statistics/?year=2024>.

и физическое состояние. Из-за продолжающегося вмешательства в их частную жизнь паре пришлось сменить адрес проживания и образ жизни с целью ограничить контакты с преследователем.

Таким образом, правовое регулирование в части охраны частной жизни граждан, а также их жизни и здоровья представляется недостаточным и требует дополнения, что позволит наиболее эффективно предупреждать и пресекать более тяжкие преступления.

Подтвердить выводы, сделанные выше, можно с помощью статистических данных зарубежных стран, в которых законодательно запрещено вмешательство в частную жизнь. Например, согласно данным исследования Национального полицейского агентства Японии, количество консультаций по поводу ущерба от незаконного вмешательства в частную жизнь в 2020 году составило 20 189 человек, что на 723 меньше, чем в предыдущем году. Хотя их количество снизилось, оно по-прежнему велико и превышает 20 000 восьмой год подряд. Количество случаев нарушения Закона о запрете преследований увеличилось на 121 до 985 случаев, что стало на тот момент самым высоким показателем за историю статистики. Также количество случаев нарушения уголовного законодательства и других специальных законов в связи с вторжением в частную жизнь лица (в частности преследованием) увеличилось на 27 до 1518, впервые за четыре года. Такие нарушения включали проникновение в жилище (300 случаев), запугивание (220 случаев), нападения (165 случаев) и причинение материального ущерба (107 случаев). Было совершено одно убийство и семь покушений на убийство.

По данным исследований, проведенным в США около 1,3 % (3,4 миллиона) всех людей в возрасте 16 лет и старше стали жертвами преследования в 2019 году. Так, почти 1 из 3 женщин и 1 из 6 мужчин подвергались преследованию в какой-то момент своей жизни¹.

Данные из Обзора преступности в Англии и Уэльсе (CSEW) показывают, что молодые люди с большей вероятностью становились жертвами преследования в году, заканчивающемся в марте 2024 года. Таким образом, тенденция на увеличение случаев вторжения в частную жизнь лица сохраняется в Великобритании уже не первый год.

То же самое можно сказать и о Германии, где в 2023 году полиция зафиксировала 23 156 случаев вмешательства в частную жизнь граждан.

Ответственность за подобные действия предусмотрена более чем в 40 странах, среди них: Бельгия, Канада, Кипр, Чехия, Дания, Греция, Ирландия, Израиль, Италия, Япония, Кения, Латвия, Малайзия, Нидерланды, Норвегия,

¹ Рыжова О. А., Корнишина Ю. С. Об ответственности за stalking в Российской Федерации и в зарубежных странах // Наука. Общество. Государство. 2018. №4 (24). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-otvetstvennosti-za-stalking-v-rossiyskoy-federatsii-i-v-zarubezhnyh-stranah>. С. 2.

Словакия, Южная Корея, Испания, Швеция, Тайвань и другие. Эта практика и ее результаты создают предпосылки для расширения правового регулирования и в Российской Федерации.

Распространенность и сложность такого явления, как вмешательство в частную жизнь лица, формирует необходимость комплексного подхода к решению данной проблемы.

В качестве эффективной меры борьбы может выступить введение в КоАП РФ ответственности за незаконное вмешательство в частную жизнь лица при отсутствии признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 137, 138, 139 УК РФ. В качестве квалифицирующего признака предлагается предусмотреть совершение тех же действий с использованием информационно телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

В главе 19 УК РФ предлагается установить ответственность за незаконное вмешательство в частную жизнь лица при отсутствии признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 137, 138, 139 УК РФ лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние.

В качестве квалифицирующего признака данного состава преступления предлагается предусмотреть ответственность за незаконное вмешательство в частную жизнь лица при отсутствии признаков составов преступлений, предусмотренных статьями 137, 138, 139 УК РФ, сопряженное с шантажом, угрозами применения насилия, уничтожения, повреждения или изъятия имущества, распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких.

В качестве особо квалифицирующих признаков предлагается предусмотреть ответственность за совершение деяний, предусмотренных частью второй данной статьи: лицом с использованием его служебного положения; группой лиц по предварительному сговору; из корыстных побуждений; в отношении несовершеннолетнего.

При этом под незаконным вмешательством в частную жизнь лица предлагается понимать поведение лица, выражающееся в настойчивых попытках установления прямых или косвенных контактов, физической близости, состоящих из серии действий, таких как отслеживание лица, ненадлежащее использование личных данных, совершение звонков, отправка сообщений по почте и в социальных сетях, а также иных действий, совершенных любыми способами и средствами, если эти действия вызывают у лица оправданный обстоятельствами страх за свою безопасность и (или) за безопасность близких и (или) наносят существенный ущерб привычному укладу жизни.